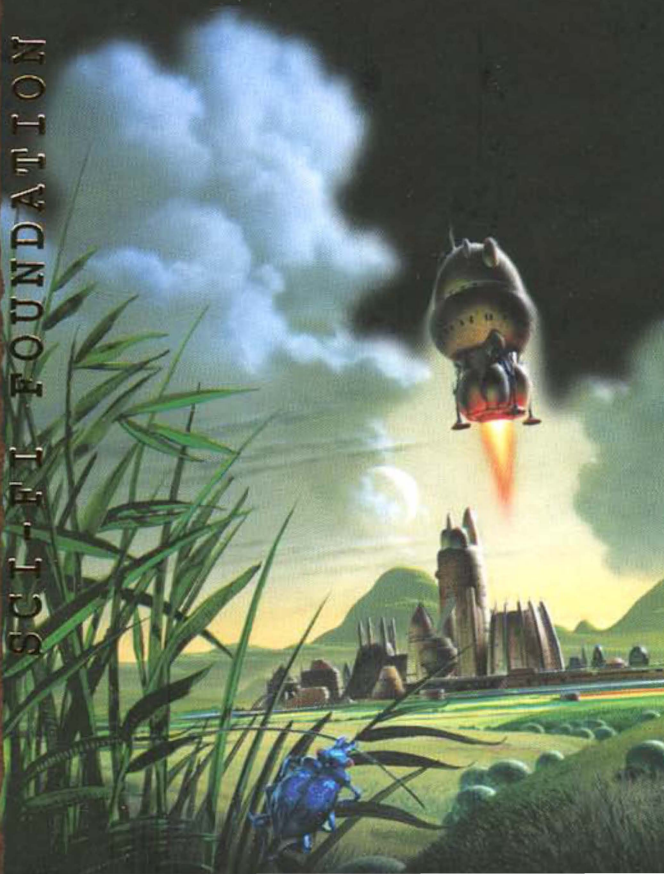
Весь

САЙМАК

ПОЧТИ КАК ЛЮДИ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION



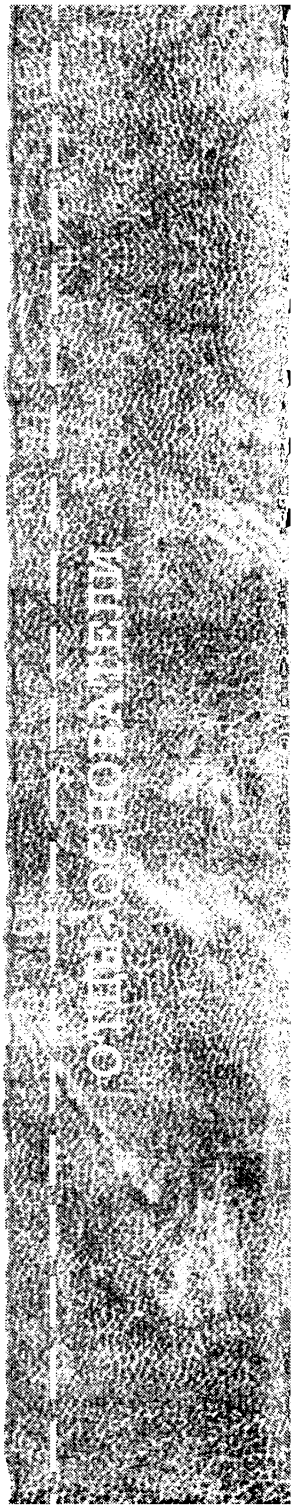
Весь

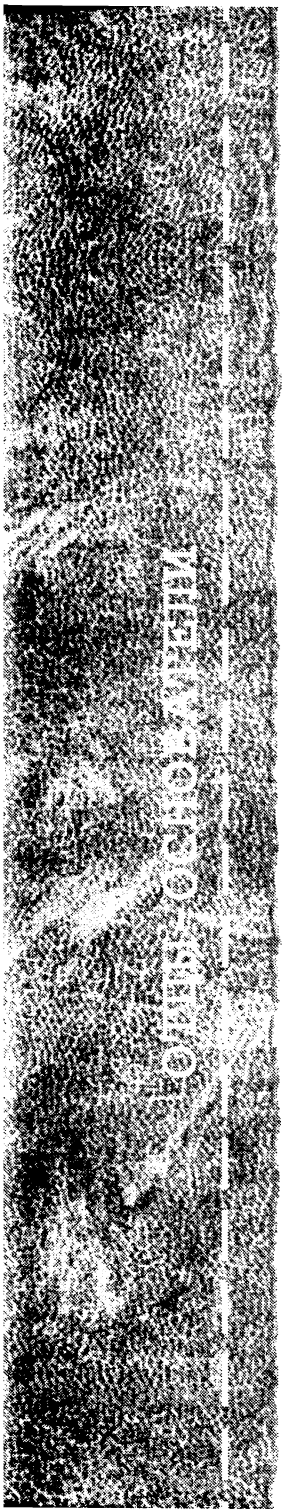
САЙМАК

Весь

САЙМАК

ПЕРЕСАДОЧНАЯ СТАНЦИЯ ПОЧТИ КАК ЛЮДИ





Клиффорд

САЙМАК

ПОЧТИ КАК ЛЮДИ

Москва
ЭКСМО
Санкт-Петербург
ДОМИНО
2005

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)
С 12

CLIFFORD D. SIMAK
Ring Around the Sun
All Flesh is Grass
They Walked Like Men
The Werevolf Principle
The Visitors

©1980 by Clifford D. Simak

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Саймак К.

С 12 Почти как люди: Фантастические романы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, СПб.: Изд-во Домино, 2005. — 976 с. — (Отцы-основатели. Весь Саймак).

ISBN 5-699-07985-8

Человек покоряет Вселенную, а Вселенная покоряет человечество. Проблема взаимоотношений человечества и иных цивилизаций лежит в основе пяти романов, вошедших в этот том собрания сочинений знаменитого фантаста Клиффорда Саймака.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)

ISBN 5-699-07985-8

© Перевод. С. Васильева, Нора Галь, А. Григорьев, Г. Темкин, А. Шаров, Г. Швейник, 2004
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2004

КОЛЬЦО ВОКРУГ СОЛНЦА

Карсону

Виккерс проснулся очень рано, потому что накануне вечером позвонила Энн и сообщила, что кое-кто хочет встретиться с ним в Нью-Йорке.

Он пытался уклониться.

— Знаю, что нарушаю твои планы, Джей, но, думаю, этой встречей пренебрегать не стоит.

— У меня нет времени на поездку. Работа в полном разгаре, и я не могу ее бросить.

— Речь идет об очень важном деле,— сказала Энн,— небывало важном. И в первую очередь хотят переговорить с тобой. Тебя считают самым подходящим из писателей.

— Реклама?

— Нет, не реклама. Речь идет совсем о другом.

— Напрасные хлопоты. Я не хочу ни с кем встречаться, кто бы это ни был.

Он повесил трубку. Но уже с раннего утра был на ногах и собирался после завтрака отправиться в Нью-Йорк.

Он жарил яйца с беконом и хлеб, краем глаза наблюдая за капризным кофейником, когда позвонили у двери.

Он запахнул халат и пошел открывать.

Звонить мог разносчик газет. Виккерса не было дома, когда следовало расплачиваться с юношей, и он мог зайти, увидев свет на кухне. Или сосед, странный старик по имени Гортон Фландерс, переехавший сюда около года назад, который заходил поболтать в самое неожиданное и неудобное время. Это был учтивый, изысканный, хотя и несколько потрепанный человек. С ним приятно было посидеть, но Виккерс предпочел бы принимать его в более подходящий для себя час.

Звонил явно либо разносчик газет, либо Фландерс. Кто другой мог зайти так рано?

Он открыл дверь и увидел девчушку в вишневом купальном халатике и шлепанцах. Ее волосы были всклокочены со сна, но глаза ярко блестели. Она мило улыбнулась.

— Здравствуйте, мистер Виккерс. Я проснулась и не могла заснуть, а потом увидела свет у вас на кухне и подумала, вдруг вы заболели.

— Я прекрасно себя чувствую, Джейн,— сказал Виккерс.— Вот готовлю завтрак. Может, составишь мне компанию?

— О да! — воскликнула Джейн.— Я так и думала, что вы пригласите меня поесть, если завтракаете.

— Твоя мама, наверно, не знает, что ты здесь?

— Мама с папой еще спят,— ответила Джейн.— У папы сегодня выходной, и они вчера очень поздно вернулись. Я слышала, как они пришли и мама говорила папе, что он слишком много пьет, и еще она сказала ему, что никогда-никогда не пойдет с ним, если он будет так много пить, а папа...

— Джейн,— сурово прервал Виккерс,— мне кажется, твои папа и мама были бы очень недовольны, услышав тебя.

— О, им все равно. Мама все время говорит об этом, и я слышала, как она сказала миссис Тейлор, что почти готова развестись. Мистер Виккерс, а что такое «развестись»?

— Мгм, не знаю,— сказал Виккерс.— Что-то я не припомню такого слова. И все же не стоит повторять мамины слова. Послушай-ка, ты здорово замочила шлепанцы, пока шла через лужайку.

— На улице очень мокро. Сильная роса.

— Проходи,— пригласил Виккерс.— Я принесу полотенце, хорошенько вытрем ноги, позавтракаем, а потом сообщим маме, где ты.

Она вошла, и он закрыл дверь.

— Садись на этот стул,— сказал он.— Я пошел за полотенцем. Боюсь, как бы ты не простудилась.

— Мистер Виккерс, а у вас есть жена?

— Нет... Я не женат.

— Почти у всех есть жены,— сказала Джейн.— Почти у всех, кого я знаю. А почему у вас нет жены, мистер Виккерс?

— Право, не знаю. Наверно, не встретил.

— Но ведь девушек так много.

— И у меня была девушка,— сказал Виккерс.— Но давно, очень давно...

Он не вспоминал о ней уже много лет. Долгие годы он подавлял в себе саму мысль о ней, но независимо от его желания она упрямо жила в глубине памяти.

И вот все вернулось.

И девушка, и заветная долина, словно открывшаяся в волшебном сне... Они вместе идут по этой весенней долине; на холмах дикие яблони в розовой кипени цветов, а воздух наполнен пением птиц. Легкий весенний ветерок морщит воду ручья, гуляет по траве, и кажется, весь луг струится, словно озеро в пенящихся барашках волн.

Но кто-то наложил чары на эту долину, ведь, когда он позже вернулся туда, она исчезла, вернее, на ее месте он нашел совсем другую долину. Та, первая, он отчетливо помнил, была совершенно иной.

Двадцать лет назад он гулял по той долине, и все эти двадцать лет он прятал воспоминание о ней на задворках памяти; и вот оно снова вернулось, вернулось совсем непотускневшим, как будто все было только вчера.

— Мистер Виккерс,— услышал он голос Джейн,— мне кажется, ваши гренки сгорели.

Глава 2

Когда Джейн ушла и Виккерс вымыл посуду, он вдруг вспомнил, что целую неделю собирался позвонить Джо насчет мышей.

— У меня мыши,— сказал он.

— Что?

— Мыши,— повторил Виккерс.— Этакие маленькие зверьки. Они разгуливают по всему дому.

— Странно,— сказал Джо.— Ваш дом отлично построен. В нем не должно быть мышей. Вы хотите, чтобы я вас избавил от них?

— Думаю, это необходимо. Я поставил мышеловки, однако хитрюги не обращают на них внимания. Я взял кошку, но она сбежала, не прожив и двух дней.

— Это уж совсем странно. Обычно кошки любят дома, где водятся мыши.

— Кошка была какая-то чокнутая,— сказал Виккерс.— Ее словно околдовали — она ходила на цыпочках.

— Кошки — странные животные,— согласился Джо.

— Сегодня я еду в город. Можете зайти, пока меня не будет?

— Конечно,— ответил Джо.— Последнее время почти не приходится травить мышей. Я заеду часов в десять.

— Я оставлю входную дверь открытой.

Виккерс повесил трубку и подобрал с порога газету. Бросив газету на стол, он взял свою рукопись и прикинул ее на вес,

будто вес мог говорить о ценности написанного, о том, что он даром времени не терял и сумел выразить все, что хотел, выразить достаточно ясно, чтобы мужчины и женщины, которые будут читать эти строки, именно так, как нужно, поняли его мысль, спрятанную за безликим строем типографских знаков.

«Жалко терять день,— сказал он себе.— Следовало остаться дома и засесть за работу. Эти встречи нужнее всего литературным агентам». Но Энн очень настаивала, даже после того, как он сказал, что у него неисправна машина. По правде говоря, здесь он немного погрешил против истины, ибо знал, что Эб наладит ее в любую минуту.

Он глянул на часы. До открытия гаража оставалось около получаса. За работу садиться уже не имело смысла. Взяв газету, он вышел на крыльцо. И тут вспомнил о малышке Джейн, ее милой болтовне и похвалах его кулинарным способностям. «У вас есть жена? — спросила Джейн.— А почему у вас нет жены, мистер Виккерс?» И он ответил: «И у меня была девушка. Но давно, очень давно...»

Ее звали Кэтлин Престон, и она жила в большом кирпичном доме на вершине холма, в доме с колоннами, широкой лестницей и ложными окнами над входом. Это был старый дом, построенный во времена первых переселенцев, когда страну только начали обживать. Он был свидетелем многих событий и все так же царил над окрестными землями, хотя, изъеденные оврагами, они утратили былое плодородие.

Виккерс был тогда юн, так юн, что сейчас сама мысль об этом причиняла ему боль, а потому не понимал, что девушка, жившая в старинном доме с колоннами, доме своих предков, вряд ли могла принять всерьез юношу, чей отец владел умирающей фермой, на полях которой родилась чахлая пшеница. А быть может, виной всему ее родители — девушка тоже была слишком юна и мало знала жизнь. Быть может, она ссорилась с родными, и в доме слышались резкие слова и лились чьи-то слезы. Этого он так и не узнал: между той прогулкой по заветной долине и его следующим визитом ее успели отослать в какое-то учебное заведение на Востоке, и с тех пор он ее больше не видел.

В поисках прошлого он бродил по долине, пытаясь пробудить в себе ощущения того дня и той прогулки. Но яблони отцвели, иначе звучала песнь жаворонка, и былое очарование отступило в какую-то недосягаемую даль. Колдовство рассеялось.

Лежавшая на коленях газета соскользнула на пол, Виккерс поднял ее. Новости были столь же невеселы, как и накануне. «Холодная» война затянулась. Вот уже лет тридцать один кри-

зис следует за другим, одни слухи сменяют другие, и люди привыкли, зевая, читать обо всем этом.

Студент какого-то колледжа в Джорджии побил мировой рекорд по глотанию сырых яиц; одна из самых соблазнительных кинозвезд собиралась в очередной раз выйти замуж; рабочие-сталелитейщики готовились к забастовке.

Была в газете и длинная статья об исчезновениях. Он прочел ее до половины. Исчезали какие-то люди, исчезали целыми семьями, и полиция забила тревогу. Если раньше такие исчезновения были единичными, то теперь, не оставляя никаких следов, сразу исчезало по нескольку семей из одной деревни. Как правило, это были бедняки. Так что, казалось, именно бедность служила причиной массовых исчезновений. Но объяснить, каким образом происходили эти исчезновения, не могли ни автор статьи, ни опрошенные им соседи пропавших.

В глаза бросился заголовок: «МНЕНИЕ — СУЩЕСТВУЮТ И ДРУГИЕ МИРЫ».

Он прочел начало:

«БОСТОН, МАССАЧУСЕТС (Ассошиэйтед Пресс). Возможно, нашему миру предшествует опережающий его на секунду мир, в то время как еще один мир на секунду отстает от нашего...»

Нечто вроде беспрерывной цепи миров, следующих один за другим. Такую теорию выдвигал доктор Винсент Олдридж.

Виккерс уронил газету, задумчиво глядя на цветущий сад. Этот крохотный уголок земли дышал таким покоем, словно находился в другом измерении. Золотое утреннее солнце, шуршащая на ветру листва, цветы, птичий гомон, солнечные часы, деревянная ограда, которую давным-давно следовало покрасить, старая, безмолвно умирающая ель, которая изо всех сил старается не терять связи с травой, цветами, своими собратьями...

Никакие людские волнения не имели здесь власти; здесь время мирно текло, лето следовало за зимой, луна сменяла солнце, и было ясно, что жизнь — это бесценный дар, а не право, которое одному человеку надо оспаривать у другого...

Виккерс глянул на часы — пора было отправляться в путь.

Глава 3

Эб, владелец гаража, одернул грязный комбинезон и прищурился от дыма сигареты, зажатой в уголке испачканного смазкой рта.

— Знаете, Джей,— произнес он,— я не стал ремонтировать вашу машину.

— Я собирался в город,— сказал Виккерс,— но раз машина не готова...

— Я подумал, может, она вам больше не понадобится, и не стал ничего делать. К чему напрасная трата денег?

— Но старушка совсем неплохо бегает,— обиделся Виккерс.— И хотя у нее потрепанный вид, она мне еще послужит.

— Что говорить, бегать она еще может. Но лучше купить новенький вечмобиль.

— Вечмобиль? Довольно странное название.

— Вовсе нет,— возразил Эб.— Машина на самом деле вечная. Поэтому ее так и называют. Вчера ко мне приходил один тип, все рассказывал о ней и предложил стать агентом по продаже этих вечмобилей. Я, конечно, согласился, а тип сказал, что я правильно сделал, потому что скоро в продаже других машин и не будет.

— Минуточку,— сказал Виккерс.— Хотя ее и называют вечмобилем, она не может быть вечной. Ни одна машина не может быть вечной. Она может служить от силы двадцать лет, ну поколение, но не больше...

— Джей,— перебил Эб,— этот тип сказал так: купите машину и пользуйтесь ею всю жизнь. Завещайте ее своему сыну, он ее завещает своему сыну и так далее. У нее вечная гарантия. Если что-то выходит из строя, они ее ремонтируют или дают взамен другую. Вечно все, кроме скатов. Скаты придется покупать. Они лысеют, как обычно. И окраска тоже не вечная. Гарантия на окраску — десять лет. Если она теряет вид раньше, перекраска производится бесплатно.

— Может, оно и так,— произнес Виккерс,— но я как-то мало во все это верю. Не сомневаюсь, что можно сделать автомобиль гораздо выносливее сегодняшних. Но какой здравомыслящий предприниматель станет создавать вечный автомобиль? Он же разорится. Да и стоить такая машина будет слишком дорого.

— Вот тут-то вы и ошибаетесь,— сказал Эб,— пятнадцать сотен, и ни цента больше. Никаких запчастей, никаких неприятных сюрпризов. Пятнадцать сотен — и она ваша.

— Надо подумать: красотой она не блещет.

— Красивее машины я не видел. Вчерашний тип приехал на такой, и я ее хорошенько рассмотрел. Окраска может быть любого цвета, на ней куча хрома, нержавейки, самые последние

новинки, а вести ее — мечта. Конечно, к ней надо привыкать. Я хотел поднять капот, чтобы посмотреть двигатель, но тип мне сказал, что двигатель никогда не барахлит и не выходит из строя, так что даже доступ к нему закрыт. «А куда заливается масло?» — спросил я. И знаете, что он ответил? «Никакого масла не надо, нужен только бензин». Через пару дней я получу первую дюжину вечмобилей,— сказал Эб.— Вам оставить один из них?

Виккерс покачал головой.

— Я совсем на мели.

— Да, вот еще что — эта компания много дает за старые машины. За вашу можете получить тысячу долларов.

— Она не стоит того, Эб.

— Знаю, но тип мне сказал: «Давайте им больше, чем стоят их машины. О цене не беспокойтесь, мы с вами договоримся». Конечно, если вдуматься, так дела обычно не ведутся, но это их идея, и я им мешать не буду.

— Я подумаю.

— Вы заплатите только пятьсот долларов, а остальное будете вносить частями. Этот тип разрешил мне так делать. Он сказал, что пока их интересует, не сколько получать, а сколько продавать.

— Что-то это все мне не очень нравится,— сказал Виккерс.— Вдруг откуда ни возьмись появляется фирма и предлагает совершенно новую модель автомобиля. Да о ней должны были бы кричать все газеты. Доведись мне выпускать в продажу новый автомобиль, я бы заклеил афишами всю страну, поместил броскую рекламу в журналах, привлек телевидение, расставил на дорогах рекламные щиты.

— Вы знаете, я тоже подумал об этом,— кивнул Эб.— Я и сказал тому типу: «Послушайте, вы хотите, чтобы я продавал этот ваш вечмобиль, а как я его буду продавать, если нет никакой рекламы и никто никогда о нем ничего не слыхал?» А он отвечает: они рассчитывают, что качество автомобиля будет говорить само за себя, что нет лучшей рекламы, чем слухи, что они предпочитают не тратиться на дорогую рекламную кампанию, а снизить цену на машину. Он сказал, что клиент не должен платить за рекламную кампанию.

— Не понимаю.

— Конечно, все это кажется довольно странным,— согласился Эб.— Но те, кто делает эти автомобили, думаю, ничего

не теряют. Будьте покойны, они не сумасшедшие. А если они ничего не теряют, то сколько же зарабатывают компании, которые за две-три тысячи долларов продают свой железный лом, выходящий из строя после второй поездки? Дрожь пробирает, когда подумаешь, сколько они отхватили.

— Когда получите машины,— сказал Виккерс,— я зайду глянуть на них. Может, и сговоримся.

— Хорошо,— обрадовался Эб.— Вы сказали, что едете в город... С минуты на минуту придет автобус. Он останавливается на углу, возле аптеки, через два часа будете в Нью-Йорке. У них отличные водители.

— Действительно, я как-то не подумал об автобусе.

— Вы уж простите меня за машину,— извинился Эб.— Знай я, что она вам понадобится, непременно бы ее отремонтировал. Там ничего серьезного, но мне сначала хотелось узнать, что вы скажете на мое предложение, чтобы не вводить вас в лишний расход.

Аптека, казалось, стояла не на своем месте. Но, когда Виккерс подошел ближе, он понял, почему у него возникло такое ощущение.

Не так давно скоропостижно скончался старый Ганс, сапожник, и его лавочка, стоявшая рядом с аптекой, несколько недель была закрыта. Теперь ее снова открыли. Во всяком случае, ее витрина была чисто вымыта, чего старый Ганс никогда не делал. В витрине лежали какие-то предметы. Виккерс так спешил рассмотреть их, что, лишь вплотную подойдя к магазину, заметил свежую вывеску: «Технические новинки».

Виккерс остановился перед витриной. На черной бархатной полосе лежали зажигалка, бритвенное лезвие и электрическая лампочка. И ничего больше. Только три предмета. Ни ярлыков, ни рекламы, ни цен. В этом, впрочем, не было никакой нужды: Виккерс знал, что всякий, кто увидит витрину, поймет, чем торгует магазин.

Виккерс услышал негромкое постукивание. Он обернулся и увидел Гортона Фландерса, совершавшего свой утренний моцион. На нем был слегка потертый, но тщательно вычищенный костюм. В руке он держал элегантную эбеновую трость. Виккерс знал, что ни у кого в Клиффвуде не хватило бы духа ходить с тростью по улицам.

Фландерс поднял трость в знак приветствия и подошел взглянуть на витрину.

— Итак, они открывают свой филиал и здесь,— сказал он.

— Похоже на то,— ответил Виккерс.

— Очень странная фирма,— продолжал Фландерс.— Меня она очень заинтересовала. Я вообще весьма любопытен.

— Я не заметил ничего особенного.

— О боже! — воскликнул Фландерс.— Вокруг происходит столько удивительного. Возьмите историю с углеводами. Весьма таинственная история. Вы так не считаете, мистер Виккерс?

— Я как-то не задумывался над этим. У меня столько работы...

— Что-то назревает,— сказал Фландерс.— Уверяю вас.

Автобус спустился по улице, проехал мимо и, затормозив, остановился возле аптеки.

— Боюсь, мне придется вас покинуть, мистер Фландерс,— заспешил Виккерс.— Я еду в город. Вернусь к вечеру. Всегда рад вас видеть у себя.

— Благодарю вас,— ответил Фландерс.— Всенепременно зайду.

Глава 4

Все началось с лезвия, бритвенного лезвия, которое никогда не затуплялось. Потом появилась зажигалка, она безотказно работала без кремня и бензина. Затем пришел черед лампочки, которая могла гореть вечно, если только ее не разбивали. И наконец наступила очередь вечмобиля. Сюда же, несомненно, следовало отнести появление синтетических углеводов.

— Что-то назревает,— сказал ему Фландерс, когда они стояли перед лавочкой старого Ганса.

Виккерс уселся возле окна в середине автобуса и принялся размышлять, пытаясь во всем этом разобраться.

Бритвенные лезвия, зажигалки, лампочки, синтетические углеводы и теперь вечмобили — между их появлением явно существовала какая-то связь. Обнаружив ее, найдя этот общий знаменатель, можно было понять, почему появились именно эти пять предметов, а не какие-то пять других, например не шторы, ходули, волчок, самолет и зубная паста. Лезвия необходимы ежедневно, как и лампочки, зажигалки напоминали о себе при каждом закуривании, синтетические углеводы позволили преодолеть кризисную ситуацию и спасли от голода миллионы людей.

— Что-то назревает,— сказал Фландерс, одетый в свой поношенный, но, как обычно, тщательно вычищенный костюм.

По привычке он постукивал своей смешной тростью, хотя по зрелом размышлении в руке мистера Фландерса трость эта вовсе не выглядела смешной.

Вечмобиль будет работать, не требуя смены масла, после вашей смерти перейдет к вашему сыну, а от него — к его сыну, и если прадед купит такую машину, то старший сын его старшего сына унаследует ее. Машина будет служить из поколения в поколение.

Но появление вечмобиля означало гораздо больше. Года не пройдет, как закроются все автомобильные заводы и большинство гаражей и ремонтных мастерских. Это нанесет серьезный удар сталелитейной, стекольной, текстильной и, наверно, еще дюжине других отраслей промышленности.

Можно было не придавать значения вечному бритвенному лезвию, электрической лампочке, зажигалке, но теперь пришло время задуматься. Сотни тысяч людей лишатся работы и, вернувшись домой, скажут родным: «Ну, вот и все. Я потерял работу». И повседневная жизнь семьи будет продолжаться в молчаливом отчаянии, в гнетущей атмосфере страха. Глава семьи станет покупать все газеты, жадно изучая предложения о работе, потом начнет с утра уходить из дома; меряя шагами длинные улицы, он будет обивать пороги крупных компаний, а люди, сидящие там за окошками или столами, будут отрицательно качать ему головой. В конце концов глава семьи с тяжелым сердцем переступит порог одной из небольших контор под вывеской «Синтетические углеводы» и со смущенным видом, какой может быть у квалифицированного рабочего, который никак не может найти работу, выдавит: «Мне не везет, а деньги кончаются. Я хотел бы спросить...» И человек, сидящий за столом, кивнет ему: «Ну конечно-конечно, сколько у вас детей?» После этого он напишет что-то на листке бумаги и протянет его просителю.

— Обратитесь вон в то окошечко,— скажет он.— Очевидно, на неделю вам этого хватит, потом приходите снова.

Глава семьи, взяв листок, станет бормотать слова благодарности, но человек из «Синтетических углеводов» остановит его:

— Помилуйте, мы для того и существуем, чтобы помогать таким, как вы.

И глава семьи подойдет к окошечку, служащий прочтет записку и выдаст ему банки. Содержимое одних банок будет иметь вкус картошки, других — вкус хлеба, третьих — кукурузы или зеленого горошка.

Такие сцены можно было наблюдать постоянно.

Деятельность компании по производству и распространению синтетических углеводов не имела ничего общего с благотворительностью — это мог подтвердить всякий, кому доводилось иметь с ней дело. Служащие компании никогда не унижали вас, если вы обращались за помощью. Они относились к вам, как к уважаемым клиентам, и просили приходить снова, а если вы больше не появлялись, шли к вам домой узнать, в чем дело, устроились ли вы на работу или постеснялись прийти вновь. Они не жалели времени, чтобы побороть ваше смущение, и после их ухода вы ощущали уверенность, что, получая помощь, оказываете фирме немалую услугу. Благодаря синтетической пище были спасены миллионы людей, а теперь, когда грозят остановиться автомобильные заводы и свернуть производство смежные предприятия, поле деятельности компании беспредельно расширится. К тому же многое говорит за то, что вечмобили не являются последней новинкой этой таинственной фирмы.

«Нет сомнения,— думал Виккерс,— что за всеми этими вечными бритвенными лезвиями, зажигалками, электрическими лампочками и автомобилями стоят одни и те же люди». Это вовсе не мешало существованию разных компаний. Однако Виккерс отнюдь не собирался заниматься их поисками.

Автобус понемногу наполнялся, а Виккерс по-прежнему в одиночестве сидел у окна. Позади него болтали две женщины, и ему невольно пришлось слушать их разговор.

— Мы состоим членами клуба фантазеров,— хихикнув, сказала одна из них.— Там столько интересных людей.

— Я тоже хотела было вступить в такой клуб,— перебила вторая,— но Чарли сказал, что все это — сплошной треп. Он говорит, что мы живем в Америке, живем без малого в двухтысячном году от Рождества Христова и нет никаких оснований не радоваться этому. Он считает, что наша страна — лучшая в мире да и лучшего времени никогда не было. Мы живем с таким комфортом, какой до нас никому и не снился. И Чарли говорит, что все эти слухи — коммунистическая пропаганда и уж он-то сумел бы показать тем, кто их распускает, попадись они ему в руки. Он так и сказал...

— О, я об этом ничего не знаю,— в свою очередь, перебила первая женщина.— Но то, чем мы занимаемся, так увлекает; конечно, довольно нудно читать все эти древние истории, но в конечном счете получаешь удовлетворение. На прошлом со-

брании кто-то так и сказал, что все усилия будут вознаграждены. Однако мне не удается сделать ничего путного. У меня, наверное, котелок совсем не варит. Я не очень люблю читать и не все понимаю, мне надо объяснять, но некоторые довольны. Один мужчина из нашей группы вроде жил в Лондоне во времена какого-то Сэмюэля Пеписа*. Я не знаю, кто такой Пепис, но, думаю, большая знаменитость. Глэдис, а вы знаете, кто такой Пепис?

— Понятия не имею,— ответила Глэдис.

— Этот мужчина все время твердит о Пеписе. Пепис написал книгу, надо думать большую, так как речь там идет о самых разных вещах. И наш, этот, из клуба, тоже вроде ведет дневник. Страшно интересно. Мы просим его читать свои записи на каждом собрании. Просто удивительно, кажется, будто он на самом деле жил там.

Автобус остановился у железнодорожного переезда, и Виккерс глянул на часы — через полчаса он будет в Нью-Йорке.

«Теряю даром время,— подумал он.— Что бы Энн ни замышляла, роман свой не брошу. Не стоило отлучаться даже на день».

Позади него продолжала верещать Глэдис:

— А вы слыхали о новых домах, которые сейчас начали строить? Прошлым вечером я предложила Чарли сходить посмотреть на них. Наш дом потерял вид, надо заново все красить и ремонтировать, но Чарли сказал, что эти новые дома — сплошное надувательство. Там что-то нечисто. И еще он сказал, что слишком долго занимался бизнесом, чтобы клюнуть на такую аферу. А вы, Мэйбл, видели эти дома или, может, читали о них?

— Я рассказывала вам о нашем клубе,— не унималась Мэйбл.— Один из наших членов, по всей вероятности, уже живет в будущем. Вы не находите это удивительным? Только представьте себе человека, который утверждает, что живет в будущем...

Глава 5

Перед дверью Энн остановилась.

— А теперь прошу тебя, Джей, запомни: его фамилия Крофорд. Не Крохэм, а Крофорд, и никак иначе.

---

* Сэмюэль Пепис — известный английский хронист времен Реставрации (1633–1703) — *Примеч. перев.*

Виккерс униженно пробормотал:

— Я сделаю все, что в моих силах.

Она подошла к нему, подтянула галстук и щелчком сбила с отворота пиджака несуществующую пылинку.

— Потом пойдем и купим тебе новый костюм.

— У меня есть еще один костюм,— возразил Виккерс.

На дверях висела табличка: «Североамериканское исследовательское бюро».

— Однако не пойму,— возмутился Виккерс,— что общего между мной и сим бюро?

— Деньги,— сказала Энн.— У них они есть, а тебе они нужны.

Она открыла дверь, и он послушно последовал за ней, подумав, что Энн не только красивая, но и весьма способная женщина. Слишком способная. Она знала толк в книгах и цену издателям, угадывала вкусы читателя и разбиралась во всех тонкостях писательской профессии. Она сама могла найти верный путь и направить тех, кто ее окружал. Для нее не было большего наслаждения, чем слышать одновременно звонки трех телефонов или отвечать сразу на дюжину писем. Она вынудила его приехать сюда и, по всей вероятности, заставила Крофорда из Североамериканского бюро принять его.

— Мисс Картер,— сказала секретарша,— можете пройти. Мистер Крофорд ждет вас.

«Она покорила даже секретаршу»,— подумал Виккерс.

Глава 6

Джордж Крофорд был человеком столь могучего сложения, что кресло, в котором он восседал, казалось игрушечным. Он сидел, сложив руки на животе, и говорил ровным бесстрастным голосом, лишенным всякого выражения. Виккерс подумал, что вряд ли встречал когда-либо человека неподвижнее. Крофорд не только не двигался, но даже и не пытался это делать. Он высился в кресле, похожий на громадную статую, и не столько говорил, сколько шептал, еле шевеля губами.

— Я познакомился с некоторыми вашими произведениями, мистер Виккерс, и нашел их превосходными.

— Счастлив узнать это,— ответил Виккерс.

— Три года назад я бы ни за что не поверил, что примусь за чтение художественной литературы и буду беседовать с настоя-

щим писателем. Но сегодня нам необходим человек вашего плана. Я говорил с моим административным советом, и мы пришли к выводу, что вы — именно тот, кто нам нужен.

Он замолчал и своими маленькими голубыми глазками в упор уставился на Виккерса.

— Мисс Картер сообщила мне, что вы весьма заняты в данный момент.

— Совершенно верно.

— У вас очень важная работа? — спросил Крофорд.

— Надеюсь, да.

— Однако то, что я хочу предложить вам, гораздо важнее.

— Это,— сухо возразил Виккерс,— смотря на чей взгляд.

— Я вам не очень нравлюсь, мистер Виккерс,— сказал Крофорд. Он не спрашивал, а констатировал, и это разозлило Виккерса.

— Я еще не составил о вас определенного мнения,— ответил он.— Тем более что меня совершенно не интересует ваше предложение.

— Прежде чем продолжать беседу,— сказал Крофорд,— я хотел бы вас предупредить, что она носит сугубо конфиденциальный характер.

— Мистер Крофорд,— ответил ему Виккерс,— я не любитель грошовых тайн.

— Это не грошовая тайна.— Впервые голос Крофорда утратил свою бесстрастность.— Речь идет о мире, стоящем на краю пропасти.

Виккерс удивленно взглянул на него. «Бог мой,— подумал он,— эта туша говорит вполне серьезно. Ему действительно кажется, что мир стоит на краю пропасти».

— Вы слышали о вечмобиле? — спросил Крофорд.

Виккерс кивнул:

— Мне сегодня предлагали его купить.

— А вы знаете, что существуют вечные бритвенные лезвия, зажигалки и электрические лампочки?

— Я имею такое лезвие,— сказал Виккерс,— и оно лучше всех тех, которые я когда-либо покупал. Не думаю, что оно вечное, но пока я не правил его. А когда оно затупится, непременно куплю себе такое же.

— Если вы не потеряете свое лезвие, вам никогда не понадобится покупать другое, мистер Виккерс. Оно действительно вечное, как и машина, которую вам предлагали. Возможно, вы слышали и о домах?

— Я не в курсе дела.

— Речь идет о сборных домах,— пояснил Крофорд.— Их продают по пятьсот долларов за полностью обставленную комнату. Вам дают хорошую скидку за ваш старый дом и предоставляют рассрочку на оставшуюся сумму. Рассрочка эта значительно превосходит то, что может позволить себе нормальное кредитное общество. Обогрев домов и кондиционирование воздуха в них производятся с помощью солнечной батареи, которая на порядок лучше всех тех, что существовали до сих пор. Я мог бы рассказать и еще кое о чем, но, думаю, этого достаточно, чтобы вы получили общее представление о сложившейся ситуации.

— Мне кажется, дома — это хорошая идея. Долгие годы мы говорим о дешевом жилье. Быть может, это и есть то самое решение.

— Идея в самом деле хорошая,— согласился Крофорд,— и я бы стал ее самым горячим приверженцем, не повлеки она за собой гибель энергетической промышленности. Солнечная установка дает тепло, свет, энергию для работ по дому. Стоит вам купить этот дом, и у вас отпадает нужда в электроснабжении. Эти дома лишат работы тысячи плотников, маляров, каменщиков, и они попадут в лапы людей из «Синтетических углеводов». В конце концов погибнет и лесная промышленность.

— Мне понятно, когда вы говорите об энергетической промышленности,— сказал Виккерс,— но как это может отразиться на строителях и лесной промышленности? Для строительства домов всегда будет необходимо дерево, как будут нужны и плотники для его обработки.

— В этих домах действительно используется дерево, и кто-то производит все связанные с ним работы, но мы пока не знаем кто.

— Неужели нельзя навести справки? — удивился Виккерс.— Ведь это не так и сложно. В торговых книгах должны быть записи. Наконец, где-то имеются заводы и фабрики.

— Компания существует,— признал Крофорд.— Но это торговая фирма. Мы были там и обнаружили лишь склады, где хранятся готовые конструкции до высылки покупателю. И все. Наши поиски предприятий-производителей не увенчались успехом. Они вписаны в накладные одной компании, название и адрес ее нам известны. Но никто и никогда не продал этой компании и щепки. Она не приобрела ни у кого ни одного гвоздя. У нее нет ни одного служащего. Фирма указывает, где распо-

ложены ее фабрики, эти местности существуют, но там нет никаких предприятий. И, если мы не ошибаемся, никто не переступал порога компании с тех пор, как мы взяли ее под наблюдение.

— Невероятно! — воскликнул Виккерс.

— Конечно,— согласился Крофорд.— Строительные материалы, из которых делаются дома, где-то надо производить.

— Мистер Крофорд, позвольте задать вам один вопрос. Почему все это вас так интересует?

— Видите ли, я еще не решил, стоит ли вам говорить об этом.

— Понимаю, но все же мне хотелось бы получить от вас ответ.

— Я должен возвратиться несколько назад, чтобы вы правильно поняли мои намерения. Наши цели, если хотите наша организация, могут показаться смешными, если не знать их предыстории...

— Вы кого-то боитесь...— перебил Виккерс.— Вы не хотите признавать этого, но вы находитесь во власти какого-то животного страха.

— Как ни странно, я охотно это признаю. Но речь идет не обо мне лично, а о промышленности, о мировой промышленности.

— Вы думаете,— сказал Виккерс,— что те люди, которые делают и продают дома, производят и вечмобили, и зажигалки, и лампочки...

Крофорд кивнул.

— И углеводы... Стоит задуматься, и цепенеешь от ужаса. Кто-то уничтожает нашу промышленность и отнимает работу у миллионов людей, потом делает поворот на сто восемьдесят градусов и кормит эти миллионы людей, кормит их без анкет, бумагомарания и прочих бюрократических штучек, которые всегда были отличительной чертой благотворительных организаций.

— Политический заговор?

— Больше того. Мы уверены, что ведется сознательное и хорошо организованное наступление на нашу экономику в мировом масштабе, налицо намеренная попытка подорвать социальную и экономическую основу нашего образа жизни и, следовательно, нашей политической системы. Наш образ жизни определяют капитал, будь он частный или государственный, и заработная плата, которую получают рабочие за свой повседневный труд. Устраните эти два фактора, и вы подорвете само основание нашего организованного общества.

— Вы сказали: «Мы уверены». Кого вы имеете в виду?

— Североамериканское бюро.

— Североамериканское бюро?

— Я чувствую, что заинтересовал вас,— заметил Крофорд.

— Просто я хочу знать, с кем имею дело, чего вы ждете от меня и о чем идет речь...

Крофорд не спешил с ответом.

— Именно это я и хотел сказать вам, когда предупредил о конфиденциальности нашей беседы.

— Не рассчитывайте, что я стану давать какие-то клятвы,— поспешил вставить Виккерс.

— Вернемся немного назад,— сказал Крофорд,— и займемся историей. Тогда станет ясно, кто мы и чем занимаемся. Вспомните о бритвенном лезвии. Незатупляющемся бритвенном лезвии. Новость о нем распространилась с невероятной быстротой, и буквально каждый мужчина приобрел себе такое лезвие. Вам известно, что нормальный человек бреется одним лезвием пять-шесть раз. Затем выбрасывает его и берет другое. Это означает, что он постоянно покупает новые лезвия. Следовательно, производство бритвенных лезвий — очень выгодное дело. В этой отрасли были заняты тысячи людей, продажа лезвий давала некоторый заработок тысячам торговцев, кроме того, производство лезвий стимулировало выпуск определенных сталей. Иными словами, эта отрасль промышленности была одним из экономических факторов, который наряду с тысячами других схожих факторов формировал мировую промышленность в том виде, как мы ее понимаем. И что же случилось?

— Я, конечно, не экономист, но я могу предположить: теперь никто не покупает бритвенных лезвий. Производство бритвенных лезвий вылетело в трубу, не так ли?

— Ну, все это происходит несколько медленнее, чем вы думаете,— сказал Крофорд.— Крупная отрасль промышленности — сложный механизм, который мгновенно не умирает. Даже если ничего нельзя сделать и сбыт постепенно сходит на нет. Но вы правы, именно сейчас предприятия, выпускающие бритвенные лезвия, терпят крах... Затем появилась зажигалка. Казалось бы, мелочь, но в мировом масштабе она перестает быть мелочью. Происходит то же самое, что и с производством лезвий. Затем приходит очередь электрических лампочек. И опять мы наблюдаем тот же процесс. Три отрасли промышленности приговорены к смерти, мистер Виккерс. Эти три отрасли уничтожены. Вы

сказали, что я боюсь, и я признаю это. Мы испугались после появления электрических лампочек. Ведь если кто-то может уничтожить три отрасли промышленности, то почему бы ему не уничтожить полдюжины, дюжину, сотню отраслей, а то и всю промышленность в целом? Мы объединились, и за словом «мы» скрывается промышленность не только Соединенных Штатов Америки, но и всего Американского континента, ряда стран Европы и Азии. Конечно, нашлись скептики, кое-кто отказался присоединиться к нам, но наша деятельность находит поддержку в деловых кругах всего мира. Как я уже говорил, я хочу, чтобы все это осталось между нами.

— В настоящий момент,— сказал Виккерс,— у меня нет никакого желания говорить с кем-либо на эту тему.

— Мы объединились,— продолжал Крофорд,— и в наших руках, как можете себе представить, сосредоточена значительная власть. Кое-что мы уже предприняли, кое-где нажали и кое-чего добились. Во-первых, ни одна газета, ни один журнал не рекламирует эти предметы и не публикует никакой информации о них. Во-вторых, ни один уважающий себя магазин не продает этих лезвий, зажигалок, лампочек.

— Вот почему они открыли свои собственные магазинчики!

— Конечно,— сказал Крофорд.

— Эти магазинчики множатся как грибы,— вставил Виккерс.— Один из них открылся на днях в Клиффвуде.

— Да, они открыли собственные магазинчики и стали практиковать новый вид рекламы: наняли тысячи мужчин и женщин, которые ходят и говорят каждому встречному: «Вы слышали об этих потрясающих товарах, которые недавно появились в продаже?.. Нет?.. Позвольте вам рассказать...» Принцип вам ясен. Нет лучше рекламы, чем реклама, построенная на личном контакте, но стоит она баснословно дорого. Мы поняли, что нам противостоят творческие, активные умы, располагающие практически неограниченным капиталом. Мы начали расследование. Пытались загнать этих людей в их логово, разузнать, кто они, как ведут дела и каковы их намерения. Но, как я вам уже сказал, наши усилия ни к чему не привели.

— Быть может, есть законные пути? — спросил Виккерс.

— Мы думали о них, но этих людей невозможно прижать. Налоги? Они их платят. Больше того, они делают это с охотой. Чтобы никто не лез в их дела, они платят даже сверх положенного. Корпоративные правила? Они скрупулезно их выполняют.

Социальное обеспечение? Они выплачивают громадные суммы, представляя длинные списки служащих, однако эти списки, по нашему убеждению, фиктивны. Но вы же не явитесь в Фонд социального обеспечения со словами: «Послушайте, тех людей, за которых они платят взносы, не существует». Есть и другие средства воздействия, но все они не действеннее этих; мы запутались в законодательных дебрях, и даже наши юристы не знают, как поступать.

— Мистер Крофорд,— сказал Виккерс,— все это очень интересно, но я все же не пойму, куда вы клоните. Вы сказали, что речь идет о заговоре против мировой промышленности с целью разрушить наш образ жизни. Но ведь вся история экономики содержит тысячи примеров жесточайшей конкуренции. Может, это тоже ее проявление?

— Вы забыли об углеводах,— возразил Крофорд.

— Вы правы,— признал Виккерс,— углеводы не оставляют камня на камне от моего предположения.

Из-за неблагоприятных погодных условий над отдельными странами нависла угроза голода. Конгресс Соединенных Штатов рассматривал вопрос о помощи с политических позиций — кому помогать и как, и вообще помогать ли. А в утренних газетах появилось сообщение о том, что одна лаборатория синтезировала углеводы. В статье не говорилось, что лабораторию эту никто не знает. Это стало известно позже. Лаборатория возникла из небытия буквально за одну ночь. Даже крупные дельцы, Виккерс сейчас вспомнил об этом, не поверили случившемуся, обозвав создателей синтетических углеводов шарлатанами.

Но это не были шарлатаны. Может быть, фирма и вела свои дела каким-то непонятным образом, однако отныне с ней следовало считаться. Через несколько дней после первого сообщения стало известно, что продукты ее производства не поступают в продажу, а раздаются бесплатно всем нуждающимся, которые по тем или иным причинам не имеют возможности заработать себе на пропитание. Продуктами снабжались не только голодающие, но и те, кто постоянно жил на грани голода, то есть та значительная часть человечества, которая хотя и не вымирает из-за отсутствия пищи, но подвержена болезням и отстает в своем развитии по причине постоянного ее недостатка.

Словно по мановению волшебной палочки в самых разных уголках земного шара возникли тысячи контор фирмы, и бедняки потекли туда рекой. Отдельные люди пользовались случаем

без всяких оснований получать бесплатное питание, но служащие контор как бы не замечали этого.

Сами по себе синтетические углеводы не являлись полноценным пищевым продуктом. Но это было лучше, чем ничего, и во многих случаях деньги, сэкономленные на углеводах, помогали купить кусок мяса, которое давно исчезло со стола.

— Мы серьезно изучали вопрос об углеводах,— продолжал Крофорд,— и снова ничего не нашли. Мы убеждены, что их никто не производит, однако они существуют. В конторы они поступают со складов, но на складах не может храниться более двухдневного запаса. Мы не обнаружили даже следов фабрик и транспортных средств, кроме транспорта, который доставляет углеводы со складов в конторы. А вот откуда продукция поступает на склады, неизвестно. Такое впечатление, что она туда вообще не поступает. Как в старой сказке Хоторна о горшке, в котором никогда не кончалось молоко.

— А вы сами не можете производить углеводы?

— Я понял вашу мысль,— кивнул Крофорд.— Но мы не в состоянии это сделать, как не в состоянии производить вечмобили или незатупляющиеся бритвенные лезвия. Наши инженеры и химики уже давно заняты изучением этого вопроса, но ни на шаг не продвинулись в решении проблемы.

— А что произойдет, когда безработным понадобится еще кое-что кроме пищи? — спросил Виккерс.— Когда их семьи окажутся в лохмотьях и возникнет нужда в новой одежде? Когда их выбросят на улицу?

— Думаю, что могу ответить на ваш вопрос. Появится еще одно филантропическое общество, которое даст им одежду и кров. Уже продаются дома по пятьсот долларов за комнату, и это чисто символическая цена. Почему бы не давать их даром? И почему бы не продавать одежду за десятую или двадцатую часть стоимости? Костюм за пять долларов, платье за пятьдесят центов...

— А вы не пробовали прогнозировать, какую следующую новинку они готовят?

— Мы пытались это сделать. Мы были уверены в скором появлении автомобиля. Как видите, так оно и случилось. Думали мы и о домах. Теперь очередь за одеждой.

— Пища, одежда, жилье, средства передвижения — четыре основные потребности человека.

— Кроме того, они располагают горючим и источником энергии,— добавил Крофорд.— Когда достаточное количество

людей поселится в новых домах, снабженных солнечной энергией, придется распрощаться с обычными отраслями энергетической промышленности.

— Но кто же эти деятели? — спросил Виккерс.— Вы говорите, что не знаете их. Но есть ли хоть какое-то предположение?

— Ни малейшего. У нас имеются списки персонала и членов их административных советов. Но мы не можем найти этих людей.

— Может быть, это русские?

Крофорд отрицательно покачал головой:

— Нет, они тоже обеспокоены, хотя у них пока ничего подобного не наблюдается.

В первый раз Крофорд шевельнулся. Он снял руки с живота, схватился за ручки своего массивного кресла и встал.

— Кажется, вы не поняли, какая роль во всем этом отводится вам? — спросил он.

— Не понял.

— Мы не можем сразу, без какой-либо подготовки, заявить: «Люди! Перед вами союз мировых промышленных держав, борющихся за сохранение вашего образа жизни». Мы не можем сказать им о сложившейся ситуации. Нам рассмеются в лицо. Нельзя просто так объяснить людям, что вечный автомобиль и дом по пятьсот долларов за комнату обернутся для них катастрофой. Мы не можем этого сказать, но им необходимо это узнать. Мы хотим, чтобы вы написали об этом книгу.

— Не вижу...— начал Виккерс.

Но Крофорд прервал его на полуслове:

— Вы напишите так, словно сами обо всем узнали. Вы намекнете на хорошо информированные источники, не называя их. Мы предоставим вам материалы, но все должно исходить от вас.

Виккерс медленно поднялся и протянул руку за шляпой.

— Спасибо, что вы подумали обо мне,— сказал он,— но меня не интересует ваше предложение.

Глава 7

Энн Картер сказала Виккерсу:

— В один прекрасный день, Джей, я так рассвирепею, что разобью тебе голову. И тогда, может, узнаю, чем она набита.

— Мне нужно написать книгу, чем я и занят в настоящий момент. Ты имеешь что-нибудь против?

— Твоя книга может подождать. Ее ты всегда сможешь закончить. А вот эту, о которой шла речь,— нет.

— Давай-давай. Скажи, что я швырнул на ветер миллион долларов, ты ведь именно так считаешь?

— Ты мог содрать с них кругленькую сумму и заключить с издателем такой договор, что пальчики оближешь.

— И отложить в сторону свое самое великое произведение,— сказал Виккерс.— Остыть и, вернувшись к книге снова, понять, что душа к ней уже не лежит.

— Любая книга, которую ты пишешь,— твое самое великое произведение. Джей Виккерс — ты жалкая тень писателя. Согласна, ты неплохо пишешь и твои чертовы книги хорошо расходятся, хотя иногда мне непонятно почему. Если бы ты не зарабатывал этим деньги, ты бы и строчки не написал. Скажи мне откровенно, зачем ты пишешь?

— Ты ответила сама. Ради денег. Раз ты так считаешь, значит, так оно и есть.

— Ну ладно, я — лицо заинтересованное.

— Боже мой, мы ругаемся так, будто давно женаты.

— Кстати, то, что ты никогда не был женат, доказывает, какой ты эгоист. Бьюсь об заклад, ты никогда и не думал о женитьбе.

— Думал однажды,— вздохнул Виккерс,— но это было очень давно.

— Ну-ну, урони голову на руки и порыдай. Уверена, это будет впечатляющее зрелище. Вот почему в твоих романах такие душераздирающие любовные сцены.

— Энн, во хмелю на тебя накатывает злость.

— Приходится пить, ты сам меня толкаешь на это. Как ты сказал: «Спасибо, что вы подумали обо мне, но меня не интересует ваше предложение».

— У меня было предчувствие, что тут дело нечисто,— упорствовал Виккерс.

— Ты весь в этом,— сказала Энн.

Она выпила вина.

— Под предлогом предчувствия ты не хочешь признать, что отказался от лучшего предложения в твоей жизни. Предложи мне такую сумму, я бы плюнула на все предчувствия.

— Не сомневаюсь,— сказал Виккерс.

— Вот уж этого тебе не следовало говорить. Плати, и пойдем. Провожу тебя до автобуса, и чтоб глаза мои тебя больше не видели.

Глава 8

Громадный плакат занимал почти все пространство необъятной витрины:

ДОМА НА ЛЮБОЙ ВКУС
500 долларов за комнату
БОЛЬШАЯ СКИДКА ЗА ВАШ СТАРЫЙ ДОМ

Через витрину был виден пяти- или шестикомнатный домик, его окружал небольшой, хорошо спланированный сад с лужайкой и солнечными часами. К дому примыкал гараж с флюгером в виде утки. На ровно подстриженном газоне стояли два белых садовых стула и круглый столик, а на дорожке сверкал новенький автомобиль.

Энн сжала руку Виккерса.

— Зайдем?

— Это, должно быть, то, о чем говорил Крофорд.

— У нас есть еще время до отхода твоего автобуса,— сказала Энн.

— Почему бы и нет? Может, присматривая дом, ты перестанешь говорить гадости.

— Будь это возможно, я бы поймала тебя на слове и вышла за тебя.

— И превратила бы мою жизнь в ад...

— Конечно,— нежно сказала Энн,— а зачем же еще выходить замуж за тебя?

Дверь захлопнулась за ними, сразу оборвав шум улицы, и они направились к дому, ступая по толстому зеленому паласу, который пружинил под ногами, словно лужайка.

Продавец увидел их и пошел навстречу.

— Мы проходили мимо,— произнесла Энн,— и решили зайти. Этот дом так привлекателен и...

— Это отличный дом,— заверил их продавец,— и его владельцы пользуются многими преимуществами.

— В витрине написано, что комната в нем стоит пятьсот долларов. Это правда? — поинтересовался Виккерс.

— Все спрашивают одно и то же. Люди не верят своим глазам.

— Так это верно? — продолжал настаивать Виккерс.

— Конечно,— ответил продавец.— Пятикомнатный дом стоит две с половиной тысячи долларов, десятикомнатный — пять. Но пока на десятикомнатные дома желающих мало.

— Что вы понимаете под словом «пока»?

— Дело в том, сэр, что эти дома можно расширять. К примеру, вы покупаете пятикомнатный дом, а через некоторое время замечаете, что вам нужна еще одна комната, мы приезжаем, производим замеры — и ваш дом становится шестикомнатным.

— Переделки стоят дорого? — спросила Энн.

— Отнюдь, те же пятьсот долларов за каждую новую комнату. Все остальное мы берем на себя.

— Эти дома — сборные? — снова спросила Энн.

— Кажется, их так называют, хотя это не совсем соответствует истине. Когда говорят о сборных домах, имеют в виду дома, которые собираются из отдельных конструкций; такая сборка занимает восемь—десять дней. В результате вы получаете только оболочку — без отопления, без каминов — словом, без начинки...

— Меня интересует эта дополнительная комната,— прервал Виккерс.— Вы сказали, что в случае необходимости вас следует вызвать и вы присоедините ее.

Продавец как-то сжался.

— Не совсем так, сэр. Мы не присоединяем ее. Мы трансформируем дом. У вас по-прежнему остается удобный дом, планировка которого отвечает самым последним достижениям домостроения. Иногда требуется полная трансформация дома, меняется расположение комнат и тому подобное. Конечно,— добавил продавец,— если вы хотите целиком трансформировать дом, лучше обменять его на новый. За все эти операции мы берем чисто условную плату в размере одного процента в год, не считая, разумеется, стоимости дополнительных комнат.

Он с надеждой посмотрел на них.

— Может быть, у вас уже есть дом?

— Крохотный коттедж в долине,— сказал Виккерс,— ничего особенного.

— Какова его цена, по вашему мнению?

— Пятнадцать—двадцать тысяч, но не думаю, что смогу продать его за эту цену.

— Мы вам дадим двадцать тысяч,— сказал продавец,— после оценки экспертами. Наши эксперты не очень придирчивы.

— Но,— возразил Виккерс,— мне не нужен дом больше чем из пяти-шести комнат. Он не будет стоить дороже двух с половиной—трех тысяч...

— О, это не имеет никакого значения,— ответил ему продавец.— Разницу мы вам выплатим наличными.

— Ну это уже совершенная бессмыслица!

— Вовсе нет. Мы готовы выплачивать нашим покупателям всю стоимость их домов, чтобы как можно шире знакомить людей с нашей продукцией. Иными словами, мы выплачиваем вам разницу, убираем ваш старый дом и возводим для вас новый. Все очень просто.

Энн обратилась к Виккерсу:

— Скажи, что тебя это не интересует. Дело выглядит слишком выгодным, а потому ты, конечно, отказываешься.

— Простите, мисс,— сказал продавец,— я не понял.

— У нас свои счеты,— успокоил его Виккерс.

— А! Я уже говорил, что владелец дома пользуется рядом преимуществ.

— Расскажите нам о них, пожалуйста,— сказала Энн.— Это интересно.

— Охотно. В доме установлен солнечный генератор. Вам известно, что это такое?

Виккерс утвердительно кивнул:

— Установка, преобразующая солнечную энергию в электрическую.

— Совершенно верно,— сказал продавец.— Однако наш генератор значительно превосходит все установки такого рода. Он круглый год снабжает дом электроэнергией. Вы перестаете нуждаться в коммунальных услугах. Более того, генератор производит громадное количество энергии, значительно большее, чем вам может понадобиться.

— Чудесно,— сказала Энн.

— Дом полностью оборудован. В нем устанавливаются холодильник с морозильной камерой, стирально-сушильная и посудомоечная машины, мусородробилка, тостер, вафельница, радиоприемник, телевизор и прочая аппаратура.

— За особую плату, конечно? — обронил Виккерс.

— Вовсе нет. Все те же пятьсот долларов за комнату.

— А кровати,— спросила Энн,— кресла и остальная мебель?

— Увы,— сказал продавец,— мебель вы должны покупать сами.

— А сколько стоит разборка старого и установка нового дома? — спросил Виккерс.

Продавец с достоинством расправил плечи.

— Поймите, речь идет о честном предложении. Никакого обмана. Вы покупаете дом или даете распоряжение о его оплате по пятьсот долларов за комнату. Наши бригады специализированных рабочих разбирают ваш дом и устанавливают новый. В указанную нами цену входит абсолютно все. Никаких дополнительных платежей. Правда, иногда покупатели хотят сменить место жительства. В этом случае нам всегда удается договориться с ними о приемлемом обмене их старого владения на новое. Я полагаю, вы хотите остаться там же. В долине. Очень красивое место.

— Не уверен,— сказал Виккерс.

— Я кое-что упустил,— продолжал продавец.— Наши дома не требуют окраски. Они построены из материала, который никогда не меняет своего цвета. У нас большой выбор приятных оттенков.

— Простите, что мы отняли у вас время,— сказал Виккерс.— Мы не клиенты, а просто прохожие.

— Но у вас есть дом?

— Да, есть.

— Мы готовы заменить его на новый и выплатить вам кругленькую сумму...

— Я это уже слышал,— сказал Виккерс,— но...

— Мне кажется,— перебил его продавец,— что вы должны уговаривать меня, а не я вас...

— У меня есть дом, который мне нравится. Откуда мне знать, будет ли мне хорошо в вашем новом доме?

— Но, сэр,— сказал продавец,— я не объяснил...

— Я привык к своему дому. Привык, и он платит мне тем же. Я очень привязался к нему.

— Джей Виккерс! — воскликнула Энн.— Так привыкнуть к дому за три года? Слушая тебя, можно подумать, что речь идет о родовом замке.

Виккерс продолжал упорствовать:

— Я его чувствую, я его знаю. В столовой скрипит одна половица, и я иногда специально наступаю на нее, чтобы услышать ее скрип. В виноградной лозе над террасой живут два снегиря, а в подвале поселился сверчок. Я искал его, но не нашел: он оказался хитрее меня. А теперь я ни за что не трону его, он стал частью дома и...

— В наших домах вас никогда не будут беспокоить сверчки. Материалы, из которых сделан дом, содержат инсектициды. Вас никогда не будут беспокоить комары, муравьи, сверчки и любая другая живность.

— Но сверчок вовсе не мешает,— возразил Виккерс.— Об этом-то я и толкую. Более того, я уверен, что не смогу жить в доме, где не могут водиться сверчки. Мыши — дело другое.

— Уверяю вас,— заявил продавец,— мышей в наших домах не бывает.

— У меня их тоже не будет. Я вызвал специального человека, и он уничтожит их.

— Я еще хочу спросить вас,— обратилась Энн к продавцу,— вы говорили о стиральной машине, холодильнике...

— Разумеется.

— Но вы ничего не сказали о плите...

— Разве? — удивился продавец.— Как я мог о ней забыть? Конечно, мы устанавливаем и плиту.

Глава 9

Когда автобус прибыл в Клиффвуд, уже начало темнеть. Виккерс купил газету и перешел на другую сторону улицы, где находилось единственное в городе приличное кафе.

Он заказал ужин и только развернул газету, как услышал пронзительный голосок:

— О, мистер Виккерс!

Виккерс опустил газету. Перед ним стояла Джейн, девчушка, с которой он завтракал утром.

— А, Джейн, добрый вечер,— сказал он.— Что ты тут делаешь?

— Мы с мамой пришли купить мороженого.— Джейн влезла на стул и уселась напротив него.— А где вы были целый день, мистер Виккерс? Я приходила к вам, но там был один человек, и он не хотел меня пускать. Он сказал, что травит мышей. Зачем он травит мышей, мистер Виккерс?

— Джейн,— раздалось над головой.

Виккерс поднял глаза. Рядом стояла элегантная цветущая женщина и улыбалась ему.

— Она вам не мешает, мистер Виккерс?

— Ни капельки, она так мила.

— Я — миссис Лесли,— произнесла женщина.— Мать Джейн. Мы с вами уже давно стали соседями, а познакомиться как-то не довелось.

Она присела к столу.

— Я прочла несколько ваших книг,— сказала она,— они мне очень понравились. Но я прочла не все. Ужасно мало времени.

— Благодарю вас, миссис Лесли,— сказал Виккерс.

«А она ведь решит,— подумал он,— что я благодарю ее за то, что она соизволила прочесть мои книги».

— Я давно собиралась зайти к вам,— призналась миссис Лесли.— Мы организуем клуб фантазеров, и ваше имя — в моем списке.

Виккерс отрицательно покачал головой.

— Я ограничен во времени. И придерживаюсь нерушимого правила — ни в чем не принимать никакого участия.

— Но,— возразила миссис Лесли,— мы там будем заниматься тем же, чем и вы.

— Спасибо, что подумали обо мне.

Она смущенно улыбнулась.

— Вы считаете нас сумасшедшими, мистер Виккерс?

— Нет, ни в коем случае.

— Тогда взрослыми детьми?

— Ну, если вы именно так формулируете свою мысль,— сказал Виккерс,— я соглашусь с вами. Ваша затея мне действительно кажется ребячеством.

«Вот я и совершил промашку,— подумал он.— Теперь она представит дело так, будто это мои слова, а не ее. Все соседи будут знать, что именно я назвал идею клуба ребячеством».

Но слова Виккерса, казалось, не задели ее.

— Если у человека каждая минута на счету, то наша затея, может, и покажется ему ребячеством. Однако специалисты считают, что такой клуб — прекрасное средство занять себя вне дома.

— Не сомневаюсь,— сказал Виккерс.

— Нужно много работать. Когда вы выбираете эпоху, в которой хотели бы жить, надо все о ней читать, все выискивать и день за днем вести дневник: со всеми подробностями, а не одной-двумя фразами описывать свое ежедневное воображаемое времяпрепровождение, чтобы всем было интересно это слушать.

— В истории было много увлекательных эпох,— сказал Виккерс.

— Как приятно слышать это! — воскликнула миссис Лесли.— Вы не можете указать мне одну из них? Например, какую бы эпоху выбрали вы сами, мистер Виккерс?

— Простите меня. Я никогда не задумывался над этим.

— Но вы же сказали, что их много.

— Конечно. И все же, если хорошенько подумать, наша эпоха не менее увлекательна, чем другие.

— Но сейчас ничего не происходит.

— Напротив, именно сейчас происходит много интересного,— возразил Виккерс.

Он испытывал жалость к этим взрослым людям, которые притворялись, что живут в другом веке, и во всеуслышание заявляли, будто не могут жить в своем времени. Они прикрывали свою внутреннюю пустоту желанием хоть на мгновение окунуться в затхлое очарование чужой жизни.

Он вспомнил разговор двух женщин, сидевших позади него в автобусе. Какое удовлетворение можно получить от воображаемой жизни во времена Пеписа? Жизнь самого Пеписа была заполнена скитаниями, самыми разными встречами. Крохотные таверны, где можно получить кусок сыра и кружку вина, представления, сборища, разговоры далеко за полночь и, наконец, множество всяких забот, столь же естественных для Пеписа, сколь неестественных для этих фантазеров.

Их движение стало бегством от действительности, но от чего именно? Может, от неуверенности в себе? Они жили в повседневном напряжении, которое не оставляло их в покое ни на минуту, хотя и не перерастало в страх. Возможно, их постоянно мучило неосознанное сомнение, а такое состояние духа не могли компенсировать никакие ухищрения технологической эпохи.

— Мороженое нам уже, наверное, упаковали,— заторопилась миссис Лесли, беря перчатки и сумочку.— Буду рада видеть вас как-нибудь вечерком у нас, мистер Виккерс.

Виккерс встал вместе с ней.

— Непременно как-нибудь зайду,— пообещал он.

Он знал, что никуда не пойдет, а она не хотела, чтобы он приходил, но такова была обязательная формула вежливости.

— Пойдем, Джейн,— сказала миссис Лесли.— Я очень рада, что наконец познакомилась с вами, мистер Виккерс.

Не дожидаясь ответа, она удалилась.

— Дома сейчас все хорошо,— успела шепнуть Джейн.— Мама с папой помирились.

— Рад за тебя,— сказал Виккерс.

— Папа обещал больше не ухаживать за женщинами,— добавила Джейн.

— Счастлив слышать это,— ответил Виккерс.

Мать окликнула ее через зал:

— Мне надо идти!

Джейн торопливо сползла со стула и бегом бросилась за матерью. Прежде чем скрыться за дверью, девочка обернулась и помахала ему рукой.

«Бедняжка,— подумал он.— Что ее ждет? Будь у меня такая дочь...» Он тут же прогнал эту мысль. У него не было дочери. У него была полка с книгами, его ждала рукопись — его надежда и возможный успех. И вдруг все показалось ему таким ничтожным, включая и его лишенный смысла успех. «Книги и рукописи,— думал он,— можно ли строить жизнь только на этом?»

Перед ним, как и перед каждым сейчас, стояла проблема, как жить дальше. Долгие годы мир находился в страхе перед возможной войной. Вначале была безысходность, бегство от окружения и от себя, потом чувство обреченности притупилось, оставив какую-то саднящую ранку в глубине души, его перестали замечать, сжились с этой ноющей болью...

«И ничего странного в появлении фантазеров нет»,— сказал он себе. Он и сам жил вне действительности со своими книгами и рукописями.

Глава 10

Он поискал ключ под цветочным горшком на террасе, но его там не оказалось. И он вспомнил, что оставил дверь открытой, чтобы Джо мог попасть в дом.

Он повернул дверную ручку и вошел, на ощупь в темноте добрался до стола и зажег лампу. Под лампой лежал клочок белой бумаги, на котором размашистым почерком было написано:

«Джей, я все сделал и проветрил дом. Плачу сотенную за каждую пойманную мышь.

Джо».

Он услышал шорох и, повернувшись, заметил, что на террасе кто-то покачивался в его любимом кресле-качалке. За-

женная сигарета выписывала в темноте замысловатые кривые.

— Это я,— раздался голос Гортона Фландерса.— Вы уже поужинали?

— Я перекусил в поселке.

— Жаль, я принес бутерброды и пиво. Я думал, вы будете голодны, и, зная вашу любовь к стряпне...

— Спасибо,— сказал Виккерс,— пока я сыт. Может, поедим попозже.

Бросив шляпу на стол, он вышел на террасу.

— Я занял ваше место,— забеспокоился Фландерс.

— Ничего страшного,— ответил Виккерс.

— Какие новости? У меня дурная привычка не заглядывать в газеты.

— Ничего нового. Все те же разговоры о войне.

— Они не прекращаются уже добрых тридцать лет. Но пока все же дело ограничивалось локальными конфликтами. Правда, мировая война могла вспыхнуть по меньшей мере раз двенадцать.

— Я как-то никогда об этом не задумывался, мистер Фландерс. Однако, полагаю, никому не хочется воевать,— сказал Виккерс.

— Так-то оно так, да не всегда стремление к миру позволяет предотвратить войну. Сколько раз великие державы оказывались перед выбором — начать войну или уступить. И они всегда уступали. Однако так происходит лишь последние тридцать лет. Вам не кажется, мистер Виккерс, что появился какой-то новый фактор?

— Я, пожалуй, не вижу никакого нового фактора. Человек остался человеком. Люди не всегда воевали. В 1945 году они закончили самую страшную в истории войну.

— С тех пор возникало немало поводов, вспыхивали местные конфликты, но не мировая война. Как вы думаете почему?

— Мне трудно сказать.

— А я считаю, что все дело в появлении нового фактора.

— Может, это страх перед новыми видами оружия?

— Может, и так,— согласился Фландерс,— но страх — удивительное чувство. Он в равной мере может и вызвать войну, и помешать ей. Однако не думаю, мистер Виккерс, что страх является единственной причиной поддержания мира.

— Вы полагаете, существует некий психологический фактор?

— Не исключено,— ответил Фландерс,— как не исключено и вмешательство.

— Вмешательство? Чье?

— Затрудняюсь ответить на ваш вопрос. Но я уже давно одержим этой мыслью, и не только в связи с последними событиями. Столетие назад с нашим миром что-то произошло. До тех пор наблюдался медленный прогресс, почти не менялся образ мыслей. И вдруг мелко семенившее человечество двинулось вперед семимильными шагами. Люди изобрели автомобиль, телефон, кино, летательные аппараты. Появились радио, телевидение... И четверти века не понадобилось, чтобы классическая физика уступила место новой форме мышления. Человеческий разум принял свое невежество как должное, столкнувшись с атомом и электронами. Появились такие науки, как атомная физика, квантовая электроника. Физики вдруг набрались храбрости и заявили, что не знают, почему электроны ведут себя именно так, а не иначе.

— Вы хотите сказать,— прервал его Виккерс,— произошло нечто, что сбило человека с его пути? Но так случается не впервые. Был Ренессанс, и была промышленная революция.

— Я не утверждаю, что это произошло впервые,— ответил Фландерс.— Я только сказал, что это имеет место. Тот факт, что нечто подобное уже случалось, только доказывает некую закономерность. Значит, мы являемся свидетелями какого-то явления. Но кто пришпорил выдохшуюся лошадь цивилизации и заставил ее галопом рвануться вперед, да так, что она, не выказывая усталости, не снижает скорости уже добрую сотню лет?

— Вы говорите о вмешательстве,— сказал Виккерс.— И дали волю своей фантазии. Может, вы думаете, что это какие-нибудь марсиане?

Фландерс отрицательно покачал головой:

— Нет, не марсиане. У меня возникла более общая идея.

Он указал сигаретой на усеянное звездами ночное небо.

— Там должны находиться неисчерпаемые источники знания. Повсюду в этом пространстве, окружающем нашу Землю, должны жить разумные существа, об уровне развития их науки мы можем только догадываться. Какая-то часть знаний, которыми они располагают, может оказаться полезной людям Земли.

— Вы имеете в виду пришельцев?

— Нет,— ответил Фландерс.— Я считаю, что источник знания ждет нас на месте. Ждет, пока мы сможем добраться до него.

— Но звезды слишком далеко...

— Не исключено, что нам не понадобятся ракеты. Нам не придется летать, а мы сможем попасть туда с помощью разума...

— Телепатия?

— Возможно, это ближе к действительности. Разум, который исследует и ищет; разум, который пытается вступить в контакт с другим разумом. Если телепатия существует, то расстояния роли не играют — полмили или световой год, какая разница? Разум не подчиняется физическим законам, а следовательно, может путешествовать со сверхсветовой скоростью.

Виккерс смущенно засмеялся — он почувствовал, как по затылку ползут невидимые мурашки.

— Вы шутите,— сказал он.

— Возможно,— согласился Фландерс.— Наверно, я — просто эксцентричный старик, любящий побеседовать с человеком, который не очень смеется над его словами.

— А имеются ли какие-либо доказательства применимости и пользы знаний, о которых вы говорили? Ведь они могут оказаться чуждыми для нас, потребуют иной логики мышления, будут касаться иных проблем и использовать иные понятия, которые мы не в состоянии осмыслить.

— В основном вы правы,— сказал Фландерс.— Придется прибегнуть к какому-то отсеву. Но среди плевел окажутся и зерна. Так, например, если будет обнаружено средство, исключающее трение, появятся вечно работающие машины, появятся...

— Минуточку! — нервно воскликнул Виккерс.— К чему вы клоните? Почему вы говорите именно о вечно работающих машинах? У нас они уже появились. Утром я говорил с Эбом...

— А! Вечмобиль... Именно его я и имел в виду, мистер Виккерс.

Глава 11

Еще долго после ухода Фландерса Виккерс сидел в своем кресле и курил, рассматривая кусочек неба между оградой и крышей террасы... Он видел бесчисленные блестки звезд и думал, как трудно, да и вообще возможно ли оценить расстояние между ними и время, необходимое, чтобы его преодолеть.

Фландерс был старым человеком, и его потертый пиджак, деревянная трость и изысканная манера речи наводили на мысль

о былых временах. Мог ли он знать и знал ли о том, что накоплено на далеких звездах?

Подобные разговоры мог вести любой мечтатель. Что он еще сказал? Что-то о вмешательстве. Но все его рассуждения носят отвлеченный характер. Фландерс ищет в них убежища от действительности. Туманные рассуждения помогают ему забыть об унылом существовании.

«Вот и я,— подумал Виккерс,— тоже начал фантазировать. Что я знаю о жизни этого эксцентричного старика?»

Он встал с кресла и вошел в гостиную. Выдвинул стул, уселся перед рабочим столом, поглядел на пишущую машинку, стоявшую с немым укором,— останься он дома на целый день, к рукописи прибавилось бы еще немного.

Виккерс взял несколько страниц, хотел было их перечитать, но почувствовал, что потерял к ним интерес, и вдруг испугался: неужели ушло вдохновение, заставлявшее его писать каждый день? Он не мог противиться внутренней потребности освободить свой мозг от накопившихся мыслей и тем самым вновь обрести ясность мышления. Он воспринимал необходимость писать как неизбежное покаяние, после которого снова можно спокойно жить.

Он отказался писать книгу для Крофорда, сказав, что она не интересует его, и это было правдой, ибо он мечтал вернуться домой, к своей рукописи, оставшейся на столе.

Но рукопись была не единственной причиной отказа — на него подействовало и еще что-то. «Предчувствие»,— сказал он Энн, и та подняла его на смех. А у него на самом деле было предчувствие, более того, ощущение опасности, страха, словно рядом стоял его двойник и умолял как можно быстрее уйти оттуда.

Рассуждая логически, он не должен был ощущать страха. У него не было никаких причин отказываться от предложения Крофорда. Деньги очень пригодились бы. И Энн получила бы хорошие комиссионные. Отказ противоречил здравому смыслу. И все же он отказался без малейшего колебания.

Он положил страницы поверх стопки, встал и задвинул стул.

Шорох скользящего по ковру стула словно послужил сигналом — в темном углу послышался топот, кто-то перебежал в другой угол. И все стихло — только через открытую дверь доносилось шуршание виноградной лозы, которая, качаясь, задевала за накомарник, натянутый вокруг террасы. Затем лоза переста-

ла качаться, и в доме стало совсем тихо, сверхъестественно тихо, словно весь дом замер, ожидая, что произойдет дальше.

Виккерс медленно повернулся и окинул взглядом комнату. Он поворачивался очень осторожно, стараясь не производить ни малейшего шума и в то же время не показаться кому-то смешным.

Мышей быть не могло. Джо гарантировал. Кто же тогда мог бегать из угла в угол?

Ничто не нарушало тишины. Даже не тишины, а какого-то мертвого оцепенения: казалось, кто-то, сдерживая дыхание, затаился во тьме.

Двигая только глазами — ему чудилось, стоит повернуть голову, как хруст шейных позвонков навлечет на него опасность,— Виккерс осматривал комнату, внимательно вглядываясь в темные углы, куда не доставал свет лампы. Он осторожно завел руки за спину, чтобы ухватиться за край стола, опереться на что-нибудь твердое. Пальцы его правой руки наткнулись на металлический предмет, и он угадал в нем пресс-папье, которое снял с рукописи, когда сидел за столом. Он схватил его и зажал в руке — теперь он был вооружен.

Кто-то притаился в углу возле желтого кресла, и, хотя это существо не имело глаз, Виккерс чувствовал, что за ним наблюдают. Существо еще не знало или не хотело знать, что его заметили, но такое положение не могло длиться долго.

— Вот тебе! — крикнул Виккерс и с силой метнул пресс-папье в угол.

И тут же послышался звон катящихся по полу металлических деталей.

Глава 12

Перед Виккерсом лежала груда обломков: разбитые крохотные радиолампы, перепутанные провода, потрескавшиеся кристаллы, помятый металлический корпус, в котором помещалась вся эта таинственная механика, совершенно неизвестная ему.

Он подвинул к себе настольную лампу, чтобы лучше рассмотреть собранные с пола предметы, и нерешительно трогал их пальцем.

Оказывается, вовсе не мыши разгуливали ночью по дому. И кошка боялась этого незнакомого предмета, обходившего мышеловки.

Судя по всему, это было какое-то электронное устройство. «Электронный шпион,— догадался Виккерс,— который движется, слушает, наблюдает за мной, записывает все, что видит и слышит, а потом кому-то передает добытую информацию. Но кому? И зачем? А может, это что-то совсем другое и его присутствие объясняется очень просто, а может, и вовсе необъяснимо. Будь это электронный соглядатай, мне не удалось бы застигнуть его врасплох. Ясно одно: шорохи и шаги, которые месяцами слышались по ночам, отнюдь не мышиная возня».

Однако всякий шпион ведет наблюдения, стараясь ничем не выдать своего присутствия. Тем более подобное устройство. Его нельзя было бы обнаружить, не пожелай оно открыться.

Не пожелай оно открыться... Он сидел за столом, потом встал, отодвинул стул. И только тогда услышал топот. Если бы оно не побежало, он никогда и не заметил бы его. Да и для бегства не было причин: в комнате было темно, светила лишь настольная лампа, к тому же этот соглядатай находился у него за спиной.

Теперь Виккерс был уверен, что устройство сознательно обнаружило себя, сознательно побежало по комнате, привлекая к себе внимание, и не пыталось скрыться, когда его заметили.

Он снова сел, на лбу выступил холодный пот, но он даже не поднял руки, чтобы стереть его.

Оно хотело, чтобы его заметили... Оно хотело, чтобы он узнал о нем. Конечно, не оно само хотело этого, а организация или человек, которые стояли за всем этим и поместили эту штуку в его дом. Несколько месяцев шпион гулял по дому, слушал, наблюдал, теперь настало время сказать ему, что за ним наблюдали.

Но для чего и кто?

Он подавил растущее чувство панического страха и заставил себя остаться сидеть.

«Это явно связано с событиями сегодняшнего дня,— подумал он.— Сегодня что-то произошло, и те, кто наблюдал за мной, решили, что пора ввести меня в курс дела».

Он перебрал в памяти все события дня.

Соседская девочка, которая зашла позавтракать.

Воспоминание о прогулке двадцатилетней давности.

Газетная статья о множественности миров.

Вечмобиль.

Беседа двух женщин в автобусе.

Крофорд и его рассказ о загнанном в угол мире.

Дома по пятьсот долларов за комнату.

Миссис Лесли и организованный ею клуб.

Мистер Фландерс, утверждающий, что какой-то новый фактор оберегает мир от войны.

Мышь, которая оказалась электронным соглядатаем.

Но это было не все. Сам не зная почему, он был уверен, что упустил какой-то важный факт, который следовало поставить в один ряд с сегодняшними событиями.

Был Фландерс, который говорил, что интересуется магазинчиками, что его заинтриговала история с углеводами, что он уверен в развитии каких-то событий.

А вечером, сидя на террасе, старик рассуждал о запасе знаний в иных звездных мирах, о факторе, который предохранял мир от войны, и о факторе, который может помочь вывести человечество из тупика, указав ему путь дальнейшего развития. Фландерс подчеркнул, что его рассуждения носят общий характер.

Но были ли они столь общими?

Или Фландерс знал значительно больше, чем говорил?

А если знал, то что именно?

Виккерс отодвинул стул и встал. Он взглянул на часы — было два часа ночи.

«Тем хуже,— подумал он.— Пришло время объясниться. Даже если придется выломать дверь и вытряхнуть Фландерса из постели в ночной рубашке — он был уверен, что Фландерс спал не в пижаме,— я должен узнать все».

Глава 13

До дома Фландерса было еще далеко, когда Виккерс заметил неладное. Во всех окнах от подвалов до чердаков горел свет. По саду двигались люди с фонарями, посреди улицы о чем-то спорили несколько мужчин, на террасах домов видны были женщины и дети в наброшенных наскоро халатах. Все это выглядело так, будто они ждут послеполуночного парада, который вот-вот откроет шествие по улице.

Возле ограды стояла группа людей; свернув к ним, Виккерс узнал знакомые лица. Среди них были Эб, Джо и владелец аптеки Вик. Они поздоровались.

— Что случилось? — поинтересовался Виккерс.

— Исчез старик Фландерс,— ответил Вик.

— Служанка поднялась к нему ночью, чтобы дать лекарство,— пояснил Эб,— но Фландерса в комнате не оказалось. Она поискала его, а потом пошла за помощью.

— Поиски уже начали? — спросил Виккерс.

— Только вокруг дома,— ответил Эб,— но теперь надо расширить круг и организовать систематическое прочесывание местности.

Владелец аптеки добавил:

— Мы думали, он решил прогуляться по саду и у него случился приступ. Поэтому вначале искали только здесь.

— Мы обшарили весь дом сверху донизу и каждый ярд в саду,— сказал Джо.— И никаких следов.

— Может, он решил пройтись,— предположил Виккерс.

— Какой здравомыслящий человек станет гулять после полуночи? — возразил Джо.

— Мне кажется, он был немного не в своем уме,— сказал Эб.— Я ничего не хочу сказать плохого, скорее наоборот. В жизни не встречал человека вежливее. Но было в нем что-то странное.

Приблизилась фигура с фонарем.

— Ну что, начнем? — спросил мужчина.

— Конечно, шериф,— откликнулся Эб.— Мы в вашем распоряжении. Ждали, пока вы все организуете.

— Ладно,— сказал шериф,— в темноте много не сделаешь, но через пару часов рассветет. Сейчас организуем несколько поисковых групп. Часть из них прочешет город — все улицы и переулки, а остальным, пожалуй, следует отправиться к реке.

— Мы согласны,— ответил за всех Эб,— скажите, что делать, и начнем.

Шериф поднял фонарь повыше и посмотрел на них.

— А! Джей Виккерс? Рад вас видеть здесь. Нам нужны все мужчины.

Виккерс солгал, сам не зная почему:

— Я услышал шум и решил узнать, в чем дело.

— Кажется, вы хорошо знали этого старика? Лучше, чем все остальные.

— Он заходил поболтать со мной почти каждый день.

— Знаю. Мы заметили это. Ни с кем другим он особенно не разговаривал.

— Нас интересовали общие темы,— объяснил Виккерс.— Мне кажется, он чувствовал себя очень одиноким.

— Его служанка сказала, что он заходил к вам вчера вечером.

— Совершенно верно,— подтвердил Виккерс.— Он ушел сразу после полуночи.

— Вы не заметили ничего необычного в его поведении, в его словах?

— Ну-ну, шериф,— вмешался Эб,— уж не думаете ли вы, что Джей имеет к этому какое-то отношение?

— Нет,— ответил шериф,— не думаю.— Он опустил фонарь и добавил: — Если хотите, направляйтесь к реке, разделитесь на две группы и пройдите вниз и вверх по течению. Не думаю, что вы что-нибудь обнаружите, но кто знает. Возвращайтесь к рассвету. Тогда возьмемся за дело всерьез.

Шериф повернулся, поднялся на кирпичный тротуар и удалился, размахивая фонарем.

— Наверно,— сказал Эб,— нам тоже пора. Я спущусь вниз по реке с одной группой, а Джо с другой пусть идет вверх по течению. Согласны?

— Я согласен,— ответил Джо.

Они миновали ограду, прошли по улице до перекрестка и направились к мосту. Там остановились.

— Отсюда мы пойдем в разные стороны,— скомандовал Эб.— Кто пойдет с Джо?

Несколько человек подошли к Джо.

— Ну вот,— сказал Эб,— а остальные за мной.

Они спустились к берегу реки, где стоял холодный и влажный туман, в темноте слышался плеск воды. Какая-то ночная птица прокричала где-то на другом берегу.

— Мы найдем его, Джей? — спросил Эб.

Виккерс помедлил с ответом:

— Нет, не думаю. Не могу сказать почему, но почти уверен, что не найдем.

Глава 14

Виккерс вернулся домой только к вечеру. Открыв входную дверь, он услышал телефонные звонки и поспешил снять трубку.

Звонила Энн Картер.

— Я пытаюсь поймать тебя с самого утра. Прямо-таки извелась. Где ты был?

— Искал человека,— сказал Виккерс.

— Джей, мне не до шуток.

— А я не шучу. Пропал один мой сосед — старик. Я участвовал в его поисках.

— Нашли?

— Нет.

— Жаль,— сказала Энн.— А что, симпатичный человек?

— В высшей степени.

— Может, вы его еще найдете?

— Возможно,— ответил Виккерс.— Что тебя так взволновало?

— Помнишь, о чем говорил Крофорд?

— Он о многом говорил.

— Я имею в виду прогноз на ближайшее будущее. Помнишь?

— Боюсь, что нет.

— Он сказал, что очередь за одеждой. Платья за пятьдесят центов.

— Теперь припоминаю.

— Так вот, это произошло.

— Что произошло?

— В продажу поступили такие платья. Правда, не по пятьдесят центов, а по полтора доллара.

— Ты уже купила себе?

— Нет, Джей, мне стало страшно. Я шла по Пятой авеню и увидела в витрине табличку, совсем скромную табличку, где было написано, что здесь за полтора доллара можно купить платье, сшитое на манекенщицу. Джей, ты когда-нибудь видел на Пятой авеню платья за полтора доллара?

— Нет, никогда.

— Это было такое красивое платье,— говорила Энн.— Оно все переливалось. И это были не блестки и не нити, блестела сама ткань. Словно живая. А цвет... Джей, это было самое красивое платье, которое я когда-либо видела, и я могла купить его всего за полтора доллара. Но не решилась. Я вспомнила слова Крофорда, и у меня по спине поползли мурашки.

— Жаль,— усмехнулся Виккерс.— Успокойся и возвращайся туда завтра утром, может, оно еще не продано.

— Но речь идет совершенно о другом, неужели ты не понимаешь, Джей? Слова Крофорда подтверждаются. Значит, он говорил всерьез, заговор действительно существует, и мир находится в отчаянном положении.

— А что же ты хочешь от меня?

— Не знаю, Джей. Я подумала, что тебя это заинтересует.

— Меня это очень интересует,— ответил Виккерс.

— Джей, что-то происходит.

— Успокойся, Энн. Конечно, что-то происходит.

— Но что, Джей? Крофорд явно не все сказал.

— Я сам не знаю что, но что-то небывалое. Это выше нашего понимания. Мне надо поразмыслить над этим.

— Джей,— сказала она, в ее голосе уже не было прежней тревоги,— мне стало лучше. Я рада, что поговорила с тобой.

— Пойди завтра утром в магазин и купи охапку этих полуторадолларовых платьев. Только приходи пораньше, до толпы.

— До толпы? Не понимаю.

— Послушай, Энн. Как только эта новость станет известна, Пятую авеню запрудит такая толпа любителей дешевых распродаж, какой ты никогда не видела.

— Ты прав, Джей. Ты позвонишь мне завтра?

— Позвоню.

Они попрощались, и Джей повесил трубку. Некоторое время он стоял на месте, размышляя, что делать дальше. Следовало приготовить обед, сходить за газетами, просмотреть почту.

Он вышел наружу и по дорожке дошел до почтового ящика. Перебрал пачку лежавших там писем, но уже стало темно и трудно было разобрать отправителей. «Проспекты,— подумал Виккерс,— и счета. Месяц только начался, а их уже куча».

Он вернулся в дом, зажег настольную лампу и положил письма перед собой. На столе все еще лежали обломки, которые он подобрал с пола прошлым вечером. Глядя на них, он не верил, что все случилось только накануне, ему казалось, что с того момента, как он швырнул пресс-папье и разбитые детали градом посыпались на пол, прошло уже очень много времени.

Он стоял на том же месте, что и вчера, и чувствовал — разгадка совсем рядом, но не знал, где ее искать.

Снова зазвонил телефон. Это был Эб.

— Ну, что вы скажете?

— Не знаю, что и подумать,— ответил Виккерс.

— Он определенно в реке. Где ему еще быть? Я сказал об этом шерифу. Завтра с восходом солнца они начнут тралить реку.

— Не знаю,— проговорил Виккерс,— может, вы и правы, но не думаю, что он умер.

— Почему?

— По правде говоря, у меня нет никаких оснований считать его живым. Я сказал бы — просто предчувствие.

— Я звоню вам,— сказал Эб,— чтобы сообщить о получении вечмобилей. Они прибыли после обеда. Все же вам нужна такая машина.

— По правде говоря, Эб, я серьезно не думал о ней, но, возможно, я и заинтересуюсь.

— Я подгоню вам одну завтра утром. Посмотрите, попробуйте. Может, она вам понравится.

— Ладно,— согласился Виккерс.

— Тогда договорились. До завтра.

Виккерс вернулся к столу и взял письма. Счетов не было. В шести конвертах оказались проспекты, а на седьмом адрес был написан угловатыми буквами.

Он вскрыл конверт. Внутри лежал тщательно сложенный белый лист.

Виккерс развернул его.

«Дорогой Виккерс!

Надеюсь, поиски моей персоны не слишком вас утомили.

Я прекрасно понимаю, что мои действия причинят некоторые хлопоты милым жителям нашего славного городка, но я уверен — они все проделают не без удовольствия.

Полагаюсь на вас и убежден, что вы не скажете о письме соседям. Уверяю вас, что нахожусь в здравом уме и мои действия продиктованы необходимостью.

Пишу вам по двум причинам. Во-первых, успокоить вас по поводу моей судьбы. А во-вторых, позволю себе во имя нашей дружбы дать вам совет, хотя вы и не спрашивали его.

Мне кажется, что вы слишком поглощены работой и вам следует несколько дней отдохнуть. Возможно, пребывание в стране вашего детства и прогулки по местам, где вы бродили мальчишкой, помогут вам разобраться в сложившейся ситуации и откроют глаза на многое.

Искренне ваш Гортон Фландерс».

Глава 15

«Не поеду,— подумал Виккерс.— Незачем мне возвращаться в страну своего детства. Нечего там делать после стольких лет».

Однако стоило ему закрыть глаза, и прошлое тут же всплывало перед его мысленным взором: желтоватая глина залитых дождем полей; белые от пыли дороги, петляющие по долинам

и перевалам; почтовые ящики на верхушках покосившихся столбов; тощий скот, бредущий по выбитой копытами дороге; запаршивевшие собаки, которые выскакивали из конуры и долго лаяли вслед каждому проезжавшему мимо фермы автомобилю.

«Если я вернусь, все начнут спрашивать, зачем я приехал и как идут мои дела,— думал он. Буду слышать: "Жаль твоего отца — хороший был человек". Они, как обычно, будут сидеть на перевернутых ящиках возле единственного деревенского магазинчика, жевать свой табак, сплевывать на тротуар, искоса поглядывать на него и говорить: "Значит, ты пишешь книги. Надо бы почитать хоть одну".

И я пойду на кладбище и постою несколько минут со шляпой в руках перед могильной плитой, прислушиваясь к шороху ветра в соснах, растущих у ограды, и думая, что мог бы совершить что-то такое, чем бы они гордились и о чем могли бы рассказать соседям,— но, увы...

Я снова пройду по знакомым с детства дорогам, остановлю машину возле ручья, перелезу через ограду из колючей проволоки, найду омут, в котором ловил голавлей, но ручей окажется струйкой воды, омут — ямой, и уже не будет унесенного весенним разливом дерева, на котором я так любил сидеть. А холмы покажутся мне одновременно чужими и знакомыми, и я буду силиться понять, что изменилось, и чем больше стану думать об этом, тем сильнее охватит меня тоска одиночества. И тогда останется одно — бегство. Я до отказа выжму педаль акселератора, вцеплюсь в руль и постараюсь забыть обо всем.

А потом обязательно доберусь до большого кирпичного дома с колоннами и ложными окнами. Проеду медленно мимо и увижу, что ставни давно не закрываются, со стен осыпалась штукатурка, а розы, которые росли вдоль решетки, погибли суровой снежной зимой.

Не хочу туда возвращаться,— сказал он себе.— Ни за что не хочу...

А если...

Ведь многое может проясниться и встать на свои места, как считал Фландерс.

Но что я должен увидеть?

А вдруг там, в стране моего детства, существует какой-то тайный символ, на который прежде я не обращал внимания и который поможет во всем разобраться?»

А может, эти домыслы не имеют под собой никакой почвы? Существует ли связь между Гортоном Фландерсом, с его

потертым костюмом и смешной тростью, и тем, о чем говорил Крофорд, описывая загнанное в угол человечество?

Доказательств такой связи не было.

Однако Фландерс исчез и написал ему письмо.

Разобраться, писал Фландерс, открыть глаза. Может, он имел в виду его писательское мастерство? Ведь писатель должен наблюдать жизнь взглядом, который не застилают ни предрассудки, ни тщеславие, а у него просто притупилась острота зрения.

Виккерс прижал рукопись ладонью и ласково провел большим пальцем по ее обрезу. «Как мало сделано,— подумал он.— Сколько работы еще предстоит». За последние два дня не прибавилось ни строчки. Два дня впустую.

Чтобы написать хорошую книгу, надо спокойно сидеть на месте, собравшись с мыслями, отгородиться от мира сплошной стеной, пропускающей этот мир небольшими, тщательно отобранными порциями, годными для анализа и изображения с безошибочной ясностью и точностью.

«Спокойно»,— сказал он себе. Но как можно оставаться спокойным, если тебя мучают тысячи вопросов и разрывают сомнения?

Полуторадолларовые платья, полуторадолларовые платья в магазине на Пятой авеню!

Существовало что-то, что он упустил. Еще раз...

Сначала была девчушка, которая пришла позавтракать с ним, затем он прочел газету. Потом он пошел за машиной, и Эб рассказал ему о вечмобиле; его машина оказалась неотремонтированной, и он отправился на остановку автобуса, а там ему встретился Фландерс, и они вместе рассматривали витрину нового магазина, и Фландерс сказал...

Минутку... Он отправился на угол, к аптеке, чтобы сесть в автобус...

На слове «автобус» он запнулся, что-то здесь было...

Он вошел в автобус и уселся возле окна. Рядом с ним всю дорогу никого не было. Так, в одиночестве, он доехал до города.

«Вот оно»,— подумал он и в тот же момент почувствовал одновременно и облегчение, и ужас. Как он мог забыть? Теперь он знал, что надо сделать.

Он вернулся к столу, открыл верхний левый ящик и методично перебрал его содержимое. Он обшарил и другие ящики, но не нашел того, что искал.

«Тетрадь где-то лежит, не может быть, чтобы я выбросил ее».

Вероятно, на чердаке. В одном из ящиков.

Он взобрался вверх по лестнице и зажмурился от резкого света голой лампы, подвешенной к потолку. Воздух на чердаке был холодный, а стропила напоминали зубы чудовищной, готовой вот-вот сомкнуться челюсти, и от этого ему стало не по себе.

Виккерс добрался до ящиков, задвинутых под самую крышу. В каком из трех лежит нужная тетрадь?

Он начал с ближайшего и, разобрав его до половины, под парой старых охотничьих сапог, которые ему так и не удалось отыскать прошлой осенью, нашел свою старую записную книжку.

Он открыл ее, перелистал и остановился на нужной странице.

Глава 16

Наверно, прошли годы, прежде чем он обратил внимание на один странный факт. Но, даже обратив на него внимание, он вначале не задумывался над ним. Потом занялся наблюдениями всерьез.

Целый месяц он скрупулезно вел записи. И когда подозрения подтвердились, пытался убедить себя в том, что у него просто разыгралось воображение. Но записи неумолимо показывали — за фактами что-то крылось.

Дела обстояли намного хуже, чем ему казалось вначале,— подобными фактами изобиловали многие периоды его жизни. И по мере накопления данных его все больше и больше поражало, что прежде он ничего не замечал, хотя это должно было броситься в глаза с самых первых дней.

Все началось с того, что в автобусе рядом с ним никто не садился. Жил он тогда в старом семейном пансионе на окраине города, недалеко от конечной остановки. Он ездил на работу по утрам и всегда занимал в автобусе свое любимое место. На остановках в автобус входили люди, но они не садились рядом. Его это мало трогало, более того, даже устраивало, ибо он мог, опустив шляпу на глаза и поудобнее устроившись, подремать или помечтать, не думая ни о каких правилах приличия. Правда, тогда он не очень заботился об их соблюдении — слишком рано начинался рабочий день.

Люди входили в автобус, усаживались рядом с другими пассажирами, с которыми так же не были знакомы, как и с ним,

поскольку не обменивались ни единым словом. Они садились рядом с другими людьми, пока оставались свободные места. И место рядом с ним занимали лишь тогда, когда приходилось выбирать — сесть или остаться стоять.

Вначале он думал, что от него разит потом или у него дурно пахнет изо рта. Он стал ежедневно принимать ванну и пользоваться мылом с гарантированным запахом свежести, тщательнее чистить зубы и употреблять специальные пасты.

Но ничто не изменилось. Он по-прежнему в одиночестве доезжал на своем сиденье до места.

Внимательно изучив себя в зеркале, он пришел к выводу, что и одежда здесь ни при чем, ибо в те времена одевался не без элегантности. Тогда он решил, что у него дурные манеры, перестал дремать в автобусе с надвинутой на глаза шляпой и стал весело и любезно улыбаться всем подряд. Боже, как он старался — он растягивал рот до ушей.

Целую неделю он был предельно любезен, улыбка не сходила с его лица. Окружающие видели в нем делового молодого человека, начитавшегося Дэйла Карнеги, члена какого-нибудь молодежного инициативного комитета. Но пока были свободные места, рядом с ним по-прежнему никто не садился. Его утешало лишь то, что, когда выбора не было, люди все же предпочитали не стоять.

Потом он заметил и другое.

Его коллеги часто подходили друг к другу, по нескольку человек собирались вокруг чьего-нибудь стола, чтобы поболтать, похвастать своими успехами в гольфе, рассказать сальный анекдот и посетовать на службу «в этой лавочке». Однако никто и никогда не подходил к его столу. Он пробовал сам подходить к другим столам, но с его приближением группа тут же рассыпалась по местам. При попытках поговорить коллеги проявляли особую корректность, но неизменно оказывались чрезвычайно занятыми. Виккерс быстро уходил.

Он критически оценил свои способности в умении поддержать беседу. Они показались ему вполне удовлетворительными. Он не играл в гольф, но знал множество сальных анекдотов, читал все последние книги и видел лучшие фильмы тех лет. Постиг внутренние интриги и мог не хуже других посплетничать о начальнике. Он читал газеты и даже пару еженедельников, мог рассуждать о политике. Короче говоря, способен был достойно поддерживать любой разговор. Но с ним никто не хотел беседовать.

То же самое происходило и в обеденный перерыв. И так было везде, где бы он ни появлялся, теперь он это знал точно.

Он все заносил в тетрадь, расписал каждый день и вот через пятнадцать лет здесь, на пустом и враждебном чердаке, сидя на ящике, перечитывал свои записи. Уставившись в одну точку, он вспоминал сейчас о том периоде своей жизни, о своих чувствах тех дней, когда заметил отчужденность. Вот и вчера, когда он ездил в Нью-Йорк, рядом с ним никто не сел.

Пятнадцать лет назад он не нашел ответа на мучивший его вопрос.

Теперь все началось сначала.

Может, что-то в нем было не как у людей? Может, чего-то не хватало в характере, что не располагало к дружбе с ним?

Однако дело было не только в одиноких поездках в автобусе или обособленности на службе. Были моменты, которые трудно описать. Так, чувство одиночества, которое он постоянно испытывал, происходило от ощущения своего «отличия» от окружающих. Именно оно заставляло его сторониться людей, и, наверно, люди, чувствуя это, сторонились его. Тут было и неумение завязать дружбу, и повышенное чувство собственного достоинства, и нежелание подчиняться общепринятым обычаям.

Именно поэтому он выбрал для местожительства этот изолированный от мира городок, ограничил до минимума круг знакомых и начал карьеру писателя, человека-одиночки, который излагает на бумаге свои подавленные эмоции и тайные мысли, ибо так или иначе, но должен высказаться.

Он построил собственную жизнь на этой своей странности, и, быть может благодаря ей, к нему пришел относительный успех.

Он нашел место в жизни, а теперь вереница событий нарушила его привычное существование.

Вечмобили и искусственные углеводы, Крофорд и его истории о загнанном в угол человечестве — все это вызывало у него смутное ощущение каких-то общих связей и вынуждало принять участие в происходящих событиях.

Его раздражала собственная уверенность в том, что предстоит сыграть эту неясную ему самому роль: у него не было видимых оснований для такой уверенности.

Так было всегда, даже в самых незначительных делах, теперь он понимал это. Его угнетало малоприятное ощущение, что некая истина сама откроется ему, стоит только протянуть руку,

и в то же время он боялся, что никогда не осмелится протянуть ее достаточно далеко.

Было глупо сознавать свою правоту, не зная, почему ты прав, но он знал, что был прав, отвергая предложение Крофорда, хотя по логике вещей его следовало принять, как с самого начала знал, что не удастся отыскать Гортона Фландерса.

Пятнадцать лет назад он оказался лицом к лицу с проблемой, которую решил, не отдавая себе отчета в побуждениях, вызвавших именно такое решение. Он отошел от людей. Он отступил, укрылся и на некоторое время обрел мир и спокойствие. Но теперь интуиция — чувство, граничащее с предвидением,— подсказала ему, что его затворничеству пришел конец. Ему некуда отступать, даже если бы он этого и захотел. Однако удивительнее всего, что ему и не хотелось отступать, хотя места среди людей для него не существовало тоже. Он больше не мог скрываться от человечества.

В одиночестве сидел он на чердаке и слушал, как ветер свистит в черепице.

Глава 17

Кто-то колотил во входную дверь, выкрикивая его имя, но прошло несколько мгновений, прежде чем Виккерс услышал стук. Он встал с ящика, и записная книжка, выскользнув из рук, упала на пол исписанными страницами кверху.

«Кто там? — хотел спросить он.— Что случилось?»

Но голос отказал ему.

— Джей,— крикнул кто-то,— Джей, где вы?

Спотыкаясь, он спустился вниз, в гостиную. За дверьми стоял Эб.

— Что случилось, Эб?

— Послушайте, Джей,— заспешил Эб,— поскорее уматывайте отсюда!

— Зачем?

— Говорят, вы прикончили Фландерса.

Виккерс ухватился за спинку кресла.

— Я не спрашиваю вас, так ли это на самом деле,— сказал Эб.— Я уверен, вы этого не делали. И поэтому решил спасти вас.

— О чем вы говорите? — не понял Виккерс.

— Все собрались в пивной,— объяснил Эб,— и набираются храбрости, чтобы линчевать вас.

— Кто все?

— Все ваши друзья,— с горечью вымолвил Эб.— Кто-то настроил их против вас. Не знаю кто. У меня не было времени разузнать. Я сразу же бросился сюда.

— Но я любил Фландерса. Только я и любил его. Я был его единственным другом.

— У вас мало времени,— сказал Эб.— Надо уматывать.

— Куда я поеду? У меня нет машины.

— Я пригнал вам вечмобиль,— сказал Эб.— Никто не узнает, что вы воспользовались им.

— Я не хочу скрываться. Они обязаны выслушать меня. Обязаны!

— Вы с ума сошли! Ведь не шериф же явится с ордером на арест. К вам ворвется толпа, вас и слушать не станут.

Эб пересек комнату и крепко схватил Виккерса за руку.

— Уезжайте, черт подери! — воскликнул он.— Я рискую своей шкурой, предупреждая вас. Бегите, пока есть возможность бежать!

Виккерс высвободил руку.

— Хорошо,— сказал он.— Я еду.

— Как у вас с деньгами? — спросил Эб.

— Есть немного.

— Вот еще.— Эб вытащил небольшую пачку ассигнаций.

Виккерс взял их и сунул в карман.

— Бак заправлен полностью,— настаивал Эб.— Смена скоростей автоматическая. Управление как в обычном автомобиле. Я не выключал двигатель.

— Не хотелось бы поступать так, Эб.

— Знаю, что вам неохота уезжать. Но если вы не уедете, жители нашего городка станут убийцами, так что у вас нет выбора. Идите,— он подтолкнул Виккерса к двери,— пора ехать.

Виккерс быстро прошел по дорожке, слыша позади шаги Эба. Машина стояла у ограды. Эб оставил дверцу открытой.

— Садитесь. Поезжайте налево и выскочите на автостраду.

— Спасибо, Эб.

— Ну, скорее.

Виккерс выжал сцепление и нажал на акселератор. Машина тронулась с места и покатилась, быстро набирая скорость. Вскоре он выехал на автостраду и повернул на запад.

Милю за милей он ехал вперед, рассекая тьму лучами фар. Он вел машину в каком-то оцепенении, потрясенный происходящим: его, Джея Виккерса, хотели линчевать соседи, и он бежал от них. Эб сказал, что кто-то подбил их на это, но он не знал кто. Зачинщик должен был ненавидеть его. Но стоило ему подумать об этом человеке, как он понял, кто это был. И снова ощутил то же чувство страха, которое испытал при разговоре с Крофордом, когда отказался писать книгу.

— Что-то назревает,— сказал ему Гортон Фландерс, когда они стояли перед магазином новинок.

За его словами действительно что-то крылось.

Налицо были предметы первой необходимости, которые производились несуществующими фирмами. Налицо была организация бизнесменов, опасающихся какого-то неумолимого врага. Налицо был Гортон Фландерс с его непонятным фактором, удерживающим мир от войны. Налицо были фантазеры, которые бежали от повседневной реальности, забавляясь игрой в прошлое. И наконец, налицо был он сам, силою удивительных обстоятельств держащий путь на запад.

В полночь он уже знал, что делает и куда направляется.

Он держал путь туда, куда советовал ехать Гортон Фландерс. Он возвращался туда, куда поклялся никогда не возвращаться.

Он направлялся в страну своего детства.

Глава 18

Люди выглядели именно такими, какими он их себе представлял. Они сидели на ящиках перед единственным деревенским магазинчиком, жевали табак и, искоса поглядывая на него, говорили:

— Жаль твоего отца, Джей. Хороший был человек.

И еще они говорили:

— Значит, ты пишешь книги. Надо бы почитать хоть одну.

И еще говорили:

— Ты поедешь к своему дому?

— Сегодня же,— отвечал Виккерс.

— Там все переменилось,— добавляли они.— Все стало иначе с тех пор, как там никто не живет.

— Никто не живет?

— Никто. Хозяйство захирело,— отвечали они ему.— Заработков нет. Теперь есть углеводы, многие бросили свои фермы. У одних земли отняли банки, а другие отдали свои фермы почти задаром. Из полей сделали пастбища — поставили загородки и выпускают туда скот. Никто ничего не сеет. На западе закупают скотину на откорм, все лето она пасется здесь, а осенью ее забивают.

— У нашей фермы такая же судьба?

Они кивали головой:

— Уж так получилось, сынок. Парень, который купил ферму после твоего отца, так и не смог свести концы с концами. И он не единственный. Были и другие. Ты помнишь хозяйство старика Престона?

Виккерс утвердительно кивнул.

— Его постигла та же участь. А у него было хорошее хозяйство. Одно из лучших в округе.

— Там кто-нибудь живет?

— Никого. Кто-то забил досками окна и двери. Непонятно зачем.

Из магазина вышел хозяин и присел на ступеньки.

— Где теперь живешь, Джей?

— На Востоке,— ответил Виккерс.

— Надеюсь, дела идут хорошо?

— На еду хватает.

— Уже неплохо. Сегодня стыдно сетовать на жизнь тому, кто ест досыта.

— А что за машина у тебя? — спросил кто-то.

— Это новая модель,— ответил Виккерс.— Я ее только купил. Вечмобиль.

И они говорили:

— Мы никогда не слыхали о такой марке.

И они говорили:

— Она небось стоит кучу денег.

И они спрашивали:

— А сколько бензина она жрет?

Он сел в машину и поехал по пыльной, захиревшей деревне со старыми автомобилями у ворот, с ее методистской церковью на холме, с ее дряхлыми жителями, с ее собаками, спящими в тени под кустами сирени.

Глава 19

На воротах у въезда на ферму висела цепь с висячим замком, поэтому Виккерс оставил машину на обочине шоссе и четверть мили до дома прошел пешком.

Дорога на ферму заросла травой, доходящей до колен, и лишь местами виднелись следы колеи. Необработанные поля, вдоль изгородей разросшийся кустарник — истощенные постоянным возделыванием одной и той же культуры и заросшие сорняками земли.

С шоссе постройки казались такими же, какими он их помнил. Они уютно жались друг к другу, скрывая в себе доброе семейное согласие, но когда он подошел ближе, открылись признаки запустения. Двор, окружавший дом, зарос травой, сорняки поглотили цветочные клумбы, от пышных кустов роз у крыльца осталось несколько хилых веток. Сливовые деревья в углу возле изгороди совсем одичали, да и сама изгородь почти развалилась. Стекла большей частью были выбиты, скорее всего местными мальчишками. Задняя дверь оказалась открытой и хлопала на ветру.

Он продрался сквозь заросли кустарника, обошел дом, удивляясь тому, сколь живучи следы былой жизни. Он различил на задней стене дома отпечатки своих ладоней, которые оставил в свежей глине десятилетним мальчуганом; на подоконнике подвального окна виднелись царапины от поленьев, которые он сбрасывал вниз, чтобы топить старую дровяную печь. Возле дома он нашел старую ванночку, в которой его мать каждую весну высаживала настурции; ее почти съела ржавчина. На переднем дворе по-прежнему стояла рябина, он вошел в ее тень, глянул сквозь листву на небо, погладил гладкую кору ствола и вспомнил, как его, мальчишку, распирало от гордости, что он вырастил дерево, какого не было ни у одного из соседей.

Он не стал открывать дверь: было достаточно осмотреть дом снаружи. Он знал, что внутри увидит множество навевающих печаль вещей: и дыры в стенах от крюков, на которых висели картины, и след на полу, где когда-то стояла печь, и стертые ступеньки лестницы, ведущей на второй этаж, которые все еще хранили следы любимых людей. Стоит ему войти в дом, как сердце его наполнится горечью при виде распахнутых шкафов и опустевших комнат.

Он обошел другие строения. Несмотря на то же запустение, они меньше будоражили его память. Птичник давно обрушился, в свинарнике дуло из всех щелей, а в глубине сарая, где хранились машины, он нашел старую сноповязалку.

В коровнике было прохладно и темно, но он больше всего напоминал ему дом. Стойла были пусты, между балками висела паутина, в которой запутались соломинки, но до сих пор ощущался острый запах животных.

По приставленной доске он поднялся на чердак. Из-под ног с писком метнулись мыши. Мешки для зерна лежали стопкой, чтобы не загромождать проход, на крючке висела рваная упряжь, и тут в конце прохода он увидел предмет, который буквально приковал его к месту.

Это был детский волчок, помятый и выцветший детский волчок. Но он помнил его блестящим и ярким. Когда он пускал его, волчок со свистом крутился на полу. Он получил его в подарок на Рождество. Это была его любимая игрушка.

Он поднял с пола этот старый кусок металла и с неожиданной нежностью сжал его в ладонях. Волчок был частью его прошлого, немой и лишенной смысла для всякого, кроме того мальчугана, каким он был когда-то.

Волчок был расписан цветными полосками, свивавшимися в спираль, и стоило его запустить, как они сходились в одной точке: полоска бежала и исчезала, за ней исчезала другая, потом третья.

Он мог часами смотреть, как появляются и исчезают полоски, пытаясь понять, куда же они уходят. Ведь должны же они были куда-то уходить. Не могли они быть здесь в эту секунду и исчезнуть в следующую. Они должны были куда-то уходить.

И они действительно куда-то уходили!

Теперь он вспомнил.

Держа этот старый волчок в руках, он вернулся в один из дней своего детства, словно и не было долгих последующих лет.

За полосками можно было последовать, уйти туда, куда уходили они, но для этого надо было быть совсем юным и иметь богатое воображение.

Место походило на сказочную страну, хотя и выглядело слишком реальным, чтобы действительно оказаться ею. Там была аллея, словно сотканная из стеклянных нитей, там были птицы и цветы, деревья и бабочки. Он сорвал цветок и, крепко сжимая его в руке, двинулся по аллее. Он увидел небольшой

домик, приютившийся среди кустов, испугавшись, попятился назад и вдруг очутился снова дома — волчок валялся на полу, но в руке у него был зажат цветок.

Он пошел к матери и все рассказал ей. Она вырвала цветок из его руки, словно испугалась. Ее можно было понять — на дворе стояла зима.

Отец расспросил его обо всем, взял волчок и ушел с ним, а на следующий день, когда он захотел поиграть с любимой игрушкой, ему не удалось ее отыскать. И еще долго он втихомолку оплакивал потерю.

И вот волчок, старый, выцветший волчок снова оказался у него в руках, и, хотя от ярких красок не осталось и следа, это был волчок его детства.

Он спустился с чердака, с нежностью прижимая к груди свою старую игрушку, подальше унося ее от этого неуютного места, где она пробыла так долго.

«Забвение»,— решил он, но это было нечто большее — блокировка памяти, которая заставила его забыть и волчок, и путешествие в сказочную страну. Долгие годы он не вспоминал о них и даже не знал, что воспоминание хранится в его памяти. Но теперь вместе с волчком вернулось и воспоминание о том дне, когда он последовал за цветной спиралью и оказался в сказочной стране.

Глава 20

Он решил, что не будет останавливаться у дома Престонов. Только медленно проедет мимо и посмотрит на него. Он уже заглянул в пустую раковину своего нереального детства, и ему не хотелось вспоминать еще и о пустоте своей юности.

Нет, он не остановится у дома Престонов. Он медленно проедет мимо, бросит взгляд на дом, а потом наберет скорость и уедет, и их разделят многие мили.

«Я не остановлюсь»,— говорил он себе.

Но все же остановился.

Он сидел в машине, смотрел на дом и вспоминал, как гордо тот выглядел и какая гордая семья жила в нем, и гордость ее была столь велика, что она не могла позволить себе породниться с местным парнем, уроженцем бедной фермы, на полях которой росла лишь чахлая пшеница.

Но дому не удалось сохранить свой гордый вид. Кто-то захлопнул ставни и набил сверху длинные доски, закрыв глаза гордому дому, осыпалась штукатурка с величественных колонн, облупилась краска со стен, брошенный кем-то камень разбил полукруглое окно над входной дверью. Осела ограда, двор зарос дикой травой, а красная кирпичная стена между оградой и верандой исчезла под буйной порослью диких вьюнков.

Он вылез из машины, миновал полуупавшую ограду и приблизился к веранде. Поднявшись по ступенькам, он увидел, что доски пола совсем сгнили.

Он остановился там, где когда-то они стояли вдвоем, где впервые поняли, как неистребима их любовь. Он хотел восстановить ощущение тех мгновений, но оно не вернулось. Прошло слишком много времени, миновало слишком много лет, но боль по-прежнему щемила грудь. Он пытался представить себе, как в ту ночь выглядели луга, поля, двор, на которые он смотрел с веранды, как лунный свет отражался от белых колонн, как дурманил тонкий запах роз, впитавших в себя жар солнца. Он помнил все, но не мог оживить и ощутить свои воспоминания.

Позади дома размещались конюшни, по-прежнему окрашенные в белый цвет, но теперь это не был белый цвет тех лет. За конюшнями и амбарами начинался спуск в ту долину, по которой они гуляли во время последней встречи.

Он помнил ту заветную долину с ее цветущими яблонями и пением жаворонков. Долина оказалась заколдованной в первый раз, но во второй чары ее развеялись. Может, на третий раз волшебство вернется.

Он убеждал себя, что сошел с ума и гонится за призраком, но ноги упрямо несли его вперед, мимо конюшен и амбаров, к спуску в долину. Однако прежде чем начать спускаться, он остановился и посмотрел вперед. Долина была не той заветной долиной, но он вспомнил ее, как вспомнил лунный свет на колоннах,— ведь долина, как и колонны, все так же оставалась на прежнем месте, и деревья росли там, где и прежде, и так же среди лугов змеился ручей.

Он хотел вернуться, но не смог — его неудержимо влекло вниз. Он увидел заросли диких яблонь, которые давно отцвели, и только жаворонки по-прежнему взлетали из-под ног прямо в небо.

Наконец он повернул назад. Все выглядело так же, как и во второй раз. Третье посещение ничем не отличалось от вто-

рого. Она и только она своим присутствием превращала обычную долину в волшебную. А может, чары существовали лишь в его воображении?

Два раза он попадал в колдовские сети, два раза в жизни он покидал родную землю.

Два раза. Один раз благодаря девушке и их любви. Второй раз ему помог волчок.

Нет, волчок помог в первый раз.

Да, волчок.

Стоп! Не спеши!

Ты ошибаешься, Виккерс. Ты идешь по неверному пути.

Не сходи с ума, куда ты рвешься?

Глава 21

Директор магазина стандартных цен, к которому обратился Виккерс, казалось, понял его.

— Знаю,— сказал он.— Понимаю, что вы ищете. Когда я был мальчишкой, у меня был точно такой же волчок, но теперь их не делают. Не знаю даже почему. Появилось много новых игрушек, в том числе и механических. Но нет ничего, похожего на волчки.

— Особенно хороши были большие волчки,— сказал Виккерс.— С ручкой, на которую надо было нажимать. И тогда волчок с гудением разгонялся.

— Помню,— произнес директор,— именно такой у меня и был в детстве. Я мог часами сидеть и смотреть, как он крутится.

— Вы смотрели, куда убегают полоски?

— Не помню, следил ли я за убегающими полосками. Я просто смотрел, как он вращается, и слушал, как он гудит.

— А меня всегда интересовало, куда уходят полоски. Вы помните? Они совершали полный круг и исчезали, достигнув вершины волчка.

— Скажите,— спросил директор,— а куда они уходят?

— Не знаю,— пожал плечами Виккерс.

— Дальше по улице, в одном или двух кварталах отсюда, есть еще один магазин стандартных цен,— сказал директор.— У них большой выбор, может, найдете ваш волчок там.

— Спасибо,— поблагодарил Виккерс.

— Спросите и в скобяном магазине, на той стороне улицы. У них тоже есть игрушки, но, мне кажется, они хранят их в подвале и достают только к Рождеству.

Продавец скобяного магазина сказал Виккерсу, что знает, о чем идет речь, но не видел ни одного волчка уже несколько лет. В другом магазине стандартных цен волчков тоже не оказалось.

— Нет,— сказала жевавшая резинку продавщица, нервным движением задвигая за ухо карандаш,— нет, не знаю, где вы можете найти волчок.

Она даже толком не представляла, о чем он говорит. Она могла предложить другие игрушки для мальчишек. Например, игрушечные ракеты...

Он вышел из магазина и, остановившись на тротуаре, стал рассматривать людей, гулявших в этот послеполуденный час по улицам маленького городка Среднего Запада. Здесь были женщины в пестрых платьях и строгих костюмах, школьники, только что окончившие занятия, деловые люди за традиционной чашечкой кофе. Взглянув вверх по улице, он увидел толпу зевак вокруг его машины, которую оставил у магазина стандартных цен. «Пора,— подумал он,— бросить монету в счетчик автостоянки».

Он порылся в кармане в поисках десятицентовой монеты. В кармане лежали один десятицентовик, четверть доллара и один пятицентовик. При виде монет он забеспокоился, сколько же у него осталось денег. Он вытащил бумажник и обнаружил в нем лишь две долларовые бумажки.

В Клиффвуд он вернуться не мог, во всяком случае сейчас. Он оказался выброшенным на улицу. А деньги нужны, чтобы снять номер в гостинице, поесть, купить бензин. Но прежде всего надо было купить волчок — гудящий волчок с яркими полосками.

Он в нерешительности стоял посреди тротуара, думая о волчке. Вопреки здравому смыслу ему казалось, что все должно получиться. Получилось же в детстве...

А что могло произойти, не забери отец у него волчок? Решился бы он отправиться еще раз в сказочную страну? Кого бы он там встретил и что нашел в домике, приютившемся среди кустарника?

Проникал ли кто еще в сказочную страну, разглядывая вращающийся волчок? И если такие люди были, что с ними слу-

чилось? Он был уверен, что директор магазина стандартных цен был не из их числа.

Почему только ему довелось найти путь в сказочную страну? А может быть, и та заветная долина была в той стране? Не прошли ли они с той девушкой через еще одну невидимую дверь? Ведь долина, память о которой он пронес через все эти годы, была совсем другой, чем та, где он побывал сегодня утром.

Существовала лишь одна возможность ответить на все эти вопросы, но ему был нужен волчок.

«Волчок...— подумал он.— Его следует добыть во что бы то ни стало».

Но у него же есть волчок! Нужно только выправить ручку, отмыть в керосине ржавчину и заново покрасить. И ведь его волчок лучше любого нового. Он уже позволил ему однажды перейти в удивительный мир. Ему хотелось верить, что его волчок был особенным, обладал тайными свойствами, каких не могло быть ни у какого другого волчка.

Довольный, что вспомнил о волчке, который бросил в отделение для перчаток в машине, он направился к скобяной лавке.

— Мне нужна краска. Самая яркая. Красная, зеленая, желтая. И кисточки,— сказал Виккерс и поймал себя на мысли, что продавец смотрит на него как на сумасшедшего.

Глава 22

Он позвонил Энн из гостиничного номера за ее счет, потому что после обеда у него в кармане осталось только одиннадцать центов.

В ее голосе сквозило беспокойство.

— Джей, где ты? Куда ты запропастился, черт тебя подери?

Он сообщил, где находится.

— Как ты там очутился? — спросила она.— Что с тобой случилось?

— Со мной ничего не случилось,— ответил Виккерс.— По крайней мере пока. Я в бегах. Пришлось удрать из Клиффвуда.

— Как пришлось?

— Местные жители хотели вздернуть меня на фонаре. Кто-то вбил им в голову, что я убил человека.

— Теперь мне ясно: ты сошел с ума. Да ты и муху убить неспособен.

— Естественно, никого я не убивал. Но мне не удалось бы убедить их в обратном. У меня не было другой возможности спастись, кроме бегства.

— Почему? — возразила Энн.— Я разговаривала с Эбом...

— С кем?

— С владельцем гаража. Ты упоминал его имя. Я перевернула небо и землю, разыскивая тебя эти два дня. Где я только ни искала! Без конца звонила тебе, но телефон не отвечал, тогда я вспомнила про Эба, попросила соединить меня с ним и...

— И что тебе сказал Эб?

— Ничего особенного,— ответила Энн.— Он сказал, что ты уехал, но он не знает куда. И добавил, что оснований для беспокойства нет...

— Именно Эб меня и предупредил,— перебил Виккерс.— Он сказал мне об их намерениях, дал автомобиль, немного денег и выставил из города.

— Невероятно. И кого же ты убил, по их мнению?

— Гортона Фландерса. Исчезнувшего старика.

— Зачем тебе было его убивать? По твоим словам, он милейший старикан. Ты же мне не раз говорил о нем.

— Послушай, Энн,— сказал Виккерс.— Я никого не убивал. Кто-то их настроил против меня.

— Значит, ты не можешь вернуться в Клиффвуд?

— Нет,— ответил Виккерс.— Не могу.

— Что ты будешь делать, Джей?

— Не знаю. Думаю, пока придется скрываться.

— Почему ты не позвонил мне? — спросила Энн.— Почему уехал на Запад? Ты же мог приехать в Нью-Йорк? Если надо скрыться, нет лучшего места, чем Нью-Йорк. Уж позвонить-то ты мог!

— Разве я не позвонил тебе?

— Конечно, позвонил. Потому что остался без единого цента и хочешь, чтобы я выслала тебе денег и...

— Пока я денег у тебя не просил.

— Попросишь.

— Верно,— согласился он.— Боюсь, что попрошу.

— А тебя не интересует, почему я повсюду разыскивала тебя?

— Не очень,— ответил Виккерс.— Ты не хочешь выпускать меня из рук. Какой литературный агент согласится, чтобы от него ушел лучший автор...

— Джей Виккерс,— отчеканила Энн.— В один прекрасный день я распну тебя на кресте и выставлю у дороги в назидание, дабы другим неповадно было.

— Из меня выйдет трогательный Христос. Лучшей кандидатуры тебе не найти.

— Я разыскивала тебя,— продолжала Энн,— потому что Крофорд — фанатик. Он ничего не хочет знать. Я назвала ему совершенно фантастическую сумму, и он не моргнув согласился.

— Я думал, мы покончили с Крофордом,— сказал Виккерс.

— Мы не покончили с Крофордом,— ответила Энн и замолчала. В трубке слышалось только еле различимое потрескивание.

— Энн,— спросил Виккерс,— что-нибудь неладно?

Ее голос был спокоен, но напряжен.

— Крофорд зверски напуган. Я еще никогда не видела столь напуганного человека. Он приходил ко мне. Представь себе! Не я, а он явился ко мне в контору, весь в поту, задыхаясь, и я испугалась, что у меня не найдется стула, который бы выдержал такую массу. Ты помнишь старый дубовый стул в углу? Это была моя первая мебельная покупка для конторы, и я питаю к этому стулу нежные чувства. Так он выдержал.

— Что выдержал?

— Он выдержал его! — торжествующе воскликнула Энн.— Все другие стулья Крофорд просто раздавил бы. Ты же знаешь, какая он громадина.

— Ты хотела сказать, туша? — уточнил Виккерс.

— Он спросил: «Где Виккерс?» А я ответила: «Почему вы меня спрашиваете о нем, я не вожу его на привязи». А он говорит: «Вы его агент, не так ли?» Я отвечаю: «Пока да, но Виккерс — столь непостоянный человек, что ручаться за это нельзя». Он говорит: «Мне нужен Виккерс». Тогда я сказала: «Ищите сами». Он свое: «Я за ценой не постою. Назовите любую сумму, назначьте любые условия».

— У него не все дома,— вставил Виккерс.

— Он предлагает кучу денег.

— А ты уверена, что они у него есть?

— По правде говоря, не очень. Но почему бы ему их не иметь?

— Кстати, о деньгах,— сказал Виккерс.— У тебя не найдется сотни долларов? Или хотя бы полсотни?

— Найду.

— Пришли мне сейчас же. Потом верну.

— Ладно, пришлю,— сказала она.— Я выручаю тебя не в первый и, думаю, не в последний раз. Скажи только одно.

— Что именно?

— Что ты собираешься делать?

— Хочу провести один эксперимент.

— Какой эксперимент?

— Хочу попробовать свои силы в оккультизме.

— О чем ты говоришь? Ты же понятия не имеешь об оккультизме. Ты такой же медиум, как любая деревяшка.

— Знаю,— сказал Виккерс.

— Ответь мне, пожалуйста, что ты собираешься делать? — настаивала Энн.

— Как только кончу разговор с тобой, начну красить.

— Дом?

— Нет, волчок.

— Какой волчок?

— Особый. Детскую игрушку. Ее обычно запускают на полу.

— Теперь послушай меня,— перебила она.— Ты сейчас же выбросишь эту игрушку и приедешь ко мне домой.

— После эксперимента,— сказал Виккерс.

— О чем идет речь, Джей?

— Я хочу попробовать проникнуть в сказочную страну.

— Не болтай глупостей.

— Я уже там побывал однажды. Даже дважды.

— Послушай, Джей, все оборачивается гораздо серьезнее. Крофорд напуган, и я тоже. А потом эта история с линчеванием.

— Пришли мне деньги,— сказал Виккерс.

— Хорошо.

— Увидимся через пару дней.

— Позвони мне,— попросила она.— Завтра.

— Ладно.

— И еще, Джей... Побереги себя. Я не знаю, что ты хочешь делать, но будь поосторожнее.

— Постараюсь,— ответил Виккерс.

Глава 23

Он выправил у волчка ручку, очистил металл, наметил карандашом спирали и смазал ось, чтобы ручка легко двигалась. Затем начал красить.

Работал он неумело, но очень старательно. Выводил разноцветные полоски — красную, зеленую, желтую, надеясь, что выбрал цвета правильно — он уже не помнил, как был раскрашен его волчок. Впрочем, вряд ли цвета играли большую роль. Были бы они яркими и закручивались в спираль.

Он перепачкал и руки, и костюм, и стул, на котором красил. Уронил на пол тюбик с красной краской, но успел его быстро подхватить, так что на ковре осталось только несколько капель.

Наконец он закончил работу — волчок выглядел совсем неплохо.

Его волновало, высохнет ли краска к утру, но, посмотрев на этикетки, обнаружил, что пользовался быстросохнущей краской, и успокоился.

Теперь он был готов запустить волчок и посмотреть, что из этого выйдет. Откроется перед ним сказочная страна или нет? Скорее всего нет. Мало запустить волчок — надо еще и суметь настроиться, обладать верой и бесхитростной простотой ребенка. А их он уже давно растерял.

Он вышел из номера, закрыл дверь на ключ и спустился вниз. И городок, и отель были так малы, что не нуждались в лифтах. Однако городок был чуть больше крохотной деревеньки, которая казалась ребенку городом, деревеньки, жители которой сидели на ящиках перед магазином и задавали нескромные вопросы, а потом занимались долгими пересудами.

Он фыркнул от удовольствия, подумав о том, что скажут жители городка, когда до них дойдет весть, как он, испугавшись петли, бежал из Клиффвуда.

Он словно слышал их слова:

— Хитрец. Он всегда был хитрецом и не внушал доверия. Его мать и отец были хорошими людьми. Как случилось, что у таких славных людей оказался такой поганый сынок?

Он пересек холл и оказался на улице.

Зашел в кафе, заказал чашечку кофе, и официантка сказала ему:

— Хороший вечерок, не правда ли?

— Хороший,— ответил он.

— Вам принести еще что-нибудь?

— Нет,— сказал Виккерс.— Только кофе.

Деньги у него уже были — Энн проделала все на редкость быстро,— но он заметил, впрочем не удивившись этому, что утратил аппетит и совсем не хотел есть.

Официантка отошла к другому концу стойки и принялась тереть тряпкой несуществующие пятна.

А он пил кофе и думал.

Волчок. Какова же его роль?

Он возьмет волчок, вернется в свой бывший дом и проверит, есть ли сказочная страна. Нет, не совсем так. Он узнает, может ли проникнуть в сказочную страну.

А дом? Какую роль играет он?

И вообще, существует ли связь между домом и волчком?

Ведь, наверно, не случайно Гортон Фландерс написал: «Вернитесь домой и пройдитесь по тропинкам своего детства. Может, вы найдете то, чего вам не хватает, или то, что вы потеряли». Он не помнил точных слов Фландерса, но смысл был именно таков.

И он вернулся домой, нашел волчок, более того, вспомнил о сказочной стране. Почему же все эти годы, пролетевшие с того времени, когда ему было восемь лет, он ни разу не вспомнил о путешествии в сказочную страну?

Воспоминание хранилось в глубинах его сознания, и он не сомневался, что всплыло оно после какого-то события.

Что-то, возможно какой-то психологический шок, заставило его некогда забыть обо всем. И он забыл. Однако в момент, когда та металлическая мышь сама полезла в ловушку, в нем что-то произошло. И что-то заставило его отказаться от предложения Крофорда. Но что?

Официантка вернулась и облокотилась на стойку напротив него.

— Сегодня в кино новый фильм,— сказала она.— Хочется посмотреть, но мне нельзя отойти.

Виккерс не ответил.

— Вы любите кино? — спросила девушка.

— Не знаю,— ответил Виккерс.— Я редко туда хожу.

На ее лице появилось сострадание.

— А вот я очень люблю кино,— сказала она.— Можно сказать, ради этого и живу.

Он поднял глаза и увидел самое обычное лицо. Такие же лица были у тех женщин в автобусе, такое же лицо было у миссис Лесли, такие же лица были у тех людей, которые не решались сесть рядом с ним в автобусе. И у мистера Лесли, который заполнял свою жизнь выпивкой и женщинами, было такое же лицо. Это были лица людей, которые и минуты не могли про-

быть наедине с собой, лица усталых людей, не сознающих своей усталости, лица испуганных людей, не подозревающих о собственных страхах.

Всех этих людей грызло неосознанное беспокойство, ставшее составной частью жизни и заставлявшее искать какие-то психологические щиты, чтобы укрыться за ними.

Веселье уже давно не помогало, цинизм тоже, скепсис спасал ненадолго. И люди погружались в иллюзии, придумывая себе другую жизнь, в другом времени и месте, долгие часы они просиживали в кинотеатрах и перед экранами телевизоров или уходили в домыслы в клубах фантазеров. Пока вы были кем-то другим, вы могли не быть самим собой.

Он допил кофе и вышел на затихшую улицу.

В небе пронесся реактивный самолет, рев его двигателей отразился от стен домов. Он посмотрел на огоньки, сиявшие в ночном небе, и решил прогуляться.

Глава 24

Открыв дверь номера, Виккерс увидел, что волчок исчез. Он оставил его на стуле сверкающим от свежей краски, а теперь волчка не было. Он заглянул под кровать — волчка не было и там. Его не было ни в шкафу, ни в прихожей.

Он вернулся в комнату и уселся на край кровати.

После всех поисков и трудов волчок исчез. Кто мог его взять? Кому оказался нужен старый, побитый волчок?

А зачем он понадобился ему самому?

Не смешно ли сидеть вот так на краю кровати в номере какого-то отеля и задавать себе все эти вопросы?

Ему вспомнилось, как в детстве волчок открыл ему путь в сказочную страну, и вот теперь он дал себя увлечь тем же мыслям. Сейчас, при резком свете электрической лампочки, все это казалось совершеннейшим безумием.

Позади открылась дверь. Он обернулся. В дверях стоял Крофорд.

Он показался Виккерсу еще массивнее, чем прежде. Крофорд застыл в дверном проеме, целиком заполнив его собой. Подрагивающие веки делали его фигуру особенно неподвижной.

— Добрый вечер, мистер Виккерс. Разрешите?

— Пожалуйста,— ответил Виккерс.— Я ждал вашего звонка. Никогда бы не подумал, что вы способны явиться собственной персоной.

Это было ложью, потому что он не ожидал и звонка.

Крофорд тяжелым шагом пересек комнату.

— Этот стул, похоже, выдержит меня? Вы не против, если я сяду?

— Это не мой стул,— сказал Виккерс.— Можете ломать его.

Стул не сломался. Он заскрипел и затрещал, но выдержал.

Крофорд расслабился и облегченно вздохнул.

— Я чувствую себя намного лучше, когда подо мной крепкий стул.

— Вы подключили подслушивающую аппаратуру к телефону Энн? — спросил Виккерс.

— Конечно. Иначе как бы я отыскал вас? Я знал, что рано или поздно вы ей позвоните.

— Я видел пролетевший самолет,— заметил Виккерс.— Знай, что вы там, я бы подъехал вас встретить. Нам надо уладить кое-какое дельце.

— Не сомневаюсь,— ответил Крофорд.

— Зачем вам понадобилось, чтобы меня линчевали?

— Мне вовсе этого не надо,— возразил Крофорд.— Наоборот, вы мне слишком нужны.

— Зачем же я вам нужен?

— Я решил, что вам это лучше знать.

— Но я ничего не знаю,— признался Виккерс.— Скажите, Крофорд, что происходит? Вы не сказали мне правды, когда я приходил к вам.

— Я сказал вам правду, но не сказал всего.

— Почему?

— Я не знал тогда, кто вы.

— А теперь знаете?

— Да, знаю,— ответил Крофорд.— Вы — один из них.

— Один из них?

— Один из тех, кто производит эти товары.

— Почему вы так думаете?

— На основании данных, полученных анализаторами. Так их называют психологи. Это специальные приборы. Не утверждаю, что разбираюсь в них.

— И анализаторы сообщили вам нечто особое обо мне?

— Да,— ответил Крофорд.— Именно так.

— Если я один из них, то почему вы пришли ко мне? — спросил Виккерс.— Ведь тогда вы ведете борьбу против меня.

— Не говорите «если»,— сказал Крофорд.— Вы действительно один из них, но не считайте меня своим врагом.

— Почему? — возразил Виккерс.— Ведь если я, как вы говорите, один из них, то вы — враг.

— Вы не поняли меня,— произнес Крофорд.— Позвольте привести сравнение. Вернемся к временам, когда кроманьонец вторгся в места обитания неандертальца...

— К черту сравнения! — прервал его Виккерс.— Скажите, что у вас на уме?

— Мне не нравится настоящее положение дел,— сказал Крофорд.— Вернее, тот оборот, который они принимают.

— Вы забыли, что я практически ничего не знаю.

— Поэтому-то я и хотел начать со сравнения. Вы — кроманьонец. У вас есть и лук, и стрелы, и копье. А я — неандерталец. У меня только дубинка. У вас нож из обточенного камня, а у меня лишь зазубренный кусок кремня, найденный на берегу реки. На вас одежды из звериных шкур, а меня греет лишь собственная шерсть

— Хотел бы я знать...— начал Виккерс.

— Я и сам в этом не уверен,— перебил Крофорд,— я не силен в этих вещах. Может, я слишком много дал кроманьонцу и недооценил неандертальца. Но речь идет о другом.

— Я понимаю, о чем вы говорите,— сказал Виккерс.— Но куда это нас ведет?

— Неандерталец вступил в бой,— продолжал Крофорд,— и что с ним произошло?

— Он исчез.

— Может, их уничтожили не копья и стрелы. Может, они попросту не выдержали борьбы за существование с более развитой расой. Может, у них отобрали их охотничьи угодья. Может, они уползли в норы и вымерли с голоду. Может, они вымерли от стыда, когда поняли, что отстали и оказались существами, чья жизнь сходна с жизнью зверей.

— Сомневаюсь,— сухо сказал Виккерс,— чтобы у неандертальца развился столь сильный комплекс неполноценности.

— Мои слова не относятся к неандертальцам. Они касаются нас.

— Вы стремитесь доказать, что пропасть так глубока?

— Именно так,— ответил Крофорд.— Вряд ли вы представляете, как мы вас ненавидим и какой силой располагаем, но вполне способны оценить наше отчаяние. Вы спросите, кто же эти отчаявшиеся люди? Могу сказать. Это те, кто добился успеха — промышленники, банкиры, бизнесмены,— иначе говоря,

профессионалы, достигшие безопасного существования, определенного положения в обществе, люди, представляющие вершину нашей культуры. Они быстро утратят свое положение, если к власти придут такие, как вы. Они превратятся в неандертальцев, изгнанных кроманьонцами. Они будут походить на гомеровских греков, заброшенных в наш технологически сложный век. Физически они, может, и выживут. Но останутся туземцами. Будет разрушена их шкала ценностей, созданная с таким трудом, а это единственное, чем они живут.

Виккерс покачал головой.

— Давайте бросим эту игру, Крофорд. Попробуем поговорить начистоту. Кажется, вы уверены, что я знаю больше, чем есть на самом деле. По-видимому, я должен был сделать вид, что так оно и есть — немного схитрить и заставить вас поверить в то, что я знаю все, о чем следует знать. Мы бы слегка пофехтовали. Вы бы открыли свои карты. Но у меня не лежит сердце к такой игре.

— Мне известно, что вы пока еще мало знаете. Поэтому-то я и хотел встретиться с вами как можно скорее. Мне кажется, вы еще не стали полным мутантом, вы — куколка в теле обыкновенного человека. Кое-что в вас пока от простого человека. Но вы все ближе и ближе подходите к полной мутации — сегодня вы больше мутант, чем вчера, а завтра вы станете им больше, чем сегодня. Но сегодня, в этой комнате, мы с вами можем разговаривать как человек с человеком.

— Мы всегда сможем так разговаривать.

— Нет, не всегда,— возразил Крофорд.— Если бы вы стали полным мутантом, я бы почувствовал в вас перемену. А в неравном положении какие переговоры? Я сомневался бы в справедливости своей логики. А вы смотрели бы на меня со снисхождением.

— Как раз перед вашим приходом,— сказал Виккерс,— я убеждал себя, что все это — игра воображения...

— Нет, это не игра воображения, Виккерс. У вас был волчок, помните?

— Волчка уже нет.

— Он есть.

— Он у вас?

— Нет,— ответил Крофорд.— Я не брал его. Я не знаю, где он, но он должен быть где-то в этой комнате. Я пришел раньше вас и сломал замок. Совершенно случайно, он был очень слабым.

— Неплохо,— обронил Виккерс,— весьма милая выходка.

— Согласен. Но когда дверь открылась, я позволил себе еще кое-что. Войдя в комнату и увидев волчок, я был весьма удивлен, я...

— Продолжайте,— сказал Виккерс.

— Дело в том, Виккерс, что, когда я был ребенком, у меня был очень похожий волчок. Это было так давно. Я не видел волчков уже много лет, я взял его и запустил. Просто так. Хотя причина все же была. Мне захотелось вспомнить забытые мгновения детства. А волчок...

Он остановился и посмотрел на Виккерса, словно пытаясь разглядеть улыбку на его лице. Когда он заговорил снова, его голос звучал увереннее:

— Волчок исчез.

Виккерс промолчал.

— Что это было? — спросил Крофорд.— Что это был за волчок?

— Не знаю. Вы видели, как он исчез?

— Нет. Мне послышался шум в коридоре. Я выглянул. Когда я обернулся, его уже не было.

— Он не должен был исчезнуть,— сказал Виккерс.— Во всяком случае, пока вы не смотрели на него.

— Этот волчок имеет какой-то смысл? — настаивал Крофорд.— Вы покрасили его. Краска была еще сырой, а баночки стояли на столе. Вы не случайно делали все это. Виккерс, что это за волчок?

— Он служит для путешествия в сказочную страну,— ответил Виккерс.

— Вы говорите загадками.

Виккерс покачал головой:

— Я посетил ее однажды, когда был ребенком.

— Десять дней назад я бы сказал, что мы оба сошли с ума, вы — говоря это, а я — слушая вас. Сейчас я так уже не скажу.

— И все же мы, наверно, сошли с ума и превратились в пару идиотов.

— Мы не идиоты и не сумасшедшие,— сказал Крофорд.— Мы — два человека, которые с каждым часом становятся все более и более отличными друг от друга, но пока мы еще люди, и это — основа нашего взаимопонимания.

— Почему вы явились сюда, Крофорд? Не уверяйте, что только для беседы со мной. Вас терзает страх. Вы подслушиваете

телефонные разговоры, пытаясь узнать, куда я скрылся. Вы вламываетесь в мою комнату и запускаете волчок. У вас были какие-то соображения, когда вы запускали волчок. Какие?

— Я пришел вас предупредить,— сказал Крофорд.— Хочу вам сказать, что люди, которых я представляю, находятся на грани отчаяния и ни перед чем не остановятся. Они никому не позволят занять их место.

— Даже если у них не останется выбора?

— У них есть выбор. Они будут сражаться теми средствами, которыми располагают.

— Неандертальцы с дубинками.

— Мы — *Homo sapiens*. Дубинка — против ваших стрел. Именно об этом я хотел поговорить. Почему бы нам с вами не попытаться отыскать решение? Должна найтись какая-то платформа для переговоров.

— Несколько дней назад,— сказал Виккерс,— мы беседовали в вашем кабинете. Описывая положение дел, вы сказали, что ничего не понимаете. Слушая вас, можно было подумать, что вы совершенно не представляете себе, как идут дела. Почему вы лгали мне?

Крофорд продолжал неподвижно сидеть, ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Мы исследовали вас с помощью аппаратуры, с помощью анализаторов. Мы хотели узнать, как много вам известно.

— И как много мне известно?

— Ничего не известно,— ответил Крофорд.— Мы выяснили, что вы — развивающийся мутант.

— Почему вы выбрали именно меня? — спросил Виккерс.— Кроме тех странностей, которые вы перечислили, ничто об этом не говорит. Я не знаю ни одного мутанта. Я не могу говорить от их имени. Если вы хотите договориться, найдите настоящего мутанта.

— Мы выбрали именно вас,— сказал Крофорд,— по очень простой причине. Вы единственный мутант, который оказался у нас в руках. Есть, правда, еще один, но тот знает меньше вашего.

— Но должны быть и другие мутанты.

— Конечно. Однако мы не можем их поймать.

— Вы говорите, как траппер, Крофорд.

— А я и есть траппер. Других можно схватить лишь в том случае, если они сами к вам явятся. Обычно они всегда отсут-

ствуют. Они исчезают,— сердито разъяснил Крофорд.— Мы следим за ними и ждем. Мы пишем им и ждем. Их никогда нет. Они входят в дверь, но их нет в комнате. Мы часами ждем встречи с ними, а они оказываются совсем не там, куда вошли, а иногда даже в нескольких милях от того места.

— Но меня-то вы можете найти. Я не исчезаю.

— Пока...

— Может, я отсталый мутант?

— Нет, просто не совсем развившийся.

— Значит, вы с самого начала остановили на мне свой выбор? — спросил Виккерс.— Вы подозревали меня, хотя я сам еще ничего не знал?

Крофорд хихикнул:

— Виной всему ваши книги. В них было что-то особенное. Наш отдел психологии отметил это. Мы и других обнаружили тем же способом. Двух художников, одного архитектора, одного скульптора, одного или двух писателей. Не спрашивайте меня, как наши психологи это делают. Может, у них особый нюх. Не удивляйтесь, Виккерс. Когда вы представляете мировую промышленность, в вашем распоряжении такие фонды и резервы рабочей силы, такие мощные средства исследования, что вам по плечу решение любой задачи. Вы и не подозреваете, какую работу мы проделали, какие области затронули. Но этого оказалось мало. Мы терпели провал за провалом.

— Теперь вы хотите вступить в переговоры?

— Я хочу. Но не другие. Они не желают никаких переговоров. Они готовы драться за созданный ими мир.

«Да, так оно и есть»,— подумал Виккерс.

Гортон Фландерс, сидя в качалке и рисуя огоньком сигареты замысловатые фигуры, говорил именно об этом и о мировой войне, которой что-то или кто-то не раз помешал разразиться.

— Их мир,— заметил Виккерс,— не столь уж хорош. Он построен на крови и нищете, в его фундаменте слишком много костей. Во всей его истории почти не найдется лет, свободных от насилия, организованного официального насилия в каком-нибудь уголке земного шара.

— Я знаю, о чем вы думаете,— сказал Крофорд,— вы думаете, что пора приступить к реорганизации.

— Примерно так.

— Ну что ж,— согласился Крофорд.— Наметим основные линии этой реорганизации.

— Как я могу это сделать? У меня нет ни знаний, ни полномочий. Я сам не в состоянии вступить в контакт, а со мной никакие мутанты, если они существуют на самом деле, тоже никогда не пытались вступать в контакт.

— Однако приборы подтверждают существование мутантов, и вы — один из них.

— Почему вы так убеждены в этом? — спросил Виккерс.

— Вы не верите мне,— сказал Крофорд.— Вы считаете меня предателем. И думаете, будто, заранее уверенный в поражении, я примчался к вам, размахивая белым флагом, чтобы доказать новому порядку, что я мирный человек, и заключить сепаратный мир, не заботясь о других. Быть может, тогда мутанты сохранят меня, хотя бы в качестве забавной игрушки.

— Если хотите знать правду, что бы вы ни предприняли, все вы обречены.

— Ну, не совсем,— возразил Крофорд.— Мы можем бороться и в состоянии причинить немало осложнений.

— Чем? Вспомните, Крофорд, у вас есть только дубинки.

— У нас есть отчаяние.

— Дубинки и отчаяние? Так ли это много?

— У нас есть секретное оружие.

— Но ведь оно есть не только у вас.

Крофорд кивнул:

— Да, оно не так уж всемогуще. Поэтому я и нахожусь здесь.

— Я вступлю с вами в контакт,— сказал Виккерс.— Обещаю. Это самое большее, что я могу сделать. Тогда, если я сочту, что вы правы, я вступлю с вами в контакт.

Крофорд с трудом поднялся со стула.

— Сделайте это как можно скорее,— попросил он.— Время не терпит. Я не могу долго сдерживать их.

— Вы боитесь,— кивнул Виккерс.— Страх сидит в вас, как и в день нашей первой встречи.

— Действительно, я живу в постоянном страхе. Тем более что с каждым днем дела обстоят все хуже.

— Два напуганных человека,— сказал Виккерс.— Два десятилетних мальчугана, бегущих во тьме.

— И вы тоже?

— Конечно. Разве вы не видите? Я весь дрожу.

— Нет, не вижу. В какой-то мере, Виккерс, вы самый хладнокровный человек из всех, кого я встречал.

— Да, вот,— вспомнил Виккерс.— Вы говорили еще об одном мутанте, которого могли схватить.

— Говорил.

— Конечно, вы мне не скажете, кто он?

— Не скажу,— подтвердил Крофорд.

— Я так и думал.

Ковер словно заколыхался, и в комнате вдруг появился волчок. С тихим гудением он медленно вращался вокруг оси, так что было видно, как неровно он разрисован. Волчок вернулся.

Они стояли и смотрели, пока он окончательно не замер на полу.

— Он был там,— сказал Крофорд.

— И вернулся,— добавил Виккерс.

Крофорд закрыл за собой дверь, и Виккерс остался в холодной, залитой резким светом комнате с неподвижным волчком на полу, прислушиваясь к удаляющимся шагам Крофорда.

Глава 25

Когда шаги стихли, Виккерс подошел к телефону, снял трубку, набрал номер и стал ждать соединения. Он слышал, как на линии переговариваются телефонистки, повторяя его вызов, голоса были слабые.

Энн следовало предупредить. У него было мало времени — их, конечно, подслушивали. Предупредить и заставить сделать то, что он потребует. Она должна была покинуть квартиру и скрыться до того, как они явятся к ней.

Он скажет:

— Энн, можешь ли ты сделать для меня одну вещь? Не задавая вопросов, не спрашивая почему?

Он скажет:

— Ты помнишь, где расспрашивала про плиту? Встретимся там.

И еще он скажет:

— Уходи из квартиры. Уходи и спрячься. Скройся. Сию же минуту. Не через час и даже не через пять минут. Положи трубку и уходи.

Она должна сделать все быстро, без колебаний и споров.

Он не мог ей сказать: «Энн, ты — мутант». Иначе она начнет выяснять, что это значит, как он узнал об этом, и люди Крофорда успеют явиться к ней.

Она должна уйти, слепо подчиняясь ему. Но согласится ли она это сделать?

Он даже вспотел от волнения. При мысли, что она потребует объяснений и не захочет уйти, не узнав причины, его затрясло, и он почувствовал, как струйки холодного пота бегут по спине.

Телефон уже звонил в ее квартире. Он припомнил расположение комнат, аппарат на столике возле дивана — вот она пересекает комнату, вот-вот раздастся ее голос.

А телефон все звонил и звонил.

Ответа не было.

Телефонистка сказала:

— Номер не отвечает.

— Попробуйте позвонить по другому номеру,— попросил он и назвал телефон конторы.

И опять он ждал, прислушиваясь к гудкам.

— И этот номер не отвечает,— сказала телефонистка.

— Спасибо,— поблагодарил Виккерс.

— Повторить вызов?

— Нет,— сказал Виккерс.— Аннулируйте его, пожалуйста.

Следовало поразмыслить и выработать план действий. Прежде всего надо было уяснить положение дел. Раньше было легче — стоило убедить себя, что все — игра воображения, что и сам он, и мир вокруг сошли с ума и, если без раздумий следовать событиям, все уладится.

Теперь промахнуться было нельзя.

Отныне он должен поверить всему, что в этом номере ему поведал Крофорд, каким бы невероятным это ни казалось.

Он должен поверить в это невероятное изменение человеческой природы и в расколотый враждебный мир. Он должен поверить в сказочную страну своего детства, и, если он действительно мутант, сказочная страна становится отличительным знаком, по которому он сможет узнать своих собратьев, а они — его.

Он пытался вникнуть в тайный смысл рассказанного Крофордом, связать все воедино, но не мог — существовало множество неизвестных ему побочных явлений и факторов.

Имелся мир мутантов, мужчин и женщин, стоящих на более высокой ступени развития, чем обычные люди. Мутанты были наделены такими свойствами и мыслили такими категориями, о которых обычные мужчины и женщины и не подозревали.

Это был следующий шаг в развитии человека, следующая ступень эволюции. Человеческая раса продолжала развиваться.

— И только Богу известно,— сказал Виккерс в пустоту комнаты,— нужно ли ей это движение вперед.

Маленькое содружество мутантов содействовало развитию человеческой расы, но трудились они втайне, потому что, стоило им открыться миру нормальных людей, как он восстал бы против них и разорвал только за то, что они не такие, как все.

В чем крылось отличие? Что и как они могли совершить?

Кое-что он знал — вечмобили, вечные бритвенные лезвия, вечные электрические лампочки и искусственные углеводы.

Какой же фактор действовал еще? Должен был существовать еще какой-то фактор.

Вмешательство, как говорил Гортон Фландерс, раскачиваясь в кресле на террасе. Чье-то вмешательство, которое помогало человечеству двигаться вперед и так или иначе уничтожать горькие плоды своего однобокого развития.

Виккерс знал, что ответ мог дать только Гортон Фландерс. Но где его найти?

— Их трудно схватить,— говорил Крофорд.— Вы звоните у двери и ждете. Вы пишете им и ждете. Вы выслеживаете их и ждете. Но их никогда нет там, где вы думаете, они находятся где-то совсем в другом месте.

«Прежде всего,— подумал Виккерс,— надо смыться отсюда и постараться стать неуловимым.

Во-вторых, надо найти Энн и помочь скрыться и ей.

В-третьих, необходимо отыскать Гортона Фландерса и, если он не захочет говорить, вырвать у него признание».

Он взял волчок, спустился вниз и вернул ключ. Портье вручил ему счет.

— Тут для вас записка,— сказал он, кладя ключ на место.— Ее оставил человек, который был у вас.

Виккерс взял конверт и достал сложенный вчетверо листок бумаги.

— Странно,— сказал портье.— Он ведь только что говорил с вами.

— Да,— ответил Виккерс,— очень странно.

Он прочел записку:

«Не пользуйтесь своим вечмобилем. И молчите, что бы ни случилось».

Это было действительно странно.

Глава 26

Он вел машину навстречу заре. Дорога была пуста, и машина бесшумно летела вперед, словно птица, только на поворотах шуршали на асфальте шины. Рядом с ним, на сиденье, в такт движению покачивался раскрашенный волчок.

Его смущали два момента, только два момента.

Он должен был остановиться в доме Престонов.

И не должен был пользоваться машиной.

И то и другое было абсолютно абсурдным, и он злился на себя. Он до отказа нажал на акселератор, и шорох шин на поворотах превратился в визг.

Следовало остановиться в доме Престонов и испытать волчок. Он чувствовал, что должен поступить именно так, но сколько ни рылся в памяти, причин этого решения не находил. Если волчок способен сработать, он сработает где угодно. И все же какая-то глубокая уверенность подсказывала ему, что место проведения эксперимента не безразлично. Он был убежден, что дом Престонов явно скрывает что-то в себе. Он мог послужить ключевым моментом, если только во всех этих историях с мутантами мог быть ключевой момент.

«У меня мало времени,— говорил он себе.— Зачем крутиться вокруг да около? Нельзя терять ни минуты. Прежде всего надо вернуться в Нью-Йорк, чтобы отыскать и спрятать Энн».

Энн должна была быть тем, другим мутантом, о котором упомянул Крофорд, но и в данном случае, так же как с домом Престонов, его уверенность зиждилась ни на чем. Ведь не было ни оснований, ни доводов считать Энн Картер мутантом.

«Основания, доводы, доказательства,— думал он.— А что еще? Обычные логические рассуждения, с помощью которых человек построил свой мир. Есть ли у человека другая мера, позволяющая отнести систему причин и следствий к детским забавам, посредством которых люди многого добивались, но которые во многом перестали их удовлетворять? Как отличить истину от лжи, добро от зла, не прибегая к нудному перечислению доказательств? Интуиция? Так это сродни женской непоследовательности. Предчувствие? Так это сродни суеверию.

Ну а в сущности, что представляют собой непоследовательность и суеверие? Долгие годы исследователи занимались внечувственным восприятием, этим шестым чувством, которое человек так и не сумел развить в себе.

А если возможно внечувственное восприятие, то почему не допустить существования других способностей — психокинетического контроля над предметами, предвидения, иного восприятия времени, чем бег стрелок по циферблату, познания и использования неведомых измерений пространственно-временного континуума?

Пять чувств: обоняние, зрение, слух, вкус, осязание. Пять чувств, о которых человек знал с незапамятных времен! Но разве их не может быть больше? Не исключено, что в человеке заложены и другие чувства, которые ждут своего развития. Ведь человек так медленно меняется на своем эволюционном пути. И вряд ли развитие человеческого интеллекта и человеческих чувств остановилось. А если так, то почему бы не появиться шестому чувству, седьмому, восьмому?

Не так ли, спрашивал себя Виккерс, произошло и с мутантами? Неожиданно развились вспомогательные и лишь наполовину осознанные чувства.

Такая мутация логична, и ее следовало ожидать».

Он проносился мимо деревень, крепко спящих в этот предутренний час, мимо ферм, выглядевших особенно голо в рассеянном свете зари.

«Не пользуйтесь своим вечмобилем»,— прочел он в записке Крофорда. Бессмыслица. Почему он должен отказываться от машины? Доверившись словам Крофорда? А кто он такой? Враг? Однако порой его поступки говорили об обратном.

И все же не было оснований отказываться от машины. Но и в машине ему было не по себе. Как не было причин останавливаться в доме Престонов, однако он твердо знал, что совершил ошибку, не остановившись там.

Не было доказательств считать Энн мутантом, но он был уверен, что она — мутант.

Он несся навстречу утру. Над встречными речушками поднимался туман. На востоке появились первые лучи солнца, стали попадаться коровы, появились первые редкие автомобили.

Он вдруг понял, что голоден и хочет спать, но ему не хотелось останавливаться. Если уж он совсем станет засыпать, придется передохнуть.

Но вот подкрепиться следовало. В каком-нибудь ближайшем городке он остановится у открытого кафе перекусить. Одна-две чашечки кофе разгонят сон.

Глава 27

Город оказался не маленьким, было много кафе. Утренняя смена рабочих спешила на работу.

Он выбрал чистый на вид ресторан и снизил скорость, отыскивая место для стоянки. Только за квартал от ресторана удалось приткнуться к тротуару.

Он вылез из машины и запер дверцу. Было довольно свежо, как иногда бывает летним утром.

«Сейчас я поем,— решил он.— Не буду спешить, чтобы дать отдохнуть мышцам, и потом еще раз попробую позвонить Энн. Может, поймаю ее. Мне станет спокойнее, если она будет в курсе дела и сумеет скрыться. Лучше вместо встречи там, где продают дома, явиться к ним и все объяснить, вероятно, они смогут ей помочь. Как бы то ни было, он должен говорить с Энн быстро и твердо, чтобы она поверила не споря».

Он спустился вниз по улице и вошел в ресторан. Свободных мест было много, казалось, столиками и не пользовались. Все посетители сгрудились у стойки. Виккерс тоже сел на один из свободных табуретов вместе со всеми.

Рядом с ним оказался громадного роста рабочий в выцветшей рубахе и топорщащейся робе; склонившись над тарелкой, он шумно ел овсяную кашу, так быстро орудуя ложкой, словно пытался создать непрерывный поток между тарелкой и ртом. По другую сторону от Виккерса сидел мужчина в синих брюках и белой рубашке с тщательно завязанным галстуком. Он был в очках и читал газету. У него был вид бухгалтера — человека, умеющего ловко обращаться с цифрами и гордящегося этим своим умением.

Подошла официантка и протерла тряпкой прилавок перед Виккерсом.

— Что желаете? — безразлично спросила она, слив в одно слово всю фразу.

— Оладьи,— сказал Виккерс,— и кусок ветчины.

— Кофе?

— И кофе,— кивнул Виккерс.

Она принесла еду, и Виккерс начал есть, сначала торопливо, глотая большие куски оладий, обильно политые сиропом, а потом, утолив первый голод,— медленнее.

Человек в робе встал и ушел. Его место заняла худенькая девица, у которой от усталости слипались глаза. «Явно секре-

тарша,— подумал Виккерс,— поспавшая час-другой после целой ночи танцев».

Он почти кончил есть, когда на улице послышались крики и топот бегущих ног.

Девушка, сидевшая рядом, развернулась на табурете и выглянула в окно.

— Все бегут,— сказала она.— Интересно, что там случилось?

В дверях появился человек и крикнул:

— Там нашли вечмобиль!

Люди повскакивали с мест и ринулись к двери. Виккерс медленно последовал за ними.

«Нашли вечмобиль!» — крикнул человек. Единственной такой машиной, которую они могли найти, была машина, оставленная им на улице.

Толпа опрокинула автомобиль на середину улицы и кричала, потрясая кулаками. Кто-то бросил булыжник, и тот с резким звуком ударился о металл — будто пушечный выстрел грохнул в этот ранний утренний час.

Какой-то человек запустил булыжник в стеклянную дверь скобяной лавки и через разбитое стекло открыл дверь. Люди ворвались внутрь и, вооружившись кувалдами и топорами, вернулись на улицу.

Толпа раздвинулась, освободив им место. И кувалды, и топоры заблестели в косых лучах солнца. Брызнули стекла. Улица наполнилась металлическим грохотом.

Виккерс застыл возле двери ресторана, ощущая спазмы в желудке,— происходившее его просто потрясло.

Крофорд написал: «Не пользуйтесь своим вечмобилем».

Вот что означало его предупреждение.

Крофорд знал, что произойдет с любым вечмобилем, найденным на улице.

Крофорд знал и предупредил его.

Так друг он или враг?

Виккерс протянул руку и коснулся ладонью кирпичной стены. Прикосновение к этой шероховатой поверхности вернуло его к действительности: озлобленная, свирепая толпа вдребезги разносила его машину.

«Они знают»,— подумал он.

Им сказали о мутантах, и они возненавидели их.

Конечно, возненавидели.

Они не могли их не возненавидеть — само существование мутантов низводило людей на вторую ступень, они станови-

лись неандертальцами перед лицом завоевателя, вооруженного луком и стрелами.

Он повернулся и пошел назад в ресторан; он шел медленно, готовый тут же броситься бежать, если вдруг кто-то крикнет позади или чья-то рука коснется его плеча.

Человек в очках и с черным галстуком оставил возле тарелки свою газету. Виккерс взял ее, решительно обогнул стойку и толкнул дверь, ведущую в кухню. Там было пусто. Он быстро пересек кухню и вышел через черный ход в переулок.

Он двинулся по переулку, свернул еще в один узенький переулок между двумя зданиями и вышел на другую улицу. Пересек ее, опять свернул в проулок, потом еще в один.

«Они будут защищаться,— сказал ему Крофорд, сидя прошлым вечером в его номере на стуле, скрипящем под его массивным телом,— они будут защищаться теми средствами, которыми располагают».

Вот они и начали защищаться — схватили свои дубинки и бросились в бой.

Он увидел сквер, отыскал там уединенную скамейку, спрятавшуюся в кустарнике, и стал просматривать взятую в ресторане газету.

Добравшись до первой страницы, он нашел то, что искал.

Глава 28

Заголовок гласил: «НАС ИЗГОНЯЮТ!» Потом шел подзаголовок: «РАСКРЫТ ЗАГОВОР СВЕРХЛЮДЕЙ». И дальше: «Раса сверхлюдей среди нас; тайна вечных бритвенных лезвий раскрыта».

И сообщение:

«ВАШИНГТОН (спец. корр.). "Человечество оказалось перед лицом величайшей за все время своего существования опасности — всеобщего превращения в рабов",— говорится в совместном заявлении ФБР, Объединенного комитета начальников штабов и Вашингтонского отделения Международного экономического бюро.

Совместное заявление было сделано на пресс-конференции президента. Аналогичные заявления последовали в Лондоне, Париже, Мадриде, Риме, Каире.

В заявлении говорится о появлении новой расы людей, называемых мутантами, которые пытаются захватить власть над миром.

В данном случае под мутантом понимается человек, претерпевший внезапные резкие изменения исходных наследственных форм.

Изменения эти не касаются физического состояния, поскольку мутанта невозможно отличить от обычных людей, а связаны с развитием особых способностей, которые у обычных людей отсутствуют. (О явлении мутации см. статью на с. 1.)

В заявлении (полный текст приведен в колонке 4) говорится, что мутанты начали кампанию по уничтожению мировой экономической системы, производя такие товары, как вечные бритвенные лезвия, электрические лампочки, вечмобили, сборные дома и т. п., продаваемые через так называемые магазины технических новинок.

Многолетние официальные и частные исследования показали, что мутанты ведут организованную кампанию по захвату власти над миром. Настоящее заявление по поводу сложившейся обстановки, говорится далее, составлено после тщательного изучения представленных данных.

Заявление призывает население мира объединиться в борьбе против заговора, не прекращая своей обычной повседневной деятельности и не впадая в панику.

"Это не должно быть причиной страхов,— говорится в заявлении,— тем более что некоторые контрмеры уже приняты". Однако более конкретного сообщения о контрмерах в заявлении не содержится. На вопросы журналистов по этому поводу официальные круги сообщили, что конкретные меры не подлежат разглашению из соображений безопасности.

"В целях борьбы с мутантами,— говорится в заявлении,— каждый гражданин должен следовать нижеприведенным правилам:

1. Сохранять спокойствие и не поддаваться панике.
2. Воздержаться от использования товаров, производимых мутантами.
3. Отказаться от приобретения любых товаров, производимых мутантами.
4. Немедленно сообщать в ФБР о любых подозрительных обстоятельствах, которые могли бы иметь отношение к сложившейся обстановке".

(Продолжение см. на с. 11.)»

Виккерс не стал открывать одиннадцатую страницу, а решил просмотреть повнимательнее первую.

Здесь разъяснялось явление мутации и был приведен полный текст заявления. Кроме того, в статье какого-то профессора-биолога обсуждались возможные причины и последствия мутации. Там же было около дюжины сообщений.

Он начал читать:

«НЬЮ-ЙОРК (Ассошиэйтед Пресс). Сегодня по улицам города прошли толпы людей, вооруженных топорами и стальными ломами. Они врывались в помещения магазинов технических новинок, уничтожая имевшиеся там товары и установки. Однако в магазинах продавцов не оказалось. Единственная человеческая жертва к мутантам отношения не имеет.

ВАШИНГТОН (ЮПИ). Сегодня ранним утром разъяренная толпа убила водителя вечмобиля и уничтожила машину.

ЛОНДОН (Интернэшнл Ньюс Сервис). Сегодня правительство приняло решение выставить охрану вокруг жилых кварталов, где находятся сборные дома, изготовленные, как полагают, мутантами.

Владельцы, говорится в решении, приобрели эти дома, ни о чем не подозревая, и никак не связаны с заговорщиками. Охране предписано защищать этих честных граждан и их соседей от необузданной ярости толпы.

СЕН-МАЛО, ФРАНЦИЯ (Рейтер). Сегодня утром на одной улице на фонарном столбе обнаружен труп человека. На шее повешенного найдена табличка с надписью: "Мутант"».

Газета выпала из рук. Виккерс тупо смотрел, как она распласталась на песке.

А утренний поток автомобилей уже заполнял улицу. Возле ограды мальчик играл с мячом. Над лужайкой кружили голуби.

«Все как обычно,— подумал он.— Обычное человеческое утро. Люди спешат на работу, играют дети, воркуют на лужайках голуби».

Однако под видимым спокойствием бушевал поток зверства. Настоящее затаилось за фасадом цивилизации. Оно готовилось вырваться из засады и вцепиться в глотку будущего. Вцепиться в глотку Виккерса, в глотку Энн, в глотку Гортона Фландерса.

Слава богу, пока никак не связали его появление в городе с машиной. Но теперь в любую минуту кто-то сделает это. Кто-то вспомнит, что видел его за рулем этой машины. Кто-то заподозрит его, так как он не бросился вместе с остальными из ресторана, чтобы пополнить толпу, крушившую машину.

Пока он был в безопасности. Но сколько времени это продлится, он не знал.

Как же быть?

Он задумался.

Взять напрокат машину и продолжать путь?

Он не знал, как это лучше сделать...

Но во всех случаях одно было неотложным и требовало немедленных действий.

Следовало разыскать волчок.

Он остался в машине, и теперь за ним надо было вернуться.

Но стоило ли рисковать?

Виккерс не видел в таком риске особого смысла. Более того, это граничило с безумием. Но он знал, что должен попытаться.

А ведь Крофорд советовал ему не пользоваться машиной. Но тогда он не принял записку в расчет, и теперь оставалось только раскаиваться в этом. Вопреки здравому смыслу он оказался не прав. В данном случае логика подвела его, а его инстинкт, его предчувствие, его интуиция, как бы это ни называлось, подсказывали верный путь.

Он вспомнил собственные размышления о возможностях человеческого мозга, о его способности предвидения, которая порой куда сильнее логики и разума. Может быть, это одна из странных особенностей мутантов?

И может, именно это чувство, противоречащее логике и разуму, гнало его на поиски волчка.

Глава 29

Движение было перекрыто, вдоль улицы стояли полицейские, хотя нужда в их присутствии уже отпала — толпа успокоилась. Изуродованная, разбитая машина лежала колесами кверху, словно дохлая корова на кукурузном поле. Выбитые стекла скрипели под ногами любопытствующих зевак.

Виккерс смешался с толпой и пробился к машине. Передняя дверца была сорвана и валялась на мостовой. Почти никаких надежд найти волчок. А если волчок и здесь, то как им завладеть? Может, встав на колени, сделать вид, что интересуешься щитком управления?

Он несколько раз с нарочито равнодушным видом обошел машину, обмениваясь замечаниями с зеваками. Он кружил до тех пор, пока не подобрался к дверце. Тогда он нагнулся и заглянул внутрь, но волчка в машине не было. Он сидел на корточках, вытянув шею и рассуждая о щитке управления и коробке передач, а сам высматривал злополучную игрушку.

Волчок исчез.

Виккерс встал и вновь смешался с толпой, оглядывая мостовую,— волчок мог выпасть из машины и откатиться в сторону. Он осмотрел водостоки по обеим сторонам улицы, мостовую — волчок как провалился.

Итак, волчок исчез, исчез раньше, чем он успел проверить его удивительные свойства.

Дважды побывал он в сказочной стране — первый раз ребенком, а второй раз юношей, гуляя по заветной долине с девушкой по имени Кэтлин Престон. Вероятно, эта долина могла быть и совсем другой сказочной страной. А потом, когда он снова захотел встретиться с Кэтлин, ему сказали, что она уехала, и он повернулся спиной к двери и неверными шагами пересек террасу.

«Минуточку,— сказал он себе,— а действительно ли я повернулся спиной к двери и неверными шагами пересек террасу?»

Он напряг память и вспомнил тихий голос человека, который сказал, что Кэтлин уехала, а потом добавил:

— Зайди, малыш. Я хочу кое-что показать тебе.

Он вошел в громадный вестибюль с густыми тенями по углам, с картинами по стенам и величественной лестницей, ведущей наверх. Затем кто-то разговаривал с ним.

Что сказал тот человек?

Или что-то произошло?

Как случилось, что этот момент, о котором он должен был помнить всегда, всплыл после стольких лет забвения, как и воспоминание о его детской встрече со сказочной страной?

И так ли все было на самом деле?

«Об этом,— признался он себе,— я судить не могу».

Он повернулся и двинулся вниз по улице мимо полицейского, который, играя дубинкой, с улыбкой поглядывал на толпу.

На пустыре играли дети. Когда-то и он так же самозабвенно играл, наслаждаясь теплыми лучами солнца и ощущая, как по телу пробегают волны счастья. Не существовало понятия времени — всякая цель ставилась на несколько минут, редко на час. Каждый день был вечностью, и жизни не было конца...

В стороне какой-то малыш возился со своей игрушкой. Вдруг он подбросил ее кверху и снова поймал, холодея от счастья. Солнце расцветило предмет, и у Виккерса перехватило дыхание.

Это был его волчок!

Он сошел с тротуара и с трудом пересек пустырь.

Дети не замечали его или просто не захотели замечать — ведь взрослые либо не существуют для их игр, либо присутствуют в них как дружелюбные объекты.

Виккерс остановился возле малыша с волчком.

— Привет, сынок.

— Привет.

— Что это у тебя?

— Я нашел это,— насторожился малыш.

— Красивая штука,— сказал Виккерс.— Я хотел бы ее купить.

— Я не хочу ее продавать.

— Я дам тебе за нее кучу денег,— сказал Виккерс.

Мальчуган глянул на него с интересом.

— А на велосипед хватит?

Краем глаза Виккерс заметил, что стоящий на тротуаре полицейский посмотрел на него и направился к пустырю.

— Держи,— сказал Виккерс.

Он схватил волчок и бросил смятые деньги на колени мальчугана. Потом выпрямился и бросился бежать в сторону переулка.

— Эй вы! — крикнул полицейский.

Виккерс продолжал бежать.

— Эй вы! Остановитесь, или буду стрелять!

Раздался выстрел, и Виккерс услышал свист пули над головой. Полицейский не мог знать, кто он, но утренняя газета напугала всех.

Он добежал до ближайшего здания и скрылся за углом. Но оставаться в переулке не мог и свернул в узкий проход между двумя зданиями. Уже свернув, он понял, что совершил ошибку — проулок выходил на ту улицу, где лежала его исковерканная машина.

Он увидел открытое подвальное окно и, не успев даже подумать, понял, что это его единственное спасение. Он прикинул расстояние и спрыгнул туда. Очутившись в подвале, он ощутил острую боль в спине, видно задел раму, и тут же стукнулся обо что-то головой — темнота взорвалась миллионами звезд. Дыхание перехватило, он растянулся на полу, выронив из рук волчок, который откатился куда-то в сторону.

Наконец ему удалось встать на четвереньки, и он пополз к волчку. Наткнувшись на водопроводную трубу, он с трудом встал на ноги. Спина кровоточила, голова гудела. Но на некоторое время он обрел безопасность.

Он нашел ступеньки и, поднявшись по ним, понял, что находится в помещении позади скобяной лавки. Там громоз-

дились рулоны арматуры, толя, картонные коробки, упакованные дымовые трубы и бухты манильского троса.

Присев позади ящика, он очутился в круге солнечного света, падающего из окна над головой. Снаружи, с улицы, доносились топот бегущих ног и крики. Он снова спустился вниз и прижался к шершавым доскам, сдерживая дыхание и боясь, что оно выдаст его, если кто-то войдет сюда.

Надо было во что бы то ни стало найти выход — если он останется здесь, его найдут. Полиция и жители прочешут квартал. К тому времени они уже будут знать, за кем идет охота. Мальчуган скажет, что нашел волчок неподалеку от машины, кто-то вспомнит, как он ставил машину, вспомнит о нем и официантка ресторана. Из этих отрывочных сведений они поймут, что беглец и был водителем разбитого вечмобиля.

Он представил себе, что случится, если его схватят. Он хорошо помнил сообщение из Сен-Мало о повешенном на фонарном столбе.

Но путей к бегству не было. Он не мог выйти на улицу — там его искали. Можно было вернуться в подвал, но это не меняло дела. Можно было пробраться в магазин и притвориться покупателем, зашедшим присмотреть ружье или инструмент, потом выйти на улицу. Однако он сомневался, что это удастся.

Аналогичное поведение ничего не дало. Логика и разум выходили победителями, пока оставались главными факторами, управляющими жизнью человека.

Не существовало никакой возможности бегства и из солнечного уголка позади ящика.

Не существовало никакой возможности бегства, кроме...

Он снова нашел волчок. Волчок был с ним.

Вообще не существовало никакой возможности бегства, никакой, если не сработает... волчок.

Он поставил волчок на пол и, нажав на ручку, придал ему медленное вращение. Потом разогнал быстрыми движениями руки и отпустил. Волчок загудел. Придвинувшись ближе, он неотрывно смотрел на цветные полоски. Они появлялись и исчезали в бесконечности, и он спрашивал себя, куда они уходят. Он так сосредоточил внимание на волчке, что забыл об окружающем.

Волчок не сработал. Виккерс протянул руку и остановил закачавшуюся игрушку.

Потом попробовал еще раз.

Надо было вновь стать восьмилетним мальчуганом. Снова вернуться в детство. Очистить мозг от всех взрослых мыслей, взрослых забот, от зрелости. Вновь превратиться в ребенка.

Он подумал об играх на пляже, о сне под деревом, о податливом песке под босыми ногами. Закрыв глаза, он поймал кусочек своего детства с его красками и запахами.

И снова не отрывал взгляда от полосок, снова весь ушел в их появление и исчезновение.

И опять ничего не вышло. Волчок покачнулся, и он остановил его.

Холодящая мысль пронзила Виккерса — он не мог забыть о времени. Он спешил.

А ведь у ребенка нет понятия времени. Оно для него не существует.

Он заставил себя забыть, что дорога каждая минута, чтобы вновь стать ребенком, только что получившим в подарок новенькую сверкающую игрушку.

И снова запустил волчок.

Он ощутил уют дома и материнскую любовь, увидел разбросанные по полу игрушки и книжки, которые ему читала бабушка, когда приходила в гости. И он смотрел на волчок с наивным восторгом, наблюдая, как исчезают и появляются полоски, появляются и исчезают, появляются и исчезают...

Он провалился вниз примерно на фут и очутился на вершине холма. Вокруг на мили расстилалась равнина — обширная страна с лугами, рощами и змейками рек. У его ног, покачиваясь, медленно вращался волчок.

Глава 30

Девственная долина без всяких следов человеческой деятельности простиралась от горизонта до горизонта — земля и небо. И эту нетронутую землю ласкали лишь порывы ветра, пробегавшие по ней из конца в конец.

С высоты холма Виккерс заметил вдали движущиеся темные пятна и понял, что это стада бизонов. В его сторону трусили три волка. Но, увидев человека, они повернули назад и сбежали вниз по склону. В голубом безоблачном небе, выписывая величественные круги, парила одинокая птица. До Виккерса донесся резкий птичий крик.

Волчок не подвел. Теперь в этой безграничной стране волков и бизонов он был в безопасности.

Он поднялся выше на гребень, чтобы еще раз осмотреться вокруг. Ничто не говорило о близости человеческого жилья — он не видел ни дорог, ни струек дыма, поднимающихся к небу.

Он посмотрел на солнце, пытаясь определить, где запад. По его расчетам, была середина утра. Если он ошибся и время клонилось к вечеру, то через несколько часов тьма окутает равнину. А с наступлением темноты ему хотелось бы оказаться в укрытии.

Он думал, что попадет в сказочную страну, но эта страна была отнюдь не сказочной. «Стоило серьезно поразмыслить,— сказал он себе,— и я бы понял, что такой страны нет и место, куда я попал ребенком, конечно, не было сказочной страной». Перед ним лежал новый обширный мир, безлюдный, быть может опасный, но здесь было лучше, чем в складском помещении скобяной лавки в незнакомом городе, где люди охотились за ним, чтобы вздернуть на фонарном столбе.

Он покинул старый, привычный мир и оказался в новом, странном мире, и, если здесь нет людей, ему придется рассчитывать только на себя.

Он уселся, вывернул все карманы и тщательно осмотрел их содержимое. Полпачки сигарет; три коробка спичек, один из которых почти пуст; перочинный нож; носовой платок; бумажник с десятью долларами; несколько центов; ключ от вечмобиля; брелок с ключами от дома, письменного стола и еще от чего-то; авторучка; сложенные пополам листки бумаги для попутных записей — это было все. Огонь, и орудие защиты, да несколько кусочков бесполезного металла — вот все, чем он располагал. И если мир безлюден, этим он должен себя кормить, защищать, строить убежище, а со временем и одевать.

Он закурил, решив осмыслить происшедшее, но смог думать лишь о необходимости беречь сигареты, которых осталось всего полпачки,— новые взять будет негде.

Чужая страна, впрочем не совсем чужая, ведь он находился на Земле, старой привычной Земле, которой пока не коснулась рука человека. Он дышал воздухом Земли, видел ее луга и небо, ее животных. Это был мир древней Земли. С невозделанными почвами, нетронутыми сокровищами.

Эта страна не была чужой, волчок не забросил его в другое измерение, да и, по правде говоря, волчок здесь оказался ни

при чем. Волчок не играл никакой роли. Волчок явился средством для концентрации внимания, гипнотизирующей игрушкой, которая позволила мозгу выполнить нужную работу. Волчок помог ему попасть в эту страну, но только его мозг и присущие ему особые способности перебросили его со старой, привычной Земли в этот странный, девственный мир.

Он читал или слышал о чем-то подобном...

Он силился вспомнить.

Статья в газете. Или обрывок разговора. Или передача по телевизору.

И наконец вспомнил — статья одного бостонского ученого, кажется, доктора Олдриджа, в которой говорилось, что один мир опережает нашу планету на секунду, а другой на секунду отстает от нее. И так они следуют один за другим, целая цепочка миров, словно люди, ступающие по снегу след в след, образуя одну непрерывную линию.

Непрерывная цепь миров, следующих один за другим. Кольцо вокруг Солнца.

Он не дочитал тогда статью до конца, что-то отвлекло его, и он отложил газету в сторону. И теперь жалел об этом. Очень может быть, что Олдридж оказался прав. Этот мир мог следовать за старой, привычной Землей и быть следующим звеном бесконечной цепи миров.

Он попробовал представить себе принцип, на котором строилась эта цепочка миров, но не смог — слишком многого он не знал.

«Предположим, я нахожусь на Земле-2, следующей за старой Землей, которую только что покинул,— думал Виккерс.— Допустим, топография обоих миров достаточно схожа, хотя и неидентична. Небольшие отличия станут заметными, может, только в девятом мире. Значит, Земля-2 почти не должна отличаться от старой Земли. Если там я находился где-то в Иллинойсе, то и здесь должен быть на землях прежнего Иллинойса».

Восьмилетним мальчуганом он побывал в местах, где рос сад и стоял окруженный кустарником домик. Вполне возможно, что и сейчас он находился на той же Земле. Когда-то он гулял по заветной долине, которая тоже могла находиться на этой Земле. Но тогда здесь мог существовать и дом Престонов, похожий на гордый дом с Земли его детства.

«Это — моя надежда,— решил он.— Ничтожная, но единственная, которая у меня есть».

Добраться до дома Престонов, направляясь на северо-запад. Пройти пешком весь тот длинный путь, который он проехал на машине от родного дома. Он понимал, как невелика вероятность найти дом Престонов. Не окажется ли он в ловушке этого пустынного и громадного мира? Но он отогнал сомнения — только эта вероятность таила в себе его единственную надежду.

Он снова посмотрел на солнце: оно поднялось выше, значит, было утро. Теперь он точно знал, где находится запад,— единственное, что ему надо было сейчас знать.

Он вскочил на ноги и быстро зашагал вниз, направляясь на северо-запад, к своей единственной надежде в этом мире.

Глава 31

Задолго до наступления темноты в рощице у ручья он выбрал место для ночлега.

Стянув с себя рубашку, он соорудил из нее и прутьев примитивную вершу, потом, спустившись к заводи, довольно быстро наловчился орудовать ею. Через час на песке бились пять средней величины рыб.

Почистив их перочинным ножом, он с одной спички развел костер и с гордостью подумал, что из него вышел бы неплохой траппер.

Он испек одну рыбину и съел, не испытав удовольствия,— кроме отсутствия соли сказалось и неумение пользоваться первобытным очагом: часть рыбы обуглилась, а часть осталась сырой. Однако он заставил себя доесть всю рыбину, ибо знал, что впереди его ждут трудные дни.

Между тем наступила ночь, и он придвинулся ближе к костру. Так, сидя, он и заснул.

Проснувшись, он увидел, что огонь почти погас, а ночь стала еще темней. Он снова раздул костер. Огонь не только согревал, но и служил защитой — днем он видел и волков, и медведей, в зарослях промелькнула и гибкая кошачья тень, но он не успел разглядеть, что это был за зверь.

Когда он снова проснулся, на небе занялась заря. Он подбросил сучьев в костер и испек остальную рыбу. Одну рыбину он съел, а остальные сунул в карман. Он знал, что днем у него не будет времени на привал.

Поблизости в кустарнике он нашел толстую прямую палку и проверил, не гнилая ли она. Такая палка могла служить посохом при ходьбе и дубинкой при обороне. Проверив карманы, он убедился, что все на месте. Главное — перочинный нож и спички. Он туго завернул спички в носовой платок и в майку. Если он попадет под дождь или свалится в реку, они останутся сухими. Он сомневался, что сможет развести огонь, высекая искры из камня.

Он пустился в путь до восхода солнца, но шел медленнее, чем накануне, так как понял, главное — умение экономить силы. Глупо было выдохнуться в первые же дни долгого перехода.

В полдень ему пришлось сделать большой круг, обходя огромное стадо бизонов. На ночь он опять остановился в роще. По пути он поймал еще одну рыбину, а в роще обнаружил кусты ежевики, так что на ужин имел и десерт.

Солнце взошло, и он снова пустился в путь. Солнце село.

Опять наступил день, и он снова был в пути. Прошел еще один день, и еще, и еще...

Он ловил рыбу. Собирал ягоды. Однажды наткнулся на только что задранного оленя. Хищник, по-видимому, удрал с приближением человека. Он отрезал себе столько мяса, сколько смог унести. Даже без соли мясо было вкуснее рыбы. Он ел его и сырым, тщательно разжевывая на ходу. Когда запах от мяса стал нестерпимым, пришлось выбросить остатки.

Он потерял всякое ощущение времени. Не знал, сколько прошел, сколько ему осталось пройти до нужного места, и вообще найдет ли его.

Когда прохудились ботинки, он набил их сухой травой и подвязал полосками ткани, которые нарезал из брючин.

Однажды, склонившись над ручьем, чтобы напиться, он увидел отражение странных черт и был поражен, поняв, что видит собственное лицо, заросшее и отмеченное усталостью, лицо человека в лохмотьях.

Дни следовали один за другим. Он продолжал идти на северо-запад. Сначала он обгорел на солнце, потом покрылся загаром. На бревне он перебрался через широкую и глубокую речку. Он потратил на переправу много времени, бревно едва не перевернулось, но все же достиг другого берега.

Он продолжал свой путь. У него не было иного выбора.

Он шел через пустынную страну без всяких признаков жизни, хотя края эти во всем подходили человеку. Плодородные

земли, поросшие высокими травами луга, вековые рощи вдоль берегов рек.

И наконец однажды, перед самым заходом солнца, он вышел на перевал и увидел перед собой равнину и реку, излучины которой показались ему знакомыми. Но его внимание привлекла не река, а зеркальный отблеск садящегося солнца — вдали, у горизонта, высились какие-то явно металлические конструкции.

Прикрыв глаза рукой и напрягая зрение, он пытался разглядеть, что это такое, но расстояние было велико и солнце слепило глаза.

Спускаясь по склону и не зная, радоваться ему или бояться, Виккерс не отрывал взгляда от металлических бликов. Они то пропадали из виду, когда он спускался в долину, то появлялись вновь, когда он оказывался на перевале, и он понял, что это не мираж.

Наконец он различил сверкающие металлом здания, а потом и странные предметы, подлетавшие к ним и улетавшие прочь. Чувствовалось, что там кипит жизнь.

Это не походило ни на город, ни на поселок. Все было сделано из металла, и совсем отсутствовали какие-либо подъездные пути.

По мере приближения он различал все больше деталей и, остановившись в одной-двух милях от строений, понял, что находится перед ним.

Это был не город, а завод, громадный завод. К нему беспрерывно подлетали странные предметы, они больше походили на летающие вагоны, чем на самолеты. Большинство из них двигались с севера и запада, летели они на небольшой высоте и с небольшой скоростью и направлялись к посадочной площадке, скрытой от Виккерса группой зданий.

Существа, сновавшие между зданиями, лишь отдаленно напоминали людей, скорее всего это были какие-то металлические создания, так как они ослепительно сверкали в последних лучах заходящего солнца.

Возле каждого здания высилась башня громадного диаметра с чашей наверху. Все чаши были обращены к солнцу и горели красным огнем.

Он медленно приблизился к зданиям и, только очутившись рядом, понял, как они огромны. Они занимали гигантскую территорию. Создания, сновавшие между зданиями и выполнявшие какую-то работу, оказались самоуправляемыми роботами.

Некоторые машины были знакомы Виккерсу, а некоторые он узнать не мог. Он увидел мчавшийся тягач с грузом строительного леса, потом мимо него со скоростью тридцать миль в час проехал громадный кран с лязгающим ковшом на стреле. Очень многие машины казались верхом механического бреда, и все они двигались на громадных скоростях, словно спешили куда-то.

Он нашел улицу, нет, не улицу, скорее проезд между двумя зданиями и двинулся по нему, стараясь держаться поближе к стене,— машины носились здесь с бешеной скоростью.

Оказавшись возле здания с распахнутыми воротами, он осторожно поднялся по пандусу и заглянул внутрь. Помещение было залито неизвестно откуда льющимся светом. Вдоль него тянулись длинные ряды работающих машин. Но шума не было, и это поразило Виккерса. Завод работал, но работал совершенно бесшумно. Царила полная тишина, нарушаемая лишь металлическим позвякиванием проносившихся снаружи машин.

Он спустился по пандусу и проездами прошел к посадочной площадке, на которую садились и с которой взмывали летающие вагоны.

Он смотрел на приземляющиеся и разгружающиеся машины, на штабеля свеженапиленного строительного леса, который укладывался на тягачи, разбегавшиеся по всем направлениям; здесь же были горы руды, скорее всего железной, которую подбирали другие грузовые машины, похожие, как показалось Виккерсу, на пеликанов.

Разгруженный вагон тут же взлетал, без шума, словно его подхватывал и уносил в воздух порыв ветра.

Летающие вагоны прибывали сплошным потоком и тут же разгружались. Прибывшие материалы сразу же куда-то развозились громадными машинами.

«Эти машины ведут себя как люди»,— подумал Виккерс. Это не были автоматы. Автомат предполагает строго чередующиеся, определенные операции, а вагоны приземлялись достаточно произвольно. Как только вагон садился, одна из грузовых машин подъезжала к нему и разгружала его.

«Они похожи на разумных существ»,— подумал Виккерс. И, подумав об этом, понял, что они действительно разумны. Это были машины-роботы. Внешне они совсем не походили на людей, но были наделены разумом и знали, что делать.

Солнце село, а он стоял у угла здания, глядя на башни. Их чаши, только что обращенные в сторону заходящего солнца,

теперь медленно поворачивались к востоку, чтобы утром поймать его первые лучи.

«Солнечная энергия»,— подумал Виккерс. Где же он слышал о солнечной энергии? Ну конечно, в домах мутантов! Маленький продавец объяснил ему и Энн, что при наличии солнечных батарей им не нужны ни газ, ни электричество.

И здесь работала солнечная энергия. И здесь машины не знали трения, а потому не производили никакого шума, как не подверженные износу вечмобили.

Машины не обращали на него внимания, словно не видели его и не подозревали о его присутствии. Ни одна из них не снизила скорости, обгоняя его; ни одна не свернула, чтобы объехать. Но и ни одна из них не угрожала ему.

Как только солнце село, всю местность вокруг залил свет, но он опять не смог определить, где находится его источник. Наступление ночи не остановило работы. Летающие вагоны, эти громадные угловатые коробчатые конструкции, продолжали прилетать, разгружаться, улетать. Машины увозили их грузы. Длинные ряды станков в зданиях продолжали свой бесшумный труд.

«А летающие вагоны,— спросил он себя,— тоже роботы? Скорее всего — да».

Он снова двинулся вперед, прижимаясь к стенам зданий, чтобы не очутиться посреди дороги.

Он нашел гигантскую погрузочную площадку, где вздымались аккуратные горы ящиков. Одни машины их беспрерывно подвозили, другие заполняли ими летающие вагоны. Он осторожно выбрался на площадку и осмотрел закрытые ящики, пытаясь определить их содержимое, но, кроме букв и цифр, на них ничего не значилось. Он подумал было, не вскрыть ли один из ящиков, но у него не было ни инструмента, ни уверенности, что ранее равнодушные к его персоне машины не заинтересуются им, если он начнет мешать их работе.

Несколько часов понадобилось ему, чтобы выбраться за пределы гигантского завода. А отойдя подальше и обернувшись, он испытал трепет перед залитой светом отлаженной громадиной.

Ему не надо было спрашивать себя, что производит это предприятие. Он заранее знал ответ. Или бритвенные лезвия, или зажигалки, или лампочки, или дома, или вечмобили. А может, и все эти изделия сразу.

Он был уверен, что перед ним тот самый завод или один из заводов, который тщетно разыскивали Крофорд и Североамериканское исследовательское бюро.

И не было ничего удивительного, что их поиски оставались безуспешными.

Глава 32

Он вышел к реке далеко за полдень. Река эта с ее островами, заросшими деревьями и ползучими растениями, с ее песчаными отмелями, со зловещим шорохом зыбучих песков — он был уверен — была река Висконсин в ее нижнем течении, перед слиянием с Миссисипи. А если все обстояло именно так, он знал, куда идти. Отсюда легко было добраться до конечной цели путешествия.

Но тут на него нахлынули сомнения. Найдет ли он нужное место? В этой стране дома Престонов могло и не быть. Ведь он немало прошел, но обнаружил только роботов, здесь царила сложная машинная цивилизация, где не было места человеку. Людям нечего было делать на этом заводе, который не нуждался ни в руках, ни в мозге человека.

В угасающем свете дня он устроил привал на берегу реки и долго сидел без сна, уставившись на серебряное зеркало воды в лунном свете и ощущая свое одиночество. Столь горького и глубокого одиночества он еще никогда не испытывал.

Наступит утро, и он снова пустится в путь. Он найдет хотя бы место, где должен стоять дом Престонов. Но как он поступит, если там ничего нет?

Он решил не думать об этом и в конце концов заснул.

Утром он спустился к реке и внимательно рассмотрел скалистый южный берег. Да, места явно были знакомы ему.

Он двинулся вниз по течению и вскоре в голубой дымке различил высокую скалу возле места слияния двух рек, а за ней тонкую лиловую цепочку холмов. Он вскарабкался повыше и долго изучал взглядом долину, к которой стремился.

Ночь он провел уже в стороне от реки, а наутро отыскал долину, которая вела к дому Престонов.

Он прошел ее до половины, прежде чем она стала ему совершенно знакомой. Надежда постепенно превращалась в уверенность, что он идет по знакомой земле.

Наконец он нашел ту заветную долину, по которой гулял двадцать лет назад!

«Теперь,— думал он,— теперь, если только на месте дом».

Ему становилось плохо при мысли, что дома не окажется, что, поднявшись по последнему склону, он увидит только место, где должен стоять дом. Рухнет последняя надежда, и он превратится в изгнанника родной земли.

Он отыскал тропинку и пошел по ней, глядя, как ветер колышет высокие травы, чьи седые венчики походили на буруны штормового моря. Он увидел заросли диких яблонь, они не цвели — стояло лето, но это были те самые яблони, которые он когда-то видел в цвету.

Тропинка обогнула вершину холма. И Виккерс увидел дом. Ноги его ослабели, он остановился и быстро отвел взгляд в сторону, а потом медленно повернул голову и убедился, что не стал жертвой воображения,— дом действительно стоял на своем месте.

Дом стоял на своем месте.

Он вновь двинулся вверх по тропинке, заметил, что бежит, и заставил себя перейти на шаг. Потом побежал опять и на этот раз не стал останавливаться.

Он добрался до вершины холма, где стоял дом, и замедлил шаг, пытаясь восстановить дыхание. И только теперь подумал, на кого он похож со своей многодневной бородой, в лохмотьях, впитавших всю грязь и пыль долгого путешествия, в разодранной обуви, привязанной к ногам лоскутами от брючин, с остатками брюк, не прикрывавших даже грязных, исхудавших колен.

Он подошел к белой ограде, окружавшей дом, остановился перед калиткой, оперся о нее и стал разглядывать дом. Дом выглядел точно таким, каким он помнил его: чистым, ухоженным, с тщательно подстриженным газоном и цветочными клумбами, со свежевыкрашенными деревянными частями и кирпичом, отшлифованным за долгие годы солнцем, ветром и дождем.

— Кэтлин,— произнес он, с трудом шевеля пересохшими, потрескавшимися губами,— я вернулся.

Он хотел представить себе, как она выглядит после долгих лет разлуки. Не могла же она остаться девушкой семнадцати или восемнадцати лет, какой он знал ее когда-то, теперь она была женщиной примерно одного возраста с ним.

Она увидит его стоящим у калитки и, несмотря на его бороду и лохмотья, на его многодневное путешествие, узнает, распахнет дверь и пойдет по аллее навстречу.

Дверь распахнулась, но солнце било ему в глаза, и он не мог ее разглядеть, пока она не сошла с крыльца.

— Кэтлин,— произнес он.

Но это была не Кэтлин.

Это был человек, которого он никогда не видел,— его почти обнаженное тело блестело на солнце. Приблизившись, он спросил Виккерса:

— Сэр, я чем-нибудь могу вам помочь?

Глава 33

Что-то раздражало в этом сверкающем на утреннем солнце человеке — то ли его манера двигаться, то ли манера говорить. Прежде всего, он был совершенно безволосым. Ни единого волоска не было у него ни на голове, ни на груди. И глаза казались какими-то необычными. Они блестели так же, как и все тело. Кроме того, на лице не было губ.

— Я робот, сэр,— разъяснил сверкающий человек, видя растерянность Виккерса.

— А...— протянул Виккерс.

— Меня зовут Айзекайя.

— Как дела, Айзекайя? — поспешил спросить Виккерс, не зная, что сказать.

— Хорошо,— ответил Айзекайя.— У меня все всегда идет хорошо. Со мной не может случиться ничего плохого. Благодарю вас за внимание, сэр.

— Я надеялся кое-кого встретить здесь,— сказал Виккерс.— Мисс Кэтлин Престон. Она случайно не дома?

Он заглянул в глаза робота, но они ничего не выражали.

Робот спросил:

— Не желаете ли пройти в дом и подождать?

Робот открыл перед ним калитку, отошел в сторону, и Виккерс двинулся вперед по кирпичной дорожке, отметив про себя, как посветлел за долгие годы кирпич. Дом был в хорошем состоянии. Блестели свежевымытые стекла и ставни, газон казался прямо-таки выбритым. На клумбах с яркими цветами не было ни единого сорняка, а ограда словно несла вечную охрану вокруг дома: ее ярко-белые столбики походили на деревянных солдат.

Они обошли вокруг дома, робот поднялся по маленькому крылечку черного входа, толкнул дверь и пригласил Виккерса войти.

— Направо, сэр,— сказал Айзекайя.— Присаживайтесь и подождите, пожалуйста. Если вам что-нибудь понадобится — звонок на столе.

— Спасибо, Айзекайя,— поблагодарил Виккерс.

Для прихожей комната была слишком велика. Веселые обои, посреди стены мраморный камин, увенчанный зеркалом. Здесь стояла тишина, этакая официальная тишина, которая часто оказывается предвестником решающих событий.

Виккерс сел на стул и застыл в ожидании.

На что он надеялся? Что Кэтлин выскочит из дома и радостно побежит ему навстречу? И это после двадцати лет разлуки, в течение которой она не получила от него ни единой весточки? Он покачал головой. Он принял мечты за реальность. Этого не могло быть. Это противоречило всякой логике.

Хотя некоторые события вопреки той же логике все же произошли. Куда как нелогичнее найти этот дом в этом, ином, мире? Однако он нашел его. И сидел сейчас под его крышей. Не менее нелогичным было найти позабытый волчок и воспользоваться им. Однако благодаря этому волчку он находится здесь, сидит и прислушивается к происходящему в доме.

Из соседней комнаты донеслись тихие голоса, и он заметил, что дверь, ведущая туда из прихожей, слегка приоткрыта.

Других звуков не было, утренняя тишина царила в доме.

Он встал, подошел к окну, потом к мраморному камину.

Кто находился в соседней комнате? Почему он ждал? Кого он увидит за этой дверью и что ему скажут?

Неслышными шагами, почти на цыпочках, он кружил по комнате. Потом остановился возле двери, прижался к ней спиной и, сдерживая дыхание, прислушался.

Теперь он различал слова:

— ...это будет шоком.

Низкий, хриплый голос произнес:

— Шок неизбежен. Как бы мы ни поступали, шок неизбежен. Какие бы мы ни выбирали слова, они все равно будут ранить.

Ему ответил тягучий голос:

— К несчастью, мы можем действовать только так. Жаль, что их невозможно оставлять в телах, данных им от рождения.

Затем снова раздался деловой, уверенный, отчетливо слышимый голос:

— Большинство андроидов реагируют неплохо. Стоит им узнать, кто они такие, как они быстро оправляются от шока.

Мы должны им все объяснять. Кстати говоря, из всех троих он самый подходящий и может справиться с делом и в своем нынешнем теле.

— Мне кажется,— проговорил хриплый голос,— что мы поспешили с Виккерсом.

— Фландерс сказал, что это необходимо. Он считает, что только Виккерсу под силу обуздать Крофорда.

Раздался голос Фландерса:

— Уверен, что он справится. Он поздно взялся за дело, но быстро пошел вперед. Мы не церемонились с ним. Вначале дал промашку клоп, он поймал его и начал размышлять. Затем мы организовали угрозу линчевания. Потом он нашел волчок, который мы подложили ему, и принялся все сопоставлять. Надо подтолкнуть его еще пару раз...

— А девушка, Фландерс? Как ее зовут?

— Энн Картер,— ответил Фландерс.— Мы ее тоже подтолкнули, но не так грубо, как Виккерса.

— Как они воспримут это,— спросил тягучий голос,— когда узнают, что они — андроиды?

Виккерс отшатнулся от двери и медленно побрел прочь, он шел на ощупь, ничего не видя, словно по темной, заставленной мебелью комнате.

Добравшись до двери в вестибюль, он вцепился в притолоку.

«Вещь,— подумал он.— Даже не человек».

— Будь ты проклят, Фландерс! — вырвалось у него.

И он, и Энн — вовсе не мутанты. Они не только не высшие существа, но и не люди. Андроиды!

«Надо удирать,— подумал он.— Удирать, скрыться. Уйти от всех, залечить раны, успокоить свой мозг и подумать, что делать дальше».

Следовало что-то предпринять. Оставить это так было невозможно. Надо подумать и найти ответный ход.

Он пересек вестибюль, приоткрыл парадную дверь и посмотрел, нет ли кого поблизости. Газон был пуст. Нигде никого.

Он вышел, тихо прикрыв за собой дверь, спрыгнул с крыльца и кинулся бежать. С ходу перемахнул через ограду и бросился дальше.

Он не оглянулся, пока не достиг опушки, а обернувшись, увидел, что дом по-прежнему безмятежно и гордо высится на холме над долиной.

Глава 34

Итак, он оказался андроидом, искусственным человеком, с телом, созданным из горстки химических веществ силой разума и волшебством техники. Но этой силой и волшебством владели мутанты, ибо мозг обычного человека, уроженца его родной Земли, до этого еще не дорос. Мутанты способны были создать искусственного мужчину, наделив его всеми человеческими качествами. Или искусственную женщину, подобную Энн Картер.

Мутанты могли делать и андроидов, и роботов, и вечмобили, и вечные бритвенные лезвия, и многие другие вещи, стремясь подорвать экономику расы, из которой когда-то вышли сами. Они синтезировали углеводы для приготовления пищи, белки для производства тел своих андроидов, они умели путешествовать с одной Земли на другую, на любую из Земель, бегущих одна за другой по коридору времени. Они многое умели и делали. Ему даже трудно было себе представить, что они умели еще, как трудно было и предположить, что они замышляли или планировали.

— Вы — мутант,— сообщил ему Крофорд,— недоразвитый мутант. Вы — один из них.

Крофорд считал, что имеет умную машину, которая может разобраться в том, что происходит в вашем мозгу, но машина оказалась глупой, ибо не смогла отличить настоящего человека от искусственного. Не мутант, а мальчик на побегушках при мутантах. И не человек, а искусная копия.

А сколько их, во всем похожих на меня? Сколько таких созданий бродит по земле, выполняя приказы своих хозяев-мутантов? За сколькими следили и на скольких охотились люди Крофорда, не подозревая, что идут по следу искусственных созданий, а не самих мутантов? Вот где крылась разница между нормальным человеком и мутантом: обычный человек ошибался, принимая копию мутанта за самого мутанта.

Мутанты создавали человека, выпускали его на свободу, позволяли ему развиваться и прикрепляли к нему механического шпиона — маленькую искусственную мышь, которую они называли клопом и которую он разбил своим пресс-папье.

Иногда они подталкивали его, но зачем? Они подбивали жителей поселка учинить над ним суд Линча; они подложили ему волчок, чтобы он вспомнил о детстве; они позволили ему пе-

редвигаться в вечмобиле, хотя знали, что пользование им связано со смертельным риском.

А что случалось с андроидом после такого шока?

Что случалось с ними после выполнения возложенной на них миссии?

Он сказал Крофорду, что встретится с ним, когда узнает, что происходит. Теперь он кое-что узнал, и это кое-что должно очень заинтересовать Крофорда.

Но существовало что-то еще, что будоражило его мозг и искало выхода. Он что-то знал, но не мог вспомнить, что именно.

Огибая громадные деревья и ступая по мягкому ковру из мха, прелых листьев и цветов, он пошел через лес. Здесь царила странная, мирная тишина.

Следовало разыскать Энн Картер. Сообщить ей, что происходит, и тогда вдвоем они найдут выход.

Он остановился у подножия старого дуба и, глядя снизу на его крону, старался привести мысли в порядок.

Два момента казались ему главными.

Вернуться на родную Землю.

Отыскать Энн Картер.

Глава 35

Виккерс заметил человека лишь после того, как тот заговорил.

— Доброе утро, незнакомец,— услышал Виккерс и обернулся.

Человек стоял в нескольких футах от него — высокий, крепко сложенный мужчина, одетый как фермер или рабочий, только на голове у него была маленькая кепочка с длинным блестящим козырьком и перышком. Несмотря на простоту одежды, в его облике не было ничего деревенского. Перед ним стоял уверенный в себе человек, напомнивший Виккерсу персонаж какой-то книги, но он не мог вспомнить какой.

На плече у человека висел колчан со стрелами, в руке он держал лук. На его поясе болтались два кролика, а на брючине виднелись следы крови.

— Доброе утро,— суховато ответил Виккерс.

В неожиданном появлении этого человека не было ничего приятного.

— Вы один из них? — спросил человек.

— Кого вы имеете в виду?

Человек весело ухмыльнулся.

— Один из тех, кто прибыл сюда по ошибке,— пояснил он.— Прибыл и не знает, где очутился. Я часто спрашиваю себя, что с ними произошло бы, приземлись они до нашего появления здесь или в какой-то пустынной местности.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Вы знаете, где находитесь? — спросил человек.

— Я думаю, это вторая Земля,— ответил Виккерс.

Человек улыбнулся.

— Вы угадали,— признал он.— Вы сообразительнее других. Многие бродят вокруг, теряются и не верят, когда мы говорим, что они на Земле-два.

— Ясно,— сказал Виккерс.— Это Земля-два. А Земля-три?

— Она подождет, пока не понадобится нам. Бесконечное множество миров ожидает своего часа. Мы можем осваивать их поколение за поколением. Новая Земля для каждого нового поколения, если понадобится, но они говорят, что очередь других миров наступит еще не скоро.

— Они? — переспросил Виккерс.— Кто они?

— Мутанты,— ответил человек.— Те, что живут в Большом доме. Вы разве не видели Большой дом?

Виккерс из осторожности покачал головой.

— Вы, наверно, миновали его, перейдя через хребет. Большой кирпичный дом с белой оградой вокруг и постройками, похожими на амбары, хотя это вовсе не амбары.

— А что?

— Лаборатории, исследовательские лаборатории,— сказал человек.— А в некоторых помещениях слушают.

— А зачем слушать в помещениях? Мне кажется, слушать можно где угодно.

— Они слушают звезды,— разъяснил человек.

— Они слушают...— начал Виккерс и тут же вспомнил Фландерса, который сидел в кресле-качалке на террасе его дома в Клиффвуде и рассуждал о громадных запасах знаний, накопленных в других звездных мирах, и о том, что необязательно туда лететь на ракетах, что звезд можно достигнуть силой разума и что знания с них можно использовать.

— Телепатия? — спросил Виккерс.

— Конечно,— сказал человек.— Ведь они слушают не сами звезды, а их обитателей. Вам что-нибудь известно о таком идиотском занятии, как слушать звезды?!

— Да, отчасти,— ответил Виккерс.

— Они заимствуют идеи у обитателей звезд. Они не могут разговаривать с ними. Они только слушают. Узнают, о чем те думают, кое-что используют, но многое остается им непонятным. Если это не так, помогите мне разобраться, мистер...

— Меня зовут Виккерс, Джей Виккерс.

— Очень приятно, рад с вами познакомиться, мистер Виккерс. Мое имя — Эйза Эндрюс.

Он сделал шаг вперед и протянул руку. Виккерс взял ее и крепко, по-дружески пожал.

Теперь он вспомнил, где читал о подобном человеке. Перед ним был настоящий американский первопроходец, вооруженный длинноствольным ружьем, который взялся за освоение охотничьих угодий Кентукки. Он чувствовал в нем твердость, независимость, доброе расположение духа и спокойную уверенность в себе. И здесь, в лесах Земли-2, появился новый тип первопроходца, сильного, независимого человека, который мог стать другом.

— Это, наверно, те мутанты, которые сделали вечные бритвенные лезвия и прочие штуковины из магазинов новинок? — невинно спросил Виккерс.

— Вы быстро соображаете,— сказал Эндрюс.— Можете сходить через пару дней в Большой дом и поговорить с ними.

Он переложил лук в другую руку.

— Послушайте, Виккерс, а вы там никого не оставили? Жену, детей?

— Нет,— ответил Виккерс,— ни единой души.

— Отлично. Иначе бы мы сразу пошли в Большой дом и поговорили с ними, и они доставили бы сюда вашу жену и детишек. Жаль только, что обратной дороги нет, коли попал сюда. Правда, обратно возвращаться и незачем. Я не знаю никого, кто бы захотел вернуться.

Он осмотрел Виккерса с ног до головы и усмехнулся.

— Что-то вы выглядите худоватым,— сказал он.— Плохо питались?

— Рыбой и олениной. И ягодами.

— Хозяйка наготовила еды. Накормим вас до отвала, побреетесь, я велю детишкам нагреть воды, примете ванну, а потом поговорим. Нам многое надо обсудить.

Он пошел вперед, и Виккерс двинулся следом за ним через густые заросли.

Вскоре они оказались на зеленеющем кукурузном поле.

— Здесь я и живу,— сказал Эндрюс.— Вон там, у спуска в долину. Видите дымок?

— У вас отличная кукуруза,— заметил Виккерс.

— Уже на четверть выше колена. А дальше ферма Джека Смита. Если приглядеться, можно увидеть его дом. А там, пониже хребта,— поля Джона Симмонса. У нас есть и другие соседи, но отсюда их не видно.

Они миновали загородку из колючей проволоки и пошли по полю между рядами кукурузы.

— Здесь все иначе,— сказал Эндрюс,— чем на той Земле. Там я работал на фабрике, а жил в помещении, годном разве только для свиней. Потом фабрика закрылась, денег не стало. Я пошел к людям из «Углеводов» и получил у них продукты. Потом домохозяин выгнал нас на улицу, я пошел к этим участливым людям снова и рассказал, что случилось. Я не знал, чем они могут помочь, и, по правде говоря, не надеялся на их помощь, ведь они и так сделали больше, чем я просил. Но кроме них, мне не к кому было обратиться. А дня через два пришел человек и рассказал нам про это место, правда, он не сказал, где оно находилось на самом деле. Он сказал, что знает место, где нужны поселенцы. Он сказал, что это новые, только открытые территории, и что земля там ничья, и что мне помогут устроиться, и вместо крохотной квартирки в вонючем бараке у меня будет дом. И я сказал, что согласен. Они предупредили, что вернуться оттуда невозможно, а я спросил, какой сумасшедший захочет сюда возвращаться. Я сказал, что мы поедем куда угодно, и вот мы тут.

— Вы ни о чем не жалеете? — спросил Виккерс.

— Это было,— ответил Эндрюс,— самым счастливым событием в нашей жизни. Чистый воздух для детишек, полно еды и места, где жить, и никаких домовладельцев. Никаких долгов и никаких налогов. Совсем как в исторических книгах.

— Исторических книгах?

— Вы должны знать. Про открытие Америки и первопроходцев. Пожалуйста, бери землю. Сколько хочешь. На всех хватит, а уж какая она плодородная: бросишь горсть зерен — и на тебе урожай. Земля для полей, лес для костра и для строительства, а когда пойдешь вечером прогуляться, глянешь на небо, оно чистое-чистое, и звезды сверкают, а воздух такой свежий, что обжигает ноздри.

Эндрюс повернулся и взглянул на Виккерса блестящими глазами.

— Это самое счастливое, что было у меня в жизни,— повторил он, словно боясь, что Виккерс будет возражать.

— А мутанты? — спросил Виккерс.— Они вам не надоедают? Не командуют вами?

— Они только помогают. Одного робота присылают, чтобы помочь в работе, а другой робот ходит к нам девять месяцев в году и учит детишек. Робот-учитель для каждой семьи. Что вы на это скажете? Свой собственный учитель, совсем как семейный воспитатель у богачей на той Земле.

— А они вас не раздражают? Вы не чувствуете, что они выше вас по развитию? Вы не испытываете к ним ненависти за то, что они умнее вас?

— Сэр,— сказал Эндрюс,— не дай бог кто-нибудь из наших услышит ваши слова. Вам не поздоровится. Когда мы попали сюда, они нам все объяснили. Они изложили нам свою док... доктор...

— Доктрину.

— Вот-вот. Они объяснили, как обстоят дела. Они изложили нам правила, их не так много.

— В частности, не иметь огнестрельного оружия,— сказал Виккерс.

— Это одно из правил,— согласился Эндрюс.— А откуда вы знаете?

— Вы охотитесь с луком.

— А если вы не поладите с кем-то или поссоритесь, вы идете в Большой дом, и они разрешают ваши разногласия. Если вы заболеете, вы сообщаете им, и они присылают доктора и все, что нужно. Большинство правил вам только на пользу!

— А как обстоят дела с работой?

— Работой?

— Вы должны зарабатывать деньги?

— Пока нет,— сказал Эндрюс.— Мутанты дают нам все, в чем мы нуждаемся. Мы только должны обрабатывать землю, чтобы иметь пищу. Они называют это... сейчас припомню это слово, да, пасторально-феодальным периодом. Вы когда-нибудь слыхали такое слово?

— Но у них есть заводы,— настаивал Виккерс, не обращая внимания на вопрос.— Там, где производят вечные лезвия и прочие вещи. Им нужны люди для работы там?

— Они используют роботов. Недавно они начали делать машины — вечные автомобили. Тут есть один завод. Но все делают роботы. Вы знаете, что такое робот?

Виккерс утвердительно кивнул.

— Еще один вопрос. А как обстоят дела с аборигенами?

— Аборигенами?

— Ну, жителями этой Земли. Если они есть.

— Здесь никого нет,— сказал Эндрюс.

— Но ведь во всем остальном эта Земля похожа на другую Землю,— настаивал Виккерс.— Деревья, реки, животные...

— Нет, здесь нет аборигенов,— убеждал Эндрюс.— Ни индейцев, ни других.

«Вот где кроется отличие этой Земли»,— подумал Виккерс. Маленькая деталь, которая коренным образом меняет все. Когда-то произошло нечто, что помешало дальнейшему росту человека, какой-то незначительный инцидент. Просто не блеснула очередная искорка разума. А потому здесь никто не высекал искры из камня, не обращал этот камень в орудие, ни в одной грубой душе не зажглось яркой радости, которая спустя некоторое время превратилась в песню, или в картину, или в роман, или в поэму...

— Вот мы и дома,— сказал Эндрюс.

Они миновали изгородь и пересекли лужайку перед домом.

Их встретил веселый гомон, и полдюжины ребятишек скатились с холма вместе со стаей лающих собак. В дверях бревенчатого дома показалась женщина и посмотрела в их сторону, прикрыв ладонью глаза от солнца. Она приветливо помахала им, Эндрюс тоже махнул в ответ, и тут их окружила стайка галдящих ребят и лающих собак.

Глава 36

Его разместили на чердаке над кухней. Он лежал нагишом в постели и слушал, как от ветра погромыхивает кровля над головой. Повернувшись, почувствовал, как шуршит кукурузная шелуха в матрасе, и уткнулся в подушку, набитую гусиным пухом.

Он наслаждался чистотой своего тела. На очаге во дворе ему согрели воды, и он долго плескался в лохани позади дома. Он отмокал в горячей воде и яростно намыливал тело, слушал

Эндрюса, который сидел рядом на бревне. Во дворе играли ребятишки, а псы спали, растянувшись на солнце и время от времени подергиваясь, чтобы отогнать назойливых мух.

Он хорошо поел. Даже дважды, вкус такой пищи он позабыл за время скитаний. Он ел кукурузный хлеб, и сорго, и нежных кроликов, поджаренных в сметане с молодым картофелем и овощами на дымящейся сковороде, и кресс-салат, сорванный в источнике рядом с домом, а на ужин ему дали свежие, только что снесенные яйца.

Эндрюс обкорнал ему ножницами бороду, потом он брился в окружении глазевших на него ребятишек.

В сумерках они с Эндрюсом сидели на ступеньках, тихо беседуя, и Эндрюс сказал, что знает хорошее место для постройки дома — славное место на противоположном склоне холма с источником и ровной площадкой у излучины ручья, годной для поля. Там был лес для постройки дома — высокие стройные деревья, и Эндрюс сказал, что поможет срубить их. А когда бревна будут обтесаны, соседи помогут поставить дом. Джек наварит кукурузы. Джон принесет свою скрипку, и они весело отпразднуют новоселье. А если соседи не справятся с работой, то можно обратиться за помощью в Большой дом, и мутанты пришлют роботов. Но Эндрюс считал, что их помощь не понадобится. Он сказал, что соседи приятные люди, всегда готовы помочь и рады прибытию новых семей.

А когда дом будет выстроен, говорил Эндрюс, Виккерс может познакомиться с дочерьми Симмонса и выбрать какую-то из них: девушки — одна лучше другой. Эндрюс толкнул Виккерса локтем в бок и заговорщически расхохотался, а Джин, жена Эндрюса, которая на минутку присела рядом с ними, смущенно улыбнулась и снова отправилась к детям.

После ужина Эндрюс с гордостью показал ему книги, стоящие на полках в гостиной, и сказал, что читает их, хотя раньше никогда не читал, потому что не было ни желания, ни времени. Виккерс нашел среди авторов Гомера и Шекспира, Монтеня и Джейн Остин, Торо и Стейнбека.

— Вы на самом деле читаете все это? — спросил Виккерс.

Эндрюс утвердительно кивнул.

— Читаю, и многие книги мне нравятся. Иногда туговато идет, но я продолжаю читать. Джин предпочитает Остин. Нам здесь хорошо,— продолжал Эндрюс.— Мы никогда так не жили.

Джин улыбкой подтвердила его слова.

«Да, жить здесь здорово»,— признал про себя Виккерс. Идеализированная и воспетая в книгах жизнь американских первопроходцев со всеми ее преимуществами, но без опасностей и трудностей. Здесь процветал своего рода феодализм, и Большой дом, словно замок, с отеческой заботой опекал окрестные земли, которые кормили нашедших здесь счастье переселенцев. Самое время и ему передохнуть и набраться сил. Здесь царил мир. Никто не говорил о войне, чтобы ее начать или предотвратить.

Как сказал Эндрюс, пасторально-феодальная стадия. А какая стадия наступит за ней? Пасторально-феодальная стадия — пауза для отдыха и раздумий, для приведения в порядок мыслей, для возобновления связи человека с Землей, период подготовки к развитию цивилизации, которая была бы совершеннее предыдущей.

Они находились на одной из многих Земель. А сколько их следовало друг за другом? Тысячи, миллионы? И все они были открыты для людей.

Замысел мутантов показался ему ясным как на ладони, во всей своей простоте и жестокости. И он вполне мог удаться.

На одной Земле все складывалось неудачно. Где-то на долгом пути своего развития человек свернул в сторону и пошел по неверному пути. Он был наделен и умом, и талантом, и добротой, но ум и талант обратились в свою противоположность, а доброта — в эгоизм.

Эти славные люди заслуживали спасения. Но спасти их можно было, вырвав из привычного окружения, нарушив сложившиеся связи и представления. Не существовало иного пути покончить с ненавистью, завистью и злом, укоренившимися в сознании за многие поколения.

И сделать это можно было, разрушив мир, в котором они жили. Но взамен следовало создать лучший мир.

Для осуществления этой идеи необходима была четкая программа, план действий.

Первым делом следовало разрушить экономическую основу. И ее решили разрушить с помощью вечмобилей, вечных лезвий и синтетических углеводов. Достигнуть уничтожения промышленности решили, пустив в производство и выбросив на рынок предметы, которые невозможно воспроизвести и с которыми нельзя конкурировать. А стоило разрушить промышленность, как война становилась почти невозможной и цель оказывалась

наполовину достигнутой. Правда, это было сопряжено с чудовищной безработицей. И людей кормили синтетическими углеводами и завлекали на другие Земли. Не хватит места на Земле-2, можно использовать Землю-3, а может, и Землю-4, чтобы никто никому не мешал. На новых Землях все начинали сначала, и можно было избежать ошибок и предотвратить опасности, которые в течение веков вели к кровопролитиям на старой Земле.

На новых Землях становились возможными любые формы цивилизации. Можно было экспериментировать, создавая одну цивилизацию на Земле-2, несколько отличную от нее — на Земле-3, совсем иную — на Земле-4. Столетия спустя, сравнив эти цивилизации, обработав все данные и выделив каждую ошибку, можно было внести поправки. Так со временем удастся подойти к наилучшей форме.

На Земле-2 первым шагом стала пасторально-феодальная цивилизация. Здесь создали место для передышки, место для воспитания и размышлений. Кое-что изменится или будет изменено. Сыновья человека, под чьей крышей он нашел приют, построят себе лучший дом и, наверно, пожелают, чтобы их поля обрабатывали роботы, они оставят себе больше досуга, а народ, у которого есть досуг, энергия которого направляется добрыми намерениями, может построить рай и на одной Земле, и на многих Землях.

В газетной статье, которую он прочел однажды утром,— неужели это случилось всего несколько дней назад? — говорилось, что власти обеспокоены массовыми исчезновениями людей. Автор ее писал, что бесследно исчезают целые семьи. Единственное, что между ними было общего,— это крайняя бедность. И именно их, самых обездоленных, лишенных крова, работы, нередко больных, в первую очередь переселяли на новые Земли, следующие за неуютной Землей.

А те, кто останется на старой Земле, освободившись от нежелательного соседства, найдут свой путь и тоже построят лучшую жизнь.

«Прекрасную,— подумал он.— Прекрасную, но как быть с андроидами? Однако начнем сначала».

Мутанты были всегда. Не будь их, человек навсегда остался бы маленьким пугливым животным, скрывающимся в джунглях, лазающим по деревьям, животным трусоватым и незаметным.

В результате мутации на передних конечностях появился большой палец, который противостоял остальным пальцам.

В результате мутаций маленький мозг стал сообразительнее. Одна мутация позволила овладеть огнем. Другая — привела к изобретению колеса. Третья — к луку и стрелам. И так от тысячелетия к тысячелетию. От мутации к мутации росла лестница, по которой взбиралось человечество.

Но существо, которое покорило огонь, не знало, что оно мутант. Не знали этого и изобретатель колеса, и первый лучник.

Во все века существовали мутанты, которые и не подозревали о своих отличиях от остальных,— люди, которым все удавалось лучше, чем другим: великие дельцы, великие государственные деятели, великие писатели, великие художники, они стояли настолько выше других, что на общем фоне казались гигантами.

Может, и не все они, но большинство из них были мутантами. А их превосходство по сравнению с возможностями сводилось к минимуму, так как они ограничивали себя, приспосабливаясь к социальному и экономическому уровню обычных людей. Их способность приспосабливаться и казаться меньше, чем есть на самом деле, также говорила об их превосходстве. И хотя успехи этих людей по меркам обычного человека были велики, превосходство это не было всепобеждающим: они не могли обнаружить своего истинного состояния, так как не были бы поняты.

А вдруг человек осознаёт, что он мутант, и получает неоспоримое свидетельство этого, что происходит тогда?

Предположим, человек обнаруживает в себе способность читать мысли разумных существ, населяющих планеты иных солнечных систем. Такая способность явится бесспорным доказательством мутации. Если, общаясь со звездами, человек почерпнет какую-то ценную информацию, к примеру принцип действия машины, работающей без трения, он больше уже не сможет жить по-старому, оставаясь на своем прежнем месте. Осознав свою сущность, он почувствует необходимость идти своим непроторенным путем.

Или, допустим, человека приведет в ужас услышанное на звездах. И вот, ощутив свое одиночество, такой человек испытывает необходимость поделиться полученной информацией, почерпнутой в глубинах пространства. Он приступит к поискам подобных себе мутантов, которые смогут его понять. Это непросто, но он находит их. Сначала одного, а потом и других. Пусть не все они могут «беседовать» со звездами, но у них есть иные таланты. Одни окажутся «богами» в электронике, другие постигнут смысл странной связи времени и пространства, до-

пускающей наличие многих миров, следующих один за другим бесконечной и чудесной чередой.

И среди них окажутся женщины. Сообщество мутантов станет расти за счет рождения детей с закрепленными свойствами родителей, так что через несколько десятилетий уже сотни неординарных людей поставят свои способности на службу общему делу.

Используя информацию со звезд и собственные таланты, они смогут получить средства для продолжения своих работ. Сколько используемых повседневно товаров создано расой мутантов на сегодняшний день?

Со временем организация мутантов разрастется, их деятельность станет заметной, и им придется искать надежное убежище, чтобы успешно продолжать свою работу. А что может быть надежнее, чем другой мир?

Лежа на матрасе из кукурузной шелухи и уставясь в темноту, Виккерс восхищался силой своего воображения, хотя, строго говоря, это нельзя было назвать воображением, это было что-то, что он уже знал прежде. Но откуда он мог это знать?

Быть может, секрет крылся в особенности его мозга андроида? Или он узнал все это в какой-то период жизни и напрочь забыл, как забыл свое путешествие восьмилетним мальчишкой в сказочную звездную страну? А может, он обладал наследственной памятью, переходящей к ребенку от родителей подобно инстинкту? Но ведь у андроида не могло быть родителей.

У него не было родителей, он не принадлежал к какой-либо человеческой расе, будучи лишь карикатурой на человека, созданной для определенной цели, которой он пока не знал.

Какую миссию могли возложить на него мутанты? Какие способности использовать?

Он был уязвлен: употребить его для выполнения неизвестных ему задач! И Энн служила для каких-то целей, о которых и не подозревала.

За производством вечмобилей, вечных лезвий, синтетических углеводов крылись грандиозные цели. В планы мутантов входило спасение и новое становление сообщества людей, идущих по неверному пути. Они стремились создать мир или миры, где война не только будет объявлена вне закона, но и станет попросту невозможной, где не будет места страху и неуверенности в завтрашнем дне.

Но какова роль, которую предназначили в этой программе ему, Джею Виккерсу?

В доме, где его приютили, закладывались основы, может несколько примитивные, этой программы. Через два-три поколения потомки этой семьи созреют для машин и прогресса, достойных человека.

Мутанты отнимут у человечества опасные игрушки и припрячут их, пока его дети не станут настолько мудрыми, чтобы не поранить ими себя или соседа. Они отнимут у малыша игрушки подростка, которые в младенческих руках могут причинить зло, а когда ребенок повзрослеет, они вернут ему эти игрушки, наверняка улучшив их.

И будущая цивилизация, направляемая мутантами, уже не будет механической цивилизацией, это будет цивилизация, построенная на иных социальных и экономических основах, на духовном и художественном началах, и в ней найдется место для машин. Мутанты поддержат пошатнувшегося человека, вернут ему давно утерянное равновесие, и годы, потраченные на эту переделку, не пропадут даром, они сторицей окупятся будущим человечества.

А если это только мечты, ничего не значащий сон наяву? Куда важнее теперь то, что совершит он, андроид по имени Джей Виккерс.

Но прежде чем что-то предпринять, следовало лучше понять происходящее, располагая фактами. Ему нужна была информация, но он не получит ее, если останется на чердаке в доме новых первопроходцев, где так хорошо отдыхать на матрасе из кукурузной шелухи.

Он мог получить нужную информацию лишь в одном месте.

Он бесшумно встал с постели и в темноте стал на ощупь искать свои лохмотья.

Глава 37

Дом стоял с темными окнами, залитый лунным светом, и на его фасаде чернели тени деревьев. Виккерс замер перед калиткой, стараясь вспомнить, как здесь все выглядело тогда. Он вспоминал, как свет луны оттенял белизну колонн, придавая им призрачную красоту, какие слова они говорили друг другу...

Но все умерло и было погребено — осталась лишь горечь сознания, что он только жалкое подобие человека.

Он открыл калитку, прошел по аллее и поднялся по ступеням. Шаги его были так звонки в этой тишине лунной ночи, что, казалось, их слышит весь дом.

Он нашел кнопку звонка, нажал ее указательным пальцем и застыл в ожидании, как в прошлый раз. Но теперь он не ждал Кэтлин, которая бы распахнула дверь ему навстречу.

В холле блеснул свет, и через стекло он увидел человекоподобное создание, которое направлялось к нему. Дверь открылась, он вошел, и поблескивающий робот, неловко склонившись перед ним, произнес:

— Добрый вечер, сэр.

— Вы Айзекайя? — спросил Виккерс.

— Айзекайя, сэр,— подтвердил робот.— Вы видели меня утром.

— Я гулял,— сказал Виккерс.

— Если желаете, я покажу вам вашу комнату.

Робот повернулся и стал подниматься по винтовой лестнице. Виккерс последовал за ним.

— Превосходная ночь, сэр,— произнес робот.

— Да, чудная.

— Вы голодны, сэр?

— Нет, спасибо.

— Я могу принести вам поесть, если вы не ели,— предложил Айзекайя.— Кажется, еще осталась курица.

— Нет,— сказал Виккерс.— Спасибо.

Айзекайя открыл дверь и включил свет, затем отошел в сторону и пригласил Виккерса войти.

— Быть может,— спросил Айзекайя,— вы хотите выпить?

— Чудесная мысль, Айзекайя. Шотландского виски, если можно.

— Минуточку, сэр. Пижамы лежат в третьем ящике сверху. Может, они великоваты, но вам подойдет.

Он нашел почти новые пижамы, уродливые и слишком просторные, но это было лучше, чем ничего.

В уютной комнате стояла широкая кровать, покрытая белым стеганым покрывалом, а на окнах висели белые занавески, колыхавшиеся от ночного ветерка. Он уселся на стул в ожидании Айзекайи и впервые за много дней ощутил усталость. Сейчас он выпьет виски, заберется в постель, а утром шумно сойдет вниз и потребует объяснений.

Дверь открылась.

Но это был не Айзекайя, вошел Гортон Фландерс в малиновом халате и шлепанцах, которые хлопали при каждом его шаге. Он пересек комнату, сел на второй стул и посмотрел на Виккерса с легкой улыбкой.

— Итак, вы вернулись,— начал он.

— Я вернулся, чтобы выслушать вас,— произнес Виккерс.— Можете начинать.

— Почему бы и нет,— согласился Фландерс.— Ради этого я и встал. Как только Айзекайя сообщил мне о вашем возвращении, я понял, что вы хотите поговорить со мной.

— Я не хочу говорить. Я хочу выслушать вас.

— О да, конечно. Говорить действительно должен я.

— И не о запасах знаний на иных мирах, которые вы столь красочно живописали, а о гораздо более земных делах.

— О чем, к примеру?

— К примеру, о том, что я — андроид, как и Энн Картер. О том, кто такая Кэтлин Престон. Существует ли она в действительности или только в моей памяти? Если существует на самом деле, где она сейчас? И наконец, о моей роли во всей этой истории и о ваших намерениях.

Фландерс кивнул.

— Неплохо. Вы умудрились задать именно те вопросы, ответ на которые не принесет вам удовлетворения.

— Должен вам сообщить,— сказал Виккерс,— что на той Земле на мутантов ведется охота, их убивают, магазины технических новинок разбиты и разграблены, обычные люди готовы к борьбе. Я явился сюда, считая, что я — мутант.

— Вы и являетесь мутантом, уверяю вас. Виккерс — особый тип мутанта.

— Мутант-андроид.

— Вы невозможны,— сказал Фландерс.— Отбросьте горечь...

— Да, конечно, я испытываю горечь,— перебил Виккерс.— А как же иначе? Сорок лет я считал себя человеком и вдруг узнаю, что не являюсь им.

— Глупец,— сказал Гортон Фландерс,— вы сами не знаете, кто вы.

Айзекайя, постучав в дверь, вошел с подносом в руках. Он поставил на стол поднос с двумя стаканами, содовой, кубиками льда и пинтой виски.

— А теперь,— продолжил Фландерс более высоким голосом,— мы можем поговорить как разумные существа. Не знаю, чем это объяснить, но человек становится более цивилизованным, как только берет в руки стакан.

Он сунул руку в карман халата, достал пачку сигарет и предложил Виккерсу. Виккерс протянул руку за сигаретой и обра-

тил внимание, что у него дрожат пальцы. До сих пор он не замечал, в каком напряжении находится.

Фландерс щелкнул зажигалкой и дал ему прикурить. Виккерс затянулся.

— Хорошо,— произнес он.— Сигареты кончились у меня на четвертый день.

Он курил, наслаждаясь ароматом табака и ощущая, как спадает нервное возбуждение, и смотрел на готовящего напитки Айзекайю.

— Я слышал ваш утренний разговор,— сказал Виккерс.— Айзекайя впустил меня, и я был свидетелем вашей беседы в соседней комнате.

— Знаю,— сказал Фландерс.

— Так все это было разыграно?

— Абсолютно все,— весело подтвердил Фландерс.— Каждое ранящее слово.

— Вы хотели дать мне понять, что я андроид?

— Именно так.

— И мышь вы подослали?

— Мы решили вывести вас из состояния равновесия,— сказал Фландерс.— А мышь выполняла определенную задачу.

— Она шпионила за мной?

— Еще как! Мышь оказалась превосходным шпионом.

— Меня безмерно возмутило, что вы внушили жителям Клиффвуда, будто я — виновник вашей смерти.

— Следовало вынудить вас уехать оттуда и вернуться в страну вашего детства.

— А откуда вы могли знать, что я поеду туда?

— Друг мой, вы когда-нибудь задумывались о способности предчувствия? Я не говорю о предчувствии, которое позволяет вам сделать верную ставку на бегах или угадать погоду на завтра. Нет, я говорю о предчувствии в полном смысле этого слова. Я говорю о способности интуитивно предвидеть результат воздействия ряда факторов, о способности точно знать, что произойдет, не размышляя о связи этих факторов между собой. Такая способность равнозначна чтению будущего.

— Конечно. Я не мог не задумываться над этим. Особенно в последнее время.

— И сделали выводы?

— Кое-какие. Но...

— Вы, наверно, сочли подобную способность обычным человеческим свойством, не получившим должного развития. Вы

решили, что мы подозревали о его существовании, но его развитие происходит очень медленно, и оно находится в резерве, ожидая своего времени.

— Примерно так, но...

— Именно теперь оно нам понадобилось,— прервал его Фландерс.— Таков ответ на ваш вопрос. У нас было предчувствие, что вы туда направитесь.

— Вначале я подозревал Крофорда, но оказалось, что он здесь ни при чем.

Фландерс утвердительно кивнул.

— Крофорд не мог этого сделать. Он слишком нуждается в вас и потому не стал бы вас запугивать. Здесь ваше предчувствие вас подвело.

— Боюсь, что нет.

— Ваши предчувствия неэффективны,— сказал Фландерс,— потому что вы не верите в них. Вы пока остаетесь в мире логики и доверяете логическим рассуждениям, которые были характерны еще для пещерного человека: рассматривать проблему под всеми углами зрения, взвешивать все за и против, словно решается арифметическая задача. Вы не верите вашим предчувствиям, и в этом кроется ваша ошибка.

«Да, именно в этом»,— подумал Виккерс. У него было предчувствие, что волчок следует запустить на террасе дома Престонов. Тогда ему не пришлось бы долгие дни идти через пустынную страну второго мира. У него было предчувствие, что он должен прислушаться к совету Крофорда не трогать вечмобиль. Тогда он избавил бы себя от многих неприятностей. Но когда у него появилось предчувствие, что он должен отыскать волчок, он тут же бросился на его поиски.

— Как много вы знаете? — спросил Фландерс.

Виккерс отрицательно покачал головой.

— Немного,— признался он.— Я знаю, что существует организация мутантов. Что она действует несколько лет и что человечество отклонилось от привычного пути, как вы говорили мне однажды вечером в Клиффвуде. Организация ушла в подполье, на эти миры, потому что ее деятельность приняла широкий размах и стала привлекать внимание. У вас есть заводы, которые производят товары, подрывающие экономику старого мира. Я видел один из них. Там трудятся роботы. Скажите, а на самом деле только роботы?

Фландерс засмеялся:

— Конечно. Мы лишь говорим им, что нам надо.

— А потом эта история со слушанием звезд.

— Мы почерпнули у тамошних обитателей много хороших идей,— сказал Фландерс.— Но не все из нас способны слушать звезды. Только некоторые — это врожденный талант, телепатия. И как я говорил вам в тот вечер, не все можно использовать. Иногда мы имеем только отправную точку и все разрабатываем сами.

— А каковы ваши цели? Что вы намерены сделать?

— Этого я вам сказать не могу. То и дело открывается масса новых возможностей, появляются новые направления. Мы так близки ко многим великим открытиям. К примеру, бессмертие. Один из слушающих...

— Вы имеете в виду,— перебил Виккерс,— вечную жизнь?

— Почему бы и нет?

«И в самом деле,— подумал Виккерс,— почему бы и нет? Если у вас есть вечные лезвия и вечные лампочки, почему бы и не иметь вечной жизни? Зачем останавливаться на полпути?»

— А андроиды? — спросил он.— Какова роль андроидов вроде меня? Ведь роль андроида не может быть столь ответственной?

— Для андроидов есть свое поле деятельности,— сказал Фландерс.— В частности, ваша работа — Крофорд.

— Что я должен сделать с Крофордом?

— Остановить его.

Виккерс рассмеялся.

— Я? Вы знаете, что стоит за его плечами?

— Я знаю, что стоит за вашими.

— Просветите меня.

— Предчувствие, развитое в самой высшей степени. Такой остроты предчувствия нет ни у одного человеческого существа. У вас выше всего развитое и менее всего используемое предчувствие.

— Подождите. Вы забываете, что я не человек.

— Вы были им,— сказал Фландерс.— И снова станете. Когда мы взяли вашу жизнь...

— Как взяли мою жизнь?

— Содержимое вашей жизни,— разъяснил Фландерс,— то, что называется душой: мысли, впечатления, реакции, которые присущи Джею Виккерсу, подлинному Джею Виккерсу в возрасте восемнадцати лет. Мы как бы перелили содержимое из одного сосуда в другой. Мы переместили вас из вашего тела в

тело андроида, а ваше настоящее тело храним до того времени, когда вы сможете вернуться в него.

Виккерс чуть не вскочил со стула.

Фландерс успокоил его движением руки:

— Сидите. Вы спросите, зачем мы это сделали?

— А вы мне ответите,— сказал Виккерс.

— Конечно отвечу. Когда вам было восемнадцать лет, вы не подозревали о своем даре. И мы не в силах были на это повлиять. Если бы мы сказали вам об этом, это ничего бы не дало, вам следовало осознать себя самостоятельно. Мы считали, что процесс займет пятнадцать лет, он затянулся на двадцать, а вы все еще окончательно не пробудились.

— Я мог бы...

— Да,— сказал Фландерс,— вы могли бы расти в вашем собственном теле, но существовал еще один фактор — наследственная память. В ваших генах запечатлена еще одна мутация, встречающаяся столь же редко, как и телепатия. Нам хотелось, чтобы к моменту появления у Виккерса детей он полностью осознал, что собой представляет и каким даром наделен.

Виккерс вспомнил, как задумался о возможностях наследственной памяти, когда лежал на чердаке дома Эндрюса. Наследственная память, память, переходящая от отца к сыну. Теперь он понял ее механизм. Когда он стал взрослым и — он не мог подыскать более верного слова — пробудился, наступил момент узнать или вспомнить о ней.

— Итак,— сказал Виккерс,— вы хотите использовать этот мой дар против Крофорда, хотите, чтобы у меня появились дети, наделенные тем же даром?

Фландерс утвердительно кивнул:

— Думаю, мы поняли друг друга.

— Да,— согласился Виккерс.— Прежде всего я должен остановить Крофорда. Это нелегкая задача. А какова будет плата?

— Нам есть чем отплатить вам,— сказал Фландерс.— И думаю, форма оплаты заинтересует вас. Вы спрашивали о Кэтлин Престон. Вас интересовало, существовала ли она, и я могу вам ответить, что существовала. Кстати, сколько вам было лет, когда вы с ней познакомились?

— Восемнадцать.

Фландерс кивнул:

— Прекрасный возраст.— Он глянул на Виккерса.— Не так ли?

— Нам тоже так казалось.

— Вы любили ее,— сказал Фландерс.

— Да, любил.

— И она любила вас?

— Думаю, любила,— сказал Виккерс.— Я не уверен в этом сейчас. Но думаю, что любила.

— Вы можете удостовериться в этом.

— Вы хотите сказать, что она здесь?

— Нет,— ответил Фландерс,— здесь ее нет.

— Но вы...

— Когда вы выполните работу, вы сможете вернуться в свое восемнадцатилетие.

— Такова ваша плата? Значит, вернуться в свое тело и начать все сначала. Снова стать восемнадцатилетним...

— Это вас не привлекает?

— Думаю, нет,— сказал Виккерс.— Поймите, Фландерс, мечты восемнадцатилетнего юноши растаяли. Они были убиты в теле сорокалетнего андроида. Иметь физически восемнадцать лет еще не все. Грядущие годы и то, что они обещают, и мечты, и любовь идут рядом с тобой по веснам жизни.

— Восемнадцать лет...— напомнил Фландерс.— Восемнадцать лет, и надежда на бессмертие, и семнадцатилетняя Кэтлин.

— Кэтлин?

Фландерс кивнул.

— Так же, как и прежде? — усомнился Виккерс.— Но так не может быть, Фландерс. Я чувствую фальшь. Ведь что-то исчезло, улетучилось.

— Все будет точно так же,— уверенно сказал Фландерс.— Словно и не было всех этих лет.

Глава 38

Все-таки он был мутантом, только в облике андроида, и, как только ему удастся остановить Крофорда, он снова превратится в восемнадцатилетнего мутанта, влюбленного в семнадцатилетнюю мутантку, и у них будет надежда, что бессмертие станет явью при их жизни. А если так произойдет, то они с Кэтлин смогут вечно совершать прогулки по заветной долине, и у них родятся дети-мутанты, наделенные исключительным даром предвидения, и все они проживут такую жизнь, какой могли бы позавидовать все языческие боги старой Земли.

Он откинул одеяло, вылез из постели и подошел к окну. Застыв у окна, он смотрел на залитую лунным светом долину, по которой когда-то гулял, и видел пустынное место, которое навсегда останется пустынным, что бы ни произошло.

Более двадцати лет он лелеял мечту и вот, когда она почти стала явью, понял, как она потускнела с годами: невозможно вернуться в тот день 1956 года, человек не в силах вернуть ушедшее.

Нельзя стереть прожитые годы, их нельзя собрать, сложить в уголок, оставить там и уйти. Их можно упрятать в глубины памяти и забыть там, но наступит день, и воспоминания вернутся. И тогда вам станет ясно, что вы прожили не одну, а две жизни.

Это и тревожило — ведь прошлое забыть нельзя.

Скрипнула дверь, и Виккерс обернулся.

В дверях стоял Айзекайя, его металлопластиковая кожа блестела на свету, проникавшем из коридора.

— Не спится? — спросил он.— Могу вам помочь. Принесу снотворное или...

— Вы действительно можете помочь,— сказал Виккерс.— Я хочу заглянуть в дело.

— Дело, сэр?

— Да, дело. Дело моей семьи. Оно должно быть где-то здесь.

— В архиве, сэр. Я могу его принести. Подождите немного.

— А также дело Престонов,— добавил Виккерс.— Дело семьи Престонов.

— Хорошо, сэр,— сказал Айзекайя.— Подождите.

Виккерс включил свет у изголовья кровати и присел на край постели. Теперь он знал, что делать.

Заветная долина оказалась пустыней. Лунные тени на белизне колонн были мертвым воспоминанием. А аромат роз давно ушедшей ночи унесли ветры пролетевших лет.

«Энн,— сказал он сам себе.— Я веду себя по отношению к тебе как дурак».

— Как ты считаешь, Энн? — спросил он вполголоса.— Мы ругались и ссорились, и хоронили нашу любовь под этой пикировкой, и, если бы не мои мечты о долине, мечты, которые с каждым годом становились все призрачнее, хотя я не знал этого, мы бы давно поняли, как обстоят дела.

«Они забрали у нас обоих,— думал он,— врожденное право прожить нашу собственную жизнь в наших подлинных телах, данных нам при появлении на свет. Они превратили нас в по-

добие мужчины и женщины, и мы шли по жизни словно тени, бегущие по стене. А теперь они хотят отнять у нас право на смерть и сознание выполненного долга. И мы должны прожить лживую жизнь — я как андроид, наделенный жизненной силой человека, который вовсе не является мной, и Энн тоже».

— Порвать с ними,— сказал он.— Порвать со всеми их двойными жизнями и состоянием искусственного существа.

Он вернется на ту Землю. Разыщет Энн Картер, скажет, что любит ее, любит не призрачной любовью при лунном свете и аромате роз, а настоящей любовью мужчины, утратившего пыл юности. Они уедут вместе и проживут свою собственную жизнь: он будет писать книги, а она — ходить на службу, и они постараются, насколько возможно, забыть, что они мутанты.

Он прислушался к шорохам дома, тихим шорохам ночного дома, которые не слышны днем, когда он наполнен человеческими голосами, и подумал, что при желании этот язык дома можно понять. Дом расскажет вам все, что вы хотите знать,— какое было выражение лица у кого-то, и как было произнесено то или иное слово, и все, что мог сделать или о чем мог думать человек, находящийся наедине с самим собой.

В деле он не найдет всего, что хотел бы узнать, там не окажется всей правды, которую он ищет, но там будут сведения о нем и о бедном фермере и его жене, которые были его отцом и матерью.

Дверь открылась, и появился Айзекайя с папкой под мышкой. Он протянул папку Виккерсу и в ожидании застыл у стены.

Дрожащими пальцами Виккерс открыл папку и на первой же странице увидел:

ВИККЕРС ДЖЕЙ, род. 5 авг. 1937 г., п. ж. 20 июня 1956 г., д. п., в., н. п., скр.

Он не улавливал смысла написанного.

— Айзекайя.

— Да, сэр.

— Что все это значит?

— О чем вы говорите, сэр?

— Вот эти обозначения,— Виккерс ткнул пальцем,— п. ж. и так далее.

Айзекайя наклонился и прочел:

— Джей Виккерс, родился 5 августа 1937 года, перемещение жизни 20 июня 1956 года, дар предвидения, ощущение време-

ни, наследственная память, скрытая мутация. Все это означает, что вы еще не пробудились.

Виккерс глянул ниже — там были имена, вклейка о браке, в результате которого он родился.

ЧАРЛЬЗ ВИККЕРС, род. 10 янв. 1907 г., конт. 8 авг. 1928 г., пр., в., н. п., пр. ж. 6 февр. 1961 г.

И ниже:

САРА ГРЭХЕМ, род. 16 апр. 1910 г., конт. 12 сент. 1927 г., пр., ук. об., в., н. п., пр. ж. 9 марта 1960 г.

Его родители. Он попытался расшифровать:

— Чарльз Виккерс, родился 10 января 1907 года, контужен, нет, тут что-то другое...

— Контакт установлен, сэр,— подсказал Айзекайя.

— Контакт установлен 8 августа 1928 года, пробужденный, в., эл., что это означает?

— Ощущение времени и электроника, сэр,— пояснил Айзекайя.

— Ощущение времени?

— Ощущение времени, сэр. Другие миры. Все заключено во времени, вам это известно?

— Нет, я этого не знаю,— сказал Виккерс.

— Времени не существует,— разъяснил Айзекайя.— В том смысле, как его понимают обычные люди. Нет беспрерывного потока времени, а есть отрезки времени, как бы секунды, следующие одна за другой. Хотя ни секунд, ни похожих соизмеримых отрезков времени нет.

— Знаю,— сказал Виккерс.

И он действительно знал. Он все вспомнил — объяснение этих миров, следующих друг за другом, когда каждый мир заключен в капсулу своего времени, в какой-то странный и произвольный отрезок времени, и эти отрезки времени со своими мирами тянулись в прошлое и настоящее, но как далеко тянулась их цепь, не мог ни знать, ни предполагать никто из живых существ.

Словно кто-то нажал скрытый выключатель, и вся его наследственная память оказалась в его распоряжении, ведь она всегда была в нем, а он не осознавал ее присутствия, как и не осознавал еще в полной мере своего дара предвидения.

— Времени не существует,— продолжал Айзекайя.— Во всяком случае, в понятиях обычного человека. Время состоит из

отрезков, и каждый отрезок — одна из фаз столь обширного мира, что человеческая мысль пасует перед ним, отказываясь постигнуть его целиком.

Но само время? Время представало бесконечной средой, тянущейся в прошлое и будущее, хотя не было ни прошлого, ни будущего. Просто существовало бесконечное множество отрезков, протянувшихся в обе стороны, и каждый отрезок был одной из фаз Вселенной.

На исконной Земле человека кто-то задумался о путешествии во времени, о возможности вернуться во вчерашний день или уйти в завтрашний. Теперь он знал, что такое путешествие невозможно, что один и тот же момент времени заключен в своей собственной капсуле, что Земля людей двигалась в одной временной капсуле с самого рождения до самого конца и что она возникла и вернется в небытие в одном и том же отрезке времени.

Вы могли путешествовать во времени, но ни во вчера, ни в завтра. Если вы обладали неким ощущением времени, то могли перейти из одного временного отрезка в другой и тогда оказывались в другом мире, а не во вчерашнем или завтрашнем дне.

Так произошло, когда он запустил волчок, хотя волчок был ни при чем — он лишь облегчал переход.

Он продолжал чтение.

— Пр. ж. Что такое пр. ж., Айзекайя?

— Приостановленная жизнь, сэр.

— Моих отца и матери?

— Их жизнь приостановлена, сэр. До того момента, как мутанты окончательно разработают бессмертие.

— Но они умерли, Айзекайя. Их тела...

— Их тела андроидов, сэр. Мы должны соблюдать внешнюю видимость. Иначе у обычных людей возникнут подозрения.

В комнате словно взорвалась бомба, и истина явилась Виккерсу в своей неприкрытой наготе.

Приостановлена жизнь. Его мать и отец ожидали в состоянии приостановленной жизни дня, когда они обретут бессмертие.

А он, Джей Виккерс, истинный Джей Виккерс, где был он? Его жизнь не была приостановлена, потому что ее переместили из тела истинного Джея Виккерса в тело андроида, находившегося в этой комнате и державшего в своих руках андроида судьбу своих родителей.

— А Кэтлин Престон? — спросил Виккерс.

Айзекайя отрицательно качнул головой.

— Я ничего не знаю о Кэтлин Престон,— сказал он.

— Но у вас есть дело семьи Престонов?

Айзекайя опять покачал головой:

— У нас нет дела Престонов. Я сверился по генеральному каталогу. О Престонах нигде не упоминается. Нет никаких Престонов.

Глава 39

Итак, принятое им решение оказалось неверным. Перед его внутренним взором встали два родных лица. Он прикрыл глаза и увидел мать, каждую черточку ее лица, вспомнил, в какой ужас привело ее его путешествие в сказочную страну, как ругал его отец и как исчез волчок.

Ведь волчок исчез. И они говорили ему, что у него слишком разыгралось воображение. В конце концов, им, по-видимому, трудно было постоянно присматривать за ним, чтобы предотвратить его посещения других миров. Восьмилетний человечек достаточно самостоятелен, чтобы найти себе занятие сразу в нескольких мирах.

Лицо матери и рука отца, с суровой нежностью положенная на плечо, навсегда остаются в памяти человека.

Исполненные доверия, они ждали дня, когда мрак окутает их сознание, но этот мрак будет не концом, а началом жизни, на которую они и не надеялись, когда много лет назад присоединились к маленькой группе мутантов.

Если они так верили в дело мутантов, могла ли быть меньшей его вера?

Имел ли он право отказаться внести свой вклад в создание мира, которому они отдали так много?

А они отдали все, что могли,— свой тяжкий труд, свою негасимую веру, и плоды их жизни должны собрать те, кого они оставили после себя. Он был один из них — и он не мог их предать.

«Каков же будет этот мир?» — спрашивал он себя.

Если мутанты-телепаты раскроют секрет бессмертия, какой мир они создадут?

Предположим, что люди перестанут умирать, но будут ли они жить вечно?

Это уже не будет прежний мир. Мир станет другим, в нем появятся иные ценности и иные стимулы.

Какие факторы будут управлять жизнью вечного мира? Какие стимулы и условия предотвратят его деградацию? Какие постоянно растущие возможности и интересы уберегут его от тупика скуки?

В чем будут нуждаться люди бессмертного мира?

У них будут неограниченные возможности; и они будут существовать всегда. Потому что можно открыть следующие и предыдущие миры. А если не хватит этих миров, то есть Вселенная со всеми ее солнцами и солнечными системами — коли Земля есть планета, повторяющая себя до бесконечности, то каждое солнце и каждая планета тоже должны бесконечно повторять себя.

Возьмите Вселенную и умножьте ее на неизвестное число, возьмите все миры всех вселенных и умножьте их на бесконечность, и вы получите ответ. Место найдется всем и всегда.

Появится нужда в бесконечных стимулах и возможностях, и каждый мир предложит столько стимулов и возможностей, что даже вечному человеку не удастся исчерпать их полностью.

Но и это не все — в вашем распоряжении будут бесконечное время и бесконечное пространство, появятся новые отрасли техники, и новые области науки, и новые философские учения — и никогда бессмертному человеку не придется скучать от отсутствия дел и мыслей.

Как вы используете бессмертие, если получите его?

Оно поможет вам сохранить силу. И если ваше племя не так велико и невысока рождаемость, оно не остановится в своем развитии — никто не будет умирать.

Бессмертие позволит сохранить таланты и знания. Вы сможете рассчитывать на всю силу, все знания и все таланты каждого члена племени. Ведь, умирая, человек уносит с собой не только настоящие знания, но и будущие.

«Скольких знаний,— подумал Виккерс,— лишилось человечество из-за того, что кто-то умер на десятилетие раньше? Какие-то знания можно восстановить последующими работами других людей, но какие-то будут утрачены навсегда, какие-то мысли никогда больше не возникнут, как никогда не выкристаллизуются какие-то концепции...»

В обществе бессмертных людей такого не произойдет.

Вы могли черпать знания на звездах, вы обладали наследственной памятью, у вас были технические знания, позволяющие

производить вечные вещи, а теперь ко всему этому добавлялось бессмертие.

Такова была доктрина. Но доктрина чего? Бесконечной жизни? Вершины знания? Возможности стать богами?

Вернуться на сотню тысяч лет назад. Выяснить, что за создание человек. Дать ему огонь, колесо, лук и стрелы, домашних животных и культурные растения, племенную организацию и заложить в его мозг понятие о том, что он хозяин Земли. Что скрывалось за всем этим?

Начало цивилизации и зарождение человеческой культуры.

Доктрина мутантов была новой вехой в развитии человечества, как сто тысяч лет назад такими вехами были покорение огня, изобретение колеса, одомашнивание собаки.

Доктрина мутантов не была конечным результатом человеческих усилий, человеческой мысли и знаний; это был новый шаг вперед. Еще один. Еще один шаг в будущее. Человеческий разум был способен еще на многое, но он, Джей Виккерс, не мог представить себе всех масштабов подобного развития, как не мог человек, покоривший огонь и приручивший собаку, представить себе временную структуру последовательных миров.

«Мы еще дикари,— думал он.— И пока сидим в пещере и со страхом вглядываемся через дым костра, охраняющего вход в нее, в безбрежный мрак окружающего мира».

Придет время, и люди рискнут рассеять этот мрак, но время еще не пришло.

Бессмертие окажется инструментом, рабочим инструментом. И оно навсегда останется только простым рабочим инструментом.

Что скрывает мрак за пределами пещеры?

Человеческое неведение своего собственного состояния, смысла своего существования, своих корней и конечных целей.

Извечные как мир вопросы.

Быть может, с помощью такого инструмента, как бессмертие, человеку удастся разрешить их, постичь неуловимые законы Вселенной, живой материи и энергии. И это явится следующим шагом в истории человечества. И у человека не останется ни колебаний, ни сомнений, он поймет себя и навсегда откажется от веры, заменив ее знаниями и твердой уверенностью.

А когда человек поставит смерть вне закона, когда ворота смерти захлопнутся навсегда, человеку понадобится разработать и соответствующую концепцию жизни, если он не хочет превратиться в вечного скитальца галактик.

Виккерсу пришлось напрячь все силы, чтобы прервать ход своих мыслей и вернуться к действительности.

— Айзекайя,— обратился он к роботу,— вы уверены?

— В чем, сэр?

— В том, что Престонов нет?

— Уверен,— ответил Айзекайя.

— Кэтлин Престон существовала,— сказал Виккерс.— Я уверен в ее существовании.

Но откуда он черпал такую уверенность?

Он помнил ее.

Фландерс подтвердил ее существование.

Но его память, как и память Фландерса, могла быть определенным образом сформирована.

Кэтлин Престон могла оказаться привнесенным эмоциональным фактором, дабы привязать его к этому дому, дабы он никогда и нигде не забыл о своих связях с этим домом.

— Айзекайя,— снова обратился к роботу Виккерс,— кто такой Гортон Фландерс?

— Гортон Фландерс, как и вы,— андроид,— ответил Айзекайя.

Глава 40

Итак, они рассчитывали, что он остановит Крофорда. И сделает это с помощью своего дара предвидения.

Но проблему следовало рассмотреть всесторонне. Взвесив все факторы, определив собственные силы, мутантам придется вступить в борьбу с промышленной мощью многих стран мира. Опираясь на нее, Крофорд и его единомышленники объявили войну мутантам. Кроме того, существовало секретное оружие.

— Отчаяние и секретное оружие,— заявил Крофорд, сидя в номере гостиницы.— Но оно недостаточно эффективно,— добавил он.

Прежде всего следовало выяснить, о каком оружии шла речь. И пока это неизвестно, никаких планов строить нельзя.

Лежа на кровати и глядя в потолок, он перебирал факты, систематизировал их, подвергал анализу. Иногда силы обычных людей и силы мутантов казались ему равными, а иногда он видел неоспоримое превосходство одной из сторон.

Рассуждения завели в тупик.

— Так и должно было быть,— произнес он вслух.— Рассуждение — инструмент обычного человека.

Следовало воспользоваться своим исключительным даром.

Но как?

Он постарался отрешиться от известных ему фактов, изгнать их из своих мыслей и ни о чем не думать. Лежа в постели и глядя во тьму, он физически ощущал, как наперекор желанию они теснятся в его мозгу.

Вдруг с особой отчетливостью проступила мысль о войне. Он остановился на ней. Мысль стала весомой и овладела им.

Война, но война, совершенно отличная от тех войн, которые до сих пор вело человечество.

Невероятно раздражала необходимость думать о чем-то неопределенном.

Появилась новая мысль — бедность.

Он чувствовал, как обе мысли, и о войне, и о бедности, словно койоты, кружат во мраке вокруг костра его разума за границей зоны, освещенной интеллектом.

Он хотел прогнать их, но они не желали уходить. Через некоторое время он привык к ним.

«Существует еще один фактор,— подсказал ему засыпающий мозг.— Недостаток рабочих рук у мутантов. Вот почему они создали роботов и андроидов».

Можно было обойти эту трудность. Можно было взять одну жизнь и разделить ее на несколько. Жизнь одного мутанта — растянуть, удлинить, увеличить. Рабочую силу можно было создать, следовало лишь знать, как это делается.

Мысли совсем замедлили бег, он почти уснул.

«Я остановлю тебя, Крофорд, и получу ответ, я остановлю тебя, я люблю тебя, Энн, я...»

И вдруг, даже не сообразив, спал он или нет, Виккерс встрепенулся и уселся на постели.

Он знал!

Он съежился от прохлады летнего утра, быстро высунул ноги из-под одеяла и ощутил босыми ступнями холод пола.

Виккерс бросился к двери, распахнул ее и выскочил на площадку винтовой лестницы, ведущей в холл.

— Фландерс! — крикнул он.— Фландерс!

Откуда-то появился Айзекайя и стал взбираться по ступеням, спрашивая:

— Что случилось, сэр? Вам что-нибудь надо?

— Мне нужен Гортон Фландерс.

Открылась еще одна дверь, и появился Гортон Фландерс с торчавшими из-под ночной рубахи худыми лодыжками и всклокоченными волосами.

— Что происходит? — спросил он спросонья.— Что за шум?

Виккерс быстро пересек холл, схватил его за плечи и спросил:

— Сколько нас? На сколько частей разделена жизнь Джея Виккерса?

— Может, вы перестанете трясти меня?

— Как только вы мне скажете правду.

— С удовольствием,— сказал Фландерс.— Нас трое. Вы, я и...

— Вы?

— Конечно. Вас это удивляет?

— Но вы намного старше меня.

— С синтетической плотью можно делать чудеса,— промолвил Фландерс.— Тут нечему удивляться.

«Действительно, ничего удивительного»,— согласился вдруг про себя Виккерс, словно всегда знал это.

— Кто третий? — спросил он.— Вы сказали, нас трое. Кто он?

— А вот этого я вам сообщить не могу,— ответил Фландерс.— Я и так сказал слишком много.

Виккерс разозлился, схватил Фландерса за ворот ночной рубашки и сдавил его.

— Насилие вам не поможет,— сказал Фландерс.— Не надо насилия. Я вам сказал все это лишь потому, что кризис наступил быстрее, чем мы предполагали. Вы еще не готовы знать все. Недостойны. Мы слишком многим рискуем, заставляя вас развиваться так быстро. Больше я вам ничего не скажу.

— Недостоин! — вскипел Виккерс.

— Не готовы. Вам следовало предоставить больше времени. А сейчас отвечать на ваши вопросы и говорить с вами просто-напросто невозможно. Это повлечет за собой лишние трудности. Снизит вашу эффективность и действенность.

— Но я уже все знаю,— зло сказал Виккерс.— Готов я или не готов, но я знаю, как взяться за Крофорда и его друзей, а это значительно весомее того, что сделали все вы, несмотря на уйму потраченного времени. Ответ у меня готов, и вы надеялись, что я его найду. Я знаю их секретное оружие и знаю меры защиты. Вы мне сказали, что надо остановить Крофорда, и я могу его остановить.

— Вы уверены?

— Абсолютно уверен,— сказал Виккерс.— Кто третий?

В его мозгу уже зрело подозрение, странное подозрение.

— Я должен знать,— сказал он.

— Именно этого я вам не могу сообщить. Никак не могу,— повторил Фландерс.

Виккерс отпустил ворот ночной рубашки Фландерса, а потом и вовсе уронил руки. То, что начало обретать контуры в его мозгу, разрывало душу, и с каждым мгновением мучения становились все сильнее. Он медленно пошел прочь.

— Да, я уверен,— повторял Виккерс.— Я уверен, что знаю все ответы. Я их знаю, но что это мне дает?

Он вернулся в свою комнату и захлопнул дверь.

Глава 41

В какой-то момент словно вспышка осветила его мозг. Воспоминание о Кэтлин Престон, которое могло быть вымыслом, и запечатленная в его мозгу прогулка по заветной долине долгие годы мешали ему понять, что он давно любит Энн Картер, а она платит ему взаимностью.

Потом он узнал, что его родители находились в состоянии прерванной жизни и ждали возвращения в мир любви и взаимопонимания, которому они так много отдали.

Он не мог их предать.

«Быть может,— сказал он сам себе,— это к лучшему, ибо есть новый фактор — умение делить одну жизнь на несколько частей».

Такой метод был разумен и, по-видимому, приносил свои плоды — ведь у мутантов не хватало рабочих рук и приходилось наилучшим способом использовать имеющиеся средства. Вы передаете роботам то, что им можно доверить. А жизнь каждого мутанта делите, получая несколько личностей, помещенных в тела андроидов.

Он не был самим собой, он представлял часть другой личности — треть подлинного Джея Виккерса, чье тело ожидало дня, когда в него будет возвращена жизнь.

Энн Картер тоже не была сама собой, а представляла часть другой личности. Быть может, он впервые позволил своему подозрению оформиться: она была частью Джея Виккерса и вместе с Фландерсом разделяла жизнь, бывшую некогда единой.

Три андроида несли в себе некогда единую жизнь — он, Фландерс и еще кто-то. Его не переставал терзать вопрос: кто же все-таки этот третий?

Все трое, они были связаны одной нитью, составляя почти единое целое, и в какой-то день три их жизни вернутся в тело подлинного Джея Виккерса. А когда это произойдет, кто станет новым Джеем Виккерсом? Или им никто не станет — быть может, возвращение будет равносильно смерти всех троих и возобновлению сознания прежнего Джея Виккерса? Или все они смешаются и в воскресшем Джее Виккерсе будут сочетаться его черты, черты Фландерса и черты третьего, неизвестного?

А как же его любовь к Энн Картер? Если этим неизвестным человеком была Энн, во что обратится его вдруг вспыхнувшая нежность к ней? Что станет с его нынешней любовью после долгих лет бесплодных мечтаний?

Он понимал, что, если Энн была этим третьим, они не смогут любить друг друга. Нельзя любить самого себя, как другого человека. Невозможно любить какую-то грань самого себя, как невозможно, чтобы эта грань любила вас. Вы не могли любить человека более близкого вам, чем сестра или мать...

Дважды он испытал любовь к женщине, и дважды ее отняли — он оказался в ловушке, и у него не оставалось иного выбора, как выполнить свою задачу. Он сказал Крофорду, что явится к нему, когда узнает, что происходит, и расскажет все, чтобы найти компромисс, если он возможен.

Теперь он знал — компромисс невозможен.

Если его предвидение было верным.

Фландерс сказал, что дар предвидения — метод более естественный и более зрелый, чем рассуждения. Он, по словам Фландерса, прямее извилистого пути логических рассуждений, которыми человечество пользовалось все время своего становления.

И секретное оружие оказалось старым как мир — войной, развязанной с расчетливым цинизмом.

«Сколько же войн,— подумал он,— может еще пережить человечество?» И понял — ни одной.

Мутанты — залог выживания человеческой расы. У него самого не осталось ни Кэтлин, ни Энн, ни даже надежды на собственную человеческую жизнь, и он должен был приложить все силы, чтобы уберечь человеческую расу от гибели.

Кто-то постучал в дверь.

— Войдите,— отозвался Виккерс.

— Завтрак будет подан,— сказал Айзекайя,— как только вы закончите свой туалет.

Глава 42

Когда Виккерс спустился вниз, Фландерс уже ждал его в столовой.

— Остальные ушли,— сказал он.— У них дела. А нам надо выработать план действий.

Виккерс ничего не ответил. Он выдвинул стул и сел напротив Фландерса. Фландерс сидел спиной к окну, так что его пышные седые волосы словно ореол блестели на солнце. Одежда по-прежнему выглядела поношенной, да и галстук знавал лучшие дни, но старик был все так же опрятен.

— Я вижу, Айзекайя отыскал вам кое-какие вещи,— сказал Фландерс.— Не знаю, что бы мы делали без него. Он очень заботлив...

— Не только вещи, но и деньги,— добавил Виккерс.— На комоде, рядом с рубашкой и брюками, лежала целая пачка. Я не успел пересчитать, но, похоже, в ней несколько тысяч долларов.

— Да, Айзекайя ничего не упускает.

— А зачем мне столько денег?

— Не беспокойтесь,— сказал Фландерс.— У нас их тюки.

— Тюки?!

— Разумеется, мы все время производим их.

— Вы подразумеваете фальшивые деньги?

— О нет, ни в коем случае! — воскликнул Фландерс.— Хотя иногда мы подумывали и об этом. Еще одна стрела для нашего лука.

— Вы хотели наводнить мир фальшивыми деньгами?

— Почему фальшивыми? Мы можем воспроизводить деньги с абсолютной точностью. Бросить в мир сотни миллиардов долларов и посмотреть, что из этого выйдет.

— Замысел ясен,— сказал Виккерс.— Удивлен, что вы не привели его в исполнение.

Фландерс испытующе поглядел на него.

— Мне кажется, наше поведение вас шокирует.

— В какой-то мере,— ответил Виккерс.

Айзекайя принес поднос, на котором стояли стаканы с охлажденным апельсиновым соком, тарелки с яйцами, беконом, гренками с маслом, баночка конфитюра и чашка кофе.

— Доброе утро, сэр,— сказал он Виккерсу.

— Доброе утро, Айзекайя.

— Вы обратили внимание,— спросил робот,— какое сегодня чудесное утро?

— Конечно,— ответил Виккерс.

— Погода стоит исключительная,— сказал робот,— значительно лучше, чем на предыдущей Земле.

Он поставил еду на стол, удалился через качающуюся дверь на кухню и занялся повседневными делами.

— Мы оставались людьми,— сказал Фландерс,— пока было возможно. Но мы делали наше дело и со временем стали наступать кое-кому на ноги. Теперь мы, наверно, станем порезче, ведь и с нами не церемонятся. Окажись Крофорд и его банда помягче, все прошло бы мирно и спокойно, и мы никому не причинили бы зла. Через десять лет все было бы проще. Через двадцать лет это было бы детской забавой. Но сейчас нет ни уверенности, ни простоты. В данный момент речь идет чуть ли не о революции. Имей мы двадцать лет, тот же процесс прошел бы как эволюционный. Будь у нас время, мы бы взяли контроль не только над промышленностью и финансами. Кризис разразился слишком рано.

— Теперь нам нужен контркризис,— сказал Виккерс.

Фландерс, казалось, не слышал его.

— Мы создали множество фиктивных компаний,— продолжал он.— Следовало создать их еще больше, но нам не хватало исполнителей даже для создания фирм. Иначе мы открыли бы громадное количество компаний по производству самых необходимых вещей. Но мы нуждались в наших людях в других местах, в наиболее критических точках. Следовало искать других мутантов, которые могли бы присоединиться к нам.

— Мутантов должно быть много,— сказал Виккерс.

— Их действительно немало,— согласился Фландерс,— но большинство из них настолько вросли в жизнь и дела обычного мира, что не могли порвать с ним. Возьмите, например, мутанта, женатого на обычной женщине. Мы не можем разбивать счастливый брак просто по гуманным соображениям. А если мутантами являются дети? В такой ситуации остается только ожидание. С ними можно вступать в контакт, когда они вырастают и покидают родное гнездо, но не раньше. Возьмите бан-

кира или промышленника, на чьих плечах лежит целая экономическая империя. Скажите ему, что он мутант, и он расхохочется вам в лицо. Он нашел свое место в жизни. Он доволен собой, весь идеализм или либерализм его юности исчез, подавленный его воинствующим индивидуализмом. Его устраивает созданный им образ жизни, и, что бы вы ни предложили, это не заинтересует его.

— Вы можете расплатиться с ним бессмертием.

— У нас пока его нет.

— Вам следовало бы организовать атаку на них на правительственном уровне.

Фландерс отрицательно покачал головой.

— Не удалось. Мы сделали несколько попыток, но тщетно. Будь у нас тысяча ключевых мест в правительствах, мы бы победили легко и быстро. Но у нас не было тысячи мутантов для правительственных и дипломатических постов. Самыми разными методами мы преодолевали один кризис за другим. Углеводы изменили ситуацию, которая могла обернуться войной. Но мы не были достаточно сильны, и у нас не хватало времени для нормального воплощения хорошо отработанной долгосрочной программы, поэтому мы стали импровизировать. Мы выпустили наши приспособления, чтобы ускорить развал социально-экономической системы, и рано или поздно промышленники должны были восстать против нас.

— Но на другое вы и не рассчитывали? — спросил Виккерс.— Вы вмешались...

— Думаю, что мы должны были это сделать,— сказал Фландерс.— Представьте, Виккерс, что вы оперируете больного раком. Чтобы больной выздоровел, его придется резать. И вы вскроете тело больного без всяких раздумий.

— Несомненно,— подтвердил Виккерс.

— Человеческая раса,— продолжал Фландерс,— и есть наш пациент. У него злокачественный рост отдельных тканей. Мы — хирурги. Пациент будет страдать, потом наступит период выздоровления, и в конце концов он останется в живых, но я сомневаюсь, что человеческая раса переживет еще одну войну.

— Ваши методы довольно жесткие!

— Минуточку! — воскликнул Фландерс.— А вы считаете, что они должны быть иными? Я бы мог согласиться с вами, будь у нас хоть какие-то реальные возможности переговоров. Представьте: являемся мы перед народом, встречаемся с главами

правительств и говорим им, что мы — новая мутация человеческой расы и что наши знания и наши способности выше, чем у них, а потому они должны передать все в наши руки. Как вы думаете, какая реакция нас ожидает? Могу вам сказать. Они вышвырнут нас вон и будут не так уж не правы. С какой стати они должны просто так поверить нам? У нас не было иного выхода. Мы могли действовать лишь в подполье. Следовало захватить ключевые позиции. Другого пути мы не видели.

— Ваши слова,— заметил Виккерс,— может, и верны в масштабе народов, но подумали ли вы о личности, об отдельном человеке? О том, кто получает ваши удары прямо в живот?

— Эйза Эндрюс был здесь сегодня утром,— сказал ему Фландерс.— Он рассказал, что вы гостили у него и исчезли, и волновался, не стряслось ли с вами чего. Но это другая история. Хочу только спросить: считаете ли вы Эйзу Эндрюса счастливым человеком?

— Безусловно, я никогда не видел более счастливого человека.

— И однако,— сказал Фландерс,— мы с ним не церемонились. Мы отняли у него работу, которая кормила и одевала его семью, мы отняли у него кров. И когда он обратился к нам за помощью, мы знали, что он один из тех, кто по нашей милости остался без работы, кого выбросили из дома на улицу и кто не знал, будет ли у него и его семьи крыша над головой в ближайшую ночь. Мы были виновниками всех его несчастий, и все же он стал счастливым человеком. Таких людей тысячи, мы не церемонились с ними, а сейчас все они счастливы. Счастливы, потому что мы с ними не церемонились, я подчеркиваю это.

— Но вы не можете отрицать,— возразил Виккерс,— что они дорого заплатили за свое счастье. Я говорю не о потере работы и о подачках им, а о том, что произошло потом. Вы расположились на этой Земле, создав здесь так называемую пасторально-феодальную стадию, но забываете, что те, кто прибыл сюда, лишились доброй части материальных преимуществ человеческой цивилизации.

— Мы отняли у них,— сказал Фландерс,— только нож, которым они могли поранить себя или своего соседа. Все, что мы временно отняли у них, будет им возвращено сторицей и с фантастическими процентами. Ибо мы искренне надеемся, мистер Виккерс, что со временем вся раса получит все, чем мы располагаем сейчас. Поймите, мы не чудовища, а человеческие су-

щества, следующий шаг в эволюции. Мы только на день-другой, на шаг-другой впереди остального человечества. Чтобы выжить, человеку надо измениться, мутировать, перерасти свое сегодняшнее состояние. Мы лишь авангард этой мутации выживания. И, будучи первыми, мы были вынуждены начать борьбу. Мы должны бороться все то время, пока остальное человечество не догонит нас. Расценивайте нас не как маленькую группу привилегированных людей, а как все человечество.

— Человечество,— с горечью сказал Виккерс,— располагает весьма скудными сведениями о вашей борьбе за его спасение. Не случайно оно громит ваши магазины, охотится на мутантов и вешает их на фонарях.

— Здесь на сцене и появляетесь вы,— заметил Фландерс.

Виккерс утвердительно кивнул головой.

— Вы хотите, чтобы я остановил Крофорда?

— Вы заявили, что способны на это.

— Я вижу пути,— сказал Виккерс.

— Ваши предвидения, друг мой, намного превосходят самые стройные рассуждения.

— Но мне нужна помощь,— произнес Виккерс.

— Все, что пожелаете.

— Надо, чтобы некоторые из ваших первопроходцев, людей типа Эйзы Эндрюса, вернулись обратно в качестве миссионеров.

— Это невозможно,— возразил Фландерс.

— Они тоже ведут борьбу,— сказал Виккерс.— Не могут же они сидеть сложа руки.

— Миссионерская деятельность? Вы хотите, чтобы они вернулись и рассказали всем о других мирах?

— Да, именно так.

— Но им никто не поверит. При тех настроениях, которые царят на Земле, их всех переловят и линчуют.

Виккерс отрицательно покачал головой.

— Есть группа людей, которая поверит им. Это, как они называют себя, фантазеры. Фантазеры бегут от действительности. Они воображают, что живут во времена какого-нибудь Пеписа или еще кого-то, но даже там не находят покоя и ощущения безопасности. Здесь же мы можем гарантировать полную свободу и безопасность. Здесь они могут вернуться к простой, незатейливой жизни без тревог, к которой так стремятся. И как бы фантастично ни звучали наши рассказы, фантазеры поверят им.

— Вы уверены?

— Уверен.

— Но это не все? Вам требуется еще что-то?

— Безусловно,— сказал Виккерс.— Сможете ли вы удовлетворить спрос на огромное количество углеводов?

— Думаю, сможем. Мы перестроим наши заводы. Сейчас никому не нужны ни наши новинки, ни наши углеводы. Для распространения углеводов придется организовать нечто вроде черного рынка. Если мы вновь окажемся там, Крофорд и его приспешники не дадут нам работать.

— Только вначале,— сказал Виккерс.— Но ненадолго. Пока с ними в борьбу за углеводы не вступят десятки тысяч людей.

— Как только углеводы понадобятся, вы их получите,— пообещал Фландерс.

— Фантазеры нам поверят. Они готовы верить всему, как бы невероятно это ни выглядело. Мы организуем для них некое подобие крестового похода. У вас нет шансов убедить нормальных людей, но большинство беглецов от действительности пожелают расстаться с больным миром. Нужны лишь искра, слово, какое-то обещание подлинного, а не воображаемого бегства. Многие захотят стать жителями второго мира. Как быстро вы сможете перебросить их сюда?

— Как только они явятся к нам.

— Я могу рассчитывать на это?

— Безусловно,— кивнул Фландерс.— Я не знаю, какие у вас планы, но надеюсь, что ваше предвидение не обманет.

— Вы сами утверждали это,— заявил Виккерс.

— Вы знаете замыслы Крофорда?

— Я думаю, он готовит войну. Он говорил о секретном оружии, и я убежден, что речь шла о войне.

— Но война...

— Давайте рассмотрим войну,— предложил Виккерс,— под несколько иным углом зрения, чем обычно смотрят на нее историки. Рассмотрим ее как деловое предприятие. В какой-то мере так оно и есть. Когда страна ведет войну, все трудовые, промышленные и прочие ресурсы мобилизуются для одной цели и контролируются правительством. Роль бизнесмена столь же важна, как и роль военного. Банкир и промышленник имеют тот же вес, что и генерал. Сделаем еще один логический ход и рассмотрим войну в сугубо деловом плане, как средство достижения определенных целей — захватить и удержать контроль над

какими-то областями. Во время войны система спроса и предложения прекращает действовать, гражданские товары практически не выпускаются и правительство принимает строгие меры по отношению к нарушителям, которые не прекращают производить...

— ...машины,— продолжил Фландерс,— вечные лампочки и бритвенные лезвия.

— Совершенно верно,— подтвердил Виккерс.— Так они выиграют время, а оно для них не менее важно, чем для нас. Под предлогом войны они могут распространить свой контроль на всю экономику. Война же будет вестись с таким расчетом, чтобы она не переросла во всепоглощающий пожар.

— Это маловероятно,— сказал Фландерс.— Ну а что будете делать вы?

— Я вернусь на старую Землю, но я не знаю, где мой волчок...

— Он вам больше не понадобится. Он необходим только новичкам. Стоит вам захотеть, и вы перейдете в другой мир. Теперь для вас такой переход очень прост.

— А если мне понадобится связаться с вами?

— Эб — нужный вам человек,— сказал Фландерс.— Обратитесь к нему.

— Вы возвратите Эйзу и других?

— Возвратим.

Виккерс встал и протянул Фландерсу руку.

— Но вам совсем не обязательно отбывать сию же минуту,— сказал Фландерс.— Садитесь и выпейте еще чашечку кофе.

Виккерс отрицательно покачал головой:

— Мне не терпится приступить к делу.

— Роботы могут отнести вас в район Нью-Йорка в считанные мгновения,— предложил Фландерс.— Можете вернуться на старую Землю прямо там.

— Мне нужно время, чтобы подумать,— ответил Виккерс.— Надо выработать план, вернее предвидение, как говорите вы. Думаю, будет вернее начать здесь и лишь потом двинуться в Нью-Йорк.

— Купите машину,— посоветовал Фландерс.— Айзекайя вручил вам достаточно наличных денег. Эб в случае нужды даст вам еще. Любой другой вид транспорта может оказаться опасным. Они, надо думать, позаботились расставить массу ловушек для мутантов. И они все время начеку.

— Я буду осторожен,— заверил Виккерс.

Глава 43

Грязная комната с паутиной по углам из-за отсутствия мебели казалась больше, чем была на самом деле. Со стен свисали обои, обнажая трещины, которые молниями разбегались от потолка до плинтуса.

А когда-то обои радовали глаз яркими красками, на них, как на лугу, расцветали цветы и дрезденские пастушки пасли своих лохматых овечек. Навощенный пол был покрыт толстым слоем пыли, но чувствовалось: достаточно смахнуть ее, как он заблестит.

Виккерс топтался посреди комнаты: двери были там же, что и в той столовой. Только дверь на кухню оказалась распахнутой, а окна были прикрыты ставнями.

Он обратил внимание, что отпечатки его обуви на пыльном полу были только в центре. Ни один след не вел от дверей.

Рассматривая комнату, он пытался восстановить в памяти ее прежний облик, тот, который она имела не минуту, а двадцать лет назад.

А может, это было воображение — навязанное ему воображение? Бывал ли он в этой комнате раньше? И существовала ли Кэтлин Престон?

Он знал, что семья Виккерсов, бедная фермерская семья, жила не далее чем в миле отсюда. Он подумал о матери в ее потрепанном платье и темном свитере, об отце, о его небольшой полочке книг у кровати, о его привычке носить широкие брюки и защитного цвета рубашку и читать при скудном желтом свете керосиновой лампы, об их сыне, суматошном мальчугане со слишком развитым воображением, который однажды побывал в сказочной стране.

«Маскарад,— подумал он,— жалкий маскарад». Но это была их работа, и они отдали ей себя; они наблюдали, как рос и взрослел их сын, и по тому, как он развивался, видели, что он был не чужаком, а одним из них.

А теперь они, эти двое людей, приспособившиеся к незаметному, будничному существованию простых фермеров, столь далекому от их истинного предназначения, ждали дня, когда займут подобающее место в обществе, от которого отказались ради работы на передовом посту, неподалеку от большого кирпичного дома, гордо высящегося на холме.

Он не мог их предать и не предаст — у него только один путь.

Он пересек столовую и холл, приблизился к закрытой двери, оставляя позади себя цепочку следов.

Он знал, за дверью не было никого — ни Энн, ни Кэтлин, не было даже места для него самого — ничего, кроме трудных обязательств перед жизнью, которую даже не он выбрал.

Изредка его обуревали сомнения. Это случалось тогда, когда он ехал по стране, наслаждаясь внешней стороной жизни, которую наблюдал. Крохотные деревушки, спавшие в летней ночи, с их велосипедами и опрокинутыми тележками, с их тенистыми аллейками, ведущими к дому, первыми красными пятнами ранних яблок в садах. Знакомый рев громадных грузовиков, несущихся по автострадам. Улыбка официантки, подающей чашечку кофе, когда он остановился перекусить в придорожном ресторанчике. Он убеждал себя, что все хорошо в этих маленьких деревеньках, и у шоферов грузовиков, и у веселой девушки. Мир людей был приятным и добрым, и жить в нем было прекрасно. Мутанты с их планами казались чудовищным кошмаром из дешевого воскресного приложения, и иногда ему хотелось остановиться, бросить машину и навсегда окунуться в эту чудесную жизнь. Для такого человека, как он, здесь вполне могло найтись место; казалось, среди этих кукурузных полей и маленьких придорожных деревушек любой человек мог обрести счастье и безопасность.

Но он отдавал себе отчет в том, что все было видимостью. Он пытался скрыться от того, что носилось в воздухе. Когда у него возникло желание бросить машину и уйти, он чувствовал в себе тот же страх, что и фантазеры, когда они мысленно бежали в другие времена и веси. Именно эта необходимость бегства заставляла его думать о том, чтобы бросить машину и искать спокойной жизни в этих кукурузных просторах.

Но даже здесь, в сельскохозяйственном сердце страны, не было подлинного мира и спокойствия. Видимое спокойствие и безопасность существовали, если вы не читали газет, не слушали радио, не беседовали с людьми. Он чувствовал, как признаки беспокойства проступают сквозь внешний фасад благополучия — на каждом пороге, в каждом доме, в каждом ресторанчике.

Судя по газетам, новости были совсем неважными. По радио комментаторы говорили о новом глубоком кризисе, перед которым стоял мир. Он слушал разговоры людей в холлах гостиниц, где ночевал, и в ресторанах, где ел. Они говорили, качали головами, в их поведении сквозила тревога.

Он слышал:

— Одного не могу понять: почему так быстро изменилось положение? Неделю или две назад, казалось, можно было договориться, а теперь все вернулось к прошлому и стало еще хуже.

Он слышал:

— Я всегда говорил, что всю эту историю с мутантами выдумали красные. Уверен, все идет оттуда.

Он слышал:

— Это невозможно. Вчера война была в тысячах миль от нас, и мы жили спокойно и мирно. А завтра...

А завтра, а завтра, а завтра...

Он слышал:

— Если бы все зависело от меня, я бы договорился с этими мутантами.

Он слышал:

— Я бы не церемонился с ними ни минуты, черт меня подери. Я бы набрал побольше бомб и показал им.

Он слушал их разговоры и сознавал, что за ними нет и намека на компромисс и взаимопонимание, в них не чувствовалось никакой надежды на то, что войну можно предотвратить.

— Если не сейчас,— говорили они,— то через пять или десять лет она разразится все равно. Так уж чем раньше, тем лучше. Надо только напасть первыми...

И он ясно понимал, что неуемная ненависть ощущалась даже здесь, в сердце страны, на этих мирных фермах, в маленьких мирных деревеньках, в придорожных ресторанчиках. «И это,— сказал он себе,— не что иное, как крах цивилизации, основанной на ненависти, чудовищном себялюбии и недоверии к каждому, кто говорит на другом языке, ест иную пищу и носит отличную от него одежду».

Это была односторонняя механическая цивилизация грохочущих машин, мир технологии, которая обеспечивала комфорт, но не могла дать человеку ощущения справедливости и безопасности. Это была цивилизация, которая обрабатывала металл, расщепляла атом, создала мощную химию и понастроила сложные и опасные машины. Она сосредоточила свое внимание на технике, совсем забыв о личности, и теперь ничего не стоило нажать кнопку и уничтожить далекий город, не зная и не желая узнать жизни и обычаев, мыслей и надежд, устремлений народа, который ты уничтожал.

Он вел машину, останавливался перекусить и снова садился за руль. Он глядел на кукурузные поля и краснеющие ябло-

ки в садах, слушал шум косилок, вдыхал запах клевера, но стоило ему взглянуть на небо, как он ощущал всю тяжесть нависшей опасности, и он понимал, что Фландерс был прав: в любой момент могла разразиться роковая буря.

Но не только новости о приближающейся войне заполняли колонки ежедневных газет и звучали в пятнадцатиминутных комментариях. Непрестанно говорилось об угрозе со стороны мутантов, и народу постоянно внушалась необходимость быть бдительным по отношению к ним. А еще продолжались бунты, еще линчевали мутантов, еще громили магазины технических новинок.

Но появилось и нечто новое.

По всей стране расползались слухи — и в ресторанах, и в магазинах, и в ночных барах больших городов можно было услышать о существовании другого мира, нового мира, где можно начать жизнь заново, куда можно скрыться от тысячелетий неустроенности нынешнего мира.

Вначале пресса отнеслась к этим слухам недоверчиво, потом появились осторожные статьи со скромными заголовками, а радиокомментаторы, поначалу не менее осторожные, скоро отбросили всякую сдержанность. И через несколько дней сообщения о другом мире и о странных людях с лучистыми глазами, которые разговаривали с кем-то (всегда с кем-то) и утверждали, что явились оттуда, занимали столько же места, сколько сообщения о войне и мутантах.

В мире ощущалась тревога, какая возникает у человека, когда в тишине ночи вдруг раздается резкий звонок телефона.

Глава 44

Вечерний Клиффвуд был напоен ароматами, в нем ощущалось что-то домашнее, и, проезжая по улицам городка, Виккерс чувствовал, как его сердце наполняется горечью: это было именно то место, где ему хотелось бы осесть и жить, занимаясь писательством, перенося на бумагу рождавшиеся в мозгу мысли.

Его дом вместе с рукописями, с полочкой любимых книг по-прежнему стоял на своем месте, но он уже не принадлежал ему и никогда больше не будет принадлежать. «Отныне все пойдет иначе,— подумал он.— Земля, исконная Земля человека, Земля с большой буквы недолго служила мне домом и уже никогда не будет им».

Он решил прежде всего навестить Эба, а потом заехать в свой бывший дом за рукописью. «Ее можно передать Энн»,— подумал он, но тут же засомневался. Он уверял себя, что ему не хочется встречаться с Энн, но на самом деле это было не совсем так. Он хотел встретиться с ней, но знал, что лучше этого не делать, ибо почти смирился с мыслью, что и он, и она были частями одной жизни.

Он остановил машину напротив дома Эба. И, как всегда не без удивления, отметил, как ухожены дом и дворик. Ведь Эб жил один, без жены и детей, а нечасто встретишь холостяка в роли столь рачительного хозяина.

Виккерс рассчитывал на минутку заскочить к Эбу, поставить его в известность о происшедшем, о сложившейся ситуации, договориться о порядке встреч и, в свою очередь, узнать здешние новости.

Захлопнув дверцу машины, он пересек тротуар и открыл калитку во двор, с трудом справившись с защелкой. Лунный свет, пробивавшийся сквозь листву, пятнами ложился на дорожку. Виккерс приблизился к двери и только тут обратил внимание: в доме ни огонька.

Он постучал в дверь, помня по прежним редким визитам — они иногда играли в покер,— что у Эба не было звонка.

Никто не ответил. Он подождал, постучал еще раз и направился к выходу. Быть может, Эб возился в гараже с какой-нибудь срочной работой или выпивал с приятелями в кабачке.

Он решил подождать Эба в машине. Было бы неосторожно ехать в центр, где его могли узнать.

Кто-то спросил:

— Вы ищете Эба?

Виккерс повернулся на голос. У изгороди стоял сосед.

— Да,— ответил Виккерс.— Я хотел повидать его.

Он пытался вспомнить, кто жил рядом с Эбом, кем мог быть этот человек, мог ли он узнать его.

— Я его старый друг,— сказал Виккерс.— Ехал мимо, решил заглянуть, передать привет.

Человек протиснулся через пролом в изгороди и, приблизившись, спросил:

— А вы его хорошо знаете?

— Да не очень,— ответил Виккерс.— Я виделся с ним лет десять—пятнадцать назад. Еще мальчишкой.

— Эба нет в живых,— сказал сосед.

— Как нет в живых?

Сосед сплюнул:

— Он оказался одним из этих паршивых мутантов.

— Да нет,— запротестовал Виккерс.— Быть того не может!

— Он им был. Был тут и еще один, но тот успел смыться. Его, наверно, предупредил Эб.

Злоба и ненависть, звучавшие в словах соседа, наполнили Виккерса ужасом.

Толпа убила Эба, как убила бы и его, узнай, что он возвратился в городок. И жители городка очень скоро могут узнать, что он вернулся. Стоит этому человеку приглядеться — теперь он вспомнил его — этот здоровяк заведовал мясным отделом в городском магазине. Его звали... впрочем, какое значение имело его имя?

— Нет-нет,— сказал человек,— я вас видел где-то.

— Вы ошибаетесь. Я здесь впервые.

— И ваш голос...

Виккерс нанес сильный удар снизу вверх, вложив в него весь свой вес. Удар пришелся прямо в подбородок и прозвучал словно хлопок бича. Человек рухнул наземь.

Виккерс не стал ждать, повернулся и бросился к изгороди. Он чуть не сорвал дверцу автомобиля. Резко нажал на стартер, до отказа выжал акселератор, и машина, швырнув гравий из-под задних колес, рванулась вперед.

Рука его ныла от сильного удара, а в слабом свете приборного щитка он увидел, что из пальцев сочится кровь.

У него было всего несколько минут — от момента, когда мясник очнется, до момента, когда он сообразит, что произошло. Как только он встанет на ноги и доберется до телефона, за Виккерсом начнется охота, и в ночь, визжа на поворотах, рванутся машины, набитые людьми с ружьями, пистолетами и веревками.

Он должен удрать от них. И рассчитывать отныне только на себя.

Эб умер — на него напали внезапно, подло, так что он не имел возможности ускользнуть на другую Землю. Эба убили, или повесили, или затоптали ногами. А Эб был его единственным связным.

Теперь в живых остались только они с Энн.

И Энн, конечно, не подозревала, что она мутант.

Он выскочил на автостраду и понесся, до отказа выжимая акселератор.

Он вспомнил, что милях в десяти к автостраде подходит старая, заброшенная дорога. Там можно было спрятать машину и выждать момент — он мог и не наступить,— чтобы продолжить свой путь. Или лучше скрыться в холмах и дождаться, чтобы все утихло? «Нет,— сказал он себе.— Это опасно». И время будет потеряно.

Следовало скорее встретиться с Крофордом и помешать осуществлению его планов. И совершить все в одиночку.

Показалась заброшенная дорога, терявшаяся на середине крутого склона. Он свернул, футов тридцать трясся на выбоинах, а потом выехал на дорогу.

Спрятавшись за деревьями, он смотрел на проносившиеся автомобили, не зная, были ли в них его преследователи.

Затем показался старенький грузовичок, с пыхтеньем взбиравшийся на холм. Виккерс успел заметить, что задний борт у него невысокий. Он выбежал на автостраду, догнал грузовичок, подпрыгнул, ухватился сзади и, с силой оттолкнувшись ногами, перелетел через борт. Он прополз между ящиками, которыми был заполнен кузов, и сжался в уголке, глядя на убегающую назад дорогу.

«Как загнанное животное,— подумал он.— А охотятся за мной люди, считавшиеся некогда моими друзьями».

Миль через десять кто-то остановил грузовичок.

Раздался голос:

— Вы никого не видели на дороге? Какого-нибудь пешехода?

— Никого,— ответил шофер.— Ни единой души.

— Мы ищем мутанта. Он, наверно, бросил свою машину.

— Я думал, мы уже со всеми расправились,— сказал шофер.

— Нет еще. Может, он скрылся в холмах. Тогда его песенка спета.

— Вас будут останавливать еще,— произнес другой голос.— Мы предупредили в обоих направлениях. Нам обещали перекрыть дорогу.

— Ладно, открою глаза пошире,— сказал шофер.

— У вас есть ружье?

— Нет.

— Будьте осторожней.

Когда грузовик тронулся, Виккерс увидел на дороге двоих людей. В лунном свете поблескивали дула их винтовок.

Он передвинул несколько ящиков, соорудив себе укрытие. Но предосторожности оказались излишними. Грузовик оста-

навливали еще трижды. И каждый раз только луч фонарика скользил по ящикам. Люди не очень усердствовали в поисках, будучи уверенными, что мутанта поймать не так-то просто и он уже давно испарился, как и многие другие мутанты, которых не застигли врасплох.

Но Виккерс не мог себе позволить бегства. Он должен был выполнить свою миссию на этой Земле.

Глава 45

Он знал, что найдет в том магазине сборных домов, но все же пошел туда, ибо считал, что там есть надежда установить контакт. Громадная витрина была разбита, а дом разнесли в щепки, словно над ним прошел смерч.

Но здесь поработала толпа.

Он стоял перед зияющей витриной, разглядывал разбитый дом и вспомнил день, когда они с Энн зашли сюда по пути на автобусную станцию. Он помнил, что на крыше дома был флюгер в виде утки, во дворе красовались солнечные часы, а на дорожке стоял вечмобиль, но вечмобиля нигде не было. Наверно, его выволокли на улицу и разнесли на куски, как это случилось с его машиной в маленьком городке в Иллинойсе.

Он повернулся спиной к витрине и медленно пошел вниз по улице. «Глупо было,— думал он,— идти в этот выставочный зал, но это был мой единственный, хотя почти безнадежный шанс».

Он повернул за угол и увидел, что в пыльном скверике на другой стороне улицы собралось довольно много народа. Слушали человека, стоявшего на скамейке.

Виккерс не спеша пересек улицу и остановился, разглядывая толпу.

— Что произойдет,— спрашивал человек,— когда упадут бомбы? Они призывают вас не бояться. Они призывают вас, отбросив страх, оставаться на своих рабочих местах. Но что будут делать они сами, когда посыплются бомбы? Разве они помогут вам?

Он перевел дух, а толпа застыла в напряженном молчании.

— Они не придут вам на помощь! — продолжал оратор, чеканя каждое слово.— Они не придут вам на помощь, ибо она вам будет уже не нужна. Вы умрете, друзья мои. Умрут десятки тысяч. Умрут в пламени солнца, которое взойдет над городом. Умрете и обратитесь в прах. Вы умрете...

Вдали послышался вой сирен, и толпа гневно заволновалась.

— ...Вы умрете,— продолжал оратор,— но зачем вам умирать, если вас ждет другой мир? Ключ в этот мир — бедность. Бедность — билет в новый мир. Все, что надо сделать,— это бросить работу и отказаться от всего, абсолютно от всего. Туда можно прийти только с пустыми руками.

Вой сирен приблизился, и толпа заволновалась еще больше. Ее грозный гул напоминал шум листвы под порывистым ветром, предвестником грозы.

Оратор поднял руку, стало тише.

— Друзья мои,— сказал он,— вы слышите меня? Вас ждет другой мир. Бедняки пойдут первыми. Бедняки и отчаявшиеся — все те, кому в этом мире нет места. Но вы можете попасть туда только с пустыми руками, без всякого достояния. В этом другом мире нет бомб. Там все можно начать снова. Целый новый мир, во всем похожий на этот, с деревьями, травой, плодородными землями, дичью в лесах и рыбой в реках. Подлинная страна мечты. И мира.

Сирены выли совсем близко.

Виккерс сошел с тротуара и быстро пошел через улицу.

Полицейский автомобиль резко вывернул из-за угла, его занесло, шины завизжали на асфальте, сирена выла, словно в агонии.

И тут у самого тротуара Виккерс споткнулся и растянулся во весь рост на мостовой. Инстинктивно он встал на четвереньки и увидел, что полицейская машина мчится прямо на него. Он понял, что окажется под ее колесами, прежде чем успеет вскочить.

И вдруг чья-то рука схватила его выше локтя, он взлетел над мостовой и рухнул на тротуар.

Из-за угла, визжа шинами, вылетел второй полицейский автомобиль.

Толпа разбегалась в разные стороны.

Та же рука потянула его за локоть, помогла подняться, и тут Виккерс впервые увидел своего спасителя — человека в драном свитере и с ножевым шрамом на щеке.

— Быстрее, быстрее,— сказал человек, и шрам дернулся в такт словам. У него были блестящие зубы и темные бакенбарды.

Он толкнул Виккерса в узкий проход между домами, и Виккерс, пригнувшись, побежал меж двух кирпичных стен.

Позади шумно дышал его спаситель.

— Направо! — крикнул человек.— В дверь!

Виккерс схватился за ручку, и дверь распахнулась в темный коридор.

Человек вбежал следом за ним, захлопнул дверь, и они застыли, шумно и неровно дыша в гнетущей темноте подъезда.

— Еще один не дали закончить,— сказал человек,— полицейские стали быстрее соображать. Не успеешь начать митинг, как...

Не кончив фразы, он взял Виккерса за плечо.

— Идите за мной. Осторожно — ступеньки.

Виккерс пошел за ним, нащупывая ногой ступени. С каждым шагом затхлый воздух подвала становился нестерпимей.

У подножия лестницы человек отодвинул в сторону плотную занавеску, и они очутились в слабоосвещенной комнате.

В одном углу стояло старое, разбитое пианино, в другом — громоздились ящики, а в центре за столом сидели четверо мужчин и две женщины.

Один из мужчин сказал:

— Мы слышали сирены.

Человек со шрамом кивнул головой.

— Чарли только разошелся. Толпа слушала его, затаив дыхание.

— Кто с вами, Джордж? — спросил другой.

— Он убегал,— ответил Джордж.— Его чуть не задавила полицейская машина.

Они с интересом посмотрели на Виккерса.

— Как ваше имя, приятель? — поинтересовался Джордж.

Виккерс назвал себя.

— Он свой человек? — спросил кто-то.

— Свой,— сказал Джордж.— Он убегал.

— Осторожность...

— Он — свой человек,— упрямо повторил Джордж, но Виккерс отметил, что за уверенностью его спасителя скрывается неловкость,— он только сейчас сообразил, какую глупость сделал, приведя его сюда.

— Хотите выпить? — предложил один из мужчин. И пододвинул бутылку к Виккерсу.

Виккерс сел на стул и взял бутылку.

— Меня зовут Салли,— представилась одна из женщин, та, что была покрасивей.

— Рад с вами познакомиться, Салли,— отозвался Виккерс.

Он обвел взглядом стол. Остальные не были расположены к знакомству.

Он поднял бутылку и глотнул из нее. Это было какое-то дешевое спиртное. У него перехватило дыхание.

Салли спросила:

— Вы активист?

— Простите?

— Активист или пурист?

— Он активист,— сказал Джордж.

Виккерс видел, что Джордж даже вспотел от сознания совершенной ошибки.

— Не очень-то он похож на активиста,— произнес один из мужчин.

— Я активист,— сказал Виккерс, чувствуя, что от него ждали именно этого ответа.

— Он вроде меня,— проговорила Салли.— Активист из принципа, но пурист в душе. Не так ли? — спросила она Виккерса.

— Да,— ответил Виккерс.— Именно так.

Он отпил еще глоток.

— Какой у вас период? — спросила Салли.

— Мой период? — переспросил Виккерс.— Ах да, мой период!

И вспомнил белое, напряженное лицо миссис Лесли, которая спрашивала его, какой исторический период он считает самым интересным.

— Карл II,— сказал он.

— Что-то вы не спешили с ответом,— подозрительно проговорил один из мужчин.

— Я никак не мог решиться,— ответил Виккерс.— И еле-еле нашел подходящий период.

— Но вы выбрали эпоху Карла II? — заметила Салли.

— Совершенно верно.

— А я,— сказала ему Салли,— ацтеков.

— Но ацтеки...

— Знаю,— согласилась она.— Это не совсем тот выбор. Об ацтеках мало известно. Но зато я могу сама придумывать. Так даже интереснее.

Джордж перебил их:

— Все это глупости. Можно писать дневники и воображать себя кем угодно, когда вам нечего делать. А сейчас у нас есть дело.

— Справедливо, Джордж,— подтвердила вторая женщина.

— Вы, активисты, здесь не правы,— возразила Салли.— У фантазеров главное — умение уйти из своей эпохи и окружения и окунуться в другую эпоху.

— Послушайте,— начал Джордж,— я...

— Я согласна,— сказала Салли,— что мы должны работать для этого другого мира. Мы все время ждали этого. Но мы не должны отказываться...

— Хватит,— прервал крупный мужчина, сидевший на другом конце стола.— Хватит болтать. Здесь не место для разговоров.

Салли обратилась к Виккерсу.

— У нас сегодня вечером встреча. Хотите пойти с нами?

Он колебался. В скудном свете лампы было видно, что все внимательно смотрят на него.

— Конечно,— ответил он.— С удовольствием.

Он взял бутылку, сделал еще глоток и передал ее Джорджу.

— Отсюда никуда,— сказал Джордж.— Пока полицейские не успокоятся.

Он отпил и передал бутылку соседу.

Глава 46

Когда Салли и Виккерс пришли, собрание только началось.

— Джордж тоже будет? — спросил Виккерс.

Салли улыбнулась:

— Джордж здесь.

Виккерс кивнул.

— Это не в его духе.

— Джордж — боец,— сказала Салли.— Горячий человек. Врожденный организатор. Не знаю, почему он не стал коммунистом.

— А вы? Такие, как вы?

— Мы — пропагандисты,— ответила она.— Мы ходим на митинги. Говорим с народом. Стараемся их заинтересовать. У нас миссионерская работа, мы обращаем их. А после того как мы их подготовим, ими начинают заниматься такие люди, как Джордж.

Дородная матрона, сидевшая за столом, воспользовалась ножом для разрезания бумаг как председательским молотком.

— Простите,— сказала она тягучим голосом.— Простите. Прошу соблюдать порядок.

Виккерс пододвинул стул Салли, затем уселся сам. Люди в комнате притихли.

Помещение, как заметил Виккерс, состояло из двух комнат, гостиной и столовой; застекленные двери, разделявшие их, были раздвинуты, чтобы получилась единая зала.

«Средняя буржуазия,— подумал он.— Достаточно денежная, чтобы не казаться вульгарной, но лишенная элегантности и изысканности истинно богатых людей. На стенах — подлинники, южнофранцузский камин, старинная, хотя и трудно сказать какой эпохи, мебель».

Он мельком оглядел лица, пытаясь определить, кто эти люди. Рядом сидел явно деловой человек. Чуть подальше — мужчина, волосы которого давно требовали стрижки. Он был похож на художника или писателя, скорее всего непризнанного. А вот та загорелая женщина с серо-стальной шевелюрой не иначе любительница верховой езды.

Но все это не имело никакого значения. Здесь собрались богатые люди, жившие в респектабельных домах, где портье носит ливрею, но такое же собрание происходило сейчас и в каком-нибудь старом доме, где никогда не было швейцара. И в деревушках, и в маленьких городишках также собирались люди. Быть может, в доме директора местного банка или парикмахера. И на каждом таком собрании кто-то восседал на председательском месте и требовал порядка. И на каждом таком собрании сидели люди, похожие на Салли, ждали своего выступления и надеялись обратить других в свою веру.

Председательша произнесла:

— Мисс Стенхоп в списке сегодняшних чтецов стоит первой.

Потом она откинулась в кресле, удовлетворенная тем, что люди успокоились и собрание проходит нормально.

Мисс Стенхоп поднялась, и Виккерс увидел перед собой само воплощение неудовлетворенного женского тела и духа. Ей было лет сорок, широким мужским шагом она подошла к столу. Работа принесла ей финансовую независимость лет пятнадцать назад, и она бежала за призраком, пытаясь укрыться за образом извлеченного из прошлого персонажа.

У нее был чистый и сильный, но слегка жеманный голос, читая, она выпячивала челюсть, словно начинающий оратор, отчего ее шея казалась более худой, чем на самом деле.

— Если вы помните, мой период — гражданская война, Юг,— сказала она и начала читать: «13 октября 1862 года миссис Хемптон прислала мне свою коляску со старым Недом, одним из немногих оставшихся верными слуг. Другие слуги давно сбежали, оставив ее без всякой помощи. В таком положении находятся многие из нас...»

«Бегство от реальности,— подумал Виккерс,— бегство во времена кавалеров и кринолинов, во времена войны, которая

сквозь дымку времени стала казаться романтической, а на самом деле сделала столько людей глубоко несчастными, и они хлебнули в той войне и грязи, и крови, и страданий».

Мисс Стенхоп продолжала читать:

— «Там оказалась Изабелла, и я была рада видеть ее, ведь мы не встречались уже много лет, с того дня в Алабаме...»

Да, это было бегство. Но бегство, ставшее идеальным инструментом для пропаганды другого мира, второй мирной Земли, идущей вслед за этой.

«Три недели,— подумал он,— прошло не более трех недель, а они уже успели создать организацию с Джорджами, произносящими речи и устанавливающими связи под страхом смерти, привлекли множество людей для ведения подпольной работы».

Но и теперь, когда им предлагали другой мир и надежду на жизнь, к которой они стремились, люди ностальгически цеплялись за прошлое, пытаясь воскресить его ароматы. Это говорило о сомнениях и отчаянии, они не хотели отбросить мечту из страха, что действительность рассыплется в прах, стоит им коснуться ее.

Мисс Стенхоп продолжала читать:

— «Я целый час сидела у кровати миссис Хемптон и читала ей ее любимую "Ярмарку тщеславия", которую она не раз прочла сама и которую ей несчетно перечитывали со времени ее болезни».

Но если еще очень многие цеплялись за сладкие мечты, то находились и люди вроде Джорджа, активисты, готовые бороться за осуществление надежд, и с каждым днем росло число их приверженцев, поверивших в новый мир, готовых уйти туда и трудиться там. Они будут произносить речи, исчезать при вое полицейских сирен, отсиживаться в темных подвалах и возвращаться к своей работе, когда полиция уйдет.

«Наше послание в надежных руках»,— думал Виккерс.

Мисс Стенхоп продолжала чтение, и председательница сонно кивала головой, по-прежнему твердо держа в руке нож для разрезания бумаг. Одни присутствующие слушали из вежливости, другие — с интересом. Когда чтица закончит, ей зададут вопросы, попросят уточнений и разъяснений, предложат что-то изменить и похвалят за блестящую работу. Потом будут вставать другие, будут читать свои дневники о жизни в другом месте и времени, а все будут сидеть и слушать, и играть ту же роль.

Виккерс видел всю тщету этих жалких потуг обрести надежду. Комната словно прониклась запахом магнолий, ароматом

роз, горьковатым духом лет, воскрешенных из книги прошлого. Когда мисс Стенхоп закончила, в комнате стало шумно: все стали задавать вопросы, она отвечала на них. Он тихо встал и незаметно вышел на улицу.

Сверкали звезды. Они о многом напоминали ему.

Завтра он пойдет к Энн Картер.

И напрасно пойдет — ему не следовало с ней встречаться ни при каких обстоятельствах.

Глава 47

Он нажал на кнопку звонка и стал ждать. Но стоило ему услышать ее шаги, как он понял, что должен повернуться и исчезнуть. Он напрасно пришел сюда, он знал, что не должен был этого делать,— все следовало начинать сначала, и не было никакой необходимости во встрече с Энн, ведь мечты о ней умерли так же, как и мечты о Кэтлин.

И все же он был обязан прийти, именно обязан. Дважды он останавливался у подъезда, поворачивался и уходил. На этот раз он не смог уйти, вошел в дом и теперь стоял у двери, прислушиваясь, как приближаются ее шаги.

Что он скажет ей, когда откроется дверь? Что сделает? Войдет, словно ничего не случилось, словно оба они остались теми же людьми, какими были в их последнюю встречу?

Следует ли сказать ей, что она мутант, более того — андроид, искусственная женщина?

Дверь отворилась, и он увидел перед собой прелестную женщину, такую, какой представлял себе ее всегда. Протянув руку, она втащила его внутрь, захлопнула за ним дверь и привалилась к ней спиной.

— Джей! — выдохнула она.— Джей Виккерс!

Он хотел что-то сказать, но не смог. Стоял, смотрел на нее и думал: «Все неправда. Ложь. Это не может быть правдой».

— Что случилось, Джей? Ты же должен был мне позвонить.

Он непроизвольно протянул к ней руки, и она почти в отчаянии бросилась в его объятия. Они стояли, прижавшись друг к другу, и каждый ощущал, что нашел опору в своем несчастье.

— Вначале я решила, что ты просто-напросто свихнулся,— сказала она.— Ты мне столько наговорил по телефону из этого висконсинского городка, что я решила, будто с тобой неладно и ты заговариваешься. А потом стала вспоминать всякие странные вещи, о которых слышала или читала...

— Спокойно, Энн,— сказал он.— Ты не обязана мне все пересказывать.

— Джей, ты никогда не думал, что ты не совсем человек? Нет ли в тебе чего-то необычного, чего-то нечеловеческого?

— Да,— ответил он.— Я часто так думал.

— Я была уверена в этом. В том, что ты не совсем человек. И это к лучшему. Ведь я тоже не совсем человек.

Он еще сильнее прижал ее к себе. И пока она оставалась в кольце его рук, он чувствовал, что не одинок. Две бедные души, затерянные во враждебном человеческом мире, они могли рассчитывать друг на друга. И хотя между ними не могло быть любви, они должны объединиться против этого мира.

Зазвонил телефон на столе, но они не слышали его.

— Я люблю тебя, Энн,— сказал он, и та часть мозга, которая не была им самим, а оставалась холодным сторонним наблюдателем, напомнила ему, что он не вправе ее любить. Невозможно, аморально и абсурдно любить кого-то, кто ближе сестры, чья жизнь когда-то была частью твоей жизни и снова вскоре станет ею в облике иной личности, которая, может, и не будет подозревать об их существовании.

— Я вспоминаю,— сказала Энн,— но не могу вспомнить.— Казалось, ее мысли витали где-то далеко.— Может, ты поможешь мне?

Он задал вопрос, и губы его похолодели от страха:

— Что ты хочешь вспомнить, Энн?

— Прогулку с кем-то. Я пытаюсь, но не могу припомнить его имя, хотя четко представляю его себе, несмотря на прошедшие годы. От большого кирпичного здания на холме мы спускались в долину. Был ясный весенний день, потому что дикие яблони были в цвету, пели птицы. Я никогда не совершала такой прогулки, но отчетливо помню ее. Приходилось ли тебе, Джей, вспоминать то, чего никогда не происходило на самом деле?

— Не знаю,— ответил Виккерс.— Быть может, воображение. Какая-то ассоциация с прочитанным.

«Вот и все,— подумал он.— Вот оно, подтверждение моих подозрений».

Их было трое, сказал Фландерс, три андроида, разделившие между собой одну человеческую жизнь. И эти трое были он, Фландерс и Энн Картер. Ведь Энн вспоминала о долине в тех же выражениях, что и он, но он был мужчиной и помнил, что

гулял с женщиной по имени Кэтлин Престон, а так как Энн была женщиной, она должна была гулять с мужчиной, имени которого не помнила. А если она и вспомнит имя, оно не будет истинным. Ведь и он гулял с девушкой, которую звали не Кэтлин Престон, а иначе.

— Но это не все,— сказала Энн.— Я знаю, о чем думают другие, я...

— Прошу тебя, Энн,— сказал он.

— Я никогда не пыталась узнать их мысли, а вдруг поняла, что могу их читать. Я делала и делаю это бессознательно. Я наперед знаю, кто о чем будет говорить. Я знаю их возражения прежде, чем они выскажут их. Знаю, что им нравится. Именно поэтому я хорошо веду дела, Джей. Я проникала в человеческие мысли и до того дня, когда впервые заподозрила в себе этот дар. Я сознательно проверяла себя. Джей, я могу читать мысли!

Он сжал ее еще сильнее и подумал: «Энн — телепат, из тех, кто может разговаривать со звездами».

— Кто мы, Джей? — спросила она.— Скажи мне, кто ты?

Телефон продолжал звонить.

— Потом,— сказал он.— Не так уж это плохо. Даже чудесно. Я вернулся, потому что люблю тебя, Энн. Я не хотел возвращаться, но не смог. Потому что не вправе...

— Молчи,— прервала она.— Ты сказал сейчас самые нужные слова. Я молилась, чтобы ты вернулся. Когда я узнала, что что-то не так, я испугалась только одного — что ты не сможешь вернуться, что с тобой произошло самое страшное. Я молилась, понимая, что не должна этого делать, и чувствовала себя лицемеркой, ведь я неверующая...

Телефон звонил все пронзительнее.

— Телефон,— сказала она.

Он отпустил ее, она подошла к дивану, уселась, сняла трубку, а он стоял и рассматривал комнату, пытаясь привести в порядок мысли.

— Тебя,— сказала она.

— Меня?

— Да. Кто-нибудь знает, что ты здесь?

Он покачал головой, но подошел. Уже взяв трубку, он не спешил подать голос, пытаясь сообразить, кто мог позвонить ему сюда.

И вдруг его охватил страх, он покрылся холодным потом, ибо понял, что только один человек мог находиться на другом конце провода.

Голос произнес:

— Говорит неандерталец, Виккерс.

— С дубинкой и прочим? — спросил Джей.

— С дубинкой и прочим,— ответил Крофорд.— Нам следует утрясти одно дельце.

— В вашей конторе?

— На улице вас ждет такси.

Виккерс зло засмеялся и спросил:

— Как давно вы ведете меня?

Крофорд фыркнул:

— С Чикаго. Страна нашпигована анализаторами.

— Вы узнаёте много нового?

— Иногда.

— И по-прежнему верите в ваше секретное оружие?

— Конечно. Но...

— Сознайтесь как другу,— сказал Виккерс.

— Нам следует поговорить со всей откровенностью, Виккерс. Я действительно хочу этого, поторопитесь.

Крофорд повесил трубку.

Виккерс отнял трубку от уха и положил на рычаг.

— Звонил Крофорд,— сказал он Энн.— Он хочет поговорить со мной.

— Все нормально, Джей?

— Да, да, нормально.

— Ты вернешься?

— Вернусь,— сказал Виккерс.

— Ты знаешь, что делать?

— Теперь знаю,— сказал Виккерс.— Знаю.

Глава 48

Крофорд восседал в кресле рядом со столом. Виккерс вздрогнул, увидев кресло, в котором сидел несколько недель назад, когда приходил сюда вместе с Энн.

— Рад вас снова видеть здесь,— сказал Крофорд.— Рад, что мы снова вместе.

— Вас должно радовать, как идут дела,— сказал Виккерс.— Вы более любезны, чем в нашу последнюю встречу.

— Я всегда любезен. Я неизменно любезен, даже когда испуган или зол.

— Что же вы не схватили Энн Картер?

Крофорд покачал головой:

— Нет оснований. Пока.

— Но вы следите за ней.

— Мы следим за всеми вами. Вас осталось не так много.

— Мы можем избавиться от слежки, как только пожелаем.

— Не сомневаюсь,— согласился Крофорд.— Будь я мутантом, я бы тоже предпочел скрыться. Но почему вы здесь?

— Потому что мы выиграли, и вы это знаете лучше других,— сказал Виккерс. Ему хотелось быть уверенным в своих словах хотя бы наполовину.

— Мы можем начать войну,— сказал Крофорд.— Стоит только шевельнуть пальцем...

— Вы этого не сделаете.

— Но вы зашли слишком далеко. Вы прижали нас. У нас нет иного выхода, война — последнее оружие.

— Вы думаете о другом мире.

— Совершенно верно,— сказал Крофорд.

Он сидел и в упор глядел на Виккерса своими заплывшими жиром голубыми глазками.

— А что нам остается делать? — спросил он.— Сидеть сложа руки и ждать, пока ваш каток подомнет нас под себя? Вы выпускаете технические новинки — мы преграждаем вам путь. Хотя допускаю, что наши методы оказались довольно жесткими. Теперь новая попытка. Вы пытаетесь эксплуатировать идею, создать религию, поднять волну фанатизма. Скажите, Виккерс, что кроется за этими россказнями?

— Чистая правда,— сказал Виккерс.

— Пока все идет как по маслу. Даже слишком хорошо. Нужна война, чтобы покончить с этим.

— Вы считаете, что мы занимаемся подрывной деятельностью?

— А как это еще можно назвать? — Крофорд даже оживился.— Хотя все началось только несколько дней назад, вы добились очень многого. Люди бросают работу, покидают дома, отказываются от денег. «Бедность,— твердят они,— является пропуском в другой мир». Что это за стряпня, Виккерс?

— Что происходит с этими людьми? С теми, кто бросил работу, покинул дом, отказался от денег. Вы пытались узнать, что с ними случилось?

Крофорд наклонился вперед.

— Это-то нас и пугает. Эти люди исчезают. Мы не успеваем с ними встретиться, как они исчезают.

— Они отправляются на другую Землю,— сказал Виккерс.

— Я не ведаю, куда они отправляются, но хорошо знаю, что будет, если это не прекратится. Наши рабочие покидают нас, уже даже не десятками...

— Если вам действительно хочется начать войну, нажмите кнопку.

— Мы не позволим обойти нас,— сказал Крофорд.— И найдем средство вас остановить.

Виккерс встал и склонился над столом.

— С вами покончено, Крофорд. Мы не позволим вашему миру идти по этому пути. Мы...

— Сядьте,— сказал Крофорд.

Мгновение Виккерс разглядывал Крофорда, потом медленно сел.

— И вот еще что,— продолжил Крофорд.— Я говорил об анализаторах в этой комнате. Так вот, анализаторы стоят не только в этой комнате. Они повсюду. На железнодорожных станциях, на автовокзалах, в холлах гостиниц, в ресторанах...

— Не сомневаюсь. Таким образом вы засекли и меня.

— Я вас предупредил. Не стоит нас недооценивать, хотя мы просто люди. Организованная мировая промышленность может многое и умеет работать быстро.

— Вы сами себя побьете,— сказал Виккерс.— Вам уже известно многое, но вы закрываете на это глаза.

— К примеру?

— Многие ваши банкиры, промышленники и прочие воротилы вашей организации являются теми самыми мутантами, с которыми вы боретесь.

— Я говорил, что стремлюсь к откровенному разговору. Скажите, как вам удалось ввести их в нашу организацию?

— Мы никого никуда не вводили, Крофорд.

— Вы не...

— Давайте начнем сначала,— сказал Виккерс.— Можете ли вы сказать, кто такой мутант?

— Думаю, человек, наделенный некоторыми особыми талантами, лучшим, чем у нас, пониманием вещей.

— Тогда предположите наличие человека-мутанта, не знающего вовсе, что он мутант, и считающего себя обычным человеком. Кем он станет? Врачом, адвокатом, нищим, вором? Одна-

ко, кем бы он ни стал, он всегда будет лидером. Выдающимся врачом, удачливым адвокатом, знаменитым редактором или писателем. Но он может оказаться промышленником или банкиром.

Голубые глазки Крофорда смотрели на него не мигая.

— Вы,— сказал Виккерс,— стоите во главе наилучшей в сегодняшнем мире группы мутантов. Люди, с которыми мы не смогли вступить в контакт, потому что они слишком тесно связаны с обычным миром. Что вы можете поделать с этим, Крофорд?

— Я им ничего не скажу.

— Тогда это сделаю я.

— Нет, вы не сможете,— сказал Крофорд,— потому что лично вы — конченый человек. Как вы думаете, почему вы остались в живых? Только потому, что этого хотел я.

— Вы не думаете, что мы придем к компромиссу?

— Не исключено, но маловероятно. Вы были полезны. Теперь вы опасны.

— Вы спускаете на меня своих псов?

— Именно так я и поступлю. Прощайте, мистер Виккерс. Я был рад нашему знакомству.

— Мы еще встретимся.

— В этом я весьма сомневаюсь,— произнес Крофорд.

Глава 49

Спускаясь в лифте, Виккерс быстро перебирал в уме все возможности.

Крофорду понадобится не более получаса, чтобы оповестить всех, что запрет на его безопасность снят, и он станет дичью, которую может пристрелить любой. Иди речь только о нем, все было бы просто, но существовала Энн.

Без всякого сомнения, Энн тоже стала дичью, потому что теперь, когда кости были брошены и карты открыты, Крофорд перешел к игре без правил.

Следовало перехватить Энн. Перехватить, коротко и толково все объяснить, не дав ей возможности задавать вопросы.

Он вышел из лифта вместе с другими пассажирами и заметил, как лифтер бросился вон из кабины к ближайшему телефону.

«Сообщает обо мне»,— подумал он. В лифте наверняка стоял анализатор, сигнал которого был понятен лифтеру. Такие анализаторы стояли везде...

Стоило поступить сигналу о присутствии мутанта, как специальная группа начинала охоту за ним. Это был конец — человек не знал о нависшей угрозе. Иначе он бы мог сосредоточиться и мгновенно исчезнуть, как исчезали мутанты, когда люди Крофорда хотели встретиться с ними.

Как говорил Крофорд? «Мы звоним и ждем».

Теперь никто не звонил в дверь.

В вас стреляли из засады. Наносили удар исподтишка. Люди знали, кто вы, и сообщали всем, что вас следует убить. И у вас не оставалось никаких шансов на спасение — вас никто не мог предупредить.

Так погиб Эб, так погибли и остальные — люди Крофорда не давали своим жертвам ни секунды на размышления.

И только его, Джея Виккерса, засекли, но не трогали. То же самое касалось Энн и, может, еще одного или двух мутантов.

Теперь все изменилось. Теперь и он не лучше загнанной крысы.

Он встал на тротуаре и огляделся.

«Нужно такси,— подумал он,— хотя анализаторы наверняка стоят и там». Анализаторы стояли повсюду. И один из них был в доме Энн, иначе Крофорду не удалось бы так быстро узнать, где он.

Куда бы он ни пошел, повсюду анализаторы будут отмечать его путь.

Он остановил такси, сел в машину и назвал адрес.

Шофер, оглянувшись, с ужасом смотрел на него.

— Спокойно,— сказал Виккерс.— С вами ничего не случится, если будете вести себя тихо.

Шофер не ответил.

Виккерс подвинулся ближе к дверце.

— Ладно, приятель,— наконец сказал шофер.— Я не стану ничего предпринимать.

— Вот и хорошо,— сказал Виккерс.— Поехали.

Он смотрел на убегающие дома, искоса поглядывая на шофера, не подает ли он каких-либо сигналов, но ничего не заметил.

Он опасался, что его могли ждать в квартире Энн. Но решил рискнуть.

Такси остановилось у дома. Виккерс открыл дверцу и вылез наружу. Шофер рванул машину, не дожидаясь денег.

Виккерс кинулся к двери и, миновав лифт, бросился вверх по лестнице.

Подбежав к квартире Энн, он схватился за ручку, повернул ее, но дверь была закрыта на ключ. Он позвонил — никого. Он еще и еще нажал на звонок. Потом отошел к противоположной стене и со всего размаха бросился на дверь. Она едва покачнулась. Он попробовал еще раз. После третьей попытки замок вылетел, и Виккерс растянулся на полу.

— Энн! — крикнул он, вскочив на ноги.

Никакого ответа.

Он обежал комнаты и никого не нашел. На мгновение застыл на месте, а потом выскочил из квартиры и бросился вниз по лестнице.

Когда он оказался на тротуаре, к дому один за другим подкатили три автомобиля. Из них выскочили вооруженные люди.

Он бросился назад, к подъезду, и едва не сшиб женщину с хозяйственной сумкой в руках. Он узнал Энн и успел заметить торчавший из пакета пучок петрушки.

— Джей! — воскликнула она.— Джей, что случилось? Что это за люди?

— Быстрее проникни в мой мозг! Как делала с другими. С теми, чьи мысли читала.

— Но...

— Быстрее!

Он почувствовал, как она схватывает его мысли и ассимилирует их. Что-то ударило в стену над их головами и с визгом улетело вверх.

— Держись! — сказал он.— Мы удираем отсюда.

Он закрыл глаза и сконцентрировал всю свою волю, чтобы осуществить переход. Он ощутил дрожь Энн, потом скользнул куда-то и упал.

Он сильно ударился головой обо что-то твердое, из глаз брызнули искры, что-то задело его руку, потом на него рухнул какой-то предмет.

И тут он услышал шелест ветра в листве деревьев и открыл глаза. Он лежал на спине у подножия серой гранитной скалы. На нем покоилась громадная сумка с провизией, из которой торчал пучок петрушки.

Он сел.

— Энн! — позвал он.

— Я здесь,— ответила она.

— Все в порядке?

— Физически — да, умственно — нет. Что случилось?

— Мы свалились с этой скалы,— сказал Виккерс.

Он поднялся, протянул ей руку и помог встать.

— Но скала... Джей, где мы?

— Мы в другом мире,— ответил Виккерс.

Они стояли и смотрели на расстилающуюся перед ними равнину, пустынную и дикую, в зарослях леса между скалами, с валунами на склонах.

— В другом мире,— повторила она.— Это невероятная история из газет?!

Виккерс кивнул.

— Здесь нет ничего невероятного, Энн. Этот мир существует на самом деле.

— Ну ладно, где бы мы ни были, обед у нас с собой. Помоги собрать провизию.

Виккерс встал на корточки и принялся собирать картошку, высыпавшуюся из пакета. Пакет разорвался, когда они падали со скалы.

Глава 50

Перед ними был Манхэттен в своем первозданном виде, каким он был до прихода белого человека и до возведения прекрасных и чудовищных зданий. Совершенно нетронутый Манхэттен.

— И все же,— сказал Виккерс,— здесь что-то должно быть. Мутанты не могли не устроить здесь промежуточный склад для товаров, переправляемых в Нью-Йорк.

— А если склада нет? — спросила Энн.

Он с улыбкой посмотрел на нее.

— Любишь путешествовать?

— До Чикаго?

— За Чикаго,— сказал он.— Хотя мы можем построить плот, если найдем реку, текущую на запад.

— Должны существовать и другие центры мутантов.

— Несомненно, но, может, именно здесь ничего нет.

Она кивнула.

— Все так странно.

— Ничего странного,— сказал он.— Только неожиданно для тебя. Будь у нас время, я бы все тебе рассказал, но как раз времени у нас в обрез.

— Джей, они стреляли в нас?

Виккерс подтвердил:

— Это специальные агенты.

— Но они же человеческие существа, Джей. Как мы.

— Не как мы,— сказал Виккерс.— И такое положение раздражает их. В наши дни этого достаточно.

Он подбросил несколько веток в костер и повернулся к Энн.

— Пошли,— сказал он.— Пора трогаться в путь.

— Но, Джей, наступает ночь.

— Знаю. Если на острове что-нибудь есть, мы заметим вспышки света. С холма. Если ничего не увидим, вернемся сюда. Утром снова осмотримся.

— Джей,— сказала она,— мне кажется, что мы на пикнике.

— Не вижу связи.

— Ну, костер, еда на воздухе и...

— Сударыня, забудьте об этом,— сказал Виккерс.

Он пошел первым, а она за ним. Ночные птицы грациозно скользили над их головами. Издали донесся лай енота. Вокруг кустов кружили стаи светлячков.

Они забрались на невысокий, но крутой холм и, как только очутились на вершине, увидели огни в дальнем конце острова.

— Вот они,— сказал Виккерс.— Я думал найти их именно там.

— До них далеко. Неужели придется идти пешком?

— Возможно, и нет.

— А как...

— Ты же телепат,— подсказал Виккерс.

Она кивнула.

— Попробуй, поговори с кем-нибудь оттуда,— сказал Виккерс и вспомнил, как Фландерс говорил, раскачиваясь в кресле, что для телепатии расстояние не имеет значения — миля или световой год, разницы почти никакой.

— Ты думаешь, я смогу?

— Не знаю,— ответил Виккерс.— Тебе же не хочется идти пешком?

— Нет, очень далеко.

Они молча смотрели на крошечный островок света в сгущающейся темноте. Он попробовал представить себе расположение зданий. Вон там на древней Земле стоял Рокфеллер-Сентер, а там раскинулся Центральный парк, а дальше, в излучине Ист-Ривер,— старое здание ООН. А здесь были только деревья и трава и ни намека на сталь с бетоном.

— Джей! — шепнула Энн дрожащим от волнения голосом.

— Да?

— Мне кажется, я нащупала кого-то.

— Мужчину или женщину?

— Нет. Вроде робота. Да, он подтверждает, что является роботом. Он обещает прислать кого-нибудь, нет, что-нибудь за нами.

— Энн...

— Он просит нас подождать тут. Они сейчас прибудут.

— Энн, спроси у них, могут ли они сделать фильм?

— Фильм?

— Конечно. Кино. У них есть камера и пленка?

— Но зачем?..

— Спроси. У меня возникла мысль, как победить Крофорда.

— Джей, ты не вернешься туда!

— Еще как! — сказал Виккерс.

— Джей Виккерс, я не пущу тебя!

— Ты не можешь задерживать меня,— сказал Виккерс.— А теперь сядем и подождем.

Они уселись рядом.

— Я расскажу тебе одну историю,— сказал Виккерс.— Об одном мальчугане. Его звали Джей Виккерс, и он был очень-очень юн...

Он вдруг остановился.

— Слушаю тебя,— сказала она.— Продолжай.

— В другой раз. Расскажу попозже.

— Почему? Я хочу послушать ее сейчас.

— Только не при этом лунном свете,— произнес Виккерс.— Не время.

Прежде всего усилием воли он отгородил свои мысли и мозг от еще неумелой Энн и только тогда позволил себе подумать: «А могу ли я сказать ей, что мы ближе друг другу, чем она полагает, что мы вышли из одной жизни и вернемся в одно тело и никогда не сможем любить друг друга?»

Она прижалась к нему, положила голову ему на плечо и стала смотреть в небо.

— Все проясняется,— сказала она.— И не все столь странно выглядит. И все кажется верным. Новым, но верным. Этот другой мир, и все наши способности, и странные воспоминания...

Он обнял ее за плечи, она повернула голову и быстро, не раздумывая, поцеловала его.

— Мы будем счастливы,— сказала она.— Мы оба будем счастливы в этом новом мире.

— Конечно, мы будем счастливы,— согласился Виккерс.

Теперь он никогда не сможет ей сказать всей правды. Она узнает обо всем, но не от него.

Глава 51

В трубке послышался женский голос, и Виккерс попросил к телефону Крофорда.

— Мистер Крофорд на заседании,— ответила девушка.

— Скажите, что звонит Виккерс.

— Мистер Крофорд не сможет... Вы сказали, Виккерс? Джей Виккерс?

— Да. Я должен кое-что ему сообщить.

Он ждал, спрашивая себя, сколько у него времени, ведь анализатор в телефонной будке должен был уже подать сигнал о его присутствии. Бригада убийц, наверно, была в пути.

Раздался голос Крофорда:

— Хэлло, Виккерс.

— Отзовите своих псов,— сказал Виккерс.— Из-за них мы с вами теряем время.

В голосе Крофорда послышалась злость:

— Я, кажется, вас предупредил...

— Успокойтесь,— сказал Виккерс.— У вас нет никаких шансов прикончить меня. У ваших людей ничего не выйдет, даже если они загонят меня в угол. А раз вы не можете убрать меня, лучше со мной побеседовать.

— Побеседовать?

— Конечно.

— Послушайте, Виккерс, я не...

— Вы можете,— возразил Виккерс.— История с другим миром пользуется широким успехом. Фантазеры создали ей отличную рекламу, дело приобретает размах, а ваша позиция становится все более и более шаткой. Пора учиться уму-разуму.

— Я заседаю со своими заместителями,— сказал Крофорд.

— Прекрасно. Именно с ними мне и хотелось бы побеседовать.

— Виккерс, не стоит,— сказал Крофорд.— Вы ничего от них не добьетесь. Что бы вы ни замышляли, у вас ничего не вый-

дет. Вас не выпустят живым. И я ничем не смогу вам помочь, если вы будете упорствовать с вашим безумным замыслом.

— Я иду.

— Вы мне нравитесь, Виккерс. Не знаю почему. У меня нет причин...

— Я иду.

— Хорошо,— устало согласился Крофорд.— Вы сами этого пожелали.

Виккерс взял с пола коробку с фильмом и вышел из будки. Кабина лифта была внизу, и он быстро направился прямо к ней, чуть-чуть сгорбившись, словно опасаясь пули в спину.

— Четвертый этаж,— сказал он.

Лифтер не моргнул. Анализатор подал сигнал, но, по-видимому, по отношению к посетителям четвертого этажа у лифтера были специальные распоряжения.

Виккерс открыл дверь Североамериканского исследовательского бюро и увидел Крофорда, который ждал его в приемной.

— Проходите,— сказал Крофорд и двинулся вперед по длинному коридору.

Виккерс последовал за ним. Он взглянул на часы. Все шло лучше, чем он ожидал. У него в запасе оставалось две-три минуты. Разговор с Крофордом оказался недолгим.

Энн позвонит через десять минут. От того, что случится за это время, зависел успех дела.

Крофорд остановился перед дверью в конце коридора.

— Вы знаете, что делаете, Виккерс?

Виккерс утвердительно кивнул.

— Малейший ложный шаг и...

Присвистнув, Крофорд провел пальцем по горлу.

— Понимаю,— сказал Виккерс.

— Это отчаявшиеся люди. Еще есть время уйти. Я не сообщил о вашем визите.

— Не надо меня подзадоривать, Крофорд.

— Что это у вас?

— Документальный фильм. С его помощью меня легче поймут. У вас есть кинопроектор?

Крофорд кивнул.

— Но нет киномеханика.

— Я все сделаю сам,— сказал Виккерс.

— Компромисс?

— Выход.

— Хорошо. Входите.

Шторы были задернуты, в мягком свете Виккерс увидел сидящих за длинным столом людей — их белые лица были повернуты в его сторону.

Утопая в мягком ковре, Виккерс прошел за Крофордом через всю комнату. Некоторые лица были ему знакомы.

Справа от Крофорда сидел крупнейший финансовый магнат, за ним — частый посетитель Белого дома, выполнявший поручения официозного характера. Были там и другие известные ему личности. Многих он не знал, но их внешний вид говорил о том, что это не американцы.

Итак, здесь собрался административный совет Североамериканского исследовательского бюро — люди, ведавшие судьбами обычных людей, которые решили покончить с мутантами.

— Произошло нечто совершенно неожиданное,— сказал Крофорд.— Даже невероятное. К нам явился мутант.

В полной тишине сидевшие вокруг стола посмотрели на Виккерса и вновь повернулись к Крофорду, который продолжал:

— Мистер Виккерс нам всем знаком. Он явился сюда по собственной инициативе с целью, как он сообщил мне, найти подходящее решение. Он не сказал мне, каков характер решения. Я привел его сюда. Хотите ли вы его выслушать?

— Конечно,— послышались голоса.— Пусть говорит.

Крофорд обратился к Виккерсу:

— Говорите.

Виккерс подошел к столу. «Чем быстрей, тем лучше,— подумал он.— Тогда пойдет хорошо. Только не оступиться. Иначе все пропало. Победа или поражение, промежуточного решения нет, запасного выхода тоже».

Он поставил коробку с фильмом на стол, улыбнулся и сказал:

— Это не адская машина, господа. Это фильм, который я хочу вам показать чуть позже.

Никто не улыбнулся. Они смотрели на него, и их лица не выражали ничего, кроме холодной ненависти.

— Вы хотите начать войну,— сказал он.— Вы собрались, чтобы решить, давать сигнал или нет...

Побелевшие от напряжения лица наклонились вперед.

— Я пришел,— сказал Виккерс,— дабы предотвратить войну.

Он сунул руку в карман, затем быстро вынул и поставил на стол какой-то предмет.

— Это волчок,— пояснил он.— Детская игрушка. Дети играют, вернее, играли с ней.

— Волчок?! — воскликнул кто-то.— Что за абсурд?

Но банкир справа от него мечтательно проговорил:

— У меня был такой же, когда я был мальчуганом. Сейчас их нигде не делают.

Он протянул руку, взял волчок и запустил его прямо на столе. Остальные с интересом смотрели на него.

Виккерс бросил взгляд на часы. Все шло, как он планировал. Если так пойдет и дальше...

— Вы помните волчок, Крофорд? — спросил Виккерс.— Тот, что вы видели тогда в моем номере?

— Помню,— отозвался Крофорд.

— Вы запустили его, и он исчез.

— А потом он вернулся.

— Крофорд, почему вы запустили волчок?

Крофорд нервно облизал губы.

— Почему? По правде говоря, не знаю. Я, наверно, хотел воскресить детство, опять превратиться в мальчишку.

— Вы спросили: «Зачем нужен волчок?»

— А вы ответили: «Чтобы отправиться в сказочную страну»,— и я сказал вам, что неделей раньше счел бы вас сумасшедшим, и вы то же самое сказали по поводу нашей с вами беседы.

— Но перед моим приходом вы запустили волчок. Скажите, Крофорд, почему вы это сделали?

Позади Виккерса открылась дверь. Он повернул голову и увидел, что секретарша зовет Крофорда.

«Вовремя,— подумал он.— Все идет как по маслу».

Энн позвонила и вызвала Крофорда из комнаты. В этом заключался его план — в присутствии Крофорда его бы постигла неудача.

— Мистер Виккерс,— сказал банкир,— меня очень заинтересовала эта история с волчком. Какая связь между волчком и интересующим нас делом?

— Я хочу провести аналогию,— сообщил Виккерс.— Между обычными людьми и мутантами существуют некоторые коренные различия, которые станут понятнее после демонстрации волчка. Но прежде я хочу вам показать фильм. Затем приступлю к объяснениям. Разрешите начать?

— Конечно,— сказал банкир.— Приступайте.

Виккерс поднялся по ступенькам в кинобудку.

Надо было действовать быстро и наверняка — Энн не сможет долго удерживать Крофорда у телефона, и минут через пять он вернется.

Трясущимися руками он вставил бобину с пленкой, пропустил пленку между линзами, установил нижнюю бобину. Проверил. Все, кажется, было в порядке.

Он нашел выключатели и повернул их, световой конус вспыхнул над столом, и на экране появился ярко раскрашенный волчок, он вращался, его полоски появлялись и исчезали, появлялись и исчезали.

Послышался голос:

— Перед вами волчок, простая игрушка, но он создает одну из самых удивительных иллюзий...

Слова звучали верно, Виккерс знал это. Роботы-эксперты нашли верные слова, произнесли их с верной интонацией, придав им точный семантический смысл. Слова найдут своих слушателей, заострят их внимание на волчке с самых первых секунд.

Он тихо спустился по ступеням и направился к двери. Если Крофорд вернется, он задержит его на нужное время.

Голос продолжал:

— Теперь, если вы посмотрите внимательно, то увидите, что цветные полоски пересекают тело волчка и исчезают. Ребенок, наблюдающий за цветными полосками, может спросить, куда они бегут, и любой другой...

Он считал секунды. Они тянулись бесконечно.

Голос продолжал:

— Смотрите внимательно, они появляются и исчезают, появляются и исчезают, появляются и исчезают...

За столом уже осталось только три человека, они так внимательно смотрели на экран, что не заметили исчезновения остальных. И только эти трое, по-видимому, не были скрытыми мутантами.

Виккерс тихо открыл дверь, проскользнул в нее и закрыл за собой.

Мягкий, вкрадчивый голос остался за дверью:

— Появляются и исчезают...

Крофорд тяжелым шагом шел по коридору.

Он увидел Виккерса и остановился.

— Что вы тут делаете? Почему вы ушли?

— Позвольте вам задать вопрос,— сказал Виккерс,— на который вы так и не ответили. Почему вы запустили волчок?

— Я сам не могу понять, Виккерс. Как это ни бессмысленно, но я тоже однажды побывал в сказочной стране. Точно как вы, когда был ребенком. Я вспомнил об этом после разговора с вами. Может, именно из-за него. Я вспомнил, как сидел на полу, смотрел на вращающийся волчок и спрашивал себя, куда уходят полоски. Вы знаете, они появляются и исчезают, потом появляются другие и тоже исчезают — и я спрашивал себя, куда они уходят, и так увлекся, что последовал за ними и оказался в сказочной стране, где было много цветов. Я сорвал один цветок и, когда вернулся, обнаружил его у себя в руке и понял, что действительно побывал в сказочной стране. Вы знаете, стояла зима, и цветов нигде не было, но когда я показал цветок матери...

— Достаточно,— с нескрываемой радостью прервал его Виккерс.— Я хотел знать только это.

Крофорд уставился на него.

— Вы не верите мне?

— Верю.

— Что с вами, Виккерс?

— Со мной все в порядке,— ответил Виккерс.

Третьим человеком была не Энн Картер!

Фландерс, он и Крофорд — вот кто делил между собой жизнь, извлеченную из тела Джея Виккерса.

А Энн?

Энн несла в себе жизнь девушки, которая гуляла с ним по долине, девушки, которую он помнил под именем Кэтлин Престон, но которую звали иначе. Ведь Энн помнила и долину, и прогулку с кем-то по этой весенней долине.

Быть может, их было больше, чем одна Энн. Могло быть три Энн, как было три Виккерса, но это уже не имело значения. Может, Энн на самом деле звали Энн Картер, как его звали Джей Виккерс. Может, это означало, что по возвращении трех частей единой жизни в одно тело в нем будет доминировать его собственное сознание, как сознание Энн в ее подлинном теле.

Теперь он мог любить Энн. Ведь оказалось, что она вовсе не часть его самого.

Энн, его Энн вернулась на эту Землю, чтобы позвонить и вызвать Крофорда, который мог заподозрить опасность, увидев вращающийся волчок на экране, а теперь она была уже на той Земле.

Теперь он тоже может возвращаться — Энн ждет его. И они будут счастливы, как сказала она, когда они сидели на Манхэттенском холме, ожидая роботов.

— Ну ладно,— сказал Крофорд.— Пошли в зал.

Виккерс остановил его:

— Нет смысла. Ваших заместителей там нет. Они в другом мире. В том, о котором говорят на всех перекрестках.

Крофорд глянул на него.

— Волчок!

— Верно.

— Мы начнем снова,— сказал Крофорд.— Еще один совет. Еще один...

— Поздно,— прервал его Виккерс.— С этой Землей покончено. Люди покидают ее. А кто останется, не станет вас слушать.

— Я убью вас, Виккерс,— пригрозил Крофорд.

— Нет, не убьете.

Напрягшись, они молча стояли друг против друга.

— Да,— выговорил Крофорд,— не могу. Хотел бы, но не могу. Почему я не могу поднять на вас руку, Виккерс?

Виккерс взял его за локоть.

— Пошли, друг,— тихо сказал он.— Нет, не друг... брат.

ВСЯ ПЛОТЬ – ТРАВА

Когда я выехал из нашего городишки и повернул на шоссе, позади оказался грузовик. Это была тяжелая громадина с прицепом, и неслась она во весь дух. Шоссе здесь срезает угол городка, и скорость разрешается не больше сорока пяти миль в час, но в такую рань, понятно, никто не станет обращать внимание на дорожные знаки.

Впрочем, я тотчас забыл о грузовике. Примерно через милю, у «Стоянки Джонни», я обещал подобрать Элфа Питерсона; он, должно быть, уже ждал меня там со своей рыболовной снастью. Было и еще о чем подумать: прежде всего загадочный телефон, и с кем я все-таки говорил? Три разных голоса, но все какие-то странные, и почему-то казалось — это один и тот же голос так чудно меняется, он мне даже знаком, только никак не сообразить, кто же это. Затем Джералд Шервуд — как он сидит у себя в кабинете, где две стены сплошь заставлены книгами, и рассказывает мне о рабочих чертежах, что непрошеные, сами собой, возникают у него в голове. И еще Шкалик Грант — как он меня заклинал не допустить, чтобы сбросили бомбу. И про полторы тысячи долларов тоже следовало подумать.

Дорога вела прямо к владениям Шервуда, но дом его на вершине холма было не разглядеть, он совсем терялся среди вековых дубов, которые обступали его со всех сторон, огромные и черные в предрассветной мгле. Глядя на вершину холма, я позабыл и про телефон, и про Джералда Шервуда, его заставленный книгами кабинет и голову, битком набитую проектами, и стал думать о Нэнси — мы когда-то вместе учились в школе и вот снова встретились после стольких лет. Мне вспомнились дни, когда мы с ней были неразлучны и всюду ходили, взявшись за руки, неповторимо гордые и счастливые,— так бывает только раз в жизни, в юности, когда весь мир молод и первая, безоглядная любовь ошеломляет свежестью и новизной.

Передо мною лежало широкое пустынное шоссе, рассчитанное на езду в четыре ряда, миль через двадцать оно сузится

до двухрядного. Сейчас на нем только и были, что моя машина да тот грузовик, он мчал полным ходом. По отражению его фар в моем зеркальце я понимал, что он вот-вот меня обгонит.

Я ехал не быстро, места для обгона было вдоволь, наткнуться не на что — и вдруг я на что-то наткнулся.

Словно уперся в протянутую поперек дороги полосу очень прочной резины. Ни стука, ни треска. Просто машина стала замедлять ход, как будто я нажал на тормоза. Ничего не было видно, и я снова подумал: что-то стряслось с машиной — мотор забарахлил, тормоз отказал или еще что-нибудь неладно. Я снял ногу с педали, и машина остановилась, а потом стала пятиться — быстрей, быстрей, точно я и впрямь уткнулся в упругую ленту и она прогнулась, а теперь расправляется. Завизжали покрышки, запахло резиной; тогда я выключил мотор — и тотчас машину отбросило назад, да так, что меня швырнуло на баранку.

Позади яростно взревел клаксон, стоном застонали шины, грузовик круто вильнул в сторону, чтобы не напороться на меня. Он со свистом пронесся мимо, казалось, шины смачно причмокивают, всасывая в себя шоссе, и огромная махина свирепо рычит на меня, как на досадную помеху. Он промчался, а моя машина наконец остановилась на самой обочине.

И тут грузовик налетел на тот же заслон, что и я. Послышалось что-то вроде негромкого всплеска. Я подумал: пожалуй, грузовик прорвет эту непонятную преграду, уж очень он был большой, тяжелый, и гнал во всю мочь, и еще секунду-другую ничуть не сбавлял скорость. А потом он все-таки стал замедлять ход, и я видел: огромные колеса скользят и подскакивают, упрямо вертятся вхолостую — и нисколько не продвигаются вперед. Тяжелая машина пролетела дальше того места, где сперва остановился я, футов на сто. Потом остановилась, забуксовала и начала скользить назад. Сперва плавно, только покрышки визжали, сползая по асфальту, а потом ее занесло. Прицеп вывернулся вбок и стал пятиться поперек дороги, прямо на меня.

Все это время я преспокойно сидел за рулем, не ошарашенный случившимся, даже не слишком удивленный. Просто не успел удивиться. Да, конечно, произошло что-то странное, но, видно, ощущение у меня было такое: вот сейчас соберусь с мыслями — и все станет на свои места.

Итак, я сидел и смотрел, что творится с грузовиком. Но когда его стало отжимать назад, а прицеп занесло вбок, я схва-

тился за ручку, наддал плечом на дверцу и вывалился из машины. Треснулся об асфальт, кое-как вскочил и кинулся бежать.

Позади раздался визг покрышек, металлический грохот и лязг — тут я соскочил на поросшую травой обочину и оглянулся. Прицеп врезался в мою машину, свалил ее в канаву и теперь медленно, чуть ли не величественно опрокидывался туда же, прямо на нее.

— Эй ты! — заорал я.

Толку, понятно, никакого, да я и не ждал толку. Просто сорвалось с языка.

Грузовик удержался на дороге, только накренился так, что одно колесо повисло в воздухе. Из кабины осторожно выбирался водитель.

Вокруг было тихо, мирно. На западе по еще темному небосклону метались зарницы. В воздухе та свежесть, что бывает только ранним летним утром, пока не взошло солнце и на тебя не обрушилась жара. Справа на улице еще горели фонари — яркие, неподвижные в полнейшем безветрии.

«Чудесное утро,— подумал я,— в такое утро просто не может случиться ничего худого».

На шоссе по-прежнему было пусто — только я да водитель грузовика, его машина наполовину сползла в канаву, придавив мою. Он направился ко мне.

Подошел, остановился, свесив руки, поглядел на меня круглыми глазами.

— Что за чертовщина? — сказал он.— На что это мы напоролись?

— Понятия не имею,— ответил я.

— Вашей машине досталось, уж не взыщите,— продолжал он.— Я доложу, как было дело. Убытки вам возместят.

Он стоял передо мной, точно в землю врос и никогда уже не сдвинется.

— Надо же — споткнуться о пустое место! Тут же ничего нет! — сказал он. В нем разгоралась злость.— Нет, черт подери, сейчас я докопаюсь, что там такое!

Он круто повернулся и зашагал туда, где мы налетели на невидимое препятствие. Я пошел за ним. Он глухо ворчал, точно разъяренный кабан.

Шагая по самой середине шоссе, он наткнулся на ту же невидимую преграду, но теперь он уже себя не помнил от бешенства и не собирался отступать — он все рвался вперед, я

никак не ждал, что он пройдет так далеко. Но в конце концов непонятная помеха все-таки остановила его, и секунду он стоял, нелепо наклонясь, упираясь всем телом в пустоту, и упрямо переступал ногами: как будто работали хорошо смазанные рычаги, тщетно силясь сдвинуть его еще хоть на шаг вперед. В утренней тишине громко шаркали по асфальту тяжелые башмаки.

А потом загадочный барьер задал ему жару. Его отшвырнуло прочь — будто внезапным порывом ветра свалило с ног, и он покатился кувырком по шоссе. Наконец он влетел под задранный в небо нос своего же грузовика и там застрял.

Я подбежал к нему, выволок за ноги из-под машины и помог подняться. Он был весь в кровоточащих ссадинах — ободрало асфальтом,— одежда разорвана и перепачкана. Но злость как рукой сняло — теперь он попросту перепугался. Он с ужасом глядел на дорогу, будто ему там явилось привидение, и его била дрожь.

— Там же ничего нет! — сказал он.

— Скоро день, пойдут машины, а ваша торчит на самом ходу,— сказал я.— Может, выставим сигналы, фонари, что ли, или флажки?

Тут он словно опомнился:

— Флажки.

Залез в свою кабину, вытащил сигнальные флажки и пошел расставлять их поперек шоссе. Я шагал рядом.

Установив последний флажок, он присел на корточки, вытащил платок и стал утирать лицо.

— Где тут телефон? — спросил он.— Надо вызвать подмогу.

— Кто-нибудь должен сообразить, как снять этот барьер,— сказал я.— Скоро здесь набьется полно машин. Такая будет пробка — на несколько миль.

Он все утирал лицо. Оно было в пыли и в смазке. И ссадины еще кровоточили.

— Так откуда тут позвонить? — повторил он.

— Да откуда угодно,— сказал я.— Зайдите в любой дом, к телефону всюду пустят.

А про себя подумал: ну и ну, разговариваем так, будто на дороге нет ничего необыкновенного, просто дерево упало поперек или канаву размыло.

— Послушайте, а как называется это место? Надо же им сказать, где я застрял.

— Милвилл,— сказал я.

— Вы здешний?

Я кивнул.

Он поднялся, засунул платок в карман.

— Ладно,— сказал он.— Пойду поищу телефон.

Он ждал, что я пойду с ним, но у меня была другая забота. Надо было обойти эту непонятную штуку, которая перегородила шоссе, добраться до «Стоянки Джонни» и объяснить Элфу, почему я задержался.

Я стоял и смотрел вслед водителю грузовика.

Потом повернулся и пошел в другую сторону, к тому невидимому, что останавливало машины. Оно остановило и меня — не рывком, не толчком, а мягко: словно, отнюдь не собираясь меня пропустить, предпочитало при этом сохранять учтивость и благоразумие. Я протянул руку — ничего! Я пытался нащупать невидимую стену, потереть ее, погладить... но погладить было нечего, моя ладонь ничего не ощущала, под нею ничего не было, ровным счетом ничего — одна лишь непонятная сила, которая мягко отталкивала, отжимала меня прочь.

Я посмотрел в один конец шоссе, потом в другой — никаких машин все еще не было, но я знал, скоро они появятся. Может, расставить флажки по ту сторону барьера, чтоб встречные машины на него не напоролись? Надо же предупредить людей, раз тут неладно. Это минутное дело, поставлю их на ходу, когда буду огибать барьер, чтоб добраться до «Стоянки Джонни».

Я вернулся к грузовику, нашел в кабине два флажка, спустился с насыпи в кювет и стал взбираться на холм, думая обойти невидимый барьер по кривой,— и, описывая эту широкую кривую, снова наткнулся на преграду. Я попятился и пошел вдоль нее, все время взбираясь в гору. Это оказалось нелегко. Будь этот самый барьер обыкновенной стеной или забором, все было бы просто, но он был невидим, и я то и дело на него наталкивался. Вот таким-то способом и пришлось определять, где он: упрешься в него, вильнешь в сторону, потом опять упрешься...

Я думал, барьер вот-вот кончится или, может быть, станет потоньше. Несколько раз пытался пойти напролом, но преграда была все такой же плотной и неподатливой. Страшная мысль шевельнулась у меня в голове. И чем выше взбирался я на холм, тем настойчивее становилась эта мысль. Наверно, тогда-то я и обронил флажки.

Внизу послышался скрип буксующих колес, и я обернулся. Машина, направлявшаяся на восток, нам навстречу, уперлась

в барьер, и теперь ее заносило назад и вбок, поперек шоссе. Другая машина, шедшая следом, пыталась затормозить. Но то ли тормоза отказали, то ли слишком она разогналась — и не смогла остановиться вовремя. У меня на глазах шофер круто свернул, машина съехала одним боком на траву и все-таки другим слегка задела ту, что стояла поперек. Потом наткнулась на барьер, но скорость была уже невелика, и машина мало продвинулась вглубь. Барьер медленно отжал ее назад, она уткнулась в первую машину и остановилась.

Первый шофер выбрался наружу и двинулся в обход своей машины ко второму автомобилю. И вдруг вскинул голову — видно, заметив меня. Он замахал руками, что-то закричал, но на таком расстоянии я не разобрал слов.

На нашей стороне шоссе все еще было пусто, если не считать моей машины и подмявшего ее грузовика.

«Странно, почему больше никто не едет на запад?» — мелькнуло у меня в голове.

На холме стоял дом, почему-то я его не узнал. Не мог же я не знать хозяев, ведь я всю жизнь прожил в Милвилле, только на год уезжал в колледж, и все милвиллцы мне хорошо знакомы. Непонятно почему, на минуту у меня в голове все перепуталось. Я ничего вокруг не узнавал и стоял в растерянности, пытаясь понять, куда же меня занесло.

Восток все светлел, еще полчаса — и взойдет солнце. На западе громоздились гневные тучи, их опять и опять взмахами огненной шпаги прорезала молния: надвигалась гроза.

Я стоял и смотрел вниз, на наш городишко, и наконец понял, где я: на холме живет Билл Доневен, мусорщик.

Вдоль невидимого барьера я двинулся к дому Билла и на мгновение усомнился: а не окажется ли он по ту сторону? Нет, скорее по эту, но впритык к барьеру.

Я дошел до забора, перелез через него и зашагал по захламленному двору к покосившемуся заднему крыльцу. Осторожно поднялся по шатким ступеням, поискал глазами звонок. Звонка не оказалось. Я постучал в дверь кулаком и стал ждать. В доме послышалось движение, дверь распахнулась — на пороге стоял Билл, он в недоумении уставился на меня. Огромный, косматый, как медведь, волосы дыбом, свирепые брови насуплены. Поверх пижамы он натянул брюки, но не успел застегнуть их, так что клок лиловой пижамы торчал наружу. Обуться он тоже не успел и стоял босой, зябко поджимая пальцы: пол в кухне был холодный.

— Что случилось, Брэд? — спросил он.

— Сам не знаю,— сказал я.— На шоссе творится что-то непонятное.

— Авария?

— Не авария. Говорю тебе, сам не знаю, в чем дело. Поперек дороги какой-то барьер. Его не видно, а проехать нельзя. Упрешься в него — и ни с места. Вроде как стена, только ее ни потрогать, ни нащупать нельзя.

— Входи-ка,— сказал Билл.— Выпей чашку кофе, тебе не повредит. Сейчас сварю. Все равно пора завтракать. Жена уже встает.

Он протянул руку и зажег в кухне свет, потом посторонился, давая мне пройти. Шагнул к раковине, снял с полки стакан и отвернул кран.

— Надо немного слить, а то теплая,— пояснил он. Наполнил стакан холодной водой и протянул мне: — Выпей.

— Спасибо, не хочу,— сказал я.

Билл поднес стакан к губам и стал пить большими, шумными глотками.

Где-то в доме раздался отчаянный женский вопль. Проживи я хоть до ста лет, мне его не забыть.

Доневен выронил стакан — расплескалась вода, брызнули осколки.

— Лиз! — закричал он.— Лиз, что с тобой?

Он бросился вон из кухни, а я застыл на месте, не сводя глаз с кровавых следов на полу: Доневен босыми ногами напоролся на стекло.

Опять закричала женщина, но на этот раз глуше, словно уткнулась лицом в подушку или в стену.

Я наугад прошел из кухни в столовую, споткнулся то ли о скамеечку, то ли о какую-то игрушку, пролетел до середины комнаты, изо всех сил стараясь не упасть и не грохнуться головой о стол или стул... и снова налетел на ту же упругую стену, что остановила меня на шоссе. Я уперся в нее, навалился на нее всем телом, кое-как выпрямился и стал посреди столовой, в полутьме, перед этой невидимой стеной; мороз продирал по коже, все внутри переворачивалось от страха.

Я больше не касался этой стены, но чувствовал: вот она, передо мной. Там, на дороге, под открытым небом, я только изумлялся и недоумевал — но тут, в доме, в обычном человеческом жилище, мне стало по-настоящему жутко от этого непостижимого, дьявольского наваждения.

— Дети! — кричала женщина.— Я не могу попасть к детям!

Теперь, хоть окна были занавешены, я немного осмотрелся. Разглядел стол, буфет и дверь, ведущую в коридор и дальше в спальню.

На пороге появился Доневен. Он вел жену, вернее сказать, почти нес на руках.

— Я хотела к детям! — кричала она.— Там... там что-то есть, оно меня не пускает. Я не могу пройти к детям!

Доневен посадил ее прямо на пол, прислонил к стене и осторожно опустился рядом на колени. Потом поднял голову и посмотрел на меня, в глазах у него были и растерянность, и ярость, и страх.

— Это тот самый барьер,— сказал я.— Тот, что на шоссе. Он проходит через ваш дом.

— Но я не вижу никакого барьера,— возразил Доневен.

— Его никто не видит, черт бы его побрал. Но все равно он тут.

— Как же нам быть?

— С детьми ничего не случилось,— уверил я, от души надеясь, что так оно и есть.— Просто они по ту сторону барьера. Мы не можем добраться до них, а они до нас, но с ними ничего худого не случилось.

— Я только пошла на них поглядеть,— повторяла женщина.— Встала, пошла на них поглядеть, а там, в коридоре, что-то есть... и оно не пускает...

— Сколько у вас детей? — спросил я.

— Двое,— ответил Доневен.— Меньшому шесть, старшему восемь.

— А нельзя кому-нибудь позвонить? Есть у вас кто-нибудь, кто живет не в самом Милвилле? Пускай приедут, возьмут детишек и позаботятся о них, пока мы тут разберемся, что к чему. Кончается же где-нибудь эта стена. Я как раз и искал, где ей конец...

— У нее есть сестра,— кивнул Доневен на жену.— Живет от нас миль за пять, дальше по шоссе.

— Вот ты ей и позвони,— сказал я.

И тут меня как обухом по голове стукнуло: а вдруг телефон не работает? Вдруг этот окаянный барьер перерезал провода?

— Посидишь минутку одна, Лиз? — спросил Доневен.

Жена только мотнула головой; она все еще сидела на полу и даже не пыталась подняться.

— Пойду позвоню Мирт,— сказал он.

Я прошел за ним в кухню; телефон висел на стене, и, когда Билл взялся за трубку, я затаил дыхание и отчаянно взмолился про себя: только бы работал! На сей раз мои надежды не остались втуне: едва Билл снял трубку, я услышал слабое жужжание — линия работала.

Из столовой доносились приглушенные всхлипывания миссис Доневен.

Грубыми, корявыми пальцами, темными от несмываемой, въевшейся в кожу грязи, Доневен стал поворачивать диск; видно было, что занятие это ему не в привычку. Наконец он набрал номер.

Он ждал, прижав трубку к уху. В кухне стояла такая тишина, что я отчетливо слышал гудки.

— Это ты, Мирт? — сказал потом Доневен.— Да, это я, Билл. У нас тут вышла заварушка. Может, вы с Джейком приедете?.. Да нет, просто что-то неладно, Мирт. Не могу толком объяснить. Может, вы приедете и заберете ребят? Только идите с парадного крыльца. С черного не войти... Да, вот такая чертовщина, ничего понять нельзя. Вроде какая-то стенка появилась. Мы с Лиз сидим в задних комнатах, а в передние пройти не можем. А ребятишки там... Нет, Мирт, я и сам не знаю, что это такое. Только ты уж делай, как я говорю. Детишки там одни, и нам до них никак не добраться... Ну да, так весь дом и перегородило. Скажи Джейку, пускай прихватит с собой топор. Эта штука перегородила дом напополам. Парадная дверь на запоре, придется Джейку ее ломать. Или пускай окно выбьет, может, это проще... Ну да, ну да, я прекрасно понимаю, что говорю. А ты давай не спорь. Что угодно ломайте, только вытащите ребят. Ничего я не спятил. Говорят тебе, тут что-то неладно. Что-то стряслось неладное. Ты знай слушай, Мирт, и делай, что говорят... Да плевать на дверь, ломайте ее к чертям. Так ли, эдак ли, только вытащите малышей и приглядите за ними, пока мы тут торчим.

Он повесил трубку и обернулся ко мне. Рукавом утер взмокший лоб.

— Вот бестолочь,— сказал он.— Спорит и спорит. Лишь бы языком трепать...— Он поглядел на меня.— Ну, дальше что?

— Пойдем вдоль барьера,— сказал я.— Посмотрим, докуда он тянется. Глядишь, и отыщем такое место, где его можно обойти. Тогда и доберемся до ваших малышей.

— Пошли.

Я махнул в сторону столовой:

— А жену одну оставишь?

— Нет,— сказал он.— Нет, это не годится. Ты ступай вперед. Мирт с Джейком приедут, заберут ребят. А я сведу Лиз к кому-нибудь из соседей. И тогда уж тебя догоню. Дело такое, может, тебе понадобится подмога.

— Спасибо,— сказал я.

За окнами, по холмам и полям, уже понемногу разливался бледный предутренний свет. От всего исходило призрачное сияние — не то чтобы белое, но и не какого-нибудь определенного цвета,— так бывает только ранней ранью в августе.

Внизу, на шоссе, по ту сторону барьера, сгрудились десятка два машин, державших путь нам навстречу, на восток; кучками стояли люди. До меня доносился громкий голос, он с жаром, не умолкая, что-то выкрикивал, такой неугомонный горлопан непременно найдется в любой толпе. Кто-то развел на зеленой разделительной полосе небольшой костер, непонятно зачем,— утро выдалось совсем теплое, а днем наверняка будет жара невыносимая.

И тут я вспомнил: я же хотел как-то связаться с Элфом и предупредить, что не приеду. Надо было позвонить от Доневена, а я совсем про это забыл. Я стоял в нерешительности: может, все-таки вернуться? Ведь ради этого телефонного звонка я и зашел к Доневену.

На шоссе скопились машины, идущие на восток, а на запад держали путь только моя машина да придавивший ее грузовик — стало быть, где-то дальше на востоке дорога тоже перекрыта. Так может быть... может быть, Милвилл огорожен со всех сторон?

Я раздумал звонить и двинулся в обход дома. Снова наткнулся на невидимую стену и пошел вдоль нее. Теперь я уже немного освоился с нею. Я смутно ощущал, что она здесь, рядом, и шел, доверяясь этому ощущению, так что держался чуть поодаль и лишь изредка все же на нее натыкался. В общем, барьер шел по окраине Милвилла, лишь несколько одиноких домишек остались по другую сторону. Идя вдоль него, я пересек несколько тропинок, миновал две-три улочки, которые никуда не вели, а просто обрывались на краю поля, и наконец дошел до неширокой дороги, что соединяет Милвилл с Кун Вэли,— это от нас миль за десять.

Дорога здесь спускается к Милвиллу по отлогому склону, и на склоне, сразу за барьером, стояла машина — старый-престарый расхлябанный драндулет. Мотор работал, дверца со стороны водителя была распахнута настежь, но внутри и вокруг — ни души. Похоже, что водитель, наткнувшись на невидимую стену, перетрусил и бежал куда глаза глядят.

Пока я стоял и смотрел, тормоза стали отпускать и драндулет двинулся вперед — сперва еле-еле, чуть заметно, потом быстрей, быстрей; под конец тормоза отказали начисто, машина рванулась под гору, через барьер, и налетела на дерево. Она медленно опрокинулась набок, из-под капота просочилась струйка дыма.

Но я вмиг забыл о машине: тут было кое-что поважней. Я бегом кинулся туда.

Драндулет прошел сквозь барьер, проехал дальше по дороге и разбился — значит, в этом месте никакого барьера нет! Я дошел до конца!

Я бежал по дороге вне себя от радости, у меня гора с плеч свалилась, ведь я все время втайне опасался — и с большим трудом подавлял это чувство,— что барьер идет вокруг всего Милвилла. Но облегчения и радости хватило не надолго — я опять грохнулся о барьер. Грохнулся изрядно, потому что налетел на него с разбегу, ведь я был уверен, что его здесь нет, и очень спешил в этом утвердиться. С разгона я продвинулся еще на три прыжка, глубже врезался в невидимое — и тут оно меня отшвырнуло. Я распластался на спине, с маху ударился затылком о мостовую. Из глаз посыпались искры.

Я медленно перекатился на бок, встал на четвереньки и постоял так минуту-другую, точно пес, угодивший под колеса; голова бессильно болталась, и я изредка поматывал ею, пытаясь избавиться от искр, которые все еще мелькали перед глазами.

На дороге затрещало, взревело пламя, и я вскочил. Ноги подгибались, меня шатало и качало, но надо было уходить. Разбитая машина горела как свеча, того и гляди, пламя дойдет до бензобака и ее взорвет ко всем чертям.

Впрочем, эффект оказался куда скромнее, чем я ожидал: в машине глухо, свирепо фыркнуло© и взвился огненный фонтан. Все-таки получилось достаточно шумно, и кое-кто вышел посмотреть, что происходит. По дороге бежали доктор Фабиан и адвокат Николс, а за ними с громкими криками и лаем неслась орава мальчишек и собак.

Пожалуй, стоило бы их дождаться: я многое мог им сказать и мне не хватало слушателей,— но я тут же передумал. Медлить нельзя, надо проследить, куда идет дальше этот барьер, и найти, где он кончается... если только он где-нибудь кончается.

В голове у меня стало проясняться, перед глазами уже не плясали искры, и я немного собрался с мыслями.

Одно ясно и несомненно: пустая машина может прорваться сквозь барьер, но, если в ней кто-нибудь есть, барьер нипочем ее не пропустит. Человеку его не одолеть, но можно снять телефонную трубку и говорить с кем угодно. И ведь еще раньше на шоссе я слышал крики людей, стоявших по ту сторону, слышал совсем отчетливо.

Я подобрал несколько палок и камней и стал кидать в барьер. Они пролетали насквозь, словно не встречали никакой преграды.

Стало быть, этот барьер неодушевленным предметам не помеха. Он только не пропускает ничего живого. Но откуда он, спрашивается, взялся? И для чего это нужно — не пускать к нам или не выпускать от нас ни одно живое существо?

А между тем Милвилл просыпался.

Вышел на заднее крыльцо наш парикмахер Флойд Колдуэлл — без пиджака, подтяжки болтаются. Во всем Милвилле кроме доктора Фабиана один только Флойд ходит в подтяжках. Но у старика доктора они черные и узкие, как и подобает человеку степенному, а Флойд щеголяет в широченных и притом ярко-красных. Все, кому не лень, острят насчет этих его красных подтяжек, но Флойд не обижается. Он у нас малый не промах, сам первый остряк — и, видно, не зря старается: прославился на всю округу, от клиентов отбою нет. Фермеры, которые с таким же успехом могли бы постричься в Кун Вэли, предпочитают съездить к нам в Милвилл, лишь бы послушать шуточки Флойда и поглядеть, как он валяет дурака.

Стоя на заднем крыльце, Флойд потянулся и зевнул. Потом поглядел на небо — какова будет погода? — и почесал бок. Где-то в конце улицы женский голос позвал собаку, и немного погодя хлопнула дверь — значит, собака прибежала на зов.

«Странно,— подумал я,— все спокойно, никто не поднял тревогу. Может быть, пока еще мало кто знает про этот барьер. Может, те немногие, кто на него наткнулся, слишком ошарашены и еще не успели опомниться. Может, им еще не верится. А возможно, они, как и я, боятся сразу поднимать шум и хотят сперва хоть отчасти разобраться, что к чему».

Но конечно, это безмятежное спокойствие не надолго. Еще немного — и поднимется суматоха.

Теперь, двигаясь вдоль барьера, я шел задворками одного из самых старых домов Милвилла. Некогда это был красивый, с большим вкусом построенный особняк, но владельцы давно обеднели, и теперь здесь царила мерзость запустения.

По шатким ступеням заднего крыльца, опираясь на палку, спускалась тощая старуха. Редкие, совершенно белые волосы развевались даже в безветрии, окружая ее голову зыбким ореолом.

Она поплелась было по дорожке, ведущей в убогий садик, но заметила меня, остановилась и стала приглядываться, по-птичьи склонив голову набок. За толстыми стеклами очков поблескивали выцветшие голубые глаза.

— Как будто Брэд Картер? — неуверенно сказала она.

— Он самый, миссис Тайлер. Как вы нынче себя чувствуете?

— Да так, терпимо,— отвечала старуха.— Лучшего мне ждать не приходится. Я так и подумала, что это ты, а потом засомневалась: уж очень стала слаба глазами.

— Славное утро выдалось, миссис Тайлер. Погодка — лучше не надо.

— Верно, верно. А я вот ищу Таппера. Опять он куда-то запропастился. Ты его не видал, нет?

Я покачал головой. Уже десять лет никто не видал Таппера Тайлера.

— Такой неугомонный мальчишка,— продолжала она.— Вечно он где-то плутает. Прямо не знаю, как с ним быть.

— Не тревожьтесь,— сказал я.— Побродит да и придет.

— Надо полагать. Он ведь всегда так.— Она потыкала палкой в землю, где росли, окаймляя дорожку, лиловые цветы.— Очень они хороши в нынешнем году. И не упомню, когда они так пышно распускались. Твой отец дал мне их двадцать лет тому назад. Мистер Тайлер с твоим отцом были такие друзья — водой не разольешь. Ты, конечно, и сам помнишь.

— Да,— сказал я,— это я очень хорошо помню.

— А как поживает твоя матушка? Расскажи мне про нее. Прежде-то мы с нею часто виделись.

— Вы запамятовали, миссис Тайлер,— мягко сказал я.— Матушка уже скоро два года как умерла.

— Да, да, твоя правда. Совсем я стала беспамятная. А все от старости. И зачем только ее придумали!

— Мне пора,— сказал я.— Рад был вас повидать.

— Очень приятно, что ты меня навестил,— сказала миссис Тайлер.— Может, у тебя есть минутка свободная? Зашел бы в дом, выпил бы чаю. Теперь редко кто заходит на чашку чая. Видно, времена не те. Все спешат, всем недосуг, чайку попить — и то некогда.

— Простите, никак не могу,— сказал я.— Я только так, по дороге заглянул.

— Что ж, очень мило с твоей стороны. Если, часом, увидишь Таппера, будь так добр, скажи ему, пусть идет домой.

— Непременно скажу,— пообещал я.

Я рад был унести ноги. Конечно, старуха очень славная, но все-таки немного не в своем уме. Столько лет, как Таппер исчез, а она все ждет его, будто он только что вышел, и всегда она спокойная, и ничуть не сомневается, что он вот-вот вернется. Так здраво рассуждает, такая приветливая, ласковая и только самую малость тревожится о полоумном сыне, который десять лет назад как сквозь землю провалился.

Он всегда был нудный, этот Таппер. Ужасно всем надоедал, а мне больше всех. Он очень любил цветы, а у моего отца были теплицы. Таппер вечно возле них околачивался, и отец, неисправимый добряк, который за всю жизнь мухи не обидел, конечно, терпел его присутствие и его неумолчную бессмысленную болтовню. Таппер привязался и ко мне и, как я его ни гнал, всюду ходил за мной по пятам. Он был старше меня лет на десять, но это ему не мешало: сущий младенец умом, он с годами не становился разумнее. Так и слышу его беспечный лепет — как он бессмысленно радуется всему на свете, что-то ласково лопочет цветам, пристает с дурацкими вопросами. Понятно, я его не выносил, но по-настоящему возненавидеть его было не за что. Таппер был вроде стихийного бедствия — его приходилось терпеть. И не забыть мне, как он беззаботно и весело лопотал, распуская при этом слюни, не забыть его нелепую привычку поминутно пересчитывать собственные пальцы — бог весть, зачем ему это было нужно, быть может, он боялся их растерять.

Взошло солнце, все вокруг засверкало в потоках света, и тут я окончательно уверился, что наш Милвилл окружен и отрезан от мира: кто-то (или что-то?), неведомо почему и зачем, засадил нас в клетку. Оглядываясь назад, я теперь ясно видел, что все время шел по кривой. И, глядя вперед, нетрудно было представить, как эта кривая замкнется.

Но почему это случилось? И почему именно с нашим Милвиллом? С захудалым городишкой, каких тысячи и тысячи?

А впрочем, может быть, он и не такой, как другие? Раньше я бы сказал — в точности такой же, и, наверно, все остальные милвиллцы сказали бы то же самое. То есть все, кроме Нэнси Шервуд,— она только накануне вечером ошарашила меня своей теорией, будто наш город совсем особенный. Неужели она права? Неужели Милвилл чем-то не похож на все другие заштатные городишки?

Передо мной была улица, на которой я жил, и нетрудно было рассчитать, что как раз за нею проходит дуга незримой баррикады.

Дальше идти незачем, сказал я себе. Пустая трата времени. Зачем возвращаться к исходной точке, когда и так ясно, что мы замкнуты в кольце.

Я пересек задворки дома, где жил пресвитерианский священник,— напротив, через улицу, в зарослях цветов и кустарника, стоял мой дом, а за ним заброшенные теплицы и старый сад, целое озеро лиловых цветов — таких же, в какие ткнула палкой миссис Тайлер и сказала, что в этом году они цветут пышнее, чем всегда.

С улицы я услыхал протяжный скрип: опять ко мне в сад забрались мальчишки и раскачиваются на старых качелях подле веранды!

Вспылив, я ускорил шаг. Сколько раз я им говорил, чтоб не смели подходить к этим качелям! Столбы ветхие, ненадежные, того и гляди рухнут либо переломится поперечина и кто-нибудь из малышей разобьется. Можно бы, конечно, и сломать качели, но рука не поднимается: ведь это память о маме. Немало тихих часов провела она здесь, во дворе, слегка раскачиваясь взад и вперед и глядя на цветы.

Двор огораживали старые, густо разросшиеся кусты сирени, и мне не видно было качелей, пока я не дошел до калитки.

Я со злостью распахнул калитку, с разгона шагнул еще раз-другой и стал как вкопанный.

Никаких мальчишек тут не было. На качелях сидел взрослый дядя, и, если не считать нахлобученной на голову драной соломенной шляпы, он был совершенно голый.

Завидев меня, он расплылся до ушей.

— Эй! — радостно окликнул он и тотчас, распустив слюни, начал пересчитывать собственные пальцы.

При виде этой дурацкой ухмылки, при звуке давно забытого, но такого памятного голоса я оторопел — и мысль моя шарахнулась к тому, что произошло накануне.

Глава 2

Накануне ко мне пришел Эд Адлер, очень смущенный: ему велено было выключить у меня телефон.

— Ты уж извини, Брэд,— сказал он.— И рад бы не выключать, да ничего не поделаешь. Распоряжение Тома Престона.

Мы с Эдом друзья. Еще в школе подружились и дружим до сих пор. Том Престон, конечно, тоже учился в нашей школе, но с ним-то никто не дружил. Мерзкий был мальчишка, и вырос из него мерзкий тип.

«Вот так оно и идет,— подумал я.— Видно, подлецы всегда преуспевают». Том Престон — управляющий телефонной станцией, а Эд Адлер служит у него монтером — устанавливает аппараты, исправляет повреждения в сети; а вот я был страховым агентом по продаже недвижимости, а теперь бросаю это дело. Не по доброй воле, но потому, что нет у меня другого выхода: и за телефон в конторе я задолжал, и за помещение арендная плата давно просрочена.

Том Престон — преуспевающий делец, а я неудачник; Эду Адлеру кое-как удается прокормить семью, но и только. А другие наши однокашники? Чего-то они достигли — вся наша компания? Понятия не имею, почти всех потерял из виду. Почти все поразъехались. В такой дыре, как Милвилл, человеку делать нечего. Я и сам бы, наверное, тут не остался, да пришлось ради матери. Когда умер отец, я бросил художественное училище: надо было помогать ей в теплицах. А потом и ее не стало, но к этому времени я уже столько лет прожил в Милвилле, что трудно было сдвинуться с места.

— Эд,— сказал я,— а из наших школьных ребят тебе кто-нибудь пишет?

— Нет,— отвечал он.— Даже и не знаю, кто куда подевался.

— Помнишь Тощего Остина? — сказал я.— И Чарли Томсона, и Марти Холла, и Элфа... смотри-ка, забыл фамилию!

— Питерсон,— подсказал Эд.

— Верно, Питерсон. Надо же — забыл фамилию Элфа! А как нам бывало весело...

Эд отключил провод и выпрямился, держа телефон на весу.

— Что же ты теперь будешь делать? — спросил он.

— Да, видно, надо прикрывать лавочку. Тут не один телефон, тут все пошло наперекос. За помещение тоже давно не плачено. Дэн Виллоуби у себя в банке сильно из-за этого расстраивается.

— А ты веди дело прямо у себя на дому.

— Какое там дело, Эд,— перебил я.— Нет у меня дела и никогда не было. Я прогорел с самого начала.

Я поднялся, нахлобучил шляпу и вышел. Улица была пустынна. Лишь две-три машины стояли у обочины, да бродячий пес обнюхивал фонарный столб, а перед кабачком под вывеской «Веселая берлога» подпирал стену Шкалик Грант в надежде, что кто-нибудь угостит его стаканчиком.

Мне было тошно. Телефон, конечно, мелочь, и все-таки это означает конец всему. Окончательно и бесповоротно установлено: я неудачник. Можно месяцами играть с самим собой в прятки, тешить себя мыслью — мол, все не так плохо и еще наладится и утрясется, но потом непременно нагрянет что-нибудь такое, что заставит посмотреть правде в глаза. Вот пришел Эд Адлер, отключил телефон и унес, и никуда от этого не денешься.

Я стоял на тротуаре, смотрел вдоль улицы и изнемогал от ненависти к этому окаянному городишке — не к тем, кто в нем живет, а именно к самому городу, к ничтожной точке на географической карте.

Этот насквозь пропыленный городишко, невыразимо нахальный и самодовольный, словно издевался надо мной. Как же я просчитался, что не унес вовремя ноги! Я пробовал устроить здесь свою жизнь, потому что привык к Милвиллу и любил его,— и я жестоко ошибся. Я ведь тоже понимал то, что понимали все мои друзья, которые отсюда уехали,— и все-таки не желал видеть бесспорную, очевидную истину: здесь ничего не сохранилось такого, ради чего стоило бы остаться. Милвилл отжил свое и теперь умирает, как неизбежно умирает все старое и отжившее. Он задыхается из-за новых дорог: ведь теперь, если надо что-нибудь купить, можно быстро и легко съездить туда, где больше магазинов и богаче выбор товаров; он умирает, потому что вокруг пришло в упадок земледелие, умирает вместе с убогими фермами на склонах окрестных холмов, захиревшими и обезлюдевшими, ибо они уже не могут прокормить семью.

Милвилл — обитель благопристойной нищеты, в нем даже есть своя обветшалая прелесть: он изысканно благоухает лавандой и манеры его безупречны — но, невзирая ни на что, он умирает.

Я повернулся и пошел прочь из пыльного делового квартала к речушке, огибающей город с востока. По берегу, под раскидистыми деревьями, вьется заброшенная тропка, я шагал по ней и слушал, как в жаркой летней тишине журчит вода, омывая заросшие травою берега и перекатываясь по гальке. На меня нахлынули воспоминания давних, невозвратных лет. Сейчас я дойду до излучины, это у милвиллцев излюбленное место купания, а дальше — мелководье, где я каждую весну ловлю сачком мелкую рыбешку.

На берегу, за тем поворотом,— наш заветный уголок. Сколько раз мы там разводили костер и жарили шницели по-венски и пекли сладкий корень алтея, а потом просто сидели и смотрели, как меж деревьев и по лугам подкрадывается вечер. Потом всходила луна и все вокруг преображалось, и это было заколдованное царство, расчерченное тончайшей сетью теней и лунных бликов. И мы переговаривались только шепотом и всеми силами души заклинали время идти помедленнее, чтобы дольше длилось волшебство. Но как ни страстно мы этого жаждали, все было тщетно, такова уж природа времени — даже и в ту пору его невозможно было ни замедлить, ни остановить.

Мы приходили сюда вчетвером — я с Нэнси и Эд Адлер с Присциллой Гордон, а порою к нам присоединялся и Элф Питерсон, но, помнится, всякий раз с другой девушкой.

Я постоял немного на тропинке, пытаясь воскресить все это: сияние луны и мерцанье угасающего костра, тихие девичьи голоса и нежное девичье тело, чудо юности,— всепоглощающую нежность, и жар, и трепет, и благодарность. Я вновь искал здесь зачарованную тьму и лучистое счастье или хотя бы только их призраки... но ничего не ощутил, только рассудком знал, что когда-то все это было — и минуло.

Так вот что я такое — неудачник, неудачник во всем, даже воспоминания и те не сумел сохранить, все потускнело и выцвело. В эту минуту я трезво оценил себя, впервые посмотрел правде прямо в глаза. Что же дальше?

Быть может, напрасно я забросил теплицы? Но нет, глупости, ничего бы у меня не вышло — с тех пор как умер отец, они медленно, но верно приходили в упадок. Пока он был жив, они давали недурной доход, но ведь тогда мы работали втро-

ем, да к тому же у отца было особое чутье. Он понимал каждый кустик, каждую былинку, холил их и нежил, у него все цвело и плодоносило на диво. А я начисто лишен этого дара. В лучшем случае у меня всходят хилые и тощие растеньица, и вечно на них нападают какие-то жучки и гусеницы и всяческая хворь, какая только существует в зеленом царстве.

И внезапно река, тропа, деревья — все отодвинулось куда-то в далекое прошлое, стало чуждым и незнакомым. Словно я, непрошеный гость, забрел в некое запретное пространство и время и мне здесь не место. И это было куда страшней, чем если бы я и вправду попал сюда впервые, ибо втайне я с дрожью сознавал, что здесь заключена часть меня самого.

Я повернулся и пошел обратно, спиной ощущая леденящее дыхание страха, готовый очертя голову кинуться бежать. Но не побежал. Я нарочно замедлил шаг: я решил одержать победу над собой, она была мне необходима, хотя бы вот такая жалкая, никчемная победа — идти медленно и размеренно, когда так и тянет побежать.

Потом из-под свода ветвей, из густой тени я вышел на улицу, окунулся в тепло и солнечный свет, и все стало хорошо. Ну, не совсем хорошо, но хотя бы так, как было прежде. Улица передо мною лежала такая же, как всегда. Разве что прибавилось несколько машин у обочины, бродячий пес исчез, да Шкалик подпирал теперь другую стену. От кабачка «Веселая берлога» он перекочевал к моей конторе.

Вернее сказать, к моей бывшей конторе. Потому что теперь я знал: ждать больше нечего. С таким же успехом можно хоть сейчас забрать из ящиков стола все бумаги, запереть дверь и снести ключ в банк. Дэниел Виллоуби, разумеется, будет весьма холоден и высокомерен... ну и черт с ним. Да, конечно, я задолжал ему арендную плату, мне нечем уплатить, и он, надо думать, обозлится, но у него и кроме меня полгорода в долгу, а денег ни у кого нет и едва ли будут. Он сам этого добивался — и добился, чего хотел, а теперь злится на всех. Нет уж, пускай лучше я останусь жалким неудачником, чем быть таким, как Дэн Виллоуби, изо дня в день ходить по улицам и чувствовать, что каждый встречный ненавидит тебя и презирает и не считает человеком.

Будь все, как обычно, я не прочь бы постоять и поболтать немного со Шкаликом Грантом. Хоть он и первый лодырь в Милвилле, а все равно он мне друг. Он всегда рад за компанию

пойти порыбачить, знает, где лучше клюет, и вы даже не представляете, как интересно его послушать. Но теперь мне было не до разговоров.

— Эй, Брэд,— сказал Шкалик, когда я с ним поравнялся,— у тебя, часом, доллара не найдется?

Я поразился: Грант уже давным-давно не пробовал поживиться за мой счет, с чего это ему вдруг вздумалось? Правда, он пьяница, лодырь и попрошайка, но при этом настоящий джентльмен и необычайно деликатен. Никогда он не станет выпрашивать подачку у того, кто и сам еле сводит концы с концами. У Шкалика редкостное чутье, он точно знает, когда и как закинуть удочку, чтобы не нарваться на отказ.

Я сунул руку в карман, там была тощенькая пачка бумажек и немного мелочи. Я вытащил пачку и протянул Гранту доллар.

— Спасибо, Брэд,— сказал он.— Мне весь день нечем было горло промочить.

Сунул доллар в карман обвисшей, латаной-перелатаной куртки и торопливо заковылял через улицу в кабачок.

Я повернул ключ, вошел в контору, затворил за собой дверь, и тут раздался телефонный звонок.

Я стал столбом и как дурак уставился на телефон.

А он все звонил и звонил, так что я подошел и снял трубку.

— Мистер Брэдшоу Картер? — осведомился нежнейший, очаровательный голосок.

— Он самый,— сказал я.— Чем могу служить?

Я мигом понял, что это не может быть никто из здешних: в Милвилле все звали меня просто Брэд. И потом, ни у одной моей знакомой даже нот таких нет в голосе. Этот голосок вкрадчиво мурлыкал, будто красотка с экрана телевизора читала рекламное объявление про мыло или крем для лица, и в то же время в нем слышался словно хрустальный звон — так должна бы говорить принцесса из сказки.

— Скажите, пожалуйста, мистер Брэдшоу Картер, это у вашего отца были теплицы?

— Совершенно верно.

— А вы теперь ими не занимаетесь?

— Нет,— сказал я,— не занимаюсь.

И тут голос переменился. Был нежный девичий голосок — и вдруг стал мужской, энергичный и деловитый. Будто трубку взял совсем другой человек. И однако, как это ни дико, я почему-то не сомневался, что собеседник у меня все тот же, переменился только голос.

— Насколько мы понимаем,— сказал этот новый голос,— вы сейчас свободны и могли бы выполнить для нас кое-какую работу.

— Да, пожалуй,— сказал я.— Но в чем дело? Почему вы заговорили другим голосом? И вообще, кто это говорит?

Вопрос был преглупый: сомневался я там или не сомневался, а никто не может так внезапно и резко менять голос. Конечно же, со мной говорили два разных человека.

Но вопрос мой остался без ответа.

— Мы надеемся, что вы можете выступать от нашего имени,— продолжал голос.— Вас рекомендуют наилучшим образом.

— А в качестве кого я должен выступать?

— В качестве дипломата,— сказал голос.— Кажется, это самое точное определение.

— Но я не дипломат. Я этому не учился и не умею...

— Вы нас не поняли, мистер Картер. Совершенно не поняли. Видимо, нам следует кое-что разъяснить. Мы уже установили контакт со многими вашими земляками. И они оказывают нам различные услуги. Например, у нас есть чтецы...

— Чтецы?

— Именно. Те, кто для нас читает. Понимаете, они читают самые разнообразные тексты. Из разных областей. Британская энциклопедия, Оксфордский словарь, всевозможные учебники и руководства. Литература и история. Философия и экономика. И все это в высшей степени интересно.

— Но вы и сами можете все это прочитать. Зачем вам чтецы? Нужно только достать книги...

В трубке покорно вздохнули:

— Вы нас не поняли. Вы слишком спешите с выводами.

— Ну ладно,— сказал я.— Я вас не понял. Пусть так. Чего же вы от меня хотите? Имейте в виду, читаю я прескверно и безо всякого выражения.

— Мы хотим, чтобы вы выступали от нашего имени. Прежде всего мы хотели бы с вами побеседовать, услышать, как вы оцениваете положение, а затем можно было бы...

Он говорил, но я уже не слушал. Вдруг до меня дошло, что тут неладно. То есть, конечно, все время это было у меня перед глазами, но как-то не доходило до сознания. И без того на меня свалилось слишком много неожиданностей: невесть откуда опять взявшийся телефон, хотя телефон у меня только что сняли, и внезапно меняющиеся голоса в трубке, и этот дикий,

непонятный разговор... Мысль моя лихорадочно работала и не успевала охватить все в целом.

Но тут меня будто ударило — а ведь телефон какой-то не такой! — и я уже не разбирал слов, все слилось в невнятное жужжание. Аппарат совсем не тот, что стоял час назад у меня на столе. У него нет диска и нет провода, который соединял бы его с розеткой на стене.

— Что такое? — закричал я.— Кто это говорит? Откуда вы звоните?

Тут послышался новый голос, не поймешь, женский или мужской, не деловитый и не вкрадчиво-нежный, а странно безличный, словно бы чуточку насмешливый, но лишенный какой бы то ни было определенности.

— Напрасно вы так встревожились, мистер Картер,— произнес этот безличный голос.— Мы очень заботимся о тех, кто нам помогает. Мы умеем быть благодарными. Поверьте, мистер Картер, мы вам очень благодарны.

— За что?!

— Навестите Джералда Шервуда,— сказал безличный голос.— Мы побеседуем с ним о вас.

— Слушайте! — заорал я.— Я не понимаю, что происходит, но...

— Поговорите с Джералдом Шервудом,— повторил голос.

И телефон заглох. Как отрезало. Не было смутного гудения, не ощущалось, что где-то там по проводам идет ток. Все глухо и пусто.

— Эй! — кричал я.— Эй, кто там!

Никакого ответа.

Я отвел трубку от уха и, не выпуская ее из рук, мучительно шарил в памяти. Этот голос, что говорил последним... словно бы он мне знаком. Где-то, когда-то я его слышал. Но где? Когда? Не помню, хоть убей.

Я опустил трубку на рычаг и взял аппарат в руки. С виду самый обыкновенный телефон, но без диска, и ни признака проводов и контактов. Я осмотрел его со всех сторон — ни фабричной марки, ни имени фабриканта, ни адреса фирмы не оказалось.

Только сегодня Эд Адлер снял у меня телефон. Он перерезал провода, и, когда я уходил из конторы, он стоял тут, держа аппарат на весу.

Когда я, возвратясь, услыхал звонок и увидел на столе телефон, в голове у меня мелькнуло не слишком логичное, но

самое простое объяснение: почему-то Эд не унес телефон и снова его подключил. Может быть, потому, что он мне друг; может, он готов ради меня не выполнить хозяйское распоряжение. Или, может, сам Престон передумал и решил дать мне небольшую отсрочку. А может быть, даже нашелся неведомый доброжелатель, который уплатил по счету, чтобы я не лишился телефона.

Но теперь я знал: все это чепуха. Потому что телефон у меня на столе — не тот, который сегодня отключил Эд.

Я опять снял трубку и поднес к уху.

И опять раздался деловитый мужской голос. Он не сказал — «слушаю», не спросил, кто говорит. Он сказал:

— Очевидно, вы относитесь к нам с подозрением, мистер Картер. Мы прекрасно понимаем, что вы смущены и не доверяете нам. Мы вас не осуждаем, но при том, как вы сейчас настроены, продолжать разговор бесполезно. Побеседуйте сначала с мистером Шервудом, а потом возвращайтесь — и тогда поговорим.

И телефон снова заглох. На этот раз я не стал кричать в надежде, что голос снова отзовется. Я знал: это бесполезно. Опустил трубку на рычаг и отодвинул телефон.

«Повидайте Джералда Шервуда,— сказал голос,— а после поговорим». Но при чем тут, спрашивается, Джералд Шервуд?

Невозможно поверить, чтобы Джералд Шервуд был причастен к этой странной истории, не такой он человек.

Отец Нэнси Шервуд, в некотором роде промышленник, был коренной милвиллец и жил на краю города, на вершине холма, в старом прадедовском доме. Не в пример всем нам, он не ограничивал свою жизнь рамками Милвилла. Ему принадлежала фабрика в Элморе — до Элмора от нас миль пятьдесят, и там чуть ли не сорок тысяч жителей. Фабрика досталась Джералду от его отца и когда-то выпускала сельскохозяйственные машины. Но несколько лет назад разразился крах: сельскохозяйственные машины стали никому не нужны, и Шервуд занялся всевозможной технической мелочью. Какие там штучки и приспособления выпускала его фабрика, я понятия не имел: семейство Шервудов меня не слишком занимало, если не считать той поры, когда я кончал школу и всерьез увлекся дочерью Джералда.

Джералд Шервуд был человек солидный, состоятельный, в городе его уважали. Но деньги свои он, как и отец его, наживал

не в Милвилле, а на стороне, притом Шервуды были если и не по-настоящему богаты, то все же люди с достатком, а мы, остальные, бедны как церковные мыши, и потому их всегда считали отчасти чужаками. У них были еще и какие-то другие интересы, не те, что у нас; мы, жители Милвилла, куда теснее связаны между собой. И Шервуды держались немного особняком — не по своей воле, но потому, что мы сами их сторонились.

Так что же мне делать? Нагрянуть к Шервудам и разыгрывать дурачка? Ввалиться без приглашения и спросить, что ему известно о сумасшедшем телефоне без проводов?

Я взглянул на часы — еще только четыре. Даже если идти к Шервуду, то не сейчас, а под вечер. Уж наверно, он возвращается из Элмора часам к шести, не раньше.

Я выдвинул ящик письменного стола и стал собирать свои пожитки. Потом сунул все назад и задвинул ящик. Контору пока закрывать нельзя, попозже вечером я должен буду вернуться, мне ведь надо еще поговорить с незнакомцем (или незнакомцами?) по этому, с позволения сказать, телефону. Когда стемнеет, я могу, если захочу, забрать аппарат и унести его домой. Но не идти же по Милвиллу с телефоном под мышкой средь бела дня!

Я вышел, запер дверь и зашагал по улице. И в растерянности остановился на первом же углу, пытаясь собраться с мыслями. Конечно, можно пойти домой, но очень это мне не по душе. Словно я удираю и ищу, куда бы зарыться. Можно пойти в муниципалитет, там, верно, найдется, с кем перемолвиться словом. Хотя вполне возможно, что я застану там одного только Хайрама Мартина, полицейского. Хайрам пристанет, чтобы я играл с ним в шашки, а мне сейчас не до шашек. Притом он не умеет вести себя прилично, когда проигрывает, и ему волей-неволей поддаешься, лишь бы не бесился.

Мы с Хайрамом испокон веку не ладили. В школе он был первый задира и хулиган: мы вечно дрались. Он был куда сильнее, мне порядком доставалось, но ни разу он не добился, чтоб я запросил пощады, и потому меня терпеть не мог. Вот если раза два в год позволишь Хайраму себя поколотить и признаешь себя побежденным, тогда он соизволит зачислить тебя в друзья. Очень может быть, что я застану там сейчас еще и Хигмена Морриса, а разговаривать с ним в такой день выше моих сил. Хигги — мэр нашего города, столп общества и опора церкви, член школьного попечительского совета, член правле-

ния банка, чванливый болван и ничтожество. Даже в лучшие мои времена я плохо переваривал Хигги и как мог его избегал.

Можно еще пойти в редакцию нашей «Трибюн» и провести часок с ее редактором Джо Эвансом, время у него найдется, ведь газета вышла только нынче утром. Но Джо станет рассуждать о высокой политике в масштабах нашего округа, о том, что пора наконец соорудить бассейн для плавания, и о прочих столь же злободневных и животрепещущих вопросах, а мне что-то не до них.

Пойду-ка я в «Веселую берлогу», решил я, заберусь в угол за перегородкой в глубине, посижу подольше над кружкой пива — постараюсь убить время и обдумать, как и что. Я не пьяница. При моих доходах не разгуляешься, но кружка-другая пива меня не разорит, а в иные минуты от глотка пива куда как легче становится на душе. Время раннее, народу, скорее всего, еще немного, смогу побыть один. Там сейчас почти наверняка пропивает мой доллар Шкалик Грант. Но Грант — джентльмен, и он всегда все понимает. Если увидит, что мне компания ни к чему, даже не подойдет.

В «Берлоге» было темно и прохладно, после ярко освещенной солнцем улицы пришлось двигаться почти ощупью. Угол в глубине за перегородкой был свободен, и я сел за столик. Посетителей — никого, занят еще только один отгороженный столик у самого входа.

Из-за стойки навстречу мне вышла Мэй Хаттон.

— А, Брэд! Редкий гость!

— А ты что же, заменяешь Чарли? — спросил я.

Чарли — это ее отец, хозяин «Веселой берлоги».

— Он прилег вздремнуть,— объяснила Мэй.— В эту пору много народу не бывает. Я и одна управлюсь.

— Пива можно?

— Ну конечно. Большую кружку или маленькую?

— Давай большую,— сказал я.

Она подала мне пиво и вернулась за стойку. «Берлога» — местечко мирное, отдохновенное, никакой изысканности и, пожалуй, грязновато, зато отдыхаешь. В окна врывался яркий солнечный свет, но быстро выцветал, словно растворялся в сумерках, затаившихся в глубине.

Рядом за перегородкой поднялся человек. Я не заметил его, когда вошел. Вероятно, он сидел в самом углу, у стены. С недопитой кружкой в руке он обернулся и уставился на меня.

Потом шагнул раз-другой и остановился у моего столика. Я поднял голову, но его лицо показалось мне незнакомым. Да и глаза мои еще не освоились с полутьмой «Берлоги».

— Брэд Картер? Да неужто Брэд Картер?

— А почему бы и нет? — сказал я.

Он поставил кружку и сел напротив меня. И тут я узнал эти черты, в которых было что-то лисье.

— Элф Питерсон! — изумился я вслух.— Надо же, только час назад мы с Эдом Адлером тебя вспоминали.

Он протянул руку, я стиснул ее — я рад был его видеть, сам не знаю, отчего я так обрадовался этому выходцу из далекого прошлого! Он ответил сильным, крепким пожатием — явно тоже обрадовался мне.

— Боже милостивый! — сказал я.— Сколько же это времени прошло?

— Шесть лет. А то и побольше.

Мы сидели и смотрели друг на друга в неловком молчании, как бывает с давними приятелями после долгой разлуки: не знаешь, с чего начать, ищешь для разговора тему попроще, побезопаснее.

— Приехал погостить? — спросил я.

— Угу. В отпуск.

— Что ж сразу ко мне не зашел?

— Да я только часа три как приехал.

Странно, что ему тут делать, подумал я, ведь у него в Милвилле никого не осталось. Его семья уже несколько лет, как переехала куда-то на восток. Питерсоны родом не здешние. Они провели в Милвилле всего лет пять, пока отец Элфа работал инженером на строительстве шоссе.

— Поживешь у меня,— сказал я.— Места сколько угодно. Я один.

— Да я остановился в мотеле, это немного западнее Милвилла. Называется «Стоянка Джонни».

— Надо было прямо ко мне.

— Верно, да ведь я не знал. Мало ли, может, ты уже уехал из Милвилла. Или, может, женился. Нельзя же просто так вваливаться к женатому человеку.

Я покачал головой:

— И не уехал, и не женился.

Выпили пива. Элф отставил кружку.

— Как делишки, Брэд?

Я уже раскрыл рот, чтобы соврать, но опомнился. Какого черта?! Ведь напротив сидит не чужой человек, ведь это же Элф Питерсон, в прежние годы он был мне едва ли не лучший друг. Чего ради я стану ему врать? Из самолюбия? Когда говоришь с другом, самолюбие ни при чем, надо начистоту.

— Делишки неважные,— сказал я.

— Ох, извини.

— Я дал маху,— сказал я.— Давно надо было убираться отсюда подобру-поздорову. Милвилл — гиблое место, тут делать нечего.

— Ты же хотел стать художником. Помнишь, вечно чего-то чиркал карандашом, даже красками писал.

Я только рукой махнул.

— Будто ты так и не пробовал ступить на эту дорожку? Брось, все равно не поверю! — сказал Элф.— Когда мы кончали школу, ты собирался в художественное училище.

— Ну да, собирался. И даже год проучился. В Чикаго. А потом отец умер, маме одной было не управиться. И денег ни гроша. Просто не пойму, как отец мне на один-то год наскреб.

— А мама? Ты сказал — живешь один?

— Она два года как умерла.

Элф кивнул.

— И теплицы теперь на тебе.

Я покачал головой:

— С теплицами у меня ничего не вышло. Они после отца захирели вконец. Был я страховым агентом, пробовал ввязаться в перепродажу недвижимости. Ничего у меня не получается, Элф. Завтра утром прикрываю лавочку.

— А дальше что?

— Не знаю. Пока не придумал.

Элф помахал Мэй, чтоб принесла еще пива.

— Видно, тебя тут больше ничто не держит,— сказал он.

Я опять покачал головой:

— Не забудь, остается дом. До смерти не хочется его продавать. Если уеду, просто запру его на замок. Но ехать-то никуда неохота, Элф, вот беда. Не знаю, как тебе объяснить. Надо было унести отсюда ноги хотя бы года два назад. А теперь Милвилл так прочно в меня въелся — не вытравишь.

Элф кивнул:

— Кажется, понимаю. В меня он тоже въелся. Потому я и приехал. И сам не пойму зачем. Конечно, я очень рад тебя по-

видать и, может, еще кое-кого, но все равно чувство такое, что зря я сюда вернулся. Как-то здесь пусто. Будто от прежнего Милвилла ничего и не осталось, одна скорлупа — понимаешь, что я хочу сказать? Может, на самом деле он и не изменился, но такое у меня чувство.

Мэй принесла пиво и забрала пустые кружки.

— Придумал! — сказал Элф.— Хочешь послушать?

— Конечно. Отчего не послушать.

— Через денек-другой я отправлюсь восвояси. Может, поедешь со мной? Я работаю в одном презабавном заведении. Там и для тебя найдется место. У меня отличные отношения с главным, могу замолвить за тебя словечко.

— А что там делать? — спросил я.— Вдруг я не сумею?

— Не знаю, как толком объяснить. Это вроде исследовательской лаборатории... лаборатория мысли. Сидишь в четырех стенах и думаешь.

— И все?

— Угу. Звучит диковато, а? На самом деле это не так уж дико. Входишь в закрытую кабинку и получаешь карточку, а на ней напечатан вопрос, какая-то задача. И ты думаешь над этой задачей, причем думать надо вслух — будто говоришь сам с собой, иногда сам с собой споришь. На первых порах словно бы неловко, но потом привыкаешь. Кабинка звуконепроницаемая, никто тебя не видит и не слышит. Наверно, какой-нибудь аппарат записывает твои слова, но если он и есть, так где-то скрыт, его не видно.

— И за это платят?

— Да, и неплохо. Прожить можно.

— А для чего это все?

— Мы не знаем,— сказал Элф.— Не то чтобы никто ни разу не спросил. Но тут такое условие: когда поступаешь на работу, тебе не объясняют, что к чему. Наверно, они проводят какой-то эксперимент. Я так думаю, за этим стоит какой-нибудь университет или научно-исследовательский институт. Нам объяснили, что, если мы будем знать, в чем суть, это повлияет на ход нашей мысли. Невольно станешь подгонять свои рассуждения к конечной цели эксперимента.

— Ну а результаты?

— Нам не говорят. Для каждого, кто вот так сидит и думает, существует особый план, но, если знать его заранее, это может помешать развитию мысли. Сам того не замечая, начнешь под-

страиваться к схеме, соблюдать какую-то последовательность или, наоборот, попробуешь вырваться из рамок. А когда не знаешь результатов работы, нельзя угадать основную схему и нет опасности, что она свяжет твою мысль.

Мимо по улице покатил грузовик, в тишине «Берлоги» его громыхание показалось оглушительным. А когда он проехал, стало слышно, как о потолок бьется муха. Те, кто занимал отгороженный столик у входа, видно, ушли или, по крайней мере, замолчали. Я обернулся, поискал глазами Гранта — его не было. Тут я вспомнил, что с самого начала не увидел его в «Берлоге». Что за чудеса, ведь я только что дал ему доллар!

— А где оно находится, это ваше заведение? — спросил я.

— В Гринбрайере, штат Миссисипи. Захудалый такой городишко. Вроде Милвилла, пожалуй. Даже не город, а так, поселок — тишина, пылища, жарища. Ох и жарища — прямо пекло! Но у нас в здании воздух кондиционированный. И вообще недурно.

— Захудалый городишко,— повторил я.— Чудно что-то, неужели для вашего заведения не нашлось места получше?

— А это маскировка,— сказал Элф.— Чтоб не было лишнего шума. И нам велено держать язык за зубами. Для секретной работы лучшего места не придумаешь. Никому и в голову не придет искать такую лабораторию в какой-то богом забытой дыре.

— Но ты ведь приезжий...

— Ну ясно, потому меня туда и взяли. Они не хотят брать на работу много местных жителей. Считается, что у людей, которые выросли в одних и тех же условиях, и мысль работает почти одинаково. Так что там охотно берут приезжих. В этой лаборатории куча всякого пришлого народа.

— А раньше что было?

— Раньше? Со мной-то? Чего только не было. Шатался по свету, валял дурака. Нигде подолгу не застревал. Поработаю недели две в одном месте, перекочую немного подальше — там месячишко поработаю. В общем, плыл по воле волн. Бывало, когда оставался без гроша, а лучшего ничего не подворачивалось, так и с бетонщиками спину гнул, и посуду в ресторане мыл. Месяца два служил садовником в Луисвилле, у одного земельного туза. Был одно время сборщиком помидоров, но на такой работе живо с голоду подохнешь, пришлось двинуться дальше. Словом, чего только не перепробовал. А в Гринбрайере вот уже одиннадцатый месяц.

— Ну, это рано или поздно кончится. Соберут они там все данные, какие им требуются,— и крышка.

Элф кивнул.

— Да я и сам понимаю. А обидно! Лучшей работы у меня не было и не будет. Так что ж, Брэд? Поедешь со мной?

— Надо подумать,— отвечал я.— А ты не можешь тут задержаться не на день-два, а немного подольше?

— Пожалуй, это можно,— сказал Элф.— Отпуск у меня на две недели.

— Съездим на рыбалку — хочешь?

— Отлично!

— Тогда давай завтра утром и отправимся, ладно? Двинем на недельку на север. Там, думаю, сейчас прохладно. Я прихвачу палатку и всякую походную снасть. Поищем такое местечко, где водится лупоглаз.

— Здорово придумано!

— Поедем на моей машине.

— А я куплю бензин,— предложил Элф.

— Что ж, купи,— сказал я.— Мои финансы такие, что спорить не стану.

Глава 3

Если бы не фасад с колоннами да не плоская крыша, обнесенная ослепительно белой балюстрадой, дом Шервудов был бы очень обыкновенным и даже унылым. А ведь когда-то я воображал, что это самый красивый дом на свете. Но уже лет шесть, а то и семь прошло с тех пор, как я был здесь в последний раз.

Я остановил машину, вылез и постоял минуту, глядя на дом. Еще не совсем смерклось, четыре высокие колонны чуть поблескивали в последних отсветах угасающего дня. С этой стороны все окна были темные, но я видел, что где-то в задних комнатах горит огонь.

Я поднялся по отлогим ступеням, пересек веранду. Ощупью отыскал и нажал кнопку звонка.

В прихожей раздались торопливые женские шаги. Наверно, миссис Флаэрти, подумал я, экономка. Она ведет здесь хозяйство с тех самых пор, как миссис Шервуд ушла из этого дома и не вернулась.

Но мне открыла не миссис Флаэрти.

Дверь распахнулась — и вот она стоит на пороге, уже совсем взрослая, уверенная в себе и еще красивее, чем прежде.

— Нэнси! — вырвалось у меня.— Да ведь это Нэнси!

Совсем не те слова, что нужно, но у меня не было времени додумать.

— Ну да, Нэнси. Что тут такого удивительного?

— Я думал, тебя здесь нет. Когда ты вернулась?

— Только вчера,— сказала она.

Мне показалось, она меня не узнала. Но понимает, что это кто-то знакомый. И пытается вспомнить.

— Чего же мы тут стоим, Брэд,— сказала она (стало быть, узнала!).— Входи.

Я переступил порог, она закрыла дверь, и вот мы стоим в полутемной прихожей и смотрим друг на друга.

Она протянула руку и коснулась отворота моей куртки.

— Мы так долго не виделись, Брэд. Как ты живешь?

— Прекрасно,— сказал я.— Превосходно.

— Говорят, тут почти никого не осталось. Почти никого из нашей компании.

Я покачал головой.

— Ты говоришь так, будто рада, что вернулась.

Она засмеялась — легко, мимолетно.

— Ну конечно рада.

Смех был совсем прежний: так свойственная ей мгновенная вспышка искрометной веселости.

Послышались шаги.

— Нэнси,— окликнул чей-то голос,— кто там пришел? Малыш Картер?

— Разве ты пришел к папе? — спросила Нэнси.

— Я к нему ненадолго,— сказал я.— Потом еще поговорим?

— Да, конечно. Нам есть о чем поговорить.

— Нэнси!

— Да, папа.

— Иду! — отозвался я.

И пошел к темной фигуре в дальнем конце прихожей. Шервуд распахнул дверь комнаты, повернул выключатель.

Я вошел, и он затворил за мною дверь.

Он был высок ростом, плечи очень широкие, изящно вылепленная голова, аккуратно, почти щегольски подстриженные усы.

— Мистер Шервуд,— сказал я со злостью,— я не малыш Картер. Я Брэдшоу Картер. Для друзей — Брэд.

Злиться было довольно глупо, да, наверно, и не из-за чего. Но уж очень он меня взбесил там, в прихожей.

— Извини, Брэд,— сказал он теперь.— Никак не укладывается в голове, что все вы уже взрослые — и Нэнси, и ребятишки, с которыми она дружила.

Он прошел через комнату к письменному столу у стены. Достал из ящика пухлый конверт и выложил на стол.

— Это тебе.

— Мне?

— Ну да. Я думал, ты знаешь.

Я покачал головой; в этой комнате мне отчего-то стало не по себе, почти жутко. Мрачная комната, по двум стенам сплошь книжные полки, в третьей — наглухо завешенные окна и между ними мраморный камин.

— Так вот, это тебе,— повторил Шервуд.— Бери, чего же ты?

Я подошел к столу и взял конверт. Он был не запечатан, я открыл его. Внутри оказалась толстая пачка денег.

— Полторы тысячи долларов,— сказал Джералд Шервуд.— Как будто должно быть именно полторы.

— В первый раз слышу про какие-то полторы тысячи. Мне только сказали по телефону, чтобы я с вами побеседовал.

Он поморщился и посмотрел на меня очень внимательно, словно бы даже недоверчиво.

— Вот по такому же телефону,— прибавил я и показал на аппарат у него на столе.

Шервуд устало кивнул.

— Понятно. А давно у тебя появился такой телефон?

— Только сегодня. Эд Адлер пришел и снял мой прежний телефон, обыкновенный, потому что мне нечем платить. Я пошел пройтись, хотел немного собраться с мыслями, а когда вернулся, вдруг зазвонил вот такой телефон.

Движением руки Шервуд остановил меня.

— Возьми конверт,— сказал он.— Положи в карман. Это не мои деньги. Они твои.

Но я положил конверт на стол. Мне позарез нужны были полторы тысячи. Позарез нужны были любые деньги, откуда бы они ни свалились. Но этот конверт я взять не мог. Сам не знаю почему.

— Ладно,— сказал Шервуд.— Садись.

Я опустился на стул, стоявший боком у стола. Шервуд открыл ящик с сигарами.

— Хочешь?

— Я не курю.

— Может, выпьешь чего-нибудь?

— Выпить я не прочь.

— Бурбон?

— Отлично.

Он подошел к шкафчику, стоявшему в углу, опустил в бокалы лед.

— Как тебе разбавить, Брэд?

— Хватит и льда.

Шервуд усмехнулся:

— Сразу видно понимающего человека.

Я сидел и смотрел на книжные полки, протянувшиеся вдоль двух стен кабинета от пола и до самого потолка. Тут было немало каких-то многотомных собраний и комплектов, почти все, насколько я мог разглядеть, в дорогих переплетах.

Наверно, это очень здорово — быть не то что богачом, но человеком с достатком, не маяться и не раздумывать, если тебе понадобилась какая-то мелочь, не выгадывать каждый грош, а спокойно взять и купить, что хочешь. Жить в таком вот доме, с книгами по стенам, с тяжелыми занавесями на окнах, и чтобы, когда хочется выпить, было из чего выбрать и не приходилось держать единственную бутылку дрянного виски в кухне на полке...

Шервуд подал мне бокал, обогнул стол и снова опустился в кресло. С жадностью отпил несколько глотков и отставил бокал.

— Брэд,— начал он,— много ли тебе известно?

— Ровным счетом ничего. Только то, что я вам уже сказал. Я говорил с кем-то по телефону. И мне предложили работу.

— Ты согласился?

— Нет,— сказал я.— Пока нет, но, может, и соглашусь. Мне не худо бы найти работу. Но то, что они предлагали — не знаю, кто они такие,— звучит довольно бессмысленно.

— Они?

— Ну, не знаю — либо их было трое, либо там кто-то один три раза менял голос. Конечно, это очень странно, но, по-моему, один и тот же человек говорил разными голосами.

Шервуд опять жадно глотнул виски. Поднял бокал, посмотрел на свет и, кажется, очень удивился, что там уже только на донышке. Тяжело поднялся и пошел за бутылкой. Налил себе, чуть расплескав, потом протянул мне бутылку.

— Я еще и не начинал,— сказал я.

Он поставил бутылку на стол и опять сел.

— Ладно,— сказал он.— Вот ты пришел, и мы побеседовали. Все в порядке. Соглашайся на эту работу. Бери свои деньги и ступай. Нэнси, верно, тебя заждалась. Своди ее в кино или еще куда-нибудь.

— И это все?

— Все.

— Значит, вы раздумали,— сказал я.

— Раздумал?

— Вы хотели мне что-то сказать, а потом передумали.

Шервуд холодно, в упор посмотрел на меня.

— Вероятно, ты прав. Но это все равно.

— А мне не все равно. Я ведь вижу, вы чего-то боитесь.

Я ждал, что он обозлится. Кому приятно, когда тебя назовут трусом.

Но он не обозлился. И даже не поморщился, сидел как каменный. Потом сказал:

— Пей же, черт подери. Смотреть на тебя тошно, сидит тут — и ни с места!

Я отхлебнул глоток виски: я совсем забыл про свой бокал.

— Вероятно, ты вообразил себе всякие небылицы. И, конечно, подозреваешь, что я ввязался в какие-то темные дела. Вряд ли ты мне поверишь, но, представь, я и сам не знаю, в какие такие дела я ввязался.

— Да нет, я вам верю,— сказал я.

— Чего только я не натерпелся на своем веку,— сказал Шервуд.— Да разве я один? У каждого свои беды — не одно, так другое. На меня свалилось все сразу. Так тоже часто бывает.

Я покивал в знак согласия.

— Началось с того, что меня бросила жена. Это ты, конечно, знаешь. В ту пору, надо думать, все милвиллские сплетники только об этом и говорили.

— Не помню,— сказал я.— Тогда я был еще мальчишкой.

— Да, верно. Скажу одно: оба мы вели себя вполне пристойно. Ни крику, ни скандалов, никакой грязи на суде. Всей этой мерзости мы постарались избежать. И сразу после развода — банкротство. В производстве сельскохозяйственных машин разразился кризис, и я боялся, что придется закрыть фабрику. Очень многие мелкие предприятия тогда прогорели. Держались по пятьдесят, по шестьдесят лет, приносили солидный доход, а тут лопнули.

Шервуд помолчал, словно выжидая, не скажу ли я чего-нибудь. А что было говорить?

Он налил себе еще виски и продолжал:

— Во многих отношениях я просто глуп. Я умею вести дело. Умею поддерживать фабрику на ходу, пока есть хоть какая-то надежда, пока можно из нее выжать хоть какие-то гроши. У меня, видно, есть хватка, есть способности. Но и только. За всю жизнь я ни разу не додумался до чего-нибудь нового, до чего-нибудь значительного.

Он подался вперед, крепко стиснул руки и оперся ими на стол.

— Я все ломаю голову,— сказал он.— Все пытаюсь понять, что же произошло? Почему именно со мной? Невозможно понять! Не должно это было со мной случиться, не такой я человек. Мне грозило разорение, и ничего я тут не мог поделать. В сущности, все это проще простого. Спрос на сельскохозяйственный инвентарь резко упал, на то были веские экономические причины. Крупным фирмам, у которых свои крупные магазины и вдоволь денег на рекламу, такая передряга не страшна. У них есть простор, они могут перестроиться, как-то извернуться, смягчить удар. А таким, как я, тесно: у нас нет в запасе ни лишних возможностей, ни лишних денег. Моему предприятию, как и многим другим, грозил крах. Пойми, мне совершенно не на что было надеяться. Я вел дело по старинке, по испытанным и проверенным канонам, как до меня мой дед и мой отец. А каноны эти говорят: если ты больше ничего не можешь продать, значит — все, крышка. Другие, может, исхитрились бы, нашли какой-то выход, а мне это не под силу. Делец я толковый, но у меня нет воображения. Мне не хватает новых идей. И вдруг, ни с того ни с сего, у меня начинают возникать новые идеи. Но они не мои. Как будто мне их внушает кто-то другой. Понимаешь,— продолжал он,— иногда бывает и так, что новая идея возникает мгновенно. Ни с того ни с сего. Словно бы на пустом месте. Ее никак не свяжешь с тем, что ты делал раньше, или читал, или слышал,— ничего подобного! Но, наверно, если копнуть поглубже, можно докопаться до ее корней и проследить, откуда что взялось, только мало кто из нас обучен вот так докапываться. А главное, новая идея — это почти всегда только зернышко, отправной пункт. Может, она и хорошая, и ценная, но ее еще надо вынянчить. Надо ее развить. Обмозговать, повертеть и так и эдак, оглядеть со всех сторон,

помучиться с нею, все сообразить и взвесить — и только тогда вылепишь из нее что-то полезное. А с нынешними моими находками не так. Они выскакивают неизвестно откуда совсем готовенькие. Мне нечего додумывать. Хлоп — и все уже в голове, законченное, отшлифованное, заботиться больше не о чем. Бери и пользуйся. Просыпаюсь утром — а к моим услугам новое открытие, я знаю массу такого, о чем прежде и понятия не имел. Выйду пройтись, возвращаюсь — а в голове еще открытие. Они рождаются пачками. Сразу эдакий букет, будто кто посеял их у меня в мозгу, они полежали там немножко, созрели — и вот прорастают.

— И все это разные механические поделки? — спросил я.

Шервуд посмотрел на меня с любопытством:

— Вот именно, поделки. А что ты про них знаешь?

— Ничего. Знаю только, что, когда с сельскохозяйственными машинами стало худо, вы начали выпускать всякую техническую мелочь. А что именно — не слыхал.

Но он мне этого не объяснил. Он продолжал рассуждать о своих странных озарениях:

— Сначала я не понимал, что происходит. А потом открытия посыпались, как из мешка, и стало ясно: что-то тут не так. Маловероятно, чтобы я сам додумался хоть до одной такой новинки, а тут сразу целый фонтан. Скорее всего, я вообще никогда бы ничего не придумал: у меня от природы нет воображения и никакой я не изобретатель. Ну ладно, допустим, идейки две-три я еще мог бы родить, да и то вряд ли. А уж на большее меня нипочем бы не хватило. Словом, хочешь не хочешь, а пришлось себе сознаться, что мне помогает кто-то извне.

— Как же так? Кто?

— Не знаю. И по сей день не знаю.

— А идеями этими вы все-таки пользуетесь,— заметил я.

— Я человек трезвый, практичный. Кое-кто, наверно, даже скажет — прожженный делец. Но подумай сам: предприятие лопнуло. И не просто мое предприятие, пойми, а родовое, его основал мой дед, и я получил его от отца. Не просто мое дело, а дело, которое мне доверено. Это совсем не одно и то же. Когда идет прахом то, что ты построил сам,— ладно, перетерпишь: мол, на первых порах мне все-таки повезло, начну все сызнова, глядишь, и еще раз повезет. А когда фирма перешла к тебе по наследству, тут совсем другое. Во-первых, позор. А во-вторых, нет уверенности, что сумеешь все поправить. Ведь не

ты положил начало, первый успех не твой. Ты пришел на готовенькое. И еще вопрос, способен ли ты сам добиться успеха, восстановить то, что разрушено. В сущности, тебе всю жизнь внушалось обратное.

Шервуд умолк; в тишине я услышал где-то позади негромкое тиканье, но часов не видел и не поддался искушению обернуться. И чувствовал: если поверну голову или хотя бы шелохнусь, что-то незримое в комнате разобьется вдребезги. Будто в посудной лавке, где полным-полно стекла и фарфора и все держится на честном слове: страшно вздохнуть, не дай бог, стронется что-нибудь одно — и все рухнет.

— А ты бы как поступил на моем месте? — спросил Шервуд.

— Цеплялся бы за что попало,— сказал я.

— Вот я и уцепился. С отчаяния. Выхода-то не было. Фабрика, дом, Нэнси, честное имя — все поставлено на карту! И я ухватился за эти самые идеи. Записал их, собрал своих инженеров, конструкторов, чертежников — и мы взялись за работу. Понятно, всю заслугу приписали мне. Тут я ничего не мог поделать. Не мог я им объяснить, что не я все это выдумал. И, знаешь, может, оно тебе и странно покажется, но это-то и есть самое тяжкое: что поневоле пользуешься почетом и уважением за то, чего не делал.

— Значит, так,— сказал я,— родовая фирма спасена и все прекрасно. На вашем месте я не стал бы особенно терзаться и каяться.

— Но ведь этому нет конца,— сказал Шервуд.— Будь оно все позади, я бы выкинул это из головы. Если б мне вдруг помогли избежать разорения — ну ладно. Но конца-то не видно. Как будто я раздвоился, что ли: есть обыкновенный, всем известный Джералд Шервуд, который сидит вот за этим самым столом, а есть еще какой-то другой, и он думает за меня. Все время на ум приходит что-то новое, иногда только диву даешься, до чего здорово, а иногда кажется — ну чистейшая бессмыслица! Будто из другого мира, серьезно тебе говорю, у нас такого быть не может. Вещи, которым нет на Земле никакого подобия и соответствия, вещи, ни с чем не сообразные. Догадываешься, что в них скрыты какие-то возможности, прямо на ощупь чуешь: есть в этом что-то очень важное, значительное,— а как их применить, непонятно. И тут не только идеи, изобретения, тут еще и знание. Вдруг оказывается — я знаю такое, о чем никогда и не подозревал. Какие-то взрывы, откровения. Ни-

когда этим не интересовался, даже не задумывался. Или такое, что наверняка вообще никому на свете не известно. Как будто кто-то взял самые разные факты и сведения, сгреб в одну кучу клочки, обрывки — вперемешку, без разбора — и запихал мне в башку.

Он потянулся за бутылкой, налил себе еще виски. Ткнул горлышком в мою сторону, и я тоже подставил бокал. Шервуд налил мне до краев.

— Пей,— сказал он.— Сам тянул меня за язык, так слушай. Завтра я, верно, стану ломать голову — чего ради я тебе все это выложил. Ну да ладно.

— Если вы не хотите рассказывать... Если вам кажется, что я сую нос, куда не просят...

Шервуд отмахнулся:

— Ладно, не нравится — не слушай. На, бери свои полторы тысячи.

Я покачал головой:

— Нет уж. Сперва объясните, откуда они взялись и почему вы мне их даете.

— Деньги не мои. Я только посредник. Мне их поручили.

— Кто? Ваш двойник?

Шервуд кивнул:

— Правильно. Как ты догадался?

Я показал на телефон без диска. Шервуд поморщился.

— Ни разу не пользовался этой штукой. Вот ты, говоришь, нашел такой же у себя в конторе, а я и не знал, что у кого-то еще такие есть. Я их выпускаю сотнями...

— Вы?!

— Ну, ясно. Только не для себя. Для этого двойника. А впрочем (Шервуд подался ко мне через стол, доверительно понизил голос)... я начинаю подозревать, что никакой это не двойник.

— Тогда что же это?

Он снова медленно откинулся на спинку кресла.

— А черт его знает. Раньше я думал да гадал, ломал голову, покоя не находил — и все равно понять ничего не мог. А теперь мне плевать. Может, есть и еще такие, как я. Может, я не один... все-таки утешение.

— Ну а этот телефон?

— Я сам его спроектировал. Или, может, не я, а тот двойник, если только он человек. Этот телефон вдруг очутился у меня в голове, я и выложил его на бумагу. И учти, я чертил, а

сам понятия не имел, что это за штука и для чего она. То есть, конечно, я сообразил, что это какое-то подобие телефона. Но хоть убей, не понимаю, каким образом он работает. И никто на фабрике не понимает. Если верить законам физики и здравому смыслу, то эта чертовщина просто не может работать.

— Но вы сами сказали, ваша фабрика выпускает еще уйму всяких поделок, в которых вроде бы нет никакого толку.

— Сколько угодно,— подтвердил Шервуд.— Но там я не сам составлял планы и чертежи, я их и не касался. А с этим так называемым телефоном совсем другой коленкор. Я знал, что надо такие телефоны производить, знал, сколько их понадобится и что с ними делать.

— Что же вы с ними делали?

— Переправлял их одной фирме в Нью-Джерси.

Что за чушь!

— Как же так? Значит, у вас в голове неведомо откуда берется чертеж... что-то вам подсказывает — дескать, фабрикуй у себя эти телефоны, а потом отсылай их куда-то в Нью-Джерси. И вы ничтоже сумняшеся покорно все это выполняете?

— Какое там ничтоже сумняшеся. Не только сомневался, а чувствовал себя дурак дураком. Но ты сообрази: этот мой двойник, мой Второй мозг, неведомый помощник из другого мира — зови, как хочешь,— ни разу меня не подвел. Он спас меня от банкротства, давал дельные советы, столько раз меня выручал. Кто же отвернется от своего доброго гения?

— Кажется, понимаю,— сказал я.

— Чего ж не понять. Игрок верит в свою удачу. Вкладчик, когда покупает акции, полагается на чутье. Но и удача и чутье могут изменить, а тут у меня штука верная и надежная.

Он протянул руку, взял телефон без диска, пытливо оглядел и опять поставил на стол.

— Этот — один из первых, я давным-давно принес его домой, так он и стоит. Все годы я ждал, но он ни разу не позвонил.

— Да ведь вам телефон ни к чему, вы и так обходитесь.

— Думаешь, причина в этом?

— Уверен.

— Пожалуй, так оно и есть. Но иногда не знаешь, что и думать.

— Ну а эта фирма в Нью-Джерси — они вам пишут?

Шервуд покачал головой:

— Ни строчки. Просто я отсылаю туда аппараты.

— И расписок не получаете?

— Никаких расписок. И никакой платы. Да я ее и не ждал. Когда ведешь дело сам с собой...

— Сам с собой?! Так, по-вашему, фирмой в Нью-Джерси заправляет тот двойник?

— Не знаю,— сказал Шервуд.— Ничего я не знаю, черт подери. Столько лет это гвоздем торчит у меня в голове, и все время я пытался хоть что-то понять, но так и не понял.

Лицо у него стало затравленное, и я от души его пожалел. Должно быть, он это заметил. Он вдруг засмеялся:

— Ты из-за меня не огорчайся. Вытерплю. Я что угодно вытерплю. Не забывай: мне заплачено с лихвой. Расскажи-ка лучше о себе. Занимаешься перепродажей недвижимости?

— Да, и еще страхованием.

— А заплатить по счету за телефон нечем.

— Можете меня не жалеть,— сказал я.— Уж как-нибудь да выкручусь.

— Чудно с вами, с молодежью. Почти никто не остался в Милвилле. Видно, ничто вас тут не держит.

— Видно, что так,— согласился я.

— Нэнси только вчера вернулась из Европы. Я ей рад. Тоскливо одному в пустом доме. В последние годы я ее почти и не видел. Училась в колледже, потом ударилась во всякую общественную деятельность, потом ездила по Европе. А сейчас вот хочет пожить дома. Надумала писать книжку.

— Это у нее, наверно, хорошо получится,— сказал я.— В школе у нее всегда были лучшие отметки за сочинения.

— Она прямо помешалась на писательстве. Уже напечатала с полдюжины статеек в этой, как ее... в периодике. Знаешь, все эти журнальчики, которые выходят раз в три месяца и не платят авторам ни гроша, а только присылают несколько штук номеров. Прежде я про такие и не слыхивал. Статейки ее я прочитал, но это ведь не по моей части. Кто их там знает, хороши они или плохи. Наверно, что-то в них есть, раз напечатали. Главное, ради своего писания она поживет тут со мной, а мне только того и надо.

Я поднялся.

— Пойду. Уж извините, засиделся.

— Нет-нет, я рад был с тобой потолковать. И не забудь деньги. Этот мой двойник, или как бишь его, велел отдать их тебе. Я так понимаю, это вроде аванса.

— Что за фокусы,— сказал я почти со злостью.— Деньги-то даете вы.

— Ничего подобного. Они взяты из особого фонда, он основан много лет назад. Не годится мне одному снимать все сливки, ведь по-настоящему изобретения не мои. Вот я и стал откладывать десять процентов прибыли в особый фонд...

— Наверно, тоже по подсказке того двойника.

— Да, пожалуй... хотя это было так давно, что я уже и сам не знаю. Короче говоря, завел я такой фонд и все годы давал деньги разным людям, как подсказывал этот самый, который хозяйничает у меня в голове.

Я уставился на Шервуда во все глаза, невежа невежей. Но уж очень это было дико: сидит человек и преспокойно рассказывает, как кто-то неведомый хозяйничает у него в голове! Свыкся он с этим, что ли, за столько лет? Нет, все равно непостижимо!

— Я немало выплачивал из этого фонда,— невозмутимо продолжал Шервуд,— но все равно набралась кругленькая сумма. С тех пор как у меня в голове завелся сожитель, чего ни коснусь, все приносит изрядный доход.

— И вы не боитесь мне про это рассказывать?

— А чего бояться — что ты пойдешь болтать направо и налево?

— Ну да. Только я болтать не стану.

— Еще бы. Тебя просто поднимут на смех. Кто ж тебе поверит?

— Никто, надо думать.

— Брэд,— сказал Шервуд почти ласково,— не валяй дурака, черт тебя дери. Возьми-ка этот конверт и сунь в карман. Приходи когда-нибудь еще. Как захочешь, так и приходи — посидим, потолкуем. Чует мое сердце, что нам найдется, о чем потолковать.

Я протянул руку и взял деньги. И сунул в карман.

— Спасибо, сэр.

— Не стоит благодарности,— сказал он и помахал рукой на прощанье.— Еще увидимся.

Глава 4

Я медленно прошел через прихожую — Нэнси нигде не было видно, ее не оказалось и на веранде, а я-то надеялся, что она меня там ждет. Она ведь сказала — да, попозже увидимся, нам

надо о многом поговорить, и я, конечно, решил, что это значит — попозже сегодня же вечером. А может, она совсем этого не думала. Может, она думала — как-нибудь в другой раз. Или, может, она меня ждала, а потом ей надоело. Я ведь и правда очень засиделся у ее отца.

В безоблачном небе взошла луна, в тиши — ни ветерка. Исполинские дубы стояли недвижно как изваяния, летнюю ночь пронизывали сверкающие нити лунного света. Я спустился с крыльца и замер, будто очутился в каком-то заколдованном круге. Эти великаны-дубы, словно призрачные угрюмые стражи, и все насквозь пронизавший лунный свет, и необъятная тишина, полная затаенным ожиданием чего-то, и слабый, какой-то потусторонний аромат, незримой пеленой стелющийся над податливой чернотой под ногами,— да разве это мой знакомый, привычный мир, моя Земля?

А потом колдовство рассеялось, сверканье померкло — меня вновь окружал тот прежний мир, который я знал с детства.

В летней ночи меня пробирала дрожь. Быть может, то был холод разочарования оттого, что меня выгнали из волшебной страны, от сознания: она существует, эта страна, но у меня нет надежды там остаться. Я ощутил под ногами асфальт дорожки и ясно видел теперь, что тенистые дубы — все-таки просто дубы, а никакие не изваяния.

Я встряхнулся, точно пес, вылезший из воды, окончательно овладел собой и зашагал по дорожке. Вот и моя машина; я обошел ее, нашарил в кармане ключи и распахнул дверцу.

Только усаживаясь за баранку, я увидел, что рядом сидит Нэнси.

— Я думала, ты уже никогда не придешь,— сказала она.— О чем это вы с отцом так долго рассуждали?

— Да так, о разном. Все пустяки, ничего интересного.

— Ты часто у него бываешь?

— Нет, не очень.

Почему-то мне не хотелось объяснять ей, что до этого вечера я ни разу с Шервудом и двух слов не сказал.

В темноте я на ощупь вставил ключ.

— Прокатимся? — предложил я.— Может, заедем куда-нибудь, выпьем по стаканчику?

— Нет, не стоит. Лучше просто посидим и поговорим.

Я откинулся на спинку сиденья.

— Славный вечер,— сказала Нэнси.— Тихо, спокойно. По-настоящему тихое место теперь такая редкость.

— Тут у вас есть совсем заколдованное местечко,— сказал я.— Как раз перед крыльцом. Я нечаянно ступил на него, да только колдовство быстро пропало. Все заливает луна, и так странно пахнет...

— Это те цветы...

— Какие?

— На клумбе, что у поворота дорожки. Она вся засажена чудесными цветами, их еще давно отыскал где-то в лесу твой отец.

— Значит, и у вас они растут,— сказал я.— Наверно, в Милвилле в каждом саду есть такая клумба.

— Твой отец был необыкновенно славный, я таких людей больше не встречала. Когда я была маленькая, он всегда мне дарил цветы. Бывало, иду мимо, а он непременно сорвет хоть один цветок и даст мне.

Да, правда, отец был, что называется, очень славный. Славный и сильный, и при этом странный, и, однако, несмотря на свою силу и на все свои странности, удивительно мягкий. Цветы, плодовые деревья и все, что растет на земле, он знал как свои пять пальцев. Помню, кусты томатов у него поднимались высокие, крепкие, листья у них были какого-то особенно густого темно-зеленого цвета, и по весне весь Милвилл приходил к нему за рассадой.

И вот однажды отец понес вдове Хиклин томатную и капустную рассаду и корзину многолетних растений — и возвратился с какими-то странными лиловыми цветами: он наткнулся на них по дороге, в Темной лощине, осторожно выкопал с полдюжины, заботливо окутал корни куском холстины и принес домой.

Никогда еще отец не видывал таких цветов; оказалось, и никто другой их прежде не видел. Отец высадил их на отдельную клумбу, ходил за ними как за малыми детьми, и цветы благодарно отозвались на добрую заботу. И теперь едва ли найдешь в Милвилле клумбу, где не росло бы хоть несколько лиловых цветов — цветов, открытых моим отцом.

— Странные они, эти его цветы,— сказала Нэнси.— А удалось ему определить, к какому виду они относятся?

— Нет,— сказал я,— так и не удалось.

— Надо было послать образчик в какой-нибудь университет хотя бы. Кто-нибудь объяснил бы ему, что же это такое.

— Да он сколько раз об этом заговаривал. Но так и не собрался. Всегда дел по горло. Ни минуты передышки. С этими теплицами вечно крутишься как белка в колесе.

— Ты сильно не любил теплицы, Брэд?

— Не то чтобы уж очень не любил. Я с детства к ним привык, умел кое-как управляться. Но у отца был особый дар, сноровка, а у меня — нет. Вся эта зелень у меня просто не желала расти.

Нэнси потянулась так, что руками, сжатыми в кулаки, коснулась верха машины.

— А приятно вернуться домой! Пожалуй, я тут поживу. Мне кажется, папе плохо одному.

— Он говорил, ты хочешь стать писательницей.

— Так и сказал?

— Да. По-моему, он не считал, что это секрет.

— Ну пусть. Но вообще об этом как-то не говорят заранее, надо сначала написать хотя бы половину. Может быть, ничего и не выйдет, тут столько подводных камней... Есть такие мнимые литераторы — либо он вечно что-то пишет и никак не допишет, либо вечно рассуждает о своей будущей книге и никак за нее не сядет, а я так не хочу!

— А о чем ты собираешься писать?

— Вот об этом. О нашем городе.

— О Милвилле?!

— Ну да, чем плохо? Наш городок и его жители.

— Да тут же не о чем писать!

Нэнси засмеялась и мимолетно коснулась моего плеча.

— Очень даже есть о чем! Сколько знаменитостей! Какие своеобразные характеры!

— У нас — знаменитости? — изумился я.

— Конечно! Белл Симпсон Ноуэлз — известная романистка, Бек Джексон — прославленный адвокат по уголовным делам, Джон Хартфорд стоит во главе исторического факультета в...

— Но ведь они уже не живут в Милвилле,— перебил я.— Здесь им нечего было делать. Они уехали куда-то и там прославились — и глаз не кажут в Милвилл, погостить и то не приедут.

— Но первые-то шаги они сделали тут, у нас,— возразила Нэнси.— Талант у них был, когда они еще не выезжали из Милвилла. И ты меня перебил, я не всех назвала. Из Милвилла вышло еще много выдающихся людей. Маленький, глупый, захолустный городишко, а породил столько прославленных деятелей, и мужчин, и женщин, что больше ни один такой городок с ним не сравнится.

— Ты уверена?

Она говорила с таким жаром, что меня разбирал смех, но засмеяться я все же не посмел.

— Придется еще проверить,— сказала она,— но незаурядных людей из Милвилла вышло очень много.

— А насчет своеобразных характеров ты, пожалуй, права. Чудаков в Милвилле хватает. Шкалик Грант, Флойд Колдуэлл, мэр Хигги...

— Это все не то. Они своеобразные не в том смысле. Я бы даже не сказала, что они — характеры. Просто они личности. Они росли привольно, в непринужденной обстановке. Никто не подавлял их, не связывал всякими строгостями и ограничениями, и они остались самими собой. Наверно, в наше время только в таких захолустных городках и можно еще найти подлинно свободную индивидуальность.

Сроду я не слыхал ничего подобного. В жизни мне никто не говорил, что Хигги Моррис — личность. Да и какая он личность! Просто самодовольное ничтожество. И Хайрам Мартин тоже никакая не личность. Уж я-то знаю. В школьные годы он был драчун и нахал и вырос в безмозглого фараона.

— Ты со мной не согласен? — спросила Нэнси.

— Не знаю. Никогда об этом не думал.

А про себя подумал: ох уж эта образованность! Сколько лет Нэнси училась в университете, потом увлеклась общественной деятельностью, работала в Нью-Йорке по улучшению быта населения, потом год путешествовала по Европе — вот оно все и сказывается. Она чересчур уверена в себе, напичкана теориями и всяческой премудростью. Милвилл стал ей чужим. Она больше не чувствует его и не понимает — на родной дом не станешь смотреть со стороны и разбирать по косточкам. То есть она сколько угодно может по привычке называть наш городишко домом, но на самом деле он ей больше не дом. А может, никогда и не был домом? Правильно ли девчонке (или мальчишке, все равно) называть родным домом захудалый нищий поселок, если сама она живет в единственном богатом особняке, каким может похвастать эта богом забытая дыра, и папаша разъезжает в «кадиллаке», и к их услугам кухарка, горничная и садовник? Нет, Нэнси вернулась не домой; скорее, здесь для нее опытное поле, удобное место для наблюдений и изысканий. Она будет смотреть на Милвилл с высоты Шервудова холма, исследовать, раскладывать по полочкам, она разденет нас донага и, как бы мы ни корчились от позора и мук, выставит нас напоказ, на забаву и поучение той публике, что читает подобные книги.

— Мне кажется,— сказала Нэнси,— в Милвилле есть что-то такое, что может быть полезно всему миру и чего пока в мире недостает. Некий катализатор, благодаря которому в человеке вспыхивает искра творчества. Особый голод, неутолимая пустота внутри, которая заставляет стремиться к величию.

— Голод и пустота внутри,— повторил я.— У нас тут есть семьи, которые тебе могут все до тонкости порассказать про голод и пустоту внутри.

Я не шутил. В Милвилле иные семьи живут впроголодь — не то чтобы умирают с голоду, но вечно недоедают, и едят не добротную, вкусную и полезную пищу, а так, что придется. Три такие семьи я мог назвать с ходу, не задумываясь.

— Брэд,— сказала Нэнси,— тебе, видно, не по душе эта моя затея.

— Да нет, я не против. Какое у меня право говорить что-то против? Только уж, пожалуйста, пиши так, как будто ты тоже наша, здешняя, а не гостья — поглядываешь со стороны и посмеиваешься. Постарайся нам хоть немного посочувствовать. Попробуй влезть в шкуру тех, про кого пишешь. Это будет не так уж трудно, все-таки столько лет жила в Милвилле.

Нэнси засмеялась, но на этот раз ее смех прозвучал невесело.

— Я очень боюсь, что у меня ничего не выйдет. Начну, изведу гору бумаги, но все время надо будет возвращаться к началу, и менять, и переделывать, потому что меняются люди, про которых пишешь, или начинаешь смотреть на них другими глазами и понимать по-другому... и до конца я дописать не сумею. Так что можешь не беспокоиться.

«Вероятно, она права,— подумал я.— Чтобы написать книгу, чтобы довести ее до конца, тоже нужно ощущать голод, пустоту внутри, только это совсем другой голод. А Нэнси вряд ли голодна, как ей кажется».

— Надеюсь,— сказал я.— То есть, надеюсь, что ты напишешь свою книгу. И это будет хорошая книга, я уж знаю. Иначе просто быть не может.

Я старался как-то искупить недавнюю резкость, и Нэнси, видно, это поняла. Но ничего не сказала.

Экая глупость, ребячество, корил я себя. Разобиделся, распетушился как заправский провинциал. А не все ли равно? Не все ли равно, что она там напишет, когда я и сам только сегодня стоял посреди улицы и чуть зубами не скрипел от ненависти к этому убогому городишке, к жалкому географическому ничтожеству под названием Милвилл.

А рядом сидит Нэнси Шервуд. Та самая, с которой на заре нашей юности мы ходили, взявшись за руки... Та, кого я вспоминал сегодня, когда бродил по берегу реки, пытаясь убежать от самого себя.

Что же случилось, не пойму... И вдруг Нэнси спросила:

— Что случилось, Брэд?

— Не знаю. Разве что-нибудь случилось?

— Не ершись, пожалуйста. Ты же сам знаешь, что-то неладно. Что-то у нас с тобой нехорошо.

— Наверно, ты права. Все как-то не так. Я думал, когда ты вернешься, будет совсем по-другому.

Меня тянуло к ней, мне хотелось ее обнять — и, однако, даже в эту минуту я понимал, что хочу обнять не эту Нэнси Шервуд, которая сидит рядом в машине, а ту, прежнюю, подругу далеких-далеких дней.

Посидели, помолчали. И Нэнси промолвила:

— Давай как-нибудь в другой раз попробуем начать сначала. Давай забудем этот разговор. Как-нибудь вечером я надену свое самое нарядное платье и мы с тобой поедем куда-нибудь, поужинаем вместе и немножко выпьем.

Я повернулся, протянул руку, но она уже отворила дверцу и вышла.

— Спокойной ночи, Брэд,— сказала она и побежала по дорожке к дому.

Я сидел и слушал, как она бежит по дорожке, потом по веранде. Хлопнула входная дверь, а я все сидел в машине, и эхо быстрых легких шагов все еще отдавалось где-то у меня внутри.

Глава 5

Поеду домой, говорил я себе. Даже не подойду к своей конторе и к телефону, который ждет на столе: сперва надо все путем обдумать. Ведь если, допустим, я пойду, сниму телефонную трубку и один из тех голосов отзовется — что я скажу? В лучшем случае — что я был у Джералда Шервуда и получил деньги, но, прежде чем браться за работу, которую они мне предлагают, надо же все-таки понять, что к чему. Нет, это не годится: что толку бубнить заранее заготовленные слова, точно тупица по шпаргалке? Так я ничего не добьюсь.

И тут я вспомнил, что сговорился с Элфом Питерсоном с утра пораньше отправиться на рыбалку, и преглупо обрадовался: значит, утром некогда будет идти в контору!

Вряд ли что-либо менялось оттого, сговорился я насчет рыбалки или не сговорился. Вряд ли тут что-либо могло измениться, какими бы рассуждениями я себя ни тешил. В ту самую минуту, как я давал клятву немедленно ехать домой, я уже знал, что неминуемо окажусь в конторе.

На главной улице было тихо и безлюдно. Почти все магазины уже закрылись, только редкие машины еще стояли у обочин. Перед «Веселой берлогой» толпилась кучка фермеров — видно, собралась компания выпить пива.

У конторы я остановил машину и вылез. Вошел и даже не потрудился повернуть выключатель. Было не так уж темно: в окно падал с перекрестка свет уличного фонаря.

Я подошел к письменному столу, протянул руку, хотел снять трубку... телефона не было!

Я стоял столбом, смотрел на стол и глазам не верил. Наклонился, провел по столу ладонью, обшарил его весь, будто вообразил, что телефон вдруг стал невидимкой, и если его никак не углядишь, то нащупать все-таки можно. На самом деле ничего такого я не думал. А просто не мог поверить собственным глазам.

Потом я выпрямился и застыл, а по спине у меня бегали мурашки. Наконец медленно, с опаской я повернул голову и оглядел все углы: вдруг там затаилась какая-то мрачная тень и подстерегает... Но нигде никто не прятался. И ничего в конторе не изменилось. Все было в точности как днем, когда я уходил, каждая мелочь на прежнем месте — только телефон исчез.

Я зажег свет и обыскал комнату. Пошарил по углам, заглянул под стол, перерыл все ящики, перебрал папки в шкафу.

Телефона как не бывало.

Впервые я по-настоящему струхнул. Может, кто-то нашел этот телефон? Ухитрился залезть в контору или каким-то образом отпер дверь — и стащил аппарат? Но зачем, почему? Он вовсе не бросался в глаза. То есть, конечно, у него нет ни диска, ни проводов, но, если посмотреть в окно с улицы, вряд ли можно было это заметить.

Нет, скорее, тот, кто прежде оставил этот телефон у меня на столе, вернулся и забрал его. Может быть, это означает, что те, кто мне звонил и предлагал работу, передумали: решили, что я им не подхожу. И забрали телефон, а тем самым взяли назад и свое предложение.

Если так, остается одно: забыть об этой работе и вернуть деньги. Не так-то легко будет их вернуть. Они нужны мне, ох как нужны — просто позарез!

Потом я сидел в машине и тщетно пытался понять, что же дальше, но так ничего и не надумал, включил мотор и медленно покатил по главной улице.

Завтра утром, думал я, заеду за Элфом Питерсоном, и двинем мы с ним на целую неделю на рыбалку. Да, хорошо бы потолковать со старым другом Элфом. Нам есть о чем потолковать — обсудим и его сумасшедшую работу в штате Миссисипи, и мое приключение с телефоном.

И может быть, когда Элф отсюда уедет, я поеду с ним. Чем дальше от Милвилла, тем лучше.

Я не стал заводить машину в гараж. Перед сном надо будет еще собрать и уложить все походное снаряжение и рыболовную снасть, чтобы завтра с утра выехать пораньше. Гараж у меня маленький, укладываться сподручнее прямо на дорожке.

Я вылез из машины и остановился. В лунном свете угрюмой горбатой тенью чернел дом; поодаль, за углом, поблескивали под луной два или три уцелевших стекла обветшалых, вросших в землю теплиц. И чуть виднелась макушка вымахавшего рядом с ними вяза. Помню, много лет назад я заметил нечаянно пробившийся побег — слабый, тоненький прутик — и хотел его выдернуть, но отец не позволил: дерево имеет такое же право жить, как и все мы, сказал он. Так и сказал: такое же право, как и мы. Удивительный человек был мой отец, в глубине души он верил, что цветы и деревья чувствуют и думают, как люди.

И опять я ощутил слабый аромат лиловых цветов, вольно разросшихся вокруг теплиц,— тот самый аромат, которым меня обдало у веранды Шервудов. Но магического круга на этот раз не было.

Я обогнул дом и остановился: в кухне горел свет. Наверно, забыл погасить, подумал я. Впрочем, хоть убей, не помню, чтобы я его зажег.

Но и дверь кухни оказалась открытой, а я точно помнил, как, уходя, захлопнул ее, да еще толкнул ладонью, проверяя, защелкнулся ли замок, и только потом пошел к машине.

Может быть, кто-то меня ждет или в доме побывал вор и все очистил, хотя, Бог свидетель, поживиться у меня нечем. А может, ребята озоровали — есть у нас такие шалые, никакого удержу не знают.

Несколько быстрых шагов — и я так и стал посреди кухни. Тут и впрямь был посетитель, меня ждали.

На табурете сидел Шкалик Грант; он согнулся в три погибели, прижал обе руки к животу и медленно раскачивался из стороны в сторону, словно от боли.

— Грант! — крикнул я.

В ответ он то ли застонал, то ли замычал.

Опять нализался. Пьян вдрызг, в стельку, и как он умудрился допиться до такого состояния на тот мой несчастный доллар? А может, он сперва выпросил и еще у двоих или троих, чтобы уж сразу налакаться всласть?

— Грант,— зло повторил я,— какого черта?

Я обозлился всерьез. Пусть его пьет, сколько влезет, это не моя забота, но по какому праву он врывается ко мне в дом?

Шкалик опять простонал, свалился с табурета и нелепой кучей тряпья шмякнулся на пол. Что-то выпало из кармана его драной куртки, забренчало, зазвенело и покатилось по истертому линолеуму.

Я опустился на колени и с немалым трудом кое-как перевернул пьянчугу на спину. Физиономия у него была распухшая, вся в багровых пятнах, дыхание неровное, прерывистое, но перегаром от него не пахло. Не веря себе, я наклонился пониже — нет, он явно трезвый!

— Брэд! — пробормотал он.— Это ты, Брэд?

— Я, я, не волнуйся. Сейчас я тебе помогу.

— Уже скоро,— зашептал он.— Времени в обрез.

— Что скоро?

Но он не ответил. Его одолел приступ удушья. Он силился что-то сказать и не мог, слова душили его, застревали в горле.

Я вскочил, кинулся в гостиную, зажег свет у телефона. Второпях, бестолково и неуклюже стал листать телефонную книжку, все время подворачивались не те страницы. Наконец я отыскал номер доктора Фабиана, набрал и стал ждать: в трубке раздавался гудок за гудком. Хоть бы старик был дома, хоть бы не укатил куда-нибудь по вызову! Если его нету, никто не отзовется, на миссис Фабиан надеяться нечего. У нее жестокий артрит: она еле ползает. Доктор всегда старается залучить кого-нибудь, чтоб присматривали за ней, когда его нет дома, и отвечали на звонки, но это ему не всякий раз удается. Миссис Фабиан — старуха нравная, на нее не угодишь, и сносить ее придирки никому неохота.

Наконец доктор снял трубку, и у меня гора с плеч свалилась.

— Док,— сказал я,— у меня тут Шкалик Грант, с ним что-то неладно.

— Пьян, наверно.

— Да нет, не пьян. Прихожу домой, а он сидит у меня на кухне. Его всего скрючило, и он что-то лопочет.

— Что же он лопочет?

— Не знаю. Говорить не может, лопочет, не поймешь что.

— Хорошо,— сказал доктор Фабиан,— сейчас приеду.

Надо отдать старику справедливость: на него можно положиться. Днем ли, ночью, в ненастье ли — никогда не откажет.

Я вернулся в кухню. Грант перекатился на бок, он по-прежнему держался обеими руками за живот и тяжело дышал. Я не стал его трогать. Доктор скоро будет, а до тех пор я ничем не могу помочь. Уложить поудобнее? А может, ему удобней лежать на боку, а не на спине?

Я подобрал металлический предмет, который выпал у Гранта из кармана. Это оказалось кольцо с полудюжиной ключей. На что ему, спрашивается, столько ключей? Может, он их таскает для пущей важности — воображает, будто они придают ему веса?

Я положил ключи на стол, вернулся к Шкалику и присел подле него на корточки.

— Я звонил доку, Грант,— сказал я.— Он сейчас приедет.

Шкалик, кажется, услыхал. Минуту-другую он пыхтел и захлебывался, потом выдавил из себя прерывистым шепотом:

— Больше помочь не могу. Ты остаешься один.

У него это вышло далеко не так связно — какие-то клочки, обрывки слов.

— Про что это ты? — спросил я, как мог мягко.— Объясни-ка, в чем дело.

— Бомба,— сказал он.— Они захотят пустить в ход бомбу. Не давай им сбросить бомбу, парень.

Не зря я сказал доктору Фабиану, что Грант не говорит, а лопочет.

Я вышел к парадной двери поглядеть, не видно ли доктора, и тут он как раз показался на дорожке.

Он прошел вперед меня в кухню и постоял минуту, глядя на Шкалика сверху вниз. Потом отставил свой чемоданчик, тяжело опустился на корточки и повернул Гранта на спину.

— Как самочувствие? — спросил он.

Шкалик не ответил.

— Глубокий обморок,— сказал доктор.

— Он только что со мной говорил.

— Что же он сказал?

Я покачал головой:

— Да так, чушь какую-то.

Доктор Фабиан вытащил из кармана стетоскоп и стал слушать сердце Гранта. Потом вывернул ему веки и посветил в глаза. Потом медленно поднялся на ноги.

— Что с ним? — спросил я.

— Шок. Не понимаю, в чем дело. Надо бы свезти его в Элмор, в больницу, и там обследовать по всем правилам.

Доктор устало повернулся и побрел в гостиную.

— Где у тебя телефон?

— В углу, возле лампы.

— Позвоню Хайраму,— сказал доктор.— Он отвезет нас в Элмор. Гранта уложим на заднее сиденье, я сам тоже поеду, пригляжу за ним.

На пороге он обернулся:

— У тебя найдется парочка одеял? Надо его укутать потеплее.

— Что-нибудь найду.

Я пошел за одеялами. Когда вернулся, доктор уже снова был на кухне. Вдвоем мы спеленали Гранта как младенца. Он был весь обмякший, будто без костей, по лицу его ручьями струился пот.

— Непостижимо, как еще в нем душа держится,— сказал доктор Фабиан.— Живет в этой своей развалюхе у самого болота, хлещет спиртное подряд, без разбору, питается вообще неизвестно чем. Ест всякую дрянь, сущие помои. И за последние десять лет навряд ли хоть раз толком вымылся.— Старик вдруг вспылил: — Черт знает, до чего безобразно иные субъекты относятся к собственному телу!

— Откуда он взялся? — спросил я.— Я всегда считал, что он родом нездешний. Но сколько себя помню, он вечно околачивался в Милвилле.

— Его сюда занесло уже тому лет тридцать, а то и побольше,— сказал доктор Фабиан.— Тогда он был еще совсем молодой. Нанимался то туда, то сюда, подрабатывал по мелочам, так тут и застрял. Никто не обращал на него внимания. Верно, думали — перекати-поле, опять его каким-нибудь ветром унесет. А потом как-то так прижился, что Милвилл без него и представить нельзя. Может, ему здесь понравилось. А может, просто не хватило ума двинуться дальше.

Мы помолчали.

— А почему он вдруг ввалился к тебе? — спросил доктор.

— Право, не знаю. Мы с ним всегда ладили. Иногда ходим вместе на рыбалку. Может, он просто шел мимо и вдруг ему стало худо.

— Может быть, и так,— согласился доктор.

В дверь позвонили, я вышел открыть и впустил Хайрама Мартина. Хайрам — рослый детина, морда у него мерзкая, зато полицейская бляха на лацкане всегда начищена до блеска.

— Где он? — спросил Хайрам.

— На кухне,— сказал я.— И доктор с ним.

Сразу видно было, что Хайраму вовсе не улыбается везти Шкалика в Элмор.

Он прошествовал в кухню и остановился, глядя на укутанное тело на полу.

— Пьян, что ли?

— Нет,— сказал доктор.— Он болен.

— Ладно,— проворчал Хайрам.— Машина у крыльца, мотор не выключен. Давайте перетащим его, и поехали.

Втроем мы вынесли Шкалика из дому и пристроили на заднем сиденье.

Я стоял на дорожке, смотрел им вслед и спрашивал себя, каково-то будет Гранту очнуться в больнице. Уж верно, он вовсе не стремился туда попасть.

И еще мне было не по себе из-за доктора Фабиана. Он уж очень не молод, наверняка целый день мотался по больным и все-таки счел своим долгом поехать со Шкаликом.

Вернувшись на кухню, я надумал сварить себе кофе, хотел уже налить воду в кофейник — и увидел ту связку ключей, я ее раньше подобрал с пола и кинул на стол. Я взял ее в руки и стал разглядывать. Два ключа были большие, возможно от сарая, два — самые обыкновенные ключи, неизвестно от чего, один от машины и еще один, похоже, от сейфа. Я вертел их в руках, уже почти не глядя, и мысленно пожимал плечами. Откуда у нашего выпивохи ключ от машины, а тем более от сейфа? Машины у него нет — и, даю голову на отсечение, сроду у него не было ничего такого, что стоило бы хранить в сейфе.

Времени в обрез, сказал он мне, они захотят сбросить бомбу. Доктору я сказал, что Шкалик лопочет без всякого смысла, но теперь, как вспомню, не так уж я в этом уверен. Он задыхался, каждое слово давалось ему с великим трудом, и все же он так старался. Нет, это были осмысленные слова, ему важно

было их выговорить. Он непременно хотел их сказать, собрал для этого последние силы. Совсем не похоже на бред, когда язык сам собою мелет и мелет всякую чушь. Но он сказал слишком мало. Ему не хватило сил или, может быть, времени. Ему удалось выговорить лишь несколько слов, но в чем их смысл, понять невозможно.

Есть одно место, где я, пожалуй, еще до чего-нибудь дознаюсь и тогда пойму, что он хотел сказать, только очень мне это не по душе. Пьянчужка Грант — мой старинный друг, мы стали друзьями в тот далекий день, когда Грант, идучи ловить рыбу, прихватил с собой десятилетнего мальца и до вечера просидел с ним на берегу, без устали рассказывая всякие удивительные истории. Помню, тогда нам и кое-какая рыба попалась, но рыба — это было не главное. Важнее всего — это важно и по сей день,— что взрослый человек понимал десятилетнего мальчишку и держался с ним на равных. В тот день, в те несколько предвечерних часов, я разом вырос. Пока мы сидели на берегу реки, я был ничуть не меньше его — такой же человек, а это случилось со мной впервые.

Да, надо кое-что сделать... очень мне это не по душе... но, может, Шкалик и не рассердится. Он ведь пытался мне что-то сказать и не сумел, не хватило сил. Уж, конечно, он поймет, что если я воспользуюсь ключами и заберусь в его лачугу, так не с каким-то злым умыслом и не из праздного любопытства: надо же хоть попытаться понять, о чем он старался меня предупредить.

Еще никто никогда не переступал его порога. Свою халупу на окраине Милвилла, у самого болота, в которое переходит луг Джека Диксона, Грант строил понемногу, год за годом, из всякого хлама, какой попадался под руку: бревешко или доска, которая плохо лежит, расплющенная жестянка, обломок фанеры — все шло в ход. Сперва получилось что-то вроде конуры или курятника с односкатной крышей — лишь бы кое-как укрыться от ветра и дождя. Но по кусочку, по щепочке год за годом Грант все укреплял и увеличивал эту странную постройку — и в конце концов вышло хоть и нелепое, нескладное, с какими-то корявыми выступами и углами, а все-таки жилище.

Итак, я решился: в последний раз подбросил ключи, на лету поймал и сунул в карман. Вышел из дома и сел в машину.

Глава 6

Призрачно-белый туман тонкой пеленой стлался над болотом и завивался у подножия пригорка, на котором стояла хижина Шкалика. Дальше, за этой плоской белизной, вздымалась смутная тень: среди болота торчал поросший лесом островок.

Я остановил машину и вылез; в нос ударил едкий болотный дух: пахло тлением, плесенью, гниющими травами, ржавой стоячей водой. В сущности, не такой уж тошнотворный запах, и, однако, было в нем что-то нечистое, меня даже передернуло. Вероятно, к этому можно привыкнуть, подумал я. Шкалик живет здесь так долго, что, скорее всего, принюхался и уже ничего не чувствует.

Я оглянулся на город — сквозь темную массу мрачных, будто в дурном сне приснившихся деревьев на миг блеснул луч уличного фонаря, что раскачивался на ветру. Да, можно не беспокоиться, я наверняка доехал незамеченным. Прежде чем свернуть с шоссе, я погасил фары и дальше, по проселочной дороге, которая, петляя, доходила до хижины Гранта, полз как черепаха, при одном лишь тусклом свете луны.

«Яко тать в нощи,— подумалось мне.— Да так оно и есть, вот только красть я ничего не собираюсь».

Тропинка привела меня к двери, слепленной, будто из заплат, из кривых, бросовых дощечек и обрезков; дверь заперта была на тяжелый засов с огромным висячим замком. Я попробовал один из больших ключей, он подошел, дужка замка откинулась. Толкнул дверь, она со скрипом отворилась.

Я засветил карманный фонарик, который на всякий случай прихватил из машины. С порога повел лучом вправо и влево. Стол, три стула, у одной стены койка, у другой — очаг.

И — чистота. Деревянный пол устлан заботливо пригнанными друг к другу кусками линолеума. И линолеум протерт до блеска. Стены оштукатурены и тщательно оклеены клочками обоев, причем на какое-либо соответствие цвета и узора мастеру было в высшей степени наплевать.

Медленно поводя по сторонам лучом фонаря, я вошел в комнату. Теперь кроме самых больших вещей, которые первыми бросились мне в глаза — печка, стол, стулья, кровать,— я стал замечать и другие, помельче.

И среди прочего — то, что должен был бы заметить прежде всего, но почему-то не заметил: на столе стоял телефон.

Я направил на него луч фонаря и долгие секунды смотрел, проверял то, что было очевидно с самого начала, с самого первого взгляда: у этого телефона не было ни диска, ни провода. Да и окажись у него провод, его здесь не к чему было бы присоединить: телефонная линия никогда не доходила до этой халупы на краю болота.

Стало быть, их три... то есть это я знаю три. Один стоял у меня в конторе, другой — в кабинете Джералда Шервуда, а вот и еще один — в лачуге первейшего милвиллского лодыря и забулдыги.

А впрочем, не такой уж он забулдыга, как воображает весь Милвилл. Мы-то думали, он зарос грязью в своей развалюхе. А между тем пол вымыт, стены оклеены обоями, все чисто и опрятно.

Джералд Шервуд, я и Шкалик Грант — что, спрашивается, может нас объединять? И сколько еще в Милвилле таких телефонов? С кем еще соединяют нас неведомые, непонятные узы?

Я повел фонариком: луч взобрался на постель, застланную лоскутным одеялом — не смятым, не скомканным, а расправленным гладко, без единой морщинки. А потом луч осветил еще столик по ту сторону кровати. Под ним стояли две картонные коробки. Одна без всякой надписи, на крышке другой яркие крупные буквы — известная марка превосходного шотландского виски.

Я подошел к столику и вытащил ящик из-под виски. То, что я в нем увидел, меня огорошило. Я думал, там сложены белье и прочие пожитки или свален никчемный старый хлам, но никак не ожидал, что это и в самом деле виски.

Не веря глазам, я доставал бутылку за бутылкой — непочатые, даже нераскупоренные. Потом снова поставил их все в ящик и осторожно присел на корточки. Где-то внутри росло желание расхохотаться... но, если вдуматься, тут было не до смеха.

Только сегодня Шкалик выклянчил у меня доллар, уверяя, что ему с самого утра нечем было промочить горло. А в это самое время у него под столом стоял целый ящик первоклассного виски.

Неужели весь его вид, его повадки завзятого пьяницы и забулдыги — просто маскарад? Грязные, обломанные ногти, мятая драная одежда, вечно небритая физиономия и немытая шея... и вечно он клянчит на выпивку и не брезгует самой

грязной случайной работой ради хлеба насущного... так что же, все это — подделка и обман?

Но если это притворство, то — чего ради?

Я затолкал ящик с виски обратно под стол и вытащил вторую коробку. Тут было уже не виски, но и не какой-нибудь старый хлам. Тут были телефоны.

Я оцепенел, вытаращив глаза. Так значит, вот каким образом тот аппарат попал ко мне на стол! Его принес Шкалик, а потом дожидался меня, подпирая стенку. Возможно, выходя из конторы, он увидал меня в конце улицы — и попытался единственно правдоподобным образом объяснить, с какой стати он тут околачивается. А может быть, это просто нахальство и больше ничего. И все время он втихомолку надо мной насмехался.

Нет, неправда. Не станет Грант надо мной насмехаться. Мы с ним старые, верные друзья, и не станет он надо мной измываться и дурачить меня. Тут кроется что-то серьезное, что-то очень-очень серьезное, тут совсем не до смеха.

Если это Шкалик принес телефон ко мне в контору, так, может, он сам его и забрал? Может, потому он и заявился вечером ко мне домой — хотел объяснить, отчего телефон исчез?

Нет, едва ли. Не похоже.

Но если телефон забрал не Шкалик, значит, тут замешан кто-то еще.

Вынимать телефоны из коробки не было никакой надобности, я отлично знал, что это такое. И все-таки вытащил их — и, конечно, не ошибся. Ни дисков, ни проводов у них не было.

Я поднялся на ноги и постоял в раздумье, глядя на тот телефон, что стоял на столе; потом решился, подошел к столу и снял трубку.

— Слушаю! — отозвался уже знакомый мне деловитый голос.— Что вы можете сообщить?

— Это не Шкалик говорит,— сказал я.— Шкалика отвезли в больницу. Он заболел.

Короткая заминка, потом голос сказал:

— А, это мистер Брэдшоу Картер, не так ли? Очень мило, что вы позвонили.

— Я нашел телефонные аппараты у Шкалика. Я сейчас у него дома. А тот телефон, который был у меня в конторе, куда-то пропал. И я виделся с Джеральдом Шервудом. Мне кажется, приятель, вам пора объясниться начистоту.

— Да, конечно,— сказал голос.— Как я понимаю, вы согласны представлять наши интересы.

— Стоп, одну минуту. Сперва объясните толком, в чем дело. И дайте мне время подумать.

— Ну вот что,— сказал голос,— вы все обдумайте и позвоните нам. А что вы сказали про Шкалика, куда его увезли?

— В больницу. Он заболел.

— Почему же он не сообщил нам! — ахнули в трубке.— Мы бы привели его в порядок. Ведь он прекрасно знает...

— Может быть, он просто не успел. Когда я его нашел, он был очень плох.

— Как называется то место, куда его увезли?

— Элмор. Элморская больница.

— Элмор. Да, да, конечно. Мы знаем, где это.

— Может, вы и Гринбрайер знаете?

Сам не понимаю, как это сорвалось у меня с языка. Я и не думал про Гринбрайер. Он вдруг выскочил из подсознания — быть может, где-то там, в глубине, наши здешние происшествия связались для меня с тем, что рассказывал о своей работе Элф.

— Гринбрайер? Да, разумеется. Это в штате Миссисипи. Маленький город, совсем как Милвилл. Так вы нас известите? Когда окончательно примете решение, вы нас известите?

— Извещу.

— Большое спасибо, сэр. Рады будем сотрудничать с вами.

И телефон заглох.

Значит, и в Гринбрайере тоже. Не только в Милвилле. А может, и во всем свете то же самое. Кой черт, что же это творится?

Надо поговорить с Элфом. Пойду сейчас домой и позвоню ему. Или лучше поеду к нему, поговорим с глазу на глаз. Наверно, он уже в постели — придется разбудить. Прихвачу чего-нибудь выпить.

Я взял телефон под мышку и вышел. Притворил дверь, проверил, защелкнулся ли замок, и пошел к своей машине. Открыл заднюю дверцу, поставил телефон на пол и накрыл плащом (он лежал сложенный на заднем сиденье). Глупо, конечно, а все же как-то спокойнее, когда эта штука упрятана подальше и не бросается в глаза.

Потом я сел за руль и задумался. Пожалуй, не стоит ничего делать второпях, очертя голову. Завтра утром мы с Элфом все равно увидимся, и тогда будет вдоволь времени на разговоры:

если надо, проговорим хоть целую неделю. А пока попробую сам обмозговать положение.

Час уже поздний, а надо еще собрать и уложить в машину все, что нужно для рыбалки, и хоть немного поспать.

Не делай глупостей, говорил я себе. Не спеши. Постарайся все продумать.

Дельный совет. Только для кого-нибудь другого. И даже для меня — но только в другое время и при других обстоятельствах. А тут надо было действовать совсем иначе. Надо было гнать во весь дух к «Стоянке Джонни» и вломиться к Элфу. Быть может, тогда все пошло бы по-другому. А впрочем, кто его знает. Наверняка никогда ничего не знаешь.

Короче говоря, я все-таки вернулся домой, уложил рыболовную снасть и все прочее в машину, соснул часок-другой (теперь понять не могу, как мне удалось уснуть), а ни свет ни заря меня поднял будильник.

И, не успев добраться до Элфа, я наткнулся на невидимый барьер.

Глава 7

— Эй! — радостно окликнуло меня развеселое пугало.

Он стоял передо мной нагишом и, пуская слюну, пересчитывал собственные пальцы.

Обознаться было невозможно. За минувшие годы он ничуть не изменился. Все то же безмятежно-тупое выражение лица, лягушечий рот до ушей, в глазах ни искорки мысли. Как и все в Милвилле, я не видел его целых десять лет, но, казалось, он не стал старше. Разве что волосы отросли и спадали на плечи, но он так и остался безусым. Просто всю физиономию покрывал какой-то цыплячий пух. И он был совершенно голый, только на голове торчал невообразимый соломенный колпак. Да, это был он, Таппер. Все тот же прежний Таппер. Его нельзя было не узнать.

Он перестал считать пальцы и сглотнул слюну. Снял свою дурацкую шляпу и протянул мне, чтобы я получше ее разглядел.

— Сам сделал! — сказал он, раздуваясь от гордости.

— Отличная шляпа,— отозвался я.

А про себя подумал: Таппер — принесла же его нелегкая! Не знаю, откуда он вдруг взялся, но хуже времени выбрать не мог. У Милвилла сейчас хватает забот, ему пока не до Тапперов.

— Твой папа,— сказал Таппер Тайлер.— Где твой папа, Брэд? Мне надо ему кой-чего сказать.

А голос? Как можно было его не узнать? И как я мог забыть, что у Таппера необычайный дар подражания? Он всегда мастерски передразнивал любую птицу, лаял, мяукал и, к восторгу окружавшей его плотным кольцом хохочущей детворы, разыгрывал целые сценки — драку кошки с собакой или перебранку двух соседей.

— Твой папа? — повторил Таппер.

— Пойдем-ка в дом,— сказал я.— Дам тебе что-нибудь надеть. Нечего разгуливать в чем мать родила.

Он рассеянно покивал.

— Цветы,— сказал он.— Много-много, красивые.

И развел руки, показывая, как много цветов.

— Луга, луга. Всюду цветы. Конца-краю нет. И все лиловые. Такие красивые и пахнут как хорошо, и какие добрые.

Рукой, похожей на птичью лапу, он утер подбородок, по которому во время этой длинной речи побежала струйка слюны. Потом вытер ладонь о бедро.

Я взял его за локоть, повернул и повел к дому.

— А твой папа? Мне надо рассказать твоему папе про цветы.

— После расскажешь.

Я заставил его подняться на веранду, подтолкнул к двери и вошел следом. Вот так-то лучше. Нечего ему болтаться в таком виде по улицам, людей пугать. А я и без того сыт по горло. Только вчера вечером у меня в кухне валялся без памяти Шкалик, и вот заявился нагишом Таппер. Чудаки — народ неплохой, и в захолустных городишках их всегда хватает, но сейчас это, право, некстати.

Все еще крепко держа Таппера за локоть, я привел его в спальню.

— Стой тут.

Он стал как пень посреди комнаты и только бессмысленно озирался, разинув рот.

Я отыскал рубашку, штаны. Вытащил пару башмаков, но поглядел на его ноги и сунул башмаки на прежнее место. Наверняка малы. У Таппера огромные, расшлепанные ножищи — видно, многие годы топал босиком.

Я протянул ему штаны и рубаху.

— Надевай. И сиди тут. Никуда не выходи.

Он не ответил и одежду не взял. И опять принялся пересчитывать свои пальцы.

До этой минуты мне недосуг было задумываться, а тут я впервые спросил себя: да где же он пропадал? Как это могло случиться: исчез человек, скрылся без следа ни много ни мало на десять лет и вдруг — здрасте! — явился неведомо откуда...

Таппер исчез в тот год, когда я только поступил в среднюю школу,— мне это крепко запомнилось, потому что на целую неделю нас, мальчишек, отпустили с уроков и мы помогали его разыскивать. Миля за милей мы прочесывали поля и леса частой цепью, на расстоянии вытянутой руки друг от друга, и под конец думали уже, что найдем не живого человека, а мертвеца. Полиция обшарила дно реки, окрестные пруды и озера. Отряд милвиллцев под командой шерифа облазил болото за хижиной Шкалика, старательно прощупывая трясину длинными шестами. Отыскали множество бревен, два или три дырявых, выброшенных за ненадобностью бака для белья, да еще в дальнем конце — давным-давно издохшего пса. Таппера не нашли.

— Ну что же ты,— сказал я ему.— На, оденься.

Он досчитал пальцы и из вежливости утер подбородок.

— Мне надо назад,— сказал он.— Цветы не могут долго ждать.

Он протянул руку и принял штаны и рубаху.

— Мои старые изорвались,— пояснил он.— Просто взяли и свалились с меня.

— Полчаса назад я видел твою матушку,— сказал я.— Она тебя искала.

Сказал и насторожился: еще вскинется, никогда не знаешь, какая муха его укусит. Но я нарочно сказал неосторожные слова: вдруг это немного встряхнет его, всколыхнет в нем каплю здравого смысла.

— А она всегда меня ищет,— беспечно отвечал Таппер.— Она думает, я еще маленький, мне нянька нужна.

Как будто он и не пропадал. Как будто не прошло десять лет. Как будто он вышел из родительского дома всего час назад. Как будто время ничего для него не значило... да наверно, так оно и было.

— Оденься,— велел я.— Сейчас вернусь.

Прошел к телефону и набрал номер доктора Фабиана. Зачастили гудки: занято.

Я повесил трубку. Кому еще позвонить? Можно Хайраму Мартину. Наверно, ему-то и надо звонить. Но стоит ли? Доктор Фабиан — вот кто здесь нужен, он умеет обращаться с людьми. А Хайрам только и умеет ими помыкать.

Я еще раз набрал номер доктора. Опять занято.

Брякнув трубку на рычаг, я кинулся в спальню. Таппера нельзя надолго оставлять одного. Кто его знает, что он может натворить.

И все-таки я мешкал слишком долго. Его совсем не годилось оставлять одного.

Спальня была пуста. Окно раскрыто настежь, рама с москитной сеткой выломана, Таппера как не бывало.

В два прыжка я пересек комнату, высунулся из окна — никого!

В глазах у меня потемнело от страха. Почему — непонятно. Ну что за важность, если Таппер и удрал, сейчас есть заботы поважнее. И однако, бог весть почему, я знал: надо его догнать, вернуть, ни в коем случае нельзя снова его упустить.

Безотчетно, не думая, я отошел в глубь комнаты, разбежался и нырнул головой в окно. Свалился наземь, ударился плечом, перевернулся и вскочил.

Таппера нигде не было видно, но теперь я понял, куда он пошел. На росистой траве ясно виднелись следы, они вели за угол дома, к старым теплицам. Он пошел прямиком к чаще лиловых цветов, они разрослись на заброшенном участке, где когда-то мой отец, а потом и я разводили на грядках цветы и овощи на продажу. Таппер прошел шагов двадцать в глубь этого лилового островка, за ним тянулась отчетливая борозда: примятые стебли еще не успели расправиться, и листья, с которых он стряхнул росу, были темнее остальных.

В двадцати шагах борозда обрывалась. Дальше и вокруг лиловые цветы стояли совершенно прямо, сплошь посеребренные капельками росы.

И больше никаких следов. Таппер не вернулся той же дорогой и не двинулся потом в другую сторону. Только одна эта протоптанная им узкая тропинка вела прямиком в заросли лиловых цветов и там обрывалась. Словно он вдруг распахнул крылья и взлетел или же провалился сквозь землю.

Что ж, где бы он ни был, какие бы фокусы ни выкидывал, из Милвилла ему не сбежать. Милвилл замкнут со всех сторон загадочной незримой оградой.

Мир вдруг наполнился истошным воплем — пронзительным, нескончаемым, леденящим душу. Застигнутый врасплох, я вздрогнул и оцепенел. А нестерпимый вой длился и длился, вздымался до небес, заполнял Вселенную.

Я почти сразу понял, что это такое, но еще долгие секунды не проходило мучительное, сводящее каждую мышцу оцепенение, и внутри все оледенело от невыразимого ужаса. Уж очень много всякого стряслось за последние часы, и этот железный вопль добил меня, я чувствовал: еще чуть — и не выдержу!

Понемногу я кое-как совладал с собой и направился к дому.

А она все выла, вопила во всю мочь, неистово, неумолчно — сирена на здании муниципалитета, вестница тревоги.

Глава 8

Когда я дошел до дверей, по улице уже бежали люди — сломя голову, вытаращив глаза, неслись они туда, откуда изливался надрывный вой, словно сирена эта — чудовищная дудка в руках Крысолова в последний день бытия, а они — крысы, и нет для них ничего страшней, чем опоздать на зов.

Торопливо прихрамывал дряхлый дядюшка Эндрюс, с необычайной силой размахивая костылем, громко стуча им по тротуару, и ветер вздувал ему до самых глаз длинную бороду. С мрачной решимостью ковыляла мамаша Джоунс, она нахлобучила на голову старомодный капор с огромными полями для защиты от солнца, но забыла завязать ленты, и они болтались по плечам. Сия музейная редкость сохранилась у нее одной во всем Милвилле (а быть может, и в целом свете), и старуха ужасно этим чванилась, словно щеголять в головном уборе, в каких разгуливали модницы прошлого века,— признак величайшей добродетели. Следом шагал пастор Сайлас Миддтон, на лице его застыла гримаса брезгливого осуждения, и все-таки он влился в общий поток. Продребезжал древний «форд». К рулю пригнулся сумасбродный мальчишка Джонсон; в машине полно было его приятелей, таких же хулиганов, они вопили, свистели, мяукали — словом, рады были случаю пошуметь. Спешили еще и еще милвиллцы, наперегонки мчались дети и собаки.

Я отворил калитку и вышел на улицу. Но не бросился бежать, как другие, я ведь уже знал, из-за чего тревога, и меня угнетало и давило еще многое, чего пока не знал никто. Главное — Таппер Тайлер: как он связан с тем, что происходит? Пусть это дико, нелепо, но в глубине души я уверен — без Таппера тут не обошлось, каким-то образом он заварил эту кашу.

Надо бы все обдумать, разобраться, но уж очень это огромно и никак не укладывается в голове, и не за что зацепить-

ся... За этими мыслями я не услышал, как сзади, словно крадучись, подкатила машина. Очнулся, только когда щелкнула распахнутая дверца.

Я круто обернулся — за рулем сидела Нэнси Шервуд.

— Садись, Брэд! — крикнула она сквозь вой сирены.

Я поспешно сел рядом, захлопнул дверцу, и мы понеслись. Машина была большая, мощная, верх опущен; с непривычки как-то чудно мчаться в открытой машине, когда над головой ничего нет.

Сирена утихла. Только что мир был до отказа полон воем ее медной глотки — и вот все оборвалось коротким жалобным стоном и смолкло. Настала тишина — огромная, давящая, под ее необъятным грузом глубоко в мозгу еще таился слабый, рыдающий отзвук. Словно вой не совсем кончился, а лишь отодвинулся куда-то очень далеко.

Тишина обдала холодом, я почувствовал себя беззащитным и беспомощным. Глупо: будто, пока выла сирена, у нас была цель, было зачем и куда стремиться. А смолкла она — и непонятно, куда идти и что делать.

— Хорошая у тебя машина,— сказал я первое, что пришло в голову. Ничего другого не подвернулось, а что-то сказать было необходимо.

— Это мне отец подарил ко дню рожденья,— ответила Нэнси.

Машина шла бесшумно, мотора совсем не было слышно, только глухо шуршали шины по асфальту.

— Слушай, Брэд, что происходит? Кто-то мне говорил, будто твоя машина валяется разбитая, а тебя нигде нет. Это не из-за твоей аварии запустили сирену? И еще, говорят, на шоссе пробка, застряла масса машин...

— Вокруг Милвилла поставили ограду,— сказал я.

— Кто поставил? Зачем?

— Это не простая ограда. Ее не видно.

Мы подъезжали к главной улице, здесь народу стало больше. Шли не только по тротуарам, но и по газонам перед домами, и прямо по мостовой. Нэнси сбавила скорость, машина теперь еле ползла.

— Так ты говоришь, ограда?

— Ну да. Автомобиль без шофера и без пассажиров может пройти сквозь нее, а человека она не пропускает. Подозреваю, что она не пропустит ничего живого. Заколдованная стена, как в волшебной сказке.

— Не хватало еще, чтобы ты верил в волшебство!

— Час назад не верил. А теперь не знаю...

Мы выехали на главную улицу, тут перед муниципалитетом собралась толпа, все время подходили еще и еще люди. Подбежал Джордж Уокер, мясник из магазина «Рыжий филин»: край белого фартука заткнут за пояс, белый полотняный колпак съехал на ухо. Норма Шепард, секретарша доктора Фабиана, забралась на какой-то ящик посреди тротуара, чтоб лучше видеть, что творится вокруг; Батч Ормсби, хозяин заправочной станции напротив муниципалитета, стоял у обочины и усердно тер комком ветоши перепачканные смазкой ладони, словно знал, что вовеки не ототрет их дочиста, а все-таки обязан стараться.

Нэнси подвела машину к бензоколонке и заглушила мотор.

Размашисто шагая по бетонной площадке, к нам подошел какой-то человек. Наклонился, оперся скрещенными руками о дверцу.

— Ну, приятель, как дела? — спросил он.

Минуту я смотрел на него, не узнавая, и вдруг вспомнил. Он, видно, понял.

— Угу,— подтвердил он.— Я самый. Это я разбил твою машину.

Он выпрямился и протянул руку.

— Звать меня Гэбриел Томас. Попросту сказать, Гейб. Мы тогда на дороге и назваться-то не успели.

Я пожал ему руку и назвал себя, потом представил ему Нэнси.

— Говорят, на шоссе что-то случилось, мистер Томас,— сказала она.— Но Брэд мне не рассказывает.

— Видите ли, мисс, тут дело темное,— сказал Гейб.— Вроде ничего и нет, наезжаешь на пустое место, а оно тебя не пускает — все равно как в каменную стену уперся. Проехать нельзя, а видно все насквозь.

— Звонили вы своему начальству? — спросил я.

— А как же. Ясно, звонил. Да только никто мне не поверил. Думают, я пьяный. Думают, я до того допился, что боюсь ехать, вот и отсиживаюсь где-то. Думают, я сочинил эту дурацкую историю себе в оправдание.

— Они вам так и сказали, мистер Томас?

— Нет, мисс, не сказали, да только я и сам знаю, что они думают. То и обидно, что им такое в голову пришло. Я ж непьющий. И ничего за мной худого не водится. Я же три года кряду премии получал за классную езду.

— Ума не приложу, как быть,— продолжал он, обращаясь ко мне.— Никак не выберусь из этого городишки. Никакого просвета нет. В какую сторону ни подамся — всюду стена. До моего дома пятьсот миль, жена одна осталась, на руках шестеро ребятишек, меньшой еще в пеленках. Ума не приложу, как она там управится. Она, понятно, привыкла, что я уезжаю. Так ведь я всегда за три дня оборачиваюсь, на худой конец — за четыре. А ну как застряну тут недели на три, а то и на все три месяца? Что ей тогда делать? Денег взять неоткуда, а за квартиру плати да шесть ртов прокорми.

— Может, это и ненадолго,— сказал я; мне хотелось его немного подбодрить.— Может, кто-нибудь сообразит, как этот барьер одолеть. А может, он пропадет сам собой. И потом, мне кажется, компания пока будет выплачивать ваше жалованье жене. Ведь вы-то не виноваты...

Он презрительно фыркнул.

— Чтоб эти выжиги да заплатили! Держи карман шире! Знаю я ихнюю шатию.

— Да вы не волнуйтесь,— уговаривал я.— Мы еще не знаем, что случилось, надо сперва разобраться...

— Это верно,— согласился Гейб.— Все-таки я ж не один такой. Я тут со многими толковал, которые тоже попались. Вот только что у парикмахерской мне один говорил — у него жена лежит в больнице... в этом, как бишь его...

— В Элморе,— подсказала Нэнси.

— Вот-вот. Жена в Элморе в больнице, а он рвет и мечет, боится — вдруг не сумеет ее навестить. Все твердит — хоть бы это поскорей уладилось, хоть бы ему отсюда выбраться. Видно, жена очень плоха, он ее навещал каждый божий день. И она его ждет и наверняка не поймет, чего он не едет. Вроде она малость не в своем уме, и ей не втолкуешь. И еще тут один. У него вся семья гостила в Йеллоустоуне, и как раз нынче он ждет их домой. Приедут, говорит, усталые, дорога-то не близкая, а домой не попасть. Он их ждет среди дня. Решил выйти на дорогу и ждать у самого барьера. Встречай не встречай, толку-то чуть, но он говорит, больше ничего придумать не могу. Потом тут куча народу работает на стороне, и теперь они не могут попасть на работу. А еще кто-то рассказывал, одна здешняя девушка собирается замуж за парня из Кун-Вэли — есть такое место поблизости? — и они хотели завтра обвенчаться, а теперь, понятно, свадьбы не выйдет.

— Вы, я вижу, со многими успели потолковать,— заметил я.

— Тише! — сказала Нэнси.

На той стороне улицы, на высоком крыльце муниципалитета, появился наш мэр Хигги Моррис и замахал руками, чтоб все замолчали.

— Сограждане! — заорал Хигги фальшивым голосом, будто на предвыборном собрании; от такого голоса сразу начинает тошнить.— Сограждане, призываю вас соблюдать тишину и спокойствие!

— А ну скажи им, Хигги! — выкрикнул кто-то.

В толпе прокатился смех, но совсем не веселый.

— Друзья,— продолжал Хигги,— нам грозят неприятности. Вы про это, наверно, уже слышали. Не знаю, что именно вы слышали, ходит уйма всяких сплетен. Я и сам не знаю точно, что случилось. Прошу прощенья, что пришлось пустить в ход сирену, но это был самый быстрый способ созвать вас сюда.

— Да ладно, черт с ним! — крикнул кто-то.— Давай ближе к делу, Хигги!

На этот раз никто не засмеялся.

— Ладно, попробую ближе к делу,— сказал Хигги.— Не знаю, как бы это выразиться,— в общем, мы отрезаны. Нас огородило каким-то непонятным забором — ни к нам, ни от нас ходу нет. Не спрашивайте, что это за забор такой и откуда он взялся. Понятия не имею. Наверно, сейчас ни одна душа этого не знает. Может, в нем ничего страшного и нет и нечего нам волноваться. Может, это ненадолго, может, оно и само исчезнет. А я вот что хочу вам сказать: сохраняйте спокойствие. Мы все вместе очутились в этой ловушке, и надо всем вместе искать выход. Пока бояться нечего, опасности никакой нет. Мы отрезаны только в том смысле, что сами не можем выбраться из города. Но связь с внешним миром у нас есть. Телефон работает, газ подается, электричество не выключилось. Запас продовольствия у нас есть, вполне хватит дней на десять, а то и больше. И если даже запасы придут к концу, мы достанем еще. Можно подвести грузовики с продуктами и со всем, что нам понадобится, впритык к этому самому забору, потом водитель вылезет, а машину можно будет протолкнуть или перетянуть через забор. Он не пропускает только людей и вообще живую тварь.

— Одну минутку, мэр! — крикнул кто-то.

— Да? — Хигги огляделся, отыскивая глазами того, кто посмел его перебить.— Это вы кричали, Лен?

— Я кричал.

Теперь и я увидал, что это Лен Стритер, учитель естествознания из нашей школы.

— Что вы хотите сказать? — спросил Хигги.

— Насколько я понимаю, ваше последнее утверждение — будто сквозь преграду проходят только неодушевленные предметы — основано на случае с автомобилем на кун-вэлийской дороге.

— Вот именно,— снисходительно подтвердил Хигги.— На том самом и основано. А вам что об этом известно?

— Ничего,— сказал Лен Стритер.— Об автомобиле мне ровно ничего не известно. Но, я полагаю, вы намерены расследовать это явление, строго соблюдая законы логики?

— Совершенно верно,— с лицемерной кротостью подтвердил Хигги.— Именно так мы и намерены поступать.

Ясно было, он понятия не имеет, о чем говорит Стритер и куда клонит. А Стритер продолжал:

— В таком случае должен вас предостеречь: не спешите с выводами, не то можно совершить грубую ошибку. Например, если в автомобиле не было человека, это еще не значит, что там вообще не было ничего живого.

— Так ведь не было! — возразил Хигги.— Водитель бросил машину и куда-то ушел.

— Кроме людей в природе существуют и другие живые организмы,— терпеливо объяснял Стритер.— Мы не можем утверждать, что в этом автомобиле не было ничего живого. Напротив, с уверенностью можно сказать, что какие-то формы жизни там были. Возможно, внутри застряла муха. На капоте мог сидеть кузнечик. Безусловно, и в самой машине, и на внешней ее поверхности имелись различные микроорганизмы. А это такие же живые организмы, как и мы с вами.

Хигги слушал растерянно и с досадой. Видно, не понимал: может, Стритер попросту над ним насмехается? Должно быть, он сроду и слов таких не слыхивал — микроорганизмы...

— А знаете, Хигги, наш юный друг прав,— раздался новый голос, который я тотчас узнал: это говорил доктор Фабиан.— Разумеется, микроорганизмы там были. Кое-кому из нас следовало сразу это сообразить.

— Ладно, пускай,— сказал Хигги.— Будь по-вашему, док. Пускай Лен верно говорит. Да нам-то не все равно?

— Пока, пожалуй, все равно,— согласился доктор.

— Я просто хочу подчеркнуть, что суть не только в том — живые организмы или неодушевленные предметы,— сказал Стритер.— Если мы хотим понять создавшееся положение, нельзя исходить из неверных предпосылок. Иначе мы с самого начала ступим на ложный путь.

— У меня вопрос, мэр,— сказал кто-то еще, я обернулся, но не увидал, кто именно.

— Валяй, друг,— обрадовался Хигги, очень довольный, что кто-то прервал непонятные рассуждения Стритера.

— Вот какое дело,— продолжал тот же голос.— Я работаю на прокладке дороги, это к югу от Милвилла. А теперь на работу не попадешь. Может, денек-другой меня и не уволят, а уж больше подрядчик ждать не станет, и думать нечего. У него время считанное, сами понимаете: подрядился сделать к сроку, опоздал — за каждый лишний день плати неустойку. Ему рабочий на месте нужен. Может, день-два обождет, а там и другого наймет.

— Это я все знаю,— сказал Хигги.

— И я не один,— продолжал рабочий.— В Милвилле полно таких, кто работает на стороне. Не знаю, как другим, а мне без заработка не прожить. У меня никаких капиталов не отложено. А ежели на работу не доберешься, жалованья не получишь, сбережений ни гроша — так что же это с нами будет?

— Про это я и хотел сказать,— заявил Хигги.— Я знаю, положение у тебя трудное. И еще у многих. Милвилл — невелик городок, на всех работы не хватает, очень многим приходится зарабатывать на стороне. И я знаю, многие из вас еле дотягивают до получки, а больше вам жить не на что. Надеюсь, это дело скоро уладится, так что вы все вовремя вернетесь к работе и места никто не потеряет. Но вот что я вам еще скажу. Даю вам слово: если это и не враз уладится, никому из вас не придется голодать. И никого не выгонят на улицу, если вы задолжаете за квартиру или не внесете в срок арендную плату. Ничего худого с вами не случится. Из-за этой чертовщины многие потеряют работу, но о вас позаботятся, ни одного человека не бросят на произвол судьбы. Я назначу особую комиссию для переговоров с торговцами и с банком, и мы установим такую систему кредита, чтоб вы могли просуществовать. Кому потребуется кредит или ссуда, тот ее получит, можете не сомневаться. Верно я говорю, Дэн?

И Хигги поглядел на Дэниела Виллоуби, который стоял там же, на крыльце, ступенькой ниже.

— Да, да,— сказал банкир.— Ну конечно, все правильно. Мы сделаем все, что только в наших силах.

Но обещание Хигги пришлось ему очень не по вкусу. Это сразу было видно. И согласился он скрепя сердце. Если уж Дэн выкладывает хоть один доллар, так будьте любезны, дайте ему залог, гарантию, надежное обеспечение!

— Пока мы еще не знаем, что такое стряслось,— продолжал Хигги.— Но, может быть, уже сегодня вечером будем знать куда больше. Самое главное — сохранять спокойствие и не терять головы. Не буду врать, я не знаю, как обернется эта история. Если забор так и останется на месте, некоторых затруднений не миновать. Но пока все не так уж плохо. Еще часа два назад почти никто и не знал, что есть на свете такой городок Милвилл. По правде говоря, ничего такого примечательного в нем не было. А сейчас мы прогремим на весь мир. О нас уже заговорили и газеты, и радио, и телевидение. Вот пускай сюда выйдет Джо Эванс, он вам подробно расскажет.

Хигги оглядел толпу, высматривая Эванса.

— Эй вы там, расступитесь-ка немного, дайте ему пройти.

Наш газетчик поднялся на крыльцо и обернулся к толпе.

— Пока что рассказывать особенно нечего,— сказал он.— Меня вызывали очень многие телеграфные агентства и несколько газет. Все расспрашивали, что у нас происходит. Я рассказал все, что знаю, только знаю-то я немного. Одна телевизионная компания посылает к нам из Элмора съемочную группу. Когда я сейчас уходил из дома, телефон все звонил, и в редакцию, наверно, тоже звонят без передышки. Надо думать, газеты и радио уже не выпустят нас из виду, не сомневаюсь, что и власти штата, и правительство не бросят нас на произвол судьбы. Как я понимаю, нашим положением всерьез заинтересуются и научные круги.

— А по-твоему, эта ученая братия сумеет нас выручить? — спросил все тот же дорожный рабочий.

— Не знаю,— ответил Джо.

Сквозь толпу протолкался Хайрам Мартин и деловито зашагал через улицу. Куда это он собрался?

Кто-то еще спрашивал о чем-то мэра, но озабоченный вид Хайрама отвлек меня, и я прослушал, о чем речь.

— Брэд! — раздалось над ухом.

Я обернулся.

Рядом стоял Хайрам. Шофер грузовика еще раньше куда-то скрылся.

— Что тебе? — спросил я.

— Ты свободен? Мне надо с тобой потолковать.

— Валяй, я свободен.

Он мотнул головой в сторону муниципалитета.

— Ладно,— сказал я, открыл дверцу и вылез из машины.

— Я тебя подожду,— сказала Нэнси.

Хайрам, огибая толпу, двинулся к боковому входу в здание муниципалитета. Я за ним.

Но все это мне сильно не понравилось.

Глава 9

Хайрам привел меня в свой закуток рядом с помещением, где стояли машины пожарной команды. В закутке только и хватало места для стола да двух стульев. На стене позади стола болтался огромный, кричаще яркий календарь с изображением голой девицы.

А на столе стоял телефон без диска.

Хайрам широким жестом указал на него и спросил:

— Это что такое?

— Телефон,— сказал я.— С каких пор ты стал такой важный, что у тебя целых два телефона?

— Погляди получше.

— Все равно телефон.

— Лучше гляди,— настаивал Хайрам.

— Какой-то дурацкий аппарат. У него нет диска.

— А еще чего?

— Вроде все. Только диска нету.

— И провода нету, присоединить нечем,— сказал Хайрам.

— А я и не заметил.

— Что-то чудно,— сказал Хайрам.

— Почему чудно? — обозлился я.— И на кой черт ты меня сюда приволок — чтоб я любовался каким-то дурацким телефоном?

— Чудно потому, что телефон-то этот был у тебя в конторе.

— Ничего подобного. Эд Адлер вчера снял у меня телефон. За неуплату.

— Сядь-ка, Брэд.

Я сел, и Хайрам сел напротив. Лицо у него было пока словно бы даже добродушное, но в глазах появился особенный

блеск... Этот блеск был мне хорошо знаком по прежним временам, так смотрел Хайрам в школьные годы, когда загонял меня в угол и знал, что податься мне некуда, и не миновать драки, и он наверняка излупцует меня до полусмерти.

— Ты что, в первый раз видишь этот телефон? — спросил он.

Я кивнул:

— Когда я вчера уходил из конторы, у меня там телефона не было. Ни этого, ни какого другого.

— Удивительно!

— И мне тоже удивительно. Не знаю, куда ты гнешь. Объясни толком.

Я знал, что никакое вранье меня не выручит, но старался пока выгадать время. Уж наверно, сейчас у него нет доказательств, что я как-то причастен к этому телефону...

— Ладно, объясняю,— сказал Хайрам.— Том Престон — вот кто его у тебя видел. Он послал Эда снять у тебя аппарат, а попозже днем шел мимо, ненароком поглядел, а телефон стоит на столе. Ну, его разобрала досада. Ты, верно, и сам понимаешь.

— Еще бы,— сказал я.— У Тома характер известный. Воображаю, как его там разобрало.

— Он же велел Эду снять телефон. Сперва он подумал — может, ты как-нибудь Эду заговорил зубы. Или, может, Эд сам не торопился. Том же знает, что вы с Эдом друзья.

— Значит, его так разобрала досада, что он взломал дверь и сам унес телефон?

— Нет,— сказал Хайрам,— ничего он не взламывал. Он пошел в банк и выпросил у Дэниела Виллоуби ключ.

— А между прочим, помещение арендую я.

— Арендуешь, да не платишь. Уже за целых три месяца не плачено. Так что, я считаю, Дэниел в своем праве.

— А я считаю, что Том с Дэниелом вломились ко мне безо всякого на это права и еще обокрали меня.

— Говорят тебе, никто никуда не вламывался. И Дэниел тут ни при чем. Он просто дал Тому запасной ключ. Том вернулся один. И потом, ты ж сказал, этот телефон не твой и ты его раньше в глаза не видал?

— Не в том дело. Мало ли что у меня есть в конторе, а Том не имеет права ничего трогать. Все равно, мое оно или не мое. Почем я знаю, может, он и еще что-нибудь стащил?

— Ничего он у тебя не тащил, черт подери, ты это и сам знаешь! И сам просил, чтоб я тебе рассказал, что к чему.

— Так давай рассказывай.

— Ну вот, Том взял ключ, вошел и сразу увидал, что телефон какой-то не такой. Без диска и никуда не присоединен. Он было собрался уходить, а тут телефон возьми да и зазвони.

— Как ты сказал?

— Телефон зазвонил.

— Без провода? Невключенный?

— Ну да, а все равно он зазвонил.

— Ага,— сказал я.— Стало быть, Том снял трубку, и это звонил Санта-Клаус.

— Том снял трубку, и это звонил Таппер Тайлер.

— Таппер?! Но ведь он...

— Знаю, знаю,— сказал Хайрам.— Таппер пропал без вести. Уже лет десять, что ли. Но Том говорит, это голос Таппера. Говорит, обознаться невозможно.

— И что же Таппер ему сказал?

— Том снял трубку — слушаю, мол, а Таппер спросил, кто это говорит. Том сказал. Тогда Таппер ему и говорит: убирайся подальше от этого телефона, он не про тебя. И все заглохло.

— Слушай, Хайрам, да ведь Том тебя просто разыграл.

— Ну нет. Он подумал, это его кто-то разыгрывает. Он подумал, это вы с Эдом подстроили. В насмешку. Хотели с ним сквитаться.

— Что за чушь! — сказал я.— Даже если б мы с Эдом состряпали такую штуковину — откуда нам было знать, что Том вломится в контору?

— С вас все станется.

— Да ты что? Может, ты поверил в эту ерунду?

— Ясно, поверил. Говорю тебе, тут дело темное, что-то тут нечисто.

Но в голосе его не было уверенности, он словно бы оборонялся. Я его провел. Он хотел припереть меня к стенке, да не вышло, и теперь он чувствовал, что попал малость впросак. Но еще немного — и он обозлится. Он такой.

— Когда Том тебе все это рассказал? — спросил я.

— Нынче утром.

— А почему не вчера вечером? Если уж он вообразил, что это так важно...

— Да нет же, говорят тебе. Он не думал, что важно. Думал, это розыгрыш. Думал, это вы подстроили ему назло. А вот

нынче утром как началась кутерьма, тут он и решил, что дело-то серьезное. Вчера-то он, когда поговорил с Таппером, просто забрал аппарат. Решил, понимаешь, что еще неизвестно, кто на ком отыграется. Сперва он думал, это все твои фокусы...

— Понимаю,— сказал я.— А теперь он думает, что это и вправду звонил Таппер и звонил не кому-нибудь, а мне.

— Ну да, верно. Он забрал этот аппарат к себе домой и вечером несколько раз снимал трубку, и телефон был вроде как включенный, только никто не отзывался. Вот это его и ошарашило — что телефон вроде дышит, как будто включенный. Он все ломал голову, в чем тут секрет. Понимаешь, проводов-то нет, аппарат ни в какую сеть не включен, а дышит.

— И теперь вы с ним хотите меня за эту штуку притянуть к ответу?

Лицо у Хайрама стало злобное.

— Меня не проведешь,— сказал он.— Я же знаю, ты что-то крутишь. Ездил зачем-то вчера вечером на болото к Шкалику, вот когда мы с доком повезли его в больницу.

— Правильно, ездил,— сказал я.— Потому что нашел его ключи, они у него выпали из кармана. Вот я и поехал посмотреть, все ли там у него в порядке, может, он и дверь забыл запереть, мало ли.

— Не просто ездил, а воровским манером,— сказал Хайрам.— Когда сворачивал с шоссе, погасил фары.

— Ничего не гасил, они сами погасли. Короткое замыкание. Когда я оттуда уезжал, мне сперва пришлось исправить цепь.

Отговорка не бог весть какая. Но лучшей я наспех не придумал. Впрочем, Хайрам придираться не стал.

— Нынче утром мы с Томом тоже побывали в логове у Шкалика,— сказал он.

— Стало быть, вот кто за мной шпионил — Том!

— Он уж больно расстроился из-за этого телефона,— проворчал Хайрам.— И подозревал, что это твоих рук дело.

— И вы, значит, вломились к Шкалику в дом. Ясно, вломились. Я, когда уходил, дверь запер на замок.

— Ага, вломились,— подтвердил Хайрам.— И нашли еще такие телефоны. Полный ящик.

— Не пяль на меня глаза,— сказал я.— Я там никаких телефонов не видал. Я не сыщик, по чужим углам ничего не вынюхиваю.

Мне ясно представилось, как эти двое, точно гончие псы, с ходу ворвались в хижину Шкалика, убежденные, что напали на след какого-то преступного заговора: что именно тут кроется, в чем соль — кто его знает, но уж мы-то со Шкаликом наверняка кругом виноваты!

А ведь какой-то заговор и вправду существует, сказал я себе, и мы со Шкаликом вправду увязли... Надеюсь, хоть Шкалик понимает, в чем тут соль, потому как я-то ни черта не понимаю. От того немногого, что мне известно, все только становится еще непонятнее. И Джералд Шервуд, если он не соврал (а он едва ли врал), знает не больше моего.

Счастье еще, что Хайрам не проведал про тот аппарат, который стоит в кабинете у Шервуда! И про другие — их, наверно, немало в Милвилле у людей, что служат чтецами этим... неведомо кому... которые разговаривают по таким телефонам.

Впрочем, вряд ли Хайраму удастся пронюхать насчет остальных телефонов: уж наверно, владельцы запрячут их понадежнее и будут держать язык за зубами, как только станет известно, что такие телефоны существуют. А слух этот наверняка через час-другой разнесется по всему Милвиллу. Хайрам и Том Престон сами же и проболтаются, они у нас первые трепачи.

Любопытно, у кого еще есть такие телефоны?.. И вдруг я понял: у разных бедолаг, невезучих и нищих, у вдов, оставшихся без всяких сбережений и без пенсии, у стариков, которые уже не в силах заработать кусок хлеба, у бродяг, никчемушников и всяких горемык, кто потерпел крах или кому и вовсе ни разу не улыбнулось счастье.

Ведь как получилось с Шервудом и со мной? С Шервудом установили связь (если можно так это назвать), только когда он обанкротился; и мною они (кто бы они ни были) тоже заинтересовались лишь после того, как я окончательно сел на мель и сам это понял. И, очевидно, теснее всего с ними связан отъявленнейший лодырь и пропойца во всем Милвилле.

— Ну, чего молчишь? — рявкнул полицейский.

— А чего ты хочешь — чтоб я выложил, что я обо всем этом знаю?

— Вот именно. Не то тебе же будет хуже.

— Слушай, Хайрам, ты не грозись. Даже и не пробуй. Если ты думаешь меня запугать...

Дверь распахнулась.

— Пошел! — заорал с порога Флойд Колдуэлл.— Барьер пошел!

Мы кинулись к выходу. По улице с криком бежал народ, посреди мостовой подскакивала на одном месте мамаша Джоунс и пронзительно взвизгивала, капор еле держался у нее на макушке.

Я глянул через улицу — Нэнси по-прежнему сидела в своей открытой машине, я со всех ног бросился к ней. Мотор был включен, и, едва Нэнси заметила меня, машина тихонько двинулась вдоль тротуара. Я ухватился за верх задней дверцы и прыгнул в машину, потом перебрался на переднее сиденье. Тем временем машина уже поравнялась с аптекой, свернула за угол и теперь набирала скорость. Еще несколько машин направлялись к шоссе, но Нэнси в два счета обогнала их.

— Знаешь, что случилось? — спросила она.

Я покачал головой:

— Слышал только, что барьер сдвинулся.

Впереди был дорожный знак — перед выездом на шоссе полагалось остановиться, однако Нэнси даже не сбавила скорости. Да и зачем сбавлять, если на шоссе — никакого движения. Оно перекрыто с обоих концов.

Нэнси свернула на ровную, широкую полосу асфальта; на той стороне шоссе, по которой шло встречное движение, сейчас все впереди сплошь было забито машинами, они застыли неподвижно, впритык одна к другой. Перед нами на прежнем месте торчал грузовик Гейба: нос его задрался в воздух, прицеп всей тяжестью придавил ко дну канавы мою злосчастную тележку. Еще дальше сбились в кучу встречные машины — они, видно, подались на нашу сторону шоссе в надежде объехать препятствие, и, прежде чем барьер сдвинулся, там тоже кто-то на кого-то наехал.

А барьера здесь уже не было. То есть, конечно, его все равно никто бы не увидел, но он передвинулся примерно на четверть мили — в этом нетрудно было убедиться.

Там, впереди, неслась по шоссе обезумевшая толпа, гонимая какой-то непонятной силой. А вслед за бегущими двигался огромный вал словно вихрем сметенной травы, кустов и даже вывороченных с корнями деревьев — по нему-то и видно было движение незримого барьера. Вал тянулся вправо и влево от шоссе, сколько хватал глаз, и, казалось, жил своей особой жизнью: покачивался, вскидывался вверх, вновь медленно полз вперед, и груды деревьев неуклюже перекатывались на растопыренных во все стороны корнях и ветвях.

Наша машина подъехала к затору и остановилась. Нэнси выключила мотор. В тишине стали слышны непрестанные шорохи, шелесты — это подавал голос скошенный неведомой силой зеленый вал; порою раздавался треск: ломались сучья, несуразно ворочаясь, громыхали стволы.

Я вылез из машины, обошел ее и двинулся вперед, пробираясь в железном лабиринте. Наконец затор остался позади, передо мною тянулось свободное от машин шоссе, а по нему все еще убегали люди... впрочем, нет, теперь они уже не мчались очертя голову. Пробегут немного, приостановятся, сбившись в кучу,— и оглядываются на вспухающий, медлительный зеленый вал; еще побегут — и снова постоят, озираясь. Иные даже не бежали, а шли ровным, почти спокойным шагом.

Отступали не только люди. Самый воздух дрожал и трепетал: мелькали темные тельца — тучами неслись птицы и насекомые, устрашенные таинственной силой, что неотвратимо надвигалась по равнине.

А позади барьера оставалась пустыня. Обнаженная земля, на которой только и торчали два голых, иссохших дерева. Так и должно быть, подумалось мне, естественно, что они уцелели. Ведь они мертвые, для них этот барьер не существует, ибо он отбрасывает только все живое. Впрочем, если Лен Стритер прав, то барьер этот противостоит не всему живому, а лишь определенным формам жизни, быть может — живым существам каких-то определенных размеров или определенных видов.

Но если не считать двух высохших деревьев, эта полоса земли обратилась в пустыню. Ни травинки, ни хотя бы крапивы или полыни, ни кустика, ни деревца. От всего, что здесь росло и зеленело, не осталось и следа.

Я сошел с асфальтовой полосы на обочину, опустился на колени и погрузил пальцы в обнаженную почву. Она была не просто обнажена, но вспахана, разрыхлена, будто какая-то исполинская борона прошлась по ней и подготовила под новый посев. Потому она и разрыхлилась, что весь растительный покров с нее сорван. Нигде не осталось ни единого корня, ни одного самого слабого, с волосок толщиной, корешка. Все, что здесь прежде росло, сметено начисто и теперь катится чудовищным зеленым валом впереди незримой стены.

В небе глухо зарокотал гром. Я огляделся: гроза, что собиралась с самого утра, надвинулась вплотную, но тучи не сплошь затянули небо, а неслись в вышине клочьями, обрывками, их словно кружило вихрем.

— Нэнси! — позвал я.

Никакого ответа.

Я вскочил, оглянулся. Когда я начал выбираться из скопления застрявших машин, она шла следом, а теперь ее нигде не видно!

Я зашагал по шоссе назад — надо же ее найти! — и тут с противоположной обочины скользнул на шоссе голубой седан, за рулем сидела Нэнси. Значит, вот как я ее потерял: она искала какую-нибудь машину, не зажатую намертво десятками других и притом незапертую.

Седан медленно поравнялся со мной, я рысцой поспевал рядом. Через приспущенное окошко донесся взволнованный голос радиокомментатора. Я распахнул дверцу, вскочил в седан и тотчас ее за собой захлопнул.

«...Вызвал воинские части и официально уведомил Вашингтон. Первые отряды направятся туда через... нет, только сейчас получено сообщение, что они уже выступили...»

— Это про нас,— пояснила Нэнси.

Я дотянулся до радио, покрутил настройку.

«...Новость: барьер двигается! Повторяю: барьер двигается! Еще нет сведений о том, с какой скоростью он передвигается и какое расстояние прошел. Но он отдаляется от окруженного города. Толпа, собравшаяся с внешней стороны барьера, в панике бежит. Сообщаю новые данные: скорость движения барьера не превышает скорости пешехода. Он уже отодвинулся почти на милю от прежней границы...»

Враки, подумал я, он еще и полумили не прошел.

«...Вопрос в том, остановится ли он? Какое еще расстояние он пройдет? Можно ли как-нибудь его остановить? Долго ли он способен двигаться без остановки? И есть ли у него конец?»

— Послушай, Брэд,— сказала Нэнси.— А вдруг он сметет всех и вся с лица земли? Всех и вся, кроме Милвилла?

— Не знаю,— тупо ответил я.

— Куда он, по-твоему, толкает людей? Куда от него бежать?

«...В Лондоне и в Берлине,— выкликал между тем диктор.— Русским, по-видимому, еще не объявлено о том, что происходит. Никаких официальных заявлений ниоткуда не поступало. Безусловно, правительствам в разных странах не так-то просто решить, нужно ли выступать с какими-либо заявлениями. На первый взгляд может показаться, что создавшееся положение не вызвано действиями отдельных лиц или правительств. Од-

нако высказывается предположение, что это испытывается какое-то новое оружие. Впрочем, если бы это было так, трудно понять, почему местом испытаний избран городок Милвилл. Обычно подобные испытания проводятся на военных полигонах и притом в обстановке строжайшей секретности».

Пока мы слушали радио, Нэнси не спеша вела машину по шоссе, и теперь мы оказались всего в какой-нибудь сотне футов от барьера. Перед нами, по обе стороны дороги, медленно катился все тот же огромный зеленый вал, а дальше по шоссе по-прежнему отступали люди.

Я перегнулся на сиденье и глянул в заднее окошко на оставшуюся позади пробку. Среди сбившихся в кучу машин и сразу за ними собралась толпа. Наконец-то жители Милвилла подоспели посмотреть, как движется барьер.

«...Сметая все на своем пути!» — вопило радио.

Я снова посмотрел вперед — мы были уже почти у самого барьера.

— Полегче,— предостерег я.— Как бы в него не врезаться.

— Постараюсь полегче,— что-то чересчур кротко отозвалась Нэнси.

«...Точно ветер упорно и неутомимо гонит гряду выкорчеванных деревьев, травы и кустарника. Точно ветер...»

И тут впрямь поднялся ветер — первый его порыв взвил и закружил на обнаженной почве позади барьера вихорьки пыли, и тотчас налетел настоящий ураган, машину круто занесло, вокруг завыло, засвистало.

Вот она, гроза, которая подкрадывалась еще с утра. Но почему-то ни молний, ни грома... я вытянул шею, косясь из-за ветрового стекла,— в небе по-прежнему неслись разрозненные косматые клочья, словно последние обрывки отгремевшей бури.

Бешеным напором ветра нашу машину круто повернуло, подхватило, и теперь она боком скользила по шоссе — того и гляди опрокинется. Нэнси вцепилась в баранку, пытаясь вновь повернуть машину, поставить как лодку против ветра.

— Брэд! — крикнула она.

И тут по стеклу и по металлу яростно застучал ливень.

Наш седан начал заваливаться набок. Ну, теперь все, мелькнула мысль. Теперь он опрокинется, и никакая сила его не удержит. Но вдруг машина ударилась обо что-то и вновь выпрямилась, и краешком сознания я понял: напором ветра ее накрепко прижало к барьеру.

Только краешком сознания — потому что я был захвачен и поражен другим: никогда в жизни не видал я такого странного дождя.

Он хлестал, как всякий проливной дождь, крупные капли барабанили по машине, гремели, оглушали... но только это были не капли.

— Град! — крикнула Нэнси.

Но это был не град.

По корпусу машины, по асфальту шоссе стучали, подскакивали, приплясывали маленькие бурые шарики, словно сумасшедший охотник палил какой-то невиданной дробью.

— Семена! — заорал я в ответ.— Это семена!

Это была не настоящая буря, не гроза — гром не прогремел ни разу, буря выдохлась, растеряла свою ярость, еще не дойдя до Милвилла. На нас хлынул ливень семян, и принес его могучий вихрь, порожденный бог весть чем, но только не капризами погоды.

Быть может, это покажется не слишком логичным, но меня осенило: да ведь барьеру вовсе незачем двигаться дальше! Он вспахал землю, взрыхлил, подготовил почву, и вот семена посеяны — и все кончено!

Ураган стих, упало последнее зернышко; шума, свиста, неистовства как не бывало — мы сидели, ошеломленные глубокой тишиной. После шума и неистовства нас оглушила леденящая близость чего-то чуждого, непостижимого: кто-то или что-то вокруг нас опрокинуло все законы природы, вот почему с неба дождем сыплются семена и вихрь налетает, неведомо откуда.

— Брэд,— сказала Нэнси,— кажется, я начинаю трусить.

Она ухватилась за мой локоть. Пальцы ее судорожно сжались.

— Прямо зло берет,— сказала она.— Ведь я никогда ничего не боялась, никогда в жизни. А сейчас боюсь.

— Все прошло,— сказал я.— Буря кончилась, барьер больше не двигается. Все в порядке.

— Ну нет,— возразила Нэнси.— Это еще только начало.

По шоссе кто-то бежал к нам — больше не видно было ни души. От толпы, что теснилась недавно у застрявших машин, не осталось и следа. Вероятно, когда налетел ураган и хлынул тот удивительный дождь, все они кинулись назад, к Милвиллу, в поисках укрытия.

Наконец я узнал бегущего — это был Эд Адлер, на бегу он что-то кричал.

Мы вылезли из машины, остановились и ждали.

Он подбежал, задыхаясь.

— Брэд,— еле выговорил он,— ты, верно, не знаешь... Хайрам и Том Престон мутят народ. Дескать, это ты заварил кашу. Толкуют про какой-то телефон...

— Что за чепуха! — воскликнула Нэнси.

— Ясно, чепуха,— сказал Эд.— Только народ совсем очумел. Их сейчас сбить с толку ничего не стоит. Они чему хочешь поверят. Надо же понять, что такое стряслось,— вот и хватаются за первую попавшуюся байку. Им некогда разбирать, правда это или вранье.

— К чему ты это все? — спросил я.

— Спрячься куда-нибудь. Через денек-другой все поуспокоится...

Я покачал головой.

— Я еще и половины дел не переделал.

— Но послушай, Брэд...

— Вот что, Эд, я ни в чем не виноват. Не знаю, что стряслось и почему, но только я тут ни при чем.

— Это все равно.

— Нет, не все равно,— сказал я.

— Хайрам с Томом говорят, они нашли какие-то чудные телефоны...

Нэнси хотела что-то сказать, но я поспешно перебил:

— Знаю я про эти телефоны. Хайрам мне рассказывал. Слушай, Эд, даю тебе слово — телефоны тут ни при чем. Это совсем другая история.

Краем глаза я поймал на себе пристальный, пытливый взгляд Нэнси.

— Забудь ты про них,— повторил я.

Хоть бы до нее дошло! Кажется, все-таки поняла — больше и не заикнулась об этих телефонах. Может, она и не хотела ничего такого сказать, может, она даже не знает про тот аппарат в отцовском кабинете. Но рисковать нельзя.

— Смотри, Брэд, сам лезешь на рожон,— предостерег Эд.

— Удирать я не стану. Не по мне это — удирать, прятаться. Да еще от кого — от Хайрама с Томом!

Эд оглядел меня с головы до пят.

— Понимаю,— сказал он.— Могу я чем-нибудь помочь?

— Можешь. Проводи Нэнси до дома, смотри, чтоб с ней ничего не случилось. А у меня есть кое-какие дела.

И я поглядел на Нэнси. Она кивнула:

— Все это так, Брэд, но ведь у нас машина. Давай я тебя отвезу.

— Я пройду задами, тут ближе. Если Эд верно говорит, лучше никому не попадаться на глаза.

— А я ее доставлю домой в целости и сохранности,— пообещал Эд.

«Вот до чего мы докатились за каких-нибудь два часа,— подумал я.— Все просто спятили, девушке опасно остаться на улице без провожатого».

Глава 10

Теперь наконец надо сделать то, что я собирался сделать с самого утра и, видно, напрасно не сделал еще накануне: разыскать Элфа. Это тем важней и необходимей, что почему-то я все больше утверждаюсь в подозрении: есть какая-то связь между непонятными происшествиями у нас, в Милвилле, и загадочной лабораторией там, в штате Миссисипи.

Я дошел до глухой окраинной улицы и свернул на нее. Она была пуста. Должно быть, все, кто только мог, пешком или на машинах двинулись в центр города.

И тут я встревожился: а вдруг не сумею разыскать Элфа? Вдруг, не дождавшись меня утром, он выехал из мотеля или же торчит где-нибудь у барьера в толпе зевак?

Но напрасно я боялся: не успел я войти к себе, как зазвонил телефон — говорил Элф.

— Битый час названиваю,— сказал он.— Беспокоился, как ты там.

— Элф, а ты слыхал, что творится?

— Кое-что слыхал.

— Чуть бы пораньше — и я успел бы к тебе проскочить, а не застрял в Милвилле. Я, видно, налетел на этот барьер в самые первые минуты, когда он только-только появился.

И я рассказал ему все, что случилось с тех пор, как моя машина налетела на барьер. А потом и про телефоны.

— Они говорят, чтецов у них много. Людей, которые читают для них книги,— прибавил я.

— Это способ получать информацию.

— Я так и понял.

— Послушай, Брэд... у меня одно страшноватое подозрение.

— Вот и у меня тоже.

— Может быть, эта лаборатория в Гринбрайере...

— Я тоже об этом думал.

Элф то ли тихонько ахнул, то ли задохнулся.

— Стало быть, это не в одном Милвилле.

— Пожалуй, таких Милвиллов не счесть.

— Что ж ты теперь будешь делать, Брэд?

— Пойду к себе в сад и погляжу получше на кой-какие цветочки.

— Цветочки?!

— Это очень длинная история, Элф. После расскажу. Ты пока не уедешь?

— Охота была уезжать! — сказал Элф.— Этакого представления еще свет не видал, а у меня место в первом ряду.

— Я тебе позвоню через часок.

— Буду ждать,— пообещал Элф.— Далеко отходить не стану.

Я дал отбой и постоял в раздумье. Ничего нельзя понять! Лиловые цветы явно каким-то образом замешаны в эту историю, и Таппер Тайлер тоже, но все так перепуталось — не поймешь, с чего начинать.

Я вышел из дома и побрел в сад, к старым теплицам. По примятым стеблям еще можно было различить, где прошел Таппер, и у меня полегчало на душе: я боялся, что вихрь, принесший семена, смял и повалил цветы, замел все следы — и теперь их уже не сыскать.

Я стоял на краю сада и озирался, будто видел его первый раз в жизни. В сущности, никакой это не сад. Когда-то на этом участке мы выращивали цветы и овощи на продажу, но потом я забросил теплицы, земля осталась без призора, и всю ее заполонили цветы. С одного боку эти заросли упираются в старые теплицы, двери криво повисли на ржавых петлях, почти все стекла выбиты. У одного угла высится вяз — тот самый, что пророс когда-то из семечка, и я хотел тогда вырвать побег, да отец не позволил.

Таппер что-то болтал про эти цветы — как много их разрослось. Он уверял, что все они — те самые, лиловые, и непременно хотел рассказать про них моему отцу. Таинственный голос в телефонной трубке — или, по крайней мере, один из тех таинственных голосов — отлично знал о существовании отцовских теплиц и осведомлялся, занимаюсь ли я ими по-прежнему.

нему. И ко всему, часу не прошло с тех пор, как на нас обрушился ливень семян.

Маленькие лиловые головки — подобие львиного зева — обратились ко мне и дружно кивали, словно втайне посмеивались, а над чем — неизвестно; я резко отвел глаза и посмотрел на небо Там все еще неслись клочья туч, поминутно заслоняя солнце Когда их разгонит ветром, будет настоящее пекло. Я уже чуял в воздухе приближение жары.

Осторожно пошел я по следу Таппера Дошел до конца, остановился и обругал себя стоеросовой дубиной: с чего, спрашивается, я вообразил, что здесь, в цветнике, найду какую-то разгадку?

Таппер Тайлер исчез впервые десять лет назад и сегодня снова исчез, а как это он ухитрился, должно быть, никто никогда не узнает.

И все же в голове у меня стучала упрямая догадка, что Таппер и есть ключ ко всей этой темной истории.

Как я пришел к этой мысли — хоть убейте, объяснить не умею. Ведь тут не один Таппер замешан — если он и вправду замешан. Тут еще и Шкалик Грант... Ох, я же никого не спросил, что со Шкаликом!

Дом доктора Фабиана стоит на холме, как раз над теплицами, можно пойти туда и спросить. Конечно, доктора, может, и нет дома — ну что ж, немного обожду, глядишь, рано или поздно он объявится. Делать покуда все равно нечего. А при том, что там сейчас орут про меня Хайрам и Том Престон, пожалуй, умнее всего не возвращаться домой — уж лучше пусть меня не застанут.

Раздумывая так, я стоял на том месте, где обрывался след Таппера, и теперь шагнул вперед, в сторону докторского дома. Но к доктору Фабиану я не попал. Один только шаг — и засияло солнце, дома исчезли. Все исчезло — и дом доктора, и все другие дома, и деревья, и кусты, и трава. Остались одни лиловые цветы, лиловым морем они залили все окрест, а над головой в безоблачном небе запылало слепящее солнце.

Глава 11

И все это случилось оттого, что я сделал один только шаг. Тогда я ступил другой ногой — и вот стою на новом месте, окаменев от страха, не смея обернуться: кто знает, что там, поза-

ди... А впрочем, кажется, я знаю, что увижу, если обернусь,— те же лиловые цветы.

Ибо какой-то краешек оцепеневшего, перепуганного сознания подсказывает: вот об этих-то краях и говорил мне Таппер.

Таппер отсюда пришел и сюда вернулся, а вслед за ним сюда попал и я.

Ничего не произошло.

И правильно. Видно, такое это место, здесь, наверно, никогда ничего не происходит.

Сколько хватает глаз, всюду цветы, в небе пылает солнце, а больше вокруг ничего нет. И — ни звука, ни ветерка. Только со странной силой охватывает, обволакивает благоухание несчетных лиловых цветов, напоминающих львиный зев.

Наконец я собрался с духом и медленно обернулся. Но и позади только цветы и цветы.

Милвилл исчез, провалился в какой-то другой мир. Нет, не так. Наверно, он остался в прежнем, обычном мире. Не Милвилл, а я сам провалился. Один только шаг — и я перенесся из Милвилла в какой-то неведомый край.

Да, это другой, незнакомый край, а между тем сама по себе местность словно бы та же. По-прежнему я стою в ложбине, что лежит позади моего дома, за спиной у меня все тот же косогор круто поднимается к пропавшей невесть куда улице, где только что стоял дом доктора Фабиана, а в полумиле виднеется другой холм, на котором должен бы стоять дом Шервудов.

Так вот он, мир Таппера. Сюда он скрылся и десять лет назад, и сегодня утром тоже. А стало быть, и сейчас, в эту минуту, он здесь.

И стало быть, есть надежда выбраться отсюда, вернуться в Милвилл! Вернулся же Таппер — значит, дорога ему известна! Хотя... почем знать. Что можно знать наверняка, когда свяжешься с полоумным?

Итак, прежде всего надо разыскать Таппера Тайлера. Едва ли он где-нибудь далеко. Понятно, придется потратить какое-то время, но, уж конечно, я сумею его выследить.

И я стал медленно подниматься в гору — дома, в родном Милвилле, эта дорога привела бы меня к доктору Фабиану.

Я поднялся на вершину холма и остановился — внизу, куда ни глянь, расстилалось море лиловых цветов.

Странно видеть эту землю, которая лишилась всех обычных примет: не стало деревьев, дорог, домов. Но очертания мест-

ности все те же, знакомые. Если что и изменилось, так разве только мелочь, пустяки. Вон, на востоке, та же сырая, болотистая низина и пригорок, где стояла прежде лачуга Шкалика... где еще и сейчас стоит лачуга Шкалика, только в каком-то ином измерении, в ином времени или пространстве.

Любопытно, какие нужны поразительные обстоятельства, какое редкостное стечение многих и многих обстоятельств, чтобы вдруг перешагнуть из одного мира в другой?

И вот я стою, чужеземец в неведомом краю, и вдыхаю аромат цветов, он льнет ко мне, обволакивает, захлестывает, словно сами цветы катятся на меня тяжелыми лиловыми волнами и сейчас собьют с ног, и я навеки пойду ко дну. И тихо — я и не знал, что может быть так тихо. В целом мире ни звука. Тут только я понял, что никогда в жизни не слышал настоящей тишины. Всегда что-нибудь да звучало: в безмолвии летнего полдня застрекочет кузнечик или прошелестит листок. И даже глубокой ночью потрескивают, рассыхаясь, деревянные стены дома, тихонько бормочет огонь в очаге, чуть слышно причитает ветер под застрехами.

А здесь все немо. Ни звука. Ни звука потому, что нечему звучать. Нет деревьев и кустов, нет птиц и насекомых. Только цветы, только земля, сплошь покрытая цветами.

Тишина, тишина на раскрытой ладони бескрайней пустыни, лиловое море цветов простирается до самого горизонта и там сходится с ослепительно яркой голубизной раскаленного летнего неба.

Тут впервые мне стало страшно — то не был внезапный безмерный и неодолимый ужас, что заставляет бежать, не помня себя, с отчаянным воплем,— нет, это был дрянной, мелкотравчатый страшок, он подкрадывался ближе, кружил визгливой нахальной шавкой на тонких ножках, стараясь улучить минуту и запустить в меня острые зубы. Ему невозможно противостоять, с ним невозможно бороться, с этим тошнотворным, дрянным, неотвязным страшком.

И это не страх перед опасностью, ибо здесь нет никакой опасности. С первого взгляда ясно, что опасаться нечего. Но, быть может, есть нечто худшее, чем любая опасность: слишком тихо, слишком пустынно, вокруг все одно и то же, и ты один, и где ты — неизвестно.

Передо мной болотистая низина — та самая, где должно бы быть жилище Шкалика,— а чуть правее поблескивает серебром река, та, что в другом мире огибает наш городок. И в том мес-

те, где река сворачивает к югу, вьется, вздымаясь в ясное небо, легкий дымок — тонкая струйка, едва различимая глазом на фоне этой светлой синевы.

— Таппер! — заорал я и бегом кинулся под гору.

Как хорошо, что подвернулся случай, что нашелся предлог пуститься бегом, ведь все время я стоял и еле сдерживался, чтобы не побежать, не поддаться тому дрянному неотвязному страшку, и все время меня так и подмывало бежать.

Я добежал до крутого склона, под ним открылась река и на берегу жилье: подобие шалаша из сплетенных кое-как ветвей, огород, где чего только не росло; вдоль берега редкой вереницей тянулись убогие полумертвые деревца, почти все ветви их уже высохли и лишь на макушках мотались тощие кисточки зеленых листьев.

Перед шалашом горел маленький костер, и у костра на корточках сидел Таппер. На нем были штаны и рубаха, которые я ему дал, на затылке все еще лихо торчал дурацкий соломенный колпак.

— Таппер! — снова крикнул я.

Он поднялся и степенно зашагал мне навстречу. Утер ладонью подбородок, потом протянул мне руку. Она была влажная, но я с радостью ее пожал. Конечно, Таппер не бог весть какое сокровище, а все-таки он тоже человек.

— Очень рад, что ты выбрал минутку, Брэд. Очень рад, что ты ко мне заглянул.

Он сказал это так, словно я все эти годы навещал его каждый день.

— А у тебя тут славно,— заметил я.

— Это Цветы для меня устроили,— сказал Таппер с гордостью.— Они все для меня сделали. Сперва тут было не так, но они все сделали, как мне надо. Они обо мне заботятся.

— Ну да, ясно.

Не поймешь, что он болтает, но я поддакиваю. Надо поддакивать. Надо ладить с Таппером — вдруг он как-нибудь поможет мне вернуться в Милвилл.

— Они мои самые лучшие друзья,— блаженно пуская слюни, говорит Таппер.— И еще, конечно, ты и твой папа. Пока я не нашел Цветы, у меня было только два друга — ты и твой папа. Только вы одни меня не дразнили. А все дразнили. Я не подавал виду, что понимаю, но я понимал — дразнят. Не люблю, когда дразнят.

— Они ведь не со зла,— успокаиваю я.— Он не хотели тебе худого. Просто так смеялись, по дурости.

— Все равно нехорошо,— упрямо говорит Таппер.— Вот ты никогда меня не дразнил. Я тебя за это люблю: ты меня никогда не дразнил.

Это чистая правда. Я никогда его не дразнил. Но вовсе не потому, что мне ни разу не хотелось над ним посмеяться; а в иные минуты я готов был его убить. Но однажды отец отвел меня в сторону и предупредил: пусть только я попробую издеваться над Таппером, как другие мальчишки, он так меня отлупит — век буду помнить.

— Значит, это и есть то место, про которое ты мне рассказывал,— где всюду цветы и цветы.

Таппер расплылся в восторженной слюнявой улыбке:

— Правда, тут хорошо?

Тем временем мы спустились с холма и подошли к костру. Среди угольев стоял грубо вылепленный глиняный горшок, в нем кипело какое-то варево.

— Оставайся и поешь со мной,— пригласил Таппер.— Ну пожалуйста, Брэд, оставайся и поешь. Я так давно ем все один да один.

При мысли о том, как давно ему не с кем было разделить трапезу, по щекам его потекли слезы.

— У меня тут в золе печеная картошка и кукуруза,— сказал он,— а в горшке похлебка: горох, бобы, морковка — все вместе. Только мяса никакого нету. Это ничего, что мяса нету, ты не против?

— Нет конечно,— сказал я.

— А мне страх как хочется мяса,— признался Таппер.— Но тут они ничего не могут поделать. Они не могут обратиться в животных.

— Они?

— Ну, Цветы,— сказал он таким тоном, будто назвал кого-то по имени и фамилии.— Они могут обратиться во что угодно... во всякое растение. А в поросенка или в кролика никак не могут. Я и не прошу никогда. То есть больше не прошу. Один раз попросил, и они мне объяснили. И уж больше я не просил, они и так для меня столько всего делают, стараются, спасибо им.

— Они тебе объяснили? Ты что же, разговариваешь с ними?

— Ну да, все время,— сказал Таппер.

Он опустился на четвереньки, заполз в шалаш и стал рыться там, что-то разыскивая; зад и ноги его торчали наружу — ни дать ни взять, пес в охотничьем азарте разрывает нору, добираясь до сурка.

Потом он попятился и вылез наружу с двумя такими же, как горшок, кривобокими и корявыми глиняными тарелками. Поставил их наземь, в каждую сунул вырезанную из дерева ложку.

— Сам все сделал,— сказал он.— Глину нашел на берегу. Только сперва у меня не получалось, а потом они мне объяснили, как надо делать...

— Кто, Цветы объяснили?

— Ну да. Они всегда мне помогают.

— А ложки ты чем выстрогал?

— Камнем. Наверно, это кремень. С острым краем. Не то что нож, а все-таки годится. Правда, пришлось строгать долго-долго.

Я кивнул.

— Это ничего,— сказал Таппер.— Времени у меня сколько хочешь.

Он опять утер подбородок, потом старательно вытер ладони о штаны.

— Они вырастили для меня лен, чтоб я оделся. Но я никак не выучусь ткать. Они мне объясняли, объясняли, а у меня ничего не получалось. Ну они и отступились. Я сколько времени голый ходил. В одной шляпе. Сам ее сделал, никто мне не помогал. Они мне даже не говорили ничего, я сам ее придумал и сам сплел. После они сказали — очень хорошо у меня получилось.

— Они совершенно правы,— подтвердил я.— Шляпа просто на диво.

— Правда, Брэд?

— Ну конечно!

— Как я рад, что ты так говоришь! Знаешь, я вроде даже горжусь этой шляпой. За всю мою жизнь я ее первую сам сделал, никто мне не подсказывал.

— Эти твои цветы...

— Они не мои,— резко прервал Таппер.

— Ты говоришь, эти цветы могут обратиться, во что захотят. Это значит — в разные овощи, которые у тебя на огороде?

— И в овощи, и во всякое растение. Мне надо только попросить.

— Но если они могут обратиться во что захотят, почему же они все до единого — цветы?

— Надо же им чем-то быть, верно? — с жаром, чуть ли не сердито сказал Таппер.— Чем плохо быть цветами?

— Нет, отчего же, совсем неплохо,— сказал я.

Таппер вытащил из горячих угольев два початка кукурузы и несколько печеных картофелин. Подобием ухвата, вырезанного, как мне показалось, из толстой древесной коры, снял с огня горшок. И разлил похлебку по тарелкам.

— А деревьями они не бывают? — спросил я.

— Почему, в деревья они тоже обращаются. Мне ведь нужны дрова. Сперва тут никакого дерева не было, не на чем было готовить еду. Тогда я им объяснил. И они сделали деревья, нарочно для меня сделали. Деревья выросли быстро-быстро и сразу высохли, и я стал ломать сучья и разводить костер. Они горят очень медленно, не то что простой хворост. Это хорошо, у меня костер все время горит, никогда не гаснет. Сперва, когда я сюда пришел, у меня были полны карманы спичек. А теперь нету, давным-давно нету.

Слушая про карманы, полные спичек, я вспомнил: Таппер всегда без памяти любил огонь. Он вечно таскал с собою спички и, тихонько сидя где-нибудь в одиночестве, зажигал их одну за другой и восторженно глядел на язычок пламени, пока спичка не догорала до конца, обжигая ему пальцы. Многие в Милвилле опасались, как бы он не устроил пожар, но ничего такого не случилось. Просто этот чудак очень любил смотреть на огонь.

— Вот соли у меня нет,— сказал Таппер.— Тебе, может, будет невкусно. Я-то привык.

— Но если ты кормишься одними овощами, как же без соли? С такой еды и помереть можно.

— А Цветы говорят, нет. Говорят — они в эти овощи вкладывают всякое такое, что и соли не надо. На вкус не чувствуешь. А польза такая же, как от соли. Они меня изучили и знают, что мне надо для здоровья, и все это прямо в овощи вкладывают. И еще у меня подальше на берегу фруктовый сад, и там чего только нет. А малина и земляника поспевают у меня почти что круглый год.

Я не понял, какая же связь между фруктовым садом и сложностями Таппперова питания, ведь Цветы уверяют, что они могут все? Ну ладно, пусть. Добиваться толку от Таппера — напрасный труд. Если начнешь с ним рассуждать, только больше запутаешься.

— Ну, садись и давай есть,— сказал я.

Я сел прямо на землю, он подал мне еду, сам уселся напротив и придвинул к себе вторую тарелку.

Я порядком проголодался, а это варево без соли оказалось не так уж плохо. Пресновато, конечно, и чуть странный привкус, но в общем недурно. Главное, сытно.

— Как тебе тут живется? — спросил я.

— Это мой дом,— сказал Таппер с некоторой даже торжественностью.— Здесь у меня друзья.

— Но ведь у тебя ничего нет. Ни топора, ни ножа, ни кастрюли, ни сковородки. И не к кому пойти, никто не поможет. А вдруг захвораешь?

Таппер, который до этой минуты жадно уплетал свою похлебку, опустил ложку и уставился на меня так, словно полоумный не он, а я.

— А для чего мне это барахло? — сказал он.— Посуду я леплю из глины. Сучья ломаю руками, топор мне ни к чему. И мотыга ни к чему: грядки рыхлить не надо. Сорняков нету, полоть нечего. Даже сажать не надо. Все растет само. Пока я все съем с одной грядки, на другой опять поспело. И если захвораю, Цветы тоже обо мне позаботятся. Они мне сами говорили.

— Ну ладно, ладно,— сказал я.

И он снова принялся за еду. Зрелище не из приятных.

А про огород он сказал правду. Теперь я и сам увидел, что земля не возделана. Просто растут овощи, растут длинными ровными рядами, и нигде никаких следов мотыги или лопаты и ни единой сорной травинки. Да так оно, конечно, и должно быть — никакие сорняки не посмеют здесь носа высунуть. Здесь могут расти только сами Цветы или то, во что они пожелают обратиться,— к примеру, те же овощи или деревья.

А огород превосходный: ни одного чахлого растеньица, никаких болезней, никаких вредных гусениц и жучков. Помидоры на кустах висят как на подбор — круглые, налитые, ярко-алые. Кукуруза — высоченная, горделиво прямая.

— Ты настряпал вдоволь на двоих,— сказал я.— Разве ты знал, что я приду?

Я уже готов был верить чему угодно. Кто его знает, вдруг Таппер (или Цветы) и вправду меня ждали?

— А я всегда стряпаю на двоих,— ответил он.— Мало ли кто может заглянуть, заранее не угадаешь.

— Но пока к тебе еще никто не заглядывал?

— Ты первый. Я рад, что ты пришел.

Любопытно, замечает ли он, как идет время? Иногда мне кажется, он этого просто не понимает. Но ведь когда речь зашла о том, как долго ему приходилось довольствоваться одинокими трапезами, он заплакал...

Несколько минут мы ели молча, а потом я решил попытать счастья. Довольно я к нему подлаживался, пора уже задать кое-какие вопросы.

— Где мы с тобой сейчас? Что это за место? И как быть, если захочешь вернуться домой?

О том, что он только нынче выбрался отсюда и побывал в Милвилле, я напоминать не стал. Еще разозлишь его неделикатным намеком, он ведь так торопился назад... Может, он нарушил какое-то правило или запрет и спешил обратно, пока его на этом не поймали?

Прежде чем ответить, Таппер аккуратно поставил свою тарелку наземь, положил ложку. Но ответил он мне не своим голосом, а тем размеренным, деловым тоном, который я слышал в трубке таинственного телефона.

— С вами сейчас говорит не сам Таппер Тайлер,— произнес он.— Таппер говорит от имени Цветов. О чем вы хотели бы побеседовать?

— Брось ты свои дурацкие шутки,— сказал я.

Но я вовсе не думал, что Таппер меня дурачит. Это сказалось как-то само собой, я невольно старался выиграть время.

— Могу вас заверить, что мы относимся к делу весьма серьезно,— произнес тот же голос.— Мы — Цветы, вы хотели поговорить с нами, а мы с вами. И это единственный способ вступить в переговоры.

Таппер на меня не смотрел; он, кажется, вообще ни на что не смотрел. Глаза у него стали пустые и словно выцвели, он как-то ушел в себя. Сидит прямой как деревяшка, руки упали на колени. Словно он уже и не человек... не человек, а телефон!

— Я уже с вами разговаривал,— сказал я.

— Да, но то был очень короткий разговор,— отвечали Цветы.— Вы тогда в нас не поверили.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Мы вам ответим. Мы приложим все усилия. И постараемся говорить как можно яснее.

— Где мы находимся? — спросил я.

— Это смежная Земля. От вашей Земли ее отделяет только доля секунды.

— Смежная Земля?

— Да, Земля не одна, их много Вы этого не знали?

— Нет. Не знал.

— Но вы можете этому поверить?

— Так сразу трудно. Постараюсь привыкнуть.

— Земля не одна, их мириады,— сказали Цветы.— Мы не знаем точно, сколько, но мириады и мириады. Быть может, им вообще нет числа. Многие думают именно так.

— И все они рядом, одна за другой?

— Нет, не то. Не знаем, как вам сказать. Трудно выразить словами.

— Значит, скажем так: Земель очень много. Только я что-то не пойму. Будь их много, мы бы их видели.

— Вы не можете их увидеть,— сказали Цветы.— Для этого надо видеть во времени. Смежные Земли существуют в пластах времени.

— В пластах времени? То есть...

— Проще всего сказать так: все эти бесчисленные Земли разделяет время. Каждая из них отличается своим местом во времени. Для вас существует только настоящее мгновение. Вы не можете заглянуть ни в прошлое, ни в будущее

— Значит, когда я попал сюда, я путешествовал во времени?

— Совершенно верно,— сказали Цветы.

Таппер все еще сидел напротив с отсутствующим, бессмысленным видом, но я о нем попросту забыл. Слова, которые я слышал, исходили из его гортани, слетали с его губ и языка, но то не были слова Таппера. Я знал, что говорю с Цветами; это может показаться чистейшим безумием, но со мною говорила сама Лиловость, затопившая все окрест.

— Судя по вашему молчанию, вам нелегко освоиться с тем, что вы от нас услышали,— сказали Цветы.

— Такое враз не проглотишь, скорее подавишься,— ответил я.

— Попробуем выразить это иначе. Земля — неизменная основа, но она движется во времени путем прерывающейся последовательности.

— Покорно благодарю, только мне что-то не становится понятнее.

— Мы уже давно это знаем. Мы открыли это много лет тому назад. Для нас это просто и естественно, как всякий закон природы, для вас — нет. Придется вам потерпеть. Не так-то

просто в один миг усвоить истину, которую мы познавали веками.

— Но я же прошел сквозь время, вот что всего непонятнее. Как так получилось, что я перешел из одного времени в другое?

— Вы прошли там, где очень тонко.

— Тонко?

— В таком месте, где время не слишком плотное.

— Вы сами сделали его потоньше?

— Скажем так: мы открыли это место и воспользовались им.

— Чтобы добраться до нашей Земли?

— Пожалуйста, сэр, не надо так ужасаться. Ведь вы, люди, уже несколько лет, как летаете в космос.

— Пробуем летать,— поправил я.

— Вы думаете о завоевании. В этом смысле мы с вами одинаковы. Вы стремитесь завоевать пространство, мы — время.

— Постойте, не торопитесь,— взмолился я,— дайте разобраться с самого начала! Между всеми этими Землями есть какие-то границы?

— Да.

— Границы во времени? Миры разделены какими-то периодами?

— Совершенно верно. Вы очень точно это уловили.

— И вы стараетесь пробиться сквозь барьер времени, чтобы проникнуть на мою Землю?

— Да, так.

— А зачем?

— Мы хотим с вами сотрудничать. Заключить соглашение. Нам нужно жизненное пространство, дайте его нам, а мы взамен дадим вам наши познания; нам нужна техника, ведь у нас нет рук, а вы, пользуясь нашими знаниями, создадите новую технику — она пойдет на благо и вам, и нам. Вместе мы сможем проникнуть и в другие миры. В конце концов множество Земель сольется в единую цепь, и все те, кто их населяет, тоже объединятся, у них будет одна цель, одни стремления.

Где-то под ложечкой у меня зрел холодный, свинцово-тяжелый ком; я ощущал странную пустоту внутри и мерзкий металлический вкус во рту. Сотрудничество, соглашение — а кто будет играть главную роль? Жизненное пространство — а сколько его останется для нас? Иные миры — а что произойдет там, в иных мирах?

— Вы много знаете?

— Очень много. Это для нас важнее всего: мы познаем, поглощаем, впитываем знания.

— Вы очень усердно собираете их и у нас. Ведь это вы нанимаете чтецов?

— Да, и этот способ гораздо лучше всех прежних, раньше мы получали весьма посредственные результаты. Теперешний путь вернее, и притом легче отбирать только самое важное.

— Так пошло с тех пор, как вы обучили Джералда Шервуда делать телефоны?

— Телефоны позволяют нам непосредственно общаться с жителями вашей Земли,— был ответ.— До этого мы могли только перехватывать мысли.

— Так вы и раньше понимали людей? Может, вы уже давным-давно читаете наши мысли?

— Да-да! — весело откликнулись Цветы.— Мы понимали очень многих людей и уже много-много лет назад. Но беда в том, что это были отношения односторонние. Мы слышали и понимали людей, а они нас — нет. Большинство даже и не подозревало о нашем существовании, а более чуткие кое-что воспринимали, но только очень смутно и сбивчиво.

— Однако вы подслушивали их мысли.

— Да, конечно. Но нам приходилось довольствоваться тем, что они думали сами. Мы не могли направлять их мысли, пробуждать у них те или иные интересы.

— Уж конечно, вы старались их подтолкнуть в ту сторону, куда вам требовалось.

— Да, подталкивали, и с некоторыми получалось очень удачно. Другие почему-то двигались совсем не туда, куда надо. А многие, очень многие упорно оставались глухи, все наши старания пропадали понапрасну. Это было очень печально.

— Как я понимаю, вы проникали в сознание этих людей через те самые просветы, где время не очень плотное. Обычные границы вы бы не преодолели.

— Да, приходилось наилучшим способом использовать каждый просвет, какой удавалось найти.

— Очевидно, этого вам было недостаточно.

— У вас очень тонкое восприятие. Мы ничего не могли достичь.

— И тогда вы пошли на прорыв.

— Мы не совсем понимаем.

— Вы попробовали взяться за дело с другого конца. Задались целью переправить через границу не мысль, а какой-нибудь предмет. Скажем, горсть семян.

— Да, разумеется. Вы прекрасно все улавливаете и очень верно нас понимаете. Но если бы не ваш отец, нас и тогда постигла бы неудача. Проросло всего лишь несколько семян, и побеги в конце концов неминуемо погибли бы, но ваш отец их нашел и позаботился о них. Поэтому мы и избрали вас посредником...

— Нет, обождите,— сказал я.— Сперва я хочу еще кое-что выяснить. Вот хотя бы насчет барьера — чем вы огородили Милвилл?

— Это не так сложно,— сказали Цветы.— Этот барьер — капсула времени, нам удалось выбросить ее через неплотное место в границе, разделяющей наши миры. Тонкий слой пространства, который образует капсулу, находится в ином времени, чем Милвилл и вся ваша Земля, в вашем прошлом. Разница в невообразимо малую долю секунды, на эту малую долю время капсулы отстает от земного. Доля эта столь ничтожно мала, что едва ли даже точнейшие ваши приборы могли бы ее измерить. Самая малость — и, однако, согласитесь, отлично действует.

— Да,— сказал я,— действует.

— Еще бы, иначе и не может быть — по самой природе своей барьер неодолим, ничего прочнее и вообразить нельзя. Ибо он принадлежит прошлому, прошлое обволакивает Милвилл тонкой, как мыльный пузырь, пленкой, она так тонка, что сквозь нее можно видеть и слышать, и, однако, человеку сквозь нее не прорваться.

— Но палки...— сказал я.— И камни... И дождь...

— Барьер задерживает только все живое,— ответили мне.— Только те формы жизни, которые достигли определенного уровня и могут ощущать и осознавать то, что их окружает, могут чувствовать... как бы это лучше сказать?

— Вы сказали очень понятно. А неодушевленным предметам барьер не помеха...

— У времени — у того явления природы, которое вы называете временем,— есть свои законы,— услышал я.— И это лишь малая часть знаний, которыми мы с вами поделимся.

— Все, что вы нам скажете о времени, будет для нас ново. Мы ничего о нем не знаем. Мы даже не представляли, что

время — это сила, которую можно изучать. Мы и не пробовали к нему подступиться. То есть, конечно, отвлеченной болтовни хватало, а вот настоящего знания нет и в помине. Мы никогда и не догадывались, с чего начать.

— Да, нам это известно.

Ослышался я — или в том, как они это сказали, прозвучало торжество? Может быть, просто почудилось?

Новое оружие, подумал я. Адское оружие. Никого не убивает и не ранит. Всего лишь гонит, толкает, сметает с дороги, сгребает всех в одну кучу — неодолимо, неотвратимо.

Как бишь сказала Нэнси: вдруг барьер сметет с лица Земли все живое и останется один лишь Милвилл? Пожалуй, и это возможно, хотя зачем такие крайности? Если Цветам нужно только жизненное пространство, у них уже есть способ его получить. Расширяя капсулу времени, они могут очистить для себя столько места, сколько пожелают, могут оттеснить человечество и поселиться на его территории. У них есть оружие против жителей Земли — оно же послужит им защитой от любых контрмер, к каким попытались бы прибегнуть люди.

Если они хотят захватить Землю, путь открыт. Ведь этим путем проходил Таппер и прошел я. Теперь их ничем не остановишь. Они просто-напросто двинутся на Землю, заслоняясь как щитом барьером времени.

— Так чего же вы ждете? — спросил я.

— В некоторых отношениях вы очень непонятливы,— прозвучало в ответ.— Мы вовсе не собираемся вас завоевать и покорить. Мы хотим с вами сотрудничать. Мы хотим прийти к вам как друзья, мы ищем полного понимания.

— Что ж, отлично,— сказал я.— Вы хотите с нами дружить. Но сперва нам надо знать, кого мы берем в друзья. Что вы, собственно, такое?

— Вы неучтивы.

— Совсем нет. Просто я хочу вас понять. Вы говорите о себе во множественном числе, как будто вы составляете какое-то сообщество.

— Да, сообщество. Вы, вероятно, назвали бы нас единым организмом. Наши корни сплетены в единую сеть, она охватывает всю планету — возможно, вы скажете, что это наша нервная система. На равных расстояниях расположены большие массы того же вещества, из которого состоят и корни, и эти массы служат нам... должно быть, вы назовете это мозгом. Не

один мозг, а многое множество, и все они связаны общей нервной системой.

— Как же так! — запротестовал я.— Этого просто не может быть! Растения не бывают разумными. Конечно, в растительном царстве тоже идет борьба за существование, но там все меняется не так быстро и резко, чтобы мог развиться разум.

— Вы рассуждаете весьма логично,— невозмутимо ответили Цветы.

— Вот видите, логично — и все-таки мы с вами разговариваем!

— У вас на Земле есть животное, вы его называете собакой.

— Правильно. Очень умный зверь.

— Вы привыкли к собакам, они ваши любимцы, баловни и верные спутники. Люди и собаки неразлучны с незапамятных времен. И, может быть, от постоянного общения с вами они еще больше поумнели. Это животное способно многому научиться.

— При чем тут собаки?

— Представьте: вдруг бы люди на вашей Земле с начала времен все силы посвятили тому, чтобы учить собак, развивать их разум. Как, по-вашему, чего бы они достигли?

— Ну... право, не знаю. Может, теперь собаки были бы так же разумны, как и мы. Может, их разум чем-то и отличался бы от нашего, но...

— Некогда в одном из миров так поступили с нами,— сказали Цветы.— Все это началось больше миллиарда лет тому назад.

— И обитатели того мира сознательно сделали растения разумными?

— Для этого была причина. То были не такие существа, как вы. Они совершенствовали нас с определенной целью. Они нуждались в каком-то устройстве, способном собирать и хранить для них наготове всевозможные знания и сведения, беспрерывно накапливать их и приводить в стройную систему.

— Ну и вели бы записи. Все можно записать.

— Тут были некоторые физические пределы и, что, пожалуй, еще важнее, некоторые психологические ограничения.

— То есть они не умели писать.

— Они до этого не додумались. Им не случилось открыть для себя письмо. И даже речь — они не говорили, как вы. Но даже умей они говорить и писать, они все равно не достигли бы того, что им требовалось.

— Не могли бы привести свои знания в единую систему?

— Отчасти и это, конечно. Но скажите, многое ли сохранилось из того, что знали люди в древности, что было записано и, как им в ту пору казалось, закреплено на века?

— Да нет, мало что уцелело. Многое затерялось, многое разрушено и погибло. Время стерло все следы.

— А мы и поныне храним знания того народа. Мы оказались надежнее всяких записей... Правда, в том мире никто и не думал вести записи.

— Обитатели того мира...— повторил я.— Вы сохранили их знания, а может, и знания еще многих других?

— Сейчас некогда, а то мы бы вам все объяснили,— сказали Цветы вместо ответа.— Тут много обстоятельств и соображений, которые вы пока понять не в силах. Поверьте нам на слово: когда они, изучив другие возможности, решили превратить нас в хранилище знаний и сведений, они выбрали самый мудрый и верный путь.

— Но сколько же на это ушло времени! Развить у растения разум... Бог ты мой, да на это нужна целая вечность! И как к этому подступиться? Как сделать растение разумным?

— О времени они не думали. Это было просто. Они умели им управлять. Они обращались со временем, как вы — с материей. Иначе ничего бы не вышло. Они сжали, спрессовали наше время так, что в нашей жизни прошли многие века, а для них — секунды. В их распоряжении всегда было столько времени, сколько требовалось. Они сами создавали время, которое им требовалось.

— Создавали время?

— Да, разумеется. Разве это так непонятно?

— Мне непонятно. Время — река. Оно течет, и его не остановишь. Тут ничего нельзя поделать.

— Время ничуть не похоже на реку,— был ответ.— Никуда оно не течет, и с ним очень многое можно сделать. Кроме того, напрасно вы стараетесь нас оскорбить, нас это не задевает.

— Я вас оскорбил?!

— По-вашему, растениям так трудно обрести разум.

— Но я совсем не хотел вас оскорбить! Я думал о наших, земных, растениях. Не могу себе представить какой-нибудь одуванчик...

— Одуванчик?

— Обыкновенный цветок, такие у нас растут на каждом шагу.

— Возможно, вы и правы. Должно быть, мы с самого начала были не такие, как растения у вас на Земле.

— Но вы этого, конечно, не помните.

— Вы имеете в виду родовую память?

— Да, наверно.

— Это было очень давно. Но у нас есть данные. Не миф, не легенда, а точные данные о том, как мы стали разумными.

— В этом смысле человечеству до вас далеко,— сказал я.— У нас таких данных нет.

— А сейчас мы должны с вами проститься,— сказали Цветы.— Наш глашатай очень устал, надо беречь его силы, ведь он уже так давно служит нам верой и правдой, и мы к нему привязались. Мы с вами побеседуем в другой раз.

— Ф-фу! — сказал Таппер и утер ладонью подбородок.— Так долго я за них еще не разговаривал. Про что это вы толковали?

— А ты разве не знаешь?

— Откуда мне знать,— огрызнулся Таппер.— Отродясь не подслушивал.

Он опять стал похож на человека. Глаза ожили, застывшие черты оттаяли.

— А чтецы? — спросил я.— Они же читают дольше, чем мы разговаривали.

— Кто читает, это не по моей части,— сказал Таппер.— С ними разговоров не ведут. Там прямо ловят мысли.

— А телефоны зачем же?

— Просто чтоб говорить им, про что надо читать.

— А разве они читают не по телефону?

— Ну ясно, по телефону. Это чтоб они читали вслух. Цветам легче понимать, когда вслух. Вроде тогда у чтеца в голове все отчетливей выходит.

И Таппер медленно поднялся.

— Пойду сосну часок,— сказал он и направился к шалашу. Но на полдороге остановился и обернулся: — Совсем забыл. Спасибо тебе за штаны и за рубаху.

Глава 12

Стало быть, предчувствие меня не обмануло. Таппер — ключ к тому, что происходит, или, по крайней мере,— один из ключей. И, как ни дико это звучит, искать ключи ко всем другим

загадкам надо на той же лужайке за теплицами, где разрослись лиловые цветы.

Ибо эта лужайка ведет не только к Тапперу, но и ко всему остальному: к «двойнику», что выручил Джералда Шервуда, к телефону без диска и к работе чтецов, к тем, кому служит Шкалик Грант, и, по всей вероятности, к тем, кто устроил загадочную лабораторию в штате Миссисипи.

А сколько еще за этим кроется престранных случаев, непонятных фабрик и лабораторий?

Конечно, это все не новость, это началось много лет назад. Цветы сами сказали, что уже многие годы для них открыт разум многих людей на Земле,— они подслушивают мысли этих людей, перенимают их понятия, представления, знания, и даже, когда человек не подозревает, что в его мозг прокрались незваные гости, они упорно подталкивают, направляют чужой разум, куда им заблагорассудится, как направляли ум Шервуда.

Многие годы, сказали они, а я не догадался спросить точнее. Может быть, это длится уже несколько столетий? Почему бы и нет, ведь они говорили, что обладают разумом уже миллиард лет.

Быть может, они вмешиваются в нашу жизнь уже несколько веков — уж не с эпохи ли Возрождения это началось? Что, если расцветом культуры, духовным ростом и развитием человечество хотя бы отчасти обязано Цветам, которые толкали его все вперед по пути прогресса? Нет, конечно, не они определили характер человеческой науки, искусства, философии, но очень возможно, что это они будили в людях беспокойный дух, заставлявший стремиться к совершенству.

Джералда Шервуда такой неугомонный советчик вынудил стать изобретателем и конструктором. А может быть, он далеко не единственный, только в других случаях чужое вмешательство было не так очевидно? Шервуд почувствовал, что в него вселилось некое чуждое начало, и понял: сотрудничать с чужаком полезно и выгодно. А многие другие могли этого и не почувствовать, но все равно их что-то вело, толкало, и отчасти поэтому они чего-то достигли.

За сотни лет Цветы, конечно, неплохо изучили человечество и пополнили свои запасы многими людскими познаниями. Ведь для того их и наделили разумом, чтобы сделать хранилищем знаний. В последние несколько лет человеческие знания текли к ним непрерывным потоком, десятки, а то и сотни чтецов

усердно наполняли ненасытную глотку их разума всем, что общими усилиями собрало в своих книгах человечество.

Наконец я поднялся — я так долго сидел на земле не шевелясь, что весь одеревенел. Потянулся, медленно повернул голову и осмотрелся — взгляд упирался в гряды холмов, они тянулись справа и слева, чуть поодаль от реки, сплошь захлестнутые лиловым приливом.

Не может этого быть. Не мог я разговаривать с цветами. Что-что, а растения — только они из всех форм жизни на Земле — начисто лишены дара речи.

Да, но ведь это не наша Земля. Это какая-то другая Земля — по их словам, лишь одна из многих миллионов.

Можно ли по одной из этих Земель судить о другой, мерить их той же мерой? Уж наверно, нельзя. Правда, местность вокруг почти такая же, как и наизусть знакомые места на моей родной Земле, но, возможно, рельеф остается тот же для всех бесчисленных миров. Как, бишь, они сказали: Земля — это неизменная основа?

А вот жизнь, эволюция — тут нет ничего общего. Даже если на моей Земле и на этой, куда я сейчас попал, жизнь начиналась совершенно одинаково (а это вполне могло случиться), то все равно в дальнейшем на ее пути неизбежно возникали несчетные мелкие отклонения, сами по себе, возможно, пустячные, но все вместе они привели к тому, что жизнь и культура одной Земли ничем не напоминают остальные.

Таппер захрапел — в носу и в глотке у него громко бурлило, булькало, храп был под стать всему его облику. Он лежал в шалаше навзничь на куче листьев, но шалаш был так мал, что ноги Таппера высовывались наружу. Задубевшие пятки упирались в землю, широко расставленные пальцы торчали в небо — зрелище не слишком изысканное.

Я подобрал тарелки и ложки, сунул под мышку горшок, в котором Таппер варил похлебку. Отыскал взглядом тропинку, сбегавшую к реке, и стал спускаться. Таппер стряпал еду, так должен же я хотя бы перемыть посуду.

Я присел на корточки у самой воды, вымыл кривобокие тарелки и горшок, ополоснул ложки и старательно протер их пальцами. С тарелками я обращался бережно: еще размокнут! На глине виднелись отпечатки неуклюжих Таппероых пальцев, вылепивших эту корявую утварь.

Он живет здесь уже десять лет, и он счастлив, ему хорошо среди лиловых цветов, они стали ему друзьями, наконец-то

он защищен от злобы и жестокости мира, в котором родился. Мир этот был зол, был жесток с Таппером, потому что Таппер не такой, как все,— но как часто злоба и жестокость преследуют и тех, кто ничем не выделяется среди других.

Таппер, конечно, кажется, что он попал в волшебный край, сказочная страна фей стала для него явью. Здесь красиво и просто — эта безыскусственность и красота созвучны его простой душе. Здесь он может жить бесхитростно, безмятежно, к такой жизни он всегда стремился, по ней тосковал, сам того не понимая.

Я поставил горшок и тарелки на берегу, нагнулся пониже, сложил ладони ковшиком, зачерпнул воды и стал пить. Вода была чистая, точно ключевая, и, наперекор жаркому летнему солнцу, прохладная.

Выпрямляясь, я услыхал слабый шелест бумаги, и сердце екнуло: я вдруг вспомнил! Сунул руку во внутренний карман куртки и вытащил длинный белый конверт. Он не был запечатан, я открыл его — внутри лежала пачка денег, полторы тысячи долларов, которые передал мне Шервуд.

С конвертом в руке я присел на корточки. Какого же я свалял дурака! Мы с Элфом собирались на рыбалку с утра пораньше, когда банк еще не открыт, и я хотел покуда спрятать конверт где-нибудь дома, а потом началась кутерьма, я закрутился и позабыл. Это ж надо — забыть про полторы тысячи долларов!

Я перебрал в уме все, что могло случиться с этим конвертом, и меня прошиб холодный пот. Я мог потерять его раз двадцать — и чудо, что не потерял. Вот уж поистине дуракам счастье! Но странно: вот я сижу на берегу, ошарашенный собственной забывчивостью, держу в руках кругленькую сумму — и оказывается, почему-то она теперь не так уж много для меня значит.

Быть может, это на меня так подействовало Таппарово волшебное царство, что деньги для меня уже не столь важны, как прежде? Хотя, конечно, если бы я сумел возвратиться домой, они вновь значили бы очень-очень много. Но здесь, в чужом мире, на краткий миг стало важно другое: неуклюжая утварь, грубо вылепленная из речной глины, шалаш из ветвей и куча листьев вместо постели. И куда важнее всех денег на свете поддерживать крохотный костер, потому что спичек здесь нет.

А впрочем, ведь это не мой мир. Это мир Таппера, безвольный, подслеповатый, как он сам,— и где ему понять, что таит в себе и чем грозит этот мир.

Ибо настал день, который давно предвидели и о котором много рассуждали... хотя рассуждали куда меньше, чем следовало, и слишком плохо к нему готовились, ведь он казался таким далеким, таким невероятным. Настал день, когда человечество встретилось (а быть может, вернее сказать — столкнулось) с иным разумом.

Правда, мы всегда рассуждали либо о пришельцах из космоса, либо о встрече с чужим разумом на какой-нибудь далекой планете. А тут пришельцы не из пространства, но из времени или, во всяком случае, из-за барьера времени.

А не все ли равно? Из пространства ли, из времени ли — осложнения те же. Вот он пришел — час, когда человеку предстоит величайший в истории экзамен, и провалиться нельзя.

Я собрал посуду и стал подниматься по тропинке.

Таппер еще спал, но больше не храпел. Он по-прежнему лежал на спине, пальцы ног все так же торчали в небо.

Солнце клонилось к закату, но жара не спадала, в воздухе — ни ветерка. И лиловые цветы на склонах холмов недвижны.

Я стоял и смотрел на них — цветы как цветы, милые, невинные, словно бы ничего не обещают и ничем не грозят. Просто луг, поросший цветами,— все равно как ромашками или нарциссами. Мы, люди, искони привыкли к цветам и ничего худого от них не ждем. Они безличны, они ничего не значат, радуют глаз яркими красками — и только.

Вот в том-то и загвоздка, в голове никак не укладывается, что эти Цветы — не просто цветы. Не верится, будто они — разумные существа, будто за ними стоит нечто значительное, весомое. Трудно принять их всерьез, а надо, ибо по-своему они столь же разумны, как люди, а быть может, и разумнее.

Я оставил посуду у костра и начал медленно подниматься в гору. На ходу я раздвигал и мял цветы, а некоторые раздавил, но просто невозможно было пройти, не растоптав ни одного цветка.

Непременно надо будет еще с ними поговорить. Как только Таппер отдохнет, я опять с ними потолкую. Столько всего надо выяснить, во многом разобраться. Если Цветам и людям придется существовать бок о бок, необходимо достичь взаимопонимания. Ну-ка попробуем вспомнить все, о чем мы говорили,— чем же она была, скрытая угроза, ведь была же она? Но хоть убей, сколько ни вспоминаю, в том, что я слышал, никакой угрозы нет.

Вот и вершина холма, с нее далеко видна волнистая лиловая низина. Огибая косогор, бежит ручеек, вьется меж холмами и чуть подальше впадает в реку. Бежит, прыгает по камешкам, мне и сюда слышен его серебряный лепет.

Я стал медленно спускаться к ручью — и на другом берегу, у подножья нового холма, увидел какой-то бугор, что-то вроде насыпи. Прежде я ее не замечал — вероятно, косые закатные лучи падали так, что она не бросалась в глаза.

Просто бугор, ничем не примечательный, но он как-то не сочетается со всем окружающим. Здесь, посреди цветущей холмистой равнины, он торчит отдельно, сам по себе, словно горбатый урод, оставшийся от иных времен.

Я спустился к ручью и перешел его вброд — здесь было мелко, вода покрывала полосу блестящей гальки всего лишь дюйма на три.

У самого края воды, наполовину выступая из береговой кручи, торчала каменная глыба. Совсем как скамья — я уселся и поглядел на реку. Солнце отсвечивало в воде, мельчайшая рябь искрилась алмазами, в воздухе серебром рассыпались переливчатые трели ручья.

В том мире, где остался Милвилл, на этом месте никакого ручья нет; а впрочем, через луг Джека Диксона проходит высохшее русло и порой в него просачивается вода из болота, что за лачугой Шкалика. Может, и там, возле Милвилла, в старину был такой ручеек, а потом появился пахарь с плугом, началась эрозия почвы и облик всей местности переменился.

Так я сидел, околдованный алмазным сверканьем и звоном ручья. Наверно, вот так, в теплых лучах заходящего солнца, под защитой холмов можно сидеть целую вечность.

Бездумно, от нечего делать я коснулся ладонями камня, на котором сидел, и начал его поглаживать. Руки должны бы мигом подсказать мне, что поверхность у камня какая-то странная, но я так поглощен был солнцем и ручьем, что лишь через несколько минут странность эта дошла до моего сознания.

Я и тут не вскочил, я по-прежнему сидел и кончиками пальцев водил взад и вперед по камню, но теперь и не глядя убеждался: ошибки нет, на ощупь ясно — это не просто каменная глыба, а обтесанная плита.

Наконец я поднялся и посмотрел — да, сомнений нет. Передо мною квадратная плита, кое-где еще видны знаки от удара зубилом. И на одном углу сохранились следы хрупкого вещества — должно быть, некогда это было подобие цемента.

Разглядев все это, я выпрямился и отступил, пришлось войти в ручей, вокруг щиколоток заплескалась вода.

Не просто глыба, не какой-нибудь валун, а каменная плита! Обтесанная плита со следами зубила и с остатками цемента по краю!

Значит, Цветы — не единственные обитатели этой планеты. Есть и другие или были когда-то. Существа, которые умели строить из камня и придавали камню нужную форму и размеры при помощи орудий.

Я поднял глаза от каменной плиты к тому бугру у края воды — из него выступали и еще такие же плиты. Я застыл на месте и, позабыв о солнечных бликах, о серебряной песне ручья, обвел взглядом проступавшие из земли плиты — все ясно, некогда здесь была стена.

Так, стало быть, этот бугор — не прихоть природы. Это — свидетельство, что в давние времена здесь потрудились существа, которые умели строить, умели пользоваться орудиями и инструментами.

Я вышел из ручья и взобрался на бугор. Камни невелики и никак не украшены — только следы зубила да кое-где остатки скреплявшего плиты цемента. Видно, когда-то здесь стояло здание. Или, может быть, ограда. Или памятник.

Я опять начал спускаться к ручью, держа пониже того места, где переходил вброд; склон был крутой, и я спускался медленно, осторожно, тормозя руками — не ровен час, сорвешься.

И тут, прижимаясь всем телом к откосу, чтобы не упасть, я набрел на кость. Должно быть, дождь и ветер совсем недавно высвободили ее из-под слоя почвы, и теперь ее укрывали только лиловые цветы. Если бы не чистая случайность, я, скорее всего, прошел бы мимо. Сперва я ее не разглядел, заметил только: в земле что-то тускло белеет. Сполз по склону — и лишь тогда, увидев кость, вновь подтянулся повыше и вытащил ее.

Когда я сжал ее, пальцы мои словно пылью покрылись — верхний слой изъело время,— но сама кость не сломалась.

Чуть изогнутая и призрачно-белая, белая как мел.

Я повертел ее в руках: похоже, что это ребро, и, может быть, судя по форме и размеру, человеческое,— впрочем, тут моих знаний не хватает, могу и ошибиться.

Если эта кость и вправду сходна с человеческой, значит, когда-то здесь жили существа, напоминающие людей. Но тогда, может быть, здесь и поныне обитает какое-то подобие человечества?

Планета, населенная цветами... никакой иной жизни — только лиловые цветы да в последние годы Таппер Тайлер. Так подумал я сначала, увидав море цветов, расплескавшееся до самого горизонта, но это был только домысел. Не успев путем разобраться, я поспешил с выводами. Отчасти их подкрепляло то, что я увидел: здесь, на этом клочке земли, и в самом деле нет больше ничего живого — ни птиц, ни зверей, ни насекомых, разве что какие-нибудь бактерии, вирусы, да и то, вероятно, лишь такие, которые полезны Цветам.

Хотя верхний слой кости под пальцами обращался в меловую пыль, сама кость, видимо, была очень крепкая. Не так уж давно это была часть живого существа. Чтобы определить ее возраст, наверно, надо знать состав и влажность почвы и еще многое. Это задача специалистов, а я не специалист.

Потом я заметил справа еще одно белое пятнышко. Конечно, это мог быть и просто белый камень, но я с первого взгляда решил иначе. В глаза бросалась та же меловая белизна, что и у ребра — моей первой находки.

Я осторожно передвинулся вправо и, уже наклоняясь, увидел, что это не камень. Я отложил ребро и стал копать. Почва рыхлая, песчаная, можно обойтись и без лопаты, собственными руками.

Кость оказалась округлой, через минуту я понял: это череп, а еще через минуту — что череп человеческий.

Я откопал его, поднял — и если с ребром я еще мог ошибиться, то теперь сомнений не было.

Я был подавлен, меня захлестнула жалость: вот он когда-то жил, и его больше нет... и еще мне стало страшно.

Ведь этот череп у меня в руках — бесспорное доказательство, что Земля эта не всегда принадлежала Цветам. Их родина не здесь... должно быть, они завоевали этот мир... так или иначе, он перешел к ним от кого-то другого. Да, очень возможно, что они переселились во времени очень далеко от той Земли, где иное племя — по их описанию, племя, нисколько не похожее на людей,— научило их мыслить.

Как далеко в прошлом лежит она, родина Цветов? Сколько еще Земель завоевали они на пути сюда, в этот мир, из того, неведомого, который был их колыбелью? Сколько миров осталось позади, опустошенных, очищенных от всего живого, что могло соперничать с этими Цветами...

А те, кто обучил и возвысил простые растения, кто наделил их разумом,— где они теперь, что с ними сталось?

Я положил череп обратно в яму, откуда его извлек. Снова осторожно засыпал его песком и землей — так, что больше уже ничего не было видно. Хорошо бы взять его с собой и внизу, на берегу, получше разглядеть. Но нельзя: Таппер не должен знать о моей находке. Его друзья Цветы с легкостью читают его мысли, а мои мысли для них — книга за семью печатями, иначе зачем бы им для переговоров со мной понадобился телефон. Значит, пока я ничего не скажу Таппер, Цветы не узнают, что я нашел этот череп. Впрочем, быть может, они уже знают, быть может, они умеют видеть или обладают еще каким-нибудь чувством, которое заменяет им зрение. Но нет, вряд ли: ничего такого пока не заметно. Вернее всего, они способны к умственному симбиозу и знают только то, что им открылось в мыслях других разумных существ.

Я спустился с насыпи, обогнул ее и по дороге нашел еще много каменных плит. Несомненно, когда-то на этом месте стояло здание. А может быть, тут был поселок или даже город? Так или иначе, здесь жили люди.

Я вышел на берег у дальнего конца насыпи, где ручей бежал вдоль нее вплотную, подмывая крутой склон,— и зашлепал по воде к тому месту, где раньше переходил вброд.

Солнце село, алмазные искры на воде угасли. Смеркалось, и ручей казался темным, почти бурым.

Крутой черный берег вдруг ощерился ухмылкой мне навстречу, и я застыл, вглядываясь,— передо мной белел ряд обломанных зубов, выпукло круглился череп. Течение хватало меня за ноги, стараясь увлечь за собой, вода тихонько рычала на меня, с темнеющих холмов тянуло холодом... меня пробрала дрожь.

Ибо, глядя на этот второй череп, оскалившийся мне навстречу из черной крутизны, я понял: человечеству грозит величайшая, небывалая опасность. Доныне род людской мог погибнуть только по собственной вине, по вине людей. И вот у меня перед глазами новая угроза.

Глава 13

Спотыкаясь в полутьме, я спускался по косогору и еще издали увидел красноватый отблеск костра: Таппер уже проснулся и готовил ужин.

— Погулял? — спросил он.

— Так, огляделся немного,— ответил я.— Тут и смотреть особенно не на что.

— Одни Цветы — и все,— подтвердил Таппер.

Он утер подбородок, сосчитал пальцы на руке, потом пересчитал сызнова, проверяя, не ошибся ли.

— Таппер!

— Чего?

— Тут что же, всюду так? По всей этой Земле? Больше ничего нету, одни Цветы?

— Иногда еще разные приходят.

— Кто — разные?

— Ну, из разных других миров. Только они опять уходят.

— А какие они?

— Забавники. Ищут себе забаву.

— Какую же забаву?

— А я не знаю. Просто забаву.

Таппер отвечал хмуро, уклончиво.

— А больше здесь никто не живет, кроме Цветов?

— Никого тут нету.

— Ты разве всю эту Землю обошел?

— Они мне сами сказали. Они врать не станут. Они не то, что милвиллские. Им врать ни к чему.

Двумя сучьями он сдвинул глиняный горшок с пылающих угольев в сторонку.

— Помидоры,— сказал он.— Любишь помидоры?

Я кивнул; он опустился на корточки у огня, чтоб лучше следить за своей стряпней.

— Они всегда говорят правду,— вновь начал Таппер.— Они и не могут врать. Так уж они устроены. У них вся правда внутри. Они ею живут. Им и не к чему говорить неправду. Ведь люди почему врут? Боятся, вдруг им кто сделает больно, плохо, а тут никого плохого нет, Цветам никто зла не сделает.

Он задрал голову и уставился на меня с вызовом — дескать, попробуй, поспорь!

— Я и не говорил, что они врут,— сказал я.— Пока что я ни в одном их слове не усомнился. А что это ты сказал: у них правда внутри? Это ты про то, что они много знают?

— Да, наверно. Они много-много всего знают, в Милвилле никто такого не знает.

Я не стал возражать. Милвилл — это прошлое Таппера. В его устах Милвилл означает человечество.

А он опять принялся пересчитывать пальцы. Сидит на корточках, такой счастливый, довольный, в этом мире у него совсем ничего нет — но все равно он счастлив и доволен.

Поразительна эта его способность общаться с Цветами! Как мог он так хорошо, так близко их узнать, чтобы говорить за них? Неужели этому слюнявому дурачку, который никак не сосчитает собственных пальцев, дано некое шестое чувство, неведомое обыкновенным людям? И этот дар в какой-то мере вознаграждает его за все, чего он лишен?

В конце концов, человеческое восприятие на редкость ограниченно: мы не знаем, каких способностей нам не хватает, и не страдаем от своей бедности именно потому, что просто не в силах вообразить себя иными, одаренными щедрее. Вполне возможно, что какой-то каприз природы, редкостное сочетание генов наделили Таппера способностями, недоступными больше ни одному человеку, а сам он и не подозревает о своей исключительности, не догадывается, что другим людям недоступны ощущения, для него привычные и естественные. Быть может, эти сверхчеловеческие способности под стать тем, непостижимым, которые таятся в лиловых Цветах?

Деловитый голос, по телефону предлагавший мне заделаться дипломатом, сказал, что меня рекомендовали наилучшим образом. Кто же? Уж не этот ли, что сидит напротив, у костра? Ох, как мне хотелось его спросить! Но я не посмел.

— Мяу,— подал голос Таппер.— Мяу, мя-ау!

Надо отдать ему справедливость, мяукал он, как самая настоящая кошка. Он мог изобразить кого угодно. Он всегда неутомимо подражал голосам зверья и птиц и достигал в этом истинного совершенства.

Я промолчал. Он, видно, опять ушел в себя и, может быть, попросту забыл обо мне.

От горшка, стоявшего на угольях, шел пар, в воздухе дразняще запахло едой. На востоке, низко над горизонтом, проглянула первая вечерняя звезда, и снова меж треском угольев и мяуканьем Таппера я ощутил мгновения тишины — такой глубокой, что, как вслушаешься, кружится голова.

Страна безмолвия, огромный вечный мир тишины — ее нарушают лишь вода, ветер да слабые, жалкие голоса пришельцев, чужаков вроде меня и Таппера. Хотя Таппер, наверно, больше не чужак, он стал своим.

Я остался в одиночестве: тот, кто сидит напротив, отгородился и от меня и от всего окружающего, замкнулся в убежи-

ще, которое сам для себя построил; там он совсем один, охраняемый накрепко запертой дверью,— только он один и может ее отпереть, больше ни у кого нет ключа, никто и не представляет, с каким ключом к ней подступиться.

В одиночестве и молчании я ощутил Лиловость — смутный, едва уловимый дух и облик хозяев планеты. Веет словно бы и дружелюбием... но оно какое-то пугающее, будто к тебе ластится огромный, свирепый зверь. И становится страшно.

Экая глупость. Испугаться цветов!

Таппероз кот, одинокий, потерянный, скитается во тьме, в унылых, оплаканных дождем лесах некой страны чудовищ, и тихонько, жалобно мяучит, тщетно отыскивая путеводную нить в этом мире неведомого.

Страх отступил за пределы тесного светлого круга от костра. Но Лиловость по-прежнему здесь, на холмах,— затаилась и подстерегает.

Враг? Или просто нечто чуждое, непонятное?

Если это враг, то грозный, безжалостный и неодолимый.

Ведь растительное царство — единственный источник энергии, питающей царство животных.

Только растения способны уловить, преобразить, сохранить про запас то, без чего нет жизни. И только пользуясь энергией, накопленной растениями, могут существовать животные и люди. Если растения умышленно погрузятся в сон или станут несъедобными, все живое, кроме них, погибнет.

А эти Цветы опасно переменчивы. Они могут обернуться каким угодно растением, тому свидетельство — огород Таппера и деревья, что растут ему на топливо. Эти оборотни могут стать деревом и травой, колосом, кустом и лианой. Они не просто прикидываются, они и в самом деле превращаются в любое другое растение.

Что, если им откроют доступ на нашу Землю, на планету людей, а за это они предложат заменить наши деревья другими, лучшими... или это будут те же, издавна знакомые дубы, березы и сосны, только они станут быстрей расти, поднимутся стройней и выше, дадут больше тени и лучшую древесину, лучший строевой лес... Допустим, Цветы заменят нашу пшеницу другой, лучшей,— урожаи станут богаче, зерно полновеснее, этой пшенице не страшны будут ни засуха, ни иные напасти. Допустим, будет заключен такой уговор: Цветы заменят все земные растения — все овощи и травы, все злаки и деревья — и дадут людям

больше пищи с каждого поля и каждой грядки, больше дров или досок от каждого дерева, больше пользы и выгоды от всего, что растет.

В мире не станет голода, всего будет в избытке, ведь Цветы могут дать человеку все, что ему нужно.

Мы привыкнем полагаться на них, от них, от их верности уговору будет зависеть все хозяйство и самая жизнь человечества — и тогда человечество в их власти! А если они вдруг снова превратятся из пшеницы, кукурузы, травы во что-нибудь другое? Они разом обрекут всю Землю на голодную смерть. Или внезапно станут ядовитыми — и смогут убивать мгновенно, это все-таки милосерднее. А если к этому времени они по-настоящему возненавидят людей? Разве они не могут наполнить воздух какой-нибудь тлетворной пыльцой, столь пагубной для всего живого на Земле, что смерть, когда она наконец настанет, покажется желанным избавлением?

Или, предположим, люди не захотят пустить их на Землю, но они все равно к нам проникнут... люди не станут заключать с ними сделку, но они сами тайно обратятся в хлеба и травы и все другие земные растения, вытеснят их, убьют, подменят собою несчетные виды земной растительности. Что ж, конец будет тот же.

Проникнут ли они к нам с нашего согласия или наперекор нашей воле — мы бессильны их остановить, мы в их власти. Быть может, они нас истребят, а может быть, и нет, но если и нет, важно одно: стоит им пожелать — и они в любую минуту нас уничтожат.

Однако если Цветы намерены пробраться на Землю, захватить ее, смести с лица ее все живое, тогда чего ради они вступали со мной в переговоры? Они вольны проникнуть к нам и без нашего ведома. На это уйдет немного больше времени, но дорога открыта. Ничто не могло бы им помешать, ведь люди ни о чем бы не подозревали. Предположим, некие лиловые Цветы выйдут за пределы милвиллских садов и год от году начнут множиться, разрастутся среди живых изгородей, в придорожных канавах, в глухих уголках и закоулках, подальше от людского глаза... ведь этого никто и не заметит. Год от году они станут расползаться все шире, все дальше и за сто лет обоснуются на Земле прочно и навсегда.

Так я думал, рассчитывал, прикидывал на все лады, а откуда-то из глубин сознания упрямо пробивалась и взывала дру-

гая мысль — и наконец я прислушался: ну а если бы мы и могли воспротивиться Цветам, отбросить их — нужно ли это? Даже если здесь и может таиться опасность, надо ли преграждать им путь? Ведь это впервые мы встречаемся с иной жизнью, с иным разумом. Впервые человечеству представился случай — если только у нас хватит решимости — приобрести новые познания, по-новому посмотреть на жизнь, заполнить пробелы в нашей науке, перекинуть мост мысли через пропасть, постичь иные, новые для человека воззрения, изведать новые чувства, встретиться с незнакомыми побуждениями, разобраться в незнакомой нам логике. Неужели мы струсим и попятимся? Неужели не сумеем пойти навстречу первым пришельцам из иного мира, не постараемся сгладить разногласия, если они и есть? Ведь если мы провалимся на первом же экзамене, не миновать провала и во второй раз, и, может быть, уже никогда нам не знать удачи.

Таппер очень похоже изобразил звонок телефона. Любопытно, как попал телефон в дебри, где одиноко блуждает его воображаемый кот? Может, кот набрел на телефонную будку посреди темной, залитой дождем чащи и теперь хочет узнать, где же он и как ему вернуться домой?

Снова телефонный звонок, потом короткое, выжидательное молчание. И вдруг Таппер сказал мне с досадой:

— Да отзовись ты! Это ж тебя!

— Что такое?!

— Скажи — слушаю! Давай отвечай.

— Ладно,— сказал я, лишь бы он не злился.— Слушаю.

И тут он заговорил голосом Нэнси, да так похоже, что мне показалось — она тут, рядом.

— Брэд! — позвала она.— Брэд, где ты?

Она почти кричала, задыхалась от волнения, голос дрожал и срывался.

— Где ты, Брэд? Куда ты исчез?

— Трудно объяснить,— сказал я.— Понимаешь...

— Где я только не искала! — Она захлебывалась словами.— Мы тут все обыскали. Тебя весь город ищет. А потом я вспомнила про этот телефон у папы в кабинете — знаешь, который без диска. Я его и раньше видела, только внимания не обращала. Думала, это какая-то модель, или игрушка, или так, подделка, обман шутки ради. А сейчас столько шума из-за этих телефонов в хижине у Шкалика Гранта, и Эд Адлер рассказал мне, что у тебя в конторе тоже был такой аппарат. И под конец до меня

дошло: может, и у папы такой же телефон. Только до меня ужасно долго не доходило. А потом я пошла к папе в кабинет, стала и стою, и только смотрю на этот телефон... понимаешь, просто струсила. Стою и думаю: кто его знает, возьмусь за него — и вдруг начнется что-то очень страшное. А потом собралась с духом, сняла трубку, слышу — дышит, ток есть, я и спросила тебя. Конечно, это дурацкий поступок, но... Так что ты сказал, Брэд?

— Я говорю, очень трудно объяснить толком, где я. Сам-то я знаю, да объяснить не могу, никто не поверит.

— Скажи мне. Не трать время зря. Только скажи, где ты.

— В другом мире. Я прошел через сад...

— Куда прошел?!

— Просто я шел по саду, по следам Таппера, и вдруг...

— По каким следам?

— По следам Таппера Тайлера. Я, кажется, забыл тебе сказать: он вернулся.

— Не может быть! Я прекрасно помню Таппера. Уже десять лет, как он исчез.

— Он вернулся. Сегодня утром. А потом опять ушел. И я пошел по его следам...

— Это ты уже говорил. Ты пошел за Таппером и очутился в другом мире. Где он находится, этот мир?

Нэнси — как все женщины: задает невозможные вопросы!

— Точно не знаю, но он в другом времени. Может быть, разница только в одну секунду.

— А вернуться ты можешь?

— Попробую. Что выйдет — не знаю.

— А я не могу тебе как-нибудь помочь? Или все мы — весь город?

— Слушай, Нэнси, это пустой разговор. Скажи лучше, где твой отец?

— Он сейчас у тебя дома. Там полно народа. Все тебя ждут.

— Ждут? Меня?

— Ну да. Понимаешь, они все обыскали и знают, что в Милвилле тебя нет, и многие считают, что ты знаешь, в чем секрет...

— Это насчет барьера?

— Да.

— И они здорово злы?

— Некоторые — очень.

— Слушай, Нэнси...

— Не трать зря слов. Я и так слушаю.

— Можешь ты пойти туда и потолковать с отцом?

— Конечно!

— Вот и хорошо. Скажи ему, что, когда я вернусь... если только сумею... мне надо будет с кем-нибудь поговорить. С кем-нибудь наверху. На самом верху. Может, даже с президентом или кто там к нему поближе. Или с кем-нибудь из Организации Объединенных Наций.

— Кто же тебя пустит к президенту, Брэд?

— Может, и не пустят, но мне нужно добраться до кого-нибудь там повыше. Мне надо им кое-что сообщить, правительство должно об этом знать. И не только наше — все правительства должны знать. У твоего отца наверняка найдутся какие-нибудь знакомые, с кем он может поговорить. Скажи ему, дело нешуточное. Это очень важно.

— Брэд... Брэд, а ты нас не разыгрываешь? Смотри, если это все неправда, будет ужасный скандал.

— Честное слово,— сказал я.— Нэнси, это очень серьезно, я говорю тебе чистую правду. Я попал в другой мир, в соседний мир...

— Там хорошо, Брэд?

— Недурно. Всюду одни цветы, больше ничего нет.

— Какие цветы?

— Лиловые. Их мой отец разводил. Такие же, как у нас в Милвилле. Эти цветы все равно что люди, Нэнси. И это они огородили Милвилл барьером.

— Но цветы не могут быть как люди, Брэд!

Она говорила со мной как с маленьким. Как с младенцем, которого надо успокоить. Надо же: спрашивает, хорошо ли здесь, и объясняет, что цветы — не люди. Уж эта мне милая, деликатная рассудительность!

Я постарался подавить злость и отчаяние.

— Сам знаю. Но это все равно. Они разумные и вполне общительные.

— Ты с ними разговаривал?

— За них говорит Таппер. Он у них переводчиком.

— Да ведь Таппер был просто дурачок.

— Здесь он не дурачок. Он может многое, на что мы не способны.

— Что он такое может? Брэд, послушай...

— Ты скажешь отцу?

— Скажу. Сейчас же еду к тебе домой.

— И еще. Нэнси...

— Да?

— Пожалуй, ты лучше не говори, где я и как ты меня отыскала. Наверно, Милвилл и так ходит ходуном.

— Все просто взбеленились,— подтвердила Нэнси.

— Скажи отцу что хочешь. Скажи все как есть. Но только ему одному. А уж он сообразит, что сказать остальным. Ни к чему будоражить их еще больше.

— Хорошо. Береги себя! Возвращайся целый и невредимый!

— Ну ясно,— сказал я.

— А ты можешь вернуться?

— Думаю, что могу. Надеюсь.

— Я все передам отцу. Все в точности как ты сказал. Он этим займется.

— Нэнси, ты не беспокойся. Все обойдется.

— Ну конечно. До скорой встречи!

— Пока! Спасибо, что позвонила.

— Спасибо, телефон,— сказал я Таппперу.

Таппер поднял руку и погрозил мне пальцем.

— Брэд завел себе девчонку,— нараспев протянул он.— Брэд завел себе девчонку.

Мне стало досадно.

— А я думал, ты никогда не подслушиваешь,— сказал я.

— Завел себе девчонку! Завел себе девчонку!

Он разволновался и так и брызгал слюной.

— Хватит! — заорал я.— Заткнись, не то я тебе шею сверну!

Он понял, что я не шучу, и замолчал.

Глава 14

Я проснулся. Вокруг была ночь — серебро и густая синева. Что меня разбудило? Я лежал на спине, надо мной мерцали частые звезды. Голова была ясная. Я хорошо помнил, где нахожусь. Не пришлось ощупью, наугад возвращаться к действительности. Неподалеку вполголоса журчала река; от костра, от медленно тлеющих ветвей тянуло дымком.

Что же меня разбудило? Лежу совсем тихо: если оно рядом, не надо ему знать, что я проснулся. То ли я чего-то боюсь, то ли жду чего-то. Но если и боюсь, то не слишком.

Медленно, осторожно поворачиваю голову — и вот она, луна: яркая, большая — кажется, до нее рукой подать,— всплывает над чахлыми деревцами, что растут по берегу реки.

Я лежу прямо на земле, на ровной, утоптанной площадке у костра. Таппер с вечера забрался в шалаш, свернулся клубком, так что ноги не торчали наружу, как накануне. Если он все еще там и спит, то без шума, из шалаша не доносится ни звука.

Слегка повернув голову, я замер и насторожился: не слышны ли чьи-то крадущиеся шаги? Но нет, все тихо. Сажусь.

Залитый лунным светом склон холма упирается верхним краем в темно-синее небо — это сама красота парит в тишине, хрупкая, невесомая... Даже страшно за нее: вымолвишь слово, сделаешь резкое движение — и все рассыплется; тишина, небо, серебряный откос — все разлетится тысячами осколков.

Осторожно поднимаюсь на ноги, стою посреди этого хрупкого, ненадежного мира... Что же все-таки меня разбудило?

Тишина. Земля и небо замерли, словно на мгновение привстали на цыпочки,— и мгновение остановилось. Вот оно застыло, настоящее, а прошлого нет и грядущего не будет — здесь никогда не прозвучит ни тиканье часов, ни вслух сказанное слово...

И вдруг надо мной что-то шевельнулось — человек или что-то, похожее на человека, бежит по гребню холма, легко, стремительно бежит гибкая, стройная тень, совсем черная на синеве неба.

Бегу и я. Взбегаю по косогору, сам не знаю, почему и зачем. Знаю одно: там — человек или кто-то, подобный человеку, я должен встретить его лицом к лицу, быть может, он наполнит новым смыслом эту заросшую цветами пустыню, этот край безмолвия и хрупкой, неверной красоты; быть может, благодаря ему здесь, в новом измерении, в чуждом пространстве и времени, для меня что-то прояснится и я пойму, куда идти.

Неведомое существо все так же легко бежит по вершине холма, я пытаюсь его окликнуть, но голоса нет — остается бежать вдогонку.

Должно быть, оно меня заметило: оно вдруг остановилось, круто обернулось и смотрит, как я поднимаюсь в гору. Сомнений нет: передо мною человеческая фигура, только на голове словно гребень или хохол, он придает ей что-то птичье — как будто на человеческом теле выросла голова попугая.

Задыхаясь, бегу к этой странной фигуре, и вот она начинает спускаться мне навстречу — спокойно, неторопливо, с какой-то безыскусственной грацией.

Я остановился и жду, и стараюсь отдышаться. Бежать больше незачем. Странное существо само идет ко мне.

Оно подходит ближе, тело у него совсем черное, в темноте толком не разглядеть, видно лишь, что хохол на голове то ли белый, то ли серебряный. В лунном свете не разберешь — белый или серебряный.

Я немного отдышался и вновь начинаю подниматься в гору, навстречу непонятному существу. Мы медленно подходим друг к другу — наверно, каждый боится каким-нибудь резким движением спугнуть другого.

Оно останавливается в десяти шагах от меня, я тоже останавливаюсь — теперь я уже ясно вижу: оно сродни человеку. Это женщина — темнокожая, нагая или почти нагая. Под луной сверкает странное украшение у нее на голове, не понять — то ли это и вправду какой-то хохол, то ли причудливая прическа, а может, и головной убор.

Хохол — белый, а все тело совершенно черное, черное как смоль, от луны на нем играют голубоватые блики. И такие в нем настороженная гибкость и проворство, такая неукротимая радость жизни, что дух захватывает!

Она заговорила со мной. Ее речь — музыка, просто музыка, без слов.

— Простите,— сказал я.— Не понимаю.

Она снова заговорила, ее голос прозвенел в серебряно-синем мире хрустальной струйкой, звонким фонтаном живой мысли, но я ничего не понял. Неужели, неужели никому из людей моей Земли не постичь речи без слов, языка чистой музыки? А может быть, эту речь и не нужно понимать логически, как мы понимаем слова?

Я покачал головой — и она засмеялась, это был самый настоящий человеческий смех: негромкий, но звонкий, полный радостного волнения.

Она протянула руку, сделала несколько быстрых шагов мне навстречу, и я взял протянутую руку. И тотчас она повернулась и легко побежала вверх по косогору, увлекая меня за собой. Мы добежали до вершины и, все так же держась за руки, помчались вниз с перевала — стремглав, безоглядно, неудержимо! Нас подхватила сумасбродная молодость, нам кружили головы лунный свет и неизбывная радость бытия.

Мы были молоды и пьяны от странного, беспричинного счастья, от какого-то неистового восторга — по крайней мере, так пьян был я.

Сильная, гибкая рука крепко сжимает мою руку, мы бежим так дружно, так согласно, мы двое — одно; мне даже чудится, что каким-то странным, пугающим образом я и вправду стал лишь частицей ее и знаю, куда мы бежим и зачем, но все мысли путает та же неукротимая, ликующая радость, и я не могу перевести это неведомо откуда взявшееся знание на язык ясных мне самому понятий.

Добежали до ручья, пересекли его, взметнув фонтаны брызг, обогнули насыпь, где я днем нашел черепа, взбежали на новый холм — и на вершине его застали целую компанию.

Тут расположились на полуночный пикник еще шесть или семь таких же созданий, как моя спутница. На земле раскиданы бутылки и корзинки с едой — или что-то, очень похожее на бутылки и корзинки,— и все они образовали круг. А на самой середине этого круга лежит, поблескивая серебром, какой-то прибор или аппаратик чуть побольше баскетбольного мяча.

Мы остановились на краю круга, и все обернулись и посмотрели на нас, но посмотрели без малейшего удивления, словно это в порядке вещей — что одна из них привела с собою чужака.

Моя спутница что-то сказала своим певучим голосом, и так же напевно, без слов ей ответили. Все смотрели на меня испытующе, дружелюбно.

А потом они сели в круг, только один остался на ногах — он шагнул ко мне и знаком предложил присоединиться к ним.

Я сел, по правую руку села та, что прибежала со мною, по левую — тот, кто пригласил меня в круг.

Наверно, это у них вроде праздника или воскресной прогулки, а может быть, и что-то посерьезнее. По лицам и позам видно: они чего-то ждут, предвкушают какое-то событие. Они радостно взволнованы, жизнь бьет в них ключом, переполняет все их существо.

Теперь видно, что они совершенно нагие и, если бы не странный хохол на голове, вылитые люди. Любопытно, откуда они взялись? Таппер сказал бы мне, если бы здесь жил такой народ. А он уверял, что на всей планете живут одни только Цветы. Впрочем, он обмолвился, что иногда тут появляются гости.

Может быть, эти черные хохлатые создания и есть гости? Или они — потомки тех, чьи останки я отыскал там, на насыпи, и теперь наконец вышли из какого-то тайного убежища? Но нет, совсем не похоже, чтобы они когда-либо в своей жизни скрывались и прятались.

Странный аппаратик по-прежнему лежит посреди круга. Будь мы на воскресной прогулке в Милвилле, вот так, посередине, поставили бы чей-нибудь проигрыватель или транзистор. Но этим хохлатым людям музыка ни к чему, самая их речь — музыка, а серебристый аппарат посреди круга очень странный, я никогда в жизни ничего похожего не видел. Он круглый и словно слеплен из множества линз, каждая стоит немного под углом к остальным, каждая блестит, отражая лунный свет, и весь этот необыкновенный шар ослепительно сияет.

Сидящие в кругу принялись открывать корзинки с едой и откупоривать бутылки, и я встревожился. Мне, конечно, тоже предложат поесть, отказаться неловко — они так приветливы,— а разделить с ними трапезу опасно. Хоть они и подобны людям, организм их, возможно, существует на основе совсем иного обмена веществ, их пища может оказаться для меня ядом.

Казалось бы, пустяк, но решиться не так-то просто. Что же делать, как поступить? Пусть их еда мерзкая, противная — уж как-нибудь я справлюсь, не покажу виду, что тошно, и проглочу эту дрянь, лишь бы не обидеть новых друзей. Ну а вдруг отравишься насмерть?

Только недавно я уверял себя, что, как бы ни опасны казались Цветы, надо пустить их на нашу Землю, надо всеми силами добиваться взаимопонимания и как-то уладить возможные разногласия. Я говорил себе: от того, сумеем ли мы поладить с первыми пришельцами из чужого мира, быть может, зависит будущее человечества. Ибо настанет время — все равно, через сто лет или через тысячу,— когда мы встретимся еще и с другими разумными существами — жителями иных миров, и нельзя нам в первый же раз не выдержать испытания.

А здесь со мною уселись в кружок представители иного разума — и не может быть для меня других правил, чем для всего человечества в целом. Надо поступать так, как должен бы, на мой взгляд, поступать весь род людской,— а стало быть, раз угощают, надо есть.

Наверно, я рассуждал не так связно. Неожиданности сыпались одна за другой, я не успевал опомниться. Оставалось решать мгновенно — и надеяться, что не ошибся.

Но мне не пришлось узнать, верно ли я решил: по кругу еще только начали передавать еду, как вдруг из сверкающего шара послышалось мерное тиканье — не громче, чем тикают в пустой комнате часы, но все мигом вскочили и уставились на шар.

Я тоже вскочил и тоже во все глаза смотрел на странный аппарат; про меня явно забыли, все внимание приковано было к этому блестящему мячу.

А он все тикал, блеск его замутился, и светящаяся мгла поползла от него вширь, как стелются по прибрежным лугам речные туманы.

Нас обволокло этой светящейся мглой, и в ней стали складываться странные образы — сперва зыбкие, расплывчатые... понемногу они сгущались и становились отчетливее, хотя так и не обрели плоти; словно во сне или в сказке, все было очень подлинное, зримое, но в руки не давалось.

И вот мгла рассеялась — или, может быть, просто мы больше ее не замечали, ибо она создала не только образы и очертания, но целый мир, и мы оказались внутри него, хотя и не участниками, а всего лишь зрителями.

Мы стояли на террасе здания, которое на Земле назвали бы виллой. Под ногами были грубо обтесанные каменные плиты, в щелях между ними пробивалась трава, за нами высилась каменная кладка стен. И, однако, стены казались неплотными, тоже какими-то туманными, словно театральная декорация, вовсе и не рассчитанная на то, что кто-то станет ее пристально разглядывать и пробовать на ощупь.

А перед нами раскинулся город — очень уродливый, лишенный и намека на красоту. Каменные ящики, сложенные для чисто практических надобностей; у строителей явно не было ни искры воображения, никаких стройных замыслов и планов, они знали одно: громоздить камень на камень так, чтобы получилось укрытие. Город был бурый, цвета засохшей глины, и тянулся, сколько хватал глаз,— беспорядочное скопище каменных коробок, теснящихся как попало, впритык одна к другой, так что негде оглядеться и вздохнуть.

И все же он был призрачным, этот огромный, тяжеловесный город, ни на миг его стены не стали настоящим плотным камнем. И каменные плиты у нас под ногами тоже не стали настоящим каменным полом. Вернее бы сказать, что мы парили над ними, не касаясь их, выше их на какую-то долю дюйма.

Было так, словно мы очутились внутри кинофильма, идущего в трех измерениях. Фильм шел вокруг нас своим чередом, и мы знали, что мы — внутри него, ибо действие разыгрывалось со всех сторон, актеры же и не подозревали о нашем присутствии; и хоть мы знали, что мы здесь, внутри, мы в то же время

чувствовали свою непричастность к происходящему: странным образом объятые этим колдовским миром, мы все-таки оставались выключенными из него.

Сперва я просто увидел город, потом понял: город охвачен ужасом. По улицам сломя голову бегут люди, издали доносятся стоны, рыдания и вопли обезумевшей, отчаявшейся толпы.

А потом и город, и вопли — все исчезло в яростной вспышке слепящего пламени, оно расцвело такой нестерпимой белизной, что внезапно в глазах потемнело. Тьма окутала нас, и во всем мире не осталось ничего, кроме тьмы, да оттуда, где вначале расцвел ослепительный свет, теперь обрушился на нас громовой раскатистый грохот.

Я осторожно шагнул вперед, протянул руки. Они встретили пустоту, и я захлебнулся, похолодел, я понял — пустоте этой нет ни конца, ни края... да, конечно же, я в пустоте, я и прежде знал, что все это только мерещится, а теперь видения исчезли, и я вечно буду вслепую блуждать в черной пустоте.

Я не смел бóльше сделать ни шагу, не смел шевельнуться и стоял столбом... нелепо, бессмысленно, и все же я чувствовал, что стою на краю площадки и, если ступлю еще шаг, полечу в пустоту, в бездонную пропасть.

Потом тьма начала бледнеть, и скоро в сером сумраке я снова увидел город — его сплющило, разбило вдребезги, придавило к земле, по нему проносились черные смерчи, метались языки пламени, тучи пепла — все кружилось в убийственном вихре разрушения. А над городом клубилось чудовищное облако, словно тысячи грозовых туч слились в одну. И из этой бешеной пучины исходило глухое рычание — свирепый голос смерти, страха, судьбы, яростный, леденящий душу вой самого Зла.

А вот и мои новые знакомцы — чернокожие, хохлатые, они застыли, оцепенели, словно бы в страхе,— и смотрят, смотрят... и кажется, их сковал не просто страх, а некий суеверный ужас.

Я стоял недвижно, как и они, точно окаменел, а меж тем грохот стихал. Над руинами вились струйки дыма — и когда наконец громовой рык умолк, стали слышны вздохи, хруст и треск: это рушились и оседали последние развалины. Но теперь уже не было воплей, жалобных стонов и плача. В городе не осталось ничего живого, ничто не двигалось, только рябь проходила по грудам мусора: они осыпались, укладывались все плотнее, широким кольцом окружая совершенно ровную и голую

черную пустыню, оставшуюся там, где впервые расцвел ослепительный свет.

Серая мгла рассеивалась, и город тоже таял. Там, где прежде расположилась компания хохлатых, в самой середине круга, вновь поблескивал линзами странный шар. А самих хохлатых и след простыл. Только из редеющей серой мглы донесся пронзительный крик — но не крик ужаса, совсем не тот вопль, что слышался над городом перед тем, как взорвалась бомба.

Да, теперь понятно — у меня на глазах город был разрушен ядерным взрывом, я видел это, словно на экране телевизора. И этим «телевизором» был, конечно, блестящий шар из линз. Это какой-то чудодейственный механизм, он вторгся во время и выхватил из прошлого роковое мгновение истории.

Серая мгла окончательно рассеялась, вновь настала ночь, золотилась луна, сияла звездная пыль, серебряные склоны холмов мягкими изгибами сбегали к живому, переливчатому серебру ручья.

По дальнему склону мчались быстрые гибкие фигуры, в лунном свете серебрились хохлатые головы; они бежали во весь дух, оглашая ночь воплями притворного ужаса.

Я посмотрел им вслед и содрогнулся: что-то было в этом болезненное, извращенное, какой-то недуг, разъедающий душу и разум.

Я медленно обернулся к шару. Это снова был просто шар, слепленный из блестящих линз. Я подошел, опустился на колени и принялся его разглядывать. Да, он словно ощетинился множеством линз под разными углами, а в просветах между ними чуть виден какой-то механизм, но в слабом лунном свете его не рассмотреть.

Протянув руку, я опасливо коснулся шара. Он, видно, очень хрупкий, боязно его разбить, но не оставлять же его здесь. А мне он пригодится, и, если я сумею унести его на Землю, он подтвердит то, что мне надо будет рассказать.

Я снял куртку, разостлал ее на ровном месте, бережно, обеими руками поднял шар и уложил на куртку. Подобрал ее края, обернул шар, завязал рукава, чтобы все это держалось прочно и надежно. Потом осторожно взял узел под мышку и поднялся на ноги.

Вокруг валялись бутылки и корзины, и я решил поскорей отсюда убраться: та компания, пожалуй, вернется за своей снедью и за этим аппаратом... Но пока их что-то не видно. Затаив

дыхание, я прислушался — кажется, это их крики затихают где-то далеко-далеко...

Я спустился с холма, перешел вброд ручей и начал подниматься по противоположному склону. На полдороге мне повстречался Таппер — он шел меня искать.

— Я думал, ты заплутался,— сказал он.

— Встретил тут одну компанию, посидели немножко,— объяснил я.

— Это такие, с чудными хохолками на макушке?

— Да.

— Они мне приятели,— сказал Таппер.— Часто приходят. Они приходят пугаться.

— Пугаться?

— Ну да. Для потехи. Они любят пугаться.

Я кивнул: так и есть. Будто ребятишки подкрадываются к заброшенному дому, про который идет молва, что там водятся привидения: заглянут в окна, почудится им что-то, послышатся шаги — и вот они удирают со всех ног и визжат, напуганные ужасами, которые сами же и вообразили. Забава эта никогда им не приедается, опять и опять они ищут страха, и он доставляет им странное удовольствие.

— Им весело живется,— сказал Таппер.— Веселей всех.

— Ты часто их встречал?

— Сто раз.

— Что ж ты мне не говорил?

— Не успел,— сказал Таппер.— Не пришлось к слову.

— А близко они живут?

— Нет. Очень далеко.

— Но на этой планете?

— На планете? — переспросил Таппер.

— Ну, в этом мире?

— Нет. В другом мире. В другом месте. Только это все равно. Для потехи они куда хочешь заберутся.

Стало быть, для потехи они готовы забраться куда угодно. В любое место. И, наверно, в любое время. Это упыри, вампиры, они сосут кровь времени, кормятся минувшим, наслаждаются былыми трагедиями и катастрофами, выискивают в истории человечества все самое гнусное и отвратительное. Вновь и вновь их тянет сюда — упиваться видом смерти и разрушения.

Кто они, эти извращенные души? Быть может, их мир завоеван Цветами, и теперь они, отмеченные печатью вырождения,

рыщут по другим мирам, пользуясь теми же просветами, калитками во времени, что и сами завоеватели?

Впрочем, судя по всему, что я успел узнать, завоеватели — не то слово. Я ведь сам видел сейчас, что случилось с этим миром. Жителей его истребили не Цветы, нет: люди обезумели и совершили самоубийство. Скорее всего, этот мир был пустынен и мертв долгие годы, и лишь потом Цветы пробились сюда сквозь рубеж времени. Черепа, которые я нашел, должно быть, принадлежали тем, кто пережил катастрофу,— наверно, их уцелело немного и прожили они недолго, они были обречены, ибо взрыв отравил и почву, и воздух, и воду.

Итак, Цветы никого не покорили и не завоевали, просто им достался мир, утраченный прежними хозяевами в припадке безумия.

— Давно здесь поселились Цветы? — спросил я Таппера.

— Почему — поселились? Может, они всегда тут жили.

— Да нет, я просто так подумал. Они тебе про это не рассказывали?

— Я не спрашивал.

Ну конечно, Таппер не спрашивал: ему не любопытно. Он попросту был рад и счастлив сюда попасть: тут он нашел друзей, которые с ним разговаривали и заботились о нем, и тут никто над ним не насмехался и ему не докучал.

Мы спустились к его жилью; луна передвинулась далеко на запад. Костер едва тлел. Таппер подбросил несколько сучьев и сел у огня. Я сел напротив, осторожно положил рядом завернутый в куртку шар.

— Что там у тебя? — спросил Таппер.

Я развернул куртку.

— Эта штука была у моих друзей. Ты ее украл?

— Они убежали, а эту штуку бросили. Я хочу посмотреть, что это такое.

— Она показывает разные другие времена,— сказал Таппер.

— Так ты это знаешь?

Он кивнул.

— Они мне много показывали... много раз много разного другого времени. Не такое время, как наше.

— А ты не знаешь, как она действует?

— Они мне говорили, да я не понял.

Он утер подбородок, но без толку, пришлось вытирать еще раз.

«Они мне говорили»,— сказал Таппер. Значит, он может с ними разговаривать. Он может разговаривать и с Цветами, и с племенем, у которого вместо слов — музыка. Бессмысленно его об этом расспрашивать, ничего путного он не скажет. Быть может, никто не сумеет объяснить эту его способность, во всяком случае человеку ее не понять. Как это назвать, какие слова найти, чтобы мы поняли? У нас в языке и слов таких нет.

Шар лежал на моей куртке и мягко светился.

— Может, пойдем спать? — сказал Таппер.

— Я лягу немного погодя.

Лечь можно в любую минуту, как захочется, здесь это не хитрость: растянулся на земле — вот тебе и постель.

Я осторожно коснулся шара.

Аппарат, который проникает в глубь прошлого и помогает увидеть и услышать события, хранящиеся в скрытых пластах памяти пространства-времени... Чего только не сделаешь при помощи такого аппарата! Он стал бы бесценным орудием историков, исследователей минувших эпох. Он уничтожил бы преступность — ведь можно было бы раскрыть, извлечь из прошлого подробности любого преступления. Но какая это будет опасная сила, попади он в нечистые руки или во власть правительства...

Если только удастся, я возьму его с собой, лишь бы самому вернуться в Милвилл. Он будет вещественным доказательством, подтверждением всему, что я буду рассказывать... ну хорошо, я все расскажу, предъявлю этот шар и мне поверят, а дальше что? Запереть его в сейф и уничтожить шифр, чтобы никто не мог до него добраться? Взять молоток и раздробить его в пыль? Отдать ученым? Что с ним делать?

— Ты этой штукой всю куртку измял,— сказал Таппер.

— Да она и так старая и мятая.

И тут я вспомнил про конверт с деньгами. Он лежал в нагрудном кармане и запросто мог выпасть, пока я бегал как шальной по холмам или когда заворачивал эту машинку времени.

Ах, болван, безмозглый осел! Так рисковать! Надо было заколоть карман булавкой, либо сунуть конверт в башмак, либо еще что-то придумать. Шутка ли, полторы тысячи долларов, такое не каждый день дается в руки.

Я наклонился, пощупал карман куртки — конверт был на месте, и у меня гора с плеч свалилась. Но тотчас я почуял неладное: конверт на ощупь совсем тоненький, а ведь в нем должна лежать пухлая пачка — тридцать бумажек по пятьдесят долларов.

Я выхватил конверт из кармана, открыл... он был пуст.

Нечего и спрашивать. Нечему удивляться. Все ясно! Ах ты, мерзкий слюнявый бездельник, недотепа, не знающий счета собственным пальцам... я тебя излуплю до полусмерти, я вытрясу из тебя эти деньги!

Я уже приподнялся, готовый взять Таппера за горло, как вдруг он заговорил со мной — и не своим голосом, а голосом красотки-дикторши с экрана телевизора.

— Таппер говорит сейчас от имени Цветов,— сказал этот кокетливый голосок.— А вы извольте сидеть смирно и ведите себя прилично.

— Ты меня не одурачишь,— огрызнулся я.— Нечего прикидываться, все равно не обманешь...

— Но с вами говорят Цветы! — резко повторил голос.

И в самом деле, лицо у Таппера опять стало безжизненное, глаза остекленели.

— Так ведь он взял мои деньги,— сказал я.— Он их вытащил из конверта, пока я спал.

— Тише, тише,— промолвил мелодичный голосок.— Молчите и слушайте.

— Сперва я получу обратно свои полторы тысячи.

— Да, конечно. Вы получите гораздо больше, чем полторы тысячи.

— Вы можете за это поручиться?

— Ручаемся.

Я снова сел.

— Послушайте,— сказал я,— вам не понять, что значат для меня эти деньги. Конечно, отчасти я сам виноват. Надо было подождать, пока откроется банк, или припрятать их в каком-нибудь надежном местечке. Но такая заварилась каша...

— Только не волнуйтесь,— сказали Цветы.— Мы вернем вам деньги.

— Ладно,— сказал я.— А Таппер непременно надо говорить таким голосом?

— Чем плох голос?

— А черт... ну валяйте, говорите, как хотите. Мне надо с вами потолковать, может, придется и поспорить, выходит нечестно... ну, постараюсь помнить, с кем говорю.

— Хорошо, перейдем на другой,— сказали Цветы, и на полуслове голос переменился на уже знакомый мне мужской, деловитый.

— Большое спасибо,— сказал я.

— Помните, мы беседовали с вами по телефону и предлагали вам стать нашим представителем? — сказали Цветы.

— Конечно помню. Но стать представителем...

— Нам очень нужен такой человек. Человек, которому мы доверяем.

— Да откуда вы знаете, что мне можно доверять?

— Знаем. Потому что вы нас любите.

— Послушайте,— сказал я,— с чего вы это взяли? Не понимаю...

— Ваш отец нашел тех из нас, кто погибал в вашем мире. Он взял нас к себе и стал о нас заботиться. Он оберегал нас, выхаживал, он нас полюбил — и мы расцвели.

— Все это мне известно.

— Вы — продолжение своего отца.

— Н-ну, не обязательно. Не в том смысле, как вы думаете.

— Нет, это так,— упрямо повторили Цветы.— Мы изучили человеческую биологию. Мы знаем о законах наследственности. Ваша пословица говорит: яблоко от яблони недалеко падает.

Что толку спорить. Их не переубедишь. У этого племени особая логика: соприкасаясь с нашей Землей, они собрали уйму сведений, кое-как их усвоили, кое-как осмыслили и сделали выводы. С их точки зрения, с точки зрения растительного мира, вполне естественно и логично, что отпрыск растения почти неотличим от родителя. Бесполезно внушать им, что рассуждения, безусловно справедливые для них, отнюдь не всегда приложимы к людям.

— Ладно,— сказал я,— будь по-вашему. Вы убеждены, что можете мне доверять, и, пожалуй, так оно и есть. Но только скажу вам по совести: не могу я взяться за эту работу.

— Не можете?

— Вы хотите, чтобы я выступал от вашего имени перед людьми на Земле? Хотите сделать меня вашим посланником? Вашим посредником?

— Совершенно верно.

— Но меня этому не учили. Я не дипломат. Понятия не имею, как делаются такие дела. Просто не знаю, с какого конца за это браться.

— А вы уже взялись,— возразили Цветы.— Мы очень довольны вашими первыми шагами.

Я даже вздрогнул:

— Какими шагами?

— Ну как же. Неужели вы не помните? Вы просили Джеральда Шервуда с кем-нибудь переговорить. И еще подчеркнули: с кем-нибудь, кто облечен властью.

— Я просил об этом вовсе не ради вас.

— Но вы можете выступать от нашего имени. Нам необходимо, чтобы кто-то за нас объяснился.

— Давайте начистоту,— сказал я.— Как я могу за вас объясняться? Я же ничего о вас не знаю.

— Мы вам расскажем все, что вы хотите знать.

— Начать с того, что ваша родина не здесь.

— Вы правы. Мы прошли через многие миры.

— А люди... ну, не люди, разумные существа... разумные жители тех миров... что с ними сталось?

— Мы вас не поняли.

— Когда вы проникаете в какой-то новый мир и находите там мыслящих обитателей, что вы с ними делаете?

— Мы очень редко находим в других мирах разум... подлинный, высокоразвитый разум. Он развивается далеко не во всех мирах. Когда мы встречаемся с мыслящими существами, мы находим с ними общий язык. Сотрудничаем с ними. То есть когда это удается.

— А если не удается?

— Пожалуйста, не поймите нас ложно,— попросили Цветы.— Раза два бывало так, что мы не могли установить контакт с мыслящими обитателями планеты. Они нас не слышали и не понимали. Мы остались для них просто одной из форм жизни, одним из... как это у вас называется?.. Одним из видов сорной травы.

— И что вы тогда делаете?

— Что же мы можем сделать?

Не очень-то прямой и честный ответ. Как я понимаю, они могут сделать очень многое.

— И вы идете все дальше?

— Дальше?

— Ну, из мира в мир? Из одного мира в другой? Когда вы думаете остановиться?

— Мы не знаем,— сказали Цветы.

— Какая у вас цель? Чего вы добиваетесь?

— Мы не знаем.

— Стоп, погодите. Вы уже второй раз говорите, что не знаете. Но вы должны знать...

— Сэр, а у вашего народа есть какая-то цель? Цель, к которой вы все сознательно стремитесь?

— Пожалуй, нет,— признался я.

— Значит, в этом мы равны.

— Да, верно.

— В вашем мире есть машины, которые называются электронным мозгом.

— Да. Их только недавно изобрели.

— Задача этих машин — собирать и хранить всевозможные сведения, устанавливать между ними связь и сообщать их, как только вам это понадобится.

— Тут еще много других задач. К примеру, исправлять устаревшие данные...

— Это сейчас неважно. Скажите нам, как вы определите цель такого электронного вычислителя?

— У него нет осознанной цели. Это ведь не живое существо, а машина.

— Ну а если бы он был живой?

— Что ж, тогда, наверно, его конечной целью было бы собрать все факты и сведения о Вселенной и установить соотношение между ними.

— Пожалуй, вы правы,— сказали Цветы.— Так вот, мы — живые вычислители.

— Тогда вашим странствиям не будет конца. Вы никогда не остановитесь.

— Мы в этом не уверены.

— Но...

— Собирать факты и сведения — это лишь средство,— веско произнесли Цветы.— Цель же одна: достичь истины. Быть может, чтобы достичь истины, нам вовсе не нужно собирать сведения о всей Вселенной.

— А как вы узнаете, что достигли ее?

— Узнаем,— был ответ.

Я только рукой махнул. Так мы ни до чего не договоримся.

— Стало быть, вы хотите захватить нашу Землю? — сказал я.

— Вы очень неправильно и несправедливо выражаетесь. Мы не хотим захватить вашу Землю. Мы хотим получить доступ к вам, получить место, где можно поселиться, хотим сотрудничества и содружества. Мы поделимся друг с другом нашими познаниями.

— Дружная получится команда,— сказал я.

— Да, конечно.

— А потом?

— Мы вас не поняли.

— Ну вот, мы обменяемся знаниями, а потом что будет?

— Пойдем дальше, разумеется. В другие миры. И вы вместе с нами.

— Будем искать новые цивилизации? И новые знания?

— Совершенно верно.

Очень у них все просто получается. А на самом деле это не так просто, не может быть просто. На свете все очень и очень непросто.

Толкуй с ними хоть месяц подряд, задавай еще и еще вопросы — и все равно не разберешь, что происходит, разве что в самых общих чертах...

— Поймите одно,— сказал я.— Люди моей Земли не примут вас вот так, вслепую, не поверят на слово. Им надо точно знать, чего вы ждете от нас и чего нам ждать от вас. Им нужны доказательства, что мы и правда можем с вами сотрудничать.

— Мы во многих отношениях можем вам помочь,— ответили Цветы.— Нам вовсе не обязательно быть такими, как вы нас видите сейчас. Мы можем обратиться в любое растение, какое вам полезно. Можем создать для вас неисчерпаемые экономические ресурсы. Можем обратиться в привычные вам растения, на которых издавна строится ваше хозяйство, но только лучше, полноценнее. Мы дадим вам лучшую пищу, лучший строительный материал, лучшее волокно. Только скажите, какие растения вам нужны, с какими свойствами,— и мы в них обратимся.

— Как же так: вы согласны, чтобы мы вас ели, пилили на дрова, пряли и ткали из вас одежду? Вы не против?

Ответом было что-то, очень похожее на вздох.

— Ну как вам объяснить? Вы съедите кого-то из нас — но мы остаемся. Вы спилите кого-то из нас — но мы остаемся. Мы все — одно, и наша жизнь едина, вам никогда не убить нас всех, не съесть нас всех. Наша жизнь — это наш мозг и нервная система, наши корни, луковицы, клубни. Ешьте нас, мы совсем не против, нам только важно знать, что мы вам помогаем. И мы можем стать не только такими растениями, которыми вы привыкли пользоваться в вашем хозяйстве. Мы можем обратиться в другие злаки и деревья, вы о таких и не слыхали. Мы можем приспособиться к любой почве, к любому климату. Можем расти всюду, где вы только пожелаете. Вам нужны раз-

личные лекарства и снадобья. Пусть ваши врачи и аптекари скажут, что вам требуется, и мы вам это дадим. Мы будем растениями на заказ.

— И ко всему еще поделитесь вашими знаниями?

— Совершенно верно.

— А что же мы дадим вам взамен?

— То, что знаете вы. Мы соединим все наши познания и сообща будем ими пользоваться. Вы поможете нам выразить себя, мы ведь лишены этой способности. Мы богаты знанием, но само по себе знание — мертвый груз, важно его применить. Мы жаждем, чтобы наши знания приносили пользу, жаждем сотрудничать с народом, который способен воспользоваться тем, что мы можем ему дать, только тогда мы обретем полноту бытия, сейчас нам недоступную. И, конечно, мы надеемся, что сообща мы с вами найдем лучший способ проникать через рубежи пространства-времени в новые миры.

— Вот вы накрыли Милвилл колпаком, куполом времени... для чего это?

— Мы хотели привлечь внимание вашего мира. Хотели дать вам знать, что мы существуем, что мы ждем.

— Так ведь можно было сказать это кому-нибудь из людей, с которыми вы общаетесь, а они бы передали всем. Да вы, наверно, кое-кому и говорили. Например, Шкалику Гранту.

— Да, ему мы говорили. И еще некоторым людям.

— Вот они бы и сказали всему свету.

— Кто бы им поверил? Подумали бы, что они... как это у вас говорят?.. Чокнутые.

— Да, правда,— согласился я.— Шкалика никто слушать не станет. Но есть же и другие.

— Мы можем установить контакт не со всяким человеком, а только с теми, у кого определенный склад ума. Мы понимаем мысли многих людей, но лишь очень немногие понимают нас. А прежде всего нас надо понять — только тогда вы нас узнаете и нам поверите.

— Что же, значит, вас понимают только разные чудаки?

— Да, по-видимому, так...

Если вдуматься, так оно и выходит. Самого большого взаимопонимания они достигли с Таппером Тайлером, а что до Шкалика — он, конечно, в здравом уме, но человеком почтенным, солидным членом общества его никак не назовешь.

Любопытно знать: а почему они связались со мной и с Джералдом Шервудом? Впрочем, это не одно и то же. Шервуд им

полезен: он фабрикует для них телефоны, при его помощи они получают оборотный капитал для своих затей. Ну а я? Неужели все дело в том, что о них заботился мой отец? Хорошо, если так...

— Ладно,— сказал я.— Кажется, понял. А что это была за гроза с ливнем из семян?

— Мы засеяли показательный участок, теперь вы своими глазами увидите, что мы можем изменяться, как хотим.

Где уж мне с ними тягаться. Что ни спрошу, у них на все найдется ответ.

Да в сущности, разве я надеюсь до чего-то с ними договориться? Разве я, по совести, этого хочу? Кажется, в глубине души я хочу только одного: вернуться в Милвилл.

А может, это все Таппер? Может, и нет никаких Цветов? Может, просто-напросто, покуда он торчал тут десять лет, он со своими мозгами набекрень додумался до этакой хитрой шутки, затвердил ее, вызубрил и сейчас всех нас дурачит?

Нет, чепуха. Таппер — придурок, ему вовек такого не сочинить. Слишком это для него сложно. Не мог он додуматься до такой шутки, а если бы и додумался, не сумел бы ее разыграть. И потом, он ведь как-то очутился здесь, в этом непонятном мире, а за ним сюда попал и я — этого никаким розыгрышем не объяснишь.

Я медленно поднялся на ноги, обернулся лицом к склону холма над нами — вот они темнеют в ярком лунном свете, несчетные лиловые цветы... а Таппер сидит на прежнем месте, только подался вперед, согнулся в три погибели и спит крепким сном, тихонько похрапывая.

Теперь они, кажется, пахнут сильнее, и лунный свет словно трепещет, и чудится — там, на склоне, скрывается Нечто. Я смотрю во все глаза... Вот-вот, кажется, что-то различаю... но нет, все снова растаяло... и все-таки я знаю: Оно там.

Сама эта ночь таит в себе Лиловость. И я ощущаю присутствие Разума, он ждет только слова, найти бы это слово — и он сойдет с холма, и мы заговорим, как двое друзей, нам больше не понадобится переводчик, мы сядем у костра и проболтаем всю ночь напролет.

«Ты готов?» — вопрошает Оно.

Так что же нужно — найти какое-то слово, или просто что-то должно пробудиться у меня в мозгу — что-то, рожденное Лиловостью и лунным светом?

— Да,— отвечаю,— я готов. Я сделаю все, что в моих силах.

Я наклонился, осторожно завернул шар из линз в куртку, зажал сверток под мышкой и двинулся вверх по косогору. Я знал: Оно там, наверху, Оно ждет... и меня пробирала дрожь. Может, и от страха, но чувство было какое-то другое, на страх ничуть не похожее.

Я поднялся туда, где ждало Оно,— и ничего не разглядел, но я знал, что Оно идет рядом со мною, бок о бок.

— Я тебя не боюсь,— сказал я.

Оно не ответило. Просто шло рядом. Мы перевалили через вершину холма и стали спускаться в ложбину — ту самую, где в другом мире находились цветники и теплицы.

«Чуть левее,— без слов сказало То, что шло в ночи рядом со мною,— а потом прямо».

Я подался чуть левее, потом пошел прямо.

«Еще несколько шагов»,— сказало Оно.

Я остановился, оглянулся в надежде его увидеть... ничего! Если секундой раньше позади что-то было, оно уже исчезло.

На западе разинула золоченую пасть луна. В мире пустынно и одиноко; серебряный склон словно тоскует о чем-то. Иссиня-черное небо смотрит мириадами крохотных колючих глаз, они жестко, холодно поблескивают каким-то хищным блеском — чужие, равнодушные.

По ту сторону холма, у еле тлеющего костра, дремлет человек, мой собрат. Ему там неплохо, ибо он наделен особым даром, которого у меня нет,— теперь-то я твердо знаю, что нет... ему довольно пожать руку (или лапу, или щупальце, или клешню) любого пришельца — и его вывихнутые мозги переведут прикосновение чужого разума на простой и понятный язык.

Я поглядел на разинутую пасть золоченой химеры-луны, содрогнулся, ступил еще два шага — и перешел из этого пустынного, тоскливого мира в свой сад.

Глава 15

По небу все еще неслись клочья облаков, закрывая луну. Бледная полоска на востоке предвещала зарю. В окнах моего дома горел свет — стало быть, Джералд Шервуд и все остальные меня ждали. А слева от меня темнели теплицы, и подле них, на фоне холма, точно призрак, смутно маячил высокий вяз.

Я направился было к дому — и тут цепкие пальцы ухватились за мои брюки. Вздрогнув, я опустил глаза — оказалось, я забрел в кусты.

Когда я в последний раз проходил по саду, никаких кустов здесь не было, только лиловые цветы. Но еще прежде, чем я нагнулся посмотреть, за что зацепился, мелькнула догадка.

Я присел на корточки, вгляделся — и в сером предутреннем свете увидел: цветов не стало. На месте лилового цветника растут невысокие кустики, лишь чуть повыше и пораскидистее тех цветов.

Сижу на корточках, смотрю, а внутри медленно холодеет: объяснение может быть только одно — эти кустики и есть цветы, каким-то образом те Цветы, жители другого мира, превратили мои здешние цветы в эти кустики. Но зачем, зачем?!

Значит, даже и здесь, у нас дома, они нас могут настичь. Даже здесь они вольны разыгрывать с нами свои шуточки и расставлять нам ловушки. Что им вздумается, то и сделают; они накрыли этот уголок нашей Земли куполом времени — и хоть они еще не вполне здесь хозяева, но уже вмешиваются в нашу жизнь.

Ощупываю одну ветку — на ней по всей длине набухли мягкие почки. Весенние почки, еще день-другой, и они лопнут, и проклюнется молодой лист. Весенние почки в разгар лета!

Но ведь я в них поверил. В те немногие последние минуты, когда Таппер умолк и задремал у костра, а на склоне холма появилось Нечто и заговорило со мной, и проводило меня домой,— в те минуты я в них поверил.

Да полно, было ли там что-то на холме? Провожало ли оно меня? — спрашиваю себя теперь, обливаясь холодным потом.

Под мышкой у меня все еще осторожно прижат завернутый в куртку шар — «машинка времени»: вот он, талисман, ощутимое доказательство, что тот, другой, мир не померещился мне, а и вправду существует. Значит, надо верить.

Кстати, они говорили, что я получу свои деньги обратно, они за это ручались. И вот я вернулся домой, а полутора тысяч нет как нет.

Я встал, пошел было к себе — и тут же передумал. Повернулся и зашагал в гору, к дому доктора Фабиана. Не худо бы поглядеть, что происходит по другую сторону барьера. А те, кто ждет у меня дома, подождут еще немного.

С вершины холма я поглядел на восток. Там, далеко за окраиной Милвилла, протянулась яркая цепочка костров, вспыхивали фары сновавших взад и вперед автомобилей. Тонкий голубой палец прожектора медленно проводил по небу то вправо, то влево. А в одном месте, немного ближе к городу, горел огонь поярче. Тут, кажется, было особенно людно и оживленно.

Я пригляделся и увидал паровой экскаватор, а по обе стороны от него — черные горы свежевынутого грунта. До меня доносился приглушенный расстоянием металлический лязг: огромный ковш сваливал в стороне свою ношу, поворачивался, нырял в котлован и снова вгрызался в почву. Как видно, там пробуют подкопаться под барьер.

По улице с шумом и треском подкатила машина и свернула на дорожку к дому позади меня.

Доктор, подумал я. Видно, его подняли с постели ни свет ни заря, и теперь он возвращается от больного.

Я пересек лужайку, завернул за угол. Машина уже стояла на асфальте перед домом, из нее вылезал доктор Фабиан.

— Доктор! — окликнул я.— Это я, Брэд.

Он обернулся, близоруко прищурился.

— А-а, вернулся.— Голос у него был усталый.— Там у тебя дома, знаешь, полно народу, тебя ждут.

Он так устал, что не удивился моему возвращению, он слишком измучился, ему было все равно.

Волоча ноги, он двинулся ко мне. До чего же он старый! Конечно, я и раньше знал, что наш доктор немолод, но он никогда не казался стариком. А тут я вдруг увидел, какой он сутулый, еле передвигает ноги, штаны болтаются как на скелете, лицо изрезано морщинами...

— Я от Флойда Колдуэлла,— сказал он.— У Флойда был сердечный приступ... Такой крепыш, здоровяк — и вдруг на тебе, сердечный приступ.

— Как он сейчас?

— Я сделал, что мог. Надо бы положить его в больницу, нужен полный покой. А положить нельзя. Из-за этой стены я не могу отвезти его в больницу. Не знаю, Брэд, просто не знаю, что с нами будет. Сегодня утром миссис Дженсен должна была лечь на операцию. Рак. Она все равно умрет, но операция дала бы ей еще несколько месяцев жизни, может быть, даже год или два. А теперь ее в больницу не переправишь. Хопкинсы

регулярно возили свою девочку на прием к специалисту, он ей очень помогал. Деккер — может, ты про него слышал. Великий мастер в своей области. Мы с ним когда-то начинали в одной клинике.

Он все стоял и смотрел на меня.

— Пойми,— продолжал он,— я не в силах им помочь. Кое-что я могу, но этого слишком мало. С такими больными мне не справиться, одному это не под силу. Прежде я отослал бы их к кому-нибудь, кто бы им помог. А теперь я бессилен. В первый раз в жизни я бессилен помочь моим больным.

— Вы принимаете это слишком близко к сердцу,— сказал я.

Он все смотрел на меня, лицо у него было бесконечно усталое и измученное.

— Не могу я иначе,— сказал он.— Они всегда на меня надеялись.

— А что со Шкаликом? Вы, верно, слышали?

Доктор Фабиан сердито фыркнул:

— Этот болван удрал.

— Из больницы?

— Откуда же еще? Улучил минуту, когда они там зазевались, потихоньку оделся и дал тягу. Уж такая это воровская душа, да и умом он тоже никогда не блистал. Его там ищут, но пока никаких следов.

— Домой потянуло,— сказал я.

— Естественно,— согласился доктор.— Послушай, а что это болтают, какие телефоны у него нашли?

Я пожал плечами:

— Хайрам говорил про какой-то телефон.

Старик поглядел на меня так, будто видел насквозь.

— А ты об этом ничего не знаешь?

— Почти что ничего.

— Нэнси говорила, будто ты побывал в каком-то другом мире. Это еще что за сказки?

— Нэнси вам сама говорила?

Доктор Фабиан покачал головой:

— Нет, это Шервуд сказал. И спрашивал меня, как быть. Он боялся об этом заговаривать — еще взбаламутишь весь Милвилл.

— И на чем порешили?

— Я ему посоветовал держать язык за зубами. Народ и так взбаламучен. Он только передал то, что ты говорил Нэнси про эти цветы. Надо ж было людям хоть что-то сказать.

— Понимаете, доктор, все очень чудно. Я и сам толком ничего не знаю. Не стоит об этом говорить. Лучше расскажите, что творится у нас, в Милвилле. Что там за костры?

— Воинские части. Вызваны солдаты. Милвилл окружен. Какая-то чертовщина, просто безумие. Мы не можем выбраться из Милвилла, и никто не может пробраться к нам, а они взяли и вызвали солдат. Что у них в голове, хотел бы я знать? На десять миль за барьером все население эвакуировано, кругом все время летают самолеты, и танки тоже прибыли. Сегодня утром пробовали взорвать барьер динамитом, толку никакого, разве что на лугу у Джейка Фишера теперь огромная яма. Только зря ухлопали свой динамит.

— Сейчас они пробуют подкопаться под барьер,— сказал я.

— Они много чего пробовали. Уже и вертолеты над нами летали, а потом пошли прямо вниз, на посадку. Думали, наверно, что Милвилл только кругом огорожен, а сверху нет. А оказалось, над нами и крыша есть. Валяли дурака целый день, разбили два вертолета, но все-таки выяснили, что это вроде купола. Он круглый и покрыл нас как крышкой. Такой, знаешь, колпак или пузырь. И еще эти ослы репортеры понаехали. Тоже целая армия. В газетах, по радио, по телевидению только и разговору, что про наш Милвилл.

— Как же, сенсация,— сказал я.

— Да, верно. А мне неспокойно, Брэд. Все держится на волоске. У людей слишком натянуты нервы. Все перепуганы, взвинчены. Любой пустяк может вызвать панику.

Он подошел ко мне совсем близко.

— Что ты думаешь делать, Брэд?

— Пойду домой. Меня там ждут. Пойдемте?

Доктор Фабиан покачал головой.

— Нет, я уже там был, а потом меня вызвали к Флойду. Я, знаешь, совсем вымотался. Пойду лягу.

Он повернулся и, тяжело волоча ноги, двинулся к дому, потом оглянулся:

— Будь поосторожнее, мальчик. Из-за этих цветов слишком много шума. Говорят, если бы твой отец не стал их разводить, ничего бы не случилось. Многие думают, что твой отец затеял какое-то черное дело, а теперь и ты в него ввязался.

— Ладно, буду смотреть в оба,— сказал я.

Глава 16

Они сидели в гостиной. Едва я переступил порог кухни, меня увидел Хайрам Мартин и заорал во все горло:

— Вот он!

Вскочил, ринулся в кухню, но на полдороге остановился и посмотрел на меня как кошка на мышь.

— Долгонько ты валандался,— изрек он.

Я не стал отвечать. Молча положил завернутый в куртку аппаратик на кухонный стол. Край куртки отвалился, и под висячей лампой засверкали торчащие во все стороны линзы. Хайрам попятился.

— Что это? — спросил он.

— Это я прихватил с собой. По-моему, это машина времени.

На газовой плите на слабом огне стоял кофейник. В раковине громоздились немытые кофейные чашки. Жестянка с сахаром открыта, сахар рассыпан по столу.

Из гостиной в кухню повалил народ — я и не думал, что их тут столько набралось.

Нэнси обошла Хайрама и стала передо мной. И положила руку мне на плечо.

— Целый и невредимый,— сказала она.

— Отделался легким испугом,— ответил я.

До чего она хороша! Я и не помнил, что она такая красивая — еще красивее, чем была в школе, в дни, когда в моих глазах ее окутывала звездная дымка. Вот она, совсем рядом,— еще красивей, чем ее рисовала моя память.

Я шагнул к ней, обнял за плечи. На миг она прислонилась головой к моему плечу, потом снова выпрямилась. Теплая, нежная... нелегко от нее оторваться, но все смотрели на нас и ждали.

— Я кое-кому звонил,— сказал Джералд Шервуд.— Сюда едет сенатор Гиббс, он тебя выслушает. С ним едет кто-то из Госдепартамента. За такой короткий срок я больше ничего не мог сделать, Брэд.

— И это сойдет,— сказал я.

Я стоял у себя в кухне, и рядом была Нэнси, а вокруг все знакомое, привычное, огонь лампы поблек в свете ранней зари — и теперь тот, другой, мир словно отступил куда-то далеко, черты его смягчились, и, если даже в нем таилась угроза, она тоже как бы поблекла.

— Ты мне вот что скажи,— выпалил Том Престон,— что за чепуху Джералд рассказывает про цветы, которые разводил твой отец?

— Да-да,— поддержал мэр Хигги Моррис,— при чем тут цветы?

Хайрам ничего не сказал, только злобно усмехнулся, в упор глядя на меня.

— Джентльмены,— воззвал адвокат Николс,— так не годится. Справедливость прежде всего. Сначала пусть Брэд расскажет нам все, что знает, а потом будете задавать вопросы.

— Что бы он ни сказал, все важно: мы ведь совсем ничего не знаем,— поддержал Джо Эванс.

— Ладно,— сказал Хигги.— Послушаем.

— Сперва пускай объяснит, что это у него за штука на столе,— заявил Хайрам.— Может, она опасная. Может, это бомба.

— Я не знаю, что это такое,— сказал я.— Но оно связано со временем. Оно как-то управляет временем. В общем, это фотоаппарат времени, машина времени — называйте как хотите.

Том Престон пренебрежительно фыркнул, а Хайрам опять злобно ощерился.

Все это время в дверях стояли рядом отец Фленеген, единственный в нашем городе католический священник, и пастор Сайлас Мидлтон из церкви через дорогу. Теперь старик Фленеген заговорил — так тихо, что едва можно было расслышать; голос его был слаб, как поблекший свет лампы и первые лучи рассвета.

— Я меньше всего склонен думать, будто кто-либо может управлять временем, а цветы как-то причастны к тому, что случилось у нас в Милвилле. И то и другое в корне противоречит всем моим понятиям и убеждениям. Но в отличие от некоторых из вас я готов сначала выслушать, а уже потом судить.

— Постараюсь вам все выложить,— сказал я.— Постараюсь рассказать подряд все, как было.

— Тебя разыскивал по телефону Элф Питерсон,— перебила Нэнси.— Он звонил раз десять.

— А свой номер он оставил?

— Да, вот я записала.

— Элф обождет,— сказал Хигги.— Сперва послушаем, что ты там припас.

— Пожалуй, и правда не стоит откладывать в долгий ящик,— сказал Джералд Шервуд.— Пройдемте в гостиную, там будет удобнее.

Мы все перешли в гостиную и уселись.

— Ну, приятель,— любезнейшим тоном сказал Хигги,— валяй начистоту.

Я готов был его придушить. И, думаю, встретясь со мной взглядом, он отлично это понял.

— Мы будем тише воды, ниже травы,— пообещал он.— Валяй выкладывай, мы слушаем.

Я подождал, пока все утихли, и сказал:

— Начну вот с чего. Вчера утром, когда моя машина разбилась, я пришел домой и застал Таппера Тайлера, он качался у меня на качелях.

Хигги так и подскочил.

— Да ты спятил! — заорал он.— Таппер уже десять лет как пропал без вести!

Хайрам тоже вскочил.

— Я ж тебе говорил, что Том разговаривал с Таппером, а ты меня поднял на смех! — взревел он.

— Тогда я тебе соврал,— сказал я.— Поневоле пришлось соврать. Я не понимал, что происходит, а ты пристал с ножом к горлу.

— Значит, ты признаешь, что солгал, Брэд? — переспросил преподобный Сайлас Мидлтон.

— Ну, понятно. Эта горилла приперла меня к стене и...

— Если раз соврал, так и еще соврешь! — визгливо крикнул Том Престон.— Как же тебе верить? Мало ли чего ты нарассказешь!

— Не хочешь — не верь,— сказал я.— Мне плевать.

Все опять уселись и молча смотрели на меня. Конечно, это было ребячество, но уж очень они меня допекли.

— Я предложил бы начать сначала,— заговорил отец Фленеген.— Давайте все сделаем героическое усилие и постараемся вести себя пристойно.

— Да, я тоже попрошу,— угрюмо сказал Хигги.— Сидите и помалкивайте.

Я обвел взглядом комнату — никто не произнес ни слова. Джералд Шервуд серьезно кивнул мне. Я перевел дух.

— Пожалуй, мне надо начать еще раньше,— сказал я.— С того дня, когда Том Престон прислал Эда Адлера снять у меня телефон.

— Ты задолжал за три месяца! — взвизгнул Престон.— Ты даже не позаботился...

— Том! — одернул адвокат Николс.

Том надулся и замолчал.

И я стал рассказывать все подряд: про Шкалика Гранта, про телефон без диска, оказавшийся у меня в конторе, про работу, о которой говорил мне Элф Питерсон, про то, как я ездил к Шкалику домой. Умолчал только о Джералде Шервуде и о том, что он-то и выпускает эти телефоны. Почему-то я чувствовал, что говорить об этом я не вправе.

— Есть вопросы? — сказал я затем.

— Вопросов очень много,— отозвался адвокат Николс.— Но вы уж расскажите все до самого конца, а потом будут вопросы. Никто не возражает?

— Я не против,— проворчал Хигти Моррис.

— А я против! — вскинулся Престон.— Джералд упоминал, что Нэнси разговаривала с Брэдом. А как это ей удалось, спрашивается? Тоже, конечно, по такому телефончику?

— Да,— сказал Шервуд.— У меня много лет стоит такой телефон.

— Вы мне про это не говорили, Джералд,— сказал Хигги.

— К слову не пришлось,— коротко ответил Шервуд.

— Видно, тут еще много всякого творилось, а мы и не подозревали, черт подери,— сказал Престон.

— Безусловно, вы правы,— промолвил отец Фленеген.— Но, мне кажется, этот молодой человек только еще начал свою повесть.

И я продолжал. Старался рассказать всю правду, припомнить все подробности.

Наконец я договорил. Минуту-другую никто не двигался, быть может, все они были поражены, ошеломлены, быть может, поверили не каждому слову, но чему-то все-таки поверили.

Отец Фленеген неловко пошевелился на стуле.

— Молодой человек,— промолвил он,— а вы вполне уверены, что это была не галлюцинация?

— Я принес оттуда машину времени, вот она. Сами видите.

— Да, нельзя не признать, что происходит много странного,— раздумчиво сказал Николс.— В конце концов, то, что рассказал нам Брэд, не более удивительно, чем барьер вокруг Милвилла.

— Временем никто управлять не может! — закричал Престон.— Время — ведь это же... ведь оно...

— Вот то-то! — сказал Шервуд.— Никто не знает, что это за штука — время. И еще много есть в мире всякого, о чем мы

ничего не знаем. Взять, например, тяготение. Ни один человек на свете не может объяснить, что это такое.

— Не верю ни одному слову,— отрезал Хайрам.— Просто Брэд где-то прятался...

— Мы прочесали весь город,— возразил Джо Эванс.— Негде ему было спрятаться.

— В сущности, какое это имеет значение — верим мы Брэду или не верим,— заметил отец Фленеген.— Поверят ли ему те, кто едет к нам из Вашингтона,— вот что важно.

Хигги выпрямился на стуле.

— Вы говорили, к нам едет Гиббс? — переспросил он Шервуда.— И еще кого-то везет?

— Да, с ним кто-то из Госдепартамента.

— А что он сказал, Гиббс?

— Что выезжает немедленно. Что разговор с Брэдом будет только предварительный. А потом он вернется в Вашингтон и обо всем доложит. Он сказал: может быть, тут вопрос не только государственного значения. Может быть, это придется решать в международном масштабе. Пожалуй, Вашингтон должен будет посовещаться с правительствами других стран. Он стал спрашивать у меня подробности. А я только и мог сказать, что у нас в Милвилле один человек хочет сообщить чрезвычайно важные сведения.

— Эти приезжие, наверно, будут ждать нас по ту сторону барьера. Скорей всего, на шоссе, с восточной стороны.

— Да, наверно,— согласился Шервуд.— Мы точно не условились. Сразу по приезде он мне позвонит откуда-нибудь из-за барьера.

— По правде сказать,— Хигги доверительно понизил голос,— если только не стрясется никакой беды, можно считать, что нам крупно повезло. Шутка ли, прославились всем на зависть, ни у одного города сроду не было такой рекламы! Да теперь лет десять от туристов отбою не будет, всякому захочется на нас поглядеть, похвастать, что побывал в Милвилле!

— Если все, что говорит Брэд, верно, то можно ожидать последствий куда более серьезных, чем наплыв туристов,— заметил отец Фленеген.

— Да, конечно,— подхватил Сайлас Мидлтон.— Ведь это значит, что мы встретились с иным разумом. Как мы справимся, будем ли на высоте — может быть, это вопрос жизни и смерти. Я хочу сказать, не только для нас, милвиллцев. От этого может зависеть жизнь или смерть всего человечества.

— Да вы что? — заверещал Престон.— Неужели, по-вашему, какая-то трава, какие-то несчастные цветы...

— Болван,— оборвал Шервуд.— Пора бы понять, что это не просто цветы.

— Вот именно,— поддержал Джо Эванс.— Не просто цветы, а совсем иная форма жизни. Не животной, а растительной жизни: мыслящие растения.

— И вдобавок они накопили кучу знаний, переняли их в разных других мирах,— прибавил я.— Они знают много такого, о чем мы никогда и не задумывались.

— Не понимаю, чего нам бояться,— упрямо гнул свое Хигги.— Неужто мы не справимся с какой-то сорной травой? Опрыскать их чем-нибудь поядовитее, только и всего...

— Если мы вздумаем их уничтожить, это будет не так легко, как ты воображаешь,— сказал я.— Но еще вопрос, надо ли их уничтожать.

— А что ж, по-твоему, пускай приходят и забирают нашу Землю?

— Не забирают. Пускай приходят и живут с нами в дружбе, будем друг другу помогать.

— А барьер? — заорал Хайрам.— Про барьер забыли?

— Никто ничего не забыл,— сказал Николс.— Барьер — только часть нашей задачи. Нужно решить задачу в целом, а заодно и с барьером уладится.

— Тьфу, пропасть, послушать всех вас, так подумаешь, вы и впрямь поверили этой ерунде,— простонал Том Престон.

— Может быть, мы и не всему поверили,— возразил Сайлас Мидлтон,— но то, что рассказал Брэд, придется принять за рабочую гипотезу. Я не говорю, что каждое его слово непогрешимая истина. Возможно, он чего-то не понял, ошибся, что-то перепутал. Но пока это единственные сведения, на которые мы можем опереться.

— Не верю ни единому слову,— отрезал Хайрам.— Тут какой-то гнусный заговор, и я...

Громко, на всю комнату зазвонил телефон. Шервуд снял трубку.

— Тебя,— сказал он мне.— Это опять Элф.

Я подошел и взял трубку.

— Здорово, Элф.

— Я думал, ты мне позвонишь,— сказал Элф.— Ты обещал позвонить через часок.

— Я тут влип в одну историю.

— Меня выставили из мотеля,— сказал Элф.— Всех переселяют. Я теперь в гостинице возле Кун-Вэли. Гостиница препаршивая, я уж хотел перебраться в Элмор, только сперва надо бы потолковать с тобой.

— Вот хорошо, что ты меня дождался. Мне нужно тебя кое о чем порасспросить. Насчет той лаборатории в Гринбрайере.

— Валяй, спрашивай.

— Какие вы там задачки решаете?

— Да самые разные.

— А они имеют касательство к растениям?

— К растениям?

— Ну да. Что-нибудь про цветы, сорняки, про овощи?

— А, понятно. Дай-ка сообразить. Да, бывало и такое.

— Например?

— Да вот хотя бы: может ли растение мыслить?

— И к какому выводу ты пришел?

— Ну знаешь, Брэд!

— Послушай, Элф, это очень важно.

— Ладно, изволь. Сколько я ни думал, вывод один: это невозможно. Нет такой движущей силы, которая побуждала бы растение мыслить. У него нет причины стать разумным. А если бы оно и стало мыслить, оно бы от этого не выиграло. Растение не может воспользоваться разумом и знаниями. У него нет никакой возможности их применить. Оно для этого не приспособлено, само строение не то. Пришлось бы ему заиметь чувства, которых у него нет, чтобы полнее воспринимать окружающее. Пришлось бы заиметь мозг — хранилище знаний и мыслительный механизм. Задача очень простая, Брэд, стоит вдуматься — и ответ напрашивается сам собой. Растение никогда и не попытается мыслить. Причины я определил не сразу, но когда разобрался, все получилось очень ясно и убедительно.

— И это все?

— Нет, была и еще задачка. Разработать верный, безошибочный способ истребления вредных сорняков, причем таких, которые легко приживаются в любых условиях и быстро приобретают иммунитет ко всему, что для них губительно.

— Тут, наверно, ничего не придумаешь,— сказал я.

— Да нет, одна возможность все-таки есть. Только малоприятная.

— Какая же?

— Радиация. Но если сорняк и правда очень выносливый и легко приспосабливается, так и это, пожалуй, не вполне надежное средство.

— Значит, растение с таким решительным нравом никак не истребишь?

— По-моему, никакого средства нет... это выше сил человеческих. Слушай, Брэд, а к чему ты клонишь?

— Пожалуй, мы сейчас как раз в таком положении.

И я наскоро рассказал ему кое-что о Цветах. Элф присвистнул.

— А ты все как следует понял? — спросил он.

— Право, не знаю, Элф. Вроде понял все. Я наверняка сказать не могу. То есть Цветы там живут, это точно, но...

— В Гринбрайере нам задавали еще один вопрос. Очень подходящий к тому, что ты рассказываешь. Дескать, как бы вы встретили пришельцев из другого мира и как бы установили с ними отношения? Значит, по-твоему, наша лаборатория работает на них?

— А на кого же? И заправляют ею те же люди, которые делают эти самые телефоны.

— Мы же так и подумали. Помнишь, когда барьер двинулся и мы с тобой говорили по телефону.

— Слушай, Элф, а как вы ответили на тот вопрос? Насчет встречи с пришельцами?

Элф как-то принужденно засмеялся:

— Отвечали на тысячу ладов. Встречать можно по-разному, смотря что за пришельцы. И тут есть известная опасность.

— А больше ты ничего не помнишь? В смысле — никаких других задач и вопросов?

— Нет, не припомню. Ты мне расскажи еще, что у вас происходит.

— И рад бы, да не могу. У меня тут полно народу. А ты сейчас едешь в Элмор?

— Ага. Как доберусь туда, позвоню тебе. Ты будешь дома?

— Куда же я денусь.

Пока я говорил с Элфом, в комнате все как воды в рот набрали. Сидели и слушали. Но едва я положил трубку, Хигги выпрямился и скорчил важную мину.

— Я полагаю,— начал он,— пора бы нам пойти встречать сенатора. Пожалуй, мне следует назначить комиссию по приему высокого гостя. Разумеется, в нее войдут все здесь присутству-

ющие и, может быть, еще человек шесть. Доктор Фабиан и, скажем...

— Одну минуту, мэр,— прервал Шервуд.— Приходится напомнить, что это касается не только Милвилла и сенатор едет к нам не с визитом. Тут нечто более важное и совершенно неофициальное. Сенатору нужно поговорить только с одним человеком — с Брэдом. Брэд — единственный, у кого есть необходимые сведения и...

— Но я только хочу...— не выдержал Хигги.

— Все мы знаем, чего вы хотите,— прервал Шервуд.— А я хочу подчеркнуть, что если Брэду нужна в помощь какая-либо комиссия, так пусть он сам ее и подбирает.

— Но мой служебный долг...— бубнил наш мэр.

— В данном случае ваш служебный долг ни при чем,— отрезал Шервуд.

— Джералд! — вскинулся Хигги.— Я старался сохранить о вас наилучшее мнение. Я уверял себя...

— Послушайте, мэр, бросьте вы ходить вокруг да около,— мрачно заявил Престон.— Давайте без дураков. Тут что-то нечисто, заговор какой-то, какие-то темные дела. Ясно, что замешан Брэд, и замешан Шкалик, и...

— Если вы так уверены, что тут заговор, значит, и я замешан,— вставил Шервуд.— Это мои телефоны.

Хигги даже поперхнулся:

— Что-о?!

— Это я делаю телефоны. Их выпускает моя фабрика.

— Так вы с самого начала все знали?

Шервуд покачал головой:

— Ничего я не знал. Я только выпускал телефоны.

Хигги без сил откинулся на спинку стула. Он сжимал и разжимал руки и смотрел на них невидящими глазами.

— Не понимаю,— бормотал он.— Хоть убейте, ничего не понимаю.

А по-моему, он отлично все понял. Впервые до него дошло, что тут не просто какое-то чудо природы, которое понемногу сойдет на нет, сослужив Милвиллу отличную службу: такая реклама для туристов, каждый год тысячами будут съезжаться любопытные... Нет, впервые мэр Хигги Моррис осознал, что перед Милвиллом и перед всем миром встала задача, которую не разрешить при помощи простого везения или на заседании Торговой палаты.

— Одна просьба,— сказал я.

— Чего тебе? — отозвался Хигги.

— Верните мне телефон. Тот, который стоял у меня в конторе. Тот самый, без диска.

Мэр поглядел на Хайрама.

— Ну нет,— заявил Хайрам.— Не отдам я ему этот телефон. Он уже и так здорово напакостил.

— Хайрам,— только и сказал мэр.

— А, ладно,— буркнул Хайрам.— Пускай подавится.

— Мне думается, все мы поступаем весьма неразумно,— заговорил отец Фленеген.— Я предложил бы обсудить все, что произошло, спокойно и обстоятельно, по порядку. Только таким образом можно было бы...

Его прервало тиканье — громкое, зловещее, оно разносилось по всему дому, словно отбивая такт шагам самого рока. И тут я понял, что тиканье это началось уже давно, но сперва оно было тихое, чуть слышное, и я смутно удивлялся — что бы это могло быть.

А теперь, от удара к удару, оно становилось все громче, резче, и, пока мы слушали, оцепенев, ошеломленные, испуганные, тиканье переросло в гул, в мощный рев...

Мы в страхе повскакали на ноги, в раскрытую дверь видно было: стены кухни озаряются и гаснут, словно там то включают, то выключают слепящие фары,— комнату заливал нестерпимо яркий свет, на миг погасал и вспыхивал вновь.

— Так я и знал! — взревел Хайрам и кинулся к двери.— Я сразу понял: это вроде бомбы!

Я бросился за ним с криком:

— Берегись! Не тронь!

Это была «машина времени». Она взлетела со стола и парила в воздухе, в ней, мерно пульсируя, нарастала какая-то неведомая, огромная энергия, воздух полнился мощным гудением. На столе валялась моя измятая куртка.

Я ухватил Хайрама за локоть и пытался удержать, но он вырвался и уже тащил из кобуры револьвер.

Ярко вспыхнув, шар взмыл кверху. Вот-вот ударится о потолок — и хрупкие линзы разлетятся в пыль.

— Не надо! — крикнул я.

Шар ударился о потолок, но не разбился. Ни на миг не замедляя полета, он прошел сквозь потолок. Я так и замер с раскрытым ртом, глядя на аккуратную круглую дыру.

Позади затопали, захлопали дверью — и, когда я обернулся, комната была пуста, одна только Нэнси стояла у камина.

— Идем! — крикнул я, и мы выбежали на крыльцо.

Все столпились во дворе, между крыльцом и живой изгородью, и, задрав голову, смотрели в небо: яркий мигающий огонек стремительно уносился ввысь.

Я глянул на крышу — машинка продырявила ее, по краям отверстия торчали осколки разбитой, перекосившейся черепицы.

— Вот оно! — сказал у меня над ухом Джералд Шервуд.— Хотел бы я знать, что это такое.

— Понятия не имею,— ответил я.— Они нарочно подсунули мне эту штуку. Провели как последнего дурака.

Меня трясло, меня душили стыд и злость. В том мире мною воспользовались как пешкой. Провели, одурачили, заставили притащить сюда, на мою Землю, какую-то штуку, которую не могли доставить сюда сами.

И нет никакой возможности понять, что все это значит... хотя, боюсь, очень скоро мы это узнаем...

Ко мне подступил разъяренный Хайрам.

— Что, добился своего? — рявкнул он.— И не прикидывайся, не ври — мол, знать не знаю и ведать не ведаю. Черт их разберет, кто там есть и что они затевают, а только ты с ними отлично спелся.

Я молчал. Отвечать было нечего.

Хайрам шагнул ближе.

— Хватит! — крикнул Хигги.— Не тронь его!

— Надо выбить из него правду! — орал Хайрам.— Если узнать, что это за штука, может, мы сумеем...

— Хватит, кому говорю! — повторил Хигги.

— Ты мне осточертел,— сказал я Хайраму.— Осточертел и опостылел, и пропади ты пропадом. Только сперва отдай телефон, он мне нужен. Да поживее!

— Ах ты сука! — взревел Хайрам и сделал еще шаг ко мне.

Подскочил Хигги и наподдал ему по щиколотке.

— Я сказал — хватит, черт подери!

Хайрам запрыгал на одной ноге, потирая ушибленное место.

— Что это вы, мэр? — ныл он.— Так не положено!

— Поди принеси ему тот телефон,— сказал Том Престон.— Пускай пользуется. Пускай позвонит своей шайке и доложит, как он здорово на них поработал.

Я бы рад был излупить их всех троих, особенно Хайрама и Тома Престона. Но где там. Когда мы были мальчишками, Хайрам частенько разделывал меня под орех, и я отлично знал, что мне с ним не сладить.

Хигги ухватил его и потянул к воротам. Хайрам шел, прихрамывая. Том Престон распахнул перед ним калитку, и все трое, не оглядываясь, зашагали прочь.

Лишь теперь я заметил, что и другие разошлись, на веранде остались только отец Фленеген, Джералд Шервуд и Нэнси. Священник держался в сторонке и, встретясь со мной взглядом, виновато развел руками.

— Не осуждайте людей за то, что они ушли,— сказал он.— Они в тревоге и смятении. Вот и поспешили удалиться.

— А вы? Вас это все не тревожит? — спросил я.

— Да нет, нисколько. Хотя, признаться, я чуточку смущен. Все это немножко отдает ересью.

— Может, вы еще скажете, что поверили мне,— проговорил я с горечью.

— У меня возникли некоторые сомнения, и я не вполне от них избавился,— ответил Фленеген.— Но эта дыра в крыше — веский довод в вашу пользу против чересчур упорных скептиков. Притом я не разделяю весьма модных ныне циничных воззрений. Мне кажется, в наши дни в мире есть место и для порывов мистических.

Я мог бы ответить ему, что тут мистикой и не пахнет: тот, другой, мир очень прочен и реален, там тоже светят солнце, звезды и луна, я ходил по его земле, пил его воду, дышал его воздухом, и под ногтями у меня еще застрял песок, в котором я рылся, выкапывая из откоса над ручьем человеческий череп.

— Они вернутся,— продолжал отец Фленеген.— Им надо немного подумать, освоиться со всем тем, что они от вас услышали. Это не так просто принять. Они вернутся, и я тоже, а сейчас мне нужно пойти отслужить мессу.

По улице неслась орава мальчишек. За полквартала до моего дома они остановились и, тыча пальцами, стали глазеть на продырявленную крышу. Они толклись посреди мостовой, весело пихали друг дружку под бока и что-то горланили.

Из-за горизонта вынырнул краешек солнца, деревья вспыхнули яркой летней зеленью.

Я кивнул в сторону мальчишек.

— Уже прослышали,— сказал я.— Через полчаса тут соберется весь Милвилл, и все станут пялить глаза на мою крышу.

Глава 17

Толпа на улице росла.

Никто ничего не предпринимал. Просто стояли и удивлялись, глазели на дыру в крыше и негромко переговаривались... ни крика, ни визга, просто негромкий говор, будто все знали, что вскоре непременно случится что-то еще, и терпеливо ждали.

Шервуд шагал из угла в угол.

— Гиббс должен звонить с минуты на минуту,— сказал он.— Не знаю, отчего он замешкался. Он уже должен бы позвонить.

— Может, его что-нибудь задержало,— отозвалась Нэнси.— Может, самолет запаздывает. Или на дороге затор.

Я стоял у окна и смотрел на толпу. Почти все лица хорошо мне знакомы. Это мои друзья и соседи, прежде им ничто не мешало ко мне постучаться, войти в дом и потолковать со мной. А сейчас они держатся поодаль, и смотрят, и ждут. Как будто мой дом стал клеткой, а сам я — чужой, неведомый зверь из каких-то дальних стран.

Всего лишь сутки назад я был такой же, как они, житель тихого городка Милвилла, я вырос среди этих людей, столпившихся на улице. А теперь в их глазах я — какое-то чудовище, урод, а для некоторых, пожалуй, и похуже: что-то зловещее, враждебное, грозящее если не их жизни, то благополучию и душевному спокойствию.

Ибо Милвилл уже никогда не станет прежним... а быть может, и весь мир уже не станет прежним. Ведь даже если незримый барьер исчезнет и Цветы отвернутся от нашей Земли, нам уже не возвратиться в былую мирную и привычную колею, к успокоительной вере, будто на свете только и может существовать та жизнь, какая нам знакома, а наш способ познания и мышления — это единственно возможный и прямой путь, единственная торная дорога к истине.

Жили-были в старину людоеды, но потом их изгнали. Привидения, вампиры, оборотни и прочая нечисть тоже повывелись, им не стало места в нашей жизни: все это могло существовать лишь на туманных берегах невежества, в краю суеверий. А вот теперь мы снова впадем в невежество (только иное, чем прежде) и погрязнем в суеверии, ибо суеверие питается недостатком знания. Теперь, когда рядом замаячил другой мир — даже если его обитатели решат не вторгаться к нам или мы сами найдем способ преградить им путь,— нашу жизнь опять навод-

нят упыри, ведьмы и домовые. По вечерам у камелька мы пойдем судить и рядить о другом, потустороннем мире, станем из кожи вон лезть, лишь бы как-то обосновать страх перед тем неведомым, что будет нам чудиться в его таинственных и грозных далях, и из этих наших рассуждений родятся ужасы, превосходящие все, что может таиться во всех чужих мирах. И, как некогда в старину, мы станем бояться темноты, всего, что лежит вне светлого круга, отброшенного нашим малым огоньком.

Толпа на улице прибывала, подходили еще и еще люди. Вот стучит костылем по тротуару дядюшка Эндрюс, вот мамаша Джоунс в своем дурацком капоре и Чарли Хаттон — хозяин «Веселой берлоги». Тут же, в передних рядах, и мусорщик Билл Доневен, а жены его не видно... интересно, приехали ли Мирт с Джейком за их детьми? А вот и Гейб Томас, шофер грузовика, тот самый, что первым после меня наткнулся на невидимый барьер; он такой горластый и неугомонный, будто весь век прожил в Милвилле и всех и каждого тут знает с пеленок.

Кто-то шевельнулся возле меня: Нэнси. Видно, она еще раньше подошла и стала рядом.

— Ты только погляди на них,— сказал я.— Нашли развлечение. Прямо цирк, сейчас начнется парад-алле.

— Они самые простые, обыкновенные люди,— сказала Нэнси.— Нельзя требовать от них слишком много, Брэд. А ты, по-моему, требуешь слишком много. Неужели ты хочешь, чтобы те, кто здесь тебя слушал, вот так, сразу, приняли на веру каждое твое слово!

— Твой отец мне поверил.

— Отец — другое дело. Он человек незаурядный. И потом, он какие-то вещи знал заранее, он мог хоть что-то предвидеть. У него тоже был такой телефон. Ему было кое-что известно.

— Кое-что,— повторил я.— Не очень много.

— Я с ним не говорила. Не было случая поговорить с глазу на глаз. А при всех я не могла его спросить. Но я знаю, он тоже замешан в эту историю. Это опасно, Брэд?

— Не думаю. Оттуда, из того мира — уж не знаю, в каком месте и в каком времени он находится,— опасность не грозит. Сейчас пока опасен не чужой мир. Вся опасность в нас самих. Мы должны что-то решить — и решить как надо, без ошибки.

— Откуда нам знать, какое решение правильное? — возразила Нэнси.— Ведь прежде ничего подобного не случалось.

В том-то и беда, подумал я. Как ни крути, что ни решай, подкрепить решение нечем, опереться не на что.

С улицы донесся какой-то крик, и я придвинулся к окну, чтоб было дальше видно. Посередине мостовой шагал Хайрам Мартин, в руке у него был телефон без диска.

Нэнси тоже его заметила.

— Он все-таки возвращает тебе телефон. Забавно, вот не думала...

Это Хайрам и кричал, даже не кричал, а пел — громко, насмешливо, с вызовом:

— Вылезай, чертов гад! Получай свой телефон!

Нэнси тихонько ахнула. Я кинулся к двери, рывком распахнул ее и вышел на крыльцо.

Хайрам был уже у ворот, он больше не пел. Минуту мы стояли и смотрели друг на друга. Толпа зашумела, придвинулась ближе. Хайрам поднял аппарат высоко над головой.

— На, держи! — заорал он.— Получай свой телефон, ты, гнусный...

Что он там еще орал, я не расслышал — толпа взревела, заулюлюкала.

Хайрам запустил в меня аппаратом. Это не мяч и не палка, бросать его несподручно, и бросок вышел неудачный. Трубка на длинном проводе отлетела в сторону. Провод взвился дугой, потом натянулся, траектория аппарата переломилась, и он грохнулся на асфальтовую дорожку на полпути между калиткой и верандой. Во все стороны брызнули осколки пластмассы.

Не раздумывая и не рассчитывая, не помня себя от бешенства, я сбежал с крыльца и ринулся к калитке. Хайрам чуть попятился, я выскочил на улицу и остановился перед ним.

Хватит с меня Хайрама Мартина! Я сыт им по горло! Вот уже два дня он въедается мне в печенки, баста, надоело! Ох, переломать бы ему ребра, живого места не оставить! Чтоб вовек больше не измывался надо мной! Ведь только тем и берет, наглая скотина, что вымахал с телеграфный столб и кулачищи у него как кувалды!

Как когда-то в детстве, багровая пелена упрямой ненависти застлала мне глаза. Я смотрел сквозь нее на Хайрама — конечно же, он отдубасит меня, как не раз дубасил в школьные годы... все равно, пусть отведает моих кулаков, буду лупить его с восторгом, с наслаждением, изо всех сил!

Кто-то заорал:

— А ну расступись! Шире круг!

Я кинулся на Хайрама, и он ударил. Ему негде и некогда было путем размахнуться, но его кулак сильно и больно ударил меня в ухо, и я пошатнулся. Хайрам тотчас ударил снова, но второй удар пришелся вкось, я даже не почувствовал боли — и на этот раз дал сдачи. Я влепил ему левой чуть повыше пояса, он скрючился от боли, и я дал ему в зубы, да так, что ожег о них костяшки пальцев, ободрал в кровь. И опять размахнулся изо всех сил, но тут невесть откуда мне на голову обрушился кулак — мне показалось, голова лопнула: в ушах зазвенело, из глаз посыпались искры. Под коленями вдруг очутился жесткий асфальт, но я все же поднялся, и в глазах прояснилось. Ног я не чувствовал. Казалось, я пробкой плаваю и подскакиваю в воздухе. Где-то близко, наверно в футе от меня, возникла рожа Хайрама — губы расквашены, на рубашке кровь. Я опять ударил по губам — пожалуй, не слишком сильно, я порядком выдохся. Хайрам зарычал, потом вильнул вбок, я снова кинулся на него.

И тут он меня добил.

Я почувствовал: падаю, валюсь на спину, почему-то я падал очень долго. Наконец брякнулся о мостовую — она оказалась тверже, чем я думал, и это было больнее, чем удар, который сбил меня с ног.

Я стал шарить вокруг, пытаясь опереться на руки и подняться. «А стоит ли хлопотать?» — мелькнула мысль. Ну встану, а он опять меня свалит. Но нет, надо подняться, надо подниматься опять и опять, покуда хватит сил. Так уж издавна повелось у нас с Хайрамом, таковы правила игры. Всякий раз, как я поднимался, он снова сбивал меня с ног, но я поднимался упрямо, до последнего дыхания, и ни разу не запросил пощады, ни разу не признал себя побежденным. И если я выдержу так до конца жизни, победителем выйду я, а не Хайрам.

Но на этот раз что-то невмочь. Не выходит. Никак не поднимусь. Быть может, пришел тот час, когда мне уже не встать?

Я все шарил ладонями, ища опоры, и вдруг наткнулся на камень. Наверно, какой-нибудь мальчишка запустил им в воробья ли, в собаку ли, или швырнул просто так, для забавы. Камень остался посреди улицы, может, он пролежал здесь не день и не два, и теперь я нащупал его правой рукой и стиснул — очень подходящий камень, так удобно поместился в кулаке.

Громадная мясистая ручища опустилась с высоты, сгребла меня за грудки и рывком подняла на ноги.

— Я тебе покажу! — заорал хриплый голос.— Будешь знать, как нападать на представителя порядка!

Опять перед глазами плавает разбитая в кровь морда, искаженная злобой и ненавистью. Как он упивается тем, что он больше, тяжелее, сильнее меня!

Я снова ощутил под собою ноги, яснее различил физиономию Хайрама, а за ним — еще стену лиц, нетерпеливо теснящуюся толпу, которая жаждет полюбоваться убийством.

Сдаваться нельзя, подумал я, вспоминая наши прежние драки, я никогда не сдавался. Пока держишься на ногах, надо драться, и, если даже тебя свалили наземь и ты уже не в силах встать, все равно нельзя признавать себя побежденным.

Хайрам обеими руками вцепился в меня, лицо его придвинулось вплотную. Я крепче сжал камень и размахнулся. Я размахнулся из последних сил — все, что во мне еще оставалось, я вложил в этот удар: всем корпусом от пояса вверх — и в челюсть.

Голова его резко откинулась на толстой бычьей шее. Он зашатался, разжал пальцы и нескладной тряпичной куклой повалился на мостовую.

Я отступил на шаг и смотрел на Хайрама сверху вниз; в голове прояснилось, я ощутил собственное тело, избитое, в ссадинах и кровоподтеках,— оно болело сплошь, болел каждый сустав и каждый мускул. Но это неважно, это пустяки: впервые за всю мою жизнь я одолел Хайрама Мартина! Я свалил его с ног, потому что у меня оказался камень — ну и что ж, наплевать! Я не искал его, просто камень подвернулся под руку и я невольно зажал его в кулаке. Я вовсе не думал пустить его в ход, но раз уж так получилось — черт с ним! Если бы я успел подумать, я, наверно, сделал бы это умышленно.

Кто-то подскочил ко мне. Том Престон.

— Да неужто мы ему такое спустим?! — завизжал он, обернувшись к толпе.— Он же ударил полицейского! Камнем! Он подобрал камень!

К нам протолкался еще один человек, ухватил Престона за плечи, приподнял как котенка и сунул обратно в первые ряды толпы. Это был Гейб Томас.

— Не лезь! — только и сказал он.

— Он ударил Хайрама камнем! — вопил Престон.

— Жаль, что не дубиной,— сказал Гейб.— Надо бы ему совсем башку размозжить.

Хайрам зашевелился и сел. Рука его потянулась к револьверу.

— Только попробуй,— сказал я.— Только тронь револьвер — и, бог свидетель, я тебя убью.

Хайрам уставился на меня. Уж верно, было на что посмотреть. Он измордовал меня, исколошматил, а все-таки я свалил его, а сам устоял на ногах.

— Он ударил тебя камнем! — заверещал Престон.— Он тебя...

Гейб протянул руку и спокойно, аккуратно взял Тома за глотку. Он сдавил его тощую шею, и Престон разинул рот и высунул язык.

— Сказано — не лезь,— повторил Гейб.

— Хайрам — представитель закона,— вмешался Чарли Хаттон.— Брэд не имел права ударить полицейского.

— Слушай, друг,— отвечал ему Гейб,— барахло ваш полицейский, а никакой не представитель закона. Порядочный полицейский не станет затевать драку.

Я все не сводил глаз с Хайрама, и он тоже следил за мною, но тут он отвел глаза и опустил руку.

И я понял — победа за мной. Не потому, что я сильней или дрался лучше — ничего подобного,— а просто он трус: ему здорово досталось, и теперь у него уже не хватит пороху, больше он не полезет, побоится боли! И револьвера мне тоже нечего опасаться. Хайрам Мартин не посмеет убить человека в честном бою, лицом к лицу.

Хайрам медленно поднялся на ноги, постоял минуту. Поднял руку, осторожно потрогал челюсть. Повернулся и пошел прочь. Толпа смотрела молча, так же молча раздалась и пропустила его.

Я поглядел ему вслед, и неистовая, кровожадная радость закипела во мне. С детства он был мне враг, больше двадцати лет,— и наконец-то я его отлупил. Правда, не в честном бою: чтобы взять верх, мне пришлось прибегнуть к запрещенному приему. Но все равно. Честно или нечестно, а я его одолел.

Толпа медленно попятилась. Никто не сказал мне ни слова. И вообще никто ничего не сказал.

— Видно, больше охотников нету,— заметил Гейб.— А ежели кто желает, придется иметь дело и со мной.

— Спасибо, Гейб,— сказал я.

— Не за что. Я ж ни черта не сделал.

Я разжал пальцы, камень упал на мостовую. В тишине он загремел на всю улицу.

Гейб вытащил из заднего кармана штанов большущий красный платок и шагнул ко мне. И, одной рукой придерживая мой затылок, начал вытирать мне лицо.

— Эдак через месячишко у тебя опять будет вполне приличный вид,— заметил он в утешение.

— Эй, Брэд! — крикнули из толпы.— Кто он таков, твой приятель?

Я не увидел, кто это кричал. Кругом было полно народу.

— Мистер! — заорал еще кто-то.— Не забудьте утереть ему нос.

— А ну валяй! — прогремел Гейб.— Кто там остряк-самоучка? Выйди-ка, покажись, сейчас я тобой подмету улицу.

Мамаша Джоунс сказала громко, чтобы расслышал дядюшка Эндрюс:

— Это шофер с грузовика, он разбил Брэду машину. Видно, если кто полезет драться с Брэдом, так этот малый ему задаст.

— Ишь ты, хвастунишка! — закричал в ответ дядюшка Эндрюс.— Ну и хвастунишка!

Вдруг я увидел Нэнси, она стояла у калитки и смотрела, и лицо у нее было такое... совсем как в детстве, когда мне приходилось вот так же драться с Хайрамом. Ей было противно. Она терпеть не могла драки, она считала, что драться — грубо и пошло.

Дверь моего дома распахнулась, с крыльца сбежал Джералд Шервуд. Подбежал и схватил меня за руку:

— Идем скорей! Звонит сенатор. Он ждет тебя на шоссе.

Глава 18

По ту сторону барьера ждали четверо. Поодаль остановились несколько машин. Там и сям кучками стояли солдаты. Примерно в полумиле к северу все еще работал экскаватор.

Я шел к людям, которые ждали меня на дороге. Я чувствовал себя дурак дураком. Ну и вид же у меня, должно быть,— как у нечестивейшего грешника в аду! Рубашка изодрана, левая щека горит, точно ее надраили наждачной бумагой. Правая рука разбита о Хайрамовы зубы, левый глаз, чувствую, заплывает — будет изрядный синяк.

По ту сторону незримого барьера по-прежнему тянулся вал вывороченной с корнем растительности, его расчистили только рядом с шоссе, на два-три десятка шагов вправо и влево.

Я подошел ближе и узнал сенатора Гиббса. Раньше я его никогда не встречал, но видел портреты в газетах. Крепкий, коренастый, совсем седой и всегда без шляпы. Сейчас на нем был двубортный пиджак и ярко-синий галстук в горошек.

С ним был какой-то военный, на погонах — звезды. Третий — маленький, щуплый, волосы точно лакированные, черствая, непроницаемая физиономия. Четвертый тоже невелик ростом, но пухлый, круглолицый и синеглазый — никогда еще я не видал таких ярких синих глаз.

Я подошел к ним фута на три и ощутил легкое сопротивление: впереди был барьер. Тогда я отступил на шаг и посмотрел на сенатора.

— Вы, наверно, сенатор Гиббс,— сказал я.— Меня зовут Брэдшоу Картер. Вам про меня говорил Шервуд.

— Рад с вами познакомиться, мистер Картер,— сказал сенатор.— Я думал, Джералд тоже придет с вами.

— Я его звал, но он решил, что ему не следует идти,— объяснил я.— Они там поспорили. Мэр хотел назначить комиссию для встречи с вами, а Шервуд никак не соглашался.

Сенатор кивнул:

— Понимаю. Значит, мы будем говорить только с вами.

— Если вы хотите вызвать еще кого-нибудь...

— Нет-нет, зачем же! Ведь всеми сведениями располагаете именно вы?

— Да, я.

— Прошу извинить, я вас представлю. Мистер Картер — генерал Уолтер Биллингс.

— Здравствуйте, генерал,— сказал я.

Странное чувство: знакомиться с человеком, не подавая руки.

— А это Артур Ньюком,— продолжал сенатор.

Человек с черствым, непроницаемым лицом холодно улыбнулся. Такой — будьте уверены! — никаких шуток не потерпит. Он, видно, возмущен до глубины души уже тем, что кто-то посмел допустить существование какого-то там барьера.

— Мистер Ньюком — представитель Государственного департамента,— пояснил сенатор.— А это доктор Роджер Дэйвенпорт, биолог, и притом весьма знаменитый.

— Доброе утро, молодой человек,— сказал Дэйвенпорт.— Простите за нескромный вопрос — что это с вами приключилось?

Я улыбнулся ему: толстяк сразу пришелся мне по душе.

— Так, малость не сошлись во взглядах с одним земляком.

— Могу себе представить, какое в городе волнение,— сказал Биллингс.— Пожалуй, скоро трудно станет поддерживать закон и порядок.

— Боюсь, что вы правы, сэр,— сказал я.

— Ваш рассказ потребует времени? — спросил сенатор.

— Да, некоторое время понадобится.

— Где-то там были стулья,— произнес генерал Биллингс.— Сержант, где там...

Не успел он договорить, как сержант и двое солдат, стоявшие у обочины, подошли со складными стульями.

— Ловите! — сказал мне сержант и кинул стул сквозь барьер.

Я поймал стул на лету. Пока я его расставил и сел, четверо по ту сторону барьера тоже уселись.

Прямо сумасшедший дом какой-то: сидят пять человек посреди шоссе на шатких походных стульчиках!

— Что ж,— сказал сенатор,— я думаю, можно приступить к делу. Какой порядок вы предлагаете, генерал?

Генерал закинул ногу на ногу и уселся поплотнее. С минуту он раздумывал.

— Этот человек должен нам сообщить какие-то сведения,— сказал он наконец.— Так отчего бы нам тут же, на месте, его не выслушать?

— Ну, разумеется,— сказал Ньюком.— Послушаем, что он скажет. Но знаете ли, сенатор...

— Да-да,— поспешно прервал Гиббс,— я понимаю, обстановка не совсем обычная. Впервые мне приходится заседать под открытым небом, но...

— По-видимому, другого выхода у нас нет,— заметил генерал.

— Это довольно долгая история,— предупредил я.— И кое-что может показаться невероятным.

— Так ведь и это невероятно,— сказал сенатор Гиббс.— Этот, как вы его называете, барьер.

— И, как видно, вы — единственный человек, которому что-то известно,— прибавил Дэйвенпорт.

— Итак, приступим,— заключил сенатор Гиббс.

И я стал рассказывать свою повесть во второй раз. Я не торопился, говорил обстоятельно обо всем, что видел, стараясь не упустить ни одной мелочи. Меня не прерывали. Раза два я

умолкал на минуту — может, о чем-нибудь спросят? — но в первый раз Дэйвенпорт просто кивнул: продолжай, мол, а потом все четверо только молча ждали, чтобы я опять заговорил.

Это порядком действовало на нервы, уж лучше бы они меня перебивали. Все мои слова падали в молчание как в яму, я пытался хоть что-то прочесть по их лицам, понять, много ли до них доходит. Но — ни единой ответной искорки, никакого движения не мог я уловить на этих застывших физиономиях. Да ведь и правда, как нелепо, наверно, все это звучит...

Наконец-то я все досказал и откинулся на стуле.

По ту сторону барьера беспокойно зашевелился Ньюком.

— Прошу извинить, джентльмены, но я решительно протестую. Не понимаю, с какой стати мы сюда тащились и выслушивали эти нелепые россказни!

— Артур,— перебил сенатор Гиббс,— за мистера Картера поручился мой старый друг Джералд Шервуд. Я знаю Шервуда больше тридцати лет и уверяю вас, он очень проницательный человек, в высшей степени трезвый и деловой, но при этом не лишенный воображения. Как ни трудно нам принять сообщение мистера Картера или, во всяком случае, некоторые частности его сообщения, я все же убежден, что от них нельзя просто отмахнуться, мы должны их обсудить. И позвольте вам напомнить, что это первые конкретные данные, на которые мы можем опереться.

— Мне тоже трудно поверить хотя бы одному слову,— сказал генерал Биллингс.— Но ведь вот этот барьер — неопровержимое свидетельство, хоть он и недоступен нашему сегодняшнему пониманию. Безусловно, положение таково, что мы вынуждены будем и дальше принимать на веру свидетельства, которые превосходят наше понимание.

— Давайте предположим на минуту, что мы решительно всему поверили,— подсказал Дэйвенпорт.— Попробуем поискать в этом какое-то рациональное зерно.

— Это невозможно! — взорвался Ньюком.— Это вызов всему, что мы знаем!

— Мистер Ньюком,— возразил биолог,— человек только и делает, что бросает вызов всему, что он знал прежде. Лишь несколько веков назад он твердо знал, что Земля — центр Вселенной. Каких-нибудь тридцать лет назад, даже и того меньше, он знал, что люди никогда не смогут побывать на других планетах. Сто лет назад он знал, что атом неделим. Ну а мы с вами?

Мы знаем, что время — это нечто, на веки веков непостижимое и неуправляемое, и что растения не могут быть разумными. Так вот, разрешите вам сказать, сэр...

— Вы что же, всему этому верите? — спросил генерал.

— Ничему я не верю. Это было бы весьма необъективно. Но я считаю, что нам надо повременить с окончательным суждением. По совести скажу, я с восторгом займусь этой проблемой, понаблюдаю, проведу кое-какие опыты и...

— Вы можете и не успеть,— сказал я.

Генерал круто обернулся ко мне:

— А разве поставлены какие-то сроки? Вы об этом не упоминали.

— Верно. Но у них есть способ нас поторопить. Они в любую минуту могут пустить в ход очень веские доводы. Хотя бы двинуть дальше этот барьер.

— И далеко они способны его продвинуть?

— Вы можете гадать с таким же успехом, как и я. На десять миль. На сто. На тысячу. Понятия не имею.

— Вы говорите так, как будто они вообще могут столкнуть нас в межпланетное пространство.

— Не знаю. По-моему, они и это могут.

— По-вашему, они так и поступят?

— Возможно. Если увидят, что мы все тянем и водим их за нос. Не думаю, чтобы им этого хотелось. Мы им нужны. Им нужен кто-то, кто может применить на практике накопленное ими знание и тем самым придать ему смысл. По-видимому, до сих пор они не нашли никого, кто был бы на это способен.

— Но нельзя же решать наспех! — запротестовал сенатор.— Нельзя допустить, чтобы нас подгоняли. Нужно очень много сделать. Необходимо обсудить все это на самых разных уровнях — в государственном и в международном масштабе, с экономистами, с учеными.

— Мне кажется, сенатор,— сказал я,— все мы забываем главное. Мы сейчас имеем дело не просто с другим государством, с другими людьми. Мы имеем дело с чужими существами, с пришельцами из другого мира.

— Это все равно,— сказал сенатор.— Мы должны действовать так же, как и всегда.

— Оно бы неплохо, только надо еще, чтобы они нас поняли,— заметил я.

— Придется им подождать,— сухо сказал Ньюком.

Меня взяло отчаяние. Безнадежно. Ничего тут нельзя решить: человечество не готово к этой встрече, мы только все испортим, все загубим. Пойдут нескончаемые споры, разговоры и переговоры, обсуждения и словопрения — и все на нашем, человеческом, уровне, все только с наших позиций, никто даже не попытается понять, что думают и чего хотят пришельцы.

— Учтите, что в роли просителей выступают они, а не мы,— заявил сенатор.— Они, а не мы начали переговоры, они хотят доступа в наш мир, а не наоборот.

— Пятьсот лет назад белые прибыли в Америку,— сказал я.— Очевидно, тогда они выступали в роли просителей...

— Но индейцы были дикари, варвары! — возмутился Ньюком.

Я кивнул:

— Вы совершенно точно выразили мою мысль.

— У вас не слишком удачная манера острить,— ледяным тоном произнес Ньюком.

— Вы меня не поняли,— сказал я.— Я и не думал острить.

— Пожалуй, в этом что-то есть, мистер Картер,— заговорил Дэйвенпорт.— По вашим словам, эти растения уверяют, что они хранят огромные запасы знаний. И, как вы полагаете, это — познания многих разумных рас.

— Так они мне сказали.

— Запасы знаний, связанных между собой и приведенных в систему. Не просто свалка разнородных сведений.

— Да, именно система,— сказал я.— Только учтите, я не могу утверждать это под присягой. Я никак не мог проверить, правда ли это. Но Таппер, который говорил за них, уверял меня, что они никогда не лгут.

— Понимаю,— сказал Дэйвенпорт.— В этом есть логика. Им незачем лгать.

— Однако они не вернули вам полторы тысячи долларов,— вставил генерал Биллингс.

— Не вернули.

— А говорили, что вернут.

— Да, это они мне твердо обещали.

— Значит, они лгут. И они хитростью заставили вас принести на Землю какую-то штуку, которую вы считали машиной времени.

— Это они очень ловко подстроили,— заметил Ньюком.

— Не думаю, что мы можем всерьез им доверять,— сказал генерал Биллингс.

— Но послушайте,— спохватился Ньюком,— мы уже стали разговаривать так, как будто поверили каждому слову этой басни.

— Так ведь с этого мы и начали,— напомнил сенатор Гиббс.— Мы решили принять сведения, которые нам сообщил мистер Картер, за основу для обсуждения.

— В данный момент нам следует подготовиться к самому худшему,— провозгласил генерал.

Дэйвенпорт даже засмеялся:

— Что ж тут особенно плохого? Впервые в истории человечество может познакомиться с другими мыслящими существами. Если мы будем вести себя разумно, такая встреча может оказаться для нас очень полезной.

— Этого мы еще не знаем,— сказал генерал Биллингс.

— Конечно не знаем. У нас пока слишком мало данных. Надо сделать какие-то шаги к дальнейшему сближению.

— Если эти цветы вообще существуют,— вставил Ньюком.

— Если они существуют,— согласился Дэйвенпорт.

— Джентльмены,— сказал сенатор,— мы кое-что упускаем из виду. Ведь барьер существует, это реальность. И он не пропускает ничего живого...

— Это еще не известно,— возразил Дэйвенпорт.— Вспомните случай с автомобилем. В нем наверняка были какие-то микроорганизмы. Просто не могли не быть. Мне кажется, барьер поставлен как преграда не для всего живого вообще, а лишь для того, кто думает и чувствует. Это — преграда для жизни высокоразвитой, обладающей сознанием.

— Так или иначе, перед нами несомненное доказательство, что происходит что-то очень странное,— сказал сенатор.— Мы не можем просто закрывать на это глаза. Надо действовать, опираясь на те сведения, какими мы располагаем.

— Ну хорошо,— заявил генерал.— Перейдем к делу. Можем ли мы с уверенностью предполагать, что эти чужаки чем-то нам угрожают?

Я кивнул:

— Может быть, и так. При известных обстоятельствах.

— При каких именно?

— Не знаю. Откуда нам знать, что они думают и чего хотят.

— Но все-таки тут может скрываться угроза?

— Мне кажется,— прервал Дэйвенпорт,— мы слишком много рассуждаем об опасности. Сначала нужно бы понять...

— Мой долг прежде всего в том, чтобы предусмотреть возможную опасность.

— И если она есть? Что тогда?

— Мы можем их остановить,— сказал генерал.— Только надо действовать без промедления. Действовать, пока они еще не захватили слишком большую территорию. У нас есть способ их остановить.

— Вы, военные, умеете действовать только силой! — вспылил Дэйвенпорт.— Ничего другого у вас и в мыслях нет. Да, конечно, термоядерный взрыв уничтожит всякую чуждую жизнь, которая успела проникнуть на Землю. Возможно, он даже разобьет барьер времени и навсегда закроет Землю для наших новых друзей...

— Друзей! Да почем вы знаете, что они нам друзья! — чуть не завопил генерал.

— Этого я, разумеется, не знаю. Ну а вы почем знаете, что они нам враги? Необходимо собрать больше сведений; необходимо опять установить с ними связь...

— А пока вы будете собирать сведения, они успеют укрепить барьер и раздвинуть его еще шире...

Дэйвенпорт окончательно рассердился.

— Рано или поздно должно же человечество научиться решать встающие перед ним задачи какими-то другими способами, а не просто грубой силой. Так вот, может быть, сейчас самое время начать. Вы предлагаете сбросить на этот город бомбу. Я уже не говорю о нравственной стороне вопроса: ведь это — убийство нескольких сотен ни в чем не повинных людей...

— Не забывайте, тут на одной чаше весов несколько сотен людей, а на другой — безопасность населения всей Земли,— проворчал Биллингс.— Мы ничего не будем предпринимать наспех. Такой шаг надо сперва тщательно продумать. Тут возможно лишь всестороннее обдуманное решение.

— Но вы его не исключаете — от одного этого содрогнется все человечество,— сказал биолог.

Генерал Биллингс упрямо вскинул голову.

— Допускать неприятные возможности подобного рода — мой долг,— заявил он.— Даже учитывая нравственную сторону вопроса, в случае надобности я не стану колебаться.

— Джентльмены! — беспомощно воззвал сенатор.

Генерал поглядел на меня. Кажется, все они давным-давно обо мне забыли.

— Прошу прощения, мистер Картер,— сказал он.— Мне не следовало так говорить.

Я немо кивнул. Даже за миллион долларов я не мог бы выдавить из себя ни слова. Все внутри точно свинцом налилось, горло перехватило, я боялся шевельнуться.

Ничего подобного я не ждал. Правда, теперь, наслушавшись их, я запоздало понял, что только этого и можно было ожидать. Мне следовало понимать, как встретят в нашем мире эту новость, а уж если сам не сообразил, надо было только вспомнить, как тогда сказал Шкалик, лежа на полу у меня в кухне: *«Они захотят пустить в ход бомбу,— сказал он тогда.— Не давай им сбросить бомбу...»*

Ньюком впился в меня холодным, пронизывающим взглядом.

— Полагаю, вы не станете повторять то, что сейчас слышали,— сказал он.

— Да, мы вынуждены на вас положиться, друг мой,— подхватил сенатор.— Мы в ваших руках.

Я через силу рассмеялся. Наверно, дико прозвучал этот смех.

— Чего ради я стану болтать? Мы — такая удобная мишень. Говори не говори, толку не будет. Все равно нам податься некуда.

А вдруг барьер оградит нас и от бомбы? — мелькнула мысль. Да нет, ерунда. Барьер не пропускает только ничего живого, точнее, если прав Дэйвенпорт — а он, вероятно, прав,— это преграда только для существ мыслящих. Вот пробовали взорвать его динамитом — и хоть бы что. Эта незримая стена не сопротивляется взрывам — и тем самым от них не страдает.

С точки зрения генерала Биллингса, бомба разом решит все проблемы. Она уничтожит все живое; именно до этого додумался и Элф Питерсон, когда решал задачу, как уничтожить зловредный сорняк, который приспосабливается к любым неблагоприятным условиям. Возможно, ядерный взрыв и не повлияет на загадочный механизм барьера времени, но он уничтожит все живое, смертоносная радиация отравит местность, и еще очень, очень долго пришельцы не смогут вновь ее захватить.

— Вы хотите, чтоб я был тактичный и деликатный,— сказал я генералу,— надеюсь, это будет взаимно. Если вы не найдете никакого другого выхода, делайте, что надо, без всякого предупреждения.

Поджав губы, генерал молча кивнул.

— Тошно подумать, что тут начнется, если в Милвилле узнают...

— Сейчас еще рано об этом беспокоиться,— прервал меня сенатор.— Возможны и другие решения. Пока мы даже обсуждать это не станем. Наш друг генерал несколько поторопился.

— По крайней мере, я честно говорю,— обиделся генерал.— Не кручу, не увиливаю. Очки никому не втираю.

Видно, он считал, что остальные именно этим и занимаются.

— Поймите одно,— сказал я.— Никакие тайны и секреты здесь невозможны. На чем бы вы ни порешили, вам придется действовать в открытую. Есть люди, чьи мысли Цветы могут прочитать. Есть люди — и, может быть, немало,— чьи мысли они читают вот в эту самую минуту. Причем люди эти ни о чем не подозревают и кто они — неизвестно. Может быть, Цветы сейчас читают мысли кого-нибудь из вас. Очень возможно, что они узнают все ваши планы, еще когда вы только эти планы обдумываете.

Ну конечно, такое им и в голову не приходило. Я-то их предупреждал, когда рассказывал свои приключения, но они пропустили это мимо ушей. Слишком много всего сразу свалилось, так быстро не разберешься.

— Что там за люди у машин? — неожиданно спросил Ньюком.

Я обернулся.

Там собралась добрая половина Милвилла. Они пришли посмотреть, что мы тут затеваем. Вполне понятно. Они вправе тревожиться, вправе знать, что происходит. Все это их кровно касается. Наверно, очень многие мне теперь не доверяют, ведь Хайрам и Том Престон черт знает чего обо мне наговорили, а я, изволите ли видеть, сижу на стуле посреди шоссе и толкую с важными шишками из Вашингтона. Наверно, милвиллцы чувствуют себя обойденными, обманутыми. Наверно, думают, что их тоже должны бы позвать на это совещание.

Я снова повернулся к той четверке за барьером.

— Все это слишком важно,— настойчиво сказал я.— Смотрите, не промахнитесь. Дать сейчас маху — значит наверняка загубить и все другие возможности.

— Какие возможности? — спросил сенатор.

— Это первый случай, когда мы можем сблизиться с жителями другого мира. Но, уж конечно, не последний. Когда люди выйдут в космос...

— Но мы пока не в космосе,— сказал Ньюком.

Нет, безнадежно, все впустую. Я слишком многого ждал от тех, кто собрался тогда у меня в гостиной, и слишком многого ждал от этих приезжих из Вашингтона.

Им не выдержать испытания. Никогда нам, людям, не выдержать испытания. Так уж мы устроены, мы только и способны на провал. У нас вывихнутая логика, скверные, ложные побуждения, и ничего нельзя с этим поделать. Мы по природе своей близоруки, себялюбивы, самодовольны, где уж нам сойти с убогой проторенной дорожки.

А быть может, этим страдает не только человечество? Быть может, и эти Цветы, и любые другие чужаки и пришельцы так же ограничены тесной, привычной колеей? Быть может, все они окажутся так же деспотичны, так же упрямы, глухи и слепы, как мы?

Я беспомощно развел руками, но едва ли мои собеседники это заметили. Они во все глаза смотрели куда-то на дорогу позади меня.

Я круто обернулся. К нам приближалась толпа, которая еще недавно ждала у застрявших машин: она была уже на полпути между той пробкой и барьером. Люди шагали молча, размеренно, с непреклонной решимостью. Точно сама судьба надвигалась на нас.

— Чего им надо, как вы думаете? — беспокойно спросил сенатор.

Я всмотрелся: впереди всех Джордж Уокер, мясник из магазина «Рыжий филин», за ним — Батч Ормсби с заправочной станции и Чарли Хаттон, хозяин «Веселой берлоги». И Дэниел Виллоуби тоже здесь, этому явно не по себе, он из тех, кто всегда избегает толпы, шума и скандалов. А вот Хигги не видать и Хайрама тоже, зато Престон тут как тут. Ну а Шервуд? Шервуда, конечно, нет. Не такой он человек. Но народу полно, и все мне хорошо знакомы. И лица у всех мрачные, полные решимости.

Я отступил на обочину, и толпа прошла мимо, никто даже не поглядел в мою сторону.

— Послушайте, сенатор! — начал Джордж Уокер, голос его прозвучал чересчур громко.— Ведь это вы и есть сенатор, верно?

— Да, это я,— отозвался сенатор Гиббс.— Чем могу быть вам полезен?

— Вот это самое мы и пришли узнать,— сказал Уокер.— Мы вроде как делегация.

— Понимаю.

— Мы попали в беду,— продолжал Уокер.— А мы все честно платим налоги, так что пускай нам помогут, мы имеем право. Вот я ведаю в «Рыжем филине» мясным отделом, а народ к нам в Милвилл проехать не может, так уж я и не знаю, что будет. Без приезжих покупателей мы в два счета прогорим. Со своими-то, с милвиллскими, мы, конечно, торгуем, да ведь этого мало, дело себя не оправдывает, и скоро здешним будет нечем платить, ни у кого гроша не останется, а в кредит торговать нам не под силу. Понятно, свежее мясо мы всегда добудем. А продать — не продашь. Нет нашей возможности дальше торговать: как ни кинь, все клин...

— Одну минутку,— вставил сенатор.— Не нужно торопиться. Давайте обсудим все по порядку. У вас возникли затруднения, мне об этом известно, и я сделаю все, что только могу...

— Вот что, сенатор,— прервал кто-то гулким басом,— тут кой у кого из нас задачки позаковыристей, чем у Джорджа. Хоть у меня, к примеру. Работаю я за городом, живу от получки до получки: целую неделю ребятишек кормить надо? Обуть-одеть надо? По всяким счетам платить надо? А теперь мне до работы не добраться, стало быть, и получки никакой нету. И я не один такой. Нас таких сколько хочешь. И на черный день ни у кого не отложено. У нас в Милвилле, скажу я вам, таких, чтоб хоть грош отложили про запас, может, раз-два и обчелся. Вот мы все и...

— Постойте! — взмолился сенатор Гиббс.— Послушайте и вы меня! Дайте мне хоть немного времени. В Вашингтоне уже знают о том, что здесь случилось. Знают, как трудно вам всем приходится. Вам постараются всемерно помочь. В конгресс будет внесен законопроект о пособии для жителей вашего города, и я сам буду трудиться не покладая рук, чтобы закон этот был принят без излишних проволочек. Мало того. На востоке страны некоторые газеты и телевизионные компании объявили сбор средств в помощь Милвиллу. И это только начало. Будет сделано еще очень многое...

— Да на черта нам это нужно, сенатор! — пронзительно выкрикнул кто-то.— Не надо нам никаких пособий. Мы не нищие, нам подачки ни к чему. Вы только помогите нам вернуться на работу.

Сенатор даже растерялся:

— То есть вы хотите, чтобы мы сняли этот барьер?

— Слушайте, сенатор,— снова загромыхал бас,— сколько лет правительство ухлопывает миллиарды, чтобы запустить чело-

века на Луну. Ученых у вас хоть пруд пруди, так неужто нельзя потратить кой-какие деньги и время, чтоб нас вызволить! Мы весь век платим налоги, а много ли за это получаем?..

— Да, но дайте же нам срок,— возразил сенатор.— Мы должны выяснить, что представляет собой этот барьер, и найти какой-то способ с ним справиться. Скажу вам прямо и откровенно: такую задачу в пять минут не решить.

Сквозь толпу пробиралась Норма Шепард, секретарша доктора Фабиана, и наконец остановилась напротив сенатора.

— Но надо же что-то сделать,— сказала она.— Надо что-то сделать, понимаете? Кто-то должен найти способ. У нас тут есть больные — тяжелые, их надо положить в больницу, а мы не можем их переправить. Если мы их не отправим в больницу, некоторые умрут. У нас на весь Милвилл только один доктор, и он уже очень немолод. Он хороший доктор и лечит нас уже много лет, но с очень тяжелыми больными ему не справиться, да у него ни лекарств, ни инструментов таких нету. С очень тяжелыми случаями он никогда не мог один справиться, он сам так прямо и говорил...

— Дорогая моя,— отеческим тоном начал сенатор,— я понимаю вашу озабоченность, я весьма вам сочувствую, и можете не сомневаться...

Что ж, видно, беседа моя с представителями Вашингтона закончена. Я медленно побрел по шоссе, вернее, рядом с ним, по взрытой, перепаханной земле, из которой уже поднимались тоненькие зеленые ростки. Семена, посеянные той странной бурей, взошли удивительно быстро, и теперь побеги тянулись к свету.

«Каков-то будет урожай?» — с горечью подумал я.

И еще любопытно, очень ли Нэнси на меня сердится за драку с Хайрамом Мартином? Какое у нее тогда было лицо... а потом она сразу повернулась и ушла. И когда ее отец прибежал сказать мне, что звонит Гиббс, она не вышла из дому.

В ту короткую минуту на кухне, когда она припала к моему плечу, она вдруг стала совсем прежней — моя любимая, та девушка, с которой мы когда-то ходили, взявшись за руки, та, что смеялась милым грудным смехом и дня не могла прожить без меня, как и я — без нее.

«Нэнси! — едва не закричал я.— Нэнси, прошу тебя, пускай все опять будет по-старому!»

Но, наверно, к старому возврата нет. Наверно, это Милвилл виноват, это он стал между нами: за те годы, пока Нэнси

тут не было, она переросла наш город, а я оставался здесь и еще глубже врос в него всеми корнями.

Нет, сквозь пыль стольких лет, сквозь все воспоминания, случаи и события, сквозь перемены, что произошли и в ней, и в тебе самом, не докопаешься так легко до прошлого, не вырвешь из него минувший день и час. И если даже доберешься до него, слишком плотно он зарос пылью времени и уже не вернешь ему того незабвенного сияния. А может, на самом деле он так и не сиял, может, только в воспоминании, от тоски и одиночества, ты сам наделил его этим ослепительным блеском.

Быть может, только раз за всю жизнь, да и то не к каждому приходит вот такая сияющая минута. Возможно, есть даже такой закон, что минута эта и не может повториться.

— Брэд! — окликнул кто-то.

Все время я шел, повесив голову, глядя только под ноги. Услыхав свое имя, поднял глаза — оказалось, я уже поравнялся со сбившимися в кучу машинами.

К одной из них прислонился Билл Доневен.

— Привет, Билл,— сказал я.— Что ж ты не пошел туда с ними?

Билл брезгливо поморщился.

— Помощь нам нужна, это верно,— сказал он.— Ясно, нужна. Еще как. Только можно и обождать малость, не сдохнем. Нечего сразу скулить. А то что ж это: с первого синяка сразу кричать караул. Ронять себя тоже ни к чему, надо и самолюбие иметь.

Я кивнул, но в душе не вполне с ним согласился.

— Уж очень все напугались,— сказал я.

— Ну ясно. А все равно нечего метаться и вопить как стадо баранов.

— Что с малышами?

— Живы-здоровы,— сказал Билл.— Джейк в самый раз за ними поспел, прямо перед тем, как барьеру тронуться. Взял их и увез. Пришлось ему топором рубить дверь, чтоб до них добраться. Он рубит, а Мирт знай ругается без передышки. Черт-те сколько шуму было из-за этой паршивой двери.

— А как жена?

— Лиз-то... да ничего. Все тоскует по детишкам да тревожится, что, мол, будет дальше. Ну, ребята целы и невредимы — это главное.

Он похлопал ладонью по металлическому боку машины.

— Как-нибудь да выпутаемся,— сказал он.— Может, и не враз, а управимся. Нет на свете такого, чего бы люди не одоле-

ли, коли захотят. Я так думаю, посадят на это целую тысячу ученых — пускай мозгуют! Ну, не в день, не в два, а что-нибудь они да придумают.

— Да,— сказал я,— наверно, придумают.

Если только сперва какой-нибудь тупоумный генерал с перепугу не нажмет ту самую кнопку. Если вместо того, чтобы пораскинуть умом, мы не пустим в ход силу и все не угробим.

— Что с тобой, Брэд?

— Так, ничего.

— У тебя, надо думать, тоже забот хватает. Что ты Хайрама вздул, так это поделом, он давно набивался. А телефон, которым он в тебя запустил, из тех, что ли?..

— Из тех самых,— сказал я.

— Слышно, ты побывал в каком-то другом мире. Как это ты ухитрился? Чудно что-то, даже не верится, но все только про то и говорят.

Двое мальчишек с криком пробежали сквозь гущу машин и ринулись дальше, к толпе, которая все еще спорила с сенатором.

— Вот кому весело,— заметил Доневен.— Наша малышня сроду так не развлекалась. Почище всякого цирка.

С громкими восторженными воплями промчалась новая стайка мальчишек.

— Может, там еще что новое случилось? — сказал Доневен.

Первые двое ребят уже добежали до толпы у барьера и, дергая взрослых за руки, что-то им громко, взахлеб толковали.

— Похоже на то,— сказал я.

Кое-кто из толпы повернулся и заспешил обратно к Милвиллу, сперва скорым шагом, а там и бегом.

Когда они были уже совсем близко, Билл Доневен рванулся им наперерез.

— В чем дело? — крикнул он.— Что стряслось?

— Деньги! — закричали ему в ответ.— Кто-то нашел деньги!

Теперь уже вся толпа неслась во весь дух по шоссе к городу. Мэй Хаттон на бегу крикнула мне:

— Скорее, Брэд! У тебя в саду деньги!

— Деньги у меня в саду? Еще чего?!

Я мельком глянул на тех четверых из Вашингтона: они стояли за барьером и смотрели вслед толпе. Решили, наверно, что весь Милвилл просто спятил. Да и как не решить?

Я ступил с обочины на шоссе и рысцой пустился вдогонку за остальными к городу.

Глава 19

Когда я под утро возвратился из чужого мира, оказалось, что этот мир каким-то непонятным колдовством превратил лиловые цветы, которыми заросла сырая низинка позади моего дома, в маленькие кустики. В темноте я провел пальцами по торчащим во все стороны прутикам и нащупал множество набухших почек. А теперь почки лопнули — и распустились не листья, а крохотные банковские билеты по пятьдесят долларов!

Лен Стритер, здешний учитель естественной истории, протянул мне один такой билетик.

— Это просто невозможно! — сказал он.

Ну еще бы! Конечно же, невозможно! Ни один куст в здравом уме и твердой памяти не отрастит вместо листьев банкноты по пятьдесят долларов и вообще какие бы то ни было денежные купюры.

В саду было не протолкнуться — сюда набились все, кто на шоссе препирался с сенатором, и еще куча народа. Чуть ли не весь Милвилл сбежался. Толклись вокруг каждого кустика, орали, перекликались в полном восторге. И не диво. Почти никто из наших отродясь не видывал бумажки в пятьдесят долларов, а тут их были тысячи.

— Поглядите-ка повнимательней,— сказал я учителю.— Это и правда настоящие деньги? Вы уверены?

Лен Стритер вытащил из нагрудного кармана маленькую лупу и протянул мне:

— Смотрите сами.

Я посмотрел — спору нет, очень похоже на билет в пятьдесят долларов, хоть я и сам видел такие только раз в жизни — те тридцать штук, что дал мне в конверте Шервуд. Тогда я их особенно не рассматривал, так, глянул мельком — и все. Но в лупу видно было, что бумага у этих билетов точь-в-точь как у настоящих денег и все остальное тоже не отличишь — и номер, и серия на месте.

И, разглядывая их в лупу, я понял: они и правда настоящие. Это — как бы поточнее выразиться? — прямое потомство тех денег, которые вытащил у меня Таппер Тайлер.

Я понял, что произошло, и меня взяла горькая досада.

— Очень может быть,— сказал я Стритеру.— С той шайкой все может быть.

— С какой шайкой? Из вашего другого мира?

— Не из моего! — заорал я.— Из вашего! Он такой же ваш, как и мой, он общий для всех людей. Как вдолбить в ваши тупые башки...

Я не договорил. И очень рад, что не договорил.

— Извините,— мягко произнес Лен Стритер.— Я не то хотел сказать.

Тут я увидел Хигги Морриса: он стоял на склоне холма, на полдороге к моему дому, и криком требовал внимания.

— Слушайте все! — взывал он.— Слушайте меня, сограждане!

Толпа начала стихать, а Хигги вопил и вопил, пока наконец все не замолчали.

— Перестаньте рвать эти листья,— заявил он тогда.— Не троньте их, как растут, так пускай и растут.

— Черт возьми, Хигги, мы только сорвали парочку, чтоб получше разглядеть,— возразил Чарли Хаттон.

— Так вот, хватит,— сурово отрезал наш мэр.— Каждый сорванный листок — это пятьдесят долларов пропащих. Дайте срок, они подрастут, сколько надо, и сами опадут, останется только подобрать, и каждый листочек будет нам с вами чистая прибыль.

— А ты откуда знаешь? — пронзительно крикнула мамаша Джоунс.

— Да разве вам не ясно? Эти замечательные кусты отращивают для нас деньги. Надо только не мешать им — пускай делают свое дело.

Он обвел взглядом толпу и вдруг заметил меня.

— Верно я говорю, Брэд?

— Боюсь, что так,— сказал я.

Потому что Таппер стащил у меня полторы тысячи и Цветы взяли те тридцать билетов за образец для листьев. Я и не глядя могу побиться об заклад: на всех этих кустах, на всех листьях-банкнотах повторяются одни и те же тридцать порядковых номеров.

— Интересно знать,— заговорил Чарли Хаттон,— как мы их, по-вашему, станем делить? То есть, понятно, когда они дозреют?

— А я, признаться, об этом еще не подумал,— отозвался мэр.— Наверно, это будет наш общий фонд — и станем выдавать нуждающимся, кому сколько надо.

— Несправедливо! — возразил Чарли.— Эдак одни получат больше, другие меньше. А по-моему, надо разделить всем поровну. Всяк получит свою долю и пускай распоряжается ею, как хочет.

— Что ж, может, и в этом есть резон,— сказал Хигги.— Но только тут нельзя решать наспех. Вот я сегодня же назначу комиссию, она этим займется. У кого есть какие предложения, давайте, мы их обсудим и рассмотрим со всех сторон.

— Уважаемый господин мэр! — тонким голосом выкрикнул Дэниел Виллоуби.— Мне кажется, мы упускаем из виду одно обстоятельство. Что бы мы тут ни говорили, а ведь это не деньги.

— Но они в точности похожи на деньги. Когда листья вырастут, их не отличишь от настоящих.

— Вы правы, они похожи на деньги,— согласился наш банкир.— Такими бумажками очень многих можно будет одурачить. Может быть, даже всех. Может, вообще ни одна душа не догадается, что это не деньги. Но если станет известно, откуда они взялись, как по-вашему, велика ли им будет цена? Хуже того, станут подозревать, что все деньги, сколько их есть в Милвилле, фальшивые. Если мы можем вырастить бумажки по пятьдесят долларов, отчего бы нам не разводить и десятки, и двадцатки?

— И чего вы расшумелись! — выкрикнул Чарли Хаттон.— Никто ничего и не узнает, только болтать ни к чему. Будем держать язык за зубами. Все дадим клятву, что никому и полсловечка не скажем.

Толпа одобрительно загудела. Дэниел Виллоуби весь побагровел — того и гляди, хватит удар. Одна мысль о такой массе фальшивых денег невыносимо оскорбляла его нежную душу.

— Все это сможет решить моя комиссия,— ласково промолвил наш мэр.

По тому, как он это сказал, стало совершенно ясно, что у него на уме и какое решение примет эта самая комиссия.

— Вот что, Хигги,— вмешался адвокат Николс.— Мы упускаем из виду еще одно обстоятельство. Эти деньги не наши.

Мэр в ярости уставился на него:

— А чьи же?

— Как чьи? Конечно, Брэда. Они выросли на его земле — значит, это его собственность. Ни один суд не решит по-другому.

Все так и застыли. Все взгляды обратились на меня. Я почувствовал себя загнанным кроликом, на которого наставлены сотни ружейных дул.

— Вы в этом твердо уверены? — через силу выговорил Хигги.

— Безусловно,— сказал Николс.

В мертвой тишине десятки пар глаз по-прежнему держали меня на прицеле.

Я осмотрелся — все с вызовом встречали мой взгляд. И никто не говорил ни слова.

Несчастные, слепые, сбитые с толку дураки. Они учуяли одно: деньги у себя в кармане, богатство, о каком никто из них и мечтать не смел. И не понимают, что это — угроза (а быть может, обещание?), с какой стучится к нам чуждое, неведомое племя, добиваясь доступа в наш мир. И откуда им знать, что из-за этого чужого племени над куполом, которым накрыт наш город, бешеным шквалом разнузданных, неукротимых сил готова вспыхнуть слепящая смерть?

— Не нужны мне эти бумажки, мэр,— сказал я.

— Что ж,— отозвался Хигги,— это очень благородно с твоей стороны, Брэд. Надо полагать, люди по достоинству оценят твой поступок.

— Не мешает оценить, черт побери,— сказал адвокат Николс.

И вдруг послышался отчаянный женский крик... еще один... Крики доносились откуда-то сзади, я круто обернулся.

С холма, от дома доктора Фабиана, бежала женщина... впрочем, бежала — не то слово. Она силилась бежать, но только елеле ковыляла. Все тело ее корчилось в судорогах непомерного напряжения, она протянула вперед руки, чтобы опереться на них, если упадет, шагнула еще раз — и в самом деле не удержалась на ногах, покатилась по косогору и наконец обмякла в какой-то выбоинке бесформенной кучей тряпья.

— Майра! — вскрикнул Николс.— Майра, что случилось?!

Это была миссис Фабиан; на зелени травы, в солнечных лучах сверкали до странности яркой белизной ее седые волосы. Она всегда была маленькая, хрупкая — в чем только душа держится,— да еще много лет назад ее скрючил артрит, и теперь страшно и жалко было смотреть на этот несчастный, чуть живой комочек.

Я кинулся к ней, за мной — остальные.

Билл Доневен добежал первым, опустился на колени и взял ее на руки.

— Все хорошо,— уговаривал он,— все обойдется! Поглядите, тут все — ваши друзья.

Миссис Фабиан открыла глаза; казалось, она цела и невредима, но она лежала на руках у Билла как младенец и даже не пробовала шевельнуться. Седые волосы упали ей на лицо. Билл бережно отвел их огромной, неловкой, заскорузлой от черной работы ручищей.

— Доктору плохо,— выговорила наконец миссис Фабиан.— Он без сознания...

— Да он же час назад был жив и здоров! — заспорил Хигги.— Я только час назад с ним говорил.

Миссис Фабиан подождала, пока он замолчит, и повторила:

— Он без сознания, и я не могу привести его в чувство. Он прилег вздремнуть, а теперь его никак не добудиться.

Билл Доневен поднялся, все еще держа ее на руках как ребенка. Она была такая крохотная, а Билл такой огромный, что казалось — в руках у него кукла, просто кукла с милым сморщенным личиком.

— Помогите ему,— попросила миссис Фабиан.— Он всю свою жизнь вам помогал. А теперь ему самому нужно помочь.

Норма Шепард тронула Доневена за локоть:

— Отнесите ее в дом. Я о ней позабочусь.

— А мой муж? — настойчиво повторила миссис Фабиан.— Кто ему поможет? Вы придумаете, как ему помочь?

— Ну конечно, Майра,— пообещал Хигги.— Мы его без помощи не оставим. Мы ему стольким обязаны. Конечно, мы что-нибудь да придумаем.

С миссис Фабиан на руках Доневен двинулся в гору. Норма Шепард побежала вперед.

— Пойдемте еще кто-нибудь,— предложил Батч Ормсби.— Поглядим, что можно сделать для нашего доктора.

— Ну что скажешь, Хигги? — спросил Чарли Хаттон.— Ты, жирная морда, тут разорялся громче всех. А как ты ему поможешь?

— Кто-то должен же ему помочь! — объявил дядюшка Эндрюс и для пущей выразительности стукнул костылем оземь.— Сейчас док нужен как никогда, без него мы пропадем. Так ли, эдак ли, а надо поскорей поставить его на ноги, больше некому лечить наших больных.

— Все, что можно, мы сделаем,— сказал Лен Стритер.— Прежде всего уложим его поудобнее. И вообще в меру нашего разумения о нем позаботимся. Но ведь никто из нас в медицине не смыслит...

— Вот что,— опять заговорил Хигги.— Свяжитесь-ка кто-нибудь по телефону с кем-нибудь из врачей и расскажите им, что к чему. Мы им опишем, что творится с больным, может, тогда они определят, какая это болезнь, и присоветуют, как быть. Норма у нас сестра — ну, хоть без настоящего образования, а все-таки уже года четыре доктору помогает, так что и она сейчас нам опора.

— Да, пожалуй, больше ничего не выдумаешь,— сказал Стритер.— Но только этого мало.

— Слушайте, люди добрые! — громким голосом заявил дядюшка Эндрюс.— Стоять да языки чесать — от этого толку не будет. Надо дело делать, да поживей!

Что и говорить, Стритер прав. Может, ничего больше мы сделать не в силах, но этого слишком мало. Медицина — это не только слова и советы по телефону. А в Милвилле и кроме лежащего без памяти доктора есть больные, и они нуждаются в таком сложном лечении, что он не сумеет им помочь, даже если сам и поднимется на ноги.

Но, пожалуй, тут может помочь еще кое-кто — и, если они могут, пусть не пробуют отвертеться, не то я уж как-нибудь да проберусь к ним опять и с корнями повыдергаю их из земли.

Пора уже тому, другому, миру раскачаться. Ведь не кто-нибудь, а Цветы втравили нас в беду, так пускай теперь выручают. Они непременно хотят доказать нам, что умеют творить чудеса? Нам нужнее другие доказательства, куда более веские, чем кусты с долларами вместо листьев и прочие дурацкие фокусы.

Можно бы, конечно, позвонить по одному из телефонов, взятых в лачуге у Шкалика, они хранятся в муниципалитете, но чтоб до них добраться, мне сперва пришлось бы, наверно, проломить башку Хайраму. Нет, новой стычки с Хайрамом я сейчас не жажду.

Я поискал глазами Шервуда — ни его, ни Нэнси не видать. Может, кто-нибудь из них сейчас дома, тогда я смогу позвонить из кабинета Шервуда.

Довольно много народа двинулось к дому доктора Фабиана; я повернулся и пошел в противоположную сторону.

Глава 20

Мне долго не отворяли. Я позвонил несколько раз, подождал, потом толкнул дверь — она оказалась незапертой.

Я вошел в дом и затворил за собой дверь. Стук ее утонул в торжественной тишине, что стояла в прихожей и дальше, до самой кухни.

— Есть кто дома? — крикнул я.

Где-то отчаянно зажужжала одинокая муха — верно, застряла как в западне между стеклом и занавеской и никак не вырвется. В полукруглое окошко над дверью вливались солнечные лучи — на полу расплескалась узорчатая лужица яркого света.

Мне никто не отозвался, и я прошел через прихожую в кабинет. На массивном письменном столе по-прежнему стоял телефон без диска. Как прежде, поражали сплошные стены книг в дорогих переплетах. На шкафчике с напитками стояли наполовину пустая бутылка виски и невымытый бокал.

По толстому ковру я дошел до стола и придвинул к себе телефон.

Едва я снял трубку, Таппер сказал знакомым голосом делового человека:

— Наконец-то, мистер Картер, как приятно вас слышать! Надеемся, что все идет хорошо. Вы, надо полагать, уже начали предварительные переговоры?

Как будто они сами не знают!

— Я вам не потому звоню,— резко сказал я.

— Но ведь таков был уговор. Мы рассчитываем, что вы выступаете от нашего имени.

От этой вкрадчивой и невозмутимой любезности меня взорвало.

— А вы при этом выставляете меня круглым дураком? Такого уговора не было!

— Мы вас не понимаем,— испуганно и удивленно сказал деловитый голос.— Будьте так добры, поясните свою мысль.

— А «машина времени»?

— Ах это...

— Да, «ах это»!

— Но, мистер Картер, если бы мы попросили вас захватить ее с собой, вы решили бы, что мы злоупотребляем вашими услугами. Вероятно, вы бы не согласились.

— А так вы не злоупотребили моими услугами?

— Н-ну, отчасти... Нам была необходима чья-то помощь. Чрезвычайно важно было переправить этот механизм в ваш мир. Как только вы ознакомитесь с нашими планами...

— Плевать мне на ваши планы! — обозлился я.— Вы меня обманули и сами в этом признаетесь. Хорош способ завязывать отношения с другим народом!

— Мы крайне об этом сожалеем. Не о том, что именно сделано, но о том, как сделано. Если мы можем быть чем-либо полезны...

— Очень даже можете. Первым делом прекратите это жульничество с деньгами на кустах.

— Но это же вознаграждение! Мы ведь говорили, что вернем вам полторы тысячи долларов. Мы обещали, что вы получите не полторы тысячи, а гораздо больше...

— Вы когда-нибудь просили ваших чтецов читать вам книги по экономике?

— Ну разумеется!

— И вы что же, сами долгое время наблюдали за тем, как строится наша экономика?

— В меру своих сил. Иногда понять очень трудно.

— Конечно, вам известно, что деньги не растут на кустах.

— Нет, ничего такого нам не известно. Мы только знаем, как они делаются. Но какая разница? Деньги есть деньги, откуда бы они ни исходили,— разве не так?

— Вы глубоко ошибаетесь,— сказал я.— Вам следует получше ознакомиться с этим вопросом.

— Разве наши деньги не годятся?

— Ни черта не стоят ваши деньги.

— Надеемся, что мы никому не причинили вреда,— удрученно промолвили Цветы.

— Деньги — это не так важно,— сказал я.— Есть вещи поважнее. Вы отрезали нас от окружающего мира, а у нас тут есть больные. И на весь город только один врач, несчастный старик, не бог весть какой мастер своего дела. Сейчас он и сам заболел, а другие врачи по вашей милости не могут к нам попасть.

— Вам нужен распорядитель.

— Нам нужно избавиться от барьера, чтобы мы могли, если надо, выбраться из Милвилла, а приезжие могли попасть к нам. Иначе неизбежно умрут люди, которых ничего не стоит спасти.

— Мы пришлем распорядителя,— был ответ.— Сейчас же пришлем. Величайшего знатока. Самого опытного, самого лучшего.

— Насчет распорядителя не знаю. Но нам нужна помощь, да поскорее.

— Мы сделаем все, что в наших силах,— пообещали Цветы.

Голос умолк, в трубке все заглохло. И вдруг я спохватился, что не спросил о самом главном: для чего им понадобилось перебросить к нам «машину времени»?

Я постучал по рычагу. Положил трубку, снова снял. Стал кричать, звать — все без толку.

Оттолкнув аппарат, я растерянно остановился среди комнаты. Безнадежно, ничего тут не добьешься.

Столько лет они нас изучали — и все равно не понимают ни нас самих, ни того, как устроено наше общество. Они до сих пор не поняли, что деньги — не просто клочок бумаги, а символ. Они даже не задумывались над тем, что может случиться с городом, начисто отрезанным от мира.

Они меня обманули, воспользовались мною как слепым орудием, а им следовало бы знать, что никакая иная обида не вызывает такой злости и досады, как обман. Они должны бы это знать, но не знали, а может, и знали, да отмахнулись как от мелочи, от пустяка — и это еще хуже!

Я вышел из кабинета в прихожую. И не успел сделать нескольких шагов, как парадная дверь отворилась и вошла Нэнси.

Я остановился у лестницы, ведущей на второй этаж, минуту мы стояли и смотрели друг на друга и не знали, что сказать.

— Мне надо было позвонить по тому телефону,— выговорил я наконец.

Нэнси кивнула.

— Еще я хотел сказать... мне очень неприятно из-за этой драки с Хайрамом.

— Мне тоже.— Она то ли не поняла меня, то ли притворилась, будто не понимает.— Но, мне кажется, ты не мог иначе.

— Он запустил в меня телефоном.

Но, конечно, суть не в телефоне, не только в телефоне. Сколько раз так бывало и раньше, до всяких телефонов.

— Помнишь, в тот вечер ты сказала, что мы выберем время и съездим куда-нибудь — выпьем, поужинаем. Видно, придется с этим подождать. Сейчас из Милвилла никуда не выберешься.

— Да, тогда мы бы начали все сначала.

Я молча кивнул, худо было у меня на душе.

— Я собиралась одеться понаряднее,— продолжала Нэнси,— и мы бы повеселились вовсю.

— Как будто мы опять школьники,— сказал я.

— Брэд...

— Да?

Я шагнул к ней. И вдруг она очутилась в моих объятиях.

— Можно обойтись без выпивки и без ужина,— сказала она.— Нам с тобой это ни к чему.

Да, правда, подумал я, нам это ни к чему.

Я наклонился и поцеловал ее, и обнял крепче, и во всем мире остались только мы двое. Не стало ни плененного, отрезанного городка, ни угрозы чуждого нашествия. Осталось одно, только одно важно: девушка, с которой мы когда-то ходили по улицам, взявшись за руки, и которая ничуть этого не стыдилась.

Глава 21

Распорядитель прибыл в тот же день — маленький, сухонький гуманоид, похожий на обезьянку, с живыми, блестящими глазами. С ним явился еще один гуманоид, совсем другого склада — огромный, несуразный и неуклюжий, хмурый, суровый, с лошадиной физиономией. Ни дать ни взять газетная карикатура на дипломата. Сухонький драпировался, точно в мантию, в какую-то бесформенную и не слишком чистую тряпку; на долговязом была набедренная повязка и что-то вроде жилета с огромными карманами, до отказа набитыми разной разностью.

Все население Милвилла загодя выстроилось на косогоре позади моего дома; бились об заклад, что никакой помощи нам не дождаться. Куда бы я ни двинулся, все переходили на шепот, а то и вовсе умолкали.

А потом появились эти двое — просто неведомо откуда возникли посреди сада.

Я спустился с холма и пошел к ним через сад. Они стояли и ждали, а позади меня, на косогоре, густая толпа затаила дыхание.

Когда я подошел ближе, великан шагнул мне навстречу, сухонький — за ним, чуть поотстав.

— Я недавно говорю по вашему языку,— сказал великан.— Когда непонятно, спрашивайте еще раз.

— Вы очень хорошо говорите,— заверил я.

— Вы — это мистер Картер?

— Совершенно верно. А вы?

— Мое название для вас непонятица,— серьезно сказал он.— Я так решаю, вы меня только зовите мистер Смит.

— Милости просим, мистер Смит,— сказал я.— Все мы вам очень рады. Вы и есть распорядитель, о котором мне говорили?

— Не я. Вот этот. Но у него нет названия, чтобы я вам сказал. Он не говорит звуками. Он слышит и отвечает просто мозгом. Он немножко странный.

— Телепат,— сказал я.

— Да, только понимайте меня верно. Он очень большой ум. И все умеет сразу, скоро. Видите, мы из разных миров. Есть много разных миров, много разных народов. Мы рады принять вас тоже.

— Вас послали к нам как переводчика?

— Переводчика? Не ухватываю значение. Я выучил ваши слова очень скоро от механизма. Имел немного времени. Не удалось поймать все слова.

— Переводчик — это значит, вы говорите за него. Он скажет вам, а вы — нам.

— Так, конечно. И тоже вы скажете мне, а я — ему. Но я переводчик — это не все. Я тоже дипломат, очень сильно обученный.

— То есть?

— Помогать переговорам с вашим народом. Всему помогать изо всех сил. Наверно, очень много объяснять. Делать всякую помощь, что вам нужно.

— Вы сказали, есть много разных миров и много разных народов. Это значит — длинная, непрерывная цепь миров и народов?

— Не в каждом мире есть народ. В некоторых никого нет. Совсем никого живого. В других мирах есть живые, но нет разумных. Еще в других прежде жили разумные, но теперь нет.— Он как-то странно повел рукой.— Это очень печально, что случается с разумной жизнью. Она сильно непрочная, она не может оставаться всегда.

— А разумные существа все — гуманоиды?

— Гуманоиды? — неуверенно переспросил великан.

— Ну, такие, как мы. Две руки, две ноги, голова?

— Больше всех гуманоиды,— подтвердил он.— Больше всех — как вы и я.

Сухонький вдруг забеспокоился и стал дергать моего собеседника за жилет. Великан обернулся и замер — воплощенное внимание. Потом вновь повернулся ко мне.

— Очень волнуется,— объяснил он.— Говорит, все здесь больные. Страдает большой жалостью. Никогда не видел столько ужасно больных.

— Да нет же! — воскликнул я.— Он ошибается, больные лежат у себя дома. Тут все здоровые.

— Это не может быть,— сказал мистер Смит.— Он горестно поражен. Может видеть внутри человека, видит — все плохо. Говорит, кто сейчас не больной, очень скоро сделается больной, говорит, внутри у многих болезнь пока спит, может проснуться, у других внутри мусор от прежних болезней, надо выбросить.

— А он может их подправить?

— Не подправить. Полная починка. Тело будет совсем как новое.

Между тем к нам потихоньку придвигался Хигги и за ним еще несколько человек. Большинство оставалось на косогоре, подальше от греха. И понемногу в толпе поднялся глухой говор. Сперва все онемели от изумления, но теперь языки развязались.

— Хигги,— позвал я,— познакомься с мистером Смитом.

— Смотри-ка! — удивился Хигги.— У них такие же имена, как у нас!

Он протянул руку, мистер Смит секунду смотрел на нее с недоумением, потом подал свою, и они обменялись рукопожатием.

— Тот, другой, не может говорить,— объяснил я.— Он телепат.

— Вот жалость! — посочувствовал Хигги.— А который из них врач?

— Маленький,— сказал я.— И еще неизвестно, можно ли назвать его врачом. Похоже, что он чинит людей, они у него получаются как новенькие.

— Ну,— заметил Хигги,— собственно, докторам так и полагается, только это у них не очень выходит.

— Он говорит, мы тут все как есть больные. И хочет всех нас привести в порядок.

— Что ж, очень хорошо,— одобрил Хигги.— Весьма любезно с его стороны. Можно в здании муниципалитета устроить клинику.

— Но ведь по-настоящему у нас больны только доктор Фабиан, Флойд и еще кое-кто. Он пришел лечить их, а не нас.

— Ну что ж, сперва сведем его к ним, пускай он их вылечит, а потом устроим клинику. Раз уж он здесь, мы все попользуемся.

— Если вы придете в соединение со всеми нами, вы можете получать такую услугу, как от него, в каждую надобную вам минуту,— вставил свое слово мистер Смит.

— Про какое соединение он толкует? — спросил Хигги.

— Это чтобы мы впустили на Землю пришельцев и присоединились к другим мирам, их много, и Цветы связали их между собой,— объяснил я.

— А что, в этом есть смысл,— сказал Хигги.— И, наверно, он ничего с нас не возьмет за услуги?

— Как это — возьмет? — спросил Смит.

— Ну — платы,— пояснил Хигги.— Звонкой монеты. Гонорара.

— Эти выражения не постигаю,— сказал Смит.— Но надо все делать скоро, у моего собрата есть пациенты и кроме. Он и коллеги имеют призвание обходить много миров.

— Значит, они — доктора и для других миров? — переспросил я.

— Вы ясно ухватили мое значение.

— Стало быть, время терять не приходится,— сказал Хигги.— Тогда займемся делом. Угодно вам обоим последовать за мной?

— Со рвением! — воскликнул Смит.

И гости вслед за Хигги стали подниматься в гору, потом зашагали по улице. Я побрел было следом за ними, но тут из моего дома с черного хода выбежал Джо Эванс.

— Брэд! — закричал он.— Тебе звонят из Госдепартамента! Меня вызывал Ньюком.

— Я сейчас нахожусь в Элморе,— сказал он, по своему обыкновению сухо и отрывисто.— Мы здесь вкратце передаем представителям печати то, что вы нам сообщили. Но они требуют встречи с вами, им, видите ли, непременно надо с вами говорить.

— Что ж, я не против. Пускай подойдут к барьеру.

— А я очень против,— с досадой сказал Ньюком,— но они так нажимают, что нет возможности отказать. Я вынужден дать согласие. Полагаюсь на вашу скромность.

— Сделаю, что могу,— сказал я.

— Хорошо. Воспрепятствовать не в моих силах. Через два часа. На том же месте, где мы тогда встречались.

— Ладно,— сказал я.— Надеюсь, я могу привести с собой приятеля?

— Можете,— разрешил Ньюком.— И ради всего святого, будьте поосторожнее!

Глава 22

С понятием пресс-конференции мистер Смит освоился очень легко. Я объяснил ему, в чем тут соль, по дороге к барьеру, где нас ждали журналисты.

— Значит, они — передатчики,— сказал он, еще раз проверяя, так ли понял.— Вы им нечто говорите, а они говорят другим. Переводчики, как я.

— Да, в этом роде.

— Но ваш народ говорит одинаково. Механизм учил меня одному языку только.

— Потому что вам больше и не надо. Но люди на Земле говорят на разных языках. Впрочем, газетчики нужны не поэтому. Понимаете, весь народ сразу не может собраться и выслушать то, что мы хотим сказать. Поэтому задача репортеров — распространять новости.

— Новости?

— То, что мы скажем. Или что скажет еще кто-нибудь. Их дело — сообщать обо всем, что происходит. Где бы что ни случилось, репортеры тут как тут — и сразу сообщают. Держат весь мир в курсе событий.

Смит чуть не пустился в пляс от восторга.

— Как прекрасно! — воскликнул он.

— Что ж тут прекрасного?

— Так изобретательно! Придумать все это! Таким способом один разумный говорит со всеми разумными. Все про него знают. Все слышат, что у него есть сказать.

Вот и барьер, по другую его сторону, на ближайшем клочке шоссе толпятся репортеры. Цепочка их тянется вправо и влево от полосы асфальта. Мы подходим, а фотографы и кинооператоры без передышки нас снимают.

Наконец мы у самого барьера, с той стороны сразу десятки голосов начинают что-то выкрикивать, но тотчас же кто-то наводит порядок, и тогда заговаривает один:

— Я Джадсон Барнс, от Ассошиэйтед Пресс. А вы, очевидно, Картер?

— Он самый.

— А кто этот джентльмен, ваш спутник?

— Его зовут Смит,— сказал я.

— Он, видно, прямо с маскарада? — поинтересовался кто-то другой.

— Нет, он — гуманоид с одного из смежных миров. Он будет помогать нам вести переговоры.

— Здравствуйте, сэры,— солидно и дружелюбно промолвил мистер Смит.

Из задних рядов кто-то выкрикнул:

— Нам тут не слышно!

— Есть микрофон,— сказал Барнс.— Вы не возражаете?

— Кидайте сюда,— сказал я.

Барнс бросил микрофон, я подхватил его на лету. Провод протянулся сквозь барьер. Со своего места я видел рупоры, установленные на обочине.

— Пожалуй, можно начинать,— сказал Барнс.— От властей мы, понятно, информацию получили, вам незачем повторять все, что вы им раньше рассказывали. Но есть кое-какие вопросы. И даже много вопросов.

Кверху взметнулась добрая дюжина рук.

— Давайте им слово по одному,— предложил Барнс.

Я кивнул долговязому сухопарому субъекту.

— Благодарю вас, сэр. Калеб Риверс, от «Канзас-Сити стар»,— представился он.— Насколько мы понимаем, вы сейчас выступаете от лица — как бы это выразиться? — от лица другого народа, от населения другого мира. Не могли бы вы точнее определить свое положение? Выступаете вы как их официальный представитель, или неофициальный оратор, или своего рода посредник? Этого нам пока никто не разъяснил.

— Я отнюдь не официальное лицо. Вы что-нибудь слыхали про моего отца?

— Да,— сказал Риверс,— нам говорили, что он нашел какие-то цветы и очень заботливо за ними ухаживал. Но согласитесь, мистер Картер, что это, мягко говоря, еще не делает вас пригодным для роли, которую вы сейчас играете.

— Ни для какой я роли непригоден. Скажу по совести, эти пришельцы вряд ли могли выбрать худшего представителя. Но тут есть два обстоятельства, с которыми волей-неволей надо считаться. Во-первых, кроме меня, никого нет под рукой, я — единственный человек, который побывал в том мире. Во-вторых, и это очень важно, они мыслят не так, как мы, они просто не могут думать по-нашему. То, что с их точки зрения разумно и логично, с нашей, может быть, просто глупо. И наоборот, наши самые блестящие рассуждения могут им показаться вздором.

— Понимаю,— сказал Риверс.— Но хотя вы откровенно признаете, что не годитесь на роль дипломата и посредника, вы все же за нее взялись. Не объясните ли нам, почему именно?

— У меня нет другого выхода. Положение таково, что надо попытаться поскорее установить хоть какое-то взаимопонимание между нами и тем народом. Не то начнется хаос, и тогда с ним уже не совладать.

— Что вы имеете в виду?

— Сейчас весь мир напуган,— сказал я.— Нужно как-то объяснить, что же происходит. Нет ничего хуже бессмысленных случайностей, беспричинных страхов, а покуда тот народ считает, что для взаимопонимания что-то делается, они, я думаю, оставят этот барьер как есть и ничего другого не предпримут. Сейчас они, по-моему, ничего нового не затевают. Я надеюсь, что положение хуже не станет, а тем временем, может, мы с ними до чего-нибудь и договоримся.

Мне махали руками другие репортеры, и я дал одному знак говорить.

— Фрэнк Робертс от «Вашингтон пост»,— представился он.— У меня вопрос относительно этих переговоров. Насколько я понял, чужаки хотят получить доступ в наш мир, а взамен предлагают нам пользоваться богатым запасом знаний, собранных ими за долгое время.

— Все правильно,— сказал я.

— Для чего им нужно, чтобы мы их к себе пустили?

— Я и сам не вполне понимаю. Видимо, только через нашу Землю они могут двигаться дальше, в другие миры. Похоже, что все эти смежные миры расположены в определенном порядке и надо идти подряд, перескакивать нельзя. Честно признаюсь, вся эта премудрость мне не по зубам. Сейчас можно сделать только одно: согласиться вести с ними переговоры.

— Кроме общего предложения вступить в переговоры вам не известны какие-либо конкретные условия?

— Нет. Может, какие-то условия и существуют. Но я их не знаю.

— Однако сейчас у вас есть... ну, скажем, советник. Нельзя ли задать вопрос непосредственно этому вашему мистеру Смиту?

— Вопрос? — встрепенулся Смит.— Принимаю ваш вопрос!

Он явно обрадовался, что и на него обратили внимание. Не без опаски я передал ему микрофон.

— Говорите прямо в эту штуку,— предупредил я его.

— Знаю. Я наблюдал.

— Вы отлично владеете нашим языком,— сказал ему корреспондент «Вашингтон пост».

— Немножко. Механизм учил меня.

— Можете вы что-нибудь прибавить относительно особых условий?

— Не ухватываю,— сказал Смит.

— Есть ли какие-то условия, на которых вы и все народы других миров будете настаивать, прежде чем прийти к соглашению с нами?

— Единственно только одно.

— Какое же?

— Проливаю свет. У вас есть явление, называется война. Очень плохо, конечно, но можно исправить. Рано или поздно народы вырастают из детства и перестают играть войной.

Он помолчал, обвел всех взглядом. Журналисты молча ждали. Наконец кто-то — не корреспондент «Вашингтон пост» — сказал:

— Да, конечно, в войне хорошего мало, но при чем тут...

— Сейчас отвечаю,— сказал Смит.— У вас очень много расщепительного... не отыскиваю слово...

— Расщепляющихся материалов,— подсказал кто-то.

— Совсем верно. Расщепляющиеся материалы. У вас их много. Так один раз было в одном другом мире. Когда мы пришли, уже ничего не осталось. Никого живого. Нигде совсем ничего. Было так печально. Всякая жизнь погублена и кончена. Мы опять устроили там жизнь, но об этом так печально думать. Не должно случиться здесь. Значит, мы необходимо настаиваем: такие расщепляющиеся материалы разделить далеко, в разных местах, в каждом месте немножко.

— Э, постойте-ка! — закричал кто-то из репортеров.— Вы требуете разделить расщепляющиеся материалы. Как я понимаю, вы хотите, чтобы мы рассредоточили запасы, разобрали бомбы и чтобы в одном месте могло храниться лишь самое ничтожное количество. Чтобы нельзя было собрать никакой бомбы, так, что ли?

— Вы очень скоро понимаете,— сказал Смит.

— А откуда вы узнаете, что материалы и вправду рассредоточены? Может какое-нибудь государство скажет, что оно выполнило ваше условие, а на самом деле все останется, как было? Почем знать? Как вы это проверите?

— Будем наблюдать.

— У вас есть способ как-то обнаружить расщепляющиеся материалы?

— Так, совсем правильно,— подтвердил Смит.

— Ну даже если вы будете знать... скажем так: вы обнаружили, что где-то остались большие количества, не рассредоточенные... и как вы поступите?

— Распустим их в воздух,— сказал Смит.— Очень громко обезвредим.

— Но...

— Мы назначаем окончательное время. Непременно в такой день все запасы разделить. Пришел такой день, и в некотором месте запасы все равно есть, тогда они авто... авто...

— ...автоматически.

— Спасибо, очень добрый. Это самое слово, никак не мог достать. Они автоматически взрываются в воздух.

Настало неловкое молчание. Я понимал, репортеры гадают: может, их провели, разыграли? Может, они просто попались на удочку ловкого мошенника в каком-то дурацком жилете?

— Уже наш механизм совсем точно показывает, где есть все запасы,— небрежно заметил Смит.

— Ах, черт меня подери! — охрипшим от волнения голосом выкрикнул кто-то.— Та летучая машинка времени!

И тут они как с цепи сорвались — наперегонки бросились к своим машинам. Никто нам больше слова не сказал, никто и не подумал с нами попрощаться: они спешили сообщить миру новость.

Ну вот и все, подумал я с горечью. Я был точно выжатый лимон.

Теперь пришельцы вольны нагрянуть к нам, когда им вздумается и как вздумается, человечество будет в восторге. Они не могли бы найти лучшего способа добиться своего — никакие доводы, уговоры, никакие посулы и приманки не принесли бы им такого быстрого и верного успеха. Эта новость вызовет бурю ликования во всем мире, миллионы людей потребуют, чтобы их правительства немедля согласились на это единственное выставленное пришельцами условие, и никто не станет слушать никаких здравых и трезвых советов.

Любое соглашение между нами и пришельцами, если это не пустые слова, а договор, который можно осуществить на деле, непременно должно бы строиться на практической, реальной основе, чтобы были какое-то равновесие и возможность проверки. Каждая сторона обязуется внести свой вклад — и твердо знает, что, нарушив обязательства, неминуемо должна будет понести определенное наказание. А теперь конец всякому равновесию и всякой проверке, дорога пришельцам открыта. Они предложили то единственное, чего жаждали народы,— не правительства, а именно народы, во всяком случае верили, что жаждут этого превыше всего на свете,— и, конечно, будут этого требовать, и ничем их не остановишь.

И все это обман. Меня обманом заставили пронести на Землю ту машинку, меня прижали к стене, так что поневоле пришлось просить о помощи,— и помощь явилась в лице этого самого Смита, по крайней мере он в ней участвует. И его сообщение о единственном условии пришельцев тоже едва ли не обман. Все это старо как мир. Люди ли, пришельцы ли — все одинаковы. Если чего захочется позарез — добывают правдами и неправдами, не стесняются, тут уж все средства хороши.

Где нам с ними тягаться. Они с самого начала умели нас перехитрить, а теперь мы и вовсе выпустили вожжи из рук, и на этом Земле — крышка.

Смит удивленно смотрит вслед убегающим репортерам:

— Что такое?

Будто не понимает. Ох, свернуть бы ему шею...

— Идем,— сказал я.— Отведу вас в муниципалитет. Ваш приятель сейчас там лечит людей.

— Но почему так бегут? Почему так кричат? Какая причина?

— Еще спрашивает! — сказал я.— Вы же сами заварили эту кашу!

Глава 23

Я вернулся домой — и застал там Нэнси, она ждала меня, сидя на крыльце. Она вся сжалась, затаилась, одна против всего мира. Я увидал ее издали и ускорил шаг. Никогда в жизни я так ей не радовался. Во мне все смешалось: и радость, и смирение, и такая нахлынула безмерная, еще ни разу не испытанная нежность, что я едва не задохнулся.

Бедная девочка! Нелегко ей. Дня не прошло, как она вернулась домой, и вдруг в ее родном доме, в том Милвилле, какой она помнила и любила, все полетело в тартарары.

Из сада, где, наверно, все еще росли на кустиках крохотные пятидесятидолларовые бумажки, донесся крик.

Я отворил калитку, услыхал этот яростный вопль да так и застыл.

Нэнси подняла голову и увидела меня.

— Это ничего, Брэд,— успокоила она.— Это просто Хайрам. Хигти велел ему сторожить деньги. А в сад все время лезут ребятишки, знаешь, мелюзга лет по восемь, по десять. Им только хочется сосчитать, сколько денег на каждом кусте. Они ничего плохого не делают. А Хайрам все равно их гоняет. Знаешь, иногда мне его жалко.

— Хайрама жалко? — изумился я. Вот уж не ждал: по-моему, можно пожалеть кого угодно, только не Хайрама.— Да он же просто болван и гад.

— Но этот болван и гад что-то хочет доказать всему свету, а что — и сам не знает.

— Что у него силы как у быка...

— Нет,— сказала Нэнси,— совсем не в том суть.

Из сада во весь дух выбежали два мальчугана и мигом скрылись в конце улицы. Хайрама не было видно. И вопли затихли. Он свое дело сделал: прогнал мальчишек.

Я сел на ступеньку рядом с Нэнси.

— Брэд,— сказала она,— все очень нехорошо. Все идет как-то не так.

Я только головой мотнул: конечно, она права.

— Я была в муниципалитете,— продолжала Нэнси.— Там это ужасное существо, эта сморщенная обезьяна всех лечит. Папа тоже там. Помогает. А я просто не могла оставаться. Это невыносимо.

— Ну что уж тут такого плохого? Этот... это существо — называй как хочешь — вылечило нашего дока Фабиана. Док опять на ногах, бодрый, будто заново родился. И у Флойда Колдуэлла больше не болит сердце, и...

Ее передернуло.

— Вот это и ужасно. Они все как будто заново родились. Стали крепче и здоровее, чем когда-либо. Он их не лечит, Брэд, он их чинит, как машины. Колдовство какое-то. Даже непристойно. Какой-то сухой, морщинистый карлик оглядывает людей, не говоря ни слова, просто обходит кругом и оглядывает со всех сторон, и совершенно ясно, что он их не снаружи осматривает, а заглядывает в самое нутро. Я это чувствую. Не знаю как, но чувствую. Как будто он залезает к нам внутрь и...— Она вдруг оборвала на полуслове.— Ты меня прости. Напрасно я так говорю. Это даже как-то не очень прилично.

— Вообще, наше положение не очень приличное,— сказал я.— Пожалуй, придется менять свои понятия о том, что прилично, а что неприлично. Пожалуй, очень многое придется менять и самим меняться. И это будет не слишком приятно.

— Ты говоришь так, как будто все уже решено.

— Боюсь, что так оно и есть.

И я повторил ей то, что Смит сказал репортерам. На душе немного полегчало. Больше я ни с кем не мог бы поделиться. Слишком угнетало ощущение собственной вины, всякому другому, кроме Нэнси, я постыдился бы хоть словом обмолвиться.

— Зато теперь не бывать войне,— сказала Нэнси.— Во всяком случае такой войне, какой все на свете боялись.

— Да, войне не бывать.— Меня это почему-то не очень утешало.— Но с нами может случиться что-нибудь еще похуже войны.

— Хуже войны ничего не может быть.

Ну конечно, так будут говорить все и каждый. Может быть, они и правы. Но теперь на нашу Землю явятся пришельцы, и, раз уж мы это допустили, мы в их власти. Они нас провели, и нам нечем защищаться. Цветам довольно к нам проникнуть — и они могут вытеснить, подменить собою все растения на всей Земле, а мы и знать ничего не будем, не в наших силах это обнаружить. Стоит их впустить — и мы уже никогда ничего не будем знать наверняка. А с той минуты, как они заменят наши растения, они наши хозяева и повелители. Ибо весь животный

мир на Земле, в том числе и человек, существует только благодаря земным растениям.

— Одного не пойму,— сказал я.— Ведь они могли всем завладеть и без нашего ведома. Немного времени, немного терпения — и они все равно захватили бы всю Землю, а мы бы ничего и не подозревали. Ведь некоторые уже попали в Милвилл, пустили здесь корни. Им не обязательно оставаться цветами. Они могут обратиться во что угодно. За сто лет они подменили бы собой каждую ветку и листок, каждую травинку...

— Может быть, тут важно время, какой-то срок,— сказала Нэнси.— Может быть, им почему-то нельзя ждать так долго.

Я покачал головой:

— Времени у них вдоволь. А захотят — так добудут еще, они умеют им управлять.

— Ну а если им что-то нужно от людей? Вдруг у нас есть что-то такое, чего им не хватает? Общество, состоящее из растений, само по себе ровно ничего не может. Они не передвигаются, и у них нет рук. Накопить бездну знаний — это они могут, и мыслить, и обдумывать, строить любые планы. А вот осуществить эти планы и замыслы им не под силу. Для этого им нужны товарищи и помощники.

— Помощники у них и сейчас есть,— напомнил я.— Сколько угодно. Кто-то смастерил же для них ту машинку — «машину времени». А доктор, похожий на обезьянку? А верзила Смит? Нет, помощников и сотрудников Цветам хватает. Тут кроется что-то другое.

— Может быть, жители тех миров — обезьянки, великаны — не то, что им нужно,— сказала Нэнси.— Может, они переходят из одного мира в другой потому, что ищут какое-то другое человечество. Самое подходящее для них. Ищут подходящих товарищей и сотрудников. Вдруг мы и есть самые подходящие.

— Наверно, все другие оказались недостаточно злыми и подлыми,— вырвалось у меня.— Возможно, они ищут злобное племя, племя убийц. А мы и есть убийцы. Может, им нужны такие, чтоб набрасывались как бешеные на новые миры и всюду несли разорение и гибель,— беспощадное племя, свирепое, ужасное. Ведь, если вдуматься, мы ужасны. Наверно, Цветы так и рассчитали, что, если они объединятся с нами, их уже никто и ничто не остановит. Вероятно, они правы. У них — богатейшие запасы знаний, могущественный разум, а у нас — понимание

физических законов, чутье ко всякой технике: если все это объединить, для них и для нас не останется ничего невозможного.

— А по-моему, совсем не в том дело. Что с тобой, Брэд? С самого начала мне казалось, что эти Цветы, на твой взгляд, не так уж плохи.

— Может, они и не плохи. Но они столько раз меня обманывали, и каждый раз я попадался на удочку. По их милости я — пешка, козел отпущения.

— Так вот что тебя точит.

— Я себя чувствую последним мерзавцем,— признался я.

Мы еще посидели молча. Улица лежала тихая, пустынная. За все время, пока мы сидели вот так, рядом, на крыльце, мимо ни разу никто не прошел.

— Не понимаю, как люди могут обращаться к этому чужому доктору,— вновь заговорила Нэнси.— Меня от одного его вида жуть берет. Кто его знает...

— Мало ли народа верит знахарям и шарлатанам,— сказал я.

— Но это не шарлатанство. Он и вправду вылечил доктора Фабиана и всех остальных. Я совсем не думаю, что он жулик, только он страшный, отвратительный.

— Может быть, мы ему тоже страшны и отвратительны.

— Тут еще другое. Слишком непривычно он действует. Никаких лекарств, инструментов, никакой терапии. Он просто смотрит на тебя, влезает в самое нутро — безо всякого зонда, но все равно ты это чувствуешь,— и пожалуйста, ты совершенно здоров... не просто вылечился от болезни, а вообще совершенно здоров. Но если он так легко справляется с нашим телом, как насчет духа? Вдруг он может перекроить и наши души, весь строй наших мыслей?

— Некоторым гражданам города Милвилла это было бы совсем не вредно. Хигги Моррису, например.

— Не шути этим, Брэд,— резко сказала Нэнси.

— Ладно. Не буду.

— Ты так говоришь, просто чтобы отогнать страх.

— А ты говоришь об этом так серьезно, потому что стараешься сделать вид, будто все очень просто и обыкновенно.

Нэнси кивнула.

— Только я зря стараюсь,— призналась она.— Совсем это все не просто и не обыкновенно.

Она поднялась.
— Проводи меня.
И я проводил ее до дому.

Глава 24

Когда стало смеркаться, я пошел к центру города. Сам не знаю, чего меня туда потянуло. Должно быть, просто я не находил себе места. Слишком большой и слишком пустой у меня дом — никогда еще он не был так пуст,— и слишком тихо все по соседству. Ни звука, лишь изредка, урывками, откуда-то донесется неестественно громкий, механически усиленный голос — то взволнованный, то наставительный. Во всем Милвилле наверняка нет такого дома, где не слушали бы сейчас последних известий по радио или по телевидению.

Но когда я включил было у себя в гостиной телевизор и попробовал смотреть и слушать, мне стало совсем невмоготу.

Комментатор — один из самых популярных — разглагольствовал с необычайным хладнокровием и уверенностью:

«...Никакой возможности проверить, действительно ли приспособление, которое сейчас вращается в нашем небе, в состоянии сыграть роль, для которой, как уверяет наш гость из другого мира, мистер Смит, оно предназначено. Оно многократно было замечено радарными установками и всякими наблюдательными пунктами, но, похоже, что по тем или иным причинам... они сразу же теряют его из виду; были также сообщения, и как будто вполне достоверные, о случаях визуального наблюдения. Но более точных и определенных сведений пока получить не удалось.

В Вашингтоне, очевидно, полагают, что неизвестному существу — а нам ничего не известно ни о его личности, ни о расовой принадлежности — едва ли можно просто поверить на слово. Видимо, сегодня в столице ждут дополнительных заявлений, исходя из которых, возможно будет прийти к более обоснованным выводам, и лишь после этого, вероятно, будет обнародовано какое-либо официальное сообщение. Такова, разумеется, версия для широкой публики: что делается за кулисами, можно только догадываться. И смело можно сказать, что то же самое происходит во всех столицах на всем земном шаре.

Совсем иное настроение царит вне правительственных сфер. Новость повсеместно вызвала бурю восторга. В Лондоне стихийно возникли манифестации, по улицам движутся веселые, праздничные шествия; Красная площадь в Москве заполнена шумной, ликующей толпой. Как только новость распространилась, во всех странах в церкви и храмы начал стекаться народ, спеша вознести благодарственные молитвы.

В народных массах не чувствуется ни малейших сомнений и колебаний. Как у нас, в Соединенных Штатах, так и в Англии, во Франции, да и во всем мире простые люди приняли странное заявление пришельцев за чистую монету. Потому ли, что человеку свойственно верить в то, во что хочется поверить, или по каким-то иным причинам, но факт остается фактом: недоверие, которым не далее как сегодня утром встретила новость широкая публика, рассеялось с поразительной быстротой.

По-видимому, общественное мнение отнюдь не склонно учитывать какие-либо привходящие обстоятельства и предполагаемые осложнения. Перед вестью о том, что отныне ядерная война невозможна, все остальное стало мелким и ничтожным. Это лишь показывает, в каком молчаливом, быть может подсознательном, но страшном и тягостном напряжении жило до сего дня человечество...»

Я выключил телевизор и пошел бродить по дому; быстро темнело, шаги мои непривычно гулко отдавались в пустынных комнатах.

Хорошо этому благодушному, самодовольному комментатору сидеть где-то там, за тысячу миль, в ярко освещенной студии и, по-актерски играя отлично поставленным голосом, неторопливо рассуждать о том, что происходит. Хорошо им всем, всем, кроме меня, даже здесь, в Милвилле, сидеть и слушать его рассуждения. А я не могу слушать... просто выдержать не могу.

Отчего я терзаюсь, виноват я, что ли? Может, и виноват, ведь не кто-нибудь, а я принес на Землю ту машинку, не кто-нибудь, а я привел Смита на пресс-конференцию у барьера. Я свалял дурака — ох, какого же я свалял дурака! — и мне чудится, что всему свету это известно.

А может, после разговора с Нэнси в глубине души у меня зреет уверенность, что есть какая-то малость, какой-то пустяк, случайность, неясное побуждение или мелкое обстоятельство, которое я прозевал, которое никому из нас не удается заметить и понять,— и если бы только уловить эту крупицу истины, все

разом станет просто и ясно и в надвигающейся перемене мы увидим некий смысл?

Я искал эту неизвестную величину, туза, который нежданно обернется козырным, неприметную малость, которую все мы проглядели и которая, однако, сулит последствия необычайной важности,— искал и не находил.

А может быть, я все-таки ошибаюсь. Может быть, ее и нет, этой спасительной неизвестной величины? Просто мы попали в капкан и обречены, и надеяться не на что.

Я вышел из дому и побрел по улице. Идти никуда не хочется, но надо: может, от ходьбы, от вечерней свежести прояснится голова.

За полквартала от дома я услыхал постукивание. Оно как будто приближалось, а вскоре я различил какой-то белый ореол, который словно бы подскакивал в такт этому мерному стуку. Я остановился и смотрел, не понимая, а постукиванье и вздрагивающий белый круг все приближались. Еще минута — и я понял: навстречу, в ореоле снежно-белых волос, шла миссис Тайлер, опираясь на неизменную палку.

— Добрый вечер, миссис Тайлер,— сказал я как мог тихо и ласково, чтоб не испугать старуху.

Она остановилась, повернулась ко мне.

— Это Брэдшоу, да? Я плохо вижу, но я узнала тебя по голосу.

— Да, это я. Поздно вы гуляете, миссис Тайлер.

— Я шла к тебе, да только прошла мимо твоего дома. Забывчива стала, вот и прошла мимо. А потом вспомнила и повернула обратно.

— Что я могу для вас сделать?

— Так ведь все говорят, ты видел Таппера. Даже погостил у него.

— Это верно,— признался я.

Меня даже в пот бросило, я со страхом ждал следующего вопроса.

Она придвинулась ближе, закинула голову, всмотрелась мне в лицо.

— А правда, что у него там хорошая служба?

— Да,— сказал я,— очень хорошая.

— И начальство ему доверяет?

— Да, так я понял. Я бы сказал, ему доверен немаловажный пост.

— Он что-нибудь говорил обо мне?

— Да,— солгал я.— Он про вас спрашивал. Сказал, что все хотел вам написать, да уж очень занят.

— Бедный мальчик, он всегда был не мастер писать. А выглядит он хорошо?

— Очень хорошо.

— Я понимаю, он на дипломатической службе. Кто бы подумал, что он станет дипломатом. По совести сказать, неспокойно мне за него было. И понапрасну беспокоилась, глупая старуха,— ведь правда?

— Да, конечно,— сказал я.— Он вполне преуспевает.

— А когда он собирается домой, не говорил?

— Пока не собирается. По-видимому, он очень занят.

— Ну что ж,— весело сказала миссис Тайлер,— теперь мне незачем его искать. Можно и отдохнуть. Не надо выбегать каждый час на улицу смотреть, не идет ли он.

Она повернулась и пошла было прочь.

— Миссис Тайлер,— сказал я,— позвольте, я вас провожу. Становится темно.

— Да что ты! — возразила она.— Зачем меня провожать? Я ничего не боюсь. Раз я знаю, что Тайлер жив и здоров и хорошо устроился, мне теперь ничего не страшно.

Я стоял и смотрел ей вслед, белый ореол ее волос мелькал в темноте, постукивала палка; длинной, извилистой тропой брела она в мире своих грез.

Что ж, так лучше. Хорошо, что она может из грубой реальности создать для себя что-то причудливое и отрадное.

Я стоял и смотрел ей вслед, пока она не скрылась за углом и стук палки не заглох в отдалении, потом повернулся и пошел в город.

В торговом квартале горели фонари, но огни в магазинах уже погасли — тревожный знак, ведь обычно почти все они торгуют до девяти. А сейчас даже «Веселая берлога» и кинотеатр — и те закрыты.

В муниципалитете горел свет, у входа слонялись несколько человек. Видно, прием больных подходил к концу. Любопытно, что думает обо всем этом доктор Фабиан. Уж наверно, старика возмущает и ужасает такое неслыханное врачевание, хоть оно его же первого исцелило.

Поглядел я, поглядел, засунул руки глубоко в карманы и поплелся по улице, сам не зная, куда и зачем. Что делать, куда

девать себя в такой вот вечер? Сидеть дома, уставясь на мерцающий экран телевизора? Уединиться с бутылкой и медленно, но верно напиваться? Отыскать приятеля или соседа, охочего до пустопорожних разговоров, и судить и рядить с ним все о том же, толочь воду в ступе? Или просто забиться в угол потемнее и покорно ждать, что будет дальше?

Я добрел до перекрестка; на улице, что уходила вправо, горел на тротуаре яркий прямоугольник: из какой-то витрины падал свет. Что за притча? А, понятно: это редакция нашей «Трибюн», должно быть, там сидит Джо Эванс и разговаривает по телефону; наверно, ему звонят из Ассошиэйтед Пресс или из «Нью-Йорк таймс» и других газет и требуют самых наиновейших новостей. У Джо сейчас хлопот по горло, мешать ему не надо, но, может, он не будет против, если я на минутку загляну.

Джо Эванс и впрямь говорил по телефону, он сгорбился за письменным столом, прижимая трубку к уху. Закрывая за собою дверь, я легонько стукнул ею. Эванс поднял голову и увидел меня.

— Одну минуту,— сказал он в трубку и протянул ее мне.

— Джо, что стряслось? — спросил я.

Потому что явно что-то стряслось. Лицо у Джо было ошеломленное, он уставился на меня расширенными, невидящими глазами. На лбу проступали капельки пота и скатывались до бровей.

— Это Элф,— еле выговорил он непослушными губами.

— Элф,— сказал я в трубку, все еще не сводя глаз с Джо.

Лицо у Джо такое, словно его только что ударили по голове чем-то большим и очень тяжелым.

— Брэд! — закричал Элф.— Брэд, это ты?

— Ну да, я.

— Где ж ты был? Я столько времени тебя разыскиваю. Звонил по телефону — никто не подходит...

— А что случилось, Элф? Ты, главное, не волнуйся.

— Ладно, постараюсь не волноваться. Постараюсь поспокойнее.

Очень мне не понравился его тон. Сразу слышно — человек здорово напуган и пытается подавить страх.

— Ну, рассказывай,— поторопил я.

— Насилу добрался до Элмора. Дороги забиты — жуть! Ты сроду такого не видал, что тут творится на дорогах. Всюду военные патрули, заставы...

— Но ты все-таки добрался. Ты мне и раньше говорил, что едешь в Элмор.

— Ну да, все-таки добрался. По радио услыхал про ту делегацию, которая ездила разговаривать с тобой,— сенатор, генерал и прочие. А когда попал в Элмор, слышу, они остановились в этой... как ее, черт... в «Кукурузе», что ли... забыл, как называется. В общем, я подумал — не мешает им знать, что делается у нас в штате Миссисипи. Может, тогда они лучше разберутся, что к чему. И пошел в эту самую гостиницу, к сенатору... думал, сумею с ним поговорить. А там сумасшедший дом. Народу кругом — не протолкнешься, полиция сбилась с ног, старается навести порядок. Репортеров — туча, кто с блокнотом, кто с микрофоном, кто с телекамерой... в общем, к сенатору я так и не пробился. Но с одним человеком я все-таки поговорил. В газетах были фотографии, и я его узнал. Дэйвенпорт его фамилия.

— Биолог,— сказал я.

— Ну да. Ученый. Я припер его к стенке и объясняю — мне, мол, непременно надо видеть сенатора. Толку от него было чуть. По-моему, он даже не слыхал, что я ему говорил. Смотрю, он какой-то перевернутый, белый как полотно и пот с него ручьями. Может, вам нездоровится, спрашиваю, может, я могу вам чем-нибудь помочь? Тут он мне все выложил. Наверно, у него просто с языка сорвалось. Может, он после и пожалел, что проболтался. Но он был до черта зол, вот и не стерпел, в ту минуту ему было на все наплевать. Понимаешь, он был прямо вне себя. В жизни я такого не видал. Вцепился в меня, держит за отвороты пиджака, придвинулся нос к носу, спешит, захлебывается словами, чуть ли не пена изо рта. Если б его совсем не перевернуло, он бы нипочем не стал так разговаривать, не такой он человек...

— Ну что ты тянешь! — взмолился я.— Объясни толком!

— Да, я забыл сказать: тут как раз объявили про летающее блюдце, которое ты с собой приволок. Радио только о том и трещит. Как эта штука выслеживает запасы урана и прочего. Ну вот, я стал говорить этому биологу, для чего мне надо повидать сенатора и про лабораторию в Гринбрайере. Вот тут-то он и вцепился в меня, чтоб я не удрал, и давай выкладывать. Мол, это условие, которое выставили пришельцы, чтоб мы раскидали ядерные запасы,— это гроб, хуже некуда. Мол, Пентагон решил, что эти пришельцы нам угрожают и надо их остановить.

— Элф...— пролепетал я.

У меня подкосились ноги, я уже понимал что будет дальше.

— Мол, надо их остановить, пока они не захватили большей территории, а для этого есть только одно средство — сбросить на Милвилл водородную бомбу.

Элф задохнулся и умолк.

Я молчал. Просто не мог выговорить ни слова, будто меня расшиб паралич. Мне вспомнилось, какое лицо было у генерала во время нашего разговора нынче утром и как сенатор сказал мне: «Мы вынуждены на вас положиться, друг мой. Мы в ваших руках».

— Брэд! — с тревогой позвал Элф.— Алло, Брэд! Ты слушаешь?

— Да,— сказал я,— слушаю.

— Дэйвенпорт сказал — как бы из-за этого нового способа выслеживать ядерные запасы военная братия не кинулась нажимать кнопки... мол, они сообразят только, что надо действовать поскорей, а то никакого оружия не останется. Он сказал — это все равно как идет человек с ружьем в руках, а навстречу дикий зверь. Без крайности убивать зверя неохота, а может, зверь еще вильнет в сторону и стрелять не придется. Ну а допустим, человек знает, что через две минуты останется без ружья: оно рассыплется, пропадет, мало ли... тогда волей-неволей пойдешь на риск и выстрелишь, пока ружье еще не пропало. Придется убить зверя, пока ружье еще у тебя в руках.

— Значит, теперь Милвилл и есть дикий зверь,— сказал я ровным голосом, я и не думал, что сумею говорить так спокойно.

— Не Милвилл, Брэд. Просто...

— Ну конечно, не Милвилл. Ты это скажи людям, когда на них сбросят бомбу.

— Этот Дэйвенпорт прямо не в себе. Он не имел права мне ничего говорить...

— А по-твоему, он точно все знает? Утром они с генералом крепко поспорили.

— По-моему, он знает куда больше, чем успел мне сказать. Он говорил минуты две, а потом прикусил язык. Видно, спохватился, что не имеет права болтать. Но он вот на чем помешался. Он думает, военных может остановить только одно: гласность. Общественное мнение. Мол, если про этот их план

узнает много народу, поднимется такая буря, что они не посмеют ничего сделать. Во-первых, люди возмутятся: это же гнусное, хладнокровное убийство, а главное, все рады пришельцам — тут кому угодно обрадуешься, лишь бы они покончили с этой проклятой бомбой. Ну и твой биолог хочет раскрыть секрет. Он так прямо не сказал, но, видно, он о том и хлопочет. Я уверен, он подкинет эту новость кому-нибудь из газетчиков.

У меня все перевернулось внутри, задрожали колени. Я прижался покрепче к столу, чтоб не упасть.

— Это безумие, весь Милвилл сорвется с цепи. Я же утром просил генерала...

— Как — просил генерала! Черт подери, неужели ты знал?!

— Конечно знал. То есть не знал, что они на это пойдут. Просто — что есть у них такая мысль.

— И ты никому ни слова не сказал?!

— А кому говорить? Чего бы я добился? И потом, это ж не было твердо решено. Так, предположение... на самый крайний случай. Погубить триста человек, зато спасти три миллиарда...

— А ты сам?! И все твои друзья?!

— Ну а что было делать, Элф? Что бы ты сделал на моем месте? Раззвонил бы по всему Милвиллу — и чтоб все посходили с ума?

— Не знаю,— сказал Элф.— Сам не знаю, что бы я сделал.

— Слушай, Элф, а сенатор сейчас где? В гостинице?

— Думаю, там. Ты хочешь ему позвонить, Брэд?

— Не знаю, будет ли толк. Но, может, стоит попробовать.

— Тогда я кладу трубку. Вот что, Брэд...

— Да?

— Счастливо тебе... То есть... о черт! Просто — желаю успеха!

— Спасибо, Элф.

В трубке щелкнуло — он дал отбой, теперь я слышал только гудение. У меня так затряслись руки, что я и не пытался опустить трубку на рычаг, осторожно положил ее прямо на стол.

Джо Эванс смотрел на меня в упор.

— Так ты знал,— сказал он.— Все время знал.

Я покачал головой:

— Что они на это пойдут — не знал. Генерал обмолвился об этом как о последнем средстве, на самый крайний случай. И Дэйвенпорт на него накинулся...

Я не договорил, я уже и не помнил, что хотел сказать. Слова теряли всякий смысл. Джо все не сводил с меня глаз. И вдруг меня взорвало.

— Не мог я никому сказать, черт возьми! — заорал я.— Я попросил генерала, если уж ему придется на это пойти, так чтоб без предупреждения. Чтоб нам ничего не знать заранее. Просто вспышка — и все, мы бы, наверно, ее и не увидели. Ну, погибли бы, но одна смерть куда ни шло. А так умираешь тысячу раз...

Джо взялся за телефон.

— Попробую дозвониться до сенатора,— сказал он.

Я сел.

Пусто внутри. Точно меня выпотрошили. Джо говорит по телефону, а я не разбираю слов, будто на несколько минут создал отдельный крохотный мирок для себя одного (видно, в обычном мире, среди людей, мне уже нет места) и укрылся в нем, как укрываешься с головой одеялом.

Худо мне, тошно, и зол я, и мысли путаются.

...Джо мне что-то говорил, а я даже не замечал этого, только под самый конец спохватился:

— Что? Что такое?

— Я заказал междугородный разговор. Нас соединят.

Я кивнул.

— Я объяснил, что дело очень важное.

— Не знаю...— сказал я.

— То есть как? Конечно же, это...

— Не знаю, что тут может поправить сенатор. Не знаю, что изменится, если мы с ним и поговорим — я, ты, кто угодно.

— Сенатор Гиббс — человек влиятельный,— сказал Джо.— И он очень любит это доказывать.

Некоторое время мы сидели молча и ждали звонка. Что скажет сенатор? Что он знает о нашей судьбе?

— А как быть, если никто за нас не вступится? Если никто не станет за нас драться? — вновь заговорил Джо.

— Ну а что мы можем? Бежать — и то нельзя. Никуда не денешься. Сиди и жди, пока в тебя трахнут,— очень удобная мишень.

— Когда в Милвилле узнают...

— Узнают из «Последних известий», как только это просочится. Если просочится. Телевидение и радио мигом сообщат, а все милвиллцы прилипли к приемникам.

— Может, кто-нибудь нажмет на Дэйвенпорта и заставит его прикусить язык.

Я покачал головой.

— Утром он был зол как черт. Так и накинулся на генерала.

А кто из них был прав? Да разве за такой короткий срок разберешься, кто прав, а кто нет?

Издавна люди воевали с вредными жучками и саранчой, со всевозможными врагами урожая, со всякими сорняками. Воевали, как могли. Истребляли и уничтожали, как могли. Приходилось всегда быть настороже, чуть зазевайся — и сорные травы тебя одолеют. Разрастутся в каждом углу, под заборами, среди живых изгородей, на пустырях. Они нигде не пропадут. В засуху гибнут злаки, чахнет кукуруза, а сорные травы, упорные и выносливые, знай растут и зеленеют.

И вот появляется новая вредоносная трава, выходец из иного времени; быть может, она способна не только заглушить, вытеснить пшеницу с кукурузой, но и уничтожить человечество. Если так, остается одно: воевать с нею, бороться всеми средствами, как с любым зловредным сорняком.

Ну а если это не простой сорняк, а особенный, на редкость живучий? Если он отлично изучил и людей, и растения — и эти познания и способность приспосабливаться к любым условиям помогают ему выжить, как бы ожесточенно ни боролись с ним люди? Если ничем другим не возьмешь, кроме высокой радиоактивности?

Ведь именно так решена была задача, поставленная в той странной лаборатории в штате Миссисипи.

И если задача решается так, Цветы могут сделать только один, самый простой вывод. Избавиться от угрозы радиации. А попутно завоевать благодарность и любовь человечества.

Допустим, все так и есть. Тогда прав Пентагон.

Раздался звонок. Джо снял трубку, протянул мне.

Язык не слушался, губы одеревенели. С трудом я выталкивал из себя жесткие, отрывочные слова:

— Алло. Слушаю. Это сенатор?

— Да.

— Говорит Брэдшоу Карте́р. Из Милвилла. Мы сегодня утром разговаривали. У барьера.

— Ну конечно, я помню, мистер Картер. Чем могу быть вам полезен?

— Дошел слух...

— Распространилось множество разных слухов, Картер, до меня тоже их доходит немало.

— ...что на Милвилл сбросят бомбу. Сегодня утром генерал Биллингс сказал...

— Да,— не в меру спокойным тоном произнес сенатор,— я тоже это слышал и был весьма встревожен. Но никаких подтверждений не последовало. Это всего лишь слухи.

— Попробуйте стать на мое место, сенатор. Вам неприятно это слышать — и только. А нас это кровно касается.

— Понимаю,— сказал сенатор.

Я так и слышал, как он мысленно спорит сам с собой.

— Скажите мне правду,— настаивал я.— Решается наша судьба.

— Да, да,— сказал сенатор.— Вы имеете право знать. Этого я не отрицаю.

— Так что же происходит?

— Достоверно известно только одно. Между атомными державами ведутся совещания на самом высоком уровне. Это условие пришельцев, знаете, для всех — гром среди ясного неба. Разумеется, совещания эти совершенно секретные. И вы, конечно, понимаете...

— Ну ясно,— сказал я.— Обещаю вам...

— Да нет, не о том речь. Еще до утра газеты наверняка что-нибудь пронюхают. Но мне все это очень не нравится. Похоже, что там пытаются прийти к какому-то соглашению. Учитывая настроения широких масс, я весьма опасаюсь...

— Ох, пожалуйста, сенатор, только без политики!

— Прошу извинить. Я не то имел в виду. Не стану от вас скрывать, я крайне обеспокоен. Я стараюсь собрать самые достоверные сведения.

— Значит, положение критическое.

— Если этот барьер сдвинется еще хотя бы на фут или случится еще что-либо непредвиденное, не исключено, что мы предпримем какие-то шаги в одностороннем порядке. Военные всегда могут заявить, что они действовали в интересах всего человечества, спасали мир от вторжения чуждых сил. Они могут также заявить, что располагают сведениями, которых больше ни у кого нет. Могут объявить эти сведения совершенно секретными и откажутся их огласить. Опубликуют какую-нибудь под-

ходящую версию, а когда дело будет сделано, преспокойно подождут, пока пройдет время и все уляжется. Конечно, скандал будет страшный, но они это перенесут.

— А вы сами что думаете? Чья возьмет?

— Понятия не имею! — сказал сенатор.— Мне не хватает фактов. Я не знаю, что думают в Пентагоне. Не знаю, какие факты есть у них. Не знаю, что представители Генерального штаба сказали президенту. Совершенно неизвестно, как поведут себя Англия, Россия, Франция.

На минуту в трубке стало тихо и пусто. Потом сенатор спросил:

— Не можете ли вы там, в Милвилле, со своей стороны что-либо предпринять?

— Можем обратиться с воззванием,— сказал я.— Ко всем, широко. Через газеты, по радио...

Мне показалось — я вижу, как он качает головой.

— Это не поможет,— сказал он.— Ведь никому неизвестно, что происходит у вас, за барьером. Может быть, вы попали под влияние пришельцев. И, спасая себя, готовы погубить все человечество. Конечно, газеты и радио ухватятся за ваше воззвание, поднимут шум, раздуют сенсацию. Но это ни в какой мере не повлияет на решение официальных кругов. Только взбудоражит людей, повсюду в народе еще сильней разгорятся страсти. А волнений сейчас и без того хватает. Нам нужно другое: какие-то бесспорные факты и хоть капля здравого смысла.

Он попросту боится, что мы спутаем все карты, вот в чем суть. Хотят, чтоб все было шито-крыто.

— И притом нет достаточно веских доказательств...— продолжал сенатор.

— А вот Дэйвенпорт думает, что есть.

— Вы говорили с Дэйвенпортом?

— Нет, не говорил,— со спокойной совестью ответил я.

— Дэйвенпорт в таких вещах не разбирается. Он — ученый, привык к уединению, вне стен своей лаборатории он теряется...

— А мне он понравился. По-моему, у него и голова, и сердце на месте.

Эх, зря я это сказал: мало того что сенатор напуган, теперь я его еще и смутил.

— Я дам вам знать,— сказал он довольно холодно.— Как только сам что-либо узнаю, извещу вас или Джералда. Я сделаю

все, что в моих силах. Думаю, что вам не о чем тревожиться. Главное — старайтесь, чтобы барьер не сдвинулся с места, главное — сохраняйте спокойствие. Больше вам ни о чем не надо заботиться.

— Ну еще бы, сенатор,— сказал я.

Мне стало очень противно.

— Спасибо, что позвонили. Я буду поддерживать с вами связь.

— До свидания, сенатор.

И я положил трубку. Джо смотрел вопросительно. Я покачал головой.

— Ничего он не знает и говорить не хочет. Я так понимаю, ничего он и не может. Не в его власти нам помочь.

По тротуару простучали шаги, и тотчас дверь распахнулась. Я обернулся — на пороге стоял Хигги Моррис.

Надо же, чтобы в такую минуту нелегкая принесла именно его!

Он поглядел мне в лицо, перевел глаза на Джо и снова на меня.

— Что это с вами, ребята?

Я в упор смотрел на него. Хоть бы он убрался отсюда! Да нет, не уйдет...

— Надо ему сказать, Брэд,— услышал я голос Джо.

— Валяй, говори.

Хигги не шелохнулся. Он так и остался у двери и слушал. Джо рассказывает, а Хигги стоит истукан истуканом, глаза остекленели. Ни разу не пошевелился, не перебил ни словом.

Наступило долгое молчание. Потом Хигги спросил:

— Как ты считаешь, Брэд, могут они учинить над нами такое?

— Могут. Они все могут. Если барьер опять двинется с места. Если еще что-нибудь стрясется.

Тут его как пружиной подбросило:

— Так какого черта мы тут торчим? Надо скорее копать!

— Копать?

— Ну да. Бомбоубежище. Рабочей силы у нас сколько угодно. В городе полно народу и все слоняются без дела. Поставим всех на работу. В депо у вокзала есть экскаватор и всякий дорожный инструмент, по Милвиллу раскидано десятка полтора грузовиков. Я назначу комиссию, и мы... послушайте, ребята, да что это с вами?

— Хигги, ты просто не понял,— почти ласково сказал Джо.— Это ведь не какие-нибудь радиоактивные осадки выпадут. Бомбу влепят прямо в нас. Тут никакое убежище не спасет. Такое, чтоб спасло, и за сто лет не построить.

— Надо попробовать,— долбил свое Моррис.

— Нам не зарыться так глубоко и не построить так прочно, чтоб это убежище выдержало прямое попадание,— сказал я.— А если даже и удалось бы, ведь нужен кислород...

— Надо же что-то делать! — заорал Хигги.— Неужели просто сидеть сложа руки? Кой черт, нас же всех убьет!

— Да, брат, плохо твое дело,— сказал я.

— Слушай, ты...— начал Хигги.

— Хватит! — крикнул Джо.— Хватит вам! Может, вы и опротивели друг другу, но действовать надо всем вместе. Выпутаться можно. У нас и правда есть убежище.

Я вытаращил глаза — и тут же понял, куда он гнет.

— Нет! — закричал я.— Так нельзя. Пока нельзя. Как же ты не понимаешь? Тогда мы загубим всякую надежду на переговоры. Нельзя, чтобы они узнали.

— Ставлю десять против одного, что они уже знают,— сказал Джо.

— Ничего не понимаю! — взмолился Хигги.— Какое у нас убежище, откуда?

— Другой мир,— объяснил Джо Эванс.— Смежный мир, тот самый, где побывал Брэд. В крайнем случае мы перейдем туда. Они о нас позаботятся, они нас не выгонят. Будут выращивать для нас еду, найдется распорядитель — приглядит, чтоб мы не болели, и...

— Ты кое о чем забываешь,— перебил я.— Мы не знаем, как туда попасть. Было одно такое место в саду, но теперь там все переменилось. Цветов больше нет, одни долларовые кустики.

— Пускай распорядитель и Смит нам покажут. Они-то уж наверняка знают дорогу.

— Их уже нету,— сказал Хигги.— Они ушли к себе. Больных никого не осталось, и тогда они сказали, что им пора, а если нам понадобится, они опять придут. Я их отвез к твоему дому, Брэд, и они живо отыскали дверь или как это там называется. Просто пошли в сад, раз — и исчезли.

— А ты найдешь это место? — спросил Джо.

— Да, пожалуй. Я примерно знаю, где это.

— Стало быть, надо будет, так найдем,— вслух соображал Джо.— Составим цепь, да поплотнее, плечом к плечу, и двинемся через сад.

— Думаешь, это так просто? — сказал я.— Может, там не всегда открыто.

— Как так?

— Если б этот ход все время был открыт, у нас бы за последние десять лет куча народу без вести пропала,— стал объяснять я.— Там и детишки играют, и взрослые ходят напрямик, кому надо поскорее. Я всегда той дорогой хожу к доктору Фабиану, и не я один, там многие топают взад и вперед. Кто-нибудь уж как пить дать проскочил бы в эту дверь, если б она всегда была открыта.

— Ну ладно, тогда давайте им позвоним,— предложил Хигги.— Возьмем один из этих телефонов...

— Нет,— сказал я.— Просить у них помощи — это только на самый крайний случай. Ведь обратного пути, скорее всего, не будет, мы отколемся от человечества — и конец.

— Все лучше, чем помирать,— сказал Хигги.

— Не надо кидаться очертя голову,— продолжал я уговаривать их обоих.— Пусть люди сперва сами все обдумают и сообразят. Может, еще ничего и не случится. Нельзя же просить у чужих убежища, покуда мы не знаем точно, что другого выхода нет. Еще есть надежда, что люди и Цветы сумеют договориться. Я знаю, сейчас все это выглядит довольно мрачно, но, если останется малейшая возможность, человечеству никак нельзя отказываться от переговоров.

— Какие уж там переговоры, Брэд,— сказал Джо.— Я думаю, эти чужаки никогда всерьез и не собирались с нами договариваться.

— А все из-за твоего отца,— вдруг заявил Хигги.— Если б не он, ничего бы этого не случилось.

Я чуть было не вспылил, но сдержался.

— Все равно случилось бы. Не в Милвилле, так где-нибудь еще. Не сейчас, так немного погодя.

— В том-то и соль! — обозлился Хигги.— Уж случилось бы, так не у нас, в Милвилле, а где-нибудь в другом месте.

Отвечать было нечего. То есть, конечно, я мог бы ответить, но такого ответа Хигги Моррису не понять.

— И вот что, Брэд Картер,— продолжал он.— Мой тебе добрый совет: гляди в оба. Хайрам так и рвется свернуть тебе шею. Думаешь, ты задал ему трепку, так это к лучшему? Совсем наоборот. И в Милвилле хватает горячих голов, которые с ним заодно. Во всем, что у нас тут стряслось, виноваты вы с отцом, вот как они считают.

— Послушай, Хигги,— вступился Джо.— Никто не имеет права...

— Знаю, что не имеет,— оборвал Хигги.— Но так уж люди настроены. Я постараюсь и впредь блюсти закон и порядок, но ручаться теперь ни за что не могу.

Он опять повернулся ко мне:

— Моли Бога, чтоб эта заваруха улеглась, да поскорее. А если не уляжется, заройся поглубже в какую-нибудь нору и даже носу не высовывай.

— Слушай, ты...

Я кинулся к нему с кулаками, но Джо выскочил из-за стола, перехватил меня и оттолкнул.

— Бросьте вы! — гневно крикнул он.— Мало у нас других забот, надо еще вам сцепиться.

— Если слух про бомбу дойдет до наших, я за твою шкуру гроша ломаного не дам,— злобно сказал Хигги.— Без тебя тут не обошлось. Люди живо смекнут...

Джо ухватил его и отшвырнул к стене.

— Заткнись, не то я сам заткну тебе глотку!

Он помахал перед носом у Хигги кулаком, и Хигги заткнулся.

— Ладно, Джо,— сказал я,— закон и порядок ты восстановил, все чинно-благородно, так что я тебе больше не нужен. Я пошел.

— Постой, Брэд,— сказал Джо сквозь зубы.— Одну минуту...

Но я вышел и хлопнул дверью.

Уже совсем смеркалось, улица опустела. Окна муниципалитета еще светились, но у входа не осталось ни души.

Может, напрасно я ушел? Может, надо было остаться хотя бы затем, чтоб помочь Эвансу урезонить Хигги, как бы тот не наломал дров.

Но нет, что толку? Если бы я и мог что-то присоветовать (а что советовать? в голове хоть шаром покати), ко всему отнесутся с подозрением. Видно, теперь уж мне никакого доверия

не будет. Хайрам с Томом Престоном, конечно, целый день без роздыха внушали милвиллцам — дескать, во всем виноват Брэдшоу Картер и давайте с ним поквитаемся.

Я свернул с главной улицы к дому. Все вокруг тихо и мирно. Набегает летний ветерок, покачиваются подвешенные на длинных кронштейнах уличные фонари, и от этого на перекрестках и на газонах вздрагивают косые тени. В комнатах жарко и душно — окна всюду распахнуты настежь; мягко светятся огни, урывками доносится бормотание телевизора или радиоприемника.

Тишь да гладь — но под нею таится страх, ненависть, животный ужас; довольно одного слова, неосторожного шага — и все это вырвется наружу, и начнется всеобщее буйное помешательство.

Жгучая обида и негодование мучит всех: почему мы, только мы одни заперты в загоне, точно бессловесная скотина, когда все на свете свободны и живут, как хотят? Возмутительно, несправедливо, бесконечно несправедливо: почему загнали, заперли, обездолили не кого-то другого, а нас? Пожалуй, еще и тревожно, неприятно ощущать, что все на нас глазеют, только о нас и говорят, будто мы и не люди вовсе, а какие-то чудища, уроды. И еще, пожалуй, всех точит стыд и страх: а вдруг весь мир вообразит, что мы сами повинны в своей беде, что это плоды одичания и вырождения или кара за какие-то грехи?

Не диво, если, влипнув в такую историю, люди жадно ухватятся за любое объяснение, лишь бы восстановить свое доброе имя, вновь подняться не только в собственных глазах, но и в глазах всего человечества, и в глазах пришельцев; не диво, если они поверят чему угодно, и хорошему и плохому, любым слухам и сплетням, самой несусветной нелепице, лишь бы все окрасилось в ясные и определенные цвета: вот черное, а вот белое (хоть в душе каждый знает — все сплошь серо!). Ведь там, где есть белое и черное, там найдешь желанную простоту, тогда все легче понять и со всем удобнее примириться.

И нельзя их в этом винить. Они не готовы были к тому, что случилось, оно им не по плечу. Долгие-долгие годы они существовали скромно и неприметно, в тихой заводи, вдалеке от широкого русла, где неслась и бурлила жизнь большого мира. Крохотные событьица милвиллского житья-бытья непомерно разрастались в их глазах, становились историческими вехами: кто же не помнит, как сумасбродный мальчишка, младший из

Джонсонов, врезался на ветхом семейном «фордике» в дерево на улице Вязов? Или тот день, когда вызывали пожарную команду, чтоб снять кошку мамаши Джоунс с крыши пресвитерианской церкви (никто и по сей день не понимает, как угораздило кошку туда забраться)? Или случай, когда дядюшка Эндрюс с удочкой в руках заснул на берегу реки — и бултых в воду?! Спасибо, мимо проходил Лен Стритер и вытащил его; тут уж сон со старика слетел, он так наглотался воды, что насилу отдышался (и пошли рассуждения: а что понадобилось там Лену Стритеру, с чего это его понесло на реку?). Из таких крупиц и складывалась жизнь со всеми ее треволнениями.

И вот перед этими людьми предстало нечто большое, значительное, и они не в силах его постичь; то, что произошло, пока еще слишком огромно и непостижимо не только для них, но для всего человечества. Все слишком сложно, тут не отделаешься праздным любопытством, недоумением зеваки перед кошкой, бог весть как забравшейся на верхотуру,— вот почему им тягостно, неспокойно, в них разгорается досада и злость, того гляди вспыхнет, прорвется открытой враждебностью, а тогда недалеко и до насилия... был бы повод для насилия, было бы на кого наброситься. Что ж, если придет минута, когда их ярость вырвется наружу, мишень готова — об этом позаботились Хайрам Мартин и Том Престон.

Идти уже недалеко. Я поравнялся с обителью нашего банкира Дэна Виллоуби — этакая огромная скучная махина из кирпича, с первого взгляда всякий догадается, что в таком доме может жить только тип вроде Дэниела Виллоуби. Напротив, на углу, дом старика Перкинса. С неделю назад сюда въехали новые жильцы. Это один из немногих домов у нас, в Милвилле, которые сдаются внаем, и обитатели его меняются чуть не каждый год. Никто даже не дает себе труда с ними знакомиться — охота время тратить! А дальше, в конце улицы, живет доктор Фабиан.

Еще несколько минут — и я буду у себя, в доме с продырявленной насквозь крышей, в пустых гулких комнатах, наедине с вопросом, на который нет ответа, а за оградой будут меня подстерегать подозрительность и ненависть всего Милвилла.

На той стороне улицы хлопнула дверь, кто-то, громко топая, бежал по веранде. И тотчас раздался крик:

— Уолли, нас хотят бомбить! Сказали по телевизору!

Из темноты приподнялась большая сутулая тень — кто-то лежал на траве или на низко, у самой земли, расставленном шезлонге, я и не видал его, пока он не вскинулся на крик.

В горле у него булькало, он силился что-то сказать и не мог.

— Экстренное сообщение! — кричал тот, с веранды.— Сейчас передают! По телевизору!

Второй, с шезлонга, вскочил и кинулся в дом.

И я тоже кинулся бежать. Домой, во весь дух, не думая, не рассуждая,— ноги сами несли меня.

Я-то думал, у меня еще есть немного времени, а времени нет. Не ждал я, что слух разнесется так быстро.

Потому что это сообщение наверняка только еще слух: предполагается, что могут бомбить... говорят, что в самом крайнем случае на Милвилл, может быть, сбросят бомбу... Но для нас тут разницы нет. Милвиллцам все едино: они не станут разбирать, где слухи, а где факты.

Только этого и не хватало, чтоб ненависть сорвалась с цепи. И все обрушится на меня да, пожалуй, на Джералда Шервуда... будь сейчас в Милвилле Шкалик, досталось бы и ему.

Улица осталась позади; обежав дом доктора Фабиана, я помчался под гору, к сырой низине, где росли долларовые кустики. И уже на полпути спохватился: а Хайрам? Днем он сторожил эти кусты, вдруг он и сейчас там? С разгону я насилу остановился, пригнулся к самой земле. Наскоро окинул взглядом склон холма и низину, потом снова, уже медленно, стал всматриваться в каждую тень, подстерегая малейшее движение, которое выдало бы засаду.

Вдалеке послышались крики; наверху кто-то бежал, громыхали по тротуару тяжелые башмаки. Хлопнула дверь, где-то, за несколько кварталов, взревел мотор и рванула с места машина. Из открытого окна слабо донесся взволнованный голос комментатора «Последних известий», но слов я не разобрал.

Хайрама нигде не было видно.

Я выпрямился и медленно стал спускаться дальше. Вот и сад, теперь напрямик. Впереди уже темнеют старые теплицы и знакомый вяз на углу, тот самый, что поднялся из давнего тоненького побега.

Я дошел до теплиц, остановился на минуту — проверить напоследок, не крадется ли за мною Хайрам,— и двинулся было дальше. Но тут я услышал голос, он позвал меня — и я оцепенел.

Оцепенел, прирос к земле... но ведь я не слышал ни звука!

«Брэдшоу Картер»,— вновь позвал беззвучный голос.

И — аромат Лиловости... может быть, даже не аромат, скорее ощущение. Воздух полон им — и вдруг резко, отчетливо вспоминается: так было там, у шалаша Таппера Тайлера, когда Нечто ждало на склоне холма и потом проводило меня домой, на Землю.

— Я слышу,— отозвался я.— Где ты?

Вяз у теплиц словно бы качнулся, хотя ветерок чуть дышал — где ему было качнуть такое дерево.

«Я здесь,— сказал вяз.— Я здесь давно, долгие годы. Я всегда ждал этой минуты, ждал, когда смогу с тобой заговорить».

— Ты знаешь? — спросил я.

Глупо спрашивать, конечно же, он знает — и о бомбе, и обо всем...

«Мы знаем,— сказал вяз,— но отчаянию нет места».

— Нет места? — растерянно переспросил я.

«Если мы потерпим неудачу на этот раз, мы попробуем снова. Возможно, в другом мире. Или, может быть, придется подождать, чтобы ради... как это называется?»

— Радиация, вот как это называется,— подсказал я.

«Подождать, чтобы радиация рассеялась».

— На это уйдут годы.

«У нас есть годы,— был ответ.— У нас есть время, сколько угодно. Нам нет конца. И времени нет конца».

— А для нас время кончается,— сказал я, и меня захлестнула горькая жалость ко всем людям на свете и сильнее всего — к самому себе.— И для меня наступает конец.

«Да, мы знаем,— сказала Лиловость.— Мы очень о вас сожалеем».

Вот когда пора просить помощи! Пора объяснить, что мы попали в беду не по своей воле и не по своей вине,— пусть нас выручают те, кто нас до этого довел!

Так я и хотел сказать, но слова не шли с языка. Не мог я признаться этому чужому, неведомому в нашей совершенной беспомощности.

Наверно, это просто гордость и упрямство. Но лишь когда я попытался заговорить и убедился, что язык не слушается,— лишь тогда я открыл в себе эту гордость и упрямство.

«Мы очень о вас сожалеем»,— сказал вяз. Но жалеть можно по-разному. Что это — подлинная, искренняя скорбь или так

только, мимолетная, из чувства долга, жалость того, кто бессмертен, к бренной дрожащей твари в ее смертный час?

От меня останутся кости и тлен, а потом не станет ни костей, ни тлена, лишь забвение и прах — а Цветы будут жить и жить вовеки веков.

Так вот, нам, кто обратится в тлен и прах, куда важнее обладать этой упрямой гордостью, чем другим — сильным и уверенным. Она — единственное, что у нас есть, и только она одна нам опора.

Лиловость... а что же такое Лиловость? Не просто цвет, нечто большее. Быть может, дыхание бессмертия, дух невообразимого равнодушия: бессмертный не может себе позволить о ком-то тревожиться, к кому-то привязаться, ибо все преходящи, все живут лишь краткий миг, а бессмертный идет своей дорогой, в будущее без конца, без предела — там встретятся новые твари, новые мимолетные жизни, и о них тоже не стоит тревожиться.

А ведь это — одиночество, вдруг понял я, безмерное, неизбывное одиночество,— людям никогда не придется изведать такое...

Безнадежное одиночество, ледяной неумолимый холод... во мне вдруг шевельнулась жалость. Как-то странно жалеть дерево. Но нет, не дерево мне жаль и не те лиловые цветы, а неведомое Нечто, которое провожало меня из чужого мира, которое и сейчас здесь, со мной... жаль живую мыслящую материю — такую же, из какой создан и я.

— Я тоже сожалею о тебе,— сказал я и, еще не досказав, опомнился: Оно не поймет моей жалости, как не поняло бы и гордости, если бы узнало о ней.

Из-за поворота улицы, идущей по бровке холма, на бешеной скорости вылетела машина, яркий свет фар хлестнул по теплицам. Я отпрянул, но фары погасли, еще не настигнув меня.

Во тьме кто-то позвал меня по имени — чуть слышно и, кажется, пугливо.

Из-за угла, не замедляя скорости, вывернулась еще машина, ее занесло на повороте, взвизгнули шины. Первый автомобиль круто затормозил и, содрогнувшись, замер возле моего дома.

— Брэд! — снова чуть слышно, пугливо позвали из темноты.— Где ты, Брэд?

— Нэнси?! Я здесь, Нэнси!

Что-то случилось, что-то очень скверное. Голос у нее точно натянутая до отказа струна, точно пробивается он сквозь густой туман охватившего ее ужаса. Что-то неладно, иначе не мчались бы так неистово к моему дому эти машины.

— Мне послышалось, ты с кем-то разговариваешь,— сказала Нэнси.— Но тебя нигде не было видно. Я и в комнатах искала, и...

Из-за дома выбежал человек — черный силуэт на миг четко обрисовался в свете уличного фонаря. Там, за домом, были еще люди — слышался топот бегущих, злобное бормотание.

— Брэд! — опять сказала Нэнси.

— Тише,— предостерег я.— Что-то неладно.

Наконец-то я ее увидел. Спотыкаясь в темноте, она шла ко мне.

Возле дома кто-то заорал:

— Эй, Картер! Мы же знаем, ты у себя! Выходи, не то мы сами тебя вытащим!

Я бегом кинулся к Нэнси и обнял ее. Она вся дрожала.

— Там целая орава,— сказала она.

— Хайрам со своей шатией,— сказал я сквозь зубы.

Зазвенело разбитое стекло, в ночное небо взметнулся длинный язык огня.

— Ага, черт подери! — злорадно крикнул кто-то.— Может, теперь ты вылезешь?

— Беги! — велел я Нэнси.— Наверх! Спрячься за деревьями...

— Я от Шкалика,— зашептала она.— Я его видела, он послал меня за тобой...

В доме вдруг разгорелось яркое пламя. Окна столовой вспыхнули, как глаза разъяренного зверя. В отсветах пожара бессмысленно, неистово приплясывали и вопили черные фигуры.

Нэнси повернулась и побежала, я кинулся за нею, и тут позади, перекрывая разноголосицу горланящей толпы, рявкнул оглушительный бас:

— Вот он! В саду!

Что-то дало мне подножку, я споткнулся и с разбегу ухнул в долларовые кусты. Колючие ветки царапали лицо, цеплялись за одежду, с трудом я поднялся на ноги, огляделся.

Из отверстия в крыше, пробитого «машиной времени», взбесившимся фонтаном хлещет пламя. Все стихло, только рычит огонь, пожирая дом изнутри, вгрызаясь в балки и стены.

А люди молча бегут вниз, в сад. Доносится гулкий топот, тяжелое, прерывистое дыхание.

Наклоняюсь, шарю по земле — вот оно, то, обо что я споткнулся. Обломок деревянного бруса длиной фута в четыре, чуть подгнивший по краям, но еще крепкий.

Дубинка. И на том конец. Но пока меня прикончат, один из них тоже распрощается с жизнью... а может быть, и двое.

— Беги! — кричу я Нэнси.

Она где-то там, хоть ее и не видно.

Осталось одно, еще только одно я должен сделать. Разбить этой дубиной башку Хайраму Мартину, пока меня не захлестнула толпа.

Вот они уже сбежали с холма, несутся по ровному месту, через сад, впереди — Хайрам. Стою и жду с дубиной наготове; а Хайрам все ближе, на темном лице, точно белый шрам, блестят оскаленные зубы.

Надо метить между глаз, расколю ему башку пополам. А потом стукну и еще кого-нибудь... если успею.

Пожар разгорелся в полную силу, ведь дерево старое, сухое, даже и сюда пышет жаром.

А эти уже совсем близко... Я крепче сжал дубинку, занес повыше, жду.

Вдруг, в нескольких шагах от меня, они сбились, затоптались на месте... одни попятились, другие застыли, рты разинуты, глаза вытаращены, и в них — изумление, ужас. Уставились не на меня, а на что-то позади меня.

И вот — шарахнулись, бегут со всех ног обратно, вниз, и еще громче, чем рев огня, их отчаянный вой... словно мчится и ревет перепуганное насмерть стадо, гонимое степным пожаром.

Как ужаленный оборачиваюсь... а это те, из чужого мира! Черные тела поблескивают в дрожащих отсветах пожара, серебристые перья хохлатых голов чуть колышутся на ветру. Они подходят ближе и щебечут, щебечут на своем непонятном, певучем языке.

Не терпится им, черт возьми! Слишком поторопились, лишь бы не упустить хоть единую предсмертную дрожь объятого ужасом клочка нашей Земли.

Не только сегодня — снова и снова вечерами они станут сюда приходить, станут возвращать послушное им время к этой роко-

вой минуте. Нашлось еще одно место, где можно стоять и ждать, пока начнется зрелище, есть еще один призрачный дом, зияющий провалами окон, через которые можно заглянуть в безумие и ужас иного мира.

Они приближаются, а я стою и жду, сжимая дубину, и вдруг опять — дыхание Лиловости и знакомый неслышный голос.

«Назад,— беззвучно говорит голос.— Назад. Вы пришли слишком рано. Этот мир не открыт».

Издали кто-то зовет, но ничего не различить в грохоте и треске пожара, в звонком, взволнованном певучем щебете этих беззаботных вампиров, проскользнувших к нам из Лиловой страны Таппера Тайлера.

«Идите назад»,— повторил вяз; неслышные слова хлестнули, как взмах бича.

И они ушли — исчезли, растворились в непостижимой тьме, во мраке более густом и черном, чем сама ночь.

Вяз, который разговаривает... а сколько еще есть говорящих деревьев? Много ли здесь осталось от Милвилла? Сколько уже принадлежит другому, лиловому, миру? Я поднимаю голову, смотрю на вершины деревьев, стеной окружающих сад,— призрачные тени в темном небе, они трепещут под дуновением странного ветра, что веет неведомо откуда. Трепещут на ветру... а быть может, тоже говорят о чем-то? Кто они — прежние земные деревья, бессловесные и неразумные, или совсем иные деревья, порождение иной Земли?

Никогда мы этого не узнаем, а может, это и не важно, ведь с самого начала нам не на что было надеяться. Мы еще не вышли на ринг, а нас уже положили на обе лопатки. Все потеряно для нас давным-давно, в тот далекий день, когда мой отец принес домой охапку лиловых цветов.

Опять издали кто-то кричит, зовет меня по имени.

Бросаю свое оружие, иду через сад. Кому я понадобился? Это не Нэнси, но голос знакомый.

А вот и Нэнси сбегает с холма.

— Скорей, Брэд!

— Где ты была? Что еще случилось?

— Там Шкалик Грант. Я ведь говорила, тебя ищет Шкалик. Он ждет у барьера. Он как-то проскользнул мимо часовых. Ему непременно надо с тобой повидаться...

— Так ведь Шкалик...

— Он здесь. И требует тебя. Говорит, больше никто не годится.

Она повернулась и почти побежала наверх, я тяжело поплелся за нею. Через двор доктора Фабиана, потом через улицу, а там еще один двор и... ну конечно, здесь, прямо перед нами, проходит барьер.

По ту сторону с земли поднимается коренастый гном.

— Это ты, паренек? — слышу я.

Сажусь на корточки перед самым барьером и во все глаза смотрю на Шкалика.

— Ну да, я... а ты как же...

— Об этом после. Некогда. Часовые знают, что я пролез сквозь оцепление. Меня ищут.

— Чего ты хочешь?

— Не я. Все. И ты. Всем это нужно. Вы здорово влипли.

— Все здорово влипли.

— Я про то и говорю. Одному болвану в Пентагоне приспичило сбросить бомбу. Я, когда сюда пробирался, слышал, в какой-то машине радио трепало всякую чушь. Краем уха кой-что поймал.

— Так,— говорю я.— Стало быть, человечеству крышка.

— Нет, не крышка! — сердито возражает Шкалик.— Есть выход. Если только в Вашингтоне поймут, если...

— Если ты знаешь выход, чего ж ты тратил время, искал меня? Сказал бы там...

— Кому? Да разве мне поверят? Кто я такой? Дрянь, забулдыга и пьяница, да еще из больницы сбежал...

— Ладно,— говорю я,— ладно.

— А вот ты им растолкуешь, ты вроде как посол, что ли, доверенное лицо. Тебя кто-нибудь да выслушает. Свяжись там с кем-нибудь, и тебя послушают.

— Если есть что слушать.

— Есть что слушать! — говорит Шкалик.— У нас есть кое-что такое, чего тем чужакам не хватает. И только мы одни можем им это дать.

— Дать? — кричу я.— Все, что им надо, они у нас и так отберут.

— Нет, это они так сами взять не могут,— возражает Шкалик.

Я качаю головой.

— Что-то слишком просто у тебя получается. Ведь они уже подцепили нас на крючок. Люди только того и хотят, чтоб они к нам пришли, да если бы и не хотели, они все равно придут. Они угодили в наше самое уязвимое место...

— У Цветов тоже есть уязвимое место,— говорит Шкалик.

— Не смеши меня.

— Ты просто обалдел и уже не соображаешь.

— Какой ты догадливый, черт подери!

Еще бы не обалдеть. Весь мир летит в тартарары. Над Милвиллом нависла ядерная смерть, уже и так все с ума посходили, а теперь Хайрам расскажет о том, что видел у меня в саду, и народ окончательно взбесится. Хайрам и его шайка дотла сожгли мой дом, я остался без крова... да и все человечество осталось без крова, вся Земля перестала быть для нас родным домом. Отныне она всего лишь еще одно звено в длинной, нескончаемой цепи миров, подвластных иной форме жизни, и эту чужую жизнь людям не одолеть.

— Эти Цветы — очень древняя раса,— объясняет Шкалик.— Даже и не знаю, какая древняя. Может, им миллиард лет, а может, и два миллиарда, неизвестно. Сколько миров они прошли, сколько всяких народов видели — не просто живых, а разумных. И со всеми они поладили, со всеми сработались и действуют заодно. Но ни разу ни одно племя их не полюбило. Никто не выращивал их у себя в саду, никто и не думал их холить и нежить только за то, что они красивые...

— Да ты спятил! — ору я.— Вконец рехнулся!

— Брэд,— задохнувшись от волнения, говорит Нэнси,— а может быть, он прав? Ведь только за последние две тысячи лет или около того люди научились чувствовать красоту, увидели прекрасное в природе. Пещерному человеку и в голову не приходило, что цветок — это красиво...

— Верно,— кивает Шкалик.— Больше ни одно живое существо, ни одно племя не додумалось до такого понятия — красота. Только у нас на Земле человек возьмет, выкопает где-то в лесу несколько цветочков и притащит к себе домой, и ходит за ними, как за малыми детьми, ради ихней красоты... а до той минуты Цветы и сами не знали, что они красивые. Прежде их никто не любил и никто о них не заботился. Это вроде как женщина — и мила, и хороша, а только покуда ей кто-нибудь не сказал: мол, какая же ты красавица! — ей и невдомек. Или

как сирота: все скитался по чужим, а потом вдруг нашел родной дом.

Как просто. Не может этого быть. Никогда ничто на свете не бывает так просто. И однако, если вдуматься, в этом есть смысл. Кажется, только в этом сейчас и можно найти какой-то смысл...

— Цветы поставили нам условие,— говорит Шкалик.— Давайте и мы выставим условие. Дескать, милости просим к нам, а за это столько-то из вас, какой-нибудь там процент, обязаны оставаться просто цветами.

— Чтобы люди у нас на Земле могли их разводить у себя в саду, и ухаживать за ними, и любоваться ими — вот такими, как они есть! — подхватывает Нэнси.

Шкалик тихонько усмехается:

— У меня уж это все думано-передумано Эту статью договора я и сам мог бы написать.

Неужели это и есть выход? Неужели получится?

Конечно получится!

Стать любимцами другого народа, ощутить его заботу и нежность — да ведь это привяжет к нам пришельцев узами столь же прочными, как нас к ним благодарность за то, что с войной покончено навсегда.

Это будут узы несколько иные, но столь же прочные, как те, что соединяют человека и собаку. А нам только того и надо: теперь у нас будет вдоволь времени — и мы научимся жить и работать дружно.

Нам незачем будет бояться Цветов, ведь это нас они искали, сами того не зная, не понимая, чего ищут, даже не подозревая, что существует на свете то, чем мы можем их одарить.

— Это нечто новое,— говорю я.

— Верно, новое,— соглашается Шкалик.

Да, это ново, непривычно. Так же ново и непривычно для Цветов, как и для нас — их власть над временем.

— Ну как, берешься? — говорит Шкалик.— Не забудь, за мной гонится солдатня. Они знают, что я проскочил между постами, скоро они меня учуют.

Только сегодня утром представитель Госдепартамента и сенатор толковали о длительных переговорах — лишь бы можно было начать переговоры. А генерал признавал один язык — язык силы. Меж тем ключ ко всему надо было искать в том, что есть в нас самого мягкого, человечного,— в нашей любви к прекрасному.

И отыскал этот ключ никакой не сенатор и не генерал, а ничем не примечательный житель заштатного городишка, всеми презираемый нищий забулдыга.

— Давай зови своих солдат, пускай тащат сюда телефон,— говорю я Шкалику.— Мне недосуг его разыскивать.

Первым делом надо добраться до сенатора Гиббса, а он поговорит с президентом. Потом поймаю Хигги Морриса, объясню, что к чему, и он поуспокоит милвиллцев.

Но эта короткая минута — моя, и я навсегда ее запомню: рядом — Нэнси, напротив за барьером — старый нечестивец, верный друг, и я упиваюсь величием этого краткого мига. Ибо сейчас вся мощь истинной человечности (да, человечности, а не власти и положения в обществе!) пробуждается и прозревает грядущее — тот завтрашний день, когда неисчислимые и несхожие племена все вместе устремятся к несказанно славному и прекрасному будущему.

ПОЧТИ КАК ЛЮДИ

Был поздний вечер четверга, и я здорово нагрузился, а в коридоре было темно — только это и спасло меня. Не остановись я тогда под лампочкой, чтобы выбрать из связки нужный ключ, я как пить дать попал бы в капкан.

То, что это был вечер четверга, в общем-то, никак не связано с тем, что произошло,— просто таков мой стиль изложения. Я репортер, а репортеры, о чем бы они ни писали, всегда отмечают день недели, время суток и прочие относящиеся к делу детали событий.

А темно в коридоре было потому, что Джордж Уэбер — жуткий скряга. Половину своего времени он тратит на склоки с жильцами: то скандал из-за выключенного отопления, то из-за того, что не установлен аппарат для кондиционирования воздуха, или в который уже раз барахлит водопроводная система, то из-за его вечного отказа заново отделать дом. Впрочем, со мной он не воевал никогда, потому что мне было на все это наплевать. Моя квартира была для меня местом, где я мог от случая к случаю переночевать, поесть и провести выпадавшее мне иной раз свободное время, и я не портил себе кровь из-за пустяков. Мы отлично ладили друг с другом — Старина Джордж и я. Мы с ним поигрывали в пинокль, вместе пили пиво и каждую осень ездили вдвоем в Южную Дакоту стрелять фазанов. Тут я вспомнил, что в этом году нам не придется поохотиться — как раз сегодня утром я отвез Старину Джорджа с женой в аэропорт и проводил их в Калифорнию. Но даже останься Старина Джордж дома, мы с ним все равно бы не поехали в Дакоту, потому что на следующей неделе мне предстояла командировка, которую Старик выжимал из меня целых полгода.

Итак, стоя под лампочкой, я возился с ключами, и руки мои отнюдь не отличались ловкостью, а все потому, что Гэвин Уокер, редактор отдела городских новостей, и я — мы крепко поспорили о том, следует ли требовать от научных обозревате-

лей, чтобы они давали материал о заседаниях городского совета, Ассоциации родителей и учителей и тому подобных событиях Гэвин утверждал, что они обязаны об этом писать, у меня же на этот счет было иное мнение, и Гэвин первым заказал выпивку. Потом выпивку пришлось заказать мне, и так продолжалось, пока не подошло время закрывать заведение, и бармену Эду пришлось выставить нас за дверь. Выйдя на улицу, я стал соображать, что лучше — рискнуть сесть за руль или поехать домой на такси. И в конце концов пришел к выводу, что я, пожалуй, в состоянии вести машину; однако поехал я все-таки по глухим улицам, где меньше шансов попасться на глаза полицейским. Доехал благополучно и даже ухитрился ловко вырулить машину на стоянку за домом, но поставить ее на место уже не пытался. Бросил ее посреди площадки и ушел.

Я трудился в поте лица, отыскивая ключ от двери. В тот момент все ключи выглядели одинаково, и, пока я неловко ковырялся в них, связка выскользнула у меня из рук и упала на ковер.

Я нагнулся за ней, но с первого захода промахнулся, промахнулся и во второй раз. Тогда я опустился на колени, чтобы снова атаковать ключи.

И тут я увидел это.

Посудите сами: если бы Старина Джордж так не трясся за каждый доллар, он ввернул бы в коридоре лампочки поярче, и тогда можно было бы сразу пройти к своей двери и спокойно выбрать из связки нужный ключ, а так пришлось тащиться на середину коридора и копаться под этим чертовым светляком, который должен был изображать электрическую лампочку. А если бы я не ввязался в спор с Гэвином и попутно не надрался бы, я бы не уронил ключи. Но если б даже уронил, то наверняка сумел бы поднять их, не становясь для этого на колени. А если б я не опустился на колени, я никогда в жизни не заметил бы, что ковер разрезан.

Понимаете, не разорван. Не протерт. А именно разрезан. Причем разрезан как-то странно — полукругом как раз перед моей дверью. Как будто кто-то взял середину основания двери за центр круга и с помощью ножа, привязанного к трехфутовому шнуру, вырезал из ковра этот полукруг. Вырезал и на этом успокоился — ведь ковер после этого не убрали. Кто-то вырезал из него полукруглый лоскут, да так и оставил его лежать на прежнем месте.

Тут хоть тресни, но объяснения этому не найдешь, подумал я, чушь какая-то. Для чего кому-то вдруг приспичило вырезать из ковра кусок именно такой формы? А если он кому-то понадобился для какой-то уму непостижимой цели, почему остался лежать здесь?

Я осторожно протянул палец, желая убедиться, что все это мне не мерещится. И понял, что зрение меня не подвело,— если, конечно, не считать того, что это был не ковер. Кусок, лежавший внутри полукруга диаметром в три фута, по виду ничем не отличался от ковровой ткани, однако это была не ткань. Это была какая-то бумага — тончайшая бумага, которая выглядела точь-в-точь как ковровая ткань.

Я убрал руку и остался стоять на коленях, размышляя не столько о разрезанном ковре и этой бумаге, сколько о том, как я объясню свою позу, если в коридоре появится кто-нибудь из соседей.

Но никто не появился. Коридор был пуст, и в нем стоял тот специфический, затхлый дух, который характерен для коридоров многоквартирных доходных домов. Сверху до меня доносилось жиденькое пение крохотной электрической лампочки, и я подумал, что она вот-вот перегорит. И быть может, тогда новый сторож заменит ее лампочкой поярче. Однако, пораскинув мозгами, я решил, что Старина Джордж подробнейшим образом проинструктировал его по всем пунктам экономного хозяйствования.

Я снова протянул руку и кончиком пальца коснулся этой бумаги. Как я и думал, это действительно была бумага или, во всяком случае, что-то, на ощупь очень похожее на бумагу.

И мысль о вырезанном куске ковра и заменившей его бумаге привела меня в неописуемое бешенство. Что за хамство, что за гнусная выходка, возмутился я и, схватив бумагу, рванул ее к себе.

Под бумагой стоял капкан.

Пошатываясь, я поднялся на ноги и, не выпуская из пальцев бумагу, тупо уставился на капкан.

Я не верил своим глазам. Да и ни один человек в здравом уме не поверил бы. Люди же не ставят капканы друг на друга, точно на каких-нибудь там медведей или лис.

Но капкан был явью — он стоял на полу, теперь предательски выставленный напоказ. А ведь только что он был прикрыт бумагой: так замаскировал бы свой капкан охотник, присыпав

его листьями или травой, чтобы спрятать от своей будущей жертвы.

Это был большой стальной капкан. Я никогда в жизни не видел медвежьих капканов, но мне показалось, что это был именно такой, а может быть, даже и больше. Это человечий капкан, сказал я себе, ведь его поставили на человека. На определенного человека. Потому что, вне всякого сомнения, он предназначался для меня.

Я попятился от него, пока не уперся спиной в противоположную стену. Я стоял, прислонившись к стене, и не спускал глаз с капкана, а на ковре между мной и этим капканом лежала связка ключей, которую я только что уронил.

Это шутка, мелькнула у меня мысль. Впрочем, какая там шутка! Это я, конечно, переборщил. Если бы я не остановился под лампочкой, а сразу шагнул бы к двери, то и речи не было бы ни о какой шутке. У меня была бы изувечена нога, а то и обе, и, возможно, даже переломаны кости, ведь челюсти капкана были снабжены большими острыми зубьями. Стоило им сомкнуться на жертве, никто не смог бы их раздвинуть. Из такого капкана человека не высвободишь без гаечных ключей.

При этой мысли меня бросило в дрожь. Пока кому-нибудь удалось бы разобрать капкан на части, попавший в него человек успел бы истечь кровью.

Я стоял, глядя на капкан и комкая пальцами бумагу. Потом поднял руку и швырнул бумажный комок в капкан. Он ударился о зубья, скатился с них и, едва не отлетев в сторону, улегся между челюстями.

Необходимо найти палку или еще что-нибудь, сказал я себе, чтобы, перед тем как войти в квартиру, защелкнуть капкан. Я, конечно, мог вызвать полицейских, но это не имело смысла. Они бы страшно расшумелись и наверняка потащили бы меня в участок, чтобы подвергнуть допросу по всем правилам, на что у меня не было времени. Я изнемогал от усталости и мечтал только о том, чтобы поскорее забраться в постель.

Вдобавок такое скандальное происшествие принесло бы дому дурную славу, и тем самым я подложил бы свинью Старине Джорджу, пока он там прохлаждается в своей Калифорнии. Не говоря уже о том, что это дало бы всем моим соседям обильную пищу для пересудов и они полезли бы ко мне с вопросами, а мне только этого не хватало. Они давно уже оставили меня в

покое, и это мне было только на руку. Меня вполне устраивали такие отношения.

Я стал гадать, где бы раздобыть палку, и на ум мне пришел чулан на первом этаже, в котором хранились щетки, тряпки, пылесос и всякий хлам. Я попытался вспомнить, заперт ли он, и решил, что, пожалуй, нет, но полной уверенности у меня не было.

Я оторвался от стены и направился к лестнице. Только я дошел до нее, как что-то заставило меня обернуться. Вряд ли меня привлек тогда какой-то звук. Напротив, я абсолютно уверен в обратном. Но реакция моя была в точности такой, как если бы я что-то услышал.

Да, что-то заставило меня обернуться. Я обернулся, причем так стремительно, что ноги мои переплелись и я полетел на пол.

И, падая, я успел заметить, что капкан как-то обмяк.

Пытаясь смягчить падение, я выбросил вперед руки, но это мне мало что дало. Я со стуком грохнулся на пол, ударился головой, и в мозгу моем завертелся звездный хоровод.

Подтянув под себя руки, я слегка приподнялся и вытряхнул из головы звезды — капкан продолжал сминаться. Его челюсти как-то расслабились, и все это сооружение, вздыбившись самым невероятным образом, быстро колыхалось. Я с некоторым изумлением взирал на это, все еще лежа на полу.

Капкан постепенно как бы размягчался, и его детали, горбатясь, начали сливаться. Как будто размятый, раздавленный кусок глины пытался вернуть себе свою первоначальную форму. И в результате он таки добился своего. Он превратился в шар. В процессе этого превращения он непрерывно менял цвета, пока не стал черным как смоль.

С минуту он полежал перед дверью, а потом медленно, словно нехотя, покатился.

И покатился он прямо на меня!

Я попытался убраться с его пути, но он быстро увеличивал скорость, и на какое-то мгновение мне показалось, что он неизбежно вмажет в меня. Размером он был примерно с кегельный шар или, может, чуть побольше, но вес его, естественно, оставался для меня загадкой.

Но он не ударил меня. Лишь слегка задел.

Я повернулся, чтобы посмотреть, как он спускается по лестнице, и моим глазам представилось странное зрелище. Он прыгал со ступеньки на ступеньку, но не так, как прыгает обычный

шар. Его прыжки были не высокими и затяжными, а быстрыми и короткими — словно существовал некий закон, по которому он обязан был удариться о каждую ступеньку и проделать это как можно быстрее. Не пропуская ни единой ступеньки, он допрыгал до площадки и так молниеносно свернул за угол, что только что дым не пошел.

Я с трудом поднялся на ноги и, добравшись до перил, свесился с них, чтобы взглянуть на следующий лестничный марш. Но шара не было и в помине. Он как в воду канул.

Я вернулся в коридор. На полу под лампочкой лежала связка ключей, а в ковре зиял вырезанный полукруг диаметром в три фута.

Опустившись на колени, я поднял ключи, нашел наконец тот, что искал, и подошел к своей двери. Отпер ее, зашел в квартиру и, даже не включая света, быстро захлопнул за собой дверь.

Только тогда я включил свет и прошел на кухню. Присев к столу, я вспомнил, что в холодильнике еще оставалось с полкувшина томатного сока, а мне неплохо было бы влить в себя хоть пару глотков. Но это было выше моих сил. При одной мысли о соке к горлу подступала тошнота. Если уж на то пошло, так мне позарез необходим был добрый глоток спиртного, но я и без того уже накачался сверх меры.

Я сидел, размышляя о капкане и пытаясь уразуметь, почему кому-то вдруг вздумалось поставить его на меня. Самый что ни на есть идиотский поступок из всех, о которых я когда-либо слышал. Если б я не видел капкана своими собственными глазами, никогда в жизни я в это не поверил бы.

Это, конечно, был не капкан — вернее, это был какой-то особенный капкан. Потому что обыкновенные капканы, упустив добычу, не сминаются, не сворачиваются в шар и не катятся прочь.

Я попытался это как-то объяснить, но мой мозг затуманился — мне смертельно хотелось спать, я был дома, в безопасности, а потом ведь утро вечера мудренее. Посему я перестал ломать над этим голову и поплелся в спальню.

Глава 2

Что-то внезапно разбудило меня.

Я сразу сел, не соображая, кто я и где нахожусь, полностью выключенный из действительности: не одурманенный, не сон-

ный, не растерянный, а с той страшной холодной ясностью сознания, которая за краткий миг внезапного озарения опустошает все.

Была тишина, пустота, беспросветный мрак бездны и это холодное ясное сознание, вытянувшееся в струну, подобно нападающей змее, ищущее, ничего не находящее и исполненное ужаса перед небытием.

Потом возник вопль — пронзительный, настойчивый, сумасшедший вопль, совершенно бессмысленный, потому что ничего не значил ни для меня, ни вообще, а звучал лишь для одного себя.

Снова сгустилась тишина, во мраке проступили какие-то пятна, которые постепенно принимали определенные очертания: светлое квадратное пятно оказалось окном, слабое мерцание просачивалось из кухни, где все еще горел свет, а пригнувшееся к полу темное чудовище постепенно превратилось в кресло.

Вопль телефона вновь рассек предутренний мрак. Я выскочил из кровати и наугад, как слепой, пошел к двери, которую не мог рассмотреть. Когда я наконец нащупал ее, телефон уже умолк.

Спотыкаясь в темноте, я пробрался через гостиную, и только протянул руку к аппарату, как телефон зазвонил снова.

Я сорвал с рычага трубку и промямлил что-то нечленораздельное. С моим языком творилось неладное. Он отказывался повиноваться.

— Это ты, Паркер?

— А кто же еще?

— Говорит Джо. Джо Ньюмен.

— Джо?

Тут я вспомнил. Джо Ньюмен был дежурным редакции по отделу ночных происшествий.

— Прости, не хотел будить тебя.

Я что-то возмущенно буркнул.

— Произошло какое-то непонятное событие. Решил, что тебе не мешает узнать об этом.

— Послушай, Джо,— сказал я,— позвони Гэвину. Он редактор отдела городских новостей. Если его вытаскивают ночью из постели, так ему хоть за это платят.

— Но это по твоей части, Паркер. Это...

— Знаю, знаю,— перебил я.— Приземлилась летающая тарелка.

— Не угадал. Ты когда-нибудь слышал о Тимбер-Лейне?

— Это дорога у озера,— ответил я.— В западном предместье города.

— Точно. Она ведет к старой усадьбе «Белмонт». Сам-то дом заперт. С тех пор как семейство Белмонтов переселилось в Аризону. А дорогу подростки облюбовали для свиданий.

— Послушай, Джо...

— Перехожу к главному, Паркер. Сегодня ночью какие-то юнцы развлекались там в машине. Они видели, как по дороге один за другим катилось несколько шаров. Похожих на кегельные.

— Что-что?! — рявкнул я.

— Выезжая оттуда, они заметили эти штуковины в свете фар и до смерти перепугались. Они сообщили в полицию.

Я взял себя в руки и заставил свой голос звучать спокойно.

— Полицейские там что-нибудь нашли?

— Только следы.

— Следы катившихся кегельных шаров?

— Угу, пожалуй, это для них подходящее название.

— А может, детки были под мухой? — предположил я.

— Полицейские этого не заметили. Они ведь беседовали с этими ребятами. Те только видели катившиеся по дороге шары. Они даже не остановились, чтобы разглядеть их получше. Постарались удрать оттуда поскорее.

Я молчал, мучительно подыскивая ответ. Мне было страшно, страшно до потери сознания.

— Так что ты об этом думаешь, Паркер?

— Право, не знаю,— проговорил я.— Быть может, это галлюцинация. Или просто они решили разыграть полицейских.

— Полицейские нашли следы.

— Но их ведь могли сфабриковать и сами ребята. Могли прокатить по дороге несколько кегельных шаров, выбирая места, где побольше пыли. Воображали, что таким образом их имена попадут в газеты. Им скучно, вот они и бесятся...

— Значит, ты не используешь этот материал?

— Видишь ли, Джо... Я ведь не редактор отдела городских новостей. Посоветуйся с Гэвином. Это он решает, что нам печатать.

— Стало быть, ты считаешь, что за этим ничего не кроется? Что это мистификация?

— Да откуда я знаю, черт побери? — взъярился я. Он обиделся. И, по-моему, не без причины.

— Спасибо, Паркер. Прости за беспокойство,— проговорил он, вешая трубку, и я услышал короткие гудки.

— Спокойной ночи, Джо,— сказал я в трубку.— Ты уж извини, что я тебя облаял.

Он меня уже не слышал, но мне все же стало полегче.

Я в недоумении спросил себя, что все-таки заставило меня умалить значение этого события, почему я так из кожи лез, доказывая ему, что это всего-навсего проделки подростков.

Да потому, что ты струсил, ты слюнтяй, ответил тот, другой человек, который сидит в каждом из нас и порой подает голос. Потому что ты многое отдал бы за то, чтобы поверить в незначительность этого происшествия. Потому что ты не желаешь, чтобы тебе напоминали о том капкане за дверью.

Я положил трубку на рычаг, и, когда я клал ее, она громко стукнулась об аппарат: у меня тряслись руки.

Я стоял в темноте, чувствуя, как на меня надвигается ужас. А когда я попытался этот ужас осмыслить, оказалось, что он совершенно необоснован. Капкан, поставленный перед дверью, компания кегельных шаров, степенно катящихся по загородной дороге,— ведь это же не страшно, это просто-напросто смешно. Тема для карикатур. Все выглядело чересчур уж нелепо, чтобы принимать это всерьез. От такого будешь хохотать до колик, даже если это грозит тебе смертью.

А было ли тут задумано убийство?

Вот в чем вопрос. Предназначалась ли эта штука для убийства?

Был ли капкан, стоявший перед моей дверью, самым обыкновенным капканом из настоящей стали или ее равноценного заменителя? Или же это была игрушка из безобидной пластмассы или какого-нибудь сходного с ней материала?

И еще один вопрос, самый сложный: а был ли он, этот капкан, вообще? Я-то знал, что он был. Я ведь видел его своими глазами. Но мой разум отказывался признать это. Оберегая мое спокойствие и психическое равновесие, мой разум гнал это прочь, и при одной мысли об этом яростно бунтовала логика.

Бесспорно, я был тогда пьян, но не вдрызг. Пьян не мертвецки, пьян не до галлюцинаций — у меня только слегка дрожали руки, и я нетвердо держался на ногах.

А сейчас я уже полностью пришел в норму, если не считать этой ужасной холодной пустоты в сознании. Третья степень похмелья — во многих отношениях самая мерзкая.

Глаза мои несколько привыкли к темноте, и я уже различал расплывчатые силуэты мебели. Я добрался до кухни, ни разу не споткнувшись. Дверь была приоткрыта, и через щель пробивалась полоска света.

Когда накануне я потащился отсюда в спальню, я не выключил верхний свет — теперь часы на стене показывали половину четвертого.

Я обнаружил, что почти не разделся и одежда на мне здорово помялась. Ботинки, правда, были сняты, галстук развязан, но все еще болтался на шее, и вид у меня был потрепанный.

Я стоял на кухне, совещаясь с самим собой. Если в этот предрассветный час я завалюсь обратно в постель, то наверняка просплю как труп до полудня, а то и позже, и проснусь с отвратительным самочувствием.

А если я приведу себя сейчас в божеский вид, проглочу что-нибудь и рано, раньше всех, явлюсь в редакцию, я переделаю кучу дел, пораньше кончу и обеспечу себе приличный уикенд.

Сегодня ведь пятница, и на вечер у меня назначено свидание с Джой. Я постоял немного просто так, исполненный самых теплых чувств и к этому вечеру, и к Джой.

Я все продумал: пока вскипит вода для кофе, я успею принять душ, потом съем яичницу с беконом, несколько ломтиков поджаренного хлеба и выпью побольше томатного сока — он мне поможет справиться с этой холодной пустотой в сознании.

Но прежде всего я выгляну в коридор и проверю, есть ли еще в ковре тот полукруглый вырез.

Я подошел к двери и выглянул.

Перед самой дверью нелепым полукругом разлеглись голые доски пола.

Невесело посмеявшись над своими сомнениями и возмущенной логикой, я пошел на кухню ставить воду для кофе.

Глава 3

Ранним утром в информационном отделе редакции холодно и тоскливо. Это обширное, пустое помещение, и в нем очень чисто, так чисто, что это действует угнетающе. Днем здесь полнейший хаос, от которого комната теплеет и как-то оживает,— на столах вырастают груды изрезанной бумаги, на полу валяются шарики скомканной копирки, наколки заполнены доверху. Но

утром, после того как здесь пройдутся уборщики, в помещении появляется что-то от ледяной белизны операционной. Две-три горящие лампочки кажутся неуместно яркими, а обнаженные столы и стулья расставлены настолько аккуратно, что от них так и веет унылым будничным трудом.

Сотрудники, которые готовили материал к утру, уже несколько часов как разошлись по домам; ушел и Джо Ньюмен. Я думал, что еще застану его, но стол Джо был прибран так же аккуратно, как и все остальные, а его самого и след простыл.

Банки с клеем, тщательно вымытые, вытертые до блеска и наполненные свежим клеем, сверкающими рядами торжественно выстроились на столах отдела городских новостей и отдела литературной правки. Каждую баночку украшала кисточка, изящно воткнутая в клей под углом. Ленты с телетайпа были аккуратно сложены на столе отдела последних известий. А из-за перегородки в углу доносилось приглушенное курлыканье самих телетайпных аппаратов, которые деловито выдавливали из себя новости со всех частей света.

Где-то в глубинах полутемного лабиринта информационного отдела насвистывал редакционный рассыльный — насвистывал отрывистый пронзительный мотив, который даже не назовешь мотивом. От этого звука меня передернуло. В такой ранний час свист где-то граничит с непристойностью.

Я прошел к своему столу и сел. Кто-то из уборщиков собрал в одну стопку все мои подборки и научные журналы. Только вчера к вечеру я внимательно просмотрел их и отложил те, что мне могут понадобиться для будущих статей. Я свирепо посмотрел на кипу журналов и выругался. Теперь мне придется перерыть все заново, чтобы найти отобранные накануне номера.

На чистой поверхности стола во всей своей бледной наготе разметался свежий номер утреннего выпуска газеты. Взяв ее, я откинулся на спинку стула и принялся просматривать столбцы новостей.

Там не было ничего из ряда вон выходящего. В Африке по-прежнему было неспокойно, а беспорядки в Венесуэле выглядели совершенно непотребно. Какой-то тип перед самым закрытием ограбил аптеку в центре города, и в газете была фотография, на которой зубастый продавец показывал скучающему полицейскому место, где стоял грабитель. Губернатор заявил, что законодательный орган, собравшись в будущем году, должен будет в обязательном порядке заняться поисками новых источников

государственного дохода. Если это не будет сделано, предупреждал губернатор, средства штата истощатся. С подобным заявлением губернатор выступал уже неоднократно.

Верхний левый угол первой страницы занимал обзор экономики района, подписанный Грэнтом Дженсеном, редактором отдела промышленности и торговли. Грэнт пребывал в одном из своих профессионально-оптимистических настроений. Кривая коммерческой деятельности неуклонно поднимается, писал он. Розничная торговля процветает, наблюдается подъем в промышленности, в ближайшее время не ожидается никаких трудовых конфликтов — словом, кругом полное благоденствие. В особенности это относится к строительству жилых зданий, сообщала далее статья. Спрос на дома превысил предложение, и все строительные подрядчики федерального округа завалены заказами почти на год вперед.

Боюсь, что я не справился с зевотой. Несомненно, так оно и есть, и тем не менее это был все тот же застарелый словесный понос, которым хронически страдали подобные Дженсену ничтожества. Но хозяину это понравится, ведь именно такие вот статьи и взбадривают клиентов-рекламодателей, оказывая на них психологическое воздействие, и сегодня в полдень матерые финансовые волки, собравшись к ленчу в «Юнион клаб», будут горячо обсуждать статью из утреннего выпуска.

Допустим, что все наоборот, сказал я себе, допустим, что торговля в упадке, что строительные компании обанкротились, что заводы начали выбрасывать рабочих на улицу,— так ведь пока окончательно не подопрет, в газете не появится об этом ни строчки.

Я сложил газету и отодвинул ее в сторону. Открыл ящик, вытащил пачку заметок, которые набросал накануне во второй половине дня, и начал их просматривать.

Лайтнинг, редакционный рассыльный, вышел из тени и остановился около моего стола.

— Доброе утро, мистер Грейвс,— сказал он.

— Это ты свистел? — поинтересовался я.

— Угу, видать, это был я.

Он положил передо мной на стол корректуру.

— Ваша статья для сегодняшнего номера,— сказал он.— Та самая, в которой вы объясняете, почему вымерли мамонты и другие крупные животные. Я подумал, что, может, вам захочется взглянуть на нее.

Я пробежал глазами корректуру. Какой-то остряк из отдела литературной правки, как водится, состряпал для нее разухабистый заголовок.

— Раненько вы сегодня, мистер Грейвс,— заметил Лайтнинг.

— Нужно подготовить материал на две недели вперед,— сказал я.— Я уезжаю в командировку.

— Слыхал-слыхал,— оживился он.— По астрономической части.

— Что ж, пожалуй, это близко к истине. Загляну во все большие обсерватории. Должен написать серию статей о космосе. О дальнем. Всякие там галактики и тому подобное.

— Мистер Грейвс,— спросил Лайтнинг,— как по-вашему, они позволят вам хоть чуток посмотреть в телескоп?

— Сомневаюсь. Время наблюдений расписано до минуты.

— Мистер Грейвс...

— Что еще, Лайтнинг?

— Как вы думаете, есть там люди? На этих самых звездах?

— Понятия не имею. Этого никто не знает. Но, очевидно, где-нибудь все-таки должна существовать жизнь.

— Такая, как у нас?

— Нет, едва ли.

Лайтнинг потоптался немного и вдруг выпалил:

— Вот черт, чуть не забыл. Вас тут хочет видеть какой-то тип.

— Он здесь?

— Ага. Ввалился сюда часа два назад. Я сказал ему, что вы еще не скоро будете. А он все-таки решил подождать.

— Где же он?

— Прошел прямехонько в комнату радиопрослушивания и плюхнулся в кресло. Сдается мне, что он там заснул.

— Так пойдем посмотрим,— сказал я, поднимаясь со стула.

Мне следовало бы догадаться сразу. Такой номер мог отколоть один-единственный человек на свете. Только для него одного ничего не значило время суток.

Он полулежал в кресле с детски-наивной улыбкой на лице. Из многочисленных приемников неслось невнятное бормотание департаментов полиции, патрульных автомашин, пожарных депо и других учреждений, стоящих на страже законности и порядка, и под аккомпанемент всей этой тарабарщины он деликатно похрапывал.

Мы стояли и смотрели на него.

— Кто это, мистер Грейвс? — спросил Лайтнинг.— Вы его знаете, мистер Грейвс?

— Его зовут Карлтон Стирлинг,— ответил я.— Он биолог, работает в университете, и он мой друг.

— А на вид никакой он не биолог,— убежденно заявил Лайтнинг.

— Лайтнинг,— сказал я этому скептику,— со временем ты поймешь, что биологи, астрономы, физики и прочие представители этого ужасного племени ученых такие же люди, как и мы с тобой.

— Но ворваться сюда в три часа ночи! В полной уверенности, что вы здесь.

— Это он так живет,— объяснил я.— Ему и в голову не придет, что остальная часть человечества может жить иначе. Такой уж он человек.

Что правда, то правда, таким он и был.

У него были часы, но он ими не пользовался, разве что засекал по ним время, когда ставил опыты. Он никогда не знал, день сейчас или ночь. Проголодавшись, он без особой щепетильности любыми средствами раздобывал себе что-нибудь съестное. Когда его одолевал сон, он забивался в какой-нибудь уголок и проваливался на несколько часов. Закончив очередную работу или просто охладев к ней, он уезжал на север, к озеру, где у него была своя хижина, и бездельничал там денек-другой, а то и целую неделю.

Он с такой последовательностью забывал приходить на занятия, так редко являлся читать лекции, что администрация университета в конце концов махнула на него рукой. Там уже даже не притворялись, что считают его преподавателем. Ему оставили его лабораторию, и с молчаливого согласия начальства он окопался в ней со своими морскими свинками, крысами и приборами. Но деньги ему платили не зря. Он постоянно делал какие-то сенсационные открытия, что привлекало всеобщий интерес не только к нему, но и к университету. Что касается его лично, то он с легкой душой мог бы всю эту славу отдать университету. Будь то мнение прессы, официальной общественности или еще чье-нибудь — Карлтону Стирлингу все это было безразлично.

Он жил только своими экспериментами, жил только для того, чтобы без устали копаться в тайнах, существование которых воспринималось им как брошенный лично ему вызов. У не-

го была квартира, но иной раз он по нескольку дней кряду не заглядывал в нее. Чеки на зарплату он швырял в ящики письменного стола, и они скапливались там до тех пор, пока ему не звонили из университетской бухгалтерии, чтобы узнать, какая их постигла судьба.

Однажды он получил приз — не из высоких и импозантных, но все же достаточно почетный, к нему еще прилагалась небольшая денежная премия — и забыл явиться на торжественный ужин, на котором ему должны были этот приз вручить.

А сейчас он спал в кресле, запрокинув голову и вытянув свои длинные ноги под стойку радиоприемника. Он тихонько похрапывал, и в эту минуту в нем невозможно было распознать одного из самых многообещающих ученых мира — он походил, скорее, на проезжего, который случайно забрел сюда в поисках ночлега. Он нуждался не только в бритье — ему не помешало бы и постричься. Небрежно повязанный галстук сбился набок и весь был покрыт пятнами — вероятнее всего, от консервированного супа, который он разогревал прямо в банках и рассеянно ел, мысленно сражаясь с очередной проблемой.

Я шагнул в комнату и осторожно потряс его за плечо.

Проснулся он легко, даже не вздрогнул и, взглянув на меня снизу вверх, ухмыльнулся.

— Привет, Паркер,— сказал он.

— И тебе привет,— отозвался я.— Я бы дал тебе выспаться, но ты так вывернул шею, что я побоялся, как бы ты ее себе не сломал.

Он подобрался, встал и последовал за мной в информационный отдел.

— Уже почти утро,— проговорил он, кивнув на окна.— Пора просыпаться.

Я взглянул на окна и увидел, что на улице уже начинало светать.

Он расчесал пятерней свою густую шевелюру и, словно умываясь, провел несколько раз по лицу ладонью. Потом полез в карман и вытащил пригоршню скомканных банкнотов. Выбрав две бумажки, он протянул их мне.

— Держи,— сказал он.— Случайно вспомнил. Решил, что лучше отдать их сразу, а то опять вылетит из головы.

— Но, Карл...

Он тряс двумя бумажками, нетерпеливо суя их мне в руку.

— Года два назад,— бубнил он.— Тот уикенд, который мы с тобой провели у озера. Я тогда спустил все до последнего цента на игорные автоматы.

Я взял у него деньги и положил в карман. О том событии у меня остались довольно смутные воспоминания.

— Выходит, ты зашел только для того, чтобы отдать мне долг?

— Конечно,— ответил он.— Проезжал мимо и увидел возле дома стоянку. Решил навестить тебя.

— Но я ведь по ночам не работаю.

Он улыбнулся.

— Ну и что? Зато я немного всхрапнул.

— Я накормлю тебя завтраком. Тут через дорогу закусочная. Подают вполне съедобную яичницу с беконом.

Он покачал головой:

— Должен ехать обратно. И так потерял уже бездну времени. Меня ждет работа.

— Что-нибудь новенькое? — полюбопытствовал я.

Секунду поколебавшись, он ответил:

— Не для прессы. Пока. Может быть, позже, а сейчас — ни-ни. До этого еще далеко.

Я ждал, не спуская с него глаз.

— Экология,— произнес он.

— А точнее?

— Паркер, ведь ты же знаешь, что такое экология.

— Разумеется. Это взаимоотношение различных форм жизни и окружающих условий.

— А ты когда-нибудь задумывался над тем, какими свойствами должен обладать живой организм, чтобы совершенно не зависеть от окружающих его условий? Каким должно быть, если можно так выразиться, неэкологическое существо?

— Но ведь такое невозможно,— возразил я.— А пища, воздух...

— Пока это только идея. Предчувствие. Своего рода головоломка. Загадка приспособляемости. Вполне возможно, что это не даст никаких результатов.

— Все равно я теперь от тебя не отстану.

— Твое дело,— сказал он.— Кстати, когда выберешься ко мне, напомни про пистолет. Про тот, что я взял у тебя, уезжая к озеру.

Месяц назад, отправляясь в свою хижину, он одолжил у меня пистолет, чтобы поупражняться в стрельбе в цель. Ни одному мало-мальски нормальному человеку, за исключением Карлтона Стирлинга, не пришло бы в голову стрелять в цель из пистолета 303.

— Я израсходовал твои патроны,— сообщил он.— Купил новую коробку.

— Можно было обойтись без этого.

— Черт побери! — воскликнул он.— Я тогда отлично провел время.

Он даже не попрощался. Просто повернулся на каблуках и, выйдя из отдела, зашагал по коридору. Мы слышали, как его подошвы дробно застучали вниз по ступенькам.

— Мистер Грейвс,— изрек Лайтнинг,— у этого парня мозги набекрень.

Я оставил его слова без внимания. Вернулся к своему столу и попытался взяться за работу.

Глава 4

Вошел Гэвин Уокер. Он достал тетрадь с записью текущих дел и принялся ее изучать. Потом презрительно фыркнул.

— Опять некому работать,— с горечью пожаловался он мне.— Чарли позвонил, что болен. Не иначе как опохмеляется после пьянки. Эл занят тем мельбурнским делом в окружном суде. Берт все никак не разделается с серией статей о расширении сети бесплатных шоссейных дорог. Пора показать ему, где раки зимуют. Сколько можно тянуть!

Он снял пиджак, повесил его на спинку стула и бросил шляпу в плетеный проволочный ящик для бумаг. Гэвин стоял возле своего стола в ослепительном сиянии ламп, с воинственным видом закатывая рукава.

— Ей-богу,— проговорил он,— если в один прекрасный день загорится универмаг «Франклин», битком набитый покупателями, которые в мгновение ока превратятся в обезумевшее от ужаса, дико ревущее человеческое стадо...

— ...то тебе некого будет туда послать.

Гэвин по-совиному мигнул.

— Паркер,— сказал он,— ты угадал мою мысль.

В особо напряженные моменты он неизменно выступал с этим пророчеством. Мы уже выучили его наизусть.

«Франклин» был самым большим в городе универсальным магазином и самым крупным рекламодателем нашей газеты.

Я подошел к окну и выглянул на улицу. Уже светало. Город казался замороженным, мрачным и каким-то безжизненным, словно некая зловещая волшебная страна в преддверии зимы. По улице медленно проплыло несколько автомашин. Брели редкие пешеходы. Кое-где в окнах домов центральной части города светились огни.

— Паркер,— позвал Гэвин.

Я быстро повернулся к нему.

— Послушай,— отрезал я,— я знаю, что у тебя никого нет. Но мне необходимо поработать. Я должен подготовить массу статей. Для этого я так рано и пришел.

— Я вижу, как ты усиленно над ними работаешь,— ядовито заметил он.

— Иди к черту! — огрызнулся я.— Должен же я проснуться.

Я вернулся к столу и попытался заставить себя работать.

Появился Ли Хоукинс, редактор фотоотдела. У него буквально дым валил из ноздрей. Лаборатория испортила цветную фотографию для первой страницы. Изрыгая угрозы, он помчался вниз наводить порядок.

Постепенно подошли остальные сотрудники, помещение потеплело и ожило. Загорланили литправщики, требуя, чтобы Лайтнинг принес из закусочной напротив их утренний кофе. Недовольно ворча, Лайтнинг потащился через дорогу.

Я принялся за работу. Теперь она пошла легко. Одно за другим покатились слова, а в голове возникло множество идей: создалась соответствующая атмосфера, обстановка располагала к творчеству — уже поднялись те самые галдеж и суматоха, без которых не может существовать ни одна редакция газеты.

Когда я, закончив одну статью, уже взялся за следующую, кто-то остановился около моего стола.

Подняв глаза, я увидел Дау Крейна, репортера из отдела экономики. Дау мне нравится. Он не такое дерьмо, как Дженсен. Он пишет честно, без прикрас. И ни перед кем не угодничает. Не занимается очковтирательством.

Вид у него был хмурый. И я ему об этом сказал.

— Заботы одолели, Паркер.

Он протянул мне пачку сигарет. Он знает, что я не курю, но тем не менее всякий раз предлагает мне сигарету. Я отмахнулся от них. Тогда он закурил сам.

— Можешь оказать мне небольшую услугу?

Я ответил утвердительно.

— Вчера вечером мне домой позвонил один человек. Сегодня в первой половине дня он придет сюда. Говорит, что не может найти дом.

— А какой дом он ищет?

— Жилой. Хоть какой-нибудь, лишь бы в нем можно было жить. Говорит, что месяца три-четыре назад он продал свой собственный, а теперь не может купить другой.

— Что ж, очень прискорбно,— безразлично сказал я.— А мы-то тут при чем?

— Он говорит, что не он один оказался в таком положении. Утверждает, что таких, как он, очень много. Что во всем городе не найдешь ни одного свободного дома или квартиры.

— Дау, этот тип рехнулся.

— А может, и нет,— возразил Дау.— Ты просмотрел раздел объявлений?

Я отрицательно покачал головой.

— Мне они ни к чему,— сказал я.

— А я их просмотрел. Сегодня утром. Бесконечные столбцы объявлений — люди ищут жилье, любое жилье. Во многих объявлениях сквозит отчаяние.

— Но сегодняшняя статья Дженсена...

— Ты имеешь в виду этот бум в жилищном строительстве?

— Вот именно,— ответил я.— Все это как-то не вяжется, Дау. Статья и то, что тебе сказал этот человек.

— Может, и не вяжется. Даже наверняка. Послушай-ка, мне нужно ехать на аэродром, чтобы встретить одну важную персону, которая собирается к нам сегодня пожаловать. Это единственная возможность получить интервью для первого выпуска. Если в мое отсутствие зайдет тот парень, что звонил мне по поводу дома, ты с ним побеседуешь?

— Что за вопрос,— сказал я.

— Спасибо,— бросил Дау и вернулся к своему столу.

Лайтнинг принес заказанный кофе в помятом, заржавленном проволочном ящике для бумаг, который, когда им не пользовались, он держал под столом фотоотдела. И в ту же секунду поднялся невообразимый гвалт. Он принес чашку кофе со

сливками — никто не хотел пить кофе со сливками. Он принес три чашки кофе с сахаром, а сладкий кофе согласились пить только двое. Вдобавок он обсчитал на пирожках.

Я повернулся к машинке и снова принялся за работу.

Жизнь редакции входила в свой нормальный ритм.

Стоит отгреметь ежедневной кофейной битве между Лайтнингом и ребятами из отдела литературной правки, как уже точно знаешь, что все вошло в привычную колею и информационный отдел набрал наконец третью скорость.

Работал я недолго.

Мне на плечо легла чья-то рука.

Я поднял глаза — передо мной стоял Гэвин.

— Парк, старина,— проворковал он.

— Нет,— твердо сказал я.

— Из всей редакции только ты один сумеешь с этим справиться,— взмолился он.— Дело касается «Франклина».

— Только не говори мне, что там пожар и миллион покупателей...

— Нет, я о другом,— сказал он.— Только что звонил Брюс Монтгомери. В девять он созывает пресс-конференцию.

Брюс Монтгомери был президентом правления «Франклина».

— Этим занимается Дау.

— Дау уехал на аэродром.

Я сдался. У меня не было другого выхода. Гэвин готов был расплакаться. А я органически не переваривaю плачущих редакторов.

— Так и быть, поеду,— сказал я.— Что там стряслось?

— Не знаю,— ответил Гэвин.— Я спросил Брюса, но он уклонился от объяснений. Должно быть, что-то важное. Последний раз они созывали пресс-конференцию пятнадцать лет назад, чтобы объявить о вступлении Брюса Монтгомери на пост президента. Тогда впервые руководство универмагом было доверено человеку со стороны. До этого все руководящие должности занимали только члены семьи.

— Договорились,— сказал я.— Беру это на себя.

Он повернулся и рысью поскакал к столу отдела городских новостей.

Я крикнул рассыльного и, когда он наконец соизволил явиться, послал его в библиотеку за подборкой газетных вырезок со сведениями о «Франклине» за последние пять-шесть лет.

Я вынул вырезки из конвертов и пробежал их глазами. Они мало что прибавили к тому, что я знал раньше. Ни одного существенного факта. Тут были отчеты о показах моделей у «Франклина», о художественных выставках у «Франклина», заметки, в которых сообщалось, что служащие «Франклина» принимают активное участие в многочисленных общественных мероприятиях.

«Франклин» был очень стар и оброс множеством традиций. Как раз год назад он отпраздновал свой столетний юбилей. Со дня основания города он был своего рода семейным клубом, со своим уставом, соблюдавшимся с той особой бережностью, которая возможна лишь в условиях семейного клуба. Поколение за поколением горожан вырастали под сенью «Франклина», делая там покупки чуть ли не с колыбели до могилы, а честность торговли и качество его товаров вошли в поговорку.

Мимо моего стола шла Джой Кейн.

— Привет, дорогая,— сказал я.— Чем ты сегодня занимаешься?

— Скунсами,— ответила она.

— Тебе больше к лицу норка.

Она остановилась рядом со мной. Я ощутил слабый аромат ее духов и более того — близость ее красоты.

Она протянула руку и быстрым, чисто импульсивным движением взъерошила мне волосы, но тут же вновь стала воплощенным приличием.

— Это ручные скунсы,— сказала она.— Комнатные скунсы. Последний крик моды. Они без запаха, естественно.

— Ну еще бы,— отозвался я.

А про себя подумал: от такой красоты можно сойти с ума.

— Я ужасно разозлилась на Гэвина, когда он меня туда послал.

— Куда послал, в лес?

— Нет, на ферму, где разводят скунсов.

— Их что, прямо так и разводят, как свиней и кур?

— Конечно. Говорю тебе, что это ручные скунсы. Человек, который их разводит, уверяет, что из них получаются самые что ни на есть распрекрасные комнатные животные. Чистенькие, ласковые и страшно забавные. Его завалили заказами. Ему пишут из Нью-Йорка, Чикаго, со всех концов страны.

— У тебя, наверно, есть фотографии.

— Со мной ездил Бен. Он нащелкал кучу снимков.

— А где этот дядя достает своих скунсов?

— Я же тебе сказала. Он их выращивает.

— Я имею в виду, откуда он берет производителей.

— Покупает у охотников, которые ставят на них капканы. У деревенских мальчишек. За диких он дает хорошие деньги. Он ведь расширяет бизнес. А дикие ему нужны на развод. Скупает их в любом количестве, только подавай.

— Кстати, о деньгах,— сказал я.— Сегодня зарплата. Ты поможешь мне ее промотать?

— Разумеется. Ты разве забыл, что уже пригласил меня?

— На Пайнкрест-драйв открылся новый кабак.

— Это звучит заманчиво.

— Значит, в семь?

— Ни минутой позже. К тому времени я уже успею как следует проголодаться.

Она вернулась к своему столу, а я — к вырезкам. И еще раз убедился, что в них нет ничего существенного. Собрав вырезки, я вложил их обратно в конверты.

Я откинулся на спинку стула и принялся размышлять о скунсах, о Джой и о том, какими только глупостями не занимаются некоторые представители человечества.

Глава 5

Человек, сидевший во главе стола рядом с Брюсом Монтгомери, был лыс — вызывающе лыс, словно он гордился своей плешивостью, лыс до такой степени, что я невольно спросил себя, росли ли у него когда-нибудь волосы вообще. По голове его ползала муха, а он не обращал на нее никакого внимания. Меня передернуло от одного только вида этой мухи, с беспечной наглостью прогуливавшейся по голому розовому черепу. Пока она там резвилась, я буквально собственной кожей ощущал назойливое, доводящее до бешенства покалывание ее лапок.

Но незнакомец сидел как истукан, неотрывно глядя поверх наших голов на противоположную стену конференц-зала, словно его там что-то заворожило. Нас он не удостаивал взглядом. Казалось, мы для него просто не существовали. Вид у него был безучастный и несколько надменный, и сидел он совершенно неподвижно. Если б он еще и не дышал, он вполне сошел бы

за манекен, который Брюс Монтгомери приволок сюда с витрины и усадил за стол.

Муха перевалила через вершину лысого купола и исчезла, пустившись в странствия по заднему, невидимому для нас полушарию этого лоснящегося черепа.

Ребята с телевидения все еще возились с установкой аппаратуры, и Брюс то и дело бросал на них нетерпеливые взгляды.

Народу здесь набралось порядком. Представители радио и телевидения, репортеры из Ассошиэйтед Пресс и Юнайтед Пресс Интернейшнл; был также и внештатный корреспондент «Уолл-стрит джорнэл».

Брюс снова взглянул на телевизионную аппаратуру.

— Ну как, готово наконец? — спросил он.

— Минуточку, Брюс,— ответил один из парней.

Пришлось ждать, пока настраивались аппараты, протягивались кабели и беспорядочно суетились техники. С этими подонками с телевидения всегда так. Они, видите ли, считают, что без них не может обойтись ни одно событие, и поднимают скандал, если их куда-нибудь не пригласят, а стоит их только пустить, как они такого наворотят, что захочешь — не придумаешь. Перевернут все вверх дном, будут возиться до бесконечности, а ты сиди и жди.

И пока я сидел так, мне почему-то вдруг вспомнилось, как здорово мы с Джой провели последние несколько месяцев. Мы выезжали на пикники, вместе ездили на рыбалку, и она была самой замечательной девушкой из всех, которых я когда-либо встречал. Она была хорошим репортером, но, став репортером, она осталась женщиной, а это бывает далеко не со всеми. Большинство из них считают, что во имя какой-то традиции они просто обязаны вести себя грубо и нахально, а это, конечно, чистой воды блеф. Настоящие репортеры никогда не бывают такими грубиянами и хамами, какими их изображают в кинофильмах. Это самые обыкновенные работяги, которые из кожи вон лезут, чтобы получше справиться со своим делом.

На горизонте блестящего черепа вновь появилась муха. Немного потоптавшись на месте, она стала на передние лапки и задними почистила себе крылышки. Замерла на минутку, оценивая обстановку, потом повернулась и уползла обратно.

Брюс постучал по столу карандашом.

— Джентльмены,— произнес он.

В комнате стало так тихо, что я явственно слышал дыхание своего соседа.

И в этот момент, когда все мы ждали продолжения, я вновь ощутил, сколько достоинства и строгого вкуса было в убранстве этой комнаты, в ее пушистом ковре, богато отделанных деревом стенах, в ее тяжелых занавесях и двух написанных маслом картинах, которые висели на стене по ту сторону стола.

Эта комната, подумал я,— символ семьи Франклин, символ универмага, который был ее детищем, символ положения, которое эта семья занимала, и того, что она значила для нашего города.

— Джентльмены,— проговорил Брюс,— нет смысла начинать издалека. Произошло событие такого рода, что еще месяц назад я сказал бы о нем: этому никогда не бывать. Я сделаю сообщение, а потом задавайте вопросы...

Он на мгновение остановился, словно подыскивая подходящие слова. Он оборвал фразу на середине, но не понизил голоса. Лицо его было суровым и бледным.

Помолчав, он медленно и выразительно произнес:

— Универмаг «Франклин» продан.

Какое-то время ни один из нас не проронил ни слова — не оттого, что мы были ошеломлены и парализованы: мы просто не поверили своим ушам. Ведь из всего, что может нарисовать человеческое воображение, любому из нас это пришло бы в голову в последнюю очередь. Потому что универмаг «Франклин» и семья Франклин были традицией города. Универмаг и семья существовали здесь почти со дня его основания. Продать «Франклин» — это все равно что продать здание суда или церковь.

Лицо Брюса было жестким и непроницаемым, и я подивился, как у него хватило мужества произнести эти слова, ведь Брюс Монтгомери был такой же неотъемлемой частью «Франклина», как и семья Франклин, а за последние годы он, вероятно, еще теснее сросся с универмагом — он управлял им, заботился о нем, переживал за него столько лет, что мало кто из нас мог припомнить, с какого времени он начал этим заниматься.

Потом тишина взорвалась и со всех сторон посыпались вопросы.

Брюс жестом призвал нас к молчанию.

— Спрашивайте не меня,— сказал он.— На все ваши вопросы ответит мистер Беннет.

Лысый мужчина впервые заметил наше присутствие. Он отвел взгляд от противоположной стены и слегка кивнул нам.

— Если можно, не все сразу,— проговорил он.

— Мистер Беннет,— спросил кто-то из глубины комнаты,— это вы — новый владелец универмага?

— Нет, я всего лишь его представитель.

— А кто же тогда владелец?

— Этого я вам не могу сказать,— ответил Беннет.

— Значит ли это, что вы сами не знаете, кто он, или же...

— Это значит, что я не могу вам этого сказать.

— Не назовете ли вы нам сумму?

— Полагаю, что вы имеете в виду сумму, заплаченную за универмаг?

— Да, именно...

— Это тоже не подлежит оглашению,— сказал Беннет.

— Брюс! — раздался чей-то негодующий голос.

Монтгомери покачал головой.

— Будьте добры, обращайтесь к мистеру Беннету,— повторил он.— Он ответит на все ваши вопросы.

— Не скажете ли вы нам,— спросил я Беннета,— какую политику будет проводить новый владелец? Останется ли универмаг таким же, каким он был до сих пор? Сохранится ли прежняя политика в отношении качества товаров, кредита, гражданских...

— Универмаг,— твердо произнес Беннет,— будет закрыт.

— Вы имеете в виду — будет закрыт для реорганизации?..

— Молодой человек,— отчеканивая каждое слово, проговорил Беннет,— я вовсе не это имею в виду. Универмаг будет закрыт. И больше не откроется. «Франклин» перестанет существовать. Навсегда.

Я поймал взгляд Брюса Монтгомери. Проживи я хоть миллион лет, из моей памяти никогда не изгладятся испуг, изумление и боль, которые отразились на его лице.

Глава 6

Когда, ощущая затылком дыхание нависавшего надо мной Гэвина, я дописывал последнюю страницу, а отдел литературной правки стонал, что уже прошли все сроки выпуска газеты, позвонила секретарша издателя.

— Мистер Мэйнард желает с вами побеседовать,— сказала она,— немедленно, как только вы освободитесь.

— Уже кончаю,— бросил я и положил трубку.

Я дописал последний абзац и вытащил лист из машинки. Схватив его, Гэвин помчался к столу отдела литературной правки.

Он тут же вернулся и кивнул на телефонный аппарат.

— Старик? — спросил он.

Я ответил, что он самый.

— Видно, собирается как следует выпотрошить меня. Допрос третьей степени, с применением пыток.

Такая уж была у Старика манера. И вовсе не потому, что он нам не доверял. Не потому, что считал нас идиотами или портачами или подозревал, что мы что-нибудь замалчиваем. Мне думается, это в нем говорил газетчик — его толкала на это неодолимая тяга к выяснению подробностей, надежда на то, что, беседуя с нами, он выудит нечто, ускользнувшее от нашего внимания; промывка грубого песка фактов в поисках крупиц золота. Мне кажется, что благодаря этому он проникался чувством собственной значимости.

— Какой ужасный удар! — посетовал Гэвин.— Потерять такой жирный кусок! Наверно, тот парень, что ведет счета в отделе рекламы, сейчас в каком-нибудь темном углу перепиливает себе горло.

— Удар не только для нас,— добавил я.— Но и для всего города.

«Франклин» был не только торговым центром. Тщательно причесанные чопорные старые леди в опрятных костюмах регулярно устраивали в чайной комнате на седьмом этаже скромные пиршества. Домашние хозяйки, отправляясь за покупками, неизменно встречали у «Франклина» своих старых приятельниц и останавливались поболтать в проходах между прилавками. Там устраивались художественные выставки, читались лекции на возвышенные темы — короче, использовались все приманки, которые для американцев являются критерием изысканного вкуса. Для представителей всех классов, независимо от их образа жизни, «Франклин» был рынком, местом встреч и своего рода клубом.

Я поднялся из-за стола и пошел по коридору к кабинету босса.

Его зовут Уильям Вудро Мэйнард, и он неплохой малый.

У него в кабинете сидел Чарли Гендерсон, ведавший рекламой розничной торговли, и вид у обоих был встревоженный.

Старик предложил мне сигару из большой коробки, стоявшей на краю стола, но я отказался и опустился на стул рядом с Чарли — лицом к Старику, который восседал за столом.

— Я звонил Брюсу,— сказал Старик,— и он разговаривал со мной без особой охоты. Я бы даже сказал, уклончиво. Он не желает обсуждать эту тему.

— Естественно,— заметил я.— По-моему, это потрясло его не меньше, чем нас.

— Я тебя не понимаю, Паркер. Почему вдруг это должно было его так потрясти? Ведь наверняка он лично вел переговоры и заключил сделку о продаже.

— Речь идет о закрытии универмага,— пояснил я.— Если не ошибаюсь, мы сейчас говорим именно об этом. Мне кажется, Брюс не знал, что новый владелец собирается закрыть универмаг. Уверен, что, заподозри он что-нибудь подобное, сделка бы не состоялась.

— Что навело тебя на эту мысль, Паркер?

— Выражение лица Брюса,— ответил я.— В тот момент, когда Беннет объявил, что универмаг будет закрыт. На его лице были написаны изумление, возмущение и гнев и, пожалуй, даже отвращение. Как у человека, у которого четыре короля выпали против четырех тузов.

— Но он ведь промолчал.

— А что он мог сказать? Он заключил сделку, и универмаг был уже продан. Едва ли ему когда-нибудь приходило в голову, что кто-то может купить процветающее предприятие и тут же его закрыть.

— Верно,— задумчиво проговорил Старик,— все это как-то не вяжется.

— Не исключено, что это всего лишь рекламный трюк,— предположил Чарли Гендерсон.— Не более чем крючок для публики. Нельзя не признать, что за всю историю своего существования «Франклин» никогда не пользовался такой популярностью, как после сегодняшней пресс-конференции.

— «Франклин»,— твердо сказал Старик,— никогда не гнался за рекламой. Он в ней не нуждается.

— Через день-два,— не сдавался Чарли,— будет во всеуслышание объявлено, что универмаг опять открывается. Новое правление объяснит, что оно приняло во внимание протест обще-

ственности, которая потребовала, чтобы универмаг продолжал функционировать.

— У меня на этот счет другое мнение,— возразил я и в ту же секунду сообразил, что мне следовало бы попридержать язык. У меня ведь не было никаких доказательств, только какое-то интуитивное предчувствие. От всей этой сделки разило липой. Я готов был поклясться, что за ней скрывалось нечто большее, чем простая мистификация, которую на досуге измыслил какой-нибудь агент по рекламе.

Но никто из них не поинтересовался, почему я с ними не согласен.

— Паркер,— спросил Старик,— нет ли у тебя какой-нибудь мыслишки по поводу того, кто может стоять за этой сделкой?

Я покачал головой.

— Беннет отказался назвать нового владельца. Универмаг: здание, товары, репутация, связи — был куплен каким-то человеком или группой людей, которых этот Беннет представляет. Универмаг закрывается. Никаких объяснений, почему он закрывается. Ни звука о том, будет ли использовано здание для каких-нибудь других целей.

— Не сомневаюсь, что его допрашивали с пристрастием.

Я кивнул.

— И он ничего не сказал?

— Ни полслова,— ответил я.

— Странно,— произнес Старик.— Тут сам черт не разберется.

— А этот Беннет? — спросил Чарли.— Что ты о нем знаешь?

— Ничего. О себе он сказал только, что является представителем покупателя.

— Ты уже, конечно, пытался выяснить, кто он,— сказал Старик.

— Этим занимаются другие. Мне нужно было успеть написать статью для первого выпуска, а в моем распоряжении было всего двадцать минут. Гэвин послал своих людей навести о нем справки в отелях.

— Держу пари на двадцать долларов,— заявил Старик,— что они и следа его не найдут.

Вероятно, у меня был удивленный вид.

— Темная это история,— проговорил Старик.— С начала и до конца. Подготовку к такой сделке невероятно трудно сохранить в тайне. И однако же не просочилось никаких сведений, никаких слухов, ни звука.

— Если бы что-нибудь и выплыло,— подхватил я,— об этом бы знал Дау. А если б у него были какие-нибудь сведения, он, вместо того чтобы ехать на аэродром, занялся бы этим делом сам.

— Вполне с тобой согласен,— сказал Старик.— Дау прекрасно осведомлен о том, что происходит в городе.

— А не было ли в этом Беннете какой-нибудь особенности, которая могла бы хоть как-то облегчить разгадку? — спросил Чарли.

Я покачал головой. У меня в памяти остались только его поразительно лысый череп, ползавшая по этой лысине муха и то, что он не обращал на муху никакого внимания.

— Ну что ж, Паркер, спасибо,— произнес Старик.— Я нахожу, что ты поработал не хуже, чем обычно. Все сделано на высоком профессиональном уровне. Когда в информационном отделе сидят такие, как ты, Дау и Гэвин, можно жить спокойно.

Я поспешно ретировался, не дожидаясь, пока он размякнет настолько, что еще, чего доброго, заговорит о повышении моего жалованья. Это было бы ужасно.

Я вернулся в информационный отдел.

Из типографии только что принесли газету, и на первой странице красовалась моя статья — заголовок раскинулся на восемь столбцов, а под ним выстроились все двенадцать букв моего полного имени.

Здесь же, на первой странице, была и фотография Джой со скунсом на руках, и, судя по ее виду, она прямо-таки таяла от восторга. Под фотографией была напечатана ее заметка, которую какой-то мудрец из отдела литературной правки не преминул снабдить стандартным броским заголовком.

Я отправился к столу отдела городских новостей и остановился рядом с Гэвином.

— Как продвигаются поиски Беннета? — спросил я.— Тебе удалось что-нибудь выяснить?

— Полная неудача,— взорвался он.— Мне кажется, что он вообще не существует. По-моему, ты его высосал из пальца.

— Быть может, Брюс...

— Я звонил Брюсу. Он считал, что Беннет остановился в одном из отелей. Он сказал, что этот тип никогда не говорил ни о чем, кроме бизнеса. Ни разу не упомянул ни единой фамилии.

— А как с отелями?

— Его там нет и никогда не было. За последние три недели ни в одном из отелей не останавливалось ни одного Беннета. Сейчас мы прочесываем мотели, но уверяю тебя, Паркер, что это напрасная трата времени. Такой человек не существует.

— А может, он зарегистрировался под другим именем. Проверь всех лысых...

— Скажите, какой умный,— прорычал Гэвин.— А ты хотя бы приблизительно представляешь себе, сколько лысых мужчин регистрируется каждый день в наших отелях?

— Нет,— сознался я.— Не представляю.

Гэвин, как обычно, был взвинчен, и разговаривать с ним было бесполезно. Я отошел от него и направился было в другой конец комнаты, чтобы перебросить парой слов с Дау. Но, увидев, что его нет на месте, остановился у своего стола.

Я взял лежавшую на столе газету и присел просмотреть ее. Прочел свою статью, обозлился на себя за два неряшливых, неуклюжих абзаца. Обычная история, когда пишешь в спешке. Стараешься написать получше, а к следующему выпуску все равно приходится переделывать.

Поэтому я швырнул на стол машинку и заново переписал эти абзацы. С помощью линейки я аккуратно вырвал статью из газеты и наклеил ее на два листа плотной бумаги. Перечеркнул оба оскорбивших мои чувства абзаца и пометил их для помощника редактора. Еще раз пробежав статью, я выудил несколько опечаток и для гладкости слога подправил одну-две фразы.

Просто чудо, что мне вообще удалось написать эту статью, подумал я, вспомнив, как, развалясь на стульях, парни из отдела литературной правки истошно вопили, что уже прошли все сроки, а за моей спиной нетерпеливо приплясывал Гэвин, выпаливая вслух каждую новую строчку.

Я отнес вставки и помеченный экземпляр статьи в отдел городских новостей и бросил все это в ящик. Потом вернулся к себе и разложил на столе искромсанную газету. Прочел заметку Джой — просто прелесть! Поискал интервью, за которым Дау поехал на аэродром, но его в газете не оказалось. Я пошарил глазами по комнате, но Дау как сквозь землю провалился.

Бросив газету на стол, я не стал больше ничем заниматься и попытался вспомнить, что произошло сегодня утром в конференц-зале «Франклина». Но в памяти возникла только ползавшая по лысому черепу муха.

И вдруг я вспомнил кое-что еще.

Гендерсон спросил меня, не было ли в Беннете какой-нибудь особой черточки, которая помогла бы раскрыть его личность. Я тогда ответил отрицательно.

Но я невольно солгал. Потому что кое-что все-таки было. Если и не ключ к разгадке, то во всяком случае нечто чертовски странное. Теперь я вспомнил — это был его запах. Лосьон для бритья, подумал я, когда на меня впервые слегка пахнуло этим запахом. Но лосьон, совершенно мне незнакомый. Не каждому мужчине пришелся бы он по вкусу. Не потому, что он был вульгарным и резким — ведь это был лишь едва ощутимый намек на запах. Просто такой запах не имел ничего общего с человеческим существом.

Я продолжал сидеть за столом, пытаясь найти этому запаху какое-нибудь определение, придумать, с чем его можно сравнить. Но безуспешно, потому что, хоть тресни, я никак не мог припомнить сам запах. Но тем не менее я был глубоко убежден, что, почувствуй я этот запах еще раз, я его обязательно узнаю.

Я встал и побрел к столу Джой. Когда я подошел к ней, она бросила печатать. Подняв голову, она взглянула на меня, и глаза ее так блестели, словно она едва сдерживала слезы.

— В чем дело? — спросил я.

— Ах, Паркер,— проговорила она.— Ну какие же это несчастные люди! Просто сердце разрывается.

— Что это за несчастные...— начал было я, но тут же сообразил, что могло с ней произойти.

— Каким образом к тебе попало это дело? — спросил я.

— Они пришли к Дау,— объяснила она.— А его не было. И все остальные были очень заняты. Поэтому Гэвин привел их ко мне.

— Я собирался заняться этим сам,— сказал я.— Дау попросил меня, и я согласился. А потом началась эта кутерьма с «Франклином», и я обо всем забыл. Однако мне казалось, что должен был прийти только один человек. А ты говоришь о нескольких...

— Он привел с собой жену и детей, и они сели в кружок и уставились на меня большими серьезными глазами. Они рассказали, как продали свой дом — семья росла, и в нем стало тесновато,— а теперь не могут найти другой. Через день-два они уже должны выехать из своего дома, и им совершенно некуда приткнуться. Вот так и сидят они, выкладывают свои горести и смотрят на тебя с надеждой. Точно ты Дед Мороз, или добрая

фея, или еще кто-нибудь из этой компании. Точно у тебя в руке не карандаш, а волшебная палочка. Точно они уверены, что ты вмиг можешь решить все их проблемы и навести полный порядок. У людей странное представление о газетах, Паркер. Им кажется, что мы волшебники. Им кажется, что, как только их история будет напечатана в газете, все изменится к лучшему. Им кажется, что мы можем творить чудеса. А ты сидишь, смотришь на них, а про себя думаешь, что ничегошеньки-то ты не можешь.

— Все понятно,— произнес я.— Только не принимай это близко к сердцу. Ты не имеешь права распускаться. Тебе следует быть потверже.

— Паркер,— попросила она,— убирайся отсюда, мне нужно кончить статью. Гэвин уже минут десять мечет икру.

Это было сказано совершенно искренне. Она действительно хотела от меня избавиться, чтобы получить возможность спокойно выплакаться.

— О'кей,— согласился я.— До вечера.

Вернувшись к своему столу, я спрятал статьи, которые написал утром. Потом надел шляпу и пальто и отправился промочить горло.

Глава 7

Эд в полном одиночестве стоял за стойкой, положив на нее локти и поддерживая руками голову. Вид у него был не блестящий. Я влез на табурет и выложил пять долларов.

— Налей-ка мне, Эд, стаканчик. Да побыстрее,— сказал я.— Душа требует.

— Придержи свои деньги,— прохрипел он.— Я угощаю.

Я чуть не свалился с табурета. Такого за ним никогда не водилось.

— Ты что, спятил? — спросил я.

— Ничуть не бывало,— ответил Эд, доставая виски моей марки.— Я сворачиваю дело. Вот и угощаю своих старых верных клиентов, когда кто-нибудь из них заглядывает ко мне.

— Стало быть, уже сколотил состояние,— заметил я, не придав значения его словам: у парня что ни слово, то острота, скажет что угодно, лишь бы схохмить.

— Мне отказали в аренде помещения,— сообщил он.

— Что ж, хорошего мало,— посочувствовал я.— Но ведь наверняка можно найти дюжину других помещений прямо здесь, по соседству.

Эд скорбно покачал головой.

— Моя песенка спета,— сказал он.— Идти мне некуда. Где только я не спрашивал. Если хочешь знать мое мнение, Паркер, у нас не муниципалитет, а вонючее болото. Кому-то приглянулась моя лицензия. И кто-то хорошо подмазал кое-кого из членов городского совета.

Он налил виски и подвинул ко мне стакан.

Он налил и себе тоже, а такого не позволяет себе ни один бармен. Сразу было видно, что ему теперь хоть трава не расти.

— Двадцать восемь лет,— сокрушенно проговорил он.— Вот сколько я здесь проработал. У меня в заведении всегда было очень прилично. Ты ведь не дашь соврать, Паркер. Ты же был постоянным клиентом. Сам знаешь, как у меня тут было. Никакого хулиганья, никаких женщин. И ты, верно, не раз видел у меня полицейских, как они сидели тут рядком и пили за счет заведения.

Я полностью с ним согласился. Все это была святая правда.

— Я знаю, Эд,— сказал я.— Ей-богу, ума не приложу, как наша банда будет выпускать газету, если ты закроешь бар. Ребятам некуда будет забежать, чтобы промыть мозги от всякой дряни. На добрых восемь кварталов нет больше ни одного бара.

— Не знаю, что и делать,— продолжал он.— Я еще слишком молод, чтобы не работать, да и нет у меня ни гроша. Мне нужно зарабатывать себе на жизнь. Я, конечно, могу работать на кого-нибудь. Почти в каждом баре города найдется для меня местечко. Но я ведь всегда был хозяином, а тут уж пришлось бы привыкать к другому раскладу. Честно тебе скажу, для меня это было бы трудновато.

— Какое безобразие! — возмутился я.

— Я и «Франклин»,— продолжал он.— Мы уйдем вместе. Я только что прочел об этом в газете. В твоей статье. Да, без «Франклина» город будет уже не тот.

Я заверил его, что и без него город уже не будет прежним, и он налил мне еще.

Он все стоял, а я сидел, и мы долго еще толковали об этом — о закрытии «Франклина», об аренде, в которой ему отказали,— не в силах понять, ни он, ни я, куда катится этот окаянный мир. Я попытался всучить ему деньги. Я убеждал его, что, даже

закрывая бар, он не имеет права задарма разбазаривать свои напитки, на что он ответил, что достаточно заработал на мне за последние шесть или семь лет и может позволить себе один разок напоить меня бесплатно.

Подошли еще какие-то люди, и Эд отправился их обслуживать. Поскольку это были чужие, а может, просто заходили сюда только от случая к случаю, Эд взял с них деньги. Он выбил в кассе чек, отсчитал сдачу и вернулся ко мне.

И мы вновь принялись обсуждать создавшееся положение, без конца повторяясь и не замечая ничего вокруг.

Я выбрался оттуда только после двух.

Расчувствовавшись, я пообещал Эду, что до того, как он закроет бар, я обязательно загляну к нему поболтать напоследок.

Если учесть, сколько я влил в себя, мне полагалось быть мертвецки пьяным. Но я был трезв как стеклышко. Только страшно подавлен.

Я пошел было в редакцию, но на полпути решил, что идти мне туда незачем. До конца работы оставался какой-нибудь час, а то и меньше, и в это время дня, когда основной материал уже сдан в производство, делать мне там было нечего. Я мог, правда, написать парочку статей, но для этого у меня не было настроения. И я решил поехать домой. Сегодня уж я побездельничаю, а статьи напишу в субботу или в воскресенье.

Поэтому я пошел на стоянку, путем сложных маневров вывел машину на улицу и не спеша покатил домой, старательно соблюдая все правила уличного движения, чтобы меня не засек какой-нибудь полицейский.

Глава 8

Я въехал во двор и, свернув за дом, поставил машину на площадку, отведенную под стоянку.

Здесь, за домом, было очень тихо, и, прежде чем покинуть машину, я немного посидел в ней. Пригревало солнце, и здание, огораживая площадку с трех сторон, не пропускало сюда ни малейшего ветерка. У одного из углов дома рос чахлый тополь, и сейчас в своем наряде из красно-желтых листьев он сверкал под солнцем, точно дерево земли обетованной. Дремал убаюканный солнцем и временем воздух, и мой слух уловил постукивание когтей бежавшей по дорожке собаки. Вслед за этим

появился и сам пес. Увидев меня, он сел и навострил в мою сторону уши. Размером он был с теленка и так лохмат, что напоминал бесформенную глыбу. Он поднял увесистую заднюю лапу и с важным видом принялся вычесывать блох.

— Здравствуй, песик,— сказал я.

Он встал и затрусил по дорожке. Перед тем как скрыться за углом, он на секунду остановился и оглянулся на меня.

Я вылез из машины и, завернув за угол дома, пошел по дорожке к входной двери. В тишине и пустоте вестибюля эхом отдавался звук моих шагов. В моем почтовом ящике я нашел два письма и, засунув их в карман, стал медленно подниматься на второй этаж.

Первым делом я немного вздремну, сказал я себе. Я ведь встал очень рано, и это уже давало себя знать.

Перед моей дверью в ковре по-прежнему зиял полукруглый вырез. Остановившись в недоумении, я уставился на него. Я о нем почти забыл, но сейчас моя память мгновенно восстановила картину ночного происшествия. При виде изуродованного ковра меня пробрала дрожь, и я стал рыться в карманах в поисках ключей, чтобы поскорее войти в квартиру и отгородиться от этого полукруга.

Очутившись в квартире, я запер за собой дверь, бросил на стул шляпу и пальто и огляделся. Все было в полном порядке. Ни малейшего движения, ни шороха, ничего подозрительного.

Особого шику в моей квартире не было, но она меня вполне устраивала. Она принадлежала мне одному и за долгие годы скитаний была первым местом, где я прожил достаточно долго, чтобы уже считать ее своим домом. Я прожил в ней шесть лет, и мы с ней притерлись друг к другу. У одной стены стоял шкафчик с оружием, в углу — приемник, а значительную часть комнаты, выходившей окнами на улицу, занимал набитый книгами чудовищного вида шкаф, который я смастерил своими собственными руками.

Я прошел на кухню и, заглянув в холодильник, нашел там томатный сок. Налив себе стакан сока, я присел к столу, и в тот момент, когда я садился, в кармане у меня зашуршали письма, и я вытащил их. Одно было из союза, и я понял, что это очередное напоминание о необходимости уплатить взносы. Второе — от какой-то фирмы с длинным многословным названием.

Это письмо я вскрыл и вытащил из конверта один-единственный листок бумаги.

«Дорогой мистер Грейвс,— прочел я,— *ставим вас в известность, что на основании статьи 31-й мы аннулируем ваш договор об аренде квартиры № 210, "Уэллингтон Армз". Срок вышеуказанного договора истекает 1 января будущего года».*

Ниже стояла неразборчивая подпись.

Все это было крайне подозрительно, потому что лица, пославшие письмо, не были владельцами дома. Дом принадлежал Старине Джорджу Уэберу, который жил на первом этаже в сто шестнадцатой квартире.

Я было поднялся, чтобы броситься вниз и, взяв Старину Джорджа за горло, потребовать у него объяснений. Но тут же вспомнил, что Старина Джордж и миссис Джордж укатили в Калифорнию.

Быть может, подумал я, Старина Джордж на время своего отсутствия передал этим людям ведение дел по дому. А если это так, то произошла какая-то ошибка. Ведь мы были приятелями — Старина Джордж и я. Он никогда бы не вышвырнул меня из квартиры. Он то и дело тайком пробирался ко мне, чтобы опрокинуть рюмку-другую чего-нибудь покрепче, и каждый вторник мы вечером перекидывались с ним в картишки, а почти каждую осень вместе ездили в Южную Дакоту стрелять фазанов.

Еще раз взглянув на отпечатанный типографским способом заголовок, я увидел, что фирма называлась «Росс, Мартин, Парк и Гоубел». Под названием фирмы маленькими буквами стояло: «Купля-продажа недвижимой собственности».

Мне захотелось ознакомиться с содержанием этой 31-й статьи, и я вознамерился было ее прочесть, но сразу сообразил, что совершенно не представляю, куда я положил копию договора. Скорее всего, она была где-то здесь, в квартире, но где именно — я не имел ни малейшего представления.

Я пошел в гостиную и набрал номер «Росса, Мартина, Парка и Гоубела».

Из трубки мне ответил голос — высокий, профессионально любезный (как-я-рада-что-вы-позвонили) женский голос.

— Мисс,— сказал я ей,— в вашей конторе кто-то здорово начудил. Я получил письмо, из которого следует, что меня вышвыривают из моей квартиры.

Раздался щелчок, и место женщины занял мужчина. Я объяснил ему, что произошло.

— При чем тут ваша фирма? — спросил я.— Насколько мне известно, дом принадлежит моему доброму соседу и старому приятелю Джорджу Уэберу.

— Вот тут-то вы и ошибаетесь, мистер Грейвс,— возразил этот господин голосом, который своей невозмутимостью и напыщенностью сделал бы честь любому судье.— Несколько недель назад мистер Уэбер продал собственность, о которой идет речь, одному из наших клиентов.

— Старина Джордж мне об этом даже не заикнулся.

— Может, это он по рассеянности,— с легкой тенью издевки предположил человек на другом конце провода.— А может, просто не представился случай: наш клиент вступил во владение в середине этого месяца.

— И с ходу послал мне уведомление об аннулировании моего арендного договора?

— Он аннулирует все договора, мистер Грейвс. Дом ему нужен для других целей.

— Скажем, чтобы использовать его в качестве стоянки для автомашин?

— Совершенно верно,— подтвердил тот.— Именно в качестве стоянки.

Я бросил трубку. Я даже не взял себе за труд попрощаться с ним. Мне стало ясно, что толку от этого человека не добьешься.

Я тихо сидел в гостиной, прислушиваясь к уличному шуму. Болтая и хихикая, мимо прошли две девушки. В окна, выходившие на запад, лился теплый, насыщенный свет зрелого послеполуденного солнца.

Но в комнате веяло холодом — ужасным, леденящим холодом, который просачивался из какого-то иного измерения и пронизывал меня до костей.

Вначале «Франклин», потом бар Эда, а теперь эта квартира, которую я называл своим домом. Нет, неверно, мысленно поправил я себя; первой ласточкой был человек, который позвонил Дау, а потом встретился с Джой и поведал ей о своих мытарствах с поисками дома. Он и все те, кто вложил свое отчаяние в сухие строчки газетных объявлений,— первыми были они.

Я взял газету, которую, войдя в комнату, небрежно бросил на письменный стол, раскрыл ее на странице, где печатались объявления, и увидел, что Дау сказал тогда правду. Вот они,

выстроились столбцами под рубриками «Ищу дом» или «Ищу кв.». Короткие жалкие строчки типографского шрифта, молившие о пристанище.

«Что происходит? — спросил я себя.— Что могло так внезапно случиться со всеми жилыми помещениями? Где же они, все эти новые многоквартирные дома, которые, поглощая акр за акром, вырастали в пригородах как грибы?»

Бросив на пол газету, я набрал номер одного знакомого мне агента по продаже и найму недвижимой собственности. Секретарша попросила меня подождать, пока он кончит говорить по другому телефону.

Наконец он взял трубку.

— Чем могу быть полезен, Паркер? — спросил он.

— Меня выбросили на улицу,— сказал я.— Мне нужна крыша над головой.

— О господи! — простонал он.

— Меня устроит комната,— добавил я.— Одна большая комната, если нет ничего получше.

— Послушай, Паркер, какой тебе дали срок?

— До первого января будущего года.

— Может статься, за это время я сумею что-нибудь для тебя сделать. Возможно, что обстановка несколько разрядится. Буду иметь тебя в виду. Говоришь, тебе подойдет почти любое помещение?

— Неужели и вправду так плохо, Боб?

— Они приходят ко мне в контору. Они обрывают телефон. Буквально отбоя нет от людей, которые ищут жилье.

— Но что произошло? Ведь полным-полно новых домов, а сколько еще строится! Все лето на фасадах висели объявления о продаже или сдаче внаем квартир и домов.

— Не знаю,— сказал он тоном человека, озверевшего от собственного бессилия.— Я даже не пытаюсь ответить. Я просто ни черта не понимаю. Я мог бы продать тысячу домов. Я мог бы снять любое количество квартир. Но у меня нет ни одного дома, ни одной квартиры. Я сижу сложа руки и качусь к полному банкротству, потому что у меня нет ни единого предложения. Вот уже добрых десять дней, как их число свелось к нулю. Люди валяются у меня в ногах. Предлагают мне взятки. Им кажется, что я веду нечестную игру. Сроду у меня не было столько клиентов, а я не в состоянии вести с ними дела.

— В городе много приезжих?

— Что ты, Паркер, не думаю. Во всяком случае не настолько же.

— Так, может, квартиры ищут молодожены?

— Поверь мне, что половина моих клиентов — пожилые люди, которые продали свои дома, потому что дети выросли и живут самостоятельно, а им самим понадобилось жилье поменьше. Другие, и таких тоже немало, продали свои дома потому, что их семьи разрослись и им потребовалось дополнительное помещение.

— А на сегодняшний день,— подхватил я,— свободных жилых помещений нет и в помине.

— Вот именно,— подтвердил он.

Больше нам говорить было не о чем.

— Спасибо, Боб.

— Я постараюсь что-нибудь для тебя присмотреть,— пообещал он.

Тон его не вселял особых надежд.

Я повесил трубку и, сидя у телефона, стал размышлять над тем, что же все-таки происходит. Я был убежден, что все это неспроста. Подобную ситуацию невозможно объяснить одним только необычным повышением спроса. Нечто бросило вызов всем экономическим законам.

Чутье мне подсказывало, что за этим скрывается крупная сенсация. «Франклин» продан, Эду отказано в аренде помещения, Старина Джордж продал этот дом, толпы отчаявшихся людей штурмуют конторы по продаже и найму недвижимой собственности, пытаясь раздобыть себе кров.

Я встал, надел пальто и шляпу. Выходя из квартиры, я постарался не глядеть на полукруглый вырез в ковре.

У меня возникло ужасное подозрение — подозрение, от которого кровь стыла в жилах.

Рядом с моим домом проходила торговая улица, одна из тех торговых улиц, где магазины открылись много лет назад, задолго до того, как кому-то взбрело в голову как попало распихать торговые центры по окраинам.

Если мое подозрение правильно, ответ я получу в торговом центре — в любом торговом центре.

И я отправился на поиски этого ответа.

Глава 9

Через полтора часа, когда я все узнал, я похолодел от ужаса.

У большей части расположенных здесь торговых фирм договора на аренду помещения были либо аннулированы, либо к тому шло дело. Несколько хозяев — из тех, у кого договора были заключены давно,— продали свои магазины. Судя по всему, за последние две-три недели большинство окрестных домов переменило хозяев.

Я беседовал с людьми, впавшими в отчаяние, беседовал с теми, кто уже потерял всякую надежду. Некоторые были озлоблены, встречались и такие, которые откровенно признавали, что потерпели полный крах.

— А! Это и к лучшему,— сказал мне один аптекарь.— Как подумаешь о нынешней системе налогов, обо всех этих инструкциях, о вмешательстве правительства, так просто диву даешься, каким нужно быть изворотливым, чтобы в таких условиях вести дело. Конечно, я искал помещение. Но просто по привычке. Привычки живучи, и мало в ком они умирают легко. Но помещений нет. Деваться мне некуда. Поэтому я постараюсь повыгоднее продать свои товары и сброшу с себя это ярмо, а там видно будет.

— У вас есть какие-нибудь планы? — спросил я.

— Понимаете, мы с женой уже давно поговариваем о том, что нам не мешало бы хорошенько отдохнуть. Но так до сих пор и не собрались взять себе отпуск. Все руки не доходили. Этот бизнес держал меня в тисках, а хорошего помощника найти очень трудно.

Попался мне и парикмахер, который в такт своим словам размахивал ножницами, гневно щелкая ими в воздухе.

— Видали вы такое? — воскликнул он.— Человек больше не может зарабатывать себе на жизнь. Уж они постараются лишить вас куска хлеба!

Мне захотелось спросить, кто эти «они», но он не давал мне рта раскрыть.

— Бог свидетель, я и так зарабатываю жалкие гроши,— продолжал он.— Парикмахерское дело теперь совсем не то, что было когда-то. Одни стрижки. Иной раз еще и мытье головы — вот и все. А ведь, бывало, мы их брили, делали им массаж лица, и все они как один требовали, чтобы им мазали волосы брилли-

антином. А нынче нам остались одни только стрижки. И теперь они хотят отнять у меня даже эти крохи.

Мне все-таки удалось спросить, кто эти таинственные «они», но он так и не смог ответить. Он даже обиделся. Решил, что я его разыгрываю.

Две старые фирмы, которые помещались в собственных домах, отказались эти дома продать, хотя суммы, которые им предлагали, были одна соблазнительнее другой.

— Видите ли, мистер Грейвс,— сказал мне старый джентльмен в одной из этих уцелевших фирм,— в другое время я, возможно, и принял бы такое предложение. Быть может, я сделал большую глупость, отказавшись от него. Но я слишком стар. Я и этот магазин — мы так срослись, что стали частью друг друга. Для меня продать дело — все равно что продать самого себя. Пожалуй, вам этого не понять.

— Напрасно вы так думаете,— возразил я.

Он поднял бледную старческую руку с поразительно вздутыми голубыми венами, резко выделявшимися на фарфоровом фоне его кожи, и пригладил жидкие седые волосы, которые едва прикрывали его череп.

— Существует такое понятие, как гордость,— произнес он.— Гордость за то, как у тебя поставлено дело. Уверяю вас, что никто на свете не повел бы это дело так, как веду его я. В нынешнее время, молодой человек, люди забыли хорошие манеры. Забыли, что такое любезность. Что такое уважение. Отвыкли думать хорошо о своем ближнем. Деловой мир превратился в сплошные бухгалтерские операции, выполняемые машинами или людьми, очень похожими на машины своей бездушностью. В мире нет чести, нет доверия, и его этикой стала этика волчьей стаи.

Он протянул свою фарфоровую руку и положил ее мне на рукав — так легко, что я даже не почувствовал ее прикосновения.

— Вы говорите, что все мои соседи остались без помещения или продали свое дело?

— Большинство.

— А Джейк — на том конце улицы,— он не продал? Тот, у которого мебельный магазин? Правда, он старый негодяй и плут, но он придерживается того же мнения, что и я.

Я сказал ему, что он не ошибся. Джейк не собирался продавать дело. Он был одним из тех немногих, кто воздержался от продажи.

— У нас с ним много общего,— проговорил старик.— Мы оба смотрим на торговлю как на занятие ответственное и привилегированное. А другие видят в ней только способ наживы. Разница между нами в том, что у Джейка есть сыновья, которым он может оставить свое дело. Быть может, он еще и из-за этого так упорно держится за магазин. Другое дело я. Семьи у меня нет. Нас всего двое — я и сестра. Когда мы умрем, с нами умрет и наш бизнес. Но пока мы живы, мы никуда отсюда не уйдем и из последних сил будем честно служить людям. Потому что торговля, сэр,— это нечто большее, чем подсчет доходов. Это возможность приносить пользу, возможность внести свой вклад. Торговля склеивает нашу цивилизацию в единое целое, и для человека, любого человека, не может быть более достойной профессии.

Это прозвучало как далекий звук трубы из какой-то другой эпохи, и, возможно, так оно и было на самом деле. На мгновение мне показалось, что в синеве затрепетали яркие гордые стяги, и я ощутил новизну и безоблачность навсегда ушедших дней.

И должно быть, старику привиделось то же самое, потому что он вдруг сказал:

— Теперь уж все потускнело. Только в немногих, изолированных от мира уголках нам удается поддерживать былой блеск.

— Благодарю вас, сэр,— произнес я.— Вы мне очень помогли.

Когда мы обменивались прощальным рукопожатием, я спросил себя, почему я ему так сказал. И сразу же понял, что это правда,— в его поведении и словах было нечто такое, что отчасти вернуло мне веру. Во что? Этого я и сам не знал толком. Быть может, веру в Человека. Веру в незыблемость мира. А может, в какой-то степени и веру в самого себя.

Я вышел из магазина и, остановившись на тротуаре, зябко поежился — меня не согревало последнее тепло предвечернего солнца.

Потому что теперь происходящее больше не было простой случайностью. Дело тут не только во «Франклине» или моей квартире. Не только в Эде, которому отказали в аренде помещения. Не только в тех людях, которые не могли найти для себя жилье.

Все это разворачивалось по плану — по плану, который вел к какой-то ужасной цели. И осуществлялось с поистине дьявольской тщательностью.

И за всем этим стояла какая-то отлично слаженная организация, действовавшая быстро и в полной тайне. Ибо, судя по всему, все сделки были заключены в пределах последних двух-трех месяцев и все договора вступали в силу примерно в одно и то же время.

Я не знал одного и мог только строить предположения: сколько понадобилось людей — один человек, несколько или целая армия,— чтобы все это провернуть; ведь кто-то должен был предлагать цену, торговаться и, наконец, заключать сделку. Я попробовал выяснить это, но безрезультатно. Моими собеседниками в основном были люди, которые свои помещения снимали, и, естественно, им об этом ничего не было известно.

Дойдя до угла, я зашел в аптеку. Втиснулся в телефонную будку, набрал номер редакции и попросил телефонистку соединить меня с Дау.

— Где тебя черти носят? — спросил он.

— *Решил немного проветриться,*— ответил я.

— У нас тут сумасшедший дом,— сказал Дау.— Дирекция «Хеннесси» сообщила, что им отказали в аренде помещения.

— «Хеннесси»?!

Впрочем, после того, что я узнал, я мог бы и не удивляться.

— Просто уму непостижимо,— пожаловался Дау.— Это надо же — оба в один и тот же день.

«Хеннесси» был вторым по величине универсальным магазином. Когда они с «Франклином» закроются, центральный торговый район города превратится в пустыню.

— Ты так и не успел тиснуть свое интервью в первом выпуске,— заметил я, выгадывая время, чтобы решить, стоит ли быть с ним откровенным до конца.

— Самолет опоздал,— буркнул он.

— Как им удалось сохранить это в такой тайне? — спросил я.— Ведь до сегодняшнего дня никто даже краем уха не слышал, что «Франклин» продается.

— Я пошел к Брюсу,— сказал Дау.— И спросил его об этом напрямик. А он мне показал договор — имей в виду, это строго между нами. Там есть статья, по которой сделка автоматически аннулируется в случае преждевременной огласки.

— А что с «Хеннесси»?

— Здание принадлежало «Ферст нейшнл». Видно, в их договоре есть такая же статья. «Хеннесси» может еще с год продержаться, но нет ведь другого помещения...

— Надо полагать, что им отвалили хорошие денежки. Во всяком случае, достаточно хорошие, чтобы заставить их держать язык за зубами из боязни упустить такую выгодную сделку.

— Что касается «Франклина», то так оно и было. Скажу тебе, опять-таки строго конфиденциально, что сумма, уплаченная за «Франклин», вдвое превышает ту, которую дал бы за него любой здравомыслящий покупатель. И, заплатив такие деньги, новый владелец закрывает его. Вот что больше всего мучает Брюса. Словно кто-то настолько возненавидел этот универмаг, что заплатил за него двойную цену только для того, чтобы получить возможность его закрыть.

Секунду поколебавшись, Дау добавил:

— Паркер, но это же бессмысленно. Я хочу сказать, что это совершенно не имеет смысла с точки зрения бизнеса.

Так вот в чем причина всей этой секретности, тем временем думал я. Вот почему не было никаких слухов. Вот почему Старина Джордж скрыл от меня продажу дома — он и в Калифорнию-то удрал, чтобы не оказаться в неловком положении, когда жильцы и друзья потребуют от него объяснений, почему он не сообщил им о продаже дома.

Стоя в телефонной будке, я рассуждал, возможно ли, что подобные ограничительные статьи были включены в каждый договор и сроки действия этих статей истекали одновременно.

Это, конечно, казалось невероятным, но тем не менее все это было именно так.

— Паркер,— спросил Дау,— ты слушаешь?

— Да, да,— откликнулся я.— Слушаю. Скажи-ка мне одну вещь, Дау. Кто купил «Франклин»?

— Не знаю,— ответил он.— К оформлению документов приложила руку какая-то фирма под названием «Росс, Мартин, Парк и Гоубел», которая занимается разного рода сделками, связанными с недвижимой собственностью. Я позвонил туда...

— И тебе ответили, что фирма действовала в интересах одного своего клиента. А имени этого клиента они сообщить тебе не могут.

— Точно. Откуда ты знаешь?

— Догадался,— ответил я.— От этих сделок смердит за версту.

— Я навел справки о фирме «Росс, Мартин, Парк и Гоубел»,— сказал Дау.— Фирма существует в общей сложности два с половиной месяца.

— Эду сегодня отказали в аренде,— вдруг ни к селу ни к городу сообщил я.— Без него будет как-то одиноко.

— Эду?

— Да, хозяину бара.

— Паркер, что это делается на белом свете?

— Убей меня, если я знаю,— ответил я.— Что еще новенького?

— Какие-то чудеса с деньгами. Насколько мне известно, банки переполнены наличными деньгами. Последнюю неделю они там только и делают, что принимают вклады. Народ тащит доллары мешками.

— Ну-ну, приятно слышать, что местная экономика в таком блестящем состоянии.

— Паркер! — рявкнул Дау.— Какая муха тебя укусила?

— Никакая,— отрезал я.— До завтра.

И пока он не спросил что-нибудь еще, я быстро повесил трубку.

Я стоял в будке, пытаясь разобраться, почему я все-таки ему ничего не сказал. Ведь к этому не было никаких оснований, и, если уж на то пошло, по долгу службы я просто обязан был поставить его в известность о том, что происходит.

И все же я промолчал: что-то меня удержало, и я не смог заставить себя заговорить об этом. Точно в душе надеялся, что стоит мне об этом умолчать, как все окажется неправдой, дурным сном.

Глупее ничего не придумаешь.

Я вышел из аптеки и побрел по улице. Остановившись на углу, я полез в карман и вытащил полученное сегодня извещение. Фирма «Росс, Мартин, Парк и Гоубел» обосновалась в центре, в старом здании, известном под названием «Мак-Кендлесс Билдинг»,— в одной из тех древних гробниц из бурого камня, которые должны были быть в скором времени снесены по распоряжению комиссии по реконструкции города.

Я ясно представил себе поскрипывающие лифты, лестницы с мраморными ступеньками и великолепными бронзовыми перилами, сейчас уже почерневшими от времени; величественные коридоры с дубовыми панелями, такими старыми, что, казалось, их отполировал сам возраст, с высокими потолками и матовым стеклом дверей. А на первом этаже непременно должен быть пассаж, где ютятся прилавок с почтовыми марками и чистиль-

щик сапог, табачная лавочка и газетный киоск, и еще дюжина других мелких магазинчиков.

Я взглянул на часы — было уже начало шестого. По мостовой мчался поток машин: люди торопились домой, и лавина уличного движения неслась на запад, к двум главным шоссе, одно из которых вело к новому району гигантских жилых комплексов, а другое — в тихие, уютные пригороды с затерявшимися среди холмов и озер домиками.

Солнце село, и наступил как раз тот момент, когда день начинает угасать, а сумерки еще не наступили. Самое прекрасное время дня, подумал я, для тех, кого ничто не тревожит, у кого спокойно на душе.

Я медленно шел по улице, неторопливо помешивая варившееся у меня в мозгу подозрение. Не очень-то оно мне нравилось, но оно было, а долгий опыт научил меня не пренебрегать подозрениями. Слишком уж много их оправдалось на моей памяти, чтобы смотреть на них сквозь пальцы.

Я отыскал скобяную лавку и, чувствуя себя преступником, купил алмаз для резки стекла. Положив алмаз в карман, я снова вышел на улицу.

Сейчас пешеходов поприбавилось, и еще больше машин сигналило на мостовой.

Я стоял под самой стеной дома, а мимо валил нескончаемый людской поток.

«А не послать ли все это к черту?» — подумал я. Не лучше ли просто пойти домой, переодеться и через часок заехать за Джой?

Меня одолели сомнения, и я чуть было действительно не послал все к черту, но что-то меня остановило — какое-то странное, грызущее душу беспокойство.

На улице показалось такси, прижатое другими машинами к самому тротуару. Движение остановилось на красный свет, и вместе с ним почти напротив меня остановилось и такси. Увидев, что оно свободно, я не дал себе ни секунды на размышление. Я шагнул к обочине, и шофер, заметив меня, распахнул передо мной дверцу.

— Куда поедем, мистер?

Я назвал перекресток — поблизости от «Мак-Кендлесс Билдинг».

Вспыхнул зеленый свет светофора, и такси тронулось с места.

— А вы не обратили внимания, мистер,— начал шофер, завязывая разговор,— что весь мир катится в преисподнюю?

Глава 10

«Мак-Кендлесс Билдинг» оказался в точности таким, каким он мне представлялся и какими были все старые, бурого цвета здания — пристанища разного рода контор и учреждений.

В коридоре третьего этажа было пусто и тихо; в конце его сквозь окна пробивался вялый свет умирающего дня. Ковер был вытерт, стены в пятнах, а панели, несмотря на все свое былое великолепие, выглядели обшарпанными и жалкими.

Двери контор были из матового стекла, и на них шелушились от времени облезлые золотые буквы названий фирм. Я заметил, что кроме старинных замков, вделанных в ручки, каждая дверь была снабжена еще одним, отдельным, запором.

Я прошелся по коридору, желая убедиться, что тут никого нет. Судя по всему, конторы уже опустели. Наступил вечер пятницы, и вряд ли кто из служащих задержался бы сверх положенного в канун уикенда. А для уборщиц было еще слишком рано.

Контора «Росс, Мартин, Парк и Гоубел» находилась почти в самом конце коридора. Я подергал дверь, но, как я и полагал, она была заперта. Тогда я достал алмаз и принялся за дело. Работа была не из легких. Когда режешь стекло по всем правилам, его следует положить горизонтально на плоскую поверхность и обрабатывать сверху. Такой метод дает вам возможность — если вы достаточно аккуратны — все время нажимать на стекло с одинаковой силой, и тогда алмаз оставит на нем борозду. А здесь я пытался резать стекло, стоявшее на ребре.

Возился я довольно долго, но в конце концов все-таки умудрился провести на стекле борозды, после чего спрятал алмаз в карман. С минуту я прислушивался, желая окончательно убедиться, что в коридоре пусто и никто не поднимается по лестнице. Потом двинул локтем в стекло — очерченный алмазом кусок его раскололся, но не вылетел, удержавшись в дверной раме. Я снова пустил в ход локоть — теперь стекло разбилось вдребезги, и в комнату посыпались осколки. Отверстие величиной с кулак оказалось как раз над замком.

Стараясь не порезаться острыми осколками стекла, торчавшими из рамы, я осторожно просунул в пробоину руку, нащупал круглую головку замка, повернул ее, и замок открылся. Другой рукой я повернул наружную ручку, нажал на дверь, и она поддалась.

Я вошел в комнату, закрыл за собой дверь и, скользнув вдоль стены, остановился и замер, прижавшись к ней спиной.

И вдруг я почувствовал, как волосы у меня на голове становятся дыбом и бешено колотится сердце: в комнате стоял тот же запах — запах лосьона, который исходил от Беннета. Впрочем, скорее это был лишь слабый намек на запах: так пахло бы от человека, который пользовался этим лосьоном утром, а вечером повстречался бы мне на улице — и я бы его сразу узнал. Я снова попытался определить этот запах и снова потерпел неудачу: мне не с чем было его сравнить. Я ни разу в жизни не встречал подобного запаха. Он не был неприятным, вернее, каким-то особенно неприятным, но мне он был совершенно незнаком.

С того места, где я стоял, прижавшись к стене, видны были черные горбатые силуэты каких-то непонятных предметов, но, когда мои глаза привыкли к полумраку и я вгляделся повнимательнее, моему взору представилась самая обыкновенная контора. Черные силуэты оказались письменными столами, шкафами для бумаг и прочими предметами меблировки, которые вы найдете в любом учреждении.

Я стоял, напрягшись всем телом, и ждал, но ничего не случилось. Снаружи серели поздние сумерки, но свет их, словно застревая в окнах, не проникал в комнату. И здесь было тихо, настолько тихо, что не выдерживали нервы.

Я окинул взглядом комнату и только сейчас заметил в ней нечто странное. В одном из ее углов была задернутая занавесом ниша — довольно-таки необычная для конторы деталь обстановки.

Напрягая зрение, я тщательно осмотрел остальную часть помещения: мои глаза прощупали чуть ли не каждый дюйм, стараясь не пропустить ни единой мелочи, которая бы не вязалась с обстановкой. Но там больше ничего не было, ничего из ряда вон выходящего, кроме ниши за занавесом. И запаха лосьона.

Я осторожно оторвался от стены и шагнул в комнату. Я не знал, чего именно я боялся, но что-то жуткое было в этой комнате.

Я остановился у письменного стола, стоявшего перед нишей, и включил настольную лампу. Я понимал, что это неразумно. Мало того, что я вломился сюда,— теперь я оповещал об этом всех, включив свет. Но я пошел на риск. Я должен

был немедленно узнать, что находилось в нише по ту сторону занавеса. При свете я рассмотрел, что занавес был из какой-то темной тяжелой ткани и держался на кольцах, надетых на стальной прут. Пошарив рукой, я нашел сбоку шнур, потянул его, и половинки занавеса плавно разошлись, собравшись в мягкие складки по обе стороны ниши. Передо мной открылся длинный ряд вешалок с аккуратно развешанной на них одеждой.

Я оторопело уставился на весь этот гардероб. Вначале я видел только сплошную массу одежды, но мало-помалу начал различать отдельные вещи. Здесь висели мужские костюмы и пальто; здесь было с полдюжины рубашек, вешалка с множеством галстуков. А над вешалками, на полке, шеренгой выстроились шляпы. Здесь висели также женские костюмы, платья и какие-то весьма легкомысленные одеяния в оборочках, которые, пожалуй, можно было бы назвать халатами. Здесь было мужское и женское белье, носки и чулки. А под одеждой, на длинной, стоявшей на полу подставке, была аккуратно расставлена обувь — опять-таки мужская и женская.

Все это смахивало на какой-то бред. Если, скажем, в помещении конторы нет стенного шкафа, то какой-нибудь зануда чиновник вполне мог бы приспособить такую нишу под вешалку для пальто, плащей, пиджаков и шляп. Но здесь ведь был полный комплект одежды для всех служащих конторы — от босса до последней секретарши.

Я ломал себе голову над этой загадкой, но так ни до чего не додумался.

И что самое нелепое, контора была пуста; все ушли, оставив здесь свою одежду. Не ушли же они нагишом!

Касаясь рукой одежды, я медленно двинулся вдоль ряда вешалок: я хотел проверить, из настоящей ли она ткани и существует ли она вообще. Одежда была вполне осязаемой, а ткань — самой обычной.

И в тот момент, когда я неторопливо шел мимо ниши, мне по ногам вдруг ударила струя холодного воздуха. Словно на меня подуло из окна, которое забыли закрыть. Я сделал еще шаг, и сквозняк так же внезапно прекратился.

Я дошел до конца вешалки и, повернувшись, направился обратно. И снова мне обдало ноги холодом.

Что-то было неладно. Ведь все окна были закрыты. К тому же если дует из окна, холодный воздух не бьет по лодыжкам, не идет направленной струей шириной в один-два шага.

Что-то скрывалось за вешалкой. Какой еще, к черту, источник холода может находиться за вешалкой с одеждой?

Недолго думая, я присел на корточки и, раздвинув одежду, увидел, откуда шел этот холод.

Он шел из дыры, из дыры в стене «Мак-Кендлесс Билдинг», но дыра эта не была сквозной, не вела наружу, потому что, будь это обычная дыра, пробитая в стене здания, я бы увидел уличные огни.

Огней не было. Были беспросветная, одурманивающая мгла и холод, но холод не только в смысле отсутствия тепла. Каким-то необъяснимым образом я почувствовал, что тут не хватает чего-то еще — быть может, даже всего, точно в этом мраке и холоде было полное отрицание формы, света и тепла Земли. Я ощутил, именно ощутил, а не увидел, какое-то движение, какое-то вращение тьмы и холода, словно чья-то таинственная рука смешивала их в невидимом миксере и они кружились в бешеном водовороте. И глядя в дыру, я почувствовал, как это головокружительное вращение гипнотизирует меня, точно пытаясь заманить поближе и всосать в свою черную бездну, и я в ужасе отпрянул и растянулся на полу.

Я лежал, оцепенев от страха, всем телом ощущая пронизывающий холод и наблюдая, как сомкнулась раздвинутая мною одежда, закрыв собой дыру в стене.

Я медленно поднялся на ноги и, крадучись, двинулся в обход стола, чтобы он мог служить преградой между мной и тем, что я обнаружил за занавесом.

А что, собственно, я там обнаружил?

Этот вопрос молотом стучал у меня в голове, но ответа на него не было — эта дыра была так же необъяснима, как висевшая в нише одежда.

Я протянул руку к столу в поисках какой-нибудь опоры, чтобы устоять против этой неведомой опасности. Но вместо стола мои пальцы неловко схватились за ящик с бумагами; он опрокинулся, и его содержимое упало на пол. Опустившись на корточки, я принялся сгребать в кучу рассыпавшиеся листы. Каждый лист был аккуратно сложен пополам, и даже на ощупь в них было что-то официальное — та странная значительность, которая свойственна самой фактуре бумаги деловых документов.

Поднявшись на ноги, я свалил бумаги на стол и быстро просмотрел их — и все они, все до одной, были документами о пе-

редаче права собственности на недвижимое имущество. И все они были оформлены на имя некого Флетчера Этвуда.

Это имя прозвучало в моем мозгу далеким ударом колокола, и я стал наугад рыться в своей захламленной всякой всячиной и далеко не совершенной памяти, отыскивая конец нити, которая привела бы меня к этому человеку.

Мне показалось, что когда-то имя Флетчера Этвуда что-то для меня значило, что я встречал человека с таким именем, или писал о нем, или просто говорил с ним по телефону. Это имя хранилось в каком-то дальнем уголке моего сознания, хранилось недолго и так давно, что все обстоятельства, время и место начисто стерлись из моей памяти.

Похоже, это было как-то связано с Джой. Она вроде бы однажды упомянула это имя, остановившись на минутку у моего стола, чтобы перекинуться парой слов — короткий пустой разговор в напряженной обстановке редакции, где любое имя быстро вытесняется из памяти непрерывным каскадом новых событий.

Кажется, она тогда упомянула о каком-то доме — доме, который купил Этвуд.

И тут я вспомнил. Флетчер Этвуд был тем самым человеком, который купил легендарную усадьбу «Белмонт» в Тимбер-Лейне. Тем самым загадочным человеком, который в этом аристократическом предместье казался белой вороной. Который на самом деле никогда не жил в купленном им доме; который лишь время от времени проводил в нем ночь, в лучшем случае неделю, но никогда там не жил по-настоящему. У него не было ни семьи, ни друзей, и он явно избегал заводить с кем-либо дружбу.

На первых порах жители Тимбер-Лейна презирали его — по той простой причине, что некогда усадьба «Белмонт» была центром того неустойчивого явления, которое в Тимбер-Лейне называли «светом». Теперь же имя его никогда не упоминалось, во всяком случае в Тимбер-Лейне. Подобно тому как обходят молчанием грехи молодости.

«Так может быть, это месть?» — подумал я, раскладывая под лампой бумаги. Впрочем, едва ли: судя по всему, Этвуда нимало не беспокоило, что о нем думают в Тимбер-Лейне.

Стоимость перешедшей в его руки собственности исчислялась миллиардами. Здесь были солидные семейные фирмы с безукоризненной репутацией и чуть ли не вековыми традициями; здесь

были небольшие промышленные предприятия; старинные здания, которые с незапамятных времен были достопримечательностью города. И здесь же черным по белому, тяжеловесным юридическим языком было ясно сказано, что все это переходит во владение Флетчера Этвуда. И все эти бумаги были собраны в кучу, ожидая окончательного оформления и отправки в архив.

А тут они находились потому, предположил я, что до сих пор ни у кого еще не нашлось времени, чтобы их систематизировать и спрятать. Потому что у всех было по горло другой работы. «Хотелось бы знать, что это за работа»,— подумал я.

Пусть это было невероятно, но факт оставался фактом: передо мной было самое что ни на есть веское доказательство — пачка официальных документов, из которых следовало, что один человек скупил значительную часть делового района города.

Ни у кого на Земле не могло быть такого количества денег, какое, по свидетельству документов, было уплачено за всю эту собственность. Даже группа людей едва ли могла располагать такой суммой. Но если допустить, что такие люди существовали,— какова их цель?

Купить весь город?

Ведь передо мной была лишь небольшая пачка документов, которую столь беспечно оставили на столе в открытом ящике, словно им не придавали особого значения. Совершенно очевидно, что в этой конторе их было куда больше. А если Флетчер Этвуд или те, от чьего имени он действовал, купили город, что они собирались с ним делать?

Я положил бумаги обратно в ящик и снова подошел к вешалке. Подняв голову, я стал разглядывать полку, на которой выстроились шляпы, и вдруг заметил между шляпами какой-то предмет, похожий на картонку из-под обуви.

Не хранятся ли в ней еще какие-нибудь бумаги?

Став на цыпочки, я кончиками пальцев подтянул картонку поближе к краю, наклонил и снял с полки. Она оказалась тяжелее, чем я ожидал. Я отнес ее на стол, поставил под лампу и снял крышку.

Коробка была доверху наполнена куклами, и, однако же, эти фигурки не были куклами в полном смысле слова — в них не было той нарочитой искусственности, которая, по нашим понятиям, свойственна любой кукле. Передо мной лежали куклы, настолько сходные с людьми, что невольно напрашивался

вопрос: не были ли они и в самом деле людьми, уменьшенными до четырех дюймов, причем так умело, что пропорции при этом абсолютно не были нарушены?

А на самом верху лежала кукла, как две капли воды похожая на того самого Беннета, который во время пресс-конференции сидел за столом рядом с Брюсом Монтгомери.

Глава 11

Потрясенный, я остолбенело уставился на эту куклу. И чем больше я на нее смотрел, тем больше находил в ней сходства с Беннетом: передо мной был абсолютно голый Беннет, маленькая кукла Беннет, которая ждала, чтобы ее одели и посадили за стол заседаний. Он был настолько реальным, что я мог представить ползущую по его черепу муху.

Медленно, почти со страхом — словно боясь, что, прикоснувшись к кукле, я обнаружу, что она живая,— я протянул руку к коробке и извлек из нее Беннета. Он был тяжелее, чем мне думалось, тяжелее обычной куклы размером в четыре дюйма. Я поднес его к лампе и окончательно убедился, что предмет, который я держал в руке, был точной копией живого человека. У него были холодные остекленевшие глаза и тонкие, плотно сжатые губы. Череп казался не просто лысым, а каким-то бесплодным, точно на нем сроду не росли волосы. У него было ничем не примечательное тело стареющего мужчины, уже дрябловатое, но еще в приличной форме, которая поддерживается регулярными физическими упражнениями и строго соблюдаемым режимом.

Положив Беннета на стол, я снова потянулся к коробке и на этот раз вытащил куклу-девушку — очаровательную блондинку. Когда я поднес ее к свету, у меня не осталось никаких сомнений: это была не кукла, а точная модель женщины со всеми анатомическими подробностями. Она до такой степени напоминала настоящую девушку, что, казалось, стоит только произнести некое магическое слово — и она оживет. Она была изящна и прелестна с головы до кончиков пальцев — ни одной нарушенной пропорции, ни тени гротескности или искусственности, которыми отличаются такого рода изделия.

Положив ее рядом с Беннетом, я запустил руку в коробку и принялся перебирать куклы. Их было довольно много — штук

двадцать, а может, и все тридцать,— и они представляли разные типы людей. Тут были энергичные молодые бородачи и степенные пожилые дельцы, холеные красавчики с внешностью прирожденных маклеров, подтянутые деловые женщины, желчные старые девы, всевозможная конторская мелюзга.

Оставив всех их в покое, я вернулся к блондинке. Она меня очаровала.

Взяв куклу в руку, я снова осмотрел ее и, стараясь придать этому осмотру деловой характер, попробовал определить, из какого она сделана материала. Возможно, это была пластмасса, но если так, то я такой никогда не встречал. Она была тяжелой, твердой и одновременно податливой. Если надавить как следует, в ней образовывалась вмятина, но стоило отнять палец, как вмятина моментально исчезала. И в ней чувствовалось какое-то едва ощутимое тепло. Вдобавок ко всему у этого материала была одна странная особенность — он был настолько монолитным, что если и была у него какая-нибудь структура, то настолько мелкая, что рассмотреть ее было невозможно.

Я снова перебрал лежавшие в коробке куклы и убедился, что все они, без исключения, были выполнены одинаково искусно.

Я положил Беннета и блондинку в коробку и осторожно поставил ее обратно на полку между шляпами.

Попятившись, я обернулся, окинул взглядом контору, и от всего этого безумия у меня голова пошла кругом — от этих кукол, лежавших на полке, от ниши с одеждой, круговорота тьмы и холода в дыре и пачки документов, из которых следовало, что кто-то купил полгорода.

Протянув руку, я задернул занавес. Его половинки легко и почти бесшумно соединились, закрыв от меня кукол, одежду и дыру, но не безумие, которое осталось со мной. Я почти физически ощущал его присутствие, словно оно было тенью, которая неслышно двигалась во мраке, обступившем со всех сторон круг света под лампой.

«Что делает человек, столкнувшись с невероятными и в то же время совершенно очевидными фактами?» — спросил я себя. Ведь то, что я здесь обнаружил, несомненно, существовало: можно вообразить или, скажем, неверно истолковать что-нибудь одно, но все вместе никак не могло быть игрой моего воображения.

Я выключил лампу, и тьма, сомкнувшись, окутала комнату. Не снимая руки с выключателя, я замер и прислушался, но не услышал ни звука.

Я на цыпочках стал пробираться между столами к двери, и с каждым шагом во мне рос ужас перед какой-то неведомой опасностью — пусть воображаемой, но все равно страшной и неотвратимой. Возможно, этот ужас породила мысль о том, что здесь непременно должна была таиться какая-то опасность, что все найденное мною тщательно скрывалось и что по логике вещей здесь обязательно должно быть какое-то защитное устройство.

Я вышел в коридор и, прикрыв за собой дверь в контору, с минуту постоял, прислонившись к стене. Коридор тонул во мраке. Свет горел только на лестнице, да в окна проникал слабый отблеск уличных огней.

Ни шороха, ни единого признака жизни. С улицы доносились приглушенные расстоянием гудки автомашин, скрип тормозов и веселый женский смех.

И вдруг по какой-то непонятной причине я почувствовал, что для меня очень важно выйти из здания никем не замеченным. Как будто это была игра, невероятно важная игра, в которой на карту было поставлено так много, что я не мог рисковать выигрышем, попавшись кому-нибудь на глаза.

Я прокрался по коридору и уже почти достиг лестницы, как вдруг почувствовал за собой погоню.

«Почувствовал» — это, пожалуй, не то слово. Потому что это было не ощущение, а уверенность. Не было ни шороха, ни движения, ни мелькнувшей тени — ничего, что могло бы меня предостеречь,— только этот прозвеневший в моем мозгу необъяснимый сигнал тревоги.

Обезумев от ужаса, я стремительно обернулся и увидел, что на меня мчится с огромной скоростью и совершенно бесшумно, словно по воздуху, нечто черное, человекоподобное.

Я обернулся так внезапно и резко, что по инерции меня отбросило к стене, и фигура проскочила мимо, но тут же, молниеносно развернувшись, снова ринулась на меня. На фоне слабо освещенной лестничной клетки обозначились контуры массивного тела, и передо мной мелькнуло бледное пятно лица. Я инстинктивно выбросил вперед кулак, целясь в это единственное на черном силуэте светлое пятно. Когда мой кулак вмазал в эту

бледность, что-то чмокнуло, и от удара у меня заныли костяшки пальцев.

Человек — если это был человек — отшатнулся, отступил назад, а я снова размахнулся, и снова раздался глухой, чмокающий звук.

Человек уже не пятился, а откидывался назад, упершись поясницей в железные перила лестничной площадки, откидывался всем корпусом, и через мгновение, раскинув руки, он уже летел в зияющую пропасть, на дне которой белели мраморные ступени.

Его лицо на миг попало в полосу света, и я успел заметить широко, словно для крика, разинутый рот, но крика не было. Потом он исчез, и до меня донесся тяжелый удар — пролетев футов двенадцать, он рухнул на ступени нижнего марша лестницы.

В тот момент, когда я неожиданно столкнулся с этим человеком, меня охватили непередаваемый ужас и отчаяние, а сейчас мне стало дурно от мысли, что я его убил: я был уверен, что невозможно остаться в живых, упав с такой высоты на каменные ступеньки.

Я ждал, что вот-вот снизу послышится какой-нибудь шум. Но мой слух не уловил ни звука. Стояла такая тишина, как будто сам дом затаил дыхание.

У меня взмокли от пота ладони и дрожали колени; еле передвигая ноги, я дотащился до перил и, стиснув зубы, глянул вниз, ожидая увидеть распростертое на ступеньках мертвое тело.

Но там ничего не было.

Человек, который только что отправился навстречу почти неминуемой гибели, бесследно исчез.

Я отпрянул от перил и, громко стуча подошвами, помчался вниз по лестнице, уже не заботясь о том, чтобы не шуметь. А к облегчению, которое я было почувствовал, поняв, что не совершил убийства, уже примешивался новый смутный страх: если он жив, значит, меня по-прежнему где-то рядом подстерегает враг.

Еще не добежав до следующей площадки, я вдруг подумал, не ошибся ли я — может быть, труп все-таки лежал там и я его просто не заметил. «Но разве можно не заметить распростертое на ступеньках человеческое тело?» — тут же возразил я себе.

И точно. Миновав площадку и свернув за угол, я увидел, что лестница пуста.

Я остановил свой бег и теперь спускался более осторожно, внимательно разглядывая каждую ступеньку, словно это могло дать мне какой-нибудь ключ к разгадке того, что здесь произошло.

Спустившись на площадку следующего этажа, я вновь почувствовал запах лосьона — тот самый запах, который исходил от Беннета и который я уловил в конторе, где нашел его кукольного двойника.

На нижних ступеньках и на полу площадки я заметил какое-то мокрое пятно — словно кто-то пролил тут немного воды. Нагнувшись, я провел по нему пальцами — ничего особенного, обыкновенное мокрое пятно. Подняв к лицу руку, я понюхал пальцы: они пахли лосьоном, и сейчас запах его был значительно сильнее, чем раньше.

Я увидел, что две влажные полоски тянутся через всю площадку и спускаются по лестнице вниз, на следующий этаж, как будто кто-то нес здесь стакан с водой, а со стакана непрерывно капало на пол. Вот он, след того, кто должен был умереть, подумал я; эта влага и есть тот след, который он после себя оставил.

Ужасом веяло от этой лестничной клетки, такой пустой и тихой, что, казалось бы, тут вообще не могло быть места каким-либо эмоциям, даже ужасу. Но этот ужас частично порождали сама пустота, пустота там, где должен был лежать труп, и влажный пахучий след, указывавший путь, по которому он удалился.

Ужас с воем впился мне в мозг, и я бросился вниз по ступенькам, на бегу пытаясь представить, как мне себя вести, если где-то на лестнице меня подстерегает этот призрак, и чем это мне грозит; но даже страх перед этой встречей не заставил меня замедлить шаг, и я продолжал с грохотом мчаться вниз, пока не очутился на первом этаже.

Здесь было пусто, если не считать мальчишки-чистильщика, который дремал, откинувшись вместе со стулом к стене, да продавца табачного киоска, читавшего расстеленную на прилавке газету.

Продавец поднял голову, а чистильщик дернулся вперед, так что передние ножки стула громко стукнули об пол, но, прежде чем кто-либо из них успел раскрыть рот, я уже проскочил через вращающуюся дверь и очутился на улице. На улице стало еще многолюднее: был вечер пятницы — один из двух вечеров, когда

в центральные магазины со всего города стекаются толпы покупателей.

По улице я уже не бежал — здесь я чувствовал себя в относительной безопасности. Остановившись на углу, я оглянулся на «Мак-Кендлесс Билдинг» и увидел самое обыкновенное здание, старое, изъеденное временем здание, которое отжило свой век и в недалеком будущем будет снесено. В нем не было ничего таинственного, ничего зловещего.

Но от его вида меня пробрала дрожь, словно меня коснулось ледяное дыхание зимнего ветра.

Я точно знал, в чем я сейчас остро нуждался, и отправился искать кафе. Народ только начал собираться, в полумраке, в глубине бара кто-то играл на пианино. Вернее, не играл, а забавлялся, перебирая клавиши, и время от времени оттуда доносились обрывки каких-то мелодий.

Я прошел в глубь зала, где было поспокойнее, и отыскал свободный табурет.

— Что будете пить? — спросил человек за стойкой.

— Виски со льдом,— ответил я.— И лучше сразу двойное. Это избавит вас от лишних хлопот.

— Какой марки?

Я назвал.

Он поставил на стойку стакан и лед, а с полки за баром достал бутылку.

Кто-то сел на соседний табурет.

— Добрый вечер, мисс,— сказал бармен.— Чем могу служить?

— «Манхэттен», пожалуйста.

При звуке этого голоса я обернулся: он чем-то сразу привлек мое внимание.

Так же, как и сама девушка.

Она была поразительно красива — той нестандартной красотой, при которой полностью сохраняется индивидуальность.

Она, в свою очередь, пристально посмотрела на меня. Глаза ее были холодны как лед.

— Мы с вами где-нибудь встречались? — спросила она.

— Думаю, что да,— ответил я.

Передо мной, чудесным образом выросшая и теперь одетая, сидела та самая блондинка, которую я нашел в коробке из-под обуви.

Глава 12

Бармен налил виски и занялся приготовлением коктейля для блондинки.

На его лице была написана скука. Наверняка в этом самом баре у него на глазах не раз подобным образом завязывались случайные знакомства.

— Давно ли? — спросила она.

— Нет,— ответил я.— В общем-то, совсем недавно. Если не ошибаюсь, в одной конторе.

Если она и поняла мой намек, то ничем этого не выдала. Она была чересчур холодной, неприступной и самоуверенной.

Открыв портсигар, она достала сигарету. Постучала ею о крышку, сунула в рот и выжидающе взглянула на меня.

— Извините,— сказал я.— Я не курю. У меня нет при себе спичек.

Она вынула из сумочки зажигалку и дала ее мне. Я щелкнул рычажком — из зажигалки вынырнул маленький язычок пламени. И в тот момент, когда она наклонилась, чтобы прикурить, на меня пахнуло фиалками или какими-то другими цветочными духами. Хотя, пожалуй, это все-таки был запах фиалок.

И тут я понял то, о чем мне следовало бы догадаться с самого начала. От Беннета пахло так вовсе не потому, что он пользовался каким-то лосьоном для бритья, а наоборот — потому что он им не пользовался. Это был его собственный запах, запах, присущий такого рода организмам.

Прикурив, девушка откинулась назад и сделала первую затяжку. Потом очень изящно выпустила дым из ноздрей.

Я отдал ей зажигалку, и она небрежно бросила ее в сумочку.

— Благодарю вас, сэр,— произнесла она.

Бармен поставил перед ней на стойку коктейль. Напиток выглядел очаровательно, его очень украшала брошенная в бокал красная вишенка на черенке.

Я протянул бармену бумажку.

— За виски и коктейль.

— Нет-нет, сэр! — запротестовала она.

— Не огорчайте меня! — взмолился я.— Я обожаю угощать хорошеньких девушек выпивкой, такая уж у меня слабость.

Она уступила, но ледок в ее глазах до конца не растаял.

— Вы никогда в жизни не курили? — пристально разглядывая меня, спросила она.

Я отрицательно покачал головой.

— А почему? Чтобы сохранить остроту обоняния?

— Сохранить что?

— Остроту обоняния. Я подумала, что, может, по роду работы вам не мешает иметь острое обоняние.

— Я никогда не рассматривал свою работу с такой точки зрения,— сказал я,— но, пожалуй, в этом есть своя правда.

Она подняла бокал к лицу и внимательно посмотрела на меня поверх его края.

— Сэр,— спокойным, ровным голосом произнесла она,— вы не хотели бы себя продать?

Боюсь, что на этот раз я оказался не на высоте. У меня отнялся язык, и я обалдело вытаращился на нее. Ведь она и не думала шутить; она спросила это вполне серьезно, по-деловому.

— Начнем с миллиона,— продолжала она,— а там можно и поторговаться.

Я уже пришел в себя.

— Вам нужна моя душа? — поинтересовался я.— Или только тело? С душой будет чуточку подороже.

— Душу можете оставить себе,— ответила она.

— А кто же это собирается меня купить? Вы?

Она покачала головой:

— Нет. Мне вы не нужны.

— Значит, вы действуете от чьего-то имени? Быть может, от имени того, кто скупает все без разбора? Скажем, магазин, чтобы тут же его закрыть? Или целый город?

— Вы очень догадливы,— заметила она.

— Деньги — это еще не все,— заявил я.— Помимо денег существуют и другие ценности.

— Если хотите,— сказала она,— можно обсудить какую-нибудь иную форму платежа.

Она поставила бокал на стойку и, порывшись в сумочке, протянула мне карточку.

— Если надумаете, найдете меня по этому адресу,— сказала она.— Предложение остается в силе.

Ее точно ветром сдуло с табурета, и, прежде чем я успел открыть рот или как-то задержать ее, она уже затерялась в толпе.

Бармен, проплывая мимо, заметил нетронутые напитки.

— Что, выпивка не понравилась, приятель? — спросил он.

— Нет, все нормально,— ответил я.

Я положил карточку на стойку — она легла обратной стороной кверху. Я перевернул ее, и из-за тусклого освещения мне пришлось наклониться, чтобы прочесть, что на ней написано.

Я мог бы и не читать. Ведь я заранее знал, что там увижу. Разница была только в одной строчке. Вместо «Купля-продажа недвижимого имущества» стояло: «Мы покупаем все».

Съежившись от пронизавшего мне душу холода, я сидел на своем высоком табурете, как нахохлившаяся птица. В баре было так сумрачно, что все вокруг словно плавало в тумане; со всех сторон до меня долетали обрывки человеческой речи, но в этих звуках почему-то было мало человеческого — скорее, они напоминали невнятное урчание каких-то чудовищ или бессмысленные выкрики дегенератов. И, вкрапливаясь в этот шум, то заглушая его, то пробиваясь в щели между фразами, подобно непристойной шутке, нагло дребезжало пианино.

Я залпом выпил виски и остался сидеть там со стаканом в руке. Я хотел было заказать еще одну порцию, но бармен уже занялся другими посетителями.

Рядом со мной кто-то навалился на стойку и задел локтем бокал с коктейлем. Он опрокинулся, и жидкость растеклась по полированному дереву, как грязное масло; ножка бокала отломилась, а сам он разбился вдребезги. Вишенка откатилась к краю стойки.

— Извините,— сказал этот человек.— Какой же я растяпа! Я закажу вам другой.

— Пустяки,— успокоил я его.— Она все равно не вернется.

Я соскользнул с табурета и пошел к выходу.

Мимо ехало такси; я шагнул к краю тротуара и поднял руку.

Глава 13

На небе уже погасли последние отблески дня, и на улицах горели фонари. Я увидел, что часы на углу перед банком показывали почти половину седьмого. Мне следовало поторопиться — на семь у меня было назначено свидание, и Джой здорово раскипятится, если я явлюсь с опозданием.

— Ночь сегодня будет классная — только на енотов охотиться,— проговорил шофер.— Тепло, тихо, и луна вот-вот взойдет. Я б с удовольствием подался в лес, да мне всю ночь работать. Мы тут с одним парнем завели собаку. Черную, с рыжими подпа-

линами. А лает-то как — ну просто музыка, такого в жизни не услышишь.

— Выходит, вы охотитесь на енотов,— заметил я с оттенком вопроса. Не потому, что меня это заинтересовало,— просто я почувствовал, что от меня ждут какой-то реплики.

Это его вполне устроило. Скорее всего, на большее он и не рассчитывал.

— Это у меня с детства,— пояснил он.— Папаша начал брать меня с собой на охоту, когда мне было лет эдак девять или десять. А это как влезет в душу, так уж на всю жизнь, можете мне поверить. В такую вот ночь прямо изведешься, так в лес тянет. В эту пору в лесу и запах какой-то особенный, и ветер в поредевшей листве шумит по-иному, и чувство у тебя такое, будто мороз уже где-то совсем рядом.

— Где вы охотитесь?

— На западе, милях в сорока—пятидесяти от города. У верховьев реки. Там на дне реки полно бревен.

— И много вы приносите енотов?

— Дело-то, в общем, и не в енотах,— ответил он.— Бывает, что ночь за ночью возвращаешься с пустыми руками. Может, эти еноты только предлог, чтобы побыть ночью в лесу. Мало кто нынче выбирается в лес, что днем, что ночью. И хоть я не из тех трепачей, которые на каждом шагу проповедуют общение с природой, но точно вам скажу — стоит только провести с ней наедине какое-то время и становишься лучше.

Усевшись поглубже, я перевел взгляд на проплывавшие мимо кварталы. Это был все тот же, хорошо знакомый мне старый город, однако сейчас в нем появилось что-то враждебное, словно из темных уголков темных зданий за мной следили какие-то таинственные, злые призраки.

— Вам когда-нибудь случалось охотиться на енотов? — спросил шофер.

— Нет. Иной раз хожу на уток, а иногда езжу в Южную Дакоту стрелять фазанов.

— Ясно,— протянул он.— Утки и фазаны мне тоже по душе. Но еноты совсем другое дело, их ни с чем не сравнишь.

И, помолчав немного, добавил:

— Хотя, наверно, каждому свое. Вам вот нравятся фазаны и утки, мне — еноты. А еще я знаю одного совсем древнего старикашку — так он возится со скунсами. И думает, что лучше

животных на всем свете не сыщешь. Уж такую он с ними водит дружбу! Могу поклясться, что он с ними даже разговаривает. Пощелкает языком, поворкует что-то, и они уже тут как тут, взбираются к нему на колени, а он их ласково так поглаживает, точно кошек. А потом они еще и домой его проводят — так и бегут следом как собаки. Ей-богу, прямо глазам не веришь. Аж страшно становится, как он с ними хороводится. Он живет на холмах у реки — у него там домишко, а округа кишмя кишит этими скунсами. Он пишет о них книгу. Сам видел, он мне ее показывал. А пишет он карандашом, в самом простом грошовом блокноте — такой грубой бумагой ребятишки в школе пользуются. Сидит себе, согнувшись над столом, и при свете старого фонаря строчит эту свою книгу огрызком карандаша, который то и дело приходится слюнить, чтобы писал поясснее. Но уверяю вас, мистер, ни черта у него не получается, одно правописание чего стоит — кошмар. А жаль. Знатная бы вышла книга.

— Так оно всегда и бывает,— заметил я.

Некоторое время он вел машину молча.

— Ваш дом, кажется, в следующем квартале? — спросил он.

Я ответил утвердительно.

Он затормозил перед домом, и я вылез из машины.

— Может, как-нибудь вечерком махнем вместе на охоту? — спросил он.— Так, часиков в шесть.

— Что ж, неплохо бы,— согласился я.

— Меня зовут Ларри Хиггинс. Найдете в телефонной книге. Звоните в любое время.

Я пообещал, что непременно позвоню.

Глава 14

Поднявшись на свой этаж, я обнаружил, что вырезанный из ковра полукруглый лоскут лежит на месте. Лампочка под потолком светила еще слабее прежнего — если такое вообще возможно,— и я едва не вступил в этот полукруг, прежде чем заметил, что ковер починен. Ни о каких коврах я в тот момент не думал, без них хватало тем для размышлений.

Я остановился как вкопанный перед тем местом, где раньше был вырез, точно человек, подошедший вплотную к черте, за которой начинается опасная зона. И, что странно, вырез был

заделан не новой ковровой тканью, а такой же старой, вытертой и грязной, как и весь остальной ковер.

Неужели, подумал я, сторож все-таки нашел в каком-нибудь углу тот самый лоскут, который был вырезан из ковра?

Чтобы получше разглядеть его, я опустился на колени — от разреза не осталось и следа. Словно эта дыра мне раньше просто померещилась. Я не увидел никаких швов — ничего, что свидетельствовало бы о том, что ковер сшивали.

Я провел рукой по тому месту, где недавно был полукруг, и моя рука нащупала самый обыкновенный ковер. Ковер, а не прикрывавшую капкан бумажную подделку. Я ощущал пальцами фактуру ткани, ее толщину и упругость — вне всякого сомнения, это была самая настоящая ковровая ткань.

И все-таки я ему не доверял. Однажды этот ковер уже чуть не подвел меня, и я отнюдь не собирался вторично попасться на эту удочку.

Так я и стоял там на коленях, а с потолка мне в затылок неслось тоненькое комариное пение электрической лампочки.

Я медленно встал, нашел ключ и, чтобы отпереть дверь, подался вперед всем телом, оставив ноги за пределами подозрительного участка ковра. Если б меня в тот момент кто-нибудь увидел, то наверняка решил бы, что я свихнулся: чтобы отпереть дверь, человек тянется к ней чуть ли не с середины коридора.

Замок щелкнул, дверь открылась, и я, благополучно перепрыгнув через вставленный кусок ковра, очутился в квартире.

Закрыв за собой дверь, я привалился к ней спиной и включил свет.

Вот она, моя квартира, которая, как всегда, преданно ждала меня,— символ безопасности и удобства, мой дом.

Но этой квартире, напомнил я себе, осталось пробыть моим домом меньше трех месяцев.

«А что потом? — спросил я себя.— Что будет потом? И не только со мной, а со всеми этими людьми? Что будет с городом?»

«Мы покупаем все» — стояло на карточке. Это звучало как реклама давнишнего старьевщика, который в свое время покупал все, что ему ни притащат,— бутылки, кости, всякую рвань. Только старьевщик был честным покупателем. Он покупал ради прибыли. А с какой целью покупали эти люди? Для чего, спрашивается, покупал Флетчер Этвуд? Ясно, что не ради прибыли,

если он платил больше, чем того стоили, к примеру, магазин или дом, и потом не пользовался своей покупкой.

Я бросил пальто на стул. Туда же полетела и шляпа. Из ящика письменного стола я достал телефонную книгу и перелистал ее до фамилии «Этвуд». Этвудов там было пруд пруди, но ни одного из них не звали Флетчером. В книге не было ни одного Этвуда, имя которого хотя бы начиналось с буквы «Ф».

Я позвонил в справочную.

Девушка просмотрела списки абонентов и мелодично пропела:

— У нас такой не значится.

Я положил трубку и задумался.

Я был поставлен перед фактами, которые взывали к немедленным действиям, но с какого боку к этому подступиться? А если уж решил этим заняться, то что именно следует предпринять? И что вообще можно сделать, когда кто-то покупает город?

Но прежде всего — как все это рассказать, чтобы тебе поверили?

Я перебрал несколько человек, но не нашел ни одной подходящей кандидатуры. Взять, к примеру, Старика — ему бы я выложил все без остатка, хотя бы потому, что я на него работал. Но ведь за один только намек на то, что происходит, он запросто может меня уволить как последнего идиота и ничтожество.

Можно было обратиться к мэру, к шефу полиции или еще какому-нибудь блюстителю закона вроде прокурора округа или министра юстиции, но, если я шепну кому-нибудь из них хоть полслова, меня быстренько выставят за дверь как очередного сумасшедшего или упрячут за решетку.

Есть еще сенатор Роджер Хилл, вспомнил я. Вот кто меня может выслушать.

Я протянул было руку к трубке, но сразу же отдернул ее.

Что все-таки я скажу ему, когда меня соединят с Вашингтоном?

Я мысленно представил, как будет выглядеть мое сообщение:

«Знаешь, Родж, кто-то пытается купить город. Я тайком пробрался в контору и нашел там документы. И еще там была вешалка с одеждой, коробка из-под обуви, полная кукол, и большая дыра в стене...»

Слишком уж все это было нелепо, слишком фантастично, чтобы хоть один человек отнесся к этому серьезно. Явись ко мне кто-либо с подобной историей, я бы сам решил, что у этого парня не все дома.

Прежде чем к кому-нибудь обращаться, мне необходимо собрать больше доказательств. Я должен выяснить все до конца. Чтобы я мог сообщить, кто этим занимается, как и с какой целью, причем разузнать об этом я должен как можно скорее. Я уже решил, с чего начать,— с Флетчера Этвуда. Где бы он ни был, его нужно найти. О нем мне были известны два факта: у него не было телефона и несколько лет назад он купил усадьбу «Белмонт» в предместье Тимбер-Лейн. Правда, не совсем ясно, жил ли он там когда-нибудь, но тем не менее с этого можно было начать. Даже если его сейчас там нет, даже если его там вообще никогда не было, не исключено, что какая-нибудь найденная в доме мелочь может навести на его след.

На моих часах было без четверти семь — пора было ехать за Джой, и у меня уже не оставалось времени на переодевание. Чтобы Джой не ворчала, я надену чистую рубашку и сменю галстук, а остальное сойдет и так. В конце концов, не кутить же мы собрались — мы ведь ехали просто поужинать.

Войдя в спальню, я не стал включать лампу — из двери гостиной сюда падала широкая полоса света. Из ящика туалетного столика я достал рубашку, сорвал с нее целлофановую упаковку, в которой она была доставлена из прачечной, и вытащил из нее картонную прокладку. Встряхнув рубашку, я бросил ее на спинку стула и направился к стенному шкафу за галстуком. И, уже потянув к себе дверцу, я вдруг сообразил, что здесь темно и нужно включить свет, иначе я не смогу выбрать галстук.

Я успел приоткрыть дверцу шкафа на какой-нибудь фут, а вспомнив про свет, я снова закрыл ее. Сам не знаю, почему я так сделал. Ведь, отойдя на секунду к выключателю, я вполне мог бы оставить шкаф открытым.

И за то мгновение, пока он был открыт, я увидел, или почувствовал, или услышал — уж не знаю, как объяснить это ощущение,— что в темноте шкафа что-то копошится. Словно в нем меня поджидала ожившая одежда; словно галстуки на вешалке превратились в змей, висевших неподвижно, как галстуки, до той поры, пока не наступит время нанести удар.

Если б я попытался захлопнуть дверцу только после того, как заметил в шкафу какое-то движение, пожалуй, было бы уже слишком поздно. Но я закрыл ее вовсе не потому, что там что-то двигалось. Я начал закрывать дверцу еще до того, как в шкафу что-то зашевелилось,— во всяком случае, раньше, чем это дошло до моего сознания.

Я попятился через всю комнату — подальше от этого кошмара, который корчился и извивался за дверцей шкафа, и в душу мне ворвался ужас, тот отчаянный, клокочущий ужас, который охватывает человека только тогда, когда на него с ненавистью оскаливается его собственный дом.

Но, несмотря на этот леденящий ужас, я все-таки пытался убедить себя в том, что тут какая-то ошибка: может случиться все, что угодно, только не это. Ваш стул может вырастить челюсти и укусить вас, когда вы на него присядете; у вас из-под ног могут предательски уползать коврики; на вас может напасть ваш собственный холодильник; но ничего подобного не может произойти со стенным шкафом. Ведь шкаф — это как бы часть человека. Человек хранит в нем свою вторую, искусственную, кожу, и поэтому со шкафом у него более близкие, более интимные отношения, чем со всей остальной обстановкой его жилья.

Но даже в тот момент, когда я, пытаясь свалить все на свое больное воображение, убеждал себя, что этого не может быть, из-за закрытой дверцы шкафа явственно слышались какой-то шорох и лихорадочная возня.

Это может показаться странным, но что-то неодолимо влекло меня к тому месту, словно завороженный я почти с неохотой попятился, переступил порог спальни и остановился у двери, не в силах оторвать взгляд от мрака, в котором копошилось это таинственное нечто. Да, там что-то было; если я не сошел с ума и меня не обманывали все мои органы чувств, там, несомненно, что-то было. То, что имело отношение к замаскированному капкану и обыкновенной коробке из-под обуви, наполненной необыкновенными куклами.

«Но почему это случилось именно со мной?» — спросил я себя. Спору нет, после того, как я взломал дверь конторы, нашел кукол и встретил девушку, заказавшую коктейль, это было бы логично. Такого рода события вполне могли привлечь ко мне внимание. Но началось-то с капкана — ведь капкан появился еще до того, как произошло все остальное.

Я напряг слух, чтобы еще раз услышать эту возню, но либо шорох стих, как только я оттуда ушел, либо я стоял слишком далеко — сейчас я ничего не услышал.

Я подошел к шкафчику, в котором хранил оружие, отпер нижний ящик, достал из него автоматический пистолет и коробку с патронами, заполнил обойму и вставил ее на место. Остальные патроны я высыпал из коробки на ладонь и отправил их в карман.

Надев пальто, я опустил пистолет в правый карман. И стал искать ключи от машины.

Ни в карманах пальто, ни в карманах пиджака и брюк ключей не оказалось. Тут было кольцо с ключами от входной двери, от шкафчика с оружием, от моего редакционного стола, от моего сейфа в банке; помимо этого, на нем болталось еще с полдюжины ключей от давным-давно забытых замков — неизменная причудливая коллекция бесполезных ключей, с которыми человек обычно никак не может расстаться.

Все это было при мне, а ключи от машины бесследно исчезли.

Я осмотрел мебель, обшарил письменный стол. Поискал на кухне. Ключей нигде не было.

И, уже стоя на кухне, я наконец вспомнил, где их оставил. Теперь я знал точно, где они. Перед моим мысленным взором возникли приборный щиток, брелок с висящим на нем ключом от багажника и ключ зажигания, аккуратно вставленный в замок. Приехав сегодня к вечеру домой, я оставил их в машине. Да, вне всякого сомнения, я оставил их в машине, а такого со мной почти никогда не случалось.

Я направился к двери, но, сделав несколько шагов, остановился. Я вдруг со всей ясностью осознал, что не в силах заставить себя пойти на темную стоянку и приблизиться к машине, в замке зажигания которой уже торчит ключ.

Это было нелогично. Это было просто дико. Но я ничего не мог с собой поделать. Ничего. Не будь в машине ключей, я пошел бы, не задумываясь. А то, что ключи были уже там, по какой-то непонятной причине меняло все дело и внушало страх.

Ужас сковал и обезоружил меня. Я заметил, что у меня дрожат руки, но заметил только тогда, когда на них взглянул.

Часы показывали семь — Джой уже ждала меня. Она обидится и будет права.

«Ни минутой позже,— предупредила она.— Я уже успею как следует проголодаться».

Я подошел к письменному столу и протянул руку к телефону, но она замерла в воздухе, еще не коснувшись трубки. Мой мозг вдруг пронзила страшная мысль. А что, если телефон уже перестал быть телефоном? Что, если все предметы в этой комнате только кажутся тем, чем они должны быть? Что, если все они за последние несколько минут превратились в адские машины?

Опустив руку в карман, я вытащил пистолет и осторожно ткнул дулом в аппарат, но он не обернулся каким-нибудь неведомым живым существом. Передо мной был самый обыкновенный телефон.

Все еще сжимая в руке пистолет, я другой рукой поднял трубку, положил ее на стол и набрал номер.

И, уже поднеся трубку к уху, я спросил себя, что же мне все-таки ей сказать.

Эта проблема разрешилась довольно просто: я назвал себя.

— Почему ты задерживаешься? — спросила она ласковее, чем обычно.

— Джой, у меня неприятности.

— Что там у тебя опять стряслось?

Это была уже насмешка! Неприятности у меня случались крайне редко.

— Я говорю серьезно,— сказал я.— Мне грозит опасность. Я не могу поехать с тобой в ресторан.

— Трусишка! — фыркнула она.— Я сама за тобой заеду.

— Джой! — вскричал я.— Погоди! Ради бога, выслушай меня. Держись от меня подальше. Поверь, я знаю, что делаю. Тебе нельзя со мной встречаться.

— В чем дело, Паркер? Какие неприятности?

Голос ее звучал еще спокойно, но я уже уловил в нем тревожные нотки.

— Не знаю! — в отчаянии воскликнул я.— Понимаешь, что-то происходит. Что-то опасное и непонятное. Ты мне не поверишь, если я расскажу тебе. И никто не поверит. Я займусь расследованием, но мне не хочется, чтобы в этом была замешана ты. Может быть, завтра я сам себе покажусь полнейшим болваном, но...

— Паркер, ты трезв?

— К величайшему сожалению,— ответил я.

— А ты здоров? Как ты себя чувствуешь сейчас?

— Прекрасно,— сказал я.— Только что-то скрывается в стенном шкафу, а в коридоре за дверью недавно стоял капкан, и еще я нашел коробку с куклами...

Я осекся, и мне захотелось вырвать себе язык. Черт меня дернул заговорить об этом. Ведь я не собирался ей ничего рассказывать.

— Никуда не уходи! — приказала она.— Через минуту я буду у тебя.

— Джой! — крикнул я.— Джой, не делай этого!

Но телефон молчал.

Я в отчаянии бросил трубку, но тут же снова поднял ее и набрал номер Джой.

«Безмозглый кретин!» — проклинал я себя. Я обязан был как-то остановить ее.

В трубке раздались гудки. Они следовали бесконечной чередой, и в их звуке была какая-то пугающая пустота. Гудок за гудком, гудок за гудком — и никакого ответа.

Я ел себя поедом за то, что проговорился. Мне следовало притвориться мертвецки пьяным, неспособным выйти из дома; обидевшись, она бы наверняка бросила трубку — и тогда все было бы в порядке. Или, на худой конец, я должен был придумать какую-нибудь более или менее правдоподобную историю, но на это у меня не оставалось времени. Вдобавок от страха у меня в голове была полная каша. Я и сейчас еще был слишком испуган, чтобы как следует собраться с мыслями.

Положив трубку на рычаг, я схватил шляпу и бросился к двери. У самого порога я на секунду остановился и, обернувшись, окинул взглядом комнату. И теперь она показалась мне совсем чужой, словно я попал сюда чисто случайно и вижу ее впервые, и из всех углов мне слышался какой-то шелест, шепот и едва уловимый шорох.

Я распахнул дверь, вылетел в коридор и с топотом помчался вниз по лестнице. И даже на бегу меня мучила мысль: какая же часть этого едва уловимого скользящего шороха, наполнявшего комнату, существовала в действительности, а какая — в моем воображении?

Я миновал вестибюль, выскочил из дома и через секунду уже был на тротуаре.

Стоял теплый безветренный вечер, в воздухе тянуло дымком тлеющих листьев.

На улице послышалось какое-то постукивание — странный, быстрый, ритмичный перестук,— и из-за угла дома, из аллеи, которая вела к стоянке, показался огромный пес. Он был в благодушном настроении, помахивал хвостом, и в его подпрыгивающей походке сквозила даже некоторая игривость. Размером он был с теленка, лохмат до бесформенности, и казалось, будто он вынырнул прямо из осенних лучей сегодняшнего послеполуденного солнца.

— Здравствуй, песик,— сказал я, и он подбежал ко мне, со счастливым видом уселся у моих ног и в собачьем экстазе заколотил своим увесистым хвостом по асфальту.

Я протянул было руку, чтобы погладить его, но не успел — по улице с рокотом мчалась машина; она круто развернулась и остановилась как раз напротив нас.

Открылась дверца.

— Садись! — приказал голос Джой.— И поехали отсюда!

Глава 15

Мы ели при свечах, в каком-то ином мире, в одном из тех немыслимых старомодных ресторанчиков, которые, видно, пользовались особой симпатией Джой,— мы не поехали в тот новый, только что открывшийся ночной клуб на Панкрест-драйв. Вернее сказать, ела одна Джой. Я не проглотил ни кусочка.

Сам черт не разберет, что за народ эти женщины. Я рассказал ей все. Я по своей дурости проболтался, так что мне уже некуда было деваться и пришлось рассказать все остальное. Вообще-то у меня не было причин скрывать от нее мои приключения, но, рассказывая, я чувствовал себя преглупо. А она в это время ела, но спокойно и с удовольствием, как всегда, будто я выкладывал ей какие-нибудь последние редакционные сплетни.

Она держалась так, словно не верила ни единому моему слову, хотя я убежден в обратном. Быть может, увидев, что я взволнован (а кто на моем месте не был бы взволнован?), она просто исполняла женский долг, пытаясь успокоить меня своей невозмутимостью.

— Поешь, Паркер,— попросила она.— Что бы там ни происходило, ты должен поесть.

Я взглянул на свою тарелку, и меня затошнило.

Не от вида еды, а от одной только мысли о ней. Кстати, при свечах даже толком и не разглядишь, что лежит у тебя на тарелке.

— Джой, почему я побоялся выйти на стоянку? — спросил я.

Вот что не давало мне покоя. Вот что меня грызло.

— Потому что ты трус,— ответила она.

Легче мне не стало.

Я вяло ковырнул еду. Вкус у нее был точь-в-точь как у пищи, которую невозможно оценить взглядом.

Убогий дребезжащий оркестрик заиграл новую мелодию — как раз под стать такому вот заведению. Я окинул взглядом зал и вспомнил о шорохе за дверцей стенного шкафа — да ведь такого и быть не может. В подобной обстановке это могло сойти только за фрагмент какого-то кошмарного сна.

Но я знал, что все произошло наяву. За пределами этой созданной человеком пресыщающей, усыпляющей теплицы существовало нечто такое, с чем еще никто никогда не сталкивался. То, чего я едва коснулся, а может, и увидел, но лишь мельком, да и то самый краешек.

— Что ты собираешься делать? — спросила Джой, словно прочтя мои мысли.

— Не знаю,— ответил я.

— Ты репортер,— сказала она,— и для тебя это золотая жила. Но будь осторожен, Паркер.

— Можешь не сомневаться.

— Как ты думаешь, что это такое?

Я пожал плечами.

— Ты в это не веришь,— сказал я.— Впрочем, я и сам сейчас не представляю, как в это можно поверить.

— Я верю твоим словам. Но насколько правильно ты все это истолковал?

— Я не могу истолковать это по-иному.

— В первый вечер ты был пьян. Пьян в стельку, как ты сам сознался. Капкан...

— Но ведь из ковра бы вырезан кусок. Я видел это, когда уже совершенно протрезвел. И в конторе...

— Не все сразу,— перебила она.— Давай разберемся по порядку. Не надо разбрасываться. А то покатишься...

— Вот оно! — вскричал я.

— Не кричи,— попросила она.— Ты привлекаешь к нам внимание.

— Кегельные шары,— пояснил я.— Как это я забыл о них! Были же еще кегельные шары, которые сами собой катились по дороге.

— Паркер!

— В Тимбер-Лейне. Мне сообщил об этом по телефону Джо Ньюмен.

Она сидела напротив, по ту сторону стола, и по ее лицу я увидел, что она не на шутку перепугалась. Она стойко выдержала все остальное, но кегельные шары оказались той самой последней соломинкой. Она уже не сомневалась, что я сошел с ума.

— Прости,— как можно мягче произнес я.

— Но Паркер! Где это видано, чтобы по дороге катились кегельные шары!

— Один за другим. Торжественной вереницей.

— И их видел Джо Ньюмен?

— Нет, не Джо. Их видели какие-то школьники. Они позвонили в редакцию, а Джо, в свою очередь, позвонил мне. Я посоветовал ему выбросить это из головы.

— Их видели около усадьбы «Белмонт»?

— Ты угадала,— ответил я.— Понимаешь, это звенья одной цепи. Уж не знаю как, но все эти события каким-то образом связаны между собой.

Я оттолкнул тарелку и вместе со стулом отодвинулся от стола.

— Куда ты собрался, Паркер?

— Во-первых, я хочу отвезти тебя домой,— сказал я.— А потом, если ты одолжишь мне свою машину...

— Разумеется, но... О, понимаю — усадьба «Белмонт».

Глава 16

Усадьба «Белмонт» массивным черным кубом возвышалась среди таких же черных деревьев. Она стояла на вершине невысокого холма, мысом вдававшегося в озеро, и, когда я остановил машину, я услышал плеск набегавших на берег волн. Сквозь ветви деревьев поблескивала в лунном свете водная гладь, а наверху, под самой крышей, лунный блик играл на стекле слухового окошка, но сам дом и сторожившие его деревья тонули во тьме. В без-

молвии ночи шорох высыхающих листьев звучал, как крадущиеся шажки множества маленьких ног.

Я вылез из машины и, стараясь не стучать, осторожно закрыл дверцу. Я немного постоял возле машины, разглядывая дом. Нельзя сказать, что мне было страшно, недавний ужас почти отпустил меня. Однако я не ощущал в себе и избытка храбрости.

Тут ведь могут быть ловушки, мелькнуло у меня. Не такие, как тот замаскированный капкан перед моей дверью, а какие-нибудь еще. Коварные дьявольские ловушки.

Но я с ходу выбранил себя за такие дурацкие домыслы. Ведь если рассудить здраво, вне дома не могло быть никаких ловушек. Иначе в эти ловушки могли бы попасться совершенно невинные люди: те, кто, выбирая кратчайший путь к озеру, пересекал бы владение Этвуда; или дети, играющие в таком соблазнительном месте, около пустующего заброшенного дома,— а это привлекло бы к нему нежелательный интерес. Если и были тут какие-нибудь ловушки, их расставили в самом доме. Однако, если учесть все обстоятельства, это тоже было маловероятно. Ведь в своем собственном доме они — кем бы эти они ни были — могут и без ловушек разделаться с незваным гостем.

И вообще, может оказаться, подумал я, что я глупейшим образом заблуждаюсь, считая, что усадьба «Белмонт» имеет какое-то отношение к последним событиям. Но все равно я должен пойти и взглянуть, что там делается, я должен знать, я должен довести дело до конца и исключить это подозрение, иначе меня вечно будет терзать мысль, не проморгал ли я какие-то важные улики.

Напрягшись всем телом, я зашагал по дорожке; спина моя сгорбилась, точно в ожидании неизвестно откуда грозившего нападения. Я попробовал распрямиться, но не тут-то было: спина так и осталась согнутой.

Я поднялся по лестнице и остановился перед парадной дверью, раздираемый сомнениями. В конце концов я решил поступить, как это принято,— позвонить или постучать в дверь. Пошарив в темноте, я нащупал звонок. Кнопка едва держалась и завихлялась под моими пальцами; я понял, что звонок не работает, но все-таки нажал кнопку. Звонок не звонил: из дома не донеслось ни звука. Я снова надавил на кнопку и долго не отпускал ее, но звонка не было. Тогда я постучал, и в ночной тишине этот стук прозвучал как-то по-особенному громко.

Я подождал, но все было тихо. Правда, в какой-то момент мне вроде бы послышались шаги, но звук не повторился, и я понял, что мне это почудилось.

Спустившись с крыльца, я обошел вокруг дома. За кустами, некогда посаженными вдоль фундамента, уже много лет никто не ухаживал, и они разрослись в густую, непроходимую изгородь. Под ногами шуршали опавшие листья, а в воздухе ощущались пьянящие, по-осеннему едкие запахи.

Ставни пятого из обследованных мною окон были едва прикрыты. А само окно не заперто.

Как-то все очень просто, подумал я. Даже чересчур. Если я искал ловушку, то лучшего места для нее не придумаешь.

Я поднял оконную раму, замер и прислушался: ничего. Стояла полная тишина. Только лениво плескались о берег волны, да ветер резвился в сухой, еще не опавшей листве. Я сунул руку в карман пальто и нащупал пистолет и карманный фонарик, который прихватил с собой из машины Джой.

Я подождал еще, собираясь с духом. Потом перемахнул через подоконник и очутился в доме.

Я сразу метнулся в сторону и прижался к стене, чтобы мой силуэт не маячил на фоне открытого окна. Немного постоял так, выпрямившись и стараясь не дышать, чтобы не пропустить ни малейшего звука.

Ни движения. Ни шороха. Ничего.

Я вытащил из кармана фонарик, включил его и провел лучом по комнате. Я увидел закрытую чехлами мебель, картины на стенах и какой-то призовой кубок, стоявший на каминной полке.

Я погасил фонарик и быстро скользнул вдоль стены — на тот случай, если кто-то или что-то прячется среди этой зачехленной мебели и решит вдруг на меня напасть.

Никто не собирался на меня нападать.

Я выждал еще какое-то время.

Комната по-прежнему оставалась комнатой, и только.

Я на цыпочках пересек ее и вышел в вестибюль. Нашел кухню, столовую и кабинет, где в беззубой старческой улыбке на меня ощерились пустые книжные полки.

Я не обнаружил ничего интересного.

Пол был покрыт толстым слоем пыли, и за мной тянулся след. Вся мебель была укутана чехлами. В воздухе попахивало плесенью. Повсюду ощущалась полная заброшенность, как в доме,

который хозяева неведомо почему вдруг покинули и больше ни разу в него не возвращались.

И нужно было мне, дураку, приезжать сюда, обругал я себя. Ведь здесь ровно ничего не было. Я просто поддался своему разыгравшемуся воображению.

Но раз уж я здесь, мне нужно использовать это обстоятельство до конца. Пусть я сглупил, приехав сюда, все равно нет смысла уезжать, не осмотрев остальную часть дома — верхний этаж и подвал.

Я вернулся в вестибюль и начал подниматься по лестнице — эдакому винтовому сооружению с поблескивавшими в темноте перилами и столбиками.

Когда я уже поставил ногу на третью ступеньку, меня вдруг остановил чей-то голос.

— Мистер Грейвс! — произнес голос.

Это был мягкий, интеллигентный голос, и говорил он самым естественным, нормальным тоном. И хотя я уловил в нем вопросительные интонации, вопрос этот был чисто риторическим. У меня встали дыбом волосы и миллионом игл вонзились в кожу головы.

Я мгновенно обернулся, судорожно хватаясь за пистолет, оттягивавший мне карман.

Когда я его уже наполовину вытащил, голос заговорил снова.

— Я — Этвуд,— сказал голос.— Приношу свои извинения за испорченный звонок.

— Я еще и стучал.

— Я не слышал вашего стука. Я работал в подвале.

Я уже разглядел в вестибюле его темную фигуру. Я разжал пальцы, и пистолет скользнул обратно в карман.

— Мы можем спуститься в подвал,— предложил Этвуд,— и славно побеседовать. Это место едва ли подходит для продолжительного разговора.

— Как вам будет угодно,— сказал я.

Я сошел со ступенек, и он повел меня через вестибюль к двери в подвал.

Горевшая внизу лампа заливала светом лестничную клетку, и теперь я его рассмотрел как следует. Внешность у него была самая заурядная — спокойный, приятный мужчина делового типа.

— Мне здесь нравится,— заметил Этвуд, легко и беззаботно спускаясь по ступенькам.— Прежний хозяин устроил в подвале комнату для развлечений, которая из всех помещений этого дома, по-моему, наиболее пригодна для жилья. Может быть потому, что сам дом очень стар, а эта комната оборудована совсем недавно.

Мы спустились до конца лестницы, свернули за угол и очутились в комнате для развлечений.

Это было обширное, длинное помещение, тянувшееся через весь подвал; в каждом конце его было по камину, а на выложенном красной плиткой полу в беспорядке расставлена кое-какая мебель. У одной стены стоял письменный стол, заваленный бумагами, а в противоположной стене чернела дыра — просверленная в стене круглая дыра такого диаметра, что в нее свободно мог пройти кегельный шар, и из нее дул холодный ветер, леденивший мне лодыжки. В воздухе едва ощутимо попахивало тем самым лосьоном для бритья.

Уголком глаза я заметил, что Этвуд наблюдает за мной. И попытался справиться со своим лицом — не превратить его в застывшую маску, а придать ему то выражение, которое, как мне казалось, было ему свойственно в повседневной жизни. И мне, видно, это удалось, потому что на лице Этвуда не мелькнуло и тени улыбки, которую он вряд ли бы скрыл, подметив во мне признаки замешательства или страха.

— Вы правы,— произнес я.— Здесь и впрямь очень уютно.

Я сказал это для того, чтобы нарушить молчание. Комната была совершенно нежилой, во всяком случае по человеческим канонам. Пыль здесь лежала почти таким же толстым слоем, как и наверху. Повсюду валялся самый разнообразный хлам, и в углах скопились кучи мусора.

— Не хотите присесть? — спросил Этвуд.

Он указал на стул с мягкой обивкой, стоявший наискосок от стола.

Я направился к нему, и у меня под ногами что-то зашуршало. Тут я увидел, что ступаю по валявшемуся на полу большому измятому куску почти прозрачной полиэтиленовой пленки.

— Осталось от прежнего хозяина,— небрежно бросил Этвуд.— Надо бы наконец навести здесь чистоту.

Я сел на предложенный мне стул.

— Позвольте ваше пальто,— сказал Этвуд.

— Пожалуй, я не сниму его. У вас тут вроде откуда-то дует.

Я не спускал глаз с его лица — оно не дрогнуло.

— Быстро же вы все подмечаете,— благодушно заметил Этвуд без всякой угрозы в голосе.— Пожалуй, даже слишком быстро.

Я промолчал, и он заговорил снова:

— Однако я рад, что вы пришли. Нечасто встретишь такого проницательного человека.

— Уж не собираетесь ли вы предложить мне работу в вашей организации? — с усмешкой спросил я.

— Эта мысль,— невозмутимо ответил Этвуд,— уже мелькнула у меня.

Я покачал головой.

— Вряд ли я вам нужен. Ведь город вы уже купили и, надо сказать, неплохо с этим справились.

— Город! — оскорбленно вскричал Этвуд.

Я кивнул.

Он рывком отодвинул от стола стул и осторожно опустился на него.

— Я вижу, что вы ничего не понимаете,— произнес он.— Придется вам все разъяснить.

— Давайте,— сказал я.— Для этого я и пришел.

Этвуд с серьезным видом подался вперед.

— Не город,— проговорил он тихим, напряженным голосом.— Не цените меня слишком дешево. Нечто гораздо большее, чем город, мистер Грейвс. Гораздо большее. Полагаю, я ничем не рискую, открыв вам это, ведь теперь меня уже никто не может остановить. Я покупаю Землю!

Глава 17

Есть идеи настолько чудовищные, настолько противоестественные и возмутительные, что человеку нужно какое-то время, чтобы вникнуть в их смысл.

К таким вот идеям относится предположение, что у кого-нибудь может зародиться мысль — пусть одна только мысль — попытаться купить Землю. Завоевать ее — это куда ни шло: ведь это добрая, старая, традиционная идея, которую вынашивали многие представители человечества. Уничтожить Землю — это тоже можно понять, потому что были и есть безумцы, которые

если и не кладут в основу своей политики угрозу всеобщего уничтожения, то, во всяком случае, используют ее в качестве дополнительной точки опоры.

Но купить Землю — это не укладывалось в сознании.

Прежде всего, Землю купить невозможно — ведь ни у кого не найдется такого количества денег. А если б и объявился такой богач, все равно это бред сумасшедшего: что бы этот человек стал делать с Землей, купив ее? И наконец, это было неэтично и шло вразрез с традициями: настоящий бизнесмен никогда не уничтожает всех своих конкурентов. Он может их поглотить, установить над ними контроль, но отнюдь не уничтожить.

Этвуд балансировал на краешке стула, как встревоженная хищная птица,— должно быть, в моем молчании он уловил осуждение.

— Тут комар носа не подточит,— проговорил он.— Все совершенно законно.

— Возможно,— выдавил я.

Однако я чувствовал, что тут есть к чему придраться. Если б я мог выразить это словами, я бы объяснил ему, что здесь не так.

— Мы действуем в рамках социального устройства человеческого общества,— продолжал Этвуд.— Наша деятельность базируется на ваших принципах и законах, которые мы соблюдаем со всей строгостью. Мало того, мы придерживаемся ваших обычаев. Мы не нарушили ни одного. И уверяю вас, друг мой, что это не так-то просто. Крайне редко удается провести подобную операцию, не нарушая обычая.

Я попытался что-то сказать, но слова лишь булькнули в горле, да там и остались.

— В наших деньгах и ценных бумагах нет ни единого изъяна,— заявил Этвуд.

— Как сказать,— возразил я.— Что касается денег, то у вас их слишком много, чересчур много.

Но беспокоила меня вовсе не мысль о чрезмерном количестве денег. Меня встревожило что-то совсем другое. Нечто куда более важное, чем эта денежная вакханалия.

Меня насторожили кое-какие его слова и то, как он их употреблял. То, как он произносил слово «наше», словно имея в виду себя и каких-то своих сообщников; то, как он употреблял слово «ваше», как бы подразумевая под этим все человечество,

за исключением некой группы себе подобных. И то, как он особо подчеркнул, что действует в рамках социального устройства человеческого общества.

Мой мозг словно раскололся надвое. И одна его половина вопила от ужаса, а другая призывала к благоразумию. Ибо мысль, пронзившая его, была настолько чудовищной, что сознание отказывалось ее воспринять.

Теперь он уже улыбался, и при виде этой улыбки меня внезапно захлестнула жгучая ярость. Вопль, исторгавшийся одной половиной моего мозга, заглушил разумные доводы другой, и я поднялся со стула, выхватив из кармана пистолет.

В тот момент я бы убил его. Не задумываясь, без всякой жалости я выстрелил бы в него в упор и убил. Все равно что я раздавил бы ногой змею или прихлопнул муху.

Но выстрелить мне не пришлось.

Потому что стрелять было не в кого.

Даже не знаю, как это объяснить. Объяснить такое невозможно. Подобного явления еще не наблюдало ни одно человеческое существо. Ни в одном человеческом языке нет слов, чтобы описать, что сотворил с собой Этвуд.

Он не заколебался, постепенно растворяясь в воздухе. Он не растаял. Что бы с ним ни произошло, это случилось мгновенно.

Только что он сидел передо мной. А через мгновение его уже не было, я не заметил, как он исчез.

Раздался негромкий стук, как от падения легкого металлического предмета, и по полу запрыгало несколько угольно-черных кегельных шаров, которых тут раньше не было.

Должно быть, мое сознание мгновенно проделало какой-то сложный акробатический этюд, но тогда я этого не заметил. И все мои последующие поступки я приписал инстинкту — я не сознавал, что было причиной, а что — следствием, не анализировал факты, не строил догадок и предположений, но все это, несомненно, промелькнуло в моем мозгу, побудив меня к немедленным действиям.

Я выронил пистолет и, нагнувшись, схватил с пола кусок полиэтиленовой пленки. Схватил его и начал расправлять уже на пути к наружной стене, где зияла дышавшая холодом дыра.

Направляясь к дыре, прямо на меня катились шары, и я был к этому готов — у прикрытой пленкой дыры их ждала ловушка.

Первый шар ткнулся в дыру, увлекая за собой пленку, за первым последовал второй, потом третий, четвертый, пятый.

Я схватил концы прозрачного полотнища, сложил их вместе и вытянул его из дыры — и в этом импровизированном мешке, ударяясь друг от друга, взволнованно постукивали угольно-черные шары.

В подвале оставалось еще несколько шаров — тех, что не попали в сеть,— и теперь они в исступлении катались по полу, ища, куда бы спрятаться.

Я поднял мешок и встряхнул его, чтобы утрясти мой улов. А чтобы шары не выскочили, как следует закрутил горловину и перебросил мешок через плечо. Тем временем остальные шары продолжали метаться в поисках темных уголков, и со всех сторон слышались какие-то шуршание, шелест и шепот.

— А ну, марш в свою дыру! — крикнул я им.— Убирайтесь туда, откуда явились!

Никакой реакции. Они все уже попрятались. И теперь следили за мной из темных уголков, из куч хлама. Быть может, даже не видя меня. Скорее всего, просто ощущая мое присутствие. Впрочем, неважно как, но они следили.

Я шагнул вперед, и моя нога наступила на какой-то предмет. Я в ужасе подпрыгнул.

Это был всего-навсего мой пистолет, который я выронил, когда нагнулся за пленкой.

Я оцепенело смотрел на него, чувствуя, как у меня затряслись все внутренности, но дрожь эта билась где-то в глубине, не в силах вырваться наружу и завладеть всем телом — настолько оно было напряжено. Зубы мои порывались застучать, но безуспешно, потому что челюсти были стиснуты с такой отчаянной силой, что ныли мышцы.

Отовсюду за мной следили невидимые наблюдатели, из дыры дул холодный ветер, а у меня за спиной, в мешке, скорей возбужденно, чем злобно, постукивали друг о дружку шары. И еще в подвале была пустота — пустота там, где только что было двое людей, а теперь остался один. Хуже того, здесь зверем выла пустота взбесившейся Вселенной, Земли, утратившей свое значение, и цивилизации, которая, пока сама того не ведая, корчилась в муках агонии.

Но все это забивал запах — запах, который я впервые почувствовал сегодня утром,— запах этих существ; кем бы они ни были,

откуда бы они ни явились, какова бы ни была их цель — этот запах принадлежал им. Он был рожден не Землей, не нашей, такой знакомой старушкой планетой, и до этого человеку никогда не приходилось с ним сталкиваться.

Я понял, что передо мной была иная форма жизни, явившаяся откуда-то извне, из краев, находящихся далеко за пределами планеты, на которой я сейчас стоял; и все во мне протестовало против этой мысли, но другого объяснения я подыскать не мог.

Я опустил мешок с плеча, наклонился за пистолетом и, протянув к нему руку, вдруг увидел, что невдалеке от пистолета, на полу, лежит еще какой-то предмет.

Выпустив пистолет, мои пальцы потянулись к этому предмету, и в тот момент, когда они схватили его, я увидел, что это кукла. Еще не успев рассмотреть ее, я уже знал, что это за кукла: в памяти всплыл негромкий металлический стук, услышанный мною в тот самый миг, когда исчез Этвуд.

Я не ошибся. Это была кукла Этвуд. Этвуд до последней морщинки на лице, до мельчайшей детали внешности. Словно кто-то взял живого Этвуда и уменьшил раз в сто, стараясь при этом ни на йоту не изменить его, не повредить ни единого атома в существе, которое было Этвудом.

Я опустил куклу в карман, подобрал пистолет, перекинул мешок через плечо и направился к двери.

Мне неудержимо захотелось бежать. Я напряг всю свою силу воли, всю, до последней капли, чтобы сломя голову не кинуться бежать оттуда. Но я заставил себя идти шагом. Точно мне все было до лампочки, точно я не был смертельно испуган, точно ни в этом благословенном мире, ни во всей Вселенной не было ничего, что могло бы испугать человека, обратить его в бегство.

Потому что я должен был им это доказать!

Каким-то необъяснимым образом, словно бы инстинктивно, я вдруг понял, что должен сейчас сыграть эту роль в интересах всего человечества, должен им кое-что показать, должен продемонстрировать перед ними смелость, решительность, непоколебимое упорство, свойственные человеческому роду.

Уж не знаю как, но я это выполнил. С таким ощущением, словно мне в спину нацелены кинжалы, я прошел через комнату и стал не спеша подниматься по лестнице. Одолел последние ступеньки и осторожно, без стука, закрыл за собой дверь.

И теперь, освободившись от наблюдавших за мной глаз, от необходимости играть эту роль, я, спотыкаясь, проковылял через вестибюль, как-то ухитрился открыть парадную дверь — и в лицо мне пахнул налетевший с озера свежий ночной ветерок, очищая мне легкие и мозг от подвального смрада.

Я добрел до какого-то дерева и привалился к нему, ослабевший и вымотанный, словно после состязания в беге, и на меня напала неукротимая рвота. Я корчился, давился блевотиной, почти с наслаждением ощущая вкус желчи, разъедавшей мне горло и рот,— в этом вкусе было что-то истинно человеческое.

Я стоял, прислонившись лбом к грубой коре ствола, и прикосновение к ее шершавой поверхности успокаивало, словно это ощущение восстанавливало контакт со знакомым мне миром. Я слышал, как ударяются о берег волны озера, слышал пляску смерти сухих листьев, уже мертвых, но еще не покинувших родного дерева, а откуда-то издалека доносился приглушенный расстоянием собачий лай.

Наконец я оторвался от дерева, вытер рукавом рот и подбородок. Пора приниматься за дело. Теперь у меня в руках было доказательство: полный мешок существ, которые подтвердят собой достоверность моего сообщения,— ведь так или иначе, а я должен все рассказать.

Я поднял мешок на плечо, и, пока я поднимал его, мои ноздри вновь уловили запах пришельцев.

У меня окоченело все тело, подкашивались ноги, болели внутренности. Больше всего на свете, подумал я, мне сейчас нужен добрый глоток спиртного.

На ведущей к дому аллее темнела машина, и я нетвердым шагом двинулся к ней. За моей спиной возвышался мрачный, расплывчатый силуэт дома, и наверху, в стекле слухового окошка, по-прежнему поблескивали серебристые осколки лунного луча.

У меня вдруг мелькнула странная мысль: может, мне вернуться и закрыть то окно, ведь в комнаты с укутанной светлыми чехлами мебелью ветер нанесет листья, на ковры будет хлестать дождь, а когда пойдет снег, пол заметет маленькими белыми сугробами.

Я хрипло расхохотался. Надо же такому прийти в голову, да еще в тот самый момент, когда мне необходимо было, не теряя ни минуты, убраться отсюда подальше, подальше от этого дома в Тимбер-Лейне.

Я подошел к машине и открыл дверцу со стороны сиденья водителя. На другом конце сиденья что-то шевельнулось и произнесло:

— Рад вашему возвращению. А то я беспокоился, не случилось ли чего.

Непередаваемый ужас пригвоздил меня к месту.

Я не верил своим глазам: существо, сидевшее в машине, существо, только что обратившееся ко мне с этими словами, было тем самым веселым, лохматым псом, которого я сегодня вечером вторично встретил возле своего дома!

Глава 18

— Я вижу,— продолжал Пес,— что один из них при вас. Держите же его покрепче. Могу засвидетельствовать, что это весьма скользкие личности.

И пока он так разглагольствовал, я изо всех сил старался не сойти с ума.

Я остолбенел. А что мне еще оставалось делать? Ведь в конце концов отупеешь, если тебя достаточно часто бьют по башке.

— Ну-с, вам, пожалуй, пора уже спросить, кто я, черт возьми, такой,— с укором заметил Пес.

— Ладно,— прохрипел я.— Так кто же ты такой, черт тебя побери?

— Мне очень приятно, что вы наконец спросили об этом,— удовлетворенно проговорил Пес.— Ибо со всей откровенностью могу вам сообщить, что являюсь конкурентом — не сомневаюсь, что слово «конкурент» выбрано мною правильно,— того существа, которое сидит в вашем мешке.

— Очень ценная информация,— съязвил я.— А теперь, милейший, кем бы ты там ни был, объясни-ка все как следует.

— Но, мне думается, вам должно быть абсолютно понятно, кто я! — воскликнул Пес, пораженный моей тупостью.— Как конкурент этих кегельных шаров я, естественно, должен быть отнесен к числу ваших друзей.

К этому времени мое оцепенение частично прошло, и я смог сесть в машину. И вообще, я почему-то уже спокойнее относился к этому событию. У меня, правда, мелькнуло подозрение, не является ли Пес еще одной бандой кегельных шаров, на этот раз превратившихся не в человека, а в собаку, но, даже

если б мое подозрение оправдалось, я был к этому подготовлен. Я уже несколько оправился от испуга, и на смену ему пришло раздражение. Что за проклятая жизнь, подумал я, когда человек может в секунду превратиться в кучу черных шаров, а в машине тебя ждет собака, которая, как только ты появляешься, заводит с тобой светскую беседу.

Видно, в тот момент я еще верил в это не до конца. Но от действительности не отмахнешься: Пес сидел рядом, разговаривал со мной, и мне оставалось только смириться с этим, с позволения сказать, фарсом.

— Почему бы вам не отдать мешок мне? — спросил Пес.— Уверяю вас, что я буду держать его мертвой хваткой и с превеликим вниманием. Для меня будет делом чести проследить, чтобы они не сбежали.

И я отдал ему мешок — он протянул лапу, и, бог свидетель, эта лапа так плотно обхватила горловину мешка, словно вдруг вырастила пальцы.

Я вытащил из кармана пистолет и положил его себе на колени.

— Что это за инструмент? — поинтересовался Пес, не пропускавший ни единой мелочи.

— Это оружие под названием «пистолет»,— объяснил я,— и с его помощью я могу продырявить тебя насквозь. Одно неверное движение, приятель, и ты узнаешь, что это такое, на своей собственной шкуре.

— Я приложу все усилия,— довольно сухо произнес Пес,— чтобы не допустить ни одного неверного движения. Уверяю вас что касаемо текущих событий я полностью ваш союзник.

— Вот и чудесно,— сказал я.— Смотри не передумай.

Я завел мотор, развернулся и выехал на проселочную дорогу.

— Меня радует, что вы столь охотно вручили мне мешок,— проговорил Пес.— У меня есть некоторый опыт обращения с этими существами.

— В таком случае, может, ты посоветуешь, куда нам сейчас с ними отправиться? — спросил я.

— О, существует множество способов их уничтожения,— сказал Пес.— Осмелюсь посоветовать, сэр, способ, достаточно бескомпромиссный, но, может быть, несколько мучительный.

— А я вовсе не собираюсь их уничтожать,— возразил я.— Мне и так досталось, пока я поймал их в этот мешок.

— Очень прискорбно,— с сожалением промолвил Пес.— Поверьте, никуда не годится оставлять эти существа в живых.

— Ты все время зовешь их «этими существами»,— заметил я,— однако же утверждаешь, что хорошо с ними знаком. Разве у них нет имени?

— Имени?

— Да. Названия. Определенного обозначения. Должен же ты их как-то называть.

— Теперь я вас понял,— сказал Пес.— Я не всегда быстро схватываю смысл слова. Случается, что мне нужно на это какое-то время.

— Кстати, пока я не забыл, объясни мне, как это ты умудряешься со мной разговаривать? Ведь говорящих собак не бывает.

— Собак?

— Да. Это такие существа, как ты. Ведь на вид ты настоящая собака.

— Очаровательно! — восхитился Пес.— Так вот, значит, кто я. Мне и вправду попадались существа, похожие на меня внешностью, но в остальном они совсем, совсем другие, и их столько разных видов. Сперва я пытался завязать с ними отношения, но...

— Значит, ты всегда так выглядишь, да? Выходит, ты не превратился в собаку из какого-то другого существа, как это умеют наши дружки в мешке?

— Я есть я,— гордо заявил Пес.— И не стал бы ничем иным, даже если б это было в моих возможностях.

— Однако ты не ответил, каким образом ты со мной разговариваешь.

— Друг мой, прошу вас, не будем забираться в эти дебри. Тут нужно так много объяснять, а у нас так мало времени. Видите ли, я не разговариваю с вами по-настоящему. Я общаюсь с вами, но...

— Телепатия?

— Повторите, и помедленнее.

Я объяснил ему, что такое телепатия, вернее, изложил ее гипотезу. Доклад получился никудышный — в основном, как мне кажется, из-за скудости моих познаний в этой области.

— В общих чертах похоже,— сказал Пес.— Но не совсем то.

На этом я успокоился. Сейчас меня занимали вопросы поважнее.

— Я уже с тобой встречался,— сказал я.— Ты ведь болтался вчера возле моего дома.

— Совершенно верно,— подтвердил Пес.— Ведь вы — как бы это выразиться поточнее,— вы были главным действующим лицом.

— Главным действующим лицом! — изумленно воскликнул я.

А я-то думал, что попал в эту заваруху случайно. Есть ведь такие везучие парни. Если они стоят под деревом в лесу площадью в тысячу акров, то молния обязательно ударит именно в это дерево.

— Они это знали,— сказал Пес,— и я, конечно, тоже. Неужели вы ни о чем не догадывались?

— Братишка, ты сообщил мне потрясающую новость.

Мы уже оставили позади Тимбер-Лейн и сейчас ехали по шоссе к городу.

— Ты мне не ответил, что это за существа,— напомнил я.— Так и не сказал, как они называются. И вообще, если пораскинуть мозгами, наберется немало вопросов, которые ты пропустил мимо ушей.

— Да вы же сами не даете мне ответить,— возмутился Пес.— Вы слишком быстро спрашиваете. К тому же у вас какой-то чудной мыслящий аппарат. Только и делает, что непрерывно перемешивает мысли.

Окошко с его стороны было приоткрыто на несколько дюймов, и через щель врывался ветер. Он откидывал назад его пушистые бакенбарды, обнажая челюсти. Челюсти у него были уродливые и тяжелые, и он их не размыкал. Они не двигались, когда он говорил, как им было положено, если б он говорил ртом.

— Ты знаком с моим мыслящим аппаратом? — растерянно спросил я.

— А иначе как бы я мог вести с вами беседу? — удивился Пес.— И надо сказать, в нем нет никакого порядка, и работает он очень-очень быстро. Никак не угомонится.

Поразмыслив над этим, я пришел к выводу, что, пожалуй, он прав. Однако я почерпнул из его слов еще кое-что: мне не очень-то понравилось, например, то, что он в курсе всех моих мыслей и знает все, что знаю я, хотя, видит бог, этого нельзя было сказать по его поведению.

— Возвращаясь к вашему вопросу об именовании этих существ,— сказал Пес,— могу ответить, что у нас действительно

есть для них название, но оно не переводится ни одним словом, которое бы вы поняли. Для нас — в аспекте наших с ними отношений — небезынтересно то, что помимо прочих их свойств они еще являются агентами по продаже недвижимости. Однако вы должны понять, что этот термин приблизительный, и тут есть много особенностей, которые я не в силах объяснить словами.

— Ты имеешь в виду, что они занимаются продажей домов?

— Что вы! — воскликнул Пес.— Они и не подумают затруднять себя такой мелочью, как какое-то здание.

— А как насчет планеты?

— Это уже кое-что,— сказал Пес,— хотя эта планета должна быть самой необыкновенной и исключительно ценной. Как правило, их не интересует то, что намного меньше солнечной системы. И это должна быть хорошая, добротная солнечная система, иначе они к ней и не притронутся.

— Короче говоря,— резюмировал я,— ты хочешь сказать, что они торгуют солнечными системами.

— Ваша сообразительность,— изрек Пес,— не оставляет желать лучшего. Но это всего только одна сторона вопроса. Вся же проблема представляет собой сложный комплекс.

— Но для кого же они скупают эти солнечные системы?

— Вот тут мы уже начинаем углубляться в более сложные материи,— произнес Пес.— Что бы я вам ни сказал, вы все равно попытаетесь сравнить это с вашей собственной экономической системой, а ваша экономическая система — прошу прощения, если я оскорблю ваши чувства,— самая бестолковая из всех, которые я когда-либо встречал.

— Между прочим, мне известно, что они покупают эту планету,— заметил я.

— О, разумеется,— сказал Пес,— и, как всегда, действуют самыми нечестными путями.

Я промолчал — меня вдруг поразила вся несуразность этой ситуации: подумать только, мне приходится беседовать с существом, как две капли воды похожим на огромную собаку, и обсуждать с ним других пришельцев, которые покупают Землю, действуя, по словам моего инопланетного союзника, обычными для них методами обмана и жульничества.

— Дело в том,— продолжал Пес,— что они могут стать кем угодно и чем угодно. Они никогда не бывают собой. Вся их деятельность основана на лжи.

— Ты сказал, что они твои конкуренты. Стало быть, ты тоже агент по продаже недвижимости?

— О да, благодарю вас за такое понимание,— польщенно подтвердил Пес,— причем агент наивысшего класса.

— Следовательно, если бы этим кегельным шарам, или как их там, не удалось купить Землю, ты приобрел бы ее сам, так ведь?

— Никогда! — запротестовал Пес.— Это было бы неэтично. Понимаете, именно поэтому я так в этом заинтересован. Настоящая операция нанесет исключительной силы удар всей галактической торговле недвижимостью, а этого ни в коем случае нельзя допустить. Торговля недвижимостью — древняя и благородная профессия, и она должна сохранить свою первозданную чистоту.

— Что ж, весьма похвально,— одобрил я.— Рад это слышать. И что ты намерен предпринять?

— Честно говоря, сам не знаю. Ведь вы мне мешаете. От вас не дождешься никакой помощи.

— Я мешаю?

— Нет, не вы. Вернее, не только вы. Я имею в виду вас всех. Ваши идиотские правила.

— Но зачем им понадобилась Земля? Что они будут с ней делать, когда купят?

— Я вижу, что вы не сознаете,— произнес Пес,— какое у вас в руках богатство. Должен вас поставить в известность, что немного найдется таких планет, как эта, которую вы называете Землей. Это нормальная, покрытая плодородной почвой планета, а таких планет очень мало. И они расположены далеко друг от друга. Утомленный может дать здесь отдых измученному телу и утешить свой воспаленный взор изысканной красотой, которая встречается отнюдь не на каждом шагу. В некоторых системах были построены и выведены на орбиту конструкции, на которых попытались создать условия, имеющиеся здесь, у вас, в естественном виде. Но искусственное никогда не может до конца приблизиться к настоящему, поэтому ваша планета имеет такую большую ценность как естественная спортивная площадка и курорт. Надеюсь, вы понимаете,— извиняющимся тоном добавил он,— что, исходя из вашего языка и ваших понятий, я все упрощаю и употребляю грубое, приблизительное сравнение. На самом деле это не совсем так, как я вам рассказал. Во многих

аспектах это нечто совершенно иное. Но вы ухватили основную идею, а на большее у меня нет возможностей.

— Ты хочешь сказать, что, завладев Землей, эти существа откроют на ней своего рода галактический курорт?

— О нет,— возразил Пес,— для этого у них слишком тонкие кишки. Но они продадут ее тем, кто сумеет этим заняться. И хорошо на этом заработают. В космосе выстроено много увеселительных заведений и планет типа Земли, на которых самые разнообразные существа могут устраивать пикники и проводить свои отпуска. Но в действительности ничто не может заменить настоящую, плодородную планету. Уверяю вас, они могут получить за нее все, что попросят.

— А что они могут за нее запросить?

— Запах. Аромат. Благовоние,— ответил Пес.— Никак не могу найти подходящее слово.

— Духи?

— Правильно, духи. Запах, который доставляет удовольствие. Запах для них — это что-то необыкновенно прекрасное. Когда они бывают сами собой, в своем естественном виде, он является их самым большим, может быть даже единственным, сокровищем. Ведь в своем естественном состоянии они совсем не такие, как вы и я...

— Кажется, я имею представление об их естественном состоянии,— проговорил я.— Это те штуки, которые сидят у тебя в мешке.

— Ну, тогда, может быть, вам понятно,— сказал Пес,— какие это полнейшие ничтожества.

Он яростно встряхнул мешок, сбивая шары в кучу.

— Полнейшие ничтожества,— повторил он.— Лежат себе в мешке и наслаждаются своими духами, для них это — вершина счастья, если подобные твари вообще способны испытывать счастье.

Обдумав его слова, я решил, что все это просто возмутительно. У меня мелькнуло подозрение, не пытается ли Пес меня одурачить, но я сразу же отбросил эту мысль. Ведь если все это мистификация, то сам Пес неизбежно должен быть ее частью. Хотя бы потому, что по-своему он был таким же гротескным и несуразным, как те существа в мешке.

— Мне жаль вас,— проговорил Пес без особой грусти в голосе,— но вы сами виноваты. Все эти идиотские правила...

— Я это слышу от тебя не в первый раз,— сказал я.— Что ты подразумеваешь под «всеми этими идиотскими правилами»?

— Ну как же, это правила для каждого, кто владеет какими-либо вещами.

— Иными словами, наши законы о собственности.

— Должно быть, так они называются по-вашему.

— Но ты же сказал, что кегельные шары собираются продать Землю...

— Это совсем не то,— возразил Пес.— Я вынужден был так сказать, потому что не мог выразить это иначе, как в ваших понятиях. Но убедительно прошу вас поверить, что это совсем другое.

А ведь верно, подумал я. Вряд ли две совершенно разные цивилизации могут в своем развитии выработать одинаковый образ действий. У них должны быть разные мотивы, разные методы, потому что сами цивилизации всегда в корне отличны друг от друга. Даже их языки — не только по словарному составу, но и по самой своей концепции — не могут иметь ничего общего.

— Это средство передвижения, которым вы сейчас управляете,— сказал Пес,— заинтриговало меня с самого начала, но у меня не находилось возможности с ним ознакомиться. Как вы можете себе хорошо представить, я был очень занят, собирая необходимую мне информацию другого рода.

Он вздохнул.

— Вы понятия не имеете — да и откуда вам это знать? — сколько всего нужно изучить, когда без подготовки попадаешь в чужую цивилизацию.

Я рассказал ему о двигателе внутреннего сгорания и механизме передачи, с помощью которого энергия, вырабатываемая двигателем, приводит машину в движение, но сам я довольно-таки слабо в этом разбираюсь. Объяснение получилось поверхностным и примитивным, однако он вроде бы усвоил основной принцип. По его реакции я заключил, что он впервые встретился с подобным устройством. Но у меня создалось отчетливое впечатление, что это устройство поразило его отнюдь не совершенством конструкции, а, скорее, своей явной, с его точки зрения, бездарностью.

— Очень вам благодарен за столь четкое объяснение,— учтиво проговорил он.— Я не стал бы вас беспокоить, но меня

одолевало большое любопытство. Быть может, было бы лучше и в некотором смысле полезнее, если бы мы потратили это время на обсуждение дальнейшей судьбы этих вот штук.

Он встряхнул мешок, давая мне понять, что он имеет в виду.

— Я уже знаю, что мы с ними сделаем,— сказал я.— Мы отвезем их к одному моему другу, которого зовут Карлтон Стирлинг. Он биолог.

— Биолог?

— Биолог — это тот, кто изучает жизнь,— пояснил я.— Он вскроет эти шарики и расскажет нам, что они из себя представляют.

— А это болезненно? — поинтересовался он.

— В некотором смысле, пожалуй, да.

— Тогда все в порядке,— решил Пес.— А что касается этого биолога — я, кажется, уже слышал о существах, которые занимаются чем-то похожим.

Но, судя по его тону, он, несомненно, имел в виду нечто совершенно иное. Оно и понятно, подумал я, ведь жизнь можно изучать по-всякому.

Некоторое время мы ехали молча. Мы уже приближались к городу, и движение постепенно усиливалось. Пес напряженно застыл на сиденье, и я видел, что его тревожит длинная полоса надвигавшихся на нас городских огней. Я попытался представить, будто сам вижу эти огни впервые, и понял, какой они могут внушить ужас сидевшему рядом со мной существу.

— Давай-ка послушаем радио,— предложил я.

Я протянул руку и включил приемник.

— Связь на расстоянии? — спросил Пес.

Я кивнул.

— Как раз время вечернего выпуска «Последних известий»,— заметил я.

Передача только началась. Захлебываясь от счастья, диктор бодро рекламировал какое-то изумительное моющее средство.

Потом раздался голос радиообозревателя:

— Час назад при взрыве, происшедшем на автомобильной стоянке позади жилого дома «Уэллингтон Армз», погиб какой-то мужчина. Предполагают, что погибший — научный обозреватель «Ивнинг геральд» Паркер Грейвс. Полиция считает, что в машину Грейвса подложили бомбу, которая взорвалась, когда Грейвс включил мотор. В настоящее время полиция пытается окончательно уточнить личность погибшего.

И он перешел к следующему сообщению.

С минуту я сидел словно оглушенный, потом протянул руку и выключил радио.

— В чем дело, друг мой?

— Тот человек, который погиб,— ведь это был я,— объяснил я ему.

— Вот чудеса-то,— заметил Пес.

Глава 19

Увидев свет в окне лаборатории на третьем этаже, я понял, что Стирлинг работает. Я принялся барабанить в парадную дверь, пока по коридору не прихромал разгневанный сторож. Он жестом приказал мне убираться вон, но я упорно продолжал стучать. В конце концов он все-таки отпер дверь, и я назвал себя. Недовольно ворча, он впустил меня. Вслед за мной в дом проскользнул и Пес.

— Оставьте собаку на улице! — возмущенно потребовал сторож.— Сюда собакам вход запрещен.

— Это не собака,— возразил я.

— А что же?

— Подопытный экземпляр,— объяснил я.

И пока он переваривал это, мы успели юркнуть мимо него и подняться на несколько ступенек. Я слышал, как, сердито бормоча себе что-то под нос, он заковылял обратно в свою каморку на первом этаже.

Склонившись над лабораторным столом, Стирлинг что-то записывал в тетрадь. На нем был неописуемо грязный белый халат.

Когда мы вошли, он оглянулся на нас с таким видом, будто наш приход был в порядке вещей. Сразу было видно, что он не знает, который сейчас час. Его ничуть не удивило, что мы явились в такое неурочное время.

— Ты пришел за пистолетом? — спросил он.

— Нет, кое-что тебе принес,— сказал я, показывая мешок.

— Тебе придется вывести отсюда собаку,— заявил он.— Собакам сюда вход запрещен.

— А это вовсе не собака,— сказал я.— Я, правда, не знаю, как он там себя величает и откуда он, но это пришелец.

Явно заинтересовавшись, Стирлинг повернулся к нам всем телом. Прищурившись, посмотрел на Пса.

— Пришелец,— без особого удивления повторил он.— Ты подразумеваешь под этим существо со звезд?

— Именно это он и имеет в виду,— вставил Пес.

Стирлинг наморщил лоб. Помолчал. Было почти слышно, как лихорадочно заработали его мысли.

— Когда-нибудь это должно было случиться,— наконец проговорил он, словно давая авторитетное заключение по какому-то важному вопросу.— Но никто, конечно, не мог предугадать, как это произойдет.

— Поэтому тебя это нисколько не удивило,— констатировал я.

— Нет, почему же? Разумеется, я удивлен. Но, скорее, внешностью нашего гостя, чем самим фактом.

— Рад с вами познакомиться,— промолвил Пес.— Как я понимаю, вы биолог, и я нахожу это в высшей степени интересным.

— Но, честно говоря, пришли мы из-за этого мешка,— сказал я Стирлингу.

— Мешка? Ах да, у тебя ведь был еще какой-то мешок.

Я поднял мешок, чтобы он мог получше разглядеть его.

— Это тоже *пришельцы*,— объявил я.

Все это начинало чертовски смахивать на водевиль.

Он недоуменно поднял бровь.

Запинаясь и путаясь в словах, я торопливо рассказал ему, что это за существа,— в моем понимании, конечно. У меня вдруг почему-то возникла потребность высказаться как можно быстрее. Словно меня подстегивала мысль о том, что у нас очень мало времени, а мне нужно успеть все рассказать. Возможно, так оно и было.

Лицо Стирлинга побагровело от волнения, глаза возбужденно заблестели.

— Об этом-то я и говорил тебе сегодня утром! — воскликнул он.

Я вопросительно хмыкнул — наш утренний разговор давно выветрился у меня из головы.

— Существо, не зависящее от окружающей среды,— напомнил он.— Существо, которое может жить везде и быть всем, чем угодно. Форма жизни, обладающая стопроцентной приспособляемостью. Способная приспособиться к любым условиям...

— Но ты ведь говорил вовсе не об этом,— возразил я, вспомнив наконец, что он тогда сказал.

— Вполне возможно,— согласился он.— Наверно, я не совсем точно выразил свои мысли. Но в итоге получается то же самое.

Он повернулся к лабораторному столу, выдвинул ящик и стал быстро рыться в каких-то вещах. Наконец вытащил то, что искал,— прозрачный полиэтиленовый пакет.

— Давай-ка пересыплем их сюда,— сказал он.— А потом уже хорошенько рассмотрим их.

Он открыл пошире отверстие пакета. С помощью Пса я перевернул наш импровизированный мешок и высыпал кегельные шары в пакет к Стирлингу. Небольшое количество каких-то клочков и обрывков упало на пол. Даже не пытаясь принять форму шаров, они быстро шмыгнули к рукомойнику, вскарабкались по его металлическим ножкам и нырнули в раковину.

Пес бросился было за ними в погоню, но они оказались проворнее. Он вернулся с удрученным видом, уныло свесив уши и волоча поникший хвост.

— Они отступили в канализационную трубу,— сообщил он.

— Ну и пусть,— беспечно отмахнулся Стирлинг, которого так и распирало от счастья,— большая часть ведь осталась у нас.

Он стянул крепким узлом горловину пакета и, подняв его, зацепил узел за крюк укрепленного над столом кронштейна — пакет повис в воздухе. Пластик был настолько прозрачен, что теперь можно было без помех рассмотреть кегельные шары во всех подробностях.

— А вы разберете их на части? — озабоченно спросил Пес.

— Со временем,— ответил Стирлинг.— Сперва я понаблюдаю за ними; изучу их повадки и подвергну их кое-каким испытаниям.

— Тяжким испытаниям? — не унимался Пес.

— Это еще что такое? — спросил Стирлинг.

— Он питает некоторую неприязнь к нашим друзьям,— вмешался я.— Они ставят ему палки в колеса. Позорят его бизнес.

В другом конце комнаты негромко замурлыкал телефон.

Потрясенные, мы разом умолкли.

Телефон зазвонил снова.

В этом звуке было что-то пугающее. Мы были здесь совершенно одни и чувствовали себя как-то уютно и спокойно, а кегельные шары на время стали для нас не более чем дикови-

ной, вызывавшей чисто академический интерес. Но с этим телефонным звонком все рухнуло — к нам ворвалась неумолимая действительность внешнего мира. Пришел конец уединению, пришел конец спокойному созерцанию, потому что теперь все это касалось не только нас одних, а существа в прозрачном полиэтиленовом пакете из объектов исследования превратились в нечто опасное и угрожающее, в нечто, внушающее уже не академический интерес, а ненависть и страх.

И я увидел за окном величественную, всепоглощающую тьму ночи и ощутил бездушное высокомерие, которое опутало мир. Комната словно сжалась в пятно холодного света, разбивавшегося о блестящую поверхность лабораторного стола, о раковину и стеклянные приборы, а я — сама слабость — стоял там рядом со Стирлингом и Псом, такими же бессильными, как и я.

— Алло,— сказал Стирлинг в трубку. И спустя немного: — Нет, я ничего об этом не слышал. Должно быть, тут какое-то недоразумение. Он сейчас здесь.

Послушал еще, потом перебил своего собеседника:

— Но ведь он сейчас здесь, у меня. Вместе с говорящей собакой... Нет, он не пьян. Да нет, говорю вам, он цел и невредим...

Я шагнул к телефону.

— Дай-ка мне трубку! — потребовал я.

Он сунул ее мне под ухо, и я услышал голос Джой.

— Паркер, ты... что случилось? Радио...

— Ага, я слышал эту передачу. Те парни на радио просто рехнулись.

— Почему ты мне не позвонил, Паркер? Ты ведь знал, что я это услышу...

— Да откуда я мог знать? Я совершенно замотался. Мне нужно было переделать кучу дел. Я нашел Этвуда, он рассыпался на кегельные шары, и я поймал его в мешок, а потом меня в машине поджидала эта собака...

— Паркер, у тебя действительно все в порядке?

— Конечно,— ответил я.— В полнейшем.

— Паркер, мне так страшно!

— Брось, теперь уже нечего бояться. В машине был не я, и к тому же я нашел Этвуда...

— Я не об этом. У меня во дворе снуют какие-то существа.

— Так ведь вне дома всегда есть какие-нибудь живые существа,— возразил я.— Собаки, кошки, белки, люди, наконец...

— Но эти твари бродят вокруг дома. Так и кишат повсюду, заглядывают в окна и... Паркер, прошу тебя, приезжай и забери меня отсюда!

Мне стало не по себе. Это не был обычный глупый женский страх перед темнотой и воображаемыми ужасами. По ее голосу чувствовалось, что она едва сдерживается от истерики, и это убедило меня в том, что причина ее испуга не в игре воображения.

— Хорошо,— сказал я.— Держись молодцом. Постараюсь приехать как можно скорее.

— Паркер, пожалуйста...

— Надень пальто. Стань у двери и жди машину. Только не выходи, пока я не подойду к самому дому.

— Ладно.

Голос ее уже звучал почти спокойно.

Я бросил трубку на рычаг и стремительно повернулся к Стирлингу.

— Мне нужна винтовка,— сказал я.

— Вон в том углу.

Она стояла там, прислоненная к стене; я бросился в угол и схватил ее. Стирлинг порылся в ящике и протянул мне коробку с патронами. Я сломал ее, и несколько патронов упало на пол. Стирлинг нагнулся и собрал их.

Я заполнил магазин, остальные патроны высыпал в карман.

— Я еду за Джой,— сказал я.

— Там что-нибудь случилось? — спросил он.

— Не знаю,— ответил я.

Я ударом распахнул дверь и понесся вниз по лестнице. Пес ринулся следом.

Глава 20

Джой жила в северо-западной части города в своем собственном маленьком домике. Первые годы после смерти матери она подумывала о том, чтобы продать его и переехать поближе к редакции в какой-нибудь многоквартирный дом. Да так и не собралась. Что-то не отпускало ее отсюда — то ли какие-то старые ассоциации и сентиментальная привязанность к дому, то ли нежелание рисковать — а вдруг ей не понравится на новом месте.

Я выбрал улицу, где, как я знал, мне не будут помехой мигалки, и дал газ.

Пес сидел рядом со мной, и ветер, врывавшийся через полуоткрытое окошко, откидывал назад его бакенбарды, мягким веером расстилая их по морде. Он задал мне один-единственный вопрос.

— А эта Джой хороший товарищ? — спросил он.

— Самый лучший,— заверил я его.

Он умолк, обдумывая мой ответ. Еще немного, и, наверно, можно было бы услышать, как напряженно работают его мысли. Но он больше не проронил ни слова.

Не обращая внимания на светофоры, я развил недозволенную скорость, пытаясь придумать, что мне сказать в свое оправдание, если за нами погонится полицейская машина. Но обошлось без этого, и, нажав до отказа на тормоз, я резко остановил машину перед домом Джой — взвизгнули по асфальту шины, и Пес со всего маху ткнулся мордой в ветровое стекло, весьма этому удивившись.

Домик стоял в глубине двора, обнесенного старинным частоколом и густо заросшего деревьями и кустами, между которыми зигзагами извивались цветочные клумбы. Ворота были распахнуты настежь — с тех пор, как я знаю этот дом, я ни разу не видел их запертыми,— и створки их криво висели на ржавых петлях. Крыльцо было освещено, свет горел еще и в прихожей, и в гостиной.

Прихватив винтовку, я выскочил на мостовую и обежал вокруг машины. Пес опередил меня, ворвался в ворота и как одержимый бросился в заросли кустарника, росшего по краям вымощенной кирпичом дорожки. Прежде чем он исчез, перед моими глазами промелькнули его оскаленная в рычании морда, плотно прижатые к голове уши и задранный кверху хвост.

Я вошел в ворота и, тяжело ступая, двинулся по дорожке к дому, а слева от меня, там, где только что скрылся Пес, поднялся вдруг совершенно невообразимый, раздирающий уши гвалт.

Дверь открылась, и Джой сбежала с крыльца. Я встретил ее на ступеньках. На мгновение она в нерешительности остановилась, глядя во двор, откуда неслась эта омерзительная какофония.

Сейчас шум еще усилился. Описать его почти невозможно. В нем было что-то от верещания взбесившейся фисгармонии,

надрывавшейся под аккомпанемент какого-то топота и шороха, словно нечто огромное в яростном исступлении мчалось по заросшему высокой сухой травой полю.

Я схватил Джой за руку и потащил по дорожке к воротам.

— Пес! — позвал я.— Пес!

Бедлам не стихал.

Мы выбежали на тротуар, я втолкнул Джой на переднее сиденье и захлопнул дверцу.

Пес как в воду канул.

Кое-где в соседних домах начали вспыхивать огни, и я услышал, как неподалеку хлопнула дверь — видно, кто-то вышел на крыльцо.

Я бросился назад, к воротам.

— Пес! — снова крикнул я.

Он пулей вылетел из кустов, поджатый хвост его исчез под брюхом, с влажных бакенбард стекали пенистые струйки слюны. А за ним по пятам что-то гналось — что-то черное, шишковатое, с огромной, жадно разинутой пастью.

Я понятия не имел, что это такое. Даже отдаленно не представлял, как мне следует действовать.

То, что я сделал, я проделал чисто инстинктивно, не задумываясь.

Я воспользовался винтовкой как клюшкой для гольфа. Боюсь сказать, почему я не выстрелил. Или времени на это не было, или по какой-то другой причине. Возможно, я интуитивно почувствовал, что против этой алчущей пасти пуля бессильна.

И прежде чем я осознал, что делаю, пальцы мои сжали винтовочный ствол, приклад был заброшен за спину, я уже устремился вперед.

Пес проскочил мимо меня, а шишковатое страшилище было еще в воротах, когда винтовка беспощадной дубинкой со свистом рассекла воздух. Она нанесла удар, но удара не получилось. Приклад прошел сквозь черную тварь, как нож сквозь масло,— тело ее расплескалось, обляпав забор, и на тротуаре растеклась лужа отвратительной, клейкой жидкости.

В кустах шла какая-то возня — я понял, что вот-вот появятся другие монстры, и не стал медлить. Повернувшись, я бросился назад, к машине, обежал ее и, швырнув винтовку на сиденье рядом с Джой, прыгнул в машину сам. Уходя, я не выключил мотор и сейчас вмиг оторвал машину от обочины тротуара и погнал ее по улице, до отказа нажав на акселератор.

Сжавшись в комок, Джой тихо всхлипывала.

— Перестань,— попросил я.

Она попыталась успокоиться, но у нее ничего не получилось.

— Они всегда слишком торопятся,— подал голос Пес с заднего сиденья.— И всегда делают такое наполовину. У них не имеется соответствующего мужского качества, чтобы выполнить это, как следует быть.

— Иными словами, им не хватает мужества,— уточнил я.

Всхлипывания Джой мгновенно стихли.

— Карлтон сказал мне, что с тобой говорящая собака,— полусердито-полуиспуганно проговорила она,— но я этому не верю. Что это за трюк?

— Никакого трюка тут нет, моя красавица,— промолвил Пес.— Разве у меня нечеткое произношение?

— Джой,— сказал я,— выкинь из головы все, что ты знала раньше. Расстанься со всеми своими старыми взглядами и представлениями. Забудь обо всем, что ты считала логичным, правильным и уместным. Вообрази, что ты находишься в какой-то заколдованной стране, где может случиться абсолютно все, и главным образом что-нибудь плохое.

— Но...— начала было она.

— Но от этого никуда не денешься,— продолжал я.— То, во что ты верила сегодня утром, к вечеру обратилось в дым. Появились говорящие собаки, которые на самом деле не собаки. И кегельные шары, которые по собственному желанию могут превратиться во что угодно. Они покупают Землю, которая, есть предположение, уже не принадлежит Человеку, и вполне вероятно, что в эту самую минуту мы с тобой уже не люди, а затравленные крысы.

В слабом свете приборного щитка я видел ее лицо — на нем были изумление, неверие и боль,— и мне захотелось обнять ее, прижать к себе и попробовать стереть с него хотя бы часть этой муки. Но я не мог. Я должен был вести машину и постараться придумать, как нам быть дальше.

— Я ничего не понимаю,— спокойным голосом произнесла она, но за этим спокойствием угадывались ужас и внутреннее напряжение.— Тот взрыв машины...

Она схватила меня за руку.

— Тот взрыв машины...— повторила она.

— Не волнуйся, детка,— сказал я.— Забудь об этом. Все это в прошлом. Сейчас меня беспокоит, что нас ждет впереди.

— Ты побоялся выйти к машине,— проговорила она.— И приписал это своей трусости. Потом все ломал себе голову над причиной этого страха. А ведь он спас тебе жизнь.

Сзади послышался голос Пса:

— Мне думается, вам будет интересно узнать, что за нами едет какая-то машина.

Глава 21

Я взглянул в зеркальце — Пес не ошибся. Следом за нами шла машина. Машина с одной горящей фарой.

— Возможно, это простая случайность,— сказал я.

Я замедлил ход и свернул налево. Машина повернула за нами. Я еще раз свернул налево, потом направо — машина повторила все наши маневры.

— Это не полицейский патруль? — предположила Джой.

— С одной-то фарой? — возразил я.— К тому же, идя на той скорости, на которой недавно шли мы сами, они бы обязательно включили сирену и красный свет.

Я сделал еще несколько поворотов. Выехал на бульвар и прибавил скорость — следовавшая за нами машина не отставала.

— Как же нам теперь быть? — спросил я.— Я собирался вернуться в университет, к Стирлингу. Надо ведь с ним все обсудить. Но сейчас это отпадает.

— Как у нас с бензином? — спросила Джой.

— Больше половины бака.

— Поедем к хижине,— предложила она.

— К хижине Стирлинга?

Джой кивнула.

— Хорошо бы забраться в его лодку и выехать на середину озера.

— А они возьмут да превратятся в чудовище озера Лохнесс.

— Совсем не обязательно. Может, они и не слышали о лохнесском чудовище.

— Тогда в какого-нибудь другого водяного монстра. Инопланетного.

— Паркер, нам нельзя оставаться в городе. Еще немного, и в игру включится полиция.

— Пожалуй, это было бы к лучшему,— заметил я.

Однако я знал, что это далеко не так. Полицейские поволокли бы нас в участок, отняли бы уйму времени, и, толкуй мы им о кегельных шарах хоть до святого пришествия, они все равно не поверили бы ни одному нашему слову. А если они еще обнаружат говорящую собаку! Я содрогнулся от одной этой мысли. Ведь они решат, что я чревовещатель и пытаюсь их одурачить, и уж тут-то разозлятся не на шутку.

Я проскочил несколько кварталов и вылетел на шоссе, которое вело из города на север. Раз уж необходимо куда-нибудь ехать, хижина Стирлинга ничуть не хуже других мест.

На шоссе было пустынно, только изредка попадались одинокие грузовики, и я дал волю машине. Стрелка спидометра доползла до восьмидесяти пяти и остановилась. Я мог выжать из нее большую скорость, но побоялся. Впереди было несколько коварных поворотов, а мне сейчас трудно было вспомнить их точное местонахождение.

— Нас все еще преследуют? — спросил я.

— Все еще преследуют,— ответил Пес.— Но они отстали. Теперь они не так близко.

Я уже знал, что нам от них не отделаться. Разве что мы можем немного оторваться от них, но окончательно от них не избавишься. Они будут висеть у нас на хвосте, отстав на какие-нибудь две-три минуты, если только не потеряют нас, когда мы свернем к хижине. Но я был далеко не уверен, что нам удастся скрыться от них за этим поворотом.

Если уж я решил отделаться от них, нужно придумать какой-нибудь другой способ.

Сейчас характер местности изменился. Мы оставили позади обработанные поля, и то там, то здесь стали появляться горбы песчаных холмов, покрытых вечнозеленой растительностью, а между ними — небольшие озера. И если мне не изменяла память, с минуты на минуту должны были начаться те самые опасные повороты — на протяжении нескольких миль дорога змеей извивалась между холмами с обрывистыми склонами, болотцами и озерами.

— Намного они отстали? — спросил я.

— Примерно на милю,— ответила Джой.

— Теперь выслушай меня.

— Слушаю.

— Когда мы доедем до тех поворотов, я остановлю машину и выйду. Ты сядешь за руль. Проедешь еще немного, остано-

вишься и будешь ждать. Как только услышишь мои выстрелы, вернешься обратно.

— Ты сошел с ума! — взорвалась она.— С ними нельзя связываться! Ты же не знаешь, как они поведут себя.

— Тогда мы с ними в одинаковом положении,— сказал я.— Им ведь тоже неизвестно, как поведу себя я.

— Но ты ведь один...

— Я не один,— возразил я.— Со мной старушка Бетси. Она уложит наповал лося. Остановит рассвирепевшего медведя.

Мы достигли первого поворота. Я свернул на слишком большой скорости — руль рванулся из моих рук, протестующе взвизгнули шины.

Потом, не гася скорости, мы свернули вторично и наконец сделали третий поворот. Я с силой нажал на тормоз, машину занесло, и она встала почти поперек дороги. Я схватил винтовку и, открыв дверцу, выскочил на землю.

— Действуй,— приказал я Джой.

Она не стала ни возражать, ни спорить. Не вымолвила ни слова. Свои возражения она уже высказала, на мое решение они не повлияли, и на этом наш спор закончился. Девушка что надо.

Она скользнула за руль. Я отступил в сторону, и машина сорвалась с места. Задние фонари, мигнув, скрылись за поворотом, и я остался один.

Наступила гнетущая тишина. Ни звука, только тихо шуршали последние листья на затесавшейся между сосен осине да точно привидения вздыхали сами сосны. На бледном небе проступали черные зубцы холмов. Пахло запустением и осенью.

Винтовка была липкой на ощупь, я потер ее рукой. Ее покрывала какая-то клейкая масса, отвратительная, клейкая масса. И от нее исходил запах, тот самый запах лосьона для бритья, с которым я познакомился сегодня утром.

«Сегодня утром...» — подумал я. О господи, неужели это было только сегодня утром! Я попытался мысленно вернуться назад, и мне показалось, что с тех пор прошла тысяча лет. Нет, это не могло произойти сегодня утром.

Я сделал несколько шагов по дороге и остановился на обочине. Провел рукой по корпусу винтовки, пытаясь стереть эту липкую гадость. Но она не стиралась. Ладонь только скользила по клейкой поверхности.

Через несколько секунд из-за поворота появится машина, идущая, вероятно, на большой скорости. И выстрелить я должен мгновенно и почти наугад, потому что буду стрелять в темноте.

А вдруг окажется, что это обычная машина, обычная человеческая машина, в которой сидят настоящие человеческие существа из плоти и крови? Что, если они вовсе не преследуют нас, а по какой-то странной случайности едут по тому же маршруту, который я избрал, чтобы от них отделаться?

При этой мысли у меня взмокло под мышками и по ребрам побежали горячие струйки пота.

Нет, это исключено, подумал я. Я кружил без цели, я сделал несчетное количество поворотов, и ни в одном из них не было ни капли смысла. И тем не менее одноглазая машина неизменно сворачивала вслед за нами.

В этом месте дорога изгибалась как раз на вершине невысокого холма и потом вилась по его склону. Когда машина выскочит из-за поворота, ее силуэт на миг возникнет на фоне более светлого неба, и в этот самый момент я должен буду выстрелить.

Я приподнял винтовку и почувствовал, что у меня дрожат руки — самое скверное, что могло сейчас случиться. Опустив винтовку на землю, я попытался совладать с собой и унять эту дрожь, но тщетно.

Я попробовал еще раз. И в то самое мгновение, когда я поднял винтовку, из-за поворота вылетела машина, и я увидел такое, что дрожь мою как рукой сняло: я точно прирос к месту и обрел твердость скалы.

Я выстрелил, щелкнул затвором, снова выстрелил и еще раз передвинул затвор, но третий выстрел уже не понадобился. Машина, потеряв управление, опрокинулась набок и кувырком покатилась вниз по склону холма, с треском ломая кустарник и ударяясь о деревья. И пока она так катилась, свет единственной, каким-то чудом уцелевшей фары несколько раз обмахнул небо, точно луч прожектора.

Потом этот свет погас, и снова наступила тишина. Треск и грохот падения полностью стихли.

Я опустил винтовку и, не снимая пальца со спускового крючка, вернул затвор на место.

Только теперь я выпустил из легких воздух и сделал глубокий вдох.

Эта машина не имела никакого отношения к людям; в ней не было человеческих существ.

Когда она выскочила из-за поворота и перед моими глазами на секунду возник ее силуэт, за этот краткий миг я успел заметить, что единственная зажженная фара находилась не справа или слева от радиатора, а в самом центре ветрового стекла.

Глава 22

Когда мы подъехали к хижине, оказалось, что перед ней в маленьком дворике стоит какая-то машина.

— Как это понимать? — спросил я, ни к кому не обращаясь.

— У Карлтона есть какие-нибудь знакомые, которым он мог бы временно уступить хижину? — спросила Джой.

— Насколько я знаю, нет,— ответил я.

Я вылез из машины, обогнул ее и остановился.

Ветер раскачивал низкорослые сосны, и они отзывались тихим скрипом. У берега посмеивались волны, и — тук-тук — слышалось ритмичное постукивание: это мягко ударялась о причал лодка Стирлинга.

Джой и Пес вышли из машины и встали рядом со мной. Я не выключил мотора, и хижина была залита светом фар. Дверь домика отворилась, на пороге показался какой-то мужчина. Видно, он одевался второпях, потому что, выходя, застегивал пряжку пояса. Он постоял немного, поглядел на нас, потом медленно спустился с невысокого крылечка. На нем были пижамная куртка и шлепанцы.

Мы ждали, не трогаясь с места, пока он неуверенно шел к нам через двор, щурясь от света фар. Вероятно, ему было не больше сорока пяти—сорока семи лет, но выглядел он значительно старше. Лицо его заросло густой щетиной, и во все стороны торчали космы нечесаных волос.

— Вы кого-нибудь ищете, братцы? — спросил он.

Он остановился футах в шести, всматриваясь в нас, но его слепил бивший в глаза свет.

— Мы приехали переночевать.— сказал я.— Мы ведь не знали, что место уже занято.

— Выходит, это ваш дом, мистер?

— Нет, он принадлежит моему другу.

Человек судорожно глотнул. Я видел, как дернулся его кадык.

— Ясное дело, мы тут расположились не по праву,— произнес он.— Взяли да и въехали. В доме-то ведь никто не живет.

— Так вот, ни у кого не спросясь и въехали?

— Послушайте,— сказал тот,— неохота мне с вами ссориться. Мы, конечно, могли бы занять другой домишко — их здесь много понатыкано,— да так уж получилось, что подвернулся нам этот. Ну, некуда нам было деваться, а тут еще хозяйка моя расхворалась. Не иначе как с горя. Раньше-то она у меня никогда не болела.

— А как это получилось, что вам негде жить?

— Я остался без работы, другой не нашлось, а потом и дом потеряли. Банк распорядился нас выселить за неуплату. И шериф выбросил нас на улицу. Сам-то шериф не хотел этого — служба заставила. Очень он переживал, да что ж тут поделаешь.

— А что за народ в банке?

— Все какие-то новые люди,— ответил он.— Явились невесть откуда и купили банк. А вот те, что там раньше были, они бы нас не выселили. Они-то еще подождали бы.

— И помещение, в котором вы работали, тоже купили какие-то никому не известные люди,— заметил я.

Он удивленно взглянул на меня.

— А вы-то откуда знаете? — спросил он.

— Сам догадался,— ответил я.

— У меня была скобяная лавка,— объяснил он.— Совсем близко отсюда, при дороге. Рядом с заправочной станцией, что работает круглые сутки. Больше шло спортивное снаряжение. Охотничья и рыболовная снасть да еще наживка. Дело не шибко выгодное. Доход был невелик, но концы с концами сводили.

Я промолчал. Мне нечего было ему сказать.

— Вы уж извините меня за замок,— проговорил он.— Нам ведь пришлось взломать дверь с черного хода. Если б мы нашли незапертый дом, в него бы мы и въехали. Так ведь они все под замком.

— Одно из окон спальни не заперто,— сказал я.— Рама, правда, заедает, но, если поднатужиться, ее можно поднять. Стирлинг никогда не запирает это окно на задвижку, чтобы его друзья могли попасть в дом, когда им вздумается сюда нагрянуть. Чтобы достать до окна, нужно влезть на какой-нибудь

деревянный чурбан или камень, но все равно проникнуть в дом совсем не сложно.

— А этот Стирлинг — он что, хозяин?

Я кивнул.

— Тогда скажите ему, что мы просим у него прощения. За то, что самовольно вселились, и за сломанный замок. Пойду разбужу своих, и мы живо отсюда выкатимся.

— Нет-нет,— сказал я,— оставайтесь. Вот если б у вас нашлось, где устроить на ночлег даму,— ей неплохо бы немного вздремнуть.

— Обо мне не беспокойся,— сказала Джой.— Я могу поспать и в машине.

— Вы ведь озябнете,— возразил тот.— В эту пору на улице уже холодновато.

— Тогда можно постелить на пол одеяла. Нас это вполне устроит.

— Скажите,— спросил наш новый знакомый,— почему вы на меня не осерчали?

— Приятель,— произнес я,— сейчас не время злобствовать друг на друга. Наступил момент, когда люди должны действовать заодно и заботиться друг о друге. Теперь нам нужно держаться вместе.

Несколько растерявшись, он с подозрением взглянул на меня.

— Вы, часом, не проповедник? — спросил он.

— Нет, я не проповедник,— успокоил я его и повернулся к Джой.— Хочу подъехать к заправочной станции и позвонить Стирлингу,— сказал я.— Сообщить, что у нас все в порядке. Может, он там сидит и ждет нашего возвращения.

— А я пока пойду в дом, прикину, как вас устроить на ночь,— сказал этот человек.— Мы можем и уехать, только дайте команду.

— Об этом и речи быть не может,— сказал я.

Мы сели в машину, и я развернулся. Он не двинулся с места, провожая нас глазами.

— Что происходит? — спросила Джой, когда мы выехали на дорогу и покатили к главному шоссе.

— О, это только начало,— ответил я.— Цветочки. Ягодки еще впереди. Все больше будет безработных, все больше бездомных. Чтобы закрыть кредит, они скупят банки. Чтобы оставить людей без работы, они скупят и закроют фирмы и предприя-

тия. Скупят виллы и доходные многоквартирные дома, выселят людей, и людям негде будет жить.

— Но это же бесчеловечно! — возмутилась она.

— Разумеется.

Так оно и было, конечно. Ведь это не человеческие существа. Какое им дело до судьбы человеческого рода! Род человеческий для них ничто — во всяком случае, не более чем какая-то форма жизни, мешающая использовать эту планету для других целей. Они обойдутся с людьми так же, как некогда сами люди поступили с животными, мешавшими им использовать земельные пространства. Они постараются избавиться от них любыми средствами. Вытеснят их с насиженных мест. Сгонят в кучу. И сделают все, чтобы род человеческий прекратил свое существование.

Я попытался мысленно представить, как это будет осуществляться практически, но задача оказалась не из легких. Основной принцип был мне ясен, однако колоссальный размах операции не позволял охватить все детали. Ведь для того чтобы привести к желаемому результату, эта операция должна носить глобальный характер. И раз уж они пролезли в провинциальный банк и какую-то занюханную придорожную лавчонку, можно с уверенностью сказать, что по крайней мере в Соединенных Штатах — насколько это касается промышленности, торговли и финансов — операция проводится в масштабе всей страны. Потому что никто не станет размениваться на покупку жалкой лавчонки, пока не наложит лапу на жизненно важные для страны крупные промышленные комплексы. И никто не станет возиться с провинциальным банком, если не установлен контроль над более солидными финансовыми учреждениями. Кегельные шары годами скупали акции и наверняка исподволь, потихоньку, как делал это Этвуд, занимали стратегические позиции. Ибо они никогда бы не позволили себе действовать так открыто, если бы в их руках уже не находились ключевые позиции в экономике.

Есть, конечно, на земном шаре места, где эта операция не сработает. Она может принести плоды только в тех государствах, где процветает частная инициатива, где промышленные предприятия и финансовые учреждения принадлежат отдельным лицам и где природные богатства являются частной собственностью. Она не сработает в России и в других социалистических странах, но, может, этого и не требовалось. Ликвидируйте большую часть мировой промышленности, закройте крупнейшие меж-

дународные финансовые учреждения, и с человечеством будет покончено. Прекратится торговля, приостановится обращение валюты, не будет кредита, и, содрогаясь в бессильных потугах, погибнет то, что мы зовем цивилизацией.

Но оставался вопрос, на который пока не нашлось ответа,— вопрос, тревожащий и уже не раз возникавший. Откуда взялись все эти деньги?

Ибо на проведение подобной операции нужны деньги — такое их количество, которого, пожалуй, не наберется во всем мире.

И еще один вопрос, столь же актуальный. Когда и как были выплачены эти деньги?

Напрашивался ответ, что они вообще не могли быть выплачены. Ведь в противном случае банки были бы наводнены деньгами, и в финансовых кругах уже заподозрили бы, что творится что-то неладное.

И, обдумывая это, я вдруг вспомнил о том, что сообщил мне сегодня в конце дня Дау Крейн. Он сказал тогда, что банки буквально лопаются от невиданного притока денег. Что они переполнены деньгами. Наличными деньгами, которые народ несет к ним вот уже около недели.

Так что, может, они все-таки были выплачены, если не все, так большая их часть. И выплачены сразу — все платежи умышленно произвели в пределах одной недели; все сделки купли-продажи, все договора и опционы были оформлены с таким расчетом, чтобы не исказить картины финансового положения страны, чтобы не натолкнуть кого-нибудь на мысль, что что-то происходит.

И если уж это действительно так, то положение человечества безнадежно и до гибели ему остался какой-то шаг.

Но все эти предположения и умозаключения не давали ответа на тот, первый, вопрос: откуда все-таки взялись все эти деньги?

Понятно, что кегельные шары не выручили их за какие-нибудь товары, которые они могли привезти со своей планеты и продать на Земле. Ведь продай они некое количество этих неизвестных товаров, достаточное, чтобы сколотить из выручки рабочий капитал, это не могло бы пройти незамеченным. Если, конечно, эти товары не обладали невероятной, фантастической ценностью — не были чем-то таким, о существовании чего никто даже не догадывался; если они не были настолько ценными, что сам этот факт заставлял человека, который приобрел это та-

инственное сокровище, хранить его только для себя, зная, что оно обесценится, если он когда-либо осмелится им поделиться. В противном случае было бы невозможно незаметно ввезти на Землю товары инопланетного происхождения.

— Сейчас мы свяжемся с биологом, который пребывает в своей лаборатории,— возвестил Пес.

— Правильно,— сказал я.— Иначе он будет недоумевать, куда мы запропастились.

— Мы должны предупредить его,— сказал Пес,— чтобы он соблюдал величайшую осторожность. Не помню, мы это сделали или нет. Эти твари в мешке, которых мы ему отдали, способны быть исключительно коварными.

— Ну, об этом можно не беспокоиться,— заверил я Пса.— Уж Стирлинг-то примет нужные меры. Возможно, что в эту самую минуту он уже знает о них больше, чем любой из нас.

— Допустим, мы сейчас позвоним ему,— проговорила Джой,— потом немного вздремнем, и наступит утро. А что дальше?

— Будь я проклят, если знаю,— сознался я.— Что-нибудь сообразим. Мы просто обязаны что-нибудь придумать. Ведь необходимо наконец поставить людей в известность о том, что происходит. И мы должны обмозговать, в какой это сделать форме, так, чтобы они поняли и поверили нам.

Мы выехали на шоссе, и впереди блеснули огни заправочной станции.

Я подъехал к ней и затормозил перед колонкой.

Появился заправщик.

— Наполните бак,— сказал я ему.— У вас есть здесь телефон?

Он ткнул большим пальцем назад, в сторону здания станции.

— Там, в углу, рядом с сигаретным автоматом.

Я вошел в помещение станции, набрал номер и по просьбе телефонистки опустил в прорезь монету. Раздались длинные гудки.

Мне ответил чей-то голос — резкий, официальный голос, который не принадлежал Стирлингу.

— Кто вы? — спросил я.— Мне нужен Карлтон Стирлинг.

Голос оставил мой вопрос без ответа.

— А вы кто? — в свою очередь, спросил он.

Я возмутился. Меня всегда бесят подобные штучки, но сейчас я подавил свое возмущение и назвал себя.

— Откуда вы звоните?

— Послушайте...

— Мистер Грейвс,— перебил меня голос,— с вами говорит представитель полиции. Нам нужно с вами побеседовать.

— Полиции?! Что там стряслось?

— Карлтон Стирлинг мертв. Около часа назад сторож обнаружил его труп.

Глава 23

Я затормозил перед зданием биологического факультета и вылез из машины.

— Ты уж лучше останься здесь,— сказал я Псу.— Сторож тебя не очень-то жалует, да и я предпочел бы не объяснять полицейским, откуда вдруг взялась говорящая собака.

Пес порывисто вздохнул, продув в усах пробор.

— Пожалуй, моя персона их несколько ошеломила бы,— проговорил он,— хотя биолог, ныне покойный, воспринял меня очень спокойно. Намного спокойнее, смею заметить, чем вы сами.

— У него было передо мной большое преимущество,— объяснил я.— Он рассматривал все с истинно научной точки зрения.

А секундой позже я с недоумением спросил себя, как мог я сейчас позволить себе хотя бы намек на шутку,— ведь Стирлинг был моим другом, и вполне возможно, что именно на мне лежала вина за его смерть, хотя в тот момент мне не были известны обстоятельства его кончины.

Я вспомнил, как в то утро, развалясь в кресле, он спал в комнате радиопрослушивания, а жить-то ему оставалось меньше суток; вспомнил, как он легко проснулся, не рассерженный, не удивленный, и завел разговор в своем обычном, сумасшедшем стиле, к которому давно привыкли те, кто его хорошо знал.

— Подожди нас,— сказал я Псу.— Мы не очень задержимся.

Мы с Джой поднялись по ступенькам, и я собрался было забарабанить в парадную, но дверь оказалась незапертой. Мы одолели лестницу — дверь в лабораторию Стирлинга была открыта настежь.

Двое мужчин, поджидая нас, сидели на лабораторном столе. Они о чем-то разговаривали, но при звуке наших шагов в коридоре разом замолчали — мы слышали, как они прервали свою беседу,— и уже молча ждали нашего появления.

Один из них был Джо Ньюмен — тот самый малый, который позвонил мне по поводу катившихся по дороге кегельных шаров.

— Привет, Паркер,— сказал он, спрыгнув со стола.— Привет, Джой.

— Привет-привет,— отозвалась Джой.

— Это Билл Лиггет,— представил второго мужчину Джо Ньюмен.— Он из отдела по расследованию убийств.

— Из отдела по расследованию убийств? — переспросил я.

— Конечно,— ответил Джо.— Они ведь считают, что Стирлинга кто-то прикончил.

Я круто повернулся к сыщику.

Он кивнул.

— Он умер от асфиксии. Как будто его придушили. Однако на нем не обнаружили никаких следов насилия.

— Вы хотите сказать...

— Видите ли, Грейвс, если один человек душит другого, он оставляет на шее своей жертвы следы. Синяки, ссадины. Нужно немало потрудиться, чтобы задушить человека насмерть. И, как правило, при этом наносятся значительные телесные повреждения.

— А на нем их нет?

— Абсолютно.

— Так, может, он просто задохнулся. Подавился едой или питьем. Или у него была мышечная судорога.

— Док это отрицает.

Я покачал головой:

— Черт те что!

— Быть может, что-нибудь выяснится после вскрытия,— сказал Лиггет.

— Просто не верится, что он умер,— сказал я.— Я ведь видел его только сегодня вечером.

— Насколько нам известно,— произнес Лиггет,— вы последний, кто видел его в живых. Ведь он был жив тогда, верно?

— Живей живого.

— В котором это было часу?

— Примерно в половине одиннадцатого. А может, около одиннадцати.

— Сторож сказал, что он впустил вас. С собакой. Он хорошо это помнит, потому что не хотел тогда пускать собаку. Говорит, вы заявили, что это не собака, а подопытный экземпляр. Это правда, Грейвс?

— Черт побери, конечно нет,— ответил я.— Я просто пошутил.

— А почему вам понадобилось тащить с собой наверх собаку? Ведь сторож вам запретил.

— Я хотел показать ее Стирлингу. Мы с ним раньше говорили о ней. Во многих отношениях это весьма примечательный пес. Несколько дней он крутился около моего дома и вел себя вполне дружелюбно.

— Стирлинг что, любил собак?

— Не знаю. Думаю, что особого пристрастия к собакам у него не было.

— А где эта собака сейчас?

— Внизу, в машине,— ответил я.

— Разве ваша машина сегодня вечером не взорвалась?

— Точно не знаю. Я только слышал об этом по радио. Они считают, что я погиб в ней.

— Но вас в машине не было.

— По-моему, на этот счет не может быть никаких сомнений, не так ли? Вы там установили, кто потерпевший?

Лиггет кивнул:

— Один сопляк, которого до этого уже не раз привлекали за кражу машин. Крал их только для того, чтобы покататься. Проедет несколько кварталов, потом бросит машину и смоется.

— Дело дрянь.

— Куда уж. А вы все-таки за рулем?

— Это моя машина,— вставила Джой.

— Вы, сударыня, были с ним весь вечер?

— Мы вместе поужинали,— ответила Джой.— И с тех пор я с ним не расставалась.

«Умница девочка,— подумал я.— Ничего не говори этому фараону. Он только все испакостит».

— Вы ждали в машине, пока он с собакой был наверху?

Джой кивнула.

— Сдается мне,— проговорил Лиггет,— что сегодня вечером по соседству с вашим домом произошла какая-то потасовка. Вам что-нибудь об этом известно?

— Ровным счетом ничего,— ответила Джой.

— Не обращайте на него внимания,— вмешался Джо.— Он душу вымотает вопросами. У него все на подозрении. Это служба у него такая.

— Черт знает что,— возмутился Лиггет.— Надо же — вы двое замешаны в таком количестве историй, а чисты как новорожденные.

— На том стоим,— заметила Джой.

— Как вы оказались у озера? — спросил Лиггет.

— Просто поехали прокатиться,— ответил я.

— Вместе с собакой?

— Конечно. Мы взяли ее с собой. С ней не соскучишься.

На крюке, куда его повесил Стирлинг, пакета не было: насколько мне удалось заметить, его не было нигде. А оглядеться как следует я не мог, не рискуя привлечь внимание Лиггета.

— Вам придется поехать в полицию,— сказал мне Лиггет.— Вам обоим. Нужно уточнить кое-какие обстоятельства.

— Старик в курсе,— вмешался Джо.— Ему позвонили из отдела городских новостей сразу же после твоего звонка в лабораторию.

— Спасибо, Джо,— поблагодарил я его.— Надеюсь, мы сумеем за себя постоять.

Однако в душе у меня не было той уверенности, которую я вложил в это заявление. Ведь если мы все вместе спустимся вниз и Пес начнет трепаться, а Лиггет его услышит, не оберешься неприятностей. К тому же в машине лежала винтовка с полупустым магазином и следами недавних выстрелов на внутренней поверхности ствола, выстрелов, которые я произвел по той машине. Мне здорово придется попотеть, объясняя, во что я стрелял и почему вообще брал с собой винтовку. В одном кармане у меня лежал заряженный пистолет, а другой был набит винтовочными и пистолетными патронами. Никто, ни один добропорядочный гражданин — если у него совесть чиста и благие намерения — не станет разгуливать с заряженным пистолетом в кармане, возя с собой в машине заряженную винтовку.

Было еще много кой-чего, на чем они могли поймать нас. Более чем достаточно. Хотя бы тот телефонный звонок — когда Джой позвонила Стирлингу. Если сыщики взялись за дело всерьез, без дураков, они скоро пронюхают про этот звонок. И наверняка какой-нибудь сосед Джой, выскочивший на тот жуткий гвалт, заметил стоявшую перед ее домом машину и видел, как она на полной скорости рванула по улице.

Быть может, подумал я, нам следовало бы сообщить Лиггету побольше сведений. Или в своих ответах быть с ним поот-

кровеннее. Ведь стоит ему только захотеть, он запросто уличит нас во лжи.

Однако если б мы пошли по этому пути, если б мы сказали ему хоть четверть правды, уж тут-то они бы обязательно продержали нас в участке несколько часов, чтобы всласть позубоскалить над нашим рассказом или попытаться подыскать этим фактам какое-нибудь солидное, вполне современное объяснение.

Впрочем, возможно, так оно и будет, сказал я себе, все это еще вполне может произойти, но, пока мы держим язык за зубами, еще есть надежда на какой-нибудь неожиданный поворот событий.

Когда я в тот свой приезд открыл коробку с винтовочными патронами, часть их высыпалась на пол. И их поднял Стирлинг. Но как он ими распорядился — отдал их мне, положил себе в карман или на лабораторный стол? Я попытался вспомнить, но не мог, хоть режь меня на куски. Если эти патроны нашли полицейские, им нетрудно будет увязать винтовку в моей машине с лабораторией, что еще больше усилит их подозрения.

Если б мне только дали время, подумал я, я бы все объяснил. Но времени у меня не было, а сейчас такое объяснение само по себе повлечет за собой мышиную возню расследований и допросов, пронизанных непробойным скептицизмом. Поэтому, когда я решу, что пора все рассказать людям, я выберу не полицейский участок, а более подходящее место.

Я отлично сознавал, что мне одному не расхлебать эту кашу. Но я обязан был найти человека, которому это под силу. И уж кому-кому, а полиции такой орешек не по зубам.

Я стоял, исподтишка оглядывая лабораторию, отыскивая глазами пакет. И вдруг увидел нечто другое — на какой-то миг тут появилось что-то еще. Уголком глаза я заметил какое-то движение и зримый образ — сознание мое зафиксировало мимолетное вороватое движение в раковине, и у меня создалось отчетливое впечатление, что из раковины на секунду высунулась любопытствующая голова огромного черного червя.

— Ну как, пошли, что ли? — спросил Лиггет.

— О, конечно,— согласился я.

Я взял Джой за руку — ее бил озноб, но внешне это не было заметно; я почувствовал это только, когда прикоснулся к ней.

— Успокойся, девочка,— сказал я.— Лейтенант только возьмет показания, и все.

— С вас обоих,— уточнил Лиггет.

— И с собаки тоже? — спросил я.

Он оскорбился. Я понял это по его виду. Черт дернул меня за язык.

Мы направились к двери. Когда мы уже подошли к самому порогу, раздался голос Джо:

— Ты уверен, Паркер, что тебе нечего передать со мной Старику?

Я быстро обернулся — лицом к нему и лейтенанту — и одарил их обоих улыбкой.

— Ни полслова,— отчеканил я.

Мы вышли в коридор: Джо шел за нами, а сыщик замыкал шествие. Он захлопнул за собой дверь, и я услышал, как щелкнул замок.

— Поезжайте в центр,— сказал Лиггет.— К полицейскому управлению. А я следом за вами, в своей машине.

— Благодарю,— сказал я.

Мы спустились по лестнице и, выйдя из парадного, сошли по ступенькам на тротуар.

— Пес,— шепнула мне Джой.

— Я заткну ему глотку,— успокоил я ее.

А как же иначе? На какое-то время он должен превратиться в самого обыкновенного добродушного, нечленораздельно ворчащего пса. Неприятностей хватало и без его разглагольствований.

Но мы напрасно беспокоились.

Заднее сиденье пустовало. Пса и след простыл.

Глава 24

Лейтенант провел нас в какую-то комнатушку, чуть побольше каморки, и оставил одних.

— Я на минутку,— бросил он, уходя.

В комнате стояли небольшой стол и несколько неудобных стульев. Она была какой-то безликой, холодной, и в ней гнетуще пахло плесенью.

Джой взглянула на меня, и я понял, что ей страшно, но она изо всех сил храбрится.

— Что ж теперь делать? — спросила она.

— Понятия не имею,— ответил я. И добавил: — Прости, что я впутал тебя в эту историю.

— Но мы ведь не сделали ничего дурного,— возразила она.

В этом-то и крылась вся нелепость создавшейся ситуации. Мы не сделали ничего дурного, а вместе с тем завязли по уши, и, хотя могли вполне обоснованно объяснить все события, таким объяснениям никто не поверит.

— Я бы не отказалась хлебнуть чего-нибудь покрепче,— сказала Джой.

Наши желания совпадали, но я промолчал.

Мы все сидели и сидели, а секунды тащились, еле волоча ноги; разговор не клеился, и было очень муторно.

Сгорбившись, я сидел на стуле и думал о Карлтоне Стирлинге, о том, каким он был замечательным парнем и как мне будет не хватать моих набегов на лабораторию, когда я неожиданно врывался к нему, наблюдал, как он работает, и слушал его рассуждения.

Должно быть, Джой думала о том же, потому что она вдруг спросила:

— Ты считаешь, что его кто-то убил?

— Не кто-то,— поправил я.— Что-то.

Я не сомневался, что его прикончили те самые существа, которых я принес ему в полиэтиленовом мешке. Я переступил порог лаборатории, неся смерть одному из своих самых близких друзей.

— Ты казнишь себя,— произнесла Джой.— Брось, тут нет твоей вины. Откуда ты мог знать?

Что правда, то правда, знать мне было неоткуда, но это служило слабым утешением.

Открылась дверь, и в комнату вошел Старик. Один, без сопровождения.

— Поехали,— сказал он.— Все улажено. Вы здесь больше никому не нужны.

Мы встали и направились к двери.

Я смотрел на него с некоторым замешательством.

Он коротко хохотнул.

— Я не нажимал ни на какие тайные пружины,— проговорил он.— Не использовал ни капли влияния. Ни на кого не давил.

— Тогда в чем же дело?

— В заключении медицинского эксперта,— сказал он.— Причиной смерти признан приступ стенокардии.

— Но ведь у Стирлинга было здоровое сердце,— возразил я.

— Видишь ли, им больше не за что было уцепиться. А они ведь обязаны дать какое-то заключение.

— Давайте переменим обстановку,— попросила Джой.— Это помещение действует мне на нервы.

— Поедем в редакцию,— сказал Старик, обращаясь ко мне,— и опрокинем по стаканчику. Мне нужно обсудить с тобой парочку вопросов. Вы с нами, Джой, или вам не терпится вернуться домой?

Джой вздрогнула.

— Я поеду с вами,— поспешно ответила она.

Я сразу понял, почему она так встревожилась. Ей до смерти не хотелось возвращаться в тот дом и слушать, как копошатся во дворе эти твари, слышать их возню, даже если их уже там нет.

— Посадите к себе Джой,— сказал я Старику,— а я поведу ее машину.

Выйдя из участка, мы едва перебросились несколькими словами. Я ожидал, что Старик начнет расспрашивать меня о взрыве машины, да и не только об этом, но он почти не открывал рта.

Он не разговорился даже в лифте, когда мы поднимались на его этаж. Войдя в свой кабинет, он прямым ходом направился к шкафчику с напитками и достал бутылки.

— Тебе виски, Паркер,— вспомнил он.— А что вам, Джой?

— То же самое,— ответила она.

Он наполнил стаканы и подал их нам. Потом вместо того, чтобы усесться за свой письменный стол, опустился на стул рядом с нами. Вероятно, этим он хотел дать нам понять, что сейчас он с нами на равных — не босс, а такой же, как и мы, рядовой сотрудник газеты. Подчас он доходил до смешного, стараясь продемонстрировать свою скромность, но бывали, конечно, времена, когда скромностью от него и не пахло.

Он явно хотел о чем-то поговорить со мной, но все никак не решался начать. А я не пошел ему навстречу. Сидел спокойно, потягивая виски: пусть-ка сам выкручивается как может. Интересно, подумал я, что именно ему известно, и имеет ли он хоть малейшее представление о том, что сейчас творится на свете.

И вдруг меня осенило, что в заключении судебно-медицинской экспертизы, возможно, и речи не было ни о каком приступе стенокардии, что Старик оказал на полицию немалое давление и бился он за нас по той простой причине, что понял — или предположил,— что мне кое-что известно и эти сведения могут оказаться для него достаточно ценными, чтобы ради них вызволить меня из полиции.

— Ну и денек,— проговорил он.

Я согласился, что день выдался нелегкий.

Он промямлил что-то о тупости полицейских, и я, утвердительно хмыкнув, дал понять, что придерживаюсь того же мнения.

Наконец он таки взял быка за рога.

— Паркер,— произнес он,— ты разнюхал что-то очень важное.

— Вполне возможно,— отозвался я.— Только не знаю, что вы имеете в виду.

— Наверно, до такой степени важное, что кое-кто был бы не прочь отправить тебя на тот свет.

— Кто-то и впрямь пытался,— согласился я.

— Можешь мне довериться,— проворковал он.— Если нужно сохранить это в тайне, я помогу тебе.

— Я пока ничего не могу вам сказать,— произнес я.— Потому что, стоит мне об этом заговорить, вы решите, что я не в своем уме. Вы не поверите ни одному моему слову. Эти сведения таковы, что я смогу сообщить их кому-нибудь только после того, как раздобуду побольше доказательств.

Он изобразил на лице изумление.

— Так вот, значит, насколько это серьезно,— протянул он.

— Именно настолько,— подтвердил я.

У меня язык чесался все ему рассказать. Я жаждал с кем-нибудь поделиться. Изнемогал от желания разделить с кем-нибудь свою тревогу и страх, но только с тем, кто охотно мне поверит и с той же охотой попытается принять какие-то меры против надвигающейся опасности.

— Босс,— сказал я,— вы можете побороть в себе неверие? Можете поручиться, что готовы признать хотя бы возможность всего того, о чем я вам расскажу?

— А ты меня испытай,— предложил он.

— К черту, этого мне недостаточно.

— Ну ладно, тогда по рукам.

— Как бы вы отреагировали, если б я сказал, что на Земле сейчас находятся пришельцы с какой-то далекой звезды и эти пришельцы скупают Землю?

— Я бы счел тебя душевнобольным,— ледяным тоном ответил он.

Он принял это за неуместную шутку.

Я встал и поставил стакан на письменный стол.

— Этого я и боялся,— произнес я.— Я предвидел такой ответ.

Джой тоже поднялась.

— Пошли, Паркер,— сказала она.— Нам тут делать нечего.

Старик набросился на меня:

— Да нет же, Паркер! Ты просто решил надо мной пошутить!

— Черта с два,— сказал я.

Мы вышли в коридор. Мне казалось, что он подойдет к двери и позовет нас обратно, но не тут-то было. Когда мы, не дожидаясь лифта, повернули к лестнице, я мельком увидел его через открытую дверь — он по-прежнему сидел на стуле, глядя нам вслед, словно раздумывая над тем, что лучше: затаить на нас обиду, или просто уволить, или, может, все-таки принять во внимание мои слова — а вдруг я сказал такое неспроста. Он показался мне маленьким и далеким. Словно я взглянул на него в перевернутый бинокль.

Чтобы спуститься в вестибюль, мы отсчитали ногами ступеньки трех лестничных маршей. Право, не знаю, почему мы не воспользовались лифтом. Нам это просто в голову не пришло. Вероятно, мы стремились побыстрее выбраться оттуда.

Улица встретила нас дождем. Тоскливый и холодный, он еще не вошел в силу и пока только слегка накрапывал.

Мы побрели к машине и, подавленные, в нерешительности остановились перед ней, не зная, как быть дальше.

Я думал о той пакости, которая сидела тогда в моем стенном шкафу (я ведь толком так и не знал, что именно там скрывалось), и о том, какая участь постигла мою машину. Я не сомневался, что Джой в эту минуту вспомнились те твари, которые шастали вокруг ее дома и, возможно, рыскают там до сих пор, и независимо от того, есть они там или нет, ей еще долго будет слышаться их возня.

Она пододвинулась ко мне вплотную, и в этом промозглом мраке я молча обнял ее и крепче прижал к себе, подумав, что

мы с ней точно заблудившиеся испуганные дети, ищущие друг у друга защиты от дождя. И охваченные страхом перед темнотой.

— Смотри, Паркер,— произнесла она.

Она протянула мне сложенную горстью кисть руки ладонью кверху, и я увидел у нее на ладони какой-то предмет, который она до этого прятала в кулаке.

Я наклонился, чтобы разглядеть его получше, и в тусклом свете уличного фонаря, стоявшего в конце квартала, увидел на ее ладони ключ.

— Это ключ от лаборатории Стирлинга — он торчал в замке,— проговорила она.— Когда все отвернулись, я потихоньку его вытащила. Этот недотепа сыщик, закрывая дверь, даже не подумал о ключе. Он так на тебя обиделся, что и не вспомнил о нем. За то, что ты спросил, не собирается ли он брать показания у собаки.

— Молодчина! — воскликнул я и, сжав ладонями ее лицо, поцеловал. Хотя, признаться, мне до сих пор непонятно, почему этот ключ привел меня тогда в такой восторг. Видно, потому, что в конечном итоге мы все-таки перехитрили представителя власти, выиграли какой-то ход в этой страшной, зловещей игре.

— Давай заглянем в лабораторию,— предложила Джой.

Я открыл дверцу и помог ей сесть в машину, потом, обойдя вокруг, сел за руль. Достал ключ, вставил его в замок зажигания и повернул, чтобы включить мотор. И когда мотор, закашляв, завелся, я инстинктивно попытался выдернуть ключ обратно, сознавая, впрочем, что уже слишком поздно.

Но ничего не случилось. Мотор мерно урчал, работал нормально как миленький. Никакой бомбы в машине не было.

Я покрылся испариной.

— Что с тобой, Паркер?

— Ничего.

Я включил передачу, отъехал от тротуара. И тут мне вспомнилось, как я заводил мотор, не думая ни о какой опасности, около усадьбы «Белмонт», перед зданием биологического факультета (откуда я отъезжал дважды), у полицейского участка — так что, возможно, это ничем не грозило. Может статься, что, однажды потерпев в чем-нибудь неудачу, кегельные шары никогда не прибегают к тому же методу вторично.

Я свернул на боковую улицу, держа путь к Университетской аллее.

— Может, это пустая затея,— сказала Джой.— Вдруг окажется, что парадная заперта.

— Когда мы уходили оттуда, она была открыта,— возразил я.

— Но ведь сторож мог ее потом запереть.

Однако он этого не сделал.

Мы беспрепятственно проникли в здание и, стараясь ступать как можно тише, поднялись по лестнице.

Мы подошли к лаборатории Стирлинга, и Джой протянула мне ключ. Немного повозившись, я наконец попал ключом в скважину, повернул его и распахнул дверь.

Мы вошли, и я закрыл за нами дверь. Щелкнул замок.

Комната была слабо освещена: на лабораторном столе мерцала крохотная спиртовка, которая — я был в этом уверен — раньше тут не горела. А у стола на высоком табурете восседала какая-то странно искривленная фигура.

— Добрый вечер, друзья,— произнесла фигура.

Я безошибочно узнал этот звучный, отлично поставленный голос.

На табурете сидел Этвуд.

Глава 25

Мы застыли на месте, пожирая его глазами, а он вдруг захихикал. Возможно, он собирался разразиться хохотом, но из его горла вырвалось лишь жалкое хихиканье.

— Если я выгляжу несколько необычно,— сказал он,— то это потому, что я здесь не весь. Я частично вернулся домой.

Теперь, когда наши глаза немного привыкли к полумраку, мы разглядели его получше — он был скрючен, кривобок и както даже маловат для человека. Он был невероятно худ, одна рука короче другой, а лицо перекошено и деформировано. И, однако же, одежда сидела на нем как влитая, словно была сшита с учетом всех его физических недостатков.

— На то есть еще одна причина,— заметил я.— Вы ведь лишились своей модели.

Я порылся в кармане пальто и выудил маленькую куклу, которую подобрал на полу в подвале усадьбы «Белмонт».

— Я далек от того, чтобы использовать это вам в ущерб,— сказал я.

Я швырнул ему куклу, и, несмотря на скудное освещение, он ловко поймал ее укороченной рукой. И едва кукла коснулась его пальцев, она моментально растворилась в нем, словно его тело или рука были ртом, который в мгновение ока всосал ее.

Его лицо обрело симметрию, руки сравнялись в длине, бесследно исчезла кривобокость. Но зато одежда теперь сидела на нем прескверно, а короткий рукав пиджака едва прикрывал половину руки. И он все еще был меньше, гораздо меньше того Этвуда, которого я помнил.

— Благодарю,— сказал он.— Это помогает. С ней значительно легче сохранять свой облик — не нужно так сосредоточиваться.

Рукав вырастал на глазах, постепенно закрывая руку. Менялась и остальная одежда, приспосабливаясь к новой форме его тела.

— Хлопот не оберешься с этой одеждой,— вскользь заметил он.

— Вот почему в вашей конторе, в той, что в центре города, собран такой богатый гардероб.

Это его слегка ошеломило, но он тут же опомнился.

— Ах да, ведь вы же и там побывали. Просто я запамятовал. Должен сказать, мистер Грейвс, что вы весьма оперативны.

— Профессиональное качество,— объяснил я.

— А кто это с вами?

— Простите, забыл вас представить. Мисс Кейн, мистер Этвуд.

Этвуд воззрился на нее.

— Надеюсь, вы не обидитесь, если я скажу, что никогда не встречал более бестолковой системы воспроизведения себе подобных, чем ваша, человеческая.

— А нам она нравится,— заявила Джой.

— Но она же такая нескладная и громоздкая,— возразил он.— Вернее, вы сами сделали ее такой, загромоздив обычаями и нравственными установками. Полагаю, что в других отношениях она безукоризненна.

— Вам это, конечно, неизвестно,— заметил я.

— Мистер Грейвс,— произнес он,— вам, должно быть, понятно, что, копируя ваши тела, мы вовсе не обязаны заниматься всеми видами деятельности, вытекающими из функций этих тел.

— Копируете наши тела,— проговорил я.— А может, кое-что еще? Скажем, бомбы, которые подкладывают в машины?

— Безусловно,— согласился он.— Это проще простого.

— Или капканы, которые устанавливают перед дверью?

— О, это тоже простой механизм. Как вы понимаете, в нем нетрудно разобраться. Вот если что посложнее — это уже не по нашей части.

— Но почему именно капкан? — спросил я.— Ведь вы себя этим выдали. До этого я даже не подозревал о вашем существовании. Мне и во сне не снилось, что на свете могут быть такие, как вы. Если бы не капкан...

— Вы бы все равно узнали о нас,— сказал он.— Вы из тех, кто способен сообразить, что к чему. Дело в том, что мы взяли вас на заметку. Мы изучили вас куда лучше, чем вы сами. Мы знали, на что вы способны и как, вероятнее всего, себя поведете. К тому же мы немного осведомлены о событиях ближайшего будущего. Правда, это бывает не всегда, но случается, что мы их можем предсказать. Есть ряд факторов...

— Да погодите вы, черт вас возьми,— перебил я его.— Вы говорите, что изучили меня. Но, конечно, не только меня, так ведь?

— Конечно. Мы знали кое-что о каждом из вас, о каждом, кто мог оказаться в таком положении, что рано или поздно догадался бы о нашем существовании. Сюда относятся репортеры, юристы, ряд чиновников государственных учреждений, крупнейшие промышленники и...

— И вы их всех разобрали по косточкам?

Он едва сдержал самодовольную усмешку.

— Всех без исключения.

— И взяли под прицел не только меня?

— Что за вопрос! Таких, как вы, оказалось не так уж мало.

— А потом появились капканы, бомбы и...

— О, самые разнообразные приспособления,— заверил он меня.

— Вы их убили! — взорвался я.

— Если вы настаиваете, назовем это так. Однако, чтобы вы не слишком фарисействовали, считаю своим долгом напомнить, что вы вернулись сейчас сюда с твердым намерением вылить в раковину какую-нибудь кислоту.

— Не спорю,— согласился я,— но теперь мне ясно, что это ничего бы не дало.

— Вполне возможно,— сказал Этвуд,— что вы бы меня уничтожили — если не полностью, то по крайней мере большую часть моей персоны. Я ведь сидел в канализационной трубе.

— Я бы избавился от вас,— сказал я.— Но не от остальных.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

— Уничтожишь вас, а ваше место займет другой Этвуд. Стоит только вам захотеть, и в любой момент может появиться другой Этвуд. Честно говоря, я не вижу смысла в бесконечном уничтожении Этвудов, если на случай необходимости у вас всегда есть под рукой запасной.

— Право, не знаю,— задумчиво проговорил Этвуд.— Никак не постигну вашу породу. В вас, людях, есть нечто не поддающееся определению и, по-моему, совершенно бессмысленное. Вы устанавливаете для себя правила поведения, кропотливо разрабатываете модели своих убогих социальных систем, но вы не систематизируете самих себя. В какой-то момент вы можете проявить поразительную глупость, а в следующую секунду блеснуть гениальным умом. И самый страшный ваш порок, самое в вас ужасное — это молчаливая, прочно въевшаяся в вас вера в судьбу. Не в чью-нибудь судьбу, а именно в вашу. Даже думать об этом и то противно.

— А вот вы — вы бы не затаили на меня зла, облей я вас кислотой,— заметил я.

— Отчасти вы правы,— согласился Этвуд.

— В том-то и разница,— сказал я,— та разница, которую вам не мешает принять во внимание. Я ненавижу вас — или вам подобных — за попытку убить меня. И в той же степени, а может даже сильнее, я ненавижу вас за то, что вы убили моего друга.

— Докажите это,— вызывающим тоном потребовал Этвуд.

— Что значит докажите?

— Докажите, что я убил вашего друга. Насколько я понимаю, это истинно человеческий подход к такого рода вопросам. Вам удается безнаказанно совершать любые преступления, если никто не докажет, что это ваша работа. Кроме того, мистер Грейвс, вы смешиваете различные точки зрения. А они ведь меняются в зависимости от условий.

— Иными словами, есть места, где убийство не считается преступлением?

— Вот именно,— подтвердил Этвуд.

Судорожно мигало пламя спиртовки, и по комнате метались изменчивые тени. Я вдруг подумал, как обыденно и банально выглядит наша беседа,— мы двое, обитатели разных планет и

продукты совершенно несходных цивилизаций, разговариваем друг с другом так, словно оба мы люди. Возможно, это и так, потому что то, другое, существо, кем бы оно ни было, приняло облик человека и усвоило человеческую речь, поступки и до некоторой степени далее человеческие взгляды. Интересно, подумал я, возникла бы подобная атмосфера, если б с нами разговаривал лежащий на табурете кегельный шар — как, скажем, беседовал с нами Пес, не двигая по-человечьи губами? И могло бы существо, которое пусть на краткий период, но все-таки стало Этвудом, рассуждать так легко и свободно, если б оно не впитало в себя колоссальное количество сведений — хотя бы самых поверхностных — о Земле и человеке?

Мне захотелось узнать, как долго находятся на Земле эти пришельцы и сколько их здесь. Быть может, долгие годы они не только терпеливо набирались знаний, но одновременно проникались самим духом Земли и человека, изучая социальные структуры, экономические системы и организацию финансов. Я прикинул, что на это, должно быть, потребовалось немало времени, потому что с самого начала им наверняка пришлось заниматься не одним только сбором информации: углубившись в лабиринт наших законов о собственности, наших правовых систем и коммерческих операций, они, вероятно, столкнулись с факторами не просто незнакомыми, а совершенно им чуждыми.

Джой схватила меня за руку.

— Пойдем отсюда,— сказала она.— Мне что-то не нравится этот тип.

— Мисс Кейн,— проговорил Этвуд,— мы вполне допускаем, что вы можете испытывать к нам неприязнь. Сказать по правде, мы не придаем этому никакого значения.

— Сегодня утром я говорила с одной семьей — эти люди от отчаяния потеряли голову,— сказала Джой.— И все из-за того, что им негде жить. А вечером мне встретилась другая семья, которую выбросили на улицу, потому что глава семьи остался без работы.

— Такого рода события происходили на протяжении всей вашей истории,— изрек Этвуд.— И вы меня не переубедите. Я читал труды по вашей истории. В положении, которое мы создали, нет ничего нового. Напротив, для вас, людей, оно очень и очень старо. Поверьте, мы действовали честно, свято чтили букву закона.

На миг мне показалось, что мы, все трое, играем старинную комедию нравов, в которой, чтобы ярче оттенить заложенную в пьесе идею, чудовищно преувеличены основные пороки человечества.

Я почувствовал, как Джой крепче сжала мне руку, и понял, что до нее, видимо, только что по-настоящему дошло, насколько аморален наш собеседник. А может, она еще осознала, что это существо — этот Этвуд — не более чем зримая проекция бесчисленной могучей орды других пришельцев, пожелавших отнять у нас Землю. За существом, сидевшим на табурете, словно, виделась алчная, всепожирающая тьма, налетевшая с какой-то далекой планеты, чтобы уничтожить Человека. И хуже того, не только самого Человека, но и все творения его рук, все дорогие его сердцу мечты, пусть несовершенные, как, впрочем, все мечты человечества.

Я вдруг понял, что величайшая трагедия не в гибели самого Человека, а в гибели всего того, за что Человек боролся, того, что создал, и того, что еще собирался совершить в будущем.

— Несмотря на возмущение или даже ненависть, которые может испытывать по отношению к нам человеческий род,— произнес Этвуд,— объективно мы не совершили ни одного противозаконного действия, даже если исходить из вашей собственной концепции правомерности тех или иных поступков. Ни один закон не запрещает кому бы то ни было, даже пришельцам, приобретать собственность или владеть ею. Вы сами, друг мой, и ваша дама имеете полное право купить все, что вашей душе угодно. Вы можете скупить и, если такова ваша цель, владеть ею, всю имеющуюся в мире собственность.

— Это отпадает по двум причинам,— возразил я.— Одна из них — отсутствие денег.

— А другая?

— Это просто неприлично,— ответил я.— Ведь такое не принято. Пожалуй, есть еще и третья причина. Так называемые «антитрестовские законы».

— Ах это...— протянул Этвуд.— О них мы неплохо осведомлены и приняли кое-какие меры.

— Не сомневаюсь.

— Если смотреть в корень,— сказал Этвуд,— то единственное, что действительно необходимо для проведения подобной операции,— это деньги.

— Вы так говорите о деньгах, словно сама их идея для вас открытие,— сказал я, уловив это в его тоне.— Неужели деньги существуют только на Земле и нигде больше?

— Не будьте смешным,— отрезал Этвуд.— Разумеется, в космосе существует своего рода торговля и соответственно — средства обмена. Средства обмена, но не деньги в вашем понимании. Здесь, на Земле, деньги — это нечто большее, чем те бумажки и кусочки металла, которыми вы пользуетесь для обмена, нечто большее, чем ряды цифр, выражающие их количество. Здесь, на Земле, вы вкладываете в деньги такой символический смысл, которым не обладает ни одно из известных мне средств обмена. Вы превратили деньги в символ могущества и добродетели, а их недостаток вызывает у вас презрение и даже считается чуть ли не преступлением. Деньги для вас — это мерило человеческих качеств, мерило успеха, почти что святыня.

Промолчи я, и он бы еще долго тянул эту волынку. Его так и подмывало произнести полновесную проповедь. Но я этого не допустил.

— Взгляните на это дело с практической точки зрения,— сказал я.— Прежде чем вы доведете свою операцию до конца, вам придется выложить огромную сумму денег, куда большую, чем вы заплатите за саму Землю,— сумму, которая намного превысит ее стоимость. Вы будете увольнять людей с работы, лишать их крова, и кто-нибудь непременно попытается хоть как-то им помочь. Чтобы облегчить участь своих граждан, каждое правительство Земли разработает программы помощи и учредит пособия, а чтобы покрыть эти расходы, возрастут налоги. Налоги, которые, учтите, будут взиматься с приобретенной вами собственности. Вы выбрасываете людей с работы, вы отнимаете у них жилье — о'кей, забота о них все равно ляжет на ваши плечи, и, чтобы помочь, вам придется платить налоги.

— Я вижу,— с издевкой проговорил Этвуд,— что от жалости к нам у вас прямо сердце обливается кровью; с вашей стороны это так гуманно, и я вам глубоко за это признателен. Но вы терзаетесь понапрасну. Мы будем платить налоги. С превеликой охотой.

— Вы можете свергнуть правительства,— сказал я,— и тогда не будет никаких налогов. Впрочем, вы, наверно, уже подумывали об этом.

— Конечно нет,— отрубил Этвуд.— Такое нам и в голову не придет. Ведь это незаконно. А мы, друг мой, законы не преступаем.

И это было из рук вон плохо. Хуже не придумаешь.

Потому что под контролем пришельцев окажутся все природные богатства, вся земля, все, что на этой земле выстроено, и ни землю, ни все остальное они не будут использовать по прямому назначению. Не будут пахать, не будут выращивать урожаи. Не повернется ни одно заводское колесо. В шахтах остановится добыча руды. Прекратится рубка леса.

Люди лишатся не только своей собственности, но и всего, что они унаследовали от предыдущих поколений. Вместе с землей, заводами, работой, вместе с магазинами и товарами уйдут надежды, стремления, стимулы и вера — все, что делало человека человеком.

В принципе, не так уж важно, какое количество собственности приобрели на Земле пришельцы. Им совсем не обязательно скупить все. Необходимо только остановить промышленное производство, подрезать торговлю и подорвать основы финансовой системы.

То, что пришельцы скупали жилые дома, по сути дела, не имело особого значения, ведь если они преуспеют в остальном, четыре стены, которые человек зовет своим домом, станут его могилой. Одно из двух — либо жилые строения приобретались только с целью устрашения, либо — и это было в равной степени вероятно — пришельцы до сих пор еще не поняли, как мало им нужно потратить усилий, чтобы нанести решающий удар.

Чтобы не дать людям умереть с голоду и по возможности обеспечить им крышу над головой, будут, конечно, выдаваться пособия и разрабатываться программы помощи. А уж деньги на пособия найдутся, потому что племя пришельцев с радостью будет платить налоги. Но при таком положении вещей деньги совершенно обесценятся и потеряют силу. Не все ли равно, сколько стоит картофель или булка, если съедена последняя картофелина и нет больше муки, чтобы испечь хлеб?

Когда люди разберутся в обстановке, они ринутся в бой, чтобы вернуть утраченные богатства. На борьбу поднимутся не только народные массы, но и правительства. Однако к тому времени пришельцы, несомненно, подготовятся к обороне и, возможно, придумают такое, о чем сейчас и не догадаешься. Не исключено, что они прибегнут к стратегии выжженной земли, предав огню или как-нибудь иначе уничтожив жилые строения, заводы и все остальное, чтобы человек не мог вновь завладеть тем, с

помощью чего он добывал себе средства к существованию. И тогда человеку останется бороться только за землю, но ведь одной лишь голой земли ему недостаточно.

Я был уверен, что, если немедленно предпринять какие-нибудь действия, с пришельцами еще можно разделаться. А для этого необходимо, чтобы люди с готовностью, безоговорочно поверили в то, что все это не выдумка, а происходит на самом деле. Но ведь никто не поверит. Я с горечью вынужден был признать, что весь жестокий смысл этой ситуации полностью дойдет до сознания людей только тогда, когда мир будет ввергнут в хаос, а к тому времени, увы, будет слишком поздно.

И, стоя там, я понял, что потерпел поражение и вместе со мной потерпел поражение весь мир.

Уэллс некогда писал о вторгшихся на Землю пришельцах. И после него еще немало писателей изощряли свою фантазию, рассказывая о нашествиях инопланетных жителей. Но ни один из них, подумал я, даже не приблизился к истине. Ни один из них не сумел предугадать, как это произойдет в действительности, как та самая система, которую мы ценой таких мучений создавали веками, теперь обернулась против нас, как свобода права собственности оказалась ловушкой, которую мы сами себе уготовили.

Джой потянула меня за руку.

— Ну пойдем же,— сказала она.

Мы повернулись и направились к двери.

За нашей спиной раздался смешок Этвуда.

— Загляните ко мне завтра,— бросил он мне вслед.— Кто знает, может, мы с вами еще столкуемся.

Глава 26

Снаружи уже шел настоящий дождь. Не ливень, а устойчивый, надолго зарядивший дождь, от которого становится тоскливо на душе. В воздухе ощутимо похолодало. Такая вот ночь, подумал я, как нельзя лучше подходит для крушения нашего мира. Нет, не крушения — это чересчур драматично,— скорее замедленного падения. Именно такой ночью и должен осесть ослабленный, истощенный мир, не сознающий ни своей слабости, ни тем более ее причины,— осесть настолько плавно, что он даже

не заметит своего падения и спохватится лишь тогда, когда будет разрушен полностью.

Я открыл перед Джой дверцу машины, но, прежде чем она успела сесть, быстро захлопнул ее.

— Я забыл,— объяснил я,— что там может быть бомба.

Она взглянула на меня и, подняв руку, отбросила упавшую на глаза прядь волос.

— Вряд ли,— возразила она.— Он ведь назначил тебе свидание. На завтра.

— А, пустая болтовня,— отмахнулся я.— Его манера придуриваться.

— Есть там бомба или нет, а я не пойду в город пешком. В такой поздний час, да еще под дождем. Раньше-то ее ведь не было.

— Дай-ка я сяду в машину и заведу мотор. А ты отойди подальше.

— Нет уж,— решительно сказала она, протянула руку и распахнула дверцу.

Я обошел машину, сел за руль. Повернул ключ, и мотор завелся.

— Вот видишь! — воскликнула Джой.

— Но она все-таки могла тут быть,— не сдавался я.

— Допустим. Но мы ведь не можем жить в вечном страхе перед этой бомбой,— сказала она.— Если они захотят нас убить, в их распоряжении миллион других способов лишить нас жизни.

— Они убили Стирлинга. И вероятно, не его одного. На мою жизнь они уже покушались дважды.

— И оба раза неудачно,— напомнила она.— Мне почему-то кажется, что они больше на это не пойдут.

— Интуиция?

— Паркер, они ведь тоже могут обладать интуицией.

— А при чем тут их интуиция?

— Ни при чем. В общем-то, я имела в виду другое. Я хотела сказать, что, сколько бы они ни изучали нас, как бы в интересах дела ни старались на нас походить, они никогда не научатся мыслить, как мы.

— Поэтому ты считаешь, что после двух неудачных покушений на чью-либо жизнь они должны оставить этого человека в покое, верно?

— Не совсем, хотя такое тоже возможно. Во всяком случае они никогда не прибегнут к одному и тому же методу дважды.

— Значит, впредь я могу не опасаться бомб, капканов и засад в стенном шкафу.

— Возможно, они суеверны,— продолжала она.— А может, таков их образ мышления. Или их логика, о которой мы не имеем ни малейшего представления.

Я понял, что она все время только об этом и думала, пытаясь разложить все по полочкам. Ее хорошенькая головка была наполнена всевозможными предположениями и догадками и непрерывно перемалывала немногие известные нам реальные или кажущиеся факты. Но для нас это темный лес, подумал я. Мы слишком мало знали, чтобы по-настоящему в этом разобраться. С человеческим складом мышления нечего и пытаться думать за пришельцев, когда не знаешь, как именно они мыслят. И даже если бы это было известно, нет никакой гарантии, что процесс человеческого мышления можно втиснуть в чуждое ему русло.

Джой подошла к этому с другого конца. По ее словам, пришельцы, как бы они к этому ни стремились, никогда не смогут мыслить по-человечески. Но при этом у них было куда больше шансов мыслить по-нашему, чем у нас — мыслить, как они. Они ведь изучали нас — одному Богу ведомо, как долго. И их было много; сколько — этого тоже никто не знал. А что, если я заблуждаюсь? А вдруг на Земле только один пришелец, раздробленный на отдельные элементы — каждый размером с кегельный шар,— так что одно-единственное существо способно быть одновременно в нескольких местах и нескольких обличьях?

Но даже если это самостоятельные индивидуумы, если каждый кегельный шар представляет собой отдельную особь, между ними существует такая тесная связь, о которой людям не приходится и мечтать. Ведь для того чтобы, скажем, создать одно существо, подобное Этвуду или той девушке, с которой я повстречался в баре, потребовалось множество таких шаров: чтобы соорудить подобие человека, они должны объединиться в большие группы. И вот, принимая облик человека или какого-нибудь предмета, они действуют как одно целое; именно при таких обстоятельствах они фактически превращаются в единый организм.

Миновав последнюю улицу студенческого городка, мы выехали на пустынную Университетскую аллею, и я повернул к городу.

— Куда теперь? — спросил я.

— Только не ко мне,— проговорила Джой.— А вдруг они все еще там.

Я кивнул, прекрасно понимая, что она чувствует. И мысленно вернулся к тем тварям, которые шныряли в ее дворе. Что это было такое? Имитация какой-нибудь свирепой зверюги, обитающей на неведомой далекой планете? А может, целая кунсткамера чудовищ, и не с одной планеты, а с нескольких? Богатый ассортимент омерзительных форм жизни, возможно созданных скорее для устрашения, чем с целью нанести реальный ущерб. Или их использовали как приманку, чтобы собрать нас троих — Джой, Пса и меня — в одном месте? Но если они собирались всех нас убить, они на этот раз снова просчитались.

Пес вроде бы что-то говорил о нерешительности кегельных шаров, о том, что они никогда не проявляют достаточной настойчивости, ограничиваясь полумерами. Я попытался вспомнить, что конкретно он тогда сказал, но память мою застлало туманом. Она перенасытилась событиями.

И еще меня занимало таинственное исчезновение Пса.

— Паркер,— сказала Джой,— нам необходимо немного отдохнуть. Мы должны найти какое-нибудь сухое помещение и хоть часок соснуть.

— Угу,— согласился я.— Я сам об этом подумываю. Моя квартира...

— Твоя квартира отпадает. Она сейчас ничуть не лучше моего дома. Хорошо бы найти какой-нибудь мотель.

— Джой, у меня в кармане каких-нибудь один-два доллара. Я забыл зайти за чеком.

— А мой уже обращен в наличность,— сказала она.— Так что я при деньгах.

— Джой...

— Да, да понятно. Оставь это. Все нормально.

Мы продолжали наш путь по Университетской аллее.

— Который час? — спросил я.

Она подставила запястье под свет, падающий с приборного щитка.

— Около четырех,— ответила она.

— Ну и ночка! — обронил я.

Она устало откинулась на спинку сиденья и повернула ко мне лицо.

— Не говори,— подхватила она.— Взлетела на воздух одна машина с каким-то бедолагой — слава богу, что это был не ты; убит один друг, убит каким-то таинственным существом с другой планеты, и на его теле не обнаружено никаких следов насилия; ко всем чертям полетела репутация одной девицы, которая так хочет спать, что готова улечься где угодно...

— Да будет тебе,— прервал я.

Я свернул с авеню.

— Куда сейчас, Паркер?

— В редакцию. Мне нужно заказать телефонный разговор. Междугородный. С равным успехом его может оплатить и газета.

— Разговор с Вашингтоном?

Я кивнул.

— С сенатором Роджером Хиллом. Пора уже с ним поговорить.

— В такой ранний час?

— Роджу можно звонить в любое время. Он ведь слуга народа, не так ли? Во всяком случае, он заявляет об этом во всеуслышание. Во время предвыборной кампании. А стране — всей этой проклятой стране — сейчас позарез необходим человек, посвятивший себя служению народу.

— За этот звонок он тебя не погладит по головке.

— А я на это и не рассчитываю.

Я остановил машину у обочины напротив темного здания редакции. Там лишь слабо светились окна третьего этажа и печатного цеха, который располагался на первом.

— Пойдешь со мной?

— Нет,— ответила она.— Я останусь. Запру дверцы и подожду тебя здесь. Заодно прослежу, чтобы не заминировали машину.

Глава 27

В отделе не было ни души. Где-то, конечно, бродили уборщики, но я не встретил ни одного; нигде не было видно и Лайтнинга, которому полагалось сейчас находиться при исполнении служебных обязанностей,— скорее всего, он отправился по каким-то своим таинственным личным делам либо прикорнул в каком-нибудь уголке.

Кое-где горели лампы, но их слабый свет лишь подчеркивал зыбкость теней, подобно свету далеких уличных фонарей на окутанном туманом бульваре.

Я прошел к своему столу, сел на стул и протянул руку к телефону, но трубки не снял. Я застыл, напрягая слух, но убей меня бог, если я знал, к чему прислушиваюсь,— разве что к тишине. Комната безмолвствовала. Я не уловил даже намека на какой-нибудь звук. И мне показалось, что в эту минуту такое же безмолвие стоит во всем мире, что тишина этой комнаты, просочившись сквозь стены, обволокла всю планету, заглушив все звуки Земли.

Я медленно снял трубку и набрал номер. Мне ответил сонный голос телефонистки. Когда я объяснил, с кем меня нужно соединить, в нем послышались нотки вежливого недоумения, словно она тоже не прочь была мне напомнить, что такому великому человеку, как сенатор, не звонят в столь неурочный час. Но она была достаточно хорошо вышколена и ограничилась тем, что попросила подождать ее звонка.

Я положил трубку на рычаг, откинулся на спинку стула и попытался собраться с мыслями, но уже давала себя знать бессонная ночь, и мозг мой отказывался работать.

Только теперь я впервые почувствовал, до какой степени я вымотан.

Я сидел точно в тумане: далекими уличными фонарями светили редкие лампы, и ни один звук не нарушал окружавшей меня тишины. И в моем затуманенном мозгу слабо шевельнулась мысль о том, что, быть может, такова в эту ночь вся Земля — притихшая, усталая планета, выдохшаяся, безразличная ко всему планета, которая с безропотным равнодушием катится к своей гибели, и всем на это наплевать.

Зазвонил телефон.

— Говорите, мистер Грейвс,— объявила телефонистка.

— Хелло, Родж,— сказал я.

— Паркер, ты? — донеслось издалека.— Какого дьявола ты колобродишь в такой поздний час?

— Важное дело, Родж,— сказал я.— Ты ведь знаешь, что иначе я не стал бы тебя беспокоить?

— Надеюсь. Я заснул всего два часа назад.

— Пришлось из-за чего-то засидеться допоздна, сенатор?

— Так, небольшое совещание. Обсуждали кое-какие вопросы.

— Ты чем-то озабочен, Родж?

— Чем? — спросил он голосом ровным и гладким, как ледяной каток.

— Хотя бы невиданным изобилием денег в банках.

— Послушай, Паркер,— проговорил он,— если ты пытаешься из меня что-нибудь вытянуть, попусту тратишь время.

— Я из тебя ничего не вытягиваю. Напротив, сам хочу тебе кое-что сообщить. Если только ты меня выслушаешь, я расскажу, что сейчас происходит. Объяснить это не так-то просто, но тем не менее мне хотелось бы, чтобы ты мне поверил.

— Слушаю тебя.

— У нас на Земле сейчас находятся пришельцы,— сказал я.— Существа из космоса. Я их видел собственными глазами, разговаривал с ними и...

— Теперь мне все ясно,— перебил меня сенатор.— Завтра ведь суббота, и ты не упустил возможности накачаться.

— Ничего подобного,— запротестовал я.— Я трезв как...

— Ты получил свой чек и отправился...

— Но я даже не зашел за чеком. Так зашился, что он совершенно вылетел у меня из головы.

— Вот теперь я уже не сомневаюсь, что ты пьян в стельку. Такого не бывает, чтобы ты забыл про чек. Уж ты-то всегда тут как тут, стоишь в очереди с протянутой лапой...

— Да выслушай меня наконец, черт тебя побери!

— Ползи обратно в кровать и проспись,— приказал сенатор.— А если потом у тебя не пропадет охота со мной покалякать, позвонишь утром.

— Чтоб ты провалился! — взревел я, но мое проклятье повисло в воздухе. Он уже положил трубку. И мне ответила лишь мертвая пустота гудков.

Меня так и разбирало хлопнуть трубкой, но я этого не сделал. Что-то меня удержало — быть может, мою ярость подавило ощущение полного поражения.

Я сидел, сжимая в руке трубку, из которой неслось далекое комариное гудение опустевшей линии; я уже знал, что надеяться больше не на что: мне никто не поверит, ни один человек не прислушается к моим словам. Как будто все они Этвуды, подумал я, как будто каждый из них лишь имитация человека, созданная из заполнившей Землю чужеродной материи.

А ведь если вдуматься, это не такой уж бред, сказал я себе. Это вполне могло бы произойти. И сотворить такое было бы как раз в духе пришельцев.

По спине у меня забегали ледяные мурашки, а я все сидел за столом, стиснув трубку,— самое одинокое человеческое существо на Земле.

Ведь могло оказаться, что я и вправду остался один.

Что, если сенатор Роджер Хилл вовсе не человек, не тот, кем он был, скажем, лет пять назад? Что, если тело настоящего, подлинного Роджера Хилла запрятано в каком-то тайнике, а я только что разговаривал с поддельным Роджером Хиллом, с Роджером Хиллом — пришельцем? Что, если Старик — не Старик, а некое омерзительное существо, принявшее его облик? Что, если какую-нибудь крупную стальную компанию уже возглавляет не человек, а оборотень? Что, если пришельцы одного за другим убрали виднейших промышленников и политических деятелей и их места заняли существа из другого мира, перевоплотившиеся с таким совершенством и так прекрасно обо всем осведомленные, что в их подлинности не усомнились их собственные коллеги и семьи?

Что, если женщина, которая ждала меня в машине, была не...

Стоп, одернул я себя, это же чистое безумие. Психоз какой-то. Больная фантазия человека, настолько потрясенного и измученного, что он потерял способность к нормальному мышлению.

Я положил трубку на рычаг и отодвинул от себя аппарат. Медленно поднявшись на ноги, я встал во весь рост, окруженный пустотой и безмолвием. Тело мое бил озноб. Я спустился по лестнице и вышел на улицу, где меня ждала Джой.

Глава 28

«Мест нет» — вспыхивали и гасли буквы светящегося объявления, роняя красные и зеленые блики на черную гладь мокрого асфальта. Вспыхивали снова и снова, предостерегая мир. А в глубине двора маячили темные блоки мотеля; над каждой дверью горела маленькая лампочка, и, отражая переменчивые вспышки букв, мягко поблескивали припаркованные машины.

— Когда на постоялом дворе нет свободных мест,— произнесла Джой,— чувствуешь себя лишним.

Я кивнул. Мы уже проехали мимо четырех переполненных мотелей. Этот был пятым. Правда, не все объявления мигали, как это, но они неизменно были на каждом мотеле, слабо светясь в ночи. И хотя в эти вспышки не было заложено никакого особого смысла, своей выразительностью это объявление впечатляло больше, чем остальные. Казалось, будто оно с мрачным упорством настойчиво вдалбливало людям, что для них отныне нет места на Земле.

Итак, пять мотелей, оповещавших об отсутствии мест, и один вообще без всякого объявления — запертый, темный и пустой: уголок, наглухо отгородившийся от всего мира.

Я замедлил ход и, нажав на тормоз, плавно остановил машину. Мы уставились на мигающее объявление.

— Этого следовало ожидать,— проговорила Джой.— Как это мы не сообразили! Те люди, которые не могут найти себе жилье,— ведь это они нас опередили. И возможно, что кое-кто из них даже на несколько недель.

Дождь не стихал. Уныло поскрипывали «дворники».

— Может, мы тут и впрямь дали маху,— сказал я.— Может, все-таки...

— Нет,— перебила она.— Ни о своей квартире, ни о моем доме даже и не заикайся. Я скорее умру, чем поеду туда.

Мы тронулись дальше. Еще два мотеля — еще два объявления, сообщавших об отсутствии мест.

— С ума сойти можно! — воскликнула Джой.— Везде все занято. В отелях, верно, творится то же самое.

— Не отчаивайся,— сказал я.— Помнишь тот мотель, на котором не было объявления? Тот, что был закрыт?

— Но в нем ведь темно. Он пуст.

— Зато в нем можно укрыться от непогоды,— сказал я.— И у нас будет крыша над головой. Тому человеку на берегу озера пришлось взломать замок. Почему бы нам не последовать его примеру?

Я повернул, не доезжая до конца квартала. Сейчас это было безопасно — ни вслед за нами, ни навстречу не шло ни одной машины.

— Ты помнишь, где он находится? — спросила она.

— Думаю, что помню,— ответил я.

Однако я все-таки проскочил мимо, и пришлось возвращаться назад. Вот наконец и он — ни вывески, ни огонька, ни души вокруг.

— Куплен и закрыт,— сказал я.— Закрыт без всяких проволочек. Это тебе не многоквартирный дом, где нужно предупреждать жильцов заранее.

— Ты так считаешь? — спросила Джой.— По-твоему, этот мотель купил Этвуд?

— А иначе зачем было его закрывать? — в свою очередь, спросил я.— Тебе не кажется, что, будь у него другой хозяин, он был бы открыт? При нынешнем-то спросе?

Я свернул на дорогу, которая некруто спускалась к строениям мотеля. Свет фар скользнул по стоявшей перед одним из блоков машине.

— Нас уже кто-то опередил,— заметила Джой.

— Не волнуйся,— сказал я.— Все в порядке.

Я проехал двор и затормозил, осветив фарами другую машину. Сквозь затуманенное дождем стекло на нас с испугом смотрели бледные, с расплывшимися контурами лица.

Немного повременив, я вылез из машины. У той машины открылась дверца со стороны водителя, и показался какой-то мужчина. Он направился ко мне, шагая в веере света наших фар.

— Вы ищете, где бы переночевать? — спросил он.— Напрасный труд — везде все занято.

Это был средних лет мужчина, хорошо одетый, хотя его платье нуждалось в глажке. На нем были новое пальто, шляпа из дорогого магазина, а под пальто — элегантный деловой костюм. Ботинки его были свежевычищены, и их облепили блестящие бусинки дождевых капель.

— Я знаю точно, что нигде нет мест,— продолжал он.— Я уже справлялся. И не только сегодня — я занимаюсь этим каждый вечер.

Я молча кивнул, чувствуя, как мои внутренности сжимаются в плотный, твердый комок. От его вида у меня тоскливо защемило сердце. Вот и еще один бездомный.

— Сэр,— проговорил он,— вы не объясните мне, что сейчас творится на свете? Вы ведь не полицейский, правда? Впрочем, это не имеет значения.

— Нет, я не фараон,— сказал я.

Судя по его тону, он находился почти на грани истерики — у него был голос человека, который вот-вот рухнет под тяжестью свалившихся на него невзгод. Человека, на глазах у кото-

рого день за днем постепенно разваливался его личный, сколоченный им мирок, а он был бессилен этому помешать.

— Я в том же положении, что и вы,— сказал я.— Ищу конюшню.

Мне почему-то вдруг вспомнилось, как Джой назвала мотель постоялым двором.

Сейчас подобная острота была явно не к месту, но он, видимо, этого не заметил.

— Мое имя — Джон Куинн,— представился он.— Я вице-президент страховой компании. Зарабатываю около сорока тысяч в год, и, как видите, мне негде жить, негде укрыть мою семью от дождя. Если, конечно, не считать машины.

Он заглянул мне в глаза.

— Обхохотаться можно,— проговорил он.— Ну, смейтесь же!

— Мне не до смеха,— сказал я.

— Почти год назад мы продали свой дом,— продолжал Куинн.— На условии долгосрочной аренды. Мне предложили за него такую цену, о которой я и не мечтал. Понимаете, мы собирались купить дом побольше. Семья ведь росла. Нам очень не хотелось продавать наш старый дом. Он был такой уютный. Да и привыкли мы к нему. Но нам стало в нем тесновато.

Я кивнул. Все та же история.

— Послушайте,— сказал я,— хватит нам мокнуть под дождем.

Но он словно оглох. Он испытывал неодолимую потребность выговориться. Его распирало от желания излить душу. Верно, я был первым человеком, с которым он мог по-настоящему поделиться,— человеком, который, как и он, рыскал по городу в поисках пристанища.

— Разве мы могли предположить, что так получится? — продолжал он.— Нам казалось, что все очень просто. При наличии договора о долгосрочной аренде у нас впереди было достаточно времени, чтобы подыскать себе подходящий дом. Но мы его так и не нашли. Нам, конечно, попадались объявления. Но мы всегда опаздывали. Приедешь, а дом уже продан. Тогда мы обратились к строительным подрядчикам, но никто из них не брался выстроить дом раньше, чем через два года. Одному или двум я даже пытался дать взятку, но безрезультатно. Все в один голос твердили, что завалены заказами. Многие нахватали до ста подрядов, а то и больше. Что-то невероятное, правда?

— Да, просто не верится,— согласился я.

— По их словам, сумей они нанять больше рабочих, они бы выполнили мой заказ. Но рабочих нет и в помине. Все они заняты. Ни один не сидит сложа руки. Мы попросили продлить срок нашего пребывания в доме сперва на месяц, потом на два и, наконец,— на три, но пришел день, когда мы уже обязаны были передать собственность владельцу. Я предложил покупателю пять тысяч отступного, если он аннулирует сделку, но получил отказ. Он сказал, что очень сожалеет, но дом им куплен и этот дом ему нужен. Напомнил, что дал мне три месяца сверх договоренного срока. И, бесспорно, был прав. Нам некуда было податься. У нас нет родственников, у которых можно попросить приюта. Во всяком случае, в этом городе. Мы, правда, могли бы отослать детей в деревню к какой-то дальней родне, но нам очень не хотелось разбивать семью, а кроме того, кое-кто из этих родственников сам оказался в затруднительном положении. У нас, конечно, полно друзей, но ведь друзей не попросишь, чтобы они разделили с тобой свой дом. Не дай бог, чтобы они вообще узнали, в какую ты попал переделку. Тут уж гордость не позволит пожаловаться. Из последних сил изображаешь полное благополучие в надежде, что все образуется. Я, конечно, перебрал все возможности. Отели и мотели забиты до отказа. Свободных квартир нет. Я пытался купить трейлер*. Так оказалось, что нужно записаться в очередь. Великий Боже, список желающих на пять лет вперед!

— Поэтому-то вас и занесло сюда сегодня ночью,— подытожил я.

— Да,— подтвердил он.— Мы не на улице, и то спасибо. Тут хоть тебя не будят проезжающие мимо машины. И нет пешеходов. Но как же это тяжко! Особенно для жены и ребятишек. Скоро месяц, как мы живем в этой машине. Когда повезет, едим в ресторанах, но обычно в них яблоку негде упасть. Большей же частью мы питаемся в кинотеатрах, в тех, что на открытом воздухе, а иногда покупаем какую-нибудь провизию, выезжаем за город и устраиваем пикник. Когда-то пикники были развлечением, но прошли те времена. Теперь даже детям они не в радость. Мы пользуемся туалетами заправочных станций. Белье стираем в прачечных самообслуживания. Каждое утро я

* Трейлер — оборудованный под жилье прицеп к автомашине.— *Примеч. перев.*

езжу на работу; потом жена отвозит детей в школу. А пока они в школе, мечется по городу в поисках жилья. К концу рабочего дня они все заезжают за мной в контору, и мы отправляемся искать место, где можно перекусить. Мы выдержали месяц такой жизни,— добавил он.— Но долго мы так не протянем. Дети все спрашивают, когда у нас снова будет дом, да и зима на пороге. Мы не сможем жить в машине, когда грянут морозы и пойдет снег. Если мы не подыщем себе жилья, придется уехать в какой-нибудь другой город, где можно найти дом, квартиру, что угодно — мы согласны почти на любое помещение. Я буду вынужден уйти с работы и...

— Переезд вам ничего не даст,— перебил я.— Ехать некуда. Везде одно и то же.

— Мистер! — воскликнул Куинн высоким, срывающимся от отчаяния голосом.— Объясните мне, в чем дело? Что все-таки происходит?

— Кто его знает,— пожал я плечами. Не мог же я сказать ему правду. Ему и без того было тошно. Для него лучше, если он проведет эту ночь в неведении.

Так вот оно и будет, подумал я. Повсеместно. Население земного шара превратится в кочевников, которые будут скитаться в надежде набрести на места получше, а таких мест уже днем с огнем не сыщешь. Вначале они будут кочевать семьями, потом, возможно, объединятся в племена. Со временем многих сгонят в резервации или специально для них отведенные области типа резерваций, ибо только при этом условии уцелевшие правительства сумеют оказать им хоть какую-нибудь помощь. Но до самого конца не переведутся бродяги, которые будут остервенело биться за крышу над головой и всеми правдами и неправдами раздобывать себе пропитание. Вначале, в первом порыве бешенства, им, быть может, посчастливится захватить какие-нибудь жилые строения — свои собственные дома или чужие, неважно. На первых порах они будут драться за пищу, воровать продукты, припрятывать запасы. Но все жилища пришельцы постепенно либо сожгут, либо разрушат каким-нибудь иным способом. Они превратят их в руины, пользуясь своим неограниченным правом собственности, и едва ли этому можно будет помешать, поскольку они будут действовать втихую. И с чистой совестью — ведь, как полноправные владельцы этих домов, они сочтут такое обращение со своей собственностью вполне законным, и

пожарам не будет конца. И нет на них никакой управы, а если и есть, то сразу ее не найдешь. Ведь с Этвудами не вступишь врукопашную, не дашь бой кегельным шарам. Их можно только ненавидеть. Их трудно изловить, не менее трудно уничтожить, и у них всегда поблизости есть крысиная нора, через которую они могут улизнуть в другой мир. И придет время, когда не останется больше жилых строений, кончится пища, хотя вопреки всему человек, возможно, еще будет кое-как влачить жалкое существование. Но из каждой тысячи людей останется только один, и, когда наступит этот день, пришельцы окончательно выиграют войну, которой на самом деле и не было. И человек из хозяина планеты превратится в затравленное животное.

— Мистер,— прервал молчание Куинн,— я не знаю вашего имени.

— Меня зовут Грейвс,— сказал я.

— Так что же вы скажете, Грейвс? Что будем делать дальше?

— То, что вам следовало сделать с самого начала,— ответил я.— Мы с вами сейчас взломаем дверь и войдем в помещение. Вы и ваша семья будете спать под крышей, вам будет где готовить себе пищу, и вы приобретете собственный туалет.

— Но это же незаконное вторжение! — вскричал он.

Вот так, подумал я. Даже на грани отчаяния человек не теряет уважения к законам, охраняющим право собственности. Не кради, не вторгайся в чужие владения, не прикасайся к тому, что принадлежит другому. Из-за этого-то мы и оказались сейчас в таком положении. Именно из-за них, из-за этих законов, столь почитаемых, что мы слепо подчиняемся им даже тогда, когда они, обернувшись ловушкой, отнимают у нас право первородства.

— Вы ведь хотите, чтобы ваши дети спали под крышей,— сказал я.— Вам нужно место, где вы могли бы побриться.

— А вдруг кто-нибудь окажется поблизости и...

— Если кто-нибудь явится и попытается выставить вас за дверь, пустите в ход пистолет.

— У меня нет пистолета,— возразил он.

— Так достаньте,— посоветовал я.— Утром первым делом раздобудьте себе оружие.

И я подивился, как легко и незаметно из гражданина, свято соблюдающего законы, я превратился в другого человека, человека, готового написать новый закон и защищать его до последней капли крови.

Глава 29

Солнечный свет косыми полосками пробивался в щели между планками жалюзи, падая в тишину, покой и тепло комнаты, которую я не сразу узнал.

Я неподвижно лежал, полузакрыв глаза, ни о чем не думая, ни над чем не ломая голову, только наслаждаясь этим своим состоянием. Солнечный свет, тишина, мягкая постель и едва уловимый запах духов.

А ведь такими духами, мелькнуло у меня, душилась Джой.

— Джой! — позвал я, быстро сев в кровати.— Я вдруг вспомнил: и ночь, и дождь, и все, что произошло накануне.

Дверь в соседнюю комнату была открыта настежь, но никто не откликнулся.

— Джой! — снова крикнул я, выбираясь из постели.

Спустив с кровати ноги, я ощутил холодное прикосновение пола, а из неплотно прикрытого окна дул прохладный ветерок.

Я подошел к двери и заглянул в соседнюю комнату. Постель после ночи была не прибрана, только кое-как прикрыта одеялом. Джой там не было. И тут я увидел приколотую к двери булавкой записку.

Я сорвал ее и прочел:

«Паркер, милый, я беру машину и уезжаю в редакцию. Нужно подредактировать статью для воскресного номера. Вернусь после полудня. Кстати, где то самое хваленое мужское начало? Ты даже не пытался подгрести ко мне с нескромным предложением. Джой».

Я вернулся в свою комнату и, не выпуская из рук записки, присел на край кровати. Мои брюки, пиджак и рубашка были развешаны на стуле, а под ним на полу стояли ботинки с засунутыми в них носками. В одном углу стояла винтовка, которую я прихватил из лаборатории Стирлинга. Я вспомнил, что она оставалась в машине. Должно быть, перед тем, как уехать в редакцию, Джой перенесла ее из машины в комнату.

«Вернусь после полудня» — написала она в записке. И кровать ее была не застелена. Словно она приняла как должное, что отныне мы будем жить именно так. Словно иного образа жизни не существует вообще. Словно она уже приспособилась к происшедшим переменам.

И возможно, что вначале человек приспособится к новым условиям с такой же легкостью, радуясь всему, что хоть как-то избавит его от трудностей и горечи разбитых надежд. Но за этой первой кратковременной ассимиляцией придут гнев, ожесточение, осознание утраты и ощущение полной безнадежности.

Джой вернулась в редакцию, чтобы поработать над статьей для воскресного номера. Мой сосед продолжал ездить в свою страховую компанию — даже теперь, когда трещал по швам его личный мирок. Все это, конечно, объяснимо — ведь человек должен есть, человек должен как-то существовать, должен иметь деньги. Но за этим, наверно, скрывалось нечто гораздо большее, подумал я. Для человека это было средством — быть может, единственным оставшимся в его распоряжении средством — сохранить привычную рутину, внушить себе, что жизнь изменилась не полностью, что кое-какие из старых, давно заведенных порядков остались нетронутыми.

«А я? — спросил я себя.— Что теперь делать мне?»

Я мог вернуться в редакцию, сесть за свой стол и до отъезда в командировку настрочить еще несколько статей. Мне как-то даже чудно было думать об этой поездке — она полностью вылетела у меня из головы.

Будто сама идея ее была для меня новостью, будто раньше я даже не знал о ней, а если и знал, то так давно, что вполне естественно было о ней забыть.

Я мог поехать в редакцию, но, собственно, с какой целью? Чтобы написать статьи, которые никто никогда не прочтет, статьи для газеты, которую через несколько дней, быть может, перестанут выпускать?

Труд, бесполезный до чертиков. Настолько бесполезный, что о нем и думать-то не хотелось. Возможно, что именно поэтому никто не пожелает меня выслушать — если люди о чем-то не знают, они избавлены от необходимости об этом думать.

Я выпустил из пальцев записку Джой, и она, затрепетав, медленно опустилась на пол. Я протянул руку и взял со стула рубашку. Я, правда, еще не решил, что мне делать, но, так или иначе, прежде чем я за что-нибудь возьмусь, мне следовало одеться.

Я вышел на крыльцо — стоял теплый, солнечный день, скорее летний, чем осенний. Дождя как не бывало, на дворе было сухо, только кое-где сохранились маленькие лужицы как доказательство того, что он все-таки недавно шел.

Я взглянул на часы — было уже около полудня.

Машина страховщика стояла перед соседним блоком, но ни его самого, ни его близких нигде не было видно. Вероятно, по субботам он не работал, и семья спала допоздна. Как раз то, что им необходимо, подумал я,— небольшой подкрепляющий отдых под крышей.

В конце улицы я разглядел вывеску ресторана и понял, что голоден. Там, наверно, есть телефон, а мне нужно позвонить Джой.

В ресторане было душновато и не слишком чисто, но он был переполнен. Я пробрался к стойке и, подождав, пока какой-то посетитель покончил с едой, захватил освободившийся табурет.

Я дал заказ подошедшей официантке, встал и протолкался сквозь толпу в угол, к телефонной будке. Я втиснулся в нее и закрыл за собой дверь. Опустил монету, набрал номер и попросил телефонистку соединить меня с Джой.

— Ну как, отредактировала свою статью? — спросил я ее.

— Соня ты, соня,— промурлыкала она.— Ты давно встал?

— Только что. Как дела?

— Гэвин рвет и мечет. Поступили кое-какие интересные сведения, а он не может их использовать.

— Что-нибудь о...

— Не знаю,— ответила Джой, видимо поняв, о чем я собираюсь спросить.— Возможно. В банках обнаружена недостача денег. Известно, что...

— Недостача денег?! Так ведь Дау только вчера мне говорил, что банки забиты деньгами.

— Наверно, так оно и было,— сказала она.— Но с тех пор картина изменилась. Еще вчера в полдень деньги были на месте, а вечером к закрытию огромные суммы просто-напросто исчезли.

— И ни из кого слова не вытянешь,— предположил я.

— Точно. От тех, кого Гэвину и Дау удалось поймать, толку не добьешься. Они ничего не знают. Со многими же — с теми, кто поважнее и посолиднее,— они вообще не могут связаться. Сам знаешь, как обстоит дело с банковскими служащими в субботу. Их разве найдешь?

— Где уж,— согласился я.— Кто на рыбалке, кто в гольф играет.

— Паркер, ты думаешь, что тут не обошлось без Этвуда?

— Не знаю,— ответил я.— Но меня бы это ничуть не удивило. Попробую навести справки.

— Интересно, как? — насторожившись, спросила она.

— Я мог бы съездить в усадьбу «Белмонт». Этвуд ведь предлагал...

— Мне это не нравится,— резко перебила она.— Ты однажды уже там побывал.

— Я не стану нарываться на неприятности. С Этвудом я как-нибудь управлюсь.

— У тебя нет машины.

— Я возьму такси.

— На такси у тебя нет денег.

— Шофер отвезет меня туда и привезет обратно,— сказал я.— На обратном пути я могу заехать в редакцию, получить деньги и расплатиться с ним.

— Все-то ты продумал,— заметила она.

— Ну, во всяком случае, почти все.

«Продумал ли я вообще хоть что-нибудь?» — спросил я себя, повесив трубку.

Глава 30

Окно было закрыто — первое, что бросилось мне в глаза. Прошлой ночью, удирая отсюда, я оставил его открытым, хотя у меня тогда возникло странное ощущение, что, несмотря ни на что, мне нужно вернуться и закрыть его.

Но сейчас это окно было плотно прикрыто, и все окна занавешены изнутри; я попытался вспомнить, были ли на них занавеси накануне, да так и не вспомнил.

Дом, старый и мрачный, купался в бледных лучах солнца, а с востока, с берега озера, доносился отдаленный плеск волн. Я стоял и смотрел на дом, внушая себе, что мне здесь нечего бояться. Что это самый обыкновенный старый дом, который, разомлев, греет на солнце свои дряхлые кости.

— Хотите, чтобы я вас подождал? — спросил шофер.

— Я ненадолго,— ответил я.

— Смотрите, дело ваше, хозяин. Мне-то все равно. Счетчик ведь щелкает.

Я направился по вымощенной кирпичом дорожке к дому. Под подошвами у меня хрустели опавшие сухие листья.

Вначале я попытаюсь проникнуть в дом через дверь, решил я. Как добропорядочный, цивилизованный человек. А если на мой звонок никто не выйдет, я, как в прошлый раз, влезу в окно. Шофер, конечно, изведется от любопытства, пытаясь понять, что я замыслил. Ну и черт с ним. Его дело дождаться меня и отвезти обратно в город, а остальное его не касается.

Впрочем, подумал я, кто-то ведь закрыл окно, и сейчас оно может оказаться запертым. Но это меня не остановит. Меня уже ничто не могло остановить. Однако я сознавал, что, даже будь у меня время на размышление, все равно я не сумел бы объяснить, почему так рвался попасть в этот дом и зачем мне вдруг понадобилось встретиться с Этвудом. «Интуиция?» — спросил я себя. Джой что-то говорила о человеческой интуиции — или это говорил Этвуд? Я не мог вспомнить, кто из них.

Я поднялся по ступенькам, нажал на кнопку звонка и немного подождал. Едва я протянул палец, чтобы позвонить еще раз, как за дверью в прихожей послышались шаги.

Тут я вспомнил, что, когда я приезжал сюда прошлой ночью, звонок был испорчен. Он еле держался и завихлялся у меня под пальцем, когда я пытался звонить. Но сейчас он был в полной исправности, окно было закрыто, а в прихожей звучали шаги, направлявшиеся к двери.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась девушка в строгом черно-белом одеянии горничной.

Я прирос к месту, вытаращив на нее глаза.

Горничная стояла неподвижно, выжидающе, с дерзким видом смотря на меня.

— Я надеялся увидеть мистера Этвуда,— наконец выдавил я.

— Не будете ли вы так любезны войти в дом, сэр? — спросила она.

Я вступил в вестибюль: тут тоже произошли большие перемены. Прошлой ночью дом казался заброшенным, везде лежал толстый слой пыли, а стоявшая здесь мебель была закрыта чехлами. Сейчас он приобрел вполне жилой вид. Пыль исчезла, деревянные панели и кафельные плитки пола сверкали чистотой. В сиротливом одиночестве стояла пустая старинная вешалка для одежды, а рядом с ней — зеркало в рост человека, блестевшее после недавнего мытья.

— Позвольте вашу шляпу и пальто, сэр,— сказала горничная.— Мадам в кабинете.

— Но Этвуд? Ведь это Этвуд...

— Мистера Этвуда здесь нет, сэр.

Она взяла у меня из рук шляпу и приготовилась принять пальто.

Я снял его и отдал ей.

— Пожалуйста сюда, сэр,— пригласила она.

Дверь была открыта, и, переступив порог, я очутился в комнате, вдоль стен которой с пола до потолка сплошными рядами поднимались заставленные книгами полки. У окна за письменным столом сидела блондинка, с которой я познакомился в баре, та самая, что вручила мне карточку, на которой было написано: «Мы покупаем все».

— Добрый день, мистер Грейвс,— произнесла она.— Рада вас видеть.

— Этвуд сказал мне...

— К сожалению, мистер Этвуд нас покинул.

— И вы, конечно, замените его.

Ледяное спокойствие и запах фиалок. Белокурая богиня отлично уживалась в ней с опытной секретаршей. И вдобавок она была еще существом из другого мира и крошечной, безупречно выполненной куколкой, которую я вчера держал в руках.

— Вас это удивляет, мистер Грейвс?

— Нет,— ответил я.— Сейчас нет. Возможно, раньше это меня поразило бы. Но не теперь.

— Вы пришли поговорить с мистером Этвудом. Мы надеялись, что вы придете. Нам нужны такие люди, как вы.

— Как рыбке зонтик,— заметил я.

— Вы не присядете, мистер Грейвс? И прошу вас, оставьте этот шутливый тон.

Я опустился на стул как раз напротив нее, по эту сторону стола.

— Как же мне себя вести? — спросил я.— Что, по-вашему, я должен потерять самообладание и зарыдать?

— От вас не требуется никакого особого поведения,— ответила она.— Пожалуйста, будьте самим собой, и только. Давайте побеседуем так, словно оба мы люди.

— К которым вы, естественно, не относитесь.

— Совершенно верно, мистер Грейвс.

Мы сидели, глядя друг на друга, и мне было дьявольски неловко. На ее бесстрастном лице не дрогнул ни один мускул: прекрасное каменное лицо идола.

— Будь вы человеком иного склада,— произнесла она,— я попыталась бы заставить вас забыть, что я не принадлежу к человеческому роду. Но, думаю, с вами это не пройдет.

Я покачал головой.

— Мне тоже жаль, что это так,— сказал я.— Поверьте, я искренне сожалею об этом. Мне больше всего хотелось бы считать вас человеческим существом.

— Мистер Грейвс, если бы я была человеком, то из всех доставшихся на мою долю комплиментов этот был бы самым приятным.

— А разве вы не человек?

— Пожалуй, я все равно расцениваю это как комплимент.

Я пристально посмотрел на нее. Меня озадачили не только ее слова, но и тон, которым она их произнесла.

— А вдруг в вас все-таки есть что-то человеческое?..— проговорил я.

— Нет,— сказала она.— Не будем себя обманывать, ни вы, ни я. В сущности, вы должны меня ненавидеть, полагаю, что так оно и есть. Хотя, может статься, ваша ненависть не столь уж интенсивна. А мне, по идее, полагалось бы испытывать к вам глубочайшее презрение, однако я погрешу против истины, если скажу, что я вас презираю. И тем не менее я считаю, что в нашей беседе мы оба должны по возможности проявить некоторое благоразумие.

— А к чему вам быть благоразумной по отношению ко мне? Есть же много других...

— Но вы ведь знаете о нас, мистер Грейвс,— сказала она.— Вы и еще несколько человек. И таких людей очень-очень мало. Вы бы удивились, узнав, как мало их наберется во всем мире.

— И я должен держать язык за зубами.

— Право, мистер Грейвс, уж кто-кто, а вы на этом собаку съели. На сегодняшний день сколько нашлось человек, готовых выслушать вас?

— Один-единственный,— признался я.

— И это наверняка девушка. Вы любите ее, а она любит вас.

Я кивнул.

— Вот видите,— сказала она.— Вам поверил только один человек, и то ваша возлюбленная.

— Пожалуй, вы правы.

Я чувствовал себя последним идиотом.

— Тогда перейдем к делу,— сказала она.— Предположим, мы дадим вам возможность заключить наивыгоднейшую сделку. Если б вы о нас не знали, мы бы не обратились к вам с этим предложением, но, поскольку вы достаточно осведомлены, нам терять нечего.

— Сделку? — тупо переспросил я.

— Ну конечно,— подтвердила она.— Вы получите... как это у вас называется? Акции на правах с учредителями. Я правильно выразилась?

— Но, может, в подобной сделке...

— Послушайте, мистер Грейвс. У вас не должно быть никаких иллюзий. Я подозреваю, что они еще сохранились у вас, но вам необходимо с ними расстаться. У вас нет никакой возможности нас остановить. Нас ничто не может остановить. Просто потому, что операция слишком далеко продвинулась. Предположим, было время, когда вам удалось бы справиться с нами. Но оно прошло. Уверяю вас, мистер Грейвс, уже слишком поздно.

— Но если уже слишком поздно, зачем вам тогда тратить на меня энергию?

— Вы можете нам пригодиться,— ответила она.— Вы можете кое-что для нас сделать. Когда в один прекрасный день люди разберутся в том, что над ними сотворили, они возмутятся. Разве не так, мистер Грейвс?

— Милочка,— сказал я,— ты и наполовину не представляешь, что тогда поднимется.

— Но, как вы понимаете, мы хотим избежать неприятностей. Или, по крайней мере, свести их до минимума. Что касается нравственной и правовой стороны вопроса, то мы чувствуем под собой твердую почву, неукоснительно соблюдая все законы, выработанные вашим собственным обществом. Мы не нарушили ни одного предписания, и нам не хотелось бы, чтобы нас вынудили прибегнуть к карательным мерам. Я уверена, что люди тоже предпочли бы без этого обойтись, потому что, должна вам сказать, это может принести им немало страданий. Мы хотим довести выполнение своего плана до конца и заняться

чем-нибудь другим. И, насколько это в нашей власти, мы хотим завершить операцию как можно спокойнее. В этом-то вы и можете быть нам полезны

— С какой это стати я буду вам помогать?

— Мистер Грейвс,— произнесла она,— вы окажете этим услугу не только нам, но и всему человеческому роду. Любые ваши действия, которые помогут сгладить трения во время завершения операции, пойдут на пользу не только нам, но и вашим соплеменникам. Потому что, как бы они себя ни вели, в конечном итоге судьба их от этого не изменится. А какой им смысл подвергать себя бесполезным мучениям, если они все равно обречены? Теперь рассмотрим следующий момент: вы специалист по распространению разного рода информации...

— Не такой уж я специалист, как вам кажется,— перебил я.

— Но вы знакомы с методами и технической стороной дела. Вы можете убедительно писать...

— Есть люди, которые пишут гораздо более убедительно.

— Но у нас в распоряжении именно вы, мистер Грейвс.

Тон, которым это было сказано, мне не понравился.

— Стало быть, вы хотите, чтобы я успокаивал людей? Убаюкивал их колыбельными песенками?

— Да, и еще в меру своих возможностей вы будете советовать нам, как следует реагировать на ту или иную ситуацию. Можете назвать это должностью консультанта.

— Но вы ведь сами все знаете. Не хуже меня.

— Вам, наверно, кажется, мистер Грейвс, что мы усвоили человеческие взгляды во всей их полноте. Что мы можем думать и действовать как люди. А ведь дело обстоит совсем не так. Мы, конечно, разбираемся в том, что вы называете бизнесом. И мы изучили его весьма досконально. Мы отлично поднаторели в вашем законодательстве. Однако многое осталось неизученным из-за недостатка времени. Мы знаем только одну сторону человеческой натуры — то, как она реагирует на торговые сделки. А в остальном наши сведения о людях очень ограничены. Мы, к примеру, отчетливо не представляем себе реакцию людей, когда они узнают правду.

— Что, страшновато, да? — спросил я.

— Нет, мы ничего не боимся. Мы готовы при случае проявить необходимую жестокость. Но на это потребуется время. А мы хотим закончить все как можно быстрее.

— О'кей. Предположим, я буду писать для вас. А что это даст? Кто напечатает мои статьи? Каким образом они дойдут до людей?

— Вы только пишите,— произнес этот белокурый айсберг.— А остальное мы берем на себя. Мы донесем ваши статьи до людей. Мы сумеем их распространить. Это уже не ваша забота.

Меня охватил страх. Пожалуй, с легкой примесью злобы. Но в основном это был страх. Потому что только сейчас я по-настоящему осознал, насколько неумолимы и беспощадны эти пришельцы. Они не знали, что такое мстительность, они не знали ненависти. Едва ли их можно было считать врагами в нашем понимании этого слова. Они были губительной, злой силой, и их не могли пронять никакие мольбы. Просто-напросто их ничто не трогало. Земля для них была не более чем предметом собственности, а люди — пустым местом.

— Вы предлагаете мне стать предателем своего племени? — сказал я.

Впрочем, произнося эту фразу, я прекрасно сознавал, что слово «предатель» для них лишь бессмысленное сочетание звуков. И хотя, по всей вероятности, им известно, что оно означает, они абсолютно не способны понять его истинного смысла. Потому что их этика не может иметь ничего общего с этикой человеческого рода; возможно, что у них есть свои нравственные установки, но они так же недоступны нашему пониманию, как наши недоступны для них.

— Давайте рассмотрим этот вопрос с практической точки зрения,— произнесла она.— Мы предлагаем вам выбрать одно из двух. Либо вы остаетесь с людьми и делите с ними их общую судьбу, либо вы переходите на нашу сторону куда с большей для себя выгодой. Если вы отклоните наше предложение, мы не очень от этого пострадаем. Если же вы его примете, вы в значительной степени облегчите существование самому себе и — правда, в несколько меньшей степени — своим соплеменникам. Лично вы от этого выиграете, а род человеческий, поверьте мне, ничего не потеряет.

— А где гарантия, что вы не нарушите слова?

— Сделка есть сделка,— отрезала она.

— Полагаю, что вы отвалите мне за это солидную сумму?

— Очень солидную,— сказала она.

Откуда ни возьмись появился кегельный шар и покатился по полу. Он остановился футах в трех от стула, на котором я сидел.

Девушка встала и вышла из-за письменного стола. Она остановилась у угла стола, устремив взгляд на кегельный шар.

Шар вдруг стал полосатым — покрылся тончайшими, как на дифракционной решетке, полосками. Потом он начал по этим линиям расщепляться. Он расщепился и из черного стал зеленым — и вот вместо кегельного шара на полу уже лежала кучка банкнотов.

Я не вымолвил ни слова. У меня язык прилип к гортани.

Она нагнулась, подняла одну бумажку и подала ее мне.

Я взглянул на нее. Девушка ждала. А я все разглядывал банкнот.

— Что вы скажете, мистер Грейвс? — спросила она.

— *Это похоже на деньги,— ответил я.*

— Это и есть деньги. Откуда же еще, по-вашему, мы берем их?

— И вы еще утверждаете, что соблюдаете наши законы,— заметил я.

— Я вас не понимаю.

— Вы нарушили один закон. Самый важный из всех. Деньги — это мерило человеческого труда: стоимость построенной человеком дороги, написанной им картины или количества часов, которые он проработал.

— Это деньги,— сказала она.— А нам только это и нужно.

Она снова наклонилась и сгребла всю кучу бумажек. Положила на стол и принялась складывать их стопками.

Я понял, что дальнейшие объяснения бесполезны — она все равно ничего не поймет. Ее нельзя было обвинить в цинизме. Или в мошенничестве. Она просто не могла этого понять: пришельцы слабо разбирались в подобных вопросах. Деньги для них были не символом, а изделием. Только этим, и ничем больше.

Она сложила деньги в аккуратные стопки. Потом нагнулась и подобрала несколько бумажек, отлетевших в сторону, когда она поднимала с пола ворох банкнотов. Положила их в одну из стопок.

Бумажка, которую я держал в руке, была стоимостью в двадцать долларов, как и большинство остальных, насколько я мог судить; впрочем, там были и десятидолларовые билеты, и кое-где в стопках проглядывали пятидесятидолларовики.

Она сложила все стопки в одну пачку и протянула ее мне.

— Это ваше,— сказала она.

— Но ведь я еще не дал...

— Будете вы работать на нас или нет, они ваши. А вы хорошенько подумайте над тем, что я вам сказала.

— Ладно,— согласился я.— Подумаю.

Я встал и взял у нее деньги. Распихал их по карманам. Карманы от них раздулись.

— Придет день,— сказал я, похлопывая себя по карманам,— когда от них не будет никакого проку. Наступит время, когда на них нечего будет купить.

— Когда настанет этот день,— сказала она,— их заменит что-нибудь другое. Вы будете обеспечены всем, что вам тогда понадобится.

Я стоял и думал, но почему-то думал я только о том, что теперь мне есть чем расплатиться с шофером такси. За исключением этой мысли, голова моя была абсолютно пуста. Безмерная гнусность этой беседы начисто выпотрошила меня — остались лишь ощущение полного поражения и мысль о том, что я теперь могу расплатиться с шофером.

Я знал, что должен поскорее унести отсюда ноги. Должен покинуть этот дом, прежде чем меня захлестнет сокрушительный шквал эмоций. Должен уйти, пока во мне не взбунтовалось человеческое достоинство. Я должен уехать, выбрать место и время и все как следует обдумать. А пока пусть они считают, что я согласен стать их союзником.

— Благодарю вас, мисс,— сказал я.— Сдается мне, что я не знаю вашего имени.

— У меня нет имени,— сказала она.— Мне незачем было иметь имя. Имена нужны были только таким, как Этвуд.

— Тогда благодарю вас еще раз,— произнес я.— Я обдумаю ваше предложение.

Она повернулась и вышла в прихожую. Горничной нигде не было видно. Я заметил, что гостиная, расположенная по ту сторону прихожей, сверкала чистотой и была заставлена мебелью. Любопытно, подумал я, много ли тут настоящей мебели и какую часть ее составляют превратившиеся в предметы обстановки кегельные шары?

Я взял с вешалки шляпу и пальто.

Она открыла парадную дверь.

— Хорошо, что вы зашли,— сказала она.— С вашей стороны это было очень разумно. Хочу верить, что это не последний ваш визит.

Выйдя на крыльцо, я не увидел своего такси. На его месте стоял длинный белый «кадиллак».

— Я приехал на такси,— сказал я.— Должно быть, оно ждет на дороге.

— Мы расплатились с шофером,— сказала девушка,— и отослали машину. Такси вам больше не понадобится.

Она прочла на моем лице недоумение.

— Эта машина принадлежит вам,— объяснила она.— Если вы будете на нас работать...

— А бомбу подложить не забыли? — поинтересовался я.

Она вздохнула:

— Ну как мне заставить вас понять? Ладно, придется говорить прямо, без обиняков. Пока вы можете быть нам полезны, вам не грозит никакая опасность. Сослужите нам эту службу, и с вами никогда не случится ничего дурного. Вы будете под нашей опекой до конца ваших дней.

— А Джой Кейн? — спросил я.

— Если пожелаете, то и Джой Кейн тоже.

Она в упор посмотрела на меня своими ледяными глазами.

— Но только попробуйте помешать нам, только попробуйте нас обмануть...

И она издала звук, напоминающий звук ножа, вонзающегося в горло.

Я пошел к машине.

Глава 31

Я остановил машину на окраине города в местном торговом центре и направился в аптеку, чтобы купить газету. Меня интересовало, удалось ли Гэвину раздобыть какие-нибудь сведения об исчезнувших из банков деньгах.

Я-то теперь мог бы раскрыть ему глаза на то, что с ними произошло. Но он, как и все остальные, не стал бы меня слушать. Я мог бы прийти в редакцию, сесть за свой стол и написать потрясающую статью, такую, какой еще не видывал мир. Но это было бы пустой тратой времени. Ее бы не напечатали. Для печати она была бы слишком экстравагантной. А даже если б ее все-таки опубликовали, ей никто бы не поверил. Или

почти никто. Разве что горстка каких-нибудь душевнобольных. А это не в счет.

Прежде чем выйти из машины, я в поисках десятидолларовой бумажки разворошил лежавшую в кармане пиджака пачку денег. Но оказалось, что в пачке нет даже пятидолларовых или долларовых купюр.

И пока я рылся в этих бумажках, мне захотелось узнать, сколько у меня сейчас денег. Не потому, что это было так уж важно. Просто из чистого любопытства.

Ведь через несколько недель, а может даже и дней, деньги начнут терять ценность. А вскоре после этого обесценятся полностью. Они превратятся в бесполезные бумажки. Ими нельзя будет питаться, их нельзя будет носить вместо одежды, и они не укроют человека от ветра и непогоды. Ибо они были — и были таковыми испокон веков — всего лишь изобретенным человеком орудием, с помощью которого он строил свою своеобразную цивилизацию. По сути дела, они значили не больше, чем бороздки на рукоятке пистолета или бессмысленные закорючки, начерченные мелом на стене. Во все времена они были не более чем хитроумными фишками.

Я вошел в аптеку, взял газету из пачки, лежавшей на табачном прилавке,— и с фотографии на первой странице на меня глянула улыбающаяся и счастливая морда Пса.

Тут не могло быть никаких сомнений. Я узнал бы его при любых обстоятельствах. Он сидел перед объективом — само дружелюбие,— а за его спиной возвышалось здание Белого дома.

Заголовок напечатанной под фотографией статьи окончательно подтвердил мою догадку. В нем сообщалось, что *говорящая собака хочет нанести визит президенту.*

— Мистер,— спросил продавец,— вы купите эту газету?

Я дал ему билет в десять долларов, и он недовольно хмыкнул:

— А у вас не найдется денег помельче?

Я ответил, что не найдется.

Он отсчитал мне сдачу, я запихнул ее вместе с газетой в карман и пошел назад, к машине. Я хотел прочесть статью, но по какой-то необъяснимой причине, которую я даже не пытался понять, мне хотелось прочесть ее, сидя в машине, где меня никто не побеспокоит.

Статья была написана остроумно, пожалуй, даже чуточку остроумнее, чем следовало бы.

В ней рассказывалось о псе, которому захотелось встретиться с президентом. Прежде чем его успели остановить, он проскочил в ворота и попробовал проникнуть в Белый дом, но охранники выставили его за дверь. Уходил он неохотно, пытаясь по-своему, по-собачьи, объяснить, что в его намерения не входило учинять беспорядки, но он был бы весьма признателен, если бы ему дали возможность повидаться с президентом. Он сделал еще две попытки пробраться в здание, и кончилось тем, что охранники вызвали по телефону собачника.

Приехал собачник и забрал пса, который пошел с ним довольно охотно, без внешних признаков озлобления. А вскоре собачник вместе с псом вернулся. Он спросил охранников, а не устроить ли все-таки псу свидание с президентом. По словам собачника, пес объяснил ему, что у него есть к главе государства дело чрезвычайной важности.

После этого охранники снова отправились к телефону, и спустя немного времени за собачником приехали и отвезли его в больницу, где он в настоящее время находится под наблюдением врачей. Псу, однако, разрешили остаться, и один из охранников в предельно выразительной форме объяснил ему, насколько с его, пса, стороны смешно надеяться на встречу с президентом.

Пес, как сообщалось в статье, был вежлив и вел себя очень прилично. Он сидел перед Белым домом и не доставлял никаких хлопот. Даже не гонял по газону за белками.

«Автор этих строк,— писалось далее,— сделал попытку поговорить с ним. Мы задали ему несколько вопросов, но он молчал как убитый. Только улыбался».

И вот он собственной персоной, как живой глядел на меня с первой страницы — эдакий лохматый, симпатичный бездельник, которого никому и в голову не придет принимать всерьез.

Впрочем, и автор статьи, и все остальные не так уж виноваты, подумал я. И впрямь, что может быть фантастичнее лохматого говорящего пса? А если призадуматься, этот пес своей безмерной нелепостью ничуть не уступает банде кегельных шаров, собравшихся завладеть Землей.

Если б людям грозила опасность зримая, связанная, например, с кровопролитием, войной, ее бы поняли. Но нынешняя опасность не обладала этим качеством и именно поэтому была еще страшнее.

Стирлинг говорил о существе, которое не зависит от окружающих его условий,— именно такими и были эти пришельцы.

Они могли приспособиться ко всему; они могли принять любую форму; они могли усвоить и использовать в своих интересах любой образ мышления; для достижения своих целей они могли извратить принципы любой экономической, политической или социальной системы. Они обладали безграничной гибкостью; они приспособились бы к любым условиям, которые могли быть созданы с целью их уничтожения.

И вполне возможно, сказал я себе, что на Земле сейчас орудует не множество кегельных шаров, а одна гигантская особь, способная делиться на несметное количество частей и с той или иной целью принимать самые разнообразные формы, оставаясь при этом единым организмом, которому известно все, чем занимаются его отдельные составные элементы.

«Каким же способом можно уничтожить подобное существо? — спросил я себя.— Как оказать ему сопротивление?»

Однако если это действительно был единый исполинский организм, некоторые его аспекты не поддавались объяснению. Почему, скажем, в усадьбе «Белмонт» вместо Этвуда ждала меня девушка без имени?

Мы о них ничего не знали, и у нас уже не осталось времени на их — или его — изучение. А человеку подобные сведения пошли бы на пользу, ибо не приходилось сомневаться, что цивилизация этого врага во многих отношениях так же сложна и своеобразна, как и цивилизация человечества.

Они могли превращаться во что угодно. Они, наверное, могли — правда, в каких-то пределах — предвидеть будущее. Они затаились в засаде и будут сидеть в засаде до последнего. А вдруг, спросил я себя, человечество погибнет, так и не узнав причины своей гибели?

А я — как мне следовало тогда себя повести?

Швырнуть им в лицо их деньги, бросить им вызов — это было бы чисто человеческой реакцией. И возможно, сделать это было бы совсем не трудно. Но, как я помнил, в тот момент меня настолько сковал страх, что я просто неспособен был тогда на подобный поступок.

Я вдруг с удивлением понял, что думаю о них как о «них», а не как о «нем» или о «ней», не так, как об Этвуде или девушке, у которой не было имени, потому что она в нем никогда не нуждалась. А не значит ли это, спросил я себя, что их маскировка под людей не так уж совершенна, как это кажется с первого взгляда?

Я сложил газету, бросил ее рядом с собой на сиденье и скользнул за руль.

Сейчас не время для героических подвигов, подумал я. Сейчас человек должен делать все, что в его силах, как бы ни выглядели его поступки. Если я, прикинувшись их союзником, сумею выведать у них какие-нибудь сведения, хоть отчасти проникнуть в их сущность и эти сведения помогут человечеству, тогда есть смысл этим заняться. А если когда-нибудь дело дойдет до того, что мне придется писать для пришельцев пропагандистские статьи, не сумею ли я вставлять в эти статьи не предусмотренные ими фразы, на которые они не обратят внимания и не поймут, но которые будут кристально ясны для читателей-людей?

Я завел мотор, включил передачу, и машина влилась в поток уличного движения. Это была прекрасная машина. Самая лучшая из всех, которые мне когда-либо случалось водить. И, несмотря на ее происхождение, несмотря ни на что, я вел ее с гордостью.

Подъехав к мотелю, я увидел, что машина Куинна по-прежнему стоит перед его блоком, но к ней сейчас прибавилось еще две — их припарковали около других блоков. Я понял, что вскоре мотель будет заселен полностью. Люди будут въезжать во двор и спрашивать у старожилов, как они сюда вселились. А те посоветуют вновь прибывшим воспользоваться ломом или молотком, а то и сами вынесут этот лом или молоток и помогут им взломать дверь. Люди, по крайней мере на первых порах, будут держаться вместе. Будут помогать друг другу в беде. Это уже позже они разбредутся в разные стороны и каждый в одиночку пойдет своим собственным путем. А потом они, быть может, вновь объединятся, поняв, что сила людей — в их единстве.

Когда я вылез из машины, на пороге своего блока показался Куинн и пошел мне навстречу.

— Ну и машина же у вас,— сказал он.

— Это машина одного моего приятеля,— объяснил я ему.— Хорошо выспались?

Он улыбнулся.

— Так мы не спали уже много недель. Жена очень довольна. Это, конечно, не бог весть что, но у нас давным-давно не было и такого жилья.

— Я вижу, что мы обзавелись соседями.

Он кивнул.

— Они приехали и принялись меня расспрашивать. И я им все объяснил. А потом я вышел и по вашему совету купил оружие. Чувствовал себя несколько глупо, но ведь вреда от него не будет. Хотел купить винтовку, но удалось достать только дробовик. В общем-то, один черт. Я ведь не снайпер.

— Это все, что вам удалось достать? — спросил я.

— Я заходил в три лавки. Ни в одной из них не нашлось никакого оружия. В четвертой оказался этот дробовик. Вот я и купил его.

Итак, подумал я, люди уже начали скупать пистолеты. Перепуганные насмерть люди чувствуют себя в большей безопасности, имея под рукой оружие. Пожалуй, еще немного — и достать его будет совершенно невозможно.

Он опустил глаза и стал чертить по земле носком ботинка.

— Произошло что-то непонятное,— проговорил он.— Я не рассказал об этом жене — к чему ей лишние переживания. Я тут поехал за продуктами и по дороге изменил маршрут, чтобы проехать мимо нашего дома — того, что мы продали. С тех пор как мы покинули его, я ни разу не проезжал по той улице. Ни я, ни моя жена. Она частенько говорила мне, что ей хочется взглянуть на дом, но так и не решилась туда съездить — это было бы для нее слишком тяжко. Так вот, сегодня я все-таки проехал мимо него. И увидел, что он пуст, как в тот день, когда мы из него выехали. И хотя прошло совсем немного времени, он уже выглядит запущенным. С тех пор как они заставили нас съехать, прошел месяц, а в него еще никто не вселился. Они тогда заявили, что он им нужен позарез. Что им необходимо немедленно вступить во владение. А оказывается, он им совсем не нужен. Как по-вашему, в чем тут дело?

— Не знаю,— ответил я.

Я-то сумел бы ему все объяснить. Возможно, так и следовало сделать. Мне очень хотелось с ним поделиться. Ведь он мог поверить моему рассказу. Его смягчили недели мытарств и невзгод, он был подготовлен к тому, чтобы поверить. И видит бог, как я нуждался в том, чтобы мне кто-нибудь поверил — кто-нибудь, кто смог бы разделить со мной тесную каморку страха и отчаяния.

Но я не сказал ему ни слова — это ничего бы не дало. По крайней мере, на сегодняшний день для него было гораздо луч-

ше не знать правды. У него еще была надежда — ведь он пока мог приписывать все эти события каким-то неполадкам в экономике. Неполадкам, природу которых он, конечно, не понимал, но которые, как ему казалось, не выходили за пределы нормы, а раз так, то человеку по силам было с ними справиться.

Другое же — соответствующее истине — объяснение лишит его этой надежды, лицом к лицу столкнет с неведомым. И он ударится в панику.

Вот если б мне удалось открыть глаза миллиону людей, среди этого миллиона наверняка нашлось бы несколько человек, способных спокойно и трезво оценить обстановку и встать во главе остальных. А сообщить такое небольшой группке жителей одного-единственного города было попросту бесцельно.

— Это бессмысленно,— произнес Куинн.— Все это совершенно бессмысленно. Я не спал всю ночь, пытаясь найти какой-то ответ, но разобраться в этом невозможно. Однако я вышел к вам не из-за этого. Мы приглашаем вас и вашу жену с нами пообедать. Обед у нас не ахти какой, но есть жаркое и найдется что выпить. Посидим, поболтаем.

— Мистер Куинн,— сказал я.— Джой мне не жена. Мы всего лишь двое людей, которых свела жизнь.

— Вот как,— сказал он.— Прошу прощения. Я просто предположил, что это ваша жена. Право же, это ничего не значит. Надеюсь, я не смутил вас.

— Нет, нисколько,— сказал я.

— И вы с нами пообедаете?

— Как-нибудь в другой раз,— ответил я.— Спасибо за приглашение. Но у меня масса дел.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Грейвс,— произнес он,— вы что-то от меня скрываете. То, о чем вы намекнули прошлой ночью. Вы сказали, что повсюду одно и то же, что бежать некуда. Откуда вам это известно?

— Я репортер,— объяснил я.— Собираю материал для статьи.

— И вы кое-что знаете?

— Не очень-то много.

Он ждал, но я больше ничего не сказал. Он покраснел и повернулся, чтобы уйти.

— До свидания,— буркнул он и двинулся к своему блоку.

Я его за это не осудил. Я чувствовал себя последним подлецом.

Я вошел в блок — он был пуст. Джой еще не вернулась из редакции. Видно, Гэвин всучил ей какую-нибудь работу.

Я вытащил из карманов большую часть денег и засунул их под свой матрац. Тайник весьма примитивный и не слишком надежный, но об этих деньгах никто не знал, и я был спокоен за их сохранность. Все равно их нужно было куда-нибудь спрятать. Не мог же я оставить их на виду.

Я взял винтовку и отнес ее в машину.

Потом я занялся тем, что собирался сделать с того самого момента, когда отъезжал от усадьбы «Велмонт».

Я осмотрел машину. Всю целиком. Я поднял капот и проверил мотор. Подлез под нее и тщательно изучил ее снизу. Я не пропустил ни единой мелочи.

И когда я покончил с осмотром, у меня не осталось ни малейшего сомнения.

Она была тем, чем ей и полагалось быть. Это была дорогая, но совершенно ординарная машина. Она ничем не отличалась от других машин ее класса. В ней не оказалось ни одной лишней детали, ни одна деталь не отсутствовала. Я не обнаружил ни бомбы, ни какой-нибудь явной неисправности. Я мог поклясться, что это не результат совместных усилий кучки кегельных шаров, слившихся воедино, чтобы создать из себя имитацию машины. Передо мной были самые настоящие сталь, стекло и хром.

Я стоял рядом с машиной, похлопывая ее по крылу, и размышлял над тем, что мне делать дальше.

«А не позвонить ли сенатору Роджеру Хиллу еще раз?» — подумал я. «Позвони мне, когда протрезвишься,— сказал тогда он.— Позвони завтра, если у тебя еще будет что рассказать».

Я был трезв и по-прежнему мог ему кое-что рассказать.

Я отлично знал, что он на это ответит, но тем не менее я должен был позвонить ему еще раз.

И я отправился в тот маленький ресторан, чтобы заказать разговор с сенатором.

Глава 32

— Паркер,— сказал сенатор,— хорошо, что ты позвонил.

— Так может, ты теперь выслушаешь меня? — спросил я.

— Разумеется,— своим приторным тоном промолвил сенатор,— если только ты не станешь опять нести околесицу о нашествии пришельцев.

— Но, сенатор...

— Могу поставить тебя в известность,— прервал меня сенатор,— что назревает большой скандал — ты, конечно, понимаешь, что это не подлежит оглашению.

— Я так и предполагал,— сказал я.— Стоит тебе заговорить о каком-нибудь событии, представляющем интерес, как всегда оказывается, что это не для оглашения.

— Так вот, скандал разразится в понедельник утром, когда откроется биржа. Мы не знаем, как это получилось, но в банках не хватает денег. И заметь, не в каком-нибудь одном банке, а почти во всех, черт их дери. Ни один из них не может свести баланс. Каждый банк собрал сегодня в сверхурочное время своих служащих, чтобы выяснить, куда делись все эти деньги. Но это еще не самое скверное.

— А что же тогда самое скверное?

— Это деньги,— сказал сенатор.— Вначале их было слишком много. Невероятно много. Если сложить все деньги, имевшиеся в банках в пятницу утром, то получится такая огромная сумма, которая вообще не имеет права на существование. Уверяю тебя, Паркер, что такого количества денег не наберется во всех Соединенных Штатах.

— Но их там больше нет.

— Верно,— согласился сенатор,— их там больше нет. Насколько нам известно, сумма оставшихся денег приблизилась к средней норме.

Я ждал продолжения и в наступившей на секунду тишине услышал глубокий вздох, словно он боролся с удушьем.

— И кое-что еще,— произнес он.— Слухи. Всевозможные слухи. Каждый час что-нибудь новое. А проверить их невозможно.

— Что за слухи?

Он заколебался, потом сказал:

— Помни, что это строго между нами.

— Можешь не сомневаться.

— Прошел слушок, что кто-то — никто толком не знает, кто именно,— захватил контроль над «Юнайтед стейтс стил» и несколькими другими корпорациями.

— Одни и те же лица?

— Ей-богу, не знаю, Паркер. Я вообще не представляю, есть ли в этих слухах хоть капля правды. Выслушаешь одно, а через минуту тебе преподносят что-нибудь другое.

Он помолчал и немного погодя спросил:

— Паркер, а ты-то что об этом знаешь?

Я мог бы ему кое-что рассказать из того, что я знал, но понимал, что этого делать нельзя. Он бы только обозлился и послал меня к черту — на этом бы все и кончилось.

— Я могу дать тебе один совет,— сказал я.— Могу посоветовать, что ты должен сделать.

— Надеюсь, это что-нибудь путное?

— Издай закон.

— Если б мы издавали каждый закон...

— Закон,— продолжал я,— против частной собственности. Любой частной собственности. Составь его так, чтобы ни один человек не имел права владеть ни футом земли, ни промышленным предприятием, ни граммом руды, ни домом...

— Ты что, спятил?! — взорвался сенатор.— Да разве можно издать подобный закон! Такого и в мыслях не должно быть.

— А пока ты будешь разрабатывать его, придумай какой-нибудь заменитель денег.

Сенатор что-то бессвязно пролепетал.

— Потому что,— добавил я,— существующие законы дают возможность пришельцам купить Землю. Если вы оставите все как есть, Земля перейдет в их полное владение.

Сенатор обрел дар речи.

— Паркер,— взвизгнул он,— ты свихнулся! Всякое мне приходилось выслушивать, но подобную белиберду я слышу впервые в жизни.

— Если ты мне не веришь, пойди и спроси у Пса.

— Какого еще пса? При чем тут пес, дьявол тебя побери?

— Того, что сидит перед Белым домом. И ждет, когда его пустят к президенту.

— Паркер,— рявкнул он,— не смей мне больше звонить! У меня и без твоих бредней голова раскалывается. Не знаю, что у тебя на уме, но больше мне не звони. Если это шутка...

— Это не шутка,— сказал я.

— До свидания, Паркер,— сказал сенатор.

— До свидания, господин сенатор,— отозвался я.

Я повесил трубку и, не выходя из будки, попытался собраться с мыслями.

Я понял, что надеяться больше не на что. С самого начала сенатор был моей единственной надеждой. Из всех знакомых мне государственных деятелей только он был наделен вообра-

жением, но, видно, недостаточным, чтобы прислушаться к моим словам.

Я сделал все, что в моих силах, подумал я, но ничего не добился. Быть может, если б я действовал по-другому, если б я прибегнул к какому-нибудь иному способу, мне повезло бы больше. Но человек может сказать такое о любом своем поступке. Наперед никогда не угадаешь. Дело сделано, и никто не может знать заранее, чем все обернется.

Теперь уже ничего не остановит машину, пущенную в ход пришельцами. И, видимо, все произойдет гораздо быстрее, чем я предполагал. Утро понедельника принесет с собой панику на Уолл-стрит, и вслед за этим начнет разваливаться экономика. Первую трещину в нашей финансовой системе даст торговля, а отсюда эта трещина быстро расползется в разные стороны, и за одну неделю мир будет ввергнут в хаос.

А ведь, скорее всего, пришельцы уже знают о моем звонке сенатору, подумал я, и спину мне обдало холодом. Быть того не может, чтобы они тем или иным способом не контролировали систему связи. И несмотря на то что я, по их расчетам, должен сейчас обдумывать их предложение, они все равно узнают, что я звонил сенатору.

Этого я не учел. Голова была забита другими мыслями. Впрочем, если б я вспомнил об этом раньше, вероятно, я все равно позвонил бы ему.

А вероятнее всего, это вообще не имело для них особого значения. Возможно, они предвидели, что, до того как я соглашусь на их предложение, я еще немного побарахтаюсь. А может быть, этот звонок, еще раз доказавший всю безнадежность моих попыток им помешать, по их понятиям, еще крепче меня с ними свяжет, окончательно убедив меня в том, что всякое сопротивление бесполезно.

Оставались ли еще какие-нибудь неиспользованные возможности? Какой-нибудь иной подход к этим событиям, который дал бы лучшие результаты? И вообще, способен ли человек сделать хоть что-нибудь?

Я мог, скажем, позвонить президенту, вернее, мог попытаться позвонить ему. Но я не строил на этот счет иллюзий. Я понимал, как мало шансов на то, что мне удастся с ним переговорить. В особенности сейчас, когда на плечи президента легло тягчайшее бремя: за всю историю страны ни один государственный деятель не сталкивался с подобными трудностями.

Поговорите с Псом, сказал бы я ему, если б меня с ним соединили. Поговорите с Псом, который ждет вас на улице.

Но это не пройдет. Хоть бейся головой о стену.

Я сложил оружие. Мне не везло с самого начала. И не было на свете человека, которому бы в этом повезло.

Я достал монету и опустил ее в прорезь.

Набрал номер редакции и попросил к телефону Джой.

— Все в порядке? — спросила она.

— В полнейшем. Когда ты приедешь домой?

— Не знаю,— сердито ответила она.— Этот зараза Гэвин все время находит для меня работу.

— А ты возьми да уйди.

— Ты же знаешь, что я не могу этого сделать.

— Ну ладно. Где бы тебе хотелось сегодня поужинать? Можешь выбрать ресторан подороже. Я купаюсь в деньгах.

— Откуда у тебя деньги? Ведь твой чек у меня. Я его получила для тебя.

— Джой, поверь, у меня денег навалом. Где ты хочешь поужинать?

— Давай останемся дома,— предложила она.— Приготовим себе что-нибудь поесть. В ресторанах сейчас такая давка.

— Бифштексы? А еще что? Я пока выйду и все куплю.

Она сказала, что купить.

И я отправился за покупками.

Глава 33

Я шел к машине, прижимая к себе огромный бумажный пакет с продуктами, которые я купил, выполняя заказ Джой.

Я оставил машину на другом конце стоянки при магазине самообслуживания, а пакет весил немало, да и продукты в нем были уложены кое-как, а две консервные банки — одна с кукурузой, другая с компотом из персиков — уже начали прорывать в днище дыру, норовя выскочить наружу.

Я шел вдоль стоянки, стараясь шагать поосторожнее, чтобы уберечь пакет от лишних толчков, и, судорожно обхватив его обеими руками, честно пытался помешать ему развалиться окончательно.

До машины я добрался благополучно, хотя был уже на грани катастрофы. Проделав акробатический этюд из репертуара

«человека-змеи», я открыл дверцу и швырнул мешок на сиденье. Тут он наконец разорвался, вывалив на сиденье кучу всевозможных бакалейных товаров.

Мне пришлось основательно поработать обеими руками, чтобы сдвинуть всю эту груду на другой конец сиденья и освободить себе место за рулем.

Если б не возня с разорванным пакетом, я, наверно, заметил бы это сразу, но я увидел это только тогда, когда уже сидел в машине и протянул руку, чтобы вставить ключ в замок зажигания.

И тут это бросилось мне в глаза — сложенный пополам в виде палатки листок бумаги, который стоял над приборным щитком, закрывая собой часть ветрового стекла. А на листке большими печатными буквами было написано одно-единственное слово: «ПОДЛЕЦ!»

Чтобы вставить ключ в замок, я подался вперед, да так и остался, уставившись на эту бумажку с лаконичным посланием.

Мне не пришлось ломать голову над тем, кто мог ее здесь оставить. У меня на этот счет не было никаких сомнений. Точно я это знал, точно я видел собственными глазами, как он клал ее сюда — некий псевдочеловек, некое скопление кегельных шаров, принявших человеческий облик и сообщавших мне, что они знали о моем звонке сенатору, знали, что я предам их при первом же удобном случае. Возможно, они не питали ко мне злобы и мой поступок не особенно их встревожил, но не исключено, что он вызвал у них отвращение — а может, и разочарование.

Короче, какие-то соображения заставили их поставить меня в известность, что они следят за мной и мне не удастся обвести их вокруг пальца.

Я вставил ключ в замок и включил мотор. Потом протянул руку, взял эту бумажку, скомкал ее и выбросил в окошко. Если они следили за мной — а я полагал, что так оно и было,— этот жест дал им понять, что я о них думаю.

Ребячество? Конечно. Ну и что? Плевать я на это хотел. Сейчас мне было наплевать на все.

Проехав три квартала, я заметил позади себя машину. Это была самая заурядная машина, черная, не из дорогих. Даже не знаю, почему я обратил на нее внимание. В ней не было ничего особенного. Машины такого цвета, такой модели и степени изношенности видишь по сто раз на день.

Вероятно, я заметил ее, потому что заметил бы любую машину, которая, идя сзади, замедлила бы ход одновременно с моей.

Я проехал еще два квартала — она шла за мной как привязанная. Я сделал несколько поворотов — она не отставала.

Теперь уже было ясно, что это слежка, и довольно-таки грубая.

Я направил машину к окраине города, черная машина попрежнему двигалась за мной, отстав на полквартала. Беззастенчиво, даже не пытаясь как-то скрыть, что она меня преследует. Возможно, умышленно действуя в открытую — только для того, чтобы держать меня в постоянном напряжении.

И, продолжая путь, я спросил себя, стоит ли мне тратить усилия, чтобы отделаться от этого преследователя. Я не видел в этом особого смысла. Что с того, если даже я избавлюсь от него? Ведь я от этого мало что выиграю. Они подслушали мой разговор с сенатором. Они наверняка знали, где находится моя, с позволения сказать, штаб-квартира. Для них не проблема меня найти, если я им когда-нибудь понадоблюсь.

Но если б мне удалось внушить им, будто я ни о чем не догадываюсь, у меня, возможно, появилось бы некоторое преимущество. Незатейливый, дешевый способ — на всякий случай прикинуться дурачком.

Я выехал за городскую черту, пустил машину по одному из ведущих на запад шоссе и слегка прибавил скорость. Я оторвался от своего преследователя, но не намного.

Впереди дорога, извиваясь, поднималась по склону холма и круто сворачивала на его вершине. Я вспомнил, что за поворотом вскоре начинался проселок. Движение там было небольшое, и, если б мне повезло, я, может быть, успел бы юркнуть на боковую дорогу и скрыться из виду до того, как черная машина одолеет этот поворот.

Поднимаясь на холм, я снова выиграл какое-то расстояние и, когда та машина скрылась за поворотом, включил полную скорость. Впереди дорога была пуста, и, домчавшись до перекрестка, я с силой нажал на тормоз и резко крутанул руль. Машина прижалась к земле, как животное, готовящееся к прыжку. Задние колеса немного занесло, взвизгнули шины; через секунду я уже был на проселочной дороге, выровнял машину и дал газ.

Дорога шла по холмам — один крутой склон за другим, а между ними лощины.

И, уже поднявшись на вершину третьего холма, я в зеркальце заднего вида заметил на вершине второго черную машину.

Это было как гром с ясного неба. Не потому, что это имело какое-то существенное значение,— просто я был настолько убежден, будто отделался от нее, что это здорово ударило по моей самоуверенности.

И вывело из себя. Если эта ничтожная тварь...

Тут я заметил тропинку. Видно, то была старая, давно заброшенная колея, проходившая через рощицу и сплошь заросшая сорняками, и, охраняя ее, низко свисали ветви деревьев, словно эти ветви пытались скрыть от людского глаза едва заметные следы проходившей здесь некогда дороги.

Я резко повернул руль, и машина, содрогнувшись, перевалила через неглубокую канавку. Ветви тут же заслонили ветровое стекло и заскребли по металлической обшивке.

Я ехал вслепую, колеса то и дело подскакивали на старой, почти стершейся колее. Наконец я затормозил и вылез из машины.

Позади ветви деревьев свисали почти до земли, и машина вряд ли была видна с дороги.

Я улыбнулся, поздравив себя с этой мизерной победой.

Я был уверен, что на этот раз оставил преследователя с носом.

Я ждал. Черная машина взлетела на вершину холма и с ревом ринулась по дороге вниз. В послеполуденной тишине ее мотор тарахтел на всю округу. Еще немного, и не миновать ей капитального ремонта.

Она спустилась с холма; раздался резкий скрип тормозов. Они все скрипели и скрипели, пока наконец машина не остановилась.

Меня опять уложили на обе лопатки, подумал я. Так или иначе, но они усекли, что я здесь.

Судя по всему, они решили отбросить церемонии. Что ж, как аукнется, так и откликнется.

Я открыл дверцу и достал с заднего сиденья винтовку. Взвесил на руке, и ее тяжесть вселила в меня уверенность. С секунду я соображал, насколько эффективна винтовка против подобных

существ, потом вспомнил, как рассыпался Этвуд, когда я полез в карман за пистолетом, и как там, к северу от города, покатилась вниз по склону холма машина, стоило мне открыть по ней огонь.

Сжимая в руке винтовку, я крадучись пошел вдоль колеи. Если мой преследователь отправится меня искать — а он обязательно так и сделает,— ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он нашел меня в том месте, где, по его расчетам, я должен находиться.

Я двигался в притихшем, безмолвном мире, благоухавшем всеми ароматами осени. Над тропинкой переплелись унизанные багровыми листьями стебли ползучих растений, и нескончаемым дождем медленно и плавно падали расцвеченные холодом листья, струясь сквозь лабиринт ветвей. Я ступал почти бесшумно, только порой слегка похрустывали и шуршали под подошвами сухие листья. Образовавшийся за долгие годы многослойный ковер из опавших листьев и мха поглощал все звуки.

Я вышел из рощицы и прокрался вдоль опушки на вершину холма. Я нашел там пламенеющий куст сумаха и присел за ним на корточки. Куст еще не расстался со своими глянцевитыми красными листьями, и я оказался в идеальной засаде.

Склон подо мной спускался к крошечному ручейку — тоненькой струйке воды, которая бежала в ложбине между холмами.

Роща, изогнувшись, отступала к дороге, и передо мной расстилалась бурая от засохшего сорняка поверхность склона с кое-где вкрапленными в нее пылающими факелами кустов сумаха.

Вдоль ручья шел какой-то мужчина; потом он повернул и стал взбираться по склону, направляясь прямо ко мне, как будто он знал, что я прячусь за кустом. Это был невзрачного вида сутуловатый субъект в низко надвинутой на лоб старой фетровой шляпе и черном костюме, который даже на расстоянии выглядел сильно поношенным.

Глядя себе под ноги, он шел прямо на меня. Словно хотел показать, что не видит меня, знать не знает, что я где-то поблизости. Не спеша, он неуклюжей походкой ковылял вверх по склону, не отрывая глаз от земли.

Я поднял винтовку и просунул ствол сквозь занавес из алых листьев. Прижал приклад к плечу и взял на мушку опущенную голову взбиравшегося на холм человека.

Он остановился. Словно знал, что на него нацелена винтовка; остановился, вскинул голову и завертел ею по сторонам. Потом он выпрямился, подобрался и, изменив направление, пошел по склону к маленькому, заросшему травой болотцу.

Я опустил винтовку, и в этот миг моих ноздрей коснулась струя отвратительного зловония.

Я принюхался, чтобы определить, что это за запах, и у меня не осталось никаких сомнений. Где-то поблизости, на склоне холма, находился рассерженный скунс.

Я усмехнулся. Так ему и надо, подумал я. Так ему и надо, этому проклятому кретину.

Теперь он уже двигался быстрее, пробираясь к болоту через островок высокой, по пояс, травы,— и вдруг он исчез.

Я протер глаза и снова взглянул в ту сторону — его не было.

Он мог споткнуться и упасть в траву, рассудил я, однако меня не оставляло ощущение, что я вижу такое не впервые. То же самое произошло на моих глазах в подвале усадьбы «Белмонт». Этвуд сидел тогда передо мной на стуле, и в мгновение ока стул опустел, а по полу покатились кегельные шары.

Я не заметил, как это произошло, хотя смотрел на него в упор. Я никак не мог пропустить это и тем не менее ничего не увидел. В какой-то момент Этвуд еще присутствовал, а в следующий — вместо него появились кегельные шары.

Именно это и произошло сейчас, при ярком свете послеполуденного осеннего солнца. Только что по пояс в траве шел человек, и вдруг его не стало. Он бесследно исчез.

Держа наготове винтовку, я осторожно встал во весь рост и окинул взглядом склон холма.

Смотреть там было не на что, если не считать колыхавшейся травы, и она колыхалась только в одном месте — там, где исчез человек. Вся остальная растительность на склоне была недвижима.

Запах скунса все настойчивее лез мне в ноздри, волной поднимаясь снизу по склону холма.

А там творилось нечто дьявольски странное.

Трава продолжала колыхаться, словно в том месте что-то бешено металось по земле, но не было слышно ни звука. Стояла мертвая тишина.

Я двинулся вниз по склону, по-прежнему держа наготове винтовку.

И внезапно у меня в кармане что-то закопошилось, пытаясь выбраться наружу. Как будто туда раньше забралась мышь или крыса и сейчас рвалась на свободу.

Я инстинктивно схватился за карман, но эта штуковина уже вылезла из него. Она оказалась меленьким черным шариком, вроде тех мягких резиновых мячиков, которые дают играть малышам.

Он высунулся из кармана, увильнул от моих пальцев, упал на землю и какими-то сумасшедшими зигзагами покатился к тому месту, где колыхалась трава.

Я стоял как вкопанный, глядя ему вслед и пытаясь сообразить, что это такое. И вдруг я понял. Это были деньги. Та их часть, что лежала у меня в кармане,— часть тех денег, которые я получил в усадьбе «Белмонт».

Теперь они вновь превратились в шар и мчались туда, где исчез тот, другой, оборотень, на время принявший человеческий облик.

Я издал вопль и, отбросив всякую осторожность, бегом бросился к островку колыхавшейся травы.

Потому что там что-то происходило, и я должен был выяснить, что именно.

Скунсом воняло нестерпимо, и я невольно начал уклоняться в сторону и тут краем глаза увидел, что там делается.

Я остановился и стал смотреть, толком ничего не понимая.

Там, в траве, как одержимые, в самозабвенном экстазе скакали кегельные шары. Они крутились волчком, катались взад и вперед, подпрыгивали в воздух.

И с этого травянистого островка поднимался тошнотворный, слезоточивый, сводящий скулы запах, оставленный растревоженным скунсом.

Я не выдержал. Давясь и отплевываясь, я пустился наутек.

И на пути к машине я подумал — без особого, правда, душевного подъема,— что наконец нашел трещину в, казалось бы, неуязвимой броне кегельных шаров.

Глава 34

Пес говорил, что они питают слабость к запахам. Завладев Землей, они обменяют ее на партию каких-то запахов. Запахи — это их жизненный стимул, единственный источник наслаждения. Они их ценят превыше всего.

И здесь, на Земле, у подножия разукрашенного осенью холма, на заросшем травой болотце, они нашли запах, который их пленил,— ведь только так можно было истолковать их исступленные прыжки. Запах, который, видимо, обладал для них такой притягательной силой, что заставил их отказаться от выполнения стоявшей перед ними задачи, какова бы ни была ее цель.

Я сел в машину, дал задний ход, выехал на дорогу и поехал обратно в сторону главного шоссе.

По-видимому, другие ароматы Земли не обладали для кегельных шаров особой привлекательностью, подумал я, но вонь скунса свела их с ума. И хотя лично мне это казалось бессмысленным, я вполне допускал, что в этом мог быть определенный смысл для кегельного шара.

Должен быть какой-то способ, сказал я себе, который даст возможность человеческому роду использовать эту новую информацию в своих интересах, способ, с помощью которого мы сумеем извлечь выгоду из этой любовной интрижки кегельных шаров со скунсами.

Я мысленно перенесся во вчерашний день, когда Гэвин поместил на первой странице газеты статью Джой о ферме, где разводят скунсов. Но в этом случае речь шла о других скунсах.

Мои мысли разбегались кругами и каждый раз ни с чем возвращались к исходной точке. И, подводя итог этим бесплодным размышлениям, я подумал, что можно прийти в бешенство, если эту открытую мною слабость пришельцев не удастся обратить на пользу человечеству.

Ибо, насколько я понимал, это был наш единственный шанс. Во всем остальном они взяли нас за горло мертвой хваткой, поставив в совершенно безвыходное положение.

Но если и была какая-то возможность извлечь из этого пользу, мне она в голову не приходила. Если б нас было много, если б я не был так одинок, меня, быть может, осенила бы какая-нибудь идея. Но со мной была только Джой.

Я въехал в пригород; боюсь, я не уделял должного внимания своим обязанностям водителя. Я остановился у светофора, задумался и не заметил, как красный свет сменился зеленым.

До меня это дошло только тогда, когда мимо пролетело такси с высунувшимся из окошка взбешенным шофером.

— Дубина! — крикнул он мне.

Он прибавил еще кое-какие словечки, вероятно позабористей, чем «дубина», но я их не расслышал — сзади раздраженно засигналили другие машины.

Я поскорее оттуда убрался.

Но зато теперь я кое-что знаю, подумал я. Есть одна возможность. Быть может, это пустой номер, но, по крайней мере, хоть какая-то идея.

Всю дорогу до мотеля я рылся в памяти и в конце концов нашел это — имя того шофера такси, что с таким воодушевлением расписывал охоту на енотов.

Я въехал во двор мотеля, поставил машину перед блоком и остался сидеть в ней, пытаясь как-то собраться с мыслями.

Спустя несколько минут я вылез из машины и отправился в ресторан. Закрывшись в будке, я отыскал в телефонной книге имя Ларри Хиггинса и набрал номер.

Мне ответил женский голос, и я попросил позвать к телефону Ларри. Потом я ждал, пока она ходила за ним.

— Хиггинс слушает.

— Быть может, вы помните меня,— сказал я,— а может, и нет. Я тот, кого вы подвезли вчера вечером к «Уэллингтон Армз». Вы еще рассказывали мне про охоту на енотов.

— Мистер, про охоту на енотов я рассказываю всем, кто не затыкает уши. Что поделаешь, есть у меня такая страстишка.

— Но говорили не только вы. Мы оба обсуждали это. Я рассказал вам, что иногда охочусь на уток и фазанов, и вы предложили мне как-нибудь вместе поохотиться на енотов. Вы сказали...

— Погодите,— перебил он,— теперь я припоминаю. Конечно же, я вас помню. Я посадил вас у бара. Но сегодня с охотой ничего не выйдет. Мне сегодня в ночь работать. Вам повезло, что вы меня застали. Я уже уходил.

— Но я не...

— Можно же договориться на какой-нибудь другой день. Завтра воскресенье. Как насчет завтрашнего вечера? Или во вторник? Во вторник вечером я не работаю. Скажу вам, мистер, это куда веселее...

— Но я звоню по другому вопросу.

— Вы что, не хотите поохотиться? Уверяю вас, стоит вам только попробовать...

— Как-нибудь вечерком мы это обязательно организуем,— сказал я.— В один из ближайших вечеров. Я вам позвоню, и мы назначим день.

— О'кей. Звоните в любое время.

Он уже собрался положить трубку, и я поспешно проговорил:

— Но у меня есть к вам еще одно дело. Вы тогда рассказали мне о старике, который приручает скунсов.

— Ага, о том старикашке, что с большими вывихами. Даю вам честное слово...

— Вы можете мне объяснить, как его найти?

— Как его найти?

— Да. Как мне до него добраться?

— Хотите его навестить, так, что ли?

— Да, я не прочь с ним повидаться. Хочу с ним потолковать.

— О чем?

— Да как вам сказать...

— Послушайте, дело вот в чем. Может, я тогда сболтнул лишнего. Он добрый и безобидный старикан. Мне не хотелось бы, чтобы его беспокоили. Ведь над такими, как он, народ любит потешаться.

— Вы говорили мне,— сказал я,— что он пытается написать книгу.

— Ну, говорил.

— И что ему это не по зубам. Вы же так сами сказали. Да еще пожалели, что он никогда эту книгу не напишет, не справится. Так вот, я писатель, и мне пришло в голову, что, может быть, если ему немного помочь...

— Стало быть, вы собираетесь предложить ему помощь?

— За некоторое вознаграждение,— сказал я.

— Ему нечем вам платить.

— Ему и не придется. Я мог бы написать для него эту книгу, если у него есть материал. А потом мы бы поделили гонорар.

Хиггинс призадумался.

— Ладно, пожалуй, это подойдет. Ведь при том, как он ее пишет, он вообще не выручит за эту книгу ни цента. Ему и впрямь нелишне помочь.

— О'кей. Так как же мне его найти?

— Я мог бы вас как-нибудь вечерком свозить к нему.

— Если можно, я бы хотел встретиться с ним сегодня. Завтра я уезжаю.

— Ладно уж, будь по-вашему. Сдается мне, что худа от этого не будет. У вас там есть карандаш и бумага?

Я ответил, что есть.

— Его имя — Чарли Манз, но соседи зовут его Пустомелей. Вы выезжаете из города по двенадцатому шоссе и...

Я записал под его диктовку адрес. Поблагодарил его, когда он кончил.

— Как-нибудь позвоните мне,— сказал он,— и мы сообразим насчет охоты.

Я пообещал.

Я достал другую монету и позвонил в редакцию. Джой еще была там.

— Ты купил продукты, Паркер?

Я сказал, что купил, но мне придется снова уехать.

— Я занесу все в блок,— добавил я.— Ты случайно не знаешь, работает ли холодильник?

— Наверно, работает,— ответила она. И тут же спросила: — Куда это ты собрался, Паркер? Голос у тебя взволнованный. Что случилось?

— Мне нужно встретиться с одним человеком по поводу скунсов.

Ей показалось, что я решил подшутить над ее вчерашней статьей, и она обиделась.

— Ничего подобного,— заверил я ее.— Это чистая правда. В долине, вверх по течению реки, живет один старик по имени Манз. Быть может, это единственный в мире человек, который приручает диких скунсов.

— Ой врешь.

— А вот и нет,— сказал я.— Мне о нем прожужжал уши один разговорчивый шофер такси, которого зовут Ларри Хиггинс.

— Паркер,— произнесла она,— ты что-то затеваешь. Ты ведь ездил в усадьбу «Белмонт». Там что-нибудь произошло?

— Ничего особенного. Они сделали мне одно предложение, и я обещал подумать.

— Какое предложение?

— Предложили стать их агентом по печати и рекламе. Кажется, это так называется.

— И ты собираешься его принять?

— Не знаю,— ответил я.

— Мне страшно,— проговорила она.— Еще страшнее, чем прошлой ночью. Я хотела поговорить об этом с Гэвином, я хотела поговорить с Дау. Но у меня язык не повернулся. Что толку в таком разговоре? Нам ведь никто не поверит.

— Ни одна душа на свете,— согласился я.

— Я приеду домой. И очень скоро. Пусть Гэвин подсовывает мне какую угодно работу, все равно я сбегу отсюда. Ты ведь ненадолго, правда?

— Ненадолго,— пообещал я.— Я отнесу продукты в блок, и ты сразу принимайся за готовку.

Мы попрощались, и я пошел назад, к машине.

Я перетащил продукты в блок, поставил молоко, масло и еще кое-что в холодильник. Остальное разложил на столе. Потом я выгреб из-под матраса остаток денег и набил ими карманы.

Покончив со всеми этими делами, я поехал к старику, чтобы побеседовать с ним.

Глава 35

По совету Хиггинса я поставил машину на задворках фермерской усадьбы, чуть в стороне от ворот, которые вели к сараям, чтобы она не загораживала проход, если кому-нибудь понадобится войти или выйти. Поблизости никого не было, только откуда-то выскочила, виляя хвостом, улыбающаяся деревенская дворняжка, чтобы неофициально поприветствовать меня радостными прыжками.

Я похлопал ее по спине, сказал ей что-то, и она увязалась за мной, когда я вошел в ворота и зашагал через задний двор. Но у лаза в изгороди из колючей проволоки, за которой начиналось поле клевера, я остановился и попросил ее вернуться обратно. Мне не хотелось брать ее с собой к старику, чтобы не нарушить этим душевный покой теплой компании дружелюбных скунсов.

Она подчинилась не сразу. Она убеждала меня, что нам лучше отправиться бродить по полю вдвоем. Но я настаивал на ее возвращении, я шлепнул ее по заду, чтобы придать больше веса своим словам, и в конце концов она побежала обратно, оглядываясь через плечо в надежде, что я смягчусь.

Когда она скрылась из виду, я пошел через поле вдоль проложенной телегами колеи, которая едва проглядывала сквозь густой ковер клевера. Из-под ног у меня вылетали поздние осен-

ние кузнечики и, сердито жужжа, скачками рассыпались по полю.

Я добрался до конца поля, пролез через дыру в другой изгороди и, по-прежнему держась полустершейся колеи, зашагал дальше по заросшему молодыми деревцами пастбищу. Солнце клонилось к западу, и перелесок был исчерчен тенями, а в лощине самозабвенно веселились белки, кувыркаясь в опавшей листве и молнией взлетая на деревья.

Дорога сбегала вниз по склону холма, пересекая лощину, взбиралась на другой холм, и там, наверху, под широким выступом торчавшей из склона скалы я обнаружил хижину и человека, которого искал.

Старик сидел в кресле-качалке, древнем расшатанном кресле-качалке, которое так скрипело и стонало, словно с минуты на минуту собиралось развалиться на части. Качалка стояла на небольшой площадке, вымощенной плитами местного известняка, которые старик, видно, собственноручно нарезал в высохшем русле некогда протекавшей в долине речки и втащил на холм. Через спинку кресла была переброшена грязная овечья шкура, и от качки передние ножки на шкуре мотались, как кисточки на попоне.

— Добрый вечер, незнакомец,— произнес старик с таким невозмутимым спокойствием, как будто незнакомые люди заглядывали к нему в этот час ежедневно. Тут я сообразил что, вероятно, не застал его врасплох,— он видел, как я спускался по колее с холма и пересекал лощину. Возможно, он наблюдал за мной все время, пока я шел к нему, тогда как я даже не подозревал о его присутствии, не зная, где его нужно высматривать.

Я только сейчас обратил внимание на то, как гармонировала эта хижина со склоном холма и окружавшими ее выходами скальных пород, словно она была такой же неотъемлемой частью этого лесистого пейзажа, как деревья и скалы. Домик был невелик и низок, а бревна, из которых он был сложен, под воздействием непогоды и солнца обесцветились и приобрели какой-то неопределенный оттенок. Рядом с дверью стоял умывальник. На скамье разместились оловянный таз и ведро с водой, из которого торчала ручка ковша. Позади скамьи высилась поленница дров и стояла колода с вонзенным в нее обоюдоострым топором.

— Вы будете Чарли Манз? — спросил я.

— Точно, Чарли Манз — это я,— ответил старик.— А как вам удалось меня найти?

— Мне указал дорогу Ларри Хиггинс.

Он покивал головой:

— Хиггинс хороший человек. Если уж Ларри вас направил сюда, значит, все в порядке.

Когда-то он был крупным, рослым мужчиной, но его обглодали годы. Рубашка свободно болталась на его широких плечах, мятые брюки казались пустыми, что характерно для стариков. Голова его была не покрыта, но благодаря густым, стального цвета волосам создавалось впечатление, будто на нем надета шапка, а лицо заросло короткой и довольно неопрятной бородой. Я никак не мог решить, запускал ли он эту бороду сознательно или просто несколько недель не брился.

Я представился и сказал, что меня интересуют скунсы и мне известно, что он пишет книгу.

— Похоже, вы не прочь присесть и немного поработать языком,— сказал он.

— Если вы не возражаете.

Он встал с кресла и пошел к хижине.

— Садитесь,— сказал он.— Если вы собираетесь у меня немного погостить, вам лучше сесть.

Я огляделся — и боюсь, слишком выразительно,— ища глазами, куда бы мне примоститься.

— Садитесь в кресло,— сказал он.— Я его для вас согрел. Сам я устроюсь на полене. Мне это только на пользу. А то я тут нежусь, почитай, с самого полудня.

Он исчез в хижине, и я опустился в кресло. И, рассевшись в нем, я почувствовал себя последней скотиной, хотя, не сделай я этого, он бы наверняка обиделся.

Кресло оказалось удобным, я мог отсюда созерцать долину и холм напротив — и все это было прекрасно. Землю устилали опавшие, но пока не утратившие своих красок листья, а несколько деревьев еще щеголяло в лохмотьях летних нарядов. По упавшему стволу пробежала белка, остановилась у самого его края, присела и принялась меня разглядывать. Она подергала хвостом, но не выказала ни тени страха.

Меня окружали красота, тишина и такой безмятежный покой, какого я не знал уже много лет. Я начинал понимать, что испытывал старик, коротая в этом кресле долгие часы золоти-

стого послеполудня. Здесь было на что смотреть. Я почувствовал, как на меня нисходят покой и умиротворение, и я даже не вздрогнул, когда из-за угла хижины вразвалку вышел скунс.

Скунс остановился и вытаращил на меня глаза, приподняв изящную переднюю лапу, но немного погодя степенной походкой неторопливо двинулся дальше через двор. Думаю, что он был не особенно велик, но мне он показался очень большим, и я приложил все усилия, чтобы случайно не шевельнуться; у меня не дрогнул ни один мускул.

Из хижины вышел старик. В руке у него была бутылка.

Он увидел скунса и восторженно закудахтал.

— Бьюсь об заклад, что вы здорово струхнули!

— Только в первый момент,— сказал я.— Но я сидел тихо, и он, видно, примирился с моим присутствием.

— Это Феба,— сказал он.— Страсть какая назойливая особа. Шагу нельзя ступить, чтобы на нее не наткнуться.

Он снял с поленницы полено и поставил его на попа. Тяжело опустился на него, откупорил бутылку и протянул ее мне.

— От разговоров пересыхает горло,— сказал он,— а у меня давненько не было компаньона по части выпивки. Сдается мне, мистер Грейвс, что вы человек пьющий.

Стыдно сказать, но я чуть было не облизнулся. За весь день у меня во рту не было ни капли спиртного, и я так закрутился, что у меня даже в мыслях не было пропустить стаканчик, и только сейчас я понял, как он мне необходим.

— Мистер Манз, до сих пор меня знали как человека, который никогда не отказывается от выпивки,— сказал я.— Я не собираюсь опровергать это мнение.

Я запрокинул голову и деликатно отхлебнул из бутылки. Виски было не первого класса, но приятное на вкус. Я обтер рукавом горлышко и передал ему бутылку. Он сделал умеренный глоток, потом вернул ее мне.

Скунсиха Феба подошла к нему, поднялась на задние лапы и положила передние ему на бедро. Он опустил руку и помог ей взобраться к себе на колени. Там она и расположилась.

Зачарованный этой сценой, я настолько забылся, что приложился к бутылке два раза подряд, тем самым опередив своего хозяина на один глоток.

Я отдал старику бутылку, и он сидел теперь с бутылкой в одной руке, а другой почесывал скунса под подбородком.

— По делу вы пришли или просто так,— сказал он,— я все равно рад вам. Я не из тех, кому в тягость одиночество, и на жизнь я не жалуюсь, однако для меня всегда праздник поглядеть на лицо ближнего. Но вас что-то гнетет. Неспроста вы пришли ко мне. Вам хочется снять с души эту тяжесть.

С минуту я молча смотрел на него, и тут у меня в голове созрело важное решение. Ничем не обоснованное, оно шло вразрез со всеми моими планами. Сам не знаю, что меня толкнуло на это: умиротворяющая тишина, царившая на этом склоне, спокойствие старика и удобное кресло или это было вызвано целым комплексом различных причин. Потрать я какое-то время на размышление, едва ли я решился бы на этот шаг. Но некий внутренний импульс, нечто, таившееся в этом предвечернем часе, побудили меня поступить именно так.

— Я обманул Хиггинса, чтобы вытянуть из него ваш адрес,— проговорил я.— Я сказал, что хочу помочь вам написать книгу. Но я больше не желаю лгать. Одной лжи достаточно. Я не стану вас обманывать. Я расскажу вам все как есть.

На лице старика отразилось легкое удивление.

— Помочь мне написать книгу? Это какую, о скунсах?

— Если захотите, я действительно помогу вам, когда со всем этим будет покончено.

— Пожалуй, если уж говорить по справедливости, то кое-какая помощь мне не помешала бы. Но вы сюда пришли не за этим, так ведь?

— Да,— подтвердил я.— Не за этим.

Он сделал основательный глоток и протянул мне бутылку. Я тоже еще разок приложился к ней.

— Порядок, друг,— сказал он.— Я зарядился и готов вас выслушать. Выкладывайте свое дело.

— Только не перебивайте и не останавливайте меня,— попросил я.— Дайте мне договорить до конца. А потом уже задавайте вопросы.

— Я умею слушать,— заметил старик, прижимая к себе бутылку, которую я отдал ему, и ласково поглаживая скунса.

— Возможно, вам будет трудно в это поверить.

— Это уже не ваша забота,— сказал он.— Давайте рассказывайте, а там видно будет.

И я рассказал. Я призвал на помощь все свое красноречие, но при этом ни на шаг не отступил от истины. Я передал все

так, как это было на самом деле, рассказал о том, что знал и что предполагал, о том, как ни один человек не согласился меня выслушать, за что я, впрочем, никого не винил. Я рассказал ему о Джой, о Стирлинге, о Старике и сенаторе, о вице-президенте страховой компании, который не мог разыскать для себя жилья. Я не пропустил ни малейшей подробности. Я рассказал ему все.

Я умолк, и наступила тишина. Пока я говорил, закатилось солнце и лесистые склоны подернулись сумеречной дымкой. Налетел легкий ветерок, повеяло холодом, и в воздухе повис тяжелый запах опавших листьев.

Я сидел в кресле и размышлял о том, какого я свалял дурака. Я загробил свой последний шанс, выболтав ему правду. Я ведь мог иными путями добиться того, чтобы он выполнил мою просьбу. Так нет же, дернуло меня избрать самый трудный путь — честный и правдивый.

Я сидел и ждал. Я выслушаю, что он мне скажет, потом встану и уйду. Поблагодарю его за виски, за то, что он уделил мне время, и в сгущающихся сумерках пройду через лесок и поле к тому месту, где оставил машину. Я вернусь в мотель, Джой будет ждать меня с обедом и надуется на меня за опоздание. А мир будет рушиться, словно никто никогда даже пальцем не шевельнул, чтобы его спасти.

— Вы пришли ко мне за помощью,— раздался в полумраке голос старика.— Скажите же, чем я могу вам помочь.

У меня перехватило дыхание.

— Вы мне верите?!

— Послушайте, незнакомец,— произнес старик,— я еще кое-что соображаю. Да если б то, о чем вы рассказали, не было правдой, вы никогда бы не побеспокоились приехать ко мне. И потом, мне кажется, я чую, когда человек лжет.

Я попытался что-то сказать, но не смог. Слова застряли у меня в горле. Еще немного, и я бы разрыдался — а такого за мной не водилось с незапамятных времен. Я почувствовал, как душу мне переполняют благодарность и надежда.

И все потому, что мне кто-то поверил. Меня выслушало и мне поверило другое человеческое существо, и я перестал быть дураком или полоумным. Через это таинство веры я вновь полностью обрел человеческое достоинство, которое постепенно утрачивал.

— Сколько скунсов,— спросил я,— вы можете собрать сразу?

— Дюжину,— ответил старик.— А может, и полторы. Их тут видимо-невидимо в скалах у гребня холма. Они толкутся здесь всю ночь напролет, приходят, чтобы проведать меня и получить свой кусок.

— А вы могли бы посадить их в ящик и как-нибудь перевезти в другое место?

— Перевезти их в другое место?

— В город,— сказал я.— В центр города.

— У Тома — у хозяина той фермы, где вы оставили машину,— у него есть небольшой грузовичок. Он мог бы мне его одолжить.

— И не стал бы вас ни о чем расспрашивать?

— Ясное дело, что без вопросов тут не обойдешься. Но я найду, что ответить. Он мог бы через лес подогнать грузовик поближе.

— Тогда все в порядке,— сказал я,— об этом-то я и хотел вас просить. Вот как вы можете мне помочь...

И я быстро изложил ему свою просьбу.

— Но мои скунсы?! — испуганно воскликнул он.

— Речь идет о будущем человечества,— ответил я.— Вы же помните, о чем я вам рассказал...

— Но есть еще полицейские. Ведь они тут же схватят меня. Мне не удастся...

— Пусть это вас не тревожит. У нас есть возможность уладить конфликт с полицией. Вот смотрите...

Я полез в карман и вытащил пачку банкнотов.

— Этого хватит на оплату любых штрафов, которые пожелает с вас содрать полиция, и сверх того еще останется немалая сумма.

Он пристально посмотрел на деньги.

— Это те самые бумажки, которые вы получили в усадьбе «Белмонт»?

— Часть тех денег,— подтвердил я.— Кстати, вам лучше оставить их дома. Если вы возьмете их с собой. они могут исчезнуть. Могут превратиться в то, чем они были раньше.

Он согнал с колен скунса и засунул деньги в карман. Потом встал и протянул мне бутылку.

— Когда мне приступать?

— Я могу позвонить этому Тому?

— Само собой, в любое время. Немного погодя я поднимусь к нему и скажу, что жду звонка. А после того как вы позвоните, он уже сможет спуститься сюда поближе на своем грузовике. Я ему все объясню. Правды-то он от меня не услышит, конечно. Но рассчитывать на него можно.

— Спасибо,— проговорил я.— Огромное за все спасибо.

— Давайте угощайтесь,— сказал он.— И верните мне бутылку. Мне самому сейчас очень в жилу лишний глоток.

Я выпил и отдал ему бутылку. Он, пыхтя, влил в себя свою порцию.

— Я немедля принимаюсь за дело,— объявил он.— Через часок-другой скунсы будут собраны.

— Я позвоню Тому,— сказал я.— Сперва вернусь в город и разведаю обстановку. А потом позвоню Тому — кстати, как его фамилия?

— Андерсон,— ответил старик.— К тому времени я уже успею с ним поговорить.

— Еще раз спасибо, старина. До скорого.

— Хотите еще выпить?

Я отрицательно потряс головой:

— Мне работать.

Я повернулся и зашагал вниз по окутанному сумерками склону, потом поднялся по едва различимой колее, которая привела меня к полю клевера.

Когда я приблизился к тому месту, где оставил машину, в окнах фермерской усадьбы уже горел свет, но на заднем дворе было пустынно и тихо.

Пока я шел к машине, из мрака вдруг раздалось рычание. Звук этот был настолько ужасен, что у меня на голове волосы стали дыбом. Меня точно молотом ударило, я похолодел, и тело мое как-то сразу обмякло. Страх и ненависть слышались в этом рычании, и к его звуку примешивался скрежет зубов.

Я протянул руку к машине и схватился за ручку дверцы: рычание не стихало — безудержное, захлебывающееся рычание, яростное клокотание, которое рвалось из горла, почти не смолкая.

Я распахнул дверцу машины, упал на сиденье и захлопнул ее за собой. Снаружи нескончаемыми руладами разливалось рычание.

Я завел мотор и включил фары. Конус света выхватил из мрака исторгавшее рычание существо. Это была та самая при-

ветливая деревенская дворняжка, которая так обрадовалась моему приезду и набивалась мне в попутчики. Но сейчас от ее приветливости не осталось и следа. Шерсть у нее на загривке ощетинилась, а морду рассекала белая полоса оскаленных зубов. В ярком свете фар глаза ее сверкали зеленым огнем. Выгнув спину и поджав хвост, она медленно попятилась в сторону, уступая мне дорогу.

От ужаса у меня перехватило дыхание, и я с силой нажал на акселератор. Застонав, тронулись с места колеса, и, проскочив мимо собаки, машина рванулась вперед.

Глава 36

Когда я впервые увидел ее, она была приветливой и веселой собачонкой. В тот момент я ей пришелся по душе. Я тогда немало повозился, чтобы заставить ее остаться дома.

Что же произошло с ней за несколько коротких часов?

Или правильнее будет спросить, что произошло со мной?

И пока я ломал себе голову над этой загадкой, по спине у меня прохаживались чьи-то влажные мохнатые лапы.

Может, причиной этому была темнота, подумал я. При свете дня она оставалась дружелюбной дворнягой, а с наступлением ночи превращалась в свирепую сторожевую собаку, охранявшую хозяйское добро.

Но такое объяснение было притянуто за уши. Я был уверен, что дело тут не только в этом.

Я взглянул на приборный щиток — часы на нем показывали четверть седьмого. Сейчас я поеду в мотель и позвоню Гэвину и Дау, чтобы узнать последние новости. Не потому, что я ожидал услышать о каких-нибудь переменах,— просто мне нужно было убедиться, что все по-старому. После этого я позвоню Тому Андерсону, и колеса завертятся; дело сделано, а там будь что будет.

Кролик перебежал дорогу перед самой машиной и нырнул в заросшую травой канаву у обочины. На западе, где небосклон блеклой зеленью расписало гаснущее зарево заката, летела стайка птиц, казавшихся на фоне высветленной полосы неба гонимыми ветром хлопьями сажи.

Я подъехал к главному шоссе, приостановил машину, потом тронулся дальше, свернув направо, к городу.

По моей спине больше не разгуливали существа влажными холодными лапами, и я уже начинал забывать о собаке. У меня вновь потеплело на душе от сознания того, что мне кто-то поверил,— неважно, что это был всего-навсего чудаковатый старик, похоронивший себя в лесной глуши. Впрочем, не исключено, что никто на свете не мог бы оказать мне большую помощь, чем этот чудаковатый старик-отшельник. Возможно, от него будет гораздо больше толку, чем от сенатора, или Старика, или любого другого человека. В том случае, если план будет выполнен, если он преждевременно не сорвется.

Холодные влажные лапы убрались с моей спины, но теперь у меня зачесалось ухо. Черт бы его побрал, с раздражением подумал я, вот уж некстати!

Я захотел снять руку с руля, чтобы почесать ухо,— и не смог. Она точно приклеилась к нему, прилипла, и я не в состоянии был ее отодрать.

Сперва я подумал, что либо мне это померещилось, либо я что-то недопонял: я собирался поднять руку, но мне это почему-то не удалось — произошла какая-то странная заминка в мозгу или отказали мышцы. Что само по себе, если оставить это без внимания, могло привести к страшным последствиям.

И я сделал еще одну попытку. Мышцы руки напряглись до предела, но рука не сдвинулась с места, и меня обдало налетевшей из мрака волной ужаса.

Я попробовал другую руку — она тоже не поддавалась. И тут я увидел, что у руля появились отростки, которые наручниками обхватили мне руки и приковали их к рулю.

Я с силой надавил на тормозную педаль, сознавая при этом, что жму на нее слишком сильно. Никакого результата. Словно тормоза не было и в помине. Машина не дрогнула. Она продолжала нестись вперед, как будто я даже не коснулся тормозной педали.

Я нажал снова — тормоза не работали.

Но если они отказали, машина все равно должна была постепенно сбавить скорость, раз я снял ногу с акселератора — даже если б я не нажал на тормозную педаль. Но машина не замедлила хода. Она по-прежнему шла со скоростью шестьдесят миль в час.

Я понял, в чем дело. Я понял, что произошло. Как понял и то, почему рычала собака.

Это была не машина; это была подделка, созданная пришельцами!

Чужеродное сооружение, которое захватило меня в плен, которое могло стать для меня местом пожизненного заключения, которое по своему желанию могло завезти меня куда угодно, которое могло сотворить все, что ему заблагорассудится.

Я яростно рванул к себе руль, пытаясь высвободить руки, и невольно крутанул колесо на сто восемьдесят градусов; я мгновенно вернул его в исходное положение, и меня прошиб пот при мысли о том, к чему мог привести такой поворот руля на скорости шестьдесят миль в час.

Но тут до меня дошло, что руль-то я действительно повернул, а на ходе машины это не отразилось, и я понял, что теперь могу со спокойной душой вертеть руль в любую сторону. Потому что машина полностью вышла из-под моего контроля. Она не подчинялась ни тормозам, ни рулю, ни акселератору.

А иначе и не могло быть. Это же была не машина. Не машина, а нечто иное, нечто иное и страшное.

Но я был убежден, что раньше это была настоящая машина. Это сооружение было машиной еще сегодня к вечеру, когда преследовавшее меня существо рассыпалось на склоне холма от зловонной струи скунса. Оно-то рассыпалось, а машина уцелела; она не превратилась в сотню кегельных шаров, ринувшихся к болотцу, чтобы пуститься в пляс, упиваясь этим смрадом.

Потом машину подменили — скорее всего, в те последние часы, которые я провел у хижины, рассказывая Чарли Манзу свою историю. Ведь когда я въехал во двор, собака не протестовала против машины; она рычала на нее уже в темноте, когда я вернулся.

В мое отсутствие кто-то в этой машине въехал во двор фермерской усадьбы — не в машине, а в ловушке, в которую я сейчас попался,— оставил ее там и уехал на настоящей. Проделать это было несложно, ведь, когда я вернулся, во дворе не было ни души. А если б даже в тот момент кто-нибудь находился поблизости, такая замена вполне могла пройти незамеченной или, самое большее, вызвать у этого свидетеля только легкое недоумение.

Вначале машина была настоящей; конечно же, она была настоящей. Ведь они, вероятно, предвидели, что я тщательно осмотрю ее, и, возможно, боялись, что я сумею обнаружить

какой-нибудь дефект в конструкции. А рискнуть они не решились — они непременно должны были обеспечить для меня ловушку. Но, видно, они рассудили, что после того, как я осмотрю машину, после того, как я удостоверюсь в ее подлинности, ее можно заменить безо всякой опаски, поскольку, удовлетворившись этим осмотром, я выброшу из головы все сомнения.

Вполне вероятно, что их возможности были ограничены, и они это отлично понимали. Самое большое, на что они были способны,— это копировать внешний вид предметов. И возможно, что даже в этом у них случались кое-какие промашки. Взять хотя бы ту машину, которую я обстрелял на дороге,— ее единственная фара находилась в центре ветрового стекла. Но та машина была, конечно, сляпана наспех. Они могли работать гораздо лучше и, видимо, отдавали себе в этом отчет, но тем не менее, наверно, не были до конца уверены в своей компетентности или боялись, что существуют какие-нибудь неизвестные им способы, с помощью которых можно распознать подделку.

Поэтому они действовали наверняка. И их осторожность окупилась сполна. Теперь я был в их власти.

Я сидел беспомощный, объятый страхом перед этой своей беспомощностью, прекратив всякое сопротивление, потому что был убежден, что никакие физические усилия не освободят меня от этой машины. Для этого могли существовать иные пути, без применения силы, и я мысленно прикинул, что тут можно сделать. Я, скажем, мог бы попытаться завязать с машиной разговор — на первый взгляд, это, конечно, бред, но все же не лишенный определенного смысла, поскольку это была не машина, а враг, который, несомненно, сознавал мое присутствие. Но я эту идею отверг, так как не был уверен в том, что машина, которая, возможно, услышит меня, снабжена говорящим устройством и сумеет мне ответить. А подобный односторонний разговор смахивал бы на мольбу; мне показалось бы, что мои слова с презрением игнорируются, и я почувствовал бы себя униженным. А я, невзирая на свое незавидное положение, был далек от того, чтобы о чем-то умолять или унижаться.

Я, конечно, испытывал сожаление, но не по отношению к себе. Я жалел о том, что мой план провалился, что теперь все пойдет прахом и что мой выход из игры лишает меня единственного слабого шанса на победу над пришельцами.

Нам встречались другие машины, и я криками пытался привлечь их внимание, но окна моей машины были закрыты, так же, видимо, как и окна тех, других, и меня никто не услышал.

Так мы проехали несколько миль, потом машина снизила скорость и свернула на другую дорогу. Я попытался определить, где мы находимся, но я давно уже не следил за путевыми знаками и не смог сориентироваться. Дорога, узкая и извилистая, петляла в густом лесу, порой огибая огромные скалистые бугры, которые выпячивались из плоской равнины.

Глядя на придорожный пейзаж, я не то чтобы понял, скорее догадался, куда мы держим путь. Я присмотрелся повнимательней и пришел к убеждению, что моя догадка правильна. Мы ехали к усадьбе «Белмонт», возвращались туда, где все это началось, где они поджидают меня,— наверное, разгневанные, со зловеще поджатыми губами, если подобные существа способны испытывать гнев и зловеще поджимать губы.

Естественно, что это был конец всему. На этом можно было поставить точку. Если, конечно, где-то в другом месте над этой проблемой не бьется кто-нибудь еще — и бьется один на один, потому что этому человеку никто не верит. А ведь такое вполне возможно, сказал я себе. И ему может повезти в том, в чем я окончательно потерпел неудачу.

В глубине души я сознавал, как мало на это шансов, но то была моя единственная надежда, и в полете фантазии я ухватился за нее и попытался внушить себе, что это правда.

Машина свернула за поворот, но недостаточно круто, и перед нами вдруг возник густой частокол деревьев.

Колеса сошли с дороги, и мы устремились прямо на деревья. Передок машины ушел вниз, и она, задрав бампер, нырнула со склона.

Внезапно она исчезла, и я оказался в воздухе один, без машины, окруженный тьмой с летящими навстречу мне деревьями.

Я успел издать один-единственный вопль ужаса, прежде чем вмазался в дерево, которое, казалось, стремительно налетело на меня из мрака.

Глава 37

Я окоченел от холода. Мне в спину дул ледяной ветер, и кругом была непроглядная тьма, хоть глаз выколи. Я лежал на чем-то сыром и холодном, все тело у меня разрывалось от боли,

а откуда-то из темноты неслись странные, тоскливые звуки, похожие на плач.

Я попытался шевельнуться, но от движения боль усилилась, и я больше не двигался — так и остался лежать в холоде и сырости. Меня не интересовало, кто я и где нахожусь,— не все ли равно. Я слишком устал и слишком страдал от боли, чтобы беспокоиться об этом.

Немного погодя плач и сырость куда-то исчезли, и мое сознание заволокло тьмой, а потом спустя долгий период времени я вновь стал самим собой, вокруг по-прежнему было темно, а холод даже усилился.

Я снова шевельнулся и снова ощутил боль, но я все-таки протянул руку с растопыренными пальцами, пытаясь до чего-то дотянуться, что-то отыскать, схватить. И когда пальцы сомкнулись, я зажал в кулаке что-то знакомое на ощупь, что-то мягкое и бесформенное.

Мох и опавшие листья, подумал я. Я протянул руку — она выхватила из мрака мох и опавшие листья.

Какое-то время я лежал, не двигаясь, проникаясь сознанием того, где я, ибо теперь я понял, что нахожусь в лесу. Заунывный плач был шумом ветра в верхушках деревьев, сырость подо мной — сыростью лесного мха, а запах — запахом осеннего леса.

Если б не холод и боль, подумал я, было бы не так уж плохо. Место здесь приятное. А боль я чувствовал только при движении.

Я начал припоминать машину, которая сошла у поворота с узкой дороги, и то, как она исчезла и оставила меня одного, летящего сквозь мрак.

Я ведь жив, подумал я, и поразился этой мысли, вспомнив дерево, которое тогда увидел — или интуитивно почувствовал его присутствие — и которое, как мне показалось, мчалось на меня из тьмы.

Я разжал пальцы, сжимавшие мох и листья, и потряс кистью, чтобы очистить от них руку. Потом вытянул обе руки и попробовал приподняться. Подтянул под себя ноги. И руки и ноги действовали, значит, обошлось без переломов, но к животу нельзя было притронуться, и острая боль расплескалась в грудной клетке.

Значит, они все-таки просчитались, подумал я, эти этвуды, кегельные шары или как их там зовут. Я еще был жив, я осво-

бодился от них, и, если б мне удалось добраться до телефона, я бы еще успел осуществить свой замысел.

Я попробовал подняться, но не смог. Наконец я заставил себя встать на ноги и с минуту простоял так, захлестываемый волнами боли. Нервы мои не выдержали, колени подогнулись, и я мягко осел на землю, обхватив себя обеими руками, чтобы не выпустить боль, которая рвалась наружу.

Я долго сидел так, и постепенно боль притупилась. Мучительным, свинцовым комом она залегла где-то в глубине тела.

Очевидно, я находился на крутом склоне какого-то холма, а дорога, должно быть, проходила выше, надо мной. Я понял, что мне необходимо выбраться на дорогу, потому что, если мне это удастся, появится шанс, что меня там кто-нибудь найдет. Я понятия не имел, какое расстояние отделяет меня от дороги, как далеко меня зашвырнуло, прежде чем я ударился о дерево, и далеко ли я откатился после падения на землю.

Я должен был добраться до дороги — хоть на четвереньках, хоть ползком, если я не смогу идти. Дорогу я не видел; я вообще ничего не видел. Я существовал в мире абсолютной тьмы. Ни звезд. Ни огонька. Сплошной, беспросветный мрак.

Я встал на четвереньки и пополз вверх по склону. Мне приходилось поминутно останавливаться. Казалось, у меня иссякли все силы. Боль вроде бы мучила меня меньше, но я ослабел до предела.

Я продвигался медленно и с великим трудом. На пути мне попалось дерево, и пришлось ползком огибать его. Я запутался в кустарнике, который принял за заросли куманики, и вынужден был изменить направление и ползти вдоль этих зарослей, пока они не остались в стороне. Потом дорогу мне преградил полусгнивший ствол упавшего дерева, ценой невероятных усилий я перевалился через него и продолжал свой путь наверх.

Мне захотелось узнать, который час, и я провел рукой по запястью, чтобы проверить, сохранились ли часы. Часы были на месте. Я порезал себе разбитым стеклом пальцы. Я поднес их к уху — они не тикали. Впрочем, что толку, если б они и шли,— я ведь все равно их не видел.

Издалека до меня донеслось какое-то бормотание, не похожее на стон ветра в верхушках деревьев. Я замер и прислушался, пытаясь определить, что это за звук. Внезапно он стал громче, и я безошибочно узнал в нем рокот мотора.

Этот звук подстегнул меня, и я как сумасшедший стал судорожно карабкаться вверх по склону, но это отчаянное карабканье в основном состояло из бесполезных телодвижений. Оно немногим ускорило мой подъем.

Звук усилился, и налево от себя я увидел расплывчатое пятно света, отбрасываемого фарами приближавшейся машины. Свет куда-то нырнул и исчез, потом появился снова, теперь уже ближе.

Я закричал — без слов, только чтобы привлечь внимание,— но машина как раз надо мной быстро свернула за поворот, и, судя по тому, что она даже не замедлила хода, меня никто не услышал. На секунду свет и корпус мчащейся машины возникли на вершине холма, заполнив собой горизонт, и она исчезла, а я, оставшись в одиночестве, продолжал ползти вверх по склону.

Я запретил себе думать о чем-либо, кроме подъема. Когда-нибудь на дороге появится другая машина или поедет обратно та, что сейчас проскочила мимо.

Спустя какое-то время — мне оно показалось очень долгим — я наконец добрался до дороги.

Я посидел на обочине, передохнул и осторожно поднялся на ноги. Боль еще не прошла, но мне показалось, что она несколько поутихла. Хоть я и не очень твердо держался на ногах, я все же сумел встать и стоять, не падая.

Длинный же я прошел путь, подумал я. Длинный-предлинный путь с той ночи, когда обнаружил перед своей дверью капкан. Они полагали, что этой ночью игра будет закончена,— я ведь должен был погибнуть. Пришельцы, несомненно, собирались меня убить и сейчас наверняка думают, что меня уже нет в живых.

Но я выжил. Возможно, что, ударившись о дерево, я сломал себе пару ребер и ушиб диафрагму, но я был жив, стоял на ногах и пока что не сложил оружия.

Стоит немного подождать, и по дороге проедет другая машина. Если судьба за меня, обязательно появится еще одна машина.

У меня мелькнула ужасная мысль: «Что, если следующая машина, которая проедет по этой дороге, окажется новой подделкой из кегельных шаров?»

Я пораскинул умом, и это показалось мне маловероятным. Они превращались во что-нибудь только с определенной целью,

и, если рассудить здраво, едва ли им снова понадобится машина.

Они ведь не нуждались в машине как средстве передвижения. Где бы они ни находились, они могли сквозь свои норы попасть в любое место на Земле и, по всей видимости, перемещались с их помощью по земной поверхности. Не нужно обладать чересчур богатым воображением, сказал я себе, чтобы представить, что пространство, занимаемое Землей, сплошь оплетено сложной системой этих нор. Впрочем, я понимал, что слово «нора», пожалуй, выбрано не совсем удачно.

Я сделал один-два шага и убедился, что в состоянии идти. Быть может, вместо того чтобы ждать машину, мне лучше начать потихоньку двигаться по дороге в сторону главного шоссе? Там уж я обязательно дождусь какой-нибудь помощи. А по этой дороге, может, до самого утра больше не проедет ни одной машины.

Прихрамывая, я заковылял по дороге, и все было бы ничего, только ныла грудь и каждый мой шаг отзывался болью.

Пока я так тащился, мне показалось, что ночной мрак немного рассеивается, словно в небе разорвался и стал расползаться тяжелый облачный покров.

Я то и дело останавливался, чтобы передохнуть, и теперь, сделав очередную остановку, я оглянулся назад, в ту сторону, откуда я шел, и мне стало ясно, почему так посветлело. Позади меня в лесу пылал пожар; внезапно на моих глазах пламя огненным фонтаном взметнулось к небу, и сквозь багровое зарево проступили контуры стропил.

Я понял, что это была усадьба «Белмонт»; усадьба «Белмонт» горела!

Я стоял, смотрел на пожар и страстно мечтал о том, чтобы хоть часть их сгорела вместе с домом. Но я знал, что они уцелеют, что они спасутся в своих норах, которые ведут в какой-то другой мир. В своем воображении я представил, как, подгоняемые пламенем, спешат они к этим дырам в стенах, как фальшивые люди, фальшивая мебель и прочие подделки превращаются в кегельные шары и катятся к черным отверстиям.

Это было великолепно, но ровным счетом ничего не значило, потому что усадьба «Белмонт» была только одним из их лагерей. А по всему миру разбросано множество других таких же лагерей, соединенных туннелями с неким неведомым миром, родиной пришельцев. И возможно, что благодаря достижени-

ям науки и таинственным свойствам туннелей эта их родина находится настолько близко, что попасть домой для них секундное дело.

Из-за оставшегося позади поворота вынырнули две широко расставленные горящие фары и устремились прямо на меня. Я замахал руками, закричал, потом неловко отскочил в сторону, пропуская машину, которая пронеслась мимо. Вслед за этим тормозные огни прожгли в ночи две красные дыры и пронзительно взвизгнули шины. Машина дала задний ход и, быстро вернувшись, поравнялась со мной.

Из окошка водителя высунулась голова, и чей-то голос произнес:

— Что за черт?! А мы вас уже записали в покойники!

Огибая машину, ко мне бежала рыдающая Джой, и Хиггинс заговорил снова:

— Скажите ей что-нибудь,— попросил он.— Ради бога, поговорите с ней. Она совершенно ополоумела. Она подожгла дом.

Джой стремительно налетела на меня. Она схватила меня за руки и изо всех сил стиснула их, словно желая удостовериться, что я не призрак.

— Один из них позвонил,— проговорила она, захлебываясь от рыданий,— и сказал, что ты мертв. Они сказали, что никому не удастся безнаказанно вести с ними двойную игру. Они сказали, что ты попытался их обмануть и они тебя прикончили. Они сказали, что, если у меня есть что-нибудь на уме, мне лучше об этом забыть. Они сказали...

— Что это она несет, мистер? — с отчаянием воскликнул Хиггинс.— Клянусь богом, она свихнулась. По мне, так это сущая бессмыслица. Она позвонила и стала выспрашивать про старого Пустомелю, прямо криком кричала — она и тогда уже была какая-то шальная...

— Ты ранен? — спросила Джой.

— Нет, разве что немного расшибся. Может, треснуло одно-два ребра. Но нам нужно спешить...

— Она уговорила меня отвезти ее к Пустомеле,— продолжал Ларри Хиггинс,— и сказала ему, что вы погибли, но он все равно должен выполнить вашу просьбу. Так он загрузил скунсов...

— Что?! — вскричал я, не веря своим ушам.

— Набил грузовик этими самыми скунсами и потрюхал в город.

— Я поступила неправильно? — спросила Джой.— Ты ведь тогда упомянул старика со скунсами и сказал, что говорил о нем с шофером такси, которого зовут Ларри Хиггинс, и я...

— Нет,— прервал я ее,— ты сделала именно то, что нужно. Ты не могла поступить правильнее.

Я обнял ее и привлек к себе. У меня от этого слегка заныла грудь, но мне было наплевать.

— Включите радио,— сказал я Хиггинсу.

— Но, мистер, нам лучше побыстрей унести отсюда ноги. Она ведь подожгла дом. Ей-богу, я ни сном ни духом...

— Включите радио! — заорал я.

Недовольно ворча, он втянул голову в машину и завозился с приемником. Мы ждали, и, когда радио заговорило, раздался взволнованный голос диктора:

«...Их тысячи, миллионы! Никто не знает, что они из себя представляют и откуда берутся...»

Отовсюду, подумал я. Не только из этого города или из этой страны, а, вероятно, со всех уголков Земли, причем это только начало, ведь в течение ночи известие будет распространяться все дальше.

Тогда, под вечер, на склоне холма, у них не было возможности быстро связаться с остальными, не было возможности разнести повсюду эту радостную весть. Потому что существо в облике человека, которое преследовало меня, и тот маленький осколок, что лежал у меня в кармане под видом денег,— они находились вдалеке от всех туннелей, вдалеке от каких бы то ни было средств связи.

Но теперь эта добрая весть летит во все концы, она дойдет до всех пришельцев, обосновавшихся на Земле, а может, и до их соотечественников за ее пределами, и это только начало. Еще до того, как все будут оповещены, вырастет целая гора из жаждущих насладиться этим новым ароматом.

«Вначале появились скунсы,— взволнованно продолжало радио.— В самом центре города, на пересечении Седьмой и Государственной, кто-то выпустил на волю множество скунсов. Не нужно объяснять, к чему может привести подобная выходка, когда вокруг полно людей, возвращающихся из ночных клубов и со зрелищ.

Полиции сообщили, что скунсов подбросил какой-то чудаковатый старик с бородкой, который привез их на небольшом грузовике. Но не успела полиция пуститься за ним в погоню, как начали прибывать эти непонятные предметы. Пока никто не может сказать, есть ли какая-нибудь связь между скунсами и этими штуками. Поначалу их было совсем немного, но, раз появившись, они вскоре повалили со всех сторон, нескончаемыми потоками стекаясь к перекрестку. По виду они похожи на кегельные шары — черные и примерно такого же размера,— и сейчас они запрудили весь перекресток и четыре ведущие к нему улицы.

Скунсы, когда их вывалили из грузовика, были утомлены и совершенно ошалели, вследствие чего они весьма интенсивно реагировали на все, что находилось поблизости. Благодаря этому перекресток довольно быстро опустел. Все, кто там был, поспешили покинуть это место. Кварталы были забиты застрявшими машинами, и, куда ни бросишь взгляд, повсюду можно было увидеть бегущих людей. И как раз тогда появились первые кегельные шары. По словам очевидцев, они прыгали, скакали и гонялись за скунсами. Вполне естественно, что скунсы дали на это дополнительную реакцию. В результате вонь в районе перекрестка стала невыносимой. Люди, сидевшие в машинах в начале уличного затора, побросали свои авто и пустились наутек. А кегельные шары все прибывали.

Сейчас они больше не прыгают и не скачут: для этого не осталось места. Они образовали сплошную колышущуюся и бурлящую массу, которая, затопив перекресток, растекается по улицам, вздуваясь буграми перед застрявшими машинами.

С крыши "Мак-Кендлесс Билдинг", откуда мы ведем этот репортаж, перед нами открывается потрясающее, внушающее ужас зрелище. Никто, повторяю, не знает, что это за существа, откуда и зачем они сюда явились...»

— Это же старый Пустомеля,— задыхаясь, проговорил Хиггинс.— Это он выгрузил тех скунсов. И по всему похоже, что ему удалось смыться.

Джой взглянула на меня:

— Ты этого и хотел? Того, что там сейчас происходит?

Я кивнул.

— Теперь они знают,— сказал я.— Теперь будут знать все. Теперь они выслушают нас.

— Что это делается? — взревел Хиггинс.— Может, мне кто-нибудь растолкует? Еще один Орсон Уэллс*, что ли...

— Садись в машину,— сказала мне Джой.— Нужно найти тебе врача.

— Послушайте, мистер,— взмолился Хиггинс,— я же не знал, что вляпаюсь в такую историю. Она попросила, чтобы я с ней поехал. Я завел свою клячу и покатил. Она сказала, что ей нужно побыстрее добраться до старого Пустомели. Она уверяла, что это вопрос жизни и смерти.

— Успокойтесь, Ларри,— сказал я.— Это действительно было вопросом жизни и смерти. Можете не переживать.

— Но она ведь подожгла тот дом...

— Я сделала глупость,— признала Джой.— Наверно, это был просто слепой ответный удар. Сейчас-то я понимаю всю бессмысленность такого поступка. Но я должна была как-то им отомстить, а ничего другого мне не пришло в голову. Когда они позвонили и сказали, что ты мертв...

— Мы их здорово напугали,— сказал я.— Иначе они никогда бы не позвонили. Они, скорее всего, боялись, что мы замышляем нечто такое, о чем они даже не в состоянии догадаться. Поэтому они пытались меня убить, поэтому они пытались запугать тебя.

«Полиция настоятельно просит вас,— надрывался диктор,— воздержаться от посещения центра города. Тут колоссальные заторы в движении, и вы только осложните обстановку. Сидите по домам, сохраняйте спокойствие...»

Они допустили ошибку, думал тем временем я. Не позвони они Джой, у них, возможно, все сошло бы гладко. Я, конечно, был еще жив, но им не понадобилось бы много времени, чтобы это обнаружить, и тогда-то они разделались бы со мной по всем правилам, на этот раз без промаха. Но они ударились в панику и допустили эту единственную ошибку, и теперь все было кончено.

По дороге вприпрыжку бежала какая-то громоздкая, неуклюжая тень. Радостная, ликующая тень, которая возбужден-

* В 1938 году в США по радио передали инсценировку известного романа Герберта Уэллса «Война миров», которая, будучи воспринята как репортаж об истинном нашествии марсиан на Землю, вызвала панику среди жителей многих городов Америки Автором и постановщиком инсценировки был Орсон Уэллс

но подскакивала на бегу. Она была огромной и косматой, и впереди у нее болтался вывалившийся из пасти язык.

Она добежала до нас и плюхнулась задом в пыль. Восторженно застучала по земле хвостом.

— Вы сделали свое дело, дружище,— произнес Пес.— Вы выманили их из укрытия. Выставили их напоказ. Теперь ваш народ знает...

— Но ты?! — вскричал я.— Ты же сейчас должен быть в Вашингтоне!

— Существует немало средств сообщения,— пояснил Пес,— более быстрых, чем ваши самолеты, а чтобы установить местонахождение какого-нибудь существа, есть способы получше ваших телефонов.

Это правда, подумал я. Ведь он сегодня был с нами до самого рассвета, а с первыми лучами солнца объявился в Вашингтоне.

— Пришел мой черед свихнуться,— слабым голосом проговорил Хиггинс.— Такого не бывает, чтобы собака разговаривала.

«Мы просим вам сохранять спокойствие! — пронзительно вопил диктор.— Нет никаких оснований для паники! Никто, конечно, не знает, что это за штуки такие, но обязательно должно существовать какое-то объяснение, возможно вполне логичное. Полиция держит в руках контроль над создавшимся положением, и нет никаких оснований...»

— Мне кажется, я слышал,— сказал Пес,— как кто-то вроде бы произнес какое-то слово, похожее на слово «врач». А что такое этот «врач», я не знаю.

— Врач — это тот, кто чинит тела других людей,— объяснила Джой.— Паркер ранен.

— Ах вот оно что,— протянул Пес.— У нас есть аналогичное понятие, но, вне всякого сомнения, мы это делаем по-иному. Поистине поразительно, какое множество различных методов ведет к достижению одних и тех же целей.

«Количество их растет! — кричало радио.— Громоздясь друг на друга, они уже поднялись до окон шестого этажа и распространились далеко в глубь окрестных улиц. Такое впечатление, будто сейчас они прибывают быстрее, чем раньше. Эта гора увеличивается с каждой минутой...»

— А теперь,— проговорил Пес,— когда миссия закончена, я должен воскликнуть: «Прощайте!» Нельзя сказать, что я внес

большой вклад в эту миссию, но мне было приятно навестить ваши края. У вас очаровательная планета. И в грядущие времена вам лучше держаться за нее покрепче.

— Погоди минутку,— сказал я.— Есть еще столько вопросов...

Но я говорил в пространство — Пес уже удалился. Не в каком-нибудь направлении, а просто его не стало.

— Будь я проклят,— сказал Хиггинс.— Он в самом деле был тут, или мне это почудилось?

Я знал, что это в порядке вещей. Он побыл здесь, а теперь отправился к себе домой — на ту далекую планету, в то неведомое измерение, откуда был родом. И я знал, что он никогда бы нас не покинул, если б в нем еще здесь нуждались.

Сейчас дела наши пошли на лад. Люди узнали о существовании кегельных шаров, и теперь они выслушают нас — и Старик, и сенатор, и президент, и все остальные. Они примут необходимые меры. Возможно, они начнут с того, что объявят мораторий на все деловые операции, пока сделки с участием пришельцев не будут отсортированы от сделок между настоящими людьми. Потому что, с точки зрения закона, сделки пришельцев квалифицируются как мошенничество — если учесть, какими они пользовались деньгами. Но даже если они и не были мошенничеством, это не меняло дела, потому что теперь человечество знало — или узнает в недалеком будущем,— что происходит, и предпримет какие-то действия, чтобы этому воспрепятствовать: как бы там ни было, а люди сделают все необходимое, чтобы положить этому конец.

Я протянул руку, открыл заднюю дверцу и жестом пригласил Джой сесть в машину.

— Поехали,— сказал я Хиггинсу.— Меня ждет работа. Нужно написать статью.

Я представил физиономию Старика в тот момент, когда я появлюсь в редакции. Я уже мысленно репетировал речь, с которой выступлю перед ним. А ему останется только стоять и слушать, потому что в моих руках потрясающий материал. Такой материал был у меня одного, и ему-таки придется меня выслушать.

— Редакция подождет,— сказала Джой.— Сперва мы найдем врача.

— Врача?! — воскликнул я.— Да мне не нужен никакой врач!

Я стоял, пораженный не столько тем, что у меня вырвались эти слова (потому что было время, когда врач мне пришелся бы очень кстати), сколько спокойствием, с которым я воспринял этот факт, случайно обнаружив нечто, свершившееся без участия моего сознания и осознававшееся так постепенно, что не вызвало удивления.

Я ведь действительно больше не нуждался в медицинской помощи. Грудь не болела, живот успокоился, колени не подгибались. Я подвигал руками, чтобы испытать грудную клетку, и убедился, что не ошибся: если раньше и было что-нибудь сломано, то к этому времени все срослось.

Поистине поразительно, как сказал недавно Пес свойственным ему манерно-напыщенным тоном, как много различных методов ведет к достижению одних и тех же целей.

— Спасибо, дружище! — таким же тоном произнес я, взглянув на небо.— Благодарю! Не забудь прислать счет.

Глава 38

Лайтнинг швырнул на мой стол газету. Она была влажной от еще не просохшей типографской краски. Первую страницу венчал набранный жирным шрифтом заголовок моей статьи.

Я не взял ее в руки. Сидел, смотрел на нее, и только. Потом встал и, так и не притронувшись к газете, пошел к окну, чтобы выглянуть наружу. Там, к северу, освещенная батареями прожекторов, вздымалась гора, к этому моменту уже значительно поднявшаяся над линией горизонта и продолжавшая непрерывно расти. Прошли часы с тех пор, как распростились с надеждой спасти бригаду радиокорреспондентов, которые оказались в ловушке и были погребены на крыше «Мак-Кендлесс Билдинг». Сейчас люди могли лишь пассивно наблюдать за происходящим, не более.

Гэвин подошел к окну и стал рядом со мной.

— Вашингтон считает,— сказал он,— что следует эвакуировать жителей и сбросить на эту гору водородную бомбу. Только что пришла телеграмма. Подождут, пока не перестанет расти гора, и пошлют сюда бомбардировщик.

— А какой в этом смысл? — спросил я.— Ведь они нам уже ничем не угрожают. Они были опасны только тогда, когда мы о них ничего не знали.

Я отошел от окна и направился к своему столу. Я машинально взглянул на запястье, чтобы посмотреть, который час, забыв, что мои часы разбиты.

Я поднял взгляд на большие стенные часы. Было пять минут третьего.

Старик стоял возле стола отдела городских новостей, а тут он подошел ко мне и протянул мне руку. Я взял ее, и он крепко сжал мою руку своей огромной, вдвое больше моей, лапищей.

— Отличная работа, Паркер,— сказал он.— Ценю.

— Спасибо, босс,— поблагодарил я, вспомнив, что так и не сказал ему ни слова из той речи, которую собирался перед ним произнести. И, как ни странно, нисколько не пожалел о том, что этого не сделал.

— У меня в кабинете ждет бутылка.

Я покачал головой.

Он хлопнул меня по спине и выпустил мою руку.

Я пошел по проходу и остановился у стола Джой.

— Пошли, дорогая,— сказал я.— Нам нужно закончить одно дело.

Она поднялась и, стоя, ждала продолжения.

— Я намерен,— заявил я,— прежде чем ночь подойдет к концу, подгрести к тебе с тем нескромным предложением.

Я думал, что она обидится, но ничуть не бывало.

Она подняла руки и на виду у всех обняла меня за шею.

Проживи вы хоть миллион лет, вам никогда не понять женщин.

ПРИНЦИП ОБОРОТНЯ

Существо остановилось и приникло к земле, глядя на крошечные точечки света впереди, неярко горевшие во мраке.

Существо заскулило в страхе и тревоге.

Этот мир был чересчур жарким и влажным, а тьма — слишком густой. И было тут слишком много буйной растительности. Атмосфера неистовствовала, и растения стонали от боли. Размытые сверкающие вспышки совсем не освещали ночь, и где-то далеко-далеко слышались чьи-то протяжные, басовито рокочущие стенания. И здесь была жизнь — гораздо больше жизни, чем пристало иметь какой бы то ни было планете,— но жизнь низшая, частично состоявшая просто из биологического месива, маленьких сгустков, способных лишь вяло отзываться на определенные раздражители.

Может быть, сказало себе существо, и не стоило так упорно рваться на волю? Может, лучше было бы остаться в том месте, которому нет имени, там, где не существовало ни бытия, ни ощущения или воспоминания о бытии,— лишь черпаемое откуда-то знание самого факта, что есть такое состояние, как бытие, да еще редкие проблески разума, разрозненные обрывки информации, которые подогревали стремление бежать, обрести независимость, разобраться, почему оно оказалось именно здесь и как сюда попало.

А что теперь?

Существо льнуло к земле и скулило.

Каким образом в одном месте может оказаться столько воды? И так много растительности, и такого неистового буйства стихий? Как вообще на планете — на любой планете — может царить такой кавардак, такое безвкусно-цветистое изобилие? В таком количестве воды, ручьем бегущей под уклон, стоящей в мутных лужицах на земле, было нечто святотатственное. Мало того, вода присутствовала и в атмосфере, насыщенной стремительными каплями.

Что это за ткань, которая обхватывает горло, покрывает спину, волочится по земле, развеваясь на ветру? Защитная оболочка? Но прежде существо никогда не нуждалось ни в каком прикрытии. Ему нужна была только его собственная шубка из серебристого меха.

Прежде? — спросило себя существо. Когда это «прежде»? Прежде чем что?

Существо напрягло память, и возникло смутное видение какой-то хрустальной земли с холодным сухим воздухом, со снежной и песчаной пылью, где небо полыхало множеством звезд, а ночь, озаренная мягким золотистым светом лун, была такой же яркой, как день. А еще возникло навязчивое, туманное, полуосознанное воспоминание о том, что оно, существо, отправилось в глубины космоса вырывать у звезд их тайны.

Но что это было, воспоминание или фантазия, рожденная безликостью того места, откуда бежало существо? Этого никак не узнаешь.

Существо выбросило пару рук, подняло с земли ткань и скомкало ее в руках. Вода сочилась из материала, маленькие капли со всплесками падали в лужи на земле.

Что это за точки света впереди? Это не звезды: слишком близко к земле, да и вообще тут нет звезд, что само по себе немыслимо, ибо звезды были всегда.

Существо с опаской потянулось мыслью к этому ровному свету. Там было еще что-то кроме света — на заднем плане ощущалось присутствие какого-то минерала. Существо осторожно ощупало этот фон и осознало, что там, в темноте, стоит минеральная глыба слишком уж правильной формы, чтобы быть природной скалой.

Вдали не смолкал грохот; тревожные вспышки далеких огней уносились в глубины неба.

Идти дальше? — гадало существо. Обогнуть огоньки по широкой дуге или двинуться прямо на них, чтобы узнать, что они такое? Или, быть может, следует пойти назад и постараться опять отыскать ту пустоту, из которой оно бежало? Хотя теперь уже неизвестно, где это место. С момента своего освобождения существо ушло далеко.

И где те двое других, которые тоже были там, в небытии? Они тоже освободились? Или остались, почувствовав, быть может, сводящую с ума отчужденность, что царила вокруг? А если они не бежали, то где могут быть теперь?

И не только где они, но и кто они?

Почему они не отвечали? Или они не слышали вопроса? Возможно, в том, не имеющем названия месте не было подходящих условий, чтобы задавать вопросы? Странно, подумало существо: делить жилье с двумя другими созданиями, испытывать то же ощущение неосознанного бытия и не иметь возможности вступить с ними в связь.

Ночь была душная, но существо била дрожь.

Нельзя оставаться здесь, сказало оно себе. Не скитаться же до бесконечности. Надо найти какое-то убежище.

Хотя существо пока не понимало, где следует искать убежище в безумном мире, обступившем его.

Оно медленно двинулось вперед, не веря в себя, не зная толком, куда идти и что делать.

Огни? — думало оно. Узнать, что это за огни, или?..

Небо взорвалось. Мир треснул, переполнившись сверкающей голубизной. Ослепленное и контуженное, существо в ужасе отпрянуло, и из его оцепеневшего мозга вырвался пронзительный крик. Но вот крик оборвался, свет исчез, и существо снова очутилось в небытии.

Глава 2

Дождь хлестал Эндрю Блейка по лицу; сама земля дрожала от оглушительных раскатов грома. Огромные массы разорванного воздуха с грохотом сходились над самой его головой; резко пахло озоном. Блейк чувствовал, как холодная грязь забивается между пальцами ног.

Как же он попал сюда? В грозу, с непокрытой головой, в насквозь мокрой одежде, без сандалий?

После обеда он вышел на улицу, чтобы взглянуть на бурю, которая кипела и перехлестывала через горную цепь на западе. А потом, спустя мгновение, оказался здесь, в самой гуще этой бури. Во всяком случае, он надеялся, что это все та же буря, а не какая-нибудь другая.

Ветер завывал в рощице; от подножия холма, на котором стоял Блейк, доносился звук бегущей воды, а прямо напротив, за потоком, светились окна. Может быть, это его дом, как в тумане подумал он.

Хотя там, где стоял его дом, не было ни склона, ни бегущего потока. Блейк озабоченно поскреб в затылке. Вода из шевелюры потекла по лицу. На миг ослабший дождь с новой силой захлестал, и Блейк повернул к дому. Нет, это, конечно, не его жилище. Но это дом, и там наверняка есть кто-то, кто скажет ему, где он, и...

Скажет, где он! Но это же безумие! Какую-то секунду тому назад он стоял в своем патио и глядел на грозовые тучи, и никакого дождя не было...

Должно быть, он спит. Или это галлюцинация. Но хлещущий его дождь не похож на дождь из сна, воздух пахнет озоном, а где это видано, чтобы запах озона ощущался во сне?

Он подошел к дому и, шагнув вперед правой ногой, наткнулся на что-то твердое; боль пронзила стопу и всю ногу; Блейк оторвал стопу от земли и затряс ею в воздухе. Боль стекла в большой палец и запульсировала в нем. Блейк поскользнулся в грязи и сел. Слякоть брызнула в разные стороны. Почва была холодная и мокрая. Подтянув ногу с разбитым пальцем, Блейк вслепую, осторожно и бережно ощупал его.

Он понял, что это не сон. Во сне человек не может расшибить себе большой палец ноги. Что-то случилось. Какая-то сила в мгновение ока перенесла его, ничего не чувствующего, на много миль от патио. Перенесла и швырнула в средоточие дождя и грома, в ночь — такую темную, что не видно было ни зги.

Он снова ощупал большой палец. Боль чуть утихла. Если напрячь ноги и задрать большой палец кверху, идти можно. Хромая, скользя по грязи, он двинулся вниз по склону, пересек узкий ручей, вода в котором доставала ему до лодыжек, и по другому склону вскарабкался вверх, к дому.

Горизонт озарился молнией, и на какое-то мгновение Эндрю увидел контур дома на фоне сияния — громоздкое здание с тяжелыми дымоходами и окнами, утопленными в камень, будто глубоко посаженные глаза.

Каменный дом, подумалось ему. Пережиток прошлого. Каменный дом, в котором кто-то живет.

Блейк налетел на ограду, но не ушибся, поскольку двигался он медленно. Ощупью, вдоль забора, он добрался до калитки. За ней виднелись три маленьких светлых прямоугольника. Блейк решил, что это дверь. Ноги нащупали плоские каменные плиты, и он пошел по ним. Возле двери Блейк замедлил шаг. К двери могли вести ступеньки, а с него хватит и одной разбитой ноги.

Да, вот и ступеньки. Он ударился о них больным пальцем и на мгновение остановился. Он стоял, стиснув зубы и пережидая, пока утихнет боль. Потом поднялся по лестнице и отыскал дверь. Он поискал сигнальное устройство, но не было даже колокольчика или звонка. Пошарив еще немного, он наткнулся на дверной молоток. Дверной молоток? Ну конечно, сказал себе Эндрю, в таком доме, как этот, наверняка должен быть дверной молоток. В доме его далекого прошлого...

Его пронзил лютый страх. Может быть, дело не в пространстве, а во времени? — подумал он. Неужели его перенесли (если перенесли) не в пространстве, а во времени?

Он поднял молоток и постучал. Подождал. Никаких признаков того, что его услышали. Блейк постучал еще раз.

За спиной раздался скрип, и Блейк оказался в коническом снопе света. Он резко обернулся. Круглый светящийся глаз остался недвижим. Он ослепил Блейка. Позади источника света, на фоне черной ночной мглы Блейк различил смутный и еще более черный контур человеческой фигуры.

Сзади распахнулась дверь, и на улицу из дома хлынул свет. Теперь Блейк видел человека, державшего фонарь. Человек был одет в юбку-шотландку и овчинную куртку. В его руке блеснула сталь. Пистолет, решил Блейк.

— Что здесь происходит? — резко спросил мужчина, открывший дверь.

— Кто-то норовит забраться в дом, сенатор,— ответил человек с фонарем.— Должно быть, он как-то ухитрился проскользнуть мимо меня.

— Он проскользнул мимо вас потому,— сказал сенатор,— что вы где-то прятались от дождя. Охранять, ребята, значит охранять, а не играть в охранников.

— Было темно,— заспорил страж,— и он прошмыгнул...

— Вот уж не думаю, чтобы он прошмыгнул. Он попросту подошел к дому и загрохотал по двери молотком. Он не стал бы стучать, если б хотел пробраться сюда тайком. Этот человек просто вошел как любой нормальный гражданин, а вы его проморгали.

Блейк медленно повернулся к стоявшему в дверях мужчине.

— Простите, сэр,— сказал он,— я не знал... Я не хотел поднимать переполох. Просто увидел дом...

— И это еще не все, сенатор,— влез охранник.— Странные дела творятся нынче ночью. Не так давно я заметил тут волка...

— В округе нет волков,— ответил сенатор.— Волков вообще не существует. Их нет уже лет сто, если не больше.

— Но я видел! — жалобно вскричал охранник.— Там, на холме за ручьем. Была яркая вспышка молнии...

— Простите, что заставляю вас стоять тут и слушать эту перебранку,— сказал сенатор Блейку.— В такую ночь лучше сидеть дома.

— Кажется, я заблудился,— ответил Блейк, стараясь не клацать зубами.— Если вы подскажете мне, где я нахожусь, и укажете дорогу...

— Погасите-ка этот ваш фонарь,— велел сенатор охраннику.— И займитесь делом.

Фонарь потух.

— Волки! — сердито воскликнул сенатор.— Ну и ну! — И добавил, обращаясь к Блейку: — Если вы войдете, я смогу прикрыть дверь.

Блейк вошел, и сенатор закрыл за ним дверь.

Блейк огляделся. Он стоял в прихожей.

По обе стороны были двери высотой от пола до потолка, а дальше в комнате в громадном каменном очаге горел огонь. Комната была загромождена тяжелой мебелью в ярких ситцевых чехлах.

Сенатор прошагал мимо Блейка и остановился, чтобы рассмотреть его.

— Меня зовут Эндрю Блейк,— представился Блейк.— Боюсь, я запачкаю полы.

Дождевая вода, стекавшая с него, образовала на полу лужицы. От двери до того места, где стоял Блейк, тянулась цепочка мокрых следов.

Он увидел, что сенатор — высокий худощавый мужчина с коротко остриженными седыми волосами и серебристыми усами над твердым прямым ртом, похожим на зев капкана. Одет он был в белый халат с ажурными лиловыми кружевами по кромкам.

— У вас вид тонущей крысы,— заметил сенатор.— Если вы не имеете ничего против такого сравнения. И сандалии вы потеряли.

Он повернулся и открыл одну из боковых дверей, за которой оказался платяной шкаф. Сунув туда руку, сенатор извлек толстый коричневый халат.

— Держите,— сказал он, подавая его Блейку,— это как раз то, что нужно. Настоящая шерсть. Вы, верно, озябли.

— Самую малость,— ответил Блейк, до боли сжав челюсти, чтобы не стучать зубами.

— Шерсть вас отогреет,— сказал сенатор.— Редкая вещь. Теперь везде одна синтетика. Но шерсть можно приобрести у одного сумасшедшего, который живет в шотландских горах. Мыслит он почти так же, как я, и считает, что настоящие старые вещи по-прежнему лучше новых подделок.

— Уверен, что вы правы,— ответил Блейк.

— Возьмите, к примеру, этот дом,— продолжал сенатор.— Ему триста лет, а он все так же прочен, как и в тот день, когда его построили. Построили из доброго камня и дерева. Построили искусные рабочие...— Он бросил на Блейка проницательный взгляд.— Но что это я — стою, разглагольствую, а вы тем временем мало-помалу коченеете. Поднимитесь вон по той лестнице справа. Первая дверь налево. Там моя комната. В шкафу найдете сандалии. Да и шорты ваши тоже, наверное, промокли насквозь.

— Должно быть, так,— ответил Блейк.

— В туалетном столике найдутся шорты и все, что нужно. Ванная справа, как войдете. Десять минут в горячей воде вам не повредят. А я пока велю Элин сделать кофе и распечатать бутылочку доброго коньяка.

— Не утруждайте себя,— сказал Блейк.— Вы и так уже столько сделали...

— Пустяки,— ответил сенатор.— Я рад, что вы заглянули ко мне.

Вцепившись пальцами в шерстяной халат, Блейк взобрался вверх по лестнице и вошел в первую дверь налево. За дверью справа он увидел белую блестящую ванну. А мысль о горячей ванне совсем недурна, подумал он.

Блейк вошел в ванную, бросил коричневый халат на крышку корзины, снял свое замызганное одеяние и швырнул его на пол. Он опустил глаза и удивленно оглядел себя. Он был совершенно гол. Он потерял свои шорты неизвестно где, непонятно как...

Глава 3

Когда Блейк вернулся в большую комнату с камином, сенатор уже ждал его. Он сидел в кресле, а на подлокотнике примостилась темноволосая женщина.

— Э... молодой человек,— сказал сенатор,— вы назвали себя, да я не запомнил имени...

— Эндрю Блейк.

— Уж извините,— проговорил сенатор.— Память у меня уже не такая цепкая, как когда-то. Это моя дочь Элин. А я — Чандлер Гортон. Из бормотания того балбеса на улице вы, конечно же, поняли, что я сенатор.

— Познакомиться с вами, сенатор, и с вами, мисс Элин, большая честь и радость для меня.

— Блейк? — переспросила девушка.— Где-то я слышала это имя. Совсем недавно. Скажите-ка, чем вы знамениты?

— Я? Ничем,— ответил Блейк.

— Но это же было во всех газетах. И по трехмернику вас показывали, в «Новостях». А, теперь знаю! Вы тот человек, который вернулся со звезд...

— Что ты говоришь? — воскликнул сенатор, тяжело поднимаясь с кресла.— Как интересно! Мистер Блейк, вон очень удобное кресло. Можно сказать, почетное место: возле самого камина, и все такое...

— Папе нравится, когда приходят гости, разыгрывать из себя барона или, может быть, сельского сквайра,— сказала Элин Блейку.— Не обращайте внимания.

— Сенатор — очень любезный хозяин,— заметил он.

Сенатор взял графин и потянулся за стаканами.

— Я обещал вам коньяку,— сказал он.

— И не забудьте похвалить его,— добавила Элин.— Даже если он лишит вас слова. Сенатор — ценитель коньяков и гордится этим. А чуть погодя, если вам захочется, выпьем кофе. Я врубила автошефа-повара...

— Шеф снова заработал? — спросил сенатор.

Элин покачала головой:

— Не очень-то. Но сварил кофе, как я просила, и поджарил яичницу с ветчиной.— Она взглянула на Блейка.— Хотите яичницу с ветчиной? Наверное, она еще не остыла.

Он покачал головой:

— Нет, большое спасибо.

— Это новомодное изобретение годами пекло оладьи,— сказал сенатор.— Что ни наберешь на диске, итог получался один. Правда, отбивные шеф тоже жарил, но редко.

Он вручил всем по стакану и сел в кресло.

— Немудреный уют — вот за что я люблю этот дом,— сказал он.— Триста лет назад его возвел человек, заботившийся о соб-

ственном достоинстве и понимавший кое-что в экологии. Поэтому он и построил дом из чистого известняка и леса, который тут рос. Он сделал так, что дом не довлеет над окружающей его природой, а сливается с ней. И здесь нет никакой технической ерундистики, кроме автоповара.

— Мы — люди старомодные,— сказала Элин.— Мне всегда казалось, что жить в таком доме, как этот, все равно что обитать, скажем, в землянке в двадцатом втолетии.

— И все-таки дом не лишен своеобразного очарования,— ответил Блейк.— А это ощущение прочности и безопасности...

— Да, вы правы, это в нем есть,— сказал сенатор.— Прислушайтесь к ветру, который тщится ворваться сюда. Прислушайтесь к дождю...

Он покрутил стакан с коньяком.

— Конечно, дом не летает,— продолжал сенатор,— и не будет с вами разговаривать. Но кому нужен летающий и...

— Папа! — воскликнула Элин.

— Простите, сэр,— сказал сенатор,— у меня есть свои привязанности, я люблю о них поговорить и подчас позволяю себе увлечься больше, чем следовало бы. Подозреваю, что иногда я бываю неучтив. Дочь вроде бы сказала, что видела вас по трехмернику...

— Сказала, папа, сказала! Ты совсем не обращаешь на меня внимания. Так увяз в своих биоинженерных слушаниях, что ничего не замечаешь.

— Но ведь это очень важные слушания, милочка,— возразил сенатор.— В скором времени человечеству предстоит принять решение: как быть со всеми этими планетами, которые мы открываем. И я заявляю тебе, что только безумец мог предложить создавать на них земные условия. Подумай, сколько времени и денег проглотит эта работа.

— Кстати, совсем забыла,— сказала Элин.— Мама звонила. Сегодня вечером ее не будет дома. Она прослышала о грозе и решила остаться в Нью-Йорке.

— Прекрасно,— проворчал сенатор.— В такую ночь лучше не путешествовать. Как ей понравился Лондон? Она что-нибудь говорила?

— Она в восторге от спектакля.

— Мюзик-холл,— пояснил сенатор Блейку.— Возрождение древнего развлечения. Очень примитивного, по-моему. Жена прямо больна им. Она у нас человек с претензией на тонкий художественный вкус.

— Какие ужасы ты говоришь! — воскликнула Элин.

— Ничуть не бывало,— ответил сенатор.— Это правда. Однако вернемся к биоинженерии. Может быть, у вас есть на сей счет какое-то мнение, мистер Блейк?

— Нет, вряд ли,— ответил Блейк.— По-моему, я несколько утратил связь с ходом вещей.

— Утратили связь? Да, так и должно было случиться. Эта шумиха вокруг звезд. Теперь я вспоминаю. Вы были в капсуле, и вас нашли какие-то шахтеры с астероидов. В какой системе?

— В окрестностях Антареса. Маленькая звезда, безымянная, только с номером. Но я ничего этого не помню. Меня не оживляли, пока не привезли в Вашингтон.

— И вы ничего не помните?

— Ничегошеньки,— ответил Блейк.— Моя сознательная жизнь началась меньше месяца назад. Я не знаю, ни кто я такой, ни...

— Но у вас есть имя.

— Просто удобства ради,— сказал Блейк.— Я сам его себе выбрал. Джон Смит тоже сгодилось бы. Должен же человек иметь какое-то имя.

— Однако, насколько я помню, какие-то подспудные знания у вас были.

— Да, в том-то и странность. Я знал о Земле, о ее народе, о его обычаях, но во многих отношениях я безнадежно отстал от жизни. Я не перестаю удивляться. Я спотыкаюсь о незнакомые традиции, верования, слова.

— Не надо об этом,— тихо сказала Элин.— Мы не хотим показаться излишне любопытными.

— Ничего,— ответил Блейк.— Я смирился с этим положением вещей. Я попал в странную обстановку, но когда-нибудь, возможно, узнаю все. Может быть, вспомню, кто я такой, где и когда родился, что случилось там, в космосе. А пока, как вы понимаете, я здорово озадачен. Однако здесь все проявили такт, мне подарили жилище. Меня не беспокоят. Дом в маленькой деревушке...

— В деревушке? — спросил сенатор.— Я полагаю, он где-то неподалеку?

— Даже и не знаю,— ответил Блейк.— Со мной произошло нечто странное. Я не знаю, где нахожусь. А деревня называется Мидлтон.

— Это рядом, в долине,— сказал сенатор.— Отсюда и пяти миль не будет. Похоже, мы соседи.

— Я вышел прогуляться после обеда,— рассказал им Блейк.— И смотрел на горы из внутреннего дворика. Близилась гроза. Огромные черные тучи и молнии, но до них было еще порядочно далеко. А потом я вдруг оказался на холме за ручьем, напротив вашего дома. Шел дождь, и я насквозь промок.

Он умолк и осторожно установил свой бокал с коньяком на каменную плиту под очагом. Он посмотрел сначала на отца, потом на дочь.

— Вот так все и было,— добавил Блейк.— Я знаю, это звучит дико...

— Это звучит как нечто совершенно невероятное,— ответил сенатор.

— По-видимому, да,— согласился Блейк.— Причем дело не только в пространстве, но и во времени тоже. Я не просто очутился в нескольких милях от места, где стоял. Когда я вышел во дворик, только-только начинало смеркаться, а теперь уже ночь.

— Мне очень жаль, что этот болван-охранник ослепил вас фонарем. Должно быть, оказаться здесь уже было достаточным потрясением. Я не просил охраны. Я даже не хочу иметь ее. Но Женева требует, чтобы ко всем сенаторам была приставлена стража. Почему — я толком и не знаю. Уверен, что в мире нет кровожадных людей. Наконец-то Земля стала цивилизованной, по крайней мере отчасти. Хотя на это ушли долгие годы.

— Но из-за этого биоинженерного вопроса страсти тут накалились,— сказала Элин.

— Он привел лишь к более решительной политике,— возразил сенатор.— И нет никаких причин...

— Есть,— ответила она,— есть. Все эти фанатики, почитающие Библию, все эти заклятые ретрограды и рутинеры ополчились против биоинженерии.

Она повернулась к Блейку.

— Известно ли вам, что сенатор, который живет в доме, построенном триста лет назад, и кичится тем, что в нем нет ни единого технического новшества...

— А повар? — перебил сенатор.— Ты забываешь о поваре.

Она пропустила его слова мимо ушей.

— ...и кичится тем, что в доме нет ни единого технического новшества, связался с шайкой сумасбродов, с архипрогрессивистами, сторонниками далеко идущих преобразований?

— Никаких таких далеко идущих преобразований,— возразил сенатор.— Обыкновенный здравый смысл. Создание зем-

ных условий на одной планете обойдется в триллионы долларов. Гораздо быстрее и за умеренную цену мы сможем сконструировать человеческую расу, способную жить на этой планете. Вместо того чтобы подгонять планету под человека, мы подгоним человека под планету.

— В том-то и соль,— сказала Элин.— Мысль о переделке человека стала твоим противникам поперек горла. Это существо уже не будет человеком.

— Возможно, его наружность и будет иной,— возразил сенатор,— но человеком оно по-прежнему останется.

— Разумеется, вы понимаете, что я не противница сенатора,— сказала Элин Блейку.— Но иногда бывает ужасно трудно заставить его осознать, с чем он столкнулся.

— Моя дочь выступает как адвокат дьявола,— пояснил сенатор.— И порой это приносит пользу. Но сейчас в этом нет особой нужды. Я и так знаю, насколько ожесточенно действует оппозиция.

Он взял графин. Блейк покачал головой.

— Может быть, я сумею как-то добраться до дома? — сказал он.— Тяжелый выдался вечерок.

— Переночевали бы у нас.

— Спасибо, сенатор, но если есть какая-то возможность...

— Разумеется,— ответил сенатор.— Кто-нибудь из охранников вас отвезет. Лучше воспользоваться наземной машиной: такая ночь не для леталок.

— Буду очень признателен.

— У одного из охранников появится возможность сделать полезное дело,— сказал сенатор.— Ему по крайней мере не будут мерещиться волки. Кстати, вы там, на улице, не видели волка?

— Нет,— ответил Блейк,— волка я не видел.

Глава 4

Майкл Даниельс стоял у окна и смотрел, как наземная обслуга на Риверсайде, по ту сторону бульвара, помогает домам заходить на посадку. Черные фундаменты влажно поблескивали в ночи, а в четверти мили от них лежал, как чернильно-черный лист, отражавший посадочные огни, Потомак.

Один за другим дома неуклюже спускались с затянутого тучами неба, становились на отведенные для них постаменты, по-

качивались, осторожно подгоняя посадочные решетки под рельеф фундаментов.

Пациенты прибывают, подумалось Даниельсу. А может, сотрудники возвращаются после выходных. Хотя тут могли оказаться и люди, не связанные с больницей, не сотрудники и не пациенты. Город набит битком: через день или два начнутся окружные слушания по вопросам биоинженерии. Спрос на участки огромный, и передвижные дома втискивали повсюду, где только могли найти стоянку.

Далеко за рекой, где-то над Старой Вирджинией, заходил на посадку корабль. Его огни тускло светились сквозь туман и изморось. Корабль направлялся к космопорту. Следя за его полетом, Даниельс гадал, с какой далекой звезды он сюда прибыл и как долго не был дома. Даниельс грустно улыбнулся своим мыслям. Эти вопросы он задавал себе всегда, с самого отрочества, пребывая в твердой уверенности, что в один прекрасный день отправится в звездные странствия. Хотя Даниельс знал, что нынче всякий мальчишка мечтает о путешествии к звездам.

Влага стекала изломанными ручейками по гладким оконным стеклам, а там, за окнами, все приземлялись парящие дома, занимая немногие незанятые фундаменты. Несколько сухопутных машин плавно проскользили по бульвару. Воздушные подушки широкими веерами поднимали с мокрой земли водяную пыль. Вряд ли в такую ненастную ночь в воздухе много леталок.

Ему давно пора домой. Малыши, наверное, уже спят, но Черил еще не ложилась, ждет его.

На востоке, на границе поля зрения, глаз различал светящуюся отраженным светом прозрачно-белую колонну. Она высилась возле реки, воздвигнутая в честь первых астронавтов, которые пятьсот с лишним лет назад поднялись в космос, чтобы облететь вокруг Земли,— поднялись, увлекаемые грубой необузданной силой, порожденной химической реакцией.

Вашингтон, подумал Даниельс, город, где разрушаются дома, где полным-полно памятников; нагромождение мрамора и гранита, густо поросшее мхом древних воспоминаний, покрывавшим его сталь и его камень. Дух некогда великой мощи еще висел над городом. Бывшая столица старой республики, превратившаяся ныне в местопребывание провинциального губернатора, по-прежнему куталась, будто в мантию, в атмосферу своего былого величия.

По мнению Даниельса, лучше всего город смотрелся именно сейчас, когда на него упала мягкая, влажная ночь, создающая иллюзорный фон, по которому движутся призраки.

Приглушенные звуки ночной больницы наполняли комнату, будто шепот,— тихая поступь бредущей по коридору сиделки, смягченное громыхание тележки, негромкое жужжание призывного звонка на посту медсестры, находившемся напротив, через коридор...

За спиной Даниельса кто-то распахнул дверь. Он резко обернулся.

— Добрый вечер, Горди.

Гордон Барнс — врач, живущий при больнице,— улыбнулся Даниельсу.

— Я думал, ты уже ушел,— сказал он.

— Как раз собираюсь. Перечитывал доклад.— Он указал на стоявший посреди комнаты стол.

Барнс взял в руки папку с бумагами и взглянул на нее.

— Эндрю Блейк,— сказал он.— Это просто невероятно. Сколько Блейку лет, по-твоему? На сколько он выглядит?

— Не больше тридцати, Майк. Хотя, как мы знаем, хронологически ему может быть лет двести.

— Будь ему тридцать, можно было бы ожидать некоторого ухудшения функций, не правда ли? Организм начинает изнашиваться в двадцать с небольшим лет, функции затухают, и с приближением старости этот процесс все ускоряется.

— Известное дело,— ответил Барнс.— Но у этого Блейка, как я понимаю, все иначе?

— Вот именно,— сказал Даниельс.— Это идеальный экземпляр. Он молод. Он более чем молод. Ни единой слабинки, ни единого изъяна.

— И никаких данных относительно его личности?

Даниельс покачал головой.

— В космическом министерстве прошерстили все бумаги. Он может оказаться любым из многих тысяч людей. За последние два века несколько десятков кораблей попросту исчезли. Взлетели — и ни слуху ни духу. Он может оказаться любым из людей, находившихся на борту этих кораблей.

— Его кто-то заморозил,— сказал Барнс,— и засунул в капсулу. Может быть, это нам что-то подскажет?

— Ты хочешь сказать, что он был такой важной птицей, что кто-то попытался его спасти?

— Нечто в этом роде.

— Вздор,— ответил Даниельс.— Выкинули человека в космос, а какова вероятность, что его снова найдут? Один к миллиарду? Один к триллиону? Не знаю... Космос огромен и пуст.

— Но Блейка нашли.

— Да, знаю, его капсула залетела в солнечную систему, которую заселили менее ста лет назад, и Блейка обнаружила бригада шахтеров с астероидов. Капсула пошла по орбите вокруг астероида, они увидели, как она блестит на солнце, и им стало любопытно. Слишком уж ярко она сверкала, вот они и размечтались: нашли, мол, исполинский алмаз или что-то вроде этого. Еще несколько лет, и он бы грохнулся на астероид. Попробуйка вычислить его шансы.

Барнс положил папку на стол, подошел к окну и стал рядом с Даниельсом.

— Я с тобой согласен,— сказал он.— Смысла во всем этом мало. Но судьба помогла парню. Даже после того, как его нашли, кто-то мог взломать капсулу. Они знали, что внутри человек. Капсула была прозрачная, и они видели его. Кому-то могло взбрести в голову оттаять и оживить его. Быть может, этим стоило заняться. Возможно, ему было известно нечто ценное для них, как знать...

— Пользы от него...— ответил Даниельс.— Но это уже второй интересный вопрос. Разум Блейка совершенно пуст, если не считать общего фона, причем такого фона, который человек мог бы получить только на Земле. Он знает язык, обладает человеческим мировоззрением и знаниями по основным вопросам обычного человека, живущего двести лет назад. И все. Что могло с ним произойти, кто он такой и откуда родом, он совершенно не помнит.

— Нет никаких сомнений в том, что он — уроженец Земли, а не одной из звездных колоний?

— Похоже, что нет. Когда мы его оживили, он уже знал, что такое Вашингтон и где он находится, но все еще считал его столицей Соединенных Штатов. Знал он и многое другое, такое, что мог знать только землянин. Как ты понимаешь, мы протащили его через целую кучу тестов.

— Как у него дела?

— Судя по всему, хорошо. Я не получал от него вестей. Он живет в маленькой общине к западу отсюда, в горах. Он решил, да и я тоже, что ему нужно немного отдохнуть, нужно

время, чтобы прийти в себя. Вероятно, это даст ему возможность поразмыслить, нащупать свое прошлое. Может, теперь он уже начинает вспоминать, кем и чем он был. Это не моя затея — я не хотел ничем его утруждать. Но мне думается, что, если он все вспомнит, это будет вполне естественно. Он и сам немного расстроен положением дел.

— А если вспомнит, расскажет тебе?

— Не знаю,— ответил Даниельс.— Может быть, и расскажет. Но я не связывал его никакими обещаниями. Это, по-моему, было бы неразумно. Пусть делает все по собственной воле, а если у него возникнут затруднения, он, наверное, свяжется со мной.

Глава 5

Блейк стоял во внутреннем дворике и смотрел, как удаляются красные стоп-сигналы быстро движущейся по улице машины. Дождь прекратился, и в просветах между стремительно летящими тучами виднелись немногочисленные звезды. Дома на улице стояли черные, горели только лампочки во дворах; в его собственном доме была освещена прихожая — знак того, что дома поджидают хозяина. На западе громоздились горы — черное пятно на фоне неба.

Дул холодный северо-западный ветер. Блейк плотно запахнул на груди коричневый шерстяной халат, закутался в него до самых ушей, съежился и, пройдя через дворик, поднялся по короткой лестнице с тремя ступеньками к двери. Та открылась, и он шагнул внутрь.

— Добрый вечер, сэр,— сказал Дом и добавил укоризненно: — Похоже, вы припозднились.

— Со мной что-то случилось,— ответил Блейк.— Не знаешь, что бы это могло быть?

— Вы покинули внутренний дворик,— сказал Дом, негодуя: от него требовали сведений, которых он не мог дать.— Вам, разумеется, известно, что наша опека не распространяется за его пределы.

— Да,— промямлил Блейк,— известно.

— Вы должны были сообщить нам о том, что уходите,— строго сказал Дом.— Вы могли бы условиться о связи с нами. Мы бы снабдили вас соответствующей одеждой. А так что получа-

ется? Я вижу, вы вернулись в одежде, отличной от той, которая была на вас, когда вы уходили.

— Я взял ее взаймы у друга,— ответил Блейк.

— Пока вас не было, на ваше имя поступило сообщение,— сказал Дом.— Оно в почтографе.

Почтограф стоял сбоку от входа. Блейк вытащил торчавший из передней стенки листок бумаги. Записка, выведенная аккуратным четким почерком, была краткой и официальной. В ней говорилось: «Если мистер Эндрю Блейк сочтет удобным для себя связаться с мистером Райаном Уилсоном из городка Уиллоу-Гроув, он сможет узнать нечто чрезвычайно полезное».

Блейк осторожно держал бумажку в пальцах. Невероятно, думал он. Это пахнет мелодрамой.

— Уиллоу-Гроув? — переспросил он.

— Мы посмотрим, где это,— ответил Дом.

— Будьте добры! — проговорил Блейк.

— Ванна сейчас будет готова,— сказал Дом.— Если, конечно, вы хотите.

— И еду недолго сварить! — крикнула Кухня.— Что желаете, хозяин?

— Как насчет яичницы с ветчиной и пары ломтиков поджаренного хлеба?

— Мне одинаково легко сделать все, что угодно,— сказала Кухня.— Гренки с сыром? Омар?

— Яичницу с ветчиной,— заявил Блейк.

— Как быть с обстановкой? — спросил Дом.— Мы неприлично долго не меняли ее.

— Нет,— устало ответил Блейк,— оставь все как есть. Не трогай обстановку. Какая разница...

— Еще какая,— резко произнес Дом.— Существует такая штука, как...

— Оставь ее в покое,— повторил Блейк.

— Как вам угодно, хозяин,— сказал Дом.

— Сначала поесть, потом — в ванну,— проговорил Блейк.— И спать. У меня был трудный день.

— А что с запиской?

— Пока не думай о ней. Утром все решим.

— Городок Уиллоу-Гроув находится к северо-западу отсюда,— сказал Дом.— Пятьдесят семь миль. Мы посмотрели по карте.

Блейк пересек гостиную, вошел в столовую и уселся за стол.

— Вам надо прийти и забрать еду,— заявила Кухня.— Я не могу ее вам принести.

— Знаю,— ответил Блейк.— Скажешь, как только все будет готово.

— Вы уже сидите за столом!

— Человек имеет право сидеть там, где пожелает! — вспылил Дом.

— Да, сэр! — воскликнула Кухня.

Дом снова умолк, а усталый до изнеможения Блейк пересел в кресло. Он заметил, что в комнате мультобои. Хотя, если вдуматься, это даже и не обои, на что Дом указал Блейку еще в день его приезда.

Появилось такое множество разных новинок, что Блейк часто чувствовал себя обескураженным.

Обои изображали лес и луга, по которым бежал ручеек. К ручью опасливо подскочил кролик. Остановившись возле пучка клевера, он сел и принялся ощипывать цветы. Уши его покачивались из стороны в сторону. Кролик стал чесаться, склонив голову набок и мягко поглаживая себя длинной задней лапой. Ручеек искрился в солнечном свете, сбегал с маленьких порогов. По поверхности воды неслись крапинки пены и опавшие листья. Прилетела и села на дерево птица. Задрав головку, она запела, но звука не было.

— Включить звук? — спросила Столовая.

— Нет, спасибо. Что-то не хочется. Я бы просто посидел и отдохнул. Может быть, как-нибудь в другой раз.

Посидеть, отдохнуть, подумать, разобраться. Попытаться понять, что с ним случилось, как это могло случиться и, конечно же, почему. Определить, кто он или что он такое, кем был раньше и кем мог стать теперь. Все это какой-то кошмарный сон наяву, подумал он.

Однако вполне возможно, что утром ему снова будет хорошо. Или покажется, что все снова хорошо. Будет сиять солнце, и мир зальется ярким светом. Он пойдет гулять, поболтает кое с кем из соседей по улице, и все будет в порядке. Может быть, надо попросту забыть обо всем этом, вымести вон из сознания? Может быть, такое больше никогда не повторится, а если не повторится, то зачем тревожиться?

Он неловко заерзал в кресле.

— Который час? — спросил он.— Долго ли меня не было?

— Почти два,— ответил Дом.— А ушли вы в восемь или в самом начале девятого.

Шесть часов, подумал Блейк.

А он помнит не больше двух из них. Что же случилось в остальные четыре и почему он не может вспомнить их? Если уж на то пошло, почему он не может вспомнить то время, которое провел в космосе? То, что предшествовало его полету в космос? Почему жизнь его должна начаться с того мига, когда он открыл глаза на больничной койке в Вашингтоне? Были же другие времена, другие годы. Было у него когда-то и имя, была и биография. Что же случилось, что же стерло все это?

Кролик кончил жевать клевер и ускакал. Птица сидела на ветке, но больше не пела. Вниз по стволу дерева бежала белка; в паре футов от земли она остановилась, молниеносно развернулась и вновь помчалась вверх. Добравшись до сучка, она немного пробежала по нему и замерла, возбужденно подергивая хвостиком.

Как будто у окна сидишь, подумал Блейк, глядя на лесной пейзаж. Изображение не плоское, есть у него и глубина, и перспектива, а краски пейзажа не нарисованы: они такие, словно смотришь на настоящую природу.

Дом до сих пор обескураживал и смущал Блейка, а иногда и стеснял. В его фоновой памяти не было ничего такого, что могло бы подготовить его к подобным вещам. Хотя он вспомнил, что в те туманные времена, которые предшествовали полному забытью, кто-то (имени он не помнил) раскрыл загадку гравитации, а применение солнечной энергии стало обычным делом.

Однако Дом не только питался от собственной солнечной электростанции и летал при помощи антигравитационного приспособления. Он был чем-то большим, нежели просто дом. Это был робот, робот с введенной в него программой вышколенного слуги, а иногда в нем, казалось, просыпался материнский инстинкт. Он заботился о людях, которых приютил. Мысль об их благополучии прочно засела в его машинном мозгу. Дом болтал с людьми, обслуживал их, одергивал, хвалил, ворчал на них и баловал их. Он играл сразу три роли — жилища, слуги и приятеля. Со временем, подумалось Блейку, человек начнет относиться к своему дому как к верному и любящему другу.

Дом делал для вас все. Кормил, обстирывал, укладывал спать, а дай ему волю, он бы вам и нос вытирал. Он смотрел за вами, предугадывал любое желание, а порой создавал вам неудобства

своим неуемным усердием. Он выдумывал всякую всячину, которая, по его мнению, могла бы вам понравиться,— вроде этих мультобоев (тьфу, да не обои это вовсе!) с кроликом и поющей птичкой.

Однако к этому надо привыкнуть, сказал себе Блейк. Может быть, человеку, всю жизнь прожившему в таком доме, привыкать и не нужно. А вот если ты вернулся со звезд — бог знает откуда и из каких времен — и тебя швырнули сюда, тогда надо привыкать.

— Яичница с ветчиной готова! — громко объявила Кухня.— Идите и забирайте!

Глава 6

Он пришел в себя и обнаружил, что сидит, съежившись, в совершенно незнакомом и странном помещении, заставленном предметами искусственного происхождения, выполненными главным образом из дерева, а также из металла и ткани.

Его реакция была молниеносной. Он перестроился в пирамиду, форму твердого состояния, и окружил себя изолирующей сферой. Проверил, есть ли поблизости энергия, которая нужна ему для обеспечения собственных жизненных и мыслительных процессов, и обнаружил, что энергии много — целая волна из источника, нахождение которого определить не удавалось.

Теперь можно приступить к размышлениям. Мысль работала ясно и четко. Паутинка сонливости больше не мешала думать. Пирамидальное тело обладало идеальной массой, обеспечивающей ему стабильность и театр мыслительных операций.

Мысли он направил на случившееся с ним: каким образом после неопределенного промежутка времени, когда он едва существовал, если существовал вообще, он вдруг вновь стал самим собой, обрел форму и способность к действиям?

Стоило попытаться вернуться к самому началу, но начала не было, вернее, какое-то начало проглядывало, но оно было слишком размытым и неясным. И снова он искал, шарил, бродил по темным коридорам разума, но так и не находил точки, от которой можно было вести твердый и определенный отсчет.

А быть может, вопрос следовало поставить иначе: было ли у него прошлое? Его разум буквально захлестывала пенистая волна с обломками, приносимыми из прошлого,— обрывки инфор-

мации, напоминающие фоновую радиацию вокруг планет. Он пытался упорядочить пену и структуру, но структуры не выходило, обломки информации никак не хотели состыковываться.

Где же память, в панике подумал он, была же она раньше? Возможно, и сейчас информация есть, но что-то ее заслоняет, прячет, и лишь отдельные блоки данных выглядывают тут и там, и большей частью их невозможно с чем-либо соотнести...

Он снова окунулся в мешанину плывущих из прошлого обрывков и обломков и обнаружил воспоминание о неприветливой скалистой земле с массивным, как сами скалы, черным цилиндром, уходящим в серое небо на головокружительную высоту. Внутри цилиндра скрывалось что-то настолько невообразимое, грандиозное и поразительное, что разум отказывался воспринимать его.

Он поискал смысл воспоминания, хотя бы намек, но не нашел ничего, кроме образа черных скал и устремленного из них ввысь черного мрачного цилиндра.

Неохотно расставшись с этой картинкой, он перешел к следующей. На этот раз воспоминание оказалось поросшей цветами лощиной, переходящей в луг; луг благоухал тысячами ароматов, источаемых полевыми цветами. В воздухе вибрировали звуки музыки, в цветах шумно возились живые существа, и опять, он знал, во всем этом имелся какой-то смысл, но без ключа понять его было невозможно, а ключ никак не находился.

Однажды возник еще некто. Другое существо, и он был им, этим существом, которое улавливало картины и образы, овладевало ими и затем передавало; и не только образы, но и сопутствующую информацию. Картины, хоть и перепутанные, все еще хранились в мозгу, зато информация каким-то образом исчезла.

Он сжался еще больше, все глубже уплотняясь в пирамиду; мозг разрывали пустота и хаос, и он судорожно попытался вернуться в свое забытое прошлое, чтобы встретить то, другое, существо, которое охотилось за картинами и информацией.

Но искать было бесполезно. Он не знал, как дотянуться до того, другого, как прикоснуться к нему. И зарыдал от одиночества — в глубине себя, без слез и всхлипов, поскольку не умел проливать слезы или всхлипывать.

Потом он еще глубже зарылся во время и вдруг обнаружил период, когда еще не было того, другого, существа, а он все равно работал с данными и построенными на данных абстрак-

циями, однако информация и понятия были бесцветными, а экстраполированные картины — жесткими, застывшими, а порой и устрашающими.

Бессмысленно, подумал он. Бессмысленно пытаться.

Он так и не разобрался в своих воспоминаниях, он был собой лишь наполовину и не мог стать целым из-за отсутствия исходного материала. Ощутив накатывающую на него темноту, он не стал сопротивляться, а дождался ее и растворился в ней.

Глава 7

Блейк очнулся под вопли Комнаты.

— Куда вы ушли? — кричала она на него.— Куда вы ходили? Что с вами случилось?

Он сидел на полу посреди комнаты, поджав под себя ноги. А между тем ему следовало бы лежать в кровати. Комната снова завела свое.

— Куда вы ушли? — гремела она.— Что с вами случилось? Что...

— Ой, да замолчи ты,— сказал Блейк.

Комната замолчала. В окно струился свет утреннего солнца, где-то на улице щебетала птица. В комнате все как обычно, никаких изменений. Он помнил, что, когда ложился спать, она имела точно такой же вид.

— А теперь скажи мне, что именно тут произошло,— потребовал Блейк.

— Вы ушли! — взвыла Комната.— И построили вокруг себя стену...

— Стену?!

— Какое-то ничто,— отвечала Комната.— Какое-то сферическое ничто. Вы заполнили меня облаком из ничего.

— Ты с ума сошла,— сказал Блейк.— Как я мог это сделать?

Однако, не успев произнести эти слова, он понял, что Комната права. Комната умела только докладывать о тех явлениях, которые улавливала. Такой штукой, как воображение, она не обладала. Комната была всего лишь машиной и не имела опыта по части суеверий, мифов и сказок.

— Вы исчезли,— заявила Комната.— Завернулись в ничто и исчезли. Но прежде чем исчезнуть, вы изменились.

— Как это я мог измениться?

— Не знаю, но вы изменились. Вы растаяли и обрели иную форму или начали обретать иную форму. А потом закутались в ничто.

— И ты меня не чувствовала? И поэтому решила, что я исчез?

— Я вас не чувствовала,— ответила Комната.— Я не умею проникать сквозь ничто.

— Сквозь ЭТО ничто?

— Сквозь любое ничто,— сказала Комната.— Я не умею анализировать ничто.

Блейк поднялся с пола и потянулся за шортами, которые бросил накануне вечером. Надев их, он взял коричневый халат, висевший на спинке стула.

Халат оказался шерстяным. И Блейк вдруг вспомнил вчерашний вечер, вспомнил странный каменный дом, сенатора и его дочь.

— Вы изменились и создали вокруг себя оболочку из ничего.

Но он не помнил этого. Никакого намека на странное превращение не было в его памяти.

Не помнил он и случившегося накануне вечером — с того мига, когда вышел во внутренний дворик, и до момента, когда обнаружил, что стоит в добрых пяти милях и вокруг завывает буря.

— Господи, что же происходит? — спросил Блейк себя.

Он плюхнулся на кровать и положил халат на колени.

— Комната,— спросил он,— а ты уверена?

— Я уверена,— твердо ответила Комната, — что я бы не стала фантазировать.

— Да, конечно, не стала бы...

— Фантазия нелогична,— сказала Комната.

— Да, разумеется, ты права,— ответил Блейк. Он поднялся, накинул халат и двинулся к двери.

— Вам больше нечего сказать? — укоризненно сказала Комната.

— А что я могу сказать? — отозвался Блейк.— Ты знаешь об этом больше моего.

Он вышел в дверь и зашагал вдоль балкона. У лестницы Дом встретил его своим обычным утренним приветствием.

— С добрым утром, сэр,— сказал он.— Солнце взошло и светит ярко. Буря кончилась, и туч больше нет. Прогнозы обещают ясную и теплую погоду. Температура сейчас сорок девять

градусов, а в течение дня она превысит шестьдесят градусов* Прелестный осенний день, и все вокруг очень красиво. Чего изволите пожелать, сэр? Отделка? Мебель? Музыка?

— Спроси его, что подать на стол! — завопила Кухня.

— И что подать вам на стол? — спросил Дом.

— Может быть, овсянку?

— Овсянку! — вскричала Кухня.— Вечно эта овсянка! Или яичница с ветчиной. Или оладьи. Почему бы хоть разок не съесть что-нибудь эдакое? Почему...

— Овсянку,— твердо сказал Блейк.

— Человек хочет овсянки,— произнес Дом.

— Ладно,— сдалась Кухня.— Одна порция овсянки на подходе!

— Не обращайте на нее внимания,— сказал Дом.— В программу Кухни заложены всякие замысловатые рецепты, по которым она большая специалистка, но у нее почти не бывает возможностей воспользоваться хотя бы одним из них. Почему бы вам, сэр, когда-нибудь, просто забавы ради, не разрешить Кухне...

— Овсянки,— сказал Блейк.

— Хорошо, сэр. Утренняя газета на лотке в почтографе, но сегодняшнее утро небогато новостями.

— Если не возражаешь, я посмотрю ее сам,— сказал Блейк

— Конечно, сэр. Как вам угодно, сэр. Я лишь стараюсь информировать...

— Постарайся не перестараться,— посоветовал Блейк.

— Извините, сэр,— сказал Дом.— Я буду следить за собой

В прихожей Блейк взял газету и сунул ее под мышку, потом подошел к окну в боковой стене и выглянул наружу. Соседний дом исчез. Платформа опустела

— Они уехали нынче утром,— объяснил Дом.— Около часа назад. Думаю, ненадолго, в отпуск. Мы все очень рады...

— Мы?

— Да, а что? Все остальные дома, сэр. Мы рады, что они уехали ненадолго и вернутся опять. Они очень хорошие соседи, сэр.

— Ты, похоже, много о них знаешь. А я даже не разговаривал с ними.

— О,— произнес Дом,— я не о людях, сэр. Я не о них говорил. Я имел в виду сам дом.

---

* По Фаренгейту соответственно 9 °С и 15 °С

— Значит, и вы, дома, смотрите друг на друга как на соседей?

— Ну разумеется. Мы наносим визиты, болтаем о том о сем.

— Обмениваетесь информацией?

— Естественно,— ответил Дом.— Но давайте поговорим об интерьере.

— Меня вполне устраивает и нынешний.

— Он не менялся уже много недель.

— Что ж,— задумчиво произнес Блейк,— попробуй поупражняться с обоями в столовой.

— Это не обои, сэр.

— Знаю, что не обои. Я хочу сказать, что мне уже начинает надоедать созерцание кролика, щиплющего клевер.

— Что бы вы хотели вместо кролика?

— Что угодно, на твой вкус. Лишь бы там кроликов не было.

— Но мы можем создавать тысячи комбинаций, сэр.

— Что твоей душе угодно,— сказал Блейк.— Только смотри, чтобы без кроликов.

Он отвернулся от окна и пошел в столовую. Со стен на него уставились глаза — тысячи глаз, глаз без лиц, глаз, сорванных с множества лиц и наклеенных на стены. Глаз, составляющих пары и существующих поодиночке. И все они смотрели прямо на Блейка.

Были здесь синие детские глазки, глядевшие с задумчивой невинностью; глаза, налитые кровью и горевшие устрашающим огнем; был глаз распутника и мутный, слезящийся глаз дряхлого старика. И все они знали Блейка, знали, кто он такой. Если бы к этим глазам прилагались рты, все они сейчас говорили бы с Блейком, кричали на него, строили ему гримасы.

— Дом! — воскликнул он.

— В чем дело, сэр?

— Глаза!

— Сэр, вы же сказали: все что угодно, только не кроликов. Я подумал, что глаза — нечто совершенно новое...

— Убери их отсюда! — взревел Блейк.

Глаза исчезли, и вместо них появился пляж, сбегавший к морю. Белый песок тянулся до вздымающихся волн, бьющихся о берег, а на далеком мысу гнулись под ветром хилые, истерзанные стихией деревья. Над водой с криками летали птицы, а в комнате стоял запах соли и песка.

— Лучше? — спросил Дом.

— Да,— ответил Блейк,— гораздо лучше. Большое спасибо.

Он сидел, завороженно глядя на эту картину. Как на пляже сидишь.

— Мы включили звук и запах,— сказал Дом.— Можем добавить и ветер.

— Нет,— ответил Блейк,— этого вполне достаточно.

Грохочущие волны набегали на берег, птицы с криками реяли над ними, по небу катились черные тучи. Интересно, существует ли нечто такое, что Дом не способен воспроизвести на этой стене? Тысячи комбинаций, сказал он. Человек может сидеть здесь и смотреть на то, что создал Дом.

Дом, подумал Блейк. Что такое дом? Как он развился в то, чем стал? Сначала, на туманной заре человечества, дом был всего лишь укрытием, защищавшим людей от ветра и дождя, местом, куда можно было забиться, спрятаться. И это определение применимо к нему и сейчас, но теперь люди не только забиваются и прячутся в него: дом стал местом для жизни. Быть может, когда-нибудь в будущем настанет день и человек перестанет покидать свой дом, будет проводить в нем всю свою жизнь, не отваживаясь выглянуть за дверь, избавившись от необходимости или потребности пускаться в странствия.

И этот день, сказал себе Блейк, может быть, ближе, чем думают. Поскольку дом уже не просто укрытие и не просто место, где живут. Он стал приятелем и слугой, и в его стенах найдется все, что может понадобиться человеку.

Рядом с гостиной располагалась маленькая комнатка, где стоял трехмерник — естественное продолжение и плод развития телевидения, которое Блейк знал еще двести лет назад. Но теперь его не смотрели и слушали, а как бы ощущали на себе. Растянувшийся вдоль стены кусочек морского берега — частица образа, подумал Блейк. Оказавшись в этой комнате и включив прибор, вы приобщаетесь к действию и словно участвуете в спектакле. Вас не просто подхватывают и обволакивают звуки, запахи, вкус, температура и ощущение происходящего; вы как-то незаметно превращаетесь в сознающую и сопереживающую частицу того действия и того чувства, которое разворачивает перед вашими глазами комната.

А напротив трехмерника, в углу жилой зоны, располагалась библиотека, храня в своем наивном электронном естестве всю литературу, уцелевшую на протяжении долгой истории человечества. Здесь можно было поворотом диска вызвать к жизни

все еще сохранившиеся мысли и надежды любого человеческого существа, когда-либо писавшего слова в надежде запечатлеть на бумажном листе собранные воедино чувства, убеждения и опыт, ключом бьющие из глубин разума.

Этот дом далеко ушел от своих собратьев двухсотлетней давности, превратившись в строение и институт, достойные удивления. Быть может, еще через двести лет он изменится и усовершенствуется настолько, насколько изменился за два прошедших века. Есть ли предел развитию самого понятия «дом»? — спросил себя Блейк.

Он развернул газету и увидел, что Дом был прав: новостей оказалось немного. Еще троих человек выбрали в кандидаты на Кладезь Разума, и теперь они войдут в число избранных, чьи мысли и характеры, знания и ум вот уже триста лет вводятся в большой банк разума, хранящий в своих сердечниках накопленные умнейшими людьми планеты суждения и идеи.

Североамериканский проект изменения погоды в конце концов отослали на просмотр в Верховный Суд, заседавший в Риме.

Перебранка по вопросу о судьбе креветок побережья Флориды все еще продолжается.

Исследовательский звездолет, отсутствовавший десять лет и считавшийся пропавшим, наконец приземлился в Москве.

И последнее: окружные слушания по предложенным биоинженерами программам начнутся в Вашингтоне завтра. Статья о биоинженерии сопровождалась двумя заметками, по колонке каждая. Одну написал сенатор Чандлер Гортон, вторую — сенатор Соломон Стоун.

Блейк свернул газету и уселся читать.

«ВАШИНГТОН, СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА. Завтра здесь откроются окружные слушания. Два сенатора Северной Америки вступят в единоборство из-за плана вызывающей многочисленные споры биоинженерной программы. Ни один проект последних лет не будоражил до такой степени воображение общественности. Нет в сегодняшнем мире вопроса, вызывающего большие разногласия.

Два североамериканских сенатора занимают диаметрально противоположные позиции. Впрочем, они соперничали друг с другом на протяжении почти всей своей политической карьеры. Сенатор Чандлер Гортон твердо стоит за одобрение предложения, которое в начале будущего года будет вынесено на всемирный референдум. Сенатор Соломон Стоун находится в столь же твердой оппозиции к нему.

В том, что эти два человека оказались по разные стороны баррикад, нет ничего нового. Но политическое значение этого вопроса возрастает в связи с так называемым принципом Единогласия, предусматривающим, что по вопросам такого рода, вынесенным на всемирный референдум, наказы избирателей должны быть единогласно утверждены членами Всемирного Сената в Женеве. Таким образом, при голосовании "за" от сенатора Стоуна потребуют отдать свой голос в сенате в поддержку мероприятия. Не сделав этого, он вынужден будет отступить, подав в отставку. Тогда будут назначены специальные выборы для замещения вакансии, образовавшейся в результате его отставки. В списки на внеочередные выборы попадут лишь те кандидаты, которые предварительно объявили о своей поддержке мероприятия.

Если референдум отклонит мероприятие, точно в таком же положении окажется сенатор Гортон.

В прошлом в подобных ситуациях некоторые сенаторы сохраняли свои посты, голосуя за предложения, против которых они возражали. Ни Стоун, ни Гортон, по мнению большинства обозревателей, на это не пойдут. Оба поставили на карту свое доброе имя и политическую карьеру. Их политические философии находятся на противоположных полюсах спектра, и многолетняя личная неприязнь друг к другу стала в сенате притчей во языцех. Сейчас никто не верит, что тот или другой...»

— Простите, сэр,— сказал Дом,— но Верхний Этаж информирует меня, что с вами происходит нечто странное. Надеюсь, вы здоровы?

Блейк поднял голову.

— Да,— ответил он,— я здоров.

— Однако мысль повидаться с врачом, вероятно, покажется вам достойной внимания,— настаивал Дом.

Блейк отложил газету. В конце концов, несмотря на всю свою чопорность, Дом действует из лучших побуждений. Ведь это вспомогательный механизм, и единственная его цель и забота — служить человеческому существу, которому он дает кров.

— Может, ты и прав,— сказал Блейк.

Несомненно, что-то было не так.

За сутки с ним дважды происходило нечто странное.

— В Вашингтоне был какой-то врач,— сказал он.— В той больнице, куда меня привезли, чтобы оживить. По-моему, его звали Даниельс.

— Доктор Майкл Даниельс,— сказал Дом.

— Ты знаешь его имя?

— У нас есть полное досье на вас,— отвечал Дом.— А иначе мы не смогли бы обслужить вас должным образом.

— Значит, у тебя есть его номер? Ты можешь позвонить ему?

— Разумеется. Если вы этого пожелаете.

— Будь любезен,— сказал Блейк. Он положил газету на стол, поднялся и пошел в гостиную. Там уселся перед телефоном, и маленький экран, моргая, засветился.

— Минутку,— проговорил Дом.

Экран прояснился, и на нем появились голова и плечи доктора Майкла Даниельса.

— Это Эндрю Блейк. Вы меня помните?

— Конечно, помню,— ответил Даниельс.— Только вчера вечером думал о вас. Как у вас дела?

— Физически я в полном порядке,— сказал Блейк.— Но у меня были... наверное, вы назвали бы их галлюцинациями, хотя это нечто совсем иное.

— Но вы не думаете, что это галлюцинации?

— Совершенно уверен, что нет,— ответил Блейк.

— Вы не могли бы приехать? — спросил Даниельс.— Я хотел бы обследовать вас.

— Приеду с радостью, доктор.

— Вашингтон расползается по швам,— сообщил Даниельс.— Все забито, люди прибывают на этот биоинженерный спектакль. Напротив нас, через улицу, есть стоянка для домов. Вы подождете, пока я справлюсь о свободных местах?

— Подожду,— ответил Блейк.

Лицо Даниельса исчезло, и на экране заплясали размытые и неясные очертания кабинета.

Послышался громовой голос Кухни:

— Одна порция овсянки готова! И кусок поджаренного хлеба тоже! И яичница с ветчиной тоже! И кофейник с кофе тоже!

— Хозяин разговаривает по телефону,— укоризненно проговорил Дом.— И заказывал он только овсянку.

— А может, хозяин передумает,— возразила Кухня.— Может, овсянки не хватит. Может, он голоднее, чем ему кажется. Вы же не хотите, чтобы про нас говорили, будто мы морим его голодом.

Даниельс вновь появился на экране.

— Спасибо, что дождались,— сказал он.— Я проверил, свободного места сейчас нет. Утром освободится один фундамент, я зарезервировал его для вас. Вы можете подождать до утра?

— Наверное, могу,— ответил Блейк.— Я хотел только поговорить с вами.

— Но мы можем поговорить прямо сейчас.

Блейк покачал головой.

— Понимаю,— сказал Даниельс.— Тогда до завтра. Скажем, в час дня. Каковы ваши планы на сегодня?

— У меня нет никаких планов.

— А почему бы вам не отправиться на рыбалку? Отвлечетесь, займетесь делом. Вы рыболов?

— Не знаю. Не думал об этом. Может, и был рыболовом. Название этого вида спорта мне знакомо.

— Кое-что мало-помалу возвращается,— сказал Даниельс.— Вспоминается...

— Не вспоминается. Просто формируется фон. Временами какая-то крупица встает на свое место, но все это едва ли что-либо говорит мне. Кто-то что-то скажет или я о чем-то прочитаю и вдруг понимаю, что это мне знакомо. Вдруг узнаю какое-то высказывание, явление или место. Что-то такое, что я знал в прошлом, с чем сталкивался, но не помню, как, когда и в каких условиях.

— Если б в этом вашем фоне нашлась для нас какая-нибудь зацепка, нам было бы легче,— сказал Даниельс.

— Я просто живу с этим фоном,— сообщил Блейк.— Кроме него, мне не на что опереться.

— Ладно,— отступился Даниельс.— Сегодня поудите рыбку всласть, а завтра увидимся. Кажется, неподалеку от вас есть речушки с форелью. Поищите одну из них.

— Спасибо, доктор.

Телефон со щелчком отключился, экран померк. Блейк отвернулся.

— После завтрака во внутреннем дворике вас будет ждать леталка. Рыболовные снасти вы найдете в задней спальне, которая используется под кладовку, а Кухня соберет вам ленч. Ну а я пока поищу хороший ручей с форелью и подскажу вам, как к нему добраться и...

— Прекратите болтовню! — загремела Кухня.— Завтрак стынет!

Глава 8

Вода пенилась в завалах из упавших деревьев и кустов. Речка бурливо обтекала препятствие, но затем успокаивалась, образуя черную заводь.

Блейк осторожно направил похожую на стул леталку к земле и посадил ее рядом с запрудой у березовой рощи. Когда леталка остановилась, он отключил гравитационное поле. Несколько минут Блейк неподвижно сидел в кресле, слушая журчание воды; глубокая, тихая заводь очаровала его. Впереди к небу возносился горный кряж.

Наконец Блейк выбрался из леталки и отвязал от спинки корзину с обедом, чтобы достать рыболовные снасти. Он поставил корзину сбоку, на траву рядом с березами, росшими на берегу.

Что-то завозилось в запруде из перекореженных древесных стволов, лежавших поперек ручья. Блейк резко обернулся на звук. Из-под бревна на него смотрела пара маленьких блестящих глаз. Норка, подумал Блейк, а может быть, выдра.

— Эй, ты,— сказал он,— не возражаешь, если я попытаю тут счастья?

— Эй, вы,— ответило существо высоким писклявым голосом,— какое счастье вы хотите попытать?

— Что ты...— Голос Блейка замер.

Существо выбралось из-под бревна. Оно оказалось и не норкой, и не выдрой, а двуногим зверьком, словно сошедшим со страниц детской книжки. Волосатую мордочку грызуна венчал высокий куполообразный череп, над которым торчала пара остроконечных ушек с кисточками на концах. Существо имело около двух футов роста, и его туловище покрывала гладкая меховая шубка бурого цвета. Оно было одето в ярко-красные штанишки, состоявшие чуть ли не из одних карманов, а ручки существа оканчивались длинными тонкими пальцами.

— Может быть, в этой корзине найдется еда? — спросило оно своим писклявым голосом.

— Да, разумеется,— ответил Блейк.— Ты, как я понимаю, голоден?

Это, конечно же, какое-то наваждение. Вот сейчас, через минуту, если не меньше, картинка из детской книжки исчезнет и он сможет заняться рыбной ловлей.

— Я просто умираю от голода,— подтвердила картинка.— Люди, которые подкармливают меня, уехали в отпуск, и с тех

пор я попрошайничаю. Может быть, и вам когда-нибудь приходилось добывать себе пропитание подобным образом?

— Не знаю,— ответил Блейк.

Существо не исчезло. Оно по-прежнему находилось здесь и разговаривало, и от него не было избавления. Боже мой, подумал Блейк, опять начинается!

— Если ты голоден,— сказал он,— давай заглянем в корзинку. Что ты больше всего любишь?

— Я ем все, что считают съедобным люди. Мой обмен веществ удивительно схож с обменом веществ у землян.

Они вместе подошли к корзинке, и Блейк поднял крышку.

— Кажется, мое появление из-под груды бревен оставило вас равнодушным,— сказало существо.

— Это не мое дело,— ответил Блейк, пытаясь заставить себя соображать быстрее и чувствуя, что ему это не удается.— Тут у нас есть бутерброды, пирог, горшочек с... да, с салатом из помидоров, яичница с пряностями...

— Если вы не возражаете, я возьму парочку бутербродов.

— Давай, не стесняйся,— пригласил Блейк.

— А вы не составите мне компанию?

— Я только что позавтракал.

Существо село и с аппетитом набросилось на еду, держа в каждой руке по бутерброду.

— Простите мне такое некрасивое поведение за столом,— сказало оно Блейку,— но я уже почти две недели толком не ел. Наверное, я переоценивал щедрость людей. Те, кто обо мне заботился, приносили хорошую еду. Не в пример большинству людей, которые поставят плошку молока, и все.

Существо ело. На его подрагивающие бакенбарды налипли крошки. Покончив с бутербродами, оно протянуло руку, но потом остановилось, и рука замерла над корзинкой.

— Вы не возражаете? — спросило оно.

— Ничуть,— ответил Блейк.

Существо взяло еще один бутерброд.

— Простите меня,— сказало оно,— но сколько вас здесь?

— Сколько здесь меня?

— Да, вас. Сколько вас тут?

— Но ведь я один,— удивился Блейк.— Откуда же взяться другим «я»?

— Конечно, это очень глупо с моей стороны,— сказало существо,— но когда я впервые увидел вас, я готов был поклясться, что вас больше одного.

Оно принялось за бутерброд, но теперь ело чуть медленнее, чем тогда, когда расправлялось с первыми двумя. Разделавшись и с ним, существо аккуратно смахнуло с бакенбард крошки.

— Большое вам спасибо,— поблагодарило оно.

— Всегда к твоим услугам,— ответил Блейк.— Ты уверен, что не хочешь еще?

— Бутербродов, пожалуй, нет, но если у вас лишний кусочек пирога...

— Угощайся,— пригласил Блейк.

Существо без промедления воспользовалось приглашением.

— Ты задал мне вопрос,— добавил Блейк.— Как ты думаешь, справедливо будет, если и я кое о чем тебя спрошу?

— В высшей степени справедливо,— подтвердило существо.— Валяйте, спрашивайте.

— Я никак не пойму, кто ты такой,— признался Блейк.

— Вот те на! — воскликнуло существо.— А я-то думал, вам известно. Мне и в голову не приходило, что вы можете не узнать меня.

Блейк покачал головой:

— Не узнаю. Ты уж извини.

— Я — Брауни*,— с поклоном представилось существо.— К вашим услугам, сэр.

Глава 9

Когда Блейка ввели в кабинет, доктор Майкл Даниельс уже ждал его за своим столом.

— Ну, как самочувствие нынче утром? — спросил он.

Блейк слабо улыбнулся:

— Неплохо, если вспомнить все вчерашние обследования. Интересно, есть ли такие тесты, которым меня не подвергали?

— В общем, мы испробовали почти все,— признался Даниельс.— Еще один или два теста в запасе, и если...

— Нет уж, спасибо.

Даниельс жестом указал на стул:

— Располагайтесь. Нам есть о чем поговорить.

Блейк сел на предложенный стул. Даниельс подтянул к себе пухлую папку и раскрыл ее.

---

* Брауни — домовой *(англ.)*.

— Я так полагаю,— сказал Блейк,— что вы проверяли различные варианты событий, которые могли произойти со мной в космосе. Удачно?

Даниельс покачал головой:

— Ничего не вышло. Мы просмотрели списки пассажиров и команд всех пропавших кораблей. Точнее, это сделала Космическая служба. Вы интересуете их точно так же, как и меня, если не больше.

— Списки пассажиров мало что вам скажут,— проговорил Блейк.— Там будет лишь имя, а ведь мы не знаем...

— Верно,— сказал Даниельс,— есть еще отпечатки пальцев и фонограммы голосов. Но все не ваши.

— Однако я ведь как-то попал в космос.

— Да, попали, это нам известно. Известно и то, что вас кто-то заморозил. Сумей мы выяснить, почему это было сделано, мы узнали бы гораздо больше, чем нам известно сейчас. Но ведь когда пропадает корабль, пропадают и все записи.

— Я и сам пораскинул мозгами,— сказал Блейк.— Мы все время исходили из предположения, что меня заморозили, чтобы спасти мне жизнь. Значит, до того, как корабль попал в беду. Кто мог знать, что он попадет в аварию? Хотя, видимо, бывают положения, когда это известно заранее. А вам не приходило в голову, что меня заморозили и выбросили из корабля потому, что мое присутствие на борту было нежелательно? Может быть, я что-то натворил, или меня боялись, или еще что-нибудь в этом роде?

— Нет,— ответил Даниельс,— об этом я не думал. Но допускал, что вы можете оказаться не единственным замороженным, не единственным человеком, заключенным в капсулу. То же самое могли проделать с другими, и эти другие до сих пор там, в космосе. Просто вас случайно нашли. Если у них было время, они могли сохранить таким способом жизнь людей.

— Давайте вернемся к вопросу о том, почему меня вышвырнули из корабля. Если бы я был негодяем, от которого надо избавиться, к чему предпринимать попытку сохранить мне жизнь?

Даниельс покачал головой.

— Ума не приложу. Пока мы можем только гадать. Возможно, вам придется примириться с мыслью, что вы никогда не узнаете правды. Я надеялся, что вы мало-помалу вспомните свое прошлое, но этого пока не случилось. И, вероятно, не случится.

— Вы хотите сказать, что я должен отступиться?

— Нет. Мы не оставим наших попыток до тех пор, пока вы согласны помогать нам. Но я считаю своим долгом сказать вам, что они, скорее всего, закончатся ничем.

— Что ж, это честно,— ответил Блейк.— Тем более что трудно обижаться в этом мире.

— Как ваша позавчерашняя рыбалка? — спросил Даниельс.

— Хорошо,— ответил Блейк.— Выудил шесть форелей, прекрасно провел денек на свежем воздухе. Чего, как я подозреваю, вы и добивались.

— Галлюцинаций не было?

— Было одно видение,— сказал Блейк.— Я утаил его от вас, но сегодня утром решил рассказать. Галлюцинацией больше, галлюцинацией меньше — какая разница? На рыбалке я повстречал Брауни.

— О! — вырвалось у Даниельса.

— Вы слышали? Я встретил Брауни и говорил с ним. Он съел почти весь мой ленч. Вы понимаете, кого я имею в виду? Маленькие народцы из детских сказок. Брауни из их числа. У них большие острые уши и высокая остроконечная кепка. Только у моего кепки не было, а физиономия напоминала мордочку грызуна.

— Вам повезло: не так уж много людей когда-либо видели Брауни. А тех, что с ними разговаривали, еще меньше.

— Вы хотите сказать, что Брауни не галлюцинация?

— Разумеется, нет. Это переселенцы из созвездия Енотовой Шкуры. Их немного. Родоначальников их привезли на Землю, наверное, лет сто — сто пятьдесят назад на исследовательском корабле. Предполагалось, что Брауни немного погостят у нас — что-то вроде культурного обмена,— а потом вернутся домой. Но им тут понравилось, и они официально попросили разрешения остаться, после чего мало-помалу разбрелись по Земле, облюбовав для обитания леса и живя в норах, пещерах, дуплах деревьев.— Даниельс озадаченно покачал головой.— Странный народ. Они отказались почти от всех предложенных людьми льгот, не пожелали иметь ничего общего с нашей цивилизацией; культура землян не произвела на них впечатления, но сама планета понравилась. Понравилась как место, где они могли бы жить, но жить, разумеется, на свой лад. Нам не так много известно о них. Цивилизация у Брауни, похоже, высокоразвитая, но совсем не такая, как у нас. Они умны, но исповедуют цен-

ности, отличные от наших. Кое-кто из них, как я понимаю, прибился к семьям или отдельным людям, те их подкармливают и дают одежду. Любопытные взаимоотношения. Брауни для этих людей — вовсе не домашнее животное. Вероятно, они служат чем-то вроде талисманов и немного похожи в представлениях землян на настоящих домовых.

— Будь я проклят! — пробормотал Блейк.

— Вы решили, что ваш Брауни — очередная галлюцинация?

— Да. Я все время ждал, что он уйдет. Просто исчезнет. А он не исчезал. Сидел, ел, смахивал с бакенбард крошки и подсказывал мне, куда забрасывать мух. «Вон туда, туда! — говорил Брауни.— Там большая форель! Между тем водоворотом и берегом!» И там действительно оказывалась большая форель. Похоже, он знал, где искать рыбу.

— Так Брауни благодарил вас за угощение. Не удивлюсь, если он и в самом деле знал,— сказал Даниельс.— Как я уже говорил, мы мало знаем о Брауни. Вероятно, они обладают способностями, которых не хватает нам. Может быть, одна из них и состоит в том, что они знают, где прячется рыба.— Он бросил на Блейка пытливый взгляд: — Вам никогда не приходилось слышать о домовых? О настоящих домовых?

— Нет, никогда.

— Думаю, это обстоятельство многое проясняет. Будь вы тогда на Земле, вы бы о них слышали.

— Может быть, и слышал, но не помню.

— Не думаю. Их появление, судя по письменным источникам тех времен, произвело огромное впечатление на общество. Вы бы вспомнили, если бы слышали о них. Такое событие должно было глубоко отпечататься в памяти.

— У нас есть и другие временные вехи,— сказал Блейк.— Наряды, которые мы сейчас носим, мне в новинку. Туники, шорты, сандалии... Я вспоминаю, что сам носил какие-то брюки и короткую куртку. А корабли? Гравитационные решетки мне незнакомы. Я вспоминаю, что мы использовали ядерную энергию.

— Мы и сейчас ее используем.

— Да, но теперь она служит лишь вспомогательным средством для достижения больших ускорений. Основную энергию получают в результате преобразования гравитационных сил.

— Но ведь существует еще множество незнакомых вам вещей,— сказал Даниельс.— Дома...

— Поначалу они чуть не свели меня с ума,— сказал Блейк.— Но не это беспокоит меня больше всего. Я осознаю все происходящее до какого-то момента, потом наступает провал, причем он длится строго определенное время. И наконец я снова прихожу в себя. И не помню ничего из того, что происходит во время провала, хотя убежден, что какие-то события происходят. Но я не имею о них ни малейшего представления. Может быть, у вас есть какие-то идеи?

— Честно говоря, нет,— ответил Даниельс.— Два связанных с вами обстоятельства... как бы это лучше выразиться... смущают меня. Первое: ваше физическое состояние. Выглядите вы лет на тридцать — тридцать пять. Но ваше тело — тело юноши. Никаких признаков увядания. А если так, почему у вас лицо тридцатилетнего?

— А второе обстоятельство? Вы говорили, что их два.

— Второе? Ваша электроэнцефалограмма имеет странный вид. Главные линии мозга на ней присутствуют, и их можно различить. Но есть и еще что-то. Картина почти такая... Даже и не знаю, как вам сказать... Почти такая, словно на ваши линии наложены другие. Слишком слабые линии. Вероятно, их можно назвать вспомогательными. Они видны, но не очень выражены.

— Что вы хотите сказать, доктор? Что я не в своем уме? Это, во всяком случае, объясняет галлюцинации. Выходит, они действительно существуют?

Даниельс покачал головой.

— Нет, не то. Но картина странная. Никаких признаков заболевания. Никаких свидетельств умственного расстройства. Очевидно, ваш разум так же здоров и нормален, как и ваше тело. Но энцефалограмма такая, как если бы у вас был не один мозг, а больше. Хотя мы знаем, что он один. Рентген показал это.

— Вы уверены, что я человек?

— Ваше тело отвечает на этот вопрос положительно. А почему вы спросили?

— Не знаю,— проговорил Блейк.— Вы нашли меня в космосе. Я прибыл из космоса...

— Понимаю,— сказал Даниельс.— Забудьте об этом. У нас нет ни малейших оснований считать вас нечеловеком. Подавляющее большинство признаков говорит за то, что вы — человек.

— И что же мне делать теперь? Возвращаться домой и ждать новых...

— Не сейчас,— ответил Даниельс.— Мы хотели бы, чтобы вы немного погостили у нас. Еще несколько дней. Если вы согласны.

— Опять тесты?

— Возможно. Я хотел бы поговорить кое с кем из коллег, показать вас им. Может быть, они сумеют что-то предложить. Но главная причина, по которой я просил бы вас остаться,— новое обследование.

Глава 10

Выдержка из протокола сенатского расследования (округ Вашингтон, Северная Америка) по вопросу о биоинженерной программе как основе политики колонизации других солнечных систем:

Питер Доути, адвокат комиссии: Ваше имя — Остин Люкас?

Доктор Люкас: Да, сэр. Я живу в Тенафлае, Нью-Джерси, и работаю в «Байолоджикс инкорпорейтед», в Нью-Йорк-сити, на Манхаттане.

Мистер Доути: Вы возглавляете научно-исследовательский отдел этой компании, не так ли?

Доктор Люкас: Я руководитель одной из исследовательских программ.

Мистер Доути: И эта программа касается биоинженерии?

Доктор Люкас: Да, сэр. Сейчас нас особенно интересует проблема выведения многоцелевых сельскохозяйственных животных.

Мистер Доути: Будьте добры объяснить.

Доктор Люкас: С радостью. Наша задача — вывести животное — поставщика сразу нескольких видов мяса, молока, шерсти, меха или щетины, а возможно, и всего этого вместе. Мы надеемся, что оно сможет заменить всех тех многочисленных животных, которых человек разводил со времен неолита.

Сенатор Стоун: И вы, доктор Люкас, как я понимаю, имеете некоторые основания считать, что ваши исследования принесут какую-то практическую пользу?

Доктор Люкас: Да, имею. Я бы сказал, что с главными задачами мы уже справились. Мы получили стадо таких животных и теперь занимаемся доводкой.

Сенатор Стоун: И здесь вы тоже имеете определенную надежду на успех?

Доктор Люкас: Мы работаем с большим воодушевлением.

Сенатор Стоун: Можно спросить, как вы называете животное, которое получили?

Доктор Люкас: У него нет названия, сенатор. Мы не забивали себе голову такой проблемой.

Сенатор Стоун: Оно же не будет коровой, не так ли?

Доктор Люкас: Нет. Не совсем коровой. Но в нем, естественно, будет что-то и от нее.

Сенатор Стоун: Не будет свиньей? Не будет овцой?

Доктор Люкас: Ни свиньей, ни овцой. Не на сто процентов, конечно. Оно будет иметь некоторые черты свиньи и овцы.

Сенатор Гортон: По-моему, в этом длинном вступлении нет никакой нужды. Мой уважаемый коллега хочет спросить, стало ли создание, которое вы выводите, неким совершенно новым существом, представителем, так сказать, синтетической жизни. Или же оно может претендовать на родственность современным природным формам?

Доктор Люкас: Это крайне сложный вопрос, сэр. Можно сказать — и это будет чистой правдой,— что ныне существующие формы жизни не были забыты и использовались как модели, но то, что мы получили,— в основном новая порода животного.

Сенатор Стоун: Благодарю вас, сэр. Хочу также поблагодарить моего коллегу-сенатора за то, что он так быстро подхватил нить моих расспросов. Итак, мы имеем, как вы выразились, совершенно новое существо, которое, возможно, отдаленно родственно корове, свинье, овце или, быть может, даже другим формам жизни...

Доктор Люкас: Да, другим формам жизни. Может быть, где-то и есть предел, но сейчас мы его не видим. Мы полагаем, что можем продолжать создавать различные формы жизни, скрещивая их, чтобы получить жизнеспособный гибрид.

Сенатор Стоун: И чем дальше вы продвигаетесь в этом направлении, тем меньше становится степень родства этой вашей формы с любой ныне существующей?

Доктор Люкас: Да, думаю, что можно сказать и так. Но я предпочел бы поразмыслить, прежде чем дать ответ.

Сенатор Стоун: А теперь, доктор, позвольте спросить вас о другом. Биоинженерия на уровне животных вами освоена. А можно ли проделать то же самое с человеческим существом?

Доктор Люкас: Да, разумеется, можно.

Сенатор Стоун: Вы уверены, что в лаборатории можно создать новый тип человека? Может быть, даже много разных типов?

Доктор Люкас: Я в этом не сомневаюсь.

Сенатор Стоун: А когда это будет сделано, когда вы создадите человека с заданными параметрами, даст ли он приплод того же вида, какой вы создали?

Доктор Люкас: Такой вопрос даже не ставится. Созданные нами животные дали породистый приплод. И у людей дела должны обстоять так же. Простейшее изменение генетического материала — вот на что надо обратить внимание в первую очередь, понимаете?

Сенатор Стоун: Давайте внесем ясность. Допустим, вы вывели новую породу людей. Значит, эта порода даст потомство такой же породы?

Доктор Люкас: Точно такой же. Не считая, разумеется, маленьких мутаций и изменений, происходящих в эволюционном процессе вслепую. Но это присуще и естественным формам. Именно так развилась вся нынешняя жизнь.

Сенатор Стоун: Допустим, вы создадите новый тип человеческого существа. Скажем, тип, способный жить в условиях гораздо большей силы тяжести, чем на Земле, способный дышать другим воздухом, питаться пищей, которая ядовита для ныне существующих людей. Смогли бы вы... гм... позвольте поставить вопрос иначе. Как по-вашему, возможно ли создание такой формы жизни?

Доктор Люкас: Вы, разумеется, просите меня высказать лишь мое личное мнение?

Сенатор Стоун: Совершенно верно.

Доктор Люкас: Ну что ж. Я сказал бы, что это возможно. Сначала в расчет принимаются все задействованные факторы, потом набрасывается биологический проект и...

Сенатор Стоун: Но это выполнимо?

Доктор Люкас: Без всякого сомнения.

Сенатор Стоун: Вы можете сконструировать существо, способное жить в условиях практически любой планеты?

Доктор Люкас: Должен со всей ясностью заявить, что не могу. Биоинженерия человека не моя область. Но вообще это доступно науке нынешнего уровня. Сегодня этой задачей заняты люди, способные ее решить. Не сказал бы, что сейчас предпринимается серьезная попытка создать такого человека, но пути решения проблемы выработаны.

Сенатор Стоун: И процесс тоже разработан?

Доктор Люкас: Как я понимаю, да. И процесс.

Сенатор Стоун: И люди, разработавшие процесс, смогли бы сконструировать и создать человеческое существо, способное жить в условиях любой планеты?

Доктор Люкас: Это вы уже хватили, сенатор. Не в любых условиях. Со временем — возможно, но не теперь. Разумеется, могут встретиться и такие условия, которые совершенно исключают любую форму жизни.

Сенатор Стоун: Однако можно создать форму человеческой жизни, которая будет существовать при разнообразных условиях, не допускающих существования людей в том виде, в каком мы их знаем?

Доктор Люкас: Думаю, это справедливое утверждение.

Сенатор Стоун: Тогда позвольте спросить вас, доктор... Если такое существо будет создано, останется ли оно человеком?

Доктор Люкас: В основе своей, насколько это возможно, оно будет иметь биологические и умственные черты человеческого существа. С чего-то ведь нужно начинать.

Сенатор Стоун: Будет ли оно выглядеть как человеческое существо?

Доктор Люкас: Во многих случаях нет.

Сенатор Стоун: Вернее сказать, в большинстве случаев. Правильно, доктор?

Доктор Люкас: Это будет всецело зависеть от того, насколько неблагоприятны параметры окружающей среды, с которой придется столкнуться.

Сенатор Стоун: И в каких-то случаях это существо будет иметь вид чудовища?

Доктор Люкас: Сенатор, вы должны соблюдать точность терминологии. Что такое чудовище?

Сенатор Стоун: Хорошо. Давайте назовем чудовищем живое существо, на которое человек смотрит с отвращением. Живое существо, в котором человек не может видеть своего соро-

дича. Живое существо, встретившись с которым человек может испытывать страх, ужас, ненависть или омерзение.

Доктор Люкас: Почувствует ли человек ненависть и омерзение, в немалой степени зависит от того, что это за человек. При правильном отношении...

Сенатор Стоун: Давайте оставим в стороне вопрос о правильном отношении. Возьмем обычных мужчину или женщину, любого из сидящих в этой комнате. Могут ли некоторые люди испытать ненависть и омерзение при виде этого гипотетического создания?

Доктор Люкас: Кое-кто из них, наверное, может. И я хотел бы поправить вас, сенатор. Вот вы говорите «чудовище». Я могу не считать его чудовищем. В чудовище его превращает ваше воображение...

Сенатор Стоун: Но определенные человеческие существа могут счесть такое создание чудовищем?

Доктор Люкас: Кое-кто может.

Сенатор Стоун: И, вероятно, многие?

Доктор Люкас: Да, вероятно, многие

Сенатор Стоун: Благодарю вас, доктор. У меня больше нет вопросов.

Сенатор Гортон: А теперь, доктор Люкас, давайте несколько подробнее рассмотрим этого синтетического человека. Я понимаю, что такое определение не совсем верно, но надеюсь, что оно понравится моему коллеге.

Сенатор Стоун: Да, синтетический человек. Не человеческое существо. Эта так называемая биоинженерная программа предполагает заселить другие планеты не людьми, а синтетическими созданиями, ничем не похожими на человеческое существо. Иными словами, выпустить в Галактику орду чудовищ.

Сенатор Гортон: Э... гм... доктор Люкас, давайте согласимся с сенатором Стоуном в том, что вид такого создания может внушать ужас. Однако его наружность, по-моему, не имеет отношения к обсуждаемому вопросу. Главное в том, что представляет собой это создание. Вы согласны?

Доктор Люкас: Горячо поддерживаю вас, сэр.

Сенатор Гортон: Если оставить в стороне внешность создания, можете ли вы сказать, что оно по-прежнему останется человеческим существом?

Доктор Люкас: Да, сенатор, могу. Строение тела существа не будет иметь отношения к его сути. Носителем признаков будет мозг. Разум, побуждения, мировоззрение.

Сенатор Гортон: И у этого создания будет человеческий мозг?

Доктор Люкас: Да, сэр.

Сенатор Гортон: И поэтому эмоции, побуждения и мировоззрение у него тоже будут человеческие?

Доктор Люкас: Разумеется.

Сенатор Гортон: И поэтому создание будет человеком? Независимо от внешнего облика?

Доктор Люкас: Да, человеком.

Сенатор Гортон: Доктор, не знаете ли вы случайно, было такое существо когда-либо создано или нет? Под существом я имею в виду синтетическое человеческое существо.

Доктор Люкас: Да. Около двухсот лет назад были созданы два таких существа. Но есть некоторая разница...

Сенатор Стоун: Минутку! Вы говорите о том древнем мифе, который мы время от времени слышим...

Доктор Люкас: Это не миф, сенатор.

Сенатор Стоун: Вы можете подтвердить свое заявление документально?

Доктор Люкас: Нет, сэр.

Сенатор Стоун: Что означает это «нет, сэр»? Как вы могли явиться на слушания и выступать с заявлением, которое не в состоянии подтвердить?

Сенатор Гортон: Я могу подтвердить его. Если потребуется, я представлю в качестве доказательства документы.

Сенатор Стоун: В таком случае, вероятно, сенатор должен был бы сесть на место свидетеля...

Сенатор Гортон: Отнюдь. Меня вполне устраивает и этот свидетель. Вы говорили, сэр, что есть какая-то разница...

Сенатор Стоун: Минутку! Я протестую! По-моему, свидетель некомпетентен...

Сенатор Гортон: Что ж, давайте это выясним. Доктор Люкас, при каких обстоятельствах вы получили эту информацию?

Доктор Люкас: Лет десять назад, когда я вел исследования для диссертации, я попросил доступ к некоторым делам в Космической службе. Видите ли, сенатор, я занимался проверкой того, что вы называете мифом. Об этом мало кто знал.

Но меня заинтересовало, миф это или нечто более основательное.

Сенатор Гортон: И вам представилась возможность ознакомиться с документами?

Доктор Люкас: Ну, не сразу. Космическая служба пошла на это с... скажем, с неохотой. Наконец я стал твердить, что дело двухсотлетней давности не требует допуска. Не скрою, что мне нелегко было заставить их увидеть логику в моих доводах.

Сенатор Гортон: Однако в конце концов ваша взяла?

Доктор Люкас: Однако в конце концов. С немалой поддержкой компетентных лиц. Видите ли, когда-то эти документы были снабжены грифом высшего уровня секретности. Формально они еще не рассекречены. Пришлось немало поспорить, чтобы все увидели нелепость такого положения...

Сенатор Стоун: Минутку, доктор, один вопрос. Вы говорите, что вас поддерживали.

Доктор Люкас: Да.

Сенатор Стоун: Может быть, в значительной степени эта поддержка исходила от сенатора Гортона?

Сенатор Гортон: Поскольку вопрос имеет отношение ко мне, я с согласия доктора Люкаса отвечу на него. Я с радостью признаю, что оказал ему кое-какую помощь.

Сенатор Стоун: Хорошо, это все, что я хотел узнать. Именно так это и будет запротоколировано.

Сенатор Гортон: Доктор Люкас, продолжайте, пожалуйста.

Доктор Люкас: Из бумаг явствовало, что 221 год назад, точнее говоря, в 2266 году были созданы два синтетических существа. Они имели телесную оболочку людей, но конструировались для очень специфической цели: их планировали использовать для первичных контактов с жизнью на других планетах, погрузив на исследовательские и разведывательные звездолеты и отправив собирать данные о господствующих формах жизни в космосе.

Сенатор Гортон: Доктор Люкас, а как — пока без излишних подробностей,— как именно они должны были выполнить ту работу, для которой предназначались? Вы можете нам это сказать?

Доктор Люкас: Не уверен, что смогу выразиться с полной ясностью, но попробую. Синтетические люди обладали высокой

приспособляемостью. За неимением лучшего термина их можно охарактеризовать словом «пластичные». В них была реализована концепция незамкнутых цепей, которая не могла быть разработана раньше чем за десять лет до этих событий. Случай, мягко говоря, необычный: чтобы столь сложная концепция была воплощена на практике за такое короткое время. Все основные составляющие сконструированных человеческих тел делались по этой концепции. Понимаете, они были завершенными по форме, но в каком-то смысле не завершенными по сути. Аминокислоты...

Сенатор Гортон: Может быть, вы пока расскажете нам, что должны были делать эти тела, и не будете углубляться в принципы, по которым они создавались?

Доктор Люкас: То есть как они должны были функционировать?

Сенатор Гортон: Да, если можно.

Доктор Люкас: Идея была простой. После того как исследовательский корабль садился на планету, внимательно изучался один из представителей высшей формы жизни этой планеты. Я думаю, вы знакомы с процессом биологического сканирования. Все параметры, делающие существо таким, какое оно есть,— строение, химия, обмен веществ — строго определены. Данные вводятся в память, после чего передаются синтетическому человеческому существу, и оно благодаря уникальному принципу незамкнутых цепей превращается в точную копию существа, параметры которого записаны на пленках. Процесс должен быть быстротечным: любая заминка может все погубить. Должно быть, это жуткое зрелище — почти мгновенное превращение человеческого существа в инопланетное создание.

Сенатор Гортон: Вы говорите, что человек превратится в инопланетное создание. Значит ли это, что превращение будет всеобъемлющим — мыслительным, интеллектуальным, если тут подходит этот термин, так же как и...

Доктор Люкас: Человек превращается в это создание. Не вообще в инопланетное создание, а в точную копию именно того создания, которое послужило образцом, понимаете? У него будут разум и память этого существа. Оно сможет немедленно продолжить работу, которую делало инопланетное существо, с того момента, когда оно прервало ее. Оказавшись за пределами корабля, оно сможет отыскать приятелей инопла-

нетного существа, присоединиться к ним и провести исследования...

Сенатор Гортон: Вы хотите сказать, что оно по-прежнему будет обладать и человеческим разумом?

Доктор Люкас: Трудно сказать. Человеческое мышление, воспоминания, индивидуальность — все это останется, хотя, вероятно, в очень выхолощенной форме, и будет существовать как нечто подсознательное, но способное к быстрому включению в сознание. Существу будет задан мысленный приказ вернуться на корабль через определенное время и сразу по возвращении принять человеческий облик. Приняв его, создание сможет вспомнить свое существование в инопланетном обличье, и данные, получить которые иным путем, вероятно, было бы невозможно, станут доступны исследованию.

Сенатор Гортон: А можно спросить, что из этого вышло?

Доктор Люкас: Трудно сказать, сэр. Отчетов о результатах нет Есть записи, свидетельствующие о том, что они, оба этих существа, были отправлены в космос. Но потом — молчание.

Сенатор Гортон: По вашим предположениям, с ними что-то стряслось?

Доктор Люкас: Да, возможно. Что именно, нам не удалось узнать.

Сенатор Гортон: Может быть, существа оказались недееспособными?

Доктор Люкас: О нет, свои функции они бы выполнили. Не было никаких причин, мешавших им действовать так, как запланировано. Они просто не могли не работать.

Сенатор Гортон: Я задаю все эти вопросы, потому что знаю: если их не задам я, это сделает мой уважаемый коллега. А теперь позвольте спросить вас о том, о чем он бы не спросил: может ли такой псевдочеловек быть создан сегодня?

Доктор Люкас: Да. Располагая проектом, мы можем создать его без малейшего труда.

Сенатор Гортон: Однако, насколько вам известно, другие экземпляры не создавались?

Доктор Люкас: Насколько мне известно, нет.

Сенатор Гортон: Не согласились бы вы предположить...

Доктор Люкас: Нет, сенатор, не согласился бы.

Сенатор Стоун: Простите, что перебиваю вас. Доктор Люкас, у вас есть какой-либо описательный термин для процесса, применяемого при изготовлении такого рода людей?

Доктор Люкас: Да, есть. Он называется «принцип оборотня».

Глава 11

На стоянке с противоположной стороны улицы какой-то мужчина вынес из дома кадку и поставил ее во внутреннем дворике, у края бассейна. В кадке было дерево, и, когда человек опустил ее на землю, дерево зазвенело, словно множество веселых серебряных бубенцов.

Блейк в халате в оранжевую полоску сидел на стуле, опершись локтями о перила балкона, и, напрягая зрение, смотрел с высоты пятого этажа на деревце, пытаясь понять, исходит ли звон действительно от него.

Вашингтон дремал в голубой дымке раннего октябрьского вечера. Несколько наземных машин проехали по бульвару под окнами, мягко «вздыхая» своими воздушными соплами. Вдалеке, над Потомаком, покачивалось несколько леталок — летающих стульев с сидящими на них людьми. Дома на стоянке стояли ровными рядами; перед каждым раскинулась сочная зеленая лужайка с клумбами в ярких осенних цветах; поблескивали голубые бассейны. Перегнувшись через перила и вытянув шею, Блейк едва-едва мог разглядеть свой собственный дом на бульваре, стоявший в глубине, в третьем ряду от мостовой.

Ближайшим соседом Блейка на веранде солярия был пожилой мужчина, по самые уши закутанный в толстое красное одеяло. Он невидящими глазами смотрел в пустоту за парапетом и что-то бормотал. Неподалеку двое пациентов играли в какую-то настольную игру. Кажется, в шашки.

Служащий солярия торопливым шагом пересек веранду.

— Мистер Блейк, к вам пришли, — сообщил он.

Блейк встал и обернулся. В дверях веранды стояла высокая темноволосая женщина в бледно-розовой накидке из ткани с шелковым блеском.

— Это мисс Гортон,— сказал Блейк.— Пожалуйста, пригласите ее.

Она пересекла веранду и протянула ему руку.

— А я вчера ездила в вашу деревушку,— сказала она,— и обнаружила, что вас там нет.

— Жаль, что не застали меня,— произнес Блейк.— Присаживайтесь.

Она уселась в кресло, а Блейк пристроился на перилах.

— Вы с отцом в Вашингтоне,— сказал он.— Эти слушания...

Она кивнула:

— Да, они начались сегодня утром.

— Вы, наверное, посетите несколько заседаний.

— Наверное,— подтвердила она.— Хотя это довольно тягостное зрелище. Больно смотреть, как твоему отцу задают хорошую взбучку. Я, конечно, восторгаюсь тем, как он борется за то, во что верит, но мне бы хотелось, чтобы иногда он выступал и за то, что одобряет наша общественность. Увы, сенатор почти никогда не делает этого. Вечно он на стороне тех, кого публика считает неправыми. А на этот раз отец может серьезно пострадать.

— Вы имеете в виду принцип Единогласия? Не далее как позавчера я что-то читал об этом. По-моему, глупое правило.

— Возможно,— согласилась она.— Но именно так обстоит дело. Из-за него власть большинства натыкается на совершенно ненужные ограничения. Если сенатору придется удалиться от общественной деятельности, это его убьет. Она для него суть и смысл всей жизни.

— Мне очень понравился ваш отец,— сказал Блейк.— В нем есть что-то от самой природы, что-то гармонирующее с тем домом, в котором вы живете.

— Вы хотите сказать, некая старомодность?

— Ну, может быть. Хотя это не совсем точное слово. В нем чувствуется какая-то основательность и вместе с тем одержимость и очевидная самоотверженность...

— О да,— проговорила она.— Самоотверженность в нем есть, и это достойно восхищения. Думаю, что большинство людей в восторге от него, но он вечно как-то умудряется их рассердить, указывая им на их ошибки.

Блейк рассмеялся.

— Насколько я знаю, это самый верный способ кого-то рассердить.

— Возможно,— согласилась Элин.— Ну а как вы?

— У меня все хорошо,— сказал он.— Здесь я нахожусь без какой-либо определенной причины. А перед вашим приходом сидел и слушал, как звенит дерево. Будто много-много колокольчиков. Я ушам своим не поверил. Какой-то человек на той

стороне улицы вынес из дома деревце, поставил рядом с бассейном, и оно зазвенело.

Она подалась вперед и посмотрела туда, куда показывал Блейк. Деревце залилось серебристой бубенцовой трелью.

— Это монастырское деревце,— сказала она.— Их не так уж и много. Несколько штук завезли с какой-то далекой планеты. Не могу припомнить, как оно называется.

— Я без конца сталкиваюсь с совершенно незнакомыми мне вещами,— признался Блейк.— С вещами, которых никогда прежде не знал. И начинаю бояться, что у меня опять галлюцинации.

— Как в тот раз, когда вы подошли к нашему дому?

— Совершенно верно. Я до сих пор не знаю, что случилось в ту ночь. Этому нет объяснения.

— Врачи...

— От врачей, похоже, мало проку. Они в такой же растерянности, как и я.

— Вы рассказали об этом своему врачу?

— Да нет, не рассказывал. У бедняги и так хлопот полон рот. Ну, добавился бы еще один фактик...

— Но он может иметь большое значение.

— Не знаю,— ответил Блейк.

— Кажется, все это вам почти безразлично,— сказала Элин Гортон.— Вам вовсе не хочется выяснить, что же с вами случилось. А может, просто страшно узнать.

Блейк бросил на нее настороженный взгляд.

— У меня несколько иное мнение на этот счет,— сказал он.— Но может статься, что вы правы.

Доносившийся с противоположной стороны улицы звон стал другим: многоголосая трель серебристых бубенцов сменилась звучным и дерзким боем большого набата, тревожно плывшим над крышами древнего города.

Глава 12

В туннеле волнами разливался страх. Все вокруг наполняли запахи и голоса другой планеты. Лучи света скользили по стенам. Пол под ногами был твердым как камень.

Существо скорчилось и захныкало, чувствуя, как напряжена каждая мышца, как в каждый нерв вгрызается парализующий ужас. Туннель тянулся и тянулся вперед, и выхода не было. Все, это конец. Ловушка. Как оно сюда попало? Куда — сюда? Не-

известно куда и, уж конечно, не по своей воле. Его поймали и зашвырнули сюда, и никакого объяснения этому не было.

Да, оно помнило какое-то прошлое, и тогда было сыро, и жарко, и темно, и неприятное чувство, что по нему ползет множество крошечных живых организмов. А теперь было жарко, и светло, и сухо, и оно ощущало вдалеке присутствие более крупных существ, и мысли их громовыми барабанными ударами отдавались в мозгу.

Выпрямившись наполовину и царапая когтями по твердому полу, существо обернулось. Позади, как и впереди, туннель уходил в бесконечность. Замкнутое пространство, в котором не было звезд. Зато был разговор: мысленный разговор, глухо шуршащий разговор с помощью звуков — сбивчивый, путаный, расплывчатый разговор, который вспухал пеной и сыпал искрами и не имел ни глубины, ни смысла...

Мир — туннель, в ужасе подумало существо, узкое замкнутое пространство, пропитанное зловонием, насыщенное бессмысленной речью, бурлящее страхом и не имеющее конца.

Существо видело, что в туннеле имелись отверстия. Они вели, несомненно, в другие такие же туннели без конца и начала.

Из одного из дальних отверстий появилось огромное, жуткое, нелепое создание. С цокающим звуком оно шагнуло в туннель и завизжало. Волна невыносимого страха вздыбилась в мозгу этого уродливого создания. Оно развернулось и стремительно побежало прочь.

Существо вскочило, царапая когтями по жесткой поверхности, и метнулось к ближайшему отверстию, уводящему прочь от туннеля. Паника судорогой свела внутренности, разум затянуло парализующей дымкой испуга, и откуда-то сверху тяжелым грузом обрушилась темнота.

В тот же миг оно перестало быть собой, оно находилось уже не в туннеле, а у себя, в теплой уютной темноте, служившей ему тюрьмой.

Блейк резко затормозил бег в нескольких шагах от койки и удивился, что бежит и что его больничная рубашка лежит на полу, а он стоит в комнате голым. И тут что-то щелкнуло в голове, словно треснула слишком тугая оболочка, и все знание открылось ему — о туннеле, и об испуге, и о двух других существах, которые составляли с ним единое целое.

Ослабев от нахлынувшей радости, Блейк опустился на кровать. Он вновь обрел цельность, стал тем существом, каким

был прежде. И теперь Блейк уже не один: с ним были те двое. И они ответили ему — не словами, а мысленным дружеским похлопыванием по плечу. (Колючие, холодные звезды над пустыней, в которой нет ничего, кроме песчаных дюн и снега. Мысль, протянувшаяся к звездам и черпающая в них знание. Жаркое, окутанное паром болото. Длинная, тяжелая лента информации, свернувшаяся внутри пирамиды биологического компьютера. Три хранилища мысли, мгновенно сливающиеся в одно. Соприкосновение разумов.)

— Оно побежало, увидев меня,— сказал Охотник.— Скоро придут другие.

— Это твоя планета, Оборотень. Ты знаешь, что делать.

— Верно, Мыслитель, планета моя. Но то, что известно мне, знаете и вы. Знание общее.

— Но тебе решать, что делать.

— Возможно, они еще не разобрались, что это был я,— сказал Оборотень.— Пока. Возможно, у нас есть немного времени.

— Совсем немного.

Он прав, подумал Блейк. Времени почти нет. Медсестра, с визгом несущаяся по коридору,— на ее вопли выбегут санитары, другие сестры, врачи, нянечки, повара. Через считанные минуты переполох охватит всю больницу.

— Все дело в том,— сказал он,— что Охотник слишком уж похож на волка.

— Твое определение,— отозвался Охотник,— подразумевает существо, которое питается другими существами. Но ты же знаешь, я не способен...

— Конечно нет,— ответил себе Блейк.— Но они-то думают по-другому. Ты кажешься им волком. Как той ночью перед домом сенатора, когда сторож увидел твой силуэт при вспышке молнии. Он действовал инстинктивно — сработал комплекс старинных преданий о волках.

— А если кто-нибудь увидит Мыслителя, как он станет действовать? — спросил Охотник.— Я высвобождался дважды, Оборотень, и в первый раз было сыро и темно, а в другой — светло и тесно.

— А я высвобождался только раз,— сказал Мыслитель,— и не смог функционировать.

— Тихо! — вслух произнес Блейк.— Тихо! Дайте подумать.

Во-первых, здесь находился он сам, человек — искусственный человек, андроид, изготовленный в лаборатории, неограни-

ченная вариабельность, принцип оборотня, гибкость интеллектуальная и биологическая, которая сделала его таким, каков он сейчас. Человек. Такой же человек, как все, исключая происхождение. И преимущества, обыкновенному человеку недоступные. Иммунитет к болезням, аутогенное лечение, самовосстановление. Человек, такой же, как и все люди, с разумом, чувствами, физиологией. Но при этом и инструмент — человек, спроектированный для определенной задачи. Лазутчик во внеземные формы жизни. И наделенный столь уравновешенной психикой, столь незыблемой логикой, столь поразительной способностью приспосабляться и проникать в них, что его разум в состоянии вынести то, что испепелило бы и в клочья разнесло любой другой разум,— трансформацию в инопланетное существо с его телом, мозгом, эмоциями.

Во-вторых, здесь был Мыслитель (можно ли подобрать ему какое-либо другое имя?) — бесформенная плоть, способная по желанию принимать любую форму, но в силу давней привычки предпочитающая форму пирамиды как оптимальную для жизнедеятельности. Обитатель яростного первобытного мира на покрытой болотами планете, купающейся в потоках тепла и энергии новорожденного Солнца. Чудовищные существа ползали, плавали, бродили в этом краю болот, но Мыслители не знали страха, как не знали и необходимости чего-либо бояться. Черпая жизненную квинтэссенцию из энергетических штормов, бушующих на планете, они обладали уникальной системой защиты — покрывалом из взаимозамыкающихся силовых линий, которое отгораживало их от прожорливого внешнего мира. Они размышляли о существовании и никогда — о жизни или смерти, поскольку в их памяти не хранилось воспоминаний ни о рождениях, ни о смертях кого-либо из них. Грубые физические силы при определенных обстоятельствах могли расчленить, разорвать их плоть, но из каждого обрывка плоти, несущего генетическую информацию о всем существе, вырастал новый Мыслитель. Впрочем, такого никогда не случалось, но данные о самой возможности и ее последствиях составляли информационную основу разума каждого Мыслителя.

Оборотень и Мыслитель. И Оборотень стал Мыслителем — ухищрениями и игрой ума другого мыслящего племени, обитающего в сотнях световых лет отсюда. Искусственный человек превратился в другое существо, переняв его способности мышления, его взгляды на жизнь, физиологию и психику. Став им,

он сохранил нечто от человека — частицу человеческой сути, свернутую в тугую пружину и спрятанную от жуткого и сурового величия существа, в которое перевоплотился. И укрыл ее мысленной броней, встроенной в него на планете, настолько удаленной от этой точки пространства, что даже солнца ее невозможно разглядеть.

Спрятал, но не навсегда. Скорее, временно убрал в потайные уголки разума, который составлял «я» этого инопланетного существа. Ему предстояло быть им, и человеческая суть его затаилась в глубине жесткой неземной плоти и загадочного сознания. Но в свое время, когда первый страх осядет и забудется, когда придет умение жить в этом новом теле на другой планете, человеческий разум займет должное место и наполнится, насладится всепоглощающим восторгом нового опыта — состояния, когда два разума сосуществуют рядом, не требуя подчинения, не соревнуясь, не пытаясь выгадать что-то для себя за счет другого, поскольку оба отныне принадлежат к сообществу, которое оказывается не просто сообществом людей или созданий из страны болот, но и тем и другим, слившимся воедино.

Солнечные лучи падали на поверхность планеты, тело Мыслителя впитывало энергию, и болото было замечательным местом, поскольку для пирамидального существа оно стало домом. Можно было ощутить, исследовать, познать новую жизнь, подивиться ей и порадоваться.

Имелись и любимое Место для Размышлений, и любимая Мысль, а иногда случалось и мимолетное общение с другими соплеменниками, встреча разумов, краткая, как прикосновение руки в темноте. В общении не было необходимости: каждый из Мыслителей обладал исчерпывающим набором качеств, делающих контакт с себе подобными ненужным.

Время, равно как и пространство, не имело никакого значения, за исключением тех случаев, когда или время, или пространство, или то и другое вместе становились объектом Мысли. Ибо Мысль была всем — и смыслом существования, и целью, и призванием; направленность ее не подразумевала какого-либо окончания, даже и завершения самой себя,— у нее не могло быть конца. Мысль представляла нечто продолжающееся бесконечно, питала саму себя и не оставляла веры, надежды на то, что когда-нибудь окажется исчерпанной. Но теперь время сделалось одним из важных факторов, разум человека был сориентирован на определенное время возвращения, и, когда оно

наступило, человек из Мыслителя снова стал человеком и вернулся. Собранная им информация легла в центр памяти, а корабль опять рванулся в космос, продолжая полет.

Затем была еще одна планета и еще одно существо, и Оборотень превратился в это существо, как раньше в Мыслителя, и отправился путешествовать по планете в новом обличье.

Если прошлая планета была жаркой и влажной, то здесь было холодно и сухо, далекое солнце едва светило, а звезды блестели в безоблачном небе как алмазы. Белая пыль из песка и снега покрывала поверхность планеты, и порывистый ветер сметал ее в аккуратные дюны.

Теперь человеческий разум перешел в тело Охотника, который несся в стае через замерзшие равнины и скалистые кряжи и испытывал от этого бега под звездными россыпями и лунными фонарями языческое наслаждение, выискивая святилища, откуда с незапамятных времен его предки вели разговор со звездами. Это была лишь традиция: картины, которые бессознательно транслировали бесчисленные цивилизации, обитающие в других солнечных системах, Охотники могли улавливать в любое время и в любом месте.

Не понимая этих картин и даже не пытаясь понять, они просто ловили их и хранили в воспоминаниях ради эстетического удовольствия. Вот и человек, думал человек в теле Охотника, может бродить по художественной выставке, останавливаясь и вглядываясь в полотна, красками и композицией беззвучно провозглашающие истину — истину, которую не выразишь в словах и которую не надо выражать в словах.

Человеческий разум в теле Охотника — и еще один разум, разум, который вдруг выполз оттуда, где его не должно было быть, ему полагалось исчезнуть в момент, когда человеческое сознание покинуло использованную оболочку.

Мудрецы на Земле такого не предполагали, им и в голову не приходило, что освобождение от инопланетного тела не означает освобождения от инопланетного разума, что маску чужого интеллекта, единожды надетую, нельзя просто взять и выбросить. От этой маски нельзя избавиться, ее нельзя сорвать. Память и инопланетное «я» невозможно истребить, выскоблить из разума начисто. Они оказались неистребимы. Их можно загнать глубоко в подсознание вернувшегося в свой естественный облик человека, но снова и снова они выбирались на поверхность.

И потому уже не два существа в теле Охотника бежали по долинам плавучих песков и снега, а три. И пока Охотник улав-

ливал картины со звезд, Мыслитель впитывал информацию, оценивал ее и, задавая вопросы, отыскивал ответы. Словно одновременно работали две отдельные части компьютера: блок памяти, накапливающий информацию, и блок, анализирующий поступающие данные,— работали, дополняя друг друга. Воспринимаемые картины были уже чем-то большим, нежели радующий эстетическое чувство образ, теперь они имели куда более глубокое и серьезное значение; будто на поверхность стола ссыпались со всей Вселенной кусочки головоломки в ожидании, пока кто-нибудь не сложит узор из множества крошечных разрозненных фрагментов единого всеобъемлющего вселенского шифра.

Три разума задрожали, замерев на цыпочках на краю разверзшейся перед ними пропасти — вечности. Застыли потрясенные, не в состоянии сразу осознать грандиозность открывшейся перед ними возможности — протянуть руку и взять, заполучить ответы сразу на все когда-либо заданные вопросы, узнать у звезд разгадку всех их тайн, представить эти данные в управления познания и сказать наконец: «Это есть Вселенная».

Но загудело, сработало реле времени в одном из разумов, вызывая его обратно на корабль. Людям Земли нельзя было отказать в хитроумии — тело Охотника повернуло назад, к кораблю, где оно должно было отделиться от разума искусственного человека, и тогда корабль опять устремится к другим звездам. Чтобы снова, обнаруживая на планетах разумные существа, вселять в их тела человека и из первых рук добывать информацию, которая когда-нибудь позволит человечеству установить с этими существами отношения, наиболее выгодные людям

Однако когда Охотник вернулся к кораблю, что-то произошло. Сигнал об этом длился какую-то долю секунды, а затем все исчезло. До момента полупробуждения. Но пробуждения одного из всех, пришедшего в себя и очень озадаченного. Потом проснулись остальные, и снова все трое были вместе — кровные братья по разуму.

— Оборотень, они нас боятся. Они разгадали нас.

— Да, Охотник. Или подумали, что разгадали. Всего они понять не могли.

— Но они не стали ждать,— сказал Охотник.— Предпочли не рисковать. Заметили, что что-то не так, и заперли нас. Просто взяли и заперли.

Из коридора донесся топот бегущих ног. Чей-то голос громко произнес: «Оно вошло туда. Кэти видела, как оно туда вошло».

Топот быстро приближался, учащаясь на поворотах. Тяжело дыша, в дверь ворвались санитары в белых халатах.

— Мистер,— закричал один из них,— вы видели волка?

— Нет,— ответил Блейк.— Я не видел волка.

— Черт побери, происходит что-то странное! — сказал другой санитар.— Кэти врать не станет. Она видела что-то. И от страха чуть...

Первый санитар сделал шаг вперед, с угрозой глядя на Блейка:

— Мистер, не надо с нами шутить. Если это розыгрыш...

Паника охватила два других разума, паника, подобная приливной волне,— паника разумов, поставленных обитателями чужой планеты в опасную ситуацию. Неуверенность, непонимание, невозможность оценить положение...

— Нет! — воскликнул Блейк.— Нет! Не надо, подождите...

Но уже было поздно. Перевоплощение началось, запущенное вцепившимся в мысленные рычаги управления Охотником, и остановить его уже было нельзя.

— Идиоты! — беззвучно закричал Блейк.— Идиоты! Идиоты!

Санитары отпрянули и вывалили в коридор.

Перед ними, ощетинившись, блестя в свете лампы серебристым мехом, изготовившись к прыжку и обнажив сверкающие клыки, стоял Охотник. Охотник присел и зарычал. Он в западне. В ловушке, из которой нет выхода. Глухая стена и позади, и сбоку. Единственный открытый путь вел вперед, во внешний туннель, и туннель этот битком забила стая улюлюкающих инопланетян, передвигающихся на двух задних ногах и завернутых в искусственные шкуры. От их тел исходил резкий запах, а разумы их несли на него мыслительную волну такой силы, что он едва устоял под ее напором. Но не осознанную, контролируемую интеллектом психическую волну, а хаотичную, сорную волну из первобытных инстинктов и предубеждений.

Охотник сделал вперед один медленный шаг, и стая отшатнулась. Их отступление отдалось пьянящим ощущением победы в крови Охотника. Древняя память предков, захороненная в глубинах его мозга, вдруг высвободилась, развернулась в горделивое знамя воина; урчание, клокотавшее в его горле, загрохотало раскатами дикой ярости — и звук этот, врезавшись во вражескую стаю, рассеял, опрокинул ее. И тогда Охотник ринулся в туннель и там быстро повернул направо. Одно из существ, прижавшись к стене, бросилось на него с каким-то занесенным над

головой оружием. Одним броском Охотник опередил нападение. Короткое движение массивной головы, молниеносный и жуткий удар клыками по податливой плоти — и существо с воплем рухнуло на пол.

Охотник развернулся, чтобы встретить преследующих его существ. Оставляя когтями глубокие царапины на полу, он двинулся на стаю.

Теперь уже все существа, за исключением тех, что лежали на полу, бросились прочь от Охотника.

Охотник остановился и присел. Затем задрал голову и издал протяжный трубный звук — клич победы и вызова, древний, до сего момента неизвестный ему клич предков, которым давным-давно оглашались плавучие пески и снега родной далекой планеты.

Туннель очистился, и в нем уже не было странного зловония, как в том месте, где он очнулся; напротив, запахи сухого и чистого воздуха, напоминающего ароматы дома... Тех мест, где когда-то раса древних воинов, его раса, билась не на жизнь, а на смерть с ныне почти забытыми чешуйчатыми созданиями, которые оспаривали у Охотников власть над планетой.

А затем запахи туннеля, и его теснота, и резкость ярких огней, отражаемых стенами, развеяли ощущение других времени и места. Он снова встал и неуверенно огляделся. Где-то вдалеке сбегались двуногие существа, и воздух стал пасмурным и вязким от обрывков мыслей, потоками накатывающих со всех сторон.

— Оборотень?

— К лестнице, Охотник! Пробирайся к лестнице!

— Лестница?

— Дверь. Закрытое отверстие. То, над которым надпись. Маленький квадратик с красными буквами.

— Вижу. Но дверь твердая.

— Толкни ее. Она откроется. Толкай руками, а не телом. Не забудь — руками. Ты так редко ими пользуешься, что забываешь о них вообще.

Охотник прыгнул к двери.

— Руками, болван! Руками!

Охотник ударил дверь телом. Она поддалась, и он быстро проскользнул в щель. Теперь Охотник находился в небольшой комнате, и вниз уходила дорожка из узких уступов. Должно быть, это и есть лестница. Он двинулся по ней, наступая на ступеньки сперва осторожно, потом, приноровившись, все быстрее. Они привели его в другую комнату, где тоже были ступеньки.

— Оборотень!

— Вниз, вниз, вниз! Ты должен пройти три такие лестницы. Затем через дверь выйти в комнату, большую комнату. В ней будет много существ. Иди прямо, никуда не сворачивая, пока слева не увидишь большое отверстие. Пройдешь в него и окажешься на улице.

— Улице?

— На поверхности планеты. Надо выбираться из пещеры, где мы сейчас находимся. Пещеры здесь располагаются на поверхности.

Охотник двинулся вниз по лестнице. От каждого предмета, от каждого квадратного сантиметра пола отдавало густым металлическим привкусом страха.

«Если мы отсюда выберемся,— думал Охотник,— если мы только отсюда выберемся...»

Он чувствовал, как по коже набухающей тяжестью неуверенности и сомнения ползут мурашки страха.

— Оборотень?

— Вперед, вперед! У тебя отлично получается!

Охотник сбежал по третьей лестнице и остановился перед дверью.

Он встал в боевую стойку, выдвинул руки. Затем сгруппировался и бросился на дверь.

— Оборотень, слева? Отверстие будет слева?

— Да.

Вытянутые руки Охотника ударили в дверь и распахнули ее.

Его тело, словно снаряд из катапульты, влетело в помещение, в котором были и испуганные вопли, и широко открытые рты, и быстро передвигающиеся существа, и отверстие слева. Развернувшись, он бросился туда. Снаружи в этот проход входила новая стая существ — странных созданий, населяющих эту планету, одетых в искусственные шкуры. Они тоже закричали, подняли зажатые в руках черные предметы, и оттуда брызнули резкие вспышки огня, струи острых запахов.

Что-то, ударившись о металл совсем рядом с ним, отлетело в сторону с низким гудящим звуком; другое нечто с хрустом вгрызлось в дерево. Но Охотник уже не мог остановиться. Он ворвался в толпу существ, и тело его вновь вибрировало от раскатов странного боевого клича.

Спустя миг Охотник прорвался через стаю врагов и устремился к выходу из огромной пещеры.

Из-за спины доносился треск разрывов, и какие-то маленькие, но тяжелые и очень быстро летящие предметы выбивали осколки из пола.

Наверное, сейчас ночь, подумал Охотник, раз в небе такое множество далеких звезд, хотя ни одной крупной. Он обрадовался им, потому что не мог себе представить планету без звездного купола.

И еще были запахи, но уже другие, не столь горькие и резкие, как в здании, а более приятные и мягкие.

Охотник добежал до угла, завернул и, помня слова Оборотня, побежал дальше. Побежал, наслаждаясь движением, ровным, гладким перекатыванием мускулов, ощущением твердой почвы под подушечками лап.

Только сейчас у него появилась возможность вобрать в себя первые данные об этой планете. Складывалось впечатление, что это весьма оживленное место. И весьма необычное. Например, кто и когда слышал, чтобы планету застилали полом? А здесь пол тянулся от края пещеры вдаль, к горизонту. Пещеры, поднимающиеся от поверхности ввысь, светились желтыми квадратиками огней. Перед другими, на маленьких огороженных площадках, стояли металлические или каменные изображения обитателей планеты. Что бы это могло значить? — изумлялся Охотник. Может быть, гадал он, когда эти существа умирают, они превращаются в металл и камень и их оставляют стоять там, где они умерли? Но, обращенные в металл и камень, они часто больше натуральной величины. Может быть, создания эти разных размеров и превращению в металл или камень подвергаются лишь самые крупные особи?

Живых обитателей планеты, по крайней мере поблизости, было немного. Но по поверхности покрытия двигались, и очень быстро, металлические формы с горящими глазами. Формы издавали гудящий звук и выбрасывали позади себя струю воздуха. Из них тоже исходили волны мысли и ощущение жизни, но такой жизни, у которой не один, а несколько разумов,— и эти волны были тихими и спокойными, а не исполненными ненависти и страха, как те, что окружали его в пещере.

Это казалось удивительным, но Охотник убедил себя, что было бы странно, если бы на планете существовал только один-единственный вид жизни. А пока он обнаружил вид, который передвигался на двух задних ногах и состоял из протоплазмы, и металлические объекты, перемещавшиеся очень быстро и целенаправленно, испускали из глаз лучи света и содержали не

один мозг, а несколько. А еще до этого, припомнил Охотник, той сырой, жаркой ночью он почуял и множество других форм жизни, почти или совсем не обладающих интеллектом, крохотные узелки материи.

— Охотник!

— Да, Оборотень?

— Справа от тебя деревья. Высокие растения на фоне неба. Беги туда. Деревья помогут нам спрятаться.

— Эти существа пустятся за нами в погоню?

— Думаю, что да.

— Наш разум должен стать единым. Все, что знаешь ты, должно быть известно и мне, Охотнику.

— Добеги до деревьев,— сказал Оборотень,— тогда у нас появится время.

Охотник обогнул громаду уходящих в небо пещер и оказался на широкой твердой полосе, ведущей к деревьям. С мягким шелестом, напоминающим порыв ветра, из темноты вынырнуло одно из металлических созданий с горящими глазами. Изменив направление движения, оно устремилось прямо на него, и тогда Охотник действительно помчался, словно подхваченный волной ужаса. Ноги его мелькали с такой скоростью, что сливались в сплошное пятно, тело скользило над блестящей поверхностью покрытия, уши прижались к голове, а хвост вытянулся позади, будто шлейф от реактивного двигателя.

— Ну, вперед, паршивый волк! — погонял Оборотень.— Быстрее, драный шакал! Давай, бешеная лисица!

Глава 13

Главврач был человеком спокойным и дружелюбным. Трудно представить, чтобы он мог стучать кулаком по столу. Но сейчас он делал именно это.

— Вы мне вот что скажите! — ревел он.— Какой дурак позвонил в полицию? Мы бы и сами с этим разобрались! На кой черт нам полиция?

— Я полагаю,— сказал Даниельс,— тот, кто позвонил в полицию, считал, что без этого не обойтись. В коридоре было полно покусанных людей.

— Мы бы о них позаботились,— сказал главврач.— Это наша работа. Мы бы позаботились о них, а потом разобрались бы во всем.

— Поймите, сэр,— сказал Гордон Барнс,— все были перепуганы. Волк в...

Главврач взмахом руки заставил Барнса замолчать и обратился к сиделке:

— Мисс Гретерсон, вы первая увидели эту тварь?

Девушка все еще была бледна и напугана, но кивнула:

— Я вышла из палаты, а он был в коридоре. Волк. Я уронила поднос, закричала и побежала...

— Вы уверены, что это был волк?

— Да, сэр.

— Но откуда такая уверенность? Это ведь могла быть и собака.

— Доктор Уинстон,— сказал Даниельс,— вы пытаетесь все запутать. Какая разница, волк это был или собака?

Главврач сердито зыркнул на него и раздраженно взмахнул рукой.

— Ладно,— сказал он.— Ладно. Будьте любезны задержаться, доктор Даниельс, я хотел бы побеседовать с вами. Остальные могут идти.

Они остались в комнате вдвоем.

— А теперь, Майк,— предложил главврач,— давайте присядем и попытаемся договориться до чего-нибудь путного. Блейк был вашим пациентом, не так ли?

— Да. Вы знакомы с ним, доктор. Это человек, которого нашли в космосе. Замороженным и запрятанным в капсулу.

— Да, знаю,— сказал Уинстон.— Какое отношение он имел ко всему этому?

— Я не уверен, но подозреваю, что он-то и был волком,— ответил Даниельс.

Уинстон поморщился.

— Ну-ну,— сказал он.— Вы ведь не думаете, что я в это поверю. Ваши слова означают, что Блейк, скорее всего, был оборотнем.

— Вы читали сегодняшние вечерние газеты?

— Нет, не читал. А какая связь между газетами и тем, что тут случилось?

— Возможно, и никакой. Но я склоняюсь к мысли...

Даниельс осекся. Господи, подумал он, это чересчур фантастично. Такого просто быть не могло. Хотя как иначе объяснить случившееся на третьем этаже час назад?

— Доктор Даниельс, к какой мысли вы склоняетесь? Если у вас есть какие-то сведения, сделайте милость, выкладывайте.

Вы, разумеется, понимаете, что это для нас значит? Слишком много славы, и славы дурной. Сенсационной. А больница не может позволить себе сенсационности. И думать не хочу о том, как сейчас все это подается в газетах и по трехмернику. А еще будет и полицейское расследование. Они уже шастают по зданию, беседуют с людьми, с которыми не имеют права беседовать, и задают вопросы, которых лучше бы не задавать. Скорее всего, нам теперь не отвертеться от слушаний в конгрессе. Космическая служба вцепится нам в глотку, желая узнать, что стряслось с Блейком, с их гордостью и детищем. Не могу же я сказать им, Даниельс, что он превратился в волка!

— Не в волка, сэр. А в чуждое нам существо, похожее на волка. Вспомните: полиция утверждала, что это был волк, из плеч которого торчали руки.

— Никто этого не подтвердил,— прорычал главврач.— Полиция была в панике. Открыть пальбу прямо в вестибюле! Одна из пуль пролетела в каком-то дюйме от сестры приемного покоя и вонзилась в стену над самой ее головой. Эти люди были испуганы, они и сами не знают, что видели. Что вы там говорили про чуждое существо?

Даниельс глубоко вздохнул.

— Сегодня на слушаниях по вопросам биоинженерии свидетель по имени Люкас показал, что он раскопал старые отчеты, из которых явствует, что два столетия назад была изготовлена пара искусственных людей. По его утверждению, бумаги эти он нашел в делах Космической службы.

— Почему у них? Почему отчеты такого рода...

— Погодите,— сказал Даниельс.— Вы еще не слышали и половины. Эти люди были андроидами с незамкнутыми цепями.

— Господи боже! — вскричал Уинстон. Он смотрел на Даниельса тусклым взглядом.— Давнишний принцип оборотня! Организм, способный превращаться во что угодно. Существует древний миф...

— По-видимому, это был не миф,— мрачно произнес Даниельс.— Два андроида действительно были синтезированы и отправлены в космос на исследовательских разведывательных кораблях.

— И вы думаете, что Блейк — один из них?

— Да, я так думаю. Сегодня Люкас показал, что они улетели, и с тех пор летописи молчат о них. Нет никаких упоминаний об их возвращении.

— Это просто бессмыслица,— возразил Уинстон.— Боже мой, прошло двести лет. Если б тогда сделали исправных андроидов, мир сейчас кишел бы ими. Нельзя же выпустить всего двух, а потом похерить весь проект.

— Можно,— отвечал Даниельс.— Если с этими двумя ничего не получилось. Давайте допустим, что не вернулись не только андроиды, но и корабли, на которых они полетели. Может быть, они просто исчезли и больше не подавали о себе вестей. В таком случае не стали бы делать новых андроидов и засунули бы отчет о неудаче подальше. Вряд ли Космослужба хотела, чтобы кто-нибудь докопался до него.

— Но там не могли знать, что исчезновение кораблей как-то связано с андроидами. В старину да и сейчас корабли, бывает, не возвращаются.

Даниельс покачал головой:

— С одним кораблем может случиться все, что угодно. Но два корабля, имеющие нечто общее, два корабля с андроидами на борту... Тут любой предположит, что виной всему андроид. Или что андроид создал какие-то условия...

— Все это не внушает мне доверия. Я не хочу связываться с Космической службой. Им вряд ли понравится, если мы попытаемся свалить все на них. Так или иначе, я не вижу связи между этой историей и превращением, как вы считаете, Блейка в волка.

— Я уже говорил вам, что это не волк,— поправил его Даниельс.— Это инопланетное существо, похожее на волка. Допустим, принцип оборотня сработал не так, как они рассчитывали. Предполагалось, что андроид примет облик инопланетного существа, переработает данные, полученные от пленного инопланетянина, и проживет какое-то время в его шкуре. Потом постороннюю информацию сотрут и он вновь станет гуманоидом, готовым к превращению во что-нибудь еще. Но допустим, что...

— Понятно,— сказал Уинстон.— Допустим, что это не сработало. Допустим, что постороннюю информацию стереть не удалось. Допустим, что андроид остался одновременно и человеком, и инопланетянином. Два существа в одном, и он по желанию способен становиться одним из них.

— Именно так я и думаю, сэр,— сказал Даниельс.— Но это не все. Мы сняли электроэнцефалограмму Блейка, и она показала, что у него как бы не один разум, а больше. В линиях мозга видны тени других разумов.

Уинстон поднялся из-за стола и принялся мерить шагами комнату.

— Надеюсь, вы ошибаетесь,— сказал он.— Я думаю, что ошибаетесь. Это безумие...

— Но это единственное, чем можно объяснить случившееся,— настаивал Даниельс.

— Но один факт по-прежнему необъясним. Блейка нашли замороженным, в капсуле. И никаких следов корабля. Никаких обломков. Как быть с этим?

— Никак,— ответил Даниельс.— Мы не знаем, что случилось. Говоря об обломках, вы подразумеваете, что корабль был уничтожен, но так ли это? К тому же за двести лет обломки разлетелись бы далеко друг от друга. Может, часть из них находилась недалеко от капсулы, но их не заметили. В космосе так бывает. Если предмет не отражает света, вы его не разглядите.

— Вы думаете, команда могла догадаться о том, что произошло с Блейком, заморозить его и, сунув в капсулу, катапультировать в пространство? Что это была единственная возможность избавиться от него, не замарав рук?

— Не знаю, сэр. У нас слишком широкий простор для догадок, и мы не способны с уверенностью определить, какая из них верна. Если команда поступила так, как вы сказали, и избавилась от Блейка, почему тогда не вернулся корабль? Объяснив одно, вы тут же сталкиваетесь с необходимостью объяснить что-то другое, а потом, возможно, и третье, и четвертое... По-моему, это безнадежное дело.

Уинстон перестал вышагивать по комнате, вернулся к столу и сел в кресло. Он протянул руку к аппарату связи.

— Как звали человека, давшего показания?

— Люкас. Доктор Люкас. Имени не помню. Оно должно быть в газетах. Оператор на коммутаторе наверняка знает его.

— По-моему, стоит пригласить сюда и сенаторов, если они смогут прийти. Гортон. Чандлер Гортон. А кто второй?

— Соломон Стоун.

— Хорошо,— сказал Уинстон.— Посмотрим, что они об этом думают. Они и Люкас.

— И Космическую службу, сэр?

— Нет. Не сейчас. Сначала надо побольше узнать, а уж потом связываться с Космослужбой.

Глава 14

Щебенка предательски осыпалась под лапами Охотника, словно не желая пускать его к пещере, однако ему все же удалось подняться и втиснуться в щель, а затем и повернуться головой к выходу.

Теперь, когда его бока и спина были защищены, он впервые ощутил себя более или менее в безопасности, хотя и отдавая себе отчет, что безопасность его — всего лишь иллюзия. Вполне вероятно, даже сейчас обитатели этой планеты продолжают охоту на него, и тогда очень скоро они начнут прочесывать этот район. Ведь то металлическое создание — оно наверняка заметило его и неспроста бросилось за ним, рассекая воздух и высвечивая его горящими глазами. От воспоминания о том, как он едва успел укрыться за деревьями, Охотника передернуло. Всего несколько футов отделяло его от страшного существа, еще немного — и оно задавило бы его.

Он приказал телу расслабиться.

Его разум отправился на разведку, выискивая, собирая, проверяя информацию. Да, на планете существовала жизнь, причем гораздо богаче, чем можно было ожидать. Жизнь на уровне крошечных неподвижных организмов, не наделенных разумом, все действия которых сводились к факту существования. И маленькие носители разума — подвижные, суетливые, настороженные. Интеллект их оказался настолько слабым и бесплодным, что сознание практически не поднималось до осмысления собственной жизни и угрожающих ей опасностей. Одно из существ, жуткое, злобное и очень голодное, кого-то искало, охотилось, подталкиваемое красной волной убийства, пульсирующей у него в мозгу. Три других существа забились в одно укрытие, и по ощущению довольства, уюта и теплоты, исходящему от них, было ясно, что укрытие вполне надежно и удобно. И еще другие существа, и еще, и еще... Это была жизнь, и некоторые формы ее обладали разумом. Но ничего похожего на то резкое, яркое и пугающее ощущение, которое вызывали существа, обитающие в наземных пещерах.

Запущенная планета, подумал Охотник, переполненная жизнью, водой, растительностью, со слишком плотным и тяжелым воздухом и чересчур жарким климатом. Мир, где нет ни покоя, ни безопасности, одно из тех мест, где постоянно надо держать наготове все чувства и где, несмотря на это, неизвестная опас-

ность может проскользнуть через все заслоны и схватить тебя за горло.

Приглушенно стонали деревья, и, вслушиваясь в эти звуки, Охотник не мог понять, откуда исходит стон. Лежа в пещере и размышляя, он понял, что звук этот — шуршание листьев и скрежет ветвей, а сами деревья не способны издавать звуки, что деревья и прочая растительность на этой планете, называемой Землей, наделены жизнью, но не разумом и чувствами. И что пещеры были постройками, и что люди объединялись не в племена, а в ячейки, именуемые семьями, и что постройка, в которой живет семья, называется домом.

Информация нахлынула на него, словно цунами, сомкнулась над ним, и, на миг поддавшись панике, он вдруг почувствовал, что тонет в ней, но напрягся, рванулся вверх — и волна исчезла. Однако в его разуме осталось все знание о планете, каждый бит информации, которой владел Оборотень.

— Извини,— сказал Оборотень.— Следовало бы передать тебе все постепенно, чтобы ты ознакомился с данными и попробовал их классифицировать, но у меня не было времени. Пришлось дать тебе все сразу. Теперь это все твое.

Охотник окинул приобретенное знание оценивающим взглядом и содрогнулся при виде горы перемешавшихся, перепутавшихся между собой данных.

— Многие из них устарели,— сказал Оборотень.— Многого не знаю и я сам. Сведения о планете, которые ты получил, состоят из того, что я знал двести лет назад, и узнанного после возвращения. Мне хочется, чтобы ты обязательно помнил: информацию эту нельзя считать исчерпывающей, а часть ее сегодня может оказаться просто бесполезной.

Охотник сел на каменный пол пещеры и еще раз прощупал темноту леса, подтянул, подправил сигнальную сеть, которую он развесил во всех направлениях.

Отчаяние охватило его. Тоска по родной планете со снежными и песчаными дюнами, на которую нет возврата. И, возможно, никогда не будет. Он обречен жить здесь, в этом хаосе жизни и опасностей, не зная, куда идти и что делать. Преследуемый доминирующим видом жизни на планете, видом, как выяснилось, куда более опасным, чем можно предположить. Существами коварными, безжалостными, нелогичными, отягощенными ненавистью, страхом и алчностью.

Глава 15

— Оборотень,— позвал он,— а что стало с тем моим телом, в котором я жил до того, как пришли вы, люди? Я помню, вы захватили его.

— При чем здесь я? Я его не ловил. И ничего с ним не делал.

— Не надо со мной играть в вашу человеческую казуистику. Пусть не ты, не ты лично, и все же...

— Охотник,— сказал Мыслитель.— Мы все втроем в одной ловушке, если это можно считать ловушкой. Я склонен думать, что мы оказались в уникальной ситуации, которая, не исключено, обернется для нас выигрышем. У нас одно тело, а наши разумы так близки, как не были никогда близки другие разумы. И нам нельзя ссориться: между нами не должно быть разногласий, мы просто не можем себе их позволить. Мы должны сосуществовать в гармонии друг с другом. И если есть какие-то разногласия, их надо устранить немедленно, чтобы они потом не дали о себе знать.

— Именно это,— сказал Охотник,— я и делаю. Выясняю то, что меня беспокоит. Что стало с тем первым мной?

— То первое тело,— ответил Оборотень,— подверглось биологическому анализу. Его исследовали, разложив на молекулы. Собрать его обратно невозможно.

— Другими словами, вы меня убили.

— Если ты предпочитаешь это слово.

— И Мыслителя?

— И Мыслителя тоже. Его первым.

— Мыслитель,— обратился Охотник,— и ты это принимаешь?

— У меня нет готового ответа. Я должен обдумать. Естественно, совершенное над личностью насилие должно вызывать неприятие. Однако я склонен рассматривать случившееся скорее как преображение, чем насилие. Если б со мной не произошло того, что произошло, я бы никогда не смог оказаться в твоем теле или соприкоснуться с твоим разумом. И твое знание, собранное со звезд, миновало бы меня, что было бы прискорбно, поскольку прежде оно было недоступно... А возьмем тебя. Если бы люди не сделали с тобой того, что сделали, ты никогда не познал бы значения картин, которые ты наблюдал там, на звездах. Ты просто продолжал бы собирать их и наслаждаться ими и никогда, может быть, не задумался бы над ними. Я не

могу представить себе ничего более трагичного — быть на пороге великой тайны и даже не задуматься над ней.

— Я не уверен,— сказал Охотник,— что предпочел бы тайну чуду.

— Неужели тебя не увлекает необычность ситуации? — спросил Мыслитель.— Мы трое — вместе. Три существа, столь разные, столь не похожие друг на друга. Ты, Охотник, буян и разбойник; коварный, хитроумный Оборотень и я...

— И ты,— добавил Охотник,— всезнающий, дальновидный...

— ...правдоискатель,— закончил Мыслитель.— Именно это я собирался сказать.

— Если кому-то из вас от этого станет легче,— сказал Оборотень,— я готов принести извинения за человеческую расу. Во многих отношениях люди мне нравятся не более, чем вам.

— И правильно,— согласился Мыслитель.— Потому что ты не человек. Ты нечто созданное людьми; ты агент человеческой расы.

— И все-таки,— возразил Оборотень,— надо же быть кем-то. Лучше я буду человеком, чем совсем никем. Одиночество невыносимо.

— Ты не одинок,— сказал Мыслитель.— Теперь нас трое.

— Все равно,— упрямился Оборотень,— я настаиваю на том, что я человек.

— Я не понимаю,— сказал Мыслитель.

— А я, кажется, понимаю,— сказал Охотник.— Там, в больнице, я почувствовал что-то такое, чего не ощущал никогда прежде, чего давным-давно не испытывал ни один Охотник. Гордость расы и, более того, боевой дух расы, который был запрятан так глубоко во мне, что я о нем даже не подозревал. Мне кажется, Оборотень, что некогда моя раса была такой же задиристой, как твоя сегодня. Принадлежностью к такой расе надо гордиться. Она дает силу, осанку и в значительной мере самоуважение. Это нечто такое, чего Мыслителю и его виду никогда не ощутить.

— Моя гордость, если я таковой обладаю,— отозвался Мыслитель,— наверное, другого рода и проистекает из других мотивов. Но я ни в коей степени не исключаю существования множества видов гордости.

Охотник вдруг обратил свое внимание на склон и на лес, встревоженный запахом опасности, о которой предупредила расставленная им сигнальная сеть.

— Тихо! — приказал он.

Где-то вдалеке он уловил едва слышные сигналы и сосредоточился на них. Шли трое, три человека, затем их стало больше — целая шеренга людей прочесывала лес. В том, что именно они ищут, сомневаться не приходилось.

Он перехватил размытые закраины их перекатывающихся волнами мыслей: люди были напуганы, но полны ярости и отвращения, усиленного ненавистью. Помимо злости и ненависти их подгонял азарт погони, странное, дикое возбуждение, которое заставляло их искать существо, ставшее причиной страха,— искать, чтобы найти и убить.

Охотник напряг тело и приподнялся, готовый броситься прочь из пещеры. Есть только один способ спастись от этих людей, подумал он,— бежать, бежать, бежать.

— Подожди,— сказал Мыслитель.

— Сейчас они будут здесь.

— Не спеши. Они идут медленно. Возможно, есть лучшее решение. Нельзя убегать вечно. Одну ошибку мы уже сделали. Другой быть не должно.

— О какой ошибке ты говоришь?

— Нам не следовало превращаться в тебя. Надо было остаться Оборотнем. Мы превратились, поддавшись слепому страху.

— Но тогда мы не знали. Увидели опасность и среагировали. Нам угрожали...

— Я мог что-нибудь придумать,— сказал Оборотень.— Но, может быть, так лучше. Меня уже подозревали. Наверняка установили бы за мной наблюдение. Или заперли бы. А так мы, по крайней мере, на свободе.

— Если будем и дальше убегать,— возразил Мыслитель,— нас хватит ненадолго. Их слишком много — слишком много на этой планете. От всех не спрятаться. Невозможно уклониться от всех и каждого. Математически шансы так малы, что на них не стоит рассчитывать.

— У тебя есть какая-то идея? — спросил Охотник.

— Предлагаю превратиться в меня. Я могу стать бугром или чем-то незаметным, например камнем в этой пещере. Заглянув сюда, они не увидят ничего необычного.

— Погоди-ка,— сказал Оборотень,— идея неплохая, но могут возникнуть осложнения.

— Проблемы?

— Ты должен был бы уже разобраться. Не проблемы, а проблема. Климат планеты. Для Охотника здесь слишком жарко. Для тебя будет слишком холодно.

— Холод — это недостаток тепла?

— Да.

— Недостаток энергии?

— Правильно.

— Трудно сразу запомнить все термины,— сказал Мыслитель.— Все надо разложить по мысленным полочкам, усвоить разумом. Однако я могу выдержать немного холода. А ради общего дела постараюсь выдержать много холода.

— Дело не в том, выдержишь ты или нет. Конечно, ты можешь выдержать. Но для этого тебе потребуется огромное количество энергии.

— Когда в тот раз я возник в доме...

— Ты мог воспользоваться энергоснабжением дома. Здесь же энергию брать неоткуда, разве что из атмосферного тепла. Но и его становится все меньше и меньше, так как солнце давно село. Тебе придется рассчитывать на энергию тела. Внешних источников нет.

— Теперь понятно,— сказал Мыслитель.— Но ведь я могу принять такую форму, которая позволит сэкономить энергию тела. Я могу удержать ее. При превращении вся энергия, которая сейчас останется в теле, перейдет ко мне?

— Думаю, что да. Какая-то часть энергии уходит на само перевоплощение, но, мне кажется, небольшая.

— Как ты себя чувствуешь, Охотник?

— Мне жарко.

— Я не о том. Ты не устал? Не испытываешь нехватку энергии?

— Нет.

— Будем ждать,— объявил Мыслитель,— пока они не подойдут почти вплотную. Затем превращаемся в меня, а я становлюсь ничем или почти ничем. Бесформенным комом. Лучше всего было бы растечься по стенам пещеры тонкой оболочкой. Но при такой форме я потрачу слишком много энергии.

— Они могут не заметить пещеры,— возразил Оборотень.— Могут пройти мимо.

— Нельзя рисковать,— сказал Мыслитель.— Я буду собой не дольше, чем это нам необходимо. Как только они пройдут,

мы совершим обратное превращение. Если ты не ошибся в своих оценках.

— Попробуй просчитай сам,— предложил Оборотень.— Все данные я тебе передал. А физику и химию ты знаешь не хуже меня.

— Данными я владею, Оборотень. Но не навыком использовать их. Равно как не владею твоим образом мышления, твоей способностью к математике, твоим умением быстро схватывать универсальные принципы.

— Прекращайте болтовню,— нетерпеливо оборвал их Охотник.— Давайте решать, что нам делать. Они идут, и мы превратимся в меня.

— Нет,— возразил Оборотень,— в меня.

— Но у тебя нет одежды.

— Не важно.

— А ноги? Тебе нужна обувь. Кругом острые камни и палки. И потом, твои глаза не приспособлены к темноте.

— Они совсем близко,— предупредил Мыслитель.

— Ты прав,— сказал Охотник.— Они спускаются сюда.

Глава 16

До начала ее любимой трехмерной программы оставалось пятнадцать минут. Элин дожидалась ее целый день, потому что Вашингтон наскучил ей. Элин уже не терпелось вернуться в старый каменный дом среди холмов Вирджинии.

Она взяла журнал и принялась бесцельно листать его, когда вошел сенатор.

— Чем сегодня занималась? — спросил он.

— Какое-то время следила за ходом слушаний.

— Неплохой спектакль?

— Очень интересно. Не пойму только, зачем ты извлек на свет это дело двухсотлетней давности.

Он усмехнулся:

— Ну, наверное, отчасти для того, чтобы встряхнуть Стоуна. Я не могу смотреть на его физиономию. Думал, у него глаза лопнут.

— Он только и делал, что сидел и сверкал ими,— сказала Элин.— Ты, я полагаю, доказывал, что биоинженерия — вовсе не такая новая штука, как считает большинство людей.

Он сел в кресло, взял газету и взглянул на яркие заголовки.

— Да,— ответил он.— И еще я доказывал, что биоинженерия возможна, что она уже применялась, и довольно искусно, два столетия назад. И что, однажды с испугу забросив ее, мы не должны трусить опять. Подумать только, сколько времени мы потеряли — двести лет! У меня есть и другие свидетели, которые достаточно убедительно обрисуют это обстоятельство.

Он встряхнул газету, расправляя ее, и принялся за чтение.

— Мать улетела благополучно? — спросил он.

— Да, самолет поднялся незадолго до полудня.

— На сей раз Рим, не так ли? Что там, кино, поэзия?

— Кинофестиваль. Кто-то отыскал старые фильмы, кажется конца двадцатого века.

Сенатор вздохнул.

— Твоя мать — умная женщина,— сказал он.— И способна оценить такие вещи, а я, боюсь, нет. Она говорила, что возьмет меня с собой. Возможно, тебе было бы интересно посмотреть Рим.

— Ты же знаешь, что мне это неинтересно,— ответила она.— Ты просто старый жулик: притворяешься, будто тебе нравится то, что любит мама, хотя тебе нет до этого никакого дела.

— Наверное, ты права,— согласился сенатор.— Что там по трехмернику? Может, я втиснусь в будку вместе с тобой?

— Тебе отлично известно, что места там вдоволь. Милости прошу. Я жду Горацио Элджера. Минут через десять начнется.

— Горацио Элджер? Это что такое?

— Ты бы, наверное, назвал это сериалом. Он никогда не кончается. Горацио Элджер — тот, кто его сочинил. Он написал много книг, давно, в первой половине двадцатого века, а может, еще раньше. Тогдашние критики считали, что это дрянные книжки, и, наверное, так оно и было. Но их читало множество людей, и, по-видимому, книги вызывали в них какой-то отклик. В книгах говорилось, как бедный парень разбогател, хотя все было против него.

— По-моему, пошлятина,— сказал сенатор.

— Вероятно. Но режиссеры и сценаристы взяли эти дрянные книжки и превратили в документ общественной жизни, вплетя в историю немало сатиры. Они чудесно воссоздали фон; декорации в большинстве своем относятся, я думаю, к концу девятнадцатого или началу двадцатого века. И не только предметный фон, но и социальный, и нравственный... Это были

времена варварства, ты знаешь? В фильме человек попадает в такие положения, что кровь стынет...

Послышался гудок телефона, и видеоканал заморгал. Поднявшись с кресла, сенатор пересек комнату, а Элин устроилась поудобнее. Еще пять минут, и начнется передача. Хорошо, что сенатор будет смотреть с ней вместе. Она надеялась, что его не отвлекут какие-нибудь события, вроде этого телефонного звонка. Она листала журнал. За спиной ее приглушенно звучали голоса собеседников.

— Я должен ненадолго уйти,— сказал, возвращаясь, сенатор.

— Горацио пропустишь.

Он покачал головой:

— В другой раз посмотрю. Звонил Эд Уинстон из Сент-Барнабаса.

— Из больницы? Что-то стряслось?

— Никто не болен, если ты об этом. Но Уинстон, похоже, в расстройстве. Говорит, надо встретиться. Не пожелал ввести меня в курс по телефону.

— Ты недолго? Возвращайся пораньше. Тебе надо выспаться: эти слушания...

— Постараюсь,— сказал он.

Элин проводила его до двери, помогла надеть плащ и вернулась в гостиную.

Больница, подумала она. Услышанное пришлось ей не по нраву. Какое отношение мог иметь сенатор к больнице? При мысли о больнице она всегда чувствовала себя не в своей тарелке. Не далее как сегодня Элин была в этой самой лечебнице. Она не хотела идти туда, но теперь была рада, что сходила. Бедняге Блейку действительно нелегко, думала она. Не знать, кто ты такой, не знать, что ты такое...

Она вошла в будку трехмерника и села в кресло; впереди и по бокам поблескивал вогнутый экран. Элин нажала кнопки, повернула диск, и экран заморгал, нагреваясь.

Странно, как это мать восторгается старинными фильмами — плоскими, лишенными объема изображениями? И хуже всего, уныло подумала она, что люди, которые прикидываются, будто находят в старом особую ценность, презирают новейшие развлечения, заявляя, что в них-де нет никакого искусства. Быть может, спустя несколько веков, когда разовьются новые формы развлечений, трехмерник тоже переживет свое второе

рождение — как древнее искусство, недооцененное в пору его расцвета.

Экран перестал мигать, и Элин «очутилась» на улице в центре города. «...Никто пока не может предложить каких-либо объяснений тому, что произошло здесь менее часа назад,— услышала она голос.— Поступают противоречивые сообщения, и до сих пор нет двух полностью совпадающих версий. Больница начинает успокаиваться. Сообщают, что один пациент пропал, но это сообщение пока не подтверждено.

По свидетельству большинства очевидцев, какое-то животное — некоторые утверждают, что это волк,— в ярости пронеслось по коридору, бросаясь на всех, кто стоял у него на пути. Один свидетель говорит, что из волка, если это был волк, торчали руки. Прибывшая полиция открыла пальбу, изрешетив пулями приемный покой...»

Элин затаила дыхание. Сент-Барнабас! Это было в Сент-Барнабасе. Она была там, навещала Эндрю Блейка, и ее отец сейчас на пути туда. Что же происходит?

Элин привстала с кресла, но потом снова села. Она ничего не могла сделать. И не должна была делать. Сенатор сумеет позаботиться о себе: он всегда это умел.

Да и животное это, по-видимому, уже убежало из больницы. Если она немного подождет, то увидит, как ее отец вылезает из машины и поднимается по лестнице.

Она стояла, дрожа, как на ледяном ветру.

Глава 17

Скользя по осыпавшейся щебенке, выстилавшей склон вокруг пещеры, люди приближались. Луч света пронзил каменную нишу.

Мыслитель уплотнился и ослабил поле. Он понимал, что поле может его выдать, но оно составляло часть самого Мыслителя, и вовсе без него он не мог существовать. Тем более здесь, в обстоятельствах, когда охлаждающаяся атмосфера с жадностью высасывает из него энергию.

«Мы должны быть самими собой,— подумал он.— Нам не стать больше или меньше, чем мы есть, если не пройти через долгий, медленный процесс эволюции. Однако можно ли допустить, чтобы тысячелетия сплавили три различных разума в один? Чтобы этот разум был наделен эмоциями, которых я не

имею, но осознаю, и холодной и отстраненной логикой, которой не владеют мои компаньоны, но владею я, и обостренной пронзительностью Охотника, недоступной ни мне, ни Оборотню. Только слепая случайность свела наши три разума, поместила их в массу вещества, которое можно превратить в тело,— какова вероятность, что такое случилось бы в будущем само по себе? Мы — результат слепого случая или судьбы? Есть ли судьба? Что такое судьба? Возможно ли, что существует некий огромный, всеобъемлющий вселенский План и что ход событий, объединивший три разума, являет собой часть этого Плана, необходимый шаг в цепи шагов, которыми План приближается к своей невероятно далекой, но всегда существовавшей цели?»

Камни осыпались под ногами, и человек, сопротивляясь стаскивающей его вниз силе тяжести, цеплялся за землю пальцами. Фонарик в его руке прыгал и вздрагивал, описывая лучом судорожные дуги.

Человек оперся локтем о карниз и заглянул в пещеру.

— О-хо,— выдохнул он и закричал: — Эй, Боб, здесь какой-то чудной запах! В пещере кто-то был. Совсем недавно.

Мыслитель расширил поле, резко двинул его вперед. Оно обрушилось на человека, словно кулак боксера, выбило из-под него локоть, удерживающий его на карнизе, и швырнуло прочь. Перевернувшись и потеряв опору, человек издал крик — один вопль ужаса, выдавленный легкими. Затем его тело рухнуло на склон и покатилось. Мыслитель чувствовал, как оно катится, увлекая за собой камни,— они осыпались, стуча по скале, и сухие сучья трещали и хрустели. Затем стук и треск прекратились, а снизу донесся всплеск.

Люди бросились вниз по склону, размахивая фонариками, высвечивая из темноты кусты и блестящие стволы деревьев.

Раздались голоса:

— Боб, с Гарри что-то случилось!

— Точно, он кричал.

— Он полетел вниз, в ручей. Я слышал, как он плюхнулся.

Стараясь замедлить головокружительный спуск по откосу, люди пронеслись мимо пещеры. Пять фонарей уже бешено шарили внизу под горой, и несколько человек бродили по ручью.

— А что теперь? — спросил Охотник.— Слышал, что он там вопил? Пока они отвлеклись, но кто-нибудь обязательно вспом-

нит про пещеру. Несколько человек поднимутся обратно. И могут начать стрелять.

— Я тоже так думаю,— согласился Оборотень.— Они попытаются разобраться. Тот тип, который упал...

— Упал! — фыркнул Мыслитель.— Я столкнул его.

— Ну хорошо. Тот тип, которого ты столкнул, успел их предупредить. Возможно, он учуял запах Охотника.

— Я не пахну,— обиделся Охотник.

— Ну, это уж слишком,— сказал Мыслитель.— У каждого из нас, я полагаю, тело обладает отличительным запахом. И твоя биологическая форма находилась здесь достаточно долго, чтобы ее запах пропитал пещеру.

— А может быть, это твой запах,— возразил Охотник.— Не надо забывать...

— Хватит,— оборвал их Оборотень.— Какая разница, кого из нас он учуял. Вопрос в том, что делать дальше. Мыслитель, ты смог бы превратиться во что-нибудь тонкое и плоское, выбраться отсюда и вскарабкаться по склону?

— Сомневаюсь. На этой планете слишком холодно. Я быстро теряю энергию. Если я увеличу площадь моего тела, энергия будет тратиться еще быстрее.

— Надо решить,— сказал Охотник,— как поддерживать в теле необходимый запас энергии. Оборотню придется есть за нас. Усваивая пищу, которая есть на этой планете, он будет снабжать нас энергией. Для чего ему надо будет оставаться в его обличье по крайней мере столько, сколько требуется для пищеварения. Некоторыми источниками энергии может воспользоваться Мыслитель. Что касается меня, похоже, здесь нет пригодной для меня пищи, и моя жизненная форма, видимо...

— Все так,— перебил Оборотень,— но об этом еще будет время поговорить. А пока давайте решим, что делать сейчас. Судя по всему, нам надо превращаться в Охотника. Меня они заметят. Белое тело сразу бросится в глаза. Ты готов, Охотник?

— Конечно готов,— отозвался Охотник.

— Отлично. Выползай из пещеры и двигайся вверх по склону. Спокойно и тихо. Но как можно быстрей. Их отряд весь собрался внизу, и, если ты себя не выдашь, мы вряд ли натолкнемся на кого-либо из них.

— Вверх? — спросил Охотник.— А куда потом?

— Беги по любой из дорог,— ответил Оборотень,— пока мы не встретим телефон-автомат.

— Если ваша мысль верна,— сказал Чандлер Гортон,— мы должны немедленно разыскать Блейка.

— Почему вы думаете, что это Блейк? — спросил главврач.— Не Блейк же убежал из больницы. Если Даниельс прав, то это инопланетное существо.

— Но там был и Блейк,— возразил Гортон.— Поначалу он мог принять облик инопланетного существа, а потом превратиться в Блейка.

Сенатор Стоун, нахохлившись в большом кресле, зашипел на Гортона:

— Если вас интересует мое мнение, то все это чушь.

— Разумеется, нас интересует, что вы думаете,— отвечал Гортон.— Но мне очень хочется, Соломон, чтобы ваше мышление хоть раз принесло немного пользы.

— Какая тут может быть польза? — вскричал Стоун.— Какая-то детская инсценировка. И я еще в ней не разобрался, но знаю, что так оно и есть. Я готов держать пари, что за всем этим стоите вы, Чандлер. Вечно вы выкидываете трюки. Вот и подстроили все, чтобы что-то доказать! Я больше чем уверен в этом. Я сразу понял, что дело нечисто, еще когда вы позвали в свидетели этого шута Люкаса.

— Доктора Люкаса, с вашего разрешения, сенатор,— поправил Гортон.

— Ладно, пусть доктора Люкаса. Что ему об этом известно?

— Давайте выясним,— сказал Гортон.— Доктор Люкас, что вам об этом известно?

Люкас сухо улыбнулся:

— Относительно случившегося в этой больнице — ровным счетом ничего. А что касается высказанного доктором Даниельсом мнения о происшедшем, я должен с ним согласиться.

— Но это лишь предположение,— подчеркнул Стоун.— Доктор Даниельс все это придумал. Браво! У него богатое воображение, из чего не следует, что все произошло так, как ему кажется.

— Я должен обратить ваше внимание на то, что Блейк был пациентом Даниельса,— сказал главврач.

— И, следовательно, вы верите предположениям доктора.

— Необязательно. Не знаю, что и думать. Но если кто-то имеет право на мнение, так это доктор Даниельс.

— Давайте-ка немного успокоимся,— предложил Гортон,— посмотрим, что у нас есть. По-моему, на выдвинутое сенатором обвинение в инсценировке вряд ли стоит отвечать, однако думаю, что мы должны согласиться: сегодня вечером здесь произошло нечто в высшей степени необычное. Кроме того, я не сомневаюсь, что решение созвать нас всех вместе далось доктору Уинстону нелегко. Он говорит, что не может составить обоснованное мнение, однако доктор, должно быть, чувствовал, что причина для беспокойства есть.

— Я по-прежнему так думаю,— сказал главврач.

— Как я понимаю, этот волк или что-то еще...

Соломон Стоун громко фыркнул. Гортон бросил на него ледяной взгляд.

— ...или что-то еще,— продолжал он,— перебежал через улицу в парк и полиция погналась за ним.

— Совершенно верно,— сказал Даниельс.— Они там до сих пор стараются загнать его. Какой-то дурак водитель ослепил его фарами, когда он перебегал дорогу, и попытался задавить.

— Разве не ясно, что всему этому надо положить конец? — сказал Гортон.— Похоже, вся округа сорвалась с катушек...

— Поймите,— объяснил главврач,— все это выглядело сплошным безумием. Никто не мог сохранить хладнокровие.

— Если Блейк — то, чем считает его Даниельс,— сказал Гортон,— мы должны вернуть его. Мы потеряли двести лет развития человеческой биоинженерии только потому, что проект Космической службы, как считали, провалился. И поэтому его замалчивали. И замалчивали, надо подчеркнуть, настолько успешно, что о нем забыли. Миф, легенда — вот и все, что от него осталось. Однако теперь ясно, что проект не был неудачным. И где-то в лесах сейчас, должно быть, бродит доказательство его успеха.

— Провалиться-то он провалился,— сказал доктор Люкас.— Он не сработал так, как хотела Космическая служба. Думается, догадка Даниельса верна: если характеристики инопланетянина введены в андроида, их не сотрешь. Они стали постоянным свойством самого андроида. И вот он превратился в два существа — человека и инопланетянина. Во всех отношениях — как в телесном, так и с точки зрения устройства своего разума.

— Кстати, о разуме, сэр. Будет ли мышление андроида искусственным? — спросил главврач.— Я имею в виду специально разработанный и введенный в него разум.

Люкас покачал головой.

— Сомневаюсь, доктор. Это еще довольно сырой метод. В отчетах, по крайней мере в тех, что я видел, об этом не упоминается, но я предполагаю, что в мозг андроида был введен разум реального человека. Даже в те времена такое оказалось технически осуществимым. Как давно были созданы банки разума?

— Триста с небольшим лет назад, — ответил Гортон.

— Значит, технически они могли осуществить такой перенос. Построение же искусственного разума и сегодня трудное дело, а двести лет назад — и подавно. Думаю, что даже сейчас нам неизвестны все составляющие, необходимые для изготовления уравновешенного разума — такого, который можно назвать человеческим. Мы могли бы синтезировать разум — наверное, могли бы, но это был бы странный разум, порождающий странные поступки, странные чувства. Он не был бы целиком человеческим, не дотягивал бы до человеческого, а может быть, и превосходил его.

— Значит, вы думаете, что Блейк носит в своем мозгу дубликат разума какого-то человека, жившего в те времена, когда Блейка создавали? — спросил Гортон.

— Я почти уверен в этом,— ответил Люкас.

— И я тоже,— сказал главврач.

— В таком случае он человек,— проговорил Гортон.— Или, по крайней мере, обладает разумом человека.

— Я не знаю, как иначе могли снабдить его разумом,— произнес Люкас.

— И тем не менее это чепуха,— сказал сенатор Стоун.— Сроду не слыхал такой чепухи.

Никто не обратил на него внимания. Главврач посмотрел на Гортона.

— По-вашему, вернуть Блейка жизненно необходимо?

— Да. Пока полиция не убила его, или ее, или в каком он там теле... Пока они не загнали его в такую дыру, где мы его несколько месяцев не найдем, если вообще найдем.

— Согласен,— сказал Люкас.— Подумайте только, сколько он может нам рассказать. Подумайте, что мы можем узнать, изучив его. Если Земля собирается заняться программой человеческой биоинженерии — ныне или в будущем,— тому, что мы сможем узнать от Блейка, цены не будет.

Главврач озадаченно покачал головой:

— Но Блейк — особый случай. Организм с незамкнутыми цепями. Насколько я понимаю, предложенная биоинженерная программа не предусматривает создания таких существ.

— Доктор,— сказал Люкас,— то, что вы говорите, верно, однако любой организованный, синтетический...

— Вы тратите время попусту, господа,— сказал Стоун.— Никакой программы человеческой биоинженерии не будет. Я и кое-кто из моих коллег намерены позаботиться об этом.

— Соломон,— устало сказал Гортон,— давайте отложим заботы о политической стороне дела. Сейчас в лесах бродит перепуганный человек, и мы должны найти способ дать ему знать, что не хотим причинить ему вреда.

— И как вы предполагаете это осуществить?

— Ну, это, я думаю, нетрудно. Отзовите загонщиков, потом опубликуйте эти сведения, подключите газеты, электронные средства информации и...

— Думаете, волк будет читать газеты или смотреть трехмерник?

— Скорее всего, он не останется волком,— сказал Даниельс.— Я убежден, что он опять превратится в человека. Наша планета может причинить неудобства инопланетному существу...

— Господа,— сказал главврач,— прошу внимания, господа.

Все повернулись к нему.

— Мы не можем этого сделать. В такого рода истории больница будет выглядеть нелепо. И так все плохо, а тут еще оборотень! Разве не ясно, какие будут заголовки? Разве не ясно, как повеселится на наш счет пресса?

— А если мы правы? — возразил Даниельс.

— То-то и оно. Мы не можем быть уверенными в своей правоте. У нас может быть сколько угодно причин считать себя правыми, но этого все равно недостаточно. В таком деле нужна стопроцентная уверенность, а у нас ее нет.

— Значит, вы отказываетесь опубликовать такое объявление?

— От имени больницы не могу. Если Космическая служба даст разрешение, я соглашусь. Но сам я не могу. Даже если правда на моей стороне, все равно Космослужба обрушится на меня, как тонна кирпича. Они поднимут жуткий скандал...

— Несмотря на то что прошло двести лет?

— Несмотря на это. Разве не ясно, что, если Блейк и вправду то, чем мы его считаем, он принадлежит Космослужбе?

Пусть они и решают. Он — их детище, а не мое. Они заварили эту кашу и...

Комната наполнилась громовым хохотом Стоуна.

— Не смотрите на него, Чандлер. Идите и расскажите все газетчикам сами. Разнесите эту весть. Докажите нам, что вы не робкого десятка. Боритесь за свои убеждения. Надеюсь, это вам под силу.

— Уверен, что так,— ответил Гортон.

— Только попробуйте! — вскричал Стоун.— Одно слово на людях, и я подниму вас на воздух! Так высоко, что вы и за две недели не вернетесь на Землю!

Глава 19

Настырные гудки телефона наконец-то пробились в созданный трехмерником мир иллюзий. Элин Гортон встала, вышла из будки. Телефон попискивал, видеоэкран сверкал нетерпеливыми вспышками. Элин добралась до него, включила аппарат на прием и увидела обращенное к ней лицо, слабо освещенное плохонькой лампочкой в потолке телефона-автомата.

— Эндрю Блейк? — в изумлении вскрикнула она.

— Да, это я. Видите ли...

— Что-то случилось? Сенатора вызвали в...

— Кажется, у меня маленькие неприятности,— сказал Блейк.— Вы, вероятно, слышали о происшедшем.

— Вы о больнице? Я немного посмотрела, но смотреть оказалось не на что. Какой-то волк. И, говорят, исчез один из пациентов, кажется...— Она задохнулась.— Один из пациентов исчез! Это они о вас, Эндрю?

— Боюсь, что да. И мне нужна помощь. Вы — единственная, кого я знаю, кого могу попросить...

— Что я должна сделать, Эндрю? — спросила она.

— Мне нужна какая-нибудь одежда,— сказал он.

— Вы что же, покинули лечебницу без одежды? На улице же холодно...

— Это длинная история,— сказал он.— Если вы не хотите мне помочь, так и скажите. Я пойму. Мне неохота впутывать вас, но я понемногу замерзаю. И я бегу...

— Убегаете из больницы?

— Можно сказать, да.

— Какая нужна одежда?

— Любая. На мне ничего нет.

На миг она заколебалась. Может, попросить у сенатора? Но его нет дома. Он не вернулся из больницы, и неизвестно, когда вернется.

Когда она заговорила снова, голос ее звучал спокойно и четко:

— Дайте-ка сообразить. Вы исчезли из больницы, без одежды, и не собираетесь возвращаться. По вашим словам, вы в бегах. Значит, кто-то за вами охотится?

— Какое-то время за мной гналась полиция,— ответил он.

— Но сейчас не гонится?

— Нет, не гонится. Мы от них ускользнули.

— Мы?

— Я оговорился. Я хочу сказать, что улизнул от них.

Она глубоко вздохнула, набираясь решимости.

— Где вы?

— Точно не знаю. Город изменился с тех пор, когда я знал его. Думаю, я на южном конце старого Тафтского моста.

— Оставайтесь там,— сказала она.— И ждите мою машину. Я замедлю ход и буду высматривать вас.

— Спасибо...

— Минутку. Я тут подумала... Вы из автомата звоните?

— Совершенно верно.

— Чтобы такой телефон действовал, нужна монетка. Где же вы ее взяли, на вас же нет одежды?

На его лице появилась грустная улыбка:

— Монетки тут падают в маленькие коробочки. Я воспользовался камнем...

— Вы разбили коробочку, чтобы достать монетку и позвонить по телефону?

— Преступник, да и только,— сказал он.

— Ясно. Тогда лучше дайте мне номер телефонной будки и держитесь поблизости, чтобы я могла позвонить, если не сумею отыскать вас.

— Сейчас.

Он взглянул на табличку над телефоном и вслух прочел номер.

Элин отыскала карандаш и записала цифры на полях газеты.

— Вы понимаете, что искушаете судьбу? — спросила она.— Я держу вас на привязи у телефона, а по номеру можно узнать, где он.

Блейк скорчил кислую мину:

— Понимаю, но приходится рисковать. У меня же нет никого, кроме вас.

Глава 20

— Человек, с которым ты говорил,— женская особь? — спросил Охотник.— Она женщина, правильно?

— Женщина,— подтвердил Оборотень.— Еще какая. Я имею в виду, красивая женщина.

— Мне трудно ухватить оттенки смысла,— сказал Мыслитель.— Я не сталкивался раньше с этим понятием. Женщина — это существо, к которому можно выражать свою приязнь? Влечение, насколько я могу судить, должно быть взаимным. Женщине можно доверять?

— Когда как,— ответил Оборотень.— Это зависит от многих вещей.

— Твое отношение к самкам мне непонятно,— проворчал Охотник.— Что они такое? Не более чем продолжатели рода. В соответствующий момент и время года...

— Твоя система неэффективна и отвратительна,— добавил Мыслитель.— Когда мне надо, я сам продолжаю самого себя. Вопрос, который я задал, связан не с социальной или биологической ролью женщины, а с тем, можем ли мы довериться именно ей?

— Не знаю,— ответил Оборотень.— Думаю, что да. И я уже сделал ставку на это.

Дрожа от холода, он укрылся за кустами. Зубы начинали выбивать дробь. С севера дул ледяной ветер. Впереди, напротив Блейка, стояла телефонная будка с чуть подсвеченной тусклой надписью. За будкой тянулась пустынная улица, по которой изредка с шуршанием проносились наземные автомобили.

Блейк присел на корточки, вжимаясь в кусты. Господи, подумал он, ну и положение! Сидеть здесь голым, наполовину окоченевшим и ждать девушку, которую видел всего два раза в жизни, и почему-то надеяться, что она принесет ему одежду.

Он вспомнил телефонный звонок и поморщился. Ему пришлось собрать всю свою решимость, чтобы заставить себя позвонить, и, если б она не стала с ним разговаривать, он бы не осудил ее. Но она выслушала его. Испуганно, конечно, и, может

быть, с некоторым недоверием, как любой бы на ее месте, когда звонит едва знакомый человек и обращается с дурацкой просьбой. Никаких обязательств перед ним у нее не было. Он это понимал. Но еще более нелепой ситуацию делало то, что Блейк уже второй раз вынужден просить у дочери сенатора одежду. Только в этот раз к себе он не пойдет. Полиция наверняка уже караулит у дома.

Дрожа и тщетно пытаясь сохранить тепло тела, Блейк обхватил себя руками. С неба донесся рокот, и он быстро посмотрел вверх. Над деревьями, постепенно снижаясь — по всей видимости, направляясь на одну из посадочных площадок города,— летел дом. В окнах горел свет, смех и музыку слышно было даже на земле. Счастливые, беззаботные люди, подумал Блейк, а он сидит тут, скорчившись и окоченев от холода.

Ну а что потом? Что делать им троим потом? После того, как он получит одежду?

Судя по Элин, средства массовой информации еще не объявили, что он тот самый человек, который сбежал из клиники. Но еще несколько часов — и сообщение появится. И тогда его лицо будет красоваться на каждой газетной странице. На каждом экране. В этом случае рассчитывать на то, что его не узнают, не приходится. Конечно, тело можно передать Мыслителю или Охотнику, и проблема опознания отпадет, но при этом любому из них надо будет избегать человеческого общества еще тщательнее, чем ему. И климат против них — для Мыслителя слишком холодный, для Охотника чересчур жаркий,— и еще одна сложность, связанная с тем, что поглощать и накапливать необходимую для тела энергию мог только он. Возможно, существует пища, с которой справится Охотник, но, чтобы выяснить это, ее надо найти и попробовать. Есть места, расположенные вблизи энергоисточников, и Мыслитель мог бы там зарядиться, но добраться до них и при этом остаться незамеченным очень трудно.

А может, самое безопасное сейчас — попытаться связаться с Даниельсом? Блейк подумал и решил, что такой шаг будет наиболее разумным. Ответ, который он получит, известен заранее: вернуться в больницу. А больница — это западня. Там на него обрушат бесконечные интервью и, вероятно, подвергнут лечению. Его освободят от заботы о самом себе. Его станут вежливо охранять. Его сделают пленником. А он должен остаться собой.

Кем это — «собой»? Это значит, конечно, не только человеком, но и теми двумя существами. Даже если бы он захотел, ему никогда не избавиться от двух других разумов, которые вместе с ним владеют данной массой вещества, служащей им телом. И хотя ему прежде не приходилось об этом задумываться, Блейк знал: он не желает избавляться от этих разумов. Они так близки ему, ближе, чем что-либо в прошлом и настоящем. Это друзья или не совсем друзья, а, скорее, партнеры, связанные единой плотью. Но даже если б они не были друзьями и партнерами, существовало еще одно соображение, которое он не мог не принимать во внимание. Именно Блейк, и никто иной, втянул их в эту невероятную ситуацию, и потому у него нет другого пути, кроме как быть с ними вместе до конца.

Интересно, приедет Элин или сообщит в полицию и клинику? И даже если она выдаст его, он не сможет ее осудить. Откуда ей знать, не свихнулся ли он слегка, а может, и не слегка? Не исключено, что она донесет на него, полагая, что действует ему во благо. В любой момент можно ждать сирены полицейской машины, которая извергнет из себя ораву блюстителей порядка.

— Охотник,— позвал Оборотень,— похоже, у нас неприятности. Она слишком задерживается.

— Что-нибудь придумаем. Подведет нас она — найдем другой выход.

— Если появится полиция,— сказал Оборотень,— превращаемся в тебя. Мне от них ни за что не убежать. В темноте я плохо вижу, ноги сбиты, а...

— В любой момент,— согласился Охотник.— Я готов. Только дай знать.

Внизу, в поросшей лесом долине, захныкал енот. Волна дрожи прокатилась по телу Блейка. «Еще десять минут,— решил он.— Дам ей еще десять минут. Если за это время она не появится, мы отсюда уходим».

Жалкий и растерянный, Блейк сидел в кустах, физически ощущая свое одиночество. Чужак, подумал он. Чужак в мире существ, форму которых имеет. А есть ли вообще для него место, спросил Блейк себя, не только на этой планете, но во Вселенной? «Я человек,— сказал он тогда Мыслителю.— Я настаиваю на том, что я человек». А по какому, собственно, праву настаивает?

Время тянулось медленно. Енот молчал. Где-то в лесу по-особенному чирикнула птица — какая опасность, реальная или почудившаяся, разбудила ее?

На мостовой показалась машина. Остановилась у тротуара напротив телефонной будки. Мягко просигналил гудок.

Блейк поднялся из-за кустов и помахал рукой.

— Я здесь! — крикнул он.

Дверца открылась, и из машины вышла Элин. В тусклом свете телефонной будки он узнал ее — этот овал лица, эти прекрасные темные волосы. В руке она несла сверток.

Элин прошла мимо телефонной будки и направилась к кустам. Не доходя трех метров, остановилась.

— Эй, лови! — сказала она и бросила сверток.

Негнущимися от холода пальцами Блейк развернул его. Внутри были сандалии на твердой подошве и черная шерстяная туника с капюшоном.

Одевшись, Блейк вышел из кустов к Элин.

— Спасибо,— сказал он.— Я почти заледенел.

— Извините, что так долго,— произнесла она.— Я так переживала, что вы здесь прячетесь. Но надо было все собрать.

— Все?

— То, что вам понадобится.

— Не понимаю...

— Вы ведь сказали, что убегаете от преследователей. Значит, вам нужна не только одежда. Пойдемте в машину. У меня включен обогреватель. Там тепло.

— Нет,— отпрянул Блейк.— Неужели вам не ясно? Я не могу допустить, чтобы вы впутались в это еще больше. Я вам и так очень обязан...

— Ерунда,— сказала она.— Каждый день положено делать доброе дело. Мое сегодняшнее — это вы.

Блейк плотнее завернулся в тунику.

— Послушайте,— сказала она,— вы же совсем замерзли. Нука забирайтесь в машину!

Он заколебался. Согреться в теплом салоне было заманчиво.

— Пойдемте,— позвала она.

Блейк подошел с ней к автомобилю, подождал, пока она усядется на водительское сиденье, затем сел сам и закрыл дверцу. Струя теплого воздуха ударила его по лодыжкам.

Она включила передачу, и машина покатилась вперед.

— На одном месте стоять нельзя,— объяснила она.— Кто-нибудь может заинтересоваться или донести. А пока мы на ходу, никаких вопросов. У вас есть место, куда я могла бы вас отвезти?

Блейк покачал головой. Он даже не задумывался, куда деваться дальше.

— Может быть, выехать из Вашингтона?

— Да-да,— согласился он. Выбраться из Вашингтона — для начала уже неплохо.

— Можете рассказать мне, в чем дело, Эндрю?

— Вряд ли,— сказал он.— Если я вам расскажу, вы, скорее всего, остановитесь и вышвырнете меня из машины.

— В любом случае не стоит так драматизировать,— рассмеялась она.— Сейчас я развернусь и поеду на запад. Не возражаете?

— Не возражаю. Там есть где спрятаться.

— А как долго, по-вашему, вам придется прятаться?

— Если б я знал,— ответил он.

— Знаете, что я думаю? Я не верю, что вы вообще сможете спрятаться. Ваш единственный шанс — все время двигаться, нигде не задерживаясь подолгу.

— Вы все продумали?

— Просто здравый смысл подсказывает. Туника, которую я вам принесла, одна из папиных шерстяных. Он ими очень гордится — такую одежду носят студенты-бродяги.

— Студенты-бродяги?

— Ой, я все забываю. Вы же еще не успели освоиться. Они не настоящие студенты. Бродячие артисты. Бродят повсюду: одни рисуют, другие пишут книги, третьи сочиняют стихи. Их не много, но и не так мало, и их принимают такими, какие они есть. Внимания на них, конечно, никто не обращает. Так что можете опустить капюшон, и ваше лицо никто не разглядит. Да и вряд ли станет разглядывать.

— Вы советуете мне сделаться студентом-бродягой?

— Я приготовила вам старый рюкзак,— продолжала она, не обращая внимания на его слова.— Именно с такими они и ходят. Несколько блокнотов, карандашей, пару книг вам почитать. Лучше взгляните на них, чтобы представить, о чем они. Нравится вам или нет, но придется стать писателем. При первой возможности нацарапайте страницу-другую. Чтобы, если кто заинтересуется, не к чему было придраться.

Блейк расслабленно шевелился в кресле, впитывая тепло. Элин повернула на другую улицу и теперь ехала на запад. На фоне неба громоздились силуэты многоквартирных башен.

— Откройте вон то отделение справа,— сказала она.— Вы наверняка проголодались. Я приготовила несколько сандвичей и кофе — там полный термос.

Он сунул руку в отделение, достал пакет, разорвал его и извлек сандвич.

— Я в самом деле проголодался,— произнес он.

— Надо думать,— сказала она.

Автомобиль неторопливо катил вперед. Многоквартирных домов встречалось все меньше. Тут и там вдоль дороги возникали поселки, составленные из летающих коттеджей.

— Я могла бы увести для вас леталку,— сообщила она.— Или даже автомобиль. Но их легко обнаружить по регистрационной лицензии. Зато на человека, который бредет пешком, никто не обращает внимания. Так вам будет безопаснее.

— Элин,— спросил он,— почему вы все это для меня делаете?

— Не знаю.— Она пожала плечами.— Наверное, потому, что вам столько досталось. Притащили из космоса, засунули в больницу, где начались все эти проверки и анализы. Ненадолго выпустили попастись в деревушке, затем снова заперли.

— Они старались помочь мне, как могли.

— Я понимаю. Но вряд ли это было приятно вам. Поэтому я не осуждаю вас за то, что вы сбежали, как только подвернулась возможность.

Некоторое время они ехали молча. Блейк съел сандвичи, запил кофе.

— Кстати, о волке,— вдруг спросила она.— Вы ничего не знаете об этом? Говорят, там был волк.

— Насколько мне известно, никакого волка там не было,— ответил он. А про себя, оправдываясь, подумал, что формально он не солгал: Охотник действительно не волк.

— В клинике все в шоке,— сказала она.— Они позвонили сенатору и попросили приехать.

— Из-за меня или из-за волка? — поинтересовался он.

— Не знаю. Когда я уезжала, сенатор еще не вернулся.

Они подъехали к перекрестку, Элин сбросила скорость, свернула на обочину и остановилась.

— Все, дальше я не могу везти вас,— сказала она.— Мне надо успеть вернуться домой.

Блейк открыл дверцу, но, прежде чем выйти, обернулся к ней.

— Спасибо,— произнес он.— Вы мне так помогли. Надеюсь, когда-нибудь...

— Еще минутку,— остановила его она.— Вот ваш рюкзак. Там вы найдете немного денег...

— Подождите...

— Нет, это вы подождите. Деньги вам понадобятся. Сумма небольшая, но на какое-то время вам хватит. Это из моих карманных. Когда-нибудь вернете.

Он нагнулся, взял рюкзак за лямку, перебросил через плечо.

— Элин...— произнес Блейк неожиданно севшим голосом,— я не знаю, что сказать.

Полумрак салона скрывал расстояние, приближая ее к нему. Не сознавая, что делает, он притянул Элин к себе одной рукой. Затем склонился и поцеловал ее. Ее ладонь легла ему на затылок.

Когда они оторвались друг от друга, Элин посмотрела на него уверенным взглядом.

— Я не стала бы тебе помогать,— сказала она,— если бы ты мне не понравился. Я верю тебе. Мне кажется, ты не делаешь ничего такого, чего надо было бы стыдиться.

Блейк промолчал.

— Ну ладно,— сказала она.— Тебе пора, путник в ночи. Позже, когда сможешь, дай мне знать о себе.

Глава 21

Закусочная стояла на острие V-образной развилки, от которой дорога шла в двух разных направлениях. В призрачной предрассветной мгле красная вывеска над крышей казалась розовой. Прихрамывая, Блейк ускорил шаг. Здесь можно было отдохнуть, обогреться и перекусить. Бутерброды, которыми снабдила его Элин, помогли ему прошагать без остановки всю ночь, но теперь он снова проголодался. Когда наступит утро, он должен найти какое-нибудь местечко, где можно и укрыться, и отоспаться. Может быть, стог сена. Интересно, думал он, остались ли еще стога сена, или даже такие простые вещи, как стога, уже исчезли с лица Земли с тех пор, когда он ее знал?

Северный ветер яростно хлестал его, и Блейк натянул капюшон накидки на лицо. Бечевка мешка натирала плечо, и он попытался устроить его поудобнее, отыскать еще не натертый клочок кожи.

Наконец он добрался до забегаловки, пересек стоянку перед входом и поднялся по короткой лестнице к двери. В закусочной было пусто. Поблескивала отполированная стойка, в свете рядком протянувшихся по потолку ламп ярко сиял хром кофейника.

— Как поживаете? — спросила Закусочная голосом храброй и бойкой официантки.— Чего бы вы хотели на завтрак?

Блейк огляделся, но никого не увидел и только тогда оценил положение. Еще одно здание-робот, наподобие летающих домов.

Протопав по полу, он уселся на один из табуретов.

— Оладьи,— сказал он,— немного ветчины и кофе.

Он высвободил плечо из лямки и опустил мешок на пол рядом с табуретом.

— Рано утречком на прогулочку? — спросила Закусочная.— Только не говорите мне, будто шагали всю ночь напролет.

— Нет, не шагал,— ответил Блейк.— Просто рано встал.

— Что-то вас, парни, последнее время совсем не видно,— заявила Закусочная.— Чем вы занимаетесь, приятель?

— Пописываю,— ответил Блейк.— Во всяком случае, пытаюсь.

— Ну что ж,— рассудила Закусочная,— так хоть страну посмотришь. А я-то все тут торчу и никогда ничего не вижу. Только разговоры слушаю. Но не подумайте, что мне это не нравится,— торопливо добавила она.— Хоть мозги чем-то заняты.

Из патрубка на сковородку с ручкой выпал ком теста, потом горловина передвинулась вдоль канавки, выпустила еще два комка и со щелчком вернулась на место. Металлическая рука, прикрепленная рядом с кофейником, разогнулась, вытянулась и передвинула рычаг над сковородой. Три ломтя ветчины скользнули на сковородку, рука ловко опустилась и отделила их один от другого, уложив ровным рядом.

— Кофе сейчас подать? — спросила Закусочная.

— Если можно,— ответил Блейк.

Металлическая рука схватила чашку, поднесла к носику кофейника и подняла вверх, включая патрубок. Поток кофе, чашка наполнилась, рука повернулась и установила ее перед Блейком, затем нырнула под прилавок, достала ложку и вежливо пододвинула поближе сахарницу.

— Сливок? — спросила Закусочная.

— Нет, спасибо,— ответил Блейк.

— Позавчера такую историю слыхала — закачаешься,— сказала Закусочная.— Один парень заходил, рассказывал. Похоже, что...

За спиной у Блейка открылась дверь.

— Нет! Нет! — закричала Закусочная.— Убирайся вон! Сколько раз тебе говорить: не входи, когда у меня посетители.

— Я и зашел, чтобы встретиться с твоим посетителем,— ответил скрипучий голосок.

Услышав его, Блейк резко обернулся.

В дверях стоял Брауни; его маленькие глаза поблескивали на мышиной мордочке, по бокам куполообразной головы торчали увенчанные кисточками ушки. Штанишки на нем были в зеленую и розовую полоску.

— Я его кормлю,— запричитала Закусочная.— Притерпелась уже. Говорят, когда один из них живет поблизости, это к счастью. Но от моего мне одно горе. Он хитрющий, он нахальный, он меня не уважает...

— Это потому, что ты важничаешь и подделываешься под людей,— сказал Брауни.— И забываешь, что ты не человек, а лишь его заменитель, захапавший себе хорошую работу, которую мог бы делать человек. Почему, спрашивается, кто-то должен тебя уважать?

— Больше ты от меня ничего не получишь! — закричала Закусочная.— И не будешь тут ночевать, когда холодно. Довольно, я сыта тобой по горло!

Брауни пропустил эту тираду мимо ушей и проворно засеменил по полу. Остановившись, он церемонно поклонился Блейку.

— Доброе утро, досточтимый сэр. Надеюсь, я застал вас в добром здравии.

— В очень добром,— подтвердил Блейк. Веселость боролась в нем с дурными предчувствиями.— Не позавтракаете ли со мной?

— С радостью,— сказал Брауни, вскакивая на табурет рядом с Блейком и устраиваясь на нем как на насесте; ноги Брауни болтались, не доставая до пола.

— Сэр,— сказал он,— я буду есть то же, что и вы. Пригласить меня — очень любезно и великодушно с вашей стороны, ибо я совсем оголодал.

— Ты слышала, что сказал мой друг? — обратился Блейк к Закусочной.— Он хочет того же, что и я.

— И вы это оплатите? — осведомилась Закусочная.

— Разумеется, оплачу.

Механическая рука поднялась и пододвинула оладьи к краю сковороды, перевернув их. Из патрубка полезли новые комья теста.

— Какое блаженство питаться по-человечески,— доверительно сообщил Брауни Блейку.— Люди дают мне в основном отходы. И хоть голод не тетка, внутренности мои иногда требуют большей разборчивости в пище.

— Не позволяйте ему присасываться к вам,— предостерегла Блейка Закусочная.— Завтраком угостите, коль уж обещали, но потом отвадьте его. Не давайте сесть на шею, не то всю кровь высосет.

— У машин нет чувств,— сказал Брауни.— Им неведомы прекрасные порывы. Они безучастны к страданиям тех, кому призваны служить. И у них нет души.

— И у вас тоже, варвары инопланетные! — в ярости вскричала Закусочная.— Ты обманщик, бродяга и лодырь! Ты безжалостно паразитируешь за счет человечества, ни удержу не зная, ни благодарности!

Брауни скосил на Блейка свои хомячьи глазки и с безнадежным видом воздел руки горе, держа их ладонями кверху.

— Да, да,— удрученно проговорила Закусочная.— Каждое мое слово — истинная правда.

Рука забрала первые три оладьи, положила их на тарелку рядом с ветчиной, нажала кнопку и с большой ловкостью подхватила три вылетевших из лотка кусочка масла. Поставив тарелку перед Блейком, рука метнулась под стойку и вытащила оттуда кувшин с сиропом.

Носик Брауни блаженно задрожал.

— Пахнет вкусно,— сказал он.

— Не вздумай умыкнуть! — вскричала Закусочная.— Жди, когда твои будут готовы!

Издалека донеслось тихое жалобное блеяние. Брауни замер, уши его подскочили и задрожали. Блеяние повторилось.

— Еще один! — заорала Закусочная.— Им положено издали оповещать нас, а не сваливаться как снег на голову. И тебе, паршивому прохиндею, полагается быть на улице, слушать и караулить их появление. За это я тебя и кормлю.

— Еще слишком рано,— сказал Брауни.— Следующий должен пройти только поздно вечером. Им положено рассредоточиться по разным дорогам, чтобы не перегружать какую-то одну.

Снова прозвучала сирена — на этот раз громче и ближе. Одинокий жалобный звук прокатился по холмам.

— Что это? — спросил Блейк.

— Крейсер,— ответил Брауни.— Один из этих больших морских сухогрузов. Он вез свой груз от самой Европы, а может, из Африки, а около часа назад вышел на берег и едет по дороге.

Послышались скрежет и грохот металла о металл. Блейк увидел, как с внешней стороны окон скользят большие стальные ставни. От стены отделились скобы на шарнирах и потянулись к двери, чтобы затворить ее поплотнее. Вой сирены уже наполнил помещение, а вдалеке что-то жутко завыло, как будто мощный ураган над землей.

— Все задраено! — заорала Закусочная, перекрывая шум.— Ложитесь-ка лучше на пол, ребята. Судя по звуку, махина здоровая!

Здание тряслось, зал едва не лопался от наполнившего его оглушительного шума, похожего на рев водопада. Брауни забился под табурет и держался изо всех сил, обхватив обеими ручонками металлическую стойку сиденья. Он разевал рот и, видимо, что-то кричал Блейку, но голосок его тонул в катившемся по дороге вое.

Блейк соскочил с табурета и распластался на полу. Он попытался вцепиться в половицы пальцами, но они были сделаны из твердого гладкого пластика, и он никак не мог за них ухватиться. Казалось, закусочная ходит ходуном; рев крейсера был почти невыносим. Блейк вдруг увидел, что скользит по полу.

А потом рев стал тоньше и замер вдали, вновь превратившись в слабый и протяжный жалобный вой.

Блейк поднялся с пола.

На прилавке, там, где стояла чашка, теперь была кофейная лужица, а сама чашка бесследно исчезла. Тарелка, на которой лежали оладьи и ветчина, осколками разлетелась по полу. Пухлые оладьи валялись на табурете, а те, что предназначались Брауни, все еще были на сковороде, но дымились и обуглились по краям.

— Я сделаю новые,— сказала Закусочная.

Рука взяла лопаточку, сбросила подгоревшие оладьи со сковородки и швырнула в мусорный бак, стоявший под плитой.

Блейк заглянул за прилавок и увидел, что весь пол там усеян осколками посуды.

— Вы только посмотрите! — скрипуче закричала Закусочная.— Должен быть специальный закон. Я поставлю в известность хозяина, а он подаст жалобу на эту компанию и добьется возмещения. Он всегда добивался. И вы, ребята, тоже можете учинить иск. Пришейте им нервное потрясение или что-нибудь в этом роде. Если хотите, у меня есть бланки исковых заявлений.

Блейк покачал головой.

— А как же водители? — спросил он.— Что делать, если встретишь такую штуку на дороге?

— А вы видели бункера вдоль обочин? Футов десять в высоту, с подъездными дорожками?

— Видел,— ответил Блейк.

— Как только крейсер уходит с воды и начинает путь по суше, он должен включить сирену. И она ревет все время, пока он движется. Услышишь сирену — отправляйся к ближайшему бункеру и прячься за ним.

Патрубок медленно двигался вдоль канавки, выпуская тесто.

— А как это получается, мистер, что вы не знаете о крейсерах и бункерах? — спросила Закусочная.— Может, вы из глухомани какой лесной?

— Не твоего ума дело,— ответил за Блейка Брауни.— Знай себе стряпай наш завтрак.

Глава 22

— Я вас немного провожу,— сказал Брауни, когда они вышли из закусочной.

Утреннее солнце вставало над горизонтом у них за спиной, а впереди по дороге плясали длинные тени. Дорожное покрытие, как заметил Блейк, было выбито и размыто.

— За дорогами не следят так, как следили на моей памяти,— сказал он.

— Нет нужды,— ответил Брауни.— Колес больше нет. Зачем ровная поверхность, если нет сцепления? Все машины ходят на воздушных подушках. Дороги нужны только как путеводные нити да еще чтобы держать транспорт подальше от людей. Те-

перь, когда прокладывают новую дорогу, просто ставят два ряда столбиков, чтобы водители видели, где шоссе.

Они неспешно брели вперед. Из болотистой низинки слева, сверкая вороненными крыльями, взмыла стайка черных дроздов.

— Собираются в стаи,— сказал Брауни.— Скоро им улетать. Нахальные птицы эти черные дрозды. Не то что жаворонки или малиновки.

— Ты их знаешь?

— Мы же вместе живем,— отвечал Брауни.— И со временем начинаем их понимать. Некоторых так хорошо, что почти можем разговаривать с ними. Правда, не с птицами: птицы и рыбы глупые. А вот еноты, лисы, выхухоли и норки — народ что надо.

— Как я понимаю, вы живете в лесах?

— В лесах и полях. Мы сживаемся с природой. Мы принимаем мир таким, каков он есть, приспосабливаемся к обстоятельствам. Мы — кровные братья всякой жизни. Ни с кем не ссоримся.

Блейк попытался вспомнить, что ему говорил Даниельс. Странный маленький народец, полюбивший Землю не из-за господствующей на ней формы жизни, а из-за прелестей самой планеты. Возможно потому, подумал Блейк, что в ее менее развитых обитателях, в немногочисленных диких зверях, населявших поля и леса, нашли они ту немудреную дружбу, которую так любили. Они настояли на том, что будут жить бродягами и побирушками, пристающими ко всякому, кто согласен удовлетворить их нехитрые надобности.

— Несколько дней назад я повстречал еще одного вашего,— сказал он.— Ты извини, я точно не знаю. Может...

— О нет,— ответил Брауни.— Это был другой. Тот, который вас отыскал.

— Отыскал меня?

— Ну да. Был караульным и отыскал. Он сказал, что вы не один и вы в беде. И передал всем нам, чтобы любой, кто вас встретит, приглядывал за вами.

— Похоже, ты отлично с этим справился. Нашел ты меня довольно быстро.

— Когда мы ставим перед собой какую-то цель,— гордо сказал Брауни,— мы можем действовать очень четко.

— А я? При чем тут я?

— Точно не знаю,— сказал Брауни.— Мы должны присматривать за вами. Знайте, что мы начеку и вы можете рассчитывать на нас.

— Спасибо,— сказал Блейк.— Большое спасибо.

Только этого не хватало, подумал он. Только слежки этих маленьких одержимых созданий ему и не хватало.

Какое-то время они шли молча, потом Блейк спросил:

— Тот, который нашел меня, велел тебе наблюдать за мной...

— Не только мне.

— Знаю. Он велел вам всем. Хотя это, наверное, глупый вопрос: есть же почта и телефон.

Брауни издал какое-то кудахтанье, выражающее безмерное презрение.

— Мы бы и под страхом смерти не стали пользоваться такими приспособлениями,— сказал он.— Это противоречит нашим принципам, да и нужды никакой нет: мы просто посылаем сообщение, и все.

— Ты хочешь сказать, что вы телепаты?

— По правде говоря, не знаю. Мы не умеем передавать слова, если вы это имеете в виду. Но мы обладаем единством. Это трудновато объяснить...

— Могу себе представить,— сказал Блейк.— Нечто вроде туземного телеграфа на психическом уровне.

— Для меня это звучит как бессмыслица, но если назвать эту штуку так, вреда не будет,— сказал Брауни.

— Наверное, вы приглядываете за множеством людей,— предположил Блейк.

Это так на них похоже, подумал он. Горстка маленьких хлопотунчиков, которых более всего заботит, как живут другие люди.

— Нет,— ответил Брауни.— Во всяком случае, не сейчас. Он нам сказал, что вас больше чем один, и...

— А это тут при чем?

— Что вы, господь с вами! В этом-то все и дело,— сказал Брауни.— Часто ли встречается существо, которое не одно? Не скажете ли вы мне, сколько...

— Меня — трое,— ответил Блейк.

Брауни с торжествующим видом выкинул коленце джиги.

— Так я и знал! — ликуя, вскричал он.— Я побился об заклад с самим собой, что вас трое. Один из вас теплый и лохматый, но с ужасным норовом. Вы согласны?

— Да,— ответил Блейк,— должно быть, так.

— Но второй,— сказал Брауни,— совершенно сбивает меня с толку.

— Приветствую собрата по несчастью,— сказал Блейк.— Меня тоже.

Глава 23

Когда Блейк взошел на высокий крутой холм, оно лежало в долине и поразительно напоминало чудовищного жука с округлым горбом посередине и тупорылого спереди и сзади — гигантская черная махина, заполнившая чуть ли не половину всей равнины.

Блейк остановился. Ему еще не приходилось видеть большие крейсеры-сухогрузы, которые курсировали между континентами и о которых ходило столько слухов.

Автомобили со свистом проносились мимо, обдавая из рокочущих реактивных сопел струями выхлопных газов.

Перед этим Блейк, устало тащась по дороге, несколько часов высматривал какое-нибудь укромное место, где можно было бы спрятаться и отоспаться. Но вдоль обочин расстилались сплошь выкошенные поля. Не было и поселений у дороги — все они располагались за полмили или дальше от трассы. Интересно, подумал Блейк, почему так — из-за того, что по шоссе ходят эти крейсеры и еще какие-нибудь крупные транспорты, или по другим причинам?

Далеко на юго-западе замаячили контуры нескольких мерцающих башен — скорее всего, еще один комплекс высотных домов, построенных в удобной близости от Вашингтона и при этом сохраняющих для его обитателей прелести сельской жизни.

Держась подальше от проезжей части, Блейк по обочине спустился с холма и наконец дошел до крейсера. Прижавшись к краю дороги, тот стоял на мощных приземистых ножках двухметровой длины и, казалось, дремал, словно петух на насесте.

У переднего конца машины, облокотившись на ступени кабины и вытянув ноги, сидел мужчина. Замасленная инженерская фуражка сползла ему на глаза, а туника задралась до самого пояса.

Блейк остановился, разглядывая его.

— Доброе утро, приятель,— поздоровался он.— Мне кажется, у тебя неприятности.

— Привет и тебе, брат,— сказал человек, посмотрев на черные одежды Блейка и его рюкзак.— Тебе правильно кажется. Полетела форсунка, и вся эта штука пошла вразнос. Хорошо еще, не развалилась.— Он демонстративно сплюнул в пыль.— А теперь нам приходится торчать здесь. Я уже заказал по радио новый блок и вызвал парней из ремонтной бригады, но они, как всегда, не спешат.

— Ты сказал «нам».

— Ну да, нас же здесь трое. Остальные там, наверху, дрыхнут.— Он ткнул большим пальцем вверх, в сторону тесного жилого отсека за водительской кабиной.— Через море прошли отлично, обошлись без штормов и береговых туманов. А теперь придем в Чикаго на несколько часов позже. Сверхурочные, конечно, выплатят, но на кой черт они нужны?

— В Чикаго?

— Да, сейчас туда. Каждый раз — новое место. Чтоб дважды одно и то же, такого не бывает.

Он приподнял руку и потянул за козырек фуражки.

— Все думаю о Мэри и ребятишках,— сказал он.

— Но ты же можешь связаться с ними, сообщи, что задерживаешься.

— Пытался. Никого нет дома. Пришлось просить диспетчера сходить к ним и сказать, чтоб меня скоро не ждали. Понимаешь, всякий раз, когда я еду этой дорогой, дети выходят к шоссе, ждут, чтобы помахать мне. Они приходят в восторг, когда видят, как их папочка ведет такое чудовище.

— Так ты живешь поблизости? — сказал Блейк.

— Да, тут есть один городок,— ответил инженер.— Этакая уютная тихая заводь милях в ста отсюда. Старинное местечко, такие сейчас редко встретишь. Все точно так же, как две сотни лет назад. Нет, конечно, на Главной улице время от времени обновляют фасады, бывает, кто-нибудь надумает и целый дом перестроить, но в основном город остается таким, каким он был всегда. Без этих гигантских многоквартирных комплексов, которые сейчас везде строят. Там хорошо жить. Спокойно. Нет Торговой палаты. Никто ни на кого не давит. Не лезет вон из кожи, чтобы разбогатеть. Потому что тем, кто хочет разбогатеть, сделать карьеру или что-нибудь такое, там жить ни к чему. Отличная рыбалка, есть где поохотиться. На енотов, например, в подкову играют.

Блейк кивнул.

— В таком городе хорошо растить детей,— добавил инженер.

Он подобрал сухую соломинку, потыкал ею в землю.

— Это место называется Уиллоу-Гроув,— сообщил он.— Когда-нибудь слышал?

— Нет,— сказал Блейк,— в первый раз...

И тут до него дошло, что это не так. Он слышал об этом городе! Когда в тот день охранник привез его домой от сенато-

ра, в почтографе оказалась записка, в которой упоминался Уиллоу-Гроув.

— Значит, все-таки слышал,— заметил инженер.

— Кажется, да,— сказал Блейк.— Кто-то мне о нем упоминал.

— Хороший городок,— повторил инженер.

А что там говорилось в записке? Связаться с кем-то в городе Уиллоу-Гроув, чтобы узнать нечто, представляющее для Блейка интерес. И там назывался человек, с которым надо было связаться. Как же вспомнить его имя? Блейк напряг память, но нужного имени так и не нашел.

— Мне надо идти дальше,— сказал он.— Надеюсь, ремонтники приедут.

— Куда они денутся,— с отвращением сплюнул инженер,— приедут. Только вот когда?

Блейк побрел дальше, держа направление на большой, возвышающийся над всей долиной холм. На вершине виднелись деревья — неровная, раскрашенная осенними красками полоса на горизонте, наконец-то нарушившая золотисто-коричневую монотонность полей. Может быть, там, среди деревьев, удастся найти место, где можно поспать.

Блейк попытался пройтись мысленным взором по череде событий минувшей ночи, но все они были окутаны пеленой нереальности. Казалось, будто цепь происшествий не имеет к нему никакого отношения, будто все это случилось с кем-то другим.

Охота за ним, конечно, не прекратилась, но пока ему удалось ускользнуть от внимания властей. Даниельс уже, по всей видимости, понял, что произошло, и теперь они начнут искать не только волка, но и самого Блейка.

Он доплелся до вершины холма. Внизу стояли деревья. Не какая-нибудь поросль или отдельные деревца, а лес, покрывающий большую часть отлогого склона. Еще ниже, где долина выравнивалась, лежали поля, но на следующем склоне опять росли деревья. Холмы здесь слишком круты для земледелия, понял Блейк, и такая череда возделанных равнин и лесистых холмов может тянуться на многие мили.

Спускаясь к лесу, он вдруг вспомнил, что человек с крейсера говорил об охоте на енотов. Опять, подумал Блейк, случайная фраза поднимает пласт воспоминаний, о которых он не догадывался раньше, и на место становится еще один фрагмент го-

ловоломки его человеческого прошлого. Он вдруг вспомнил — вспомнил с ослепительной остротой: ночь, светят фонари, он стоит на холме, сжимая ружье, и ждет, когда собака возьмет след, и тут, где-то вдалеке, подает голос гончая, почуявшая запах. Минуту спустя вся свора включается в погоню, и от лая собак звенит и холм, и долина. Он вспомнил сладкий, ни с чем не сравнимый аромат замерзших опавших листьев, вновь увидел голые ветви деревьев на фоне взошедшей луны и азарт погони с собаками, мчавшимися вверх по склону. А потом головокружительный бросок вниз — и дорогу подсвечивает лишь слабый лучик фонаря, и ты изо всех сил стараешься не отстать от своры.

Но откуда всплыло воспоминание об охоте на енотов? Неужели он сам когда-то участвовал в такой охоте? Невероятно. Потому что ему известно, кто он: синтезированный человек, изготовленный ради одной цели, какой не является охота на енотов.

Блейк шел между деревьями, и ему казалось, что он очутился в сказочной стране, нарисованной сумасшедшим художником. Весь подлесок, молодые деревца, кустарники, прочая лесная поросль — все сплошь обвешано, словно драгоценными украшениями, листьями всех оттенков золотого и красного цвета, которые изысканно и неброско дополняли буйство осенних красок в кронах больших деревьев. И снова воспоминание о другом месте, а может быть, о нескольких других местах, похожих на это, проснулось в Блейке. Воспоминания, не привязанные к какому-либо определенному моменту или местности и тем не менее такие отчетливые, что горло сжималось: непередаваемая красота другого леса, увиденного в такое время, в такой миг, когда осень разводит яркие и самые лучшие свои краски, которых вот-вот коснется, но еще не коснулось увядание.

Он остановился у гигантского, в несколько обхватов, дуба, ствол которого, кривой, перекрученный, в наростах, покрывала тяжелая чешуя лишайника, отчего кора казалась серебристо-коричневой. Внизу дерево окружали плотные заросли папоротника. Блейк раздвинул их, опустился на четвереньки и пополз. Хлестнули по лицу и шее ветки папоротника, и он оказался в мягкой, прохладной темноте, пахнущей древесной трухой. Откуда-то сверху, рассеивая мрак, сочился слабый свет.

Глаза понемногу приспособились к темноте, и Блейк разглядел, что внутренняя поверхность дерева довольно гладкая. Полая сердцевина шахтой уходила вверх, и где-то в верхней части этого вертикального туннеля светились отверстия дупел.

Блейк подтянул к себе рюкзак, порылся в его содержимом. Тонкое, почти не занимающее места одеяло с металлическим отблеском, таких он раньше не встречал, нож в ножнах, складной топорик, небольшой набор кухонных принадлежностей, зажигалка и флакон с жидкостью, сложенная карта, фонарик...

Карта!

Он достал ее, развернул и, подсвечивая фонариком, склонился над ней, чтобы разобрать названия населенных пунктов.

Уиллоу-Гроув, сказал инженер, милях в ста отсюда. Вот оно, место, куда он должен попасть. Наконец-то, подумал Блейк, у него появилась цель в этом мире и в ситуациях, которые казались лишенными какой-либо определенности. Точка на карте и человек, имени которого он не помнит и который владеет информацией, представляющей для него возможный интерес.

Отложив одеяло в сторону, он убрал все остальное обратно в рюкзак. Потом придвинулся к стене, развернул одеяло, накрылся им и, подоткнув под себя, лег. Оно оказалось довольно теплым. Пол был мягким, без бугров. Блейк зачерпнул пригоршню вещества, покрывающего пол, и позволил ему свободно просыпаться между пальцами... Раскрашенная гнилая древесина, понял он, которая ссыпалась годами из туннеля пустой сердцевины ствола.

Блейк закрыл глаза, и сон стал постепенно овладевать им. Казалось, сознание проваливается в какой-то колодец, тонет, но в колодце уже что-то есть — два других «я», они подхватывают его, придерживают, обступают, и он становится с ними одним целым. Это как возвращение в родной дом, как встреча со старыми друзьями, которых не видел целую вечность. Слова не произносятся, слова не нужны. Только радость встречи, и понимание, и ощущение единства, и он больше не Эндрю Блейк и даже не человек, а существо, у которого нет названия и которое значит больше, нежели только Эндрю Блейк или человек. Но сквозь единство, и уют, и радость встречи пробилась одна беспокойная мысль. Он сделал усилие, и его отпустили, он опять стал собой, снова личностью — но не Эндрю Блейком, а Оборотнем.

— Охотник, когда мы проснемся, будет еще холодней. Может быть, лучше на ночь стать тобой? Передвигаешься ты быстрее, умеешь ориентироваться в темноте и...

— Я согласен, превратимся в меня. Но как быть с одеждой и рюкзаком? Опять ты останешься голым и...

— Ты понесешь вещи. Или ты не помнишь, что у тебя есть руки и пальцы? Ты постоянно забываешь про свои руки.

— Ладно! — сказал Охотник.— Ладно! Ладно! Ладно!

— Уиллоу-Гроув,— напомнил Оборотень.

— Да, я знаю,— ответил Охотник.— Мы прочли карту вместе с тобой.

И снова стал подступать сон. И Блейк наконец заснул.

Глава 24

Оборотень говорил, что похолодает, и действительно стало прохладнее, но ненамного. И только когда Охотник достиг гребня холма, с севера ударил кинжальный ветер и пахнуло долгожданной прохладой. Он остановился, чтобы насладиться ветром. Здесь, в силу каких-то геологических особенностей, не росли деревья — в отличие от большинства холмов, покрытых лесами, здесь линия леса обрывалась, немного не доходя до гребня.

Ночь выдалась чистой, и в небе светили звезды, хотя, как показалось Охотнику, звезд было не так много, как на его родной планете. Но и тут, на этой возвышенности, подумал Охотник, можно стоять и улавливать картины со звезд, правда, теперь он знал от Мыслителя, что это не только картины, но и мозаичные информационные отпечатки иных рас и иных цивилизаций и что они несут в себе исходные, основополагающие факты, из которых когда-нибудь можно будет вывести вселенскую истину.

Дрожь прокатилась по его телу, когда он вспомнил, как его разум и чувства перебрасывались через световые годы и собирали урожай, взращенный на других разумах и чувствах. Зато Мыслитель никогда не задрожал бы, даже если бы имел мышцы и нервы и был способен на дрожь. Потому что не существовало ничего, абсолютно ничего такого, что могло бы удивить Мыслителя: и Вселенную, и жизнь Мыслитель принимал не как некое таинство, а скорее как конгломерат фактов и данных, прин-

ципов и методов, которые можно ввести в его разум и использовать с помощью его логики.

Но не для меня, думал Охотник, для меня все это таинственно и загадочно. И мной движет не рассудительность, не стремление к логическим построениям, не тяга к самой сути фактов.

Опустив хвост почти до земли, он стоял на каменистом гребне и подставлял оскаленную морду под резкие порывы ветра. Ведь главное, сказал Охотник сам себе, чтобы чудо и красота наполняли Вселенную и чтобы ничто и никогда не разрушало это ощущение чуда и красоты. А может быть, процесс разрушения уже начался? Не поставил ли он себя (или не поставили ли его) в такую ситуацию, когда перед ним открывается невиданный ранее простор для поиска новых чудес и тайн и при этом ощущение чуда и красоты размывается осознанием того, что его находки — сырье для логической работы Мыслителя?

Охотник решил проверить эту мысль и обнаружил, что пока ощущение тайны и чуда все еще с ним. Тут, на продуваемом ветрами холме, под сверкающими в небе звездами, рядом с лесом, перешептывающимся внизу с темнотой, среди чужих странных запахов, трепещущих в воздухе, все еще живет чудо, ознобом прокатываясь по его нервным волокнам.

Пространство между ним и следующим холмом выглядело безопасным. Далеко слева ленточки бегущих огней отмечали путь машин, мчавшихся по автостраде. А в долине находились поселения людей, их выдавали лучи света и струящиеся от них вибрации, присущие самому человеку и странной силе, которую люди здесь именуют электричеством.

Устроившись на ветвях деревьев, дремали птицы, справа от него в кустах, крадучись, прошел какой-то крупный зверь, в своих норах суетились мыши, в норе спал лесной сурок — и еще бесчисленное множество всяких маленьких животных и насекомых, копошащихся в почве и прелых листьях. Но эти крохотные существа сейчас не беспокоили его, и он заблокировал от них свое сознание.

Запоминая каждое дерево, каждый куст на своем пути, классифицируя и оценивая каждое увиденное животное, готовый встретить любую опасность и боясь лишь, что не сумеет ее распознать, Охотник тихо спустился с холма и пересек лес.

За деревьями пошли поля, дороги и дома — и здесь он опять задержался, чтобы осмотреться.

Вдоль ручья гулял человек с собакой; по частной дороге, ведущей к дому на другой стороне ручья, медленно ехала машина; в поле лежала корова — больше, не считая мышей, сусликов и прочей мелочи, в долине никого не было.

Долину Охотник пересек рысью, а потом понесся большими, легкими прыжками. Достиг следующего холма, взобрался наверх, спустился по противоположному склону. Левой рукой он придерживал объемистый рюкзак с одеждой Оборотня и вещами. Рюкзак мешал, съезжал набок, и ему приходилось компенсировать это неудобство дополнительным усилием, кроме того, надо было постоянно следить за тем, чтобы не зацепиться за куст или ветку.

Он остановился на минуту, сбросил рюкзак на землю и убрал левую руку. Освободившись от груза, рука устало вернулась в плечевой карман. Охотник выдвинул правую руку, поднял рюкзак и, перебросив его через плечо, продолжал бег. Наверное, подумал он, надо чаще перевешивать груз с плеча на плечо, менять руки. Так будет легче.

Еще одна перебежка через долину, чтобы перед спуском перевести дух.

Уиллоу-Гроув, сказал себе Оборотень. Около ста миль. Если придерживаться взятого темпа, к рассвету он будет там. Но что может ждать их в Уиллоу-Гроув? На языке Оборотня «Уиллоу» означает вид дерева, а «Гроув» — группа деревьев. Как странно люди называют некоторые географические пункты. Причем логики в этом мало, поскольку группа деревьев может погибнуть, исчезнуть, и тогда название места потеряет смысл.

Деревья непостоянны, подумал он. Но и сами люди как раса тоже. И их непостоянство, смена жизней и смертей обеспечивают то, что они называют прогрессом. Ведь надо же было, подумал он, создать такую форму жизни...

Охотник сделал шаг вниз по склону и замер, напряженно вслушиваясь. Откуда-то издалека доносился слабый, протяжный звук.

Собака, определил он. Собака, напавшая на след.

Быстро, но осторожно Охотник спустился с холма. На опушке леса остановился, чтобы оглядеть лежащую впереди равнину. Не обнаружив ничего опасного, он пересек ее, добежал до забора, перемахнул через него и побежал дальше.

Появились первые признаки усталости. Несмотря на относительную прохладу ночью, к температуре Земли Охотник еще

не приспособился. С самого начала он взял быстрый темп, чтобы быть в Уиллоу-Гроув к утру. Теперь, пока не придет второе дыхание, придется бежать помедленнее. Надо сдерживать себя.

Следующую долину Охотник пересек трусцой, потом медленно поднялся на очередной склон. Наверху, сказал он себе, надо будет присесть и немного отдохнуть.

На половине подъема Охотник снова услышал лай, и теперь он казался ближе и громче. Но дул порывистый ветер, и точно определить направление или расстояние невозможно.

На гребне Охотник сделал остановку. На небе всходила луна, и деревья, под которыми он сидел, отбрасывали длинные тени через лужайку на крутом откосе.

Лай приближался. Судя по всему, собак не меньше четырех, а то и пять или шесть.

Не исключено, охота на енотов. Люди используют собак для травли енотов и называют это спортом. Ничего спортивного в этом, конечно, нет. Чтобы считать что-либо подобное спортом, требуется особая извращенность. Впрочем, если вдуматься, люди извращены во многих отношениях. Они пытаются выдать это за чистую схватку, но травля не имеет ничего общего ни со схваткой, ни с честностью.

Лай уже слышался с последнего холма. В нем теперь звучало какое-то особое возбуждение. Собаки шли сюда по следу.

Охотник вскочил и, обернувшись, устремил вниз сенсорный конус. И сразу увидел собак — они поднимались по склону и уже не принюхивались к земле, а просто шли по запаху.

И вдруг его словно оглушило: как он не понял этого сразу, заслышав лай? Собаки преследовали не енота. Они гнались за более крупной дичью.

Содрогнувшись от ужаса, Охотник развернулся и бросился вниз по склону. Свора уже взобралась на гребень, и яростная песнь погони, не прерываемая более препятствиями, звенела все громче и явственнее.

Охотник достиг еще одной долины, пересек ее, бросился вверх по очередному склону. От собак ему удалось пока уйти, но он чувствовал, как усталость вытесняет из тела последние силы, и отчетливо представил себе, что будет дальше: в коротком отчаянном рывке он может оторваться от своих преследователей, но в конце концов силы иссякнут. Может быть, подумал Охотник, правильнее самому выбрать место для схватки

и встретить их там. Но их слишком много. Было бы две или три — с двумя-тремя он наверняка справился бы.

Как странно, подумал Охотник, что за ним погнались собаки. Ведь он существо с другой планеты, наверняка собаки не встречали ничего подобного, и след у него должен быть необычный, и запах. И все отличия (если это отличия), по всей видимости, не отпугивают их и вообще не оказывают на них никакого воздействия, разве что еще больше разжигают охотничий азарт. Вполне вероятно, сказал себе Охотник, что он не так заметно отличается от обитателей этой планеты, как можно было предположить.

Дальше он побежал скачками, снизив скорость и стараясь экономить силы. Однако усталость давала о себе знать. Скоро наступит изнеможение.

Конечно, можно передать управление Оборотню. Вполне вероятно, если его след превратится в человеческий, собаки отстанут, а если и не сойдут со следа, то на человека не нападут. Но принимать такое решение ему не хотелось. Надо постараться справиться самому, говорил он себе. В нем вдруг объявилась упрямая гордость, мешавшая позвать Оборотня.

Охотник взобрался на холм. Внизу перед ним лежала долина, а в долине стоял дом, в одном из окон которого горел свет. И тут у Охотника появился план.

Не Оборотень, а Мыслитель. Теперь дело за ним.

— Мыслитель, ты можешь извлечь энергию из дома?

— Могу, конечно. Однажды я это уже проделал.

— Находясь снаружи?

— Если не очень далеко.

— Отлично. Когда я...

— Давай,— ответил Мыслитель.— Я знаю, что ты задумал.

Охотник не спеша сбежал с холма, подпустил собак поближе, а затем стремглав понесся через долину к дому. Собаки, завидев жертву и оглушительно лая, все силы, каждый вдох уставших легких вложили в последний рывок, который должен был завершить погоню.

Охотник обернулся и увидел свору — жуткие, алчущие тени, очерченные лунным светом, и услышал возбужденный лай, заполнивший пространство между ним и животными, жаждущими его крови.

И клич Охотника снова взмыл в небо и разнесся по холмам.

До дома теперь было совсем близко, но, словно откликнувшись на лай собачьей своры, зажегся свет и в других окнах, а на шесте во дворе ослепительно загорелся фонарь. По всей видимости, обитатели дома проснулись, разбуженные неистовым лаем.

Низкая изгородь отделяла дом от поля, и Охотник, перескочив через ограду, приземлился на площадку, залитую светом фонаря. Еще бросок — и он уже у дома.

— Давай! — крикнул он Мыслителю, прижимаясь к стене.— Давай!

Холод, леденящий, убийственный холод обрушился на него, словно физический удар, вонзился в тело и разум.

Над неровной, зубчатой линией растительности висел спутник этой планеты, почва была чистой и сухой, а через сооружение, которое люди называют забором, прыгали разъяренные собаки.

Где-то рядом был источник энергии, и Мыслитель ухватился за него, движимый голодом, отчаянием и еще чем-то, очень похожим на панику. Ухватился и припал к нему, поглотив сразу больше энергии, чем ему требовалось. Дом погрузился в темноту, моргнул и погас фонарь на шесте.

Холод отступил, тело приняло форму пирамиды и засияло. И снова вся информация наконец-то оказалась на месте, более того, она стала еще отчетливее и яснее, чем когда-либо, и, распределившись по мысленным каталогам, ждала, когда ее употребят в дело. Логический процесс в разуме тоже шел безукоризненно и четко; и теперь, после перерыва, который слишком затянулся, можно было...

— Мыслитель! — завопил Охотник.— Прекрати! Собаки! Собаки!

Да-да, конечно. Он знал и про собак, и про план Охотника, и про то, что план действовал.

Скуля и визжа, собаки пытались затормозить отчаянный бег и обогнуть это жуткое явление, возникшее вместо волка, которого они гнали.

Слишком много энергии, с испугом подумал Мыслитель. Даже для него слишком много.

Надо освободиться от излишка, решил он. И вспыхнул.

С треском сверкнула молния, на мгновение осветив долину. Краска на доме обуглилась и поползла чернеющими завитками.

Собаки бросились обратно через ограду, взвыли, когда в их сторону полыхнула молния, и пустились наутек, прикрывая поджатыми хвостами опаленные дымящиеся зады.

Глава 25

Уиллоу-Гроув, подумал Блейк, городок, который он знал когда-то. Что, разумеется, было невозможно. Вероятно, городок очень похож на тот, о котором он мог читать или видеть на фото. Но Блейк никогда не бывал здесь.

И все же... Он стоял на перекрестке в свете раннего утра, и воспоминания неотступно преследовали его, а мозг продолжал узнавать то, что видели глаза: ступеньки, ведущие от мостовой к банку, толстые вязы, росшие вокруг маленького парка в дальнем конце улочки. Он знал, что в парке, в центре фонтана, стоит статуя, а сам фонтан чаще бездействует, чем работает; что там же, в парке, есть древняя пушка на тяжелых колесах и ее ствол загажен голубями...

Блейк не только узнавал, но и подмечал изменения. Велосипедный магазин и лавочка ювелира занимали теперь дом, где прежде был магазин садового инвентаря, а парикмахерская осталась на месте, хотя ее фасад и обновили. И над всей улицей и всей округой витал дух старости, которого не было, когда Блейк в последний раз видел городок.

Но мог ли он, спрашивал себя Блейк, вообще видеть его?

Как мог Блейк видеть его и не вспомнить о нем до сегодняшнего дня? Ведь по крайней мере технически он должен владеть тем, что когда-то знал. В тот миг, там, в больнице, все это вернулось к нему — все, что было, все, что он сделал. Но если так, то каким образом у него отняли воспоминание об Уиллоу-Гроув?

Старый город, почти древний город, где нет летающих домов, сидящих на своих решетчатых фундаментах, будто на насестах; нет воздушных жилых массивов многоквартирных домов, возвышающихся на окраинах. Прочные, добросовестно сложенные дома из дерева, камня и кирпича, возведенные на века и не предназначенные для скитаний. Некоторые из них, отметил Блейк, были снабжены солнечными электростанциями, пластины которых неловко прилепились к крышам, а на окраине стояла муниципальная станция более солидных размеров, вероятно, снабжавшая дома, не оборудованные электроустановками.

Он поудобнее устроил на плече мешок и плотнее затянул капюшон туники. Перейдя улицу, Блейк медленно побрел по мостовой. На каждом шагу ему встречались мелочи, будившие бессвязные воспоминания. Теперь он вспомнил не только дома, но и имена. Банкира звали Джейк Вудс, и Джейка Вудса наверняка уже нет в живых, поскольку, если Блейк когда-то видел сам городок, было это, скорее всего, более двухсот лет назад. Тогда он, Блейк, вместе с Чарли Брином удирал с уроков и отправлялся на рыбалку. Они ловили в ручье голавлей.

Невероятно, сказал он себе. Невозможно. И тем не менее воспоминания продолжали накапливаться, наваливаться на него, и в них присутствовали не смутные тени, а события, лица, картинки прошлого. И все они были трехмерными. Блейк помнил, что Джейк Вудс хромал и ходил с тростью; и он знал, что это была за трость — тяжелая, блестящая, сделанная из отполированного вручную дерева. У Чарли были веснушки и широкая, заразительная улыбка. И Блейк помнил, что именно из-за Чарли он всегда попадал в передряги. Тут жила Минни Шорт, полоумная старуха, которая носила рубище, передвигалась странной шаркающей походкой и работала на полставки бухгалтером на лесопильне. Но лесопильня исчезла, а на ее месте стояло построенное из стекла и пластика здание агентства по найму леталок.

Блейк добрался до скамейки, стоявшей перед рестораном напротив банка, и тяжело опустился на нее. На улице было несколько человек; проходя мимо Блейка, они разглядывали его.

Он прекрасно себя чувствовал. Даже после трудной ночи в теле еще ощущались свежесть и сила. Возможно, из-за похищенной Мыслителем энергии.

Сняв с плеча мешок, Блейк положил его рядом с собой на скамью, потом откинул с лица капюшон.

Начали открываться магазины и лавочки. По улице с мягким урчанием проехала машина. Блейк читал вывески. Тут не было ни одной знакомой. Названия магазинов, имена их владельцев и управляющих изменились.

Окна над банком были украшены позолоченными надписями, сообщавшими, кто тут живет: Элвин Бэнк, доктор медицины; Г. Г. Оливер, стоматолог; Райан Уилсон, поверенный; Дж. Д. Лич, оптометрист; Вильям Смит...

Стоп! Райан Уилсон — вот оно! Имя, упомянутое в записке.

Там, на другой стороне улицы, находилась контора человека, написавшего в записке, что он может сообщить нечто любопытное.

Часы над дверью банка показывали почти девять. Уилсон уже мог быть в конторе. Или вот-вот там появится. Если контора еще закрыта, Блейк может подождать его.

Он поднялся со скамьи и пересек улицу. Дверь, ведущая на лестницу, которая шла наверх, на этаж над банком, болталась на петлях, скрипела и стонала, когда Блейк открывал ее. Лесенка была крутая и темная, а коричневая краска перил вытерлась и облупилась. Контора Уилсона располагалась в самом конце коридора, дверь была открыта.

Блейк вошел в приемную, которая оказалась пустой. Во внутреннем кабинете сидел человек в рубахе с короткими рукавами и корпел над какими-то бумагами. Другие документы кипой лежали в корзинке на столе.

Человек поднял глаза.

— Входите, входите,— сказал он.

— Вы Райан Уилсон?

Человек кивнул.

— Моя секретарша еще не пришла. Чем могу быть полезен?

— Вы прислали мне записку. Мое имя — Эндрю Блейк.

Уилсон откинулся на стуле и воззрился на Блейка.

— Черт меня побери! — сказал он наконец.— Вот уж не чаял свидеться. Думал, вы исчезли навсегда.

Блейк озадаченно покачал головой.

— Вы видели утреннюю газету? — спросил Уилсон.

— Нет,— ответил Блейк,— не видел.

Человек потянулся к сложенной газете, лежавшей на углу стола, развернул ее и показал Блейку.

Заголовок кричал: «ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ЧЕЛОВЕК СО ЗВЕЗД — ОБОРОТЕНЬ?» В подзаголовке сообщалось: «Охота на Блейка продолжается». Под «шапкой» Блейк увидел свою фотографию. Он почувствовал, как застывает лицо, но сумел сохранить бесстрастное выражение.

— Интересно,— сказал Блейк Уилсону.— Спасибо, что показали. Они уже объявили награду?

Уилсон резко взмахнул кистью, складывая газету, и положил ее обратно на угол стола.

— Вам надо всего-навсего набрать номер,— сказал Блейк.— Телефон больницы...

Уилсон покачал головой.

— Это не мое дело,— заявил он.— Мне все равно, кто вы.

— Даже если я оборотень?

— Даже если так,— отвечал Уилсон.— Вы можете повернуться и уйти, если желаете, а я продолжу работу. Но если хотите остаться, я вынужден задать вам пару вопросов. И если вы сумеете ответить на них...

— Вопросы?

— Да. Всего два.

Блейк заколебался.

— Я действую по поручению клиента,— сообщил ему Уилсон.— Клиента, который умер полтора столетия назад. Это дело переходило по наследству от одного поколения сотрудников этой юридической фирмы к другому. Ответственность за выполнение просьбы клиента принял на себя еще мой прапрадед.

Блейк замотал головой, стараясь разогнать туман в мыслях. Что-то тут было не так. Он понял это в тот миг, когда увидел городок.

Уилсон выдвинул ящик стола, вытащил из него два конверта. Один он отложил в сторону, второй вскрыл и извлек листок бумаги, который зашелестел, когда поверенный принялся разворачивать его.

Уилсон поднес листок к глазам.

— Хорошо, мистер Блейк,— сказал он.— Первый вопрос: как звали вашу учительницу в начальных классах?

— Ну, ее имя было,— проговорил Блейк,— ее имя было...

Ответ пришел почти сразу.

— Ее звали Джонс,— сказал он.— Мисс Джонс. Ада Джонс, кажется. Это было так давно.

Но как-то выходило, что все это было не так уж давно. Он внезапно вспомнил, как она выглядела. Чопорная, похожая на старую деву, с вечно поджатыми губами и растрепанной прической. Она еще носила лиловую блузку. Как он мог забыть эту ее лиловую блузку?

— Хорошо,— сказал Уилсон.— А что вы и Чарли Брин сделали с арбузами Дикона Уотсона?

— Ну, мы... Эй, а как вы об этом узнали?

— Неважно,— сказал Уилсон.— Просто отвечайте на вопрос.

— Что ж,— сказал Блейк,— по-моему, это была жестокая проделка. Нам обоим было не по себе. Мы никому об этом не

говорили. Чарли стащил у отца шприц: его старик, как вы, верно, знаете, был доктором...

— Я ничего не знаю,— ответил Уилсон.

— Ну, в общем, взяли мы шприц. У нас был кувшин керосина, и мы впрыснули керосин во все арбузы. Понемножку, как вы понимаете. Ровно столько, сколько нужно, чтобы у арбузов появился странный привкус.

Уилсон положил листок и взял второй конверт.

— Вы сдали экзамен,— сказал он.— Надо думать, это принадлежит вам.

Он вручил конверт Блейку.

Блейк взял его и увидел на лицевой стороне надпись, сделанную, судя по всему, трясущейся рукой глубокого старца. Чернила до того выцвели, что стали бледно-коричневыми.

Надпись гласила: «Человеку, которому принадлежит мой разум». Строкой ниже виднелась подпись: Теодор Робертс.

Рука Блейка дрогнула, и он опустил ее, все еще сжимая в пальцах конверт. Блейк попытался унять дрожь.

Теперь он знал. Теперь он снова знал. К нему вернулось все — все то, что было забыто, все лица и личности.

— Это я,— сказал он, с трудом шевеля застывшими губами.— Это был я. Тедди Робертс. Я не Эндрю Блейк.

Глава 26

Передние ворота, чугунные и массивные, были заперты, он вошел через задние и обнаружил посыпанную гравием тропинку, которая змейкой поднималась вверх по склону. Внизу лежал городок Уиллоу-Гроув, а здесь, под покосившимися замшелыми надгробиями, обрамленными соснами и старинной чугунной оградой, покоились старики, которые были молодыми людьми во времена его детства.

— Ступайте по левой дорожке,— сказал Уилсон.— Ваш семейный участок на полпути к вершине холма, с правой стороны. Но, знаете ли, Теодор не совсем мертв. Он помещен в Банк Разумов, и еще он в вас. Здесь только его тело. Хотя я этого не понимаю.

— Я тоже,— сказал Блейк,— но, думаю, мне надо сходить.

И он двинулся в путь, карабкаясь по крутой, неровной, почти нехоженной тропинке вверх, к воротам кладбища. По дороге

ему пришло в голову, что во всем городке самым знакомым местом ему показалось именно кладбище. Сосны вдоль внутренней стороны чугунной решетки выглядели выше, чем он помнил, и даже при ярком дневном свете были более темными и мрачными, чем он мог предположить. В их тяжелой хвое стонал ветер, и эти звуки походили на погребальную песню из воспоминаний детства.

Письмо было подписано именем Теодор. Но нет, тогда он был не Теодор, а Тедди. Маленький Тедди Робертс, и позже тоже Тедди Робертс, молодой физик с дипломами технологических институтов Калифорнии и Массачусетса, которому Вселенная представлялась блестящим, совершенным механизмом, требующим объяснения. Теодор появится позже — доктор Теодор Робертс, старый грузный человек с медленной походкой, нудным голосом и седой головой. Того человека, сказал себе Блейк, он не знал и никогда не узнает. Потому что его разум — разум, нанесенный на его синтетический мозг в его синтетическом теле,— был разумом Тедди Робертса.

Теперь, чтобы поговорить с Тедди Робертсом, надо было лишь снять трубку, набрать номер Банка Разумов и назвать себя. И немного погодя, возможно, раздастся голос, и голос этот будет говорить от имени разума Теодора Робертса. Не самого человека, чей голос умер вместе с ним; и не разума Тедди Робертса — более пожилого, более мудрого, более уравновешенного разума, в который должен был вырасти разум Тедди Робертса. Но это бессмысленно, подумал он, это будет разговор двух незнакомцев. Или нет? Ведь письмо ему оставил не Тедди, а Теодор, и послание выводила слабая, трясущаяся рука старика.

Может ли разум выступать от имени человека? Или разум есть нечто отдельное, самостоятельное? Какую часть человека составляет разум, а какую — тело? И в какой степени представлял человека он сам, когда в качестве элементарной человеческой субстанции находился в теле Охотника? Или в теле Мыслителя? Видимо, в меньшей, поскольку Мыслитель столь далек от каких-либо известных человеческих понятий — биологический преобразователь энергии с системой восприятия, отличной от человеческих чувств, и логико-инстинктивно-рассудочным блоком, заменяющим разум.

Пройдя через заднюю калитку, он остановился в тени сосен. На вершине холма, среди замшелых гранитных плит, в тишине

солнечного утра работал человек, и яркие блики вспыхивали на его инструменте.

Сразу за калиткой стояла церквушка, сияя в сени зеленых сосен белизной дощатых стен и тщетно пытаясь дотянуться колокольней до уровня деревьев. Дверь часовни была открыта, и Блейк заметил, что внутри горит мягкий свет.

Медленным шагом Блейк миновал церковь и направился вверх по дорожке. Хрустел и перекатывался под ногами гравий. «На полпути справа». Когда он добрался до указанного места, то увидел камень с надписью, которая возвещала миру, что здесь покоится тело Теодора Робертса.

Сомнения охватили Блейка.

Зачем он сюда пришел?

Затем, чтобы посетить место, где похоронено его тело — нет, не его, а человека, чей разум он носит в себе.

А если тот разум еще жив, если живы сразу оба разума, какое значение имеет тело? Оно не более чем корпус, и его смерть не должна вызывать сожаления, а место захоронения не играет никакой роли.

Он повернулся и медленно пошел обратно к калитке. У часовни задержался, разглядывая лежащий внизу город через решетку ворот.

Блейк знал, что вернуться в город он пока не готов — и неизвестно, будет ли готов когда-либо. Потому что тогда ему придется решать, что делать дальше. А он не знал этого. Не имел ни малейшего представления.

Блейк повернулся, подошел к порогу церкви и уселся на ступеньку.

И действительно, что теперь делать? — подумал он. Как ему поступить?

Теперь Блейк наконец узнал все про себя, и убегать больше нет надобности. Он обрел почву под ногами, но почва эта оказалась слишком зыбкой.

Блейк сунул руку в карман туники и достал письмо. Развернул и здесь же, на пороге церкви, снова перечитал его:

«Мой дорогой сэр!

Сожалею, что приходится обращаться к Вам в этой странной и нелепой форме. Я перебрал другие варианты обращения, но ни один из них не звучит, как хотелось бы. Поэтому остается воспользоваться таким, которое, несмотря на внешнюю официаль-

ность, по крайней мере исполнено достоинства. К настоящему моменту Вы, конечно, уже разобрались, кто есть я, а кто Вы, так что нет необходимости вдаваться в объяснения по поводу наших взаимоотношений, которые, на мой взгляд, не имеют аналогов в истории Земли и несколько необычны для нас обоих. Все эти годы меня не покидала надежда, что однажды Вы возвратитесь и тогда мы сможем посидеть вдвоем, быть может, и провести несколько приятных часов, сравнивая наши наблюдения. Теперь, однако, я начал сомневаться, что Вы вернетесь. Ваше отсутствие слишком затянулось, и я боюсь, могло случиться нечто такое, что помешало Вашему возвращению. Но даже если оно и произойдет, то я смогу Вас встретить, только если пройдет совсем немного времени, поскольку дни мои на исходе.

Я пишу, что жизнь моя заканчивается, и все же это не совсем верно. Жизнь кончается для меня как физического объекта. Однако разум мой продолжит существование в Хранилище Разумов, один среди многих, способный функционировать независимо или в сотрудничестве с другими находящимися там разумами в качестве своеобразной консультативной коллегии.

Должен признаться, я не сразу решился принять это предложение. Несомненно, мне оказали высокую честь, остановив выбор именно на мне, и тем не менее, даже дав уже согласие, я не уверен в мудрости совершаемого шага как с моей стороны, так и со стороны человечества. Я не убежден, что человек способен достаточно уютно чувствовать себя, сохранившись в виде разума, и, кроме того, опасаюсь, что со временем человечество может оказаться в чрезмерной зависимости от сконцентрированной мудрости и знаний, собранных в так называемом "Банке Разумов". Да, Банк может принести пользу, если мы останемся, как сегодня, только консультативным советом, который рассматривает различные вопросы и выдает рекомендации. Но если люди когда-нибудь станут полагаться на одну лишь мудрость прошлого, прославляя или обожествляя ее, поклоняясь ей и не веря в мудрость своего настоящего, то мы превратимся в помеху.

Я не знаю, почему пишу Вам это. Возможно потому, что, кроме Вас, мне писать некому. Ведь в значительной мере Вы — это и есть я.

Как странно, что одному человеку выпало в жизни принимать дважды настолько схожие решения. Все те сомнения, которые обуревают меня теперь, мне уже пришлось испытать, когда я оказался в числе тех, чей разум предполагалось наложить на Ваш

мозг. Мне казалось, что можно было подобрать разум, более пригодный для Вас, чем мой. Мои склонности и предубеждения могли оказать Вам плохую услугу. Это же соображение беспокоит меня до сих пор: пригодился ли Вам или подвел Вас мой разум?

Если человек размышляет над подобными вопросами, это свидетельствует о том, что в своем развитии от простого животного он проделал действительно значительный путь. Я много раз задумывался, не слишком ли далеко мы зашли, не завело ли нас наше интеллектуальное тщеславие в запретную зону. Но такие мысли стали посещать меня сравнительно недавно. И как на плод сомнений стареющего человека, на них не следует обращать внимания.

Мое письмо, наверное, кажется Вам сбивчивым и несущественным. Однако если Вы наберетесь еще немного терпения, я попытаюсь подойти к сути, ради которой это письмо написано.

Все эти годы я думал о Вас, не зная, живы ли Вы и, если живы, где Вы и когда вернетесь. Полагаю, что к настоящему моменту Вы поняли, что некоторые, а может быть, даже многие из тех, кто Вас изготовил, рассматривали Вас как задачу из области биохимии, не более. Думаю также, что за долгие годы Вы свыклись с этим и поэтому не обидитесь на прямоту моих слов.

Что касается меня, то я всегда считал Вас собратом по людскому племени, практически таким же человеком, как я сам. В семье, как Вам известно, я остался единственным ребенком. И мне часто казалось, что в Вас я вижу того брата, которого никогда не имел. Но истину я осознал позднее. Она заключается в том, что Вы не брат мне. Вы мне значительно ближе, чем брат. Вы — мое второе "я", но ни в коей мере не вторичное, а равное во всех отношениях. И это письмо я пишу в надежде на то, что, если Вы вернетесь, Вы захотите связаться со мной, даже если физически я буду мертв. Меня очень интересуют Ваши дела и мысли. Мне кажется, что, побывав там, где Вы побывали в своем профессиональном качестве, Вы могли прийти к весьма любопытным и содержательным оценкам и взглядам.

Станете ли Вы связываться со мной или нет, решать Вам. И как бы мне ни хотелось поговорить с Вами, я не совсем убежден, что нам следует это делать. Оставляю это целиком на Ваше усмотрение в полной уверенности, что Вы примете наиболее целесообразное решение. Я же в настоящий момент усиленно размышляю над тем, стоит ли постоянно поддерживать существование одного человеческого разума. Мне видится, что, хотя разум

является главным в человеческом существе, человек все же больше, чем только разум. Человек — это не только рассудок, но и память, и способность усваивать факты и вырабатывать оценки. Может ли он сориентироваться в той невероятной стране, в которой оказывается, когда выживает лишь разум? Возможно, он остается человеком, но тогда возникает вопрос о степени его человечности. Превращается ли он в нечто большее или нечто меньшее, нежели человек?

Ну что ж, если Вы сочтете, что нам следует побеседовать, Вы поделитесь со мной своими мыслями по этому поводу. Однако если Вы полагаете, что нам лучше не встречаться и я об этом как-то узнаю, то, заверяю Вас, у меня не будет обиды. И в этом случае пусть с Вами останутся всегда мои наилучшие пожелания и любовь.

Искренне Ваш Теодор Робертс».

Блейк сложил письмо, засунул его обратно в карман туники.

Все еще Эндрю Блейк, подумал он, а не Теодор Робертс. Может быть, Тедди Робертс, но Теодор Робертс — никогда.

Допустим, он сядет за телефон и наберет номер Банка Разумов. Что делать, когда ответит Теодор Робертс? Что сказать? Ему нечего предложить. Это будет встреча двух людей, которые в равной степени нуждаются в помощи и ждут помощи друг от друга, не умея ее оказать.

Можно будет сказать: «Я оборотень — так меня называют в газетах. Только отчасти человек, не более чем на треть. На остальные две трети я нечто такое, о чем ты никогда не слышал, а если бы услышал, то не поверил бы. Я уже больше не человек, и мне нет места на всей Земле. Я не знаю, кто я. Я чудовище, урод, и всякому, к кому я прикоснусь, причиняю одну лишь боль».

Да, это верно. Он причиняет боль всякому, с кем встречается. Элин Гортон — она поцеловала его, девушка, которую он бы мог полюбить и, возможно, уже полюбил. Но ведь любить может лишь человеческая его часть, только треть его. А это причинит боль ее отцу, замечательному старику с негнущейся спиной и несгибаемыми принципами. И причинит неприятности молодому доктору Даниельсу, который первым стал его другом и какое-то время был его единственной поддержкой.

Он всем им мог причинить боль — и причинит, если только...

Вот оно. Если.

Необходимо что-то сделать, предпринять какое-то действие, но какое?

Медленно встав со ступенек, он направился было к воротам, затем повернулся и зашел в церковь, в боковой придел.

В помещении царили тишина и полумрак. Электрические канделябры, расставленные на аналое, терялись среди теней — слабый огонек костра в пустынной темноте покинутой всеми равнины.

Место для размышлений. Место, где можно придумать план действий, провести с самим собой тайное совещание. Тщательно проанализировать свое положение, взвесить ситуацию и определить следующий шаг.

Из придела Блейк перешел в центральную часть здания, к скамейкам. Но садиться не стал, а остался стоять, поддерживаемый окутавшей его сумеречной тишиной, которую скорее подчеркивал, чем нарушал доносившийся снаружи мягкий шорох ветра в соснах.

Блейку стало ясно, что наступило время решать. Здесь он наконец оказался в той точке пространства и времени, откуда нет пути к отступлению. До этого он убегал, и в бегстве был смысл, но теперь эта простая реакция на обстоятельства утратила логику. Потому что убегать дальше некуда. Блейк достиг окончательного предела, и теперь, если продолжать бег, надо разобраться, куда бежать.

Здесь, в этом маленьком городке, он узнал о себе все, что можно было узнать, и город стал тупиком. Вся планета оказалась тупиком, и нет для него места на этой Земле и среди людей тоже нет места.

Даже принадлежа Земле, Блейк не может претендовать на статус человека. Он гибрид, а не человек, нечто такое, что никогда не существовало прежде, но возникло в результате жутких проектов человечества. Команда из трех различных существ, обладающих возможностью и способностью решать, а может быть, и решить главную загадку Вселенной, но эта загадка не имеет прямого отношения ни к планете Земля, ни к жизненным формам, населяющим ее. И он здесь ничего не может сделать для этой планеты, как и она для него.

Возможно, на другой планете, бесцветной и безжизненной, где никто не будет мешать, на планете, где нет цивилизации и где ничто не отвлекает, Блейк сумеет осуществить

свою миссию — как команда, а не как человек. Именно он, триединый.

Он вновь задумался над могуществом этих трех разумов, соединенных нечаянным и неожиданным поворотом событий, которые породил человеческий разум,— сила и красота, чудо и ужас. И содрогнулся перед осознанием того, что на Земле, возможно, был создан инструмент, поправший любые понятия цели и смысла, на поиски которых во Вселенной ему предстоит пуститься.

Вероятно, со временем все три разума сольются в один, и, когда это произойдет, вклад человека в нем перестанет иметь значение, поскольку не будет более существовать. А тогда лопнут, разорвутся нити, связывающие его с планетой по имени Земля и с расой обитающих на ней двуногих существ, и он станет свободным. Тогда, сказал себе Блейк, он сможет расслабиться, забыть. И когда забудет, когда из него исчезнет человеческое, тогда Блейк сможет отнестись к силе и возможностям множественного разума как к чему-то вполне обыденному. Ибо интеллект человека, каким бы развитым он ни был, чрезвычайно ограничен. Он поражается чудесам и страшится цельного восприятия Вселенной. И все же, несмотря на ограниченность, человеческий разум дает ощущение безопасности, тепла, уюта.

Блейк перерос человека в себе, и это было болезненно. От этого он чувствовал не только тепло и уют, но и слабость и пустоту.

Он сел на пол, обхватив себя руками. Даже этот крошечный кусочек пространства, подумал Блейк, даже эта комнатка, в которую он, сжавшись, втиснулся,— даже это место не принадлежит ему, а он не принадлежит этому месту. У него нет ничего. И сам Блейк — запутанное нечто, произведенное на свет случайным стечением обстоятельств. Этот мир никогда не предназначался для таких, как он. Он — непрошеный гость.

Не исключено, когда-нибудь Блейк стряхнет с себя человечность, но если это случится, то не раньше чем через несколько тысяч лет. А сейчас это его Земля. Сейчас, а не через вечность — и Земля, и Вселенная.

Блейк ощутил теплую волну чужого сочувствия к себе, он смутно осознал, откуда оно, и даже, несмотря на горечь и отчаяние, понял, что это западня, и закричал, силясь освободиться.

Блейк сопротивлялся как мог, но те двое все равно влекли его к себе в ловушку, он слышал их слова и мысли, которыми они обменивались между собой, и слова, с которыми они обращались к нему, хотя и не понимал их.

Их сочувствие оплело его, и они взяли его и крепко прижали к себе, и их инопланетная теплота окутала его тугим, защищающим от всех опасностей одеялом.

Он начал погружаться в негу забвения, и сгусток измучившей его агонии растаял, растворился в мире, где не было ничего, кроме троих — его и тех, двух других, связанных воедино на вечные времена.

Глава 27

Промозглый и колючий декабрьский ветер завывал над землей, срывая последние бурые, сухие листья с дуба, который одиноко рос на середине склона холма. Рваные тучи мчались по небу, и ветер доносил запах скорого снегопада. У кладбищенских ворот стояли двое в синем; бледное зимнее солнце на миг пробивалось сквозь тучи, сверкало на начищенных пуговицах и стволах винтовок. Сбоку от ворот собралась горстка туристов, они смотрели через чугунную ограду на белую церквушку.

— Сегодня их немного,— сказал Райан Уилсон.— В хорошую погоду, особенно по выходным, сюда приходят целые толпы, я это не очень одобряю,— продолжал он.— Там Теодор Робертс. Мне все равно, какое обличье он принимает. В любом случае это Теодор Робертс.

— Как я вижу, доктора Робертса высоко ценили в Уиллоу-Гроув,— сказала Элин.

— Это так,— ответил Уилсон.— Из нас он был единственным, кому удалось завоевать известность. Городок гордится им.

— И все это вас возмущает?

— Не знаю, подходит ли тут слово «возмущение». Пока соблюдаются приличия, мы не возражаем. Но толпа нет-нет да и разгуляется. А мы этого не любим.

— Может быть, мне не стоило приезжать,— проговорила Элин.— Я долго раздумывала, и чем больше копалась в себе, тем сильнее чувствовала, что должна приехать.

— Вы были его другом,— с грустью сказал Уилсон.— Вы имеете право приходить к нему. Вряд ли у него было очень много друзей.

Люди потянулись от ворот вниз по склону холма.

— В такой день им и смотреть-то особенно не на что,— сказал Уилсон.— Вот они и не задерживаются. Одна только церковь. В хорошую погоду ее двери, разумеется, бывают открыты и можно заглянуть внутрь, но и тогда мало что увидишь. Просто темная полоса. Но когда двери открыты, кажется, будто там что-то светится. Поначалу ничего не светилось и ничего не было видно. Словно смотришь в дырку прямо над полом. Все как шорами закрыто. Думаю, это какой-то экран. Но потом экран, или защита, или что там еще, постепенно исчез, и теперь можно увидеть, как эта штука светится.

— Они пропустят меня внутрь? — спросила Элин.

— Думаю, что да,— ответил Уилсон.— Я сообщу капитану. Нельзя упрекать Космическую службу за такие строгие меры предосторожности. Вся ответственность за то, что там находится, лежит на них. Они начали этот проект двести лет назад. Того, что случилось, могло и не быть, если бы не проект «Оборотень».

Элин вздрогнула.

— Простите меня,— сказал Уилсон.— Я не должен был говорить так.

— Почему? — спросила она.— Как бы неприятно это ни было, его все так называют.

— Я рассказывал вам о том дне, когда он пришел в мою контору,— сказал Уилсон.— Это был молодой, милый человек.

— Это был испуганный человек, бегущий от мира,— поправила его Элин.— Если б только он сказал мне...

— Возможно, тогда он не знал...

— Он знал, что попал в беду. Мы с сенатором помогли бы ему. И доктор Даниельс помог бы.

— Он не хотел впутывать вас. В такие вещи друзей обычно не втягивают. А ему хотелось сохранить вашу дружбу. Более чем вероятно, что он боялся потерять ее, рассказав все вам.

— Да, я понимаю, что он мог так рассуждать,— ответила Элин.— И я даже не пыталась заставить его поделиться со мной. Но я не хотела делать ему больно. Думала, что надо оставить ему шанс самому все узнать.

Толпа спустилась с холма, прошла мимо них и двинулась по дороге дальше.

Пирамида стояла слева, перед рядами стульев. Она тускло поблескивала и излучала широкую, слегка пульсирующую полосу света.

— Не подходите слишком близко,— посоветовал капитан.— Вы можете испугать его.

Элин не ответила. Она смотрела на пирамиду. От ужаса и изумления, внушаемых этим странным предметом, к горлу подкатывал удушливый комок.

— Можно приблизиться еще на два-три ряда,— сказал капитан.— Но подходить вплотную нельзя. Мы же толком ничего не знаем о ней.

— Испугать? — переспросила Элин.

— Не знаю,— ответил капитан.— Уж так эта штука себя держит. Будто боится нас. Или просто не желает иметь с нами никаких дел. До недавнего времени было по-другому. Она была черной. Кусочек пустоты. Создала собственный мир и воздвигла вокруг него всевозможные защитные приспособления.

— А теперь он знает, что мы не причиним ему вреда?

— Ему?

— Эндрю Блейку,— пояснила она.

— Вы знали его, мисс? Так сказал мистер Уилсон.

— Я трижды встречалась с ним,— ответила она.

— Насчет того, знает ли он, что мы не причиним ему вреда,— проговорил капитан.— Возможно, в этом все дело. Кое-кто из ученых так думает. Многие пытались изучить эту штуку... простите, мисс Гортон, изучить его. Но далеко продвинуться им не удалось. У них почти нет материала для работы.

— Они уверены? — спросила Элин.— Они уверены, что это Эндрю Блейк?

— Там, под пирамидой,— сказал ей капитан.— У ее основания, с правой стороны.

— Туника! — воскликнула она.— Та самая, что я дала ему!

— Да, туника, которая была на нем. Вот она, на полу. Один только краешек торчит. Не отходите от меня слишком далеко,— предупредил капитан.— Не приближайтесь к нему.

Элин сделала шаг и остановилась. «Глупо,— подумала она.— Если Эндрю здесь, он знает, знает, что это я, и не испугается. Знает, что я не принесла ему ничего, кроме своей любви».

Пирамида мягко пульсировала.

Но он может и не знать, раздумывала Элин. Может, Блейк укрылся здесь от всего мира. И если он это сделал, значит, у него была причина.

Интересно, каково это — вдруг узнать, что твой разум — разум другого человека, разум, взятый взаймы, ибо собственного ты иметь не можешь, поскольку человек еще недостаточно изобретателен, чтобы создать разум? Его изобретательности хватает, чтобы сделать кости, плоть, мозг, но не создать разум. А насколько тяжелее, должно быть, знать, что ты часть двух других разумов — по меньшей мере двух?

— Капитан,— сказала она.— А ученым известно, сколько там разумов? Их может быть больше трех?

— Кажется, они так и не пришли к общему мнению,— ответил он.— На сегодняшний день положение таково, что их может быть сколько угодно.

Сколько угодно, подумала Элин. Это вместилище бесконечного числа разумов. Всей мысли Вселенной.

— Я здесь,— беззвучно сказала она существу, бывшему некогда Эндрю Блейком.— Разве ты не видишь, что я здесь? Если я буду нужна тебе, если ты когда-нибудь снова превратишься в человека...

Но почему Блейк должен опять превращаться в человека? Может быть, он превратился в эту пирамиду как раз потому, что ему не надо быть человеком? Не надо общаться с родом людским, частью которого он не может стать?

Она повернулась и неуверенно шагнула к выходу из церкви, потом снова вернулась назад. Пирамида мягко светилась, она казалась такой спокойной и прочной и вместе с тем такой отрешенной, что у Элин перехватило горло, а глаза наполнились слезами.

«Я не заплачу,— зло сказала она себе.— Кого мне оплакивать? Эндрю Блейка? Себя? Спятившее человечество?»

Он не мертв, думала она. Но это, быть может, хуже смерти. Будь он мертвым человеком, она могла бы уйти. Могла бы сказать: «Прощай».

Однажды Блейк обратился к ней за помощью. Теперь она уже не в силах помочь ему. Люди не в силах помочь ему. Вероятно, подумалось ей, он уже недоступен для человечества.

Она снова повернулась.

— Я пойду,— сказала она.— Капитан, прошу вас, идите рядом со мной.

Глава 28

Там было все. Громадные черные башни, вросшие в гранитную оболочку планеты, тянулись к небесам. Без движения застыла во времени зеленая, окруженная деревьями полянка, и какие-то животные резвились на ее цветочном ковре. Над пурпурным, испещренным пятнами пены морем возвышались воздушные завитки спирали бледно-розового сооружения. А по огромному, иссушенному жарой плато торчали во все стороны купола, в которых обитали разумы-отшельники. И не только купола — не только изображения, перехваченные со звезд, которые ледяными кристаллами раскинулись по небосводу над планетой песчаных и снежных дюн,— но и мысли, идеи и понятия, приставшие к изображениям, как комья земли пристают к выдернутым корням.

Мысли и понятия эти в большинстве своем были всего лишь отдельными, не связанными друг с другом частицами; но каждая из них могла послужить трамплином к решению логической задачи — задачи, которая поражает, а порой и пугает своей сложностью. И все же кусочки информации один за другим вставали на место и, единожды опознанные, стирались из активного восприятия, но каждый в любой момент можно было вызвать из каталога и восстановить.

Работа доставляла ему удовольствие и радость, и это беспокоило его. Он ничего не имел против удовлетворения, но вот радость — это было плохо. Ощущение, которого раньше Мыслитель никогда не испытывал и которое не должен был испытывать теперь, нечто ему чуждое — эмоции. А эмоциям нет места, если хочешь достичь оптимальных результатов, думал он, с раздражением пытаясь истребить в себе радость.

Это как заразная болезнь, сказал себе Мыслитель. И заразился он ею от Оборотня. И еще, возможно, от Охотника — существа, мягко говоря, весьма нестабильного. Теперь ему следует поостеречься: радость — уже достаточно скверно, но от этих двоих можно заразиться и другими аналогичными эмоциями, которые окажутся еще хуже.

Он освободился от радости, выставил охрану против других опасностей и продолжил работу, дробя мысли и понятия до мельчайших составляющих, до формул, аксиом и символов, при этом следя за тем, чтобы в процессе не потерялась их суть, потому что суть понадобится позже.

Время от времени ему встречались обрывки информации, в которых явно что-то крылось, их следовало пометить и отложить, чтобы затем поразмыслить над ними или подождать, пока не появятся дополнительные данные. В целом выстраивалась достаточно прочная логическая основа, но при слишком дальних экстраполяциях увеличивались значения погрешности, и для корректировки требовались новые данные. Сколько скользких мест на пути, на каждом шагу ловушки. Продвижение к решению требовало строжайшей дисциплины и постоянного самоконтроля, чтобы полностью исключить из процесса понятия собственного «я». И именно поэтому, подумал он, столь нежелательно влияние радости.

Взять, например, материал, из которого сделана черная башня. Настолько тонкий, что непонятно, как он выдерживает даже собственный вес, не говоря уже о весе других конструкций. Информация об этом была четкой и убедительной. Но в ней проглядывало и кое-что другое: намек на нейтроны, спрессованные столь плотно, что материал приобрел характеристики металла, удерживаемые в этом состоянии силой, не имеющей определения. В намеке присутствовало время, но является ли время силой? Временной сдвиг, может быть? Время, силящееся занять свое законное место в прошлом или будущем, вечно стремящееся к цели, недостижимой из-за противодействия какого-то фантастического механизма, который разлаживает его ход?

А космические рыбаки, которые забрасывают сети в пространстве, процеживают кубические световые годы пустоты и отлавливают энергию, извергнутую в космос мириадами разъяренных солнц? А заодно и планктон, состоящий из немыслимых вещей, которые когда-либо двигались либо жили в космосе,— мусор с необозримых космических пустырей? Причем никаких сведений ни о самих рыбаках, ни о том, как эти сети ловят энергию. Лишь мысль о рыбаках и их смысле. И не исключено, что это просто фантазия какого-нибудь затуманенного коллективного разума, чья-то религия, вера или миф — или в самом деле существуют такие рыбаки?

Обрывки сведений, эти и многие другие, и еще один, настолько слабый, что отпечаток его почти не фиксировался,— потому, быть может, что он был пойман от звезды столь далекой, что даже приходящий от нее свет уставал от непомерного пути. Вселенский разум, говорилось в нем, и больше ничего.

Что имелось в виду? Может быть, разум, объединяющий все мыслительные процессы? А может, разум, установивший закон и порядок, в соответствии с которыми электрон начал вращаться вокруг ядра и запустил пульс причин и следствий, породивших галактики?

Так много всего в нескольких странных, интригующих обрывках информации. И это только начало. Урожай, снятый за ничтожный промежуток времени с одной лишь планеты. Но как все важно — каждый бит информации, каждый отложившийся на восприятии отпечаток. Всему должно быть найдено свое место в структурах законов и взаимодействий, действий и противодействий, из которых и слагается Вселенная.

Нужно лишь время. Составить мозаику помогут дополнительные данные и дополнительные логические ходы. Что касается времени, то о нем как о факторе можно не беспокоиться. Времени целая вечность.

Расположившись на полу церкви, Мыслитель ровно и мягко пульсировал: логический механизм, составляющий его разум, продвигался к универсальной истине.

Глава 29

Оборотень боролся изо всех сил. Он должен выбраться. Должен спастись. Он не может больше оставаться погребенным в этой черноте и тиши, в уюте и безопасности, которые обволокли и спеленали, поглотили его.

Оборотень не хотел борьбы. Он предпочел бы остаться там, где находился, и тем, чем был. Но что-то заставило его бороться — что-то не внутри его, а снаружи,— некое создание, или существо, или обстоятельство, которое звало и говорило, что оставаться нельзя, как бы он ни хотел остаться. Что-то еще надо было сделать, что-то надо было обязательно сделать, и задание это, каким бы оно ни было, выполнить мог только он.

— Спокойней, спокойней,— сказал Охотник.— Оставайся там, где ты есть, так будет лучше.

Снаружи? — удивился он. И вспомнил. Женское лицо, высокие сосны у ворот — другой мир, на который он смотрел будто бы через стену струящейся воды, далекий, расплывчатый, нереальный. Но Оборотень твердо знал, что тот мир существует.

— Вы заперли меня! — закричал он.— Отпустите сейчас же!

Но Мыслитель не обратил на него внимания. Он продолжал мыслить, всю свою энергию направив на бесчисленные осколки информации и фактов.

Силы его и воля иссякли, и Оборотень погрузился во тьму.

— Охотник,— позвал он.

— Не мешай,— сказал Охотник.— Мыслитель работает.

Он затих в бессильной злости, сердясь безмолвно, мысленно. Но от злости не было толку.

«Я с ними так не обращался,— сказал он себе.— Я всегда их слушал, когда воплощались в меня».

Он лежал расслабившись, наслаждаясь покоем и тишиной, и думал, что так, возможно, лучше. Есть ли еще в чем-либо смысл? Есть ли смысл в Земле? Вот оно — Земля! Земля и человечество. И в том и в другом есть смысл. Может, не для Охотника или Мыслителя — хотя то, что имеет смысл для одного, имеет смысл и для троих.

Он слабо шевельнулся, но высвободиться не было ни сил, ни, судя по всему, воли.

И снова Оборотень лег и затих, набираясь сил и терпения.

Они делают это ради него, прижав к себе, чтобы он поправился и окреп.

Оборотень попытался вызвать ту самую тревогу, надеясь, что обретет в ней силы и волю. Но он не мог вспомнить. Воспоминание оказалось уничтоженным, стертым. От него остались лишь закраины, за которые никак не удавалось ухватиться. И он свернулся клубочком, устраиваясь в темноте, и впустил в себя тишину — но даже теперь Оборотень знал, что все равно будет бороться за то, чтобы вновь освободиться,— пусть надежда слаба и скорее всего он проиграет, но будет пытаться снова и снова, потому что какая-то не совсем понятная, но неодолимая сила не позволит ему сдаться.

Он тихо лежал и думал, как все это похоже на сон, когда снится, что взбираешься на гору и никак не достичь вершины, или будто висишь на краю пропасти, пальцы постепенно соскальзывают, а затем бесконечное падение, исполненное страха и ожидания того, что вот-вот рухнешь на дно, но удара о скалы все нет и нет...

Время и бессилие простирались перед ним, и само время было бессильно, он знал это, потому что знал все, что знал Мыслитель. время как фактор не играет никакой роли.

Оборотень попытался посмотреть на собственное положение под правильным углом, но оно никак не хотело принимать форму, соотносимую хоть с каким-либо углом зрения. Время — расплывчатое пятно, туманная дымка реальности, и сквозь туман приближается лицо — лицо, сперва для него ничего особого не значащее, но которое он в конце концов узнал, и, наконец, лицо, которое навеки запечатлелось в его памяти.

Губы шевельнулись в полумраке, и, хотя он не мог услышать слов, они тоже навеки отпечатались в его сознании.

«Когда сможешь, дай мне знать о себе».

Вот оно, подумал он. Надо дать ей знать. Она ждет и хочет услышать, что с ним произошло.

Оборотень рванулся вверх из мрака и тишины, сопровождаемый рокотом — яростным протестующим рокотом тех, других.

Черные башни закружились в обступающей его темноте — вращающаяся чернота, которую можно почувствовать, но нельзя увидеть. И вдруг он увидел.

Блейк стоял в церкви, в полумраке, подсвеченном слабыми огнями люстры. Затем кто-то закричал, и он увидел, как к выходу через неф бежит солдат. Другой солдат растерянно замер.

— Капитан! Капитан! — орал бегущий.

Второй солдат сделал короткий шаг вперед.

— Спокойно, дружок,— сказал Блейк.— Я никуда не ухожу.

Что-то путалось у него в ногах. Блейк взглянул вниз и увидел, что это его туника. Он переступил через нее, поднял и набросил на плечи.

Мужчина с нашивками на плечах пересек неф и остановился перед Блейком.

— Меня зовут капитан Сондерс, сэр,— представился он.— Космическая служба. Мы охраняем вас.

— Охраняете или караулите? — спросил Блейк.

— Наверное, понемножку и того и другого,— чуть заметно ухмыльнувшись, ответил капитан.— Позвольте поздравить вас, сэр, с тем, что вы снова стали человеком.

— Ошибаетесь,— ответил Блейк, поплотнее закутываясь в тунику.— И, наверное, теперь вы уже знаете, в чем ваша ошибка. Вам должно быть известно, что я не человек — не совсем человек.

Может быть, подумал он, человеческое в нем лишь одно обличье. Хотя нет, этого мало, ведь его разрабатывали и строили как человека. Конечно, произошли определенные изменения, но Блейк не настолько изменился, чтобы стать нечеловеком. Он сделался нечеловеком ровно настолько, чтобы стать неприемлемым. Нечеловеком ровно настолько, чтобы человечество сочло его чудовищем, монстром.

— Мы ждали,— сказал капитан.— И надеялись...

— Сколько? — спросил Блейк.

— Почти год,— ответил капитан.

Целый год! — подумал Блейк. Ни за что бы не поверил. Казалось, прошло лишь несколько часов, не больше. А интересно, сколько его держали в центральных недрах общего разума, пока Оборотень не понял, что должен освободиться? Или он понял это с самого начала, с той минуты, как Мыслитель подавил его? Ответ на это дать трудно. Время применительно к изолированному разуму, возможно, лишено всякого смысла и годится для измерения продолжительности не более, чем школьная линейка.

И все же времени прошло достаточно, по крайней мере для того, чтобы излечиться. Не было больше ни ужаса, ни режущей на куски агонии, теперь Блейк мог мириться с тем, что он в недостаточной степени человек и не может претендовать на место на Земле.

— И что теперь? — спросил он.

— Мне приказано,— ответил капитан,— сопроводить вас в Вашингтон, в штаб Космической службы. Если к этому не будет препятствий.

— Препятствий не будет,— заверил его Блейк.— Я не собираюсь оказывать сопротивление.

— Я не вас имею в виду,— сказал капитан,— а толпу на улице.

— Что значит «толпу»? Какая такая толпа?

— На этот раз толпа поклоняющихся вам фанатиков. Дело в том, что возникли секты, которые, насколько мне известно, верят, будто вы пророк, посланный избавить человека от его греховности. А иногда собираются другие группы, объявившие вас исчадием... Извините, сэр, я забылся.

— А что,— поинтересовался Блейк,— эти группы, и те и другие, причиняют вам какие-нибудь хлопоты?

— Причиняют, сэр,— подтвердил капитан.— И иногда немалые. Поэтому мы должны выбраться отсюда незаметно.

— Но почему не выйти через ворота? И положить всему конец?

— Боюсь, что ситуация не столь проста, как вам кажется,— сказал капитан.— Буду с вами откровенен. Кроме нескольких наших людей, о том, что вы уйдете отсюда, не будет знать никто. По-прежнему будет стоять охрана и...

— Вы будете делать вид, что я все еще здесь?

— Да. Так мы избежим ненужных осложнений.

— Но когда-нибудь...

— Нет,— покачал головой капитан,— по крайней мере, не скоро, очень не скоро. Вас никто не увидит. А корабль уже ждет. Так что вы можете лететь, конечно, если хотите лететь.

— Спешите избавиться от меня?

— Может быть,— ответил капитан.— Но еще и хотим дать вам возможность избавиться от нас.

Глава 30

Земля хочет избавиться от него. Возможно, он просто внушает ей отвращение. Мерзкий плод ее собственного честолюбия и фантазии, плод, который надо быстренько замести под половик. Ибо не осталось ему места на Земле и среди людей, и вместе с тем он был порождением человечества, а его существование стало возможным благодаря смекалке и хитроумию земных ученых.

Блейк раздумывал об этом, когда впервые удалился в церковь, и теперь, стоя у окна своей комнаты и глядя на улицу Вашингтона, он знал, что был прав и точно оценил реакцию человечества.

Хотя нельзя было определить, в какой степени эта реакция исходит непосредственно от людей Земли, а в какой — от чинуш Космической службы. Для Службы он был давней ошибкой, просчетом планирования с далеко идущими последствиями. И чем быстрее от него избавятся, тем им будет лучше.

Блейк помнил, что на склоне холма за оградой кладбища была толпа, которая собиралась, чтобы отдать дань уважения тому, чем он был в ее глазах. Зеваки? Разумеется. Верующие? Более чем вероятно. Люди, падкие на любые свежие сенсации,

которыми можно заполнить пустоту жизни, но все равно человеческие существа, все равно человечество.

Блейк стоял и смотрел на залитые солнцем улицы Вашингтона, на редкие машины, сновавшие по проспекту, и ленивых пешеходов, слонявшихся под деревьями на тротуарах. Земля, думал он. Земля и люди, живущие на ней. У них есть работа, семья, ради которой стоит спешить домой; у них есть домашнее хозяйство и увлечения, свои тревоги и маленькие торжества, друзья. Но это — зависимые люди. Интересно, мог бы он задумываться об этом, если бы сам был зависим, если бы в силу каких-то невообразимых обстоятельств человечество приняло его? Одному ему было не по себе. Блейк не воспринимал себя как одинокое существо, поскольку были и двое других, которые держались вместе, соединившись вместе, соединившись в том сгустке вещества, из которого состояло его тело.

Их не интересовало то, что он угодил в эмоциональный капкан, хотя там, в церкви, они и высказывали к этому интерес. То, что им самим были недоступны такие чувства, к делу не относилось.

Но удел изгоя, исход с Земли и скитания по Вселенной, доля парии — этого ему, наверное, не вынести.

Корабль ждал его, он был уже почти готов. И решать предстояло Блейку: он мог лететь или остаться. Хотя Космическая служба ясно дала понять, что предпочла бы первое.

Да и что он приобретет, оставшись? Ничего. Разве что слабую надежду в один прекрасный день вновь обрести человечность.

А если он на это способен, хочет ли он этого?

В голове загудело: Блейк не находил ответа. Он стоял, со скучающим видом глядя в окно и почти не видя того, что творится на улице.

Стук в дверь заставил его обернуться.

Дверь открылась, и он увидел стоящего в коридоре охранника. Потом вошел какой-то человек, и Блейк не сразу узнал его. Но затем разглядел, кто это.

— Сенатор,— проговорил он, подходя к человеку,— вы очень любезны. Я не думал, что вы придете.

— А почему, собственно, я не должен был прийти? — спросил Гортон.— В вашей записке было сказано, что вы хотите поговорить со мной.

— Я не знал, захотите ли вы видеть меня,— произнес Блейк.— В конце концов, я, вероятно, внес свой вклад в исход референдума.

— Возможно,— согласился Гортон.— Стоун поступил в высшей степени неэтично, использовав вас в качестве негативного примера. Хотя я обязан отдать должное этому парню: использовал он вас великолепно.

— Мне очень жаль,— проговорил Блейк.— Это я и хотел вам сказать. Я бы приехал повидать вас, но, похоже, сейчас меня держат на коротком поводке.

— Ну-ну,— возразил сенатор.— Думается, у нас куда больше тем для беседы. Референдум и его результаты, как вы можете догадаться,— довольно болезненный для меня предмет. Только позавчера я отослал им прошение об отставке. Откровенно говоря, мне понадобится время, чтобы привыкнуть к мысли, что я не сенатор.

— Может быть, присядете? — предложил Блейк.— Вон в то кресло, что ли. Я могу раздобыть немного коньяку.

— От всего сердца одобряю эту мысль,— сказал сенатор.— Уже достаточно поздно, можно начинать дневное возлияние. В тот раз, когда вы пришли к нам в дом, мы пили коньяк. Если память меня не подводит, бутылочка была особая.

Он сел в кресло и обвел глазами комнату.

— Должен заметить, что о вас неплохо заботятся,— заявил он.— По меньшей мере офицерские апартаменты.

— И страж у дверей,— добавил Блейк.

— Вероятно, они немного побаиваются вас.

— Наверное, но в этом нет нужды.

Блейк подошел к винному шкафчику, достал бутылку и два стакана. Потом он пересек комнату и уселся на кушетку лицом к Гортону.

— Как я понимаю, вы вот-вот покинете нас,— сказал сенатор.— Мне говорили, что корабль почти готов.

Блейк кивнул, разливая коньяк.

— Я немного размышлял об этом корабле,— сказал он.— Экипажа не будет. Я один на борту. Полная автоматика. Сделать такое всего за год...

— О, не за год,— возразил сенатор.— Разве никто не позаботился рассказать вам о корабле?

Блейк покачал головой:

— Меня кратко проинструктировали. Да, это точное слово: проинструктировали. Мне сказали, на какие рычаги нажимать, какие циферблаты крутить, чтобы попасть туда, куда я хочу попасть. Как работает система снабжения продуктами. Хозяйство корабля. Но это все. Разумеется, я спрашивал, но ответов у них, похоже, не было. Кажется, главная их цель — поскорее выпихнуть меня с Земли.

— Понимаю,— сказал сенатор.— Старые военные игры. Всякие там каналы и тому подобные штуки, наверное. И чуть-чуть этой их нелепой секретности.

Он поболтал коньяк в стакане и поднял глаза на Блейка.

— Если вы думаете, что это ловушка, не бойтесь. Это не так. Корабль будет делать все, что они обещают.

— Рад это слышать, сенатор.

— Корабль не строили. Его, можно сказать, вырастили. Он не сходил с чертежных досок в течение сорока лет или дольше. Конструкцию меняли множество раз, испытывали снова и снова, строили и разбирали, чтобы внести усовершенствования. Это была попытка создать идеальный корабль, понимаете? На него потрачены миллионы человеко-дней и миллиарды долларов. Корабль способен работать вечно, и человек может жить в нем вечно. Это единственное средство, способное помочь человеку, оснащенному так, как вы, уйти в космос и выполнить ту работу, для которой и строили корабль.

Блейк вздернул брови.

— Один вопрос, сенатор: зачем столько хлопот?

— Хлопот? Не понимаю.

— Послушайте, все, что вы говорите, верно. Это странное создание, о котором вы вели разговор, на треть состоящее из меня, способно летать по Вселенной на таком корабле и делать дело. Но какая будет отдача? Что сулит это человечеству? Может быть, вы верите, что когда-нибудь мы вернемся, преодолев расстояние в миллионы световых лет, и передадим вам приобретенные знания?

— Не знаю,— сказал сенатор.— Может быть, так они и думают. Может быть, у вас достанет человечности вернуться.

— Сомневаюсь, сенатор.

— Что ж,— сказал тот,— не вижу большого смысла говорить об этом. Вдруг возвращение окажется невозможным, даже если вы захотите. Мы понимаем, сколько времени займет ваша работа, и человечество не настолько глупо, чтобы верить в свое

вечное существование. К тому времени, когда вы получите ответ, нас может уже и не быть.

— Мы получим ответ. Если мы полетим, то получим его.

— Еще одно,— сказал сенатор.— Вам не приходило в голову, что человечество, быть может, способно дать вам возможность полететь в космос в поисках ответа, даже зная, что оно ничего на этом не выгадает? Зная, что где-то во Вселенной найдется некий разум, которому будут полезны ваш ответ и ваши знания?

— Об этом я не думал,— сказал Блейк.— И я не убежден, что это так.

— Мы досадили вам, не правда ли?

— Не знаю,— ответил Блейк.— Не могу сказать, какие чувства я испытываю. Человек, который вернулся домой и которого сразу же пинком выпроваживают вон.

— Вы не обязаны покидать Землю. Я думал, вам самому этого хочется. Но если вам угодно остаться...

— Остаться? Зачем?! — воскликнул Блейк.— Чтобы сидеть в красивой клетке и сполна пользоваться казенной добротой? Чтобы на меня пялили глаза и показывали пальцем? Чтобы дураки преклоняли колена возле этой клетки и молились, как там, в Уиллоу-Гроув?

— Наверное, это было бы довольно бессмысленно,— согласился Гортон.— Я имею в виду — остаться тут. В космосе у вас, по крайней мере, будет занятие и...

— И еще одно,— прервал его Блейк.— Как получилось, что вы столько обо мне знаете? Как вы это раскопали? Как вычислили, в чем тут дело?

— Насколько я понимаю, при помощи дедукции,— ответил Гортон,— основанной на тщательных исследованиях и дотошных наблюдениях. Это не все. Но этого достаточно, чтобы понять, какими способностями вы обладаете и как можете их применить. Мы поняли, что такие способности не должны пропадать зря; надо было дать вам возможность использовать их. Кроме того, мы подозревали, что здесь, на Земле, вы их реализовать не сумеете. Тогда-то Космическая служба и решила предоставить вам корабль.

— Вот, значит, к чему все сводится,— сказал Блейк.— Я должен выполнить задание, хочу я того или нет.

— По-моему, решать вам,— с холодком в голосе проговорил Гортон.

— Я на эту работу не напрашивался.

— Да,— согласился Гортон.— По-видимому, не напрашивались. Но вы можете обрести удовлетворение в ее заманчивости.

Они помолчали. Обоим было не по себе от того, что разговор принял такой оборот. Гортон допил коньяк и отставил стакан. Блейк потянулся за бутылкой.

— Нет, благодарю вас. Мне скоро идти. Но прежде я задам вам вопрос. Вот он: что вы рассчитываете там найти? И что вы уже знаете?

— Относительно того, что мы предполагаем найти, я не имею ни малейшего представления,— ответил Блейк.— Что мы уже знаем? Массу вещей, которые не сложились в цельную картину.

Гортон тяжело поднялся. Движения его были скованными.

— Я должен идти,— сказал он.— Спасибо за коньяк.

— Сенатор,— проговорил Блейк,— я послал Элин письмо, а ответа нет.

— Да, я знаю,— сказал Гортон.

— Мне нужно повидаться с ней перед отлетом, сэр. Я хочу кое-что ей сказать.

— Мистер Блейк,— заявил Гортон,— моя дочь не желает ни видеть вас, ни говорить с вами.

Блейк медленно поднялся. Они стояли лицом к лицу.

— А причина? Вы можете сказать почему?

— Я думаю, что причина должна быть очевидна даже для вас,— ответил Гортон.

Глава 31

Тени уже заползли в комнату, а Блейк все сидел на кровати, не шевелясь, и мысли его все крутились вокруг одного-единственного беспощадного факта.

Элин не желает ни видеть его, ни говорить с ним — хотя она, чье лицо он запомнил навсегда, помогла ему вырваться из тьмы и покоя. Если сенатор сказал правду, все его усилия и борьба были напрасны. Лучше бы Блейк тогда остался там, где был, и залечивал бы раны, пока Мыслитель доведет до конца свои размышления и подсчеты. Но правду ли сказал сенатор? Может быть, он затаил на него обиду за роль, которую Блейк сыграл в поражении столь дорогой ему биоинженерной программы?

И таким образом решил отплатить, хотя бы частично, за собственное разочарование?

Нет, это маловероятно, сказал себе Блейк. Сенатор — слишком искушенный политик, чтобы не отдавать себе отчета в том, что эта затея с биоинженерией была, мягко говоря, авантюрой и имела немного шансов на победу. И потом, во всем этом есть что-то странное. Поначалу Гортон был очень любезен и отмахивался от упоминания о референдуме, а потом вдруг тон его сделался резким и холодным. Словно сенатор играл заранее продуманную роль — хотя такое предположение выглядит совершенно бессмысленным.

— Я восхищен тем, как ты держишься,— сказал Мыслитель.— Ни стонов, ни зубовного скрежета, ни вырывания волос.

— Да замолчи ты! — оборвал его Охотник.

— Но я попытался сделать комплимент,— возразил Мыслитель,— и оказать моральную поддержку. Он подходит к проблеме на высоком аналитическом уровне, без эмоциональных вспышек. Единственный способ найти решение в подобной ситуации.

При этом разумный компьютер мысленно вздохнул.

— Хотя я должен признать,— сказал он,— я не в состоянии разобраться в важности данной проблемы.

— Не обращай на него внимания,— посоветовал Охотник Блейку.— Я заранее принимаю любое твое решение. Если хочешь задержаться на этой планете, я согласен. Мы подождем.

— Ну конечно,— подтвердил Мыслитель.— Какие вопросы? Что такое одна человеческая жизнь? Ты ведь не останешься здесь дольше одной человеческой жизни?

— Сэр,— обратилась к Блейку Комната,— вы позволите включить свет?

— Нет,— сказал Блейк.— Пока не надо.

— Но, сэр, уже темнеет.

— Я люблю темноту.

— Может быть, желаете поужинать?

— Нет, не сейчас, благодарю.

— Кухня готова выполнить любой ваш заказ.

— Чуть позже,— сказал Блейк.— Я еще не голоден.

Они сказали, что не возражают, если он решит остаться на Земле и попытаться стать человеком. Но зачем?

— А почему бы не попробовать? — сказал Охотник.— Человек-женщина может передумать.

— Вряд ли,— сказал Блейк.

И в этом, конечно, было самое худшее: он знал, почему она не передумает, почему не захочет иметь ничего общего с подобным ему существом.

Но дело было не только в Элин, хотя Блейк знал: прежде всего именно в ней. Ему еще предстояло оборвать последние связи с человечеством, которое могло стать ему родным, с планетой, которая могла бы стать его первым и единственным домом, и теперь человеческая часть его сути не желала мириться с уготованным ей насилием, не хотела терять право первородства, не успев обрести его. И все это — дом, родина, родство — из-за своей недосягаемости где-то в глубине души становилось ему особенно дорогим.

Мягко звякнул колокольчик.

— Телефон, сэр,— сказала Комната.

Он протянул руку к телефону, щелкнул выключатель. Экран продолжал моргать.

— Вызов без видеопередачи,— объявил коммутатор.— Вы имеете право не отвечать.

— Ничего,— сказал Блейк.— Давайте. Мне все равно.

Голос — четкий, ледяной, лишенный всякой интонации — ровно произнес:

— С вами говорит разум Теодора Робертса. Вы Эндрю Блейк?

— Да,— сказал Блейк.— Как поживаете, доктор Робертс?

— Со мной все в порядке. Разве может быть иначе?

— Извините, я забыл. Не подумал.

— Поскольку вы не связывались со мной, я решил найти вас сам. Думаю, нам надо поговорить. Насколько мне известно, вы скоро улетаете.

— Корабль почти готов,— ответил Блейк.

— Путешествие за знаниями?

— Да,— подтвердил Блейк.

— Летите все трое?

— Да, все трое.

— С тех пор как я узнал о вашей ситуации,— сказал разум Теодора Робертса,— я об этом часто думаю. Несомненно, рано или поздно наступит день, когда вас станет не трое, а один.

— Я тоже так думаю,— сказал Блейк.— Но это произойдет очень не скоро.

— Время для вас не играет никакой роли,— сказал разум Теодора Робертса,— и для меня тоже. У вас бессмертное тело,

которое можно разрушить только извне. А у меня нет тела вообще, и потому меня нельзя убить. Я могу умереть, только если испортится техника, содержащая мой разум. Не имеет никакого значения и Земля. Мне кажется, вам необходимо признать этот факт. Земля — не более чем точка в пространстве, крохотная, ничтожная точка. Если задуматься, в этой Вселенной так мало чего-либо, что действительно важно. Когда ты все просеешь через сито значительности, в нем останется только разум. Разум — общий знаменатель Вселенной.

— А человеческая раса? — спросил Блейк.— Человечество? Оно тоже не имеет значения?

— Человеческая раса,— ответил четкий, ледяной голос,— лишь мельчайшая частица разума. Не говоря уж об отдельном человеческом или каком ином существе.

— Но разве разум...— начал было Блейк и остановился.

Бесполезно, сказал он себе, разве может понять другую точку зрения существо, с которым он разговаривает,— не человек, а бестелесный разум, находящийся в плену предрассудков своего мира не в меньшей степени, чем существо из плоти и крови — своего. Утраченный для физического бытия, он, наверное, хранит о нем столь же туманные воспоминания, как взрослый — о собственном младенчестве. Разум Теодора Робертса существует в одном измерении. Маленький мир с гибкими параметрами, в котором не происходит ничего вне рамок движения мысли.

— Вы что-то сказали — или хотели сказать?

— По-видимому,— произнес Блейк, пропуская вопрос,— вы говорите мне это затем...

— Я говорю вам это затем,— сказал Теодор Робертс,— что знаю, насколько вы утомлены и расстроены. А так как вы — часть моего «я»...

— Я не часть вашего «я»,— сказал Блейк.— Два столетия назад вы дали мне разум. С тех пор этот разум изменился. Он уже не ваш разум.

— Но я полагал...— начал Теодор Робертс.

— Я знаю. Очень любезно с вашей стороны. Но из этого ничего не выйдет. Я стою на собственных ногах. У меня нет выбора. В моем создании участвовало много людей, и я не могу разорвать себя на части, чтобы каждому вернуть долг: вам, биологам, которые чертили проект, техникам, изготовившим кости, мясо, нервы...

Воцарилось молчание. Затем Блейк быстро произнес:

— Простите. Наверное, мне не следовало этого говорить. Мне не хотелось бы, чтобы вы обиделись.

— Я не обиделся,— сказал разум Теодора Робертса.— Напротив, я вполне удовлетворен. Я могу теперь не беспокоиться о том, мешают ли вам мои склонности и предрассудки, которыми я вас наделил. Но я что-то разболтался. А мне надо еще сообщить вам нечто для вас важное. Таких, как вы, было двое. Был еще один искусственный человек, который полетел на другом корабле...

— Да, я слышал об этом,— сказал Блейк.— Я не раз задумывался — вам о нем что-то известно?

— Он вернулся,— сообщил разум Теодора Робертса.— Его доставили домой. Почти как вас...

— В состоянии анабиоза?

— Да. Но, в отличие от вас, в своем корабле. Через несколько лет после запуска. Экипаж испугался происходящего и...

— То есть мой случай уже никого особенно не удивил?

— Думаю, что удивил. Никому не пришло в голову увязать вас со столь давними событиями. Да и не так уж много людей в Космослужбе знали об этом. О том, что вы можете оказаться вторым из тех двух, начали догадываться незадолго до вашего побега из клиники, после слушаний по биоинженерному проекту. Но вы исчезли раньше, чем они смогли что-либо предпринять.

— А тот, другой? Он все еще на Земле? Взаперти у Космослужбы?

— Сомневаюсь,— произнес разум Теодора Робертса.— Трудно сказать. Он исчез. Больше мне ничего не известно...

— Исчез! Вы хотите сказать, его убили!

— Я не знаю.

— Вы должны знать, черт побери! — закричал Блейк.— Отвечайте! Я сейчас пойду туда и все разнесу. Я найду его...

— Бесполезно,— сказал Теодор Робертс.— Его там нет. Больше нет.

— Но когда? Как давно?

— Много лет назад. Задолго до того, как вас обнаружили в космосе.

— Но откуда вам известно? Кто сказал вам...

— Нас здесь тысячи,— ответил Теодор Робертс.— Что знает один, доступно всем. Все обычно в курсе всего.

Блейк почувствовал, как его обдало леденящим дыханием бессилия. Тот, второй, исчез, сказал Теодор Робертс, и в его словах сомневаться не приходится. Но куда? Умер? Спрятался где-то? Снова отправлен в космос?

Второй искусственный человек, единственное во всей Вселенной другое существо, с которым его могло бы связать родство,— и теперь он исчез.

— Вы в этом уверены?

— Я в этом уверен,— подтвердил Теодор Робертс.

Немного помолчав, Робертс спросил:

— Так вы летите в космос? Решились?

— Да,— сказал Блейк.— Наверное, это единственное, что мне осталось. На Земле у меня ничего нет.

Да, он знал, на Земле у него ничего нет. Раз тот, второй, исчез, на Земле у него ничего не осталось. Элин Гортон отказалась с ним разговаривать, а ее отец, когда-то такой доброжелательный, вдруг сделался холодным и официальным, прощаясь с ним, и Теодор Робертс оказался колючим голосом, вещающим из одномерной пустоты.

— Когда вы возвратитесь,— сказал Теодор Робертс,— я еще буду здесь. Прошу вас, позвоните. Обещаете?

«Если возвращусь,— подумал Блейк.— Если ты еще будешь здесь. Если кто-нибудь еще будет здесь. Если Земля заслуживает того, чтобы на нее возвращались».

— Да,— сказал он.— Да, конечно. Я позвоню.

Он протянул руку и разъединил связь. И сидел так, не шевелясь, в безмолвной темноте, чувствуя, как Земля удаляется от него, уходит по все расширяющейся спирали и он остается один, совсем один.

Глава 32

Земля осталась позади. Солнце сделалось совсем маленьким, но все еще было Солнцем, а не одной звездой среди многих. Космический корабль падал вниз по длинному туннелю гравитационных векторов, которые через некоторое время разгонят его до такой скорости, когда покажется, что у звезд смещаются орбиты и цвета.

Блейк сидел в кресле пилота и глядел на раскрывшуюся перед ним изогнутую прозрачность космоса. Здесь так тихо,

подумал он, так тихо и покойно — полное отсутствие каких-либо событий. Через пару часов он встанет, обойдет корабль и убедится, что все в порядке, хотя заранее знает, что все будет в порядке. В таком корабле ничто не может испортиться.

— Домой,— тихо произнес Охотник в сознании Блейка.— Я лечу домой.

— Но ненадолго,— напомнил ему Блейк.— Ровно настолько, чтобы собрать то, что ты не успел собрать. А затем снова в путь, туда, где ты сможешь получить новые данные с новых звезд.

И так снова и снова, подумал он, вечно в пути, собирать урожай со звезд, обрабатывая данные в биокомпьютере — разуме Мыслителя. Поиск, беспрестанный поиск намеков, свидетельств, косвенных указаний, которые позволят составить знание о Вселенной в схему, доступную пониманию. И что же они тогда поймут? Многое, наверное, о чем сейчас никто и не подозревает.

— Охотник ошибается,— сказал Мыслитель.— У нас нет дома. У нас не может быть дома. Оборотень это уже выяснил. Нам и не нужен дом, мы это поймем со временем.

— Корабль станет нашим домом,— сказал Блейк.

— Нет, не корабль. Если вам так уж надо считать что-то домом, то тогда это Вселенная. Наш дом — весь космос. Вся Вселенная.

Возможно, это как раз то, подумал Блейк, что попытался объяснить ему разум Теодора Робертса. Земля, он сказал, не более чем точка в пространстве. Это относится, конечно, и ко всем другим планетам, ко всем звездам — они лишь разбросанные в пустоте точки концентрации вещества и энергии. Разум, сказал Теодор Робертс, не энергия, но разум. Не будь разума, все это распыленное вещество, вся эта бурлящая энергия, вся эта пустота потеряли бы смысл. Только разум в состоянии обнять материю и энергию и вложить в них значимость.

И все же, подумал Блейк, хорошо бы иметь в такой пустоте свою стоянку, чтобы можно было указать, пусть только мысленно, на какой-то сгусток энергии и сказать: вот мой дом.

Он сидел в кресле, всматриваясь в космос и снова вспоминая тот момент в церкви, когда впервые осознал свою бездомность,— что у него нет и никогда не может быть родины, что, появившись на свет на Земле, он никогда не станет землянином, наделенным человеческим обличьем, никогда не сможет

стать человеком. Но тогда же, теперь Блейк это понял, ему стало ясно и другое: какой бы он ни был бездомный, он не одинок и одиноким никогда не будет. У него есть еще те двое других, и еще у него есть Вселенная, и все идеи, все фантазии — все, что когда-либо рождала кипящая в ней разумная жизнь.

Земля могла бы стать его домом, подумал он; Блейк был вправе рассчитывать, что она станет его домом. Точка в пространстве, снова вспомнил он. Все правильно — Земля и есть крохотная точка в пространстве. Но какой бы крохотной она ни была, она нужна человеку как маяк, как основа координат. Вселенной недостаточно, потому что она слишком всеобъемлюща. Человек с Земли — в этом есть содержание, есть личность; но человек из Вселенной — это нечто затерянное среди звезд.

Заслышав мягкий шелест шагов, Блейк вскочил с кресла и повернулся.

В дверном проеме стояла Элин Гортон.

Он было рванулся к ней, но вдруг застыл, остановился.

— Нет! — воскликнул он.— Нет! Ты не ведаешь, что творишь...

«Заяц-безбилетник,— подумал он.— Смертный на бессмертном корабле. Но ведь она отказалась говорить со мной, она...»

— Вовсе нет,— возразила она.— Я знаю, что делаю. Я там, где мое место.

— Андроид,— с горечью произнес он.— Копия. Игрушка, сделанная, чтобы меня осчастливить. В то время как настоящая Элин...

— Эндрю,— сказала она,— я и есть настоящая Элин.

Растерянным жестом он приподнял руки, и вдруг она оказалась в его объятиях, и Блейк прижал ее к себе, всем телом, до боли, испытывая радость от того, что она здесь, что с ним рядом человек, причем человек, который ему дорог.

— Но это невозможно,— качал он головой.— Ты просто не понимаешь. Я ведь не человек. И я не всегда такой, как сейчас. Я превращаюсь в других.

— Я знаю,— повторила она, подняв на него глаза.— Это ты не понимаешь. Я — тот второй, второй из нас.

— Тот второй был мужчина,— произнес он, чувствуя себя довольно глупо.— Он был...

— Не он. Она. Тем вторым была женщина.

Так вот оно в чем дело, ну конечно же, подумал он. Говоря «он», Теодор Робертс имел в виду «человек», а не мужчина или женщина, он просто не знал.

— Но Гортон? Разве ты не его дочь?

— Нет. У сенатора была дочь по имени Элин Гортон, но она умерла. Покончила жизнь самоубийством. При каких-то жутких и грязных обстоятельствах. Если бы это стало известно, карьера сенатора закончилась бы.

— И тогда ты...

— Именно. Но я об этом, естественно, ничего не знала. Сенатор узнал о моем существовании, когда начал раскапывать архивы программы «Оборотень». Увидев меня, он был поражен моим сходством с его дочерью. Конечно, я тогда находилась в анабиозе уже много лет. Выяснилось, что у нас с тобой, Эндрю, скверные характеры. Мы оказались совсем не такими, как они предполагали.

— Да,— согласился он,— я знаю. И теперь этому даже рад. Так ты все это время знала...

— Я узнала только недавно,— сказала она.— Видишь ли, сенатор держал Космослужбу в кулаке, а те делали все, чтобы сохранить в тайне историю с оборотнями. Поэтому, когда он пришел к ним вне себя от горя после смерти дочери, считая себя конченым человеком, ему отдали меня. Я считала себя его дочерью. Любила его как отца. Конечно, перед этим меня подвергли всяким там гипнозам и обработкам, чтобы внушить мне, что я его дочь.

— Наверняка ему пришлось пустить в ход все свои связи, чтобы замять историю со смертью родной дочери и подменить ее тобой...

— Другому это не удалось бы,— с горечью произнесла она.— Сенатор замечательный человек и чудесный отец, но в политике у него железная хватка.

— Ты любила его?

— Да, Эндрю,— кивнула она.— Во многих отношениях он для меня все еще отец. Даже представить невозможно, чего ему стоило сказать мне правду.

— А тебе? — спросил он.— Тебе это тоже кое-чего стоило.

— Разве ты не видишь,— сказала она,— что я не могла остаться. Я не могла остаться, зная правду. Как и тебя, меня ждала жизнь уродца, отщепенца, обреченного жить вечно. А что осталось бы у меня, когда умрет сенатор?

Блейк понимающе кивнул, думая о том, как те двое людей, два человека, принимали это решение.

— И потом,— добавила она,— мое место с тобой. Мне кажется, я поняла это сразу, когда ты, весь промокший и продрогший, забрел в тот старинный каменный дом.

— Но сенатор сказал мне...

— Что я не хочу тебя видеть, что я не хочу с тобой разговаривать.

— Но почему? — спросил он недоуменно.— Почему?

— У тебя пытались отбить охоту остаться,— объяснила она.— Было опасение, что ты не захочешь расстаться с Землей и откажешься лететь. Тебе старались внушить, что с Землей тебя ничего не связывает. И сенатор, и разум Теодора Робертса, и все остальные. Потому что мы должны были лететь. Мы с тобой посланцы Земли — дар, который Земля посылает Вселенной. Если населяющему Вселенную разуму, мыслящей жизни суждено когда-либо постичь то, что происходит, уже произошло, произойдет в будущем и какой во всем этом смысл, то мы с тобой можем помочь в этом.

— Так значит, Земля все же наша родина? Земля не отреклась от нас?..

— Конечно нет,— сказала она.— Теперь тайна раскрыта, все о нас знают, и Земля гордится нами.

Он прижал ее к себе, зная, что теперь у него есть и всегда будет дом — планета Земля. И человечество всегда будет с ним, куда бы они ни полетели. Потому что они — продолжение человечества, его руки и разум, протянувшиеся к таинству вечности.

ПРИШЕЛЬЦЫ

Лоун-Пайн, Миннесота

Джордж, парикмахер, яростно щелкнул ножницами.

— Послушай, Фрэнк,— обратился он к человеку, сидевшему в кресле,— я не понимаю, что с тобой происходит. Я читал твою статью про этих защитников природы, о том, что они собираются устроить в резервации. Но тебя это, похоже, не слишком волнует, а?

— На самом деле не слишком,— спокойно ответил Фрэнк Нортон.— Это не так уж и страшно. Если кому-то не хочется платить за лицензию в резервации, он может ловить рыбу в другом месте, только и всего.

Нортон был издателем, редактором, управляющим и распространителем лоун-пайнской газеты «Сентинел» — един в четырех лицах — и работал напротив парикмахерской, через улицу.

— А меня это бесит,— не унимался парикмахер.— Ни к чему разрешать этим краснокожим распоряжаться охотой и рыбалкой в резервации. Как будто эта земля не часть штата Миннесота, не часть наших Соединенных Штатов. Теперь белому человеку нельзя пойти на рыбалку с обычной лицензией штата; надо, видите ли, купить лицензию у племени в резервации. И этому племени позволено будет устанавливать собственные правила, да? Нет, зря это придумали.

— Нам-то с тобой все равно,— сказал Нортон.— Если захочется порыбачить, вон форельный садок в реке за городом. В омуте ниже моста такие рыбины попадаются — закачаешься!

— Нет, тут дело в принципе! — ответил парикмахер.— Эти чудаки заявляют, что краснокожие, видите ли, хозяева этой земли. Хозяева! Каково! Это не их земля. Просто мы позволили им жить там. Теперь, если пойдешь в резервацию, они заставят тебя платить за рыбу или за дичь; много платить заставят. Их лицензия наверняка будет дороже государственной. Они уста-

новят свои правила, ограничения... И нам придется жить по их законам — а что ты им докажешь? Вот увидишь, как они будут куражиться над нами.

— Зря ты себя заводишь, Джордж,— сказал Нортон.— Не думаю, что они станут куражиться над кем-нибудь. Ведь они заинтересованы в том, чтобы к ним приходило побольше людей. Они постараются сделать все, чтобы привлечь побольше рыбаков. Ведь это же их деньги...

Джордж снова щелкнул ножницами.

— Эти чертовы краснокожие! Вечно талдычат о своих правах. И важные такие стали! Называют себя коренными американцами. Они, видите ли, больше не индейцы, а коренные американцы, не иначе! А мы, видите ли, отобрали у них землю!..

Нортон рассмеялся.

— Ну раз уж ты заговорил об этом, то, по-моему, мы на самом деле отобрали у них землю. И неважно, что ты по этому поводу думаешь,— они на самом деле коренные американцы, Джордж. Если им нравится называть себя именно так, то у них есть все права на это. Они жили здесь испокон веков, а мы пришли и отобрали их землю; так было, и ты сам это знаешь.

— Мы имели право на это,— сказал Джордж.— Эта земля пропадала. Они ее не использовали. Разве что собирали иногда дикий рис или подстреливали какую-нибудь утку или бобра, чтобы шкуру содрать. А по-настоящему не использовали. Да они и не умели этого. А мы — умели! Поэтому мы пришли и нашли этой земле применение. Я тебе точно говорю, Фрэнк! Мы имели право взять землю и использовать ее. Мы имеем право на любую землю, которая пропадает без толку. Но сейчас нам этого не позволяют. Ты глянь, что у нас за рекой. Какие деревья! Громадные, прямые! Они же там стоят с тех пор, как Христос младенцем был; стоят и ждут, что кому-то пригодятся. Когда-то лесорубы их прозевали — и они так и стоят, как стояли с сотворения мира. Тысячи акров леса стоят и ждут! Миллионы кубических футов ждут, чтобы их распилили! И есть лесопромышленные компании, которые хотели бы этим заняться. Они обратились в управление округа, чтобы им дали право снять этот урожай. Думаешь, дали? Черта с два! Судья сказал, что это первозданная природа, и с топором туда — ни-ни! Лесное ведомство постановило, что эти тысячи акров леса, видите ли, национальное достояние и должны быть сохранены для потомков. Наследие, потомки!.. Как мы до этого дошли?

— Не знаю,— сказал Нортон.— По-моему, это нормально. Ведь хорошо стоять здесь и смотреть на дикую природу за рекой. И выбраться туда, побродить — тоже хорошо. Тишина, покой, торжественность какая-то... Хорошо, что у нас есть такое место.

— А мне плевать на это! — сказал парикмахер.— Я тебе говорю, все это мура: нас попросту дурят. Дурят все эти занюханные благодетели. У них, видите ли, душа болит; вечно они вопят, что мы должны, мол, помогать бедным, угнетенным краснокожим, должны беречь леса, не загрязнять воздух... Мне плевать на все, что они там болтают; краснокожим нужно обижаться только на себя. Они же все лентяи. Они все вместе не отработали честно ни одного нормального рабочего дня; ни одного на всех, это я тебе говорю. Только лежат и стонут. И вечно с протянутой рукой. Вечно кричат, что мы им должны. И сколько им ни дай — все мало; все кричат, что должны еще. А я говорю, что мы им ничего не должны, кроме хорошего пинка в их ленивую задницу. У них был шанс — они его не использовали. Слишком тупы были или слишком ленивы. Им же принадлежала вся эта чертова страна, до того как белые пришли, а они ничего хорошего не сделали из нее. А теперь мы заботимся о них; но чем больше для них делается — тем больше они хотят. Теперь уже не просят — требуют... Каждый из них только этим и занимается: требует что-нибудь такое, чего у него нет. А какое право они имеют требовать? Что они о себе возомнили? Вот запомни. Еще с этим делом не успеют покончить, как краснокожие из резервации потребуют отдать им всю северную Миннесоту, а может, и кусок Висконсина в придачу. Вот увидишь. В точности как сейчас в Блэк-Хилсе. Мол, Блэк-Хилс и Бигхорн принадлежат им; какие-то там, мол, договоры есть столетней давности или того больше. Мол, мы отобрали у них землю, и никаких прав на нее у нас нет. В Конгресс бумагу какую-то накатали, в суд подали — отдавайте, мол, Блэк-Хилс и Бигхорн. И теперь, чего доброго, какой-нибудь судья скажет, что у них и в самом деле есть права на те земли; а в Конгрессе полно умников, которые работают на них и твердят, что у них, мол, законные права... А белые вложили в эти земли годы труда и миллионы долларов, чтобы сделать из них что-нибудь стоящее! Когда там краснокожие хозяйничали, там только бизоны паслись.— Он взмахнул ножницами и добавил: — Вот погоди, увидишь. У нас то же самое будет.

— Беда с тобой, Джордж,— сказал Нортон.— Ты же фанатик.

— Можешь называть меня как хочешь,— ответил парикмахер.— Мы старые друзья, я не обижусь. Но я знаю, что прав. И не боюсь говорить вслух, что думаю. Когда ты называешь кого-нибудь фанатиком — это значит только, что вы с ним думаете по-разному. Тебе просто больше нечего сказать, и ты начинаешь обзываться.

Нортон не ответил. Парикмахер тоже умолк и принялся за работу.

Два квартала магазинов и деловых контор городка Лоун-Пайн дремали в предвечернем тепле. День был ясный, из тех, что бывают ранней осенью. Вдоль улицы стояло несколько автомашин. Три собаки исполняли ритуал взаимного приветствия, словно трое старых друзей, встретившихся на перекрестке. Стиффи Грант, оборванный местный бродяга, сидел возле дверей единственной в городке скобяной лавки на бочонке из-под гвоздей и старательно курил сигару; ему повезло — он нашел ее в канаве почти целой. Салли, официантка из Пайн-кафе, не спеша подметала тротуар перед своим заведением — так не хотелось уходить из-под теплого осеннего солнца. В конце восточного квартала показалась машина Кермита Джонса, банкира; он торопился на станцию обслуживания.

...Джерри Конклин, студент-лесоустроитель, заканчивавший Миннесотский университет, припарковывался у въезда на мост, который соединял берега Пайн-Ривер ниже городка. Джерри достал зачехленную удочку и начал ее собирать. Несколько месяцев назад он останавливался на станции обслуживания в Лоун-Пайне по дороге в лесничество, и ему сказали, что в заводи ниже моста попадаются форели — размеров невероятных. Будучи заядлым рыболовом, он не забыл разговора, но до сих пор ему не удавалось проверить, так ли это. Но сегодня, по дороге из лесничества, где он провел несколько дней, изучая экологию девственного соснового леса, он сделал крюк в несколько миль и завернул к этой заводи.

Взглянув на часы, он обнаружил, что времени осталось совсем мало, всего полчаса. У Кэти было два билета на симфонический концерт. Дирижировал какой-то гастролер — он забыл его имя,— и Кэти уже несколько недель с ума сходила, дожидаясь концерта. Он не очень любил такую музыку, но Кэти — другое дело; если он опоздает в Миннеаполис, к ней потом не подойдешь — обидится.

...А в парикмахерской Джордж говорил Нортону:

— Ты уже сдал на почту свои газеты? Хорошо, когда впереди свободная неделя.

— Ошибаешься,— ответил Нортон.— Это ж не просто — щелкнул пальцами, и газета готова, даже если она выходит раз в неделю. Надо собрать рекламные объявления, написать тексты, отредактировать, набрать, сверстать... Чтобы выпустить газету раз в неделю — всю неделю надо крутиться.

— Я все время удивляюсь — и чего ты здесь торчишь? — недоумевающе сказал Джордж.— Неужто некуда податься молодому газетчику вроде тебя? Да хоть бы в Миннеаполис подался; тамошние газеты за тебя ухватятся, только слово скажи.

— Ну, не знаю...— протянул Нортон.— Мне и здесь хорошо. Сам себе хозяин, собственное дело. Доход, правда, невелик, но хватает... У меня в Миннеаполисе есть друг, редактор, завотделом репортажа в «Трибьюн». Молод для этой должности, но управляется. Джонни Гаррисон...

— Могу спорить, что он бы тебя взял,— сказал Джордж.

— Может быть. Не знаю. Но первое время было бы трудно. Ведь надо же знать, как делается газета в большом городе. Но я про Джонни. Так вот, зарабатывает он, конечно, гораздо больше меня — завотделом, понятное дело,— но у него там свои трудности. Он, например, не может закрыть контору с обеда и пойти на рыбалку, как бы ему ни хотелось. Он не может взять выходной и наверстать недоделанное потом. У него дом заложен, куча долгов, семья уж больно дорого обходится. Ему приходится каждый день подолгу трястись в общественном транспорте, чтобы добраться на работу,— и так же назад, домой. И ответственность у него большая... И пьет больше нашего. Ему приходится делать очень много такого, чего делать не хочется; приходится встречаться с людьми, которых он не хочет видеть. Вкалывает с утра до ночи и еще тащит свои заботы домой...

— Конечно, тут есть свои недостатки,— кивнул парикмахер.— А в какой работе их нет?

...В стекло с тупой настырностью колотилась жужжащая муха. Стойка позади кресла была уставлена разнообразными бутылками; ими редко пользовались, и они давно превратились в украшение витрины. На стене над стойкой висело ружье тридцатого калибра.

Служащий бензоколонки вставил заправочный пистолет в бак подъехавшей машины и, обернувшись, взглянул на небо.

— Боже мой! Кермит, гляньте-ка, что это такое?!

Банкир посмотрел вверх.

Очень низко в небе висела какая-то большая черная штуковина. Она бесшумно парила в воздухе, медленно снижаясь и закрывая уже полнеба.

— Наверное, НЛО,— сказал служащий.— В первый раз вижу. До чего громадный. Боже мой! Никогда не думал, что они такие огромные.

Банкир не ответил. Он так испугался, что не мог ни говорить, ни пошевелиться.

Вдруг раздался крик Салли, официантки. Она бросила свою щетку и, беспрерывно вопя, кинулась бежать, сама не зная куда.

Стиффи Грант, удивленный криком, кое-как поднялся с бочонка, с трудом выбрался на улицу — и увидел черную громаду, висевшую в небе. Он так задрал голову, что потерял равновесие, которое было не слишком устойчивым: он только что прикончил бутылку самогона, который Эйб Паркер гнал где-то в лесу. Еще вчера бутылка была полной. Стиффи сделал несколько шагов назад — и уселся на середине улицы; потом ценой неимоверных усилий вернулся в вертикальное положение и тоже побежал. Сигара выпала у него изо рта, но он не стал подбирать ее — он о ней попросту забыл.

Парикмахер Джордж прервал работу и подскочил к витрине. Мимо в панике промчались Салли и Стиффи. Он бросил ножницы, подбежал к стене за стойкой, схватил ружье, зарядил его и кинулся к двери. Нортон поднялся с кресла.

— Что случилось, Джордж? В чем дело?

Парикмахер не ответил. Дверь за ним захлопнулась. Нортон распахнул дверь и вышел на тротуар. Джордж бежал вниз по улице, а заправщик с бензоколонки мчался ему навстречу.

— Туда, Джордж! Туда! — закричал он на бегу.— Оно там, возле реки!

Джордж ринулся напрямик через пустырь. За ним побежали Нортон и служащий бензоколонки, а Кермит Джонс, банкир, поспешал сзади, пыхтя и отдуваясь.

Нортон выбежал с пустыря на низкую насыпь из гравия, тянувшуюся вдоль берега. Черный ящик свалился прямо на мост. Он был огромным и закрыл собой весь мост, от одного берега до другого. В ширину ящик был поменьше. Черной громадой он высился над рекой... На первый взгляд, совершенно

гладкая продолговатая конструкция. Просто ящик. Такой черный, что подобного цвета Нортон никогда не видел.

Бежавший впереди парикмахер остановился, поднял ружье и прицелился.

— Стой, Джордж! — закричал Нортон.— Стой! Не надо!

Раздался выстрел — и почти в тот же миг из ящика, лежавшего поперек реки, возник луч ослепительного света. Он попал в Джорджа, тот вспыхнул, потом пламя пропало, и парикмахер мгновенно превратился в головешку, гротескный черный пень в форме человека. Ружье в его руках стало вишнево-красным и согнулось, ствол повис, словно вареная макаронина... А потом парикмахер Джордж упал на землю и рассыпался. Из кучки, уже не имевшей никакого сходства с человеком, потянулись кверху струйки вонючего дыма.

Глава 2

Лоун-Пайн

У Джерри Конклина клевало. Он дернул удочку, но на ней ничего не оказалось. Форель — а судя по всплеску, рыба была очень крупная — в последний момент сорвалась с крючка.

«Да,— подумал Джерри,— рыба здесь большая. Тот парень на бензоколонке правду сказал: в заводи форель что надо».

Сквозь деревья, растущие вдоль реки, ярко светило солнце. На воде, испещренной пятнами теней от листвы, плясали крошечные блики, отражаясь от мелкой ряби на поверхности заводи.

Конклин снова насадил муху и опять забросил удочку, целясь чуть дальше того места, где его только что постигла неудача.

Внезапно стало темно. Заводь поглотила тень, словно между ней и солнцем появился какой-то крупный объект.

Конклин инстинктивно пригнулся. Что-то ударило сверху по удочке; он ощутил рукой вибрацию и услышал треск ломающегося бамбука. «Бог ты мой,— подумал он,— восемьдесят долларов удочка, первая и единственная роскошь, какую я мог себе позволить».

Он оглянулся и увидел черный прямоугольник, падавший прямо на него. Прямоугольник ударил в берег позади, и он услышал звук ломающегося металла; это была его машина.

Выбираясь на берег, он споткнулся и упал на колени. Зачерпнул воды в болотные сапоги, выронил удочку... А потом, не понимая, что делает, бросился бежать по воде вдоль берега вниз по течению, спотыкаясь и скользя на гладких камнях. В сапогах было полно воды.

Одним концом черный прямоугольник обрушился на дальний берег. Заскрипели и затрещали деревья, раздался скрежет металла — это развалился мост. Оглянувшись назад, Джерри увидел, что в омуте плавают сломанные стволы.

Он не удивился происшедшему. В инстинктивном порыве поскорее убраться отсюда, в сумасшедшей сумятице мыслей не оставалось места удивлению. Он выбрался на солнечный свет и понял, что невредим. Высокие берега спасли его. А черный предмет лежал поперек реки, упираясь в берега, но не мешая течению.

Глубокое место кончилось, и Джерри шагнул в поток: ниже омута течение было быстрым. Здесь он оглянулся и впервые смог оценить размеры того, что упало поперек реки. Оно возвышалось над водой, словно многоэтажное здание. «Футов сорок,— подумал он,— а может, и все пятьдесят, а в длину раза в четыре больше».

Откуда-то издалека донесся резкий хлопок, вроде выстрела, и в тот же миг из одной точки на этой громадной черной массе вспыхнул ослепительный свет и погас.

«Боже мой,— подумал он,— удочка пропала, машину раздавило, я здесь застрял... А Кэти!.. Надо как-то выбраться отсюда и позвонить ей».

Джерри повернулся и стал карабкаться на крутой берег. Это оказалось нелегко. Сапоги мешали ему, но снять их он не мог: туфли были в машине, а машина, судя по всему, лежала теперь расплющенная под этой громадной штуковиной, упавшей на мост.

Что-то со свистом рассекло воздух, и его грудь обвило что-то, похожее на удавку. Непонятно, откуда взялась эта гибкая, тонкая штуковина — не то проволока, не то веревка. Джерри в панике попытался сбросить ее, но не успел ухватиться за нее, как его подняло вверх. Он увидел под собой реку и зелень вдоль берегов. Он хотел крикнуть, но веревка — или проволока, или что это было — так сжимала грудь, что он не мог вздохнуть.

Вдруг он очутился в темноте, и на груди уже не было той штуки, что тащила его. Он стоял на четвереньках. Под ним было что-то плотное — плотное, но не твердое, словно толстый, мягкий ковер.

Он стоял на четвереньках, скрючившись, стараясь побороть охвативший его страх. Во рту было горько, и он старался сглотнуть, затолкать горечь обратно. Казалось, кишки скрутились в твердый круглый клубок; он тщетно пытался немного расслабиться.

Поначалу вокруг было совсем темно, но вскоре Джерри стал различать слабый, странный, жутковатый свет, голубоватый, призрачный. Освещение, конечно, не из лучших, мутноватое, приходилось напрягать зрение, пытаясь хоть что-нибудь увидеть. Но все-таки здесь оказалось не совсем темно, а это означало, что он не ослеп.

Джерри поднялся на колени и попытался понять, куда попал. Это было не так просто: на фоне голубого мерцания беспрерывно сверкали какие-то вспышки, так быстро и мимолетно, что он не мог определить, ни какого они цвета, ни откуда исходят. При свете вспышек появлялись какие-то очертания, каких он никогда прежде не видел. «И самое странное,— подумал он,— что это только очертания». Между вспышками он все время видел нечто такое, что мог сопоставить с виденным прежде,— это были ряды каких-то круглых предметов. Поначалу он принял их за глаза; они поворачивались, следя за ним фосфоресцирующим взглядом, словно глаза зверей в ночной темноте, когда луч света застает их врасплох. Однако он почувствовал, что это не глаза и не из них исходил слабый, голубой, постоянный свет. Но глаза это были или нет — они непрерывно следили за ним.

Воздух вокруг был сухой и горячий, но в нем было необъяснимое ощущение влажной затхлости; быть может, дело было в запахе. Странный запах. Не сильный, не удушающий — но неприятный. Джерри никак не мог определить его. Казалось, он проникает сквозь кожу и пропитывает тело, становится частью существа. Это был не аромат и не запах гнили... Совершенно не похоже ни на что, с чем приходилось сталкиваться раньше.

«Дышать можно, но кислорода маловато»,— подумал он. Он заметил, что дышит очень глубоко и часто.

Сначала он подумал, что попал в какой-то туннель. Почему это пришло ему в голову, он и сам не знал; должно быть, потому, что, оглядевшись, он увидел вокруг обширное пространство, похожее на мрачную пещеру. Он попытался увидеть, что там вдали, но из этого ничего не получилось; голубой свет был тускловат, а непрерывное мерцание мешало смотреть.

Джерри медленно и осторожно поднялся на ноги, почти уверенный, что ткнется головой в потолок. Но оказалось, что можно стоять во весь рост.

Где-то в глубине сознания возникло слабое-слабое подозрение — но ему уж очень не хотелось с этим мириться, и он изо всех сил заталкивал это чувство назад, стараясь избавиться от него. Но мало-помалу, пока он стоял, оцепенев, в этом голубоватом мерцающем свете, подозрение росло и все больше овладевало им, он почувствовал, что вынужден будет его принять.

Внутренний голос говорил ему, что он находится внутри огромного черного ящика, упавшего поперек реки. Веревка — проволока, щупальце — вылетела из этого ящика. Схватив его, щупальце закинуло его сюда, пронеся каким-то образом сквозь стену,— и вот он здесь, внутри.

Сбоку раздался какой-то странный звук; не то глотал кто-то, не то шлепал... Вглядываясь в темноту, он понял, что звук доносился снизу. Он нагнулся, чтобы разглядеть получше,— это оказалась рыба; судя по форме и размеру, радужная форель. В длину она была дюймов шестнадцать, крупная... Он попытался взять ее, но она выскользнула из рук и снова забилась на полу.

«Ну,— сказал он себе,— давай-ка посмотрим на вещи трезво. Давай отойдем в сторонку и посмотрим, пристально и внимательно. Давай не будем спешить с выводами, а попробуем быть объективными.

Первое. С неба упало нечто большое и черное, свалилось на мост и, судя по звуку, который он слышал, раздавило его машину.

Второе. Он находится в месте, которое может оказаться внутри этой упавшей штуки. Скорее всего так оно и есть. Это место не похоже ни на что, когда-либо виденное.

Третье. Здесь не только он, но и рыба».

Он заложил эти пункты один за другим в компьютер своего мозга и постарался сопоставить их. Получалось, что он каким-

то образом оказался внутри космического пришельца, который собирает и исследует фауну не известной ему планеты.

Сначала он, потом рыба... А через какое-то время появятся, наверное, кролик, белка, енот, медведь, олень, рысь... «Скоро здесь соберется множество всякой живности,— подумал он,— повернуться негде будет».

Светящиеся кружочки, следившие за ним, могли быть рецепторами. Они, наверное, следили за ним и регистрировали каждое его движение, каждое колебание в мозгу, каждую эмоцию; они извлекали из него информацию и складировали где-то в ячейках памяти, с помощью какого-нибудь кода, описывали его химическими уравнениями, определяли, что он собой представляет и каковы его вероятный статус и предназначение в экологии этой планеты.

А может быть, этим занимаются не только те кружочки? Быть может, вспыхивающие огни и механизмы за ними тоже входят в ту же систему?

«Я могу и ошибаться»,— подумал он. Когда он сможет как следует подумать обо всем случившемся, он *обязательно* поймет, что ошибался... Но все-таки было лишь одно объяснение тому, что произошло. Он видел, как опустилась эта черная громада, его схватили и выдернули из реки, он помнил, как под ним бежала вода, когда его подбросило в воздух, помнил деревья вдоль берегов, помнил, как увидел городок Лоун-Пайн над рекой. Он четко помнил все это — а потом темнота, какое-то помещение, похожее на пещеру,— и больше ничего он не знал. Невозможно было представить ничего иного, кроме того, что он внутри черной штуковины, упавшей с неба на мост.

Если все на самом деле так, если он не ошибся, это значит, что объект, упавший с неба, живой или по крайней мере управляется кем-то живым; и не только живым, но и разумным.

Он с удивлением обнаружил, что изо всех сил инстинктивно сопротивляется этой мысли, потому что в контексте человеческого опыта было совершеннейшим безумием поверить, что какие-то пришельцы высадились на Земле и тотчас поймали его.

Джерри удивился, когда обнаружил, что весь его страх исчез. Вместо него в душе появился какой-то мрачный холод, который был, пожалуй, хуже, неприятнее страха.

«Разум,— подумал он.— Если здесь есть разум, то должен быть какой-то способ установить связь, взаимопонимание...»

Он попытался заговорить, но слова не шли с языка. Он постарался снова, на этот раз получилось, но только шепотом. Он попробовал еще раз — и его голос зазвучал громко, загудел в пустоте пещеры.

— Хэлло! — кричал он.— Есть здесь кто-нибудь? Есть кто-нибудь вокруг?

Он подождал, ответа не было. Он закричал снова, на этот раз громче, взывая к разуму, который должен был его услышать. Слова отдавались эхом, постепенно затихая. По-прежнему за ним следили кругляши, похожие на глаза. По-прежнему струился слабый свет. Но ответа не было. Ни от кого, ни от чего.

Глава 3

Миннеаполис, Миннесота

Кэти Фостер сидела за машинкой в отделе новостей и печатала очерк. До чего бестолковый очерк, до чего бестолковый народ! И какого черта Джонни послал ее туда? Ведь были же другие задания, где не пришлось бы иметь дела ни с придурочной чушью, ни со слащавым мистицизмом, от которого ее тошнило. «Любящие»... Так они называли себя. У нее до сих пор стояла перед глазами их дремотная невинность во взгляде, а в ушах звучали мягкие, вкрадчивые, напыщенные слова.

Любовь — это все, любовь все побеждает, любовь всеобъемлюща... Тьфу! Все, что должен делать человек,— это любить кого-нибудь или что-нибудь, долго и сильно, и тогда любовь вернется. Любовь — величайшая сила Вселенной, вообще единственное, о чем стоит говорить, любовь — альфа и омега всего сущего. И отзываться на любовь должны не только люди, не только живое. Если ты полюбишь что бы то ни было — будь то вещество какое-нибудь или энергия,— оно вернет тебе твою любовь и сделает для тебя все, что ты захочешь, вплоть до нарушения всех эмпирических законов — на самом деле этих законов, может быть, и не существует, сказали они ей,— сделает все, что захочешь: пойдет куда угодно, останется где угодно. Независимо от того, возможно это или нет, с обычной точки зрения. Но, чтобы достичь этого, надо постараться понять живое существо, или вещество, или энергию и полюбить так, чтобы тебя заметили, чтобы могли ответить на твою любовь.

Все это ей рассказывали торжественно, излучая глазами невинность. Сейчас вся беда в том, объясняли они, что нет достаточного понимания. Но понимание можно приобрести через любовь. Если любовь будет достаточно сильна и глубока, чтобы принести понимание, то человек на самом деле станет властелином Вселенной. Но такое владычество не должно быть самоцелью, оно должно усовершенствовать понимание и усилить любовь ко всему, из чего состоит Вселенная.

«Чертов университет,— подумала Кэти,— настоящий инкубатор для таких вот чокнутых — или жуликов? — которые изо всех сил ищут какой-то смысл в совершеннейшей бессмыслице. И занимаются этим, чтобы просто уйти от реальности».

Она посмотрела на стенные часы. Уже почти четыре, а Джерри до сих пор не позвонил. Он обещал, что позвонит, когда поедет в город. Если они опоздают на концерт по его вине, она с него скальп снимет. Ведь он же знает, как она ждала этого концерта, несколько недель о нем мечтала. Конечно, Джерри не очень любит такую музыку — но ради нее может он хоть раз сделать то, что ей хочется, даже если ему придется мучиться весь вечер? Она для него многое делала; ходила туда, куда вовсе не хотелось. Но она же ходила, раз он так хотел... Боже праведный, даже на соревнования по борьбе ходила, по борьбе!

«Странный он человек,— думала Кэти,— странный, временами просто невыносимый... но все равно славный парень. Вечные его деревья! Джерри просто живет ради них. Господи, как может взрослый человек так зациклиться на деревьях? Бывает страсть к цветам, к зверям, к птицам... У Джерри это деревья. Малый просто спятил от своих деревьев. Он их любит, он их как будто понимает; иногда даже кажется, что он с ними разговаривает».

Она выдернула из машинки законченную страницу, вставила чистый лист и снова забарабанила по клавишам, кипя от негодования. Когда она сдаст очерк, то попросит Джонни засунуть его в ящик поглубже, а еще лучше — выкинуть в мусорную корзину, не то кто-нибудь его разыщет, когда для газеты будет не хватать материала.

У противоположной стены сидел за столом Джон Гаррисон, завотделом репортажа, и оглядывал кабинет. Большинство столов пустовало, и он вспоминал, кто где. Фримен — на собрании комиссии по делам аэропорта; там, скорее всего, ничего интересного не произойдет, но из-за всей этой суматохи вокруг

новых взлетно-посадочных полос редакция новостей просто обязана была послать туда своего человека. Джей — в Рочестере, в клинике Майо, где разработали какой-то новый способ лечения рака. Кэмпбелл до сих пор торчит в муниципалитете, в комиссии по благоустройству; там сегодня разговор о парках; тоже, наверное, ничего интересного, как и в аэропорту. Джонс в Южной Дакоте, по поводу индейских требований в отношении Блэк-Хилса, собирает материал для воскресного выпуска. Найт на суде по поводу убийства Джонсона. Уильямс в пригородном поселке Уэйзате, интервьюирует ту старую деву, которая хвасталась, что ей 102 года (наверное, все-таки поменьше). Слоун увяз в Уиноне, там у них нефть разлилась.

«Боже,— подумал Гаррисон,— что я буду делать, если вдруг появится что-нибудь стоящее, на большой материал?» Впрочем, он знал, что это маловероятно. С самого утра день был неудачный, и улучшения не предвиделось.

— Что получается из бюджета, Джим? — спросил он у своего помощника Джима Гоулда.

Гоулд посмотрел на лист бумаги в своей машинке.

— Маловато,— сказал он.— Здесь немного, Джонни. Действительно, совсем немного.

Зазвенел телефон. Гоулд взял трубку.

— Это тебя, Джонни. Вторая линия.

Гаррисон поднял трубку и нажал кнопку.

— Гаррисон.

— Джонни, это Фрэнк Нортон. Из Лоун-Пайна, помнишь?

— Конечно, Фрэнк! — обрадовался Гаррисон.— Хорошо, что ты позвонил. Я только вчера разговаривал здесь с друзьями о тебе. Рассказывал, как ты замечательно устроился. Сам себе хозяин, форель под боком, почти прямо в городе... Если я на днях подрулю к тебе порыбачить — как ты?

— Джонни,— сказал Нортон,— кажется, у меня есть кое-что для тебя.

— Похоже, ты взволнован, Фрэнк. Что случилось?

— Очень может быть, что к нам тут пришелец из космоса прилетел. Я пока не уверен...

— Кто к вам прилетел?! — Гаррисон подпрыгнул в кресле.

— Не знаю,— сказал Нортон.— Что-то свалилось с неба, очень большое. Упало поперек реки. От моста ничего не осталось, снесло начисто.

— Оно еще там?

— Там. Сидит, где село десять — пятнадцать минут назад. Огромное. Огромное и черное. Город на ушах стоит, все в панике. Один человек убит.

— Убит? Как убит?

— Он выстрелил в эту штуковину. А она выстрелила в него. Спалила его дотла. Я видел, как это случилось. Он еще стоял, а из него дым валил.

— Боже мой! — воскликнул Гаррисон.— Вот это материал! Как снег на голову.

— Джонни,— сказал Нортон.— Я еще не знаю, что происходит. Это произошло недавно, тут пока трудно что-нибудь понять. Я думал, может, ты захочешь прислать кого-нибудь, сфотографировать.

— Слушай, Фрэнк,— сказал Гаррисон,— я тебе скажу, что собираюсь делать. Я сразу же этим займусь. Но сначала ты расскажешь кому-нибудь из моих ребят все, что знаешь, со всеми подробностями. Все, что произошло. А потом трубку не вешай. Я раздобуду фотографа и еще чего-нибудь придумаю.

— Хорошо. Буду на проводе.

Гаррисон прикрыл ладонью трубку и протянул ее Гоулду.

— Это Фрэнк Нортон,— сказал он.— Хозяин и редактор еженедельной газеты в Лоун-Пайне, мой старый друг, вместе в школе учились. Он говорит, у них там что-то свалилось с неба. Один человек погиб. Свалилось минут пятнадцать назад или около того. Ты сейчас запиши все, что он расскажет, а потом попроси, чтобы подождал меня у телефона. Мне надо еще с ним поговорить.

— Хорошо,— сказал Гоулд.— Запишу.— Он взял трубку.— Мистер Нортон, я Джим Гоулд, помощник редактора...

Гаррисон повернулся на стуле к Энни Даттон, секретарю редакции.

— Энни, свяжись с ребятами в аэропорту. Узнай, можно ли заказать спецрейс, вылет немедленно. Лететь — куда же лететь, черт возьми, чтобы попасть в этот Лоун-Пайн?

— Бемиджи,— сказала Энни.— Это ближе всего.

— Отлично. Значит, потом свяжешься с Бемиджи и закажешь машину напрокат. Попозже мы им еще раз позвоним и уточним время, а пока организуй в принципе.

Энни принялась крутить телефонный диск.

Гаррисон поднялся со стула, оглядел редакцию и ужаснулся тому, что увидел.

В одном углу, углубившись в свою писанину, сидел Финли — совершеннейший щенок, в худшем смысле этого слова, у него еще молоко на губах не обсохло. Сэндерсон — немногим лучше, и никак ее не отучить от манеры вечно острить, где не надо. «Господь свидетель,— подумал он,— в один прекрасный день ей придется поменять свое поведение или оказаться на улице». Джемисон? Нет, слишком туго соображает. Когда надо глубоко копать — незаменимый человек, но для горящего материала не годится.

— Кэти! — закричал он.

Удивленная Кэти прекратила печатать, поднялась и пошла к редакторскому столу, стараясь выглядеть спокойной. Джерри до сих пор не позвонил, а очерк казался ей чем дальше, тем глупее. Если придется пропустить концерт!..

Гоулд «висел» на одном телефоне — слушал, иногда вставлял словечко, беспрерывно стучал на машинке, делал пометки, Энни занимала другой... Гаррисон снова сел за стол и поднял трубку, набрал номер.

— Это Гаррисон,— сказал он.— Нам нужен хороший фотограф. Кто у вас там под рукой? Где Аллен? Это командировка. Важная. Срочность чрезвычайная.— Какое-то время он слушал.— О, черт побери! Значит, Аллена нет? У нас такая работа, что нужен как раз он. Где он? Вы можете с ним связаться? — Снова пауза.— Ой, верно, я забыл, что он в отпуске. Ладно. Присылайте его.

Он положил трубку и повернулся к Кэти.

— У меня есть кое-что для тебя.

— Не сейчас,— сказала она.— Не сегодня. Сегодня никаких сверхурочных, я уже почти весь день отработала. И у меня билеты на концерт. Симфонический.

— Боже мой, девочка, это может быть очень важно! Самое важное задание в твоей жизни! Может быть, это первый пришелец из космоса...

— Пришелец из космоса?

— Ну, может быть. А может, и нет. Мы пока не знаем...

Гоулд протянул ему трубку.

— Минутку, Фрэнк. Подожди. Я сейчас.

— Самолет будет ждать,— сказала Энни.— Готовый к вылету. И машина в Бемиджи.

— Спасибо,— сказал Гаррисон и повернулся к Гоулду.— Что у тебя?

— Отличный материал. Солидный. Масса фактов, море подробностей. Звучит очень впечатляюще. Что-то у них там спустилось с неба.

— Стоит туда поехать?

— По-моему, да,— сказал Гоулд.

Гаррисон повернулся к Кэти.

— Мне очень не хочется тебя просить, Господь свидетель, но больше никого нет. Нет никого, все заняты. Ты с Уайтом полетишь в Бемиджи. Там вас будет ждать машина. Очерк свободный, это я тебе обещаю. Пиши, что хочешь. Вы должны быть в Лоун-Пайне часам к шести, даже раньше. До восьми позвони. Тогда мы успеем сделать первый выпуск с твоим материалом.

— Хорошо,— сказала Кэти.— Если ты купишь мои билеты на концерт. Ни за что не соглашусь туда лететь, да еще и платить за это.

— Ладно, я их покупаю,— сказал Гаррисон.— Как-нибудь спишу эти деньги на расходы редакции. Сколько?

Он вытащил из кармана кошелек.

— Тридцать.

— Не многовато? Ведь ты заплатила меньше.

— Это как раз столько, сколько ты заплатил бы сегодня. Места хорошие.

— Ладно, ладно,— согласился он, отсчитывая банкноты.

— А если позвонит Джерри Конклин, пусть кто-нибудь ему расскажет, что произошло. Мы с ним должны были встретиться вечером. Обещаешь?

— Обещаю,— сказал Гаррисон, отдавая ей деньги. Он взял со стола трубку.— Извини, Фрэнк, у меня тут были срочные дела. Ты слушаешь? Мои люди будут у тебя около шести. Я им велел найти тебя. Но как это получилось? Ведь у тебя своя газета. Зачем отдавать все это нам?

— Моя газета сегодня вышла,— сказал Нортон.— Следующий номер только через неделю, а такие новости ждать не могут. Я хочу, чтобы ты был здесь первым. Несколько минут назад в город прибыли две патрульные машины полиции штата. Больше ничего нового.

— Ты сможешь держать нас в курсе дел, пока мои не доберутся? — спросил Гаррисон.— Если что-нибудь случится, позвони.

— Обязательно,— ответил Нортон.

Глава 4

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

День выдался трудный. На послеобеденном брифинге газетчики накинулись на него, словно хотели сожрать живьем. Вопросы главным образом касались требований Ассоциации коренных американцев вернуть объединенным племенам Блэк-Хилс в Южной Дакоте и район Бигхорн в Монтане, хотя было довольно много шума и по поводу энергетической ситуации, особенно в связи с предложениями правительства о развитии солнечной энергетики в юго-западной пустыне и его запросом о выделении крупных сумм для разработки криогенных систем передачи электроэнергии. Журналисты бушевали, возмущенные неудовлетворительными ответами. «Но это,— сказал себе Дейвид Портер,— в порядке вещей». В последние несколько месяцев он внушал представителям прессы то ярость, то отвращение. И теперь он каждый день ждал, что какие-нибудь объединения прессы потребуют его отставки.

...В телетайпном зале висела тишина, почти не нарушаемая стрекотанием аппаратов, стоявших вдоль стены. Они словно переговаривались между собой, беспрерывно выплевывая мировые новости. Маршия Лэнгли, его помощница, уже собиралась уходить: рабочий день кончался. На селекторе впервые за весь день погасли мигающие лампочки. Было время сбора информации. Последние вечерние газеты уже ушли в типографии, в редакциях утренних готовили материал.

В помещение стали вползать тени. Портер протянул руку и включил настольную лампу. При ярком свете на столе обнаружилась такая груда бумаг, что он застонал. Настенные часы показывали почти 5.30. Он обещал заехать за Элис в 7.30, так что времени на бумажную работу оставалось совсем немного. Кто-то из подруг Элис нашел в Мэриленде новый ресторан, и Элис вот уже несколько недель время от времени вспоминала об этом. Нынче вечером они собирались поехать туда. Он потянулся в кресле и подумал об Элис Дэйвенпорт. Ее старик, сенатор, никогда не проявлял к Портеру особой симпатии, но и не возражал, чтобы они встречались. «Ну что ж, молодец старый сыч,— подумал Портер,— это его украшает». А Элис — замечательная девушка, даром что у нее такой отец. Красивая, умная, веселая, образованная, много знает, собеседница отличная... Один только недостаток: вечно она влезает в какие-

нибудь общественные проблемы, и тогда у нее нет других тем для разговора, кроме очередного увлечения. Как раз сейчас она носилась с требованием индейцев вернуть Блэк-Хилс и Бигхорн и страстно доказывала, что надо их отдать объединенным племенам. Несколько месяцев назад были черные в Южной Африке. «Все это,— угрюмо подумал Портер,— от слишком прилежного изучения никудышных дисциплин». Впрочем, она не всегда садилась на своего конька; может быть, и сегодня не будет. В последние несколько месяцев они провели вместе не один хороший вечер; когда она снимала свой плащ крестоносца — становилась отличной подругой, лучшей не пожелаешь.

«Так,— подумал он,— если сейчас навалиться, то где-то через полчаса удастся хоть чуть-чуть разгрести этот завал на столе». Быстрее не выйдет. Но полчаса — нормально. Еще останется время заехать домой, принять душ, побриться и переодеться. Хоть раз в жизни он приедет к Элис вовремя. Но прежде всего надо выпить кофе.

Портер встал и пошел через зал.

— Ты не знаешь,— спросил он Маршию,— у нас кофе не остался?

— Должно быть, остался,— ответила она.— Там и сандвичи могут быть, но уже зачерствели, наверное.

— Кроме чашки кофе мне ничего не надо,— проворчал он.

Он дошел до середины зала, как вдруг один из телетайпов ожил. Громко и требовательно зазвенел звонок, словно требуя внимания.

Портер повернулся и быстро пошел назад. Это был телетайп Ассошиэйтед Пресс. Он подошел к телетайпу и склонился над ним, опершись на аппарат руками. Принтер тянул по бумаге линию сводки новостей. Потом пошло:

«Экстренное сообщение. В Миннесоте с неба спустился крупный неизвестный объект».

Телетайп умолк, принтер еще дрожал.

— Что это такое? — спросила Маршия. Она стояла у него за спиной.

— Не знаю,— ответил Портер.— Должно быть, метеорит.

— Ну, давай, давай, пиши дальше! — обратился он к телетайпу.— Расскажи, что там такое.

На его столе заверещал телефон.

Маршия подошла и взяла трубку.

— Хорошо, Грейс,— сказала она.— Я ему передам.

Телетайп снова ожил.

«Может быть, что сегодня у городка Лоун-Пайн в Северной Миннесоте приземлился первый пришелец из дальнего космоса...»

Рядом раздался голос Маршии:

— Грейс звонила. Президент хочет тебя видеть.

Портер кивнул и отвернулся от машины. В это время застучали остальные телетайпы, но он вышел из зала, спустился по лестнице и пошел дальше по коридору.

Когда он вошел в приемную, Грейс показала головой на дверь.

— Заходи. Он тебя ждет.

— В чем дело, Грейс?

— Я толком не знаю. Он сейчас разговаривает с начальником штаба. Что-то о новом спутнике, который только что обнаружили.

Портер прошел через приемную к двери, постучал, потом повернул ручку и вошел.

Президент, Хэрберт Тэйн, только что положил телефонную трубку. Он указал Портеру на кресло.

— Это был Уайтсайд,— сказал он.— Рвет и мечет. Похоже, что станции слежения обнаружили на орбите что-то новенькое. Если верить генералу, оно такое огромное, что просто жуть берет. Он говорит, это не наше. И очень не похоже на советское. Слишком велико. Ни нам, ни им вытащить такое на орбиту не под силу. Нет таких носителей. Седой на ушах стоит.

— Что-нибудь из космоса? — спросил Портер.

— Этого Седой не сказал. Но именно это у него на уме. Он уже готов заварить страшную кашу. Он появится у нас, как только доберется сюда.

— Что-то не то упало, не то приземлилось — я пока не знаю — на севере Миннесоты,— сказал Портер.— Когда вы позвонили, как раз пошла информация по телетайпу.

— Ты думаешь, это как-то связано?

— Не знаю. Об этом еще рано говорить, мы еще не знаем, что произошло в Миннесоте. Я видел только начало сообщения. Может быть, это всего лишь крупный метеорит. В любом случае что-то там с неба свалилось.

— О боже! Дейв, у нас и без того забот хватает,— сказал президент.

— Совершенно с вами согласен, сэр,— кивнул Портер.

— Как прошел брифинг?

— Они обложили меня, как волка. В основном Блэк-Хилс и положение в энергетике.

— Но ты удачно отделался от них?

— Сэр, у меня работа такая. Я честно зарабатываю свои деньги.

— Да,— сказал президент.— Я в этом не сомневаюсь. И, думаю, это нелегко.

Раздался стук, дверь приоткрылась, и в кабинет заглянула Грейс, размахивая листом бумаги, сорванным с телетайпа.

— Маршия принесла мне вот это...

— Дай сюда,— приказал президент.

Она подошла к шефу и отдала ему бумагу. Он быстро прочитал и перебросил лист через стол Портеру.

— Совершеннейшая бессмыслица,— пожаловался он.— Большой черный ящик сидит на мосту. Метеорит может быть большим и черным ящиком, как ты думаешь?

— Вряд ли,— сказал Портер.— Метеорит рухнул бы с ужасным шумом. И кратер вырыл бы огромный.

— И все что угодно,— заметил президент,— тоже рухнуло бы с шумом и вырыло бы кратер. Что бы ни упало. Скажем, сломавшийся спутник.

— Я себе именно так и представляю,— сказал Портер.— Они должны падать быстро и делать воронку. Если большие, конечно.

— Этот вроде большой...

Они смотрели друг на друга через стол.

— Так ты думаешь...— начал президент, но замолчал, не договорив.

На президентском столе загудел аппарат внутренней связи. Президент нажал кнопку.

— В чем дело, Грейс?

— Это генерал Уайтсайд.

— О'кей, соедини.

Прикрыв трубку рукой, он сказал Портеру:

— Должно быть, Седой услышал об этом происшествии в Миннесоте.

Он произнес в трубку несколько слов, потом сидел, слушал. Человек на том конце линии говорил быстро и возбужденно.

Наконец президент сказал:

— Ну хорошо. Давайте не будем паниковать. Если появится что-нибудь новое, дайте мне знать.— Он положил трубку и повернулся к Портеру.— Он в это верит. Ему позвонил кто-то из Национальной гвардии Миннесоты. Сказал, что штуковина опустилась и села. Это не авария, а приземление. Она еще там, размером с порядочное здание, совершенно черная, похожа на большой ящик.

— Интересно,— сказал Портер.— Все называют ее большим ящиком.

— Дейв,— спросил президент,— что мы предпримем, если окажется, что это на самом деле пришелец из космоса?

— Будем импровизировать,— ответил Портер.— Будем действовать по обстоятельствам. Только не паниковать и не дергаться.

— Позарез нужны факты. И срочно.

— Конечно. Кое-что мы узнаем из информационных телеграмм. Надо забросить туда исследовательскую группу, и как можно скорее. Связаться с ФБР в Миннеаполисе.

— Район надо оцепить,— добавил президент.— Нельзя допустить, чтобы туда хлынули толпы любопытных.— Он нажал кнопку внутренней связи.— Грейс, дайте мне губернатора в Сент-Поле.— Потом посмотрел на Портера.— Чего я боюсь, так это паники.

Портер взглянул на часы.

— Через час, даже меньше, пойдут первые вечерние информационные программы по телевидению. Может быть, уже сейчас дают экстренные сообщения. Новость разлетится очень быстро. У меня, наверное, все телефоны трезвонят. Всем нужно знать реакцию Белого дома. Хотя они сами, наверное, знают больше нас.

— Маршия еще там?

— Она чуть не ушла, но теперь наверняка там. И не уйдет, на нее можно положиться, профессионал.

— Нам может понадобиться какое-нибудь заявление.

— Пока нет,— сказал Портер.— Не надо торопиться, не будем стрелять навскидку. Надо сначала узнать побольше...

— Надо сказать что-нибудь людям. Чтобы они знали: мы делаем все возможное.

— Сейчас им будет не до нас,— сказал Портер.— Их пока будет интересовать не то, что делаем мы, а что происходит там. Слишком ошеломляющая новость.

— Может быть, собрать брифинг?

— Может быть. Если к утру будет что сказать. Если я правильно понял, об этом непонятном объекте никто не знает, кроме Уайтсайда и нас с вами. Ну и наблюдатели, разумеется; но они болтать не станут.

— Все равно это станет известно,— сказал президент.— Рано или поздно все вылезает.

— Я бы хотел, чтобы люди узнали о происшедшем от нас,— сказал Портер.— Ни к чему создавать впечатление, будто мы что-то утаиваем. Об этом уже много лет кричат поклонники НЛО. Что от них информацию засекречивают.

— Согласен,— сказал президент.— Наверное, лучше, чтобы ты созвал брифинг. Иди и начинай. А потом приходи назад. У меня могут быть люди, но ты заходи сразу, как только освободишься. К тому времени может появиться еще какая-нибудь информация.

Глава 5

Лоун-Пайн

Рыба куда-то пропала. Кролик ускакал было в темноту, а теперь возвращался, осторожно, не спеша, принюхиваясь. «Бедный кролик озадачен,— подумал Джерри,— наверное, размышляет, куда он попал и что за лужайка такая странная». Енот пытался раскопать пол, шумно нюхал его... Ондатра исчезла.

Джерри уже предпринял осторожное исследование, стараясь не слишком удаляться от того места, куда его забросило, чтобы иметь возможность возвратиться. Однако он ничего не обнаружил. Стоило приблизиться к одной из теней, что возникала в мерцающем свете,— и тень тут же исчезала, отодвигаясь от него и растекаясь по плоскому полу. Он присмотрелся к кругляшам, которые принял за глаза. Поначалу ему показалось, что они расположены на какой-то стене, но теперь выяснилось, что это не так: они словно висели в воздухе. Он попробовал коснуться их рукой — не получилось. Рука прошла насквозь, ничего не ощутив при этом, а «глаза» по-прежнему висели, излучали все тот же мягкий свет и следили за ним.

Джерри показалось, что он видит немного лучше; быть может, потому, что глаза уже привыкли к слабому неровному освещению.

Несколько раз Джерри пытался заговорить. С кем — он и сам не знал. Но ощущал чье-то невидимое присутствие. Однако никакого ответа не было. Не было ни малейшего признака, что его услышали, что кто-нибудь, или что-нибудь, вообще знает о его присутствии. Вот только это чувство, что за тобой непрерывно следят... У него не было ощущения, что предполагаемый наблюдатель враждебен, угрожает чем-то — любопытствует, не более. Загадочный запах не исчезал, но он уже успел привыкнуть и почти не обращал внимания на него.

Как ни странно, страха он больше не испытывал, и дурные предчувствия оставили его. Вместо них пришли фаталистическое оцепенение и удивление, что такое могло произойти. «Почему,— спрашивал он себя,— это невероятное происшествие случилось именно со мной?» Время от времени он вспоминал о Кэти и концерте, но изменить что-либо был не в силах, и тогда эти мысли вытеснялись более насущными, о его нынешнем положении.

Временами он ощущал какое-то движение, словно вся конструкция, ставшая его тюрьмой, куда-то перемещалась. Пару раз она закачалась и задергалась, будто пришла в движение. Однако Джерри остался спокоен. «Вероятно,— думал он,— это просто реакция организма на непривычные условия».

Но самое главное, он не мог определить, что это — конструкция или организм? Это было непонятно как в тот момент, когда «оно» свалилось с неба, так и теперь. Может быть, это машина, запрограммированная на приспособление к любым условиям и ситуациям. Но что-то в ней казалось живым. Он не знал почему, но инстинктивно чувствовал.

Несмотря на то что никаких доказательств не было, Джерри все больше и больше утверждался в мысли, что за ним наблюдает живое существо, некий разум. Едва приземлившись, пришелец из космоса тут же начал исследовать жизнь на незнакомой планете; человек, кролик, рыба, енот, ондатра... Джерри не сомневался, что по этим пяти экземплярам можно получить какую-то предварительную информацию, а может быть, даже общее представление о принципах эволюции земной жизни.

«Да, "оно" живое,— решил он.— Огромный черный ящик — живое существо». Почему он так решил, он и сам не знал; такая убежденность показалась ему странной. Он пытался разобраться, откуда это пришло,— и вдруг словно чей-то голос прозвучал, точно в мозгу сверкнула молния прозрения — пришло

и новое знание: «это» похоже на дерево. «Да,— подумал он,— в нем ощущается то же самое, что я чувствую в любом дереве». Мысль была нелепой, черный ящик не имел ничего общего с деревом, но ощущение не проходило: штуковина, в которую он попал, чем-то похожа на дерево.

Он постарался избавиться от этой мысли, выкинуть ее из головы — уж больно дурацкой, даже сумасшедшей она казалась,— но не смог. Мало того, к ней присоединилась еще одна, тоже ниоткуда: какая-то расплывчатая мысль о доме. Что означала сия новая идея, он не понимал. Значит ли это, что здесь он дома? Такое предположение возмутило его. Ну уж нет! Что угодно, только не дом.

Он стал размышлять, каким образом возникла такая странная мысль. Может быть, некая чужая жизнь — если это жизнь — пытается связаться с ним? И внушает ему разные представления, пытаясь навести мост между разными интеллектами? Если дело обстоит так — а в это трудно было заставить себя поверить,— что имел в виду пришелец? Какая связь между деревом и домом? На что «оно» рассчитывает, внушая такие идеи? Какие ассоциации ему нужны?

Размышляя, он заметил, что все больше и больше свыкается с мыслью, что черный ящик — пришелец из космоса, причем не только живой, но и разумный.

Почва для такого предположения была подготовлена давно. Уже много лет говорили и писали о том, что в один прекрасный день на Земле может появиться какой-нибудь представитель внеземной цивилизации; гадали, что произойдет при этом, какова будет реакция серой, безграмотной толпы. Так что идея была не нова; за долгие годы она успела овладеть общественным сознанием.

Прыг, прыг... кролик приблизился вплотную. Прижавшись к полу, вытянул шею и понюхал носки болотных сапог. Енот прекратил свои попытки расковырять пол и вразвалочку убежал. Ондатра не возвращалась.

«Братья наши меньшие,— подумал Джерри,— братишки мои, попали вы вместе со мной в утробу к этому чужому существу, которое считает нашу Землю чужой планетой — и вот изучает нас...»

Внезапно что-то обвилось вокруг него. Его оторвало от пола и швырнуло в стену, но он не ударился о нее. В стене приоткрылась щель, и он вылетел наружу.

Теперь он падал. В темноте почти ничего не было видно, но он различил под собой что-то темное и закрыл лицо руками. Он рухнул на дерево; ветви торчали кверху, но оказались гибкими и смягчили падение. Он вытянул одну руку, пытаясь за что-нибудь ухватиться, а другой по-прежнему закрывал лицо. Под руку попалась какая-то ветка, он схватился за нее, но она согнулась. Тогда он вытянул другую руку, уцепился за толстый сук и смог удержаться.

Какое-то время Джерри висел, раскачиваясь, на суку и жадно вдыхал знакомый аромат соснового леса. Дул несильный ветер, и вокруг слышалось нежное шептание хвои.

Он был счастлив: наконец-то ему удалось выбраться из этой штуковины. «Хотя,— подумал он,— "выбраться" — это совсем не то слово». Ведь его попросту выкинули. Они — или оно — взяли от него все, что было нужно, и вышвырнули его вон. Наверное, еще раньше точно так же выкинули рыбу, а скоро выкинут и всех остальных: кролика, енота и ондатру.

Глаза немного привыкли к темноте, и он осторожно пополз по суку к стволу дерева. Обхватив ствол руками и ногами, он решил немного отдохнуть. Ветви были так густы, что Джерри не имел ни малейшего представления, на какой высоте находится, земли не было видно. «Не очень высоко,— подумал он,— ведь я падал из ящика высотой около сорока футов, еще сколько-то пролетел по воздуху, пока не свалился на дерево».

Он начал медленно спускаться. Это оказалось нелегко, особенно в темноте, приходилось пробираться между многочисленными ветвями. «Дерево,— решил он,— не слишком большое, невысокое. Ствол около фута в диаметре, хотя книзу становился потолще».

Наконец он коснулся ногами чего-то твердого, от неожиданности колени у него подогнулись. Он пощупал ногой поверхность, чтобы убедиться, что это на самом деле земля, потом отпустил ствол и стал пробираться сквозь чащу.

Он пытался увидеть хоть что-нибудь, но темнота была слишком густая. Он помнил, что оставил машину где-то рядом, недалеко от дороги, и очень удивился, даже испугался, обнаружив, что понятия не имеет, куда идти.

Он прошел чуть-чуть, надеясь выбраться на открытое место, где можно было бы хоть что-нибудь увидеть. Но не прошел и нескольких футов, как снова запутался в ветвях какого-то дерева. Попробовал в другом направлении — то же самое. Он при-

пал к земле и стал всматриваться вверх, надеясь разглядеть очертания штуковины, упавшей с неба, но ничего не увидел.

Он подумал, что отсюда должны быть видны огни городка. Но как ни старался — не заметил ни единого огонька, хоть Лоун-Пайн не мог быть далеко. Он решил сориентироваться по звездам — но их тоже не было: то ли небо затянуло, то ли лес был слишком густой.

«Боже,— подумал он,— это ж надо заблудиться в лесу в какой-нибудь миле от города! Какой-никакой, но все-таки город...» А он сидит тут, скрючившись от холода, и не знает, куда идти.

Стало холодно. И к утру еще похолодает, так что ночевать в лесу, дожидаясь рассвета,— удовольствие небольшое. «Можно было бы разжечь костер»,— подумал он, но вспомнил, что у него нет спичек. Он не курил, а потому никогда не носил с собой спички. «Однако холод — это еще не все,— сказал он себе.— Надо как-то добраться до телефона и как можно скорее. Надо позвонить Кэти и объяснить, что его задержало. Она там, наверное, с ума сходит».

Он вспомнил правило для заблудившихся: двигайся под уклон. Двигаясь под уклон, обязательно доберешься до какой-нибудь воды, а вода рано или поздно приведет к людям. Отсюда он может выйти к реке, а по берегу реки — на дорогу. Или можно попробовать перебраться через реку — тогда он окажется совсем рядом с Лоун-Пайном. В этом было мало привлекательного — реку он не знал, и попытка может оказаться опасной, если он попадет в омут или на стремнину.

А вдруг он сможет найти штуковину, в которой сидел? Если это удастся — можно найти дорогу, ведущую к мосту. Да, но реку все равно не удастся перейти, ведь моста больше нет. А может быть, это чудо так и лежит на мосту? Ему казалось, что он ощущает ее присутствие, но он не был в этом уверен.

«Я должен быть совсем рядом с этим ящиком»,— подумал Джерри. Его не могло выкинуть оттуда слишком далеко. Он был твердо уверен, что ящик где-то совсем рядом, не дальше тридцати футов.

И он пошел — точнее, попытался пойти. И никуда не пришел. Он натыкался на деревья, путался в ветвях и кустарнике, спотыкался о валежник... Он не мог пройти в одном направлении больше нескольких футов. Он совершенно заблудился и понятия не имел, где находится.

Устав от бесплодных попыток, он сел на землю, прижавшись спиной к стволу ели. Ее нижние ветви росли совсем рядом с землей, и он сидел, словно в низкой палатке. «Боже,— подумал он,— никогда бы не поверил, что можно так заблудиться в темноте».

Отдохнув немного, он встал и снова двинулся наугад. Временами он спрашивал себя: не пора ли бросить это бесполезное занятие, устроиться где-нибудь под елью и дождаться рассвета? Но не мог заставить себя сделать это: ведь каждая попытка могла оказаться счастливой... Вдруг он найдет черную штуковину, или дорогу, или что-нибудь еще, что подскажет ему, где он находится.

И тут он обнаружил тропинку. Он не рассчитывал найти тропинку, но это было лучше, чем ничего, и он решил держаться ее. Тропинка — или чей-то след — наверняка выведет его куда-нибудь, если только он не потеряет ее в темноте.

Он не увидел тропинку, а нашел ее случайно, когда, споткнувшись обо что-то, упал прямо на нее. Лесная дорожка была утоптанной — он убедился в этом, ощупав ее руками. По обе стороны плотно росли деревья и кусты.

Был единственный способ не потерять тропу — двигаться по ней на четвереньках, все время нащупывая руками. Джерри так и сделал: он медленно пополз по ней на четвереньках, не зная, где находится и куда идет.

Глава 6

Лоун-Пайн

— Я не знаю, где они, Джонни,— говорил в телефон Фрэнк Нортон.— Они не появлялись. Ты сказал — в шесть, и я с тех пор жду их. Может быть, пробка на дороге?

— Какого черта? — заорал Гаррисон.— С каких это пор у вас появились пробки на дорогах?

— Хуже, чем в день открытия рыболовного сезона,— ответил Нортон.— После того как радио и телевидение дали экстренные сообщения, все бросились к нам. Дороги, ведущие в город, забиты машинами. Полиция пытается заблокировать нас, и патрулям приходится нелегко.

— Сейчас уже поздно фотографировать,— сказал Гаррисон.— Так ты говоришь, эта штуковина куда-то поехала?

— Совсем недавно. Двинулась через мост по дороге, что ведет в лес. Сейчас уже темно. Нет никакой возможности хоть что-нибудь отснять. Но я сделал несколько снимков, пока она еще была здесь.

— У тебя есть снимки? Так какого черта ты молчишь?

— Джонни, их немного. И не такие, как получились бы вашими камерами, профессиональными. Обыкновенный туристский аппаратик. Я отснял две пленки, но не уверен, что там есть на что посмотреть.

— Послушай, Фрэнк! Есть ли какая-нибудь возможность переправить пленки нам? Ты вообще согласен продать их мне?

— Продать? Если они тебе нужны, Джонни, они твои. Я хотел бы только получить несколько фотографий, вот и все.

— Не валяй дурака,— сказал Гаррисон.— Эти пленки стоят денег. Больших денег. Если ты отдашь нам пленки, я пришлю тебе отсюда все, что только можно привезти. Есть ли возможность доставить их? Быть может, кто-нибудь согласится смотаться к нам на машине? Я не хочу, чтобы ты сам срывался с места. Мне бы хотелось, чтобы ты оставался там, пока не появятся Кэти и Чет.

— Тут есть паренек, который работает на заправочной станции. У него мотоцикл. Он довезет быстрее, чем кто-либо другой, если только не свернет себе шею по дороге.

— Ему можно доверять?

— Абсолютно,— сказал Нортон.— Он у меня иногда работает, разные поручения выполняет время от времени. Мы с ним друзья.

— Скажи ему, что, если он привезет нам пленки до полуночи, получит сотню. Мы придержим выпуск, чтобы фотографии пошли в утренних газетах.

— По-моему, сейчас парнишка как раз на заправке. Я с ним свяжусь. Он найдет кого-нибудь — или я найду,— чтобы его подменить. Да, черт подери, я сам его подменю, если надо будет.

— А газетчики в городке не появлялись? Или ребята с телевидения?

— Не думаю. Телевизионщиков я бы увидел. Дулут наверняка кого-нибудь послал, и когда они появятся, скорее всего меня будут искать. Но пока никто не показывался. Дорожная полиция нас надежно заперла, в город удалось пробраться немногим. В основном тем, кто побросал свои машины на шоссе

возле постов и пришел пешком, но сейчас подходят все новые. Дороги забиты машинами. Так что в этой ситуации мотоцикл даже лучше машины. Паренек, о котором я говорил, и по кювету поедет, даже по полю, если надо будет.

— Так ты это сделаешь?

— Сразу же. Если не найду того парня, то пошлю кого-нибудь другого. Только одно, Джонни. Как население воспринимает это происшествие?

— Пока не знаю,— сказал Гаррисон.— Слишком рано. Я послал своего человека поговорить с людьми. В барах, у театральных входов, просто на улицах — узнать, что они думают об этом. Он собирает материал для очерка о реакции первого встречного. А почему ты спрашиваешь?

— Мне звонили из Вашингтона. Начальник штаба сухопутных сил, так он сказал. Назвался, но имя я не расслышал. Однако генерал. Это я слышал точно.

— Пока реакция Вашингтона неизвестна,— сказал Гаррисон.— Им нужно время, чтобы сориентироваться. Ты все-таки считаешь, это может быть чем-нибудь из космоса?

— Оно сдвинулось с места и поехало,— сказал Нортон.— Перебралось через реку и заехало в лес, довольно далеко. Может быть, оно живое, или очень сложная, совершенная машина, или машина, управляемая каким-то интеллектом. У нас здесь никто не сомневается. Все уверены, что это пришелец из космоса. Тебе самому надо было бы увидеть, Джонни. Если бы увидел — тоже поверил бы.

Дверь в комнату отворилась, и на пороге показалась незнакомая женщина, за ней следовал мужчина, увешанный фотографическим снаряжением.

— Минутку,— сказал Нортон.— Кажется, это твои. Только что вошли.— Он обратился к женщине: — Вы Кэти Фостер?

Кэти кивнула.

— А вот этот навьюченный парень — Чет Уайт,— сказала она.

— Фрэнк,— позвал Гаррисон.

— Да?

— Дай мне поговорить с Кэти, будь добр.

— Конечно,— сказал Нортон.— А я займусь пленками.— Он протянул Кэти трубку.— Джонни на проводе.

— Вы что-то сказали про пленки? — спросил Чет.

— Ага. Я тут две пленки успел отщелкать, пока эта штуковина не уехала за мост. Пока ее еще было видно.

— Так ее больше нет?! — взвыл Чет.

— Она укатила. Через мост и по дороге в лес. К ней сейчас не добраться. И слишком темно, чтобы рассмотреть отсюда.

— Вы посылаете пленки Джонни?

— У меня тут есть человек с мотоциклом. Он их отвезет.

— Это хорошо,— сказал Чет.— На машине не пробраться. Черт бы побрал ваши дороги. В жизни не видел такого столпотворения. Пришлось идти пешком мили две, наверное, не меньше. А машина где-то там осталась.

— До скорого! — сказал Нортон, выскакивая за дверь.

Тем временем Кэти говорила по телефону:

— Джонни, это ужасно! Все стараются попасть сюда. Полиция не пропускает. Машин скопилось столько...

— Ладно,— сказал Гаррисон.— Вы добрались. Там и оставайтесь. Раздобудьте, что сумеете. Поговорите с людьми, узнайте их впечатления. Как принял это город? Что это такое, по их мнению? Ты знаешь, что нам нужно.

— Джонни, Джерри не звонил?

— Какой Джерри?

— Черт возьми, Джонни, я же говорила тебе перед отъездом! Джерри Конклин, я с ним должна была встретиться сегодня. Я же все тебе объяснила.

— Теперь вспомнил. Извини. Я сейчас спрошу, подожди минутку.

В трубке было слышно, как он орал: «Кто-нибудь говорил по телефону с парнем по имени Джерри Конклин?! Приятель Кэти». Ему что-то отвечали, но Кэти не разобрала. Гаррисон взял трубку.

— Нет, Кэти. Он не звонил.

— Черт бы его побрал!

— Смотри,— сказал Гаррисон, тотчас забыв о Джерри Конклине,— сейчас четверть восьмого. Для первого выпуска нам придется обойтись тем, что у нас уже есть. Фрэнк держал нас в курсе, и мы знаем, что эта штуковина уехала за реку. Позвони мне через пару часов. Жаль, что вы застряли на шоссе. Хорошо, что добрались.

— Джонни, что еще происходит? Расскажи.

— Губернатор загнал в Лоун-Пайн чуть ли не половину полиции штата. Объявил мобилизацию Национальной гвардии. Пока никто не знает, что происходит. Похоже, это на самом деле

какой-то корабль из космоса, но никто не может сказать наверняка.

— Если Джерри позвонит, ты объясни ему все.

— Конечно,— сказал Гаррисон.

— Я тебе позвоню... Постой! Мне кажется, что все линии будут забиты, по телефону на дозвонишься. Посади кого-нибудь на релейную связь, и пусть позвонят сюда в девять тридцать или около того. Если с первого раза не получится, пусть пробуют еще и еще. У тебя есть номер этого телефона?

— Прекрасно. Там найдется кто-нибудь, чтобы сидел у телефона и держал линию для тебя?

— Кого-нибудь найду,— сказала Кэти.— Сколько я могу заплатить им? Какой суммой мы вообще располагаем?

— Чем меньше, тем лучше. Но трать, сколько потребуется.

— Хорошо,— сказала Кэти.— До связи.

Едва она повесила трубку, вошел Нортон.

— Джимми уехал с пленками,— сообщил он.— Его приятель подменил.

— Быстро вы управились,— сказал Чет.

— Мне повезло. Джимми был на месте, а его приятель как раз болтался рядом.

— Вот что,— сказала Кэти.— Джонни будет звонить около половины десятого, и надо, чтобы кто-нибудь был у телефона и держал линию, пока я не вернусь. Может оказаться, что прорваться будет трудно.

— Пожалуй, я знаю такого человека,— сказал Нортон.— Я только что видел его на улице. Старый чудак, Стиффи Грант. Он что угодно сделает, чтобы заработать на бутылку.

— На него можно положиться?

— Если пообещаете на бутылку — конечно.

— Сколько я должна буду ему заплатить?

— Да пару долларов.

— Передайте ему, что он получит пять. И велите, чтобы никого не подпускал к телефону. Ни за что, ни при каких обстоятельствах.

— Вы можете на него положиться. Дед сообразительный, если объяснить — усвоит. К тому же сейчас он трезв, так что все поймет.

— Не знаю, что бы мы без вас делали,— сказала Кэти.

— Все нормально,— сказал Нортон.— Мы с Джонни старые друзья, вместе в школе учились.

— Эта штуковина раздавила автомобиль,— сказал Чет.— Он еще там?

— Насколько я знаю, там,— ответил Нортон.— Его полицейский стережет. Приказано не убирать, пока кто-нибудь не появится.

— А кто должен появиться?

— Не знаю,— сказал Нортон.

— Ну, пошли,— сказала Кэти.— Я хочу посмотреть на эту машину. Может, сделаем пару снимков.

— Идите прямо по улице,— сказал Нортон,— к реке. Это недалеко. Увидите полицейскую машину с красными фонарями — там и найдете то, что вам надо. А я пока займусь Стиффи, приведу его сюда, а потом догоню вас.

Пройдя всего квартал, они увидели впереди красные мигалки полицейской патрульной машины. Когда подошли поближе, из тени навстречу шагнул полицейский.

— Мы из газеты,— сказала Кэти.— «Трибьюн», Миннеаполис.

— Можно ваше удостоверение?

Кэти достала из сумки бумажник и протянула полицейскому пресс-карточку. Он вытащил из кармана фонарик и направил луч на нее.

— Кэтрин Фостер? Я читал ваши репортажи.

— Со мной Чет Уайт,— сказала Кэти.— Наш фотограф.

— О'кей. Только смотреть тут не на что. Эта штуковина убралась за реку.

— А что с машиной? — спросил Чет.

— Машина еще здесь.

— Что, если мы сделаем несколько кадров?

Полицейский заколебался. Потом сказал:

— Я думаю, можно. Только не трогайте ее. Ребята из ФБР просили оставить все, как было.

— А что им нужно? — спросила Кэти.— При чем здесь ФБР?

— Этого я не знаю, мэм,— ответил полицейский.— Но так мне сказали. Их тут несколько человек.

Они обошли патрульную машину и прошли немного вперед по дороге. Смятая машина лежала возле моста. Точнее, там, где когда-то был мост. Она была сплющена так, словно побывала под прессом.

— В ней кто-нибудь был? — спросила Кэти.

— Нам кажется, нет, мэм,— ответил полицейский.

Чет лазил вокруг машины, щелкая вспышкой.

— Что за машина? — продолжала Кэти.— Не установили? А номерные знаки?

Полицейский пожал плечами.

— Наверное, есть, но их не видно. Это «шевроле». Не новая. Насчет модели я не уверен.

— Не представляете, кто мог в ней приехать? Что с ним могло случиться?

— Наверное, кто-нибудь остановился порыбачить в омуте у моста. Здесь встречаются огромные форели. Говорят, люди часто сюда приезжают.

— Но если так,— сказала Кэти,— вам не кажется, что водитель уже должен был бы объявиться и рассказать, что приключилось?

— Как раз это и странно,— ответил полицейский.— Но может быть, он в реке? Когда эта штуковина упала, мост развалился. Человека могло ударить бревном.

— А его кто-нибудь искал?

— Наверное,— сказал полицейский.— Я не знаю.

— А вы видели то, что упало? — спросила Кэти.

— Очень недолго, пока не стемнело. Когда я сюда прибыл, оно уже было за рекой. Вон там. Несколько сот футов от того берега. Стояло там неподвижно. Большое.

— Оно стояло на дороге?

— Вообще-то на дороге. Только оно широкое, в несколько раз шире дороги. Оно снесло несколько деревьев.

— А сейчас? Так там и стоит?

— Я почти уверен. Если бы оно поехало дальше, то повалило бы еще деревья, было бы слышно. А с тех пор, как я здесь, все тихо.

— А что там выше? Выше по дороге, я имею в виду.

— Лесной заповедник, мэм. На том берегу нетронутый лес, древние сосны. Громадные. Иным по несколько сот лет. Эта штуковина застрянет там. Она не пролезет между деревьями. Ей просто там не поместиться.

— А вы не заметили в ней признаков жизни?

— Нет, этого не видел. Просто громадный черный ящик. Вроде большого неуклюжего танка, только еще больше. Но гусениц у нее вроде нет. Не могу представить, как она двигается.

— Значит, у вас такое впечатление? Большой танк?

— Знаете, нет. Скорее похоже на большой черный ящик. Большущий продолговатый ящик, который кто-то покрасил в невероятно черный цвет.

— Как можно перебраться через реку?

— И не пытайтесь, мэм. Тут у моста глубоченный омут, а выше и ниже его страшное течение.

— А на лодке?

— Можете поспрашивать местных. Вероятно, через омут можно перебраться на лодке. Если только лодка найдется.

— Да здесь у каждого есть лодка,— вмешался Чет.

— Но лучше не пытаться,— сказал полицейский.— Мне надо спросить по рации. Вероятно, мне не разрешат вас пропустить.

— Но как же попасть туда?

— Только не по дорогам. Дороги все перекрыты.

— А что будет с теми, кто живет за рекой?

— Там никого нет. Только лес, девственный лес. На много миль вокруг. Там никто не живет.

— Сержант,— сказала Кэти,— могу я узнать ваше имя? Можно мне процитировать что-нибудь из того, что вы мне сказали?

Сержант с явным удовольствием назвался.

— Но с цитатами поаккуратней, пожалуйста,— попросил он.

Глава 7

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Портер смотрел, как журналисты входят в зал. Сегодня они выглядели не такими агрессивными, как обычно. Несмотря на то что время для брифинга было позднее, их оказалось больше, чем он ожидал.

Они вошли и расселись в безмолвном ожидании.

— Я должен извиниться перед вами за столь поздний час,— начал он,— быть может, нам стоило подождать до утра. Но я подумал, что многие из вас хотят узнать то, что известно нам. Хотя может оказаться, что мы с вами знаем практически одно и то же. Итак, мы знаем, что у городка Лоун-Пайн на севере Миннесоты с неба спустился какой-то объект. По северной окраине городка течет Пайн-Ривер; данный объект опустился таким образом, что перекрыл реку от одного берега до другого. Примечательно, что он в точности сел на мост, соединявший эти

берега. Мост оказался разрушен, и раздавлена автомашина, припаркованная возле моста. По-видимому, в тот момент в машине никого не было. Незадолго до наступления темноты объект переместился на другой берег реки, где, насколько нам известно, и находится в настоящий момент. Очевидно, надо сказать еще об одном. Имеет ли это отношение к объекту, упавшему в Миннесоте, или нет — мы не знаем, но станциями слежения на околоземной орбите обнаружен неизвестный объект очень внушительных размеров. Это все.

Первый вопрос задал представитель «Таймс» из Нью-Йорка:

— Господин секретарь, вы сказали: «внушительных размеров». Можете ли вы уточнить эти размеры и охарактеризовать орбиту?

— Мистер Смит,— ответил Портер,— пока точные размеры неизвестны, но речь может идти о нескольких милях в диаметре. Что до орбиты, я полагаю, это так называемая синхронная орбита. Она расположена на высоте около двадцати тысяч миль, ее скорость соответствует скорости вращения Земли. В настоящий момент, насколько я знаю, объект висит где-то над штатом Айова.

— Дейв,— спросил журналист из чикагской «Трибьюн»,— что значит «станциями слежения обнаружен»? Значит ли это, что станции слежения обнаружили объект, когда он уже был на орбите, или его заметили еще до того, как он вышел на нее?

— Если я правильно понял, его обнаружили уже на орбите. Всего несколько часов назад.

— Верны ли наши предположения, что это космическая база, с которой прилетел объект, упавший возле Лоун-Пайна?

— Я думаю, что ваши предположения,— сказал Портер,— ваше личное дело. Я считаю, что пока слишком мало информации для выводов подобного рода. Если развить вашу догадку, то следует предположить, что и новый объект на орбите, и тот, что упал в Миннесоте, появились из дальнего космоса. А этого мы пока не знаем.

— Но если оценить массу объекта на орбите, судя по его размерам,— по-видимому, можно исключить вероятность запуска его с Земли.

— Мне тоже так кажется. Но, как я уже сказал, это нуждается в уточнении.

Вашингтонская «Пост»:

— Вы сказали, что миннесотский объект переместился. Если я правильно понял, он упал поперек реки. А потом переместился на другой берег.

— Именно так.

— Не можете ли вы объяснить, как он переместился? Как бы вы описали его способ движения?

— Мне нечего сказать, Джо. Как он движется, я не знаю. Единственное, что мы знаем,— что он каким-то образом двигался. Именно так. Очевидно, он двигался без помощи извне, сам. Вы должны иметь в виду, что в момент перемещения там не оказалось ни одного квалифицированного наблюдателя. Вся наша информация основана на свидетельствах нескольких горожан, которые утверждают, что видели то-то и то-то.

— Вы можете дать нам более подробное описание объекта? Более конкретное, чем то, которое мы уже получили? Что-нибудь еще, кроме большого черного ящика?

— Боюсь, что не могу. На сей счет у нас нет никакой новой информации. Насколько нам известно, ни одной фотографии пока не сделано. Он упал вечером. И через несколько часов стало совсем темно.

Ассошиэйтед Пресс:

— Вы все время говорите «не знаю», и я прекрасно понимаю, что сейчас на самом деле никто ничего не может знать наверняка. Но из всего того, что уже известно, можно сделать вполне оправданный вывод, который просто напрашивается и состоит в том, что мы имеем дело с инопланетным разумом. У вас нет никаких комментариев?

— Я постараюсь ответить вам честно,— сказал Портер,— не прибегая к обычному «не знаю». Эта штуковина опустилась на шоссе, отсюда можно заключить, что она сумела выбрать удачное место приземления. Она переместилась, по всем данным, самостоятельно. Следовательно, на борту есть либо какой-то интеллект, либо какая-то машина, управляемая сенсорными датчиками. Как вы все знаете, один человек выстрелил в нее из ружья — она ответила выстрелом, и человек был убит. Значит, она способна защищаться. Все эти факты вы, без сомнения, сопоставили сами, их просто невозможно проигнорировать. Но кроме этого мне больше нечего сказать. Все сказанное еще не дает оснований для каких-либо окончательных выводов. С выводами придется подождать, пока не наберется достаточно информации.

— У меня сложилось впечатление, что вы исключаете возможность земного происхождения объекта на орбите,— сказал представитель Эн-би-си.— А он не может быть каким-нибудь новым экспериментальным космическим кораблем?

— Я полагаю, при нынешних обстоятельствах можно допустить все что угодно. Мне очень жаль, если у вас создалось впечатление, будто я вообще что-либо исключаю. Но меня заверили, что объект не наш.

— А если чей-нибудь еще?

— Очень сомнительно.

— Значит, вы утверждаете, что это космический пришелец.

— Нет, Карл, это вы утверждаете. Я этого не сказал.

— Можно мне вмешаться еще раз? — спросил представитель «Нью-Йорк таймс».

— Разумеется, мистер Смит.

— Вы не могли бы вкратце сообщить, что делает правительство? Проводились ли какие-либо переговоры с другими правительствами? Как я понял, район Лоун-Пайна блокирован. Это сделано федеральными властями?

— Насколько я знаю, пока никакие переговоры ни с кем не проводились. Позже, возможно, такие переговоры будут проведены, но прежде всего нам надо понять, с чем мы имеем дело. Район блокирован властями штата. Губернатор советовался с президентом, но президент не имеет никакого отношения к оцеплению района. Я предполагаю, что некоторые федеральные организации пошлют туда своих наблюдателей, но до сих пор никаких сведений по этому поводу у меня нет.

— Благодарю вас, сэр,— сказал Смит.

— Но вы, наверное, согласитесь,— вступил в разговор корреспондент «Лос-Анджелес таймс»,— что если данный объект или объекты — один на земле и другой на орбите — окажутся внеземными, то дело коснется не только нас, но и всего международного сообщества?

— Я не могу позволить себе подменять государственного секретаря,— заметил Портер.— Но должен признать, что в вашем вопросе есть определенная логика.

— Позвольте мне несколько развить эту тему,— подхватил представитель «Канзас-Сити стар».— Если будет установлено, что объект, опустившийся у Лоун-Пайна, на самом деле корабль из дальнего космоса или хотя бы из Солнечной системы — давайте предположим такое,— какова будет позиция нашей стра-

ны? Будет ли предпринята какая-то попытка установить контакт с тем разумом, который может оказаться на борту?

— Мы не пытались заглядывать так далеко,— сказал Портер.— Поскольку пока нет никаких свидетельств...

— Но если в течение ближайших дней такие свидетельства появятся — разработана ли программа нашего поведения?

— Если вы спрашиваете, собираемся ли мы избавляться от любых пришельцев любыми способами, то я так не думаю. Я высказываю неофициальную точку зрения, это моя позиция, но она основана на том, что я знаю о подходах нашего правительства к любым проблемам. Да, действительно, кто-то выстрелил в объект, когда тот приземлился. Но это была единичная акция какого-то безответственного гражданина, вероятно ошеломленного тем, что он увидел. Я надеюсь, что остальные будут себя вести разумнее.

— И как, по-вашему, должны вести себя разумные люди?

— Я думаю,— ответил Портер,— что разумный человек мог бы попытаться установить какой-то разумный контакт. Скорее всего, поначалу весьма ограниченный. Но после того как такой контакт был бы установлен, мы могли бы перейти к чему-то еще. Однако мне кажется, что вы меня вынудили выйти за пределы моих полномочий. У меня нет никаких оснований для формулировки официальной точки зрения по данному вопросу. До сих пор такая возможность даже не обсуждалась. По крайней мере, насколько мне известно.

— Вы, конечно, понимаете,— сказал журналист Эн-би-си,— что, если все это действительно так и мы действительно вступили в контакт с интеллектом откуда-то из космоса, это может оказаться наиболее значительным событием во всей истории человечества?

— Я полагаю, что вы правы,— ответил Портер.— Но снова я выступаю только от своего имени. Как я уже сказал, данная проблема пока не обсуждалась. Наша оценка ситуации еще не продвинулась настолько далеко.

— Мы поняли, Дейв,— сказал представитель Эн-би-си.— Мы просто задаем вопросы, которые приходят в голову.

— Спасибо,— поблагодарил Портер.

— Давайте перейдем к более конкретным вопросам,— предложил корреспондент «Балтимор сан».— Скажите, какие шаги может предпринять администрация? Ближайшие.

— Я полагаю, это будет наблюдение. В течение ближайших двадцати четырех часов мы задействуем как можно больше квалифицированных наблюдателей. Вероятно, среди них будет много ученых со всей страны, а не только представители правительства. Что до всего остального — все будет зависеть от развития событий. Я сомневаюсь, что кто бы то ни было может предсказать события, которые произойдут даже в ближайшие часы.

— И снова об объекте на орбите,— сказали из «Детройт ньюс».— Не может ли оказаться, что эта крупная масса, которую там увидели,— всего-навсего скопление космического мусора? Ведь мы набросали туда очень много всякого хлама. Не могла ли она каким-то образом сконцентрироваться в результате взаимного притяжения?

— Такое объяснение в принципе не исключено,— ответил Портер.— К сожалению, в физике я не силен и не могу сказать, возможно ли это. У нас данный вопрос не поднимался. Вероятно, космическое агентство имеет какие-то соображения на сей счет.

— А мы не могли бы послать туда кого-нибудь, чтобы посмотреть на объект поближе? Это не обсуждалось?

— По-видимому, пока еще нет. Возможно, будет послан один из космических челноков с орбитальной станции. Технически это осуществимо, тут сомнений нет. Такая возможность будет рассмотрена в дальнейшем.

— Если бы выяснилось, что нас на самом деле посетили инопланетяне,— сказал комментатор Си-би-эс,— как, по-вашему, это может повлиять на нас, на человечество? Само осознание, что там, наверху, кто-то есть...

— Повлияет, надо полагать, весьма существенно,— ответил Портер,— но здесь я вынужден воздержаться от комментариев. Это вопрос к социологам.

— Господин секретарь,— снова взял слово корреспондент «Нью-Йорк таймс»,— мы чрезвычайно признательны вам за то, что вы сочли возможным встретиться с нами в столь поздний час. Вы, конечно же, будете держать нас в курсе событий.

— Разумеется, мистер Смит,— подтвердил Портер.

Он смотрел, как журналисты выходят из зала. Маршия поднялась из-за своего стола и подошла к нему.

— Мне кажется, все прошло удачно,— сказала она.

— Сегодня они не за скальпами приходили,— ответил Портер.— Все это дело может стать политическим чуть погодя. Но

пока оно слишком новое, чтобы иметь политическую окраску. Подожди. Дай этим ребятам на Холме несколько дней — начнется и политика.

Он подошел к своему столу и сел, наблюдая, как Маршия собирается и уходит. Стало тихо. Только где-то далеко звонил телефон, да чьи-то гулкие шаги раздавались в пустом коридоре.

Он поднял трубку и набрал номер Элис.

— Я так и думала, что ты сейчас позвонишь,— сказала она.— Не отходила от телефона. Ну, как прошло?

— Неплохо. Как видишь, цел. Сегодня меня не грызли.

— Бедный Дейв! — сказала она.

— Да нет, все нормально. Я сам на это напросился. Мне же платят.

— Врешь ты все. Ни на что ты не напрашивался.

— Ну, может, и не напрашивался. Но подпрыгнул, как только появился шанс поработать.

— Ты не заскочишь к нам? Я бы приготовила чего-нибудь выпить.

— Боюсь, что нет, Элис. Мне сейчас надо быть здесь. По крайней мере какое-то время.

— Ну ладно. Потом. Подожди минутку, там батюшка руками машет. Он хочет с тобой поговорить.

— Давай. Я всегда рад возможности побеседовать с сенатором.

— Доброй ночи, дорогой. Вот папа.

В трубке загудел голос сенатора:

— Дейв, что там происходит? Телевидение только об этом и говорит, но — черт их дери — они сами не знают, в чем дело. Кажется, вообще никто не знает, в чем дело. К нам на самом деле из космоса пожаловали?

— Мы знаем об этом не больше, чем на телевидении,— ответил Портер.— Только еще одна новость: станции слежения нашли кое-что новое на орбите.

И он рассказал сенатору о загадочном объекте.

— Так, может быть, в этом на самом деле что-то есть,— сказал сенатор.— Не похоже на то, что показывали в кино и по телевизору, в их дурацких фильмах. Пока никаких карликов, верно?

— Да, никаких карликов. Нам придется привыкнуть к мысли, что если там кто-нибудь и есть — они могут оказаться совершенно не похожими на людей.

— Если там кто-нибудь есть.

— Именно так.

— Мы, американцы, слишком быстро делаем выводы. У нас много воображения и мало здравого смысла.

— Пока страна воспринимает это спокойно. Никакой истерии. Никакой паники.

— Но пока,— сказал сенатор,— не случилось ничего такого, из-за чего можно впадать в истерику. Но очень скоро какие-нибудь кретины начнут распускать дурацкие слухи. Еще одно, Дейв.

— Да?

— Мы не собираемся вмешивать в это дело других?

— Простите, я не понял.

— Мы будем обращаться к другим странам? Мы собираемся делиться с ними?

— Не пойму, о чем вы, сенатор. Пока ведь нечем делиться.

— Боже мой, Дейв! А если появится? Раз пришельцы сели у нас в Миннесоте — мы должны хвататься за них! Подумай, новый разум, новая технология!..

— Теперь понял,— пробормотал Портер.

— Мы, по крайней мере, должны первыми увидеть, чему можно у них научиться. Быть может, это нечто такое, что перевернет все вверх дном.

— Вы представляете себе, каким трудным может оказаться общение с ними? Если там вообще кто-нибудь есть, в этой упавшей штуковине.

— Конечно. Я это прекрасно знаю. Я все понимаю. Но у нас же лучшие в мире ученые, у нас есть мозги!

— Это пока не обсуждалось,— сказал Портер.

— Ты там подкинь идею. Я постараюсь сам увидеться с президентом, но если бы ты мог замолвить словечко...

— Замолвлю,— согласился Портер.— Только не знаю, как его примут.

— Словечко,— сказал сенатор.— О большем я не прошу. Только одно слово, пока вы там не разбежались во все стороны. Будешь еще разговаривать с Элис?

— Если она хочет.

Элис взяла трубку, поболтали еще немного, потом попрощались. Портер повернулся в кресле и увидел, что в дверях стоит человек.

— Хэлло, Джек! — сказал он.— Давно ты там стоишь? Заходи, присаживайся.

— Только несколько минут,— ответил Джек Кларк. Кларк был помощником президента по военным вопросам.

— Только что разговаривал с сенатором Дэйвенпортом,— сообщил Портер.

— Что его интересует?

— Любопытство одолело,— усмехнулся Портер.— Необходимо было с кем-нибудь поговорить. Нынче ночью много таких, кто ищет, с кем бы поговорить. Боюсь, что в стране может стать неспокойно. Пока волноваться не из-за чего, но ощущение противное. Ощущения — настроения — размышления... Люди станут задавать вопросы, начнутся поиски души.

— К тому же до сих пор нет никаких доказательств, что это просто-напросто кусок космического хлама или какая-нибудь безобидная железяка.

— Нет, Джек.— Портер покачал головой.— Эта чертовщина двигается.

— Может быть, машина?

— Может быть. Но и этого вполне достаточно. Даже более чем.

Кларк подошел и сел рядом.

— Как президент? — спросил Портер.

— Пошел наверх. Спать. Не думаю, что ему хорошо спится сегодня. Взволнован. Его неизвестность угнетает. Да, наверное, она всех угнетает.

— Ты только что сказал, что это всего лишь машина. Почему ты так упорно отрицаешь возможность присутствия интеллекта, Джек?

— Убей, не знаю. Наверное, ты прав: просто упорствую. Эта идея интеллекта меня пугает. В последние годы было столько ажиотажа по поводу НЛО, столько болтовни... Наверное, сейчас практически у каждого есть какое-то свое представление о них.

— Но эта штуковина — не НЛО. В привычном смысле слова. Никаких признаков, связанных с обычными представлениями. Никаких огней, никакого шума, никакого вращения...

— В том-то и дело,— сказал Кларк.— Если появятся доказательства, что эта штука живая или там есть кто-то живой,— половина населения сойдет с ума от страха, а другая половина

будет уверена, что наступил золотой век. Очень мало найдется здравомыслящих людей, способных к адекватному восприятию.

— Если окажется, что мы имеем дело с внеземным разумом,— сказал Портер,— у федерального правительства, особенно у военных, будет много хлопот. Придется отчитываться. Ведь уже столько лет твердят, что военные засекречивали сведения о НЛО.

— Боже мой,— вздохнул Кларк.— Неужто ты думаешь, что мне это не пришло в голову? Первым делом об этом подумал, едва услыхал.

— Скажи, только правду. Засекречивали?

— Откуда я знаю?

— А кто знает? Черт возьми, Джек, если я представляю администрацию в этом деле, я должен знать.

— Я полагаю, разведка,— сказал Кларк.— ФБР или ЦРУ.

— Скажет мне кто-нибудь правду при нынешних обстоятельствах?

— Сомневаюсь,— ответил Кларк.

Глава 8

Миннеаполис

— Кэти еще не подошла? — спросил Гаррисон Джима Гоулда.

— Нет,— сказал Гоулд.— Стиффи Грант сидит на телефоне. Поначалу он много рассказывал, но теперь уже иссяк, все рассказал, что знал. Подробно описал этот объект, рассказал, как его восприняли в Лоун-Пайне. Я передал все это Джексону. Он уже сдал очерк, только что.

Гоулд поднял трубку:

— Мистер Грант, вы еще здесь?

Послушал несколько секунд, потом положил трубку на стол.

— Сидит. Никуда не делся.

Гаррисон сел к столу и взял верстку, оставленную дежурным редактором на пишущей машинке. Развернув первую полосу, он увидел броский заголовок: «КОСМИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ ПРИЗЕМЛИЛСЯ В МИННЕСОТЕ».

Вся страница была посвящена космическому объекту. Передовая, заметка о том, как отнеслись к событию в Лоун-Пайне, продиктованная Нортоном, материал из офиса губернатора штата, объявление начальника дорожной полиции, информация из вашингтонского бюро газеты, большая статья Джея Кел-

ли с рассуждениями о возможности существования разумной жизни во Вселенной и о том, насколько вероятно — или невероятно — появление одной из таких живых форм на Земле, и, наконец, карта с изображением Лоун-Пайна.

«Для начала неплохо,— подумал Гаррисон.— Теперь бы еще что-нибудь от Кэти и эти фотографии Фрэнка...»

— Что слышно о парне с пленками? — спросил он Энни.

— Он звонил десять минут назад. Из Аноки. Он там останавливался, чтобы заправиться.

Гаррисон посмотрел на стенные часы напротив — 10.05. Чтобы проявить пленки и сделать пару отпечатков, оставалось еще много времени.

— Приятель Кэти не звонил? — спросил он.— Когда она подойдет к телефону, первым делом о нем спросит.

— Еще нет,— сказала Энни.— Я только что заглядывала в ее почтовый ящик. Думала, может, кто-нибудь говорил с ним и оставил ей записку. Но там ничего нет.

— А может, ты сама ему позвонишь? Ты знаешь, как его зовут?

— Да. Джерри Конклин. Он в университете учится. Должен быть в студенческом справочнике.

Гаррисон оглядел редакцию. Теперь здесь было полно народу, не то что днем. Большинство из сотрудников, судя по всему, уже закончили все дела и готовы были разойтись по домам. Джей, к примеру, с утра уехал в Рочестер за материалом о лечении рака, вернулся, написал репортаж, потом еще эту статью о возможности жизни во Вселенной — и до сих пор торчал в редакции. Да и остальные болтались тут же, явно без дела, но на всякий случай — вдруг понадобятся. «Хорошая команда»,— подумал Гаррисон. Но, черт побери, это они зря; сделали всю работу — пора по домам.

— Я забыл одну вещь,— сказал он помощнику.— Мы не позаботились о ночлеге для Кэти и Чета. Куда они денутся ночью? В Лоун-Пайне есть что-нибудь?

— Небольшой мотель,— ответил Гоулд.— Энни заказывала комнаты.

— Энни обо всем думает, молодец.

— Когда она позвонила, ей ответили, что комнаты уже заказаны. Нортон позаботился.

— Хорошо,— успокоился Гаррисон.— Значит, с этим порядок.

К его столу подошел Хэл Рассел из редакции новостей.

— Джонни, из Вашингтона передали новый материал. Белый дом объявил, что на орбите обнаружен неизвестный объект. Очень больших размеров. Есть подозрения, что он имеет касательство к Лоун-Пайну. Может быть, космическая база.

Гаррисон уронил голову на руки.

— Эта ночь когда-нибудь кончится? — трагически спросил он.— Нам же для этого материала надо место на полосе освобождать! Уберите с первой страницы губернаторский материал, все остальное переставьте и сократите. Новой информации отведите столько же места, сколько первой. А в той надо переписать начало, чтобы увязать их друг с другом.

— Там только что началось,— сказал Рассел.— Семьсот пятьдесят слов. Нам места не хватит. Придется выкидывать что-нибудь еще или допечатывать второй вкладыш.

— Смотри, Хэл, тут масса хлама, без которого можно обойтись. Выкидывай. Прогонишь новую верстку — сразу неси мне.

— Конечно, Джонни,— сказал Рассел.

— Я пробовала дозвониться до Джерри Конклина,— вмешалась Энни.— Телефон не отвечает. Странно... Что с ним могло случиться?

— Когда Кэти вернется, она с него шкуру спустит,— заметил Гоулд.— Не хотел бы я быть на месте того, кто ее разозлит. Даже если она далеко.

По проходу между рядами столов ковылял длинный неуклюжий Эл Лэтроп, главный редактор. Он держал верстку, вид у него был озабоченный. Подойдя к столу Гаррисона, он остановился и посмотрел на Джонни с высоты своего роста.

— Не знаю,— громыхнул он басом.— Мне это не нравится. Мы ведем себя так, словно та штуковина в Лоун-Пайне на самом деле прилетела из космоса. Что-то вроде пришельца.

— Но она и впрямь прилетела из космоса,— сказал Гаррисон.— Спустилась с неба и приземлилась. Мы же об этом говорили.

— Я представлял себе наши материалы несколько иначе. Тут явно подразумевается, что это инопланетный разум. Какой-то НЛО.

— Перечитай еще раз,— сказал ему Гаррисон.— Внимательно перечитай. Нами об этом нигде не сказано. Мы только передаем то, что слышали от других. Если они верят в НЛО или что-то вроде того — мы так и пишем. Но кроме того...

— А очерк Джея?

— Это вообще. Отвлеченные рассуждения. У Джея так и сказано. Если в космосе существует интеллект, то на что он может быть похож, какова вероятность, что они прилетят к нам... Такие статьи пишутся уже много лет. В журналах, в газетах... И на телевидении, и на радио было много похожего. У Джея оговорки почти в каждом втором абзаце. «Если это случится... — пишет он.— Если объект в Лоун-Пайне окажется связан с внеземной цивилизацией. Если...»

— Джонни, нам необходимо быть осторожными. Мы можем вызвать панику.

— Мы и так осторожны. Мы дали объективный репортаж, ни на дюйм лишнего...

Зазвонил телефон, Энни взяла трубку.

— Ну ладно,— сказал Лэтроп.— Давай и дальше будем осторожными. Давай держаться в рамках репортажа.

— Это из фотолаборатории,— сказала Энни.— К ним только что пришел этот парень с пленками.

Гоулд протянул Гаррисону трубку своего телефона.

— Только что подошла Кэти,— сказал он.

Гаррисон взял трубку.

— Кэти, подожди минутку.— Он прикрыл трубку рукой и сказал Гоулду: — Скажи ребятам на выпуске, что у них будут фотографии. Пара на первую полосу и, может быть, несколько внутрь. Загляни в лабораторию, посмотри, что там у них. Если снимки хорошие, скажи ребятам, чтобы освободили для них целый разворот. В газете много мусора, его можно выкинуть, но чтобы для фотографий место нашлось.

Он посмотрел, как Лэтроп уходит по проходу между столами, сжимая в руке газету, и сказал в трубку:

— Все в порядке, Кэти. Я тебя слушаю. Что у тебя?

— Прежде всего Джерри. Он не звонил?

Глава 9

Лоун-Пайн

Просыпаться было очень трудно. Кто-то стучал в дверь. За окнами едва занималась ранняя заря; ее слабый свет пробивался сквозь занавески. Кэти на ощупь отыскала незнакомую лампу на незнакомом ночном столике у кровати. Даже в темноте было

видно, как неуютна эта мерзкая комната. «Где я, черт побери?» — подумала Кэти. И вспомнила: Лоун-Пайн.

Лоун-Пайн, и кто-то колотит в дверь.

Она нашла выключатель и повернула его. Потом сбросила одеяло, нащупала ногами тапочки на полу, подхватила халат, лежавший в ногах кровати, и торопливо надела его.

Стук не прекращался.

— Успокойтесь! — крикнула она.— Уже иду!

Запахнув халат поплотнее, чтобы согреться, она зашаркала к двери, потянула задвижку, открыла...

На пороге стоял Фрэнк Нортон.

— Мисс Фостер,— сказал он.— Мне ужасно не хотелось будить вас в такую рань, но у меня новость для вас. Эта штуковина, что упала с неба вчера, валит деревья и пожирает их.

— Ест деревья?

— Именно так,— кивнул он.— Валит и заглатывает. Большие деревья.

— Будьте добры, разбудите Чета,— попросила она.— Он в соседней комнате, номер три. Я сейчас выйду.

Нортон направился к фотографу, и Кэти закрыла дверь. В комнате было до ужаса холодно. При дыхании изо рта вырывались облачка пара.

Дрожа от холода, она сбросила халат, оделась и подошла к зеркалу, чтобы наскоро причесаться. Да, выглядит она не блестяще. Ну и черт с ним. Как еще может выглядеть человек, когда его выдергивают из постели в такой час!

«Нортон, наверное, свихнулся,— подумала она.— Не может быть, чтобы та штуковина за рекой пожирала деревья. Это, должно быть, шутка — однако Нортон не похож на человека, который стал бы тратить время на розыгрыш. Но с какой стати чудо за рекой стало жевать деревья?»

Когда она вышла в коридор, Чет уже ждал ее, весь увешанный снаряжением.

— Ты прекрасно выглядишь,— сказал он.— Даже в такой ранний час.

— Пошел ты!..

— Извините меня,— вмешался Нортон,— что поднял вас до рассвета. Но мне показалось, что вас надо было предупредить. Я не сразу решился — сомневался, наверное, целых полминуты.

— Все в порядке,— успокоила его Кэти.— У нас работа такая.

— В городе появились еще журналисты,— сказал Нортон.— Прибыли ночью. Траубридж из миннеаполисской «Стар», кто-то из «Канзас-Сити стар» и пара из Де-Мойна, из «Реджистер» и «Трибьюн». Все привезли с собой фотографов. Наверное, днем еще кто-нибудь появится.

— Как они сюда добираются? — удивился Чет.— Ведь дороги-то забиты.

— Дорожная полиция их разгрузила,— объяснил Нортон.— Они развернули и отослали всех любопытных. На дороге осталось несколько машин. Ваша, наверное, тоже среди них. Полицейские сдвинули их на обочину. Всюду патрули, но журналистов пропускают и еще кое-кого. А прочую публику гонят.

— С телевидения кто-нибудь появился?

— Несколько бригад,— сказал Нортон.— Такой тарарам устроили. Хотят попасть на ту сторону реки, но туда никак не добраться.

— А лодки?

— Они ищут. Но здесь мало у кого есть лодки. А какие есть — те на озерах; на реке ими никто не пользуется.

По дороге к реке им встретились всего несколько человек. «Все, наверное, там, на берегу,— подумала Кэти.— Смотрят, как та штуковина жует деревья».

Не успели они выйти к реке, как вдалеке раздался треск упавшего дерева, потом какой-то хруст, который усилился и стих.

— Это та штуковина жует деревья? — спросила Кэти.

— Именно,— ответил Нортон.— Она валит дерево, хватает...

— Но там же деревья огромные! — перебил его Чет.

— Она и сама не маленькая. Подождите, сейчас сами увидите.

У разрушенного моста собралась порядочная толпа. На дороге расположились три бригады телевизионщиков. Сплющенной машины уже не было. На обочине стоял автомобиль полиции штата, на капот лениво облокотились двое полисменов. Вчерашнего сержанта Кэти не заметила.

А за рекой лежал загадочный «объект». Кэти изумленно ахнула. Ей рассказывали, что он большой, но такой громадины она не ожидала увидеть. Большинство деревьев было выше ящика, но он доходил им до половины и даже больше. Громадный и черный. Никогда в жизни Кэти не видела такого черного цвета. Но кроме этого ничего особенного в нем не было. Он

был абсолютно гладким, и никаких антенн из него не торчало. Ничего похожего на то, что показывали в телевизионных программах о НЛО и летающих тарелках. Просто длинный, громадный черный ящик. Странно, но он не вызывал чувства опасности. Ошеломляли только размеры, но страха не ощущалось.

Одно из деревьев медленно наклонилось и с треском рухнуло. Образовался уже целый завал из упавших деревьев. Из ящика доносился непрерывный шум. Вероятно, там древесина перемалывалась, пережевывалась, усваивалась. Упавшее только что дерево словно ожило и задвигалось взад-вперед. А потом потихоньку стало подтягиваться к машине.

— Эта чертова штуковина засасывает их и сгрызает,— сказал Нортон.— С тех пор как это началось, примерно с полчаса назад, она уже продвинулась вперед почти на свою длину. Мне кажется, футов на триста, даже больше.

— А зачем она это делает? — спросила Кэти.— Пытается прогрызть дорогу через лес?

— В таком случае ей придется поработать,— сказал Нортон.— Лес тянется миль на двадцать, если не больше, и повсюду такой же густой.

Кэти стояла и наблюдала. Однако смотреть было, собственно, не на что. Огромный черный ящик валил и заглатывал деревья, и больше ничего не происходило. В этом медленном, целеустремленном движении Кэти почудилось что-то зловещее. Казалось, штуковина ощущает свою силу и совершенно уверена в том, что воспрепятствовать ей невозможно.

Кэти подошла к полицейской машине.

— Да, мисс? — сказал один из дежурных.— Можем ли мы вам чем-нибудь помочь?

— Машина,— произнесла она.— Здесь лежала смятая машина. Куда она делась?

— Приехал грузовик и забрал ее. Документы у водителя были в порядке, так что мы ему отдали. Мы уточнили по рации — нам сказали, что все в порядке.

— А кто отдал такое распоряжение?

— Этого я не могу вам сказать, мисс.

— ФБР?

— Простите, мисс, на эту тему я разговаривать не могу.

— Ладно,— сказала Кэти,— нет так нет. А вы можете сказать, что будет дальше?

— Скоро прибудут армейские инженеры и наведут временный мост. Мы их ждем с минуты на минуту. Один из этих сборных мостов, если я правильно понял.

Подошел Чет.

— Я снял все, что можно было снять отсюда. Надо бы подобраться поближе. Мы с Траубриджем и еще с несколькими это дело обговорили. Похоже, что реку можно перейти вброд. Течение ниже омута быстрое, но там не слишком глубоко. Во всяком случае, так говорят местные. Возьмемся за руки, построимся цепью и будем друг друга страховать.

— Реку переходить нельзя,— сказал один из полицейских.— У нас приказ. Чтобы через реку никто не переправлялся.

— Если вы пойдете,— заявила Кэти,— то я с вами.

— Черта с два,— отрезал Чет.— Ты останешься здесь и будешь караулить снаряжение; его придется оставить на этом берегу. Я возьму только одну камеру и несколько запасных кассет.

— Чет Уайт,— сказала Кэти.— Я пойду с вами. Если другие пойдут, то пойду и я.

— Задницу промочишь. А вода холодная.

— Я уже промачивала. И мерзла. Мне не привыкать.

— Кроме того,— продолжал Чет,— эти сопляки с телевидения намереваются тащить с собой все свое железо. И хотят, чтобы мы им помогли. А барахло их очень тяжелое.

Полицейский подошел к ним вплотную.

— Вы не пойдете через реку,— сказал он.— У нас приказ.

— Покажи-ка мне свой приказ! — потребовал Чет.

— Письменных приказов у нас нет,— ответил полицейский.— Только устные, по рации. Через речку никто не пойдет.

Подошел Траубридж, из миннеаполисской «Стар».

— Я слышал, о чем вы говорили,— сказал он полицейскому.— Чтобы нас остановить, вам придется применить силу. Но вы же не станете этого делать, верно?

К первому полицейскому присоединился второй.

— Черт бы вас побрал, газетчиков,— сказал он. И обратился к напарнику: — Свяжись по рации. Скажи им, что тут происходит.

Подошел еще один из журналистов.

— Я Дуглас, из «Канзас-Сити стар»,— представился он полицейскому.— Мы понимаем, у вас приказ. Но и вы нас поймите, нам необходимо на тот берег. Это наша работа. Там феде-

ральная земля. Вы — полиция штата. Так что без постановления суда...

Полицейский не ответил.

Дуглас повернулся к Кэти.

— Вы твердо решили идти с нами?

— Вы правы, черт возьми,— сказала Кэти.— Твердо.

— Тогда будьте рядом со мной. И держитесь крепко.

— Благодарю вас, сэр.

— На, держи,— сказал Чет, протягивая ей свой фотоаппарат.— Повесь на шею. Я буду помогать этим соплякам с их железом.

— А куда ты денешь остальное барахло? — спросила она.

— Все, что не сможем взять с собой, оставим тут на дороге. Полиция присмотрит.

— Еще чего захотел! — отозвался полицейский.

Он отвернулся и пошел к своей машине, где его товарищ разговаривал по рации.

— Зря вы полицейских обидели, ребята,— сказал Нортон.

— Мы потом извинимся,— ответил Чет.— Черт их дери, нам работать надо.

— Существуют правила пересечения противопожарных полос и всякого такого.

— Но это же не полоса,— возразил Чет.— Это речка.

— О'кей,— сказал Нортон.— Я пойду с вами. Возьму Кэти за другую руку. Мы с «Канзас-Сити» присмотрим, чтобы она не утонула.

Один из полицейских вернулся.

— Можете переходить,— сказал он.— С нашей стороны больше никаких возражений не будет. Но на вашу ответственность. Ищете приключений на свою задницу! — Он посмотрел Дугласу в лицо.— Это тоже можете написать.

— Благодарю вас, сэр,— ответил Дуглас.— Непременно напишу, с превеликим удовольствием. Спасибо.

Они начали строиться в цепь на берегу. Кто-то кричал, толкался. Траубридж сбежал с дороги вниз и принялся командовать.

— Кончай базар! — закричал он.— В цепь становись! Беритесь за руки. Не спешите. Вдохните поглубже. Вода холодная, так что яйца прихватит...— Вдруг он обратил внимание на Кэти.— Извини, Кэти.

— Не бери в голову,— сказала она.— Ничего такого, что я не слышала раньше, ты сказать не сможешь.

Цепь вошла в воду.

— Боже! — простонал один из телевизионщиков.— Вода просто ледяная!

— Спокойно,— ответил кто-то.— Не обращай внимания, дружище.

Они медленно двигались вперед. На самом глубоком месте вода доходила до пояса высокому мужчине.

Войдя в воду, Кэти заскрипела зубами. Но постепенно она забыла о холоде: все ее внимание было поглощено каменистым дном. Одна рука Кэти утонула в огромной ладони Дугласа, другую, словно клещами, сжимал Нортон.

Те, что первыми добрались до противоположного берега, стали помогать остальным.

Стуча зубами, Кэти вскарабкалась на берег. Фотоаппарат Чета болтался у нее на шее. Чет помог ей преодолеть последние футы и забрал у нее камеру.

— Побегай маленько,— велел он.— Побегай, попрыгай — подвигайся. Согреешься. Ты похожа на крысу-утопленницу.

— Ты тоже,— ответила Кэти.— Да и все остальные не лучше.

Некоторые уже бежали вверх по пологому склону. Она побежала вслед за ними. Слева возвышался этот непонятный объект; казалось, что огромная черная стена уходит прямо в небо. Треск падавших деревьев и шум внутри объекта, жевавшего их, здесь слышались громче, чем на том берегу.

Фотографы разбежались вокруг ящика, нацелив свои камеры.

Вблизи ящик впечатлял еще больше. Здесь обнаружились его истинные размеры. Покачиваясь, он медленно двигался вперед, не обращая никакого внимания на людей, суетившихся вокруг. Во всяком случае, было незаметно, чтобы он обращал на них хоть какое-то внимание. То ли не замечал, то ли игнорировал. «Как будто нас нет,— подумала Кэти.— Словно мы не стоим того, чтобы нас заметили. Суматошатся там какие-то букашки...»

Она осторожно подошла к задней стене ящика и попыталась рассмотреть, как он движется. Ни гусениц, ни колес — ничего такого, на чем он мог бы двигаться. Казалось, что у него вообще нет никаких движущихся частей, более того, создавалось впечатление, что он даже не касается земли. Кэти решила подкрасться поближе и попробовать просунуть под него руку, но в последний момент испугалась. Этак можно и без руки остаться.

Она обнаружила, что ящик — на самом деле не совсем ящик. Боковая стена поднималась отвесно кверху. Но задняя (она по-

думала, что, может быть, и передняя тоже) слегка изгибалась наружу, так что в нижней части, возле самой земли, получалось нечто вроде округлого выступа. Почему-то — Кэти не могла понять почему — эта штуковина напомнила ей черепаху.

Кэти потихоньку пошла следом, но вдруг обо что-то споткнулась и чуть не упала. Что бы это могло быть? Приглядевшись, она увидела, что зацепилась за что-то белое, гладкое, торчавшее из земли. Она присела на корточки, смахнула с его поверхности землю, мох и хвою — это оказался пень. Низкий, не выше двух дюймов, очень ровный, свежий пень.

Ошеломленная, она провела по нему ладонью. Капельки выступившей смолы запачкали ей руку. Значит, ящик не ломает деревья, а срезает их возле самой земли и сталкивает своим весом, так, чтобы они падали перед ним.

«А это означает,— сказала она себе,— что машина занята не прокладкой лесной дороги. Значит, она специально создана для такой работы». Пока Кэти размышляла, задний край черепахоподобного панциря вдруг вздрогнул и подался кверху, словно автоматическая дверь гаража в ответ на сигнал.

Он приподнялся на пять-шесть футов, и из-под него выпали три белых... тюка? Что-то непонятное, похожее на тюки хлопка. И вместе с ними вылетело облако опилок и сосновых игл, похожих на массу, которую выбрасывает газонокосилка.

Потом заслонка в задней стене объекта снова опустилась.

«Что бы это могло быть? — подумала Кэти.— Мусоропровод?» Однако ей не доводилось видеть мусоропровод, из которого вылетают спрессованные белые тюки и сыплются опилки.

Она осторожно подошла к одному из тюков, протянула руку — но сразу отдернула, вдруг испугавшись чего-то. Страшно было его касаться. Обругав себя за трусость, она снова протянула руку. Белая масса была плотно упакована, спрессована, но не перевязана ни проволокой, ни вообще чем бы то ни было. Кэти попробовала расковырять ее пальцами. Масса оказалась упругой и не поддавалась. Но Кэти удалось оторвать маленький кусочек непонятного материала.

Материал оказался очень похожим на хлопок. Совсем как вата. «Забавно,— подумала Кэти.— Эта штуковина глотает деревья и выплевывает хлопковые тюки».

Из-за реки донесся металлический скрежет. Оглянувшись, она увидела, что к остаткам моста задним ходом подъехал большой грузовик, оборудованный подъемным краном. Стрела под-

няла с его платформы какую-то длинную деревянную конструкцию. На платформе лежало еще несколько таких же. «Наверное, это те самые армейские инженеры,— подумала Кэти.— Со сборным мостом. Быть может, нам не придется идти назад вброд, уж очень это неприятно. Интересно, сколько времени им надо, чтобы навести мост?» Она надеялась, что не слишком много. Снова лезть в ледяную воду совершенно не хотелось.

Она услышала за спиной шаги, обернулась и увидела Чета. Тот бежал к ней во весь дух, а за ним мчались другие.

— Это что за чертовщина? — спросил он задыхаясь.— Откуда взялись эти тюки?

— Наше чудо только что их выплюнуло,— ответила Кэти.

Чет быстро поднял камеру и начал фотографировать, остальные последовали его примеру. Телевизионные бригады работали как бешеные, торопливо устанавливая технику. У некоторых были небольшие ручные камеры, а другие возились с треногами и электрооборудованием.

Кэти потихоньку отошла. Ей совершенно нечего было здесь делать. «Чертовски обидно»,— подумала она. Дневные газеты здесь обанкротились. Все это появится в вечерних и в телевизионных новостях, раньше, чем «Трибьюн» выйдет в свет. «Так случается,— философски сказала она себе.— Где-то выигрываешь, где-то проигрываешь. И тут ничем не поможешь».

«Что все это значит? — размышляла она.— Чудовище, похожее на ящик, пожирает деревья, а потом с другого конца из него вываливаются тюки чего-то непонятного, похожего на хлопок. И еще груды мусора, который, по всей видимости, является не чем иным, как побочным продуктом такого древоедства. Похоже, тюки получились из съеденной древесины. Но что в них? Что это за белый материал?» Ей казалось, что она должна это знать, и она лихорадочно рылась в памяти, пытаясь отыскать в ее глубинах нужную информацию. Где-то там оно должно быть; должно было застрять с того времени, когда она отчаянно сражалась с биологией в колледже, терпя одно поражение за другим. Да, естествознание и математика не были ее любимыми предметами и всегда ей не давались.

И вдруг ее озарило. Целлюлоза! Может быть, это целлюлоза? Ей смутно припомнилось, что деревья частично состоят из целлюлозы. Вероятно, все растения включают в себя целлюлозу. Но сколько? Достаточно для того, чтобы стоило трудов жевать деревья и извлекать из них целлюлозу? А целлюлоза похожа на

хлопок? И если это на самом деле целлюлоза, на кой черт она громадному черному ящику?

Размышляя, Кэти шаг за шагом отступала назад, закинув голову и не отрывая взгляда от черной громады, стараясь лучше рассмотреть ее и оценить размеры и вес.

Внезапно она уперлась спиной в дерево. Опустив голову и оглядевшись, она обнаружила, что стоит на краю просеки, которую выгрызла в лесу черная громада. И оттуда из-за спины, из лесных зарослей, донесся тихий голос:

— Кэти? Кэти, это ты?

Она сразу узнала голос и мгновенно обернулась с бьющимся сердцем.

— Джерри? Джерри, что ты тут делаешь?

Проклятый идиот, стоит и радуется, что подкрался и напугал! Улыбается!.. Он почему-то был в болотных сапогах, лицо поцарапано, шерстяная рубаха изодрана в клочья.

— Джерри!..— повторила она, не веря своим глазам.

Он прижал палец к губам.

— Тихо! Иди сюда.

Она бросилась в его крепкие объятия.

— Тихо! — шепнул он.— Тихо. Давай отойдем подальше.

И потянул ее в глубь леса, под укрытие зарослей.

Она подняла на него глаза, чувствуя, как по щекам текут слезы.

— Почему тихо, Джерри? Я так рада тебя видеть, я так тебя ждала, я в редакции просила тебе передать, меня сюда послали...

— Тихо,— повторил он.— Нельзя, чтобы меня видели.

— Я ничего не понимаю! — запротестовала она.— Почему нельзя, чтобы тебя видели? Как ты вообще здесь очутился?

— Я оставил машину у моста и пошел ловить рыбу в омуте. А эта штуковина свалилась и раздавила машину.

— Так это была твоя машина?

— А ты ее видела? Я думал, что ее раздавило.

— В лепешку. Ее увезли.

— Кто увез?

— Не знаю. Просто увезли, и все. Может быть, ФБР.

— Ах, черт!

— Почему?

— Как раз этого я и боялся. Они найдут номерные знаки. И выйдут на меня.

— Джерри! Почему ты прячешься? Что случилось?

— Я был внутри этой штуковины. Меня что-то схватило и затянуло к ней в брюхо.

— Внутри? А как же ты выбрался?

— Она меня выкинула. Я упал на дерево, это меня и спасло.

— Ничего не понимаю. Зачем она тебя схватила?

— Может быть, хотела выяснить, что я собой представляю. Не уверен. Я вообще ни в чем не уверен. Я ночевал в лесу, выбраться не мог. Замерз чертовски, до полусмерти. Сидел под елочкой и думал.

— И до чего же ты додумался? Расскажи.

— Я понял, что мне нельзя становиться одним из психов, побывавших на летающей тарелке.

— Это не тарелка, Джерри.

— Нечто вроде тарелки. Оно из космоса. И оно живое. Я это точно знаю.

— Ты знаешь...

— Да, знаю. Сейчас некогда рассказывать.

— Но почему бы тебе не пойти сейчас со мной? Я не хочу, чтобы ты мотался по лесу один.

— Те люди на просеке — журналисты, не так ли?

— Конечно.

— Они меня на части разорвут. Начнут допрашивать.

— Нет. Я им не позволю.

— А возле моста полицейские.

— Да. Двое.

— Скорее всего, они ждут меня. Они, наверное, поняли, что кто-то оставил машину, а сам пошел рыбачить. А я в болотниках — видишь? Они меня по сапогам сразу узнают.

— Ладно,— сказала она.— Ладно. Но что ты собираешься делать?

— Я уже кое-что разведал. Когда я увидел, что у моста стоит полиция, то понял: здесь переправляться нельзя. Но ниже по течению есть мелководье, примерно в четверти мили отсюда, там можно перейти вброд. Как раз у дальней окраины города. Ты могла бы там меня встретить.

— Если ты так хочешь, Джерри,— встречу. Но мне все-таки кажется, что ты мог бы пойти вместе со мной.

Он покачал головой.

— Я об этом тоже думал. И представляю, что произойдет, если хоть кто-нибудь узнает, что я был внутри этой штуковины.

Так что давай встретимся попозже. А сейчас — иди, пока тебя не хватились.

— Сначала поцелуй меня,— сказала Кэти.— Бревно несчастное! Ты меня даже не поцеловал...

Глава 10

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Дейв Портер вошел в зал заседаний и увидел, что все уже собрались. Некоторые только что зашли и рассаживались по местам. Во главе стола сидел президент. Генерал Уайтсайд, начальник штаба армии,— справа от него. Джон Хэммонд, шеф канцелярии,— слева.

Джек Кларк, помощник президента по военным вопросам, сидел у другого конца длинного стола напротив президента. Он выдвинул один из свободных стульев, приглашая пресс-секретаря сесть рядом.

— Что у вас нового, Дейв? — спросил президент.

— Ничего, сэр. Наверное, все уже знают, что наш пришелец жрет деревья и превращает их в тюки целлюлозы.

— Да. Эту новость, я полагаю, знают все. Ее сообщили рано утром. Больше ничего?

— Поступает масса материалов,— ответил Портер,— но ничего существенного. Большое внимание привлекает новый объект на орбите.

— Ну ладно,— сказал президент.— Попробуем обмозговать все, что нам известно о ситуации. Если не возражаете, начните вы, генерал.

— Пока все как будто спокойно,— произнес Уайтсайд.— Публика проявляет большой интерес, но паники нигде не наблюдается. Пока. Однако любая мелочь может вызвать панику, поскольку все взвинчены. Я бы сказал, напряжение нарастает, и очень быстро, но пока под контролем. Несколько эксцессов с душевнобольными... В некоторых колледжах состоялись демонстрации, но вполне мирные, даже веселые. Детвора пар выпускает. В Миннесоте дорожная полиция штата контролирует ситуацию. Лоун-Пайн охраняется. Похоже, что население воспринимает это вполне лояльно. Кое-кто требует, чтобы их туда пропустили, но таких немного. Губернатор привел в готовность Национальную гвардию, но нужды в ней пока нет.

Патрульная служба допустила в Лоун-Пайн прессу. Несколько фотографов и репортеров с утра перешли вброд реку и крутились возле пришельца. Ничего не произошло. Он занимался своим делом. Должен признаться, мы были весьма озабочены вчерашним убийством парикмахера. Но больше никаких проявлений враждебности не отмечалось. Насколько мне известно, сейчас там задействована бригада агентов ФБР из Миннесоты. Возможно, директор имеет какие-нибудь сведения от них?

— Только предварительные данные, Генри,— ответил Тимоти Джексон, директор ФБР.— У них сложилось впечатление, что пришелец не несет на себе никакого вооружения. Ничего такого, в чем можно было бы распознать оружие. На его поверхности вообще ничего нет, ни сверху, ни с боков.

— Но как же он убил парикмахера? — спросил президент.

— Это мы и сами хотели бы знать,— сказал Уайтсайд.— Но пока ни малейшей зацепки.

— Стив, вы послали туда своих людей, не так ли? — спросил президент.

— Сейчас уже должны быть на месте,— ответил доктор Стивен Аллен, советник по науке.— Я с минуты на минуту жду вестей от них. Но должен вас предостеречь от чрезмерных надежд. Скорее всего, никаких потрясающих открытий или объяснений в ближайшее время не предвидится. По-видимому, мы имеем дело с чем-то таким, что далеко выходит за пределы нашего обычного опыта.

— Вы полагаете,— вступил в разговор Маркус Уайт, государственный секретарь,— что мы имеем дело с чем-то из космоса? Быть может, с внеземной цивилизацией?

— Любая новизна всегда провоцирует преувеличения,— ответил Аллен.— Должен признаться, что такое искушение есть. Хочется сказать, что это внеземной разум. Однако у нас нет никаких доказательств, что так оно и есть на самом деле. Нельзя отрицать, что он прибыл из космоса, и — как я сказал — это нечто, по-видимому, не вписывается ни в какие наши представления. Но мне — как ученому — не хотелось бы делать каких-либо выводов, по крайней мере до того, как появятся хоть какие-нибудь достоверные данные.

— Вы заняли возмутительную позицию,— промолвил госсекретарь.

— Вы ошибаетесь, Маркус. Я просто воздерживаюсь от окончательных выводов. Не похоже, чтобы эта штука имела земное

происхождение, но пока мы попросту ничего не знаем. Но что бы то ни было — меня радует, что до сих пор оно не проявило стремления причинить какой-либо вред. Пока, во всяком случае, ведет себя вполне дружелюбно.

— Уничтожение леса не так уж дружелюбно,— возразил Уильям Салливен, министр внутренних дел.— Поймите, господин президент, земли, которые разоряет пришелец,— заповедные. Район первобытного, девственного леса. Один из немногих, где сохранилась нетронутая природа, один из самых обширных. Несколько тысяч акров, на которых деревья — главным образом белая сосна — стоят, как стояли еще до появления европейцев в Америке. Поверьте, это настоящая трагедия.

— Мне кажется,— сказал Хэммонд,— что, если кто-то или что-то валит деревья и извлекает из них целлюлозу, это можно рассматривать как проявление интеллекта.

— Хорошо запрограммированная машина вполне способна управиться с такой работой,— заметил советник по науке.

— Но кто-то, или что-то, должен был машину запрограммировать.

— Это верно,— вставил Аллен.

— По-моему, гибель нескольких деревьев — мелочь по сравнению с происходящим,— сказал госсекретарь.— Не стоит их оплакивать.

— Это вы так думаете,— ответил министр внутренних дел,— и может быть, вы правы. Но с моей точки зрения, это не мелочь. Я не могу с вами согласиться. Дело даже не в деревьях, а в том, что пришелец ведет себя как хозяин, и это меня тревожит. Представьте себе, что кто-то зашел в сад и рубит яблоню, которую хозяин заботливо выращивал много лет, или снимает весь урожай. И это не акт вандализма, вот в чем ужас! Этот «кто-то» действует так, словно имеет законное право рубить яблоню и грабить сад.

— Мы зря тратим время, дискутируя о таких пустяках,— сказал госсекретарь.— Мы должны выработать позицию — позицию государства. Мы должны заложить основы какой-то политики. Если наш пришелец, лесоруб миннесотский, окажется представителем внеземной цивилизации, нам совершенно необходимо иметь политику, определяющую наше отношение к нему. Ведь мы не можем быть уверены, что он один. Вероятно, он только разведчик, а остальные ждут его сведений, чтобы прилететь следом. Если это произойдет, то выработка политики приобрета-

ет первоочередную важность. Мы должны иметь какое-то представление, как вести себя по отношению к ним. Я не предлагаю немедленно приняться за детальную разработку, хотя бы потому, что мы пока не знаем, что может произойти. Но какие-то общие контуры мы просто обязаны наметить. Если мы этого не сделаем, то выяснится, что в каждом отдельном случае мы реагируем на конкретную, единичную ситуацию, и не всегда в наших наилучших интересах.

— Вы говорите так, словно эта штуковина в Миннесоте олицетворяет собой новое государство,— заметил Уайтсайд.— Новую нацию. Но это не нация и не государство. Мы даже не знаем, что это такое. И как прикажете определять нашу политику, если мы не знаем, что это такое? Меня как военного главным образом занимает наша способность защититься от него.

— Защититься? — переспросил Уайт.— Пока у нас нет никаких оснований защищаться.

— Есть еще одна сторона дела, о которой стоит поговорить,— вступил в разговор Лесли Лоуган, представитель ЦРУ.— Безопасность.

— Что вы имеете в виду? — спросил госсекретарь.

— Если миннесотский объект как-то связан с внеземным разумом,— ответил Лоуган,— если мы обнаружим, что он явился с другой планеты, где условия совершенно не похожи на земные, если факторы его эволюции существенно отличаются от всего того, что мы знаем на Земле,— то, вероятно, мы сможем узнать от него очень много нового. Может случиться, что нам придется иметь дело с неизвестной цивилизацией и с неизвестными технологиями. Если бы мы смогли перенять что-либо у этой цивилизации, то, несомненно, нашли бы этому применение для наших собственных нужд, в интересах национального процветания и национальной безопасности. Принимаясь за изучение загадочного объекта — что бы мы ни делали,— мы постоянно должны помнить об этом. По моему мнению, было бы чрезвычайно неразумно делиться любым таким знанием со всем миром. Мы должны немедленно предпринять шаги, исключающие утечку полученной нами информации. То, что мы можем узнать, не должно послужить чужим интересам.

— Пока,— сказал госсекретарь,— приземлился только один пришелец. Могут приземлиться и другие. Если это произойдет, то не исключено, что другие приземлятся в других государствах. И, если ситуация будет развиваться именно так, мне кажется,

что нам не удастся скрыть что-либо существенное. Я полагаю, лучше было бы поделиться с миром всем тем, что нам удалось бы приобрести. Если мы поделимся своими знаниями, то сможем рассчитывать на более сильную позицию для участия в тех открытиях, которые могут быть сделаны другими. Разумеется, при условии, что пришельцы появятся и у них.

— Прежде всего мы не знаем,— заявил Лоуган,— будут ли приземляться новые пришельцы. Такое предположение заводит нас слишком далеко. А если и будут — то не так уж много в мире стран, обладающих таким же научным потенциалом, как мы, необходимым для получения знаний.

— Может быть, вы и правы. Но позиция, которую вы предлагаете, произвела бы чрезвычайно отрицательное впечатление в мире — если, делясь полученной информацией, мы проявим чрезмерную избирательность, если откажемся публиковать ее — впечатление будет очень плохое. Если мы вообще хоть что-нибудь обнаружим.

— Что-нибудь наверняка обнаружим,— заметил советник по науке.

— Какие-нибудь общие сведения можно и обнародовать,— согласился представитель ЦРУ.— Жест в сторону общественного мнения, если вы считаете, что это нам на пользу. Но я убежден, что торопиться с этим не следует и необходимо проявлять крайнюю избирательность.

— Весь мир уже заинтригован,— сказал госсекретарь,— и я уже получил несколько осторожных запросов. Сегодня утром звонил сэр Бэзил, из британского посольства. Завтра можно ждать звонка от Дмитрия. А потом и от остальных. По моему мнению, международный климат будет гораздо здоровее, если мы будем действовать открыто с самого начала. Надо полагать, очень скоро будет высказано мнение, что это дело не наше внутреннее и касается всего международного сообщества. Я за то, чтобы послать приглашение ученым с мировым именем из разных стран принять участие в наших наблюдениях, исследованиях и оценках.

Представитель ЦРУ покачал головой.

— Абсолютно не согласен,— сказал он.— Абсолютно.

— Энди, а что вы можете сказать по этому поводу? — спросил президент.

— Так сразу — ничего,— ответил Эндрю Роллинз, министр юстиции.— Насколько я помню, в международном праве нет

ничего, что было бы приложимо к данному случаю. Может быть, где-нибудь, в каком-нибудь из международных договоров что-то похожее упрятано. Вы должны дать мне несколько дней.

— Вы говорите как законник,— заметил госсекретарь.

— А я и есть законник, Маркус.

— В таком случае вы просто сошли с ума. Не как законник — как человек. Что вы сами-то думаете? Если ваши мысли окажутся не в ладах с вашими драгоценными кодексами, мы не станем вас к ним привязывать.

— Меня поражает,— сказал Роллинз,— что мы с вами говорим тут о наших интересах, о мировых интересах, о том, какой должна быть наша политика... Но никто даже на минуту не задумался об интересах нашего гостя. Он прилетел к нам. Не знаю, хорошо это или плохо — но прилетел. И пока мы не знаем, с чем он прилетел, пока он не вынуждает нас вести себя иначе — я думаю, что мы должны вести себя как радушные хозяева и оправдать его за недостаточностью улик.

— Энди,— улыбнулся госсекретарь,— это как раз то, что я все время хотел сказать. Но у вас получилось лучше.

— Но он же пиратствует в заповеднике! — воскликнул Салливен.

— Я согласен, мы обязаны быть гостеприимными хозяевами,— сказал Уайтсайд,— но я по-прежнему настаиваю на том, что нельзя терять бдительности. Мы должны быть настороже, готовы ко всему. Мы не знаем, с чем имеем дело.

— Вы все еще думаете, что мы будем вынуждены обороняться? — спросил госсекретарь.

— Этого я не сказал, Маркус. Я сказал, что мы должны быть готовы ко всему.

— На брифинге сегодня было несколько вопросов по поводу нового объекта на орбите,— заговорил Портер.— Хотели знать, собираемся ли мы послать к нему космический челнок с орбитальной станции, чтобы исследовать. Я ответил, что данный вопрос рассматривается. А как сейчас? Решили что-нибудь? Я помню, такой разговор был.

— Челнок может стартовать в течение часа,— сказал Джон Крауэлл из НАСА.— Нужен только приказ президента. На станции все подготовлено, и экипаж уже ждет.

— Насколько трудным может оказаться это предприятие? — спросил президент.

— Трудностей никаких,— ответил Крауэлл.— И станция, и объект находятся на синхронных орбитах, а расстояние между ними меньше тысячи миль. Использовать челнок, чтобы посмотреть на объект поближе, конечно, стоит. На станции есть телескоп, но — сами понимаете — маломощный, не то что настоящие астрономические стекла. Однако и с его помощью оказалось возможным получить кое-какую информацию. Объект гораздо крупнее, чем предполагалось: около двадцати миль в диаметре и порядка пяти в толщину. Имеет форму диска. И похоже, что это не сплошное, не монолитное тело, а скорее скопление каких-то более мелких элементов.

— У всех на уме, конечно, одно и то же,— снова заговорил Портер.— Что объект на орбите связан с нашим пришельцем. Что он может быть какой-то базой, космическим крейсером...

— Я думаю, надо послать челнок,— сказал президент.— Послать и узнать, что это такое.— Он обратился к Крауэллу: — Как по-вашему, опасность есть?

— Никакой особой опасности я себе представить не могу,— ответил Крауэлл.— Но когда имеешь дело неизвестно с чем, конечно, ничего нельзя исключить полностью.

— Как относятся к этой идее остальные? — спросил президент.— Кто-нибудь видит какие-либо осложнения?

— Осложнения могут возникнуть,— сказал министр юстиции,— но сделать это все равно нужно. Мы должны знать, что там такое и как нам с ним обойтись. Я думаю, пилоту следует приказать соблюдать чрезвычайную осторожность. Чтобы ничего там не потревожить. И никаких подвигов.

— Согласен,— сказал госсекретарь.

— Я тоже,— сказал министр внутренних дел.

И все сидевшие вокруг стола выразили свое согласие.

Глава 11

Лоун-Пайн

Когда Кэти спустилась с холма за мотелем, Джерри уже перебрался через реку и ждал ее. Он сидел возле сливовых деревьев, росших небольшой группкой, расположившись так, чтобы за густыми ветвями его нельзя было заметить со стороны моста, примерно в четверти мили выше по течению.

Кэти обошла деревья, увидела его и бросила на землю пару туфель.

— Ну, можешь скинуть свои сапоги,— сказала она.— Надеюсь, купила подходящий размер.

— Я ношу восьмой,— отозвался Джерри.

— А эти восемь с половиной. Я не могла вспомнить размер, а может, и не знала никогда. Но лучше большие, чем маленькие. Тут полно зевак, возле полицейских все время кто-нибудь слоняется. Без сапог на тебя никто не обратит внимания.

— Спасибо,— поблагодарил Джерри.— Сапоги меня просто замучили.

Она подошла и села рядом. Он обнял ее за плечи, притянул к себе и наклонился, чтобы поцеловать.

— Слушай, тут чудесное местечко,— сказала она.— Давай никуда не пойдем. Посидим, поговорим. У меня к тебе куча вопросов. Утром ты не дал мне и слова сказать. Ну а теперь давай рассказывай.

— Ну, я говорил, что был внутри этой штуковины. Но я там был не один. Была еще рыба, кролик, енот и ондатра.

— Ты сказал, что они хотели изучить тебя. И всех остальных они тоже изучали?

— Я так думаю. Представь себе, что ты чужак и спускаешься на незнакомую планету. И тебе хочется узнать, что там за жизнь...

— Почему бы тебе не начать с самого начала и не рассказать мне все по порядку, подробно.

— Ты же меня перебивать будешь. Вопросами своими.

— Не буду. Я сижу, молчу и слушаю.

— Но ты не будешь писать обо мне статью?

— Это зависит от того, что ты мне расскажешь. И можно ли будет об этом написать. Но если ты скажешь «нет» — не буду. Я, конечно, могу с тобой поспорить, но если ты все равно скажешь «нет» — честное слово, не буду.

— Прекрасно. Вчера я приехал сюда, потому что мне сказали, что в омуте у моста попадаются радужные форели. Я знал, что у меня всего полчаса на рыбалку, потому что концерт, на который ты собиралась...

— Так ты помнил о концерте?

— Еще бы не помнить! Ведь ты меня столько терроризировала...

— Ну ладно. Рассказывай дальше.

Он рассказал все с начала до конца, и она на самом деле почти не перебивала.

— Почему же ты не вернулся в Лоун-Пайн вчера вечером? — спросила она, когда Джерри закончил свой рассказ.— Ты же знал, что реку можно перейти вброд.

— Вчера не знал. Я это выяснил уже утром. А вечером я заблудился и всю ночь не знал, где нахожусь. Когда меня выкинуло, было уже темно, и я совершенно дезориентировался. Я даже не мог найти ту штуковину, которую ты называешь пришельцем. Нашел что-то похожее на тропинку, но идти по ней можно было только на четвереньках, нащупывая ее руками. Когда пытался идти по-человечески, все время натыкался на деревья. Так и полз. Надеялся, что она меня куда-нибудь выведет. А она взяла да и кончилась посреди леса. И тогда я понял, что придется дожидаться утра, и забрался под елочку. У нее ветви до земли доставали, так что ветра под ней не было, но все равно холодно. А костер развести спичек не было.

— И там ты просидел до рассвета?

— Ну да. А потом услышал, что деревья валятся, и этот шум, когда пришелец грызет деревья. Я, конечно, не знал, что он пришелец. Я вообще ничего не знал, что там происходит. Ведь лес заповедный, деревья трогать нельзя. Но в тот момент я об этом не думал, честно говоря. Думал только, что там окажется кто-то, кто объяснит мне, как добраться до Лоун-Пайна.

— А потом ты увидел полицейских возле моста и испугался?

— Точно. Так что я разведал речку вниз по течению и нашел брод. А потом услыхал голоса на берегу и пошел посмотреть. И встретил тебя.

— Но я до сих пор так и не поняла,— сказала она,— почему ты не хочешь, чтобы кто-нибудь знал о том, что ты был внутри пришельца.

— Так и не поняла? А ты подумай — у меня же нет ни малейшего доказательства, что я на самом деле там был. И пришлось бы мне стать еще одним придурком, который старается нажиться на истории с приземлением летающей тарелки. Мало таких, что ли? Сейчас, наверное, по всей стране народ взбаламучен.

— Это верно,— согласилась Кэти.— Быть может, в Вашингтоне больше всего. Я тебе говорила, что здесь люди из ФБР. А сегодня днем еще и научные наблюдатели появились, целая команда.

— Если кто-нибудь узнает, что я был там, внутри,— продолжал Джерри,— они меня поймают и начнут допрашивать. Я, конечно, мог бы все им честно рассказать, но мне же нечем доказать, что не вру. Я буду чувствовать себя дураком, а они, скорее всего, мне не поверят, а потом, рано или поздно, история попадет в газеты, и одни будут уверены, что я все это выдумал, а другие — что еще хуже — поверят.

— Да, я тебя понимаю,— сказала Кэти.

— То, что я мог бы сказать, никому не поможет. А уж если они уцепятся, то не отпустят. Начнут допрашивать, переспрашивать, пытаясь поймать на каком-нибудь вранье. Чего доброго, еще в Вашингтон потащат, а мне над диссертацией работать надо.

— Да,— согласилась Кэти,— ты прав, наверное. Не знаю. Я думаю, что, возможно, ты принял правильное решение.

— Ты имеешь в виду, что не будешь спорить, писать обо мне или нет?

— Пожалуй, я бы и не решилась,— сказала она.— Получилась бы чистейшая ерунда — голая сенсация без капли доказательств. Ничего, на что можно опереться, кроме твоих слов. Представляю, что сказал бы Эл Лэтроп.

— Кто такой Эл Лэтроп?

— Наш главный редактор. Он верит только документам. Такой материал он бы ни за что не пропустил. Скорее всего, даже Джонни не пропустил бы. Сам-то восхитился бы, конечно, но он же знает, что Лэтроп...

— Ну и слава богу,— сказал Джерри.— Я думал, мне с тобой драться придется.

— Но обидно до чертиков,— сказала Кэти.— Такой бы материал получился! Боже, какой это был бы материал! Его бы по всей стране разнесли, все газеты напечатали бы, миллионы людей прочитали бы, и ты бы сразу стал героем.

— А может, и вруном?

— Может, и так,— согласилась она.

Она прижалась к нему, положив голову ему на плечо. «До чего же здесь хорошо»,— подумала она. Солнце уже опускалось к западу, но еще пригревало, на небе не было ни облачка. Впереди журчала вода, перекатываясь через каменистую отмель, а на том берегу осиновая роща сияла золотом осенних листьев на фоне мрачноватой зелени сосен.

— Но ты понимаешь, что рано или поздно они до тебя доберутся? — спросила она.— Как только расковыряют твою машину и найдут номерные знаки или определят номер мотора.

— Да, конечно,— ответил он.— Но я должен выиграть время. Мне надо успеть подумать. Как-то сориентироваться, чтобы знать, что делать. А, может быть, к тому времени вопрос, кому принадлежала машина, уже не будет никого интересовать.

— Но даже когда они узнают, что она твоя,— сказала Кэти,— не стоит упоминать, что ты был внутри пришельца. Никто никогда и не спросит об этом. Никому в голову не придет, что такое возможно. Все, что тебе нужно,— выждать, пока шум поутихнет, хоть немножко. Вполне вероятно, что пришелец задаст им всем работу для ума. В ближайшие дни тебе надо подать заявление о выплате страховки. К тому времени мы, быть может, узнаем, кто забрал автомобиль и зачем.

— Это может и подождать. У меня другая проблема. Мне надо как-то попасть в университет.

— Где-то через час Чет поедет в Бемиджи. У него есть несколько готовых пленок; он их хочет передать на самолете в Миннеаполис. Паренек с автозаправочной станции сегодня утром пригнал нашу машину. Она осталась на шоссе, когда мы попали в пробку, полиция никого в Лоун-Пайн не пропускала, доехать было невозможно — и наша машина так и стояла на обочине с тех самых пор. Ты можешь доехать с Четом до Бемиджи и сесть на самолет.

— Так у меня же нет денег на билет!

— Ерунда. У меня есть. Мне в «Трибьюн» целую пачку дали на командировку.

— Я их тебе, конечно, верну; но, может быть, придется подождать. Ничего?

— Не надо. Я как-нибудь спишу их на командировочные расходы. Если не все сразу, то часть при следующей поездке куда-нибудь.

— Ужасно не хочется уходить,— сказал он.— Здесь так хорошо, спокойно... Как только вернусь — буду сидеть и ждать, что вот-вот зазвонит телефон или кто-нибудь хлопнет по плечу.

— Ну, это сразу. Может быть, у них будут другие дела, поважнее.

— Когда Чет уедет?

— Не сейчас. Мы побудем здесь какое-то время.

— А когда ты вернешься в газету?

— Понятия не имею. Надеюсь, слишком долго здесь торчать не придется. Я все время думаю о том, что ты сказал. Ощущение дома... Ты сказал, что пришелец внушил тебе мысль о доме. Что это, по-твоему?

— Я тоже все время об этом думаю,— сказал он.— Интересно и непонятно. И совершенно неожиданно. У меня это все время вертится в голове, но я ничего не могу придумать.

— На самом деле странно.

— Тут все достаточно странно. Если бы это случилось не со мной, я бы сказал, что такого быть не может.

— А какое-нибудь общее впечатление у тебя создалось? Ты догадываешься, что такое этот пришелец?

— Ты знаешь, я был сбит с толку. Я пытался выяснить, что это такое: то ли машина, управляемая неким интеллектом, то ли что-то живое. То так кажется, то эдак. . И ничего в голову не приходит. Но эти мысли меня преследуют. Вот если бы рассказать обо всем, что я увидел и почувствовал, кому-нибудь из ученых, экзобиологу — подробно, во всех деталях,— может быть, он заметил бы нечто такое, что я упустил.

— Но как раз этого ты не хочешь,— вздохнула Кэти.— Ни с кем не хочешь разговаривать, прячешься.

— Я не прячусь,— возразил Джерри.— Я не хочу, чтобы на меня глазели, не хочу, чтобы меня допрашивали в правительственных инстанциях, чтобы надо мной потешались. Не хочу уподобиться ребенку-фантазеру, которого насмерть забивают взрослые, не имеющие воображения и не способные себе ничего представить.

— Может быть, через пару дней наш пришелец просто-напросто возьмет и улетит.— Кэти старалась его утешить.— И мы его больше не увидим. Ведь он мог остановиться у нас по дороге куда-нибудь.

— Не думаю,— покачал головой Джерри.— Не знаю почему, но не думаю.

— В университете есть один человек,— сказала Кэти.— Доктор Альберт Барр, экзобиолог. Его не очень знают, но несколько статей он напечатал. Может быть, ты поговоришь с ним? Примерно год назад Джей писал очерк о нем. Похоже, он толковый малый.

— Может быть, я разыщу его,— ответил Джерри.

Глава 12

Космос

— Ты что-нибудь видишь? — спросил командир челнока второго пилота.— Приборы говорят, что мы совсем близко, но я ничего не вижу. Должно же хоть что-то быть — блик, отсвет... Солнце прямо за нами, видимость отличная.

— Ничего не вижу,— отозвался второй.— Минуту назад показалось, будто что-то есть, но теперь снова ничего.

— Чертовски не хочется столкнуться с этой проклятой штукой,— сказал командир.— Свяжись-ка со станцией, проверь, где мы.

Второй пилот взял микрофон.

— Станция, Станция, я Челнок. Вы можете сказать, где мы находимся?

— Челнок,— раздался голос в наушниках,— на нашем экране вы прямо перед объектом. Вы его не видите? Вообще не замечаете?

— Абсолютно

— Измените курс,— приказала Станция.— Возьмите левее. Вы слишком близко. Попробуйте подойти с другой стороны.

— Меняю курс,— ответил командир.— Обойдем и попробуем зайти против солнца.

Внезапно второй пилот схватил его за плечо

— Боже мой! — воскликнул он.— Ты видишь? Ты только посмотри!

Глава 13

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Снова, как всегда, Дейв Портер ощущал гордость. Его радовало, что это чувство не проходит. Он гордился, что Элис Дэйвенпорт рядом, что их видят вместе, что эта блестящая, прекрасная женщина находит время для него. Они сидели друг против друга за столиком в одном из дальних уголков уютного вашингтонского ресторана со свечами на столах и с тихой музыкой, доносившейся откуда-то издали. Она подняла свой стакан и посмотрела сквозь стекло на Дейва.

— Наверное, все не так уж плохо,— сказала она — Ты выглядишь не таким измотанным, как в последнее время. Сегодня все в порядке?

— Брифинг прошел отлично,— ответил он.— Никто на меня не набрасывался — мы теперь друзья. Почти. Не было ни одного неприятного момента, хорошо бы и дальше так. Я сказал президенту, что на этот раз мы ничего не должны скрывать, ни о чем не умалчивать. Вот на встрече с президентом и его командой было порой неприятно. Некоторые из этих негодяев настоящие параноики.

— Хотят придержать информацию о происходящем?

— Не совсем так. Хотя я подозреваю, кое-кто из них был бы счастлив, если бы я на это пошел. Но дело в другом. Салливен расшумелся из-за нескольких поваленных деревьев — будто эти деревья так уж много значат. Госсекретарь все время твердил, что надо немедленно выработать политику по отношению к пришельцу, ЦРУ рекомендовало держать в тайне все, что мы можем от него узнать, а Уайтсайд беспокоился, сможем ли мы защититься от него.

— Дейв! Ты сказал: «Президент и его команда» — будто ты сам не в команде президента. Ты их не любишь? Тех, кто вокруг президента.

— Дело не в том, люблю я их или нет. Мне приходится с ними работать. Но я буду работать так, как считаю нужным. Чем дальше, тем яснее, что иначе нельзя. А некоторых я люблю. Скажем, Джек Кларк, помощник по военным вопросам, мне очень нравится. Мы с ним часто беседуем с глазу на глаз.

— Фактически мы совершенно не знаем, что собой представляет наш гость в Миннесоте,— сказала Элис.

— Не знаем,— согласился он.— Не имеем ни малейшего понятия. Совершенно ясно, что он явился из космоса, но это все, что мы знаем. Однако некоторые, включая советника по науке, отказываются признать даже это. В том, что никто ничего не знает, удивительного нет. Он приземлился чуть больше суток назад. Будет большой удачей, если нам станет хоть что-то известно, скажем, через неделю. А ведь может понадобиться и несколько месяцев.

— Если он пробудет здесь до тех пор.

— Разумеется. Он может и исчезнуть через пару дней. Если это случится — нам будет о чем рассуждать и спорить в течение многих лет. Будем строить догадки. Высказывать запоздалые предложения по поводу того, как нам следовало бы его принять!.. Но я надеюсь, он пробудет здесь достаточно долго, так что мы успеем узнать хоть что-нибудь

— Знаешь, чего я боюсь? — сказала Элис.— Боюсь, что, если он не улетит, мы разозлимся на него из-за этих деревьев или из-за чего-нибудь еще. Дейв, мы не можем позволить себе возненавидеть эту штуковину. Нельзя допустить, чтобы ненависть ослепила нас. Мы можем ее не любить, но должны уважать как новую, неизвестную нам форму жизни.

— Так сказал бы настоящий антрополог,— заметил Портер.

— Можешь меня подкалывать, но именно так должно быть. Ради нашего же блага. Возможно, во Вселенной есть другая жизнь. А если есть жизнь, то должен быть и разум, но маловероятно, что таких разумов много.

— Элис, ведь мы еще не знаем, живая ли эта штуковина, о разуме пока и речи нет.

— Должен быть разум. Она опустилась на дорогу — значит, выбирала посадочную площадку. Она валит деревья и вырабатывает целлюлозу. Все свидетельствует о том, что разум есть. Должен быть.

— Запрограммированная машина...

— Не верю,— возразила Элис.— Для этого нужно слишком многое. Машина должна быть запрограммирована на миллионы самых разнообразных условий и ситуаций. Вряд ли такое возможно. Когда пришелец приземлился, у него не могло быть представлений о неизвестной планете. Разве что весьма общие, не более того. Но даже если он всего лишь машина — хоть и трудно в это поверить,— кто-то должен был заложить в нее программу действий. Так что без разума тут не обойтись.

— Я знаю. Теперь ты будешь твердить об этом без конца.

— Ты никуда не денешься от того,— сказала Элис,— что здесь присутствует разум. Мы шарахаемся от этой мысли из-за предубеждений — и только. Этот большой черный ящик живым быть не может, говорим мы. На Земле такого существа нет, следовательно, он не может быть живым... совершенно нелогично. Далее. Он вырабатывает целлюлозу — а зачем ему целлюлоза? Мы из нее делаем бумагу, может быть, еще что-нибудь, не знаю, я в бумажном деле не специалист. Но раз он не собирается делать бумагу, то в его действиях тоже нет смысла. Так нам кажется. Но это нам только кажется, Дейв. Кто-нибудь подумал, что ему целлюлоза, может быть, нужна для других целей? Быть может, для него целлюлоза — сокровище, деревья — дар божий, как для нас золото или алмазы. Быть может, он скитался в космосе несколько световых лет, пока не нашел планету, где есть цел-

люлоза. В Галактике, должно быть, не так уж много планет, на которых растут деревья или что-нибудь похожее.

— Мне кажется, что ты меня к чему-то подводишь,— заметил Портер.

— Да, подвожу,— согласилась Элис.— К исторической параллели, из которой можно извлечь очень ценный урок. Нечто свалилось нам на голову и берет что хочет, не спрашивая у нас разрешения, не обращая на нас никакого внимания,— точно так же вели себя белые, появившись в Америке, в Африке или где бы то ни было. Так же самонадеянно, так же бесцеремонно, как мы.

— Боюсь, то же самое скажут и другие. Ты сказала первой, но появятся и другие. Индейцы прежде всего.

— Коренные американцы,— поправила она.

— Хорошо, будь по-твоему. Коренные американцы.

— И еще одно,— продолжала она.— Мы должны приложить все усилия, чтобы наладить контакт с нашим пришельцем. Он может столько нам поведать! Быть может, такое, о чем мы никогда не задумывались и не имеем ни малейшего понятия. Новые точки зрения, новые перспективы... Быть может, это изменит нашу жизнь, даже перевернет. Мне все время кажется, что когда-то где-то мы свернули на неверную дорогу. Быть может, пришелец вернет нас на правильный путь?

— Я согласен с тобой. Но как ты представляешь себе разговор с ним? Чтобы объясниться — тут пальцами не обойтись. Наши переговоры должны быть содержательными. А это может оказаться нелегко — если мы вообще сможем как-то с ним заговорить.

— Это потребует времени, конечно! Но надо запастись терпением. Мы должны дать ему — и себе — шанс. Главное — не делать ничего такого, чтобы он улетел. Мы должны постараться задержать его здесь, что бы он у нас ни брал.

— Пока никто его не гонит, Элис. Да если бы нам и захотелось — как это сделать?

Глава 14

Лоун-Пайн

Посреди ночи Кэти проснулась. Она лежала, скрючившись под одеялом и стараясь спрятаться от мрака и холода, которые словно давили на нее в неуютной комнате мотеля.

«Холод,— подумала она.— Холод и мрак». И с удивлением поняла, что думает не о тех холоде и мраке, что царят в крохотной комнатке, а о мраке и холоде, которые преодолел пришелец, чтобы добраться до Земли.

Приснился он ей, что ли? И сон превратился в первую мысль при пробуждении? Если так, то больше из того, что снилось, она не помнила ничего.

Однако мысли о пришельце и леденящей пустоте дальнего космоса не отступали. «Из каких далей он явился? — спрашивала она себя.— Через световые годы, сквозь всепоглощающую тьму с неясными светлячками далеких неизвестных солнц. Что его заставило пуститься в путь? Душевная пустота, такая же безграничная, как пустота межпланетного пространства? Голод, не похожий на голод обитателей планеты Земля? А может быть, желание отыскать Землю или другую планету, похожую на Землю? Почему именно Земля или планета, похожая на Землю? Потому что на ней растут деревья? — Она покачала головой.— Нет. Должно быть что-то другое, что-то большее.

А может быть, он просто исследует Галактику? Составляет карту? Или летит по какой-нибудь не очень точной схеме, которую вычертил другой путешественник; летит, выполняя какую-то миссию, которую человеческий разум даже не в состоянии понять?..»

«Холод и мрак»,— снова подумала Кэти. И удивилась — отчего эти два слова неотступно крутятся в голове? Ведь там не только холод и мрак. Там еще одиночество. Ощущение своей затерянности и ничтожности в бесконечном пространстве, у которого нет и не может быть не только сочувствия, но даже внимания. Великое, беспредельное безразличие, не замечающее, что кто-то движется сквозь него. «Какое же существо,— думала Кэти,— способно выстоять перед лицом великого безразличия? Какое существо могло бы броситься в эту бездну небытия? Какие причины могли заставить его устремиться в бесконечную пустоту? Наверное, у него была какая-то цель. Но если этой целью была Земля, то, отправляясь в путь, он не мог знать, что достигнет ее. Никто, даже в самом ближайшем космосе, не может знать о Земле или хотя бы подозревать о ней».

«Бедный, одинокий,— думала она.— Бедный, испуганный древоед. Бедное создание, прилетело из такого далека!.. На Землю. Из Великого Безразличия».

Глава 15

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Портер уже надел пижаму и стал стелить постель, когда вдруг зазвонил телефон. Он взглянул на часы на ночном столике — было почти два.

— Это Джек,— раздался голос с того конца провода.— Джек Кларк. Я тебя не разбудил?

— Через минуту уже разбудил бы.

— Дейв, по-моему, это важно. Ты не можешь приехать в Белый дом? Мы будем ждать в твоем кабинете.

— Кто это мы?

— Я, НАСА, советник по науке и Уайтсайд.

— Президента не будет?

— Он спит. Мы не хотим его будить. Надо кое-что обсудить.

— Что именно?

— Это не телефонный разговор. Повторяю, это важно.

— Я буду через десять минут. Может, через пятнадцать.

— Вот еще что. Быть может, стоит позвать и шефа канцелярии? У тебя нет возражений?

— Хэммонда? Конечно. Обязательно пригласи его.

— Ну хорошо. Ждем тебя.

Портер повесил трубку. Что за чертовщина, что там случилось? Кларк был взволнован и озабочен — это было слышно по голосу. Быть может, другой этого и не заметил бы, но он заметил. Он знал Джека Кларка достаточно давно.

Он взглянул на постель. Сейчас бы залезть под одеяло — и ну его к черту, этого Кларка и всех остальных вместе с ним. Бог свидетель, ему необходимо отдохнуть. За последние двадцать четыре часа он почти не спал... Но он прекрасно знал, что только примеряет эту мысль. Через пятнадцать минут он будет идти по коридору к пресс-бюро, так что надо снимать пижаму. Что он и сделал — и пошел к шкафу за носками.

Прежде чем сесть в машину, он немного постоял, глядя в небо. Где-то к северу, не слишком близко, слышался гул самолета, шедшего на посадку. Он попытался разглядеть мигающие огни на борту, но их не было видно. На улице шуршали опавшие листья, ветер гнал их вдоль тротуаров.

Когда он вошел в пресс-бюро, все уже собрались и ждали его. Не было только Хэммонда. У стены потихоньку стрекотали

телетайпы. Из кухни принесли кофе, на одном из столов сверкал кофейник и аккуратно выстроились белые чашки.

Уайтсайд занял место за столом Портера и раскачивался в его кресле, Крауэлл из НАСА и доктор Аллен сидели на небольшом диване. Кларк разливал по чашкам кофе. Быстрым размашистым шагом в комнату вошел Хэммонд.

— Что произошло? — спросил он.— Судя по вашему голосу, Джек, что-то важное.

— Я не знаю, насколько важное,— ответил Кларк.— Это надо обсудить. Челнок вышел на связь с орбитальной станцией, и оттуда мы получили сообщение.

— Что там?

Кларк показал на Крауэлла. Все повернулись к нему.

— Новый объект в космосе,— сказал Крауэлл,— как многие из нас, наверное, предполагали, но не хотели говорить вслух, совершенно очевидно связан с пришельцем, опустившимся в Миннесоте.

— И какая между ними связь? — спросил Хэммонд.

— Это вообще не объект в буквальном смысле слова. Это скопление пришельцев — сотни, может быть, тысячи. Никто не подсчитывал, сколько их там может быть.

— И скопление имеет форму колеса?

Крауэлл кивнул.

— Мы знали это и без челнока. Изображения телескопа свидетельствовали об этом. Наблюдатели видели не монолитный объект, а скопление дискретных частиц.

— Это не дискретные частицы,— сказал Кларк.

— С расстояния в тысячу миль они казались именно такими.

— Они по-прежнему сохраняют ту же форму? — спросил Хэммонд.— Я имею в виду, скопление не рассыпается? Они не начали разлетаться?

— Уверенности в этом нет,— сказал Крауэлл.— Экипаж челнока говорит, что на краю там что-то происходит. Пришельцы — слово очень неуклюжее, но я не знаю, как их называть по-другому,— так вот, пришельцы на краях диска вроде бы расположены уже не так плотно, как раньше. Означает ли это, что «рой» начал распадаться,— мы не знаем. Если предположить аналогию с пчелиным роем, то такая ситуация нормальна. В пчелином рое основная масса пчел располагается плотно друг к другу, но всегда есть какое-то количество особей, которые летают вокруг основной массы в поисках места, куда можно было

бы пристроиться. То же самое может происходить и с нашим «роем» на орбите. Ребята на челноке не уверены. Им было плохо видно.

— Плохо видно? — удивился Уайтсайд.— Что же им могло помешать?

— В космосе вообще трудно обнаружить объект,— сказал Крауэлл.— Нет фона, на котором его можно рассмотреть. Виден лишь отраженный свет.

— Но там же солнце,— упорствовал Уайтсайд.— Рой должен отражать солнечные лучи.

— Ничего подобного, генерал. Никаких отражений. И это наталкивает меня на мысль, что мы имеем дело с черными телами.

— Черные тела? Я где-то об этом слышал, но...

— Тела, которые поглощают всю энергию, в данном случае — солнечную. Абсолютно черное тело поглощает всю энергию без остатка, ничего не отражая.

— Разумеется! — воскликнул Аллен.— Я должен был догадаться. Более того, должен был знать! При полете в пространстве нужно немало энергии. И вот таким образом эти штуковины ее добывают. В космосе энергии немного, но они извлекают ее отовсюду. Они используют излучение далеких солнц, как бы слабо оно ни было. Кое-что они могли получить от столкновений с микрометеоритами. Это кинетическая энергия, но, возможно, они способны преобразовывать ее в другие формы. Еще космические лучи — в них очень много энергии... Другие типы радиации... Они поглощают все. Своего рода энергетические губки.

— Вы в этом уверены, доктор? — сухо спросил Хэммонд.

— Ну... Не совсем, конечно... Конечно же, я в этом не уверен. Но гипотеза разумная. Может быть, именно так они и работают. Машина, летящая во Вселенной, должна иметь какие-то источники энергии, достаточной, чтобы продолжать полет.— Аллен повернулся к Крауэллу.— Еще до того, как вы сказали, что представляет собой объект на орбите, я предполагал, что мы обнаружим нечто подобное. Мои люди в Лоун-Пайне сообщают, что пришелец посылает модулированные сигналы, а это должно означать, что он с кем-то поддерживает связь. Я подумал, с кем он может общаться. Наиболее вероятный ответ — с кем-то из себе подобных. Никто другой не смог бы расшифровать галиматью, которую он посылает.

— Это значит,— сказал Уайтсайд,— что он рассказывает родственничкам на орбите, какие замечательные леса он здесь нашел. Приглашает их не стесняться и разделить с ним трапезу. В ближайшее время должны появиться и другие. Свалятся к нам в леса, повяжут салфетки — и поехали!

— Опять ты торопишься с выводами, Генри,— сказал Хэммонд.— Мы не можем быть уверены в этом.

— Но такое очень даже вероятно,— угрюмо возразил генерал.— И нельзя закрывать на это глаза. Бог ты мой, ну и дела! Ситуация просто ужасная.

— Что еще обнаружили ваши люди? — спросил Аллена Портер.

— Немного. Пришелец не из металла — в этом мы уверены. Что за материал, мы не знаем. Пытались взять образцы...

— То есть ваши люди подошли прямо к нему и стали его корябать?

— Черт возьми, дружище, да они его всего облазили! Они осмотрели каждый дюйм его поверхности. Он не обращает на них ни малейшего внимания. Даже ухом не ведет. Пасется себе и пасется... Валит лес.

— Боже милостивый, что же это такое? — воскликнул Кларк.

Никто не ответил.

— Меня поражает другое,— сказал Крауэлл.— Каким образом «рой» попал на орбиту? Чтобы разместить объект на орбите, требуется какое-то время. Пока он попадет именно туда, куда надо, и приобретет именно ту скорость, какую надо, он успеет сделать несколько витков вокруг Земли. Если бы новый объект, этот «рой», проделывал какие-нибудь маневры, перед тем как обосноваться на орбите, наши станции слежения поймали бы его гораздо раньше. Но ведь не поймали! Когда они его обнаружили, он уже был на орбите. И тут еще одно. Чтобы вот так сразу попасть на орбиту, он должен был иметь представление о планете, вокруг которой собрался крутиться. Очень многое должен был знать: скорость вращения, период обращения, гравитационные параметры... Это относится к любой орбите вообще, а для синхронной орбиты точность предварительных расчетов должна быть и вовсе немыслимой. Но он, очевидно, прилетел и сел — на нужной высоте, при нужной скорости. Как это можно было сделать — представить себе не могу. По-моему, вот так, экспромтом, это попросту невозможно.

— Итак, все дурные новости мы знаем,— заключил Хэммонд.— Что же теперь делать? Мы ведь ради этого и собрались, не так ли? Чтобы наметить какой-то план действий. Утром я хотел бы иметь возможность сказать президенту, что у нас есть какие-то идеи.

— Первое, что надо сделать,— сказал Уайтсайд,— предупредить всех губернаторов, чтобы привели в готовность Национальную гвардию.

— И вся страна сойдет с ума от страха,— возразил Хэммонд.

— А соседи за рубежом начнут нервничать,— добавил Кларк.

— Что, если разослать распоряжение тайно? — спросил Уайтсайд.— Чтобы губернаторы были готовы поднять гвардию в любой момент.

— Это просочится,— сказал Портер.— Секретность — вещь немыслимая, когда в дело вмешаются сорок восемь губернаторов. Даже пятьдесят, если вы собираетесь привлечь и Аляску с Гавайями; а если их обойти, то они, пожалуй, возмутятся. Губернаторы же политики, и среди них немало болтунов, к тому же у них штат сотрудников...

— Дейв прав,— заметил Хэммонд.— Начнется утечка информации.

— Если до этого дойдет,— сказал Портер,— населению следует не только сказать, что мы делаем, но и объяснить, почему мы это делаем. Через несколько дней так или иначе все станет известно, поэтому лучше нам сказать все сразу. Чтобы информация исходила от нас, а не от кого-нибудь другого.

— Ну а если не Национальная гвардия, что мы можем сделать? — спросил Уайтсайд.

— Вы упорно считаете их врагами,— сказал Аллен.

— В любом случае это потенциальные враги,— ответил генерал.— Пока нам известно о них недостаточно, мы можем считать их потенциальной угрозой. Но если они вторгнутся к нам, то автоматически станут противником.

— Может быть, следует ознакомить с ситуацией кое-кого из наших зарубежных друзей? — спросил Хэммонд.— До сих пор мы от этого воздерживались; но если «рой» начнет садиться на Землю, то дело коснется не только нас. Пожалуй, мы просто обязаны известить остальных о том, что происходит.

— Президенту следовало бы присутствовать при нашем разговоре,— сказал Уайтсайд.

— Нет,— ответил Хэммонд.— Пусть поспит. Ему необходимо отдохнуть. День будет трудный.

— А почему мы думаем, что только мы послали челнок исследовать этот «рой»? — спросил Портер.— У Советов тоже есть орбитальная станция. Они тоже могли послать челнок. Мы объявили о новом объекте уже больше суток назад, у них было достаточно времени.

— Не уверен, конечно,— покачал головой Хэммонд,— но, по-моему, это маловероятно. Их станция далеко от нашей, полет челнока занял бы больше времени. Принципиальной роли это, конечно, не играет, но я все-таки не думаю. Хотя бы потому, что у них меньше оснований реагировать подобным образом. Пришелец все-таки в нашей стране, а не у них.

— А что это меняет? — спросил Кларк.

— Не хотелось бы прийти к ним со словами: «Послушай, приятель, у нас там какие-то штуки над головой повисли»,— ответил Портер,— если есть хоть какие-то основания думать, что они знают столько же, сколько мы, а может быть, и больше.

— По-моему, твои возражения чисто теоретические,— заметил Хэммонд.

— Может быть,— согласился Портер.— Но все-таки не хочется выглядеть глупее, чем на самом деле.

— Давайте вернемся к проблеме обороны,— заговорил Уайтсайд.— Национальную гвардию вы отвергли. Тогда надо готовить подразделения регулярной армии.

— Если только это можно сделать без огласки,— заявил Хэммонд.— Если ты гарантируешь, что утечки не будет.

— Постараюсь.

— Меня беспокоит возможность паники,— сказал Хэммонд.— До сих пор все было хорошо; но тронь нечаянно не ту кнопку — и страна может пойти вразнос. Все эти годы было столько разговоров, столько споров об НЛО, что все уже созрели.

— Мне кажется, все разговоры об НЛО теперь нам как раз на руку,— ответил Портер.— Идея о возможном посещении Земли посланцами других миров успела превратиться в банальность. Многие привыкли к мысли, что рано или поздно это произойдет. И соответственно более или менее готовы к этому. Шок будет не таким уж сильным. Некоторые полагают, что нам было бы на пользу, если бы они прилетели... У нас уже нет той психологии, как в «Войне миров» Уэллса. Или, во всяком случае,

та психология уже не так сильна. Философски мы уже подготовлены...

— Может быть, ты и прав,— перебил Кларк.— Но стоит только какому-нибудь идиоту сказать что-нибудь не то — и может паника подняться.

— Согласен,— сказал Хэммонд.— Может быть, твой подход верен, Дейв. Скажи людям все, что мы знаем. Пусть у них будет время обдумать ситуацию. И тогда, если появятся другие пришельцы, люди будут уже как-то подготовлены, привыкнут к этой мысли. Время от времени вставляй что-нибудь утешительное, пару слов — только не переиграй. Тогда у всех нас будет время серьезно подумать. Подумать и поговорить.

— Значит, договорились,— заключил Кларк.— Извещаем о ситуации военные круги. В отношении Национальной гвардии пока ничего не предпринимаем, но готовы поднять ее по всей стране в любой момент. Всерьез обсуждаем, не пора ли поставить в известность другие правительства и провести с ними консультации. Людям скажем все, что только сможем. Как насчет ООН?

— Давайте пока ООН в это дело не вмешивать,— сказал Хэммонд.— Они очень скоро сами заявятся с требованиями. Ну и, конечно, хозяин должен одобрить наши решения. Через пару часов он встанет, так что долго ждать не придется. А когда начнем действовать, надо будет делать это быстро.

— Джон, я хотел бы связаться со своими ребятами сразу же,— сказал Уайтсайд.— Думаю, никто из вас возражать не будет. Это все свои люди, моя семья, так сказать.

— Никаких возражений,— ответил Хэммонд.— Это твое дело.

— Я полагаю, станция продолжает наблюдение,— обратился Аллен к Крауэллу.— Они дадут нам знать, если что-нибудь начнется? Или покажется, будто что-то начинается.

— Разумеется. Мы будем знать в ту же минуту.

— Что, если кто-нибудь из наших друзей проявит воинственность и предложит закинуть туда атомную бомбу и взорвать ко всем чертям этот «рой»? — спросил Уайтсайд.— Или, еще хуже, сделает это сам?

— Генри, у тебя на уме ужасные вещи,— сказал Хэммонд.

— Но это может случиться,— настаивал генерал,— с перепугу.

— Будем надеяться, что этого не произойдет,— заметил Портер.

— По-моему, это маловероятно,— поддакнул Хэммонд.— Но, может быть, стоит разбудить госсекретаря? Надо ему обо всем доложить. Может быть, он будет завтракать с президентом. Он и еще кое-кто. Министр юстиции, к примеру. Я их вызову.

— Так у нас все? — спросил Крауэлл.

— Пожалуй.

— Едва ли стоит возвращаться и ложиться спать,— сказал Кларк.— Через пару часов утро.

— А я и не собираюсь,— ответил Портер.— У нас в курилке очень даже уютный диванчик, есть где вытянуться. Точнее, не один, а два. Хочешь ко мне присоединиться?

— Пожалуй,— сказал Кларк.

Глава 16

Лоун-Пайн

Стиффи Грант прошаркал в Пайн-кафе и взгромоздился на табурет у стойки. На стук двери из кухни выглянула Салли.

— Так это ты с утра? — спросил Стиффи.— Я думал, с утра Джуди работает.

— Джуди простыла. Я ее подменяю.

Кроме них двоих в кафе никого не было.

— А где все? — спросил Стиффи.— Сейчас в городе столько народу...

— Дрыхнут еще,— ответила Салли.— Те, что здесь. А многие остановились в Бемиджи и теперь ездят взад-вперед. Здесь им места не хватило.

— Те двое из «Трибьюн» здесь,— сказал Стиффи.— Парень с фотоаппаратом и девчонка, которая пишет.

— Так они ж рано приехали, когда в мотеле еще были места.

— Хорошие ребята,— сказал Стиффи.— Настоящие белые ребята. Девчонка дала мне пять долларов только за то, что по телефону ответил, а после трубку подержал, чтобы линию не заняли. А вчера фотограф выставил мне бутылку за то, что я посмотрел, что творится за рекой, пока он спал. Мы с ним так договорились: если вдруг что — я сразу бегу и подымаю его, бужу, значит... Только ничего не случилось, так я и просидел. А бутылка классная, не то что ваша дешевка.

— Хорошие люди эти приезжие,— сказала Салли.— Мелкую сдачу почти никто не берет. Не то что наши — чаевых никогда не дождешься.

— Однако они немного узнали,— рассуждал Стиффи.— Похоже, они толком ничего и не знают про ту штуковину. Эти парни из Вашингтона крутятся вокруг нее, крутятся — и ни фига. Я с одним намедни говорил. Он копался в мусоре, который выкидывает эта штуковина после белых тюков. Уж так он разволновался. Говорит, нашел там что-то важное, но я не шибко понял. В том мусоре, говорит, нету сосновых семян. Шишки, мол, все поразломаны, а семян нету вовсе, куда-то подевались. Это, мол, неестественно, говорит. Он думает, что штуковина зачем-то собирает семена. Я ему говорю, может, она их ест, как белки. А он головой качает. Не верит.

— Что тебе принести, Стиффи?

— Наверное, несколько оладий.

— Сосиски, бекон?

— Не-е! Это мне не по карману — слишком дорого. Просто оладьи. И сиропа побольше. Я люблю, когда много сиропа.

— Вот он, сироп, в кувшине. Лей, сколько хочешь.

— А, ну хорошо. И масла побольше. Плесни чуток лишнего. Только не бери с меня денег за это.

Салли сходила на кухню, передала заказ повару и вернулась.

— А пришелец уже далеко в лес забрался? — спросила она.— Я его давно не видела.

— Больше чем на милю, однако. Идет и идет, день и ночь. И все выплевывает белые тюки, каждые несколько минут. Они так и валяются на просеке. Я все удивляюсь, на фига ему это надо. Не понимаю. И вообще ничего не понимаю.

— Должна быть какая-то причина.

— Может, и есть. Только я не понимаю. И еще удивляюсь, почему он выбрал нас, почему именно к нам прилетел.

— Ну куда-то он должен был прилететь. Прилетел к нам... Если он искал деревья, то выбрал хорошее место.

— Должно быть, лесничие не слишком-то обрадовались,— пробурчал Стиффи.— Они с этим лесом носятся, как курица с яйцом. Не понимаю, чего в нем такого. Деревья как деревья, лес как лес...

— Это же заповедник,— сказала Салли.— Островок первобытной природы!

— Да знаю. Дурость все это.

Глава 17

Лоун-Пайн

Пришелец начал пухнуть. Со всех сторон появились какие-то бугры и шишки, но он по-прежнему валил лес и жевал деревья — и все так же, через определенные промежутки времени из него вываливались тюки целлюлозы и вылетали кучи мусора.

— Мы не знаем, что происходит,— пожаловался Кэти один из полицейских.— Может быть, кто-нибудь из вашингтонских знает, но я сомневаюсь. Они ничего не говорят, так что не поймешь, знают они что-нибудь или нет. Эти бугры мы увидели сегодня утром. Наверное, еще с ночи стали расти, да они и теперь растут и стали гораздо больше.

— Я хочу подойти поближе. Вы меня пропустите? — спросила Кэти.— Некоторые из наших уже там.

— Только будьте поосторожнее,— ответил полицейский.— Слишком близко не подходите. Нам бы не хотелось, чтобы с людьми что-то случилось.

— Пришелец никому не сделал ничего плохого,— сказала Кэти.— Мы тут с тех самых пор, как он появился,— а он нас даже не замечает.

— Кто знает, что у него на уме? — произнес полицейский.— На вашем месте я бы судьбу не испытывал. Он же убил человека, помните?

— Так тот же стрелял в него.

— Так-то оно так, но я ему все равно не доверяю. Не слишком доверяю, так скажем. Чужак он.

Кэти с полицейским стояли на полдороге между пришельцем и рекой. Теперь через реку можно было перейти: армейские инженеры навели временный мост. На длинной просеке, сделанной пришельцем, очень аккуратно, на одинаковом расстоянии друг от друга лежали белые тюки и кучи опилок.

— Мы держим зевак на том берегу,— сообщил полицейский.— Пропускаем только официальных представителей и прессу. Вы-то сами за себя отвечаете. Вам это объяснили.

— Конечно.

— Не понимаю,— сказал полицейский,— как они сюда попали. Человек двести собралось, наверное. Мы же все дороги перекрыли, но они все равно каким-то образом пробираются.

— Бросают машины перед вашими постами и идут лесом,— сказала Кэти.— Чтобы задержать всех, надо устроить сплошное оцепление.

— Наверное,— согласился полицейский.— Надоедливый народ.

— Вон идут Фрэнк Нортон и Чет, мой фотограф,— сказала Кэти.— Как только подойдут, мы с ними подберемся к нему поближе.

Полицейский пожал плечами.

— Пожалуйста! Но будьте осторожны. Что-то должно произойти, и мне это не нравится. Носом чую — что-то будет.

Кэти подождала Нортона и Чета, и они втроем пошли по просеке.

— Джерри попал на самолет? Все нормально? — спросила Кэти.

Чет кивнул.

— Успел. Мы приехали за несколько минут до отлета. Пленку я ему отдал. Он обещал передать. Я все хотел тебя спросить — как он здесь оказался? Мне помнится, что он вроде потерялся, и ты его разыскивала.

— У него машина сломалась, и он пришел в Лоун-Пайн, чтобы позвонить. И тут мы встретились. Он не знал, что я здесь, и я ничего не знала.

— Славный парень.

— Это точно.

— Однако не слишком разговорчивый. Всю дорогу молчал

— Он всегда молчит,— сказала Кэти

Они подошли к группе журналистов, собравшихся под боком у пришельца.

— Ты с Джонни сегодня разговаривал? — спросила Кэти.

— Да,— ответил Чет.— Интересовался, как там моя пленка. Он сказал, что ее уже понесли в лабораторию, что времени еще уйма.

— Он не говорил, что пришлет кого-нибудь вместо меня?

— Ни слова. А ты думала, пришлет?

— Не знаю,— сказала Кэти.— Ведь есть и другие, кто мог бы сделать эту работу лучше. Джей, например. Джонни ткнул в меня пальцем, потому что в тот момент в редакции больше никого не оказалось.

— Думаю, тебе не стоит тревожиться. Джонни порядочный парень. Пока ты делаешь свое дело, он тебя отсюда не заберет.

— Если он кого-нибудь пришлет, я пошлю его к черту! Это мой материал, Чет, и я хочу, чтобы он моим и остался.

— Будешь драться за него?

— Да, черт побери!

— Смотри-ка,— сказал Нортон.— Кто-то написал на пришельце номер. Сто один. Ну вон, на боку, спереди.

Кэти пригляделась. Зеленая краска, цифры около фута в высоту, чуть побольше.

— Интересно, кто это сделал?

— Кто-нибудь из этих вашингтонских чудаков,— фыркнул Чет.— Тоже мне наблюдатели, ученые. Все им надо пронумеровать для отчета.

— Смешно выглядит.

— Мы же не знаем, как они работают,— сказал Нортон.— Быть может, у них были серьезные основания, чтобы его написать.

— Наверное,— согласилась Кэти.

— Что вы думаете про эти шишки? — спросил Нортон.— Что это может быть — есть какие-нибудь идеи?

Кэти покачала головой.

— Представления не имею. А жаль, обидно. Он был такой аккуратный, гладкий, симметричный... А теперь весь какой-то шишковатый.

— Ты так говоришь, будто он раньше был красивым.

— Не красивым, а симпатичным. Такие и должны прилетать из космоса: аккуратные, гладкие, четкие — ничего лишнего.

— Боже милостивый! — воскликнул Нортон.— Вы только посмотрите!

Один из самых крупных бугров на боку у пришельца вдруг раскрылся, и оттуда показалась маленькая копия пришельца. Она была трех-четырех футов в длину, но кроме размеров — это была абсолютная копия большого черного ящика. И стенки у него были гладкие, без бугров. У всех на глазах отверстие становилось все больше, и вдруг оттуда выскочил маленький черный ящик — ящичек — и свалился на землю. Упал, покатился, встал прямо... Он был не такого черного цвета, как большой пришелец, и блестел, словно мокрый. Какое-то время он постоял неподвижно, потом покрутился на месте — и поехал к задней стене пришельца, словно поплыл, плавно и бесшумно.

Люди расступались, чтобы дать ему дорогу.

— Ложись! Убирайтесь из кадра! — бешено вопил оператор с телевидения.— Ложись, черт побери! Вы мне дадите снимать?!

Уступая дорогу малышу, Кэти подумала: «Так вот оно что! Теперь все ясно. Она живая. Не машина, а живое существо. Живое существо, детишек рожает!»

Стал лопаться еще один пузырь, и оттуда показался очередной малыш. А пришелец не обращал ни малейшего внимания на происходящее и по-прежнему валил лес.

Первый малыш объехал пришельца сзади и направился к целлюлозному тюку. Приподнявшись, он набросился на него, разрывая на куски и поглощая целлюлозу точно так же, как его «мама» глотала деревья.

Чет бросился туда с камерой. Остановился, чуть присел и начал щелкать, время от времени передвигаясь, ища удобный ракурс. Фоторепортеры бегали, толкались, пытаясь снимать с наиболее выгодных точек. Вокруг новорожденного создания образовалось почти сплошное кольцо.

— Как я сразу не догадался? — сказал человек, стоявший рядом с Кэти.— Увидел пузыри, сразу должен был сообразить, что это почки. Следовательно, вопрос, который все мы себе задавали...

— Верно,— перебила Кэти.— Она живая.

Он посмотрел на нее, словно только что заметил. И поднял руку к виску, приветствуя ее.

— Квин,— сказал он.— «Нью-Йорк таймс».

— Фостер, «Миннеаполис трибьюн»,— представилась Кэти.

— Так значит, это вы появились здесь раньше всех?

— Вечером в тот день, когда она приземлилась.

— Вы понимаете,— сказал он,— что мы пишем репортаж века? Если не всех времен.

— Я об этом не думала,— ответила Кэти. Немного помолчала и призналась: — Извините, мистер Квин, я вам соврала. Конечно же, я об этом думала.

На просеке было уже несколько младенцев. Они бешено носились в поисках тюков — есть хотели,— а следом за ними бегали репортеры.

Но один из новорожденных никуда не бежал. Он лежал, дрожа и дергаясь, как животное, которое судорожно пытается подняться на ноги. Он лежал возле пришельца, но тот, казалось, не обращал на него никакого внимания.

«Он упал на бок,— догадалась Кэти.— Бедный малыш упал на бок и не может встать на ножки». Как она до этого додумалась, ей самой было непонятно. По правде сказать, додуматься было непросто, даже невозможно, потому что никаких ножек не было, коробочка была со всех сторон одинаковая, и никто не смог бы сказать, где у нее бок, где верх, где низ.

Она быстро шагнула вперед, нагнулась, подхватила малыша и повернула его на другую грань. Он дернулся, будто встряхнулся, и побежал к тюкам.

Выпрямившись, Кэти вытянула руку и похлопала пришельца по боку, по этой огромной амбарной стене.

— Мать,— сказала она тихонько. Сказала, собственно, самой себе, ведь не могла же стена ее слышать.— Мать, я помогла твоему малышу встать на ножки.

Вдруг под ее ладонью что-то шевельнулось, на поверхности стены, ставшей теплой и мягкой, образовалась складка и сжала ей руку, сильно, но бережно. Потом складка исчезла и стена снова стала гладкой и твердой.

Кэти стояла как громом пораженная, не в силах поверить тому, что произошло.

«Она меня заметила! — подумала Кэти с восторгом.— Она знает, что я здесь. Она знает, что я сделала. Она хотела пожать мне руку. Она благодарила меня!»

Глава 18

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

— Что ты знаешь об этих щенках? — спросил президент.

— Щенках, сэр? — удивился Портер.

— Да, пришелец в Миннесоте как будто ощенился.

— Я знаю только то, что знают все,— сказал Портер.— Пока четырнадцать и еще несколько на выходе.

— Ничего себе, семейка!

— Может быть, вы знаете об этом больше, чем я,— сказал пресс-секретарь.— У доктора Аллена там свои люди, так что он, вероятно, вам докладывал.

— Да, конечно. Но доктор Аллен — старая баба, а его наблюдатели — ученые зануды. Они ничего не скажут, пока не разложат все по полочкам. Потому что стоит им ошибиться — и их любимые коллеги поднимут их на смех, житья не дадут. А ког-

да наконец скажут — ничего нельзя будет понять, потому что в докладе будет полно ученой терминологии, разных «если» и «может быть» и всяческих двусмысленностей. Так и не поймешь, что они имеют в виду.

— Но невозможно предположить, что доктор Аллен недостаточно компетентен,— возразил Хэммонд.— Это ученый высочайшего класса, у него репутация...

Президент махнул рукой.

— О, конечно же, он компетентен, и его коллеги преисполнены всяческого почтения к нему, но он не тот человек, с которым мне хотелось бы иметь дело. Я люблю людей прямых, которые четко и прямо говорят все, что думают. А Аллен часто говорит так, что я вообще не понимаю, о чем идет речь. Мы с ним разговариваем на разных языках.

— Ну а если отвлечься от его терминологии и двусмысленностей? — спросил Хэммонд.— Что он думает по этому поводу?

— Он озадачен,— ответил президент.— Поражен. Мне кажется, что, когда все это началось, он был уверен, что пришелец — машина, а теперь ему, по всей вероятности, придется признать, что он все-таки не машина, а живое существо. История с кутятами изнасиловала его бедную научную концепцию. По правде сказать, меня не слишком занимает его мнение, потому что еще на этой неделе он успеет пару раз его изменить. Меня гораздо больше интересует, что говорит по этому поводу население.

— Слишком рано,— сказал Портер.— Пока еще нет достоверных сведений, и мы не можем оценить реакцию. Волнений не замечено. Если что-нибудь и происходит, то пока подспудно, в душах. Люди еще переваривают все это, еще не разобрались — и не проявят своих чувств, пока не разберутся. Но у меня такое ощущение...

Он умолк и посмотрел на Хэммонда и госсекретаря.

— Ну! Давай дальше,— сказал президент.— Какое ощущение?

— Это, может быть, глупо... Или прозвучит глупо...

— Давай, не стесняйся. Пусть будет глупо. Я выслушиваю чертовскую уйму глупостей, и некоторые из них идут мне на пользу. Во всяком случае, это останется между нами. Джон и Маркус возражать не станут, они свои глупости уже высказали.

— Ощущение вот какое,— начал Портер.— Я, конечно, не уверен, но у меня такое чувство, что эти кутята, как вы их на-

зываете, могут сделать пришельца более близким людям. Наша страна весьма неравнодушна к материнству.

— Об этом судить не берусь,— вмешался Маркус Уайт, госсекретарь,— но мне по-настоящему страшно. Мало того что у нас сотни, быть может, тысячи тварей висят над головой, так еще и эта начала плодиться. Что, если все они прилетят и начнут плодиться?

— Об этом никто сейчас думать не станет,— заметил Портер.— Не сейчас. Не сразу. Благодаря детенышам мы выиграем время.

— Маркус,— сказал президент,— я знаю, вы разговаривали с русским. Что он сказал?

— Немного. Впечатление такое, что он ждет инструкций из Москвы. А Москва еще, может быть, и сама не знает, какой линии придерживаться. Говорил он много, но все вокруг да около, ничего конкретного. Намекнул, что его правительство может потребовать, чтобы их допустили к исследованиям нашего пришельца. Я не стал ему говорить, какой может быть наша политика. Но для начала, на всякий случай, сказал, что пока мы считаем это нашим внутренним делом. Лично я по-прежнему думаю, что нам стоит пригласить зарубежных специалистов. Это нам ничем не угрожает, зато могло бы способствовать созданию лучшего международного климата.

— То же самое вы говорили и вчера,— сказал президент.— С тех пор я тщательно обдумал ваше предложение. Мне не хочется его принимать.

— Иван боится, что с помощью пришельца мы обнаружим нечто такое, что даст нам оборонное преимущество,— объяснил Хэммонд.— Потому посол и добивается, чтобы с ними тоже считались. По-моему, мы должны воздерживаться от каких-либо обещаний, пока не будем иметь хоть какое-то представление о том, что можем получить.

— Я говорил с Майком в ООН,— сообщил президент,— как раз перед вашим приходом. Он предупредил, что нам придется выдержать тяжелый бой, чтобы удержать ООН от объявления всей этой истории международным делом. Наши младшие братья в Африке и Азии и некоторые добрые друзья в Южной Америке полагают, что данное событие выходит за рамки национальных интересов. Утверждают, что появление космического пришельца касается всего человечества.

— Ну, какое-то время мы сможем от них отбиваться,— сказал Хэммонд.— Они мало что могут сделать — разве что обще-

ственным мнением пригрозят. Ну, будут принимать резолюции, пока не посинеют, но провести их в жизнь у них никаких возможностей нет.

— Какое-то время мы эту линию выдержим,— сказал президент.— Но если на нас начнут валиться новые пришельцы, ситуация может измениться.

— Господин президент, вы даже не станете рассматривать мое предложение о международном сотрудничестве в изучении пришельца? — спросил госсекретарь.

— Пока нет,— ответил президент.— Пока, Маркус. Эта тема не закрыта, нам еще придется вернуться к ней. Но надо подождать: посмотрим, что будет дальше.

— Для нас жизненно важно,— сказал Хэммонд,— узнать намерения пришельцев. В чем их задача? Почему они здесь? На что рассчитывают? Что собой представляют? Это банда кочевников, ищущих, где и чем поживиться, или исследовательская экспедиция? Может быть, они посланцы какой-то далекой цивилизации, уполномоченные вступить в контакт с земным разумом, а может быть, пиратская эскадра. Мы должны это выяснить, чтобы выработать соответствующую линию поведения.

— Это будет не так-то просто,— заметил Портер.

— Придется постараться,— ответил Хэммонд.— Я не знаю как, но придется. В ближайшие дни ребята Аллена могут раздобыть какие-нибудь факты, что-нибудь существенное... Все, что нам нужно,— это немного времени.

На столе загудел телефон внутренней связи, президент снял трубку. Послушал секунду, сказал: «Соедините»,— снова стал слушать... Лицо его постепенно мрачнело.

— Спасибо,— сказал он наконец.— Держите со мной постоянную связь.

Он положил трубку и оглядел присутствующих.

— Похоже, что мы уже опоздали,— сказал он.— Это Крауэлл из НАСА. У него донесение со Станции. Похоже, что «рой» на орбите начал распадаться.

Глава 19

Лоун-Пайн

— А они симпатичные,— сказала Кэти.

— Не вижу ничего симпатичного,— ответил Чет.— Маленькие черные ящички носятся вокруг.

Они на самом деле носились от тюка к тюку и аккуратно заглатывали их до последнего клочка целлюлозы. Они не ссорились, не дрались, потому что с рождения были хорошо воспитаны. Если один из них трудился возле тюка, то другой не пытался пристроиться рядом, а искал следующий тюк. Малыши уже съели несколько тюков, но их оставалось еще очень много. Тюки аккуратно лежали на просеке, сделанной взрослым пришельцем, длиной более мили, а он уходил в лес все дальше, время от времени выбрасывая очередные порции «корма».

— Мне кажется, что они растут,— заметила Кэти.— Такое может быть? Они кажутся больше, чем какой-то час назад.

— Вряд ли,— сказал Чет.— Они же пасутся всего несколько часов.

— Мне тоже кажется, что они подросли,— поддержал Кэти Квин из «Нью-Йорк таймс».— Я думаю, это возможно. У них, должно быть, чрезвычайно эффективная система метаболизма. Гораздо более эффективная, чем у любого из земных обитателей.

— Если они уже растут,— рассудила Кэти,— то не пройдет и нескольких дней, как они тоже смогут валить лес и заготавливать целлюлозу.

— Тогда скоро здесь будет пустыня,— добавил Нортон.

— Я полагаю,— сказал Квин,— нашим лесникам есть о чем подумать. Им придется как-то отреагировать. В настоящее время эта штуковина как бы наш гость. Но сколько можно терпеть гостя, который съедает все, что попадается на глаза?

— Или щенится на полу у вас в гостиной,— подхватил Нортон.

— Проблема в том,— сказал Чет,— что мы не знаем, как себя вести. Ведь эту штуковину не шуганешь из лесу, как свинью из огорода.

— Что бы вы ни говорили,— заявила Кэти,— а малыши мне нравятся. Они так торопятся, им так хочется есть.

Она попробовала узнать того малыша, которому помогла «встать на ножки». Но попытка не увенчалась успехом: они выглядели совершенно одинаковыми, и отличить одного от другого было невозможно.

Она все время вспоминала тот момент, когда, подняв малыша, протянула руку, чтобы погладить его мать. В памяти сохранилось ощущение мягкого прикосновения невероятно твердой шкуры, ласкового пожатия, почти поцелуя, когда руку обволокла неожиданно возникшая складка.

«Я не могу поверить,— говорила она себе,— что такое создание способно причинить кому-то вред. Чем бы оно ни было, но если оно так реагирует... Однако что это было? Жест одобрения? Благодарность за оказанную услугу? Проявление дружелюбия одной жизни по отношению к другой? Или оно просило прощения за причиненные неприятности?»

«Вот если бы можно было,— думала она,— включить это в репортаж, который через пару часов придется диктовать по телефону в «Трибьюн». Но нельзя, ни в коем случае. Если Джонни не выбросит этот эпизод, то на выпуске все равно не пропустят, ни за что не пропустят. Это считается вмешательством репортера в материал. И нет никаких доказательств, никаких документов... Интересно, как можно задокументировать рукопожатие с внеземным существом?..»

— Кому-нибудь удалось хоть что-то узнать у правительственной комиссии наблюдателей? — спросил Нортон у Квина.

— Немного,— ответил тот.— Они измерили наружную температуру пришельца. По-моему, пытались нащупать пульс, но не признаются в этом. Они установили, что поверхность не из металла, но из чего — неизвестно. Как он движется, тоже непонятно: нет ни колес, ни гусениц. Просто плывет в нескольких дюймах над землей, словно гравитации для него не существует. Один из наблюдателей сказал было, что пришелец, наверное, умеет контролировать и использовать гравитацию — так коллеги его чуть не растерзали за вольнодумство. И еще они обнаружили, что он посылает какие-то сигналы. Вот, пожалуй, и все.

— Я не уверен,— сказал Чет,— что им удастся узнать еще что-нибудь. Я не могу себе представить, за что там можно зацепиться.

— У них свои методы,— возразил Квин.— Что-нибудь еще они, конечно, узнают, но, вероятно, далеко не все, что нам нужно. Может быть, мы имеем дело с чем-то таким, что совершенно не укладывается в наши представления. Может быть, нам придется изменить образ мыслей, чтобы хоть что-нибудь понять.

Вдруг стало тихо. Грохот и хруст, с которыми пришелец пожирал деревья, прекратились. И снова возникли привычные звуки: птичье щебетание в лесу, шум ветра в вершинах деревьев, журчание и плеск речной воды.

Репортеры и фотографы на просеке разом повернулись. Ничего не происходило. «Может быть,— подумала Кэти,— она

решила отдохнуть? Но почему? С тех пор как началась эта странная жатва, она ни разу не останавливалась, а продолжала неустанно косить деревья...»

Внезапно пришелец начал подниматься в воздух. Сначала медленно, потом все быстрее. Он поднялся над соснами и повис — и все это без единого звука. Ни рева моторов, ни шума пропеллеров. Ни пламени, ни дыма — никаких признаков действия какого-либо двигателя. Он просто всплыл над деревьями и повис, так же бесшумно, как и поднялся. В лучах заходящего солнца ярко выделялись цифры — «101»,— написанные зеленой краской на черном-черном боку.

Медленно — казалось, что его просто сносит ветром — он начал двигаться к востоку, одновременно поднимаясь все выше и выше. Набрав скорость, он изменил направление и полетел на юг.

«Итак, она улетела,— подумала Кэти,— и оставила нас. Прилетела, побыла немножко, припасла еды для детишек — и снова в путь. Цель достигнута, задача исполнена...»

Она стояла и смотрела, пока крошечная точка не исчезла из виду. Потом взглянула на просеку, показавшуюся ей опустевшей, словно рядом не стало любимого друга.

Малыши, оставленные пришельцем, по-прежнему носились вокруг и жадно поедали целлюлозные тюки. Один из наблюдателей деловито писал на них номера. На этот раз краска была не зеленая — красная.

Глава 20

Миннеаполис

Было уже далеко за полночь, когда Джонни Гаррисон наконец ушел с работы. Он ехал по 12-й автостраде домой, на запад, и старался расслабиться. Оказалось, что расслабиться не так-то легко. Он убеждал себя, что беспокоиться больше не о чем. Последний выпуск готов, Гоулд будет в редакции, пока не начнут печатать, и сможет просмотреть первые оттиски. Хороший парень этот Гоулд, на него можно положиться: если случится что-нибудь неожиданное — он справится. Впрочем, ничего неожиданного случиться не должно. В самый последний момент они сократили материал на первой полосе, чтобы поместить бюллетень НАСА, в котором говорилось, что новый объект на орби-

те, по-видимому, начал распадаться. Кроме бюллетеня, ничего так и не появилось. Никаких официальных сообщений.

Когда Гаррисон позвонил в вашингтонское бюро газеты и застал там Мэттьюса (такое случалось, когда ждали срочных и важных новостей), тот был взволнован и зол.

— Эти ублюдки обо всем знали уже несколько часов назад,— раздраженно сказал он.— Я уверен, что знали, но придерживали сообщение. Ждали, пока этот вышивальный кружок в Белом доме сообразит, каким образом его преподнести. В конце концов они решили, что информация должна исходить из НАСА, а не из Белого дома. В Белом доме просто не знают, что делать. Все до смерти перепуганы. Я пытался найти Дейвида Портера, но он неуловим. И его сотрудники тоже. Я думаю, что у Дейва хлопот полон рот. Два последних дня он потратил на то, чтобы убедить нас, будто у Белого дома никаких секретов нет и не будет.

— Что там происходит? — спросил Гаррисон.

— Они не справляются, Джонни. Они боятся ошибиться. У меня такое чувство, что в президентской команде идет беспрерывная грызня: они без конца спорят и не могут прийти к общему мнению. Ситуация совершенно новая и необычная, она не имеет прецедентов. Все весьма непросто. Это тебе не положение в энергетике.

— Положение в энергетике тоже непростое.

— Ну тебя к черту, Джонни! Ты же знаешь, что я имею в виду.

— Да, пожалуй, знаю,— согласился Гаррисон.

Движения на шоссе почти не было, изредка мимо проносились случайные машины. В некоторых придорожных кафе еще горел свет, да слабо мерцали огоньки бензоколонок. А к северу от шоссе, раскачиваясь на ветру, тускло светили уличные фонари, обозначая контуры пригородного района.

«Мы все сделали правильно»,— думал Гаррисон, перебирая в памяти события последних двух дней. То, что послали Кэти с Четом в Лоун-Пайн сразу после приземления, было верным шагом — это уже окупилось. Кэти молодец. Он вспомнил, что у него было поползновение послать туда Джея — теперь он радовался, что не сделал этого. Быть может, Джей сделал бы работу чуть получше — но не настолько, чтобы это оправдало потерю доверия Кэти. «Редактор должен не только добывать материалы

для газеты,— напомнил он себе,— он должен еще и коллектив создавать».

«Ну а кроме того,— думал он,— мы держались в рамках объективности. Мы писали о том, что видели, мы играли честно. Мы не допускали никакой сенсационности — только строгий, ответственный отчет о происходящем. А ведь бывали моменты, когда было трудно не перейти границу между ответственностью и сенсационностью».

Небо было безоблачным. Яркая полная луна уже прошла половину пути. Здесь, за пределами освещенного городского центра, на небосклоне светились мириады звезд. Холодный, резкий ветер задувал в машину через опущенное стекло слева. Гаррисон размышлял, не выпить ли чего-нибудь крепенького перед сном. Джейн, конечно, не спит. Наверное, лежит в постели и ждет звука подъехавшей машины на дорожке у дома. А потом она обязательно встанет и встретит его на пороге. Он растрогался, подумав, что все эти годы Джейн ждала его в любой поздний час. Детишки уже давно спят, и дом кажется пустым без их беготни... Было бы неплохо посидеть немного с Джейн в гостиной и выпить.

Луна перед ним вдруг исчезла. «Облако?» — подумал он, удивленно всматриваясь в ветровое стекло. По спине побежали мурашки. Облако было какое-то не такое. Облако не может опускаться сверху, оно не может двигаться так быстро. У облаков неясные очертания, облака не бывают такими черными, такими отчетливыми, такой правильной формы... Он убрал ногу с акселератора и начал притормаживать. Мрак, поглотивший луну, заслонил звезды, сиявшие над горизонтом прямо перед ним. Гаррисон съехал на обочину и остановился. Впереди, примерно в полумиле, черный предмет — он не мог быть облаком! — опустился на дорогу.

Он открыл дверь машины и вышел. Подъехала еще одна машина и остановилась рядом. В правое окно высунулась женская голова.

— Что случилось? — взволнованно спросила женщина.— Что это там впереди?

— Я думаю, еще один пришелец,— ответил Гаррисон.— Такой, как на севере.

— О боже мой! — закричала женщина.— Едем отсюда, быстрее!

— Успокойся, Глэдис,— сказал мужчина за рулем.— Может быть, это не пришелец.

Он выбрался из машины и подошел к Гаррисону, который стоял впереди, освещенный фарами обеих машин. Они посмотрели на темную махину на дороге.

— Вы уверены? — спросил мужчина.

— Не совсем,— ответил Гаррисон.— Но похож. Мне вдруг пришло в голову, что это может быть один из них.

— Большущий какой! — удивился мужчина.— Я читал и фотографии видел, но и представить себе не мог, что он такой громадный.

Он действительно был громадный. Опустившись на дорогу, он перегородил обе полосы движения и зеленую зону между ними. Черный, прямоугольный, неподвижный, он смутно вырисовывался на фоне темного неба, закрывая звезды.

Женщина тоже вышла из машины и приблизилась к ним.

— Поворачивай — и поехали отсюда! — велела она.— Не нравится мне это.

— Черт возьми, Глэдис! — возмутился мужчина.— Прекрати свой кошачий концерт! Бояться совершенно нечего. Тот, на севере, ни разу никого не обидел.

— Он человека убил — этого тебе мало?

— Но человек в него выстрелил. Мы же не стреляем... Мы вообще не собираемся его тревожить.

«Это пришелец»,— подумал Гаррисон. Прямоугольный, массивный, как на фотографиях,— он выглядел точь-в-точь как описывала Кэти. Только вот размеры... Гаррисон не ожидал, что он так велик.

Подъехали еще две машины и остановились, люди высыпали на дорогу и подошли к троице. Еще один автомобиль проехал мимо, но останавливаться не стал, а, развернувшись, с ревом умчался назад по встречной полосе.

Заявление НАСА утверждало, что объект на орбите, по-видимому, начал распадаться. «Он не просто распадается,— подумал Гаррисон.— Черт побери, пришельцы начинают спускаться с орбиты на Землю. Вон, расселся поперек дороги — наверняка это один из многих. Должно быть, они разлетелись по всему миру. Первое приземление в Лоун-Пайне было, наверное, лишь пробной попыткой, разведкой». Лоун-пайнский пришелец все время посылал какие-то сигналы собратьям, оставшимся в космосе, а теперь началось массовое вторжение. Если

это можно назвать вторжением. Гаррисон подумал, что это, может быть, не вторжение в буквальном смысле слова. Разведка? Или просто визит, посещение? Разумные инопланетяне залетели поздороваться?

Он пошел по дороге в сторону пришельца. Оглянувшись, он увидел, что за ним следует еще один любопытный. В темноте Гаррисон не рассмотрел, кто именно. Он подумал, что надо подождать попутчика, но потом решил, что не стоит. Ему не хотелось вступать в бессмысленную болтовню, отвечать на дурацкие вопросы. Как вы думаете, почему он сел именно здесь? Чего ему надо? Что это вообще такое? Как вы думаете, откуда он прилетел?

Гаррисон пошел быстрее, почти побежал. Не доходя нескольких ярдов до громадной черной массы, он свернул направо, вышел на обочину и пошел вдоль стены. У него не было никаких сомнений в том, что это пришелец. Огромный, черный, совершенно гладкий продолговатый ящик. Пришелец не двигался. И не издавал ни единого звука. Подойдя поближе, Гаррисон коснулся его ладонью. Шкура оказалась твердой, но это не была твердость металла. Она была теплой, словно кожа живого существа. «Будто человека потрогал,— подумал Гаррисон.— Словно погладил кота или собаку. Шкура жесткая, но теплая — значит, это живое существо».

Он постоял, приложив ладонь к теплому боку пришельца,— и вдруг ощутил какой-то странный холод. По всему телу пробежал омерзительный озноб, он почувствовал, что лицо у него словно окаменело. Но одновременно с этим ощущением в голове лихорадочно заметались мысли: что это за холод, откуда он и почему? Это не страх, понял он, не ужас, не паника, не стремление бежать отсюда, не желание закричать, не слабость в коленях — а просто ужасный холод, не только телесный, но и душевный, холод в мозгу, который мозг не в силах осознать.

Он медленно убрал руку — ее ничто не держало.

Он опустил руку, но с места не двинулся. И почувствовал, что холод уходит. Он медленно вытекал из тела, пока не исчез совсем; осталось только воспоминание о нем.

«Прикосновение к неизвестности,— подумал он,— нет, тут нечто большее». Скорее, столкновение с чем-то таким, чего он не в силах понять, чего, наверное, не смог бы понять никто. Прикосновение, в котором слились холод и бесконечность глубокого космоса, сияние дальних солнц и тьма планет, не по-

хожих на Землю, и непостижимость жизни, рожденной во тьме тех планет. Казалось, он очутился в таком месте, которого не знал и, наверное, никогда бы не узнал, сколько бы времени ни провел там. «Непостижимость, вот что это такое»,— подумал он.

Однако проклятая штуковина выглядела так обычно, в ней не было ничего захватывающего — кроме размеров.

Он отошел назад, чтобы получше рассмотреть громадную черную стену, возвышавшуюся над головой. Но черт возьми! — он вдруг обнаружил, что ему хочется снова приблизиться к ней и коснуться ладонью, чтобы снова ощутить то тепло и тот холод.

Но он не подошел к пришельцу и не положил на него ладонь. Он сделал еще несколько шагов назад, потом повернулся и пошел обратно. Не бегом, нет — он был твердо уверен, что бежать нет смысла,— а широким быстрым шагом, стараясь уйти как можно скорее.

На шоссе неподалеку от пришельца остановилось еще несколько машин, и кучка людей, стоявших на дороге, заметно выросла. Человека, шедшего за ним, он не увидел. Впрочем, если бы и увидел, все равно бы не узнал, потому что посмотрел на него тогда лишь краем глаза.

Один из мужчин шагнул ему навстречу.

— Что вы видели? — спросил он.— Там что-нибудь происходит?

— Почему бы вам не взглянуть самому? — резко ответил Гаррисон и быстро пошел к своей машине.

«Странно, совсем не заметно паники»,— подумал он. Если кто-то и боялся, то не показывал виду. Почему эти пришельцы совершенно не возбуждают страха? Может быть, потому, что большой черный ящик совсем не похож на космического пришельца. Он совершенно не совпадал с общим представлением о том, что должно прилететь из космоса. Для людей, выросших на идиотских выдумках телевидения и кино, происходящее должно выглядеть слишком обыденным.

Его автомобиль стоял с выключенными фарами и работающим мотором. Он сел в машину, проехал чуть-чуть вперед, потом свернул налево, перебрался через зеленую полосу на другую сторону шоссе и поехал назад, на восток. Примерно через милю свернул на вспомогательную полосу и подъехал к придорожной телефонной будке.

Гоулд ответил почти сразу, голос у него был взволнованный.

— Хорошо, что ты позвонил,— сказал он.— Я сам хотел тебе звонить, но боялся, что ты уже спишь.

— А зачем ты хотел звонить?

— Ты знаешь, еще один пришелец приземлился. На этот раз к нам. Сидит на одной из взлетных полос в аэропорту.

— Тут еще один,— сказал Гаррисон.— Опустился на двенадцатую автостраду, примерно в миле к востоку от Риджфейлского торгового центра. Перекрыл дорогу.

— Так ты сейчас там?

— Да. Он приземлился примерно в полумиле впереди меня. Я лучше приеду в редакцию. Может быть, это не единственные приземления в нашем районе. Ты можешь кого-нибудь послать сюда для наблюдения?

— Не знаю. Сейчас поищу. Здесь был Джей, но я послал его в аэропорт. И фотографа с ним.

— Что происходит в аэропорту?

— Пока ничего. Пришелец дремлет, никого не беспокоит, но диспетчеры чувствуют себя неуютно. Сейчас полетов почти нет, но через несколько часов будет много. А пришелец на полосе означает, что на эту полосу самолеты садиться не смогут.

— А что сообщают? Больше никто не прилетал?

— Отдельные сообщения есть. Ничего конкретного, никаких подтверждений. В Техасе кто-то позвонил в полицию и сказал, что пришелец приземлился... Еще одно сообщение из Нью-Джерси... Только свидетельства очевидцев, ничего официального пока не поступало.

— Я боюсь, что это «рой» начал опускаться к нам с орбиты.

— Послушай, Джонни, почему бы тебе не поехать домой и не отдохнуть хоть немного? Можно же как-то объехать этого пришельца. Мы пойдем в печать не раньше чем через двадцать часов.

— Нет. Если понадобится, я пойду вниз к медикам и прилягу у них на кушетке на пару часиков. Но это потом. От Кэти есть что-нибудь?

— Ничего. А почему ты решил, что она станет звонить? Она, наверное, давно спит.

— Я думаю, когда позвонит, надо сказать ей, чтобы возвращалась. В Лоун-Пайне уже все кончилось. Теперь главное начнется здесь. Если в Лоун-Пайне снова появится что-нибудь

интересное, Нортон даст знать. А Кэти нам нужна здесь. Она единственная что-то знает об этих штуках.

— О'кей. Я передам ей, если позвонит.

— До встречи.

Гаррисон повесил трубку, порылся в кармане, нашел еще одну монету, бросил в автомат и набрал номер.

— Джонни, я жду тебя,— сказала Джейн.— Когда ты приедешь?

— Я ехал, но случилось непредвиденное.

— Так ты приедешь?

— Пока нет. Прямо передо мной на дорогу приземлился пришелец. Мне надо вернуться в редакцию. Джим говорит, что еще один сел в аэропорту.

— Ты сказал, что он сел прямо на автостраду?

— Именно так. Чуть к востоку от Риджейла.

— Джонни, так это же всего четыре-пять миль от нас!

— Да, я знаю. Но тут совершенно нечего...

— Джонни,— сказала она,— это так близко. Я боюсь.

Глава 21

Соединенные Штаты

Пришельцы приземлялись всю ночь, словно птицы в гнезда, но они не были птицами и садились на совершенно незнакомую, чужую для них местность. Они искали в темноте — хотя для них темноты не существовало — и находили удобные посадочные площадки. Им никто не мешал, потому что среди ночи им никто не мог помешать. Они поддерживали связь друг с другом, и о впечатлениях одного сразу становилось известно остальным.

Они приземлялись в болотистой дельте, где Миссисипи впадает в залив, и на просторных равнинах Техаса, в пустынях американского Юго-Запада и на песчаных пляжах Флориды, на пшеничных полях Запада и на кукурузных — Центральных штатов, на общинных лугах Новой Англии, на хлопковых плантациях Юга. Они садились на бетон крупных аэропортов и на асфальт автомобильных дорог, пересекающих континент. На Западном побережье и в лесах Орегона, в Вашингтоне и Мэне, Огайо и Индиане.

Они опускались совершенно бесшумно, только ветер посвистывал. Они мягко садились, потом приподнимались на пару дюймов и повисали над поверхностью. Они не потревожили

почти никого из тех миллионов людей, над которыми пролетели. Их видели только те, кто случайно оказался рядом, когда пришельцы попадали в аэропорты или на автострады.

На экранах локаторов командования стратегической авиации они выглядели, как снег: пушистые, мерцающие хлопья. Но наблюдатели у экранов были готовы увидеть такое, и единственная их забота состояла в том, чтобы не прозевать за этими хлопьями какие-нибудь другие объекты.

Когда они приземлялись в лесу, то тотчас же принимались вырабатывать целлюлозу. В Вирджинии, неподалеку от Вашингтона, один из них вместо деревьев начал поедать дома. Другой, в Орегоне, упал прямо на лесопромышленный склад и набросился на штабеля бревен. Но большинство приземлилось не в столь благодатных местах; те просто стояли и ждали.

Глава 22

Миннеаполис

Когда Гаррисон вошел в редакцию, Гоулд говорил по телефону. Кроме него в комнате были три корректора и два сонных, замученных младших редактора.

Гоулд повесил трубку и сказал:

— Звонил какой-то сумасшедший. Сказал, что группа «Любящих» — так они себя называют — собирается в аэропорт. Они усядутся перед пришельцем и будут его любить до посинения. Это не те психи, о которых писала Кэти?

— Они самые. Отчет Кэти уже перепечатан?

— Я его не видел. Знаю только, что она над ним работала.

— Наверное, он у нее в машинке. Она как раз печатала его, когда я послал ее в Лоун-Пайн. Но раз уж я здесь — почему ты не уходишь?

— Ни за что,— ответил Гоулд.— Такого я не пропущу даже за миллион долларов.

— Ладно. Раз уж ты так настроен, давай подумаем, что нам надо сделать. Быть может, в ближайшие часы придется вызвать кого-нибудь из наших. Кого, как ты думаешь?

— Джей сейчас в аэропорту,— начал перечислять Гоулд.— Я поймал Слоуна — он собирался уходить — и послал его на двенадцатую автостраду. Джонс только что вернулся из Южной Дакоты, ему надо написать отчет о Блэк-Хилсе, эту историю с индейцами, для воскресного номера.

— Давай отложим все индейские дела,— сказал Гаррисон.— Это может подождать — и без них хлопот предостаточно. Джонс отлично пишет, так что может понадобиться. Он уже отоспался, вызови его через пару часов.

— Еще Фримена можно задействовать,— сказал Гоулд.— Тем более что у него связи в администрации штата. Скорее всего, губернатор поднимет гвардию. Надо, чтобы кто-нибудь сидел здесь за столом и следил за действиями администрации штата. Я позвонил в дорожную полицию, они уже действуют. Наверное, выставят посты в три ряда вокруг пришельца на двенадцатой. И в аэропорту тоже, но там собственная служба безопасности, так что много помощи им не потребуется.

— У них возникнут серьезные проблемы в час пик, верно?

— У них уже сейчас проблемы. Не так-то просто управляться с воздушными перевозками, когда одна полоса вышла из строя.

— Как ты думаешь, почему эта штуковина села в аэропорту?

Гоулд покачал головой.

— А почему другая села на автостраду? И вообще, почему они садятся, где им вздумается? — Он протянул руку и взял лист бумаги, вырванный из телетайпа.— Вот смотри. Сводка по всей стране. В основном заявления очевидцев, но некоторые уже проверены и подтверждены. Отовсюду. Шоферы грузовых автомобилей, люди, ехавшие ночью домой, сторожа — короче, разные ночные совы.

— Вроде нас с тобой,— усмехнулся Гаррисон.

— Верно. Вроде нас.

— Надо, чтобы кто-то занимался официальными инстанциями,— сказал Гаррисон.— И местными, и федеральными. Хорошо бы охватить все, но уж во всяком случае те, которые могут быть вовлечены в это дело. Уильямс может связаться с местным ФБР. От них трудно чего-то добиться, но если кто и добьется — то только Уильямс. Он умеет с ними разговаривать, как никто другой.

— А Кэмпбелл мог бы поговорить с кем-нибудь в университете,— добавил Гоулд.— Физики, психологи, инженеры, народ, связанный с космонавтикой... Может быть, кто-нибудь из них объяснит, что происходит. Может быть, кто-то из социологов или психологов расскажет, как случившееся подействовало на людей — или подействует... И нельзя забывать о Церкви. Это событие как-нибудь влияет на религиозное мышление? По-моему, должно.

— Наверное. Но надо быть поосторожнее с источниками. Некоторые из церковников готовы трепаться на любую тему, не задумываясь, нести что попало.

— Этим мог бы заняться Робертс,— предложил Гоулд.

Зазвонил телефон, Гаррисон поднял трубку.

— Это ты, Джонни? — раздался голос Кэти.— Что ты там делаешь в такое время?

— У нас тут несколько твоих пришельцев появилось. А как ты? Мы собирались тебе звонить, но решили, что ты спишь.

— Я и спала. Но Стиффи стал колотить в дверь и разбудил.

— Какой Стиффи?

— Ну, тот старик, что дежурил у телефона в первый день. Помнишь?

— Теперь вспомнил. А зачем он колотил в дверь?

— Он, бедняга, проснулся и увидел их.

— Кого?

— Новых пришельцев. Штук двенадцать или больше, целая эскадрилья. Они сели за рекой, в заповеднике. Выстроились в шеренгу, валят деревья и делают целлюлозу.

— А почему Стиффи?

— Я дала ему пять долларов за услуги, а Чет подарил бутылку. Он теперь наш на всю жизнь.

— Вы с Четом нужны здесь, Кэти. Мне кажется, рано утром из Бемиджи полетит самолет. Вы сможете на него успеть?

— Он улетает в шесть или около того. Времени еще вагон. Мы успеем взглянуть на новых пришельцев. Стиффи сейчас поднимает Чета.

— О'кей. Если успеете. Но не опоздайте на самолет. Похоже, у нас тут такая каша заваривается.

— Я дам Стиффи еще пять.

— Дай ему десять,— сказал Гаррисон.— Нортон будет присматривать за пришельцами, чтобы в случае чего сообщить нам, и Стиффи может ему понадобиться.

Глава 23

Соединенные Штаты

Просыпаясь, люди включали приемники, чтобы узнать, какая сегодня будет погода. Но прогнозов погоды не было. По всем программам передавали репортажи: наполовину новости, наполовину изумленные комментарии.

Люди слушали и ощущали первые слабые уколы страха. Миннесотский пришелец — это была новость, принесшая с собой легко подавлявшееся волнение. Но он был один, побыл немножко и улетел, и, если не считать новорожденных, на том все дело и кончилось. А теперь вдруг на Землю спустилась целая орда. Вели они себя прилично, не причиняли никому особых хлопот — но теперь всех занимал вопрос: кто они такие и что им нужно на Земле?

Люди пошли на работу, но целый день проговорили с коллегами о загадке пришельцев. Слухи накапливались, и беспокойство все нарастало по мере того, как различные предположения добавляли все новые основания для этого беспокойства, а иной раз и для настоящего страха. Работалось плохо.

Один фермер в Айове, не потрудившийся включить с утра радио, вышел на заре из дома, чтобы заняться своими обычными делами, и едва не окаменел, увидев громадный черный ящик, лежавший у него на поле. Придя в себя, он бросился в дом, взял двенадцатизарядное ружье и насыпал полные карманы патронов. Потом завел небольшой трактор, подъехал к полю, оставил трактор за оградой, а сам перелез через нее и пошел к пришельцу. Тот никак не отреагировал на его появление. Фермер осторожно обошел вокруг пришельца. Тот ничего не делал, просто лежал и все. Фермер дважды прицеливался, но так и не решился стрелять. Неизвестно, что можно ожидать от этой штуки. В конце концов, обойдя вокруг пришельца еще раз, он забрался на трактор и укатил.

...Оглянувшись, пилот авиалайнера увидел в нескольких милях от себя пришельца. Он толкнул в плечо напарника.

— Глянь-ка!

— Параллельным курсом идет,— сказал тот.

— Я думал, они все внизу. На земле.

Черный ящик двигался с той же скоростью и в том же направлении: не приближался и не удалялся, не обгонял и не отставал. Будто приклеился.

...В одном из негритянских кварталов на перекрестке стоял человек и, подняв руки над головой, кричал:

— Наши братья из космоса пришли спасти нас! Они нисходят, чтобы восстать против тех, кто держит нас в оковах! Воспрянем, братья! Ибо помощь пришла наконец!..

Вокруг него собралась толпа; все слушали проповедь сумасшедшего. Одни ухмылялись, другие хмурились — но никто не верил, ибо люди с улицы вообще никому не верили. Однако они ощущали в нем первобытную ярость и заражались этим чувством, приходили в отчаяние от безысходности своей жизни — через час там начались грабежи и поджоги.

...В одной из деревень Новой Англии кто-то (потом его так и не нашли) забрался в церковь и зазвонил в колокол. Любопытные пришли узнать, в чем дело. И многим из них показалось, что это хорошо и правильно, что надо быть именно в церкви, когда на Землю спускаются пришельцы. И они вошли в церковь, и пастор, тоже поспешивший к храму, застал их уже там. Ему тоже показалось, что сейчас следует быть в церкви, и он собрал прихожан к молитве. И в других деревнях, в других церквах тоже звонили колокола, и собирался народ, чтобы быть вместе и молиться. По всей стране к церквам сходились люди, вдруг вспомнившие о Боге.

...В одном районе национальные гвардейцы окружили пришельцев. Собрались тысячи зевак, чтобы посмотреть на них, и дорожной полиции пришлось нелегко. А в некоторых местах, словно патрулируя, пришельцы летали над дорогами всего в нескольких сотнях футов. Чтобы взглянуть на них, водители останавливались где попало, в результате возникали пробки... Было много аварий.

Глава 24

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

— Уайтсайд полагает, мы должны провести эксперимент,— сказал президенту Уинстон Мэллори, министр обороны.— Как эти твари реагируют на огонь. При сложившихся обстоятельствах я бы рекомендовал дать ему добро. Пока пришелец был один, особого смысла в такого рода эксперименте не было — но теперь, когда они вторглись...

— Я не согласен с термином «вторжение»,— перебил госсекретарь.— Их приземлилось довольно много, но нет ни одного случая какого бы то ни было насилия. Они не убивают наших граждан и не жгут города.

— Они сожрали новостройку за Потомаком,— вмешался Уильям Салливен, министр внутренних дел.— Один из них проглотил

лесоторговый склад на Западном побережье. Они поедают наши леса: в Мичигане, в Мэне, в Миннесоте, в Вашингтоне, в Орегоне...

— Но они же никого не убили,— возразил госсекретарь.— Единственное, что они сделали, украли немножко целлюлозы. Они же не...

— Минуточку, Маркус,— сказал президент.— Я хочу побольше узнать об эксперименте с оружием. Что предлагает Уайтсайд? Двинуть против них танки?

— Ничего подобного,— ответил Мэллори.— Просто эксперимент, только и всего. Нам надо знать, как они среагируют. Вы помните, в Миннесоте человек стрелял в тамошнего пришельца и был убит ответным выстрелом. У него было охотничье ружье тридцатого калибра. Дело в том, что мы не имеем ни малейшего представления, как это произошло. На пришельце нет никакого вооружения, вообще ничего снаружи нет. Но когда человек в него выстрелил. .

— Так вы хотите еще раз выстрелить из тридцатого калибра с дистанционным управлением и попытаться определить, каким образом пришелец реагирует на выстрел?

— Так точно. Мы будем использовать высокоскоростные камеры. Некоторые из них делают до тысячи кадров в секунду. Таким образом мы сможем проследить пулю в полете, зарегистрировать момент попадания и увидеть, что при этом происходит. Исследование пленки...

— Ясно, понял,— сказал президент.— Если вы уверены, что генерал ограничится тридцатым калибром...

— Он ограничится тридцатым калибром. Единственное, чего хотим и мы, и он,— это получить хоть какое-то представление о том, как пришелец стреляет в ответ. Когда мы узнаем это, нам будет за что уцепиться.

— Это необходимо?

— Так точно. Это необходимо.

— Но ради бога, скажите Генри, чтобы не зарывался. Пусть предпримет все меры предосторожности, какие только возможны. И только один выстрел — чтобы получить необходимые данные.

— Зарываться он не станет. Я с ним уже говорил.

— Маркус сказал очень важную вещь,— продолжал президент.— Ведь на самом деле, кроме случая с целлюлозой, ничего

не произошло. Конечно, происшествие с новостройкой в Вирджинии неприятно...

— Могли быть жертвы,— добавил Салливен.— Просто по счастливому совпадению получилось так, что в домах в тот момент никого не было,— люди вовремя выбрались. А они же спали, и многие могли погибнуть. А аэропорты! Уселись, понимаешь, на полосах, заблокировали их... Если произойдет какая-нибудь авария — сколько будет пострадавших? И еще, насколько я знаю, они летают около самолетов, словно изучают. До сих пор ничего не случилось, но в любую минуту может случиться.

— Так что ж мы должны делать, по-вашему? — спросил госсекретарь.— Артиллерию выкатывать?

— Нет, конечно. Но что-то делать надо. Не можем же мы сидеть сложа руки.

— Мы подняли Национальную гвардию,— сказал президент.— Каждый пришелец окружен пикетами, публику к ним не подпускают. Таким образом, вероятно, удастся предотвратить инциденты.

— А что, если наши пришельцы примутся за другие новостройки? — спросил Салливен.— Что, если они въедут в дачные поселки, в пригороды и начнут сносить дома, чтобы переработать их в целлюлозу? Что мы тогда будем делать? Что станем делать с бездомными?

— Но ничего такого пока не произошло,— возразил Маркус Уайт.— Вирджиния — единичный случай. И пришелец, проглотив несколько домов, прекратил свое занятие, словно понял, что совершил ошибку.

— Мы должны быть готовы ко всяким неожиданностям,— сказал президент.— Сейчас самое главное — сделать все возможное, чтобы побольше узнать о них.

— Меня удивляет,— сказал Уайт,— что они приземляются только в Соединенных Штатах. Лишь в Канаду залетели несколько. В Европе — ни одного. В Африке — ни одного. Только у нас. Почему? Почему именно у нас?

— Позволю себе высказать предположение,— вступил в разговор Стивен Аллен, советник по науке.— Давайте поставим себя на место пришельцев. Ну, скажем, мы послали экспедицию на какую-то планету. Полдюжины кораблей или сотню — неважно. Мы ищем что-то конкретное, как эти создания, по-видимому, ищут целлюлозу. Мы не слишком много знаем о

планете, к которой летим. Что-то нам известно по инструментальным наблюдениям с некоторого расстояния, но это все. Тогда мы посылаем один корабль вниз, на планету, чтобы исследовать на месте, как там и что. На планете несколько материков — мы выбираем для начала один из них, наудачу. Корабль опускается и находит как раз то, что нам нужно. И при этом обнаруживает, что местное население настроено дружественно. На первый взгляд на исследуемом материке ничего опасного нет, а это нам и нужно. Мы выяснили, что данный материк безопасен, о других же мы просто ничего не знаем...

— Что ж, вполне правдоподобно,— сказал президент.— Вы не согласны, Маркус?

— Согласен. Такая мысль не приходила мне в голову. Я полагал, что пришельцы должны были бы захотеть обследовать всю планету.

— У вас есть еще что-нибудь? — спросил президент советника по науке.

— Потрясающая загадка,— ответил Аллен.— Как бы противно мне ни было даже думать об этом, но, по-видимому, не исключено, что пришельцы каким-то образом управляют гравитационным полем. Они парят в нескольких дюймах над земной поверхностью. Тот, что улетел вчера из Миннесоты, похоже, поднялся в воздух без помощи каких бы то ни было двигателей. Они подлетают к земле медленно, словно планируют перед приземлением — но, чтобы планировать, нужны крылья, а крыльев у них нет.

— У вас такой тон, будто вы сердитесь на них за это,— заметил министр обороны.

— Я на самом деле рассержен,— ответил Аллен.— Любой ученый был бы взбешен на моем месте. Мы говорим о гравитационных волнах, подразумевая, что они сродни электромагнитным. Мы ищем эти волны, но до сих пор никто не мог сказать, как же их искать. Мы и сейчас не уверены, что используем нужные методы для их обнаружения. И до сих пор так ничего и не обнаружили. Многие ученые утверждали — а некоторые и сейчас утверждают,— что гравитационных волн вообще не существует. При нынешнем положении вещей, даже если бы мы сумели их обнаружить,— это представляло бы исключительно теоретический интерес. Ни у кого нет ни малейшего представления, как их можно было бы использовать практически.

— Ваши люди сейчас работают с пришельцами, не так ли? — спросил министр обороны.— Еще есть надежда что-нибудь выяснить. Ведь они появились всего пару дней назад.

— Там не только мои люди,— сказал Аллен.— Я задействовал в исследованиях всех квалифицированных специалистов, каких только смог найти. Я в контакте с целым рядом университетов и институтов. Через несколько дней в нашем распоряжении будет колоссальный научный потенциал. Беда в том, что нам практически не с чем работать. Все, что мы можем,— только наблюдать. Стоим рядом и смотрим. Если бы можно было поработать хотя бы с одним как следует, быть может, нам и удалось бы обнаружить что-нибудь существенное. Но в настоящее время это совершенно немыслимо. К тому же может оказаться в высшей степени опасным предприятием. Было предложение попытаться работать с одним из новорожденных в Миннесоте. Но я решительно отказался. Слишком опасно. Если младенец запищит, что ему больно, взрослые могут прийти ему на помощь. Уверенности, правда, нет, но лучше не рисковать.

— Вы сказали, университеты и институты...— произнес Уайт.— Я полагаю, что вы имели в виду только нашу страну. А нельзя ли все-таки пригласить ученых из других стран?..

— Маркус,— резко перебил президент,— давайте не будем возвращаться к этой теме. В настоящее время это наше внутреннее дело. И пришельцы помогли нам оставить его таковым, поскольку прилетели только к нам.

— В Канаде тоже несколько приземлилось,— вставил Уайт.

— С Канадой мы договоримся. До сих пор у нас это получалось. Мне известно, что русские хотят присоединиться к исследованиям, но я против.

— Небольшое русское представительство, для видимости, могло бы быть полезно,— сказал министр обороны.— Если мы будем держать их на расстоянии, если мы оградим их от...

— Надеюсь, Уинстон, у вас на уме не то, чего я боюсь? — спросил президент.

— Мне пришло в голову,— начал Мэллори,— если нам покажется, что мы обнаруживаем нечто такое, что может нарушить баланс...

— А если мы на самом деле обнаружим нечто такое, что нарушит баланс, как вы говорите, и поделимся с ними, это будет означать лишь новый виток гонки вооружений. Кто-нибудь думает иначе?

— Я не сказал «поделимся»,— возразил Мэллори.— Я сказал «для видимости». Чтобы спасти их национальную гордость.

— Я согласен с Уинстоном,— сказал Уайт.— Мы можем помочь сохранить лицо нашим друзьям.

— То, о чем вы сейчас рассуждаете,— это покровительство,— заговорил Хэммонд, до сих пор сидевший молча.— Они это сразу же почувствуют и откажутся. Это хуже, чем совсем ничего. Они ничего не смогут понять, потому что, если бы ситуация была обратной, они вели бы себя с нами точно так же. Так что ваш план никуда не годится. Мы должны либо играть в открытую, либо не играть вовсе. Или приглашаем их как равных, или все оставляем себе. Но надо иметь в виду: может оказаться, что делиться будет нечем. Вообще нечем. При всем моем уважении к доктору Аллену я смею предположить, что мы не найдем в чертовой штуковине ничего полезного.

— В таком случае,— рассудил Уайт,— не будет никакого вреда, если мы допустим к исследованиям русских. Наши взаимоотношения значительно улучшатся, а если ничего не обнаружим — это нам ничего не будет стоить.

— Маркус,— сказал президент,— вы предлагаете сыграть на преимуществах — а вам не кажется это опасным?

— Давайте не будем об этом,— предложил Мэллори.— Я сожалею, что вообще заговорил на эту тему. Просто мысль мелькнула в голове.

— Меня смущает,— сказал Уайт,— что наши друзья и союзники предлагают помощь, обещают сделать все, что только смогут. По-видимому, они вполне искренни...

— Я в этом не сомневаюсь,— перебил Хэммонд.

— Единственное, что я могу им сказать,— продолжал Уайт, не отреагировав на замечание Хэммонда,— что, может быть, мы обратимся к ним позже, поскольку в данный момент просто не представляем себе, с чем имеем дело.

— Я полагаю,— сказал президент,— надо все так и оставить. Давайте не будем пока о других странах и поговорим о нашей. Были небольшие волнения. Грабежи и поджоги в Чикаго, Нью-Йорке, Сент-Луисе. Есть еще какие-нибудь новости, Дейв?

— Ничего серьезного,— ответил Портер.— Нам повезло. Надо было подготовить страну. Надо было созвать прессу, когда «рой» на орбите начал распадаться. Надо было предупредить население.

— Ты все еще переживаешь из-за этого?

— Да, господин президент, переживаю, очень. Мы оплошали. Позволить НАСА обнародовать то скудное сообщение было попросту трусливо.

— Дейв, мы это обсудили...

— Да, знаю. И вы были не правы.

— Но ты же согласился с нами.

— Нет. Я был против. И даже несколько человек присоединились ко мне.

— Их было немного.

— Сэр, нельзя руководить работой прессы, опираясь на большинство при голосовании. Все вы знаете свою работу, но и я знаю свою. Ничего страшного еще не произошло, нам повезло. Очень надеюсь, что и завтра в этот же час я смогу сказать то же самое. Я боюсь религиозных волнений. Каждый сумасшедший сейчас проповедует. Евангелисты созывают молитвенные собрания. Каждая деревенская церквушка полна поющих и пляшущих людей. В Миннеаполисе группа хиппи второго поколения пыталась прорваться через полицейские кордоны. Они собирались сесть на взлетной полосе и устроить для пришельца, который там приземлился, демонстрацию своей любви.

— Не думаю, что стоит слишком тревожиться из-за таких мелочей,— сказал Хэммонд.

— Вокруг кипят страсти,— возразил Портер.— Кипят вовсю, но пока не выплеснулись. Я надеюсь, что их удастся как-то сдержать. Страсти самые разные. Это и подспудные страхи, которые могут выйти наружу, и религиозный экстаз, который может стать совершенно неуправляемым. Мы на грани чего-то такого, что может привести к уличным беспорядкам. Достаточно того, чтобы какой-нибудь компании рабочих в пивной надоели пляски восторженных фанатиков, приветствующих пришествие золотого века...

— Вы преувеличиваете,— сказал Хэммонд.

— Хорошо бы,— вздохнул Портер.

— Мне не нравится это настороженное ожидание,— заговорил Салливен.— По-моему, мы должны действовать. Что-то предпринимать. Показать людям, что мы, по крайней мере, хоть что-то делаем.

— Мы подняли Национальную гвардию,— сказал президент.— Мы послали исследователей.

— Это пассивные действия,— возразил Салливен.

— Беда в том,— произнес президент,— что любое наше действие может оказаться неверным.

Глава 25

Миннесотский университет

— Мисс Фостер позвонила и сказала, что вы хотели встретиться со мной, но никаких подробностей не сообщила. Она только намекнула, что речь будет идти о пришельцах.— Доктор Альберт Барр отвернулся от Джерри Конклина и обратился к Кэти: — Вы меня уверяли, что это не интервью для вашей газеты.

— Да,— подтвердила Кэти.— Это не интервью. А в подробности я не вдавалась, потому что Джерри сам все должен рассказать.

— Это меня беспокоит с тех самых пор, как случилось...— сказал Джерри.

— Расскажите, пожалуйста, что же случилось,— попросил Барр.— Начните с самого начала.

Он откинулся на спинку кресла и стал рассматривать своих посетителей с каким-то лукавым выражением. Он был совсем седой, но выглядел гораздо моложе, чем думала Кэти, и сложен был как футболист. В открытое окно кабинета доносился шум студенческого городка: звонкий девичий смех, громкая перепалка студентов, звук заведенного мотора и визг шин по асфальту. Заходящее солнце пробивалось сквозь ветки березы, украшенные ярким осенним убранством, и на окнах плясали светлые зайчики.

— Может быть, вы читали о машине, которую раздавило, когда у Лоун-Пайна приземлился первый пришелец,— сказал Джерри.

— Уж не ваша ли это была машина? — спросил Барр.

— Моя. Я остановился у моста и пошел ловить рыбу. Мне говорили, что в омуте под мостом водятся радужные форели...

Пока Джерри рассказывал, Барр ни разу его не перебил. Временами казалось, что он вот-вот о чем-то спросит, но он молчал.

Когда Джерри закончил, экзобиолог сказал:

— Вы знаете, я хотел бы уточнить несколько моментов. Но прежде всего скажите, пожалуйста, почему вы решили прийти ко мне? Чего вы от меня ждете?

— Меня мучают две вещи,— ответил Джерри.— Ощущение дома. Пришелец думал о доме или меня заставил думать о доме — почему? Зачем?.. Я и так и сяк кручу — нет в этом никакого смысла, не вижу я его. Я убежден, что он внушил мне мысль о доме. Такая мысль не могла возникнуть у меня сама по себе. А мысль была настоящая — не мимолетное впечатление — и долго не проходила. Как будто пришелец — или кто-то внутри пришельца — заставлял меня думать о доме.

— Вы хотите сказать, что он использовал телепатию?

— Я не знаю, что он использовал. Если вы думаете, что он говорил со мной или пытался заговорить,— этого не было. Наоборот, я пытался с ним заговорить. Глупо, наверное, но в тех обстоятельствах мне это глупым не казалось. Ведь я был неизвестно где, я ничего не понимал — и, естественно, хотел получить хоть какую-то информацию и выяснить, что происходит. И я постарался заговорить с ним, установить какой-то контакт. Я подозревал, что никакого контакта не получится, но...

— Вы не замечали у себя телепатических способностей?

— Никогда в жизни. За мной такого не водилось. Я вообще на такие темы не задумывался. По-моему, я не телепат.

— И все-таки он говорил с вами. Или вам показалось, что говорил.

— Доктор Барр, этого я не утверждал,— возразил Джерри.— Не было момента, чтобы мне показалось, будто пришелец со мной говорит. Не было никаких содержательных сообщений, ни слов, ни картин — ничего такого не было. Ничего похожего. Только ощущение дома, непреодолимое чувство дома.

— Вы уверены, что это чувство шло от пришельца?

— Откуда ж еще ему взяться? Даю голову на отсечение, что само по себе такое чувство возникнуть не могло. Для этого не было ни малейших оснований. Там было о чем подумать.

— Но вы сказали — две вещи. Что еще?

— Мне показалось, что пришелец — дерево. Или очень похож на дерево.

— Это когда вы узнали о целлюлозе?

— Нет, целлюлоза здесь ни при чем. Дело в другом. Просто было какое-то ощущение чего-то знакомого, когда я спрашивал себя: что это такое? И вот...

— Вы заканчиваете лесоустроительный факультет. И должны знать о деревьях очень много.

— Он влюблен в них! — вмешалась Кэти.— Иногда мне кажется, что он с ними разговаривает.

— Она преувеличивает,— сказал Джерри.— Но я на самом деле знаю о них достаточно много, и, пожалуй, можно сказать, что я их люблю, хоть это не совсем то слово. Есть люди, которые сходят с ума по зверюшкам, некоторые любят цветы, некоторые — птиц... А я люблю деревья.

— Вы недавно употребили слова «знакомое», «ощущение чего-то знакомого» — что побудило вас сказать именно так?

— Ну, наверное, так оно и было... Вероятно, я ощущал что-то знакомое, хоть в тот момент и не осознавал этого. Когда я попал туда, то страшно испугался — до смерти, до крика, хотя и не кричал. Но очень скоро — гораздо скорее, чем можно было ожидать,— страх прошел. Во всяком случае, прошел животный страх. Я был напряжен, словно заморожен, но страх исчез. Я даже стал осматриваться, но он меня выкинул.

— Вы, наверное, знаете,— сказал Барр,— что экзобиолог — довольно странный зверь. На самом-то деле их вообще не существует. Скорее, это специалисты разных областей знания — по большей части биологи,— которые ради собственного любопытства задались вопросом: что за жизнь могла бы возникнуть в условиях, отличных от земных? Так что экзобиологию нельзя считать настоящей, точной наукой. Понимаете?

— Да, конечно,— ответил Джерри.— Но любой экзобиолог, по крайней мере, задумывается о том, что можно обнаружить в космосе и на других планетах.

— Да,— согласился Барр,— с такой оговоркой, как мы только что приняли, я согласен, что ваше предположение о разумном древообразном организме вполне правдоподобно. В последние двадцать лет, или около того, появились утверждения ботаников, что в определенных случаях растительная жизнь проявляет способность к ощущению, к восприятию и даже к выражению своих ощущений и чувств. Давно известно, что некоторые люди обладают особым даром общения с растениями: у них все цветет буйным цветом, а у других те же растения хиреют и гибнут. Так вот, эти люди утверждают, что с растениями нужно ласково говорить, тогда они и растут хорошо. Если растения на самом деле обладают такой чувствительностью, то отсюда недалеко и до настоящего разума и настоящего сознания. А вы бы не могли подробнее рассказать, каким образом

вы пришли к тому, что пришелец может быть растениеподобным, сродни дереву?

— Не знаю, не уверен,— сказал Джерри.— Когда я смотрю на дерево или работаю с деревьями, у меня возникает какое-то особое чувство. Ощущение некоего родства, хоть это и странно звучит...

— И вы думаете, что у вас могло появиться то же чувство родства с пришельцем?

— Нет, не родства. Пришелец слишком чужой, чтобы почувствовать его родным. Быть может, я понял, что свойства, которые я чувствую в деревьях, присущи этому пришельцу. Но они как-то сдвинуты... Не как у земного дерева. Это чужое дерево, не с Земли.

— Кажется, я вас понимаю,— сказал Барр.— Вы говорили об этом с кем-нибудь еще?

— Нет. Кто-нибудь еще поднял бы меня на смех. Вы — нет. И я вам благодарен.

— Правительство хотело бы это знать. Федеральные наблюдатели и те, кто занят исследованиями пришельцев, были бы благодарны за любые данные.

— У меня же нет никаких данных,— возразил Джерри.— А раз нет, они станут их вытряхивать из меня, решив, что где-то в подсознании есть информация, о которой я сам не знаю... А то еще хуже — решат, что я еще один псих с летающей тарелки и пытаюсь заработать на пришельцах.

— Понятно,— сказал Барр.— Будь я на вашем месте, я тоже поостерегся бы.

— Так вы мне верите?

— А почему бы мне вам не верить? У вас нет причин сочинять подобную историю. Вам нужно было поделиться с кем-то, кто поверил бы вам и принял все так, как есть. Я рад, что вы пришли именно ко мне. Вряд ли смогу вам помочь, но я рад. А вот насчет ощущения дома, мыслей о доме... Я все время думаю об этом. Может быть, вы что-то неправильно поняли?

— Я уверен, что было мощное принуждение думать о доме.

— А я не уверен. Может быть, пришелец вообще не разговаривал с вами и не пытался ничего внушать. Вы могли подключиться к его собственным мыслям. Тут два варианта: либо вы все-таки немного телепат, хотя сами об этом не подозреваете, либо эмоциональный сигнал пришельца настолько мощный, что ни один человек не может не отреагировать. Мне

кажется, что эта мысль — «в эфире», так сказать,— относилась не к вашему, а к его дому.

Кэти тихо охнула.

— Вы имеете в виду, здесь, на Земле? Что он думал о Земле как о доме?

— Посудите сами,— сказал Барр.— Он прилетел бог знает откуда, преодолел невообразимые расстояния в поисках планеты, где можно осесть, в поисках дома, который мог бы заменить прежний, по каким-то причинам утраченный. И, может быть, Земля именно такая планета. Здесь он может почковаться и кормить малышей. Здесь он может жить так, как раньше. И он говорит себе: «Дом! Дом! Наконец-то я нашел дом!»

Глава 26

Соединенные Штаты

Пришельцы наблюдали. Некоторые из них, приземлившись, так и остались лежать. Другие через некоторое время поднялись в воздух и начали знакомиться со страной. Они летали над заводами, кружили над городами, над обширными пространствами фермерских земель... Всегда соблюдая безопасную дистанцию, они сопровождали самолеты... Они патрулировали автодороги, выбирая участки с наиболее интенсивным движением, двигались вдоль извилистых рек, наблюдая за лодками и судами.

Третьи отыскивали леса, чтобы подкормиться. Заодно они съели несколько лесопромышленных складов. В районе Сент-Луиса три пришельца приземлились на стоянку старых автомобилей, проглотили десяток-полтора развалюх и улетели. Однако кроме того, что они ели деревья, старые автомобили и пиломатериалы на складах, вреда от них не было. Большинству людей, которым пришлось с ними столкнуться, они причиняли только незначительные неудобства; ни один человек не погиб. Правда, пилоты продолжали нервничать, когда рядом с самолетом повисали пришельцы... Дорожные происшествия — как правило, несерьезные — пошли на убыль: водители привыкли к виду громадных черных ящиков, летавших над шоссе. В конце концов на них почти перестали обращать внимание.

И все-таки кое-какие хлопоты они причиняли. Национальная гвардия была приведена в состояние боевой готовности, были задействованы дополнительные патрули на дорогах, и вообще

из-за пришельцев множество людей занимались не своими делами, и это стоило больших денег.

В некоторых крупных городах, где экономическая и социальная ситуация была весьма напряженной, возникли беспорядки. Как обычно в таких случаях, имели место грабежи и поджоги. Несколько человек были ранены, несколько убиты. В некоторых студенческих городках молодежь организовала демонстрации, которые прошли мирно, даже весело. Зато религиозные фанатики оккупировали перекрестки, парки, церкви и залы. В некоторых районах религиозный энтузиазм охватил значительную часть населения. Газеты и телевидение высказывали сотни самых различных предположений, большинство из которых не выдерживало мало-мальски серьезной критики.

Пошли слухи — всегда что-то происходило «где-то», а не здесь, причем индекс абсурдности был пропорционален расстоянию,— и уже начали принимать форму зародыши будущих легенд.

Все чаще возникал «феномен очевидца», их свидетельства приходили со всех концов страны, моментально подхватывались и использовались для новых культов, которые возникали как грибы после дождя. Многие заявляли, что «были там» — впрочем, никто не мог объяснить, как он туда попал,— и что там, внутри пришельцев им показали «тако-ое!..» (или рассказали, или внушили — разумеется, каждый врал по-своему). И «это» они должны передать своим братьям землянам. Приверженцы новых культов, да и не только они, верили этим россказням — одни больше, другие меньше,— но большинство принимали их с насмешкой. Вспоминали, что и раньше, когда появлялись НЛО — или считалось, что появлялись,— всегда находились такие, кто вступал в контакт с экипажами летающих тарелок.

Однако все это было явно выдумано, и население понемногу начинало осознавать факт, который отрицанию не поддавался. На Землю вторглись существа из космоса — и не происходило ничего такого, о чем долгие годы писали фантасты.

Как было написано в редакционной статье одной газетенки из Теннесси, то был своего рода космический пикник.

Один фермер из Восточной Айовы только что закончил вспашку поля, 160 акров, как вдруг появился пришелец. И начал летать вдоль поля, аккуратно разворачиваясь на противоположных концах, так низко, что почти касался свежевспаханной поверхности. Фермер стоял возле навеса для машин и наблюдал.

— Могу поклясться,— сказал он на следующий день журналисту, приехавшему взять у него интервью,— было похоже, что эта штуковина что-то сажает или сеет. Я вспахал, а она сеет. Может быть, она ждала, когда я кончу пахать? Потом она уселась рядом на лугу, а я пошел посмотреть, что она сделала. На самом деле она что-то сеяла или нет. Так она же меня не пустила! Чертова штуковина всплыла и двинулась на меня. Не нападала, нет, и даже двигалась не слишком быстро, но было ясно как день, что мне на поле делать нечего. Чтобы не подходил, значит. Я несколько раз пытался — и все время она меня отгоняла. Честно скажу вам, мистер, мне с ней спорить не хотелось: она гораздо больше меня. Весной, когда придет время сажать, попробую еще раз. Быть может, к тому времени она куда-нибудь улетит или потеряет к моему полю интерес. Придется подождать, там видно будет.

Репортер присмотрелся к черной громаде, лежавшей на пастбище.

— Мне кажется, на ней что-то нарисовано,— сказал он.— Вы подходили к ней ближе — не заметили, что это такое?

— Да! Ясно как день,— сказал фермер.— Номер «сто один» зеленой краской. Я удивляюсь, какому дураку это понадобилось?

В одном небольшом городе в Алабаме строительство стадиона вызывало множество споров в течение нескольких лет. Спорили, где строить стадион, каким он должен быть и так далее. В конце концов удалось договориться, и стадион был построен. И хотя многие были разочарованы, потому что получилось не так, как им хотелось бы,— стадион стал предметом гордости горожан. Все было готово к торжественному открытию. Гвоздем программы должен был стать футбольный матч. Стадион не просто убрали — вылизали. Зеленел ковер игрового поля (не искусственный, настоящий), автостоянки блестели чистеньким асфальтом, на флагштоках развевались разноцветные флаги... Красота!

Накануне торжественного открытия в небе появился громадный черный ящик и медленно, плавно и грациозно опустился в чашу стадиона, зависнув над поверхностью игрового поля, словно зеленый ковер был специально выращен и подстрижен для того, чтобы стать посадочной площадкой для черных ящиков, спускающихся с неба.

Когда поутихли первые страсти, официальные комитеты и группы заинтересованных горожан собрались на совещание: что делать? Кое-кто надеялся, что пришелец посидит на стадионе несколько часов и улетит. Но этого не случилось. Пришелец остался на стадионе. Торжественное открытие пришлось отменить, а игру перенести, что нарушило священный график футбольной лиги.

Люди все совещались, время от времени кому-нибудь приходила в голову какая-нибудь идея, но никто так и не придумал ничего толкового. Все пребывали в тихом отчаянии.

Помощники шерифа, охранявшие стадион, задержали и взяли под стражу группу футбольных болельщиков, которые хотели проникнуть на спортивную арену с ящиком динамита.

В Пенсильвании пришелец сел на картофельное поле. Хозяин натаскал к нему под бок громадную кучу дров, облил керосином и поджег. Пришелец не возражал.

Глава 27

Лоун-Пайн

Салли, официантка Пайн-кафе, принесла Фрэнку Нортону яичницу с ветчиной и присела за его столик поболтать. Дверь открылась, и в кафе ввалился Стиффи Грант.

— Иди сюда, Стиффи,— позвал его Нортон.— Садись, я тебя завтраком угощу.

— Как это благородно с твоей стороны,— сказал Стиффи.— Если не возражаешь, я тебя послушаюсь. Я ходил в лес смотреть наших пришельцев. Далековато, конечно, к тому же я пошел туда до рассвета, чтобы успеть до прихода туристов. А то они так мешают. Я хотел поглядеть, может, пришельцы начали почки выпускать, как тот, первый.

— Ну и как? — спросила Салли.

— Пока нет. По-моему, у них это займет немножко больше времени, чем у того. Но со дня на день могут начать. Они уже много понаделали тюков с этой белой дрянью. Не могу вспомнить, как она называется.

— Целлюлоза,— подсказал Нортон.

— Верно,— согласился Стиффи.— Так она и называется.

— С каких это пор тебя пришельцы заинтересовали? — спросила Салли.

— Не знаю,— ответил Стиффи.— Наверное, с самого начала, когда еще первый прилетел. Можно сказать, оказался замешан в это дело. Там была девчонка-журналист из Миннеаполиса, и в первую ночь я дежурил у телефона, чтобы она могла поговорить со своим шефом, когда вернется из лесу. Потом я же ей сказал, когда второй прилетел. Я как раз глаза продрал — поддатый был,— гляжу, летят. Прилетели и сели. Ну, подумал я, надо ей рассказать. Правда, боялся будить среди ночи, старый негодяй. Думал, попрет она меня. Но все-таки пошел. Ничего, обошлось, не поперла... А потом даже десять долларов дала. Она и тот парень с фотоаппаратом — хорошие были ребята.

— Хорошие,— согласилась Салли.— Да они все хорошие были. Жаль, что уехали. Конечно, и сейчас многие приезжают на малышей посмотреть. Иногда и к тем новым ходят... Но они не такие, как репортеры. Просто зеваки, бездельники. Иногда зайдут — кофе с пончиком или бутерброд, вот и все. Обедать не приходят и сдачу никогда не оставляют. Наверное, им кажется, что в таком тихом месте это ни к чему, тем более что покупают мало.

— Поначалу я каждый день ходил смотреть на пришельцев,— сказал Стиффи,— потому что, если бы у них что-нибудь произошло, я бы тотчас пошел девчонке рассказать. Наблюдать, значит, ходил. Так мне тогда казалось. А теперь я думаю, что дело было вовсе не в этом. Не это главное. Мне просто нравится на них смотреть. Я раньше думал, что это чужие твари и нечего им тут делать. А теперь не думаю. Они ведь, как люди. Я их больше не боюсь, как поначалу. Я прямо подхожу к ним и кладу руку на бок — а шкура теплая, живая...

— Если ты собираешься завтракать,— перебил его Нортон,— то скажи Салли, чего тебе принести. Я уже тебя обогнал.

— Ты сказал, что заплатишь?

— Сказал.

— Фрэнк, а с чего это вдруг...

— Считай, что это был внезапный порыв, о котором я уже пожалел. Так что если не поторопишься...

— Ну тогда много оладий, к ним глазунью из пары яиц,— сказал Стиффи.— И, если есть, пару сосисок. И, пожалуй, еще несколько кусочков бекона и пару кусочков масла...

Глава 28

Где-то в штате Юта

— Если эти ученые засранцы не поторопятся со своими дурацкими инструментами и не успеют поставить все как надо — солнце зайдет, и ни фига с их экспериментом не получится,— сказал сержант.

— Они хотят сделать все как надо,— ответил полковник.— Им нельзя ошибиться. Надо, чтобы получилось с первого раза, второй попытки не будет. Может быть, вам так не кажется, сержант, но это задание чрезвычайной важности. Из самого Вашингтона. Поэтому все должно быть тип-топ.

— Но, сэр, вы только посмотрите, что они делают! Нацелят свои камеры, поглядят в них, снова нацелят... И так уже несколько часов! Словно старые девы на прогулке. Нарисовали мелом крест у пришельца на заднице, прицелились... Я же сам это ружье наводил и знаю, что прицел точный. Пришелец ни разу не шевельнулся — чего ж тут еще проверять? И почему ружье? Почему не попробовать что-нибудь посерьезнее? Вряд ли будет толк, если кинуть пулю тридцатого калибра такой дуре. Это ж ей как укус комара!

— Если честно, сержант,— сказал полковник,— я сам удивляюсь. Но в приказе именно так. Даже точнее: тридцатый калибр со ста ярдов. Только это — и больше ничего. Должно быть ружье тридцатого калибра, сто ярдов, и чтобы все камеры и приборы стояли так, как хочется этим джентльменам...

Он прервал разговор, увидев, что к ним подходит один из ученых, до сих пор возившийся с камерами.

— Можете начинать, полковник,— сказал он, подойдя ближе.— Только перед выстрелом проследите, пожалуйста, чтобы в радиусе по крайней мере двухсот ярдов никого из людей не было. Не исключено, что будет серьезный ответный удар.

— Надеюсь, ваш электронный прибор сработает? — спросил сержант.— Ружье выстрелит?

— Несомненно,— невозмутимо ответил ученый.

— Давайте, сержант, убирайте людей,— распорядился полковник.— Надо поскорее кончать с этим делом.

Сержант пошел, на ходу выкрикивая команды.

— Камеры готовы? — спросил ученый техника-оператора.

— Закрутятся по той же команде, по которой выстрелит ружье,— ответил оператор.— Чертову прорву пленки намотал. Эти камеры ее просто-таки жрут.

— Полковник,— сказал ученый,— нам тоже пора уходить.

Пришелец стоял неподвижно, как простоял уже много часов, на песке, согретом осенним солнцем. Крест, начерченный мелом, ясно выделялся на черной шкуре.

— Меня просто поражает,— сказал полковник,— как спокойно он стоял все время, пока мы тут вертелись, подготавливая выстрел. Он вообще знает о нашем присутствии?

— Я уверен, что знает,— ответил учёный.— Но у меня такое чувство, что это его совершенно не волнует. Он испытывает к нам что-то вроде пренебрежения.

Ученый повернулся лицом к пришельцу. Полковник последовал его примеру и крикнул:

— Сержант! Люди в укрытии?

— Так точно, сэр!

Сержант подал знак человеку из Вашингтона, тот поднял крошечный приборчик, зажатый в руке, и нажал кнопку.

Ружье выстрелило — и пришелец ответил ослепительной вспышкой, поглотившей ружье на треноге. Полковник прикрыл глаза ладонью — таким ярким был этот свет. Опустив руку, он увидел, что и ружье, и тренога раскалились добела. Вся конструкция медленно оседала на землю, а куст полыни возле нее рассыпался в пепел.

Полковник взглянул на пришельца. Тот стоял все так же, будто ничего не случилось,— только белого креста больше не было.

Глава 29

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Сенатор Дэйвенпорт расхаживал по комнате со стаканом в руке.

— Черт возьми, Дейв,— сказал он Портеру,— вы же там должны что-нибудь предпринять! Нельзя же сидеть и смотреть, как эти твари лезут нам на голову!

— Но, папа,— вмешалась Элис,— они вовсе не лезут на голову. Собственно, они вообще ничего еще не сделали.

Сенатор остановился, разглядывая дочь, потом рявкнул:

— Ничего не сделали!.. Они истребляют наши леса, они глотают лесные склады, они уже до автомобилей добрались...

— Ну да,— сказала Элис.— Старый, подержанный хлам, который какой-то торгаш собирался всучить не подозревающей подвоха публике...

— Этот торгаш заплатил за них немалые деньги,— перебил ее отец.— Он брал их для дела. Он освободил для них место на своей стоянке. Он, может быть, уже знал, кому их продаст, и рассчитывал на прибыль... Он честно заработал эту прибыль... А теперь?!

— Вы говорите, администрация должна что-то предпринять,— сказал Портер.— Но что, по-вашему, мы должны делать?

— Откуда я знаю, черт возьми! — заревел сенатор.— Я не президент и не советник президента. Если бы у меня и был для него совет, он бы меня все равно слушать не стал. Но я же не знаю, что происходит. И никто не знает. Вот ты пресс-секретарь — почему ты мне не говоришь, что происходит? Сколько информации ты придерживаешь?

— Нет у меня никакой информации,— возразил Портер.— Мне просто нечего сказать.

— А этот ваш советник по науке? Сколько у него людей, сколько миллионов он уже угробил на свои исследования!.. Как же это получается, что он до сих пор так ничего и не узнал? Я слыхал, что сегодня армия проводила какой-то эксперимент с оружием. Ты мне можешь сказать, что из этого получилось?

— Я не знаю,— сказал Портер.

— Дейв, ну а если бы знал — хоть я уверен, что ты и в самом деле знаешь,— если бы знал, сказал бы?

— Может быть, и нет,— ответил Портер.

Сенатор повернулся к Элис.

— Вот видишь! Чего еще ждать от этой банды в Белом доме!

— Но Дейв сказал, что не знает,— возразила Элис.

— Он сказал, что, если бы и знал все равно не сказал бы!

— Ты должен похвалить его за откровенность, папа.

— Откровенность! Какая это, к чертям собачьим, откровенность?! Это наплевательское отношение, вот что это такое! И самонадеянность!

— Мне очень жаль, что я показался вам самонадеянным, сенатор,— сказал Портер.— И жаль, что мне на самом деле нечего сказать. Постарайтесь простить меня. Дело в том, что вы сами знаете столько же, сколько и я. А что касается каких-то действий, которые надо предпринять,— Элис права. Эти твари, как вы выразились, не сделали пока ничего такого, что потребовало бы ответных действий. А если бы и сделали — что мы можем предпринять? Они, знаете ли, крупноваты для того, чтобы с ними ссориться. У меня есть подозрение, что попытка

выгнать их может оказаться опасным предприятием, даже если бы и понадобилось их выгонять.

— Они разоряют страну,— пробурчал сенатор.— Эти пришельцы уже достаточно себя показали. Они пожирают наши лучшие леса, и строительная промышленность очень скоро это почувствует. Множество лесопромышленных складов уже истреблено, и это только начало. Пиломатериалы и так достаточно дороги, а теперь станут еще дороже. Новые дома станут расти в цене, а они и так уже не по карману большинству семей. Если пришельцы не прекратят пасти самолеты, авиакомпании начнут сокращать рейсы. Некоторые из них уже поговаривают об этом. Слишком велика вероятность аварий, страховые компании это понимают и собираются повысить стоимость страховки. А авиаторы уже вопят, что страховые сборы их разоряют, поэтому нового повышения они попросту не выдержат.

— Скорее всего, ситуация выправится,— сказал Портер.— В ближайшее время все образуется. В данный момент все это выглядит особенно страшно, публика взбудоражена и склонна преувеличивать возможные последствия. Дайте время...

— Я сомневаюсь, что со временем что-нибудь улучшится,— перебил его сенатор.— Ты думаешь, публика успокоится, а вот я в этом не уверен. Скорее наоборот. Эти новые культы, эти пророки на каждом углу... Черт с ними, с культами — хоть это штука достаточно скверная, но мы их переживем: большинство понимают, что это психи, и знают, чего от них можно ожидать. Настоящая опасность — возрождение евангелизма, возврат к средневековому мышлению. Из истории известно, что в те времена бывали всплески религиозного помешательства. Крестьянин бросал землю, ремесленник бросал мастерскую — и уходили: у них, видите ли, духовное пиршество. То же самое начинается и теперь. Бизнес и промышленность уже страдают от массовых прогулов, а кто на месте — тот работает кое-как. Это дорого обходится.

— Ну вот, приехали,— сказала Элис.— В итоге все свелось к доллару. Наши бизнесмены и промышленники теряют деньги. Или боятся, что потеряют.

— А что в этом плохого? — спросил сенатор.— Деньги — основа нашего экономического строя. И хоть ты можешь думать иначе — нашего общественного строя тоже... Я тебе говорю, страна начинает скатываться в пропасть. А чудаки в Белом доме даже не понимают этого.

— Мы понимаем больше, чем вам кажется, сенатор,— возразил Портер.— Но мы настроены не так пессимистично, это верно. Кроме того, есть другие дела, требующие внимания в первую очередь.

— Какие другие?

— Ну, например...

— Стой! — торжествующе закричал сенатор.— Я знаю! Я же все время чувствовал, что ты что-то не договариваешь. Ты что-то скрываешь.

— Сенатор, уверяю вас...

— Но ты же что-то скрываешь, верно? Вы что-то скрываете! Вы узнали о пришельцах нечто такое, чего нельзя обнародовать.

— Мне ничего об этом не известно,— заявил Портер.

Сенатор сел в кресло и проглотил остаток своего коктейля.

— Ну и не говори,— сказал он.— Я и не хочу ничего знать, пока не придет время. Пока не будут знать все. Вы что-то прячете. Это хорошо. Не распространяете, бережете... Я знаю, наш прекраснодушный госсекретарь мечтает поделиться нашими открытиями с кем угодно, включая Ивана. Мы не можем себе позволить делиться...

— Сенатор, вы ошибаетесь. Жестоко ошибаетесь. Мы ни черта не знаем.

— Молодец,— обрадовался сенатор.— Именно так и должен говорить настоящий джентльмен. Я знал, что в тебе это есть. Я знал, что на тебя можно рассчитывать: ты не проболтаешься.— Он посмотрел на часы.— Уже поздно. Задержал я вас своими проповедями. Вы с Элис опоздаете в ресторан.

Глава 30

Лоун-Пайн

Один из пришельцев отстал от остальных. Он стоял неподвижно и ничего не делал. Остальные, по обе стороны от него, продолжали валить лес, оставляя за собой ровные ряды целлюлозных тюков.

Выйдя из-за деревьев на просеку и увидев такую картину, Стиффи Грант остановился как вкопанный. Он сдвинул шляпу на затылок и вытер пот со лба.

— Что за чертовщина?

Ответа не было.

Он с трудом сфокусировал глаза. Стоит... Он полез в задний карман брюк, достал бутылку, отвинтил колпачок и приложил ее к губам, запрокинув голову. Отхлебнув, он внимательно посмотрел, сколько осталось. Грустно: раза на два, не больше. Конечно, это не бог весть что — самое дешевое пойло, какое только можно купить,— но когда кончается, все равно грустно, и Стиффи огорчился. Он аккуратно завинтил колпачок, сунул бутылку обратно в карман и похлопал по ней, чтобы убедиться: бутылка в безопасности.

Потом, стараясь не упасть (упадешь — бутылку разобьешь), он пошел выяснить, в чем дело. «Может, он устал?» — подумал Стиффи. Хотя за все время, что Стиффи видел пришельцев, ни один из них ни разу не остановился отдохнуть и не проявил никаких признаков усталости.

Сегодня Нортон заплатил за его завтрак — это значит, что у него хватит денег на такую же бутыль. Это хорошо. Приятно знать, что впереди тебя ждет что-то хорошее. Нет, что бы вы ни говорили, Нортон хороший парень, свой.

Пришелец, который стоял на месте, оказался гораздо дальше, чем показалось Стиффи сначала, но Стиффи упорно пробирался к нему по просеке, осторожно обходя белые тюки, и наконец добрался.

— Ну, что с тобой, дружище? — спросил он, подойдя и положив ладонь на шкуру пришельца.

Чтобы удержать равновесие, Стиффи сильнее оперся о пришельца — и почувствовал что-то неладное. Что-то было не так, как всегда, и Стиффи не сразу понял, что именно.

Потом понял: пришелец был холодный. Не было того приятного, дружеского тепла, которое Стиффи всегда ощущал, прикасаясь к любому из них. Он изумленно покачал головой и убрал руку. Прошел с десяток шагов — метра три — и снова коснулся пришельца. Шкура была холодной, тепло не ощущалось.

Он поковылял дальше, время от времени прикладывая ладонь к шкуре. Везде все тот же каменный холод. Он прислонился к пришельцу спиной и сполз на землю.

Холодный и неподвижный. И не висит над поверхностью, а стоит на земле.

«Может быть, это смерть? — подумал Стиффи.— Может ли пришелец умереть? Холодный и неподвижный — это похоже на смерть. Если он умер — то почему? Что с ним случилось? И еще:

если сейчас он мертвый, значит, раньше был живой...» Впрочем, тут ничего нового для Стиффи не было. Ему всегда казалось, что пришельцы живые. Не только живые, но и друзья. Когда он задумывался об этом, то удивлялся: у него уже давно не было друзей. «Странно,— думал он,— что я нашел себе друга среди чужого народа».

Притулившись к холодному пришельцу, Стиффи не закрывал лица и не вытирал слез, стекавших по небритым щекам. Сидел и горько плакал: оплакивал ушедшего друга.

Глава 31

Миннеаполис

Эл Лэтроп, главный редактор, сидел за столом совещаний на месте председательствующего, лениво постукивая карандашом. «С чего это нас сюда позвали?» — удивилась Кэти. Их было трое: она, Джей и Джонни. То, что Джонни здесь,— естественно, но остальным-то что тут делать? За все время работы в «Трибьюн» ее никогда не приглашали в этот кабинет. Здесь заведующие разных редакций собирались на ежедневные летучки, обсуждали материалы и решали, что с ними делать. Но совещания всегда проводились в конце рабочего дня, а сейчас было едва за полдень.

— Я пригласил вас,— начал Лэтроп,— чтобы поговорить о пришельцах. Нам надо выработать долгосрочный план освещения этой проблемы. С тех пор как она появилась, вы поработали, прямо скажем, неплохо. Взвешенно, объективно — хорошо поработали, молодцы. Я полагаю, так и надо продолжать. Но сейчас пора подумать, не стоит ли давать материал более развернуто. Джонни, ты был связан с этим с самого начала, с тех пор, как в Лоун-Пайне появился первый пришелец. У тебя нет каких-нибудь идей по поводу дальнейшей работы?

— Знаешь, Эл, может, следует не торопиться, а продолжать свою линию? То есть пока не пытаться выходить за рамки строгого репортажа: только факты, какие нам удастся установить,— сказал Гаррисон.— Сначала мы имели дело с такой информацией, которая сама по себе была сенсационной. Естественно, что наша установка состояла в том, чтобы не выходить за пределы точного репортажа. Сами новости, простое их изложение, уже имели достаточный заряд. По-моему — наверное, и остальные

так думают,— не надо было разводить такую писанину, чтобы этот заряд увеличивать. В этом не было никакой нужды. Джей написал несколько обзорных статей, но и он не вдавался в рассуждения сверх того, что уже писалось раньше, до появления пришельцев. Его статьи были направлены только на то, чтобы как можно мягче напомнить читателям, что старые концепции могут оказаться кстати. Но кроме этого — мы твердо держались в границах чистого репортажа.

— Но сейчас,— сказал Лэтроп,— публика в основном ситуацию освоила. Многим вся эта история не нравится, многим ее трудно принять. Но почти все уже понимают, что от этого никуда не денешься — пришельцы здесь и здесь останутся, по крайней мере какое-то время. И, по-моему, пора приняться за более серьезную работу. Скажем, представить вероятные последствия...

— Чтобы дать нашим читателям пищу для размышлений,— добавил Гаррисон.

— Вот именно. Подбросить им несколько вопросов, над которыми стоит подумать.

— То, что ты говоришь, Эл,— сказал Гаррисон,— вполне логично. И время для этого придет. Но мне все-таки кажется, что пока рано за это приниматься. Такие вещи можно писать только после долгого и тщательного размышления. Без хорошей подготовки начинать нельзя. Надо иметь какую-то информацию, хотя бы какой-то намек на информацию, прежде чем начать писать что-либо в этом роде. Конечно, информация не обязательно должна быть стопроцентно достоверной, как факты, идущие в репортаж,— согласен,— но нельзя брать ее с потолка. Иначе мы можем такого насочинять... А потом окажется, что мы не угадали.

— А я и не сказал, что надо начинать тотчас же. Я вовсе не имел в виду, что вы приметесь писать, едва выйдете отсюда, и станете высасывать материал из пальца. Но об этом надо подумать, надо заранее представить себе, какие материалы нам могут понадобиться в ближайшее время. У нас в газете масса народу, потратившего уйму времени на наблюдение за пришельцами и писание о них. И кое у кого должно было сложиться впечатление о том, с чем мы имеем дело. Кэти, вы с Джеем, вероятно, знаете больше, чем все остальные из нашей газеты. У вас есть какие-нибудь соображения по поводу сложившейся ситуации? Прежде всего скажите, как вы относитесь к пришельцам? Какие чувства они у вас вызывают?

— Они мне симпатичны,— ответила Кэти.

— Вот как? Это несколько неожиданно, честно вам скажу. Но продолжайте, пожалуйста. Расскажите, чем они вам так симпатичны.

— Хотя бы тем, что они нам не докучают,— сказала Кэти.— Конечно, кое-где они натворили дел, но ничего плохого не сделали. По-настоящему плохого.

— В Лоун-Пайне был убит человек.

— Он напал первым. Он выстрелил в пришельца. А с тех пор ни одного подобного случая не было. Пришельцы оказались порядочными людьми.

— Людьми?!

— Конечно! Они на самом деле люди. Только не такие, как мы. Они разумны. И по-моему, у них есть нравственное чувство.

— Может быть, ты права,— сказал Джей,— но мне кажется, что нас они за людей не считают. Они нас игнорируют. И не демонстративно — они попросту уверены, что мы не заслуживаем их внимания. Иногда кажется, что они нас даже не видят.

Кэти открыла было рот, но вовремя спохватилась. «Если бы только можно было сказать им! — подумала она.— Но нет, нельзя. Не только о Джерри, но даже и о рукопожатии, которое мне довелось испытать. Хотя это было гораздо больше, чем рукопожатие: в простом рукопожатии не бывает столько понимания и тепла».

— Вы хотели что-то сказать? — спросил Лэтроп.

Она покачала головой.

— Только то, что мне они кажутся людьми. Мне хотелось бы объяснить это, но я не могу. Не могу точно определить, что именно чувствую.

— А я вот о чем думаю,— сказал Джей.— Эти создания прилетели из дальнего космоса. Почти очевидно, что целлюлоза им необходима для того, чтобы кормить молодняк, а потому они едят деревья. Вероятно, какую-то часть целлюлозы они усваивают сами, но этого мы не знаем. Однако я о другом. Скорее всего, они не из Солнечной системы. Ни на одной планете нашей системы нет деревьев и ничего похожего тоже нет. Это значит, что они прилетели из другой системы; с планеты, которая кормила их целлюлозой. Если так — им пришлось лететь несколько световых лет, а может быть, очень много световых лет: ведь маловероятно, что в каждой системе есть планета, кото-

рая могла бы обеспечить их целлюлозой, которую они искали. Такая планета должна была чем-то напоминать Землю, хоть сходство могло быть и не полным...

— Джей,— перебил его Гаррисон,— короче. Ты о чем?

— О многом,— сказал Джей.— Но самое главное, что меня занимает,— время. Они должны были лететь очень долго. Физики утверждают, что ни одно тело не может двигаться со скоростью, большей скорости света, и, скорее всего, не может к ней даже приблизиться. А это значит, что наши пришельцы летели к нам много тысяч лет. Пока они добрались до Земли...

— Чтобы решиться на такое путешествие, они должны были попасть в отчаянное положение,— сказала Кэти.— Что-то должно было заставить их броситься в космос на поиски другой планеты, хотя они не знали, где ее искать, а может быть, и вообще не надеялись найти. Но им нужна была целлюлоза, чтобы кормить малышей. Не будет целлюлозы — не будет потомства. Они стояли перед угрозой вымирания.

— Вы выступаете, как защитник на процессе,— пошутил Лэтроп.

— Может быть, она права,— сказал Джей.— Сценарий, который она набросала, может оказаться близким к истине. Быть может, им пришлось исследовать несколько звездных систем, прежде чем они нашли такую, где есть планета, которая их устраивает. И если это так, то наши пришельцы — раса долгожителей. Они живут невероятно долго.

— Ты говорил, что надо развивать тему,— обратился Гаррисон к Лэтропу.— Кэти и Джей подали идею, которая может лечь в основу такой статьи. Может, пусть сами и напишут?

Лэтроп пожал плечами.

— Не вижу смысла. Это же сплошная теория, никаких фактов. Будет отдавать сенсационностью.

— Согласен,— сказал Гаррисон.— Но то же самое можно сказать обо всем, что мы могли бы написать. Все было бы основано исключительно на предположениях. У нас нет ничего, на что можно опереться. Поэтому самое лучшее — писать только о том, что можно увидеть. Если мы начнем теоретизировать, то сразу обнаружим, что наши теории не к чему привязать. Мы не можем претендовать на понимание происходящего, поскольку имеем дело с формой жизни, настолько не похожей на нашу, что у нас нет никакой основы для понимания. Кэти уверена, что пришельцам пришлось искать такое место, где они смогут вы-

кармливать малышей. Вполне логично — но с нашей точки зрения. А какова точка зрения самих пришельцев? Может быть, их концепции не имеют ничего общего с нашими. Их интеллект, их мировоззрение, их стиль жизни — если позволить себе использовать эти термины — могут быть совершенно непостижимы для нас. Скорее всего, так оно и есть.

— Возможно, ты прав,— сказал Лэтроп.— Единственное, чего я хочу,— чтобы все мы были осмотрительны. Мы не можем позволить себе ни капли сенсационности. Кстати, Мэттьюс из вашингтонского бюро сегодня утром сказал мне, что ходят слухи о каком-то эксперименте, который военные якобы проводили с одним из пришельцев. Что-то с оружием. Есть что-нибудь об этом? Хоть что-нибудь?

Гаррисон покачал головой.

— Мэттьюс звонил полчаса назад. Сегодня этот вопрос был задан на брифинге в Белом доме, и Портер ответил, что ничего не знает.

— Ему можно верить?

— Трудно сказать. До сих пор казалось, что он честен. Говорят, что в Белом доме идет отчаянная война: Портер настаивает, чтобы вся информация о пришельцах была открыта, но несколько человек требуют ее придержать. Если эксперимент с оружием был, то проводили его военные. Не исключено, что результаты будут засекречены. Поэтому Портер вынужден молчать.

— А что еще?

— Не много. Ничего, кроме обычных новостей о пришельцах. Несколько дней назад один появился на ферме в Восточной Айове и начал летать взад-вперед над свежевспаханным полем, словно засеивал его. Потом уселся рядом на лугу и теперь никого к полю не подпускает. Отгоняет всех, кто пытается подойти. Похоже, это наш старый приятель.

— Что вы имеете в виду? Какой приятель?

— На нем номер зеленой краской: сто один.

Кэти вздрогнула и выпрямилась в кресле.

— Так это же она, та, что первой прилетела в Лоун-Пайн! Один из наблюдателей написал на ней номер. Это у нее родились малыши.

— Она?

— Ну детишки-то были, верно? Не «он» же их рожал! Так что в моей книжке это «она». Но как я пропустила этот материал?

— Его не было в газете,— сказал Гаррисон.— Завалялся и попал в мусорную корзину, а я нашел и вытащил. Сегодня вечером мы его дадим в набор. Не знаю, как это случилось.

— Ну нельзя же допускать таких вещей! — возмутился Лэтроп.— Это же отличный материал, мы должны были его использовать...

— Все бывает, Эл. Не часто, но бывает. Это как раз такой случай. Но я вот подумал, не слетать ли Кэти в Айову. Ознакомиться с ситуацией. Быть может, пришелец ее запомнил.

— Но это же смешно,— возразил Лэтроп.— Ни один из них ни разу не обратил внимания на людей.

— А откуда это известно? — спросил Гаррисон.— Конечно, ни один не подошел и не поздоровался, но это вовсе не значит, что они не замечают людей. Кэти провела в Лоун-Пайне несколько дней, так что...

— Ну а если «сто первый» ее запомнил, что толку? Едва ли у него можно взять интервью. Нет никакой возможности получить от них информацию. Никакой.

— Я знаю,— сказал завредакцией репортажа.— Но у меня предчувствие. Я думаю, что идея неплохая.

— Ну что ж, давайте. Репортаж — ваша епархия. Если у вас предчувствие...

Дверь распахнулась, и в кабинет ворвался Джим Гоулд.

— Джонни! — закричал он.— Фрэнк Нортон на проводе! Стиффи Грант только что нашел мертвого.

— Какого мертвого?

— Мертвого пришельца.

Глава 32

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Портер взял трубку.

— Дейв,— сказал президент,— ты можешь ко мне зайти? Я хочу, чтобы ты тоже послушал

— Сию минуту,— ответил Портер.

Он положил трубку и поднялся с кресла. Маршия Лэнгли, его помощница, подняла голову от стола и вопросительно взглянула на шефа.

— Не знаю,— сказал Портер.— Скорее всего, какая-нибудь неприятность.

Войдя в приемную, он показал на дверь президентского кабинета.

— Кто там у него?

— Генерал Уайтсайд,— ответила Грейс.

— Только Уайтсайд?

— Только Уайтсайд. Пару минут назад зашел.

Портер постучался и открыл дверь. Президент стоял, опершись на угол стола, Уайтсайд сидел в кресле у стены.

— Заходи, Дейв,— сказал президент.— Тащи сюда кресло. У генерала чрезвычайно интересные новости для нас.

— Благодарю вас, сэр.

Президент обошел стол и уселся за него.

— Я слышал, тебе сегодня трудно пришлось с прессой,— обратился он к Портеру.

— Они хотели узнать об эксперименте с оружием. Я сказал, что ничего об этом не знаю.

Президент кивнул.

— Правильно. И как у тебя прошла эта ложь во спасение? Совесть не мучает?

— Сэр,— сказал Портер,— говорить можно и нужно почти обо всем. Но я полагал, что эксперимент в любом случае секретен, даже если речь не идет о безопасности страны...

— Хорошо, что вы об этом подумали,— буркнул Уайтсайд.

— Ну а раз так, я решил, что сказать об этом можно будет не скоро.

— Потому я тебя и позвал,— сказал президент.— Я тебя уважаю и не хочу, чтобы тебе приходилось работать в вакууме. Когда ты услышишь, что расскажет Генри, у тебя не останется возражений относительно секретности этой информации.

Он повернулся к Уайтсайду.

— Генри, вы не откажетесь рассказать еще раз?

Генерал устроился в кресле поудобнее и начал:

— Я думаю, вы оба знаете, в чем состоял эксперимент. Мы установили ружье тридцатого калибра и снимали траекторию пули, тысячи кадров в секунду.

— Да, знаем,— кивнул президент.

— Это было невероятно,— сказал Уайтсайд.

— О'кей, Генри. Продолжайте.

— Когда пуля ударилась в пришельца, шкура его вогнулась. Но пуля ее не пробила. Только ямку сделала. Как кулаком стукнуть в подушку. Как пальцем щеку надавить. Почти в тот же

момент ямка выровнялась, и в том месте, где она была, возник ослепительный луч. Он попал в ружье и расплавил его. Забавно, что сама пуля назад не полетела, а отскочила, как мячик от стенки, и упала. Мы потом нашли ее на земле.

Генерал замолчал, переводя дыхание.

— Наши люди говорят — то есть наши ученые говорят,— что пришелец превращает кинетическую энергию снаряда в потенциальную. И делает это таким образом, что потом может ее использовать. Не совсем понятно, как это происходит, но впечатление такое, будто пришелец поглотил потенциальную энергию, подверг ее анализу и ответил более сильной вспышкой энергии — потому ружье и расплавилось. Он попал точно в ружье. Ученые говорят, это произошло потому, что вмятина имела параболическую форму, а ось параболоида совпала с траекторией снаряда. Вмятина тут же выровнялась, но форма ее была настолько точной, что он выбросил эту энергию в какой-то новой форме точно туда, откуда вылетел снаряд. Они что-то говорили о волновом импульсе, об отраженной волне — тут я ничего не понял. Но самое главное в том, что пришелец возвращает энергию снаряда — или больше энергии снаряда — оружию, из которого он вылетел. И при этом возврат энергии происходит по траектории снаряда. Даже если бы траектория была навесной — если, например, стреляли из мортиры,— ответный импульс энергии все равно в точности следовал бы траектории снаряда.

Он умолк, снова переводя дыхание и глядя то на одного слушателя, то на другого.

— Вы понимаете, что это означает?

— Идеальная защитная система,— сказал президент.— Ты кидаешь другому то, что он кинул в тебя.

Уайтсайд кивнул.

— И притом в другой форме. Вероятно, здесь имеют место разные формы энергии. Во всяком случае, так думают ребята из лаборатории. Это совсем не обязательно тепловой удар. Это может быть и какое-то излучение, например гамма-лучи. Пришелец умеет превращать кинетическую энергию в потенциальную, и у него широкий выбор дальнейших превращений.

— Кто кроме нас троих знает об этом? — спросил президент.

— Эксперимент видели многие. Техники, охрана и так далее. О том, что я вам сейчас рассказал, знают только трое, больше никто.

— Вашим людям можно доверять?

— Можно. Они не болтливы.

— Я думаю, что в целях безопасности,— сказал президент,— нам не следует распространяться об этом. Эксперимента не было! Будем твердо стоять на своем: его не было. Ты сможешь выдержать, Дейв? Я знаю, как ты себя чувствуешь, когда приходится лгать...

— Хоть это мне и не нравится,— сказал Портер,— придется с вами согласиться. Но нам трудно будет избежать огласки. Кто-нибудь обязательно проболтается: не солдаты, так технический персонал. Нельзя ли поступить как-то по-другому? Например, сказать: да, такой эксперимент был, но результаты его неясны...

— Мой вам совет,— произнес Уайтсайд,— похороните это дело.

— Дейв,— сказал президент,— я никогда не просил тебя покрывать нас. А сейчас прошу. Был, конечно, случай, когда «рой» на орбите начал разваливаться. Вероятно, тогда я ошибся. Ты хотел полной открытости... Конечно, лучше было тогда дать слово тебе, а не ограничиться заявлением НАСА. Моя вина. Но сейчас другое дело.

— У нас могло бы появиться преимущество,— сказал Уайтсайд.— То самое, которого сейчас нет. Если мы сможем понять, как он это делает.

— Можно обратиться к Аллену...

— Господин президент,— сказал Уайтсайд.— Мне бы не хотелось. Может быть, в конце концов он и помог бы нам получить ответ. Конечно, было бы хорошо, если бы при этом он не знал всех подробностей. Но еще лучше вообще не говорить ему ничего. Сейчас об эксперименте знают шесть человек. Это уже много, но тут ничего не попишешь. Давайте ограничимся этой шестеркой. Аллен тряпка и болтун. Он помешан на мысли, что всякое научное знание должно быть всеобщим. Люди, которых он собрал для своих исследований, работают без контроля со стороны спецслужб и...

— Не надо ничего объяснять,— перебил его президент.— Вы совершенно правы. Аллена будем держать в стороне.

— Мои люди считают,— сказал генерал,— что пришельцы вообще не представляют собой опасности. То есть не являются противником. Они считают, что пришельцы поглощают энергию из всевозможных радиационных излучений, из мельчайших частиц вещества, или из крупных частиц, которые могут столкнуться с ними... В этом случае они превращают кинетическую

энергию частиц в потенциальную, часть ее поглощают — сколько им нужно,— а лишнюю выбрасывают. Нечто вроде предохранительного клапана для сброса избыточной энергии.

— Вы использовали пулю тридцатого калибра,— сказал президент.— Ваши люди пробовали выяснить, снаряд какой мощности мог бы выдержать пришелец?

— Я думаю, ядерный заряд мог бы его уничтожить,— ответил генерал.— Похоже, что ничем иным его не взять. Вмятина от пули была совсем крошечной. При более тяжелом снаряде вмятина будет глубже, но и отдача окажется гораздо большей. Пришелец, с которым мы работали, по-видимому, вообще не заметил выстрела. Когда пуля ударила его, он даже не вздрогнул. Перед выстрелом он просто стоял и ничего не делал. Во всяком случае, ничего такого, что могли бы заметить. И после выстрела стоял точно так же. Мне бы хотелось попробовать что-нибудь потяжелее: постепенно наращивать калибр оружия.

— Этого делать нельзя,— предостерег Портер.— От вашей секретности ничего не останется. Сейчас у нас еще есть возможность откреститься от одного эксперимента. Но если их станет больше — у нас никаких шансов не останется.

— Это верно,— сказал президент.— Пока придется удовлетвориться тем, что есть. Главное сейчас — выяснить, что представляют собой пришельцы. Как они устроены. Как они действуют, если так можно сказать. Быть может, Аллен в ближайшее время обнаружит что-нибудь, что сможет пролить свет на эту тайну.

— Ему же не с чем работать,— сказал Портер.— Все, что могут его люди,— стоять рядом и наблюдать.

На президентском столе загудел телефон внутренней связи. Президент нахмурился и нажал кнопку.

— Грейс, я, кажется, предупреждал...

— Простите, сэр. Я подумала, что, может быть, вы захотите знать. Здесь доктор Аллен. Говорит, что должен немедленно вас видеть. Кажется, в Миннесоте кто-то обнаружил мертвого пришельца.

Глава 33

Миннеаполис

Потолок и стены словно давили на него — странное ощущение. Никогда прежде он не испытывал подобного. Впервые за все время, что он прожил здесь — долгие два года,— он заметил,

как мала его комнатка, как убога и какой в ней кавардак. Заметил и грязные окна, и потеки на стенах.

Он отпихнул бумаги на угол стола и подошел к окну. Ребятишки играли в какую-то игру, состоявшую из крика и беготни и не имевшую никакого смысла ни для кого, кроме них... Какая-то старуха ковыляла по разбитому тротуару, волоча большущую сумку... На ступенях соседнего ветхого дома сидел ленивый пес... На обычном месте, прижавшись к бордюру, стояла старая колымага с помятыми крыльями...

«Что за чертовщина творится со мной?» — подумал Джерри. Но, задавая этот вопрос, он уже знал, в чем дело.

Все эта история с пришельцем. Она не давала ему покоя с тех самых пор, как произошла. С тех самых пор он постоянно чувствовал себя не в своей тарелке. Постоянная тревога не давала ему заниматься, изводила с утра до ночи. Он был сам не свой. Он не мог сосредоточиться на диссертации, а ее надо писать... Он просто обязан ее написать!

Может быть, лучше решиться и рассказать о случившемся соответствующим властям? Рассказать — и избавиться от всего... Может быть, тогда он освободится от наваждения, сможет отгородиться от воспоминаний, сможет работать... Но это было невозможно. Он убеждал себя, что отказывается от этого потому, что не хочет показаться смешным. Но, возможно, существовала и другая причина. Хоть он и не мог понять, в чем она состоит. Раньше он думал, что ему станет легче, если он расскажет обо всем Барру. Не помогло. Экзобиолог и не думал потешаться над ним, но все равно не помогло. А он рассказал все-все, без утайки, как на исповеди,— все равно не помогло.

А теперь об этом просто невозможно рассказать. Теперь, когда прошло уже столько времени,— уж он точно окажется в числе придурков, которые утверждают, что пришелец забирал их к себе. С тех пор как появились пришельцы, таких стало полным-полно... Нет. Раньше рассказать о происшедшем было трудно, а теперь — и вовсе невозможно.

Хотя, по всей вероятно́сти, ему все равно это предстоит. Ведь рано или поздно следователи, забравшие его машину, определят номерной знак или номер мотора и найдут его. Быть может, уже определили. Он не сделал ничего, чтобы отыскать машину, а, наверное, надо было. Наверное, надо было, но он не мог ни на что решиться. Надо было обратиться в страховую компанию. Но что бы он им сказал? Одно время он хотел за-

явить, что машину украли, но не поддался искушению. И правильно сделал, а то могло бы быть хуже.

Он отошел от окна и вернулся к столу. Сел, придвинул к себе бумаги. Как бы там ни было, но сегодня он должен что-то сделать. Хотя бы немного. Часов в шесть зайдет Кэти, и они пойдут куда-нибудь обедать.

«Кэти...» — подумал он. Интересно, что бы он без нее сейчас делал? Это ее сила и спокойствие, преданность, любовь и забота помогли ему прожить последние дни.

Зазвонил телефон, он взял трубку.

— Извини меня, Джерри,— сказала Кэти.— Я не приду к тебе сегодня. Я уезжаю. Снова в Лоун-Пайн.

— О черт! А я сижу и мечтаю, как увижу тебя вечером... Что там опять стряслось?

— Они нашли мертвого пришельца. Наверное, опять исследователи из Вашингтона набегут... Надо было кого-то послать, и Джонни выбрал меня.

— Мертвый пришелец? Что с ним случилось?

— Никто не знает. Его уже нашли мертвым. Стиффи Грант нашел. Ты его должен помнить, я вас знакомила.

— Конечно помню. А как Стиффи определил, что пришелец мертв?

— Он холодный. Они всегда были теплые, а этот холодный. И не висит над землей, а стоит на грунте.

— И теперь они собираются разрезать его на куски и посмотреть, как он устроен.

— Наверное, что-то в этом роде,— согласилась Кэти.

— Мне это противно.

— Мне тоже. Но это логично.

— Когда ты вернешься?

— Не знаю. Наверное, через день-два... Я сразу же дам тебе знать.

— Я так надеялся, что мы сегодня увидимся.

— Я тоже, Джерри. Очень надеялась. И мне очень жаль.

— Ничего не поделаешь! У тебя работа... У меня, кстати, тоже. Надо что-нибудь написать, а то диссертация стоит. Попробую.

— И еще, Джерри. Нашу «сто первую» нашли.

— Сто первую?

— Ну да! Ты что, не помнишь? Я тебе рассказывала, как один из вашингтонцев написал зеленой краской номер на самом первом пришельце. Сто один.

— Да, рассказывала. Так, значит, его нашли? Где?

— На ферме возле маленького городка в Айове. Дейвис Корнере. Фермер думает, что она что-то посадила или посеяла у него на поле, и теперь караулит его. Когда фермер подходит к полю, она его отгоняет.

— Что же он там мог посеять?

— Может быть, и ничего. Но фермер так думает. Джонни собирался послать меня туда, но тут появилось это дело в Лоун-Пайне.

— А зачем он собирался тебя туда послать? Что ты смогла бы там сделать?

— У Джонни бывают предчувствия. Он руководит редакцией по наитию. И иногда его предчувствия сбываются. Знаешь, есть такое, что можно назвать интуицией журналиста. Это действительно предчувствие. Но мне пора. Самолет уже ждет, а Чет стоит рядом и переминается с ноги на ногу.

— Ты мне нужна, Кэти.

— Ты мне тоже. Давай работай. Чтобы к моему возвращению много-много сделал.

— Я постараюсь. Спасибо, что позвонила, Кэти.

Он положил трубку. И остался сидеть у стола; просто сидел и ничего не делал. Комната снова стала давить. И снова полезли в глаза грязные окна и потеки на стенах.

«"Сто первый",— думал он.— Сидит где-то в Айове и караулит поле. А с какой стати в Айове? В Айове же нет деревьев — во всяком случае, их там немного. Это не Миннесота, там нет лесов. Фермер подумал, что "сто первый" что-то посадил или посеял у него на поле. А что он мог посадить?» Джерри помотал головой. *Нет, наверное, фермер ошибся.*

Он встал из-за стола и принялся ходить по комнате из угла в угол, с пугающей отчетливостью вспоминая те часы (или минуты?), что провел внутри «сто первого». Перед глазами *снова возникли светящиеся диски*, бледный голубой свет, странное мерцание... «Там было что-то,— думал он,— что я должен был понять. И понял бы, если бы пробыл там чуть подольше».

Если бы он пробыл там подольше, если бы мог снова с ним заговорить...

«Стоп! — сказал он себе.— А не дурак ли я? Называть это разговором просто идиотство. Я ведь с ним не разговаривал. Это он мне внушал, навевал какие-то впечатления, и только. Ощущение дома, ощущение чего-то, связанного с деревьями...

И нет никакой уверенности, что это на самом деле исходило от "сто первого", а не возникло у меня в голове... Почему возникло?..»

Он снова сел за стол, подвинул к себе бумаги, взял ручку — но работать не мог. Из-под пера вместо букв лезли какие-то непонятные закорючки и спирали. Он стал всматриваться в них, пытаясь разобрать, что они означают, но не сумел. Это было так непонятно и неприятно, что он разозлился... В голове была полная каша.

«А может быть,— подумал он,— ответ как раз там, на ферме в Айове?» Но это же чистейшее безумие! Ну поедет он в Айову, придет на поле — а пришелец прогонит его так же, как фермера... Он фантазировал и прекрасно понимал это — но такое понимание не помогало: фантазия не отпускала его. Он должен попасть в Айову. Да, теперь он был уверен: надо ехать в Айову! Хотя у него не было ни малейшего понятия, что он будет там делать.

Он снова поднялся из-за стола и зашагал по комнате, стараясь избавиться от наваждения. Но оно не проходило, оно стучало в мозгу молотом. Ему надо понять, а это единственная возможность, какую он мог себе представить. Только так он может получить ответ. Конечно, может ничего и не получиться, но нельзя упускать такой шанс. Надо попробовать. Надо подчиниться предчувствию. Кэти сказала, что Джонни Гаррисон работает по интуиции и иногда его предчувствия оправдываются...

Он боролся с этой мыслью до самого вечера, но так и не смог одолеть ее. Ему надо ехать в Айову... Он хочет ехать в Айову, но ведь у него нет машины. Но если попросить у Чарли, тот, наверное, даст. Не может же он не позволить взять его машину на день-два!..

Вытерев со лба внезапно выступивший пот, он поднял трубку и начал набирать номер Чарли.

Глава 34

Лоун-Пайн

Через бинокль было видно, что на том берегу возле мертвого пришельца копошится кучка людей. Что они там делали, Кэти разобрать не могла. Единственное, что ей удалось рассмотреть,— они каким-то образом (пилами, что ли? — удивилась она) от-

резали куски от мертвого тела. Наверное, брали образцы, чтобы отвезти в Вашингтон или еще куда-нибудь на исследование. Они возились с каким-то оборудованием, но на таком расстоянии невозможно было рассмотреть, что именно они делали. Кэти пыталась найти кого-нибудь, с кем можно было бы поговорить, но это ей не удалось. Меры безопасности были приняты строгие. Мост, построенный армейскими инженерами, перекрыли гвардейцы. Кроме того, гвардейцы патрулировали берега, задерживая всякого, кто пытался перебраться через реку.

Остальные пришельцы не обращали никакого внимания на то, что происходило возле их мертвого собрата. Они продолжали валить деревья и выплевывать целлюлозные тюки. Некоторые из них почковались, и уже около дюжины малышей носились вокруг, жуя целлюлозу.

Кэти опустила бинокль и положила его на колени.

— Видно что-нибудь? — спросил Нортон.

— Я ничего не могу разобрать.— Кэти подала ему бинокль.— Хочешь посмотреть?

— Даже если я что-нибудь и увижу, все равно, наверное, ничего не пойму,— сказал Нортон.— Я думал, что они постараются перетащить пришельца куда-нибудь. Хотя бы в университет в Миннеаполис. Но, должно быть, эта штуковина слишком тяжела. Наверное, тонны и тонны весит.

— Может быть, когда-нибудь и перетащат... Если я не ошибаюсь, необходимо как можно быстрее получить образцы тканей — если это можно назвать тканями. То, что они там достают.

Нортон поднял бинокль к глазам и долго смотрел. Потом отдал его Кэти.

— Я никогда не видела такой секретности,— сказала Кэти.— И никогда не видела, чтобы меры принимались так быстро. Мы с Четом появились здесь всего через несколько часов после твоего звонка, но все уже было перекрыто. Обычно в таких случаях организуют хоть какую-то связь с общественностью, чтобы хоть как-то объяснять, что происходит. А здесь ничего. Даже нет никого, кто сказал бы, что никакой информации не будет. Просто заперли дверь и не пускают.

— Наверное, в Вашингтоне находят это важным. Совершенно секретно...

— Конечно,— сказала Кэти.— Ну а кроме того, еще и спешка. Кто мог ожидать, что пришелец умрет и появится такая воз-

можность? Когда мы напишем, какие меры безопасности здесь приняли, правительство начнет возмущаться. Скажет, что мы преувеличиваем.

— Очень скоро Лоун-Пайн будет кишеть газетчиками,— сказал Нортон.— Как в прошлый раз. Может, кому-нибудь удастся что-то проведать.

— Я уже пробовала,— вздохнула Кэти.— Одни гвардейцы — морды кирпичом,— которые никого никуда не пускают. «Не положено!» — вот и весь разговор. Даже офицеров нет. Уж эти-то разговаривают, чтобы показать, какие они важные, если нет другой возможности. Хоть немножко, да скажут. Знаешь, Фрэнк, я удивляюсь, какого черта я здесь торчу. С тем же успехом могла бы сидеть у себя в редакции. Я же здесь ничего не делаю — и не сделаю. Не знаю, что я скажу Джонни, когда позвоню. Может быть, кто-то другой смог бы раздобыть информацию. Может быть, Джей...

— А что Джей? Ты же сама говоришь, что здесь не с кем разговаривать.

— Зло берет,— сказала Кэти.— Хоть бы слухи какие-нибудь были! Когда такая секретность — всегда ходят слухи. Кто-нибудь что-нибудь услышит и начинает плести. А здесь даже этого нет. Стиффи тоже ничего не знает. Я надеялась, что хоть он что-то услышит и расскажет. Ну, присочинит, конечно... И Салли ничего не знает. Если бы знала, если бы хоть что-то услыхала — обязательно рассказала бы, я уверена.

— Тебе надо подольше побыть здесь,— сказал Нортон.— Если проторчишь здесь достаточно долго...

— А мы с Джерри собирались сегодня пойти пообедать...— вздохнула Кэти.— Оба так мечтали об этом. Мы давно уже никуда не ходили — по-настоящему, не так, чтобы пирожок укусить в какой-нибудь забегаловке. Бедняга Джерри, ему сейчас очень плохо. Шесть студенческих лет с хлеба на воду перебивался, за какую только работу ни брался, чтобы хоть какие-то денежки водились — сколько там ему нужно-то?.. И живет в какой-то конуре... Я думала, нам надо пожениться. Тогда у него, по крайней мере, было бы приличное жилье... Но ему этого не надо. Он не хочет, чтобы женщина его содержала. Гордость мужская. Это хорошо, что он такой, я его за это уважаю, но все равно мне его жалко... А если он узнает, что я его жалею,— это еще хуже, так что показывать нельзя... Вот я и не показываю. Мы могли бы, конечно, и так пожить. И, может быть, это

было бы легче для нас обоих... Но мы не хотим. Ничего плохого в этом нет, многие так живут, но нам не хочется. Даже не знаю почему. Это не для нас. Вот мы и договорились...

— Скоро все уладится,— сказал Нортон.— Еще чуть-чуть — и он станет доктором, получит работу...

— Не знаю, зачем я тебе это рассказываю. Ведь не надо, а оно само из меня лезет... Фрэнк, для чего я это тебе рассказываю?

— Не знаю.— Нортон пожал плечами.— Но я рад, что ты со мной поделилась. Если тебе хоть немного стало легче, я рад.

Какое-то время они сидели молча. Потом Нортон сказал:

— Через пару дней, в конце недели, я возьму несколько дней отпуска. Я так делаю каждую осень, обычно пораньше. Нынче меня пришельцы задержали. Закину каноэ на крышу машины и поеду в заповедник. Остановлюсь где-нибудь у речки, в красивом месте, и поплыву. Нечто вроде прощания с осенней природой, пока погода позволяет. Просто гребу и смотрю по сторонам. Любуюсь. Не суечусь, никуда не тороплюсь... И никакой работы, разве что порыбачу иногда. Но главное — любуюсь.

— Как хорошо...— вздохнула Кэти.

— Я вот о чем подумал. Почему бы тебе не позвонить Джерри и не пригласить его сюда? Скажи Джонни, что берешь отпуск, и составите мне компанию в походе. Отключитесь от всех дел, от всех забот... И вам откроется прекрасный мир.

— Это было бы замечательно,— согласилась Кэти.— Но мы не можем. Я уже использовала весь отпуск в июне, а у Джерри диссертация горит.

— Жаль,— сказал Нортон.— Было бы чудесно поехать с вами.

— Мне тоже жаль,— отозвалась Кэти.— Спасибо тебе.

Глава 35

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Президент вошел в пресс-бюро, когда Портер уже собирался домой. Пресс-секретарь удивился.

— Как поздно вы работаете, сэр,— сказал он, поднимаясь из-за стола.

— Ты тоже,— ответил президент.— Я увидел у тебя свет и решил заглянуть.

— Я вам нужен?

— Только для того, чтобы выслушать меня, Дейв. Мне нужен человек, с которым можно отвести душу.

Президент подошел к дивану у стены, уселся, вытянул ноги и положил руки под голову.

— Дейв,— спросил он,— все это на самом деле происходит или мне снится страшный сон?

— Боюсь, что происходит,— сказал Портер.— Хотя иногда я задаю себе тот же вопрос.

— Ты представляешь себе, к чему это идет? Каким должен быть логический конец?

Портер покачал головой.

— Нет, сэр. В данный момент ничего не могу вам сказать. Но у меня такое чувство... Я верю, что в конце концов все образуется. Самые скверные ситуации улаживаются рано или поздно.

— Ко мне с утра до ночи ломится разный народ,— пожаловался президент.— Советуют, что я должен сделать. Что я, по их мнению, должен предпринять. Много всевозможных глупостей, хотя тем, кто их предлагает, они, вероятно, таковыми не кажутся. У меня целая гора писем, призывающих объявить День молитвы. Звонят люди, которых я всегда считал вполне здравомыслящими, и тоже предлагают провести день молений. Разрази меня гром, если я сделаю это! Конечно, бывало, что президенты объявляли такой день, призывали народ к совместной молитве, но только в тех случаях, когда возникала настоятельная необходимость. Сейчас я такой необходимости не вижу.

— Причина в религиозной лихорадке, которая началась с появлением пришельцев,— сказал Портер.— Когда люди не знают, что делать, они обращаются к вере. Или к тому, что им кажется верой. Это мистический отход в царство ирреальности. Попытка хоть как-то объяснить необъяснимое, то, что мы объяснить не в состоянии. Поиск какого-то символа, который смог бы увязать наши понятия с явлениями, выходящими за их пределы.

— Я все прекрасно понимаю,— сказал президент.— И даже могу посочувствовать. Но сейчас объявить День молитвы — значит еще обострить проблему, с которой и так непросто. Честно говоря, я не знаю, что делать, но мне не страшно. Может, я не прав, Дейв? Я должен испытывать страх?

— Не думаю,— покачал головой Портер.— Бояться вроде бы нечего. На самом-то деле людьми, настаивающими на дне мо-

лений, движет потребность заставить всех остальных хотя бы притвориться, что и они переживают то же самое.

— Последний час или около того,— сказал президент,— я старался просто посидеть спокойно, наедине с собой, и попытаться понять, с чем мы имеем дело. Думал, что если сумею это понять, то смогу и решить, что делать. Первое, что я себе сказал: в настоящий момент нам не угрожает ни насилие, ни принуждение. Пришельцы — надо отдать им должное — до сих пор вели себя очень порядочно. Мне кажется, что они стараются понять, что представляет собой наше общество. Хотя многие его стороны им, конечно же, постичь нелегко. Но если я прав, если они на самом деле стараются понять,— это должно означать, что они хотят вписаться в наше общество. Хотят действовать в рамках его, насколько им удастся. Я в этом, конечно, не уверен, но так, по крайней мере, все выглядит. И это меня несколько успокаивает. Конечно, в любой момент может произойти что-нибудь такое, что все изменит. В Алабаме полиция арестовала группу помешанных, которые пытались пробраться на стадион с ящиком динамита. Подозреваю, что они хотели взорвать пришельца.

— Даже если бы они и забрались на стадион, вряд ли у них что-нибудь получилось бы,— сказал Портер.— Судя по всему, чтобы потревожить пришельца, нужно что-нибудь посерьезнее, чем ящик динамита.

— Ты прав, Дейв. Если данные эксперимента у Уайтсайда точны, то ты прав, а я думаю, что они точны... Но дело в другом: это был бы обдуманный, целенаправленный агрессивный акт, который мог бы изменить отношение пришельцев к нам. Пока мы не узнаем больше, чем знаем сейчас,— мы не можем позволить себе никакого насилия. Даже ненамеренного, неумышленного. У меня такое чувство, что если пришельцы будут отвечать насилием, то дадут нам сто очков вперед. Мне совсем не хочется конфликтовать с ними.

— Нам на самом деле надо узнать о них гораздо больше,— согласился Портер.— Что там Аллен делает с мертвецом? У вас есть какие-нибудь сведения от него?

— Только то, что работа ведется. Он проводит предварительные исследования на месте. Когда закончат, может быть, удастся перевезти покойника в другое место, где можно будет работать в более благоприятных условиях.

— Его перевезти — не шутка...

— Мне сказали, что это можно сделать. Армейские инженеры обещали помочь. Они все рассчитают и подготовят.

— А есть какие-нибудь данные о причине смерти?

— Забавно, что ты об этом спросил, Дейв. Этот вопрос одним из первых пришел мне в голову. Когда кто-то умирает — хочется спросить, почему это случилось. Мы все неравнодушны к вопросам жизни и смерти. Я сразу вспомнил Уэллса: у него марсиане погибли, потому что оказались беззащитными перед земными микробами. Я подумал, может быть, и пришельца погубил какой-нибудь вирус, бацилла, грибок... Но причина его смерти совершенно не интересует доктора Аллена. Похоже, он об этом вообще не подумал. Во всяком случае, ничего не сказал. Он был в восторге, что один из них попал-таки ему в руки. В этом парне что-то есть — меня иногда мороз пробирает, когда гляжу на него. Честное слово, иногда кажется, что он вообще не человек. Слишком уж он ученый. Для него ученые — особое братство, отделенное от всего прочего человечества. Опасная установка, она меня беспокоит. Не исключено, что Аллен со своими людьми обнаружит что-нибудь такое, чего совсем не надо рекламировать. Я постарался объяснить ему это, и он вроде понял, но я не уверен. Я знаю, что ты об этом думаешь, Дейв, но...

— Если информация засекречивалась в интересах национальной безопасности,— сказал Портер,— я никогда не был против. Я возражаю против секретности ради самой секретности. Я уверен, что данные о мертвом пришельце следует рассортировать. Конечно, что-то публиковать не надо. Но часть информации вполне можно обнародовать. И если таких сведений наберется достаточно много, средства массовой информации будут довольны. Кто-то может заподозрить, что мы сказали не все, но им не на что будет жаловаться. Кто меня беспокоит — так это люди, занятые в исследованиях. Пресса может добраться до кого-нибудь из них.

— Я предупреждал Аллена. Никого со стороны у него сейчас нет, там работают только его люди. Он клянется, что на них можно положиться. Маловероятно, что кто-нибудь сможет хотя бы подойти к ним близко, не то что заговорить. Лоун-Пайн заблокирован так, что туда и змея не проползет.

Президент встал с дивана и направился к двери, но потом вернулся и снова сел.

— Мне другое не нравится,— сказал он.— Эти чертовы Объединенные Нации. Они жмут на нас, чтобы заставить признать событие с пришельцами международным делом. Ты, разумеется, в курсе.

Портер кивнул.

— Сегодня мне на брифинге подкинули несколько острых вопросов. Был момент, когда я катался по тонкому льду.

— Собираются вынести на голосование резолюцию,— сказал президент.— И она наверняка пройдет, черт побери. У нас нет никакой возможности ее задержать. С нами будет полдюжины правительств, не больше. Мы, конечно, нажмем на все рычаги, но шансов почти никаких. Все наши младшие братья, за которых мы распинаемся, желая им помочь, будут голосовать против нас.

— Ну, принять резолюцию они могут. Но им трудно будет провести ее в жизнь.

— Конечно. Но вид у нас будет непрезентабельный. Престиж наш упадет, и весьма.

— Может быть, сейчас стоит наплевать на престиж. Это наше дело. Пришельцы к нам прилетели.

— Наверное, ты прав, Дейв. Но есть и другие точки зрения. Госсекретарь в ужасе от такой перспективы.

— Он всегда в ужасе.

— Знаю. Но не только он и не только резолюция ООН подпортят нам настроение. Тут еще «зеленые» поднялись на защиту наших заповедных лесов... Лесопромышленники вопят... Фермеры, у которых пришельцы сидят на полях, начинают беспокоиться... Весь деловой мир в шоке. На товарных биржах скачки сумасшедшие. Иногда я ловлю себя на мысли, что лучше бы они прилетели к кому-нибудь другому. Знаю, что не надо бы мне так думать, но все равно в голове вертится: почему мы? Почему не Европа, не Южная Америка или хотя бы, господи прости, не Советский Союз?

— Я вас очень хорошо понимаю,— сказал Портер.— Это слишком большая...

— Если бы я мог хоть когда-нибудь чего-нибудь добиться,— перебил его президент.— Если бы не приходилось драться за каждый дюйм прогресса. Взять хотя бы энергетический проект. Вполне разумный проект, все это можно сделать. Я мог бы привести сотни инженеров высочайшего класса, которые поклянутся, что этот план осуществим. Солнечная энергетика в пустынях

Юго-Запада, несколько миллионов, чтобы довести до ума системы криогенной передачи и аккумуляции... Энергии хватило бы на всю страну, а система передачи способна распределять и хранить энергию практически без потерь. Но Конгресс видит все в ином свете. Почему? А черт их знает! Да нет, я тоже знаю: половина сидит в кармане у энергетических корпораций, а другая половина такие тупицы, что можно только удивляться, как они до дома добираются из Капитолия.

— Когда-нибудь,— сказал Портер,— они все равно к этому придут. Рано или поздно, но им придется понять...

— Конечно,— сказал президент.— Когда-нибудь. Я могу тебе сказать, когда это случится. Когда бензин будет стоить пять долларов галлон, и тебе придется выстаивать полдня в очереди, чтобы получить по норме свои три галлона. Когда ты начнешь замерзать зимой, потому что не сможешь себе позволить сжечь достаточно природного газа, чтобы обогреть дом. Когда у тебя на весь дом будет единственная лампочка в двадцать пять свечей, чтобы не платить за электричество так много...

Глава 36

Айова

Солнце уже село, на землю постепенно спускались сумерки, когда Джерри Конклин свернул на заправочную станцию.

— Залейте бак и масло проверьте, пожалуйста,— попросил он служащего.

Пока тот возился с машиной, Джерри вышел к дороге. Бензозаправка располагалась на окраине одного из тех маленьких поселочков, через какие он проезжал по дороге сюда. Небольшой, тихий торговый центр, обслуживающий окрестные фермы. Городок, такой же, как все другие, состоял из нескольких рядов небольших аккуратных домиков и крошечного делового квартала. В некоторых домах уже зажглись огни, движения на дороге почти не было. Поселок погрузился в вечернюю тишину, лишь изредка нарушаемую лаем собаки.

Джерри стоял возле дороги, оглядывая ее в обе стороны. Чувство боли не проходило. «Глупо,— говорил он себе,— глупо было сюда ехать». Его погнала в путь какая-то иррациональная сила, которую он сам не мог объяснить. Он должен был с самого начала знать, что из поездки ничего не выйдет. Глупо

было думать, что «сто первый» его узнает — хотя, быть может, все-таки узнал?.. Но если и узнал, Джерри это ничего не дало.

...Несколько раз сбившись с дороги и отыскав ее только с помощью местных жителей, он подъехал наконец к той самой ферме.

Фермер был дома и бродил по двору с молотком и гвоздями, поправляя деревянную изгородь.

— Да-а! Так там и сидит, поле караулит,— сказал он Джерри.— Но тебе нет смысла туда идти. Можешь, конечно, попробовать, но я и так знаю, что будет. Я бы сам с тобой сходил, но у меня, видишь, работа. Чушки забор разнесли. Надо починить, а то их не удержишь — все норовят удрать.

Джерри пошел к полю. Старина «сто первый» сидел на лугу неподалеку от вспаханной полосы. Он не шевельнулся, чтобы прогнать Джерри. Просто сидел — и все. Джерри подошел к нему, обошел вокруг, глядя на него и пытаясь восстановить в памяти, как он выглядел, когда впервые опустился на мост. Воспоминание о том, как «сто первый» лежал поперек реки, как летели бревна и доски разбитого моста, было ярким и четким; но Джерри все равно трудно было узнать в этом пришельце того, прежнего. Теперь он казался как будто меньше, хотя — Господь свидетель — он был достаточно велик.

Джерри обошел вокруг него, потом подошел вплотную и положил на него ладони, ощущая приятное тепло. Потом похлопал по шкуре, легонько стукнул кулаком... Пришелец словно не замечал его.

— Скажи мне,— попросил Джерри,— скажи, что я должен узнать.

«Сто первый» не ответил. И вообще не обращал на него внимания. Но Джерри был уверен, что тот знает о его присутствии. Почему появилась такая уверенность — он сказать не мог.

Джерри провел около пришельца много времени. Разговаривал с ним, гладил — но тот не реагировал. В конце концов Джерри медленно пошел прочь, то и дело оборачиваясь. И всякий раз он видел, что «сто первый» по-прежнему неподвижен.

«Однако он меня не прогнал,— думал Джерри.— Ведь он прогонял всех, кто приближался, а меня не тронул. Даже не попробовал. Это уже само по себе может быть свидетельством того, что он меня узнал...»

— Мистер,— сказал служащий бензозаправки, вытащив щуп,— вам нужна кварта масла.

— Хорошо, залейте,— согласился Джерри.— Этому автомобилю всегда нужна кварта масла.

Он заплатил, сел в машину, выехал на дорогу и направился в сторону городка.

Но, добравшись до делового центра, он покружил по улицам — и повернул обратно.

Он снова поехал на ферму, хотя ему было совершенно непонятно, зачем он туда направляется. «Быть может, это простое упрямство,— думал он,— отчаянное нежелание сдаться, настырная, дурацкая уверенность, что от "сто первого" все-таки удастся добиться ответа». Он повернул назад не потому, что так решил,— он ничего не взвешивал, не спорил сам с собой, он даже не знал, что едет назад, пока не обогнул деловой квартал и не увидел, что возвращается туда, откуда только что приехал. Будь что будет — он не пытался бороться с собой.

Он решил больше не заезжать на ферму. Хотя хозяин держался очень приветливо, Джерри заметил, что его слегка уязвило, когда пришелец не стал отгонять приезжего. Джерри показалось, что по лицу фермера пробежала тень мрачного подозрения.

«Собственно,— подумал он,— мне и не нужна ферма. Оставлю машину на проселочной дороге и прогуляюсь с полмили. Когда я туда приеду, будет уже темно, так что вряд ли попадусь кому-нибудь на глаза. Вечер ясный, скоро выйдет луна, так что будет достаточно светло, чтобы добраться до "сто первого"».

На пути к ферме ему несколько раз начинало казаться, что он заблудился. Однако он запомнил несколько ориентиров — ветхий железный мостик через ручей, одинокий дуб возле старого стога — и, увидев их, успокаивался. Вскоре после десяти вечера он нашел ту самую проселочную дорогу, проехал по ней примерно милю и остановился. По его расчетам, отсюда можно было добраться до пришельца, не сбившись с пути.

То ли ему повезло, то ли расчет оказался точнее, чем он думал, но очень скоро он рассмотрел в темноте и фермерский дом, и черную громаду «сто первого» на лугу. Однако он оказался дальше, чем предполагал Джерри. Конклин направился к нему, то и дело спотыкаясь на стерне. Пару раз пришлось перелезать через изгородь из колючей проволоки. В темноте это было довольно неприятно. К ночи стало прохладно. Джерри застегнул пиджак и поднял воротник, чтобы защититься от ветра. Слева, в овраге, временами ухала сова, словно проверя-

ла голос, а когда ветер менял направление — слышался отдаленный собачий лай.

Вокруг не было ни души, но в самой пустоте, казалось, таилась какая-то угроза. У Джерри было ощущение, что из-под земли внезапно может что-то выскочить. Хотя он совершенно не представлял себе, что бы это могло быть.

Казалось, он шел уже целую вечность. Временами ему чудилось, что он вообще никуда не шел, а шагал на одном месте. Чтобы избавиться от ужасного ощущения, он заставил себя побежать — но, несколько раз споткнувшись, снова перешел на шаг. И вдруг, неожиданно, он очутился у цели; перед ним, озаренная лунным светом, возвышалась громада «сто первого».

Он проковылял последние несколько ярдов и привалился к пришельцу, прячась от холодного северо-западного ветра. У него возникло странное желание свернуться калачиком и никуда не уходить, словно он добрался до какого-то убежища, где ему надо остаться. Но он знал, что это глупо. И остался стоять, припав к пришельцу головой и переводя дыхание.

Немного постояв так, он поднял голову и посмотрел на звезды. Их спокойное мерцание резко обрезалось кромкой черной стены. Чувство одиночества не проходило. Одиночества и потерянности. Джерри надеялся, что оно исчезнет, когда он доберется до пришельца. Но вот добрался — а все по-прежнему.

«Ну вот я снова здесь,— подумал он.— Вернулся. Повторил ту же самую глупость, которую уже совершил сегодня. Такую же глупость я сделал и дома, когда позвонил Чарли и спросил, нельзя ли взять его машину».

Но ведь он был так уверен!.. Это чувство существовало вне логики, за пределами каких-либо резонов.

Наконец он отдышался. Потом отступил от пришельца, медленно повернулся к нему спиной и неохотно сделал первый шаг, собираясь вернуться к машине, стоявшей у проселка.

Но в тот момент, когда он сделал этот шаг, на него обрушилось нечто змееподобное, сжало ему грудь, словно железным обручем, и рвануло вверх. Он успел увидеть голые осенние поля, залитые бледным лунным светом, извилистый ручей, блеснувший меж деревьев, и свет окон фермерского дома поодаль...

А потом он снова очутился в странной темноте, не черной, а синей, снова ощутил запах влажной затхлости в сухом, горячем воздухе. Снова вокруг быстро мерцали какие-то неясные вспышки, освещая непонятные тени, мелькавшие так быстро,

что он не успевал их рассмотреть. На него опять смотрели ряды круглых глаз. «Словно я и не уходил отсюда»,— подумал он.

Упав на колени, он медленно поднялся на ноги — но чуть не рухнул снова: от потока ураганных чувств, навалившихся непонятно откуда, закружилась голова. Он снова опустился на колени и уперся в них руками, чтобы не упасть ничком.

И все это время в нем бились странные чувства, грохотали в мозгу. Их было так много и они были так сильны, что он не мог от них отгородиться и был не в состоянии понять, что они несут в себе.

«Ну, успокойся,— прошептал он.— Хватит. Отпусти меня».

В голове стало тихо, и он покачнулся, словно внезапно лишился какой-то опоры.

Потом те же чувства пришли снова, но на этот раз потише, крадучись, как кошка, подбирающаяся к птице.

Глава 37

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

— Папа,— сказала Элис.— Мне не нравится то, что я слышала.

Сенатор Дэйвенпорт, развалившийся в кресле, посмотрел на нее поверх стакана с виски.

— И что же такого ты слышала, дорогая моя? — громыхнул он.

— Все эти разговоры на Холме — не громко, а так, по коридорам,— о том, что надо избавиться от пришельцев. Подлые разговоры. Что надо опрыскать деревья, которые они едят, какой-нибудь психодислептической заразой... Что стоит потратить миллионы, чтобы вывести какую-нибудь бациллу или грибок, которые были бы смертельны для них... Что гораздо полезнее истратить миллионы не на их изучение, а на то, чтобы избавиться от них и вернуть все на круги своя, словно их и не было...

— Ты знаешь, до меня доходили такие слухи,— произнес сенатор неожиданно мягко.— Это называется биологическое регулирование. Не война против них, а биологическое регулирование.

Он повернулся в кресле и посмотрел на Портера.

— Быть может, наш друг из Белого дома что-нибудь расскажет нам об этом?

— Пожалуй, я лучше воздержусь,— сказал Портер.

— Ты знаешь,— сказал сенатор,— похоже, что некоторые из ребят слегка завелись. Пока они только болтают промеж себя, но скоро могут и перейти к делу.

— По-моему, об этом рано даже задумываться,— возразил Портер.— Все разговоры о том, чтобы уничтожить пришельцев, несколько преждевременны. Говорят, что надо, мол, вывести какую-нибудь болячку, которая будет избирательно поражать только их. Но я уверен, что они только болтают. Ни у кого нет ни малейшего представления, как к этому подступиться. Прежде всего надо знать, что представляют собой пришельцы и как функционируют их жизненные системы. Без такого знания невозможно подобрать ключ: совершенно непонятно, как они будут реагировать. Ну и с избирательностью тоже не просто. Кто поручится, что новая болячка окажется такой привередливой: станет кушать только пришельцев, а от нас с вами откажется? Может случиться, что человечество окажется истребленным вместе с пришельцами, а то и раньше их.

— В любом случае эта идея чудовищна,— вмешалась Элис.— Ведь пришельцы ничего плохого нам не сделали, нам не на что обижаться.

— Вот тут я не уверен,— возразил сенатор.— Поговори с любым защитником природы. Они все в панике. Они уверены, что если не будут приняты меры, то эти твари уничтожат последние заповедники. Вот тебе и жалоба. Или возьми президента какой-нибудь лесопромышленной компании, у которого побывал в гостях наш большой черный друг... Зашел этак и позавтракал: парочку складов, ням-ням — и нету... Или поговори с каким-нибудь работником авиакомпании, который поседел за последние дни: все время ждет, что его самолет столкнется в воздухе с пришельцем... Или с диспетчером аэропорта, которому некуда принимать рейсы, потому что на полосе гость сидит...

— Это все интересы меньшинства,— сказала Элис.— Отдельные группировки пытаются навязать свои интересы всем остальным.

— Странно слышать это от тебя, дочка,— сказал сенатор.— Мне всегда казалось, что ты болеешь за интересы меньшинства. Бедные, угнетенные негры, бедные, угнетенные индейцы...

— Это разные вещи,— возразила Элис.— Мои меньшинства — культурные меньшинства. А твои — экономические. Бедные, угнетенные бизнесмены, которым вдруг причинили какой-то ущерб.

— Защитники природы вовсе не бизнесмены,— не согласился сенатор.— У них нет никаких экономических интересов, одни эмоции. И они по природе бузотеры, от рождения.

— Мне начинает казаться,— сказал Портер,— что отношение к пришельцам меняется. Поначалу они вызывали взволнованное любопытство. Теперь, когда к ним уже привыкли, они начинают раздражать. Теперь они превратились просто в черные глыбы. Торчат в ландшафтах там и сям или летают над головами... И хоть по мелочам, но мешают некоторым в их повседневных делах. Через несколько месяцев — может быть, даже недель — это раздражение, пока слабое, может перерасти в неприязнь, а потом и в ненависть. И не потому, что они затрагивают чьи-то интересы, а просто есть такая штука — общественное мнение. Если такое на самом деле произойдет, будет скверно. Нам просто необходимо запастись терпением и временем, чтобы выяснить, что они собой представляют и как нам следует вести себя с ними.

— В Миннесоте работает Аллен,— сказал сенатор.— У него что-нибудь получается?

— Я ничего не знаю, сенатор. Ничего определенного. Он до сих пор не дал даже предварительного отчета, если вы это имеете в виду. Но ходят слухи, что пришельцы — растения. Во всяком случае, принадлежат к царству растений.

— Растения? Боже мой, это же совершенно немыслимо!

— Совершенно с вами согласен, сенатор. Я пытался выяснить, откуда пошел такой слух, но мне не удалось.

— Говорят еще, что они умеют управлять силой тяжести,— сказал сенатор.— Это очень интересно. Этому мы могли бы найти применение.

— Эти разговоры возникли оттого, что они держатся в нескольких дюймах над землей, как бы плавают, висят, а когда перемещаются — не используют никаких движителей,— сказал Портер.— Во всяком случае, движителей в нашем понимании у них нет. На самом деле, конечно, никто ничего не знает. И потому идея о гравитационном контроле — соломинка, за которую ухватились в попытке хоть что-то объяснить... Ведь они опровергают все законы физики, какие нам известны.

— Вы оба все время говорите о том, что мы можем получить от пришельцев,— вмешалась Элис.— А вам не приходит в голову, что и они могут думать о нас точно так же: что они могут получить от нас?

— Разумеется,— сказал отец.— Они получают целлюлозу. Не такая уж большая плата за гравитационный контроль, если мы сможем научиться у них.

— Они еще несколько автомобилей съели.

— Ну, это ерунда. Всего несколько штук, и только один раз. А больше такого не было. Больше они машин не трогали.

— Интересно,— сказала Элис,— зачем им понадобились те машины? И я не понимаю тебя, папа. Сначала ты набрасывался на них: леса уничтожают, страну разоряют и все такое.

— Я пересмотрел свою позицию,— заявил сенатор.— Я начинаю видеть весьма заманчивые перспективы, если мы сумеем правильно разыграть свои карты.— Он повернулся к Портеру.— Я все время слышу разговоры о каком-то эксперименте, который якобы проводили с пришельцем наши военные. Эта история все время плавает вокруг, но ничего толком не ясно. Ты об этом что-нибудь знаешь?

— То же, что и вы,— ответил Портер.— Тоже все время слышу эту историю и тоже ничего не могу понять.

— Ничего конкретного? Никаких деталей?

— Абсолютно.

— У этих созданий должна быть какая-то защитная система,— сказал сенатор.— В космосе они наверняка подвергались опасностям, хоть я не могу себе представить, каким именно. Хотелось бы узнать, как они защищаются.

Глава 38

Миннеаполис

Редакторы сидели на совещании в кабинете у главного. Через полуоткрытую дверь доносились стук пишущих машинок и голоса.

— У нас есть материал об индейцах в Блэк-Хилсе, Джей написал,— сказал Гаррисон.— Надо бы дать его поскорей.

— Я думал, ты его придерживаешь для воскресного номера,— удивился Лэтроп.

— Так оно и было. Но там уже места не осталось, а если задержать его дольше, он устареет. Есть еще энергетическая тема, Джемисон работал несколько недель. Выяснял, чем может обернуться для нас настоящий энергетический кризис. Хо-

рошая работа. Он переговорил с массой людей. Докопался до всего. Статья длинная, но похоже, что сегодня ее можно поместить. Новостей сегодня немного, так что ее можно дать по верху первой полосы.

— О пришельцах ничего интересного нет?

Гаррисон посмотрел на Гоулда. Тот пожал плечами.

— Ничего особенного. Тема начинает приедаться.

— Это верно,— согласился Гаррисон.— Мне тоже кажется, что такого воздействия, как в первые дни, материалы о пришельцах уже не имеют. Читатель начал от них уставать. Мы тему разрабатывали вовсю, но это имеет смысл до тех пор, пока читатель заинтересован. Но если мы будем продолжать в том же духе, пришельцы ему поперек горла встанут.

— Что твоя Кэти? До сих пор в Лоун-Пайне торчит?

— Торчит,— подтвердил Гоулд.— Что из этого выйдет, пока не ясно. До сих пор ничего не вышло. Никто ничего не может узнать ни там, ни в Вашингтоне. Никогда не видел, чтобы так аккуратно все скрывали.

— Похоже, там происходит что-то по-настоящему серьезное,— сказал Гаррисон.— Иначе к чему вся эта секретность? Но мы, по всей вероятности, так ничего и не узнаем, пока кто-нибудь не решит заговорить.

— А что в вашингтонском бюро?

— Они тоже ничего не могут разузнать,— сказал Хэл Рассел, работавший с корреспондентскими пунктами газеты.— Пару часов назад я разговаривал с Мэттьюсом. Он говорит, ничего. Абсолютно ничего. Или никто ничего на самом деле не знает, или молчат как рыбы. Ходят какие-то слухи, но ничего такого, о чем можно написать. Если кто-то что-то знает — то, наверное, лишь несколько человек. В Вашингтоне, если хотя бы десять человек что-то знают, кто-нибудь обязательно проболтается. Утечка всегда бывает.

— Так зачем же вы держите Кэти в Лоун-Пайне? — удивился Эл Лэтроп.— Если Вашингтон молчит, есть ли у нее какие-нибудь шансы?

— Кэти чертовски хороший репортер,— сказал Гаррисон.— У нее не меньше шансов раскопать что-нибудь, чем у вашингтонского бюро.

— По-моему, надо вызвать ее сюда,— сказал Лэтроп.— С этими отпусками, если вдруг что-нибудь возникнет, у нас

может оказаться слишком мало людей. Здесь от нее будет больше пользы.

— Как вам угодно,— мрачно и с неожиданной злостью сказал Гаррисон.

— Если вас по-прежнему интересует проблемная статья о пришельцах,— сказал Гоулд,— у Джея есть интересная мысль. Он на днях разговаривал с одним парнем из университета, тот работает над проблемами коренных американцев. Так вот, этот парень проводил параллель: мы и пришельцы — индейцы и белые, когда белые впервые появились в Америке. Он сказал, что индейцы в итоге проиграли потому, что технологии белых опрокинули индейские технологии, и в результате индейцы утратили свою культуру. Поражение индейцев началось в тот день, когда первый индеец захотел поменять свой каменный томагавк на стальной топорик. И уж так ему нужен был этот стальной топорик, что он готов был продать свои природные ресурсы, несмотря на явную несправедливость сделки.

— Такой материал был бы косвенной пропагандой,— сказал Лэтроп.— Вам с Джеем следовало бы это знать.

— Джей не собирался писать его только с индейской точки зрения,— возразил Гоулд.— Он намеревался поговорить с экономистами, с историками, с другими людьми...

Лэтроп покачал головой.

— Сейчас, когда муссируется эта история с индейцами в Блэк-Хилсе, нам лучше держаться подальше. Как бы хорошо ни было написано, при всей объективности, нас все равно обвинят в пристрастности.

— Ну ладно,— сказал Гоулд.— Это так, к слову. Просто мысль интересная.

Глава 39

Айова

Волны плескались и набегали на берег. Дикс-Лэндинг, расположенный на речной террасе в нескольких футах над водой, состоял из нескольких полуразвалившихся домиков. За ними высились утесы Айовы. Ближе к другому берегу находился остров. Он отгораживал рукав реки; точнее, один из многих ее рукавов, потому что здесь Миссисипи, разбежавшись по широ-

кой пойме, превращалась в водяные джунгли. На востоке синели скалы висконсинского берега.

Джерри стоял на берегу и смотрел, как снизу подходит небольшая гребная лодочка, чихая маленьким подвесным мотором. Лодчонка неуверенно поднималась по протоке, с трудом преодолевая сильное течение. На корме сидел человек. Один.

У причала человек направил лодку к берегу, к шатким мосткам. Пока он вылезал из лодки и привязывал ее, Джерри рассмотрел, что он старше, чем показалось сначала. Буйная шевелюра была совсем седой и плечи сутулые, но двигался он с веселой живостью, словно юноша.

Он прошел по мосткам, вышел на берег и поравнялся с Джерри.

— Вы Джимми Квин? — спросил Джерри.

— Да. А вы кто?

Джимми остановился и посмотрел на него яркими синими глазами. От глаз к вискам по загорелой коже разбегались светлые морщинки.

— Меня зовут Джерри Конклин. Мне сказали, что вы должны скоро появиться. Если я правильно понял, вы хорошо знаете эти места.

— Еще бы! Я здесь с самого младенчества лазил. Меня речной крысой прозвали — так оно и есть, наверное. С тех пор как ходить научился, я всю жизнь в этих дебрях. На самом деле дебри, доложу я вам. Озера, болота, протоки, острова... Я тут знаю все, на много миль вверх и вниз по течению. Я тут и охотился, и рыбачил, и капканы ставил — во всех уголках побывал. Ну а чем я вам могу быть полезен?

— Насколько я знаю, где-то здесь приземлились несколько пришельцев. Где-то в пойме.

— Пришельцы? Какие пришельцы? А-а, понял! Я это слово слышал. Вы о тех черных ящиках, да? Про них еще говорят, что они с неба опускаются.

— Да, я про них,— подтвердил Джерри.— Вы их видели, верно?

— На Гусином острове,— сказал Квин.— Большой остров, посреди поймы, мили четыре отсюда вниз по реке, может, пять. Там я их и видел, троих. Не знаю, может быть, там уже никого и нету. Я их видел только издали, только верхушки над лесом. Дело уже было к вечеру, так что я задерживаться не стал. Ну а

если бы и не к вечеру — все равно, наверное, не стал бы. Жутковатые они, доложу я вам. Какие-то не наши. Смотришь на них — и мороз по коже. Я поначалу не сообразил, что это за чудо такое. А потом вспомнил, что это, должно быть, те самые пришельцы. А вы как узнали? Я никому про них не рассказывал. Надо мной бы смеяться стали. Люди и так думают, что я ненормальный. По правде сказать, может, они и правы. Слишком долго я пробыл на реке.

— А вы бы не согласились отвезти меня к ним?

— Не сейчас,— сказал Квин.— Не сегодня. Скоро ночь, а на нашей реке ночью делать нечего. Моторишко у меня — вы сами видели; на таком моторе до Гусиного быстро не доберешься. Нас в пути темнота застанет.

— Ну так завтра... Или даже послезавтра. Есть еще один человек, который захочет поехать с нами. Мне нужно время, чтобы найти того человека. А потом ей еще надо будет добраться сюда из Миннеаполиса.

— Женщина?

— Да, женщина.

— А чего надо женщине от этих пришельцев?

— Быть может, сегодня во всем мире нет человека, который знал бы о них больше, чем она.

— Черт побери! — удивился Квин.— Никогда не знаешь, чего можно ожидать от женщины. Ну а если я вас туда отвезу, что-нибудь мне перепадет?

— Мы вам заплатим.

— Наличными?

— Наличными.

— Так вы хотите подойти поближе к этим штуковинам? Если они еще там. Вы знаете, они ведь и улететь могли...

— Мы хотели бы подойти поближе.

— Знаете, мистер, я к ним близко не пойду. Я вас туда отвезу, а после подожду, чтобы назад отвезти. Но близко к ним подходить мне не хочется.

— Вам и не надо будет идти с нами. Только покажите их. Это все, больше от вас ничего не потребуется. И подождать, чтобы увезти нас оттуда.

— Так вы дайте мне знать, когда я вам понадоблюсь. Я обычно на реке весь день. К вечеру возвращаюсь.

— Договорились,— сказал Джерри.

Глава 40

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

— Это только предварительный отчет,— сказал Аллен, советник президента по науке.— Скоро будут уточненные данные.

— Значит, вы кое-что выяснили,— сказал президент.

— Да, кое-что. Кое-что. Невероятно, трудно поверить... Мне нелегко было заставить себя поверить. Но вот анализы. Против фактов не попрешь. И нет никаких оснований сомневаться в полученных результатах.

— У вас не совсем здоровый вид, доктор,— сказал Уайтсайд.

— Есть от чего заболеть,— согласился Аллен.— Это опрокидывает все научные знания, которые у нас есть. Ничего подобного мы и представить себе не могли. Эти проклятые создания сделаны из целлюлозы.

— Целлюлозы? — спросил президент.— Белое волокнистое вещество?

— Когда пришельцы ее обрабатывают, она уже не белая и не волокнистая.— Аллен оглядел кабинет.— Нас здесь четверо. Кто-нибудь еще придет?

— Сейчас никого больше не будет,— сказал президент.— Попозже, когда мы будем знать больше, может быть, вам придется поговорить и с другими людьми. Пока нас только четверо. У генерала Уайтсайда особые интересы, он должен знать о ваших открытиях. А Дейв здесь потому, что он знает почти все, что знаю я сам. Все, что вы здесь сейчас расскажете,— строго конфиденциально. Я полагаю, ваши сотрудники тоже не проболтаются.

Аллен напрягся.

— Посвящены всего четверо моих сотрудников. Они все понимают.

— Почему всего четверо? — спросил Уайтсайд.— Ведь работало гораздо больше.

— Все остальные — вспомогательный персонал: отбирали образцы на миннесотском пришельце и так далее. А в лабораторных исследованиях были заняты только четыре человека. Только они знают то, что я собираюсь вам рассказать сейчас.

— О'кей, доктор,— сказал президент.— Начинайте.

— Так вот. Это создание состоит из целлюлозы. Но целлюлоза совсем не та, которую мы знаем. Чтобы точно описать

ситуацию, пришлось бы использовать сугубо специфическую терминологию.

— Мы бы ее все равно не поняли,— сказал президент.— Постарайтесь как-нибудь упростить, доктор.

— Постараюсь, как смогу. То, что я скажу, будет упрощено сверх меры, и за счет этого сверхупрощения, возможно, будут допущены кое-какие неточности. Но вы получите представление о том, что мы обнаружили. Итак, изнутри пришелец состоит из целлюлозы, сжатой до невероятной плотности. Плотность структуры такова, что выдерживает нагрузку на сжатие до нескольких тонн на квадратный дюйм. Это кажется совершенно невозможным, но вот цифры. Как это сделано, за счет какого процесса — мы не имеем ни малейшего понятия.

— Вы говорите «изнутри»,— перебил Уайтсайд.— Значит ли это, что структура поверхности отличается от внутренней структуры?

— Да, генерал, отличается. Коренным образом. Это можно назвать целлюлозно-силиконовым полимером, в котором как-то — мы не знаем как — сочетаются кремний-кислородные и гидроксильные связи, то есть связи между атомами водорода и кислорода. В целлюлозе очень много кислорода. Кремний-кислородные связи бывают разных типов, и дело еще осложняется тем, что тут задействована смесь их обоих. В некоторых случаях доходит до тетраэдрической структуры, тут силикат сродни минералу: структура похожа на структуру полевого шпата и кварца... Трудно точно сказать, с чем мы имеем дело. Тут есть несколько связей, разного типа, и в результате получается то, что мы предварительно назвали полимером.

— Если я правильно понял, шкура у этого создания должна быть твердой как камень,— сказал Портер.

— Если в обыденных терминах — я как раз об этом и говорю,— согласился Аллен.— Твердость камня, может быть, даже больше, но при этом она податлива, упруга и эластична. При нормальных условиях камень нельзя смять. А этот материал можно. Он может деформироваться, а потом восстановить прежнюю форму. В нем сочетаются твердость, эластичность и невероятная жаропрочность. Мы пытались представить себе, для каких условий необходимы такие качества. Это, разумеется, только теоретические построения, но они вполне правдоподобны. Если эти создания могут существовать в обширных пределах меж-

звездного пространства, им необходимо получать откуда-то какую-то энергию. Высокая термостойкость означает, что они в состоянии впитывать энергию, и очень много энергии, быть может, при столкновении с частицами космической пыли. Эти частицы, как бы ни были они малы, какую-то энергию в себе несут. Но энергию кинетическую. Нам кажется, что кожа этих созданий способна преобразовывать кинетическую энергию в потенциальную. Быть может, даже преобразовывать ее в любую форму, какая нужна в данный момент. Время от времени они могут сталкиваться с более крупными частицами вещества. Такое столкновение вызывает вмятину на коже, при этом кожа вбирает в себя столько энергии, сколько может воспринять, а что не может — отражает, когда вмятина выравнивается. По сути, она таким образом отсеивает ту энергию, которую не может усвоить. Вмятина на коже образует отраженную волну энергии, отбрасывает ее, как поверхность зеркала отбрасывает солнечный свет.

Портер украдкой посмотрел на Уайтсайда. Генерал застыл в кресле, и казалось, что у него вот-вот отвиснет челюсть.

Аллен тяжело вздохнул.

— У нас есть некоторые основания предполагать,— сказал он,— я не могу вдаваться в это так подробно, как мне хотелось бы, потому что в обыденных терминах это объяснить невозможно,— но у нас есть основания думать, что эта шкура устроена таким образом, что может изменять гравитационный поток. А из этого следует, что пришельцы, по-видимому, могут управлять силами тяготения: гравитация может не только притягивать их, но и отталкивать. Если дело обстоит так — тогда понятно, каким образом они могут висеть над поверхностью грунта. И такой гравитационный контроль может объяснить, хотя бы частично, каким образом они путешествуют в космосе. Включившись на источник гравитации в том направлении, куда им нужно двигаться, они движутся в нужном направлении. Включившись на другой позади себя, они отталкиваются от него.

Аллен умолк и оглядел всех по очереди. Потом заговорил снова:

— Вот такие дела. Звучит совершенно безумно. И мне все время кажется, что это безумие. Мы говорим, чужаки. Это все совершенно нам чуждо. Но мне вот что спать не дает по ночам: если они настолько чужды нам в плане физическом — что в плане ментальном? Есть ли надежда, что мы сможем когда-нибудь

понять их? Есть ли надежда, что они смогут когда-нибудь понять нас?

— Быть может, интеллектуальный разрыв не так велик, как физический,— сказал Портер.— Похоже, что они уже немало успели понять. Они каким-то образом усвоили очень многое из того, чего не надо делать. И до сих пор строго придерживаются основных правил человеческого поведения.

— Надеюсь, что вы правы,— сказал Аллен.— Очень надеюсь.— Он обратился к президенту: — Через пару недель мы, вероятно, будем знать больше. Может выясниться, что некоторые из наших сегодняшних представлений неверны. Может быть, нам придется изменить некоторые предположения. Может быть, мы натолкнемся на какие-то новые важные данные. Все, что нам известно сегодня, я вам в общих чертах изложил. Конечно, тут еще можно было распространяться до бесконечности, но вряд ли это имеет смысл.— Он поднялся с кресла. Потом, чуть поколебавшись, сказал: — Есть еще одно дело. Вероятно, не особо важное, но интересное. Помогает понять пришельцев. Вы, конечно, слышали о «сто первом».

Президент кивнул.

— Самый первый, кто приземлился в Лоун-Пайне. Кажется, сейчас он в Айове.

— Совершенно верно,— подтвердил Аллен.— Стережет поле, которое фермер только что вспахал. Фермер утверждает, что пришелец летал над полем взад-вперед, словно что-то сеял. Если кто-нибудь приближается, пришелец его отгоняет. Однако одному из наших наблюдателей удалось пробраться на поле, и его не прогнали. Он обнаружил, что пришелец посадил семена сосны. Раньше он удивлялся, что в отходах, которые выбрасывают пришельцы, проглотив дерево, практически не было семян Теперь мы знаем почему. Пришельцы отделяют семена и намерены их высаживать.

— Вырастить сосны, с самого начала...— сказал президент.— Это много времени займет. «Сто первый» надолго выйдет из игры, если будет охранять свои посадки.

— Может быть, и нет,— возразил Аллен.— Наш наблюдатель обнаружил, что некоторые семена уже проросли. Специалисты-лесники говорят, что так быстро это произойти не могло. Мы полагаем, что «сто первый» каким-то образом обработал семена, чтобы ускорить процесс прорастания, а может быть, и последующего роста.

— Это ставит перед нами новую проблему,— сказал Уайтсайд.— Сотни, может быть, тысячи пришельцев начнут захватывать поля, засевать их и сгонять законных владельцев. Фермеры этого не потерпят.

— Вы знаете,— сказал президент,— поначалу у меня пришельцы вызывали какую-то тошноту, вроде морской болезни. Наверное, отчасти, а может быть, и целиком это потому, что я, по сути, сугубо политическое животное. Так устроен. Все мои нервные окончания функционируют политически. Я вздрагиваю при каждой угрозе. Я и сейчас чувствую, что стоит мне допустить какую-нибудь ошибку — и история с пришельцами политически меня убьет. Но чем дальше — тем больше мне кажется, что мы с ними, с пришельцами, можем ужиться. Кажется, что они мыслят, как мы. Если бы только нам удалось войти в контакт с ними, я уверен, можно было бы достичь взаимопонимания. И тот факт, что «сто первый» сажает сосны, подтверждает мое впечатление. Раз он сеет, значит, они одобряют сельское хозяйство и сохранение ресурсов. В этом плане их мышление тоже параллельно нашему.

Аллен хотел что-то сказать, но заколебался.

— Вы хотели что-то сказать,— заметил президент.

— Верно,— согласился Аллен.— Но я подумал, стоит ли, однако не нашел причин, почему бы не стоило. Быть может, это и несущественно, но меня заинтриговало. Вы помните, что первый пришелец, опустившись в Лоун-Пайне, сел на машину и раздавил ее?

— Помню. Слава богу, в машине никого не было. Мы думали, что стало с хозяином, почему он, или она, не объявился?

— Совершенно верно,— подтвердил Аллен.— Если помните, мы забрали машину.

— И это помню,— сказал президент.

— Ну так теперь мы знаем хозяина. По номерному знаку. Хозяин машины — молодой человек, студент лесоустроительного факультета Миннесотского университета. Его зовут Джерри Конклин. Через несколько дней после инцидента он снова появился в Миннесоте. Насколько нам известно, он никому не сказал о потере машины. Он даже заявления не подал в страховую компанию. Какое-то время он вел себя обычно, насколько нам известно, но теперь, когда мы узнали о нем, он исчез. ФБР его разыскивает.

— Что вы надеетесь узнать, когда найдете его? — спросил Уайтсайд.

— Понятия не имею. Но согласитесь, его реакция кажется несколько странной. Должна быть какая-то причина, почему он ничего не сказал. И странно, что он не заполнил страховое заявление. Он даже не поинтересовался, кто забрал его машину. Я не могу избавиться от ощущения, что он может знать нечто такое, что было бы нам полезно.

— Когда найдете его,— сказал президент,— а я не сомневаюсь, что найдете,— вы с ним полегче. По-моему, то, что он не хотел рассказывать,— не преступление.

Глава 41

Миннеаполис

Телефон разрывался. Не успев закрыть за собой дверь квартиры, Кэти с порога бросилась к нему.

— Джерри, это ты? Ты где? Ты так взволнован — или расстроен... Что с тобой? В чем дело?

— Я ищу тебя уже сто лет! — сказал Джерри.— Домой звонил, на работу звонил... В редакции мне сказали, что ты в Лоун-Пайне, я давай туда звонить, там говорят, что уже уехала...

— Я только что вернулась. Прямо сейчас из аэропорта. Ты в городе? Тебя плохо слышно, и какой-то шум на линии.

— Я в Айове В местечке под названием Дикс-Лэндинг. Это на Миссисипи, напротив так называемых Уиннишикских долин. Слыхала когда-нибудь?

— Дикс-Лэндинг точно не слыхала. Уиннишик — вроде когда-то попадалось на слух, кто-то говорил. Но что ты там...

— Кэти, я был на той ферме в Айове. Я разговаривал со «сто первым». Он снова меня забирал внутрь...

— Она тебя запомнила?

— Наверное. Мы по-настоящему не разговаривали. Но он мне сказал. Показал. И у меня было впечатление, что это важно. Но для кого важно — для нас или для «сто первого» и остальных пришельцев,— тут я не уверен, не знаю.

— А при чем тут Дикс-Лэндинг? И Уиннишик?

— Он сказал мне, где это. Показал, куда надо ехать. Я не знаю, что здесь. То есть на самом деле, конечно, знаю, хотя

бы частично. Здесь есть такое место — Гусиный остров. Там на острове три пришельца. Но я не знаю, почему это важно. Знаю только, что важно. Это мне «сто первый» внушил. Что я должен попасть туда. Я хочу, чтобы ты была со мной, Кэти. Если здесь что-то важное, надо, чтобы ты была в курсе с самого начала. Ты же с самого начала во всей этой истории с пришельцами.

— О'кей,— сказала Кэти.— Я выезжаю тотчас же. Расскажи, как добираться до этого Дикого Лэндинга. Я буду через несколько часов.

Глава 42

Миннеаполис

Четверо суток они просидели на полосе, и наконец бдение кончилось. «Любящие» — те, что прорвались на летное поле, когда туда приземлился пришелец,— стояли молча, потрясенные, и смотрели, как он медленно поднимается и уплывает в небо.

— Ничего у нас не вышло,— сказал один из них, худой юноша с длинными волосами и лицом аскета.

— Нет, получилось,— возразила тоненькая девушка, стоявшая рядом с ним.— Он почувствовал нашу любовь. Я знаю, он почувствовал.

— Но он не подал никакого знака. Он нас не взял. Других брали...

Охранник, один из тех, кто стоял в оцеплении вокруг пришельца, сказал, ни к кому не обращаясь:

— Все, ребята. Давайте расходиться, все кончилось. Почему бы вам не пойти по домам?

— Потому что мы и так дома,— торжественно ответил юный аскет.— Земля — наш дом. Вселенная — наш дом.

— Не понимаю я этих чудаков,— сказал охранник своему товарищу.— А ты понимаешь? Это ж надо — просидеть здесь столько дней с дурацкими мордами!..

— Нет,— ответил другой.— Я тоже не понимаю. Да и не старался понять.

— Ну ладно, братцы, давайте расходиться,— обратился первый к компании «Любящих».— Спектакль окончен, ребята. Вам тут больше делать нечего.

Толпа начала понемногу рассасываться, люди медленно брели к выходу с летного поля.

— Не надо было их сюда пускать,— сказал второй охранник.— Это против всех правил. Кого-нибудь и убить могло.

— Да нет, никакой опасности не было,— ответил первый.— Полоса была закрыта. А если бы их не пустили, нам пришлось бы с ними воевать все эти дни. Мы бы их отсюда, а они сюда. Комиссия правильно решила: так оно спокойнее. Надо отдать должное этим чудакам: как только их сюда пустили, они вели себя очень пристойно. Никаких хлопот с ними не было.

— Они были заняты,— сказал второй.— Они ж его любили, понимаешь ты это? Демонстрировали ему свою любовь. Ты когда-нибудь видал такую дурость?

Тем временем пришелец превратился уже в крошечную точку на западном горизонте...

В редакции новостей «Трибьюн» Гоулд положил телефонную трубку.

— Тот, что на двенадцатой автостраде, тоже снялся,— сказал он Гаррисону.— Поднялся и улетел примерно в то же самое время, что и тот, из аэропорта.

— Как по сигналу,— усмехнулся Гаррисон.— Интересно, что они затеяли?

— Начинается вторая фаза,— сказал Гоулд.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, первая фаза была, когда они прилетели и начали с нами знакомиться. Теперь это уже позади. Теперь будет что-нибудь новенькое.

— С чего ты взял?

— Не знаю, Джонни. Так, размышляю...

— А может быть, они закончили здесь свои дела и собираются куда-нибудь дальше? Может, поднимаются в космос, снова строятся и собираются лететь в дальние края? И мы их никогда больше не увидим.

В редакцию, шаркая, зашел Хэл Рассел.

— Свежие новости с телетайпа. Они улетают отовсюду. Не только от нас.

— Позвони-ка в Лоун-Пайн,— велел Гаррисон Гоулду.— Узнай, что там у них творится.

Гоулд принялся крутить телефонный диск.

— А что еще хорошего? — спросил Гаррисон у Рассела.— Какие-нибудь соображения? Намеки?

— Ничего. Только то, что они улетают. Все улетают. Отовсюду.

— Черт побери! — воскликнул Гаррисон.— И что прикажете с таким материалом делать? Здесь репортаж... Репортаж!.. Кто-то должен это раскопать, и я хотел бы, чтобы это были мы. Я знаю, что материал отличный, но как к нему подобраться?!

— Джей и Кэти,— подсказал Рассел.— Они знают о пришельцах больше всех. У них могут быть какие-нибудь идеи.

— Кэти нет. Уехала на какую-то охоту, дикие гуси. Звонила мне вчера вечером. Сказала, у нее что-то наклевывается, из чего может получиться отличный материал. Что именно, говорить не захотела. Сказала, что я должен ей верить. Эл наизнанку вывернется, когда узнает. Он практически приказал мне вызвать ее из Лоун-Пайна. А она опять исчезла.

Он оглядел редакцию.

— Где Джей, черт побери? Его нет на месте. Кто-нибудь знает, куда подевался Джей? Энни, ты не знаешь?

Секретарша покачала головой.

— Он не отметился. Понятия не имею.

— Мало ли, может, в туалет вышел,— предположил Рассел.

Гоулд положил трубку.

— В Лоун-Пайне пришельцев тоже не осталось. Только малыши бегают, тюки подъедают.

— Что думает Нортон по этому поводу?

— Нортона нет, я со Стиффи разговаривал. А Нортон сегодня утром поехал в заповедник кататься на каноэ. Своя рука владыка, сам у себя отпуск взял.

Глава 43

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Портер подождал, пока журналисты рассядутся, и сказал:

— Никакого заявления я сделать не могу. Полагаю, большинство из вас знают, что пришельцы исчезли. Вероятно, большая часть ваших вопросов будет касаться этой темы. Я, конечно, постараюсь ответить, но сомневаюсь, что смогу хоть как-то удовлетворить вас.

— Мистер Портер,— начал представитель «Нью-Йорк таймс»,— один из вероятных ответов состоит в том, что пришельцы ушли обратно в космос. Такой ответ, наверное, каждому приходил в голову. Возможно, они собираются лететь дальше. Вы не

могли бы дать нам какие-либо сведения, подтверждающие такую вероятность?

— Нет, мистер Смит,— сказал Портер.— Та же мысль появилась и у нас. НАСА беспрерывно отслеживает ситуацию, но пока никаких сведений нет, ни о чем. Наша орбитальная станция работает круглосуточно, вероятно, советская тоже, но от них нет никаких вестей. Однако надо иметь в виду, что у них под контролем громадное пространство. Единственная возможность что-либо увидеть появится только в случае, если пришельцы снова соберутся в компактную массу, как это было при их появлении.

— А если советская станция что-нибудь обнаружит, они сообщат нам?

— Уверенности у меня, конечно, нет, но я думаю, сообщат.

— Дейв,— вступил в разговор корреспондент «Вашингтон пост»,— вопрос может показаться каверзным, но я надеюсь...

— «Пост» никогда не задает каверзных вопросов,— сказал Портер.

Взрыв хохота заглушил недосказанный вопрос. Портер поднял руку, призывая к тишине.

— Продолжайте, пожалуйста. Я заранее заявляю, что вопрос не каверзный.

— Так я вот что хотел спросить. Я думаю, ни для кого не секрет, что появление пришельцев поставило перед правительством целый ряд неприятных проблем, политических и иных. Скажите, пожалуйста, их исчезновение облегчит вам жизнь?

— Я ошибся,— вздохнул Портер,— вопрос действительно каверзный. Однако я постараюсь ответить как можно откровеннее. Мне кажется, что исчезновение пришельцев вовсе не означает, что мы их никогда больше не увидим. Такое предположение явно преждевременно. Вероятно, они попросту перенесли базы своих операций в более удаленные и безлюдные места. Что до того, вздохнет ли администрация с облегчением, узнав, что они улетели,— тут я вам ничего сказать не могу. Не стану отрицать, что пришельцы доставили нам немало волнений. На нас свалилась проблема, с какой никто никогда не сталкивался. Прецедента, который мог бы помочь, как вы знаете, не существует. Мы не знали, как вести себя с ними... Мы испытывали некоторые затруднения в оценке того, как они повлияют на разные слои населения... Временами, позволю себе признаться, мы были в полной растерянности. Но в общем и целом, мне

кажется, мы справлялись с ситуацией не самым худшим образом. Это первая часть моего ответа. А вторая состоит в том, что в течение последних дней мы пришли к достаточно твердому убеждению, что наш народ смог бы ужиться с пришельцами и что они могли бы принести нам кое-какую пользу. Если пришельцы на самом деле нас покинули — я лично буду считать, что мы стали беднее. Быть может, мы могли бы многому у них научиться.

— Вы сказали, мы могли бы многому у них научиться,— сказал журналист «Канзас-Сити стар».— Вы не разъясните, что имеете в виду?

— Только то,— ответил Портер,— что в их лице мы имели дело с неизвестной расой, которая могла бы научить нас новым для нас технологиям, открыть какие-то новые, свежие перспективы, могла бы, возможно, продемонстрировать новые подходы, новый способ мышления, о котором мы и понятия не имеем.

— А вы не могли бы поконкретнее? Доктор Аллен уже несколько дней работает с мертвым пришельцем. Может быть, он уже получил какую-нибудь конкретную информацию, которая будет нам полезна?

— Ничего достоверного у него пока нет,— сказал Портер.— Я уже рассказывал вам несколько дней назад, что структура этих созданий основана на целлюлозе, но в такой форме, которой мы не знаем и, по всей вероятности, в ближайшее время не узнаем. Если нам удастся разгадать секрет этой целлюлозы, если удастся воспроизвести тот процесс, посредством которого она образуется в организме пришельцев,— мы могли бы использовать целлюлозу в качестве заменителя многих невосстановимых сырьевых ресурсов.

— Чуть раньше вы предположили, что пришельцы, может быть, переместились в более удаленные районы. Вы имеете в виду, что они попрятались? — спросили из «Чикаго трибьюн».

— Этого я не говорил, Гарри. Вы же знаете, что не говорил.

— Но по-другому это понять невозможно. Как вы думаете, с какой стати они стали бы прятаться?

— Прежде всего, я не говорил, что они прячутся. Но если они на самом деле прячутся, то мой ответ — понятия не имею.

— Мистер Портер,— сказал корреспондент «Нью-Йорк таймс»,— кажется, по крайней мере на первый взгляд, вполне вероятным, что пришельцы перешли ко второй фазе своей

операции. Сначала они посвятили какое-то время изучению нас. Теперь они сделали следующий ход, исчезли и, быть может, готовятся к...

— Мистер Смит, вы хотите, чтобы я теоретизировал по поводу теорий? — перебил его Портер.— Вы же прекрасно знаете, что на такие вопросы я не отвечаю. Действительно, ваша теория кажется вполне правдоподобной,— во всяком случае на первый взгляд, как вы сами сказали,— но у меня нет никакой информации, которая давала бы мне право ответить на ваш вопрос.

— Благодарю вас, сэр. Я полагал, что этот вопрос задать нужно.

— Я рад, что вы его задали,— ответил Портер.

— Дейв, по-моему, нам не надо уходить от данного вопроса,— сказал представитель «Милуоки джорнэл».— Вопрос хороший. Я собирался задать такой же. Эти твари нас изучили. Быть может, гораздо лучше, чем мы можем себе представить. Может быть, у них уже достаточно информации, чтобы решить, каким должен быть их следующий шаг.

— Я не ставил под сомнение ценность подобного вопроса, и мистер Смит это прекрасно знает,— ответил Портер.— Я согласен, что такое предположение мы должны иметь в виду. Но я не считаю себя вправе пытаться отвечать на него, поскольку не имею необходимой информации. И кроме того, у меня есть одно возражение. Такая точка зрения предполагает, что пришельцы что-то замышляют против нас, что у них есть какие-то враждебные намерения и они разрабатывают стратегию проведения их в жизнь. До сих пор они никакой враждебности не проявляли.

— Но мы же не знаем, в чем состоят их намерения.

— Совершенно верно. Не знаем.

— Меня заинтриговали ваши слова — «более удаленные районы»,— сказал журналист «Лос-Анджелес таймс».— Вы полагаете, господин секретарь, в Соединенных Штатах так уж много удаленных районов?

— Вы знаете, я уже жалею, что употребил эти слова,— сказал Портер.— Мне кажется, все вы слишком близко приняли их к сердцу. Я хотел сказать только то, что пришельцы могли покинуть наиболее заселенные районы. Может быть, они сейчас появляются где-то в других местах, но мы об этом пока не знаем. Что до вашего вопроса по поводу удаленных мест — я полагаю, их еще вполне достаточно. Еще существуют обширные

лесные массивы в Новой Англии, в северной Миннесоте, в Висконсине и Мичигане... Такие же районы есть и в других штатах... Немало удаленных районов в горах, например в Скалистых, да и пустыни на юго-западе тоже забывать не стоит.

— Мне кажется, вы убеждены, что они на самом деле не исчезли, не улетели в космос,— сказал корреспондент «Вашингтон пост».— Почему вы так уверены в этом?

— Я не думал, что мое личное отношение проявилось так отчетливо,— сказал Портер.— Это не официальная позиция, и я прошу вас четко это оговорить, если вы будете ссылаться на меня. Мне лично кажется, что пришельцы вряд ли так скоро покинули бы планету, где они нашли естественные ресурсы, которые им, очевидно, нужны. По всей вероятности, во Вселенной не так уж много планет, на которых они могли бы найти столь богатый источник целлюлозы, как наши леса.

— Так вы полагаете, что, обнаружив такую планету, они должны побыть на ней подольше?

— Это моя личная точка зрения. Она может и не совпадать с точкой зрения администрации.

— Все эти дни администрация проявляла спокойствие и, пожалуй, даже оптимизм. Надо полагать, временами приходилось очень нелегко, но тем не менее нотка оптимизма сохранялась. Скажите, пожалуйста, если можно, этот оптимизм не был показным?

— Вы хотите спросить, было ли это политической игрой или мы на самом деле испытывали оптимизм, не так ли?

— Спасибо, Дейв, вы очень верно уточнили мой вопрос.

— Я думаю,— сказал Портер,— что при любых обстоятельствах мы постарались бы сохранить оптимистическую ноту по сугубо политическим соображениям. Но могу сказать вам совершенно честно, что ситуация на самом деле не казалась нам чрезмерно угрожающей. Так что оптимизм не был наигранным. Пришельцы никакой враждебности не проявляли. Нам казалось, что они стараются определить, как им себя вести по отношению к нам. Они почти не нарушали наших основных правил поведения. Казалось, они стараются вести себя достойно. По-моему, в Белом доме сложилось впечатление, что они не стали бы умышленно вредить нам. Конечно, не исключено, что какой-то вред мог быть нанесен и неумышленно.

— Ваши слова звучат так, словно вы считаете это маловероятным.

— Да,— сказал Портер.— Я считаю это маловероятным.

Глава 44

Айова

Уже больше получаса они продирались сквозь заболоченные заросли: деревья, лианы и кустарник. Местность была коварной: сухие участки то и дело перемежались открытой водой и пятнами трясины. До сих пор не было никаких признаков травянистой степи, приподнятой над низменным периметром острова, о которой говорил им Квин. Он сказал, что как только они преодолеют заболоченный лес — увидят степь.

Иногда, когда деревья вокруг чуть-чуть расступались, становились видны неподвижные силуэты пришельцев. В первый раз путешественники увидели их, когда подъезжали к острову.

— Они еще там,— сказал Квин.— Я думал, может, уже улетели. Сегодня говорили по радио, что они отовсюду улетают.

Наконец начался пологий подъем. Идти стало легче. Под ногами больше не хлюпало, и кустарник стал пореже, хотя деревья вокруг по-прежнему стояли стеной.

— Похоже, мы почти пришли,— сказал Джерри.

И на самом деле они наконец пришли. Перед ними расстилалось пространство, поросшее травой. Выйдя из леса, оба остановились в изумлении.

На широкой поляне, на некотором расстоянии друг от друга стояли три пришельца — но не они привлекли внимание людей.

Между пришельцами аккуратными ровными рядами стояли автомобили или то, что было похоже на автомобили. У них были двери и сиденья, и рулевые колеса, и у каждого впереди горела фара — почему-то только одна... Но вот колес не было.

— Машины...— изумилась Кэти.— Джерри, это действительно машины, только у них нет колес.

— Что бы это ни было,— ответил Джерри,— они продолжают их делать. Делать, строить, рожать — называй как хочешь.

Длинные, ровные ряды автомобилей настолько захватили внимание Кэти, что она не успела присмотреться к самим пришельцам. Теперь, посмотрев на них, она увидела, что все три покрыты буграми, которые по форме отличались от тех, какие она видела, когда пришельцы рожали малышей. Эти были продолговатые и покрупнее.

На пришельце, стоявшем ближе к ним, один из бугров лопнул, и из него показалась очередная штуковина, похожая на автомобиль. Несколько секунд она сверкала влажным блеском,

но вскоре высохла и оказалась желтой. Яркой, сияющей желтизны.

— Эта желтая,— сказал Джерри.— Ты заметила, что машины разных цветов? Красные, зеленые, серые — какие хочешь, на выбор.

Желтый автомобиль медленно вылез и упал вниз. Сначала он завис в нескольких дюймах над землей, потом развернулся и быстро заскользил к ближайшему ряду. Поравнявшись с ним, он встал в общий строй по соседству с зеленой машиной.

— Здорово! — восхитилась Кэти.— Погляди-ка, они разных цветов!

— Я тебе только что об этом сказал,— буркнул Джерри.— Ты не слышала.

— Это не могут быть машины,— сказала Кэти.— Я знаю, они выглядят как машины, но не может же быть, чтобы это были настоящие машины. Зачем пришельцам машины?

— Не знаю,— сказал Джерри.— Но выглядят как машины. Машины будущего. Голубая мечта автоконструктора, желающего привлечь внимание публики. У них, конечно, нет колес, но им они и не нужны — они ведь плавают, парят. Эти машины — если это на самом деле машины — должны работать на том же принципе, что и сами пришельцы. Ведь они дети пришельцев, хоть и несколько другой формы.

— А с какой стати они взялись рожать детей в форме машин? Зачем им машинообразные малыши?

— Быть может,— сказал Джерри,— это на самом деле машины, и предназначены они для нас.

— Для нас?

— Подумай, Кэти. Подумай как следует. Пришельцы прилетели сюда и нашли то, что искали. Они нашли деревья, из которых могут получать целлюлозу. Может быть, эти машины — плата за деревья?

— Но это же нелепо. С какой стати нам платить? Они пришли, нашли деревья и взяли. И могли бы продолжать в том же духе. А если они для нас, как ты говоришь,— зачем нам так много машин? Мы их за всю жизнь не используем. Здесь их, наверное, сотня, а то и больше.

— Так речь и не идет о нас с тобой. Я обо всех. О всей стране.

— Но они не могут сделать столько, чтобы всем хватило.

— Не скажи. Здесь всего три пришельца, и они здесь никак не больше недели. И за это время уже наплодили больше сот-

ни машин. А если тысяча пришельцев, или десять тысяч, поработают с полгода...

— Пожалуй, ты прав,— согласилась Кэти.— Они могут понаделать массу машин. А ведь это «сто первая» велела тебе ехать сюда. Она знала, что ты здесь увидишь. Она хотела, чтобы ты нашел эти машины.

— Может быть, не только «сто первая». Пришельцы хотели, чтобы мы их нашли. И «сто первая» говорила от имени всех. Скорее всего, каждое из этих созданий знает, что делают остальные. Что-то вроде способа общения пчел. Когда «сто первая» впервые приземлилась, она стала посылать сигналы остальным. Они разговаривают друг с другом.

— Ты думаешь, пришельцы хотят, чтобы мы рассказали об этом?

— Нас используют,— сказал Джерри.— Очень может быть, что нас используют как рекламных агентов. Ну а еще мы можем быть для них командой испытателей. Я не знаю. Может быть, они хотят, чтобы мы посмотрели, можно ли использовать эти машины. Может, они сами не уверены. Они знают о нас очень много, но, может быть, не уверены, что достаточно. Когда на автозаводе выпускают новую модель, ее обязательно испытывают...

— И они выбрали тебя, потому что ты для них особенный,— предположила Кэти.— Ты самым первым побывал внутри одного из них, а может, и единственным. Все эти истории о других, которых брали...

— Но «сто первая» тебе руку пожимала, не забудь.

— Да, конечно. Но откуда она могла знать, что я буду здесь с тобой?

— Может, и не знала. А может быть...

— Что?

— Кэти, эти создания могут оказаться гораздо умнее, чем мы в состоянии представить себе. Быть может, они нас читают как книгу.

— Ты знаешь, мне вдруг страшно стало,— сказала Кэти.— Все внутри дрожит. Раньше я никогда их не боялась, а теперь страшно. У меня такое чувство, что это ловушка. Какая-то волчья яма, в которую мы падаем,— и сами не знаем, что падаем.

— Может быть, и ловушка,— согласился Джерри.— Но машины они делают для нас. Машины, которые парят над землей, а может быть, даже летают. Дороги не нужны, поезжай,

куда хочешь. Бензин не нужен. Они будут вечными, никаких ремонтов... И пришельцы дают их нам в уплату за деревья. В уплату за целлюлозу, которая дала им возможность снова иметь малышей и избавила от угрозы вымирания. Если бы тебе угрожало такое, ты не стала бы делать машины — или что-нибудь еще — для того, кто тебя спас?

— Я не могу за тобой угнаться,— сказала Кэти.— Никак не могу поверить, что это на самом деле машины и что они на самом деле для нас. Ты говоришь так, будто совершенно уверен в этом. Почему?

— Может быть, потому, что «сто первая» мне это внушила. В тот момент я просто не понял, а сейчас до меня доходит. Знаешь, похоже на правду. Получается вполне резонно. Они на нас посмотрели. И увидели, что нам нужно, чего мы хотим. Они нас читают, как книгу, Кэти. Они знают, что мы собой представляем. Знают, чем нас купить. Они знают, за что мы готовы душу продать, и...

— Жестокие слова, Джерри.

— Нет. Просто я понимаю, что происходит. И понимаю, что мы не в силах остановить процесс. Если мы сейчас повернемся и уйдем — это ничего не изменит. Кто-нибудь другой все равно обнаружит машины. А может быть, надо, чтобы их обнаружили? Может быть, в конце концов это к лучшему? Но уж больно они ловкие... Все человечество, по сути, торгаши, но тут мы нашли отличную для себя пару.

— Мы тут стоим болтаем,— сказала Кэти,— стараемся уговорить себя поверить в эту сказку. А я все равно не могу поверить, что это машины. Вот не верю, и все тут.

— Пойдем посмотрим,— сказал Джерри.— Посмотрим, что это такое.

Глава 45

Миннеаполис

У Гоулда сегодня был выходной, поэтому Джей, вернувшись с обеда, подошел к его столу и уселся в его кресло. Гаррисон бесцельно рисовал какие-то закорючки на старой газете. Энни сидела в углу и чистила апельсин. Бутерброд она уже съела и теперь священнодействовала с апельсином, превращая его кожуру в произведение искусства.

— Что-нибудь интересное есть? — спросил Джей у Гаррисона.

Гаррисон покачал головой.

— У нас ничего. И, наверное, нигде ничего. Хэл сказал, сообщений о пришельцах никаких. Кто-то их вроде видел — в Техасе и Монтане, но данные не проверены.

— Подождем,— сказал Джей.— А что еще остается? Мы сделали все, что могли. Обзвонили дюжину разных людей в штате. Просили, чтобы нам дали знать, если что-нибудь появится. Редакторы еженедельников, шерифы, бизнесмены, мэры... Друзья. Если они что-нибудь услышат, то сообщат нам.

— А я все время стараюсь придумать что-нибудь,— сказал Гаррисон.— Должно же быть что-то, чего мы не сделали. Могли, но не сделали, не догадались.

— Это не твоя проблема, Джонни. Не только твоя.

— Да знаю!.. Но, черт побери, я хотел бы быть тем человеком, который найдет ответ. Какой-нибудь маленький ключик: куда они подевались?

— И почему?

— Ну да, конечно. Но это могло бы и подождать. Прежде всего мы должны их найти. Что-нибудь на первую полосу. Мне кажется, это может быть северная Миннесота, там леса дикие. Они могли там спрятаться...

— Или в Канаде. Или на Тихоокеанском побережье, на севере,— сказал Джей.— Таких мест, где они могли бы зарыться, очень много.

Зазвенел телефон. Энни отложила апельсин и подняла трубку.

— Джонни, это тебя. Кэти.

Гаррисон схватил трубку, сделав знак Джею, чтобы тот взял трубку Гоулда.

— Кэти! Где ты, черт побери? Что у тебя?

— Я в Айове. Место называется Дикс-Лэндинг. На Миссисипи. Я тут с Джерри.

— Какой еще Джерри?

— Да ты должен помнить! Большой ребенок, с которым я собиралась на концерт, ты еще билеты у меня купил.

— А-а! Вспомнил. И что же ты делаешь в Айове?

— Мы нашли трех пришельцев, Джонни. На Гусином острове...

— К черту все остальное, давай про пришельцев. Что они делают?

— Автомобили.

— Кэти, брось дурацкие шутки. При чем тут автомобили? Я тебя серьезно спрашиваю. У меня и так день сумасшедший, мне не до шуток. Давай рассказывай серьезно.

— Совершенно серьезно, Джонни. Они делают автомобили. Мы взяли два. Прилетели на них с Гусиного острова. У меня желтый, у Джерри красный. Ими очень просто управлять...

— Ты сказала «прилетели»? Вы что, на автомобилях прилетели?

— На них можно летать. Колес у них нету. Они парят, как пришельцы. На них ездить нетрудно, надо только чуть-чуть привыкнуть. Мы с Джерри потратили не больше часа, чтобы освоить их. Там такие штучки нажимаешь, и все. Ничего сложного. И летишь, как на самолете. И совершенно безопасно. Если вздумаешь воткнуться во что-нибудь, они сами поворачивают. Ты ничего не делаешь, они сами...

— Кэти,— сказал Гаррисон,— скажи мне правду, бога ради, у вас на самом деле есть эти машины?

— Кэти, это Джей,— сказал Джей в свою трубку.— Я на линии вместе с Джонни. Ты ведь не шутишь, правда? У вас на самом деле есть эти машины?

— Вы, как всегда, правы. Они у нас на самом деле есть.

— Кэти, возьми себя в руки,— попросил Гаррисон.— Сама подумай, что ты городишь. Для чего им автомобили?

— Этого мы не знаем,— сказала Кэти.— То есть наверняка не знаем, не уверены. Но нам кажется, что в уплату за лес, который они берут. Но мы не уверены, только предполагаем. Кажется, они не имели ничего против, когда мы улетели на этих двух.

— И теперь, когда они у вас...

— Мы летим к вам. Часа через три-четыре будем. Может быть, даже раньше. Мы еще не знаем, насколько они быстроходны. Дорога нам не нужна, мы полетим вдоль реки на север.

— О боже, Кэти, но ведь этого не может быть! Ты говоришь, они делают машины...

— Ну, может быть, это и не машины. Я не знаю, правильно ли их называть машинами...

— Кэти, не клади трубку, подожди,— сказал Джей.

Он положил трубку на стол и прикрыл ее ладонью, глядя на Гаррисона.

— Джонни, Кэти чертовски хороший репортер,— сказал он.

— Я знаю.— Гаррисон тоже прикрыл трубку ладонью.— Но боже мой, у меня в голове не укладывается! А что, если окажется, что все не так?

— У нас еще пять часов до верстки. К тому времени она уже будет здесь и напишет материал. Мы вызовем фотографа и сделаем снимки. Мы успеем.

Гаррисон кивнул. Он убрал ладонь с трубки и заговорил снова:

— Хорошо, Кэти, мы тебя ждем. Мы ничего не станем предпринимать, пока ты не появишься. Фотографы будут готовы. Вы сможете посадить эти штуковины на крышу?

— Не знаю. Наверное, сможем. Ими очень легко управлять.

— Кэти, а на чем они работают? — вмешался Джей.— Бензин вам нужен? Или что-то другое?

— Ничего. Их сделали пришельцы. Машины летают так же, как и они. Непонятно как. Джерри думает, что на самом деле они тоже пришельцы, только в форме машин. Там сейчас около сотни таких, может, больше. Мы взяли только две. Они их быстро рожают. Три пришельца пробыли на острове всего неделю и нарожали больше сотни машин. Может, даже меньше чем за неделю.

— Хорошо,— сказал Гаррисон.— Мы пока это придержим. Пока материал исключительно наш. Посмотрим, что будет дальше. Будьте осторожны. Не рискуйте. Ты нам тут нужна целой и невредимой.

— До скорого,— сказала Кэти.

Гаррисон положил трубку и ошалело посмотрел на Джея.

— Ну и что ты об этом думаешь?

— Думаю, что мы только что купили первый стальной топорик. Вместо каменного томагавка.

Гаррисон проворчал что-то невнятное, потом сказал:

— Да, помню. Помню, как ты говорил об этом. Нам надо было дать тот материал, когда ты его предложил.

— Я и сейчас могу его написать.

— Нет,— сказал Гаррисон.— Нет, черт побери! Теперь все будут писать что-нибудь в этом роде. Сейчас надо писать о другом. Что будет с автомобильной промышленностью, если пришельцы не угомонятся и понаделают своих автомобилей столько, что их хватит на каждого человека в стране? Что будет со всеми

теми, кто потеряет работу в Детройте и на других заводах? Что будет с нефтяной промышленностью, когда никому не станет нужен бензин? Что будет с автосервисом, с людьми на заправочных станциях? Что будет, когда нам станет не нужно строить дороги? Что будет с финансовыми компаниями, которые живут за счет автомобиля и всего остального, что с ним связано? И что будет, когда пришельцы, понаделав достаточно автомобилей, чтобы хватило каждому, примутся плодить холодильники, кондиционеры, духовки? Как будут регистрировать эти бесплатные автомобили? Как будут за них брать налоги? И самое скверное то, что пришельцы делают все это не для того, чтобы нам навредить. Никакой враждебности к нам у них нет, только благодарность... Если бы они взялись работать с правительством, пошли бы по правительственным каналам...

— Скорей всего,— перебил его Джей,— они даже не подозревают о существовании правительства. Они могут вообще не знать, что такое правительство. По всей вероятности, у них нет политических понятий. Они посмотрели на нас и поняли, как наилучшим образом могут заплатить нам за съеденные деревья. Но они смотрели на людей, а не на правительство. Надо думать, они не представляют себе, что они с нами делают, потому что ничего не знают о сложной экономической структуре, которую мы создали у себя. Может быть, они не представляют себе иной экономической системы, кроме простого бартера. Ты даешь мне что-нибудь, я дам тебе что-нибудь взамен. И самое скверное — люди купятся на это. Как только люди узнают о бесплатных машинах, как только они начнут их получать, никто — ни в правительстве, ни где бы то ни было — не посмеет ни пальцем пошевелить, ни слово сказать против пришельцев.

— Теперь ясно, почему они попрятались,— сказал Гарриссон.— Они делают машины, и никто им не мешает. Иначе их осаждали бы толпы страждущих поскорее ухватить машину. А теперь тысячи пришельцев плодят автомобили в глухих местах. Как ты думаешь, сколько времени им может понадобиться, чтобы обеспечить нас машинами?

— Откуда мне знать? — пожал плечами Джей.— Я даже не уверен, что ты угадал, догадка, впрочем, хорошая... Но я очень надеюсь, что это будут только автомобили. Быть может, мы сумеем это пережить, если они ограничатся автомобилями.

Глава 46

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

— Дейв, мы можем быть абсолютно убеждены в достоверности последних новостей? — спросил президент.— Это настолько фантастично... Просто невозможно поверить. То есть... сами факты, в отрыве от контекста.

— Я был в таком же состоянии, когда поступили первые сведения,— сказал Портер.— Так что я начал искать источник информации. Позвонил в «Трибьюн» в Миннеаполис, говорил с редакцией репортажа. Редактор Гаррисон мне все рассказал. Мне неловко было звонить ему — словно покушаюсь на неприкосновенность газеты. Но я чувствовал, что обязан это сделать. Гаррисон воспринял мой звонок спокойно.

— Так сведения верны?

— В принципе, да. Гаррисон рассказал, что поначалу сам не мог поверить — пока не приземлились те две машины. После того как позвонил его репортер, он сидел долго пораженный и повторял себе снова и снова, что этого не может быть, что там какая-то ошибка, что он что-то неправильно понял...

— Но теперь он больше не сомневается? Уверен?

— Теперь он уверен. У него есть те машины. У него есть фотографии.

— Ты видел фотографии?

— «Трибьюн» пошла в набор меньше получаса назад. Материал застал врасплох всех, включая их собственную службу новостей. Пока фотографии придут из «Трибьюн», пройдет какое-то время, их же еще надо передать... Но скоро они будут у нас.

— Но эти машины...— сказал президент.— Почему именно машины? Почему не что-нибудь фантастическое? Почему не бриллиантовые ожерелья? Не ящики шампанского? Не меховые шубы?

— Пришельцы хорошие наблюдатели, сэр. Они изучали нас несколько дней...

— И увидели массу машин. Почти у каждого. А у кого ее нет, тот о ней мечтает. У кого есть, но старая, тот мечтает о новой. Старые машины. Побитые машины. Изношенные машины. Аварии на дорогах — машины разбиваются, и люди гибнут. Пришельцы все это увидели. И вот они дарят нам машины, которые никогда не выйдут из строя, которым не нужен

бензин, не нужны дороги, которые никогда не попадут в аварию, потому что сами сворачивают при опасности столкновения... Ни техобслуживания, ни ремонтов, ни покраски...

— Это еще не факт, сэр, а только предположение.

— Автомобиль для каждого?

— Это тоже еще не факт. Так кажется Гаррисону. Так кажется его репортеру. Однако, насколько я понял, публикация в «Трибьюн» старательно обходит эту тему, хотя та и напрашивается из контекста.

— Дейв, мы погибли. Если у каждого будет машина — это взорвет экономику ко всем чертям. Раз ты говоришь, что это напрашивается из контекста, я собираюсь объявить мораторий на всю финансовую деятельность. Устроим этакие каникулы: биржи закрыты, банки закрыты, все финансовые учреждения закрыты — чтобы вообще никаких сделок, никакого движения. Что ты об этом думаешь?

— Мы выиграем немного времени... Но, может быть, больше ничего. Да и то всего несколько дней. Вы же не можете продержать такой мораторий больше нескольких дней.

— Но если завтра утром биржи откроются...

— Вы правы. Необходимо что-то предпринять. Быть может, вам стоит поговорить с министром юстиции, с директором Резервного фонда, еще с кем-нибудь...

— Кроме отсрочки это нам ничего не даст,— сказал президент,— я с тобой полностью согласен. Но нам нужна отсрочка, нужно какое-то время, чтобы дух перевести. Чтобы дать людям время переварить новости. Чтобы поговорить между собой. Пару дней назад я сказал тебе, что у меня такое чувство — нет оснований для страха. Помнишь? Но черт возьми, Дейв, теперь я близок к панике!..

— Глядя на вас, этого не скажешь.

— Паника — такая вещь, которую мы не можем себе позволить. Я имею в виду ее внешние проявления. Политика — хорошая тренировка собственных чувств. У меня сейчас все кишки переворачиваются, но я не могу допустить, чтобы это было заметно. А мы скоро окажемся на кресте. Конгресс, пресса, деловой мир, профсоюзные лидеры — все будут кричать, что мы должны были предвидеть такую ситуацию и предотвратить ее.

— Страна это переживет, сэр.

— Страна-то переживет, а вот я не переживу. Скверно все обернулось. До сих пор я надеялся, что смогу претендовать на следующий срок.

— Вы и сможете.

— Для этого нужно чудо.

— Прекрасно. Мы сотворим это чудо.

— Вряд ли, Дейв. Постараться, конечно, надо. Прежде всего следует разобраться, что происходит. Скоро придут Аллен и Уайтсайд, Грейс пытается найти Хэммонда. Надо, чтобы он тоже принял участие. Он очень здравый человек, Хэммонд. Он может справиться с этими финансовыми каникулами. С Маркусом поговорим попозже, он тоже будет нужен. И другие тоже подключатся. Господь свидетель, мне сейчас нужен каждый человек, который может хоть что-нибудь посоветовать. И ты тоже, пожалуйста, держись поблизости.

— Мне скоро придется брифинг провести. Мои ребята уже стучатся в двери.

— Задержись немного,— попросил президент.— Быть может, через пару часов у нас уже будет что им сказать. Если сейчас выйдешь к ним с пустыми руками, они тебя до смерти заклюют.

— Они меня в любом случае заклюют. Но это хорошая мысль: подождать немного. Я совсем не рвусь на эту встречу.

На президентском столе загудел селектор. Раздался голос Грейс:

— Генерал Уайтсайд и доктор Аллен.

— Пусть заходят,— сказал президент.

Указав вошедшим на кресла, он тут же спросил:

— Вы уже слышали? Когда я разговаривал с вами, все было еще слишком запутанно, потому я не мог рассказать.

Оба кивнули.

— У меня радио в машине,— сказал Аллен.

— А я,— сказал генерал,— включил телевизор после вашего звонка.

— Стив, что вы об этом думаете? — спросил президент.— Похоже, нет уже никаких сомнений, что пришельцы делают автомобили. Что это за автомобили, по-вашему?

— Насколько я понял,— ответил советник по науке,— с помощью почкования. Таким образом они создают своих младенцев, придавая им собственную форму. Но, вероятно, им ничто не мешает повторять форму автомобилей.

— Кто-то из них съел несколько автомобилей,— напомнил генерал.— В Сент-Луисе вроде.

— Я не уверен, что это как-то связано,— сказал Аллен.— Конечно, они могли проанализировать, исследовать те авто-

мобили, раз уж переварили их; но новые, которые они делают, похожи на съеденные, очевидно, только внешне.

— Тогда зачем же они проглотили те, в Сент-Луисе? — спросил генерал.

— Не берусь объяснять,— сказал Аллен.— Все, что я знаю,— автомобили, которые создают пришельцы,— тоже пришельцы. На самом деле это не автомобили, а пришельцы в форме автомобилей. Вероятно, их можно использовать в качестве автомобилей, но это дела не меняет. Это биологические, а не механические средства передвижения.

— Репортер, обнаруживший эти машины,— сказал президент,— по-видимому, считает, что их делают из благодарности. Добровольное пожертвование, дар народу планеты, которая дала им целлюлозу.

— Тут я ничего не могу сказать,— ответил Аллен.— Вы говорите так, будто знаете, как мыслят эти чертовы твари. Я бы не рискнул рассуждать подобным образом. Мы уже сколько времени возимся с мертвым — и до сих пор понятия не имеем о его анатомии, о том, как он функционировал. Даже в физическом плане, не говоря уж о ментальном. В таком же положении был бы человек из средневековья, пытающийся понять, как и почему работает сложный компьютер. У них нет ни одного органа, который можно было бы сопоставить с человеческим. Мы совершенно сбиты с толку, не за что ухватиться. Я надеялся, что нам удастся установить, от чего он умер. Это тоже не получилось. Пока мы не узнаем, как функционировал организм, нет никакой надежды установить ни причину смерти, ни что-либо еще.

— Значит, по-вашему, нет шансов установить с ними контакт? — спросил президент.— Если бы нам удалось поговорить с ними, хотя бы жестами, хотя бы...

— Шансов никаких,— твердо сказал Аллен.— Абсолютно никаких.

— Вот если бы пришельцы обратились к нам,— сказал президент.— И попробовали бы дать нам понять, что им нужно...

— Вы имеете в виду правительство? — спросил Аллен.

Президент кивнул.

— Никто не может осознать,— сказал Аллен,— подлинной, абсолютной чужеродности этих созданий. Они настолько не похожи на нас, что мы просто не в состоянии постичь эту разницу. По моим представлениям, все они — единый организм, как в

улье или в муравейнике, в котором все знают — или видят, или ощущают — все, что знает-видит-ощущает любой другой, все они. Такому сообществу правительство не нужно. У них никогда и мысли о правительстве не возникало. Вероятно, они вообще не знают, что такое правительство, потому что у них никогда не было необходимости в таком образовании.

— Надо что-то делать! — воскликнул генерал.— Мы должны защищаться! Мы должны как-то действовать.

— Забудьте об этом,— сказал президент.— Здесь, в кабинете, несколько дней назад вы сказали мне, что пришельцы способны выдержать все, кроме ядерного взрыва. Так получалось по вашим расчетам. Но мы же не можем использовать атомные...

Аллен напряженно выпрямился в кресле.

— Так значит, эксперимент все-таки был,— сказал он.— Я все время что-то слышал об этом, но полагал, что, если бы это было правдой, меня бы поставили в известность. Объясните, пожалуйста, почему меня не поставили в известность? Ваши открытия могли бы пролить свет...

— Потому что эксперимент — не ваше дело,— отрезал генерал.— Потому что он засекречен.

— Пусть так,— возразил Аллен,— но это может оказаться важным, вы должны были...

— Успокойтесь, джентльмены,— сказал президент.— Приношу вам свои извинения. Моя вина, проболтался.— Он посмотрел на Аллена.— Но вы ничего не слышали, разумеется.

— Конечно, господин президент. Я никогда не слышал того, что вы только что сказали.

— Но факт остается фактом,— продолжил президент,— мы не можем использовать атомные...

— Если бы мы могли собрать всех пришельцев вместе,— перебил его генерал,— то, может быть...

— Но этого мы сделать не можем,— возразил президент.— Мы даже не знаем, где они, кроме нескольких. Скорее всего, они рассеялись по всей стране и плодят проклятые автомобили...

— Это неизвестно, сэр.

— Разумеется. Но предположение вполне правдоподобное,— сказал президент,— что, впрочем, вполне понятно. Не могут же они сидеть у всех на виду и лепить свои машины. Люди бросились бы за машинами и затоптали бы их.

— А может быть,— сказал Уайтсайд с надеждой,— может быть, им не хватит леса, а? Ведь сколько леса надо съесть, чтобы понаделать автомобилей!

— Маловероятно,— ответил Аллен.— В Северной Америке очень много лесов. Ну а если они вдруг начнут испытывать недостаток в древесине, то остается еще весь остальной мир, включая экваториальные джунгли. И еще не забывайте, что они возобновляют леса: взамен съеденных сажают новые. Номер «сто первый» уже засадил участок в Айове.

— Меня другое волнует,— сказал президент.— Если они начнут использовать пахотные земли под лесопосадки, то мы можем столкнуться с продовольственным кризисом. Конечно, у нас громадные запасы зерна, но они быстро кончатся, если так пойдет.

— Здесь есть и другая опасность,— добавил Аллен.— Может случиться, что если возникнет продовольственный кризис, то пришельцы станут делать продовольствие. И мы все окажемся фактически на пособии.

— Разговор у нас получается очень интересный и, может быть, даже по существу,— сказал президент,— но мы так ни до чего и не договорились. А надо решать, что предпринять прямо сейчас.

— Я вот о чем подумал,— сказал Портер.— Когда я разговаривал с Гаррисоном, он назвал одно имя. Джерри Конклин, если не ошибаюсь. Этот Конклин первым узнал о машинах, но он просил его не раскрывать, потому его имя в репортаже не упомянуто. Мне кажется, я это имя уже слышал. Мне кажется, оно как-то связано с пришельцами.

Аллен насторожился.

— Конечно связано,— подтвердил он.— Это тот самый человек, чья машина была раздавлена, когда первый пришелец приземлился в Лоун-Пайне. Тот самый, который исчез, когда мы пытались его найти. И тут он опять объявился. Все это очень странно.

— Наверное, стоит пригласить его сюда и поговорить с ним,— предложил Уайтсайд.— Возможно, парнишка знает что-нибудь такое...

— Минутку,— перебил его Аллен.— Мы выяснили кое-что еще. Конклин — друг, кажется, близкий друг сотрудницы «Трибьюн». По-моему, ее зовут Кэти.

— Кэти Фостер,— сказал Портер.— Это она нашла машины, она писала репортаж.

— Наверное, надо позвать сюда обоих,— сказал Уайтсайд.— Пусть ФБР их доставит.

— Только не ФБР,— покачал головой президент.— Нам ни к чему такая неучтивость. Мы их пригласим в качестве гостей Белого дома. Пошлем за ними самолет.

— Но, сэр,— запротестовал генерал,— этот человек уже исчезал. Он может опять исчезнуть.

— Мы примем меры. Дейв, ты сделаешь приглашение?

— С удовольствием,— ответил Портер.

Глава 47

Миннеаполис

Паренек из типографии сгибался от груза бумаг, зажатых под мышкой. Он кинул на стол Гаррисону оттиск и заторопился дальше.

Гаррисон развернул газету на первой полосе и быстро просмотрел ее. Она была почти такой же, как при первом наборе, только теперь на ней красовался новый материал. Он положил газету на стол и залюбовался им. Материал состоял из двух колонок и сопровождался рисунком с изображением пульта управления пришельца-автомобиля. Гаррисон начал читать первый абзац:

«Если вы окажетесь в числе тех счастливцев, кто вскоре получит автомобиль-пришельца,— не ломайте голову над его устройством. Управлять им весьма легко. Чтобы включить его, вы нажимаете первую кнопку справа. (Кнопка "А" на рисунке.) Чтобы двинуться с места, нажимаете кнопку "Б". Скорость регулируется поворотом диска на пульте управления: по часовой стрелке быстрее, против часовой стрелки медленнее. Против часовой стрелки до упора — остановка. Подъем регулируется рычажком справа от панели. Хотите подняться — поднимите рычажок кверху. Хотите опуститься — опустите рычажок. Кнопки, диск и рычажок подъема никак не обозначены и не градуированы. Вы должны просто запомнить, для чего служит каждый из них. Но их так мало, что управление не составляет ни малейшего труда...»

Гаррисон пропустил середину и остановился на последнем абзаце:

«Быть может, вам стоит вырезать эту заметку вместе с рисунком. И положить ее в бумажник или кошелек. И тогда, если в одно прекрасное утро вы обнаружите один из этих автомобилей припаркованным возле вашего дома...»

— Это была отличная идея,— сказал Гаррисон Гоулду.— Это напрямую связывает читателя с машиной. Такое каждый прочтет. Здорово ты придумал.

— Конечно, черт возьми,— засмеялся Гоулд.— Пора мне отрабатывать зарплату.

По проходу между столами прошаркал Хэл Рассел. Остановился и сказал Гаррисону:

— Еще пришельцы нашлись. Одна группа в Айдахо и еще одна в Мэне.

— И все лепят машины,— сказал Гоулд.

— И все лепят машины,— подтвердил Рассел.

— Они начинают проявляться,— сказал Гаррисон.— Завтра обнаружится, наверное, очень много.

— Дело в том, что люди кинулись их искать,— сказал Рассел.

— Еще бы! — сказал Гоулд.— Представляете себе, у каждого в гараже новая машина...

— Следующий материал у нас может быть про распределение машин,— предположил Гаррисон.— Люди просыпаются, а у них под окном автомобили стоят, новехонькие.

Гоулд покачал головой.

— Может быть и иначе. Будем жребий тянуть. Что-то вроде национальной лотереи. Или они просто выкинут машины куда-нибудь на поле или на городские пустыри — и мы будем за них драться. Автомобиль-пришелец — приз самому быстрому, самому сильному, самому подлому.

— У тебя чертовски странные идеи возникают,— вставил Гаррисон.

— Для себя я хочу голубую,— продолжал Гоулд.— Жена никогда не позволяла мне голубую. У нас всегда были только красные машины, она любит красное.

— А может быть, их будет столько,— предположил Рассел,— что вам обоим хватит: тебе голубую, а ей красную.

— В таком случае у нас будет две красные. Она ни за что не даст мне взять голубую. Этот цвет кажется ей слюнявым.

— Кто-нибудь из вас пробовал прикинуть? — спросил Гаррисон.— Могут ли пришельцы на самом деле изготовить столько машин? У нас когда-нибудь была достоверная цифра, сколько их может быть на Земле?

— Насчет достоверной цифры я не знаю,— сказал Рассел,— но несколько тысяч, по-видимому, есть. Кэти сказала, что три пришельца за неделю, даже меньше, сделали больше сотни машин. Ну, пусть неделя, пусть будет ровно сто. Больше тридцати

в неделю получается на одного. Умножь на пять тысяч пришельцев — получается сто пятьдесят тысяч машин в неделю. Может оказаться даже больше, но и так полмиллиона в месяц набежит.

— У нас населения двести пятьдесят миллионов,— сказал Гаррисон.

— Так не каждому же нужна машина. Из двухсот пятидесяти миллионов младенцев сколько? И несовершеннолетних? Им никто машин не даст. А еще не забывай малышей-пришельцев, что подрастают у нас. Через год, а может, и через полгода, они тоже смогут делать машины. Насколько я помню, ребятишек пришельцы рожали пачками. Скажем, у каждого пришельца в среднем по десять ребятишек. Где-то через год они станут выдавать по несколько миллионов машин в месяц.

— Верно,— сказал Гаррисон.— Верно. Похоже, что это на самом деле может получиться.

— А потом,— сказал Гоулд,— они начнут делать пиво. С пивом им будет проще, чем с автомобилями. Скажем, по ящику в неделю на каждого взрослого мужского пола. Мне бы ящика в неделю хватило, пожалуй.

— А еще жареные сосиски и соленое печенье,— добавил Рассел.— Если уж пиво, то придется им и закуску делать. Иначе какое же пиво...

Зазвонил телефон, Энни подняла трубку.

— Джонни, это тебя. Ко второму аппарату.

Гаррисон нажал кнопку и взял трубку.

— Гаррисон. Редакция репортажа.

— Это Портер вас тревожит. Из Белого дома. Я уже звонил вам сегодня.

— Да, я помню. Чем могу быть полезен?

— Мисс Фостер случайно нет поблизости?

— Сейчас посмотрю.

Он поднялся и увидел Кэти за столом. Он помахал трубкой над головой и рявкнул:

— Кэти! Тебя! Возьми вторую трубку!

Глава 48

Лес

Нортон притормозил каноэ несколькими ударами весла, глядя на картину, открывшуюся за поворотом. Там, прямо перед ним, над густой сочной зеленью сосен вздымались пять прямоугольных черных башен.

«Пришельцы»,— сказал он себе. Но что делать пришельцам в этом медвежьем углу? Однако, чуть подумав, он сообразил, что это вовсе не так уж и странно. Наверное, немало больших черных ящиков приземлилось в таких местах, где их трудно найти.

Он рассмеялся про себя и направил каноэ к берегу сильными резкими гребками. Солнце уже садилось, и он искал место для ночлега. «Это место ничуть не хуже любого другого»,— подумал он. Сейчас он вытащит каноэ на берег и пойдет посмотреть на пришельцев. А потом разведет костер и устроится на ночь... Он с удивлением обнаружил, что присутствие пришельцев его радует. «Что-то в них есть симпатичное,— подумал он,— словно добрых соседей встретил, которых не рассчитывал застать».

Он вытащил каноэ на пологий галечный берег и направился через лес в сторону пришельцев. Теперь он думал о том, что не удивительно найти их в таком уединенном месте — удивительно другое. Удивительно, что нет никакого шума. Они явно не валили и не глотали деревья. Скорее всего, уже насытились целлюлозой, наделали малышей и теперь попросту отдыхают, закончив все дела.

Он вышел на открытое место, расчищенное пришельцами, и резко остановился в изумлении. Прямо перед ним стоял дом. Какой-то очень странный дом — кособокий, пьяно валившийся на одну сторону,— как будто строитель схалтурил и бросил его не доделав. Сразу за ним стоял еще один. У этого углы были ровные, но все равно что-то было не в порядке. Нортон не сразу сообразил, в чем дело, потом понял: окон не было.

А позади домов стояли пришельцы, так близко друг к другу, что производили впечатление группы зданий в деловом центре какого-нибудь города.

Нортон стоял в замешательстве. Ни один нормальный человек не стал бы забираться в такую глушь, чтобы построить два дома, а потом бросить их и уйти. Ни один строитель не стал бы лепить один дом кособоким, а другой без окон. Но даже если бы нашелся такой чудак — здесь же не было дороги, чтобы возить материалы на эту площадку!

Сосны тихо перешептывались на ветру. По ту сторону открытого пространства, на котором стояли эти странные домики и группа пришельцев, промелькнула на фоне густых зеленых крон небольшая, яркая птица. Кроме ветра, шумевшего в соснах, и этой мгновенной яркой вспышки — птицы, ничто не нарушало

окружающего безмолвия и покоя. Тишина и гнетущая торжественность девственного леса подавляли все чувства, даже удивление по поводу присутствия пришельцев и этих непонятных домов.

Нортон с трудом заставил себя двигаться — и пошел к первому из домов, к кособокому. Передняя дверь была открыта, но он не сразу решился войти. Ему почудилось, что строение может рухнуть, стоит ему перешагнуть через порог. Но в конце концов он рискнул — и оказался в холле, откуда можно было пройти на кухню и в комнату, которая, по-видимому, должна была бы служить гостиной. Он пошел в кухню. Ступал очень-очень осторожно: боялся, что из-за любого резкого движения все может обвалиться. Хоть дом был чудной, кухня оказалась обычной. Возле одной стены стояли электрическая печь и холодильник. Вдоль другой были расставлены и развешаны кухонные шкафы с ящиками и отделениями для посуды, кухонный стол. Все было на месте, вплоть до мойки и раковины.

Нортон включил плиту и подержал руку над конфоркой. Конфорка быстро нагрелась, он ее выключил. Потом отвернул кран над раковиной. Оттуда побежала тоненькая струйка, но почти тотчас прекратилась. Он открыл кран посильнее. В трубе захлюпало, забулькало, потом хлынула вода, но снова перестала. Он закрыл кран.

Он прошел в гостиную. Там все было в порядке, только окна как-то не на месте. Дальше располагались три спальни, и в них тоже все было обыкновенно, если не считать каких-то несообразностей в размерах, которые его удивили. Он попытался сообразить, что не так, но не сумел определить эту странность.

Выйдя из дома, он испытал облегчение. И по дороге к следующему — тому, что без окон,— все пытался понять, что же не так в этом доме, что ему показалось таким странным. Окна косые, и спальни какие-то необычные, и кран на кухне не работает — это все не то. Должно быть еще что-то важное. И вдруг вспомнил: там ванны нет. В этом кривом доме нет ванны! Он остановился и стал вспоминать каждый свой шаг. Не может ли быть, что он ошибся? Совершенно невероятно, чтобы кто-то построил дом без ванной комнаты. Но нет, так оно и было. Он осмотрел дом очень внимательно, не мог он не заметить ванной комнаты. Если бы она была — он бы ее увидел.

Дверь второго дома была закрыта, но отворилась мягко и бесшумно, стоило ему повернуть ручку. Из-за отсутствия окон внутри было темно, но не настолько, чтобы нельзя было осмот-

реться. Он быстро осмотрел дом. В нем были четыре спальни, небольшой кабинет, кухня, гостиная и столовая — и две ванные комнаты, одна из них возле хозяйской спальни. В первом доме полы были деревянные, а здесь покрыты коврами. На стенах, там, где должны быть окна, висели гардины. Он проверил оборудование кухни. Все работало. Плита сразу нагрелась, едва он включил конфорки; вода из крана текла; когда он открыл холодильник, в лицо ему дохнуло морозом. В обеих ванных краны тоже работали, и унитазы ополаскивались.

Все было в идеальном порядке. Но почему кто-то построил идеальный дом без окон? Кому это нужно? Забыл, что ли?

И вообще, кто его строил?

Строил ли его кто-нибудь вообще?

А что, если пришельцы...

При этой мысли он похолодел, дыхание перехватило.

Если это пришельцы — все становится на свои места. Ни один человек не стал бы строить два дома посреди дремучего леса. Да это и невозможно практически.

Но пришельцы? Зачем пришельцам строить дома? Или учиться строить дома? Ведь было совершенно ясно, что дома странные, что их строил кто-то такой, кто не вполне знает, как это делается. Наверное, тот кривой дом был первой попыткой. Этот, где он находится сейчас,— уже вторая. Здесь все гораздо лучше получилось, только что окон нет.

Он стоял посреди кухни, потрясенный, боясь поверить, все еще сомневаясь. Действительно, единственный разумный ответ состоял в том,— как бы ни трудно было принять его,— что домики сделали пришельцы. Но отсюда следовал другой вопрос, на который ответить было еще труднее. Зачем пришельцам строить дома?

Он на ощупь пробрался через гостиную в холл и вышел наружу. На поляну легли длинные тени. Верхушки сосен, словно зубья пилы, врезались в багровое вечернее солнце. Нортон поежился от подступившего холода.

Он провел ладонью по стене — ощущение было неожиданное. Присмотревшись, он увидел, что это не сруб: тут не было отдельных брусьев, вся стена казалась единым, монолитным куском, словно из пластмассы.

Он начал медленно отходить от дома, не отворачиваясь от него. Внешне, если не считать отсутствия окон, дом был в полном порядке. Это была почти точная копия тех домов, каких полно в любом пригороде.

Он внимательно рассматривал дом от крыши до фундамента — фундамента не было. С самого начала он этого не заметил; никакого фундамента вовсе не было. Дом висел над землей на высоте в полфута.

«Висит,— сказал себе Нортон.— Висит, в точности как пришельцы. Теперь уже не осталось никаких сомнений в происхождении этих домов».

Он зашел за угол дома. Вон они стоят, пришельцы, словно группа затемненных зданий на центральной площади какого-то футуристического города; нижняя часть погрузилась в сумеречную тень леса, верхняя освещена слабеющими лучами заходящего солнца.

И от них приближался еще один дом, паря примерно в футе над землей, призрачно белея в наступавших сумерках.

Нортон испуганно подался назад, готовый броситься бежать. Дом подплыл и остановился, словно подыскивая место для себя. Потом медленно, величественно придвинулся к двум уже стоящим и замер. Теперь они, все три, стояли в ряд; чуть ближе друг к другу, чем на обычной улице, но очень похоже на улицу.

Нортон медленно шагнул по направлению к третьему дому, и в этот момент в нем зажегся свет. Через окно он увидел внутри стол в столовой, уставленный посудой. Там было стекло и фарфор; и два подсвечника со свечами: подходи и зажигай. В гостиной мерцал экран телевизора, а напротив стояла тахта; по комнате расставлено множество стульев, а возле стены — антикварный шкаф с изящными фигурками под стеклом.

Изумленный, он хотел отвернуться — и в этот момент заметил тени на занавесках кухонного окна. Словно там кто-то двигался, словно кто-то собирал обед, чтобы отнести в столовую, к накрытому столу.

Вскрикнув от ужаса, он бросился бежать к реке, к своему каноэ.

Глава 49

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Когда Портер позвонил, дверь открыла Элис. Она схватила его за руку, втащила внутрь и закрыла за ним.

— Я знаю,— сказал он,— что время совсем не подходящее, и мне некогда, но мне очень хотелось тебя увидеть, а увидеть сенатора я просто обязан.

— Папа уже и стаканы наполнил,— сообщила Элис.— Он тебя ждет. Дрожит от нетерпения, хочет узнать, что тебя заставило выскочить к нам посреди ночи. Ты ведь, наверное, по горло в делах государственной важности.

— Дел на самом деле много,— ответил Портер.— Разговоров много. А что из этого получается, честно говоря, не знаю. Ты слышала о моратории на деловую деятельность?

— В последних новостях по телевизору. Папа возмущен.

Но сенатор, когда он вошел к нему в комнату, вовсе не казался возмущенным и встретил его весело и радушно, протянул стакан и сказал:

— Вот видите, молодой человек, мне даже спрашивать не надо. Я уже успел изучить ваши вкусы относительно выпивки.

— Благодарю вас, сенатор. Это мне сейчас очень кстати,— сказал Портер, принимая стакан.

— У тебя было время поужинать? — спросила Элис.

Он посмотрел на нее, словно удивился вопросу.

— Ну так как же? Ужинал?

— Ты знаешь, забыл,— сказал Портер.— Мне было не до того. Из кухни что-то приносили наверх, но в тот момент я был занят с прессой, а когда вернулся, все уже съели.

— Так я и думала,— вздохнула Элис.— Как только ты позвонил, я сразу сандвичей приготовила и кофе сварила. Сейчас что-нибудь принесу.

— Садись, Дейв,— сказал сенатор.— Сядь и расскажи, что у тебя на душе. Неужели я чем-то могу помочь Белому дому?

— Вероятно, можете,— сказал Портер.— Но это вам решать. Заставлять вас никто не намерен. Захотите или нет — вам решать, это дело вашей совести.

— Вам, наверное, нелегко пришлось,— предположил сенатор.— Да и сейчас несладко. Не скажу, что согласен с президентским мораторием, но что-то делать надо, я понимаю.

— Мы не очень представляли себе, какова может быть мгновенная реакция, и побаивались ее,— сказал Портер.— Эта передышка даст здравомыслящим людям время подумать, чтобы не впадать в панику.

— Доллар полетит к чертям на всех иностранных биржах,— произнес сенатор.— К завтрашнему вечеру он может превратиться в бумажку, что бы мы тут ни предпринимали.

— С этим мы ничего поделать не можем,— сказал Портер.— Но если у нас будет шанс выиграть пару раундов здесь, дома,

то доллар снова пойдет вверх. Так что настоящая опасность не на заморских биржах, а у нас: Конгресс, пресса и общественное мнение.

— И вы хотите с ними управиться,— добавил сенатор.— По-моему, здесь годится только один способ. Не отступать. Не поддаваться.

— А мы и не собираемся,— угрюмо сказал Портер.— Мы не намерены жалеть, что неправильно себя вели. И никаких извинений не будет.

— Это мне нравится,— кивнул сенатор.— Я могу не одобрять многое из того, что у вас происходит, но такое проявление мужества — это хорошо. В том положении, в котором мы очутились, правительству нужна крепкая сердцевина.

Элис принесла тарелку с сандвичами и чашку кофе, поставила их на стол перед Портером.

— Ешь. Даже не пытайся разговаривать. Разговорами займемся мы с папой. Их у нас много.

— Особенно у моей дочери,— уточнил сенатор.— Из нее так и сыплется. Для нее подобное положение дел вовсе не бедствие, не то что для нас. Ей кажется, что в этом шанс для нового начала. Вряд ли надо говорить, что я с ней совершенно не согласен.

— Ты ошибаешься,— сказала она отцу.— А ты,— обратилась она к Портеру,— наверное, думаешь так же? Вы оба ошибаетесь! Быть может, это самое лучшее из всего, что когда-либо случалось с нами. Это может нас встряхнуть. Влить струю здравого смысла в наше национальное сознание. Избавить нас от технологического синдрома, который управляет нашей жизнью вот уже больше ста лет. Покажет нам, что наша экономическая система слишком чувствительна, слишком неустойчива, потому что основана на фундаменте, который с самого начала никуда не годился. Что есть и другие ценности, кроме бесперебойной работы машин...

— Ну, допустим, это нас перевернет,— перебил сенатор,— допустим, освободит от того, что ты называешь тиранией технологии, даст тебе шанс нового начала — и что ты будешь делать с этим шансом?

— Мы бы перестали быть крысами,— сказала она.— Ведь социально и экономически — мы крысы, крысиная раса. И стали бы людьми и смогли бы работать ради общих целей. Мы бы положили конец бешеной конкуренции, которая нас убивает.

Без возможности персонального успеха, к которому толкает наша технология и построенная на ней экономическая система, нет повода резать другому глотку, чтобы продвинуться самому. Вот что сейчас делает наш президент, вводя мораторий, хотя сам, быть может, и не знает об этом. Он дает деловому миру и вообще всем людям страны передышку, за время которой можно нащупать дорогу назад к здравому смыслу. Хоть шаг назад к здравому смыслу. А если бы времени было побольше...

— Давай отложим этот спор,— перебил ее сенатор.— Мы все обсудим как-нибудь попозже. Я тебе все объясню.

— Со своим обычным помпезным изяществом, да? Со всегдашней убежденностью в собственной правоте...

— Дейв должен возвращаться,— сказал сенатор.— Он нужен в Белом доме. И у него какой-то груз на душе.

— Извини, дорогой,— обратилась она к Портеру.— Мне не надо было вмешиваться. Мне можно услышать то, что ты собираешься сказать сенатору?

— Ты никогда не мешаешь.— Портер прикончил второй сандвич.— И, конечно, я хотел бы, чтобы ты услышала, что я скажу сенатору. Только ты возненавидишь меня за это. Не надо, ладно? Я буду говорить откровенно. Белый дом хочет использовать сенатора.

— Звучит как-то гнусно,— поморщился сенатор.— Мне не хочется, чтобы меня использовали, хотя это, конечно, составная часть политики: чтобы ты других использовал, и чтобы использовали тебя. Ну а конкретно?

— Мы продержимся,— сказал Портер,— во всяком случае, думаем, что продержимся, если нам удастся хоть на время избавиться от Холма. Время — единственное, что нам нужно. И не так уж много — всего несколько дней.

— У вас же там свои люди,— удивился сенатор.— С какой стати вы пришли ко мне? Вы же знаете, что я не очень расположен к вам.

— Наши люди сделают, что смогут,— сказал Портер.— Но как раз это дело им поручить нельзя. Если оно будет связано с ними, то станет припахивать грязной политикой. Если вы возьметесь — не станет.

— А скажите на милость, с какой стати я должен вам помогать? Я сопротивлялся почти всем законопроектам, какие вы вносили в сенат. Бывали времена, когда Белый дом говорил

обо мне в очень неприятных тонах. Я просто не вижу, какие у нас могут быть общие интересы.

— Надо думать об интересах страны,— сказал Портер.— Один из результатов сегодняшнего происшествия будет состоять в том, что на нас снова надавят, еще сильнее, чем прежде, требуя, чтобы мы обратились за помощью со стороны. На том основании, что ситуация касается не только нас, что она международная, что все прочие государства должны быть привлечены и должны работать вместе с нами. ООН кричит об этом с самого начала...

— Я знаю,— сказал сенатор.— И не согласен с ООН. Это не их собачье дело.

— У нас слишком много поставлено на карту,— продолжал Портер,— чтобы позволить этому произойти. Я должен затронуть тему сугубо конфиденциальную, совершенно секретную. Вы хотите это услышать?

— Не уверен. А почему вы хотите, чтобы я услышал?

— Нам нужно, чтобы пошел слух.

— По-моему, это низко,— вмешалась Элис.

— Я не стал бы реагировать так резко, как моя дочь,— сказал сенатор,— но ощущение у меня примерно такое же. Правда, тебя лично я не обвиняю, Дейв. Вероятно, ты говоришь не от своего имени.

— Вы же знаете, что это действительно так,— согласился Портер.— Во всяком случае, не только от своего. Хотя я бы...

— Так вы хотите сообщить мне что-то такое, что я потом должен распространить, верно? Вы полагаете, что я смогу организовать как раз такую утечку информации, какая вам нужна; в нужных местах и нужным людям, чтобы от нее было как можно больше пользы. Не так ли?

— Ну, вы это изложили несколько грубовато...— начал Портер.

— Дейв, весь наш разговор в принципе грубоват.

— Я не имею ничего против слов, к которым вы прибегли,— сказал Портер.— Я не хочу их смягчать и не хотел бы, чтобы вы смягчали. Если вы скажете «нет» — я поднимусь и уйду. Ни спорить, ни убеждать не стану. И потом не буду иметь никаких претензий к вам. Мне было специально поручено не настаивать, не требовать от вас каких-либо действий. У нас нет никаких возможностей давить на вас, а если бы и были — к ним не стали бы прибегать.

— Папа,— сказала Элис,— хоть это и низко, но он очень честен с тобой. Он разыгрывает свою грязную политику очень откровенно.

— Пару дней назад мы говорили о преимуществах, которые могли бы дать нам пришельцы. Меня увлекла тогда идея гравитационного контроля. Я сказал, что если бы мы могли овладеть им...

Портер покачал головой.

— Нет, сенатор, дело не в этом. Я не хочу вводить вас в заблуждение. Я хочу быть с вами совершенно честным. Я уже сказал, что мы хотим использовать вас для утечки информации. Чтобы вы нечаянно обронили словечко на Холме определенным людям. Случайное словечко — и все...

— Ты называешь это случайным словечком?

— Именно так, сенатор. И все. Чтобы услышали два-три человека — разумеется, не кто попало. Называть имена мы не хотим. Вы сами знаете, кого выбрать.

— Пожалуй, знаю,— согласился сенатор.— Вам не надо ничего мне говорить. Но ответь мне на один вопрос.

— Да, конечно.

— Был эксперимент с оружием?

— Был. Результаты засекречены.

— Значит, нам надо сохранить контроль над пришельцами.

— Я полагаю, сэр.

— Ну что ж,— сказал сенатор.— По здравом размышлении мне кажется, что совесть у меня вполне чиста. И задача моя совершенно ясна. Ты мне, естественно, ничего не говорил. Просто проговорился нечаянно, я даже и внимания не обратил поначалу.

Глава 50

Соединенные Штаты

В одном доме, за завтраком, шел такой разговор:

— Слушай, Герб, я ведь всегда тебе говорила, что пришельцы могут что-нибудь хорошее сделать. Я тебе всегда говорила, а ты не соглашался. А вот теперь они будут нам бесплатные машины давать!

— Бесплатного ничего не бывает. В нашем мире ничего не бывает бесплатно. Так или иначе — все равно придется платить.

— Но в газете так написано!

— Ничего не знает твоя газета. Она так только думает. В статье написано, что, может быть, это так. Может быть... И я не стану рассчитывать ни на какую бесплатную машину, пока не увижу, что она стоит под окном.

— И бензин ей не нужен... Даже дорога не нужна. Можешь летать на ней, если захочешь.

— Там обязательно будут какие-нибудь недоделки. Подожди, увидишь. Во всех новых моделях всегда так бывает. А тут еще летать... Только попробуй — шею свернешь.

— Ты никогда ничему не веришь. Ничему хорошему. Ты просто циник. Ты веришь только плохому. А в газете написано, что пришельцы делают это из благодарности.

— Но скажи, Лиза, что я такого сделал для пришельцев? С какой стати они должны быть мне благодарны? Я ради них и пальцем не пошевелил.

— Они не тебе благодарны, Герб. Не тебе лично. Да если бы ты вдруг кому-нибудь помог — тот бы от изумления сразу окочурился. Никто и не ждет от тебя никакой помощи. От тебя дождешься... Легче подохнуть... Пришельцы благодарны всем нам. Потому что мы живем на этой планете, просто потому, что мы здесь. Они хотят что-нибудь сделать для нас. Не для тебя, а для всех людей.

А на улице негритянского квартала был разговор таким:

— Эй, послушай, ты слыхал про машины?

— Какие машины?

— Те, что пришельцы собираются нам раздать.

— Никто никаких машин нам раздавать не собирается.

— А в газете написано.

— Это не про нас, друг. Быть может, кому другому они и достанутся. А нам ни фига. Нас, как всегда, надуют.

— А вдруг на сей раз получится? Эти-то, пришельцы, они же другой народ. Может, они нас облапошивать не станут.

— Послушай, дорогой, выкинь это из головы. Нас всегда облапошивают.

В Детройте, в семье сборщика автомобилей:

— Джо, ты думаешь, это правда? Я про машины...

— Не знаю. Откуда мне знать? Так в газете написано, но она может и ошибаться.

— Ну а если не ошиблась? Что, если машины на самом деле появятся?

— Боже мой, Джейн, ну откуда мне знать?!

— Да ты же работу потеряешь. Масса людей работу потеряют. Форд и Крайслер, и другие компании не смогут работать, если появятся бесплатные машины.

— Да может, машины-пришельцы никуда не годятся. Чуть проедут и остановятся, а уж если остановятся, то их и с места не сдвинешь. Как ты их чинить станешь? Скорее всего, это просто треп, рекламная выдумка. Сомневаюсь, чтобы их делали пришельцы. Их кто-то другой мастерит, а ребята из рекламы состряпали эту историю, чтобы привлечь внимание. Иногда рекламную братию так заносит... Быть может, это как раз такой случай.

— Тебе нельзя терять работу, Джо. Мы не можем себе этого позволить. Надо платить за дом, за машину, и ребятишкам нужна одежка на зиму...

— Да не расстраивайся ты так, Джейн. Сколько уже было модных иностранных машин, а конвейер все крутится.

— Но они не иностранные. И к тому же бесплатные.

— Ничего бесплатного не бывает,— сказал Джо.

На биржах, в банках, в деловых конторах царила паника. На иностранных валютных рынках доллар заметно упал в цене. Правительства Англии и Франции проводили срочные консультации. Западная Германия официально призвала страны мира оказать Соединенным Штатам общую поддержку. Что происходило за стенами Кремля — было неизвестно; иностранные корреспонденты, даже те, кто проработал в Москве уже много лет, не имели ни малейшего понятия, что там происходит.

На Капитолийском холме в Вашингтоне, среди всеобщей сумятицы, начало формироваться мнение, что следует провести закон, который запрещал бы гражданам страны принимать какие-либо подарки от внеземных субъектов. И расходились слухи.

— Что вы знаете о слухах по поводу какого-то эксперимента? — спросил сенатор Нокс сенатора Дэйвенпорта, когда они встретились за пределами палаты.— Как будто военные стреляли в пришельца...

— Очень мало,— ответил Дэйвенпорт.— До меня тоже только слухи дошли.

— Интересно, каким образом информация просочилась? — сказал Нокс.— Такие вещи должны быть строго секретными.

— Быть может, за этим ничего и нет,— предположил Дэйвенпорт.

— Мне что-то трудно поверить,— возразил Нокс.— Скорее, эксперимент на самом деле проводился. Я начинаю склоняться к мысли, что нам следует поддержать правительство в вопросе о пришельцах. Независимо от того, что в других вопросах мы его не поддерживаем. Если мы хоть что-то от пришельцев получили...

— Пожалуй, вы правы,— сказал Дэйвенпорт.— Мне тоже кажется, что надо поддержать. Хотя я и не уверен, что слухам можно доверять.

— Но если есть хоть малейшая вероятность, что они небезосновательны,— сказал Нокс,— этого достаточно, чтобы сделать все, что в наших силах. Нельзя подводить страну, когда речь идет о национальной безопасности.

А на маленькой речке в дремучих лесах Миннесоты Фрэнк Нортон изо всех сил гнал свое каноэ. Он торопился к мосту, возле которого оставил машину.

Глава 51

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

— Мистер Конклин, вы рассказали нам невероятную историю,— сказал советник по науке.

— Я пришел сюда с этой историей не по своей воле,— ответил Джерри.— Если бы не Кэти и не Гаррисон из «Трибьюн», я бы отказался. Они убедили меня, что приехать к вам — мой гражданский долг. Потому я приехал и рассказал все, что мог, а верите вы мне или нет — ваше дело.

— Мистер Конклин,— сказал президент,— никто из присутствующих не проявил к вам недоверия. Что до меня, я готов поверить всему, каждому вашему слову.

— Я хотел бы заметить, что история гораздо больше чем просто невероятная,— сказал Портер.— По-моему, доктор Аллен, вы чрезвычайно неудачно выбрали слово. То, что рассказал нам мистер Конклин, объясняет, каким образом он смог попасть именно в то место, где пришельцы делают автомобили.

Никто другой этого не знал и рассказать ему не мог. Та старая речная крыса знала, что пришельцы приземлились на Гусином острове, но он не знал, что они там делают. И ни за какие деньги не согласился бы пойти туда и разузнать. Он их боится до смерти.

— Я не хотел, чтобы у вас сложилось впечатление, будто я вам не верю,— сказал Аллен Конклину.

— Но мне показалось, что не верите,— ответил Джерри.

— Вы знаете, молодой человек,— обратился к Джерри Уайтсайд,— я бы сказал, нужна изрядная смелость, чтобы вот так сидеть и рассказывать, как вы нам. Вы собирались держать язык за зубами, и я вас очень хорошо понимаю. Думаю, я на вашем месте вел бы себя так же.

— Самое главное, о чем он нам рассказал,— заговорил президент,— возможность какого-то контакта с пришельцами. Коммуникация возможна, но это односторонний разговор, и на условиях пришельца. Пришелец — когда у него возникает необходимость — может говорить с нами. Мы с ним заговорить не можем.

— Я просил «сто первого» что-нибудь мне сказать,— возразил Джерри.— И, по-видимому, он меня понял.

— А вы не пробовали говорить с ним и дальше? — спросил президент.

— Конечно, пробовал, сэр. Я спрашивал, почему он показал мне, куда идти, что я там найду, почему он хочет, чтобы я туда пошел...

— И он вам не ответил?

— Не только не ответил, но еще и выкинул меня. Правда, на этот раз не так грубо, как в первый, когда я упал на дерево. На сей раз он опустил меня на землю достаточно мягко.

— Наверное, на этот раз он хотел быть уверен, что вы сможете пойти туда, куда он вас послал.

— Вероятно, так, господин президент,— сказал Джерри,— но я думаю, что здесь есть и другая причина. В первый раз я был просто чуждым организмом, одним из многих, с которыми он хотел ознакомиться. Во второй раз я был — чуть было не сказал «другом», но это, конечно, не так. Скорее, знакомым, что ли. Он меня уже знал. И мог использовать.

— И сможет использовать в будущем.

— В этом я не уверен. Твердо могу вам сказать — я не намерен еще раз охотиться за «сто первым».

— А если мы вас попросим?

— А на кой черт это нужно? — вмешался Уайтсайд.— Он же нам рассказал, как обстоят дела. Мы пришельца ни о чем не спрашиваем, он сам нам говорит, что хочет. При таких условиях разговора получиться не может. Он говорит с нами — если это можно назвать разговором,— а мы с ним вообще не говорим.

— Рассказывали,— сказал президент,— что и других людей пришельцы поднимали к себе.

— Я думаю, эти россказни можно в расчет не принимать,— возразил Аллен.— Уже много лет ходят легенды о людях, которые побывали на НЛО. Насколько мы можем судить, в основном это было связано с различными культами, и все служило саморекламе. То, что им говорили на НЛО — по их словам,— такая немыслимая, невообразимая чепуха, настолько пропитано сугубо человеческим мышлением — хоть и нездоровым, но совершенно человеческим,— что сразу становится ясно, что все это выдумка. При действительном контакте с внеземным разумом результат не может быть ориентирован только на людей. Концепции такого разговора — если не все, то многие — должны ставить нас в тупик. Это еще недостаточно сильное слово. Значительную часть услышанного мы должны просто не понимать.

— Так вы полагаете, что все нынешние рассказы о контактах с пришельцами либо религиозные фантазии, либо откровенная ложь? — спросил Портер.

— Определенно,— подтвердил Аллен.— Я уверен, что мистер Конклин — единственный, кого на самом деле брали внутрь. То, что он нам рассказывает, вполне соответствует нашим представлениям о таких контактах.— Он повернулся к Джерри.— Слов не было, не так ли? Я понял, что слов не было.

— Совершенно верно,— сказал Джерри.— Только картины в мозгу. Иногда отдельные мысли. Но я не могу сказать, чьи они были: мои или чьи-то еще.

— Ну хорошо. Предположим, что вы снова пошли к «сто первому». Вы сказали, что не пойдете, и я не думаю, что пойдете,— но предположим. Как вы полагаете, он стал бы брать вас к себе снова?

— Только в том случае, если бы ему было что мне сказать. Только если бы у него была работа для меня.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Я очень четко ощущаю, что он меня использовал.

— Но мисс Фостер рассказывала о рукопожатии со «сто первым».

— Это было больше чем рукопожатие,— сказала Кэти.— Более интимно. Скорее, поцелуй. В тот момент я не поняла, что это было. Я сразу подумала о рукопожатии, потому что так это было проще описать. Рукопожатие благодарности, признательности, быть может, одобрения... Чтобы дать мне почувствовать, что она знает о моем существовании, знает, что я присутствую там... Но теперь я считаю, что это было нечто большее. Я уверена, что это был знак настоящей любви. И мое впечатление усилилось, когда они стали делать машины. Они не хвастаются. Не стараются напугать нас, произвести на нас впечатление... Не угрожают демонстрацией своей мощи. И даже не платят нам за то, что мы позволили им есть деревья. Это проявление их глубокой любви к нам. Ну, вроде Деда Мороза. Вроде того, как мы делаем подарок ко дню рождения близкому другу. Как молодой человек покупает розы своей девушке.

— Вы произнесли прекрасную речь в их защиту,— сказал президент.— Но если так будет продолжаться, они нас погубят.

— Но, господин президент, ведь покупают же любящие матери конфеты своим детишкам, не зная, что конфеты портят зубы. Им не сказали — они и не знают. И с пришельцами то же самое. Это только незнание, ничего больше. Они стараются нас порадовать, не представляя себе, чего это нам будет стоить.

— Быть может, вы и правы, мисс,— промолвил Уайтсайд.— Но они меня пугают. Я по-прежнему думаю, что, если хорошо разместить несколько...

— Генри,— резко одернул его президент,— не здесь, пожалуйста. Позже, если вы настаиваете, мы поговорим об этом, но не здесь, не сейчас.

— Давайте вернемся к вопросу о контакте,— продолжил Аллен.— По-видимому, чтобы говорить с человеком, пришелец должен поднять его к себе. Мистер Конклин, можете вы себе представить какой-либо способ, чтобы побудить пришельца поднять к себе меня или, скажем, президента?

— Они не станут вас поднимать,— ответил Джерри.— Они просто проигнорируют вас. Что бы вы ни делали, они не обратят на вас внимания.

— Боюсь, что вы правы,— сказал Аллен.— Это у них очень хорошо получается. Они нас игнорируют с самого первого дня. Я не раз пытался представить себе, как они нас воспринимают. Иногда мне кажется, что мы для них не то симпатичные зверюшки, не то маленькие несчастные создания, с которыми надо быть поосторожнее и не наступить ненароком. Но на самом деле, вероятно, и то, и другое неверно. Мисс Фостер, очевидно, думает, что они нас очень любят. В конце концов, мы позволили им опуститься на планету, где есть целлюлоза, спасающая их от полного исчезновения. Целлюлоза позволила им иметь потомство, а без потомства их раса в конечном итоге должна была вымереть. Если предположить, что они обладают человеческими эмоциями — в чем я сомневаюсь,— то они должны испытывать признательность. При всем моем уважении к мнению мисс Фостер мне не кажется, что они так уж благодарны. Дело в том, что у нас нет возможности помешать им съедать деревья. Я склонен думать, что ими движет не признательность, а непреодолимая деловая этика, хотя они могут и не считать ее таковой. Я знаю, что изложил свое мнение очень неуклюже. Мне кажется, они одержимы потребностью честно и сполна платить за все, что взяли. Мне кажется, именно так они и делают.

— Так к чему же мы пришли? — задумался президент.— По-видимому, существует объективная вероятность, что со временем мы смогли бы заговорить с нашими пришельцами. Но, очевидно, это потребует много времени, очень много, и гораздо больше терпения, чем у нас есть сейчас. Единственное, чего нам не хватает,— время. Что скажут остальные? По-вашему, это правильная оценка?

— Я подписываюсь,— сказал Уайтсайд.— В том-то и дело, что у нас нет времени. Все наше время вышло.

— Мы сможем это перенести,— сказал президент, словно разговаривая сам с собой.— Мы должны это перенести. Если больше ничего не произойдет, если не будет ничего, кроме автомобилей, то мы выкарабкаемся. Мне звонили сегодня несколько человек. Деловой мир нас поддержит, и даже Конгресс намерен сотрудничать с нами в гораздо большей степени, чем я предполагал.— Он повернулся к Портеру.— Из того, что я слышал, можно заключить, что ты разговаривал с Дэйвенпортом. Верно?

— Разговаривал,— ответил Портер.— Дружеский обмен мнениями.

— Ну что ж,— сказал президент.— Кажется, все. Разве что,— он повернулся к Кэти и Джерри,— вы захотите что-нибудь добавить.

— Ничего, господин президент,— сказал Джерри.

Кэти покачала головой в знак согласия.

— Мы вам благодарны за то, что приехали к нам,— сказал президент.— Вы нам очень помогли. Теперь проблемы, стоящие перед нами, стали гораздо яснее. Вы можете быть уверены, что все рассказанное вами останется внутри этих стен.

— Я вам очень признателен,— сказал Джерри.

— Самолет ждет вас. Вас отвезут на аэродром в любое время, как только захотите. Если вам захочется побыть в Вашингтоне день-два...

— Господин президент, нам надо возвращаться,— сказала Кэти.— У меня работа, у Джерри диссертация.

Глава 52

Миннеаполис

— У нас тут словно на поминках,— сказал Гоулд.— Мы тонем в новостях чрезвычайного значения. Весь чертов мир летит в тартарары. Доллар уже почти ничего не стоит. Иностранные правительства вопят о катастрофе. Дипломаты молчат как рыбы. Весь деловой мир побледнел от ужаса. Ведь это наша пища, хлеб наш насущный — где же радость газетчиков, переполненных новостями, где ликование?..

— Слушай, ты бы заткнулся,— попросил Гаррисон.

— Белый дом выражает уверенность,— не унимался Гоулд.— Говорит, что мы выдержим. Молодцы ребята! Отличный образец художественного свиста...

Гаррисон повернулся к Энни.

— Ты имеешь какое-нибудь представление, когда могут появиться Кэти и Джерри?

— Через пару часов. Они, наверное, как раз сейчас вылетают. Но у Кэти ничего для нас не будет. Она звонила и сказала, что никакого материала не привезет.

— Так я и думал,— вздохнул Гаррисон.— Все равно, конечно, надеялся...

— Ты кровопийца,— сказал ему Гоулд.— Ты высасываешь своих людей до последней капли.

— Все выходит не так, как надо,— сказала Энни.

— Ты о чем? — спросил Гаррисон.

— О пришельцах. Все совсем не так, как в кино.

— Да. В кино все получается как надо. И главное — вовремя. Когда все потеряли всякую надежду, и кажется, что никаких шансов уже не осталось. А ты не думаешь, что теперь как раз вовремя...

— На это не надейся,— перебил его Гоулд.

— Посмотри,— сказал Гаррисон,— это реальность. Это все действительно происходит. Это не какая-нибудь фантазия, сочиненная каким-нибудь дураком продюсером, в глубине души уверенным, что счастье свято...

— Хоть бы они с нами заговорили! — сказала Энни.

— Хоть бы они улетели ко всем чертям! — возразил Гоулд.

Зазвонил телефон.

Энни взяла трубку, послушала пару секунд и положила ее на стол.

— Это Лоун-Пайн, мистер Нортон. На третьем проводе. Он говорит что-то странное. Что-то у них там не в порядке.

Гаррисон схватил трубку.

— Фрэнк, что у вас там? Что случилось?

Голос Нортона был почти неузнаваем:

— Джонни, я только что вернулся из похода. И увидел газеты на столе. Неужели это правда? Про автомобили?

— Боюсь, что правда, Фрэнк. Но ты не отчаивайся. Что тебя так взволновало?

— Джонни, там не только автомобили.

— Не только? Что ты имеешь в виду?

— Они делают дома. Учатся делать дома. Пробуют.

— Ты имеешь в виду дома, в которых могут жить люди?

— Именно. Вроде того, в каком живешь ты. В каких живет масса людей.

— Где они этим занимаются?

— В заповеднике. Посреди леса. Спрятались — решили, наверное, что там их никто не увидит.

— Слушай, Фрэнк, переведи дух и расскажи с самого начала. Все, что видел.

— Хорошо,— сказал Нортон.— Так вот: я пошел на каноэ вверх по реке...

Гаррисон внимательно слушал. Гоулд неподвижно сидел напротив и не сводил с него глаз. Энни достала из ящика стола

пилку и принялась шлифовать ногти. Так продолжалось некоторое время, потом Гаррисон сказал:

— Постой, Фрэнк. Это слишком хороший материал, чтобы его мог написать кто-нибудь другой с твоих слов. Там все слишком личное. Я бы хотел, чтобы ты сам его написал для нас. С очень личной точки зрения, точь-в-точь как ты мне сейчас рассказывал. От первого лица — от начала до конца. Я видел, я сделал, я подумал. Можешь ты это сделать? Хочешь ты это сделать? И как твоя собственная газета?

— Моя газета выйдет не раньше чем через три дня,— сказал Нортон.— Да черт с ней, я могу и пропустить неделю. Меня тут не было, так объявлений и не набралось. У меня есть еще пара банок фасоли на полке, так что если и пропущу неделю — с голоду не умру.

— Тогда садись и пиши,— сказал Гаррисон.— Три или четыре колонки. Если не хватит — пиши больше, сколько надо Как только закончишь — хватай трубку и звони в редакцию репортажа. Продиктуешь свой материал. У меня тут есть люди, которые смогут записать стенографически. И вот еще, Фрэнк...

— Да?

— Ты не стесняйся. Расправь крылья!

— Но, Джонни, я тебе не все сказал. Я подходил к ним поближе. Понимаешь, в последнем доме, в котором горел свет и вся обстановка...

— Ну? Что с этим домом?

— Понимаешь, дом только что подъехал. Пришельцы его только-только закончили. Но когда я посмотрел на него, увидел тени на кухне. И тени двигались. Понимаешь, так, будто кто-то ходит по кухне и готовит обед. Я клянусь тебе, Джонни, на кухне были люди! Боже мой, неужели они и людей делают?

Глава 53

Де Сото, Висконсин

Пятьсот с лишним миль — кусок порядочный. А уж если боишься поддать газу своей развалюхе, если она дребезжит и скрипит, чихает и кашляет, и каждый ее хрип может оказаться последним — тем более. Человек из Южной Дакоты, проделавший как раз такой путь, добрался наконец до городка Де Сото, зажатого между нагорьем и рекой. Он попытался найти место,

где поставить машину, но во всем городе его не оказалось. Единственная длинная улица была сплошь забита автомобилями и людьми, вокруг толчея, беготня, ругань... И у него возникло ужасное подозрение, что все эти люди тоже приехали сюда за новыми машинами.

В конце концов ему удалось выбраться на какую-то гравийную дорогу, уходившую за город, на восток, вверх по узкой долине. Здесь тоже стояло немало машин: пришлось проехать не меньше полумили от последнего дома на окраине городка, пока он не нашел место, чтобы припарковаться. Он вылез из машины и потянулся, пытаясь расслабить болевшие мышцы. Не только мышцы болели — он устал до полусмерти, до полного изнеможения. И есть хотелось страшно, и спать... Но это все потом. Прежде всего он должен получить свою машину. Когда будет машина — можно будет позволить себе и поспать, и поесть.

Но что надо делать, чтобы получить машину, он не имел ни малейшего представления. Все, что он знал,— что на реке неподалеку от городка находится какой-то остров, на котором есть машины. «Наверное,— подумал он,— надо было ехать в Дикс-Лэндинг в Айове». Но на карте дороги, ведущие туда, показались слишком ненадежными. Потому он и решил, что проще будет добраться до этого городка в Висконсине, лежащего прямо напротив Дикс-Лэндинга. Он знал, что надо как-то перебраться через реку, чтобы попасть на остров. Быть может, удастся нанять лодку? Он размышлял, сколько может стоить такое удовольствие, и надеялся, что сумма будет не слишком астрономической. Денег у него было немного. Впрочем, он ведь может и переплыть реку... Хотя теперь он в этом сомневался. Он был отменным пловцом, но сейчас, по дороге, насмотрелся на Миссисипи. Очень широкая река, и течение сильное.

Он плелся по дороге, обходя рытвины; под ногами хрустел сыпучий гравий. Впереди шли еще несколько человек, но он не старался их догнать, не пытался поравняться с ними, потому что, с тех пор как попал сюда, чувствовал странное замешательство. Быть может, не стоило сюда приезжать? Но когда он собирался, идея казалась безупречной. Господь свидетель, машина нужна ему позарез, а это единственный способ ее приобрести. Ему ни на мгновение не пришла в голову мысль, что и другие могут помчаться сюда с теми же намерениями. Он, конечно, не знал, но ему казалось, что так оно и есть, что все

эти люди в городе именно с тем сюда и приехали. Правда, оставалось единственное утешение: машин должно быть много. По телевизору рассказывали, что когда пришельцев с автомобилями обнаружили, они уже успели понаделать больше сотни. Вполне разумно было предположить, что после того сообщения они продолжали делать машины, так что теперь их должно быть гораздо больше сотни. Может, уже штук двести. А может, и еще больше... Правда, в городке народу много, но все равно, если там стоят и ждут больше двухсот машин, то должно хватить и ему. Самая большая проблема — перебраться через реку, но, когда придет время, он что-нибудь придумает.

Он дошел до окраины городка и потащился дальше, к деловому кварталу, выходившему на реку. Быть может, там он найдет кого-нибудь, кто скажет ему, что делать. К этому времени должны уже были разработать какую-то процедуру получения машин.

На тротуаре перед баром стояла кучка людей, и он подошел к ним. Рядом, на проезжей части улицы, стояли три пустые машины дорожной полиции. А на железнодорожной насыпи, проходящей вдоль берега, толпились люди. Они стояли, повернувшись спиной к городу, словно рассматривали что-то на реке.

Извинившись, дакотец тронул за рукав одного из стоявших на тротуаре.

— Авария была, что ли? — спросил он, показав на патрульные машины.

— Не было никакой аварии,— ответил тот.— То есть утром была, но в последние несколько часов ничего не было.

— Ну а чего ж тогда полиция здесь делает?

— Ты, наверное, только что подъехал? — спросил местный.

— Это верно. Из Южной Дакоты. Рэпид-Сити знаешь? Ну, я не совсем из Рэпид-Сити — наш городок поблизости, чуть к востоку. Зараз всю дорогу проехал, остановился только бензина залить.

— Куда ж ты так торопился?

— Знаешь, я хотел успеть сюда, пока машины не кончились.

— Ни одной еще не забрали. Они все там, на острове.

— Значит, успел.

— Куда успел?

— Успел. Значит, получу машину.

— Да ничего ты не получишь. И никто не получит. Видишь, прислали полицию штата — они реку перекрыли. Говорят, еще

и гвардейцы появятся. Они на катерах реку патрулируют, чтобы ни сверху, ни снизу никто не подъехал.

— Но почему? По телевизору говорили...

— Что говорили по телевизору, мы знаем. И про газеты тоже знаем. Бесплатные машины каждому. Но через реку на остров ты не доберешься.

— А остров там?

— Где-то там. Я точно не знаю. Там островов полно.

— Но что случилось? Почему полиция...

— Банда каких-то идиотов залезла в лодку. Набилось больше, чем лодка могла вместить, а они все лезли. А лодка-то возьми да перевернись посреди реки... Так идиоты проклятые почти все и потопли.

— Но кто-то же мог бы организовать переправу и...

— Вообще-то, конечно, могли бы,— сказал местный,— но только что ты тут ни делай — все без толку. Тут же ни одного нормального человека нет, все с ума посходили. Каждому вынь да положь новую машину. Нет, полиция правильно делает. К реке никого подпускать нельзя. Если бы не они, тут трупов было бы гораздо больше.

— А тебе машина не нужна?

— Конечно нужна. Но сейчас никаких шансов нет ее получить. Может, попозже...

— А мне машина нужна сейчас,— сказал человек из Южной Дакоты.— Позарез нужна. Ведь я же на своем драндулете до дома не доеду.

Он перебежал через дорогу, поднялся на железнодорожную насыпь и, растолкав людей, пробрался сквозь толпу. Внезапно он оступился, упал — и покатился вниз. Почти у кромки воды он остановился. Открыв глаза, он увидел над собой огромного человека в полицейской форме.

— И куда же ты собрался, сынок? — участливо осведомился тот.

— Мне нужна машина,— сказал дакотец.

Полицейский покачал головой.

— Я умею плавать,— забормотал дакотец.— Я запросто переплыву эту реку. Дайте мне попробовать. Дайте мне...

Полицейский подхватил его и поставил на ноги.

— Слушай, сынок. Слушай внимательно. Я тебе дам уйти подобру-поздорову. Давай-ка, забирайся обратно наверх. Но

если ты мне еще раз на глаза попадешься, я тебя в клетку запру.

Дакотец стал торопливо карабкаться на насыпь под беззлобные шутки толпы.

Глава 54

Миннеаполис

— Насколько мы можем верить Нортону? — спросил Эл Лэтроп.— Он ведь не из наших сотрудников.

— Я за него ручаюсь, как за себя,— ответил Гаррисон.— Мы с Фрэнком давние друзья. Еще в школе вместе учились, и с тех пор не расставались надолго. Он прирожденный газетчик. И оттого, что забрался в Лоун-Пайн, он хуже не стал. Мы здесь работаем каждый по своей специальности: кто-то пишет, кто-то редактирует, кто-то верстает, кто-то материалы подбирает. У каждого своя задача. Фрэнк все делает сам. Каждую неделю он начинает с нуля. Он собирает новости, и достает рекламные объявления, и пишет, и редактирует, и верстает. Если нужна большая редакционная статья, то он ее сочиняет сам — и не только это...

— Не продолжай, Джонни,— прервал его Лэтроп.— Я только хотел узнать твое отношение к нему.

— Если Фрэнк говорит, что видел, как пришельцы делают дома, значит, пришельцы делают дома. И его репортаж очень убедителен, в нем масса подробностей.

— Мне кажется невероятным,— произнес Лэтроп,— что у нас снова эксклюзивный материал. Получается два подряд. Только что были автомобили, а теперь дома — и снова мы.

— Как раз об этом я хотел с вами поговорить,— сказал Гаррисон.— Я думаю, прежде чем давать его в печать, нам надо поставить в известность Белый дом. Я разговаривал с пресс-секретарем. Похоже, что он очень приличный человек. Я мог бы с ним связаться.

— То есть ты хочешь их предупредить? — испуганно спросил Лэтроп.— Рассказать им об этих домах? Но зачем, Джонни? Какого черта...

— Быть может, я ошибаюсь,— сказал Гаррисон,— но мне кажется, администрация сейчас в очень трудном положении и...

— Это им на пользу,— перебил Лэтроп.— Так им и надо, ублюдкам. Не в пришельцах дело — тут они вели себя вполне грамотно,— но почти во всем остальном они действовали заведомо неправильно, с тупостью и упрямством. Немного смирения пойдет им на пользу. Мне совсем не хочется их прикрывать.

Гаррисон помолчал минуту, подыскивая слова, потом сказал:

— Дело не в администрации, а в интересах страны. Белый дом настроен решительно: они намерены преодолеть кризис. Может быть, они в состоянии это сделать. То есть были в состоянии. Пока не появились дома, у них был какой-то шанс. Но дома их погубят. Автомобили — уже достаточно скверно, но дома...

— Понимаю,— перебил Лэтроп.— Ты имеешь в виду, что сначала рухнула автомобильная промышленность, а теперь рухнет и строительная. Доллар обесценится напрочь, финансы полетят окончательно, и так далее. Но мы все равно должны опубликовать этот материал. Даже если бы мы хотели его скрыть — а мы не хотим,— это нечто такое, что скрыть не удастся.

— Так ведь я не публикацию ставлю под вопрос,— возразил Гаррисон.— Разумеется, мы должны напечатать репортаж. Вопрос в другом: дадим ли мы правительству возможность подготовиться? Или бьем информацией меж глаз, внезапно? Ведь если они будут знать заранее, то, может быть, сумеют воспользоваться временем, чтобы как-то поменять свои установки, чтобы покрепче стоять на ногах, когда все станет известно всем.

— Общая идея,— сказал Лэтроп,— состоит в том, что нам надо отказаться от монополии на пришельцев и привлечь к этому делу весь мир. Я не считаю ее правильной. В конце концов, на нас пришелся удар вторжения, мы больше всех пострадали. И если от вторжения могут возникнуть какие-то преимущества — они тоже должны принадлежать нам. Пришельцы сами нас выбрали, мы их не приглашали и не заманивали к себе. Почему они выбрали нас, не знаю. Я не знаю, почему они не сели где-нибудь в Европе или в Африке. Но ООН с самого начала вопит...

— Мне тоже было бы обидно, если бы пришлось вмешивать другие страны,— сказал Гаррисон.— Но как бы дело ни обернулось — я считаю, что мы должны дать правительству хотя бы несколько часов, чтобы они могли обдумать новую ситуацию.

Они смогут сориентироваться, если их предупредить. Быть может, они ничего и не станут менять. Я не знаю. Да и не наше дело это решать. Наша проблема в другом. Мы постоянно говорим об ответственности в обращении с информацией. Мы считаем себя институтом, служащим интересам общества. Мы не делаем умышленно ничего такого, что может повредить системе нашего общества или разрушить ее. Мы постоянно твердим о том, что наша задача — искать правду и доносить ее до людей... Это совсем не так трудно, кстати, если только удается установить, в чем же она состоит. Но существует нечто такое, что выходит за пределы голой правды, самой по себе. Это нечто — наша власть, наша сила... И мы обязаны использовать свою силу мудро и осмотрительно. Если бы мы придержали наши новости ради очередной сенсации...

— Черт побери, Джонни, я хочу очередную сенсацию! — воскликнул Лэтроп.— Я обожаю сенсации. Я в них купаюсь, кувыркаюсь — и наслаждаюсь этим купаньем-кувырканьем. Послушай, откуда мы знаем, что в Белом доме не случится утечки? В Вашингтоне не существует понятия тайны, если только кто-нибудь не налепит на нее специальную печать.

— Вряд ли им самим желательна такая утечка,— возразил Гаррисон.— Они постараются, чтобы все было тихо, пока сами не просчитают, что делать, как себя вести, какие принять меры. Ведь как только все станет известно — на них обрушится такая гора новых проблем!.. Так что они заинтересованы в тайне еще больше, чем мы. Им дорога будет каждая минута из того времени, что мы им дадим.

— Ну, не знаю,— сказал Лэтроп.— Право, не знаю, стоит ли впутывать Вашингтон. Мне надо подумать. И поговорить с издателем.

Глава 55

Борт самолета, на пути к Миннеаполису

— Все будто сговорились считать их людоедами,— сказала Кэти.— Мерзкие, гнусные чудовища спустились с неба, чтобы всячески нам вредить. Но я-то знаю, что это не так. Я прикоснулась к «сто первой». Не только к шкуре ее, но и к душе. К живой душе. Это ведь было не просто прикосновение, это был

настоящий контакт. Когда я рассказала об этом президенту, он сказал: очень интересно. Врет он, ничуть ему не интересно. И никому из них не интересно. Единственное, о чем они способны думать,— их драгоценная экономика. Конечно, им хочется знать, есть ли какой-нибудь способ заговорить с пришельцами. Но они хотят заговорить только для того, чтобы убедить их не делать то, за что они принялись.

— Но ты же должна и президента понять,— возразил Джерри.— Ты должна понять, что у администрации...

— Слушай, а тебе никогда не приходило в голову, что президент может быть не прав? Что все мы не правы? И то, как мы живем, неправильно, и уже давным-давно...

— Ну конечно,— сказал Джерри.— Все мы делаем ошибки.

— Да я другое имела в виду. Я не о том, что мы сейчас делаем что-то неправильно. Мы живем неправильно с давних-давних времен. Может быть, если бы можно было вернуться далеко назад, мы сумели бы обнаружить, в какой момент начали жить не так, как надо. Я слишком плохо знаю историю, потому не могу даже предположить, когда это случилось. Но где-то, давным-давно, мы свернули на неправильную дорогу и пошли по ней, и уже не было пути назад. Совсем недавно, пару недель назад, я интервьюировала в университете компанию странных ребят. Прямо помешанные какие-то — они себя называют «Любящие». Они мне сказали, что любовь — это все, начало и конец всего сущего, что все остальное — вообще ни к чему. Смотрели на меня большими, круглыми, невинными глазами... И в глазах светились невинные души — а мне было худо. Я чувствовала себя такой же обнаженной, как их души. Мне их было и жалко, и злилась я на них. Пришла я к себе, начала писать материал — и чем дальше писала, тем хуже и хуже мне становилось. Потому что они были не правы, ужасно не правы. Они в стороне от общей дороги, так далеко, что кажется — потерялись они, заблудились... Но, может быть, они ошибаются ничуть не больше, чем все остальные? Дело в том, что мы настолько привыкли к нашей неправоте, что считаем ее истиной. Быть может, их любовь с большой буквы тоже неправильна. А деньги с большой буквы, алчность — лучше, что ли?.. Послушай, Джерри...

— Так ты думаешь, что пришельцы пытаются вернуть нас на правильный путь?

— Нет, не думаю. Мне это и в голову не приходило. Они не могут знать, что с нами творится. А если бы и знали, могли бы не принять близко к сердцу, могли бы решить, что это наше личное дело и их не касается... Они и сами могут быть не правы в том, что делают. Скорее всего, так оно и есть. Но то, что они делают, верно или нет, может показать нам нашу неправоту.

— По-моему,— сказал Джерри,— ни в одном случае, ни при каких обстоятельствах нельзя однозначно определить, что правильно, а что нет. Мы с пришельцами очень далеки друг от друга. Они прилетели бог знает откуда. Их стандарты поведения — а у них, конечно же, должны быть стандарты — не могут быть такими же, как у нас. А когда сталкиваются лбами два общества с разными стандартами, то одно из них — а может быть, и оба — испытывает раздражение. При самых лучших намерениях с обеих сторон какие-то трения неизбежны.

— Бедные создания,— сказала Кэти.— Они прилетели из такого далека. Они столько вытерпели. Они так рисковали. Нам надо было подружиться с ними, а мы кончим тем, что возненавидим их.

— Ну, не знаю,— сказал Джерри.— Кое-кто, может быть. Люди, обладающие какой-то властью, любого сорта, возненавидят их за то, что они отбирают эту власть. Но за автомобили, а может, и еще за что-нибудь народ, безликая масса, будет плясать для них на улицах.

— Ну да, какое-то время попляшут. А потом тоже возненавидят.

Глава 56

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

— В соответствии с новой информацией,— сказал Маркус Уайт, госсекретарь,— я полагаю, нам пора пересмотреть нашу позицию.

— Насколько надежна эта информация? — спросил Портера Джон Хэммонд, глава канцелярии Белого дома.— Нам не надо ее проверить?

— Мне кажется, мы могли бы ее проверить,— ответил Портер.

Президент беспокойно шевельнулся в кресле.

— Дейв прав,— сказал он.— Мы ее уже проверяем. Мы послали людей в Лоун-Пайн. Нортон их проводит. Национальная гвардия предоставила вертолет, чтобы доставить группу на место. Все держится в тайне. Гвардейцы даже не знают, зачем они туда летят. Скоро мы узнаем, что там происходит.

— Я думаю, можно считать, что информация вполне надежна,— сказал Портер.— Я разговаривал с Гаррисоном в Миннеаполисе. Его трудно заподозрить в легкомыслии. Обратите внимание, он вовсе не обязан был нас предупреждать. У него был эксклюзивный материал, он мог бы придержать его до публикации.

— Так почему же он этого не сделал? — спросил Уайтсайд.

— Он хотел дать нам шанс. Сказал — ему кажется, что он должен предупредить нас, что нам может понадобиться какое-то время, чтобы освоиться с ситуацией, прежде чем он опубликует материал.

— Он просил вас соблюдать тайну? — спросил Уайтсайд.

— Особо не распространялся об этом. Сказал только, что надеется, мы его прикроем. Я пообещал. И полагаю, так мы и сделаем. Нам это нужно не меньше, чем ему. К тому моменту, как разразится эта история, мы должны знать, что собираемся говорить и делать. Нам очень кстати время, которое он нам подарил.

— Не нравится мне это,— сказал Уайтсайд.— Ну совершенно не нравится.

— А кому же нравится, Генри? Никому из нас не нравится,— сказал президент.

— Я не это имел в виду,— сказал Уайтсайд.

— Я знаю, что ты имел в виду. Просто истолковал твои слова помягче.

— По-моему,— сказал Аллен, советник по науке,— мы можем считать сообщение из Лоун-Пайна чистой правдой. На первый взгляд оно может показаться не вполне правдоподобным, но если вдуматься — вовсе нет. Если пришельцы могут делать автомобили, то они могут делать и дома. Это, конечно, несколько сложнее, но принципиальной разницы тут нет. Я лично считаю, что они вполне способны на это.

— Но дома! — воскликнул Уайтсайд.— Автомобили — одно дело, дома — другое. Автомобили они могут раздать. Как они собираются раздавать дома? Начнут строить новые жилые райо-

ны, занимая под них сельскохозяйственные земли и промышленные окраины? Или станут сносить уже готовые жилища и заменять их своими?

— Да какая, к чертям, разница, как они собираются это делать? — спросил Хэммонд.— Что бы они ни делали — угроза налицо. В нашей стране строительной индустрии больше делать нечего.

— Я говорил,— сказал президент,— что уничтожение автомобильной промышленности мы сумеем пережить. Теперь не знаю, переживем ли еще и это. Беда в том, что растет всеобщий страх, он разъедает всю экономику, словно раковая опухоль. Если друг за другом рушатся автомобильная и строительная промышленности — кто может чувствовать себя в безопасности?

— А что происходит с автомобилями на Миссисипи? — спросил Хэммонд.

— Дела скверные,— ответил Портер.— Все пути к Гусиному острову мы перекрыли, но собираются толпы. Рано или поздно неизбежны инциденты. Десятка полтора людей уже погибли. Лодка, переполненная страждущими получить машину, перевернулась и затонула. Я уверен, что такие случаи будут повторяться. Невозможно удержать людей, которые рвутся к бесплатной машине. Эти жадные ублюдки принесут нам немало хлопот.

— Это единичная ситуация,— напомнил Уайт.— Нам нельзя тратить время на подобные случаи. Мы должны выработать политику! Когда новости распространятся, у нас уже должно быть хотя бы начало какой-то политики. Мы обязаны объяснить стране и всему миру, что мы намерены делать.

— Нам трудно будет терять положение в мире,— сказал президент.— Что бы мы ни делали, трудно придется. Мы всегда были гордым народом. Мы не привыкли отступать.

— Какой-то чертов идиот распустил на Холме слух, что мы провели эксперимент с оружием и теперь скрываем результаты,— сказал Уайтсайд.— Что у нас что-то наметилось. Очень скоро это дойдет до Ивана. А стоит ему слегка разволноваться — одно нажатие кнопки...

— Этот слух,— сказал президент,— откуда бы он ни исходил, помог нам получить поддержку Конгресса. Если бы не слух, никто не знает, что бы они натворили.

— Все уже позади,— настойчиво перебил Уайт.— Об этом пора забыть. Что сделано — то сделано, тут уж ничем не помо-

жешь, с этим придется жить. Но я говорил вам с самого начала, что мы сами не справимся. Если мы поведем себя разумным образом, то нас поддержит весь мир. Мы не успели зайти настолько далеко, чтобы потерять его расположение.

— Даже России? — спросил президент.

— Я не знаю, что они сделают, чтобы помочь нам. Может быть, гораздо больше, чем мы можем рассчитывать. Если мы будем вести себя разумно, они, по крайней мере, уберут палец с кнопки, о которой говорил Генри.

— Ну и что дальше? Говорите все, что думаете. Каким вам представляется выход из положения?

— Я убежден, что мы должны признать в принципе, что пришельцы представляют собой международную проблему, что мы должны обсудить обстановку, сложившуюся у нас, с другими государствами. Я думаю, большинство крупных государств понимает, что ни одна нация, будь то мы или кто другой, не может удержать такую ситуацию в пределах своей территории, что в конечном итоге она перешагнет любые границы и в конце концов превратится в международную. Я полагаю, что нам пора обратиться за помощью ко всему миру, ко всем, кто готов оказать нам какую бы то ни было поддержку.

— Маркус, вы уже говорили с кем-нибудь из этих людей?

— Неофициально. В основном говорили они, я больше слушал. Те, с кем я разговаривал, убеждены, что все происходящее сейчас у нас в ближайшем будущем ожидает и их, если только проблему — или проблемы — не удастся решить.

— Какого рода сотрудничество вы имеете в виду? Это нам надо знать. Если мы собираемся обращаться за помощью — мы должны знать, на что можем рассчитывать.

— Франция и Британия готовы принять любое участие. Любым возможным способом. В частности, они обещали всеми средствами поддержать доллар. Япония то же самое. Скандинавы ждут только нашего слова. Западная Германия уже подготовила валютную помощь на случай необходимости.

— Иностранная валютная помощь? Для нас?

— Именно так, сэр. Что в этом страшного? Мы долгие годы тащили на себе полмира. Мы восстановили Европу после Второй мировой войны. Это всего лишь возврат долга. Они в такой же опасности, как и мы, и они это знают. Мир не может допустить, чтобы мы рухнули. Нас поддержат даже страны ОПЕК.

Президент оглядел сидящих вокруг стола, осунувшееся лицо казалось лицом больного.

— Боже мой! — простонал он.

— И речь идет не только о том, чтобы спасти нас от гибели,— продолжал госсекретарь.— Речь идет о том, чтобы выработать совершенно новую систему, какой никогда прежде не существовало. Новые политические схемы, новые финансовые концепции, быть может, полная реорганизация всей экономической структуры. Не только для Соединенных Штатов, но и для всего мира. Пришельцы подошли вплотную к тому, чтобы разрушить нашу страну. Но в то же время они изменили обстановку во всем мире, и мы должны найти какой-то способ справиться с новой ситуацией. Поймите, ничего того, что было еще вчера,— никогда уже больше не будет. Вероятно, самое первое, что нам предстоит — и может быть, самое трудное,— честно проанализировать все происшедшее. Прежде чем приниматься за оценку последствий, мы должны осознать, что произошло.

— Вы весьма красноречивы, Маркус,— сказал Хэммонд.— А другие нации — люди, с которыми вы говорили так неформально и неофициально,— осознают все факторы, какие вы сейчас обрисовали нам?

— По всей видимости, да,— сказал госсекретарь.— Во всяком случае, они мыслят в том же направлении.

— Но эксперимент наш! — воскликнул Уайтсайд.— Ведь мы же на пороге... Неужели теперь от всего отказаться? Быть может, мы как-то сможем придержать свои открытия?

— Не думаю, Генри,— тихо сказал президент.— Ты же слышал, что сказал этот человек: новый мир и новый уклад, новые правила жизни в этом мире. Для таких старых, покрытых шрамами волков, как мы с тобой, привыкнуть к такому миру — трудная задача. Но в его словах есть логика. Наверное, кое-кто из нас — а может быть, и большинство — уже думали о чем-то подобном, только не могли заставить себя признаться вслух.

— Но как мы со всем этим справимся,— сказал Хэммонд,— ума не приложу.

— Не только мы,— поправил госсекретарь.— Весь мир. Это не только наше дело, оно касается всех. Если мир сейчас не объединится, то нам конец. Всем.

Глава 57

Миннеаполис

Гоулд читал рукопись Нортона. Подняв голову, он посмотрел через стол на Гаррисона.

— Последний абзац.

— Что с последним абзацем?

— Где он рассказывает, как увидел на кухне тени, будто люди ходят. И он думает: «Боже мой! Неужели они и людей делают?»

— Замечательный абзац! В нем же вся соль, ты пойми. От него же мороз по коже.

— А ты Лэтропу показывал? Именно этот абзац?

— Кажется, нет... Не помню. Там было много другого...

— А Портеру сказал?

— Портеру не сказал. Он бы со страху из штанов выскочил.

— Нортону могло и показаться. Людей он не видел. То, что он видел — или думает, что видел,— всего лишь тени на занавесках. Впрочем, тени тоже могли померещиться.

— Дай-ка,— сказал Гаррисон, протянув руку.

Гоулд передал ему лист.

Гаррисон внимательно прочитал абзац, перечитал еще раз, потом взял толстый черный редакторский карандаш и старательно его перечеркнул.

КОЛЬЦО ВОКРУГ СОЛНЦА 5
Перевод с английского А. Григорьева

ВСЯ ПЛОТЬ – ТРАВА 177
Перевод с английского Норы Галь

ПОЧТИ КАК ЛЮДИ 401
Перевод с английского С. Васильевой

ПРИНЦИП ОБОРОТНЯ 605
Перевод с английского Г. Темкина, А. Шарова

ПРИШЕЛЬЦЫ 751
Перевод с английского Г. Швейника